ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ
П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета
К. М. Станюковича.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НАШИ НРАВЫ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Пріемный день.

Въ исходѣ девятаго часа утра мая мѣсяца 187* года, его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій по обыкновенію окончилъ свой тщательный туалетъ и, сопровождаемый камердинеромъ, вышелъ изъ уборной.

Струйка тонкаго душистаго аромата пронеслась по комнатѣ съ появленіемъ его превосходительства.

Это былъ высокій, сухощавый старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, прямой и крѣпкій на видъ, безукоризненныхъ манеръ и красивой осанки.

Лицомъ и складкой онъ походилъ на тѣхъ шаблонныхъ лордовъ, какихъ обыкновенно рисуютъ въ иллюстраціяхъ и изображаютъ на сценѣ актеры. У него были рѣзкія правильныя черты когда-то красиваго лица, прямой съ маленькой горбиной носъ, плоскія желтоватаго отлива щеки съ сѣдыми, опущенными книзу бакенбардами и серебристо-курчавые волосы съ падающей на лобъ прядкой, какъ у Биконсфильда на портретахъ. Усовъ онъ не носилъ; это мѣсто было тщательно выбрито. Несмотря на морщины и глубокія борозды подъ глазами, Кривскій глядѣлъ бодрымъ и свѣжимъ старикомъ.

Одѣтъ онъ былъ просто и изящно. На немъ былъ утренній длиннополый рединготъ изъ темно-синей рогожки, застегнутый почти до верху, съ бѣлѣвшимъ изъ бокового кармана кончикомъ батиста. Низенькіе стоячіе воротнички оставляли длинное горло почти открытымъ, что̀ придавало его превосходительству птичій видъ. Большая длинная голова держалась прямо, чуть-чуть откинувшись назадъ.

Съ перваго же взгляда, брошеннаго на длинную, высокую и прямую фигуру старика, видно было, что передъ вами че-

ловѣкъ хорошаго тона и положенія, привыкшій къ власти. Это сказывалось и въ ровномъ, спокойномъ, чуть-чуть надменномъ взглядѣ сѣрыхъ, глубоко сидящихъ глазъ, въ осанкѣ и въ манерахъ этого «quite gentleman», какъ прозвали Сергѣя Александровича англичане, когда онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтилъ Англію въ качествѣ делегата какого-то международнаго съѣзда и плѣнилъ англичанъ своей респектабельностью, прекраснымъ выговоромъ и безукоризненными манерами.

Англійскую складку Сергѣй Александровичъ пріобрѣлъ, впрочемъ, относительно не такъ давно—въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ канцеляріяхъ появились англійскія бакенбарды и явился спросъ на чиновниковъ-англомановъ. Въ то самое время Сергѣй Александровичъ Кривскій, «подававшій надежды», написалъ нѣсколько проектовъ, ѣздилъ на казенный счетъ за границу и напечаталъ двѣ статейки въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ, владѣющій перомъ «божественно» и обнаружившій несомнѣнныя государственныя способности въ проектахъ по всевозможнымъ вопросамъ. За нимъ упрочилась репутація умницы, и въ служебныхъ кружкахъ относились съ уваженіемъ къ его способностямъ, такту и англійской складкѣ.

Кривскій старался быть на высотѣ этой репутаціи. Онъ похваливалъ англійскихъ государственныхъ людей, не одобрялъ французскихъ, выписывалъ «Times» и «Punch», одѣвалъ и воспитывалъ дѣтей по-англійски, тщательно брилъ усы, пилъ портеръ и при случаѣ порицалъ варварство аграрнаго устройства въ Россіи. Онъ называлъ себя европейцемъ, держалъ домъ на широкую ногу—говорили, впрочемъ, что у него большіе долги—и, несмотря на различныя теченія, являвшіяся въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ занялъ видный постъ, онъ направлялъ свою ладью съ удивительнымъ искусствомъ.

Товарищи его слетали, удалялись на болѣе или менѣе почетныя синекуры, а онъ былъ все на мѣстѣ, все «стоялъ на стражѣ государственныхъ интересовъ», какъ шутливо говаривалъ иногда Сергѣй Александровичъ въ минуты хорошаго расположенія.

Въ послѣднее время, впрочемъ, Сергѣй Александровичъ, сохранивъ англійскую складку, потерялъ уваженіе къ англійскимъ государственнымъ людямъ. Онъ сталъ рѣже похваливать ихъ «мудрую осторожность» и увлекся «геніальнымъ» и «рѣшительнымъ» Бисмаркомъ. Тогда рѣшительность начинала входить въ моду, и Сергѣй Александровичъ съ своимъ изу-

мительнымъ тактомъ очень хорошо понялъ, что пора и ему явиться Бисмаркомъ во ввѣренномъ ему управленіи.

Сергѣй Александровичъ подошелъ къ трюмо, оглядѣлъ съ головы до ногъ свою фигуру, поправилъ прядку серебристыхъ волосъ, придавъ ей видъ натурально ниспадавшаго локона, бросилъ взглядъ на свои красивыя руки съ длинными пальцами, поправилъ галстукъ и, взглянувъ на часы, прошелъ въ кабинетъ.

Посреди огромной высокой комнаты, въ которую врывался свѣтъ изъ четырехъ оконъ, стоялъ письменный столъ громадныхъ размѣровъ. Зеленая мебель въ готическомъ вкусѣ и шкапы, уставленные книгами, придавали кабинету строгій, дѣловой видъ. По стѣнамъ висѣли портреты высокопоставленныхъ лицъ съ собственноручными надписями, портреты супруги и дѣтей Сергѣя Александровича и многочисленныя фотографическія группы. Стѣна сзади письменнаго стола занята была большой картой Россіи, а по угламъ стояли бюсты иностранныхъ особъ и въ томъ числѣ Бисмарка. Все въ этомъ кабинетѣ было строго и солидно, только одинъ уголокъ его, составлявшій какъ бы маленькую гостиную съ мягкой мебелью и столомъ, украшеннымъ хорошенькими бездѣлками и кипсеками, нѣсколько нарушалъ строгость остальной обстановки. Уголокъ этотъ служилъ мѣстомъ пріема дамъ-просительницъ, желавшихъ имѣть аудіенцію у его превосходительства.

Письменный столъ былъ заваленъ бумагами въ папкахъ и безъ папокъ, печатными записками, книгами, докладами и письменными принадлежностями. На столѣ стояли: громадная чернильница, лампа, свѣчи съ абажурами, разныя изящныя вещицы и нѣсколько фотографій, между которыми выдѣлялся портретъ замѣчательно красивой молодой женщины, обвитый вѣнкомъ изъ засохшихъ цвѣтовъ. Спереди было два кресла, а около мѣста, гдѣ сидѣлъ Сергѣй Александровичъ, красивый курительный приборъ.

Таковъ былъ кабинетъ, гдѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ Сергѣй Александровичъ сидѣлъ на стражѣ государственныхъ интересовъ. Въ этотъ кабинетъ часто входили въ горѣ и уходили веселые, но еще чаще входили съ надеждой и уходили обезнадеженные... Уютный уголокъ видѣлъ много пролитыхъ женскихъ слезъ, но видалъ и улыбки... Много людскихъ участей рѣшалось въ этой комнатѣ.

Сергѣй Александровичъ подошелъ къ столу, переставилъ число на календарѣ, усѣлся въ кресло, закурилъ сигару, вынулъ изъ вороха газетъ, лежавшихъ на столѣ, «Journal de

S -Pétersbourg» и сталъ пробѣгать газету, тихонько отхлебывая чай.

Кривскому однако не читалось. Онъ взялъ другую газету, третью и отложилъ ихъ въ сторону. По лицу его пробѣжала тѣнь. Онъ облокотился на локти и задумался. Случайно взоръ его упалъ на фотографію молодого офицера, и Сергѣй Александровичъ насупилъ брови.

Сынъ, любимый сынъ приводилъ отца въ отчаяніе. Онъ не разъ платилъ за него долги, сердился, но платилъ. Сынъ обѣщалъ исправиться, но вчера вечеромъ жена опять умоляла его спасти сына. Который разъ онъ спасалъ своего любимца— и опять спасать!

«Это наконецъ слишкомъ!—вздохнулъ онъ.—Я поговорю съ нимъ... Такъ никакихъ средствъ не хватитъ... И безъ того долговъ много...»

Онъ позвонилъ. Вошелъ камердинеръ, плотный старикъ съ узкими плутоватыми глазками на мясистомъ лицѣ. Старикъ давно служилъ у Сергѣя Александровича и зналъ его вдоль и поперекъ.

— Александръ Сергѣевичъ всталъ?

— Нѣтъ-съ, они изволятъ почивать

— Разбуди его. Впрочемъ, постой... не надо...

«Пусть спитъ!—смягчился вдругъ старикъ, любившій безъ памяти своего Веніамина.—Вѣрно, онъ и легъ-то недавно!»

— Отъ Виктора Павловича курьера не было?

— Нѣтъ-съ.

— Поди, братецъ, узнай... Да что тамъ?..—Онъ кивнулъ головой на дверь:—много народу?

— Кажется, немного.

— Такъ поди насчетъ курьера узнай, а потомъ попроси ко мнѣ дежурнаго.

Сергѣй Александровичъ опять погрузился въ размышленія.

Курьеръ отъ Виктора Павловича волновалъ Кривскаго, волновалъ до того, что онъ поминутно поглядывалъ на дверь. Вчера Викторъ Павловичъ долженъ былъ говорить объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ и обѣщалъ дать ему знать о результатахъ. Сергѣй Александровичъ уже не разъ прибѣгалъ къ этому средству и теперь снова вынужденъ былъ хлопотать. Его одолѣвали долги.

Вошелъ камердинеръ съ сіяющимъ лицомъ и подалъ конвертъ.

— Сію минуту привезъ курьеръ отъ Виктора Павловича.

Сергѣй Александровичъ быстро разорвалъ конвертъ и началъ читать. Лицо его принимало выраженіе благоговѣйнаго умиленія.

«Какъ онъ добръ... какъ добръ!—прошепталъ онъ, утирая навернувшуюся слезу.—Какъ добръ!»

Французское письмо, приведшее Кривскаго въ такое настроеніе, содержало слѣдующія строки:

«Дорогой Сергѣй Александровичъ!

«Дѣло улажено. Я намекнулъ вчера князю о вашихъ обстоятельствахъ, и онъ, со свойственной ему высокой добротой, тотчасъ же рѣшилъ дѣло. Вы, дорогой мой, получите сумму, которая если и не устроитъ васъ совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ поправитъ ваши дѣла. Завтра пріѣзжайте благодарить его. Не правда ли, какое высокое сердце? Какъ умѣетъ онъ цѣнить наши труды! Подробности сообщу вамъ сегодня при свиданіи въ совѣтѣ. Вы, конечно, будете... Сегодня вопросъ, въ которомъ я разсчитываю на вашъ голосъ... Пора... давно пора écraser l'infâme... Вашъ Викторъ Бѣльскій».

Сергѣй Александровичъ снова перечелъ записку и повеселѣлъ. Онъ написалъ отвѣтъ и, отдавая письмо, прибавилъ:

— Отдай курьеру. Пусть ѣдетъ съ Богомъ...

Василій, или Василій Ивановичъ, какъ звали всѣ камердинера Сергѣя Александровича, казалось, радовался не меньше барина. Онъ зналъ, въ чемъ дѣло, и теперь былъ увѣренъ, что на-дняхъ получитъ порядочный кушъ, который онъ занималъ для Александра Сергѣевича или, говоря проще, который онъ далъ изъ своихъ сбереженій, конечно, за порядочные проценты и подъ вексель. Сумма была изрядная, тысячъ до десяти, и Василію Ивановичу было отчего радоваться.

Онъ отправилъ курьера, а самъ пошелъ наверхъ, въ комнаты Александра Сергѣевича, сообщить сыну о томъ, что отецъ получитъ порядочную сумму, и слѣдовательно Александру Сергѣевичу надо приготовить списокъ долговъ.

Молодой чиновникъ уже дожидался у дверей кабинета и ждалъ момента, когда Сергѣй Александровичъ подниметъ голову.

— Это вы?.. Здравствуйте!..—промолвилъ Кривскій, слегка наклоняя голову.—Кто тамъ?

Молодой чиновникъ съ точностью доложилъ, кто и по какому дѣлу дожидается его превосходительства, при чемъ положилъ на столъ нѣсколько докладныхъ записокъ. Сергѣй Александровичъ пробѣжалъ лѣниво всѣ записки, точно напередъ зная содержаніе ихъ, и замѣтилъ:

— Вы говорили о какой-то дамѣ... Гдѣ же ея записка?

— Она выразила желаніе лично передать записку вашему превосходительству.

— А вамъ не сообщила по секрету?—пошутилъ Сергѣй Александровичъ.

— Я просилъ, но не сообщила.

— Какъ ея фамилія?

— Госпожа Трамбецкая... жена статскаго совѣтника.

Сергѣй Александровичъ пожалъ плечами въ недоумѣніи. Фамилію эту онъ слышалъ въ первый разъ.

— Порядочная женщина?

— Кажется...

— Просите ко мнѣ, кто пріѣхалъ по службѣ, очередь вы, разумѣется, знаете, а послѣ я выйду къ просителямъ...

Молодой бойкій чиновникъ вышелъ за двери, а Сергѣй Александровичъ придвинулъ себѣ папку съ бумагами, развернулъ ее и взялъ въ руки длинный карандашъ. Лицо его приняло обычный дѣловой, серьезный, нѣсколько скучающій видъ, точно онъ готовился къ скучному дѣлу, давно ему надоѣвшему, и зналъ, что будетъ слушать и говорить одно и то же, что слушалъ и говорилъ вчера, третьяго-дня, годъ, два тому назадъ. Вначалѣ, но это уже было такъ давно, пріемы занимали его... Онъ тогда говорилъ, поощрялъ и совѣтовалъ, а теперь все это пріѣлось ему, какъ старый, ежедневно повторяемый урокъ, и онъ болѣе подавалъ реплики, чѣмъ говорилъ.

Нѣсколько лицъ, пріѣхавшихъ по службѣ, были по очереди приняты его превосходительствомъ.

Съ обычнымъ терпѣніемъ, слегка наклонивъ голову, выслушивалъ Сергѣй Александровичъ соображенія о программѣ дѣйствій, которыми спѣшили отличиться его подчиненные, и только когда кто-нибудь выказывалъ ужъ слишкомъ большое усердіе и съ бойкостью ученика, желающаго отличиться на экзаменѣ и получить 12 балловъ, слишкомъ увлекательно обѣщалъ натянуть вожжи, его превосходительство, чуть-чуть улыбаясь, останавливалъ говорившаго словами:

— Только маленькій дружескій совѣтъ: полегоньку натягивайте вожжи. Оно вѣрнѣе, повѣрьте опыту старика.

Подчиненный, остановленный, такъ сказать, на всемъ разбѣгѣ, терялъ контенансъ и конфузился.

Но его превосходительство приходилъ всегда на помощь, онъ отдавалъ справедливость «добрымъ намѣреніямъ» и, сказавъ нѣсколько любезностей, протягивалъ руку, подавалъ нѣсколько пальцевъ или наконецъ просто кланялся, давая знать, что больше говорить не о чемъ.

Когда наконецъ всѣ эти, давно извѣстныя его превосходительству, соображенія были окончены, и послѣдній посѣтитель

откланялся его превосходительству, Сергѣй Александровичъ радостно вздохнулъ и въ сопровожденіи бойкаго чиновника направился въ залу.

При входѣ въ залу Сергѣй Александровичъ пріосанился, остановился на порогѣ, взглянулъ на просителей, стоявшихъ полукругомъ въ залѣ, и, не спѣша, направился по направленію къ дамѣ, сидѣвшей въ сторонкѣ. При приближеніи Сергѣя Александровича дама встала, откинула вуалетку и поклонилась. Кривскій отвѣтилъ ей вѣжливымъ поклономъ и, подойдя поближе, увидѣлъ передъ собою хорошенькую граціозную женщину, изящно одѣтую во все черное...

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Я хотѣла бы поговорить съ вами... безъ свидѣтелей!..— произнесла молодая женщина тихимъ голосомъ, поднимая глаза на Кривскаго.

Въ нѣжномъ взглядѣ ея большихъ, синихъ, выразительныхъ глазъ стояла мольба.

— Я по семейному дѣлу!—прибавила она еще тише.

Сергѣй Александровичъ скосилъ глаза на черное кружево, мѣрно колыхавшееся надъ волнующейся пышной грудью, какъ-то молодцовато выпрямился и сказалъ:

— Прошу минутку подождать. Сейчасъ я буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ еще разъ поклонился и отошелъ къ другимъ просителямъ, скоро покончилъ съ ними и, вернувшись къ дамѣ, произнесъ:

— Не угодно ли въ кабинетъ?

Молодая женщина послѣдовала за нимъ. У порога Сергѣй Александровичъ обернулся, пропустилъ молодую женщину мимо себя, бросивъ взглядъ на круглую бѣлую шею, на мягкія формы красиво изогнутаго стана, и проговорилъ, указывая на диванъ:

— Вотъ сюда... Прошу, сударыня, садиться...

Молодая женщина сѣла, но отъ волненія, казалось, не могла начать. Сергѣй Александровичъ терпѣливо выжидалъ, разсматривая въ это время прехорошенькую головку съ нѣжными, точно выточенными чертами лица. Вся маленькая фигурка ея была необыкновенно граціозна, изящна и производила чарующее впечатлѣніе. Кривскій замѣтилъ хорошенькую родинку подъ глазами, чуть-чуть приподнятый носикъ, маленькія ручки и прелестные пепельные волосы...

— Простите, пожалуйста...—заговорила она мягкимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ и выговаривая слова съ малороссійскимъ акцентомъ: — я отнимаю ваше время, но мнѣ придется просить васъ выслушать меня терпѣливо. Вы позволите?..

Она подняла глаза и взглянула нѣжно, вкрадчиво, точно ребенокъ.

— Я готовъ выслушать васъ.

Она незамѣтно спустила съ плечъ мантилью, открывъ красивую грудь и прелестную талію, сдернула перчатку, обнаруживъ прекрасную маленькую ручку съ bague marquise на мизинцѣ, поправила выбившіеся изъ-подъ шляпки волосы, бросила быстрый взглядъ на старика, когда онъ опустилъ глаза, и собиралась начать свой разсказъ, какъ въ кабинетѣ раздались шаги.

Въ кабинетъ вошелъ красивый, свѣжій молодой офицеръ, удивительно похожій на Сергѣя Александровича.

Сергѣй Александровичъ обернулся съ неудовольствіемъ.

Маленькая женщина взглянула на вошедшаго, улыбнулась глазами и быстро опустила ихъ.

— Ахъ, извини, папа... Я думалъ, что ты одинъ!..—произнесъ офицеръ, быстро уходя изъ кабинета, успѣвъ бросить нѣжный взглядъ на молодую женщину.

— Теперь вамъ никто не помѣшаетъ... я слушаю васъ.

Молодая женщина провела рукой по красивому лбу и начала грустнымъ тономъ свою печальную исповѣдь.

II.

Исповѣдь.

«Несчастье мое въ томъ, что я вышла замужъ очень рано, почти ребенкомъ; мнѣ не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, когда я надѣла подвѣнечное платье. Родители мои желали этой свадьбы, да и я была непрочь... Казалось такъ весело быть молодой дамой!.. Мой женихъ показался всѣмъ намъ добрымъ и порядочнымъ человѣкомъ... Онъ былъ полтавскій помѣщикъ и имѣлъ независимое состояніе. Отецъ мой, помѣщикъ той же губерніи, зналъ Трамбецкаго, считалъ его хорошей партіей для меня и, конечно, думалъ, что я буду счастлива... Отецъ такъ любилъ меня... И я вѣрила... вѣрила всему, что̀ говорилъ мнѣ тогда мой мужъ... Онъ былъ такъ ласковъ, такъ говорилъ о своей любви, что нельзя было не вѣрить. Въ семнадцать лѣтъ легко вѣрится...

«Не успѣла я одуматься, какъ уже была замужемъ. Мы тотчасъ же уѣхали за границу и провели тамъ два года, но Боже! какіе это ужасные были два года!.. Мой мужъ былъ ревнивъ, ревнивъ до сумасшествія... Ревности его не было предѣловъ... Онъ ни на минуту не сводилъ съ меня подозрительнаго страшнаго взгляда. Онъ боялся гдѣ-нибудь остана-

вливаться на долгое время, и мы безостановочно переѣзжали изъ города въ городъ по всей Европѣ. Достаточно мнѣ было сказать, что мнѣ нравится какое-нибудь мѣсто, чтобы мы ѣхали дальше... Онъ говорилъ мнѣ о своей страсти и преслѣдовалъ ревностью. Я не смѣла никуда выходить одна... Если, случалось, онъ уходилъ, то запиралъ меня на ключъ одну въ комнатѣ и возвращался съ подарками, которыми задаривалъ меня, думая, вѣроятно, этимъ купить мою любовь. Онъ ревновалъ рѣшительно ко всѣмъ безъ разбора, ревновалъ къ случайнымъ сосѣдямъ въ вагонѣ, за табльдотомъ, ревновалъ къ... кельнерамъ, оскорбляя меня на каждомъ шагу... Жизнь моя была невыносима... Я просила, умоляла его не оскорблять меня, вѣрить мнѣ... Клянусь Богомъ, я не подавала ни малѣйшаго повода и сама избѣгала общества, и рѣшилась нести крестъ свой, какъ слѣдуетъ порядочной женщинѣ, но ничего не могло подѣйствовать на этого безумнаго человѣка. Онъ выслушивалъ меня и какъ-то страшно засматривалъ мнѣ въ глаза... Онъ обѣщалъ побороть въ себѣ ревность и допрашивалъ, люблю ли я его и какъ люблю... Отвѣты мои не удовлетворяли его... Онъ бранилъ меня, зачѣмъ я вышла за него замужъ, зачѣмъ не сказала, что не люблю его, и, бѣшено осыпая меня поцѣлуями, шепталъ, что я обманываю его... На него находили порывы какого-то безумія... Ему, казалось, доставляло удовольствіе меня мучить... Случалось, онъ терялъ всякое уваженіе ко мнѣ и заносилъ надо мной руку...

«Понятно, что я не могла его любить. Я стала лишь бояться его».

Молодая женщина не могла продолжать... Слезы душили ее... Она склонила голову и безпомощно опустила руки.

Нѣжный, пѣвучій тонъ ея голоса, безпомощный дѣтскій открытый взглядъ—все въ ней дышало такой искренностью, такимъ горемъ, что Сергѣй Александровичъ, знавшій хорошо цѣну женскихъ слезъ и видѣвшій на своемъ вѣку немало житейскихъ комедій, почувствовалъ нѣчто въ родѣ участія къ хорошенькой страдалицѣ и заинтересовался ея разсказомъ.

Слезы тихо капали, словно жемчужины, изъ ея глазъ. Подъ бременемъ воспоминаній головка склонялась все ниже и ниже.

— Успокойтесь, сударыня... Успокойтесь, прошу васъ... Позвольте узнать ваше имя?..

— Валентина Николаевна.

— Успокойтесь, Валентина Николаевна,—повторилъ Кривскій, любуясь граціозной фигуркой молодой женщины.

Валентина Николаевна подняла на Кривскаго глаза. Они

были полны слезъ, и въ то же время необыкновенно кроткая улыбка, словно радуга, играла на ея лицѣ.

— Извините меня, старика, за вопросъ: супругъ вашъ значительно старше васъ?..

— Онъ на двѣнадцать лѣтъ старше меня. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, а ему сорокъ. Но дѣло не въ разницѣ лѣтъ,— замѣтила она съ простодушіемъ ребенка:—мнѣ кажется, что если бы между нами была еще бо̀льшая разница, то я все-таки могла бы любить его... Страсть сглаживаетъ лѣта...—прибавила она тихо.

— Разумѣется, это бываетъ... не спорю... хоть и рѣдко!— проговорилъ Сергѣй Александровичъ и снова наклонилъ голову, собираясь слушать...

Валентина Николаевна оправилась и продолжала:

«Наконецъ мы вернулись въ Россію. Мы поселились въ деревнѣ. Первое время мужъ какъ будто успокоился, но не надолго. Довольно было первой поѣздки въ деревню къ отцу, чтобы снова вызвать въ немъ вспышки гнѣва... Я жаловалась отцу, онъ говорилъ съ моимъ мужемъ, просилъ его, но мужъ увезъ меня изъ деревни, и снова потекла та же невыносимая жизнь...

«Я стала матерью... Я привязалась къ ребенку и рѣшила жить для него... Я сдѣлалась безучастной ко всему остальному и готова была ради него примириться съ своей долей, какъ черезъ годъ мы переѣхали въ городъ В., гдѣ мужъ выбранъ былъ въ мировые судьи. Дѣла его въ это время стали хуже, двухлѣтнее пребываніе за границей и уплата бо̀льшого долга по поручительству заставили его поступить на службу. Для меня опять наступили адскіе дни. Онъ вдругъ измѣнилъ тактику. Онъ пересталъ меня запирать, а, напротивъ, требовалъ, чтобы я всюду выѣзжала. Онъ рядилъ меня, сталъ принимать гостей и вѣчно подозрительно глядѣлъ на меня... Когда мы возвращались изъ гостей, происходили ужасныя сцены... Мнѣ тяжело ихъ разсказывать.

«Наконецъ я дольше терпѣть не могла и однажды объявила ему, что жить вдвоемъ мы не можемъ, что намъ нужно разъѣхаться.

«Онъ будто бы ожидалъ этого и, къ удивленію моему, не сдѣлалъ сцены, а обѣщалъ подумать. Черезъ три дня онъ отвѣтилъ мнѣ, что я свободна, но что сына онъ мнѣ не отдастъ... Это было равносильно отказу... Я просила его... онъ былъ глухъ къ просьбамъ... Что̀ было мнѣ дѣлать?.. Я осталась. Мужъ какъ будто измѣнился, пересталъ слѣдить за мной, пересталъ оскорблять меня и по цѣлымъ днямъ сталъ пропа-

дать изъ дому... Я была нѣсколько спокойнѣе, но спокойствію моему скоро насталъ конецъ... Онъ сталъ пить и, возвращаясь домой, обращался со мною такъ, говорилъ мнѣ такія вещи, что мнѣ страшно вспомнить... Я дрожала, когда, бывало, заслышу его звонокъ, и запиралась на ключъ въ своей комнатѣ. Онъ входилъ, требовалъ, чтобъ я отперла спальню... ломился въ двери; я отворяла. Онъ клялся въ любви и говорилъ, что ненавидитъ меня, допрашивалъ, любила ли я его когда-нибудь, и уходилъ, оставляя меня безъ чувствъ... Однажды даже онъ стрѣлялъ въ меня... Онъ потерялъ мѣсто и сталъ пить еще болѣе.

«Я рѣшилась оставить мужа и спасти ребенка».

Валентина Николаевна остановилась, провела рукой по лицу и продолжала:

«Послѣ смерти отца — мать моя умерла раньше — я получила маленькое наслѣдство и уѣхала отъ мужа въ Петербургъ. Родные уговорили его прислать мнѣ видъ, и я прожила годъ тихо и спокойно, посвятивъ себя воспитанію сына... О мужѣ я рѣдко получала извѣстія, какъ вдругъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ пріѣхалъ сюда, поселился со мной на квартирѣ и снова началъ мучить меня и требовать сына... Я обращалась ко всѣмъ, но никто не могъ помочь мнѣ; я предлагала ему разводъ, но онъ только смѣялся и говорилъ, что не оставитъ меня до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ насъ не умретъ... Жизнь моя опять стала адомъ—защиты нигдѣ, и я рѣшилась наконецъ обратиться къ вамъ... Бога ради, спасите меня отъ этого человѣка!»

Валентина Николаевна сдерживала слезы, но сдержать ихъ не могла. Сперва тихо, совсѣмъ тихо, потомъ громче и громче раздавались въ кабинетѣ рыданія. Бѣдная молодая женщина! Ей такъ было тяжело, что, несмотря на присутствіе Сергѣя Александровича, она не только разрыдалась, но почувствовала себя очень дурно. Головка склонилась на-бокъ, какъ у подстрѣленной птички, глаза полузакрылись и томно глядѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ... Полуоткрытый ротикъ съ бѣлѣющими зубками, казалось, молилъ о состраданіи... Непремѣнно требовалась вода или флакончикъ съ солями.

Сергѣй Александровичъ былъ въ нѣкоторомъ смущеніи.

Онъ видѣлъ много слезъ въ этомъ уютномъ уголкѣ, но такой настоящей истерики ему не приходилось видѣть; кромѣ того онъ побаивался, какъ бы рыданія не сдѣлались громче и не долетѣли до слуха его супруги. Супруга Сергѣя Александровича была очень чутка къ женскому голосу, и это Сергѣй Александровичъ хорошо зналъ. Очевидно, ему слѣдо-

вало подойти и помочь несчастной женщинѣ, и онъ охотно бы подошелъ, чтобы кстати поближе разглядѣть это хорошенькое личико и тяжело вздымающуюся грудь, но боязнь попасть въ смѣшное положеніе не позволяла ему исполнить долгъ человѣколюбія до конца. Онъ какъ-то искоса поглядывалъ на молодую женщину и ограничился только тѣмъ, что придвинулъ на другой край стола стаканъ съ водою и флакончикъ съ солями и нѣсколько разъ повторилъ серьезнымъ тономъ:

— Успокойтесь, Валентина Николаевна, успокойтесь Бога ради...

По счастію, истерическое состояніе не приняло большихъ размѣровъ. Валентина Николаевна пришла въ себя, сѣла, какъ слѣдуетъ, въ креслѣ, просила извинить ей «вспышку горя» и взглянула на Сергѣя Александровича, какъ бы замирая въ ожиданіи отвѣта.

Въ ея глазахъ какъ будто стоялъ вопросъ: «Неужели вы меня не пожалѣете и не избавите отъ мужа?»

Сергѣй Александровичъ, взволнованный началомъ истерики, скоро оправился и принялъ обычный свой видъ.

Онъ опустилъ глаза передъ замирающимъ взглядомъ несчастной женщины и, выдержавъ паузу, проговорилъ:

— Вы говорили, что супругъ вашъ потерялъ состояніе?..

— Да, онъ совсѣмъ разоренъ...

— И у него нѣтъ никакихъ занятій?

— Никакихъ.

— А у васъ, если не ошибаюсь, осталось послѣ родителей небольшое состояніе?

— Самое маленькое.

— Мнѣ кажется, что супругъ вашъ пошелъ бы на добровольное соглашеніе, если бы вы предложили ему сдѣлку, и тогда вы могли бы добиться развода.

Молодая женщина энергично замахала головкой.

— Я все пробовала... Я предлагала ему все свое состояніе... все, но онъ ни на что не идетъ... Ему доставляетъ удовольствіе мучить... держать вѣчно въ страхѣ, грозить отнятіемъ ребенка...

Сергѣй Александровичъ снова опустилъ глаза. Комбинація, предложенная имъ, очевидно, была невозможна.

— Къ кому вы прежде обращались съ просьбой?

— О, я ко многимъ обращалась, но вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что мужа съ женою судить нельзя...

И Валентина Николаевна назвала нѣсколько лицъ и перечислила нѣсколько учрежденій, куда она обращалась.

Кривскій подумалъ и взглянулъ на Валентину Николаевну пристальнымъ взглядомъ. Она въ это время все такъ же смотрѣла ему прямо въ глаза съ дѣтской надеждой, что наконецъ нашелся человѣкъ, который поможетъ ей.

— Оставьте вашу докладную записку у меня... Не тревожьтесь, — ласково прибавилъ онъ, замѣтивъ, какъ вдругъ послѣ этихъ словъ потемнѣлъ взоръ молодой женщины: — не тревожьтесь. Я постараюсь сдѣлать для васъ все, что̀ возможно, и облегчить ваше положеніе... Вы такъ молоды... Жизнь ваша еще впереди. и мнѣ было бы жаль не попытаться помочь вамъ... Быть-можетъ, мы что-нибудь сдѣлаемъ...

Валентина Николаевна просвѣтлѣла. О, какой благодарный, нѣжный взглядъ кинула она на добраго старика, понявшаго ея положеніе. Она смотрѣла на него съ какой-то благоговѣйной признательностью и тихо проговорила:

— Какъ я вамъ благодарна... какъ я вамъ благодарна!..

— Подождите еще благодарить! — усмѣхнулся Кривскій, останавливая ласковый взглядъ на молодой женщинѣ.

Она поднялась съ кресла. Кривскій пожалъ ея маленькую ручку, проводилъ до дверей кабинета и еще разъ повторилъ, что онъ не забудетъ ея дѣла. Въ отвѣтъ она снова бросила на него такой благодарный взглядъ, что Сергѣй Александровичъ почувствовалъ, какъ пріятно дѣлать людямъ добро. Когда молодая женщина скрылась, онъ проговорилъ какъ бы въ раздумьѣ:

— Бѣдная... бѣдна́я молодая женщина... И такая хорошенькая... Очень хорошенькая!..

Онъ позвонилъ камердинера и приказалъ подавать одѣваться. Пора было ѣхать. И безъ того молодая просительница отняла у него нѣсколько драгоцѣннаго времени, обыкновенно посвящаемаго болѣе важнымъ дѣламъ.

Валентина Николаевна спускалась по широкой лѣстницѣ совсѣмъ преображенная. Страдальческое выраженіе, которое только-что было у нея, когда она сидѣла въ кабинетѣ, исчезло съ лица ея такъ же быстро, какъ быстро проносится облачко, закрывшее на мгновеніе сіяющее солнце. Она была весела, даже игрива, и когда вышла на улицу, то остановилась у подъѣзда съ видомъ разсѣянной бабочки, не знающей куда ей летѣть, направо или налѣво. Она повернула налѣво, по направленію къ Литейной, и пошла легкой, граціозной поступью, приподнявъ чуть-чуть тренъ, такъ что въ глазахъ прохожихъ мелькалъ только бѣленькій чулокъ ея маленькой ножки, заставляя ихъ поднимать любопытные взгляды на хорошенькое личико, казавшееся еще милѣй подъ вуалеткой.

Какой-то толстый господинъ даже пріостановился при встрѣчѣ съ Валентиной Николаевной и какъ-то странно крякнулъ, такъ что вызвалъ улыбку на уста молодой женщины, и долго смотрѣлъ, обернувшись назадъ, какъ удалялась граціозная фигурка маленькой женщины, и какъ извивалось по сторонамъ ея черное платье.

Валентина Николаевна прошла уже Кирочную и только-что повернула на Литейную, какъ вдругъ испуганно остановилась, чуть-чуть вскрикнула и стала быстро переходить улицу. Страхъ исказилъ черты лица ея, тотъ физическій страхъ, какой вы видите въ глазахъ виноватой собаки, ожидающей, что ее сейчасъ прибьютъ. Она торопливо перешла на другую сторону, не заботясь болѣе ни о тренѣ, ни о своей изящной походкѣ, и боязливо взглянула на противоположную сторону.

Худой, испитой господинъ въ поношенномъ костюмѣ, не дѣлавшемъ чести его вкусу, перерѣзывалъ въ этотъ моментъ дорогу Валентинѣ Николаевнѣ и нѣсколько разъ снималъ шляпу, кланяясь ей самымъ почтительнымъ образомъ и дѣлая знаки рукою, чтобы она остановилась.

Валентина Николаевна остановилась у магазина и стала смотрѣть въ витрину тупымъ взглядомъ. Но игрушки, выставленныя въ окнахъ, мелькали передъ ней какими-то красными пятнами. Она ждала, покорно ждала господина, который— она это чувствовала — приближался къ ней... Страхъ начиналъ проходить. Неопредѣленная улыбка скользила по ея лицу.

— Мое почтеніе, добрая малютка!.. Не ожидали меня встрѣтить, нѣтъ?—раздался около нея знакомый ироническій голосъ.—Вы думали, что я не знаю, гдѣ вы были... Я знаю, не торопись солгать — я удержу тебя отъ этой привычки — я знаю, гдѣ ты была... Ты ходила къ Кривскому жаловаться на тирана-мужа, такъ ли? Отвѣчай же!—вдругъ понизилъ голосъ худой господинъ и дернулъ жену за руку. — Что же ты молчишь... Или обдумываешь, какъ лучше солгать?..

III.

Тиранъ-мужъ и „добрая малютка“.

Господинъ, такъ неделикатно встрѣтившій свою «добрую малютку», казался очень страннымъ субъектомъ.

Это былъ худой, худой какъ спичка, долговязый брюнетъ

съ блѣднымъ, умнымъ лицомъ, впалой грудью и подозрительнымъ румянцемъ на щекахъ, намекавшимъ о чахоткѣ.

Онъ имѣлъ видъ больного, сильно помятаго жизнью человѣка, который однако не сложилъ оружія, а пробуетъ еще бороться. Что-то необыкновенно характерное, страдальческое и въ то же время ироническое сказывалось въ этой долговязой фигурѣ, въ лихорадочномъ взглядѣ глазъ, въ ѣдкой улыбкѣ, искривившей тонкія, поблекшія губы, въ надтреснутомъ глухомъ голосѣ, вылетавшемъ изъ его груди, въ торопливыхъ жестахъ его длинныхъ худыхъ рукъ.

Большая черная борода съ густой просѣдью окаймляла старообразное, но еще красивое лицо съ рѣзкими обострившимися чертами. Изъ глубокихъ темныхъ впадинъ, словно изъ ямъ, блестѣли большіе черные глаза, оживлявшіе эту больную чахоточную физіономію. Почти сѣдые волосы выбивались изъ-подъ порыжѣлаго цилиндра.

Одѣтъ онъ былъ въ потертую черную пару платья, которая висѣла на немъ какъ на вѣшалкѣ, но костюмъ, видимо, не смущалъ его; казалось, онъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. На видъ онъ казался совсѣмъ старикомъ, хотя «добрая малютка» и говорила Кривскому, что мужу ея сорокъ лѣтъ.

— Что-жъ ты молчишь?—еще разъ повторилъ Трамбецкій, впиваясь глазами въ красивую, нарядную жену, сіявшую подъ лучами весенняго солнца. — Ну, разсказывай же... разсказывай, какъ ты хлопотала о разводѣ... какъ ты по обыкновенію разсказывала длинную, печальную исторію своей жизни съ тираномъ-мужемъ, погубившимъ кроткое созданіе ревностью и пьянствомъ... Не забыла ты при этомъ спустить мантилью?.. Въ обморокъ падала?.. Что̀, господинъ Кривскій приводилъ тебя въ чувство... а?..

Трамбецкій говорилъ торопливо, словно боясь, что не успѣетъ сказать все, что̀ нужно было.

— Александръ! прошу тебя, вспомни, что ты на улицѣ... Развѣ я не говорила вчера тебѣ, развѣ вчера ты не вѣрилъ мнѣ?.. Ты ошибся. Я не о разводѣ просила, я просила за тебя... хлопотала о мѣстѣ! — проговорила Валентина Николаевна тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, взглядывая на мужа кроткой дѣтской улыбкой, которая такъ понравилась Кривскому.— Пойдемъ домой... я тебѣ все разскажу...

Трамбецкій жадно вглядывался въ эти кроткіе глаза, словно бы въ глубинѣ ихъ желалъ прочитать правду.

Онъ зналъ, отлично зналъ свою «малютку» и отрывисто произнесъ:

— Валентина!.. Опять?.. Кто проситъ тебя лгать? Одно слово правды, и я, знаешь, буду доволенъ!

— Александръ... ты помнишь, что̀ было вчера?.. Ты простилъ меня... ты вѣрилъ... Вспомни, что̀ говорили мы о нашемъ будущемъ... Сегодня ты опять не вѣришь?..

Онъ слушалъ, недовѣрчиво слушалъ этотъ мягкій голосъ, проникавшій въ глубину его наболѣвшаго сердца. Ему такъ хотѣлось вѣрить, забыть горе прежней жизни, и онъ снова пытливо взглянулъ ей въ глаза.

Глаза смотрѣли такъ ласково и нѣжно, такъ же, какъ вчера, когда для этого человѣка блеснулъ лучъ надежды, какъ оазисъ въ безбрежной пустынѣ... Вчера она говорила не такъ, какъ обыкновенно. Вчера они говорили о будущемъ... «О нашемъ будущемъ»!

«Не можетъ же наконецъ человѣкъ такъ лгать... Это невозможно... Это было бы черезчуръ жестоко!»—говорилъ онъ себѣ, и съ его страдальческаго лица постепенно исчезла злая улыбка, и большіе его глаза освѣтились добрымъ, мягкимъ выраженіемъ. Онъ присмирѣлъ. Въ голосѣ его зазвучала нотка надежды.

— Валентина! Какъ хочется мнѣ вѣрить!—проговорилъ онъ.

Они сперва пошли вмѣстѣ, но скоро разстались. Валентина Николаевна видимо смущалась своимъ неизящнымъ спутникомъ и замѣтила:

— Иди домой... Я сейчасъ приду... Мнѣ только надо зайти въ Гостиный дворъ купить чулки Колѣ. Какъ онъ?

— Лежитъ... Докторъ былъ безъ тебя и уложилъ его въ постель.

— И ты оставилъ его?.. Иди скорѣй домой. Я буду сейчасъ.

Трамбецкій пошелъ одинъ, какъ-то грустно усмѣхнувшись, когда Валентина Николаевна сѣла на извозчика.

Валентина Николаевна хорошо знала мужа. Когда онъ вѣрилъ ей, изъ него можно было вить веревки.

Не обращая ни на что вниманія, погруженный въ мысли, роившіяся въ опущенной головѣ, дошелъ онъ до Загороднаго проспекта, тихо поднялся въ четвертый этажъ, останавливаясь на площадкахъ и схватываясь длинными пальцами за грудь, и вошелъ въ квартиру съ робкой надеждой, согрѣвшей его сердце.

Который разъ входилъ онъ домой съ надеждой!.. Какъ часто онъ надѣялся, и какъ часто надежды его безжалостно разбивались, оставляя каждый разъ новое больное мѣсто въ набо-

лѣвшемъ сердцѣ. И теперь онъ вѣрилъ и не вѣрилъ... Ему такъ хотѣлось вѣрить и успокоиться... Довольно онъ мучился, довольно пережилъ; казалось, пора бы давно наконецъ найти тихую пристань. Вѣдь онъ такъ мало требовалъ!

Онъ старался отогнать длинную цѣпь воспоминаній прошлаго, помимо воли закрадывавшихся въ его голову... Онъ гналъ ихъ, а они все шли, какъ непрошенные гости... Прочь! Онъ вошелъ въ маленькую кокетливую гостиную, и все въ ней, начиная отъ рояля и кончая диваномъ, напоминало о чемъ-то скверномъ, безобразно-скверномъ... Онъ прошелъ далѣе черезъ женину комнату, игрушку-будуаръ, ярко залитый солнечными лучами, остановился на секунду, окинувъ грустнымъ взглядомъ голубое гнѣздышко съ коврами, мягкой мебелью и цвѣтами, и поскорѣй перешагнулъ порогъ.

— Это ты?.. Наконецъ-то ты пришелъ, милый мой! — раздался изъ-за угла маленькой, скверной, почти голой комнаты тихій дѣтскій голосъ.

Съ этими словами изъ кроватки приподнялся мальчикъ лѣтъ десяти въ бѣлой рубашонкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ тоненькую шейку, на которой была посажена несоразмѣрно-большая дѣтская головка. У ребенка было необыкновенно умное личико съ большими голубыми глазами, глядѣвшими серьезно и вдумчиво. Видно было, что головка работала не по лѣтамъ. Мальчикъ улыбнулся при взглядѣ на отца и присѣлъ на кровати.

При звукахъ этого ласковаго голоска Трамбецкій ожилъ, какъ оживаетъ завядшій листъ подъ утренней росой. Онъ быстро приблизился къ кроваткѣ, поцѣловалъ мальчика, взглянулъ въ лихорадочно-блестѣвшіе глазенки, ощупалъ горячую голову и, озираясь, спросилъ:

— А няня гдѣ?

— Няня ушла. Я отпустилъ ее. Ей скучно со мной. Ты не сердись, папа,—прибавилъ мальчикъ, заглядывая отцу въ глаза:—право, я самъ ее отпустилъ...

— Тебѣ одному скучно было?

— Нѣтъ, папа... Я привыкъ... Я все думалъ...

— Думалъ, о чемъ же ты думалъ, мой мальчикъ?

— Много о чемъ... Я тебѣ все разскажу. Больше о тебѣ думалъ... Такой ты, голубчикъ, больной у меня... все кашляешь!

Мальчикъ взглянулъ въ глаза отцу и долго-долго всматривался въ нихъ серьезнымъ, ласковымъ взоромъ.

— Что̀ ты, Коля?..—тихо спросилъ отецъ.

— Ничего... На тебя смотрѣть хочется... я вѣдь тебя такъ

люблю, и сказать не могу, какъ люблю... Я все думалъ, что ты больше не уѣдешь? Нѣтъ?..

— Нѣтъ... родной мой... нѣтъ! Однако укройся хорошенько... Ишь головка какая горячая!.. У тебя болитъ что-нибудь?— шепталъ отецъ, накрывая мальчика одѣяломъ.

— Ничего не болитъ, только жарко. Такъ пріятно и жарко, а ничего не болитъ. Пить хочется...

Отецъ подалъ воду. Мальчикъ глоталъ ее жадными глотками.

— Ты не уѣзжай смотри, а то мнѣ безъ тебя будетъ скучно. Ахъ, какъ мнѣ было скучно, когда тебя не было... Если-бъ ты только зналъ... Ты вѣдь меня не оставишь?.. Я выросту, и мы будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ. Только, папочка, милый мой... прости меня, что̀ я тебѣ скажу...

— Что̀, дитя мое? Говори все... говори...

Мальчикъ остановился, задумался и потомъ тихо, совсѣмъ тихо прошепталъ:

— Ты... не пей вина... Отъ него у тебя грудь болитъ и кашель... Ты такъ кашляешь, и мнѣ жаль тебя...

Крупныя капли слезъ скатились изъ глазъ отца на горячую руку мальчика.

Онъ привсталъ, страстно обвилъ шею отца, замеръ въ нѣмомъ отчаяніи и, всхлипывая, повторялъ:

— Я тебя огорчилъ, добрый мой... Прости меня...

Но въ отвѣтъ отецъ покрывалъ горячими, страстными поцѣлуями возбужденное лицо сына и шепталъ ласковыя, нѣжныя слова.

— Я не буду больше пить, милый мой, и я никогда не оставлю тебя. Я буду учить тебя... Ты вѣдь мой ненаглядный.

Мальчикъ тихо сжималъ своими маленькими ручками длинную блѣдную руку отца.

Они не говорили ни слова, но, казалось, ребенокъ понималъ, что̀ дѣлается съ отцомъ, и все крѣпче и крѣпче сжималъ любимую руку.

Отецъ бросалъ частые тревожные взгляды на горѣвшія щеки мальчика, прикладывалъ руку къ его пылающей головкѣ, прислушиваясь трепетно къ прерывистому дыханію.

— Тяжело тебѣ, Коля... скажи, мой родной!

— Ты, папа, не безпокойся. Я скоро буду здоровъ!— ласково улыбался въ отвѣтъ мальчикъ:—день-два полежу въ постели и встану... опять вмѣстѣ учиться будемъ... Вотъ ты не лѣчишься—это нехорошо, папа! — серьезно добавилъ ребенокъ.—Тебѣ непремѣнно надо лѣчиться... Ты будешь лѣчиться?..

— Буду, буду... непремѣнно буду.

— Ты лѣчись у другого доктора, а не у того, который меня лѣчитъ. Этотъ какой-то нехорошій, все улыбается да смѣется съ мамой... Какъ ты полѣчишься, то будешь такой толстый, здоровый... кашля у тебя не будетъ... Правда вѣдь?..— оживленно болталъ ребенокъ, возбужденный лихорадкой.

О, Господи! Какимъ нѣжнымъ, теплымъ чувствомъ охватывалось наболѣвшее сердце отца. Подъ звуки этого дѣтскаго лепета, казалось, горе уходило куда-то далеко-далеко, и на глаза невольно навертывались слезы радости и раскаянія за то, что онъ слишкомъ много думалъ о себѣ, хотя и увѣрялъ себя, что думаетъ о сынѣ. Онъ любилъ его недостаточно сильно... Нѣтъ! Никогда не оставитъ онъ своего мальчика, что̀ бы впереди ни было, какія бы испытанія ни сулила ему жизнь. Онъ все вытерпитъ, все перенесетъ для сына... Онъ и безъ того, ради него, терпѣлъ, но этого еще мало. Что̀ онъ безъ него, безъ этого ребенка? Къ чему тогда и жить?.. Вѣдь только осталась одна цѣль, серьезная цѣль: воспитать своего мальчика, сдѣлать изъ него хорошаго, честнаго человѣка, который сумѣетъ бороться и выйдетъ изъ житейской борьбы не такой искалѣченной тварью, какой вышелъ онъ. Если отецъ неудачникъ, «настоящій неудачникъ!», грустно улыбнулся Трамбецкій, то зато онъ, вотъ этотъ крошечный мальчикъ, не будетъ такимъ. Онъ не погубитъ себя въ добрыхъ намѣреніяхъ и въ безплодной борьбѣ съ женщиной.

Такъ думалъ отецъ, слушая возбужденныя рѣчи своего любимца и отвѣчая на нихъ словами горячей любви и ласки. Такъ говорили они нѣсколько времени, и, казалось, оба черпали во взаимной любви новыя силы.

Громкій звонокъ въ передней смежилъ ихъ уста. Раздался свѣжій женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ пронесся тихій шелестъ платья въ сосѣдней комнатѣ. Отецъ и сынъ вдругъ присмирѣли и почему-то взглянули другъ на друга. Особенно серьезенъ сталъ взглядъ мальчика.

Валентина Николаевна тихо подошла къ постели съ тою особенной граціей и томнымъ видомъ, съ которымъ обыкновенно входятъ женщины въ комнаты, гдѣ лежатъ больные. Она склонила голову надъ постелью ребенка, улыбнулась ему ободряющей улыбкой, слегка дотрогиваясь до головы.

— Ну, какъ мы? Посмотри—нравится тебѣ?

Она подала сыну ящикъ съ игрушками.

Ребенокъ взялъ ящикъ, положилъ около себя и проговорилъ тихо:

— Благодарю.

— Что-жъ ты не говоришь: нравятся тебѣ игрушки?..

— Нравятся, мама!—еще тише проговорилъ мальчикъ и закрылъ глаза.

— Онъ спать хочетъ... У бѣдняжки сильный жаръ!—замѣтила Валентина Николаевна, видимо не зная, что̀ затѣмъ дѣлать: оставаться ли у ребенка, или идти въ комнаты.

А солнце, какъ нарочно, врывалось яркими лучами и раздражало молодую женщину... На улицѣ такъ ярко, хорошо, весело, а здѣсь... здѣсь такъ скучно: угрюмое лицо тирана-мужа, больной ребенокъ и запахъ лѣкарства. Она любила Колю, но любила его здороваго, веселаго, наряднаго, когда, бывало, она гуляла съ нимъ или каталась. Она часто цѣловала его урывками, кормила конфетами и иногда забывала его по цѣлымъ днямъ. Но когда бывали гости, она всегда на нѣсколько минутъ сажала мальчика, разодѣтаго и напомаженнаго, къ себѣ на колѣни, прижимала его щеки къ своимъ розовымъ щекамъ, трепала маленькой выхоленной ручкой и осыпала поцѣлуями. Это была такая трогательная картина, что гости нерѣдко любовались и находили эту добрую мать съ ребенкомъ на рукахъ еще пикантнѣй...

Впереди еще объясненія... Ахъ, какъ хотѣлось ей, чтобы не было никакого объясненія, чтобы жизнь ея текла весело и нарядно, чтобы мужъ—этотъ ужасный человѣкъ, сгубившій ея молодость, не нарушалъ спокойствія жизни своимъ видомъ, своими притязаніями... Она его не любитъ, къ чему-жъ онъ стѣсняетъ ея свободу, свободу женщины?..

Когда дѣло касалось свободы женщины, Валентина Николаевна морщила свой лобъ и принимала строгій видъ. Она серьезно возмущена была положеніемъ женщины и всегда, вздыхая, говорила очень много фразъ, вылетавшихъ съ ея устъ какъ-то нечаянно, безсвязно, но очень мило. Она считала себя несчастной женщиной, жаловалась на мужа и при этомъ плакала такъ вкусно, что дамамъ хотѣлось поплакать вмѣстѣ, а мужчинамъ—расцѣловать это миленькое, пухленькое личико. Знакомые вѣрили всему, что̀ она разсказывала про мужа, тѣмъ болѣе, что онъ никогда ничего не говорилъ и имѣлъ видъ такой суровый. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ считали его тираномъ, погубившимъ это кроткое, несчастное созданіе... Положимъ, она увлекалась, но развѣ можно не увлечься, имѣя подъ бокомъ негодяя и пьяницу? Такъ думали всѣ, знавшіе Валентину Николаевну, и она умѣла прекрасно поддерживать это мнѣніе.

Въ головкѣ ея пробѣгало одновременно нѣсколько мыслей Она подумала о предстоящемъ объясненіи съ мужемъ, соби-

раясь обмануть его какъ можно граціознѣе, понадѣялась, что Кривскій избавитъ ее отъ «этого человѣка», и вспомнила, что сегодня вечеромъ она должна быть въ Михайловскомъ театрѣ, и что надо поскорѣй взять билетъ.

Ей вдругъ такъ захотѣлось быть въ театрѣ, что эта мысль заняла ее болѣе всего, и она теперь обдумывала, какъ бы найти предлогъ, чтобы тотчасъ же снова вырваться изъ дому на воздухъ, на солнце, къ людямъ, подальше отъ постылаго мужа, которому вчера еще со слезами на глазахъ клялась въ вѣрности, не вызванная на это ни единымъ словомъ мужа, вспоминая во время клятвъ веселое и смѣющееся лицо молодого Кривскаго...

Она обманывала какъ-то шутя, добродушно, съ наивностью доброй малютки, съ цинизмомъ развращенной женщины. Она любила блескъ, роскошь, шумъ, и пріѣздъ мужа, этого рыцаря печальнаго образа, измѣнилъ вдругъ ея веселую обстановку. Нельзя было не стѣсняться. Приходилось обманывать и ворочаться раньше домой. Приходилось льстить, браниться, плакать, требовать развода, увѣрять себя и мужа, что безъ сына она несчастная женщина, разсказывать, утирая слезы, что мужъ ее бьетъ, и даже разсказывать съ наслажденіемъ.

Валентина Николаевна простояла нѣсколько минутъ и вдругъ спохватилась, что у ребенка нѣтъ мѣшка для льду на случай, если жаръ усилится, и докторъ прикажетъ прикладывать ледъ. Она тотчасъ же сказала объ этомъ мужу и вызвалась съѣздить.

Трамбецкій внимательно слѣдилъ за ней и, казалось, понималъ, что происходитъ въ душѣ у этой «доброй малютки»... Въ другое время она, быть-можетъ, подняла бы въ немъ желчь, вызвала бы горячія замѣчанія, его возмутила бы ложь, а теперь онъ только усмѣхнулся и тихо прибавилъ:

— Что-жъ, поѣзжай...

Она тотчасъ же вспорхнула, какъ птичка, и уже на порогѣ почему-то обернулась и, обращаясь къ мужу, замѣтила:

— А съ тобой мы поговоримъ, какъ я вернусь... Кривскій обѣщалъ тебѣ мѣсто...

Солгавши, она усмѣхнулась про себя и мечтала, что Кривскій освободитъ ее отъ этого человѣка. Ей казалось, что она произвела на старика впечатлѣніе, и она весело шла по улицѣ, вспоминая тѣ косые взгляды, которые останавливалъ онъ на дрожавшемъ кружевѣ, и съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ строила воздушные замки, разсчитывая на свою красоту и ловкость.

Когда ушла жена, Трамбецкій нагнулся къ сыну. Ребенокъ

лежалъ съ открытыми глазами... Они ни слова не сказали о Валентинѣ Николаевнѣ и продолжали бесѣдовать.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ уснулъ.

Отецъ сидѣлъ подлѣ и задумался. Прежняя жизнь проносилась передъ нимъ съ своей убійственной ясностью.

Есть неудачники — особенно много ихъ между русскими людьми,—которыхъ жизнь постоянно гладитъ противъ шерсти, словно бы испытывая человѣческое терпѣніе, въ наказаніе за неумѣніе пріурочиться къ жизни и плыть вмѣстѣ со всѣми по теченію.

Къ такимъ неудачникамъ принадлежалъ и Александръ Александровичъ Трамбецкій.

Передъ нимъ пронеслась вся его прошлая жизнь, и онъ скорбно улыбался, подводя итоги. Въ итогѣ—разбитая жизнь, подорванная вѣра, сознаніе одиночества и общественной безполезности. Въ сорокъ лѣтъ—старый инвалидъ, безъ положенія, безъ средствъ, безъ личнаго счастья, брюзгливо отворачивающійся отъ современной суголоки, слишкомъ совѣстливый, чтобы вступить съ жизнью въ сдѣлку и взять отъ нея то, что другіе берутъ съ яснымъ взоромъ и спокойнымъ сердцемъ.

Это былъ одинъ изъ могикановъ шестидесятыхъ годовъ, не смирившійся еще отъ житейскихъ потасовокъ, еще возмущавшійся тѣмъ, чѣмъ сверстники его давнымъ-давно перестали возмущаться, сидя въ департаментахъ, правленіяхъ, канцеляріяхъ, и готовый еще проспорить изъ-за какой-нибудь статьи до пѣтуховъ, толковать объ идеалахъ и рѣшать вопросъ о человѣческомъ счастьѣ, забывая, что самого его счастье не баловало никогда.

Онъ возмущался, злился и въ такія минуты говорилъ горячо, бросая молніи изъ глазъ и размахивая длинными неуклюжими руками. Сперва его слушали, но пришла пора—слушать его перестали, какъ человѣка смѣшного и даже безпокойнаго. Въ самомъ дѣлѣ, еще понятно, когда возмущается двадцатилѣтній юноша; но возмущаться въ сорокъ лѣтъ, говорить страстныя тирады гдѣ-нибудь въ департаментѣ или въ съѣздѣ мировыхъ судей, лѣзть на стѣну по поводу какого-нибудь «пустяка» и не дѣлать никакой карьеры—это казалось большинству его знакомыхъ страннымъ, смѣшнымъ и даже неприличнымъ, такъ что Трамбецкому оставалось только махнуть на нихъ рукой.

Мало-по-малу отъ него отвернулись прежніе близкіе люди и товарищи, находя, что знакомство съ этимъ безпокойнымъ

черноволосымъ малымъ, неделикатно касавшимся самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, и непріятно и небезопасно для ихъ репутаціи. Большинство бѣжало взапуски за положеніемъ, за богатствомъ, за карьерой, а онъ—смѣшной человѣкъ, какъ говорили его сверстники — «застылъ на старыхъ взглядахъ» и не понимаетъ, что надо жить, жить надо, какъ люди живутъ, а не бездольнымъ скитальцемъ съ мѣста на мѣсто. Тогда Трамбецкій попробовалъ сойтись съ молодежью... Онъ думалъ найти откликъ у горячихъ сердецъ на свои горячіе монологи, но его монологи, къ изумленію стараго идеалиста, встрѣчали почтительную улыбку и болѣе ничего... Онъ очутился между двухъ стульевъ и понялъ, что онъ одинаково чужой и тѣмъ и другимъ... Пришлось говорить монологи передъ графиномъ водки, изливая въ пьяномъ видѣ горечь разочарованія и оскорбленнаго самолюбія.

Для такихъ безпокойныхъ, отзывчивыхъ, раздражительныхъ натуръ, какъ Трамбецкій, одиночество было ужасно. Онъ искалъ привязанности. Въ ней мечталъ онъ найти зацѣпку къ жизни, примиреніе послѣ тѣхъ мытарствъ, которыя ему пришлось испытать, какъ только онъ перешелъ на третій курсъ университета. Онъ занимался отлично, но говорилъ монологи со всѣмъ пыломъ и горячностью юноши, готоваго схватить міръ божій, какъ быка за рога. Это были такіе невинные, юношескіе монологи, но все-таки пришлось оставить на время университетъ и познакомиться съ мѣстоположеніемъ Архангельской губерніи, прожить тамъ два года и вернуться оттуда къ практической дѣятельности. Онъ сдалъ кандидатскій экзаменъ, поѣхалъ къ своимъ старикамъ въ Полтавскую губернію, получилъ наставленіе отъ отца и горячую мольбу матери быть умнѣе и поступилъ на службу.

Сколько службъ перемѣнилъ онъ въ теченіе восьми лѣтъ!

Гдѣ только онъ ни былъ, гдѣ только ни служилъ и въ какихъ только канцеляріяхъ ни говорилъ монологовъ и ни имѣлъ «исторій»... Скитанія съ мѣста на мѣсто, казалось, должны были бы утомить другого человѣка, но Трамбецкій былъ неисправимъ... Онъ брался горячо за дѣло, принималъ слишкомъ близко къ сердцу важное и неважное, ссорился, говорилъ своимъ рѣзкимъ тономъ азбучныя, но непріятныя истины и... смотришь... опять путешествуетъ нашъ чудакъ изъ захолустья въ захолустье, устраивается снова, снова ссорится и снова путешествуетъ налегкѣ съ маленькимъ чемоданомъ, въ которомъ заключалось все его имущество...

Въ одинъ прекрасный день онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и сдѣлался владѣльцемъ изряднаго имѣнія въ Полтавской

губерніи... Онъ пріѣхалъ въ деревню, завелъ немедленно школу, ссорился въ земствѣ, негодовалъ, что мужикъ не понимаетъ его горячихъ монологовъ и подчасъ обманываетъ его, любившаго народъ, самымъ добродушнымъ образомъ... Онъ приходилъ въ недоумѣніе. На земскихъ собраніяхъ распинался за интересы крестьянъ, а дома выходилъ изъ себя, приходилъ въ отчаяніе отъ «непониманія» подневольнаго человѣка и подъ конецъ перессорился со всѣми сосѣдними помѣщиками. Помѣщики считали его краснымъ; мужики относились къ «блажному пану» съ мягкой снисходительностью рабочаго человѣка и посмѣивались надъ его неумѣлостью и горячими монологами. Трамбецкій совсѣмъ потерялся и не зналъ, какъ ему приняться за дѣло...

Въ это время онъ встрѣтился съ Валентиной. Какой прелестной кроткой дѣвушкой показалась она Трамбецкому! По своему обыкновенію, онъ увлекся ею сразу и изъ хорошенькой, неглупой и испорченной дѣвушки создалъ въ своемъ воображеніи идеалъ ума, развитія и нравственной чистоты.

«Эти глаза... эти кроткіе глаза не могутъ лгать... Въ этихъ глазахъ, точно въ свѣтломъ озерѣ, видно все!» — говорилъ онъ тогда въ сумасшедшемъ экстазѣ, любуясь ясными глазами Валентины, слушавшей, бывало, его монологи съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаетъ невѣста всякія рѣчи жениха.

Вниманіе онъ принялъ за сочувствіе, желаніе выйти замужъ— за любовь, пустоту—за наивность. «Такого наивнаго ребенка и надо мнѣ. Я перевоспитаю ее, и мы заживемъ отлично!..» — говорилъ онъ своей матери, практичной старухѣ, сразу понявшей чуткимъ материнскимъ инстинктомъ, что Валентина, этотъ милый ребенокъ съ кроткими глазами, не любитъ сына и выходитъ замужъ ради партіи.

Но развѣ можно было убѣдить Трамбецкаго? Онъ полюбилъ воображаемую «добрую малютку» со всѣмъ пыломъ помятаго жизнью человѣка, наконецъ нашедшаго на своемъ тернистомъ пути вѣрнаго друга, товарища и любовницу. Онъ строилъ планы будущей ихъ жизни, а она все слушала, внимательно слушала, подкупая влюбленнаго человѣка своей неизмѣнно кроткой улыбкой.

Послѣ свадьбы они уѣхали за границу. Заграничная поѣздка входила въ планъ воспитанія доброй малютки. Первое время онъ былъ опьяненъ счастіемъ любви и близостью этой красивой, граціозной женщины и не замѣчалъ, что кроткіе глаза «малютки» такъ же ясно смотрѣли на него, когда онъ, захлебываясь отъ восторга, говорилъ ей о любви, или когда онъ

прозаично говорилъ объ обѣдѣ. Она терпѣливо, впрочемъ, выслушивала еще монологи, но послѣ монологовъ незамѣтно сводила разговоръ на деньги и тратила ихъ на наряды. Она любила блескъ, любила общество, наряжалась, а онъ—сумасшедшій человѣкъ — думалъ, что она наряжается для него, стараясь ему понравиться.

Валентина Николаевна очень исказила факты, разсказывая свою исповѣдь Кривскому. Она представила мужа ревнивцемъ и, по обыкновенію, граціозно обошла причины ревности. А причины были...

Ужасный былъ для Трамбецкаго тотъ день, когда первая глубокая рана была нанесена ему «доброй малюткой» прямо въ сердце нежданно-негаданно, когда на губахъ его еще не успѣли остыть ея поцѣлуи, а ясный взоръ ея точно еще смотрѣлъ на него съ кроткой улыбкой ангела.

Они жили тогда въ Швейцаріи, въ прелестномъ уголкѣ на берегу озера, среди розъ и зелени, любуясь снѣжными высями темно-синихъ горъ изъ оконъ хорошенькаго домика. Однажды онъ уѣхалъ на цѣлый день къ одному, жившему въ сосѣднемъ городкѣ, знакомому, обѣщая вернуться на слѣдующій день. Она проводила его, щебеча, какъ птичка, и ласкаясь, какъ кошечка.

Онъ оставилъ свою «малютку», счастливый своею любовью, любуясь природой, съ наслажденіемъ вдыхая горный воздухъ полной грудью. Ему такъ было хорошо. Онъ еще разъ обернулся, чтобы взглянуть на милое созданіе. Кудрявая головка Валентины привѣтливо кивала съ балкона.

Дальше онъ помнитъ только, какъ вмѣсто слѣдующаго утра онъ возвратился въ тотъ же день поздно вечеромъ, какъ торопился подѣлиться съ ней впечатлѣніями, какъ подошелъ къ двери спальни и замеръ въ ужасѣ и тоскѣ.

У себя ли онъ! Не ошибся ли?

Онъ оглянулся вокругъ, схватился дрожащей рукой за голову и прислушивался.

Изъ спальни ясно долетали звуки голосовъ: испуганный шопотъ жены и ободряющій голосъ мужчины.

У него помутилось въ глазахъ. Онъ хотѣлъ-было рвануть двери, но вдругъ повернулъ назадъ и, блѣдный, убитый, вышелъ на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ мимо скользнула знакомая фигура сосѣда ихъ за табльдотомъ, пожилого итальянца, съ которымъ жена, бывало, разговаривала при встрѣчахъ. Самъ онъ говорилъ съ нимъ рѣдко.

Трамбецкій взглянулъ вслѣдъ итальянцу. «Убить развѣ?»—

промелькнула мысль. «Не стòитъ!» — тихо прошепталъ онъ, склоняя низко голову и тихими шагами удаляясь отъ дома, не зная, куда и зачѣмъ идетъ онъ.

Гдѣ ходилъ онъ въ эту памятную ночь, онъ до сихъ поръ не помнитъ. Когда Трамбецкій шелъ домой съ твердой рѣшимостью немедленно уѣхать въ Россію и никогда болѣе не встрѣчаться съ «малюткой», лицо его было такое скорбное и больное, что прохожіе обращали на него вниманіе, принимая его за сумасшедшаго или пьянаго.

Онъ тихо поднялся въ «гнѣздышко» и прошелъ въ маленькую комнатку, гдѣ лежала еще раскрытая книга, которую онъ читалъ своей «малюткѣ». Слезы тихо закапали изъ его глазъ, когда среди безмолвія ранняго утра онъ сталъ укладывать свои вещи.

«За что, за что?» — повторялъ онъ, беззвучно шевеля губами, не отдавая вполнѣ отчета въ томъ, чтò случилось. Онъ сознавалъ только, что случилось нѣчто безобразное, жестокое, и понималъ, что отнынѣ онъ снова одинокъ, съ новой раной въ сердцѣ.

Онъ обернулся, заслышавъ шаги, и опустилъ глаза отъ стыда. Передъ нимъ стояла Валентина въ бѣломъ капотѣ, блѣдная, печальная, съ скорбнымъ взоромъ, умоляющимъ о пощадѣ.

У него не хватило смѣлости поднять на нее глаза. Изъ груди не вырвалось ни одного звука. Онъ чувствовалъ только, какъ сильно бьется его сердце, и чего-то ждалъ, ждалъ со страхомъ и надеждой.

Валентина тихо приблизилась и, какъ снопъ, упала въ ноги, рыдая сдавленными, глухими рыданіями.

Онъ поднялъ ее и, глядя въ сторону, слышалъ тихій нѣжный голосъ, робко молившій о прощеніи, шептавшій слова любви и раскаянія... Изъ отрывистыхъ словъ, съ трудомъ вылетавшихъ изъ ея груди, онъ только слышалъ, что она невинна, что фамильярность итальянца развлекала ее, и затѣмъ вмѣсто словъ опять слезы и слезы...

Онъ взглянулъ на нее. Господи! Какая кроткая, молящая улыбка... Какъ хороша, какъ изящна ея маленькая фигурка, какъ нѣжно дрожатъ ея розовыя губы... Неужели уѣхать?.. Неужели впереди опять сиротство одинокаго существованія? Но вѣдь онъ же любитъ ее, все-таки любитъ, несмотря...

Валентина инстинктомъ поняла, чтò дѣлается съ мужемъ. Она обвила его шею и, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, тихо рыдала у него на груди.

Онъ ничего не понималъ, ничего не разспрашивалъ... Онъ

чувствовалъ только на себѣ горячее дыханіе женщины, чувствовалъ, какъ испуганно трепетала она, и... и остался...

Въ тотъ же вечеръ они оставили свое гнѣздышко. Онъ ни словомъ не упоминалъ объ этомъ случаѣ, и Валентина, казалось, съ тѣхъ поръ полюбила его больше.

Прошелъ годъ, и у нихъ родился сынъ... Трамбецкій радовался и мечталъ, что сынъ тѣснѣе сблизитъ ихъ. Онъ нянчился съ малюткой и нѣжно упрекалъ жену, что она часто забываетъ его.

Изъ памяти его понемногу изглаживалась швейцарская сцена... Она казалась ему какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ. Онъ начиналъ вѣрить, надѣяться, какъ вдругъ снова повторилась подобная же сцена, съ измѣненными нѣсколько подробностями: вмѣсто Швейцаріи—Италія, вмѣсто итальянца—русскій, вмѣсто моленій о пощадѣ—увѣренія въ невинности, и снова тотъ же кроткій взглядъ свѣтлыхъ невинныхъ глазъ...

Что это была за жизнь... Что это была за каторга!.. Онъ любилъ и презиралъ ее въ одно и то же время. Въ порывѣ заносилъ онъ на нее руку и въ ужасѣ останавливался, замѣчая страхъ животнаго въ ея глазахъ.

Они уѣхали въ Россію, поселились въ деревнѣ, и скоро «кроткая малютка» сдѣлалась сказкой уѣзда... Она жаловалась вездѣ на мужа, обманывала его, отдавалась безъ разбора, начиная съ мужа и кончая случайнымъ любовникомъ. Она тяготилась жизнью въ деревнѣ, кутила на сторонѣ, уѣзжая въ городъ, и рвалась, какъ бабочка на огонекъ, въ Петербургъ.

Трамбецкій махнулъ рукой, запилъ и привязался сильнѣе къ сыну... Дѣла его въ это время разстроились; онъ поступилъ на службу въ городъ В. Тамъ жена его сдѣлалась любовницей губернатора; всѣ объ этомъ знали, кромѣ Трамбецкаго. Наконецъ узналъ и онъ и сдѣлалъ сцену. Она жаловалась, что мужъ ее бьетъ, и въ городѣ всѣ жалѣли Валентину. Далѣе потеря мѣста, состоянія, пьянство и въ одинъ прекрасный день исчезновеніе жены съ сыномъ.

Разбитый, усталый, совсѣмъ больной, прожилъ онъ годъ въ Крыму, и праздниками для него были тѣ дни, когда онъ получалъ письма отъ сына.

Скверный былъ тотъ годъ. Тяжело было Трамбецкому оставлять сына у «доброй малютки», о жизни которой приходили дурныя вѣсти изъ Петербурга. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Валентина Николаевна была изумлена, когда увидѣла сгорбленнаго старика, съ блестящими глазами и чахоточнымъ

румянцемъ. Она приняла его ласково, просила забыть все, обѣщала жить для ребенка и первые дни проскучала дома.

Онъ поселился въ дальней маленькой комнаткѣ, рѣдко показываясь къ женѣ, и занимался съ сыномъ... Онъ былъ тихъ и покоренъ, но на него находили порывы бѣшенства; тогда онъ вдругъ начиналъ язвить Валентину, допрашивалъ, чѣмъ она живетъ и гдѣ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ... Въ такія минуты Валентина его боялась.

Блѣдный, худой, держась руками за грудь, онъ то бранилъ, то умолялъ ее, то поражалъ своими сарказмами, питая надежду, что еще не все потеряно, и пробудится совѣсть. Онъ обѣщалъ забыть все, не требуя любви, не дѣлая упрековъ, но только пусть же она живетъ, какъ человѣкъ, пусть помнитъ она, что у нея сынъ, который видитъ все.

Онъ просилъ отдать ему сына, но она не соглашалась. Онъ грозилъ — она запиралась въ комнату или закрывала руками лицо, словно ожидая удара. Онъ уходилъ къ себѣ и заливался слезами, какъ безпомощный ребенокъ.

На другой день онъ снова видѣлъ изящную, блестящую жену и тотъ же кроткій взглядъ ея свѣтлыхъ глазъ... Онъ избѣгалъ смотрѣть на нее, страшась, какъ бы она не узнала, что онъ все-таки еще любилъ ее. Она догадывалась объ этомъ и въ минуты хорошаго настроенія духа бросала мужу ласку, какъ бросаютъ милостыню нищему.

«Бѣжать развѣ... бѣжать!» — нерѣдко закрадывалась ему мысль въ голову, но въ это время тихо подходилъ къ нему сзади «мальчикъ», цѣловалъ его въ щеку, игралъ съ его бородой и, крѣпко прижимаясь къ нему, вселялъ новую силу и бодрость въ этого измученнаго человѣка.

IV.

«Шурка Кривскій».

Анна Петровна Кривская, супруга его превосходительства, полная статная брюнетка лѣтъ подъ пятьдесятъ, сохранившая еще слѣды замѣчательной красоты и блескъ большихъ, черныхъ блестящихъ глазъ, сидѣла раннимъ утромъ въ бѣломъ капотѣ у маленькаго письменнаго стола, занятая исчисленіемъ суммы, которую надо спросить у Сергѣя Александровича, когда въ уютный ея кабинетъ вошелъ общій баловень семьи и фаворитъ Анны Петровны, Александръ Сергѣевичъ Кривскій или, какъ всѣ звали его, Шурка.

Тихо ступая по ковру, приблизился онъ къ матери, звонко

поцѣловалъ ее въ щеку, поднесъ красивую, пышную, сіяющую кольцами руку къ своимъ румянымъ губамъ и опустился, лѣниво потягиваясь, въ маленькое кресло.

Мать остановила долгій ласковый взглядъ на красивомъ молодомъ лицѣ, съ пробивающимся пушкомъ бѣлокурыхъ волосъ. Отъ этого выхоленнаго лица вѣяло здоровьемъ, свѣжестью и беззаботностью капризнаго ребенка. Оно улыбалось въ отвѣтъ на ласковый взглядъ матери. Улыбались сочныя румяныя губы, улыбались большіе голубые глаза, приводившіе въ восторгъ тридцатипятилѣтнихъ дамъ своимъ яснымъ, чуть-чуть наглымъ взглядомъ, улыбались румяныя свѣжія щеки.

— Ты удивляешься, что я такъ рано?—произнесъ онъ, зѣвая:—я и самъ удивляюсь... Вчера, впрочемъ, я рано вернулся, въ два часа, ты уже спала, и я не зашелъ къ тебѣ проститься.

— Кутилъ?

— Провожали товарища въ Ташкентъ... Пили... Голова болитъ.

Анна Петровна покачала укоризненно головой.

— Такъ отчего ты рано всталъ?

— Съ тобой поговорить надо. У меня просьба къ тебѣ, мама...

— Я догадываюсь, какая просьба... опять денегъ?..

Анна Петровна серьезно взглянула на сына и прибавила:

— Послушай, Шура... когда же будетъ этому конецъ?..

— Подожди, мама. Послѣ жури меня, а теперь выслушай, пожалуйста... Даю тебѣ слово, что я прошу въ послѣдній разъ...

— Въ послѣдній разъ?—усмѣхнулась мать.—Ахъ, Шурка, Шурка, много было этихъ послѣднихъ разъ. Ты серьезно огорчаешь меня...

Шурка сдѣлалъ капризную мину и замѣтилъ:

— Вѣрь, что больше не буду, но только теперь устрой мои дѣла. Отецъ получаетъ деньги, такъ ужъ ты, мама, переговори съ нимъ... Взгляни сама: менѣе чѣмъ двадцатью тысячами обойтись нельзя, ей-Богу нельзя...

— Да ты съ ума сошелъ, Шурка! Ты говоришь о двадцати тысячахъ, словно о трехстахъ рубляхъ.

— Не сердись, а взгляни, мама!

Съ этими словами, произнесенными тономъ капризнаго ребенка, не выносящаго противорѣчій, Александръ Сергѣевичъ положилъ на столъ передъ матерью почтовый листокъ бумаги, испещренный цифрами.

— Прочти, мама... Портному тысячу двѣсти рублей, сапожнику—триста, Пивато—восемьсотъ... По векселю—семь тысячъ пятьсотъ, векселю скоро срокъ, мама... Денисову четыре тысячи...

— Какому Денисову?..

— Нашему, мама... Въ безикъ проигралъ...

— Ахъ, Шурка, Шурка!..—шептала Анна Петровна, просматривая длинный списокъ долговъ:—ты рѣшительно неисправимъ... Давно ли я за тебя заплатила пять тысячъ? Давно ли ты обѣщалъ вести себя скромнѣй и не играть въ карты? Вѣдь у насъ состоянія нѣтъ... ты это знаешь!

— Мама, голубушка, сердись не сердись, а попроси отца... Даю тебѣ слово, я больше не стану дѣлать долговъ, но только теперь упроси отца...

И Шурка, по обыкновенію, обвилъ шею матери и, покрывая ея лицо поцѣлуями, повторялъ:

— Ты попроси... попроси... Попросишь?..

Анна Петровна еще три дня тому назадъ просила Сергѣя Александровича за своего баловня, но теперь она хотѣла его проучить и показать, что не сразу поддается на его просьбы. Она отвела свое лицо и строго замѣтила:

— Александръ! Ты разоряешь насъ. Отецъ возмущенъ твоимъ поведеніемъ и, если ты не исправишься, онъ больше не станетъ платить твоихъ долговъ... Ты, кажется, могъ бы жить безъ долговъ. Ты получаешь двѣсти рублей отъ отца, сто отъ меня. У тебя готовая квартира, столъ и лошадь... Развѣ нельзя жить прилично на эти средства?..

— Ахъ, мама, мама... Что̀ такое триста рублей? Служатъ у насъ въ полку, сама знаешь, все богатые люди... Нельзя же мнѣ въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ отстать отъ товарищей и говорить, что папенька съ маменькой не даютъ денегъ... Надо сохранять приличія и не ронять чести полка... Надѣюсь...

Анна Петровна слушала и сама сознавала, что трехсотъ рублей, пожалуй, и недостаточно, чтобы ея любимецъ не ронялъ чести полка. Ахъ! Она бы давала ему гораздо больше, чтобъ онъ блисталъ въ свѣтѣ, чтобъ его капризы не встрѣчали препятствія, но по несчастію она не могла этого сдѣлать.

— Ну, хорошо... Мы прибавимъ тебѣ еще двѣсти рублей... ты будешь получать пятьсотъ въ мѣсяцъ, но ты дай мнѣ слово, честное слово, что больше долговъ не будетъ... Дашь?..

— Честное слово, мама...

— Вѣдь ты не одинъ у насъ. У тебя два брата и двѣ сестры... О всѣхъ васъ надо подумать.

— Ну, братья долговъ не дѣлаютъ... Они получаютъ на службѣ хорошія деньги. Къ чему имъ дѣлать долги?.. Борисъ вдобавокъ женится и беретъ громадное состояніе... Правда, мама?.. По крайней мѣрѣ всѣ говорятъ... Этотъ Борисъ уменъ, не то что̀ я. Онъ дьявольски-ловкую штуку выкидываетъ, если правда, что дѣло слажено...—весело разсмѣялся Шурка.— Ты, мама, и мнѣ подыщи такую же дуру съ приданымъ.

— Александръ! что̀ за выраженія!

— Ну, ну... не скажу болѣе ни слова... Такъ ты обѣщаешь?..

— Двадцати тысячъ отецъ не дастъ...

— Такъ что̀ же мнѣ дѣлать? Пойми, мама, что̀ же мнѣ дѣлать?—проговорилъ Шурка капризнымъ голосомъ.—Нѣтъ, мама, онъ дастъ. Посердится и дастъ... Только переговори съ нимъ, голубушка... прошу тебя... Вѣдь если подадутъ на меня въ полкъ, ты понимаешь, какой будетъ скандалъ... Ужъ ты какъ хочешь, а мнѣ необходимо двадцать тысячъ.

Анна Петровна опять стала говорить на тему о безпутствѣ сына, и Шурка слушалъ эти рѣчи разсѣянно, думая о томъ, сколько у него останется отъ двадцати тысячъ. Онъ составлялъ въ умѣ списокъ лицъ, кому можно не заплатить (портной и сапожникъ оказались первыми въ этомъ спискѣ), и разсчитывалъ, что можно оставить тысячъ десять, тѣмъ болѣе, что онѣ нужны были ему до-зарѣзу. Онъ такъ былъ увѣренъ въ помощи матери, подобныя сцены съ матерью повторялись такъ часто, что Шурка, по обыкновенію, пропускалъ мимо ушей увѣщанія матери. Она любитъ его и, конечно, не поставитъ въ скверное положеніе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ему, Шуркѣ Кривскому, жить какъ какому-нибудь армейскому офицеру и не дѣлать долговъ. Невозможно, всѣ это знаютъ, что невозможно.

— Такъ помни, Шура, что я поговорю съ отцомъ въ послѣдній разъ!—заключила Анна Петровна, любуясь своимъ безпутнымъ сыномъ, сидѣвшимъ передъ ней съ виноватымъ видомъ enfant gaté.—Слышишь?—прибавила она строгимъ тономъ.

— Слышу, слышу, мама!—всталъ онъ и крѣпко расцѣловалъ мать въ обѣ щеки.—Повѣрь, я больше не буду тебя безпокоить!—говорилъ онъ, искренно увѣренный въ ту минуту, что больше не будетъ безпокоить.

Ему некогда было думать о будущемъ, и къ чему? Что̀ будетъ впереди, то будетъ, а пока жизнь проходила передъ нимъ какимъ-то постояннымъ праздникомъ, среди катаній, пикниковъ и того веселаго ничегонедѣланья, которое однако

поглощаетъ немало времени въ жизни порядочнаго человѣка, имѣющаго счастіе принадлежать къ золотой молодежи. Веселый, легкомысленный, тщеславный, добродушный и избалованный, любимый дамами, товарищами и начальствомъ, онъ, что̀ называется, прожигалъ жизнь, не понимая, какъ можно было по утрамъ не завтракать у Пивато, не прокатиться по Невскому, кутаясь въ бобровый воротникъ, не сидѣть, весело кивая рыжеволосымъ кокоткамъ, въ первыхъ рядахъ оперы или Михайловскаго театра и не быть въ числѣ первыхъ счастливцевъ, пользующихся благосклонностью вновь появляющейся звѣзды полусвѣта.

Его всѣ любили, какъ добраго, безпритязательнаго малаго, умѣвшаго разсказать веселый анекдотъ, граціозно сидѣть на лошади, танцовать мазурку на балахъ, проигрывать въ безикъ, баккара и макао съ приличіемъ порядочнаго человѣка и говорить съ начальствомъ съ почтительной аффектаціей военнаго джентльмена. Глядя на его веселое, открытое лицо, никому не могло придти въ голову, чтобы на Шурку Кривскаго можно когда-нибудь сердиться. На него даже кредиторы не сердились, когда онъ съ добродушіемъ ребенка говорилъ имъ, что денегъ нѣтъ, и у нихъ же перехватывалъ маленькія суммы... Всѣ знали, что «мальчикъ» на виду, направленія примѣрнаго — Шурка всегда отличался самыми рыцарскими чувствами и говорилъ о чести полка съ благородной дрожью въ голосѣ — пойдетъ своей дорогой, перебѣсится, и изъ него выйдетъ если и не такой человѣкъ, какъ его отецъ (отецъ— большой умница!), то во всякомъ случаѣ хорошій служака, сумѣющій, когда нужно, умереть съ честью.

И Шурка самъ находилъ, что онъ «неученый», и въ разговорѣ съ братомъ Борисомъ, смотрѣвшимъ на себя, какъ на будущаго столпа государства, нерѣдко, смѣясь, вскрикивалъ:

— Ну, ты ученый государственный человѣкъ, я слишкомъ глупъ для твоихъ скучныхъ разговоровъ...

Борисъ весело смѣялся. Смѣялся и Шурка больше всѣхъ и сводилъ разговоръ на послѣднюю пирушку или на новый анекдотъ изъ жизни полусвѣта.

Впрочемъ, штудируя передъ сномъ французскіе романы (другихъ книгъ онъ никогда не читалъ), и въ Шуркину голову изрѣдка забѣгали шальныя мысли о будущей карьерѣ. Конечно, онъ не мечталъ о высшихъ знаніяхъ... нѣтъ, но иногда мечталъ, что въ тридцать лѣтъ командовать полкомъ пріятно, очень пріятно, а тамъ бригада, дивизія и... обыкновенно мысли его обрывались на этомъ, и онъ не могъ придумать, что̀ будетъ дальше. Только навѣрное будетъ хорошо,

такъ какъ онъ, Шурка Кривскій, порядочный человѣкъ. При словѣ «порядочный» у него являлось представленіе объ изящномъ платьѣ отъ хорошаго портного, розовыхъ ногтяхъ, собственной лошади, завтракахъ у Пивато, знакомствѣ съ обществомъ свѣта и полусвѣта, уплатѣ карточнаго долга въ срокъ, умѣньи ѣсть рыбу вилкой, знаніи свѣжихъ анекдотовъ и рыцарскомъ уваженіи къ чести полка... Все помимо этого было непорядочное, неприличное... Люди другого міра могли быть хорошими, добрыми людьми, но не порядочными. Съ ними можно было встрѣтиться и пройтись по Гороховой, но не по Большой Морской. У нихъ можно было занять денегъ, но знаться съ ними было неловко.

Веселый и довольный выходилъ Шурка отъ матери. Двадцать тысячъ онъ навѣрное получитъ, только бы «фатеръ» не очень долго длилъ сцену объясненія. Фатеръ иногда тянулъ эти сцены, и Шурка принужденъ былъ слушать ихъ, подавая время отъ времени реплики въ качествѣ блуднаго, раскаявшагося сына.

Обыкновенно мать выручала его, принимая на себя деликатные переговоры о Шуркиныхъ долгахъ. Если сумма была не велика, отецъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ, и мать давала деньги своему любимцу, пожуривъ его съ нѣжной ласковостью ослѣпленной матери; но когда сумма превышала тысячу рублей, тогда приходилось идти къ отцу въ кабинетъ, присѣсть въ кресло, провести четверть часа съ поникшей головой и получить «порцію совѣтовъ», какъ говорилъ выходя изъ кабинета съ веселымъ смѣхомъ Шурка, встрѣчая своихъ сестеръ.

Онъ поднялся въ третій этажъ «къ себѣ», въ хорошенькую холостую квартиру, и приказалъ нѣмцу-лакею позвать къ себѣ Василія Ивановича.

Василій Ивановичъ тотчасъ же пришелъ.

— Денегъ, Василій Ивановичъ!—проговорилъ весело Шурка, трепля Василія Ивановича по плечу.

— Вамъ много нужно, Александръ Сергѣевичъ?

— Ты что называешь много... Триста рублей много?..

— Нѣтъ-съ, не много!—улыбнулся камердинеръ.

— Ну, такъ давай триста, но только поскорѣй. Мнѣ надо отвезти проценты Гуляеву. Слышалъ объ этомъ жидоморѣ?

— Слышалъ-съ.

— Ну, если слышалъ, то неси деньги. Гуляевъ любитъ, чтобы дня не просрочить. Сегодня срокъ, и я хочу поразить аккуратностью.

Василій Ивановичъ принесъ черезъ нѣсколько минутъ

деньги. Шурка, не пересчитавъ, сунулъ ихъ въ карманъ рейтузъ и проговорилъ:

— А насчетъ того долга ты, Василій Ивановичъ, не безпокойся. Скажи твоему пріятелю, что на-дняхъ заплачу. Отецъ платитъ мои долги.

— Онъ проситъ весь долгъ. Ему нужны деньги...

— Все и отдамъ... Да скажи этому подлецу, что онъ деретъ чертовскіе проценты.

Василій Ивановичъ обѣщалъ сказать «подлецу», т.-е. самому себѣ, и хотѣлъ-было уходить, какъ Александръ Сергѣевичъ остановилъ его:

— Отецъ у себя?

— У себя-съ!

— Занятъ?

— Заняты... У нихъ Евгеній Николаевичъ.

— Ну, значитъ, надолго... Этотъ Евгеній Николаевичъ, кажется, совсѣмъ влѣзъ въ душу къ отцу...

— Уже и не говорите!—озлился Василій. — Помните, какимъ взяли его Сергѣй Александровичъ. Былъ этотъ Евгеній Николаевичъ тихонькій такой, смирненькій, а теперь прыти-то, прыти!

— Ну, да чортъ съ нимъ, съ твоимъ Евгеніемъ Николаевичемъ! Если спроситъ отецъ, скажи—на ученье уѣхалъ... Да вели подавать Медвѣдя.

Кривскій взялъ фуражку, спустился внизъ, обнялъ въ залѣ хорошенькую свою сестру, сидѣвшую за роялемъ, обѣщалъ ей привезти обѣдать Денисова и, напѣвая веселый мотивъ, беззаботно спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ дрожки и приказалъ ѣхать на Васильевскій островъ.

V.

Отставной полковникъ, дающій деньги за «небольшіе» проценты.

Трудно найти въ Петербургѣ порядочнаго человѣка, занимающаго суммы не меньше тысячи рублей, который бы не зналъ отставного полковника Гуляева и не обращался бы къ нему съ просьбой о деньгахъ, безпокойно взглядывая на круглое, румяное, добродушное лицо, убѣленное почтенными сѣдинами, на маленькій курносый носъ, который полковникъ поминутно утиралъ краснымъ фуляромъ, на выцвѣтшіе сѣрые глаза съ большими сѣдыми бровями, по движенію которыхъ опытные люди догадывались объ удачѣ или неудачѣ займа.

Его черный потертый сюртукъ съ вѣчно болтавшимся Владиміромъ въ петлицѣ, облегавшій плотную, коренастую фигуру полковника, неизмѣнно сѣрая жилетка и такіе же пьедесталы были тоже хорошо извѣстны всѣмъ посѣтителямъ небольшой квартирки полковника въ четвертомъ этажѣ семнадцатой линіи Васильевскаго острова. Всѣ знали его аккуратность и чувство собственнаго достоинства, съ какимъ держалъ себя этотъ обязательный и вѣжливый старикъ; знали слабыя струны его сердца и спѣшили оказать ему прежде всего почтеніе и вниманіе, такъ какъ старикъ очень цѣнилъ почтительныхъ и деликатныхъ людей, а непочтительнымъ ни за что не давалъ денегъ, хотя бы дѣло было самое вѣрное и проценты подходящіе. Тогда брови его самымъ рѣшительнымъ образомъ двигались вверхъ и внизъ, наконецъ нависали, какъ грозныя тучи, надъ глазами, и старикъ категорически отказывалъ въ деньгахъ.

Всѣ знали эту слабость и часто добивались отсрочекъ платежей, пріѣзжая къ полковнику, какъ къ знакомому, поздравить съ днемъ ангела или рожденія, или просто узнать о здоровьѣ и потолковать о политикѣ. Нерѣдко должники посылали полковнику билетъ въ театръ или корзинку съ фруктами, дарили его какой-нибудь бездѣлкой или рѣдкостью, и Гуляевъ бывалъ очень доволенъ вниманіемъ. Когда почтенный полковникъ выходилъ въ часъ дня на улицу въ своемъ полувоенномъ балахонѣ-пальто, въ большомъ картузѣ съ длиннымъ козыремъ и, опираясь на палку, шелъ пѣшкомъ или ѣхалъ въ конкѣ до Невскаго и, по обыкновенію, тихо прогуливался отъ часу до трехъ по солнечной сторонѣ, то вы могли видѣть, сколько привѣтливыхъ поклоновъ шлется этому скромному на видъ старику изъ щегольскихъ каретъ, и какіе солидные и изящные джентльмены при встрѣчѣ съ нимъ останавливаются и бесѣдуютъ, вполнѣ увѣренные, что почтенный полковникъ никогда на улицѣ не намекнетъ о долгѣ, хотя бы вы давно его просрочили и вексель вашъ уже находился въ коммерческомъ судѣ... Боже сохрани! Полковникъ любезно освѣдомится о вашемъ здоровьѣ, поговоритъ о погодѣ и о политикѣ и тѣмъ же степеннымъ шагомъ пойдетъ далѣе, раздумывая, какъ бы васъ прижать, чтобы заставить заплатить...

Свершивъ обычную прогулку по Невскому, полковникъ обыкновенно отправлялся на Пески, гдѣ жили его многочисленные родственники. За обѣдомъ у кого-нибудь изъ родственниковъ, окруженный подобострастнымъ вниманіемъ чающихъ наслѣдства, полковникъ разсказывалъ о встрѣчахъ и о

бесѣдахъ съ графомъ такимъ-то, княземъ такимъ-то, сановникомъ такимъ-то.

Полковникъ даетъ деньги подъ векселя за «небольшіе» проценты и даетъ преимущественно молодымъ людямъ хорошихъ фамилій. Онъ очень хорошо знаетъ Петербургъ и его обитателей и рѣдко ошибается, хотя и не беретъ никакихъ гарантій кромѣ двойного векселя «на случай». Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ постоянно съ часу бродитъ по улицамъ, знаетъ все, что̀ дѣлается въ городѣ, первый слышитъ о смерти того или другого стараго отца своего кредитора, узнаётъ о выгодныхъ свадьбахъ и недаромъ водитъ знакомство съ полицейскими приставами... Старожилъ Петербурга, онъ занимается дѣломъ лѣтъ тридцать, имѣетъ громадное состояніе и живетъ одинокій какъ перстъ...

Его всѣ знаютъ, и никто не забываетъ при встрѣчѣ съ нимъ почтительно раскланяться, такъ какъ трудно найти порядочнаго человѣка, который бы не былъ ему долженъ.

Иванъ Алексѣевичъ цѣнитъ это уваженіе и очень дорожитъ имъ. Въ немъ онъ какъ бы видитъ, что на него смотрятъ не только какъ на мѣшокъ съ деньгами, а какъ на равнаго человѣка. Этотъ самообманъ успокаиваетъ его, когда подчасъ онъ раздумываетъ о своей профессіи.

Къ этому-то старику и отправился Шурка.

Полковникъ, по обыкновенію, проснулся въ пятомъ часу утра, тревожно озираясь изъ-подъ одѣяла и спѣшнымъ крестомъ осѣняя желтый, какъ пергаментъ, большой плѣшивый лобъ съ блѣстѣвшими на немъ крупными каплями пота.

Опять тяжелые сны смущали ночью бѣднаго старика! Не любилъ онъ ночи, особенно длинной зимней лунной ночи, когда блѣдный лучъ ночной красавицы, пробираясь изъ-за шторы въ комнату, придавалъ всѣмъ предметамъ фантастическій видъ. Образа казались живыми, платье, раскинутое на стулѣ, принимало формы сидящаго человѣка, цвѣты на обояхъ казались какими-то гадкими рожами, показывающими языкъ подъ трепетавшимъ блѣднымъ свѣтомъ. Жутко было полковнику въ такія ночи.

И въ эту ночь старикъ нѣсколько разъ просыпался въ безотчетномъ страхѣ, зажигалъ свѣчку, судорожно протягивалъ руку подъ подушку, сжималъ револьверъ и напряженно прислушивался среди безмолвія ночи и полусвѣта маленькой спаленки.

То казалось ему, что въ сосѣдней комнатѣ раздаются робкіе шаги, то чудился ему какой-то подозрительный шорохъ,

то будто кто-то тихо взламывалъ замокъ, и вотъ осторожно отворяется маленькая дверь...

Старикъ вскакивалъ съ постели въ одной сорочкѣ, босой, съ револьверомъ въ рукахъ приближался къ двери и брался за ручку. Дверь была заперта. Все тихо. Только старинные часы съ башенкой и какой-то фантастической фигуркой въ башенкѣ мѣрно чикали, нарушая безмолвіе ночи.

Старикъ крестился, что-то шепталъ губами, снова ложился подъ одѣяло и долго-долго лежалъ еще съ открытыми глазами, ожидая и пугаясь сна... Онъ тоскливо ворочался въ постели, утѣшая себя мыслями, что онъ никому не сдѣлалъ зла и, какъ слѣдуетъ хорошему человѣку, помогаетъ своимъ роднымъ и многимъ бѣднымъ людямъ, пока наконецъ не засыпалъ безпокойнымъ сномъ человѣка, не увѣреннаго въ своей безопасности.

Полковникъ жилъ одиноко въ небольшой квартирѣ, состоящей изъ четырехъ комнатъ, со старымъ испытаннымъ слугой.

Словно ожидая выдержать ночью осаду, онъ всегда самъ осматривалъ вездѣ запоры и замки, на ночь запирался въ маленькой спальнѣ на ключъ и, когда лакей раздѣвалъ его, онъ иногда такъ подозрительно всматривался въ лицо слуги, что старый Ѳома опускалъ глаза и торопливо уходилъ изъ спальни...

— Богъ знаетъ, что̀ у человѣка на умѣ!—говорилъ въ раздумьѣ полковникъ, когда слуга уходилъ. — Нынче люди какіе-то порченые... Изъ-за денегъ на все готовы!—тихо прибавлялъ старикъ, подходилъ къ образу, зажигалъ лампаду и молился передъ отходомъ ко сну.

Старикъ былъ радъ, когда у него ночевалъ кто-нибудь изъ его многочисленныхъ родственниковъ. Часто зазывалъ онъ къ себѣ одного изъ молодыхъ племянниковъ и укладывалъ его спать въ сосѣдней съ спальней комнатѣ. Тогда ему спалось лучше.

Проснувшись, полковникъ тотчасъ же всталъ, умылся, помолился передъ образами, стоявшими въ углу комнаты, облекся въ сѣрый байковый халатъ, надѣлъ большіе плисовые мягкіе сапоги и пошелъ будить Ѳому, чтобы ставили самоваръ. Съ наступленіемъ утра полковникъ оживлялся, забывая тревогу ночи. Дѣятельная натура старика искала занятій, чтобы наполнить время ранняго утра. Въ ожиданіи чая онъ бродилъ по комнатамъ, осматривая мебель, картины, дорогія бездѣлки, рѣдкостныя вещи, старое оружіе и т. п.

Всѣмъ этимъ добромъ маленькая квартирка полковника

была загромождена совсѣмъ безтолково и скорѣе напоминала лавку древностей, чѣмъ обыкновенную жилую квартиру. Изъ безтолковости, съ которой были разставлены всѣ эти вещи, можно было безошибочно заключить, что онѣ попали къ полковнику случайно. Большая прелестная картина Корреджіо красовалась рядомъ съ аляповатымъ издѣліемъ базарнаго живописца, изящная фарфоровая ваза стояла въ темномъ углу совсѣмъ не у мѣста, около разбитаго глинянаго кувшина; рядомъ со стариннымъ дорогимъ кресломъ торчала мебель апраксинскаго издѣлія. Во всемъ убранствѣ было отсутствіе вкуса.

Наконецъ Ѳома находилъ старика въ гостиной, стиравшаго полой халата пыль съ какого-нибудь дивана, и докладывалъ, что самоваръ поданъ.

Старикъ переходилъ въ столовую, бросавшуюся въ глаза смѣсью всевозможной мебели, фарфора и вазъ, разставленныхъ на горкахъ и этажеркахъ, и принимался за чай, стараясь продлить чаепитіе. Въ это время онъ бесѣдовалъ съ Ѳомой насчетъ погоды и людской испорченности. Старый Ѳома вмѣстѣ съ бариномъ находилъ, что нынче народъ «сталъ другой», и полковникъ по утрамъ ласково и добродушно смотрѣлъ на темное, морщинистое, обросшее лицо стараго слуги и слушалъ его разсужденія на тему о томъ, чѣмъ былъ человѣкъ прежде, и чѣмъ онъ сталъ теперь.

Послѣ чаю полковникъ шелъ въ свой кабинетъ, рядомъ съ столовой, присаживался къ столу, на которомъ пестрѣла цѣлая лавочка разныхъ вещицъ и сувенировъ, подаренныхъ родственниками и заимодавцами, бралъ календарь съ пришитой въ концѣ тетрадкой бѣлой бумаги и, надѣвши большія старинныя очки въ перевязанной нитками черепаховой оправѣ, приступалъ, по обыкновенію, къ замѣткамъ о вчерашнемъ днѣ.

Крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ, громоздя букву на букву, занесъ онъ въ тетрадь: «Утромъ на прогулкѣ встрѣтилъ графа Д. Обѣщалъ произвести уплату 21-го. Ненадеженъ. Р., встрѣтившись, просилъ денегъ. Отказалъ. Я денегъ для него не кую. Обѣдалъ у своячиницы Прасковьи, за обѣдомъ былъ супъ, телятина на жаркое и сушки. Живетъ не по средствамъ, а перваго числа ко мнѣ же придетъ. Послѣ обѣда пришла двоюродная сестрица Лизавета и была непочтительна. Уменьшить размѣръ даваемаго вспомоществованія. Люди, люди! Всѣ *они* ждутъ моей смерти, чтобы подѣлить достояніе, бережливостью и милосердіемъ Бога мнѣ данное. Удивительно лебезилъ племянникъ Василій, но я ему не дамъ

гроша. Вечеромъ пилъ чай у сестры Гликеріи: Забѣгала на минутку Валентина и жаловалась на мужа. Просилъ зайти ее ко мнѣ. Очень она похорошѣла, но я все-таки колеблюсь исполнить давнишнее намѣреніе. Слишкомъ она легкомысленна. Сегодня исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я командовалъ батареей. Много утекло воды. Б. обѣщалъ купить двѣ картины, а пока прислалъ билетъ на входъ въ Демидовъ садъ. Говоритъ, ему даромъ даютъ. Отдать кому-нибудь изъ племянниковъ. Негодяй З., слышалъ, уѣхалъ изъ Петербурга. За нимъ пятьсотъ рублей. NB. Тысяча по векселю».

Перечитавъ и исправивъ замѣтки, полковникъ вынулъ изъ несгораемаго шкапа толстую, внушительную книгу — домашнюю гроссъ-бухъ,—въ которой самимъ полковникомъ велась оригинальная бухгалтерія. По этой большой, порыжѣлой отъ времени книгѣ можно было прослѣдить, кому полковникъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ давалъ деньги, когда, сколько, на какой срокъ, и когда получалъ обратно. Самыя извѣстныя фамиліи Петербурга записаны были крупнымъ почеркомъ полковника съ разными таинственными знаками, понятными только ему одному. Нѣкоторыя фамиліи повторялись изъ году въ годъ, нѣкоторыя были перечеркнуты краснымъ крестомъ съ надписью сбоку: «Скончался. Взыскать безнадежно» или «Отправился въ заграничный вояжъ и не вернулся», а около другихъ стояли буквы: Н. Д. (не давать), Н. С. (неисправенъ). Эта черная книга была, такъ сказать, кондуитнымъ спискомъ петербургской знати, и полковникъ всегда предварительно справлялся въ ней, когда у него просили денегъ. Если около фамиліи стояли какія-нибудь таинственныя буквы, полковникъ отказывалъ или значительно уменьшалъ требуемую сумму. Подъ лаконическими записями полковника, которыя онъ велъ въ теченіе 25 лѣтъ, скрывались цѣлыя трагедіи, драмы и комедіи изъ жизни петербургскаго beau mond'a. Сколько смѣшного и грустнаго, сколько подлаго и жалкаго заключалось въ этихъ пожелтѣвшихъ отъ времени листахъ, на которыхъ крупнымъ почеркомъ противъ какого-нибудь блестящаго имени стояли таинственныя буквы П-П, означавшія подложную подпись на векселѣ, и сбоку лаконическая отмѣтка: «Уплачено отцомъ». Недаромъ полковникъ, на склонѣ лѣтъ, несмотря на добродушіе, не довѣрялъ людямъ, считая ихъ способными на всякую пакость изъ-за денегъ.

Онъ самъ любилъ деньги и былъ убѣжденъ, что всѣ ихъ должны любить. Отъ этого онъ никому не довѣрялъ, всѣхъ подозрѣвалъ и самъ подчасъ страдалъ подъ бременемъ подо-

зрѣній, закрадывавшихся ему въ сердце при видѣ расположенія, оказываемаго старику кѣмъ-нибудь изъ его родныхъ. Искренность нерѣдко принималъ онъ за лукавство и за желаніе подобраться къ его деньгамъ.

Порывами добрый, даже великодушный, онъ точно боялся этихъ порывовъ и даже людей, которыхъ любилъ, временами оцѣнивалъ на основаніи горькой философіи, заключавшейся въ его порыжѣломъ гроссъ-бухѣ. Случалось, больной онъ лежалъ въ своей спаленкѣ, къ нему заходили его близкіе, и онъ жадно всматривался въ ихъ лица, стараясь найти въ нихъ участіе, и находилъ одну корысть и ожиданіе его смерти. Онъ придирался, бранился и говорилъ, что все свое состояніе оставитъ на больницы, но роднымъ не дастъ ни гроша. Оскорбленные уходили отъ него братъ, сестра, и полковникъ оставался одинъ, болящій сердцемъ, терзающійся, не напрасно ли онъ обидѣлъ. Онъ пробовалъ загладить обиду и заглаживалъ деньгами... Деньгами онъ мирилъ людей, деньгами расплачивался за все, потерявъ давно способность уплачивать счеты своего сердца инымъ образомъ.

Полковникъ развернулъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ заголовокъ: «Сроки» и противъ фамиліи поручика А. С. Кривскаго поставилъ буквы П. В. (подать ко взысканію), покачалъ головой и тихо произнесъ:

— Шибко живетъ этотъ баринъ. На что̀ живетъ?

Затѣмъ онъ досталъ срочные векселя, внимательно ихъ пересмотрѣлъ, спряталъ въ боковой ящикъ письменнаго стола, прошелъ въ свою спаленку и, затворивъ двери на замокъ, безпокойно озираясь, досталъ изъ комода шкатулку, древнюю шкатулку краснаго дерева, и осторожно пересчиталъ заключавшіеся въ ней именные билеты, золото и серебро. Онъ каждое утро пересчитывалъ деньги съ любовью нѣжнаго отца. Онъ раскладывалъ сторублевыя бумажки по пачкамъ, разглаживалъ банковые билеты и тихо позвякивалъ червонцами, словно наслаждаясь нѣжнымъ звяканьемъ. Глаза его оживлялись, и все его безотрадное, одинокое существованіе, казалось, принимало смыслъ. Считая деньги, онъ жилъ. Отдавая ихъ, онъ страдалъ до той поры, пока онѣ снова не ворочались къ нему. Хотя онъ и говорилъ, что не держитъ денегъ дома, но у него въ шкатулкѣ всегда бывала изрядная сумма. Остальныя деньги онъ держалъ въ банкѣ, а векселя — у нотаріуса.

На башенкѣ съ фантастической фигуркой пробило восемь часовъ. Старикъ поспѣшно спряталъ шкатулку въ комодъ, одѣлся въ свой неизмѣнный потертый черный сюртукъ, сѣрую

жилетку и сѣрые пьедесталы, вышелъ изъ спальни, присѣлъ въ столовую и сталъ раскладывать пасьянсъ, прислушиваясь къ звонку.

Онъ ждалъ Валентину.

Въ прихожей раздался тихій звонокъ.

Старикъ поднялъ глаза и радостно привѣтствовалъ вошедшую Валентину. Она поцѣловала старика и проговорила:

— Я нарочно къ вамъ, дядя, пораньше, а то поздно вы всегда заняты.

Старикъ радъ былъ гостямъ, особенно если зналъ, что гость не попроситъ денегъ. Онъ былъ гостепріименъ и любилъ угощать многочисленныхъ родственниковъ и родственницъ, нерѣдко забѣгавшихъ къ нему узнать о здоровьѣ и посидѣть съ нимъ полчаса. Старикъ дорожилъ родственнымъ вниманіемъ.

— Чѣмъ тебя, Валентина, угощать... Чего хочешь, чаю или кофе?

— Ничего не хочу, дядя...

— Такъ я тебѣ фруктовъ дамъ.

И онъ досталъ изъ шкапа вазу съ фруктами и поставилъ ее передъ Валентиной.

— Кушай... выбирай, что̀ хочешь...

Валентина была двоюродной племянницей полковника. Полковникъ чувствовалъ слабость къ хорошенькой племянницѣ и нерѣдко помогалъ ей, когда та приходила къ нему и со слезами на глазахъ разсказывала о своемъ положеніи. Онъ сочувствовалъ ея несчастной семейной жизни, какъ котъ жмурилъ глаза подъ родственными поцѣлуями «доброй малютки» и сердился на мужа, никогда не почтившаго старика визитомъ.

— Ну, разсказывай, разсказывай... что̀, твой пьяница опять буянитъ?

Валентина принялась разсказывать.

— Кривскій, говоришь, обѣщалъ помочь?

— Обѣщалъ.

— Напрасно ты со мной не посовѣтовалась. Я бы сказалъ: иди прежде къ Евгенію Николаевичу Никольскому. Онъ важнѣе Кривскаго. Евгеній Николаевичъ захочетъ—и Кривскій захочетъ... Тебѣ совсѣмъ надо развестись съ мужемъ... Ты такая молоденькая, хорошенькая, да, хорошенькая... Жить только...

— Ахъ, дядя, а какъ бы мнѣ хотѣлось...

— И какъ еще жить можешь... Богатой жить... Только вѣтренница ты... И знаешь что̀: отдай ты этому пьяницѣ сына... Отдашь, онъ оставитъ тебя въ покоѣ...

Старикъ говорилъ на эту тему, подсѣвъ поближе къ племянницѣ, и опытнымъ взглядомъ оцѣнивалъ капиталъ, который представляла, по его мнѣнію, эта прелестная, обворожительная маленькая женщина. Гуляевъ давно заглядывался на Валентину и нерѣдко дольше, чѣмъ бы слѣдовало дядѣ, цѣловалъ ея щеки, послѣ чего дарилъ деньгами, но каждый разъ сомнѣнія закрадывались къ нему въ сердце, когда онъ въ мечтахъ видѣлъ Валентину, живущую у него въ качествѣ несчастной племянницы...

— Отдай сына и переселяйся ко мнѣ... Ухаживай за старикомъ,—серьезно проговорилъ полковникъ.—Только чтобы вѣтеръ изъ головы... Я этого не люблю...

— Какъ была бы я счастлива, но развѣ мужа вы не знаете?

— Отдай ему сына,—приставалъ старикъ.

Валентина расплакалась. «Отдать сына!» Дядя обижаетъ ея материнскія чувства. И къ чему отдавать, когда можно отдѣлаться отъ мужа и безъ этой жертвы, только бы дядя помогъ и съѣздилъ къ Никольскому.

— Ты сама съѣзди. Я съѣзжу, но и ты побывай у него. Это умный человѣкъ, а насчетъ моихъ словъ подумай. Мнѣ тебя жалко, такая ты безпризорная теперь и жизнь какую-то ведешь... Небось, любишь кого?..

— Что вы, дядя?

— Полно, полно... нечего: «что вы, дядя»! Вѣрно, грѣшна. Про тебя Богъ вѣсть что разсказываютъ... Ну-ну... не сердись, а подумай-ка, Валентина... право!.. — прибавилъ онъ, трепля Валентину по щекѣ.

Звонокъ прервалъ бесѣду.

— Посиди-ка тутъ,—проговорилъ полковникъ и вышелъ въ кабинетъ.

До тонкаго слуха Валентины долетѣлъ знакомый свѣжій голосъ Шурки. Она прислушалась. Кривскій просилъ объ отсрочкѣ.

Старикъ вѣжливо отклонялъ просьбу и замѣтилъ, что ему нужны деньги.

— Ради Бога, хоть пять дней подождите... Отецъ получилъ деньги, и я вамъ привезу...

— Извините, дорогой Александръ Сергѣевичъ, но я не могу...

Разговоръ сталъ тише. Шурка, этотъ самый блестящій Шурка, котораго Валентина считала богачомъ, умоляющимъ голосомъ просилъ объ отсрочкѣ трехъ тысячъ рублей. Старикъ отказывалъ.

«Такъ вотъ онъ какой богатый!»—надула губки Валентина, вспомнивъ, какъ недавно она цѣловала Шурку, слушая его безумныя клятвы и обѣщанія лелѣять ее, какъ царицу. «Хорошъ царь!» Она тихо подошла къ кабинету и взглянула въ замочную скважину.

Шурка плакалъ, схвативъ руку полковника, и умолялъ пожалѣть его.

Наконецъ старикъ произнесъ:

— Хорошо. Три дня я жду.

Съ этими словами старикъ поднялся съ кресла, а Валентина отошла къ столу.

«И я, глупая, вѣрила ему!»—пронеслось въ ея головкѣ.

— Пустой человѣкъ!—сердито проговорилъ дядя, входя въ столовую.—Ненадежный человѣкъ. Плохо онъ кончитъ. Живетъ не по средствамъ.

— Кто это?

— Кривскаго Сергѣя Александровича сынъ.

— А!

— Ты его никогда не видала? Писаный красавецъ, но только любить его не стоитъ... Нѣтъ у него ничего!.. Кушай же, кушай...—говорилъ старикъ, снова усаживаясь около племянницы и шутливо обнимая дрожащей рукой ея талію.— Мы твое дѣло устроимъ... Мнѣ жаль тебя.

Опять звонокъ, на этотъ разъ рѣзкій.

— Не принимай, Ѳома! — крикнулъ полковникъ. — Скажи, что я не люблю, когда такъ звонятъ.

Черезъ секунду Ѳома вернулся и подалъ полковнику карточку. Прочитавъ фамилію, полковникъ торопливо всталъ и крикнулъ:

— Верни, верни... скорѣй... Извинись...

Онъ заметался и проговорилъ, обращаясь къ Валентинѣ:

— Знаешь, это кто?.. это самъ Савва Лукичъ Леонтьевъ... Умница... другъ и пріятель, извѣстный милліонеръ Савва Лукичъ.

И старикъ торопливо вышелъ встрѣчать Савву Лукича въ прихожую.

VI.

Валентинина звѣзда.

— Милости просимъ, дорогой Савва Лукичъ! Простите великодушно дурака-лакея, что отказалъ такому дорогому и рѣдкому гостю! — говорилъ полковникъ, обхватывая обѣими

руками руку гостя, громаднѣйшую, жилистую руку, густо поросшую черными волосами.—Сюда пожалуйте, сюда въ гостиную, Савва Лукичъ!

Когда Савва Лукичъ вошелъ въ гостиную, почти касаясь большой кудрявой головой потолка, то полковникъ глядѣлъ совершеннымъ карликомъ передъ мощной грандіозной фигурой Леонтьева. Казалось, тѣсная комната давила этого дюжаго, плотнаго молодца, почти саженнаго роста, съ характерной большой головой, ловко посаженной на широкія плечи, съ широкой грудью, смуглымъ лицомъ, свѣжимъ и румянымъ, окаймленнымъ черною какъ смоль, окладистой бородой и умными и черными бойкими глазами, зорко глядѣвшими изъ-подъ полукруглыхъ густыхъ бровей увѣреннымъ, спокойнымъ взглядомъ человѣка, сознающаго свою силу.

Леонтьевъ представлялъ хорошій образчикъ писанаго русскаго красавца простонароднаго типа. Отъ этой мощной высокой фигуры вѣяло крѣпостью, желѣзнымъ здоровьемъ, запахомъ деревни и удалью забубеннаго ямщика. Удаль свѣтилась въ зоркихъ глазахъ, что-то беззаботно-отважное, добродушное и плутовское сказывалось въ выраженіи глазъ и въ усмѣшкѣ, скользившей по толстымъ алымъ губамъ.

Подобные русскіе красавцы-молодцы почти въ сажень ростомъ, черноволосые, чернобровые, напоминаютъ что-то сказочное, богатырское...

Такое впечатлѣніе производилъ и Савва Лукичъ.

Подъ моднымъ платьемъ, неловко облегавшимъ плотную фигуру, сразу угадывался великорусскій мужикъ. Туго накрахмаленные воротнички давили мускулистую шею, окрѣпшую въ пестрядинной рубахѣ, перчатка, очевидно, сковывала руку, привыкшую къ сохѣ и косѣ, и, казалось, сейчасъ лопнетъ по швамъ, а черный сюртукъ сидѣлъ на немъ неуклюже и точно стѣснялъ размашистость движеній и жестовъ вчерашняго мужика, ставшаго сытымъ и выхоленнымъ бариномъ.

Не шло къ нему городское модное платье!

То ли дѣло надѣть на этого молодца красную рубаху и шапку съ павлиньимъ перомъ, посадить его на облучокъ и дать ему въ руки вожжи! Передъ вами былъ бы красавецъ-ямщикъ, полный жизни и удали, который смутитъ не одно женское сердце.

Леонтьеву было за пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему нельзя было дать и сорока, такъ онъ былъ крѣпокъ, свѣжъ и моложавъ. Жизнь кипѣла въ немъ неудержимой волной. Энергія сказывалась въ этой мощной фигурѣ, та энергія, которая не оставляетъ человѣка въ покоѣ, несмотря на препятствія. Чѣмъ

болѣе прежнихъ, тѣмъ наглѣйшія дѣлать напрасныя такія натуры съ какой-то дикой отвагой, словно бы тѣ богатыри, совершавшіе чудеса въ давно прошедшія времена.

Савва Лукичъ грузно опустился на диванъ, стиснулъ нервную съ дѣвой руки, точно въ нервной ему показалось было приступить къ дѣлу, вздохнулъ и произнесъ своимъ мягкимъ пріятнымъ баритономъ:

— А я вѣдь къ тебѣ, полковникъ, по дѣлу.

Савва Лукичъ говорилъ по простотѣ на «ты» съ людьми, которые на это не сердились.

— Что прикажете, Савва Лукичъ?

— Да прикажу я, любезный пріятель, нѣтъ что не можешь ли ты мнѣ сдѣлать тысчонку дѣлъ, эхъ...

Савва Лукичъ произнесъ «тысчонку дѣлъ» съ такою небрежностью, точно дѣло шло о двухстахъ рублѣхъ.

— Мнѣ, дорогой мой Иванъ Алексѣичъ, на самой крупной срокъ... Такъ деньга на три, на четыре!.. А бери ты съ меня процентъ какой хошь... Грабь!.. — добродушно разсмѣялся Савва Лукичъ, трепля своей жирной рукой по плечу полковника.

Полковникъ, по обыкновенію, опустилъ глаза, какъ только рѣчь зашла о деньгахъ. На лицѣ его появилось серьезное выраженіе. «Дѣлати тысячъ! И какъ онъ говоритъ объ этой суммѣ. Какъ говоритъ!.. Впрочемъ, и то — для него дѣлати тысячъ — пустяки!» — съ завистью подумалъ полковникъ, сразу рѣшаясь дать деньги.

— Главное дѣло, полковникъ, осмотрѣть и на бакъ. Прежнаго, а новый директоръ такъ у нихъ правила какъ то завелъ... Завтра, говоритъ, пожалуйте. Наплевать, мол, на васъ съ вашимъ завтра. Леонтьевъ завтраковъ не знаетъ! И и сегодня достану у добрыхъ людей... Ну, что-жъ ты полковникъ, задумался... Будешь грабить, что-ль?.. — весело говорилъ Савва Лукичъ. — А можетъ, обзаведиться хочешь? Любой изъ домовъ бери, а то фабрику, а какъ тебѣ фабрика, деревню какую, что ли... У насъ этого добра довольно!..— слегка похвалился Леонтьевъ своимъ богатствомъ.

— Къ которому часу нужны деньги, Савва Лукичъ?

— Да къ пяти часамъ, что ли? Тоже человѣку обѣщалъ вечеромъ.

— Такъ въ пять часовъ деньги будутъ готовы.

— Ну и спасибо, пріятель, спасибо. Удружу и тебѣ, добрый человѣкъ, если могу чѣмъ. Только врозь! Ты деньгу копишь, не то что нашъ братъ, держишь ее въ банкѣ, а я, грѣшный человѣкъ, не могу держать взаперти копейку. Она у тебя разъ оборотъ сдѣлаетъ, а у меня двадцать... Такой нравъ

проклятый... Ну, и деньги идутъ межъ рукъ, какъ вода сквозь сито. Жить люблю не по-твоему!.. Вотъ еще намедни купилъ я на Кавказѣ дачу. Ну, скажи мнѣ на милость, на кой прахъ мнѣ на Кавказѣ дача? Когда я поѣду на эту самую дачу, да и слава Богу дачъ у насъ довольно, а купилъ... Такъ, позарился, въ амбицію вошелъ и купилъ... И такъ вышло, что когда я покупалъ, то мнѣ вдругъ такъ захотѣлось этой самой дачи, что хоть вынь сейчасъ да положь... Ужъ мнѣ и жена говоритъ: «Савва, на что тебѣ эта дача, кто поѣдетъ на Кубань, на твою дачу?..» А я все свое... Ну и купилъ. И когда покупалъ, то такой задоръ меня взялъ, что спроси съ меня за эту дачу втрое—далъ бы, ей-Богу далъ бы, только бы сердце свое успокоить!

Савва Лукичъ смѣялся громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ, разсказывая объ этомъ. Полковникъ слушалъ не безъ тайной зависти и тоже улыбался.

— Что̀ же васъ подзадорило, Савва Лукичъ?

— Да какъ сказать? Первое дѣло—плантъ подзадорилъ, а второе дѣло—компанія у меня сидѣла, и Сидоровъ Хрисашка хотѣлъ эту самую дачу купить... такъ на-жъ... не купишь!.. и главное... Хрисашка же эту самую механику и подстроилъ, шельма... Дача-то къ нему за долги за пять тысячъ переходила, а онъ видъ сдѣлалъ, будто купить ее хочетъ; зналъ, чѣмъ раззадорить меня!—и сцапалъ съ меня тридцать пять тысячъ... И шельмецъ же онъ... Послѣ встрѣчается и разсказываетъ все, какъ было!

Савва Лукичъ весело и добродушно смѣялся, вспоминая, какъ поддѣлъ его «Хрисашка», его пріятель, тоже бывшій мужикъ, а нынѣ биржевой тузъ.

— Да, полковникъ! Вамъ не понять нашъ этотъ мужицкій задоръ,—говорилъ Савва Лукичъ, глядя на полковника съ едва замѣтнымъ презрѣніемъ въ глазахъ.—Глупы мы, сиволапые. Иной разъ съ сердцовъ хляснешь милліонъ, да только опосля затылокъ почешешь... Я вотъ, на тебя глядючи, думаю: какъ ты съ тоски не умрешь въ этой берлогѣ-то своей, ей-Богу... А ты вотъ все крѣпнешь, да румянишься... Значитъ, кому что̀... Такъ въ пять часовъ велишь пріѣзжать, что ли?..

— Я буду васъ ждать.

— А ты знаешь что̀: будь другомъ, пріѣзжай ко мнѣ. Я тебя ухой накормлю... Ушица изъ живой стерлядки, изъ нашей волжской, родименькой, а послѣ по малости повинтимъ... Вотъ скоро семейство въ деревню уѣдетъ, такъ оно будетъ повольготнѣй... Тогда зазову тебя, Иванъ Алексѣевичъ... будешь доволенъ... Всѣмъ разуважу!..

И Савва Лукичъ какъ-то молодецки сверкнулъ глазами, подмигнулъ и залился смѣхомъ.

— Тоже грѣшные люди! — промолвилъ онъ. — Иной разъ погулять въ охотку... Не чета тебѣ, схимнику... Помнишь, какъ позапрошлымъ лѣтомъ у меня въ «Лужкахъ»... весело было, а?.. Вотъ только семейство уѣдетъ, я тебя опять зазову... Кстати ты, чай, слышалъ, невѣсту выдаю.

— За кого?

— За Кривскаго, Бориса Сергѣевича. Человѣкъ умный и на виду, на большомъ виду. Мать его очень хочетъ... Пусть дѣвка за молодымъ генераломъ будетъ... Парень онъ шустрый, только голы они, Кривскіе-то... Ты, полковникъ, какъ о немъ полагаешь? Ты скажи напрямки... Вѣдь они, эти молодчики, всѣ въ твоихъ святцахъ записаны. Что̀ онъ—фальшивыхъ векселей не давалъ, а?—посмѣивался Леонтьевъ.— Надежный?..

— Кажется...

— Въ долгахъ?

— Не слышно что-то.

— У тебя числится въ святцахъ?

— Былъ да со счета списанъ... Разсчелся аккуратно.

— То-то и я слыхалъ, что господинъ надежный... Долги-то пустяки, я долги его заплачу̀, коли есть, а только бы человѣкъ былъ. Дочь только бы не тѣснилъ. Она у меня чудна̀я какая-то... Не знаешь, съ какой стороны подойти! Добрая, ласковая, а чудна̀я! — какъ-то серьезно проговорилъ Савва Лукичъ, улыбаясь доброй, ласковой улыбкой.—Не въ меня она, братъ, да и не въ мать, а такъ, Богъ знаетъ въ кого она такая чудна̀я... Такъ ты, Алексѣичъ, со мной уху хлебать сегодня будешь, а?.. — проговорилъ Савва Лукичъ, вставая.

Валентинѣ не сидѣлось въ сосѣдней комнатѣ. Она давно слушала въ двери разговоръ Леонтьева съ дядей и жадно взглядывала въ щелку на этого милліонера, о безумныхъ затѣяхъ котораго ходили баснословные слухи. Она вспомнила толки, какъ онъ награждалъ своихъ любовницъ, какъ дарилъ ихъ по-царски цѣлыми состояніями, и Валентинѣ непремѣнно хотѣлось воспользоваться случаемъ познакомиться съ этимъ «красавцемъ-мужикомъ», бросавшимъ деньги съ какою-то отвагой полными пригоршнями.

«Такъ я и поселилась у дяди!»—усмѣхнулась она, вспоминая предложеніе полковника.

И ей представилась ужасная жизнь взаперти, косые взгляды родственниковъ и ревнивый старый дядя, съ кото-

рымъ она должна будетъ просиживать долгіе вечера за пасьянсомъ.

«Изъ огня да въ полымя... Отъ мужа да къ этому противному старику!.. Ни за что на свѣтѣ».

Валентина надѣла шляпу, кокетливо взбила волосы передъ зеркаломъ и тихо вошла въ гостиную въ то самое время, когда Савва Лукичъ поднялся съ дивана.

— Извините, дорогой дядя, что я помѣшала вамъ... Мнѣ пора идти,—проговорила она, останавливаясь, какъ бы сконфуженная, на порогѣ...

Савва Лукичъ взглянулъ на это изящное, граціозное созданіе, на эту хорошенькую головку съ прелестнымъ взглядомъ невиннаго ребенка и обомлѣлъ отъ удовольствія. Онъ любилъ такихъ маленькихъ, худенькихъ, изящныхъ женщинъ (недаромъ онъ и жену взялъ изъ блѣднолицыхъ барышень); передъ нимъ была именно такая, да еще какая прелестная! Онъ подозрительно взглянулъ на полковника. «Хорошъ схимникъ!—мелькнуло у него въ головѣ.—Ай да лукавый дьяволъ. Какія у него гостьи! И не покажетъ!»

Онъ оглядѣлъ съ ногъ до головы Валентину, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ дикой необузданной натуры. Встрѣть онъ этакую женщину гдѣ-нибудь въ лѣсу, онъ хлопнулъ бы ее своей широкой ладонью по спинѣ, непремѣнно бы расцѣловалъ ея свѣжія щечки и спѣлъ бы ей одну изъ тѣхъ волжскихъ пѣсенъ, которыя, бывало, пѣвалъ онъ деревенскимъ красавицамъ. Но теперь онъ только покраснѣлъ, словно медвѣдь поклонился Валентинѣ и, заикаясь, проговорилъ:

— Я и не зналъ, полковникъ, что изъ-за меня барынька проскучала...

Полковникъ сконфузился и проговорилъ:

— Моя племянница, Валентина Николаевна Трамбецкая...

— Савва Лукичъ Леонтьевъ... Прошу любить и жаловать!— проговорилъ Леонтьевъ, чувствуя въ своей громадной рукѣ маленькую тепленькую ручку Валентины.

Савва Лукичъ сказалъ нѣсколько словъ и вышелъ изъ квартиры полковника, совсѣмъ очарованный «доброй малюткой».

Чутье подсказало ему, что Валентина—не то скромное созданіе, какимъ показалась она ему въ первый моментъ, и онъ простился съ нѣкоторой фамильярной почтительностью, точно съ короткой знакомой. Лукаво улыбаясь, протянула она свою ручку и взглянула на «мужика» быстрымъ обворожительнымъ взглядомъ, отъ котораго Савва Лукичъ только крякнулъ и побагровѣлъ. Взглядъ ея, казалось, говорилъ: «Хороша я?», манилъ и подзадоривалъ въ одно и то же время. И Савва Лу-

кичъ почувствовалъ себя въ такомъ же настроеніи, какъ въ то время, когда покупалъ дачу на Кавказѣ...

— Очень рада, что имѣла удовольствіе познакомиться съ вами! — проговорила она, оставляя свою руку дольше чѣмъ бы слѣдовало въ его широкой рукѣ. — О васъ я такъ много слышала...

Савва Лукичъ только пожиралъ ее глазами, но не нашелся что̀ отвѣтить.

Когда онъ ѣхалъ въ каретѣ домой, кровь стучала въ виски при воспоминаніи объ этой прелестной малюткѣ. Сравнивая ее съ своей любовницей-француженкой, Савва Лукичъ только крякалъ и готовъ былъ сейчасъ откупиться отъ «рыжеволосой» и купить эту граціозную «барыньку», чего бы это ему ни стоило. Онъ не думалъ, кто эта «барынька», есть ли у нея мужъ, любовникъ... Онъ только рѣшилъ про себя, со свойственной ему внезапностью, что онъ купитъ ее. Онъ будетъ сжимать эту изящную «барыньку» въ мощныхъ мужицкихъ объятіяхъ, будетъ напѣвать ей свои волжскія пѣсни, задаритъ ее брильянтами и сдѣлаетъ счастливой эту маленькую диковинную «пташку», эту нѣжную красавицу съ синими глазками, только бы она глядѣла на него томнымъ взоромъ, въ которомъ столько нѣги и блаженства...

Когда Савва Лукичъ забиралъ что-нибудь въ голову, то не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не достигалъ цѣли или не стукался лбомъ въ стѣну, ворча какъ разъяренный быкъ, что стѣна не поддается.

Эту черту характера, благодаря которой онъ просаживалъ въ дѣлахъ крупныя суммы, знали разные проходимцы и прихлебатели, толкавшіеся въ его кабинетѣ. Пользуясь «задоромъ» Саввы Лукича, его нерѣдко обманывали и обирали, а онъ позволялъ обирать себя съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, замѣчая, что его обираютъ, пока наконецъ не терялъ терпѣнія и не гналъ въ шею тѣхъ самыхъ друзей-прихлебателей, съ которыми еще вчера бражничалъ, угощая ихъ въ своемъ домѣ.

Саввѣ Лукичу казалось, что карета тихо катится по мостовой, и онъ нѣсколько разъ высовывался изъ окна и повторялъ кучеру «пошелъ!». Ему было жарко, несмотря на вѣтерокъ, колыхавшій его черныя кудри. Онъ разстегнулъ воротъ рубашки, развязалъ галстукъ и безпокойно ворочался на мягкихъ подушкахъ, разсѣянно взглядывая на улицу.

Онъ былъ совсѣмъ поглощенъ мыслями о маленькой, изящной Валентинѣ. Разгоряченное воображеніе рисовало ему

соблазнительныя картины, и онъ нетерпѣливо встряхивалъ кудрявой головой, какъ бы негодуя, что нельзя тотчасъ же облечь мечты въ дѣйствительность, что надо еще наводить справки, вести переговоры, словомъ, тянуть скучную канитель. Онъ думалъ, какъ бы скорѣй познакомиться съ ней и покончить дѣло — именно дѣло. И не такія дѣла онъ оканчивалъ въ нѣсколько минутъ.

Милліонеръ Савва Лукичъ, вѣчно занятый дѣлами, давно толкавшійся въ петербургскомъ омутѣ, слишкомъ хорошо зналъ людей и силу богатства, чтобы на минуту задуматься о препятствіяхъ въ достиженіи цѣли сдѣлать изъ Валентины любовницу. Опытный его взглядъ подсказывалъ, что Валентина одна изъ тѣхъ «барынекъ», которыя любятъ пожить, а на своемъ вѣку онъ видалъ многихъ «барынекъ»—и какихъ еще!—продававшихъ ему, «посконному мужику» — какъ любилъ называть себя Леонтьевъ, свои ласки и любовь тайкомъ отъ мужей и любовниковъ.

«Денегъ у меня слава Богу! Далъ бы Господь здоровья!»— самодовольно усмѣхался Савва Лукичъ въ бороду, мечтая, какую царскую квартиру онъ предоставитъ Валентинѣ.

«Ахнетъ только!..»

Карета катила по Морской, Савва Лукичъ разсѣянно глядѣлъ на мелькавшіе магазины. Голову его моментально осѣнила мысль.

Онъ высунулся изъ кареты и гаркнулъ зычнымъ голосомъ:

— Иванъ, назадъ! Къ Фаберже!

Въ ювелирномъ магазинѣ Савву Лукича встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ. Старшій приказчикъ, оставивъ какую-то скромную покупательницу, обратился къ Леонтьеву съ тѣмъ заискивающимъ, льстивымъ видомъ, съ которымъ обыкновенно обращаются къ богачамъ, извѣстнымъ мотоватостью.

Леонтьевъ кивнулъ головой на низкій поклонъ приказчика, подалъ ему руку и сказалъ:

— Покажи-ка мнѣ, любезный человѣкъ, какую-нибудь брильянтовую цацку, да чтобы получше блестѣла, чтобы въ глазахъ рябило... понимаешь?

Приказчикъ выложилъ на стекла разные браслеты, серьги, діадемы. Леонтьевъ разсматривалъ и только махалъ головой.

— Не то, братецъ, не то... получше...

Тогда приказчикъ досталъ брильянтовый приборъ замѣчательной красоты. Крупные брильянты блестѣли, играя тысячами переливовъ, и дѣйствительно рябили въ глазахъ. Савва Лукичъ повертѣлъ въ рукахъ брошку, посмотрѣлъ, какъ дро-

житъ діадема, блестя на солнцѣ яркимъ блескомъ, потрогалъ крупный брильянтъ на браслетѣ и спросилъ:

— Много-ль возьмешь?

— Пятнадцать тысячъ, Савва Лукичъ!

— Будто и пятнадцать... Чай, полтинникъ скинешь?

Изящный приказчикъ улыбался, оскаливая бѣлые зубы, въ отвѣтъ на шутку Саввы Лукича.

— Никакъ нельзя, Савва Лукичъ... Мы съ васъ настоящую цѣну спрашиваемъ...

— Грабители вы! Ну, нечего дѣлать, грабь, грабь!..—шутилъ Савва Лукичъ.—Заверни-ка!

Скромная дама съ удивленіемъ взглянула на этого покупателя.

— А затѣмъ прощай, грабитель! — протянулъ руку Савва Лукичъ.—За деньгами пришли на-дняхъ... Сегодня нѣтъ ни копейки.

Приказчикъ проводилъ съ поклономъ Савву Лукича до кареты.

«Это для перваго знакомства! — ухмылялся Савва Лукичъ, небрежно засовывая въ карманъ пальто футляръ съ брильянтами.—Прошу, молъ, любить и жаловать!»

— Стой! стой! — опять крикнулъ онъ кучеру у Большой Морской:—тебя-то мнѣ и нужно!—обратился онъ, маня рукой къ себѣ пожилого, франтовато одѣтаго господина съ моноклемъ на глазу, привѣтливо раскланивавшагося съ Леонтьевымъ.

— Ты куда?

— Спѣшу по дѣлу, Савва Лукичъ! — отвѣчалъ господинъ, довольный и сіяющій, что всѣ видятъ, какъ дружески ему пожимаетъ руку Леонтьевъ.

— Полно врать... Какое у тебя, шалыгана, можетъ быть дѣло... Тоже по дѣлу! Чай, идешь гдѣ-нибудь занять денегъ?

Господинъ засмѣялся и ловкимъ движеніемъ выкинулъ монокль изъ глаза.

— Вы угадали, Савва Лукичъ!—проговорилъ, слегка картавя, господинъ съ моноклемъ.

— Лѣзь-ка въ карету... Займешь у меня, а мнѣ надо съ тобой переговорить... Ты вездѣ шатаешься и все знаешь... Завтракалъ?

— Нѣтъ еще.

— Кстати позавтракаемъ... Лѣзь же скорѣй!..

Пожилой господинъ былъ извѣстный всему Петербургу Иванъ Ивановичъ Цаплинъ, вѣчный посѣтитель всѣхъ публичныхъ мѣстъ, собраній, членъ разныхъ благотворительныхъ

обществъ, петербургскій «старожилъ», сплетникъ и прихлебатель богатыхъ людей, знавшій все и вся въ Петербургѣ. Когда-то богатый человѣкъ, онъ давно прокутилъ состояніе и жилъ неизвѣстно на какія средства, но жилъ хорошо: обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ, одѣвался у лучшаго портного, былъ пріятелемъ всѣхъ кокотокъ и молодыхъ людей, прожигающихъ состояніе. Кокотки трепали его фамильярно по щекѣ и изрѣдка отпускали ему «въ кредитъ» любовь, а молодежь охотно кормила его gratis обѣдами и завтраками, заставляя потѣшать себя скабрезными анекдотами, разсказывать которые онъ умѣлъ превосходно. Говорили, что Цаплинъ игрокъ и шулеръ, что Цаплинъ обобралъ какую-то вдову восточнаго типа, что Цаплинъ комиссіонеръ по любовнымъ дѣламъ, что Цаплинъ враль и скотина, но тѣмъ не менѣе всѣ знали Цаплина, всѣ ласково жали ему руку и охотно поручали устройство разныхъ parties de plaisir, обѣдовъ, праздниковъ, зная, что лучше Цаплина никто этого не устроитъ. Всегда веселый, игривый, всегда готовый выпить и закусить, Цаплинъ былъ однимъ изъ тѣхъ старыхъ шалопаевъ, которыхъ много въ Петербургѣ и жизнь которыхъ составляетъ подчасъ загадку, такъ какъ не каждый же день можно завтракать и обѣдать на чужой счетъ... А Цаплинъ не только что жилъ хорошо, но еще всегда бывалъ при деньгахъ, правда, небольшихъ, но при деньгахъ. Долговъ своихъ онъ не платилъ, резонно говоря, что пятьсотъ тысячъ долгу, который онъ сдѣлалъ во времена своего счастья (это было очень давно), онъ все равно заплатить не можетъ. Что же касается до мелкихъ суммъ, которыя онъ занималъ направо и налѣво, то люди, дающіе ему взаймы деньги, никогда почти и не требовали возврата, зная хорошо Цаплина.

— Ну, любезный человѣкъ... знаешь ты Трамбецкую... Валентину Николаевну Трамбецкую?—спрашивалъ Леонтьевъ.— Только смотри, Цаплинъ, не ври... Ужъ сдѣлай милость, не ври...

Иванъ Ивановичъ заморгалъ глазами; на истасканномъ лицѣ стараго вивера появилось нѣчто въ родѣ протеста, и онъ замѣтилъ:

— Савва Лукичъ... Вы меня обижаете!

— Ну прости, прости!—добродушно проговорилъ Леонтьевъ, трепля Цаплина по плечу.—Прости и говори скорѣй: знаешь ты Трамбецкую, этакую красивенькую, маленькую «птаху» съ синими глазками...

— И такую аппетитную, съ нѣжнымъ взглядомъ, маленькими ручками и алыми губками?..—перебилъ, сіяя, Цаплинъ.—

Какъ не знать? Разумѣется, знаю!—говорилъ онъ, нѣсколько обижаясь, что могли усомниться, будто онъ не знаетъ такой красавицы.—Очень даже хорошо знаю. Недавно еще въ купеческомъ клубѣ вмѣстѣ съ нею ужинали... Это, я вамъ скажу, Савва Лукичъ, женщина...

И онъ не договорилъ, какая это женщина, а только прищурилъ свои оловянные глаза, засмѣялся противнымъ смѣхомъ и звонко поцѣловалъ пальцы.

— Ну, докладывай... докладывай... что̀ ты о ней знаешь?..—нетерпѣливо спрашивалъ Леонтьевъ.

— Дама, Савва Лукичъ, въ несчастьѣ... Развернуться никакъ не можетъ. Мужъ пьяница и безпокойный человѣкъ... Мѣстъ терялъ столько, что и сказать нельзя. Она хлопочетъ о разводѣ, а пока...

— Что̀ пока?..

— Пока... срываетъ цвѣты удовольствія случайно, на-лету. Теперь Кривскій приволакивается...

— Какой Кривскій?

— Шурка Кривскій... Шурочка, но такъ какъ у Шурочки кромѣ векселей ничего, то у нихъ, кажется, одна платоническая любовь. Валентина Николаевна ангелъ, но ангелъ, понимающій, что любовь безъ денегъ, какъ вѣра безъ дѣлъ, мертва есть... Живетъ она на свои остатки, да дядя ей помогаетъ по милости...

— Полковникъ?

— Онъ самый... Полковникъ непрочь былъ бы ее къ себѣ взять въ качествѣ сиротки, но вѣдь вы знаете полковника? Онъ скаредъ и запретъ птичку въ свою лавку древностей, а птичка любитъ порхать... Теперь она ждетъ избавленія отъ мужа и тогда разсчитываетъ возсіять... И сто̀итъ... Не пропадать же такой женщинѣ!

— Вѣрно говоришь!.. Не пропадать ей...

— Какъ можно... Теперь она и не можетъ во всей, такъ сказать, парадной формѣ показаться, потому пьяница-мужъ живетъ у нея на квартирѣ, а квартирка маленькая, да и мальчуганъ при нихъ, сынъ, а одѣньте-ка ее какъ слѣдуетъ да дайте обстановку... такой женщины поискать!..

— Мужъ развѣ тѣснитъ бабу?

— Чортъ его знаетъ!.. Знаю, что она его терпѣть не можетъ и къ себѣ не пускаетъ... Да онъ и самъ не показывается на ея половину... Какой-то дуракъ... Она уже откупиться предлагала... Не согласенъ! Сына не отдаетъ!

— Спасибо тебѣ, Цаплинъ,—весело проговорилъ Леонтьевъ:—за твой лепортъ... Ты меня познакомь съ барынькой, да

главное скорѣй... Зато уважу тебя. Самъ знаешь какъ! — говорилъ Леонтьевъ.

— Да хоть завтра поѣдемте, Савва Лукичъ!

— Завтра? А нешто сегодня нельзя, вечеркомъ?

— Эка вы торопитесь какъ... Нельзя же такъ скоро! Во-первыхъ, дама; надо, какъ водится, съ визитомъ, а во-вторыхъ, прежде нужно спросить Валентину Николаевну, предупредить... Ну, и наконецъ надо узнать, когда мужа не будетъ дома, все какъ слѣдуетъ.

— Ну, ладно, ладно... Къ завтрему обладь мнѣ все дѣло, а теперь гайда завтракать. Ѣсть хочу. Выбирай блюда и накорми меня хорошенько, слышишь? Приказывай кучеру, въ какомъ кабакѣ-то кормить будешь!

Цаплинъ приказалъ ѣхать къ Донону и сталъ такъ вкусно разсказывать о завтракѣ, который онъ закажетъ, что у Саввы Лукича потекли слюнки.

На другой же день, часу во второмъ, Савва Лукичъ сидѣлъ вдвоемъ съ «доброй малюткой» въ маленькой гостиной. Трамбецкаго не было дома. Онъ недавно получилъ у нотаріуса въ конторѣ занятія и просиживалъ тамъ до пяти часовъ. Бѣдняжка Валентина чувствовала себя не совсѣмъ здоровой и извинилась передъ Саввой Лукичомъ, что приняла его «попросту», въ «больничномъ костюмѣ». Она была въ голубомъ капотѣ съ распущенными волосами и открытой шейкой; маленькія туфельки еле держались на крошечной ножкѣ въ шелковомъ ажурномъ чулкѣ, что̀ заставляло Валентину не разъ конфузливо прятать ножки. Приходилось тоже застѣнчиво обдергивать широкіе рукава капота, изъ-подъ которыхъ далеко виднѣлось нѣжное розовое тѣло руки.

Савва Лукичъ больше молчалъ и вспыхивалъ, поглядывая искоса то на шею, то на грудь, опуская глаза на рѣзвившійся носокъ крохотной туфли. Въ карманѣ у него былъ футляръ съ брильянтовой цацкой, но онъ не зналъ, какъ его отдать. Онъ чувствовалъ себя неловко передъ этой маленькой кошечкой, болтавшей безъ умолку и дарящей его такими нѣжными ласковыми взглядами. Она разспрашивала Савву объ его дѣлахъ, намекнула о своей неудачно-сложившейся жизни и строго опускала глазки, замѣчая слишкомъ пристальный взглядъ Саввы Лукича. Онъ просидѣлъ съ полчаса, говорилъ какъ-то больше междометіями и чувствовалъ себя дуракъ дуракомъ... Когда онъ прощался, то такъ пожалъ руку Валентины, что Валентина слегка вскрикнула отъ боли.

— Простите!..—спохватился Леонтьевъ и припалъ къ рукѣ, покрывая ее поцѣлуями.

Валентина отдернула руку, строго взглянула на побагровѣвшее лицо Саввы и отступила назадъ.

И пора было отступить! Еще моментъ — и Савва Лукичъ облапилъ бы граціозное созданіе и стиснулъ бы въ мощныхъ рукахъ.

Онъ что-то промычалъ, пытливо взглянулъ на Валентину и быстро вышелъ изъ гостиной.

— Не забывайте меня, Савва Лукичъ! По утрамъ я дома и всегда рада буду васъ видѣть! — проговорила вслѣдъ Валентина.

Леонтьевъ обернулся, постоялъ секунду, какъ бы въ раздумьѣ, пожирая глазами маленькое созданіе, быстро вынулъ изъ кармана футляръ, положилъ его на столъ и вышелъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ Валентины милую записку, въ которой она благодарила его за подарокъ. Онъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней. Опять онъ сидѣлъ около этой «птички» и порывисто дышалъ, не находя словъ, какъ приступить къ объясненію. А она, какъ нарочно, все была нездорова, принимала Савву Лукича въ самыхъ обворожительныхъ костюмахъ и хмурила глазки, если Леонтьевъ слишкомъ близко наклонялся къ ней, обдавая ее горячимъ, тяжелымъ дыханіемъ.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Леонтьевъ въ присутствіи этой женщины терялся и только смотрѣлъ на нее въ упоръ. Бывали тяжелыя минуты молчанія, во время которыхъ Валентина, точно пугливая козочка, поспѣшно вскакивала съ мѣста и бѣжала посмотрѣть сына.

Тогда, оставаясь одинъ, Савва Лукичъ подходилъ къ окну и полной грудью вдыхалъ въ себя воздухъ.

Однажды, послѣ какой-то веселой болтовни Валентины, Савва Лукичъ вдругъ такъ близко подсѣлъ къ ней, что Валентина испуганно поднялась съ мѣста, безпокойно взглядывая на двери, ведущія въ дѣтскую.

— Садись!—проговорилъ Леонтьевъ, усаживая Валентину на диванъ:—и отвѣчай: любъ я тебѣ?

Валентина подняла на Савву Лукича нѣжный, умоляющій взглядъ.

— Если любъ, слушай, Валентина! Люби ты меня, и я тебя озолочу... царицей сдѣлаю... ничего для тебя не пожалѣю... Брось мужа, брось эту клѣтку... не по тебѣ она... Скажи только слово... Сто, двѣсти тысячъ сейчасъ брошу къ твоимъ ногамъ, это наплевать... Слышишь?

Онъ больше говорить не могъ... Близость малютки опьянила его, и Савва, словно звѣрь, обхватилъ Валентину, сталъ душить ее въ своихъ мощныхъ объятіяхъ...

Она теперь не вырывалась и крѣпко прижималась къ нему, точно испуганная голубка, какъ бы ища на широкой груди его любви и защиты.

Никто не замѣтилъ, какъ въ это время тихо отворилась дверь изъ дѣтской, и изъ двери высунулось блѣдное задумчивое личико мальчика... Онъ увидалъ, какъ сжималъ этотъ красивый косматый господинъ въ своихъ объятіяхъ маму, и лицо его исказилось страданіемъ. Осторожно притворилъ онъ двери и, бросившись ничкомъ на диванъ, тихо зарыдалъ сдержанными рыданіями. Пришла няня, ребенокъ поспѣшно вытеръ слезы и заходилъ по комнатѣ съ серьезнымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ на своемъ блѣдномъ страдальческомъ лицѣ.

Когда Трамбецкій вернулся домой, мальчикъ какъ-то особенно нѣжно бросился ему на шею. Они обѣдали вдвоемъ. Валентины не было дома.

Надъ Валентиной взошла звѣзда. Савва Лукичъ только ждалъ ея приказаній, гдѣ нанять дачу, какъ омеблировать квартиру на зиму, куда положить пятьдесятъ тысячъ на ея имя... Оставалось скорѣе разстаться съ этимъ постылымъ мужемъ и пожить наконецъ такъ, какъ ей хотѣлось. Развѣ она до сихъ поръ жила? Развѣ такъ надо жить? О, скорѣй бы только Кривскій исполнилъ свое обѣщаніе, и она могла бы быть вполнѣ защищена отъ притязаній тирана-мужа... Развѣ разстаться съ сыномъ? Ни за что! Но если мужъ будетъ грозить скандаломъ? Если онъ на все рѣшится изъ-за сына? Онъ такъ любитъ его... Но развѣ и она не любитъ? Развѣ можно оставлять мальчика на рукахъ у такого негодяя?..

И чего онъ живетъ? Онъ такъ глухо закашливается и такъ порывисто дышитъ, а все-таки живетъ!..—говорила Валентина, вспоминая удушливый кашель, доносившійся до ея ушей изъ дальней комнаты, гдѣ жилъ ея мужъ. Она видѣла, что мужъ все-таки любитъ ее, и—странное дѣло! — сознаніе, что она возбуждаетъ любовь въ мужѣ, котораго она презирала и боялась, было пріятно ей. Это было какое-то злорадное чувство, чувство мести за прошлую жизнь, вину которой она слагала на мужа. Она должна блистать. Ей должны поклоняться... Ей нужны роскошь, золото, блескъ, ослѣпительный блескъ, а что онъ далъ ей?..

Такъ размышляла Валентина, покачиваясь на подушкахъ

извозчичьей кареты, которая везла ее къ Евгенію Николаевичу Никольскому.

Валентинѣ говорили, что онъ можетъ дать хорошій совѣтъ и напомнить о ея дѣлѣ Кривскому, такъ какъ Никольскій очень близокъ къ Кривскому, и вообще этотъ «солидный молодой человѣкъ» имѣетъ большія связи и, вѣроятно, приметъ участіе въ бѣдной молодой женщинѣ. И вотъ Валентина рѣшилась поѣхать къ Никольскому и поговорить съ нимъ, въ ожиданіи отвѣта отъ Кривскаго.

«Надѣюсь, онъ обратитъ вниманіе на мое положеніе!»— думала Валентина, охорашиваясь передъ зеркаломъ въ швейцарской большого дома въ Офицерской улицѣ и спрашивая швейцара: можно ди видѣть Евгенія Николаевича.

— Они дома. Пожалуйте!

Валентина Николаевна поднялась въ четвертый этажъ и черезъ нѣсколько секундъ была введена въ кабинетъ Евгенія Николаевича.

— Они сейчасъ выйдутъ! — проговорилъ лакей, предлагая ей садиться.

Валентина Николаевна взглянула въ зеркало, поправила свои чудные волосы и, усѣвшись на диванъ, стала перелистывать альбомъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, и на порогѣ появился красивый бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ вицмундирѣ. Приблизившись къ ней, онъ поклонился, пожалъ дружески руку и ласковымъ тономъ сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, Валентина Николаевна... Я знаю о вашемъ дѣлѣ и собирался на-дняхъ пріѣхать къ вамъ, чтобы побесѣдовать по порученію Сергѣя Александровича.

VII.

Солидный молодой человѣкъ.

Гдѣ видѣла она этого серьезнаго молодого человѣка?—припоминала Валентина, всматриваясь въ строгое блѣдное лицо съ шелковистыми свѣтло-русыми бакенбардами и такими же, гладко зачесанными назадъ, безъ пробора, мягкими рѣдкими волосами. Гдѣ видѣла она его? — спрашивала себя молодая женщина, чувствуя почему-то неловкость подъ рѣзкимъ, чуть-чуть насмѣшливымъ взглядомъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ.

Въ какомъ-то туманѣ ея разнообразнаго прошлаго припоминались ей знакомыя черты этого лица и мягкіе вкрадчивые звуки тонкаго голоса. Но когда и гдѣ встрѣчалась она съ

этимъ блѣднолицымъ солиднымъ молодымъ человѣкомъ? Въ деревнѣ? За границей? Здѣсь въ Петербургѣ?

Валентина припоминала и не могла припомнить.

Евгеній Николаевичъ сѣлъ противъ молодой женщины и продолжалъ:

— Его превосходительство принимаетъ большое участіе въ вашемъ положеніи. Ваша правдивая исповѣдь произвела на добраго, мягкаго старика сильное впечатлѣніе, но такъ какъ справедливость прежде всего, то Сергѣй Александровичъ поручилъ мнѣ собрать необходимыя свѣдѣнія и доложить ему, чтобы онъ имѣлъ право просить за васъ, основываясь на данныхъ. Вы, вѣроятно, знаете, что эти дѣла отъ насъ непосредственно не зависятъ. Я постарался добросовѣстно выполнить порученіе его превосходительства и...

Евгеній Николаевичъ на секунду остановился.

— И что же?—тихо пролепетала Валентина, поднимая испуганные глаза на Никольскаго.

— И, разумѣется, свѣдѣнія оказались самыя для васъ благопріятныя!—проговорилъ Никольскій, глядя на Валентину съ нескрываемой насмѣшливой улыбкой.

«Чего онъ такъ странно улыбается?»—со страхомъ думала Валентина, смущаясь все болѣе и болѣе и недоумѣвая, какъ держать себя съ этимъ господиномъ.

— Вашъ супругъ г. Трамбецкій (произнося эту фамилію, глаза Евгенія Николаевича вспыхнули недобрымъ огонькомъ, и тонкія губы искривились злой улыбкой), вашъ супругъ такой господинъ, съ которымъ порядочной женщинѣ, какъ вы, разумѣется, жить невозможно...

«Онъ знаетъ его?»—промелькнуло въ головкѣ «доброй малютки»; отъ нея не скрылось выраженіе лица собесѣдника, когда тотъ произнесъ фамилію мужа, и глаза ея просвѣтлѣли. Съ любопытствомъ и страхомъ ждала она, что скажетъ Никольскій.

— Я знавалъ вашего супруга!..—тихо проговорилъ Евгеній Николаевичъ и прибавилъ:—онъ, кажется, недавно получилъ мѣсто?

— Да, въ конторѣ у нотаріуса.

— Вы знаете, черезъ кого?

— Навѣрное не знаю... Кажется, за него хлопоталъ какой-то студентъ, я не припомню его фамиліи. Онъ часто бываетъ у мужа. Такой бѣлокурый господинъ съ черными глазами.

— Вѣроятно, г. Трамбецкаго и оттуда скоро выгонятъ?

— О, этотъ человѣкъ нигдѣ не уживется! А если бы вы знали, Евгеній Николаевичъ, какъ онъ со мной обращается!

— Знаю, знаю, дорогая Валентина Николаевна. Я вѣдь и васъ хорошо знаю, но только вы не узнали меня или не хотите узнать!—улыбнулся Никольскій.

— Извините... Я припоминала... припоминала и не могла вспомнить. Вижу знакомое лицо, а гдѣ встрѣчалась съ вами, рѣшительно забыла... Извините...

— Не извиняйтесь, Валентина Николаевна. Вамъ меня не мудрено было и забыть, но мнѣ трудно было бы забыть васъ. Помните въ В. молодого скромнаго чиновника, носившаго вамъ ежедневно букеты отъ губернатора?

Валентина покраснѣла и теперь отлично припомнила худенькаго, молодого бѣлобрысаго господина, носившаго ей отъ губернатора цвѣты и письма и часто смотрѣвшаго на нее долгимъ робкимъ взглядомъ. Но, Боже мой, какая разница! Тогда этотъ самый Никольскій казался ей некрасивымъ, замореннымъ и несчастнымъ чиновничкомъ, а теперь? Кто узналъ бы въ этомъ увѣренномъ, серьезномъ молодомъ человѣкѣ бывшаго посыльнаго влюбленнаго губернатора? Вслѣдъ затѣмъ она отчетливо припомнила, какъ однажды мужъ засталъ у нея этого самаго молодого чиновника, смиренно ожидавшаго у нея въ будуарѣ отвѣта на бредъ влюбленнаго помпадура, накинулся на скромнаго чиновника, какъ съ побѣлѣвшихъ, дрожавшихъ губъ мужа слетали ужасныя слова: «мерзавецъ!» «сводникъ!». Она не припомнитъ теперь, что̀ еще говорилъ тогда ея мужъ. Она помнитъ только, что маленькій чиновникъ какъ-то весь задрожалъ, поблѣднѣлъ и ничего не отвѣтилъ, но только, уходя, взглянулъ тогда на Трамбецкаго долгимъ злымъ взглядомъ, которымъ, казалось, обѣщалъ никогда не забыть оскорбленія. Съ тѣхъ поръ молодой чиновникъ не показывался у нихъ въ домѣ, и Валентина его никогда не видала.

И вотъ теперь она сидитъ передъ нимъ въ качествѣ просительницы, смущенная, робкая подъ его насмѣшливымъ, пронизывающимъ насквозь взглядомъ.

— Какъ видите, мы съ вами давно и хорошо знакомы, милѣйшая Валентина Николаевна!—проговорилъ Никольскій, мѣняя строгій дѣловой тонъ на фамильярный тонъ стараго знакомаго, хорошо знающаго, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.—Не правда ли?—усмѣхнулся онъ, безъ церемоніи заглядывая въ глаза Валентинѣ.—Съ тѣхъ поръ много утекло воды, но судьба снова привела насъ встрѣтиться. Тогда я подносилъ вамъ букеты, а теперь постараюсь поднести вамъ отдѣльный видъ на жительство. Ну, а вы?.. Вы мало перемѣнились!..—оглядывалъ Никольскій молодую женщину съ ногъ до головы.—Та-

кая же хорошенькая, изящная, какъ были, и, слышно, попрежнему одерживаете блестящія побѣды?..

— Ахъ! не до побѣдъ теперь!—смутилась Валентина.—Я, Евгеній Николаевичъ, такъ измучена, такъ измучена, и наконецъ воспитаніе ребенка! — пробовала-было она впасть въ серьезный тонъ страждущей женщины, но Никольскій перебилъ ее словами:

— Оставьте со мной, Валентина Николаевна, жалкія слова! Когда будете бесѣдовать съ Кривскимъ, ну, тогда вы можете разсказать ему о всѣхъ вашихъ несчастіяхъ, и добрый старикъ повѣритъ, а со мной къ чему вамъ? Со мной смѣйтесь, показывая ваши бѣленькіе острые зубки и ямки на прелестныхъ щечкахъ, и повѣрьте, что такъ будетъ лучше... Вы, слышалъ я, плѣнили Леонтьева?..

— Онъ принялъ во мнѣ участіе.

— И прекрасно!.. Участіе его вѣдь такъ драгоцѣнно!.. Онъ самодуръ и милліонеръ. Вмѣсто букетовъ изъ розъ онъ станетъ посылать вамъ букеты изъ ассигнацій... Эти букеты лучше пахнутъ, не правда ли?..

Никольскій шутилъ съ «доброй малюткой» съ холоднымъ ѣдкимъ цинизмомъ. Онъ фамильярно цѣловалъ ея руки повыше перчатки, разъ даже приложился своими тонкими губами къ ея горячимъ щекамъ, оговариваясь, что поцѣлуй его «холодный, мирный», и обѣщалъ на-дняхъ устроить ей дѣло совсѣмъ.

— А въ награду за хлопоты, милая моя барыня, я возьму съ васъ слово поужинать вмѣстѣ... Идетъ?

— Идетъ!—смѣясь, отвѣтила Валентина.

— Вотъ и прекрасно!.. Да кстати пришлите ко мнѣ Леонтьева!.. Мы поговоримъ съ нимъ о вашемъ дѣлѣ... Придется тамъ у этихъ бракоразводныхъ мастеровъ немного посорить деньгами. А ужинъ на-дняхъ... смотрите!—проговорилъ, прощаясь, Евгеній Николаевичъ.

— Когда хотите... Я такъ вамъ благодарна...

Веселая, довольная ѣхала Валентина домой, гдѣ уже поджидалъ ее Савва Лукичъ и нетерпѣливо встряхивалъ своими кудрями, прислушиваясь, не звякнетъ ли звонокъ.

Слегка склонивъ голову, съ серьезно-почтительнымъ выраженіемъ, которымъ особенно любятъ щеголять молодые дѣловые чиновники, знающіе себѣ цѣну и вмѣстѣ съ тѣмъ близкіе къ начальству, Евгеній Николаевичъ вошелъ въ кабинетъ его превосходительства, съ чувствомъ пожалъ ласково

протянутую ему руку и, по обыкновенію, замеръ въ изящно-почтительной позѣ, въ которой не было ничего раболѣпнаго, но было столько преданности, что лицо его превосходительства освѣтилось благосклонной улыбкой, и онъ произнесъ:

— Садитесь-ка, Евгеній Николаевичъ... Вы, какъ вижу, опять донимать будете?—улыбнулся старикъ, искоса поглядывая на толстый тисненый портфель, который Евгеній Николаевичъ держалъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сегодня я не обезпокою васъ. Изъ числа бумагъ только двѣ спѣшныя записки, которыя вы третьяго-дня приказали составить какъ можно скорѣй.

— Это какія? о чемъ? Мы такъ много пишемъ съ вами разныхъ записокъ,—улыбнулся Кривскій:—что съ ними голова пойдетъ кругомъ.

— Одна по вопросу о народномъ здравіи. а другая—контръ-проектъ по вопросу о мѣрахъ, изложенныхъ въ запискѣ графа Захара Ивановича Привольскаго, которая была сообщена вашему превосходительству для соотвѣтствующихъ замѣчаній.

— А вы ужъ успѣли написать? Спасибо! Неутомимы вы, какъ посмотрю.

Евгеній Николаевичъ просіялъ.

— Хотите сигару?.. Берите!..—пододвинулъ Кривскій своему любимцу ящикъ съ сигарами и спросилъ:—а новенькаго что?—Что говорятъ о затѣяхъ графа Захара Ивановича?—съ любопытствомъ спросилъ старикъ.

— Пресса относится къ нимъ недоброжелательно и, сколько кажется, всѣ находятъ проектъ графа Захара Ивановича слишкомъ...

Евгеній Николаевичъ находчиво затруднился въ выборѣ выраженія, но зато его превосходительство быстро подхватилъ:

— Слишкомъ глупымъ, хотите сказать? Voilà le mot. Въ самомъ дѣлѣ, графъ Захаръ Ивановичъ хочетъ вернуть насъ ко временамъ Гостомысла и фрондируетъ теперь въ роли спасителя отечества... Старикъ черезчуръ хватилъ и чуть ли не насъ съ вами имѣетъ въ виду, говоря объ административномъ нигилизмѣ!..—улыбнулся Кривскій, презрительно щуря глаза.

Онъ помолчалъ и пустилъ тонкую струйку дыма.

— Имъ хочется спихнуть меня, но еще руки коротки!—проговорилъ его превосходительство, какъ-то выпрямляясь на креслѣ и чувствуя приливъ силъ, бодрости и энергіи при воспоминаніи объ интригѣ, направленной, какъ полагалъ онъ,

противъ него.—Я читалъ, что пишутъ газеты, но мнѣ кажется, что всѣ онѣ не вполнѣ уясняютъ себѣ суть вопроса. Чего мы хотимъ? Мы хотимъ мирнаго преуспѣянія, но далеки отъ крайности въ ту или другую сторону. Между тѣмъ всѣ газеты — и особенно эти нетерпѣливыя! — смѣшиваютъ насъ, людей порядка и постепеннаго прогресса, съ господами, желающими остановить мановеніемъ руки теченіе рѣкъ и морей!—усмѣхнулся его превосходительство:—это непростительное и, пожалуй, у многихъ злонамѣренное заблужденіе, мой милый, и мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы вопросъ былъ разъясненъ насколько возможно. Хотя наша пресса...—при этомъ Кривскій какъ-то насмѣшливо прищурилъ глаза. — Хотя наша пресса,—повторилъ онъ:—и не англійская... ну, а все-таки газеты читаютъ, и потомъ общество судитъ вкривь и вкось...

— Если позволите, ваше превосходительство, я напишу статью, въ которой и волки будутъ сыты и овцы будутъ цѣлы!

— Именно... именно!—весело проговорилъ Кривскій, ласково поглядывая на своего секретаря, умѣвшаго всегда отлично схватывать суть мнѣнія его превосходительства.—Я бы просилъ васъ объ этомъ, мой милый. Оно не мѣшаетъ. Пусть говорятъ...

— Напечатать прикажете въ «Синицѣ»?

— Ну, разумѣется, въ «Синицѣ». «Синица» солидная, приличная газета и распространена въ обществѣ... Вы отвезите статью къ редактору и дайте ему понять, что я желалъ бы видѣть напечатанной вашу статью... Мой старый пріятель будетъ очень радъ сдѣлать мнѣ одолженіе, тѣмъ болѣе, что взгляды «Синицы» принципіально не расходятся съ моими!..

Къ «Синицѣ» его превосходительство питалъ нѣкоторую нѣжность еще съ давнихъ поръ, еще тогда, когда Сергѣй Александровичъ, послѣ своего заграничнаго путешествія съ цѣлью изученія сокращенныхъ формъ дѣлопроизводства, игриво говорилъ, что «все будетъ въ свое время», и написалъ нѣсколько статеекъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Статейки эти тогда сдѣлали свое дѣло. Представители высшей администраціи получили лично отъ автора по одному изящно переплетенному экземпляру на веленевой бумагѣ съ просьбою удостоить посильный трудъ благосклоннымъ вниманіемъ и не только отнеслись одобрительно къ труду автора, но вездѣ говорили, что этотъ трудъ обнаруживаетъ замѣчательныя въ молодомъ чиновникѣ государственныя способности. Но не такъ одобрительно отнеслась къ этимъ статьямъ журналистика того

времени. Ихъ безпощадно изругали, къ немалой досадѣ Сергѣя Александровича. Хотя онъ и говорилъ, презрительно скашивая губы, что «наши литераторы—люди, не имѣющіе ni foi ni loi, тѣмъ не менѣе онъ написалъ возраженіе, самъ отвезъ его къ редактору «Синицы» и просилъ его напечатать, конечно, подъ чужимъ именемъ. Опроверженіе было напечатано, съ весьма лестнымъ примѣчаніемъ отъ редакціи, въ которомъ, между прочимъ, дѣлались комплименты автору статеекъ и на автора указывалось, какъ на «одного изъ желательныхъ дѣятелей, умѣющихъ совмѣщать любовь къ порядку съ горячею любовью къ прогрессу отечества». Съ тѣхъ поръ Сергѣй Александровичъ—да проститъ Господь его авторское самолюбіе!—всегда былъ поклонникомъ «Синицы» и находилъ, что при бѣдности нашей прессы «Синица» все-таки единственная порядочная газета.

Выслушавъ отъ Евгенія Николаевича двѣ-три новыя сплетни и добродушно посмѣявшись надъ новой остротой, пущенной только вчера насчетъ одного изъ почтенныхъ сотоварищей его превосходительства, Кривскій сталъ слушать чтеніе контръ-проекта, сочиненнаго Евгеніемъ Николаевичемъ.

Записка была написана хорошо, тѣмъ строго выдержаннымъ казеннымъ тономъ, прелесть котораго отлично понимаютъ департаментскіе литераторы и люди, привыкшіе къ поэзіи сухой, безжизненной, строго-стилистической, чиновничьей прозы.

Его превосходительство мѣрно, словно маятникомъ, одобрительно покачивалъ головой, слушая, какъ деликатно и въ то же время ехидно разбивался проектъ графа Захара Ивановича, какъ нѣкоторыя лирическія отступленія пріятно разнообразили сухой перечень статистическихъ исчисленій, и какъ въ заключеніе резюмировались послѣдствія благодѣтельныхъ реформъ недавняго времени, а между строкъ незамѣтно сквозила поэтическая легенда объ исполнителяхъ, начиная съ перваго и кончая послѣднимъ. Съ необыкновеннымъ изяществомъ составленная на четырехъ листахъ министерской бумаги, записка полагала бы «пріостановиться, дабы сосредоточиться», но никакъ «не остановиться и свернуть съ пути, какъ бы свидѣтельствуя, что пройденный путь не велъ къ благу Россіи...» Тихій вкрадчивый голосъ Евгенія Николаевича точно созданъ былъ для выраженія всѣхъ тайныхъ красотъ этой канцелярской поэзіи: онъ не читалъ, а скорѣе пѣлъ, напирая на выраженіяхъ, блещущихъ либо красотой оборота, либо ядовито-деликатной шпилькой, запускаемой прямо въ сердце неумѣреннаго въ своихъ требованіяхъ графа Захара Ивано-

вича. «Если идти по пути, внушенному, повидимому, самыми искренними намѣреніями почтеннаго автора проекта, то этотъ путь привелъ бы къ неисчислимымъ горькимъ послѣдствіямъ (которыя подробно и перечислялись), но если идти по пути, рекомендованному его превосходительствомъ или, вѣрнѣе, Евгеніемъ Николаевичемъ, то онъ велъ къ такому административному блаженству, что, казалось, оставалось только воскликнуть: «нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ».

Надо заматорѣть въ канцеляріяхъ, чтобы понять всю прелесть сочиненія, прочитаннаго Никольскимъ со скромнымъ торжествомъ автора, чувствующаго, что слушатель его млѣетъ отъ восторга...

И дѣйствительно его превосходительство млѣлъ. Когда Евгеній Николаевичъ кончилъ и скромно взглянулъ на старика, старикъ подозвалъ его, обнялъ и сказалъ:

— Превосходно... Превосходно... Отдайте переписать... Воображаю, какъ почувствуетъ себя графъ Захаръ Ивановичъ!..— весело засмѣялся старикъ. — Ну, а теперь не донимайте больше меня... Записку о народномъ здравіи оставьте и бумаги, какія нужно, — до завтра.

— Два слова только, ваше превосходительство...

— Ну, говорите ваши два слова.

— Я собралъ свѣдѣнія о г-жѣ Трамбецкой.

— Объ этой хорошенькой женщинѣ, у которой извергъ-мужъ... Ну, что же?..

— Она дѣйствительно заслуживаетъ участія. Мужъ ея безпокойный человѣкъ.

— Безпокойный?

— Очень, ваше превосходительство... Онъ даже нѣсколько разъ уволенъ былъ изъ службы...

— Бѣдная женщина!.. Ну, такъ напишите письмо о ней, я попрошу за нее. Она такая несчастная...

— Слушаю, ваше превосходительство! — промолвилъ Никольскій, откланиваясь.

— Ну, до свиданія. Спасибо, мой милый... Не поздоровится, я думаю, Захару Ивановичу, а? — повторялъ Кривскій: — не поздоровится...—улыбался онъ, подавая Никольскому руку.— Увидимся сегодня?.. Вы обѣдаете у насъ?

Никольскій еще разъ поклонился и ушелъ.

Его превосходительство позвонилъ и приказалъ попросить къ себѣ Бориса Сергѣевича.

Старику предстояло щекотливое объясненіе со старшимъ сыномъ.

Борисъ, по его мнѣнію, готовился сдѣлать опасный шагъ,

и надо было остановить его. Шагъ этотъ—замышляемая женитьба на дочери Леонтьева, о которой на-дняхъ сообщила Кривскому его жена.

VIII.

Отецъ и сынъ.

Когда Анна Петровна осторожно сообщила мужу, въ видѣ предположенія, о возможности женить Бориса на Евдокіи Леонтьевой, старикъ удивленно взглянулъ на жену, но не сказалъ ни слова. Только по лицу его пробѣжала судорога, онъ весь какъ-то съежился и съ брезгливой миной выслушивалъ доводы Анны Петровны въ пользу брака.

— Борисъ на виду, но мы, какъ ты знаешь, ничего не можемъ ему дать. Леонтьева дѣвушка образованная, приличная... правда, не нашего круга, но Борисъ получитъ громадное состояніе.

— Она нравится Борису?—прервалъ Кривскій.

Въ свою очередь и Анна Петровна подняла на мужа глаза, словно бы удивляясь вопросу.

— Я не спрашивала Бориса. Отчего-жъ не нравиться?.. Леонтьева не хороша, это правда, но далеко не уродъ.

«Странный вопросъ! — подумала Анна Петровна. — Сергѣй Александровичъ, — вспомнила она, — тоже женился на ней безъ особенной страсти, а скорѣй по разсчету; однако мы прожили счастливо!..»

Съ тихой грустью, молчаливо, точно рѣшившись терпѣть до конца, продолжалъ слушать старикъ защитительную рѣчь Анны Петровны. Она не отрицала «неровности» брака, но объясняла, что излишняя щепетильность въ настоящее время является «непростительнымъ предразсудкомъ», что теперь многіе роднятся съ представителями другихъ сословій и т. п.

— Конечно, пріятнѣе было бы найти Борису другую партію но гдѣ же найти милліонъ приданаго?

Тяжело отдавались эти рѣчи въ сердцѣ гордаго старика, рѣзали своею вульгарностью его слухъ, но не поражали Кривскаго. Его превосходительство давно ужъ замѣчалъ въ женѣ, по мѣрѣ того, какъ тратилось ихъ состояніе, черезчуръ большую наклонность къ уступкамъ духу времени, нѣкоторую юркость и непростительную снисходительность, доходящую до того, что денежныя выскочки появлялись даже изрѣдка въ ея гостиной и жали своими плебейскими руками руку его жены, урожденной графини Отрѣзковой.

Онъ сразу догадался, что мысль объ этомъ бракѣ — ея мысль, но Борисъ?

Неужели и Борисъ, первенецъ его, будущій представитель рода Кривскихъ, раздѣляетъ взгляды матери и унизится до брака съ дочерью вчерашняго цѣловальника?

Не можетъ быть!..

«А если?..»—шепнулъ тайный голосъ, и Сергѣй Александровичъ покачалъ головой.

Удивительнаго ничего нѣтъ. Представители порядочнаго сословія за послѣднее время на его глазахъ такъ часто компрометировали себя и не только неравными браками, а Богъ знаетъ какими мерзостями, что Сергѣй Александровичъ пересталъ даже изумляться, когда газеты докладывали ему о новомъ подвигѣ какого-нибудь шалопая хорошей фамиліи.

«Опять!? — шепталъ только старикъ, грустно качалъ головой и повторялъ:—Что̀ они дѣлаютъ... Что̀ они дѣлаютъ!»

Но «они» продолжали дѣлать, и Кривскій нерѣдко съ грустью останавливалъ долгій взглядъ на любимцѣ своемъ Шуркѣ и не разъ говорилъ ему объ обязанностяхъ порядочнаго молодого человѣка, просилъ не дѣлать долговъ и не срамить «его сѣдой головы». Шурка слушалъ съ нетерпѣливымъ вниманіемъ школьника, обязаннаго выслушать урокъ, и по выходѣ изъ кабинета, конечно, тотчасъ же забывалъ отцовскія наставленія. Весело насвистывая какой-нибудь мотивъ, онъ придумывалъ, гдѣ бы занять денегъ, чтобы ѣхать въ клубъ и попробовать, не повезетъ ли ему сегодня.

За Бориса его превосходительство былъ спокоенъ. Строгій, серьезный, разсудительный Борисъ хорошо шелъ въ служебной карьерѣ; старикъ иногда мечталъ о видномъ постѣ для сына. Смущало его только то, что Борисъ путался въ разныхъ частныхъ службахъ, но приходилось соглашаться съ сыномъ, что «безъ этого нельзя», такъ какъ надо жить, государство платитъ скудное жалованье, а отецъ многаго давать не можетъ.

Что же касается до второго сына Леонида, то онъ былъ далеко на Востокѣ, гдѣ служилъ по дипломатической части, не отличался особенными способностями, былъ скромный, трудолюбивый малый, никогда не безпокоилъ просьбами о высылкѣ денегъ, рѣдко переписывался и вообще не былъ особенно близокъ къ семьѣ, такъ какъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ на Востокѣ.

Когда Анна Петровна истощила весь запасъ своего краснорѣчія въ пользу давно лелѣянной ею мысли женить сына на богатой невѣстѣ—при этомъ она имѣла въ виду и интересы

дома — и, выжидая отвѣта отъ мужа, взглянула на старика, то старикъ неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову и какъ бы продолжая еще слушать.

— Какого ты мнѣнія, Сергѣй Александровичъ? — спросила жена.

Кривскій медленно поднялъ голову и проговорилъ:

— Твоя новость не особенно обрадовала меня. Борису Кривскому жениться на дочери цѣловальника... Это... это ужъ слишкомъ блестящая партія!—ѣдко усмѣхнулся Кривскій.

— А женитьба графа N. на танцовщицѣ?

— Знаю!

— Или князя Z. на дочери банкира-еврея? А вѣдь князь Z., ты, кажется, говорилъ, Рюриковичъ?

Сергѣй Александровичъ не возражалъ. Анна Петровна, зная характеръ мужа, не настаивала. Она только «приготовила» его и тихо вышла изъ кабинета, мимоходомъ напомнивъ мужу, что черезъ двѣ недѣли лѣтній балъ у ея свѣтлости, и что нужны деньги для туалета дочерей. Послѣ бала они уѣдутъ въ деревню.

Когда старикъ, освободившись отъ суеты дня, садился иногда «подремать» въ большомъ креслѣ въ углу своего кабинета, то нерѣдко передъ нимъ проносилась картина всей прожитой жизни, и онъ съ скептической улыбкой взиралъ на новые нравы, на новыхъ людей, припоминая старые нравы и старыхъ людей.

«Странно, очень странно! — не разъ думалъ Кривскій въ такія минуты. — Или я старъ становлюсь, или въ самомъ дѣлѣ традиціи ничего не значатъ... Нынче ими не дорожатъ, и, пожалуй, я доживу до того времени, когда Леонтьевъ будетъ министромъ торговли!» — улыбался его превосходительство.

Сергѣй Александровичъ не былъ исключительнымъ защитникомъ правъ дворянства. Онъ охотно допускалъ постепенную ассимиляцію, непрочь былъ видѣть представителей другихъ сословій, засѣдающихъ гдѣ-нибудь въ земскомъ собраніи рядомъ съ представителями дворянства, но руководительство, по его мнѣнію, должно всегда оставаться за представителями высшаго сословія, какъ людьми испытанными, оказавшими немало услугъ отечеству и наконецъ опытными и представляющими наиболѣе гарантій въ умѣніи пользоваться властью. Втайнѣ онъ завидовалъ англійскому лорду, гордящемуся правомъ стоять съ покрытой головой передъ королевой, дорожилъ традиціями и находилъ, что у престола могутъ стоять только

люди хорошей крови. Тамъ, вдали, могутъ быть и разночинцы, но у источника долженъ быть цвѣтъ государства. А между тѣмъ молодые представители этого «цвѣта» совсѣмъ забыли о своемъ долгѣ, и Сергѣй Александровичъ не разъ грустно покачивалъ головой, вспоминая, чѣмъ сталъ этотъ цвѣтъ и чѣмъ онъ былъ когда-то.

Съ грустью сознавалъ онъ, что «пѣсенка спѣта» вмѣстѣ съ крестьянской реформой, т. е. и не совсѣмъ спѣта, но во всякомъ случаѣ поется лебединая пѣснь, и какой-то пришлый, безвкусный элементъ назойливо лѣзетъ въ глаза, вкрадывается въ гостиныя, въ судъ, толкается въ пріемныхъ, давитъ роскошью обѣднѣвшаго современнаго дворянина въ городѣ, сосѣдится въ деревнѣ и дробитъ тѣ уже немногія большія гнѣзда, гдѣ царитъ запустѣніе и мрачно стоятъ одинокія осиротѣлыя усадьбы.

Аристократическую натуру Сергѣя Александровича рѣзали и нагло улыбающіяся довольныя лица, и манеры, и слишкомъ ярко убранныя гостиныя, и слишкомъ яркіе костюмы всѣхъ этихъ представителей новаго элемента, и онъ не безъ грусти наблюдалъ, какъ болѣе и болѣе выдвигалась эта сила, сила денегъ, съ какой почтительной фамильярностью держала она себя въ кабинетѣ у самого его превосходительства, какъ бы давая знать своими довольными плебейскими лицами, что и надъ ними восходитъ солнышко, что съ ними надо считаться, надо выслушивать ихъ и... и не брезгать пожатіемъ потной грубой руки, которая можетъ швырнуть сотню-другую тысячъ, чтобы дать возможность «жить» представителямъ высшихъ интересовъ...

Біографія Леонтьева слишкомъ пахла еще кабакомъ, чтобы изъ нея можно было сдѣлать нѣчто приличное. Не далѣе какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ его превосходительство въ первый разъ увидѣлъ Савву Лукича у себя въ передней съ просьбою въ рукахъ, отвѣшивающаго его превосходительству низкіе поклоны. Тогда это былъ извѣстный плутъ, содержатель двухъ кабаковъ въ городѣ В., гдѣ его превосходительство былъ особой.

Въ то время его превосходительство брезгливо взялъ просьбу, какъ бы боясь прикоснуться къ красной вспотѣвшей жилистой рукѣ черноволосаго высокаго мужика, и вдругъ теперь у жены является предположеніе женить на его дочери Бориса Кривскаго... Кривскаго, потомка старинной дворянской фамиліи!..

Это что-то неправдоподобное, невозможное, что-то скарочное!

Но однако-жъ этотъ мужикъ теперь «en vogue». Съ нимъ ласковы во всѣхъ канцеляріяхъ. Ему жмутъ руки разныя особы... Не-сегодня-завтра его, чего добраго, произведутъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники... его, цѣловальника, въ дѣйствительные статскіе совѣтники! «Бывшій мужикъ Савва»,—припоминалъ Кривскій,—котораго не разъ сажали въ полицію за буйство въ пьяномъ видѣ и разъ даже посѣкли тамъ, теперь сдѣлался Саввой Лукичомъ, у котораго, если вѣрить молвѣ, пятьсотъ тысячъ дохода... Въ раззолоченномъ его кабинетѣ толпится разный сбродъ, между которымъ однако блестятъ генеральскіе эполеты, потѣшаетъ остротами обнищавшій потомокъ Рюриковича и почтительно выслушиваетъ приказанія молодой статскій совѣтникъ, бывшій правовѣдъ, оставившій блестящую карьеру для службы у Саввы Лукича, раздающаго своимъ служащимъ министерскія жалованья... Какое министерскія — больше!.. «Правовѣдъ», говорятъ, получаетъ у него тридцать тысячъ въ годъ! У этого смѣлаго «мужика», точно гордящагося тѣмъ, что онъ—«посконный мужикъ», обѣдаютъ важныя лица; недавно еще Савва Лукичъ принималъ на своей богатой дачѣ проѣзжавшаго мимо извѣстнаго князя Х., и князь благосклонно принялъ обѣдъ и былъ въ восторгѣ отъ роскоши сервировки, обѣда и винъ, отъ здраваго смысла этого, какъ князь выразился, «умнаго русскаго мужика»...

Годъ тому назадъ,—припомнилъ его превосходительство,—Леонтьевъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ Владиміромъ въ петлицѣ и со звѣздою Льва и Солнца, стоялъ въ пріемной залѣ его превосходительства и, не такъ кланяясь, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, просилъ уже только «содѣйствія». Когда Сергѣй Александровичъ припомнилъ Леонтьеву, что знавалъ его прежде, хитрый мужикъ не только не смутился, а, напротивъ, точно обрадовался и, весело ухмыляясь, такъ и брякнулъ:

— И я очень хорошо помню, какъ ваше превосходительство въ бытность вашу въ В. учили меня, мужика, уму-разуму... Разокъ даже отечески изволили приказать полицеймейстеру посѣчь меня за безобразія... Какъ-съ не помнить?—прибавилъ, низко кланяясь, Савва Лукичъ.

Сергѣй Александровичъ даже смутился тогда отъ этой простодушной выходки мужика со звѣздой Льва и Солнца на груди и поневолѣ отнесся съ фамильярной ласковостью къ этому чудаку и обѣщалъ ему «содѣйствіе»...

«Теперь этотъ мужикъ непрочь и породниться съ нами!—усмѣхнулся Сергѣй Александровичъ:—съ Кривскими!!

Сергѣй Александровичъ дорожилъ своей родословной. Предки его происходили изъ стариннаго литовскаго рода. При царѣ Иванѣ Третьемъ Васильевичѣ одинъ изъ нихъ перешелъ на службу къ московскому государю.

Хотя, какъ свидѣтельствуетъ хроника, бояре Кривскіе были близки ко двору и не разъ «удостоивались батога» изъ собственныхъ рукъ грознаго царя, не разъ бывали биты Борисомъ, а борода одного изъ Кривскихъ была припечатана къ столу не въ мѣру подкутившимъ Лжедмитріемъ, но все-таки Кривскіе большихъ отчинъ не имѣли и оставались худородными боярами. При Петрѣ одинъ изъ Кривскихъ былъ казненъ за близость къ Софіи и участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ, и родъ Кривскихъ постепенно худалъ.

Только при Екатеринѣ II Кривскимъ чуть-было не выпало счастіе. Прадѣдъ его превосходительства, секундъ-майоръ Кривскій былъ на порогѣ къ случаю. Молодого, красиваго, но робкаго секундъ-майора замѣтилъ самъ Потемкинъ и обратилъ на него особенное благосклонное вниманіе и приблизилъ къ себѣ. Секундъ-майора что-то очень скоро произвели въ полковники, Потемкинъ сдѣлалъ его своимъ генеральсъ-адъютантомъ и готовилъ ему блестящую судьбу, но робость сгубила застѣнчиваго молодого человѣка. По какой-то комической случайности, гдѣ молодой Кривскій растерялся совсѣмъ, онъ внезапно былъ высланъ Потемкинымъ въ свою деревеньку, и только черезъ нѣсколько лѣтъ полковнику прислали въ подарокъ патентъ на званіе бригадира и, благодаря Потемкину, дали ему триста душъ.

Несмотря на внезапную ссылку, бригадиръ до глубокой старости сохранилъ благоговѣніе къ екатерининскому времени и охотно разсказывалъ досадный анекдотъ о своей робости, лишившей его великихъ и богатыхъ милостей Потемкина.

Дѣдъ Сергѣя Александровича, если не придалъ блеска фамиліи Кривскихъ, то взамѣнъ того пріобрѣлъ громадное состояніе, занимая при графѣ Каменскомъ въ турецкую войну видную должность по провіантмейстерской части. Человѣкъ смѣлый и рѣшительный, онъ черезъ короткое время пріобрѣлъ такія громадныя богатства (разсказывали, что онъ подъ видомъ винограда пересылалъ въ деревню боченки съ золотомъ), что смѣлость эта обратила на себя всеобщее вниманіе и дошла до слуха императора Александра I.

Провіантмейстеру приказано было «скрыться съ глазъ», и, какъ гласитъ семейное преданіе, императоръ Александръ, узнавъ подробности грандіозныхъ злоупотребленій, изволилъ

прослезиться и выразить надежду, что «сей корыстолюбивый россіянинъ, унизивъ себя безпримѣрнымъ поступкомъ, умретъ отъ позора», и на предложеніе отобрать похищенное только брезгливо изволилъ замахать рукой.

Однако «корыстолюбивый россіянинъ», хотя и удалился въ деревню, но не только не умеръ отъ позора, а напротивъ, сдѣлавшись богатѣйшимъ помѣщикомъ Т. губерніи, задавалъ такіе пиры, легенды о которыхъ сохранились и донынѣ. Впослѣдствіи онъ, благодаря графу Аракчееву, призванъ былъ снова къ дѣламъ и умеръ наверху почестей, оставивъ громаднѣйшее состояніе единственному своему сыну.

Отецъ его превосходительства, воспитанный якобинцемъ-гувернеромъ, чуть-было не пострадалъ за свои взгляды, рано вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Онъ велъ тамъ безумно-роскошную жизнь, путешествовалъ, велъ блестящія знакомства, женился на бѣдной русской княжнѣ, скоро услалъ ее въ Россію и, убитый какимъ-то французомъ на дуэли изъ-за пустяковъ, оставилъ сыну своему, тогда блестящему молодому офицеру, болѣе чѣмъ скромное наслѣдство.

Сергѣй Александровичъ тотчасъ же оставилъ военную службу и перешелъ въ гражданскую. Послѣ крестьянской реформы, какъ знаетъ читатель, Кривскій выдвинулся.

«Нѣтъ, этому браку не бывать!»—еще разъ рѣшилъ Кривскій, пожимая руку Борису Сергѣевичу и приглашая его сѣсть.

Первенецъ его превосходительства, высокій, стройный, красивый господинъ, которому можно было дать отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, поражалъ своимъ удивительнымъ сходствомъ съ отцомъ.

У сына были тѣ же красивыя черты лица, та же безукоризненная англійская складка, такой же тихій голосъ съ мягкими нотами и умный серьезный взглядъ, съ тою только разницею, что въ сосредоточенномъ взглядѣ небольшихъ сѣрыхъ глазъ Бориса Сергѣевича ярче блестѣла жизнь, и въ немъ не было того скептическаго выраженія, которое нерѣдко проглядывало въ усталомъ взорѣ его превосходительства.

Сергѣй Александровичъ сдержанно любовался сыномъ, окидывая мягкимъ, довольнымъ взглядомъ джентльменскую, изящную фигуру въ безукоризненномъ костюмѣ темнаго цвѣта. Во всемъ, начиная съ прически съ проборомъ сбоку, съ англійскихъ бакенбардъ каштановаго цвѣта и кончая носкомъ сапога, проглядывала порядочность и тотъ солидный хорошій тонъ, который, не имѣя ничего общаго съ бьющимъ въ глаза

хлыщеватымъ видомъ петербургскихъ кокодесовъ, такъ идетъ къ молодымъ солиднымъ чиновникамъ на виду, разсчитывающимъ на блестящую карьеру.

Борисъ Сергѣевичъ дружески пожалъ руку отца и, сидя въ креслѣ, ожидалъ, пока старикъ заговоритъ.

— Я безпокоилъ тебя, Борисъ,—медленно началъ Кривскій, пощипывая своими длинными красивыми пальцами уголокъ сѣдой бакенбарды:—чтобы побесѣдовать съ тобой по поводу разговора, который имѣлъ о тебѣ съ матерью. Она мнѣ разсказывала... Впрочемъ, ты, вѣроятно, знаешь?

— Знаю.

— Скажи, пожалуйста, Борисъ, въ чемъ дѣло?

Кривскій отвелъ руку отъ бакенбарды и пристально посмотрѣлъ на сына. Борисъ выдержалъ взглядъ и замѣтилъ:

— Пока ни въ чемъ. Ничего серьезнаго нѣтъ.

— Пока? Слѣдовательно существуетъ предположеніе?

— Ты, конечно, противъ?—тихо проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, замѣтно улыбаясь.

— А ты? ты?—подхватилъ отецъ.

— Я—нѣтъ!—спокойно и увѣренно отвѣтилъ сынъ.

Его превосходительство откинулся на спинку кресла, поморщился и нѣсколько секундъ просидѣлъ молча.

— Надѣюсь наконецъ,—заговорилъ онъ еще медленнѣе, словно бы этой медленностью онъ хотѣлъ скрыть волненіе, все-таки сказывавшееся въ легкой дрожи голоса:—надѣюсь, Борисъ, ты соблаговолишь, по крайней мѣрѣ, объяснить мнѣ мотивы, которые могутъ заставить тебя, Бориса Сергѣевича Кривскаго, жениться на дочери...

Онъ не договорилъ. Онъ былъ настолько джентльменъ, что во-время остановился.

— На дочери бывшаго цѣловальника, хотѣлъ ты сказать?

— Да, я хотѣлъ.

— Мотивы очень простые. У насъ нѣтъ состоянія.

— Но развѣ ты получаешь недостаточно?

— Много ли я получаю? Какихъ-нибудь десять тысячъ, и то всѣми правдами и неправдами!—усмѣхнулся Борисъ.—Я принужденъ былъ принять предложеніе Егорова—такого же плута, какъ Леонтьевъ—и сдѣлаться членомъ правленія какого-то подозрительнаго общества. А эта должность, самъ знаешь, мнѣ не нравится. И то вездѣ кричатъ, что мы, чиновники, пользуемся синекурами ради вліянія... Въ этомъ вѣдь есть доля правды...

— Но однако же... Эта женитьба, развѣ это лучше?..

— Я не говорю лучше, но по крайней мѣрѣ она дастъ

мнѣ возможность не дѣлать тѣхъ уступокъ, которыя приходится дѣлать теперь, и позволитъ мнѣ не дискредитировать своего положенія въ будущемъ.

Кривскій сидѣлъ молча, повѣсивъ голову.

— Мнѣ кажется, папа, ты слишкомъ исключительно смотришь на вещи и забываешь, что въ наше время власть безъ состоянія ставитъ себя въ очень затруднительное положеніе. Ей поневолѣ приходится считаться съ разными проходимцами, и не только считаться, но и быть у нихъ нерѣдко въ рукахъ... Къ несчастію, примѣровъ немало, скандальныхъ процессовъ довольно, а скандальныхъ слуховъ еще болѣе. Все это дискредитируетъ значеніе власти, и, конечно, не тебѣ защищать подобный порядокъ вещей. Съ тѣхъ поръ, какъ мы обнищали, власть сама перестала быть дѣйствительной властью. Она нерѣдко покорный слуга людей капитала. Все это ты хорошо самъ знаешь...

— Я это знаю, мнѣ очень грустно, что это такъ, но жениться на дочери Леонтьева... Это, какъ хочешь... Поднимется такой говоръ...

— Напрасно ты такъ думаешь. Всѣ будутъ завидовать, и наконецъ, папа, ты забылъ духъ времени. Мы живемъ не въ дореформенныя времена. У насъ крестьянъ больше нѣтъ. Намъ остается на выборъ или идти на компромиссы, или вовсе сойти со сцены... Другого выбора нѣтъ. Надо примириться съ фактомъ, каковъ онъ есть. Положимъ, Леонтьевъ—партія не блестящая въ твоемъ смыслѣ, но вѣдь будущее за Леонтьевыми, а не за нами, если мы во-время не воспользуемся положеніемъ. Что ты на это скажешь?

Борисъ Сергѣевичъ продолжалъ въ томъ же тонѣ. Онъ говорилъ спокойно, увѣренно, не горячась, обставляя свою рѣчь солидными аргументами для доказательства, что человѣку, желающему не остаться въ тѣни или не кончить скандальнымъ процессомъ, необходимо состояніе. Оно одно развязываетъ руки и даетъ власти необходимую свободу дѣйствій. Появленіе въ жизни новаго элемента, тѣхъ новыхъ людей, людей наживы и капитала, которые заставляли старика Кривскаго часто задумываться, по мнѣнію сына, совершенно естественное послѣдствіе крестьянской реформы. Игнорировать факта нельзя. Онъ есть, и слѣдовательно надо только пріурочиться къ нему. Наконецъ и обособленность сословій—анахронизмъ.

— Женись ты на дочери Леонтьева—это было бы скверно, а если бы женился я, то это было бы только практично... Жизнь, папа, далеко ушла впередъ отъ старыхъ понятій. Я

подаю руку такимъ людямъ, которымъ ты, конечно, руки не подашь. Voilà où nous en sommes!

Старикъ слушалъ эту снисходительно прочитанную ему лекцію о духѣ времени съ глубокой тоской. Каждое слово сына тяжелымъ ударомъ отзывалось въ его сердцѣ, но въ то же время онъ если не совсѣмъ понималъ, то чувствовалъ, что сынъ до нѣкоторой степени правъ. Власть безъ состоянія— полувласть. Онъ вспомнилъ, какъ часто ему самому приходится прибѣгать къ просьбамъ о пособіи; онъ вспомнилъ, какъ чуть-было онъ самъ не принялъ предложенія быть почетнымъ директоромъ одного предпріятія съ огромнымъ гонораромъ,— и что могъ онъ сказать теперь сыну?

Борисъ былъ честолюбивъ, отецъ это зналъ, и мѣтилъ далеко. Женитьба эта, если только она состоится, будетъ крупнымъ шагомъ на пути къ блестящей карьерѣ. Огромное состояніе, которое онъ получитъ, позволитъ ему не прибѣгать къ посторонней службѣ, которая во всякомъ случаѣ бросаетъ неблаговидную тѣнь. Чѣмъ отпарировать эту неотразимую логику сына? Сказать, что можно сдѣлать карьеру безъ средствъ? Положимъ, онъ сдѣлаетъ ее; но развѣ Борисъ не укажетъ на массу затрудненій? Развѣ онъ можетъ теперь жить на жалованье, которое получаетъ, безъ частной службы! И наконецъ какъ много блеска придаетъ состояніе служебной карьерѣ!.. Отъ какого-нибудь пріема иногда зависитъ многое...

«Онъ правъ! Но зачѣмъ же онъ правъ?»—думалъ Сергѣй Александровичъ, внимательно слушая сына.

— Я раньше не счелъ необходимымъ говорить съ тобой объ этомъ дѣлѣ и спросить твоего совѣта,—продолжалъ Борисъ:—потому что дѣло еще не выяснилось, но теперь Леонтьевъ, кажется, очень доволенъ.

— А она... эта дѣвушка?..

— Съ ней я еще не говорилъ... Она, конечно, будетъ рада.

— Порядочная дѣвушка?..

— Да, держитъ себя хорошо... Ты, папа, не безпокойся... Леонтьевъ слишкомъ умный мужикъ, чтобы не понять своего права навѣстить тебя не болѣе раза въ годъ. Жена его— глупая, забитая женщина, тоже не стѣснитъ тебя, такъ что съ этой стороны ты можешь быть совершенно спокоенъ...

Выходило какъ будто даже очень хорошо. Но старикъ все молчалъ и не выказывалъ никакого удовольствія. Милліонъ приданаго, конечно, имѣлъ значеніе, но... но дочь цѣловальника, того самаго Саввы, котораго онъ приказалъ разъ высѣчь...

Борисъ искоса поглядывалъ на отца и точно понималъ,

что̀ происходитъ въ душѣ старика. Онъ улыбнулся и замѣтилъ:

— Кстати... у насъ уже лежитъ представленіе о Леонтьевѣ. Его, вѣроятно, произведутъ на-дняхъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Это за какія же заслуги?

— Ихъ много: онъ пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ на дѣла благотворенія... На-дняхъ еще онъ препроводилъ двадцать пять тысячъ въ пользу пріютовъ, ну и...

— И генералъ?—перебилъ, прищуриваясь, Кривскій:—будетъ въ одномъ чинѣ съ тобой?

— Въ одномъ...

Наступила пауза.

— У Леонтьевой, папа, кандидатовъ много... не одинъ я... Графъ Ландскронъ, говорятъ, хочетъ сдѣлать предложеніе...

— Графъ Ландскронъ, родственникъ шведскихъ королей?

— Да...

Опять помолчали.

— Такъ ка̀къ ты посовѣтуешь? — наконецъ спросилъ Борисъ.

Его превосходительство тихо покачалъ головой и, какъ-то грустно улыбаясь, произнесъ:

— Что̀ мнѣ совѣтовать?.. Дѣлайте, какъ знаете... Мы разно глядимъ на вещи, но... я... я не препятствую тебѣ... Только объ одномъ прошу... не дѣлай ты изъ своего... («позора», вертѣлось на языкѣ у его превосходительства)... не дѣлай ты изъ своего бракосочетанія парада... Пожалуй, Леонтьевъ захочетъ весь городъ созвать любоваться. Надѣюсь, этого не будетъ?

— Если бы бракосочетаніе, какъ ты говоришь, и случилось, то, разумѣется, не въ Петербургѣ, — отвѣтилъ Борисъ.

— То-то!..—промолвилъ старикъ.

Оба чувствовали, что больше имъ говорить не о чемъ. И отцу и сыну было неловко послѣ этого объясненія.

Борисъ Сергѣевичъ сказалъ еще нѣсколько незначащихъ фразъ и поднялся съ кресла.

— Мнѣ пора... Сегодня у насъ комиссія...

— А!.. поѣзжай, поѣзжай... я тебя не держу.

Грустнымъ взглядомъ проводилъ его превосходительство сына, и когда двери кабинета затворились за нимъ, старикъ облокотился на столъ и долго просидѣлъ неподвижно, устремивъ передъ собой взглядъ, полный тоски и страданія.

«Могъ ли я когда-нибудь думать? Могъ ли я предполагать, что Савва Леонтьевъ будетъ моимъ близкимъ родственни-

комъ?!»—нѣсколько разъ повторялъ его превосходительство, смѣясь скорбнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ.

IX.

Дѣло улаживается.

Въ большомъ, аляповато убранномъ кабинетѣ, полномъ роскоши и безвкусія, сидѣлъ Савва Лукичъ въ бархатной поддевкѣ, надѣтой поверхъ рубашки съ отстегнутымъ воротомъ, и весело слушалъ разсказъ Евгенія Николаевича Никольскаго о томъ, что наконецъ дѣло покончено, и Валентина Николаевна сегодня же получитъ видъ на отдѣльное жительство.

— И мужъ не тронетъ?..

— Будьте покойны...

— А если тронетъ?..

— И мы его тронемъ!..

— Охъ, вы, молодцы, молодцы!.. — весело говорилъ Савва Лукичъ, фамильярно трепля по плечу Никольскаго. — Вы и разведете, и сведете, и брата на сестрѣ жените, коли захотите... Спасибо тебѣ, Евгеній Николаевичъ... Спасибо, родной. Уважилъ ты меня, что дѣло наладилъ скоро... Валентина Николаевна дама сиротливая... сложенія нѣжнаго... Обиждаетъ ее пьяница-то тотъ...

— Теперь Валентина Николаевна свободна...

— А сколько за свободу-то ейную причитается, а?..

— Вы, кажется, знаете, Савва Лукичъ...

— Да ей-ей же не знаю... Помню, выдавалъ разъ... Кажется, тысячу?..

— Пять тысячъ.

— А еще сколько? Бери больше... не сумлѣвайся... Есть здѣсь!—хлопнулъ весело Савва Лукичъ по карманамъ.—Ты—парень умный, башковатый парень. И напредки дѣловъ, можетъ, будетъ. Такъ заодно будемъ пріятелями.

— Тамъ дорого берутъ.

— Тамъ ли, здѣсь ли—вездѣ, братецъ, берутъ съ нашего брата, посконнаго мужика, зато милуютъ. Ну, такъ говори цѣну-то... Сколько доводится-то съ меня?

— Десять тысячъ.

— Получай, братъ...

Съ этими словами Савва Лукичъ вынулъ чековую книжку, написалъ чекъ на десять тысячъ и отдалъ его Евгенію Николаевичу.

— Значитъ, въ разсчетѣ... А за хлопоты твои, любезный другъ, особь статья... Прими въ знакъ памяти!

Савва Лукичъ подалъ Никольскому дорогой брильянтовый перстень.

— Зачѣмъ это?

— Не ломайся, Евгеній Николаевичъ... Бери по-пріятельски. Ну, а теперь шампанскаго... Эй, кто тамъ! Бутылку холоднаго!

Пока они распивали бутылку, вошелъ слуга и подалъ телеграмму. Савва Лукичъ сталъ читать ее и нѣсколько разъ крякнулъ. Телеграмма извѣщала о потерѣ на каменноугольномъ дѣлѣ пятисотъ тысячъ.

Савва Лукичъ положилъ депешу на столъ какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ проводилъ Никольскаго до дверей кабинета, взявъ слово, что Никольскій немедленно же увѣдомитъ Валентину Николаевну. Когда онъ вернулся къ столу, то взялъ снова телеграмму, прочелъ ее, выругался какъ извозчикъ и движеніемъ руки совсѣмъ раскрылъ воротъ, обнаживъ широкую грудь, покрытую густымъ лѣсомъ черныхъ волосъ.

— Опять потеря!—проговорилъ онъ какъ бы въ раздумьѣ, припоминая рядъ потерь въ послѣднее время.

Онъ перекрестился большимъ широкимъ крестомъ, встряхнулъ кудрями и вышелъ изъ кабинета.

По красивой лѣстницѣ поднялся онъ наверхъ, прошелъ анфиладу роскошныхъ комнатъ и вошелъ въ маленькую комнатку, убранную совсѣмъ просто. Нѣсколько простыхъ сосновыхъ табуретокъ, такая же лавка, кіотъ съ образами да маленькая постель—вотъ все убранство.

На лавкѣ сидѣла старая женщина, одѣтая, какъ черничка, въ черное коленкоровое платье, въ черномъ платкѣ, изъ-подъ котораго серебрилась прядь сѣдыхъ волосъ, и ѣла изъ деревянной чашки какую-то похлебку.

— Матушка!—почтительно заговорилъ Леонтьевъ, подходя къ старушкѣ.—Опять потеря!..

Старуха взглянула своими умными, темными глазами на сына, и на ея старомъ, морщинистомъ лицѣ скользнула улыбка.

— Богъ далъ... Богъ и взялъ!—проговорила она.

— Все теряю послѣднее время, матушка!

— Дьяволъ смущаетъ-то душу?

— Смущаетъ...

— А ты дьявола-то пересиливай! Не смущайся... А что̀ теряешь — по дѣламъ теряешь... Очень ужъ ты зазнался...

Слышно, будто въ родѣ царя какого-то сталъ... И живешь въ развратѣ... Охъ... Савва... Савва! Нажилъ ты много, прожилъ много... съ чѣмъ ты останешься?.. Богъ, видно, испытуетъ тебя...

— Ужъ очень испытанія велики. Сегодня опять пятьсотъ тысячъ ухнули...

— Еще ухнетъ!.. И все можетъ ухнуть для твоего счастія. — Слышала я, къ Авдотьѣ сватается енералъ какой-то?

Она помолчала и прибавила:

— Отдашь?

— Отдамъ, матушка!..

Старуха покачала головой.

— По волѣ?

— Не говорилъ я съ Дуней. Вѣрно, согласна. Женихъ молодой...

— Ваше дѣло, ваше... до этого не касаюсь... Богу за васъ молюсь... Ужъ очень-то всѣ вы Бога забыли, и больше всѣхъ ты забылъ, Савва... Людей-то, чай, тѣснишь?..

— Оберегаюсь, матушка...

— То-то! Кого же ты грабишь, Саввушка? — строго спрашивала старуха...

— Счастье свое граблю...

— Ну, ври... ври... Счастье счастьемъ, а ты всегда былъ, Савва, большимъ грѣховодникомъ... Ты опять за утѣхой пришелъ, видно, къ старой старухѣ?.. Видно, сердце-то дьяволъ мучитъ... Опять, говоришь, потеря... А ты не думай объ этомъ... Не въ томъ потеря, что деньги пропали, а въ томъ потеря, что самъ-то ты пропадаешь... Слышала я, опять новую полюбовницу завелъ?..

Леонтьевъ покорно отвѣчалъ, опуская голову:

— Грѣшенъ...

Старуха любовно взглянула на сына и тихо сказала:

— Эхъ, Савва... Савва, парень-то ты добрый, да гордость мучитъ тебя... Смотри, какъ бы совсѣмъ не отступился Богъ... Думаю я о тебѣ, думаю и впрямь не могу дознаться, что ты за человѣкъ... Ну... ну... не смущайся!..—ласково прибавила старуха.

Леонтьевъ очень почиталъ старуху-мать, отказавшуюся отъ искушеній богатства, продолжавшую вести ту жизнь, какую вела и тогда, когда Савва Лукичъ держалъ кабакъ. Леонтьевъ почиталъ и любилъ свою мать, а она нерѣдко упрекала его за то, что онъ забылъ Бога, и втайнѣ молилась за любимаго своего сына. Ее пугало его богатство; она со страхомъ глядѣла на роскошь обстановки, никогда не показывалась въ

комнатахъ и только по особенной просьбѣ сына согласилась жить у него въ домѣ. И сынъ любилъ иногда заходить къ старухѣ, любилъ поговорить съ ней въ минуты раздумья, въ минуты непріятныхъ извѣстій, и всегда уходилъ отъ нея успокоенный, бодрый. Такъ и теперь... Потери послѣднихъ дней на минуту было-смутили его, но онъ вышелъ отъ старухи утѣшенный, повторяя про себя:

— Богъ далъ... Богъ и взялъ...

И вслѣдъ затѣмъ въ его головѣ уже зарождались новыя фантазіи о томъ, какъ бы наверстать потерянное.

А пока надо порадовать «птаху»!—вспомнилъ Леонтьевъ, собираясь вечеромъ къ Валентинѣ Николаевнѣ.

«Теперь нѣтъ препятствій... Птаха—моя... и никому я ее не отдамъ!»—думалъ Савва Лукичъ, похаживая по кабинету.

Въ его головѣ попеременно бродили мысли о томъ, какъ онъ заживетъ теперь съ «доброй малюткой» и какъ онъ ограбитъ казну.

Трамбецкій, довольный, что получилъ наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, мѣсто въ конторѣ нотаріуса и что можетъ, по крайней мѣрѣ, не жить насчетъ жены, и не догадывался, что ему готовится смертельный ударъ.

Валентина тщательно скрывала отъ мужа свои хлопоты. Съ чисто-женскимъ лукавствомъ она умѣла усыпить его подозрѣнія. «Добрая малютка» боялась какой-нибудь бѣшеной выходки со стороны «тирана» и воспользовалась обаяніемъ своей красоты и любовью измученнаго человѣка, чтобы доконать его, доконать шутя, безъ всякаго злого умысла. Она хотѣла жить, а онъ мѣшалъ, что-жъ сй дѣлать? Послѣдніе дни она была съ нимъ такъ внимательна, кротка и ласкова, что въ сердцѣ Трамбецкаго нѣтъ-нѣтъ да и мелькалъ слабый лучъ надежды, что еще не все потеряно.

Она аккуратно возвращалась домой къ пяти часамъ, обѣдала съ мужемъ и сыномъ и проводила вечера, противъ обыкновенія, дома, не принимая никого. Она упросила мужа «повременить съ дачей, дачи позднѣе будутъ дешевле!» и иногда по вечерамъ заглядывала въ маленькую комнату мужа и нѣжно упрекала, что онъ совсѣмъ ее забылъ и никогда не заглянетъ къ ней.

Онъ забылъ!?

Трамбецкій вздрагивалъ, заслышавъ нѣжные звуки голоса, и какъ-то испуганно поднималъ голову, стараясь найти въ этихъ ясныхъ свѣтлыхъ глазахъ иронію или насмѣшку, но глаза глядѣли нѣжно и кротко изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ,

маленькое нѣжное созданіе съ распущенными прядями волосъ, въ капотѣ, не скрывавшемъ ея прелестныхъ формъ, было такъ обворожительно и такъ близко подходило къ Трамбецкому, что онъ забывалъ обо всемъ, сжимая въ объятіяхъ «добрую малютку» и повторяя слова любви и надежды.

И она улыбалась, улыбалась въ отвѣтъ на ласки такъ же нѣжно, какъ вчера улыбалась въ объятіяхъ Леонтьева, третьяго-дня въ объятіяхъ Никольскаго, а недѣлю тому назадъ подъ горячими поцѣлуями Шурки. Этому милому и легкомысленному созданію было такъ забавно играть съ тираномъ наканунѣ прощанія навсегда.

Бросая ему милостыню любви по какому-то необъяснимому женскому капризу, «добрая малютка» возвращалась къ себѣ и, лежа въ постели, тихо смѣялась, представляя, какое изумленное выраженіе будетъ на лицѣ мужа, когда онъ, возвратившись изъ конторы, увидитъ пустую квартиру и узнаетъ, что она теперь совсѣмъ свободна, и что если онъ захочетъ предъявить тробованія, то ему же будетъ хуже. Онъ такой умный, этотъ Евгеній Николаевичъ, и все можетъ сдѣлать для такой милой женщины, какъ Валентина. Только надо слушаться его совѣтовъ и время отъ времени навѣщать его, конечно, по секрету отъ Саввы Лукича. Этотъ мужикъ ревнивъ какъ Отелло и Богъ знаетъ что̀ можетъ подумать!

«Добрая малютка» совсѣмъ была готова выпорхнуть изъ этого сквернаго гнѣзда... Это что̀ за квартира: комнаты маленькія, скромныя, въ четвертомъ этажѣ. Валентина очень мило сжимала губки, оглядывая свой будуаръ... Фи! какъ онъ мизеренъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой у нея будетъ!.. Деньги она положитъ въ банкъ. Лѣто проведетъ на дачѣ, а зиму въ Петербургѣ. Роскошное гнѣздо на лѣто, недалеко отъ Петербурга, на берегу Финскаго залива, уже было готово. Она ѣздила какъ-то на-дняхъ съ Саввой Лукичомъ смотрѣть «пріютъ любви», какъ называлъ очаровательную дачу влюбленный мужикъ, и пришла въ восторгъ отъ роскоши этого гнѣздышка, свитаго лучшими мастерами, не жалѣвшими денегъ Саввы Лукича. Изящество, роскошь, цвѣты, картины, полная чаша, готовый гардеробъ, уютный садикъ, красивый спускъ въ купальню, — чего тутъ только ни было къ услугамъ маленькой феи, плѣнившей взбалмошнаго мужика.

Валентина вездѣ ходила, смотрѣла и чувствовала раздолье рыбки, попавшей въ воду.

— Будешь любить меня, пташечка?—спросилъ Савва Лукичъ, любуясь ея восторгомъ.

А какъ же не любить!?.. Какъ же не отвѣчать любовью

на это нѣжное вниманіе, какъ не быть благодарной за всѣ эти чудеса роскоши, которыхъ она отнынѣ хозяйка... О, она чувствовала, какъ она начинала любить его, уже любила и будетъ всегда любить...

Савва Лукичъ только ухмылялся и приговаривалъ:

— Раззадорь меня, сударушка, не тѣмъ еще удивлю!..

Чего еще!? Довольно ей и этого!..

Наконецъ въ одно прекрасное утро Никольскій привезъ ей бумагу. Вотъ она, эта самая, давно желанная бумага, благодаря которой можно даже и не горевать, что нѣтъ у насъ развода. Эта бумага устраиваетъ порядочныхъ женщинъ отлично и безъ формальнаго развода.

Валентина жадно пробѣгала глазами о томъ, что она можетъ свободно проживать въ обѣихъ столицахъ и городахъ имперіи вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ.

«Пусть попробуетъ онъ теперь требовать сына!—усмѣхнулась «добрая малютка». — Онъ будетъ со мной. Онъ будетъ богатъ, мой мальчикъ. Я его одѣну какъ маленькаго принца! Кого взять къ нему, англичанку или француженку?» Мысли весело роились въ маленькой счастливой головкѣ. Она суетилась, словно птичка передъ тѣмъ, какъ выпорхнуть изъ отворенной клѣтки. Она нѣсколько разъ благодарила Никольскаго и, конечно, охотно обѣщала подарить ему еще «одно счастливое мгновеніе». Что̀ ей было теперь до мгновенія, когда передъ ней открывалась новая жизнь. Не только одно мгновеніе, два, три, только бы «мужикъ» объ этомъ не зналъ. Она уже окрестила Савву Лукича «мужикомъ» и находила, что онъ слишкомъ по-мужицки цѣлуется. Надо его отъ этого отучить!

— Такъ, значитъ, Евгеній Николаевичъ, я теперь совсѣмъ... совсѣмъ свободна?

— Вамъ теперь остается только жить и наслаждаться! — усмѣхнулся Никольскій.

Но вдругъ облачко легло тѣнью на лицѣ «доброй малютки».

— А если онъ разыщетъ, гдѣ я живу?..

— Что-жъ... Пусть разыщетъ. Вы его примите!

— Что̀ вы, Евгеній Николаевичъ! Вамъ хорошо шутить!.. Онъ можетъ сдѣлать скандалъ, особенно въ минуты запоя. Я такъ боюсь его... Онъ иногда ужасенъ!

— Не бойтесь. Теперь вашъ мужъ безсиленъ...

— Ахъ, добрый мой, вы такъ много для меня сдѣлали... Неужели нельзя совсѣмъ успокоить бѣдную женщину?..

— Чѣмъ же еще успокоить бѣдную женщину, а?

— Ужъ я не знаю. Вы должны лучше знать, Евгеній Ни-

колаевичъ... Я глупенькая, что я знаю!.. — говорила Валентина милымъ тономъ наивнаго ребенка.

— Ну, ну, говорите, что вы знаете? — отвѣчалъ въ томъ же тонѣ Никольскій.

— Если бы... напримѣръ... удалить его совсѣмъ изъ Петербурга? Вѣдь ему все равно гдѣ жить, а я... я тогда была бы совсѣмъ покойна!

Евгеній Николаевичъ пристально взглянулъ на «добрую малютку» и улыбнулся.

— Совсѣмъ удалить?.. Это вы недурно придумали, несмотря на то, что вы глупенькая женщина...

— А развѣ нельзя?..

— Нельзя?.. Я не говорю—нельзя... Съ такимъ безпутнымъ человѣкомъ, какъ вашъ супругъ, все можно, но вы, мой ангелъ, ужъ слишкомъ спѣшите. Спѣшить не надо. Подождите—увидимъ... А если онъ и въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ сдѣлать скандалъ, ну, тогда мы посмотримъ и посовѣтуемся съ Саввой Лукичомъ.

— О, я ему непремѣнно скажу. Пока мужъ въ Петербургѣ, я буду вѣчно бояться.

Никольскій ни слова на это не отвѣтилъ и снова посовѣтовалъ не спѣшить, обѣщая быть ея другомъ и совѣтникомъ, если только она не забудетъ, что есть на свѣтѣ ея вѣрный поклонникъ. При этомъ Евгеній Николаевичъ на первый разъ далъ «доброй малюткѣ» дружескій совѣтъ жить первое время потише, чтобы не возбуждать толковъ.

— Вы хоть и совсѣмъ свободны, но очень легко и потерять эту свободу. Надо пользоваться ею умѣючи.

— Потерять? Какъ потерять?—уже испуганно спрашивала Валентина.

— Не пугайтесь! Ахъ, какая вы пугливая! Я предостерегаю только васъ. Васъ обрадовала эта бумага, да? Ну, такъ надо помнить, что эту бумагу легко можно отнять и снова отдать васъ на съѣденіе вашего мужа. Но, разумѣется, мы васъ не отдадимъ. Какъ можно! Такое прелестное созданіе и снова въ зависимости отъ г. Трамбецкаго! Ну, что-жъ мы не улыбаемся?

И Никольскій опять сталъ говорить, что этому никогда не бывать. Валентина улыбалась сквозь слезы, смущенная и испуганная. Хотя Евгеній Николаевичъ и успокаивалъ ее, но она смутно сознавала, что она далеко не такъ свободна, какъ казалось ей съ перваго взгляда, и что этотъ красивый, солидный молодой человѣкъ, который когда-то носилъ ей букеты, можетъ лишить ее желанной свободы такъ же легко, какъ и далъ ее.

Но что дѣлать? Надо нести крестъ!

«Ахъ, зачѣмъ не умираетъ этотъ ужасный человѣкъ, изъ-за котораго она переноситъ столько горя и страданій!»—подумала Валентина. Она нѣжно простилась съ Никольскимъ, обѣщалась помнить совѣты и не забывать «своего друга».

Валентина плохо спала всю ночь. Радость и страхъ не давали ей сомкнуть глазъ. Она временами забывалась, и въ эти короткіе промежутки тяжелаго сна ей все казалось, что мужъ гонится за ней, настигаетъ, и все счастіе ея рушится. Она вышла къ чаю блѣдная, взволнованная и испуганная, избѣгая смотрѣть на мужа. А Трамбецкій какъ нарочно сидѣлъ за чаемъ долѣе обыкновеннаго, шутилъ съ сыномъ и спрашивалъ, не пора ли искать дачу. Валентина обрадовалась этому вопросу и сказала, что она сегодня же поѣдетъ посмотрѣть дачу гдѣ-нибудь на островахъ и возьметъ съ собою сына—ему послѣ болѣзни будетъ полезно прогуляться. Онъ такъ давно не былъ на воздухѣ.

Голосъ ея дрожалъ, а взглядъ былъ какой-то странный.

Отецъ и сынъ подняли на нее глаза.

— Что съ тобой?—спросилъ Трамбецкій.

— Ничего... нездоровится...

— Ты сегодня какая-то странная! — тихо замѣтилъ Трамбецкій, пристально взглядывая на жену.

Онъ вспомнилъ, что она была такая же странная въ тотъ день, когда въ В. внезапно оставила его. Опять подозрѣніе тихо закрадывалось въ сердце. «Какой у нея растерянный видъ! Какой у нея загадочный взглядъ!»—думалъ Трамбецкій, подозрительно наблюдая за женой.

— Странная?— усмѣхнулась въ отвѣтъ Валентина. — Мнѣ просто нездоровится, вотъ и вся странность.

— Такъ ли?

— О, Господи! Ты опять за сцены. И тебѣ не надоѣли онѣ?—капризно промолвила она, поднося къ глазамъ платокъ.

Еще секунда, и Валентина уже нервно плакала.

— Ну, прости... прости меня, Валентина! — нѣжно проговорилъ Трамбецкій.—Я виноватъ!

Она охотно простила и проводила мужа до дверей, обѣщая вернуться къ шести часамъ.

— Смотри, Саша, подожди насъ къ обѣду! Безъ насъ не обѣдай!—прибавила она вслѣдъ.

Къ чему говорила она эти слова, она и сама не знала. Такъ они сами собой сказались...

Какъ только онъ ушелъ, Валентина послала за каретой и приказала мальчику собираться. Мальчикъ изумленно смотрѣлъ

на мать. Его поражало, что она, собираясь на дачу, такъ волнуется.

Карета пріѣхала. Мальчикъ готовъ. Она давно уже готова и нетерпѣливо ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Ахъ... Она забыла! Надо еще написать письмо!

Она присѣла къ столу, написала нѣсколько строкъ, запечатала письмо и оставила его на письменномъ столикѣ.

— Это я прошу папу купить намъ конфетъ!—сказала она на вопросъ сына, зачѣмъ она пишетъ папѣ письмо, когда только-что его видѣла.

— Ну, теперь, кажется, можно ѣхать! — торопитъ Валентина.

«Но зачѣмъ Паша съ нами?» — изумляется мальчикъ, глядя, какъ горничная Валентины Николаевны тоже собралась ѣхать. Мальчикъ еще болѣе изумляется, замѣтивъ подъ полой ея тальмы дорожный мѣшокъ. Онъ переводитъ испуганные глазенки съ матери на Пашу, съ Паши на мать, и бѣдняжка чувствуетъ, какъ страхъ сжимаетъ его сердце. Куда они ѣдутъ? Отчего мама такъ волнуется и спѣшитъ?

О, какъ бы хотѣлось ему теперь, чтобы папа былъ дома... Еще недавно онъ слышалъ, какъ мать о чемъ-то шепталась съ черноволосымъ высокимъ господиномъ, до его ушей долетали какіе-то обрывки фразъ объ отъѣздѣ. Смутныя подозрѣнія закрадываются въ его головку. Онъ слишкомъ многое понималъ, и слезы брызнули изъ его глазъ.

— Мама! Я не хочу ѣхать!—прошепталъ онъ.

— Что̀ ты, Коля? Да ты съ ума сошелъ? Отчего ты не хочешь ѣхать? — проговорила Валентина, чувствуя сама, что голосъ ея дрожитъ.

— Я боюсь, мама, ѣхать... Я не поѣду...

Она прижала сына къ себѣ и покрыла его поцѣлуями. Они скоро вернутся назадъ. Они поѣдутъ только посмотрѣть дачу, а Паша ѣдетъ съ ними, чтобъ мамѣ не было одной скучно.

— А мѣшокъ зачѣмъ?

— Какой мѣшокъ? Ахъ, да, мѣшокъ!—говоритъ Валентина, бросая быстрый взглядъ на Пашу. — Мѣшокъ?.. Въ этомъ мѣшкѣ мамины вещи. Она боится оставлять ихъ дома, когда она на цѣлый день уѣзжаетъ. Глупый мальчикъ!.. О чемъ ты?.. Ну, полно же, полно... не плачь.

Она почти силой тащитъ мальчика въ карету, всѣ садятся, и карета катитъ по улицамъ. Мальчикъ нервно всхлипываетъ, и страхъ блеститъ въ его большихъ глубокихъ глазахъ.

— Мама! Куда-жъ мы ѣдемъ?

— Дачу смотрѣть!

— Развѣ это острова?

— Острова, мой милый! Какъ онъ однако тихо ѣдетъ!— нетерпѣливо замѣтила Валентина.—Паша! скажи ему, чтобы онъ ѣхалъ скорѣй!

Извозчикъ стегнулъ лошадей. Карета покатила шибче по выборгскому шоссе.

— Мама! Что же, скоро мы пріѣдемъ? — снова спросилъ мальчикъ.

— Скоро, скоро, дорогой мой!

— Послушай, мама... я...

Онъ не договорилъ и тихо зарыдалъ.

Напрасно Валентина осыпала поцѣлуями его мокрыя отъ слезъ щеки. Онъ отводилъ лицо отъ ея поцѣлуевъ и просилъ ѣхать назадъ, домой, къ папѣ. Онъ его такъ любитъ. Онъ не можетъ сказать, какъ его любитъ... Больше всѣхъ на свѣтѣ любитъ! Онъ ни за что не будетъ жить безъ него...

— Ты, мама, его не любишь... я знаю... Я вижу!—шепталъ онъ, прерывая слова свои глухими рыданіями.

О, Боже мой, какой несносный, глупый мальчикъ! Онъ можетъ доставить много хлопотъ! И откуда у него такая любовь къ этому пьяницѣ? Надо непремѣнно заставить его забыть объ отцѣ...

Валентина утѣшала мальчика. Но онъ какъ будто не вѣрилъ ея словамъ.

— Ты правду говоришь? Мы вернемся домой?

— Конечно, вернемся!

— Сегодня?

— Сегодня...

— Честное слово?—строго спросилъ мальчикъ, заглядывая въ глаза матери.

Она колебалась. Онъ зорко смотрѣлъ ей въ глаза.

— Что-жъ ты молчишь?.. Дай честное слово?

— Честное слово!

— Такъ я вѣрю тебѣ! Папа говорилъ, что честному слову нужно вѣрить!

Онъ вытеръ слезы и сталъ глядѣть на дорогу грустнымъ, задумчивымъ взглядомъ.

Трамбецкій сегодня опоздалъ. Задержали въ конторѣ. Надо было составить очень сложный актъ, присланный отставнымъ полковникомъ къ нотаріусу, съ просьбой составить какъ можно скорѣй. Просьба полковника равнялась приказанію, и нота-

ріусъ спѣшилъ исполнить желаніе полковника и отпустилъ контору обѣдать въ шестомъ часу.

Трамбецкій шелъ домой спѣшной походкой. Онъ не обращалъ теперь на себя общаго вниманія своимъ костюмомъ и истертымъ цилиндромъ. Онъ завелъ себѣ новую пару платья, вообще подтянулся, пересталъ запивать и сталъ лѣчиться у одного знакомаго медика, кончавшаго курсъ. Молодой медикъ обѣщалъ, что Трамбецкій «еще протянетъ», если будетъ вести спокойную жизнь, и Александръ Александровичъ рѣшилъ непремѣнно «протянуть», пока сынъ его не станетъ на ноги. Заботы о любимомъ мальчикѣ заставили подтянуться этого слабохарактернаго человѣка, и онъ въ минуты искушенія вспоминалъ, какъ нѣжно его «голубчикъ» однажды во время болѣзни сказалъ ему: «папа, брось пить!» Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ и чувствовалъ себя лучше. Хотя кашель и душилъ его, особенно по ночамъ, хоть иногда, взглядывая на себя въ зеркало, онъ испуганно глядѣлъ на свои впалыя щеки, удивляясь странному блеску глазъ, но вѣра не покидала его. Онъ будетъ жить для мальчика. Онъ долженъ жить!..

Съ августа мѣсяца мальчикъ поступитъ въ гимназію. Онъ самъ готовилъ его, и мальчикъ учился превосходно. Онъ шелъ домой, мечтая о томъ, какъ они вдвоемъ съ сыномъ будутъ проводить вечера на дачѣ, и, вспомнивъ, что мальчикъ охотникъ до рыбной ловли, зашелъ въ лавку и купилъ ему удочку.

Уже пробило шесть часовъ, когда онъ позвонилъ въ квартиру.

— Вернулись?

— Нѣтъ еще!—отвѣчала кухарка.

— На столъ накрыли?

— Накрыла.

Ужасно хочется ѣсть, но онъ подождетъ. Онъ обѣщалъ подождать ихъ возвращенія.

Онъ прошелъ въ свою комнату и сталъ читать газету. Прочелъ газету, прочелъ статью журнала, взглянулъ на свою «луковку», какъ прозвалъ сынъ недавно купленные имъ часы,— уже семь часовъ, а ихъ нѣтъ...

«Запоздали какъ!»—проговорилъ Трамбецкій и спросилъ у кухарки: какъ одѣли Колю.

Кухарка сказала, что не знаетъ.

— Вѣрно, Паша знаетъ! Позовите Пашу!

— Паши нѣтъ... Она уѣхала съ барыней.

— Уѣхала съ барыней... зачѣмъ?..

Кухарка не знаетъ. Почемъ ей знать, зачѣмъ уѣхала Паша.

Пашу барыня очень любитъ. Паша зазналась и воображаетъ себя барыней. Паша дѣлаетъ, что̀ хочетъ.

Трамбецкій слушалъ кухаркины жалобы, но едва ли слышалъ, что̀ она говоритъ. Онъ разсѣянно взглядывалъ на кухарку и повторялъ:

— Зачѣмъ она поѣхала?..

Онъ прошелъ въ залу и сталъ ходить, прислушиваясь къ шуму на улицѣ... Вотъ ѣдетъ карета... Вѣрно, они!.. Нѣтъ, мимо!

Однако какъ поздно... Восемь часовъ!

— Это они!—проговорилъ онъ, услыхавъ, какъ карета остановилась у подъѣзда. Онъ отперъ двери и вышелъ на лѣстницу. Раздались шаги, и внизу хлопнула дверь...

Печальный вернулся онъ въ комнаты и присѣлъ къ окну. Ему почему-то припомнилось, какъ странно глядѣла Валентина и какъ дрожалъ ея голосъ... Онъ гналъ отъ себя подозрѣнія, а они какъ нарочно лѣзли, одно мрачнѣе другого.

— Подавать обѣдать? Обѣдъ простынетъ...

— Обѣдать? Нѣтъ... Зачѣмъ обѣдать,—разсѣянно отвѣчалъ онъ на слова кухарки.—Сейчасъ они пріѣдутъ.

— Должны бы давно быть...

— Еще бы не должны! Колѣ вредно быть вечеромъ на воздухѣ...

На маленькихъ часахъ въ гостиной пробило девять ровныхъ ударовъ.

Трамбецкому сдѣлалось страшно.

«Она такъ же и тогда сдѣлала!—вспомнилъ вдругъ онъ.—Утромъ еще цѣловала меня, клялась въ любви, а вечеромъ уѣхала... Нѣтъ, нѣтъ... что̀ я?.. Этого не можетъ быть... Сына Колю она не посмѣетъ... не рѣшится... Она знаетъ, что тогда...»

Онъ судорожно схватился за кресло и оттолкнулъ его съ дороги.

— Нѣтъ, она не рѣшится... Она...

Онъ говорилъ громко и испугался самъ своего голоса,—такой онъ былъ глухой и сиплый.

«И наконецъ, если бы она рѣшилась, развѣ она оставила бы это все?»—какъ-то грустно подумалъ онъ, оглядываясь вокругъ. Онъ прошелъ въ будуаръ, тамъ все было въ порядкѣ.

— О, Господи... Что̀ же они не ѣдутъ!—съ какою-то тоской проговорилъ онъ, подходя къ письменному столику. Взоръ его упалъ на маленькій конвертъ. Онъ машинально протянулъ руку, прочелъ свою фамилію, написанную мелкимъ, сжатымъ почеркомъ, и, какъ бы предчувствуя что-то ужасное, сталъ медленно распечатывать конвертъ.

А сердце быстро стучало. Онъ слышалъ, какъ оно судорожно бьется, и какъ холодъ проходитъ по спинѣ. Трамбецкій прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Чего же медлить? Читай!—проговорилъ онъ и рѣшительно сталъ читать...

Листокъ тихо выпалъ изъ рукъ на коверъ.

— Подлая!—прошепталъ онъ и тихо опустился, словно подкошенный, на коверъ, прижимая безпомощно руку къ сердцу.

Наконецъ онъ поднялся и торопливо вышелъ изъ квартиры, повторяя глухимъ угрожающимъ голосомъ, что онъ разыщетъ Колю, своего ненагляднаго Колю, во что бы то ни стало.

X.

Въ поискахъ.

Одна мысль поглотила все существо несчастнаго человѣка—догнать жену и отнять сына. Она отдастъ ребенка, а не отдастъ?..

Онъ самъ испугался мысли, какъ молнія сверкнувшей въ головѣ... Нѣтъ! Она отдастъ, къ чему ей сынъ?.. Онъ будетъ просить ее, умолять. Вѣдь человѣкъ же она, а не звѣрь.

Точно сумасшедшій выбѣжалъ Трамбецкій изъ подъѣзда, вскочилъ на перваго извозчика и крикнулъ отчаяннымъ голосомъ:

— Пошелъ!

Извозчикъ съ мѣста поднялъ лошадь вскачь и на поворотѣ обернулся и спросилъ:

— Куда прикажете?

Этотъ вопросъ отрезвилъ Трамбецкаго.

Куда ѣхать?

Строки письма неизгладимыми чертами врѣзались въ сердце. Отчетливо припоминалъ онъ содержаніе записки.

Вотъ что̀ писала «добрая малютка»:

«Я уѣзжаю за границу, убѣдившись, что жить съ вами не могу. Не совѣтую преслѣдовать меня. Могущественные люди приняли подъ защиту несчастную женщину. Благодаря имъ отнынѣ я свободна, и сынъ будетъ со мной. Прощаю зло, которое вы мнѣ причинили, сгубивъ мою молодость, и прошу васъ забыть меня совсѣмъ».

«Посмотримъ, кто смѣетъ отнять у отца сына? Посмотримъ!—шепталъ онъ, сжимая бѣшено кулаки и произнося угрозы.—Развѣ такъ можно?.. О, я найду его!»

Но гдѣ искать?

Тоскливо замерло сердце Трамбецкаго. Безвыходность положенія представилась вдругъ ему съ поразительной ясностью.

У него нѣтъ денегъ, нѣтъ друзей, которые бы могли помочь ему. Какъ поѣдетъ онъ за границу съ двадцатью пятью рублями въ карманѣ?

Онъ достанетъ деньги. Онъ продастъ мебель. Наконецъ есть же законъ. Законъ защититъ его. Нельзя же оставить ребенка у этой развратной женщины?.. Онъ будетъ жаловаться...

Горько улыбнулся онъ, вспомнивъ, какъ напрасно искалъ онъ защиты въ тотъ разъ, когда жена бѣжала отъ него три года назадъ. Онъ просилъ, грозилъ судомъ. Въ отвѣтъ улыбки и пожиманіе плечъ.

Точно ли она уѣхала за границу? Не уловка ли это съ ея стороны, чтобы замести слѣдъ? О, на это она мастерица...

Куда же теперь ѣхать?

— Пошелъ назадъ!—крикнулъ Трамбецкій. «Быть-можетъ, дворникъ что-нибудь знаетъ!»

— Дворникъ, гдѣ дворникъ?

Явился дворникъ.

— Скажите, пожалуйста... жена моя, Трамбецкая, не говорила вамъ, куда уѣхала?

Дворникъ изумленно взглянулъ на Трамбецкаго.

— Какъ же-съ, сказывали. За границу.

— Вы брали паспортъ?

— Нѣтъ.

— Послушайте... Вотъ возьмите на чай... Вы, можетъ-быть, знаете... что-нибудь насчетъ ея отъѣзда... Ради Бога скажите...

— Очень вамъ благодарны, только что̀ намъ знать? Сегодня барыня отдали деньги за квартиру и сказали, что болѣе жить здѣсь не будутъ.

— А насчетъ вещей?

— Сказывали: баринъ распорядится!

Онъ ничего не знаетъ! Да и зачѣмъ ей разсказывать дворнику?

Трамбецкій приказалъ извозчику ѣхать въ участокъ.

Въ участкѣ никого не было. «Пожалуйте завтра!»—сказалъ ему сторожъ. Однако онъ настоялъ и увидалъ помощника пристава. Трамбецкій назвалъ свою фамилію и спросилъ, брала ли жена свидѣтельство на выѣздъ за границу, но помощникъ пристава сухо отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ. Трамбецкому показалось даже, что онъ какъ-то насмѣшливо взглядывалъ на него.

— Вѣдь безъ согласія мужа она не могла уѣхать?

— Отчего-жъ... Если у вашей супруги есть отдѣльный видъ на жительство...

Онъ сообразилъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему его согласіе въ такомъ случаѣ?

Изъ участка Трамбецкій поскакалъ въ канцелярію градоначальника.

Дежурный чиновникъ лѣниво выслушалъ порывистую рѣчь Трамбецкаго и сказалъ:

— Потрудитесь обратиться къ градоначальнику!

— Можно сейчасъ его видѣть?

— Нѣтъ-съ, нельзя!—строго замѣтилъ чиновникъ, оглядывая съ ногъ до головы нетерпѣливаго просителя.

— Но мнѣ нужно сегодня же узнать... Поймите мое положеніе... Вѣдь дѣло очень важное!

Чиновникъ пожалъ плечами и освѣдомился о фамиліи. Когда Трамбецкій назвалъ себя, чиновникъ—такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Трамбецкому—странно усмѣхнулся и сказалъ:

— У градоначальника важнѣе дѣла, чѣмъ ваше дѣло. Онъ принимаетъ по утрамъ. Завтра можете подать прошеніе...

— Послушайте!..—началъ-было Трамбецкій, но продолжать не могъ и безпомощно опустился на кресло.

Принесли воды, и его скоро привели въ чувство. Чиновникъ смягчился при видѣ этого отчаяннаго горя и замѣтилъ Трамбецкому:

— Вы говорите, что ваша жена съ сыномъ уѣхала за границу безъ вашего позволенія?

— Да... По крайней мѣрѣ она пишетъ...

— Но, быть-можетъ, супруга ваша получила отдѣльный видъ!

— Что же изъ этого... А сынъ?

— Видъ могъ быть данъ и на сына.

— Это по какому праву?

Чиновникъ улыбнулся.

— Ваша супруга могла просить объ этомъ...

— Ну?

— Въ такомъ случаѣ она могла получить видъ и...

— И я не могу пользоваться правами отца?—съ горькимъ смѣхомъ перебилъ Трамбецкій.—Ну, это мы еще посмотримъ!

Онъ вышелъ изъ канцеляріи блѣдный, едва держась на ногахъ.

Что дѣлать? Куда теперь ѣхать? Вездѣ говорили ему «завтра», а гдѣ проведетъ онъ ночь съ своимъ тяжелымъ горемъ? Ему нужно было съ кѣмъ-нибудь подѣлиться, разсказать

кому-нибудь о своемъ несчастіи, услышать слово совѣта и утѣшенія.

И онъ вспомнилъ о молодомъ своемъ пріятелѣ Петрѣ Николаевичѣ Никольскомъ, съ которымъ онъ знакомъ былъ давно и возобновилъ знакомство въ Петербургѣ. Это порядочный и честный человѣкъ. Онъ, быть-можетъ, посовѣтуетъ, что̀ ему дѣлать.

— На Петербургскую!—какъ-то печально проговорилъ Трамбецкій, садясь въ дрожки...

— Дома?

— Дома!—отвѣтила кухарка, вводя Трамбецкаго въ небольшую комнату, бѣдно убранную и заваленную книгами.

Плечистый, крѣпкаго сложенія, молодой человѣкъ съ вьющимися бѣлокурыми волосами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ быстрыми шагами. При входѣ Трамбецкаго онъ обернулся и изумленно взглянулъ на вошедшаго.

— Что̀ съ вами, Александръ Александровичъ? Что̀ съ вами?—проговорилъ онъ, пожимая ему руки.—На васъ лица нѣтъ. Что̀ случилось?—спрашивалъ онъ, взглядывая въ блѣдное лицо и въ сверкающіе лихорадочнымъ блескомъ глаза Трамбецкаго.

Трамбецкій опустился на стулъ и разсказалъ свою печальную исторію.

Никольскій выслушалъ разсказъ Трамбецкаго и, когда тотъ кончилъ, замѣтилъ:

— Не падайте духомъ... Быть-можетъ, я могу быть вамъ полезнымъ.

Трамбецкій оживился.

— Вы что-нибудь знаете... слышали?..

— О вашей женѣ говорятъ слишкомъ много, такъ что слышать о ней не мудрено... Не разспрашивайте пока. Быть-можетъ, мы скорѣе, чѣмъ вы думаете, найдемъ вашего Колю. Едва ли ваша жена уѣхала за границу.

— Я такъ и думалъ. Это она написала, чтобы сбить меня съ толку... Я такъ и думалъ!..—повторялъ Трамбецкій.—Но гдѣ же она?

— Подождите. Я самъ не знаю, но только догадываюсь. Обѣщаю вамъ узнать, но вы обѣщайте съ своей стороны не горячиться. Вамъ и вредно, и вы только испортите дѣло... И то напрасно, что вы въ полиціи справлялись.

— Почему?

— Младенецъ! Точно не понимаете, что тамъ вамъ ничего не скажутъ. Сами же вы говорите, что жена нашла покровителей, а если у покровителей есть деньги...

— Такъ, значитъ, дѣло потеряно?.. Она можетъ скрыться, и я никогда не узнаю, гдѣ сынъ... Нѣтъ, это невозможно... Тогда я...

— Опять?—улыбнулся Петръ Николаевичъ.—Выпейте-ка лучше стаканъ воды да успокойтесь.

Никольскій говорилъ такимъ увѣреннымъ тономъ, что сердце измученнаго человѣка снова оживилось надеждой. Петръ Николаевичъ обѣщалъ принять участіе въ его дѣлѣ, а если онъ обѣщалъ, то на слово его можно было положиться. Трамбецкій зналъ, что Никольскій держалъ свое слово.

— Если бы, противъ моего ожиданія, ваша жена уѣхала за границу, вы поѣдете за границу.

— Но деньги?

— Я достану денегъ.

— Вы... вы?—усомнился Трамбецкій, зная Никольскаго за бездомнаго бѣднягу, вѣчно скитающагося и перебивающагося кое-какъ уроками и жившаго очень бѣдно.

Никольскій улыбнулся.

— Есть люди,—дадутъ! Не все же на свѣтѣ одни негодяи!—какъ-то серьезно проговорилъ Петръ Николаевичъ.—Но только помните, Александръ Александровичъ, условіе. До времени сами ничего не предпринимайте. Съ вашимъ темпераментомъ долго ли до бѣды... Изъ-за пустяка погибнуть можете, а вѣдь изъ-за пустяковъ гибнуть глупо, а? Встрѣтьте вы Валентину Николаевну сегодня вечеромъ,—вѣдь вы, чего добраго, задушили бы ее...

Трамбецкій вздрогнулъ.

— Глаза выдаютъ васъ... Найдетъ такой моментъ,—и пропалъ человѣкъ. А сынишка на кого бы остался? За вами въ Восточную Сибирь, что ли?

Трамбецкій обѣщалъ быть послушнымъ. Онъ готовъ терпѣть, только бы найти сына.

— Но если она не захочетъ отдать?..

— Попробуемъ.

— А если попытки ни къ чему не приведутъ?.. Она заручилась покровительствомъ. Вы знаете мою репутацію: пьяница и... безпокойный человѣкъ!—какъ-то горько усмѣхнулся Трамбецкій.—Я безпокойный человѣкъ!? Тогда она все врала, говорила, что была у Кривскаго, чтобы хлопотать о мѣстѣ, но, конечно, хлопотала не о томъ.

— У Кривскаго? Она была у Кривскаго?

— Какъ же, и хвастала, что старикъ обласкалъ ее.

— Тѣмъ лучше!

— Какъ тѣмъ лучше?

— У Кривскаго служитъ мой братъ... родной братецъ, Евгеній Николаевичъ... Онъ у него нѣчто въ родѣ сѣрой эминенціи...

— Вашъ братъ? Вы никогда о немъ не говорили.

— Мало ли о чемъ я не говорилъ...

— Постойте... постойте. Я, кажется, знавалъ вашего брата.

— Немудрено. Онъ служилъ въ В., когда вы тамъ были мировымъ судьей...

— Такъ, такъ... Я помню еще одинъ случай... О, вашъ братъ тогда...

— Не продолжайте! Не къ чему! Я лучше васъ знаю цѣну своему брату!—серьезно проговорилъ Петръ Николаевичъ.— Онъ сталъ теперь героемъ нашего времени, а когда-то... когда-то... мы были очень дружны...

Онъ замолчалъ.

Открытое энергичное лицо молодого человѣка стало печально. Видно было, что воспоминаніе о братѣ было очень тяжело для него.

— Оставимъ вопросъ о братѣ,—продолжалъ онъ. — Если ваша жена была у Кривскаго, то я кое-что узнаю. Во всякомъ случаѣ потерпите, а пока диванъ мой къ вашимъ услугамъ!

Трамбецкій сталъ горячо благодарить Петра Николаевича, а тотъ съ какой-то странной рѣзкостью проговорилъ:

— Вотъ и видно человѣка шестидесятыхъ годовъ. Сейчасъ и раскисли... Рано еще, батенька, раскисать... Еще подождите... Ну, ну... не смущайтесь моими словами... Не умѣю я быть этакимъ, какъ бы вамъ сказать... кислосладкимъ. Ложитесь-ка спать, а у меня есть дѣло.

Трамбецкій всю ночь почти не смыкалъ глазъ, а если и засыпалъ, то не надолго. Открывая глаза, онъ видѣлъ передъ собой слегка согнувшуюся фигуру молодого человѣка и слышалъ легкій скрипъ пера по бумагѣ.

«Странный человѣкъ!»—подумалъ Трамбецкій и вспомнилъ различные эпизоды изъ знакомства съ этимъ человѣкомъ, вспомнилъ его доброту, готовность отдать послѣднее другому, вспомнилъ его жизнь въ деревнѣ и исчезновеніе оттуда, потомъ случайную встрѣчу на Сѣверѣ, гдѣ Никольскій былъ учителемъ, наконецъ встрѣчу въ Петербургѣ на улицѣ.

Никольскій не имѣлъ никакого опредѣленнаго положенія, а былъ одинъ изъ тѣхъ шатуновъ россійской земли, которыхъ много развелось особенно въ послѣднее время. Онъ не думалъ, казалось, о завтрашнемъ днѣ, а какъ птица небесная сегодня былъ здѣсь, завтра тамъ; нерѣдко голодалъ, часто

ходилъ чортъ знаетъ въ какомъ платьѣ, но ни разу не проронилъ ни слова жалобы о самомъ себѣ. Казалось, онъ о себѣ и не думалъ, и—вспоминалъ Трамбецкій—онъ только и дѣлалъ, что устраивалъ другихъ, забывая о себѣ...

Когда-то онъ готовился къ ученой карьерѣ, но ученая карьера улыбнулась почему-то, и Никольскій остался безъ всякой карьеры. Разъ встрѣтился Трамбецкій съ Никольскимъ, когда онъ былъ управляющимъ фабрикой, а черезъ годъ, совсѣмъ въ другой губерніи, Никольскій уже занимался съ птенцами какого-то барина и на вопросъ Трамбецкаго: «Что̀ подѣлываетъ фабрика?»—отвѣчалъ, что оставилъ ее, но почему—не объяснилъ.

Черезъ этого же Никольскаго Трамбецкій и мѣсто получилъ у нотаріуса. Онъ отлично устраивалъ другихъ и, казалось, имѣлъ большія знакомства.

«Чего это онъ не спитъ?»—думалъ Трамбецкій, поглядывая на широкую спину и на затылокъ большой головы своего пріятеля.

Онъ кашлянулъ.

— Не спится?—промолвилъ Никольскій.

— А вамъ?

— Письма пишу. Скоро кончу и засну какъ богатырь!..—проговорилъ Петръ Николаевичъ и сталъ писать брату Евгенію Николаевичу слѣдующее письмо:

«Милостивый государь

«Евгеній Николаевичъ!

«Меня крайне интересуетъ, по обстоятельствамъ едва ли для васъ важнымъ, знать: обращалась ли жена статскаго совѣтника Трамбецкаго, Валентина Николаевна, къ господину Кривскому съ просьбой объ избавленіи ея отъ безпокойнаго ея супруга. Если обращалась, то будьте добры, не откажите сообщить о результатахъ, а равно и не извѣстно ли вамъ пребываніе означенной дамы.

«Было бы очень пріятно получить отвѣтъ. Можно прислать его съ посыльнымъ, а если не найдете удобнымъ, то я лично зайду за отвѣтомъ.

«П. Н.»

Никольскій перечелъ письмо, запечаталъ его, спряталъ и легъ спать. Скоро онъ спалъ какъ убитый.

Прошло нѣсколько дней, а Петръ Николаевичъ не приносилъ Трамбецкому никакихъ утѣшительныхъ извѣстій. Наконецъ на пятый день Трамбецкій (онъ жилъ пока въ комнатѣ Никольскаго) получилъ отъ Никольскаго записочку слѣдующаго содержанія:

«Не тревожьтесь. Уѣзжаю дня на два. Наши дѣла подвигаются. Надѣюсь, что скоро мы разыщемъ вашего сына».

XI.

Домашняя сдѣлка.

Супруга его превосходительства Анна Петровна Кривская пользовалась въ обществѣ репутаціей женщины строгихъ добродѣтелей и большого ума. Въ скандальной хроникѣ свѣта имя ея никогда не фигурировало, и она считалась образцомъ жены, матери и хозяйки. Дамы находили, что Анна Петровна холодная женщина, всегда жила больше разсудкомъ, чѣмъ сердцемъ, и въ доказательство припоминали, что она вышла за Кривскаго безъ всякаго увлеченія, а по разсчету. Мужчины къ этимъ отзывамъ прибавляли, что Анна Петровна «ловкая баба», которая за спиной мужа отлично эксплоатируетъ положеніе его превосходительства, какъ вліятельнаго человѣка.

Разсказывали и даже указывали примѣры, что Анна Петровна нерѣдко устраивала мѣста, и притомъ небезкорыстно, что къ ней ѣздили на поклонъ дѣльцы, не рѣшавшіеся переступить порога кабинета его превосходительства, и что Евгеній Николаевичъ Никольскій, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ его превосходительства, былъ помощникомъ ея во всѣхъ щекотливыхъ дѣлахъ.

Изучивъ характеръ Сергѣя Александровича, Анна Петровна съ необыкновенной ловкостью пользовалась своимъ вліяніемъ на него, никогда, разумѣется, не показывая этого вліянія. Его превосходительство былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы снести чье-нибудь видимое вліяніе. А между тѣмъ она нерѣдко заставляла мужа поступать согласно ея видамъ, особенно если виды эти клонились къ пользѣ дома. Стремясь «поддержать» домъ и зная, что одного жалованья недостаточно для покрытія большихъ расходовъ, необходимыхъ для приличной жизни, Анна Петровна несла на себѣ тяжелое бремя хозяйства и умѣла держать домъ на широкой ногѣ, изыскивая дополнительные источники къ содержанію и различнымъ пособіямъ, которыя испрашивалъ время отъ времени его превосходительство.

На рукахъ была большая семья: три сына и двѣ дочери, и Анна Петровна считала священной своей задачей устроить всѣхъ своихъ дѣтей какъ можно лучше. На это устройство она положила всю свою душу, и Сергѣй Александровичъ имѣлъ въ женѣ неутомимаго помощника и охранителя его

интересовъ. Никто лучше Анны Петровны не умѣлъ во-время узнать, съ какой стороны грозила бѣда его превосходительству. Имѣя обширныя знакомства и друзей во всѣхъ сферахъ, Анна Петровна во-время узнавала о той или другой интригѣ противъ мужа, узнавала, когда о немъ говорили благосклонно или, напротивъ, упоминали о немъ безъ благосклонности. Она все вывѣдывала и являлась къ мужу съ предостереженіемъ противъ тѣхъ или другихъ враговъ.

Всегда на стражѣ интересовъ мужа и семьи, всегда дѣятельная, интригующая сама или раскрывающая интриги другихъ, Анна Петровна дожила до пятидесяти лѣтъ, ни разу не испытавъ настоящаго глубокаго чувства къ мужчинѣ и никогда не останавливаясь на мысли, счастлива ли она или нѣтъ. Выйдя замужъ по разсчету и найдя, что Сергѣй Александровичъ порядочный человѣкъ, она сдѣлалась превосходной женой, какъ разъ такой, какая нужна была его превосходительству. Всегда ровная, мягкая, благовоспитанная, не любившая сценъ, она не заявляла притязаній на страстную любовь и сама не грѣшила излишкомъ страсти. Этотъ бракъ былъ однимъ изъ тѣхъ спокойныхъ браковъ, въ которыхъ жена, оставаясь вѣрной женой, ни разу не бываетъ любовницей мужа.

Жажда дѣятельности дала исходъ этой натурѣ, и ни одно облачко не омрачило спокойствія ея сердца. Она исполняла долгъ и гордилась этимъ,—гордилась сперва какъ добродѣтельная жена, а потомъ какъ добродѣтельная мать.

Случалось, правда, въ молодости находили минуты, когда молодая женщина вдругъ чувствовала тоску и неудовлетворенность; отношенія мужа, всегда ровныя, мягкія и безъ вспышекъ страсти, казались ей тяжелыми. Молодая женщина испытывала отвращеніе къ отправленіямъ своихъ обязанностей жены... Ей хотѣлось увлеченія, страсти. Въ это время молодая красавица задумывалась, грудь ея дышала тревожнѣе, и тоска, безпредметная тоска, подбиралась какъ татъ къ трепетавшему сердцу. Но эти порывы были мимолетны. Анна Петровна умѣла съ ними справиться безъ жалобъ, безъ слезъ, безъ сценъ. Взять любовника—это было бы черезчуръ глупо, по ея мнѣнію,—игра не стоила свѣчъ... Разъ вышла замужъ, она сумѣетъ остаться вѣрной женой. И она давила эти зарождавшіяся сѣмена страсти, темпераментъ ея искалъ исхода въ дѣятельности интригъ, представлявшей для дѣятельной натуры богатую пищу, а Сергѣй Александровичъ и не догадывался, что происходитъ съ женой. Она попрежнему была съ нимъ ровна, ласкова и умѣла нравиться ему, какъ красивая женщина и какъ разсудительный другъ.

Стали подрастать дѣти, Сергѣй Александровичъ шелъ быстрыми шагами къ блестящей карьерѣ, и Аннѣ Петровнѣ стало еще больше заботъ, такъ что ей некогда было и думать о «забавахъ любви», какъ она презрительно называла увлеченія менѣе строгихъ женщинъ, чѣмъ была она сама.

Впрочемъ, въ молодости Анна Петровна нарушила обѣтъ вѣрности одинъ только разъ, но это сдѣлано было давно и сдѣлано было опять-таки не по страсти, а скорѣе по обязанности, изъ чувства заботы о мужѣ и семьѣ.

Тогда Сергѣй Александровичъ только-что оперился, и на молодую жену случайно обратила вниманіе особа, отъ которой зависѣло слишкомъ многое, чтобы Анна Петровна не поспѣшила на вниманіе отвѣтить вниманіемъ.

Какія-нибудь четверть часа свиданія, мимолетный капризъ особы,—и Сергѣй Александровичъ быстро выдвинулся, получивъ званіе камеръ-юнкера. Онъ никогда не догадывался, кто былъ главнымъ виновникомъ этого отличія, и когда молодая жена поздравляла его и крѣпко жала ему руку, ни одна черточка лица ея не дрогнула, и полное спокойствіе царило на ея красивомъ лицѣ.

Къ «забавамъ любви» самого его превосходительства Анна Петровна относилась съ снисходительнымъ презрѣніемъ умной женщины и заботилась только о томъ, чтобы эти забавы не стоили очень дорого.

Ея пора, когда Сергѣй Александровичъ послѣ ужина любовался стройнымъ станомъ и свѣжестью лица своей жены, миновала. Взглядывая въ зеркало, Анна Петровна стала замѣчать, какъ пропадала нѣжность кожи, какъ сѣдые волосы пробивались въ блестящихъ черныхъ волосахъ, и какъ нѣкогда стройная пышная фигура ея стала расплываться... Несмотря на самыя тщательныя заботы о сохраненіи красоты, красота пропадала, и Анна Петровна не безъ горечи оскорбленнаго самолюбія должна была свыкнуться съ мыслью о вдовьемъ положеніи.

Она знала всѣхъ «прелестницъ», смущавшихъ его превосходительство, и когда одна «прелестница», какая-то ловкая женщина, жена одного изъ чиновниковъ, заставляла слишкомъ много тратить старика на забавы любви, то ея превосходительство сумѣла довольно ловко дать мужу прелестницы назначеніе въ дальнюю губернію и поспѣшила утѣшить его превосходительство новой «забавой»—миловидной горничной, которую Анна Петровна стала чаще посылать въ кабинетъ его превосходительства съ порученіями...

Анна Петровна весело смѣялась, когда черезъ нѣсколько

времени горничная ушла и сдѣлалась любовницей его превосходительства. По крайней мѣрѣ это была дешевая забава.

А сама Анна Петровна, достигнувъ той поры въ лѣтахъ женщины, когда осень готова смѣниться зимою, съ изумленіемъ замѣчала, что стала особенно заботиться о туалетѣ, сердилась на сѣдые волосы, по временамъ чувствовала хандру и какъ-то оживлялась, когда среди дѣловыхъ бесѣдъ съ Евгеніемъ Николаевичемъ она замѣчала пристально устремленный взглядъ молодого человѣка, тотчасъ же робко опускавшійся при взглядѣ Анны Петровны.

Она гнала отъ себя прочь глупыя мысли, невольно закрадывавшіяся въ ея голову, но красивый и робкій молодой человѣкъ такъ почтительно-нѣжно взглядывалъ на нее, такъ нечаянно говорилъ ей комплименты, что Анна Петровна не могла даже сердиться. Сперва она боялась вѣрить, потомъ ей стало жаль бѣднаго молодого человѣка, и наконецъ поздняя страсть вспыхнула въ пятидесятилѣтней женщинѣ. Она не устояла противъ искушенія, противъ любовника скромнаго, почтительнаго, такого, который не могъ компрометировать ея репутаціи. Онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, и ни одна душа не догадывалась объ ихъ отношеніяхъ. Она была слишкомъ осторожна, чтобы рисковать даже и подъ обаяніемъ поздней любви.

Евгеній Николаевичъ дѣлалъ карьеру, а Анна Петровна наслаждалась бабьимъ лѣтомъ любви и молодилась, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

Трудно быть матерью многочисленнаго семейства. Аннѣ Петровнѣ предстояло еще много заботъ и тревогъ. Нужно было выдать дочерей, надо было пристроить Шурку. Веніаминъ семейства, самый безпутный и любимый, смущалъ ее и составлялъ предметъ самыхъ нѣжныхъ заботъ. Старшіе сыновья шли своей дорогой и были дѣльными людьми, а Шурка... она такъ часто платитъ за него долги, онъ такъ легкомысленно дѣлаетъ новые и такъ легко оправдывается, что Анна Петровна рѣшительно не можетъ сердиться. Женить его еще рано, да и какой онъ будетъ мужъ? Двѣ дочери на рукахъ. Надо ихъ вывозить, необходимо приданое, безъ приданаго нынче почти не женятся. Много заботъ у Анны Петровны.

И она вся отдавалась этимъ заботамъ. Она узнавала о женихахъ, узнавала о невѣстахъ для Бориса, имѣла самыя точныя свѣдѣнія о чужихъ состояніяхъ, не забывала при случаѣ о дополнительныхъ источникахъ и со страхомъ думала, что мужъ становится старъ, и что на смѣну ему, быть-можетъ, готовится новый человѣкъ. И она еще дѣятельнѣе узна-

вала объ интригахъ и чаще ѣздила къ вліятельнымъ дамамъ узнавать, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ.

Но въ воздухѣ еще пахло «хорошо». Его превосходительство пользовался благосклонностью высшаго начальства, и Анна Петровна возвращалась съ развѣдокъ довольная, веселая и осторожно совѣтовала Сергѣю Александровичу не забыть съѣздить съ визитомъ къ «маленькой графинѣ Z.», которая такъ часто спрашиваетъ о здоровьѣ Сергѣя Александровича.

Старикъ морщился, но ѣхалъ. Ѣхалъ и любезничалъ съ «маленькой графиней», памятуя французскую поговорку о Богѣ и женщинѣ.

Въ поискахъ за невѣстами Анна Петровна годъ тому назадъ обратила вниманіе на Евдокію Леонтьеву. Что̀ бы тамъ ни говорили, но у нея милліонъ приданаго. Анна Петровна просила Никольскаго узнать, наличными ли деньгами, и Никольскій привезъ извѣстіе, что наличными. Анна Петровна расправила крылья, какъ коршунъ, передъ тѣмъ чтобы взлетѣть, и занялась мыслью женить Бориса на Леонтьевой. Она охотнѣй сосватала бы такую невѣсту для Шурки, но Шурка не былъ такой заманчивой наживой, которую бы клюнулъ Леонтьевъ. Она знала этого мужика и понимала, что для «мужика» Шурка «очень жидокъ». А Борисъ какъ разъ соединялъ въ себѣ все, что̀ нужно для приманки. Сынъ вліятельнаго человѣка, молодой генералъ на виду, самъ будущій вліятельный человѣкъ, солидный молодой человѣкъ, имѣющій вѣсъ и репутацію. Такой зять льстилъ тщеславію сумасшедшаго мужика и давалъ надежды на то, что въ будущемъ зять будетъ полезенъ. Дѣло представлялось выгоднымъ, и Анна Петровна съ энергіей принялась за него. Она лѣтомъ познакомилась съ семействомъ Леонтьева (они были сосѣдями въ деревнѣ), выписала Бориса, познакомила его и, вернувшись въ Петербургъ, совѣтовала ему бывать у Леонтьевыхъ.

Борисъ понялъ, о чемъ хлопочетъ мать, и мысль ея, сначала показавшаяся ему черезчуръ оригинальной, мало-по-малу понравилась ему. Милліонъ приданаго! Изъ-за этого можно было жениться на скромной, нѣсколько странной, не особенно красивой Евдокіи Леонтьевой. Борисъ сталъ бывать раза два въ недѣлю у Леонтьева, обѣдалъ у него, а послѣ обѣда подходилъ къ молодой дѣвушкѣ, просилъ ее сыграть или спѣть и слегка за ней ухаживалъ. Онъ не торопился съ этимъ дѣломъ и на совѣты матери поспѣшить отвѣчалъ, что еще успѣетъ. Но мать зорко слѣдила и, провѣдавъ, что графъ Ландскронъ собирается сдѣлать предложеніе, поспѣшила на

помощь къ сыну и, по обыкновенію, первая предупредила его объ опасности, что кусокъ можетъ быть вырванъ изъ-подъ носа. Она тотчасъ же поговорила съ Леонтьевымъ и нашла, что онъ былъ бы очень радъ пристроить свою «дѣвку». Оставалось приготовить къ этому шагу мужа, и она сдѣлала это по обыкновенію съ успѣхомъ. Осталось заключить договоръ съ сыномъ. Не для одного же Бориса она хлопотала!

Вечеромъ, въ тотъ самый день, когда его превосходительство имѣлъ объясненіе съ Борисомъ по поводу предполагаемаго брака, Анна Петровна поднялась къ сыну и спросила:

— Ну что̀, отецъ согласенъ?

— Онъ умываетъ руки!—отвѣчалъ Борисъ.

— Значитъ, согласенъ!

— Старикъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что Леонтьевъ—бывшій цѣловальникъ!—улыбнулся Борисъ.—Старикъ совсѣмъ выбивается изъ колеи, maman... Онъ забываетъ, что мы нищіе, и что имя Кривскихъ учесть гораздо труднѣе, чѣмъ имя Леонтьева.

— Отецъ можетъ утѣшиться, Ты женишься на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я сама хлопотала объ этомъ.

— Знаю, maman. Представленіе у насъ, но я его задержалъ...

Анна Петровна улыбнулась.

— Ты, вѣрно, хочешь порадовать мужика въ день помолвки?

— Вы угадали, maman, а до тѣхъ поръ пусть надѣется.

— Время, Борисъ, дѣлать предложеніе. На-дняхъ мы ѣдемъ въ деревню, Леонтьевы—тоже, и можно въ деревнѣ же безъ шума обвѣнчаться и уѣхать за границу.

Борисъ молча согласился.

— Насчетъ согласія Евдокіи сомнѣваться нечего. Ты, конечно, нравишься ей?

Борисъ улыбнулся и соображалъ: нравится ли онъ ей.

— Не знаю... кажется... Она такая странная, эта дѣвушка. Больше молчитъ и смотритъ такъ пристально... Я даже не знаю, умна она или нѣтъ...

— Скорѣй—нѣтъ, хотя и держитъ себя съ тактомъ... У нея только странныя выходки... какія-то пассіи... Говорятъ, она теперь химіей занимается?..

— Да-да!..—усмѣхнулся Борисъ.—Отъ нея по временамъ отзывается книгой... Молчитъ-молчитъ и вдругъ заговоритъ изъ книги, а сама вспыхнетъ...

— Все это пройдетъ. Ты изъ нея сдѣлаешь порядочную женщину... Она еще такъ молода.

Затѣмъ Анна Петровна перешла къ дѣловой сторонѣ вопроса. Обѣ стороны подтянулись, передъ тѣмъ какъ приступить къ щекотливой бесѣдѣ. Мать знала, что Борисъ честолюбивъ и скупъ и не любитъ бросать деньги безъ надобности. Сынъ зналъ, что мать устраивала этотъ бракъ, и что потребуется за это доля для семейства. Онъ охотно готовъ дать, но боялся, что съ него запросятъ очень много. Надо будетъ поторговаться. Родственныя чувства чувствами, а дѣло — дѣломъ. Милліонъ слишкомъ соблазнителенъ, но отъ него можетъ остаться немного, если станутъ его слишкомъ тормошить, и наконецъ какое имѣетъ онъ право распоряжаться чужими деньгами?

Между матерью и сыномъ завязался обстоятельный дѣловой разговоръ. Стали самымъ деликатнымъ образомъ дѣлить шкуру еще не убитаго звѣря.

Анна Петровна выразила увѣренность, что Леонтьевъ отдастъ деньги на руки Борису.

Борисъ усомнился.

— Было бы слишкомъ неделикатно съ моей стороны, maman, намекнуть объ этотъ.

— Но, надѣюсь, половину?..

— Я предпочелъ бы, чтобы все состояніе было на имя жены... По крайней мѣрѣ говорить не будутъ.

Анна Петровна едва замѣтно улыбнулась. Борисъ замѣтилъ эту улыбку и поспѣшилъ увѣрить, что онъ не хотѣлъ бы въ этомъ дѣлѣ насиловать добрую волю Леонтьева.

Евдокія такъ молода, что едва ли можно дать ей въ руки такое состояніе. Лучше, если Борисъ выговоритъ половину на руки.

Затѣмъ она надѣется, что Борисъ не забудетъ сестеръ и Шурку. Дмитрію не надо. Онъ живетъ тамъ въ Китаѣ и доволенъ судьбой, но сестрамъ необходимо приданое. У отца, кромѣ долговъ, ничего нѣтъ, а Шуркѣ нужно стать на ноги. Борисъ, какъ добрый братъ, разумѣется, подѣлится.

Онъ, конечно, очень радъ, «но согласитесь, maman, что распоряжаться чужими деньгами...»

— Да ты, Борисъ, не дипломатничай, пожалуйста, съ матерью!—строго перебила Анна Петровна.—Я не прошу у васъ половины состоянія. Я могу надѣяться, что ты понимаешь, кому обязанъ невѣстой и кто устроилъ тебѣ это... это счастіе.

Борисъ почтительно поцѣловалъ руку матери и удивился, что maman можетъ думать, чтобы онъ на минуту забылъ, чѣмъ онъ ей обязанъ. И развѣ онъ отказывается? онъ готовъ всегда помогать семейству.

— То-то же, мой милый! Если ты удѣлишь сто тысячъ изъ милліона, то это тебя, надѣюсь, не разоритъ.

Она хотѣла спросить больше, но ее смущало, что онъ можетъ отказать, сославшись на то, что состояніе не его. Впрочемъ, и сто тысячъ не худо. Пятьдесятъ она припрячетъ для Шурки, а по двадцати пяти тысячъ для дочерей. Вѣроятно, при выходѣ ихъ замужъ, отецъ выхлопочетъ пособіе на приданое, и такимъ образомъ у нихъ что-нибудь да будетъ.

— О, maman... Я готовъ полтораста тысячъ отдать въ ваше распоряженіе!—отвѣчалъ великодушно Борисъ, довольный, что мать запросила немного.

Подѣливъ шкуру, мать ушла отъ Бориса, посовѣтовавъ ему скорѣй дѣлать предложеніе.

Когда черезъ нѣсколько дней Борисъ Сергѣевичъ пріѣхалъ на дачу къ Леонтьеву и засталъ его одного въ кабинетѣ, то поспѣшилъ объяснить ему, что проситъ руки его дочери.

Въ глазахъ у Саввы Лукича блеснуло удовольствіе. Женихъ былъ подходящій и, по слухамъ, обстоятельный и порядочный человѣкъ. Онъ крѣпко пожалъ руку Кривскаго и промолвилъ:

— Спасибо тебѣ за честь. Радъ такому зятюшкѣ, очень радъ.

И потомъ, какъ бы спохватившись, прибавилъ, заглядывая въ глаза Кривскому:

— Дѣвка моя доброе, кроткое дитятко... Станешь ли ты любить ее? Хорошій ли ты человѣкъ?..

Необыкновенно кроткимъ выраженіемъ освѣтилось лицо Леонтьева, когда онъ говорилъ о дочери. Въ голосѣ дрожала умиленная нотка.

— Она у меня, Борисъ Сергѣичъ, окромя сынишки, одна, такъ ужъ ты не сердись, что я такъ допрашиваю... Плоть-то родимая...

Борису стало какъ-то неловко подъ этимъ мягкимъ, умоляющимъ взглядомъ отца. Ему вдругъ захотѣлось взять назадъ свое предложеніе. Развѣ онъ любитъ эту дѣвушку?

Но этотъ порывъ былъ мгновеннымъ порывомъ. Борисъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что Евдокія Савишна давно ему нравится, и что онъ постарается сдѣлать ея счастіе. Въ мужикѣ тоже боролись два чувства: любовь къ дочери и желаніе сдѣлать ей блестящую партію. Онъ чутко слушалъ Бориса Сергѣевича, и его ухо кольнула какая-то фальшивая нотка въ отвѣтѣ Кривскаго.

— Ой ли? Любишь ли?—продолжалъ онъ.—Да и нельзя ее не любить! У насъ всѣ Дуню любятъ. Она безсребренница

какая-то... Чудная дѣвушка, но только сердце... сердце... золотое сердце... Ну, спасибо за честь, — я всей душой, только поговори съ дѣвкой-то. Неволить не стану... Очень буду радъ, коли и ты любъ ей... Вотъ она и легка на поминѣ... въ саду, голубушка, гуляетъ... Ну, иди, иди къ ней...

Борисъ Сергѣевичъ взволнованный спустился въ большой садъ и тихо пошелъ въ глубь аллеи, гдѣ подъ лучами солнца мелькнула стройная фигура молодой дѣвушки.

XII.

Богатая невѣста.

Въ раздумьѣ, опустивъ на грудь голову, медленно подвигалась молодая дѣвушка въ глубь дальней аллеи.

Борисъ Сергѣевичъ прибавилъ шагу, нагналъ ее и тихо окликнулъ.

Она не поднимала головы и медленно подвигалась впередъ.

— Евдокія Савишна!—повторилъ онъ громче.

При звукѣ голоса, раздавшагося почти надъ ухомъ, молодая дѣвушка нервно вздрогнула и обернулась.

Передъ Борисомъ Сергѣевичемъ стояла скромная, совсѣмъ молоденькая, простенькая дѣвушка съ свѣтло-русыми волосами, обрамлявшими овалъ нѣжнаго личика, сквозь прозрачную кожу котораго просвѣчивали голубыя жилки.

Что-то кроткое, задумчивое и серьезное было въ выраженіи лица молодой дѣвушки. Но еще болѣе поражали ея глаза: сѣрые, большіе, бархатные, они глядѣли изъ-подъ длинныхъ, вздрагивавшихъ рѣсницъ съ какою-то восторженною задумчивостью. Взглядъ ихъ точно убѣгалъ внутрь. Недвижно остановился онъ на Борисѣ Сергѣевичѣ, но, казалось, не видалъ его.

На богатой невѣстѣ было простое ситцевое платье, плотно охватывавшее молодыя, не вполнѣ еще развившіяся формы. Украшеній не было никакихъ—ни колецъ ни серегъ; только вѣтка сирени украшала ея прекрасные свѣтлые волосы.

Назвать ее красивой было нельзя, но что-то необыкновенно симпатичное было въ этой дѣвушкѣ.

Прошло мгновеніе.

— Извините Бога ради. Вѣдь я не узнала васъ! — проговорила она, вспыхнула, какъ-то неловко протянула руку и крѣпко пожала руку Бориса Сергѣевича.

— Вы такъ задумались, что и не слыхали, какъ я подошелъ и здоровался съ вами.

— Да... Я разсѣянная... На меня иногда находитъ...

Она замолчала.

Борисъ Сергѣевичъ испытывалъ необычайное волненіе. Привыкнувъ къ свѣту, онъ ли не умѣлъ всегда завязать разговоръ,—и вдругъ теперь Кривскій не знаетъ, о чемъ заговорить съ этой скромной дѣвушкой и какъ приступить къ объясненію. Онъ искоса посматривалъ на нее и не находилъ словъ.

— Вы скоро въ деревню?

«Фу, какъ пошло!»—пронеслось у него въ головѣ.

— Да, на будущей недѣлѣ, по крайней мѣрѣ папенька такъ говоритъ.

Къ чему она говоритъ: «папенька»? Надо ее отучить отъ этого. «Папенька» рѣзало ухо Бориса Сергѣевича.

— Въ деревнѣ теперь хорошо!

— Еще бы... тамъ прелестно... я бы, кажется, никогда не разсталась съ деревней.

— И не хотѣли бы жить въ городѣ?

— Нѣтъ...

— Отчего?

— Я не люблю города. Шумно очень, и люди здѣсь какіе-то...

Она не докончила и задумчиво провела рукой по лицу.

— Какіе?—улыбнулся Борисъ Сергѣевичъ.

Евдокія подняла на него свои глаза и взглянула на него какъ-то серьезно.

— Развѣ вы не знаете?

— Не знаю...

— Вы шутите!..—тихо проговорила она, опуская глаза.

Борисъ Сергѣевичъ опять не зналъ, какъ ему быть. Она такая странная, эта дѣвушка, и говоритъ какими-то загадками... «Кажется, недалекая! на мать похожа!»—подумалъ Борисъ Сергѣевичъ. Надо наконецъ рѣшиться. Глупо же въ самомъ дѣлѣ робѣть передъ дѣвчонкой, хотя бы и съ милліономъ приданаго.

И онъ заговорилъ.

Онъ заговорилъ мягкимъ, нѣвучимъ голосомъ о томъ, что онъ одинокъ, что чувствуетъ потребность любить и быть любимымъ, что ему нравится одна дѣвушка, счастію которой онъ посвятилъ бы всю свою жизнь.

Евдокія слушала, опустивъ свои длинныя рѣсницы, не прерывая. Эти нѣжныя рѣчи казались какими-то странными и въ то же время ласкали ея слухъ.

«Къ чему онъ говоритъ?.. Вѣрно, онъ несчастливъ?..—промелькнуло у нея въ головѣ.—Бѣдный!»

Они тихо подвигались по аллеѣ, а голосъ Бориса Сергѣевича дрожалъ нѣжными нотами.

Наконецъ Кривскій смолкъ и взглянулъ на молодую дѣвушку. Повидимому, никакого впечатлѣнія. Лицо ея было серьезно; глаза попрежнему опущены внизъ.

«Или недостаточно ясно?»—подумалъ Борисъ Сергѣевичъ и проговорилъ:

— Вы не сердитесь, что я разсказалъ вамъ свой романъ?

— Сердиться? Напротивъ, я могу только благодарить васъ за довѣріе.

«Она ничего не понимаетъ!»

— Я разсказалъ вамъ свою исповѣдь не безкорыстно, Евдокія Савишна, а чтобы попросить вашего совѣта.

— Моего совѣта? Зачѣмъ вамъ мой совѣтъ?

— Вашъ именно и нуженъ! — чуть слышно обронилъ Кривскій.

Она еще ниже опустила голову и спустя секунду еще разъ спросила:

— Мой?

— Вашъ!

Тогда она кротко такъ взглянула на Бориса Сергѣевича и серьезно проговорила:

— Если вы увѣрены, что любите и васъ любятъ...

— То-то я и не знаю, нравлюсь ли я... Захочетъ ли эта дѣвушка связать свою судьбу съ моею?..

— Такъ вы спросите!—съ простодушнымъ участіемъ отвѣтила Евдокія.

«Она ничего не понимаетъ!»—опять подумалъ Борисъ Сергѣевичъ.

— Я спрашиваю!—медленно проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней.—Отъ васъ зависитъ отвѣтъ...

Кривскій замѣтилъ, какъ дрогнули и побѣлѣли ея губы и какое-то страдальческое выраженіе исказило черты ея лица. Она опустила еще ниже голову и нѣсколько секундъ шла молча.

Когда она подняла на Кривскаго свои глаза, они свѣтились кроткимъ свѣтомъ, но лицо ея было грустное.

— Благодарю васъ!..—прошептала она.

— А отвѣтъ?..

— Мнѣ кажется, я вамъ не пара!..

Она проговорила эти слова тихимъ, печальнымъ голосомъ.

— И къ тому же... я не знаю... я... Нѣтъ, простите меня... Вы мнѣ нравитесь, но...

Она говорила съ трудомъ.

— Вы любите другого?

— Нѣтъ... никого... Не спрашивайте болѣе, прошу васъ... Оставьте меня теперь одну. Я вамъ пришлю отвѣтъ...

Борисъ Сергѣевичъ низко поклонился и пошелъ изъ сада, а молодая дѣвушка опустилась на скамейку и глубоко задумалась.

Это признаніе было такъ неожиданно, что она долго не могла придти въ себя.

Любитъ ли она?

Она не могла сообразить. Кривскій ей нравился болѣе другихъ, бывавшихъ у нихъ въ домѣ, но никогда мысль о любви не закрадывалась въ ея сердце. Онъ чаще другихъ говорилъ съ ней, былъ любезенъ, ласковъ—вотъ и все. Она находила, что онъ красивъ и не похожъ на всѣхъ тѣхъ, которые толкутся въ кабинетѣ у отца и смотрятъ ему въ глаза... А сейчасъ? Онъ такъ нѣжно говоритъ ей о своей любви. Ей стало жаль его. Сперва жаль, а потомъ сдѣлалось грустно. Зачѣмъ она не любитъ его?

Онъ, кажется, хорошій человѣкъ... Отецъ говорилъ, что хорошій... И наконецъ не онъ ли поможетъ ей исполнить завѣтныя мечты?..

Она сидѣла, опустивъ свою головку, и тысячи мыслей роились въ ея головѣ. Передъ ней проносились картины ея прошлой жизни... Она помнитъ время бѣдности и иной обстановки, а она, худенькая, слабенькая дѣвочка, бывало, слушала по вечерамъ подъ шумъ кабацкаго веселья бабушку. Тихимъ, восторженнымъ голосомъ разсказывала старуха о спасеніи души, о людской неправдѣ, о житіи святыхъ, и блѣдное личико дѣвочки блѣднѣло еще болѣе, глаза блистали восторгомъ, сердце трепетно билось. Въ одной рубашонкѣ убѣгала она въ сосѣднюю комнату, гдѣ спала мать, и приникала въ горячей молитвѣ. Близкое сосѣдство съ кабакомъ, казалось, не коснулось этого созданія; она оставалась чиста и испуганными кроткими глазами смотрѣла на разгулъ и пьяное горе кабака, куда зазывалъ нерѣдко ее отецъ...

Все это прошло какъ сонъ, и вотъ она очутилась въ другой обстановкѣ... Тяжелыхъ кабацкихъ сценъ не было... Они жили въ губернскомъ городѣ, въ хорошей квартирѣ. Къ ней ходила учительница, бѣдная молодая дѣвушка. Теплымъ воспоминаніемъ промелькнулъ ея образъ...

Отецъ рѣдко бывалъ дома. Онъ часто уѣзжалъ и часто кучивалъ. Въ такія минуты бѣдная мать пугалась, а она тихо плакала, прижимаясь къ матери.

Ей припомнился одинъ день,—этотъ день рѣзко выдавался въ ея памяти. Отецъ пришелъ домой необыкновенно веселый,— она его никогда съ тѣхъ поръ не видала такимъ, — и объявилъ, что они переѣдутъ въ Петербургъ, что онъ богатъ, и что Дуня выйдетъ за генерала. Мать («добрая, милая маменька!»—вспомнила Евдокія) испуганно взглянула на отца своимъ кроткимъ взглядомъ, но отецъ, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію оборвать скромное, забитое, блѣднолицое существо, подошелъ къ ней, ласково поцѣловалъ ее и повторилъ, что ему вышла линія...

Словно въ сказкѣ перемѣнилась обстановка. Къ Дунѣ пригласили учителей и наняли француженку-гувернантку... Они жили въ роскошномъ большомъ домѣ. Все поражало дѣвочку: и блескъ обстановки, и новыя лица, и какая-то удаль въ отцѣ... Не понимая, что̀ такое творится, она убѣгала къ бабушкѣ въ ея скромную келью, спрашивала объясненія... Бабушка сурово учила помнить Бога, а мать какъ-то особенно прижимала Дуню къ своей изсохшей груди и часто плакала, несмотря на роскошь новой обстановки... Брата увезли за границу... Странно какъ-то было первое время — странно и непривѣтно.

Въ богатомъ петербургскомъ домѣ шла вѣчная сутолока. Гости не переводились, а Дуня нерѣдко подъ грохотъ пированія припадала къ образамъ и молилась. Это былъ періодъ необыкновенной религіозности. Въ ея сердце проникалъ какой-то протестъ; невольно изъ-за роскоши ея комнатъ нерѣдко припоминались ей тяжелыя сцены горя и нищеты кабака. Она задумывалась и плакала на груди у бабушки. Старуха вмѣстѣ съ внучкой искали по-своему правды. Бабушка сторонилась отъ міра и недовѣрчиво качала головой, когда Дуня разсказывала ей про невѣдомыя страны, гдѣ живутъ иные люди. «Все врутъ!» — рѣшила старуха, и въ голову дѣвочки закрадывалась мысль, не ошибается ли старуха...

Гдѣ-жъ правда?..

Неяснымъ туманомъ опутывался умъ молодой дѣвушки. Горячее сердце жаждало подвига.

Но гдѣ онъ? Сперва она хотѣла идти въ монастырь, но потомъ эта мысль оставила ее. Въ мірѣ надо жить! Она стала искать отвѣта на сомнѣнія въ книгахъ, и то, что̀ отвѣчало ея настроенію, глубоко западало ей въ глубь сердца. Она страстно любила отца и, готовая положить за него свою любящую душу, скорбѣла за него. Онъ слишкомъ мало, по ея мнѣнію, думалъ о правдѣ. Она приходила къ нему въ кабинетъ и чуткой душой понимала, что тамъ нерѣдко творится

что-то недоброе. Она припадала къ его могучему плечу и тихо спрашивала, отчего онъ скученъ...

— Дѣла скверныя, Дунечка...

— Какія дѣла?

Онъ пробовалъ объяснять и весело смѣялся, называя ее дурочкой, когда она, бывало, совѣтовала ему бросить всѣ дѣла. Къ чему этотъ вѣчный омутъ?.. Посмотрите, что̀ про него, про хорошаго, про любимаго, пишутъ въ газетахъ. Развѣ это правда?..

Леонтьевъ, улыбаясь, гладилъ своей широкой ладонью ея горячую голову, а она, блѣдная, задумчивая, серьезно, восторженно говорила горячія рѣчи противъ людской неправды. И отецъ иногда задумчиво слушалъ ее, прижималъ ее къ груди, покрывая лицо поцѣлуями, и тихо шепталъ: «Ангелъ мой... безцѣнный... золотое сердце мое».

Онъ любилъ ее безъ памяти, дарилъ подарками и не зналъ, чѣмъ бы угодить ей. Бездѣлки ее не привлекали. Леонтьевъ рѣшилъ, что замужъ надо. Выйдетъ замужъ — пройдетъ и блажь.

А Евдокія искала выхода, искала отвѣта на стремленія, и не было выхода, не было отвѣта ни въ суровой морали бабушки, ни въ тихой покорности судьбѣ, которую проповѣдывала мать. Книги, но что̀ однѣ книги?.. Молодая дѣвушка искала своимъ умомъ истины, и вотъ мы застаемъ ее именно въ томъ періодѣ исканій, когда выходъ замужъ казался для нея исходомъ. Если любви нѣтъ — что-жъ? Она принесетъ себя въ жертву... Развѣ безъ любви нельзя жить? Она будетъ жить для другихъ... Только вопросъ, что̀ нужно сдѣлать для этого?.. Какъ жить для другихъ?

Вся окружающая обстановка словно бы говорила ей, что нѣтъ тутъ правды, а гдѣ же эта правда?.. Гдѣ люди, живущіе по правдѣ?..

Она всматривалась вокругъ и не находила.

«А Кривскій?..» — подсказало сердце, жаждавшее любви.

— Вотъ ты куда забилась, моя родная! — крикнулъ Леонтьевъ, подходя къ дочери. — Я ищу ее, а она притаилась какъ курочка подъ кустомъ. Ну, что̀ ты, Дуня... Какъ насчетъ молодца?.. Любъ онъ тебѣ, а?..

— Не знаю...

— Охъ, дѣвонька... не знаю да не знаю!.. — засмѣялся отецъ. — Узнаешь. Онъ человѣкъ хорошій, умный, рода настоящаго... Дѣла будетъ дѣлать.

— Какія дѣла?

— А всякія. Можетъ и хорошія и дурныя дѣлать. У насъ,

Дуня, по человѣку глядя... И дурного и хорошаго можно много сдѣлать...

Она встрепенулась.

— Вѣдь Кривскій властный человѣкъ. Того и гляди министромъ будетъ!

— Министромъ?

Ей казалось, что министръ всемогущъ... «О, сколько добра онъ можетъ сдѣлать...»—пронеслось въ ея головѣ.

— Такъ какъ же ты насчетъ Бориса Сергѣевича?

— Я согласна!—твердо проговорила она.—Только пока не говорите ему. Я сама ему скажу.

— Вотъ и умница! — весело промолвилъ Леонтьевъ. — Ты счастливая будешь... Тебя нельзя не любить. Звѣря—и того тронешь ты! — говорилъ Савва Лукичъ, обнимая дочь.

А она скорѣе походила на рѣшившагося пострадать человѣка, чѣмъ на счастливую невѣсту.

— Что-жъ ты такая хмурая, дитятко, а?—нѣжно допрашивалъ Леонтьевъ, уводя ее домой.

Послѣ объясненія въ любви, исполненнаго по всѣмъ правиламъ порядочнаго русскаго джентльмена, охотившагося за краснымъ звѣремъ съ милліономъ приданаго, Борисъ Сергѣевичъ чувствовалъ какую-то неловкость. Ему было не по себѣ.

Зачѣмъ она такъ простодушно-довѣрчиво глядѣла на него своими большими глазами? Этотъ кроткій, глубоко-задумчивый взглядъ стоялъ передъ нимъ, словно моля о пощадѣ, нарушалъ обычное спокойствіе духа и точно выбивалъ Бориса Сергѣевича изъ сѣдла.

Что-то сверлило внутри, неуловимая черточка залегла въ глубинѣ души. Напрасно Кривскій старался заглушить какой-то внутренній шопотъ о только-что совершенной пакости. Это было невозможно, по крайней мѣрѣ на сегодняшній день. Задумчиво-восторженный образъ простой дѣвушки невольно возставалъ передъ нимъ, и Кривскій задумывался передъ будущимъ.

Ужъ слишкомъ непохожа на другихъ богатыхъ невѣстъ эта блѣднолицая дѣвушка, съ прозрачнымъ нервнымъ лицомъ, полнымъ выраженія какого-то затаеннаго страданія. Это выраженіе и пугало и стыдило Бориса Сергѣевича. Умный, разсудительный и практичный, поклонникъ практической мудрости, Борисъ Сергѣевичъ чувствовалъ боязнь ко всякой экзальтаціи; она шокировала его трезвость и благовоспитанность, тѣмъ болѣе шокировала она въ женѣ. А между тѣмъ

въ этой странной, недалекой дѣвушкѣ было что-то восторженное, кроткое и... и смѣшное.

Борисъ Сергѣевичъ ѣхалъ въ свое правленіе не въ духѣ. Онъ чувствовалъ, что милліонъ недалекъ отъ него, и все-таки не могъ спокойно наслаждаться близостью этого милліона. Чувствовалъ, что надо шагнуть къ нему, наступивши на молодую жизнь, которую такъ легко раздавить. Въ розахъ милліона виднѣлись шипы. Подъ страннымъ бархатнымъ взглядомъ молодой дѣвушки скрывалось что-то непонятное.

Изъ-подъ ряда цифръ вѣдомости, лежавшей передъ Борисомъ Сергѣевичемъ, выглядывала русая головка невѣсты, и сквозь тихіе разговоры его коллегъ слышался тихій, точно умолявшій голосъ: «Я вамъ не пара».

Не пара! Но у тебя милліонъ.

Отказаться отъ него ради какихъ-то неясныхъ сомнѣній, бродившихъ въ головѣ умнаго человѣка, было бы слишкомъ глупо. Откажется онъ, — другіе охотники станутъ травить этого звѣрка, и во всякомъ случаѣ звѣрекъ будетъ затравленъ. Такія приданыя въ Петербургѣ попадаются рѣдко, и кто устоитъ въ этомъ неравномъ спорѣ? Онъ, по крайней мѣрѣ, не оберетъ ее, а другіе оберутъ и сдѣлаютъ несчастнымъ это довѣрчивое созданіе. Онъ постарается полюбить ее, будетъ всегда ласковъ и ровенъ съ ней, сдѣлаетъ изъ нея вполнѣ порядочную женщину и сохранитъ состояніе. Она такъ молода, что перевоспитать ее, отучить отъ всѣхъ ея странностей нетрудно.

Обаяніе близости милліона невольно смягчило и взглядъ Бориса Сергѣевича на красоту молодой дѣвушки. Прежде онъ находилъ, что она «не уродъ», а теперь черты ея лица принимали въ его глазахъ болѣе привлекательный видъ. Онъ находилъ, что изъ нея разовьется недурненькая женщина. Въ ней что-то симпатичное, и если взяться хорошо за нее, то порывы ея пройдутъ, и она будетъ вполнѣ приличной женой. Ну, разумѣется, надо выучить ее одѣваться.

Такъ мечталъ молодой генералъ, но все-таки сомнѣнія волновали душу, и онъ съ досадой думалъ, что самъ онъ слишкомъ сталъ нервенъ.

Подъ восторженнымъ взглядомъ странной дѣвушки скрывалось много страсти... Пожалуй, она слишкомъ экзальтирована, и тогда...

Борисъ Сергѣевичъ поморщился. На его красивомъ, безукоризненно приличномъ лицѣ появилось недовольное выраженіе.

Прежде всего онъ требовалъ отъ жены порядочности и

умѣнья понимать его. Скандала онъ трепеталъ. Сценъ боялся. Онъ выросъ въ домѣ, гдѣ никогда не было сценъ, и считалъ ихъ принадлежностью мѣщанскихъ семей и признакомъ дурного тона.

Съ женой могутъ быть объясненія, но сценъ—никогда. Сцены приличны только у пьяныхъ мелкихъ чиновниковъ. *Его* жена должна быть на высотѣ положенія, и если онъ сдѣлалъ честь ея милліону, то она должна помнить и никогда не забывать, что она — жена Бориса Сергѣевича, будущаго виднаго дѣятеля.

Сумѣетъ ли дочь мужика стать на высоту, на которую подниметъ ее Борисъ Сергѣевичъ, и не будетъ ли она въ его гостиной какой-то вывѣской страданія или смѣшной, неловкой супругой, говорящей глупыя тирады изъ послѣдней книжки журнала?

Но главное — зачѣмъ она такъ смотритъ... Этотъ взглядъ безпокоилъ Бориса Сергѣевича, словно бы онъ предчувствовалъ, что съ нимъ ему, умному и трезвому человѣку, придется считаться.

Молчаливо сидѣлъ Борисъ Сергѣевичъ за обѣдомъ и ни разу не улыбнулся, когда между соусомъ и жаркимъ Шурка, замѣтивъ хорошее расположеніе отца, разсказалъ одинъ изъ свѣжихъ анекдотовъ, только-что пущенныхъ въ ходъ въ клубѣ. Его превосходительство раза два снисходительно улыбнулся, слушая, какъ Шурка мило разсказалъ анекдотъ, и, прихлебывая портеръ, просилъ повторить пикантныя мѣста. Шурка былъ въ ударѣ, и всѣ весело смѣялись. Двѣ очень недурненькія барышни, дочери Кривскаго, сдержанно улыбались, и даже миссъ Коппъ-Грантъ, чопорная англичанка съ сѣдыми буклями, — и та поджала свои губы, какъ бы считая неприличнымъ ея достоинству выразить веселость болѣе нагляднымъ образомъ. Анна Петровна улыбалась и, когда кончилъ Шурка, просила Евгенія Николаевича разсказать новости и въ то же время зорко слѣдила за его превосходительствомъ и Борисомъ. Бросалъ на Бориса взгляды и старикъ. Въ его сердцѣ все еще жила надежда, что Борисъ одумается и не сдѣлаетъ ложнаго шага.

Послѣ обѣда онъ, по обыкновенію, пошелъ подремать въ своемъ креслѣ, но старику не дремалось. Онъ хандрилъ. Въ поступкѣ своего сына онъ словно бы прозрѣвалъ осуществленіе всего того, чего онъ такъ боялся и что онъ называлъ началомъ конца... Еще на-дняхъ онъ подалъ записку о реабилитаціи дворянства, но предчувствовалъ, что она не произведетъ большого впечатлѣнія въ совѣтѣ... Онъ становится уже старъ, и положеніе выскользаетъ изъ его рукъ...

Кто-жъ они, «новые» люди?

Съ болью въ сердцѣ старикъ подумалъ о Борисѣ, и какое-то больное чувство сжало его сердце при мысли о сынѣ.

Онъ проповѣдуетъ какой-то компромиссъ между дворянствомъ и необразованными купцами... Что же дальше? И вотъ старшій его сынъ уже готовъ жениться на этой...

Его превосходительство вздохнулъ и какъ-то печально обвелъ глазами свой кабинетъ, гдѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ неотступно защищалъ идею дворянства, гдѣ нерѣдко онъ просиживалъ долгіе вечера, почерпая въ англійской исторіи подтвержденія своихъ взглядовъ, изложенныхъ въ его многочисленныхъ запискахъ. Но онъ одинъ... Сынъ его, на котораго онъ возлагалъ надежды,—и тотъ...

А Шурка?

Совсѣмъ иныя мысли пробѣгали въ головѣ его превосходительства при воспоминаніи о Веніаминѣ семейства. Горячимъ чувствомъ отцовской любви охватило старика при имени Шурки, и всѣ шалости «этого добраго мальчика» казались такими незначащими его любящему сердцу, что старикъ охотно прощалъ ихъ ему. Шурка, правда, пороха не выдумаетъ, но онъ славный, честный малый и будетъ хорошимъ слугой отечеству. Онъ не пойдетъ на компромиссы и не унизитъ себя неровнымъ бракомъ, о, нѣтъ! И старику хотѣлось воплотить свои надежды, не сбывшіяся на старшемъ сынѣ, въ этомъ миломъ, добромъ и безпутномъ Шуркѣ... Теперь онъ еще слишкомъ молодъ, но станетъ старше и, конечно, исправится... «Кто въ молодости не кутилъ,—вспомнилъ старикъ.—И мы кутили, и мы дѣлали долги, но это не мѣшало намъ свято беречь честь...»

Старикъ привсталъ и позвонилъ.

— Попроси Бориса Сергѣевича!—сказалъ онъ Василію Ивановичу.

А Борисъ Сергѣевичъ ходилъ нервными шагами по своему кабинету. На диванѣ сидѣла Анна Петровна и, не прерывая, слушала сына. Ей казалось, что онъ не успѣлъ въ задуманномъ дѣлѣ, и сердце матери сжалось тоской и досадой.

Неужели милліонъ уйдетъ изъ ихъ дома? Или Борисъ глупѣе, чѣмъ она думала, и ему, Борису Кривскому, отказала глупая дѣвчонка?

Борисъ горячо высказывалъ свои сомнѣнія насчетъ предполагаемаго брака. Онъ радъ былъ, что его слушаютъ, разсчитывая, что мать будетъ спорить. Рѣшивъ, что непремѣнно женится на милліонѣ, Борисъ все-таки съ раздраженіемъ выискивалъ неудобства этого брака. Какъ человѣкъ, совер-

шившій пакость, ищетъ оправданія въ словахъ другого, такъ и Борисъ ждалъ, что мать станетъ доказывать ему нелѣпость его опасеній.

Но вмѣсто этого она молчала и, когда онъ кончилъ, тихо проговорила:

— Тебѣ отказали, Борисъ?

Холоднымъ, язвительнымъ взглядомъ взглянулъ Борисъ на мать.

— Я развѣ говорилъ, что мнѣ отказали? — холодно замѣтилъ онъ.—А вы уже рѣшили, что мои слова—результатъ потери милліона. Въ такомъ случаѣ я могу утѣшить васъ,—мнѣ не отказали.

Онъ отвернулся, чтобы скрыть чувство презрѣнія къ матери. Она не поняла его. Она не могла понять, почему онъ такъ волнуется. Его горячія рѣчи она сочла за прикрытіе неудачи въ охотѣ за милліономъ.

— Такъ что-жъ тебя можетъ безпокоить, мой другъ? Экзальтація этой дуры!..

— Она не дура...

— Охотно соглашаюсь и слѣдовательно тѣмъ болѣе удивляюсь твоимъ опасеніямъ... Мнѣ кажется, у тебя просто расшалились нервы. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, чтобы Леонтьева въ твоихъ рукахъ не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ ты ее хочешь сдѣлать...

— Вы правы, maman... У меня нервы...

Борисъ снова заходилъ по кабинету и не начиналъ разговора.

Когда Василій Ивановичъ доложилъ Борису Сергѣевичу, что его превосходительство проситъ къ себѣ Бориса Сергѣевича, то мать какъ-то испуганно замѣтила сыну:

— Надѣюсь, что старикъ не убѣдитъ тебя своими парадоксами?

— Надѣюсь!—холодно отвѣчалъ Борисъ, спускаясь къ отцу.

Анна Петровна прошла въ маленькую гостиную съ видомъ невинно оскорбленной матери. Но она умѣетъ нести крестъ свой. Она вся для дѣтей, и сынъ платитъ ей за любовь холодностью. Впрочемъ, неблагодарность дѣтей — это горькая участь всѣхъ матерей, какъ бы онѣ ни были заботливы!— утѣшала себя Анна Петровна, усаживаясь на маленькій диванчикъ.

— Ну, дѣти, давайте продолжать Маколея!—проговорила она дочерямъ, подавляя вздохъ.

Одна изъ дочерей принесла книгу, и вся семья собралась слушать Маколея.

— А вы, Евгеній Николаевичъ, развѣ не хотите слушать съ нами?

Евгеній Николаевичъ очень не хотѣлъ, но остался, бросая скромные взгляды на образецъ добродѣтели и нравственности, воплощенный въ Аннѣ Петровнѣ, во время англійскаго чтенія старшей дочери Кривской...

— Ты прости, Борисъ, я тебя побезпокоилъ... Я на два слова только...—тихо проговорилъ старикъ:—присядь-ка...

Борисъ сѣлъ.

Его превосходительство взглянулъ пристально на сына ласковымъ взглядомъ и съ какой-то особенной нѣжностью въ голосѣ спросилъ:

— Что съ тобою, Борисъ?.. За обѣдомъ у тебя былъ такой дурной видъ... Здоровъ ли ты?..

— Здоровъ... Такъ, сегодня я не въ духѣ...

— Ты былъ у Леонтьева?

— Былъ!—тихо проговорилъ Борисъ.

— А!..—какъ-то грустно замѣтилъ старикъ.—Былъ?..

Оба помолчали.

— Значитъ, ты не оставилъ своей... затѣи?..

— Нѣтъ!

— И, стало-быть, женишься на Леонтьевой? — медленно, отчеканивая каждое слово, проговорилъ его превосходительство.—Скоро свадьба?..

— Я думаю, лѣтомъ! — совсѣмъ тихо отвѣчалъ Борисъ, чувствуя неловкость подъ взглядомъ старика.

— Такъ... такъ... Больше я ничего не имѣлъ тебя спросить!..—отвѣчалъ его превосходительство и, словно бы собираясь дремать, закрылъ глаза.

Борисъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, вернулся и произнесъ:

— Быть-можетъ, вы рѣшительно противъ брака!.. Въ такомъ случаѣ вы знаете, что я подчиняюсь вашей волѣ... Скажите только слово!

Старикъ безпокойно приподнялся въ креслѣ, протянулъ сыну руку и, пожимая ее, проговорилъ самымъ спокойнымъ тономъ:

— Спасибо, спасибо, Борисъ. Жертвъ мнѣ не надо. Отъ души желаю тебѣ счастья... Мы, конечно, расходимся во взглядахъ, но нынче время компромиссовъ!

Когда Борисъ ушелъ изъ кабинета, старикъ грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Его превосходительство выдержалъ себя джентльменомъ. Онъ не выказалъ сыну своего горя, но кто могъ помѣшать ему теперь поникнуть головой и кто могъ увидать страданія, исказившія старое лицо его?

— Начинается! — прошепталъ онъ. — Мужицкая кровь Леонтьевыхъ сольется съ чистой кровью Кривскихъ. Какъ приметъ это извѣстіе свѣтлѣйшій?

Савва Лукичъ безпокойно заглядывалъ въ глаза своей Дуни и въ нихъ хотѣлъ прочесть отвѣтъ на свои сомнѣнія о будущемъ счастіи любимой дочери.

Назвавъ Дуню молодцомъ за ея рѣшеніе идти за Кривскаго, Савва Лукичъ тотчасъ же спохватился и, обнимая дочь, опять спрашивалъ, по доброй ли волѣ она идетъ.

— Не хочется,—подожди. Неволи нѣтъ, родная моя. Вѣдь я, любя тебя, совѣтъ далъ. А ты не слушай отца... Свое сердце слушай... Что̀ оно тебѣ скажетъ, такъ и рѣши...

— Я подумаю, папенька...

— Посмотри... Лѣтомъ Борисъ Сергѣевичъ въ деревню поѣдетъ. Тамъ ближе человѣка узна̀ешь...

Что̀ узнавать? И ка̀къ узнавать? Она уже почти рѣшила и теперь успокоивала только отца... Онъ ее такъ любитъ, и развѣ ей истерзать его любящее сердце тревогами и сомнѣніями, которыя гнѣздились въ ея сердцѣ? Да вдобавокъ онъ и не пойметъ, или пойметъ по-своему. Придетъ время, быть-можетъ, и онъ пойметъ, что гоняется за призракомъ, гоняясь за богатствомъ. Ужели ему не довольно еще?..

Она, въ свою очередь, не понимала безпокойной, дѣятельной натуры отца и приписывала алчности его жажду дѣятельности, выражавшейся въ неустанной работѣ фантазіи о томъ, какъ остроумнѣе и лучше ограбить казну или напакостить Сидорову, вырвавъ изъ-подъ его носа какой-нибудь лакомый кусъ. Не одинъ только этотъ кусъ привлекалъ Леонтьева, но, главное, борьба изъ-за этого куса, удовлетвореніе тщеславія и суетности, бахвальство бывшаго мужика, ставшаго воротилой. Евдокія не разъ слышала, какъ отецъ хвалился плутней, ловкимъ подкупомъ, съ какимъ циничнымъ презрѣніемъ говорилъ онъ, что всякаго чиновника можно купить со всей его амуниціей, но не понимала, что рычагомъ всей дѣятельности Саввы Лукича была неиочатая сила, требовавшая исхода. Печальная дѣйствительность не только давала исходъ такой силѣ, но и поощряла только такую силу. И мужикъ какъ будто понималъ это, когда хвалился своими плутнями и беззаконіями. Онъ не былъ скопидомомъ. Онъ не грабилъ, чтобы копить. Нѣтъ! Онъ не дрожалъ надъ деньгами и такъ же сорилъ ими, какъ пріобрѣталъ ихъ. Успѣхъ вскружилъ ему голову, и Савва Лукичъ, что̀ называется, зарывался. Иногда Евдокія со страхомъ думала, что все это можетъ кончиться

очень печально. Въ ея любящее сердце даже закрадывалась мысль о чемъ-то ужасномъ, но, заглядывая въ сіяющее счастьемъ лицо отца, она думала: «Нѣтъ, отецъ не можетъ быть злодѣемъ... Какъ я смѣла подумать!»

Но кто же онъ такой? Откуда эти богатства, внезапно явившіяся, точно въ волшебной сказкѣ?..

Изъ намековъ и разсказовъ отца она все-таки не могла составить себѣ яснаго представленія о тѣхъ источникахъ, которые текли золотымъ дождемъ. Она только чувствовала какой-то страхъ къ цинично-добродушнымъ разсказамъ о разныхъ дѣлахъ, недоступныхъ ея пониманію. Очевидно, кто-то терпѣлъ, но кто именно?..

Поздно вечеромъ, на борзой тройкѣ лошадей съ колокольцами и бубенчиками, съ залихватскимъ ямщикомъ въ красной рубахѣ, понесся Леонтьевъ къ своей птахѣ въ очаровательный уголокъ, гдѣ онъ во всю мочь расходившейся натуры миловалъ свою маленькую прелестницу, а Евдокія сидѣла въ глубокой задумчивости у раствореннаго окна.

Замерли звуки колокольчика, она все сидѣла неподвижно и не замѣтила, какъ чьи-то тихіе шаги неслышно приблизились къ ней, и ласковый грустный голосъ шепнулъ:

— Дуня!

Она очнулась только тогда, когда на ея волосы упала горячая слеза и тихій голосъ прошепталъ надъ ея ухомъ:

— Опять уѣхалъ?

— Маменька!.. Голубушка! Зачѣмъ это вы поднимаетесь... Вамъ вредно!

И Дуня обняла больную, худую пожилую женщину съ страдальческимъ лицомъ. Дуня удивительно походила на мать: тѣ же нѣжныя черты лица, та же задумчивость взгляда, тѣ же свѣтло-русые волосы. Но горе состарило прежде времени Леонтьеву. Она смотрѣла совсѣмъ старухой и съ трудомъ переводила дыханіе, поднявшись наверхъ.

— Вотъ сюда, сюда, маменька, садитесь!.. — усаживала Евдокія.

— Уѣхалъ?—опять переспросила мать.

— Уѣхалъ, маменька.

— Я знаю, куда онъ ѣздить сталъ, Дуня. Я слышала. Погубитъ она его и разоритъ.

— Полно, маменька... Полно, голубчикъ...

— Не буду, не буду... Я такъ только... Сама знаешь, рѣдко это со мной. Мнѣ недалеко и до могилы. Чувствую! И я не ропщу. Воля Божія. Покорна я. Богъ наказываетъ меня по грѣхамъ.

— Васъ? Да какіе же у васъ грѣхи?

— У меня? Дочь моя милая, радость моя ненаглядная, развѣ ты не знаешь?..

— Что̀, маменька? Что̀ знать мнѣ?—испуганно шепнула дочь.

— Какъ я вышла за отца?

Она замолчала. Тихія слезы лились изъ ея глазъ.

— Лучше послѣ, послѣ! — проговорила мать. — Я за тебя боюсь. Сердце гложетъ, какъ ты давеча сказала о Кривскомъ. Развѣ ты его любишь?

— Не знаю, маменька...

Мать взглянула на дочь, и лицо ея исказилось страхомъ.

— Боже тебя сохрани тогда выходить замужъ. Нѣтъ ужаснѣе мукъ, какъ жить съ мужемъ не любя. Что̀ ты, что̀ ты, Дуня? Зачѣмъ тебѣ идти? Ты, слава Богу, богата. Тебѣ не нужно. А вѣдь я тогда была нищая и вдобавокъ...

Она хотѣла-было что-то сказать, но дочь поцѣлуями заглушила чуть-было не сорвавшееся признаніе.

XIII.

Счастливая минута.

Прошло три дня, три убійственныхъ дня, съ тѣхъ поръ, какъ Трамбецкій получилъ отъ своего молодого пріятеля успокоительную записку, въ которой тотъ обнадеживалъ его скорымъ свиданіемъ съ сыномъ. Прошелъ четвертый день, а Никольскій не возвращался и не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

«Что̀ это значитъ? Куда дѣвался Никольскій?»

Обнадеженный-было обѣщаніями молодого человѣка, Трамбецкій сталъ волноваться сильнѣе прежняго. Ожиданіе становилось пыткой. Нервы напряглись до послѣдней степени отъ тревоги, му̀ки и безсонныхъ ночей. По ночамъ ему все слышались звонки, онъ вскакивалъ съ дивана, бѣжалъ къ дверямъ, пугая прислугу, и возвращался грустный, убѣждаясь, что его преслѣдуютъ галлюцинаціи. Заснуть онъ не могъ и метался по комнатѣ въ безсильной злобѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

Наступалъ день и приносилъ надежду.

Съ бьющимся сердцемъ чутко прислушивался онъ къ звонку, заглядывалъ въ окно, выбѣгалъ на улицу, ожидая встрѣтить Никольскаго, и каждый разъ напрасно. Никольскій не являлся. Несчастный человѣкъ приходилъ въ отчаяніе и, уткнувшись въ подушку, плакалъ какъ безпомощный ребенокъ.

Мрачныя мысли терзали измученное сердце отца.

«Вѣрно, *она* уѣхала за границу, замела слѣдъ, и онъ не увидитъ больше Колю. Напрасно онъ повѣрилъ Никольскому, что она здѣсь, и потерялъ дорогое время въ адской пыткѣ ожиданія. Чего еще ждать?»

Трамбецкій опять бросился на поиски.

Онъ былъ у градоначальника, подалъ прошеніе и сказалъ горячую рѣчь. Его выслушали, сказали, что будутъ наведены справки, и онъ ушелъ изъ пріемной безъ всякой надежды. Онъ справлялся въ адресномъ столѣ, заходилъ къ роднымъ жены, съѣздилъ въ Павловскъ и Ораніенбаумъ и поздно ночью возвращался на Петербургскую сторону, усталый, разбитый, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Вездѣ неудача.

Градоначальникъ какъ-то подозрительно оглядывалъ его костюмъ и пожалъ плечами, узнавши, что проситель статскій совѣтникъ, а родные его жены съ улыбкой любопытства разглядывали этого нелюдима и ничего не знали о женѣ. Кто-то сказалъ: «Не въ Павловскѣ ли она? Она собиралась на лѣто въ Павловскъ». Другой сказалъ: «Нѣтъ, кажется въ Ораніенбаумъ?», и Трамбецкій былъ и въ Павловскѣ и въ Ораніенбаумѣ. Напрасно тамъ онъ спрашивалъ о женѣ статскаго совѣтника Валентинѣ Николаевнѣ Трамбецкой.

— Такой не слыхали. Такая не живетъ.

Рѣшительно рванулъ онъ звонокъ у дверей квартиры Никольскаго.

— Пріѣхалъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Господи, что̀ же дѣлать!—прошепталъ онъ.

«Попадись теперь *она*, попадись только она на глаза къ нему!»

Онъ простиралъ руки и, шагая по комнатѣ, произносилъ слова угрозы и мщенія.

Кухарка тихо пріотворила двери и, при видѣ этого блѣднаго, съ искаженными злобой и отчаяніемъ чертами, черноволосаго человѣка съ блестящими глазами изъ темныхъ ямъ, разговаривающаго въ пустой комнатѣ, въ испугѣ перекрестилась, постояла у дверей и пошла будить квартирную хозяйку.

Вдвоемъ не такъ страшно. Обѣ стали у дверей и слушали, что̀ говоритъ этотъ странный человѣкъ.

«О, подлая тварь! Гдѣ ты, гдѣ? Отдай мнѣ сына, отдай ты моего Колю, а не то...»

Онъ повторялъ эту фразу то съ угрозой, то съ нѣжнымъ моленіемъ, то робко, словно выпрашивалъ подаянія. Наконецъ онъ бросился на диванъ.

Все смолкло. Только глухія рыданія, сперва тихія, потомъ все громче и громче, доносились до ушей испуганныхъ женщинъ.

— Какъ бы чего не было!—шепнула хозяйка.—Надо завтра дать знать въ участокъ.

— Долго ли до грѣха!—отвѣчала кухарка.

Опять безсонная длинная ночь. Опять звонки въ ушахъ и подъ утро тяжелый короткій сонъ.

Заливая блескомъ яркихъ лучей, ворвалось солнце въ маленькую комнату и разбудило Трамбецкаго. Онъ вскочилъ съ дивана и бросился какъ сумасшедшій на улицу.

Куда теперь идти? Гдѣ искать?

Онъ пошелъ на Тучковъ мостъ. Было еще рано. Прохладное утро освѣжило немного воспаленную голову. Отъ рѣки несло пріятной свѣжестью. Онъ остановился и задумчиво сталъ смотрѣть на воду, а въ головѣ мелькали мрачные отрывки прожитой жизни. Сзади сплошная неудача, разбитая жизнь, а впереди?

Онъ засмотрѣлся на рѣку. Ровное движеніе блещущихъ на солнцѣ струй тянуло его къ себѣ. Одинъ мигъ,—и все кончено. Не пора ли? Къ чему жить?

Но образъ, милый образъ ребенка мелькнулъ въ глади тихо плещущихъ струй, нѣжно взглянулъ на него и, казалось, протягивалъ къ нему ручки, моля придти на помощь.

Трамбецкій рванулся назадъ и зашагалъ быстрыми шагами, не сознавая, куда и зачѣмъ онъ спѣшитъ, и не замѣчая подозрительныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на него прохожими. Онъ торопливо шелъ по Васильевскому острову и не замѣтилъ, какъ очутился въ одной изъ дальнихъ линій. Машинально поднялъ онъ голову, и въ глаза ему бросилась вывѣска: «Касса ссудъ».

Онъ вдругъ повернулъ во дворъ, поднялся по скверной грязной лѣстницѣ, слѣдя за нарисованнымъ на стѣнѣ пальцемъ, указывающимъ дорогу, и вошелъ въ отворенныя двери. Въ небольшой комнатѣ, душной и затхлой, изъ-за груды разнаго хлама, наваленнаго во всѣхъ углахъ, выглянула пара черныхъ глазъ, и наконецъ обрисовалось типическое лицо стараго еврея.

— Продаете револьверъ?—спросилъ Трамбецкій глухимъ, отрывистымъ голосомъ.

— Револьверъ?—переспросилъ еврей, мѣряя проницательнымъ взглядомъ Трамбецкаго.—А зачѣмъ вамъ револьверъ?

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ револьверъ?... Какъ зачѣмъ? Она, быть-можетъ, подъ дуломъ пистолета будетъ сговорчивѣе.

Она—трусливая тварь, и довольно показать ей незаряженный пистолетъ.

— А зачѣмъ вамъ револьверъ?—снова повторилъ еврей.

— Нужно. Хочу учиться стрѣлять!

На тонкихъ губахъ еврея уже дрожалъ отказъ, но натура торгаша пересилила страхъ, внушенный мирному ростовщику неожиданнымъ появленіемъ Трамбецкаго.

— Учиться стрѣлять, а вы развѣ не умѣете?

— Не умѣю.

— Револьверы есть, превосходные револьверы. Вотъ одинъ превосходный. Одинъ офицеръ заложилъ, да такъ и оставилъ. Очень хорошо можно учиться!

Еврей вытащилъ изъ какого-то угла маленькій карманный револьверъ и вертѣлъ его въ рукахъ передъ носомъ Трамбецкаго.

— Что̀ сто̀итъ?

— Восемь рублей.

Трамбецкій бросилъ деньги, сунулъ револьверъ, не глядя, въ карманъ и быстро спустился съ лѣстницы, возбудивъ любопытство еврея, который изъ окна слѣдилъ, какъ Трамбецкій шелъ по двору.

Трамбецкій пошелъ далѣе, очутился въ пятнадцатой линіи. Раздумывая, у кого бы спросить о женѣ, онъ вдругъ вспомнилъ, что гдѣ-то тутъ живетъ полковникъ Гуляевъ, котораго часто посѣщала Валентина. Онъ вспомнилъ, что дядя помогалъ Валентинѣ, и радостная мысль озарила его голову.

Трамбецкій не зналъ, въ какомъ домѣ живетъ полковникъ, зналъ только, что гдѣ-то въ пятнадцатой линіи. Впрочемъ, это затрудненіе небольшое. Вѣроятно, такого богатаго человѣка, какъ полковникъ, всѣ знаютъ.

Въ ближайшей же мелочной лавочкѣ Трамбецкому указали на большой сѣрый домъ напротивъ и объяснили, что «полковникъ квартируетъ въ четвертомъ этажѣ, по парадной лѣстницѣ».

Съ надеждой, робко закрадывавшейся въ сердце, поднимался Трамбецкій по широкой лѣстницѣ въ четвертый этажъ.

Онъ разсчитывалъ, что полковникъ не откажетъ въ его просьбѣ. Онъ будетъ просить его, умолять, разскажетъ, какъ дорогъ ему сынъ. Наконецъ онъ станетъ требовать.

«Нѣтъ, это нехорошо. Надо схитрить. Надо какъ-нибудь иначе. Я просто спрошу, не была ли вчера у полковника Валентина, скажу ему, что она со вчерашняго вечера не возвращалась».

Тихо дернулъ Трамбецкій звонокъ. Прошло нѣсколько се-

кундъ,—ему не отворяли. Онъ дернулъ сильнѣй. Въ квартирѣ послышались торопливые шаги. Въ нетерпѣніи схватился онъ за ручку, и къ удивленію его дверь тихо отворилась. Въ прихожей никого не было.

Онъ громко кашлянулъ. Опять показалось ему, что кто-то прошелъ торопливо въ дальнихъ комнатахъ, но никто не явился.

Тогда Трамбецкій снялъ въ темной передней пальто и прошелъ въ гостиную. Тамъ тоже ни души. Изъ полуотворенной двери виднѣлся кабинетъ.

«Вѣрно, полковникъ тамъ!»—подумалъ Трамбецкій и прошелъ въ маленькій кабинетъ полковника. Кабинетъ былъ пустъ. Трамбецкій опять кашлянулъ,—никакого отклика. Кругомъ мертвая тишина. Ему вдругъ сдѣлалось страшно. Онъ вспомнилъ о богатствѣ полковника, и мысль, что его могутъ застать одного въ пустой квартирѣ, наполнила ужасомъ его сердце. Онъ хотѣлъ тотчасъ же бѣжать съ квартиры, сказать дворнику, что квартира отперта, но взглядъ его случайно остановился на маленькомъ конвертѣ, брошенномъ на столѣ. Онъ протянулъ руку—видитъ знакомый почеркъ. Письмо помѣчено вчерашнимъ числомъ. Не думая ни о чемъ, онъ сталъ читать письмо, и когда дочиталъ, то радостно вскрикнулъ: «Наконецъ-то!»

Трамбецкій положилъ письмо обратно и поспѣшно вышелъ изъ квартиры.

«Вѣрно, прислуга ушла въ лавочку, а шаги мнѣ почудились. Въ эти дни мнѣ все чудится!»

Онъ надѣлъ пальто. приперъ двери, отыскалъ дворника и сказалъ, что квартира полковника отперта и тамъ никого нѣтъ. Дворникъ бросился на парадную лѣстницу, а Трамбецкій, встрѣтивъ извозчика, приказалъ какъ можно скорѣе ѣхать на Финляндскую желѣзную дорогу.

Радость, что наконецъ онъ нашелъ сына, охватила все его существо.

— Кто знаетъ дачу Леонтьева?—крикнулъ онъ извозчикамъ, стоявшимъ около Выборгскаго вокзала.

Оказалось, что всѣ фурманы знаютъ эту дачу. Тамъ живетъ богатая русская барыня изъ Петербурга, объяснили ему кое-какъ по-русски.

Онъ выбралъ извозчика получше и просилъ ѣхать скорѣй. За цѣной онъ не постоитъ. Быстро покатили дрожки по берегу Финскаго залива. Трамбецкій разсѣянно глядѣлъ на чудные виды, открывавшіеся передъ нимъ, то и дѣло спраши-

валъ, скоро ли дача. Фурманъ въ отвѣтъ слегка стегалъ пару рыжихъ бойкихъ лошадокъ и показывалъ кнутомъ впередъ, но впереди, кромѣ густого лѣса, ничего не было видно. Наконецъ черезъ часъ ѣзды съ пригорка открылась красивая дача, пріютившаяся на самомъ берегу залива въ сосновой рощѣ.

— Это она?—въ волненіи спросилъ Трамбецкій.

Чухонецъ молча кивнулъ головой.

— Скорѣй, ради Бога скорѣй!—умолялъ Трамбецкій въ неописанномъ волненіи.

Валентина, конечно, и не ожидала, какого нежданнаго гостя посылаетъ ей судьба. Благодаря Евгенію Николаевичу Никольскому, изрѣдка навѣщавшему ее въ прелестномъ уголкѣ въ тѣ дни, когда Валентина не ожидала Леонтьева, она совсѣмъ успокоилась, и мысль о мужѣ мало-по-малу перестала ее пугать, тѣмъ болѣе, что Евгеній Николаевичъ увѣрялъ ее, что за мужемъ слѣдятъ, и, въ случаѣ чего, ему же будетъ худо. Еще на прошлой недѣлѣ былъ Никольскій и снова настойчиво требовалъ исполненія ея обѣщаній. Кажется, она ли не свято исполнила свои условія, но онъ все-таки полушутя, полусерьезно находилъ, что съ ея стороны договоръ не выполненъ, а она, что̀ могла она отвѣчать, «кроткая малютка», на требованія красиваго молодого человѣка, который къ тому же такъ же легко могъ бросить ее снова въ объятія мужа, какъ легко избавилъ ее отъ нихъ. Онъ постоянно напоминалъ ей объ этомъ и понемногу забиралъ ее въ руки.

Валентина чувствовала себя первое время счастливой, порхала веселой птичкой по роскошнымъ комнатамъ. Это все ей принадлежитъ. Прелестная дача, экипажъ, блестящіе наряды, и главное—маленькая шкатулка съ брильянтами и банковымъ билетомъ на пятьдесятъ тысячъ. А что ли еще будетъ?—Леонтьевъ влюблялся съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе въ свою «маленькую пташку» и, пріѣзжая по вечерамъ, не знаетъ, чѣмъ бы утѣшить свою любовницу... Но золотая клѣтка имѣла свои неудобства. Что̀ толку въ нарядахъ, когда ихъ никто не видитъ, не восхищается и не завидуетъ. Валентина искала блеска, общества, а вмѣсто того веселую бабочку посадили въ клѣтку, гдѣ негдѣ расправить крылышекъ.

Сперва ее занимали грубыя ласки безумнаго мужика, ей была въ диковину эта дикая страсть, но скоро вспышки бѣшеной ревности нависли темными грозными тучами надъ будущей жизнью «кроткой малютки».

Онъ хотѣлъ ее для себя, для одного себя, и намекалъ ей объ этомъ, сжимая нѣжное созданіе въ своихъ объятіяхъ.

А она? Могла ли она сносить эти грубыя ласки и проводить дни одна-одинешенька?

Не надо поддаваться ему. Недаромъ Евгеній Николаевичъ училъ ее, какъ вести себя съ этимъ мужикомъ... Она и сама знаетъ, и когда Леонтьевъ однажды разсердился, узнавъ, что у Валентины былъ Никольскій, то она надула губки и заперлась въ своей спальнѣ.

И что же? Мужикъ умолялъ о прощеніи и, когда его простили, валялся въ ногахъ и спрашивалъ, любитъ ли его она.

Другой разъ онъ засталъ Шурку. Тогда мужикъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и, когда молодой офицеръ поспѣшилъ уѣхать, онъ сказалъ Валентинѣ:

— Я не хочу, чтобы этотъ офицеръ ѣздилъ сюда. Слышишь?

— А если я хочу?

Словно лезвее стали сверкнули глаза мужика. Онъ тихо подошелъ къ Валентинѣ и взялъ ее за руку, такъ что маленькая ручка хрустнула. Что-то дикое было въ лицѣ мужика.

— Валентина! Не шути съ огнемъ! — проговорилъ онъ какъ-то глухо.—Ой, не шути.

Она не забыла этой сцены, и хотя тотъ же Леонтьевъ за свою вспышку отдарилъ ей брошкой въ пять тысячъ рублей и позволилъ принимать ей, кого она хочетъ, только любила бы она его, тѣмъ не менѣе мужикъ начиналъ ее пугать.

То ли дѣло Шурка. Онъ ничего не требовалъ и ничего не обѣщалъ. Свѣжій, румяный, веселый, онъ какъ-то умѣлъ удобно любить, и отдаваться ему было такъ легко и пріятно. Одно только жаль, что не было у Шурки средствъ, и онъ не только ничѣмъ не дарилъ Валентину, но даже однажды попросилъ у нея тысячу рублей взаймы такъ мило и просто, что Валентина предложила двѣ.

Но что болѣе всего безпокоило бѣдную женщину—это сынъ. Гадкій мальчишка до сихъ поръ не могъ успокоиться и все звалъ отца. Разъ даже онъ выбѣжалъ изъ дому, и его поймали въ лѣсу за нѣсколько верстъ отъ дома. Мать наказала его, и онъ какъ будто смирился, но съ тѣхъ поръ почти не говоритъ съ матерью и пристально смотритъ по цѣлымъ днямъ на дорогу. Приходится обманывать его и говорить, что отецъ скоро пріѣдетъ. Положительно этотъ мальчикъ дѣлается обузой.

Валентина сидѣла на террасѣ. Маленькой женщинѣ было скучно. Она дочитала послѣднюю страницу романа и поглядывала на дорогу, поджидая Никольскаго. Вчера онъ сообщилъ ей, что пріѣдетъ на-дняхъ поговорить по очень важному

дѣлу. Она улыбнулась, прочитывая записку, въ которой слова «по очень важному дѣлу» были подчеркнуты, и подумала про себя, что было бы лучше, если бы вмѣсто Никольскаго пріѣхалъ Шурка. Онъ давно не былъ. Что̀ бы это значило?..

Радостный вопль, раздавшійся сверху, заставилъ ее встрепенуться. Вслѣдъ затѣмъ она увидѣла Колю. Онъ стремглавъ пробѣжалъ мимо террасы.

Она вышла въ садъ и замерла отъ ужаса.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоялъ Трамбецкій и молча прижималъ къ своей груди мальчика. Оба ни слова не говорили, и только по лицамъ обоихъ текли обильныя слезы.

XIV.

Короткое счастіе.

Трамбецкій вздрогнулъ.

Среди дорогихъ роскошныхъ растеній, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стояла «прелестная малютка» въ шикарномъ соблазнительномъ костюмѣ.

Блѣдная, безпомощная, испуганно глядѣла она прямо въ лицо мужа. Въ тупомъ взглядѣ маленькаго красиваго созданія былъ страхъ животнаго, покорно ожидающаго наказанія.

При видѣ женщины, заставившей его столько страдать, дикой ненавистью сверкнули глаза Трамбецкаго. Въ голову что-то стукнуло, въ глазахъ помутнѣло. Наконецъ-то онъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Онъ забылъ, что передъ нимъ распростертый врагъ-женщина, и рванулся къ ней.

Валентина слабо вскрикнула, зажмурила глаза и закрыла лицо руками. Тупой страхъ охватилъ все ея существо.

— Папа, папочка! Что̀ ты дѣлаешь? — раздирающимъ голоскомъ крикнулъ мальчикъ, хватаясь ручонками за руку отца.

Этотъ скорбный крикъ ребенка сразу отрезвилъ Трамбецкаго. Онъ остановился. «Въ самомъ дѣлѣ, что̀ онъ дѣлаетъ?» Ему вдругъ сдѣлалось стыдно. Онъ взглянулъ на жену. Она все еще стояла, закрывши лицо руками и какъ-то покорно опустивъ голову.

Невыразимая тоска охватила все его существо. Смущенный, глядѣлъ онъ на жену, и жалость мало-по-малу охватывала его теплымъ всепрощающимъ чувствомъ.

— Валентина!—прошепталъ онъ тихимъ ласковымъ голосомъ.

Она отвела руку и взглянула на него со страхомъ. Но страхъ быстро прошелъ, когда она увидала грустный, тихій взглядъ, полный прощенія и любви. Мальчикъ понялъ, что будетъ объясненіе. Онъ отошелъ отъ отца и, грустный, пошелъ въ садъ.

— Валентина! Я не стану упрекать васъ... Я ни слова не скажу о послѣднемъ вашемъ поступкѣ... Когда-нибудь...

Онъ не могъ продолжать; рыданія стояли въ горлѣ.

По мѣрѣ того, какъ мужъ дѣлался кроткимъ, Валентина оправлялась. Теперь она безъ страха глядѣла на мужа и была готова къ объясненію, собираясь еще попробовать силу своей красоты надъ своимъ мужемъ. Она вся какъ-то выпрямилась, поправила свои волосы и, казалось, готова была помѣряться съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ.

— Насъ разсудитъ Богъ!..—продолжалъ Трамбецкій.—Я никогда болѣе не обезпокою васъ своимъ присутствіемъ, даю вамъ честное слово, и если я теперь пріѣхалъ сюда, то ради сына. Я не могу оставить у васъ нашего сына.

Валентина собиралась съ мыслями. Неужели такъ и согласиться на его требованіе? Такъ и сдѣлать, какъ онъ хочетъ?..

— Но вѣдь я мать... Я тоже люблю своего ребенка!..— кротко проговорила она.

— Валентина... ему здѣсь нельзя быть...

— Отчего?

— Вы еще спрашиваете?

— Положимъ, я виновата передъ вами,—я не стану оправдываться,—но развѣ не жестоко отнимать ребенка?.. Вѣдь я... мать!

Трамбецкій горько усмѣхнулся.

— Вы можете видѣть его, если захотите... Я не скрою отъ васъ мѣстожительства.

Валентина помолчала. Потомъ приблизилась къ мужу и тихимъ, молящимъ голосомъ, заглядывая въ глаза, произнесла:

— Вѣдь и ты можешь видѣть его у меня... Оставь его, прошу тебя... Ради прежней любви.

Трамбецкій махнулъ головой.

Валентина увидала, что всѣ уловки ея напрасны, и заговорила другимъ тономъ.

— Послушайте... Вѣдь я могу его не отдать... По закону ребенокъ мнѣ принадлежитъ...

— Валентина, прошу васъ... бросьте этотъ тонъ.

— Какой тонъ? Я мать, я не могу вамъ отдать ребенка... Вы развѣ такой отецъ, какъ другіе?.. Развѣ у васъ есть средства?.. Развѣ вы можете дать воспитаніе своему сыну?.. У

васъ ничего нѣтъ... вы ведете Богъ знаетъ какую жизнь... пьете!..

— Валентина!—глухо проговорилъ Трамбецкій.

Но Валентина не обратила на слова мужа вниманія. Ей вдругъ представилось, что во всемъ виноватъ мужъ, и что она—невинная жертва, много выстрадавшая изъ-за него. И онъ, этотъ тиранъ, смѣетъ еще требовать ребенка. Она не отдастъ его, на зло ему не отдастъ! Надо наказать этого человѣка за все горе, которое причинилъ онъ ей, несчастной женщинѣ.

И она быстро заговорила:

— Не перебивайте меня, дайте мнѣ высказаться; давно пора сказать мнѣ, чѣмъ я вамъ обязана...

— Говорите.

— Развѣ съ вами я жила? Развѣ вы сдѣлали когда-нибудь малѣйшую попытку, чтобы внушить привязанность? Съ самаго начала замужества вы оскорбляли меня подозрѣніями, во всякомъ знакомомъ вы видѣли любовника... Сцены ревности, которыми вы награждали меня, развѣ это было счастіе?.. Потомъ... потомъ что̀ вы сдѣлали для меня?.. Вы видѣли, что я люблю жить прилично, люблю бывать въ обществѣ,—развѣ вы заботились о средствахъ? Вы по вашей глупости полагали, что я буду жить взаперти и любоваться, какъ вы пьяный дѣлаете мнѣ сцены, да?

Валентина, по мѣрѣ того какъ говорила, раздражалась все болѣе и болѣе и смѣялась злымъ смѣхомъ.

— Вы пили изъ-за меня... не правда ли? Изъ-за того, что я любила другихъ... Но развѣ вы не видали, что васъ, васъ я не любила и не могла любить?..

Трамбецкій слушалъ, опустивъ голову. Но при послѣднихъ словахъ онъ вскинулъ на жену глаза и проговорилъ:

— Я не стану спорить съ вами—не сто̀итъ! Но объ одномъ попрошу васъ. Скажите только правду, слышите ли, правду, во имя самаго святого, что̀ для васъ существуетъ. Любили ли вы меня вначалѣ, когда выходили замужъ? Любили ли вы меня когда-нибудь?

Чувство злобной радости охватило сердце маленькой женщины. Доконаетъ же она его теперь совсѣмъ!

Она взглянула на мужа съ насмѣшкой въ глазахъ и отчетливо проговорила:

— А вы думали, что любила?..

— Думалъ!—тихо обронилъ Трамбецкій.

— Такъ напрасно думали... Я васъ никогда не любила. Я васъ,—слышите ли, васъ,—считаю виновникомъ моихъ страданій, но теперь, слава Богу, довольно ихъ. Я свободна.

Трамбецкій какъ-то печально качалъ головой, взглядывая на жену. О, Господи, какъ прелестно это испорченное созданіе! «И я любилъ ее... и теперь люблю!»—со стыдомъ признался себѣ Трамбецкій.

— Вы вынудили меня обманывать васъ и хлопотать объ отдѣльномъ видѣ, и если теперь вы недовольны, пеняйте на себя...

— Довольно, довольно... прошу васъ...

— Нѣтъ, не довольно... Вы теперь желаете взять отъ меня сына...

— Я возьму его.

— А если я не отдамъ?

— Валентина... Довольно, говорю тебѣ... Коля!—крикнулъ онъ.—Пойдемъ.

— Остановитесь. Мнѣ стоитъ крикнуть людей—и...

Но Валентина уже раскаялась, что зашла далеко.

Трамбецкій поблѣднѣлъ, схватилъ ее за руку и проговорилъ:

— Такъ ты вотъ какъ... У тебя ни стыда ни совѣсти... Ну, такъ смѣй пикнуть!.. Пойдемъ въ твое логовище, развратница!

Онъ повелъ ее въ комнаты, досталъ чернильницу и бумагу и, усаживая ее, прошепталъ:

— Пиши!

Она было-схватилась за звонокъ.

— О, подлая!.. Смѣй только!—сказалъ онъ такимъ голосомъ, что Валентина вздрогнула.—Пиши!

И онъ продиктовалъ ей записку, въ которой мать отказывалась отъ правъ своихъ на сына.

— Теперь проститесь съ сыномъ!

Валентина безмолвно поднялась, но идти не могла. Въ изнеможеніи опустилась она на кушетку и зарыдала. Рыданія перешли въ истерику. Бѣдняжкѣ сдѣлалось дурно, и она раскинулась передъ мужемъ въ самой соблазнительной позѣ.

Трамбецкій отвелъ глаза.

Валентина тихо позвала его.

— Александръ!—прошептала она.—Я готова на все, но не бери только ребенка... Умоляю тебя!..

И она вдругъ обвила своими руками шею мужа и страстнымъ шопотомъ проговорила:

— Ради твоей любви, не отнимай ребенка!

Трамбецкій тихо оттолкнулъ жену и замѣтилъ, какой злой взглядъ бросила она на него.

Все было кончено. Его нельзя было уговорить.

Когда Коля, грустный и смущенный, пришелъ въ кабинетъ,

Валентина припала, крѣпко прижимаясь, къ сыну и просила не забывать ее. Ребенокъ заплакалъ.

Трамбецкій отвернулся.

«Все-жъ она мать!»—пронеслось у него въ головѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Трамбецкій съ сыномъ ѣхалъ въ Петербургъ. Отецъ все схватывалъ мальчика за руку, словно бы желая удостовѣриться, что онъ тутъ, подлѣ него. Теперь никто ихъ болѣе не разлучитъ, и остатокъ дней онъ проживетъ, по крайней мѣрѣ, не одинокимъ.

А Валентина по отъѣздѣ мужа тотчасъ же послала нарочнаго въ Выборгъ съ телеграммами Леонтьеву и Никольскому.

О, она отмститъ этому человѣку и, на зло ему, отниметъ ребенка во что бы то ни стало.

Трамбецкій еще вспомнитъ, горько вспомнитъ, какъ трудно бороться съ женщиной, когда она ненавидитъ!

Поздно вечеромъ Трамбецкій пріѣхалъ въ Петербургъ и бережно донесъ на рукахъ заснувшаго мальчика на квартиру Никольскаго. Петръ Николаевичъ былъ дома и обрадовался, встрѣчая Трамбецкаго.

— Сами добыли сына? Разсказывайте, какъ?..

— А я васъ ждалъ, ждалъ!..—упрекнулъ Трамбецкій.

— И напрасно не дождались! Завтра сынъ вашъ былъ бы у васъ,—вѣрьте мнѣ. А опоздалъ я не по своей винѣ; за вашимъ же дѣломъ хлопоталъ... Брата моего не было въ Петербургѣ. Ну, все обошлось благополучно?

— Послѣ, послѣ разскажу, а теперь давайте-ка устраивать постель Колѣ,—отвѣчалъ тихо Трамбецкій, боясь разбудить мальчика.

Заснувшаго ребенка положили на диванъ, осторожно раздѣли его и продолжали разговоръ вполголоса.

Трамбецкій разсказалъ свои тревоги за эти дни, разсказалъ, какъ случайно онъ добылъ адресъ жены и какъ взялъ сына.

— Теперь за работу!—восторженно проговорилъ онъ.— Теперь вотъ для кого жить!..

Онъ вдругъ схватился за грудь и прибавилъ:

— Буду ли только жить?..

Онъ приложилъ платокъ къ губамъ и, когда отнялъ его, платокъ былъ весь въ крови.

Трамбецкій какъ-то печально улыбнулся и уныло покачалъ головой.

Когда Никольскій сталъ утѣшать его, Трамбецкій перебилъ его словами:

— Мнѣ бы только шесть лѣтъ... только шесть лѣтъ, пока мальчикъ подрастетъ и будетъ на дорогѣ... Я буду лѣчиться... Вѣдь правда, шесть лѣтъ немного?..

Онъ не докончилъ рѣчи и, усталый, опустился на стулъ, безпомощно свѣсивъ голову на грудь.

— Говорю и самъ не вѣрю своимъ словамъ,—началъ онъ грустно.—Ну, гдѣ мнѣ прожить шесть лѣтъ. Что будетъ съ мальчикомъ?.. Неужели онъ опять будетъ у нея!.. Послушайте, Петръ Николаевичъ, вѣдь это ужасно!..

Грустныя мысли закрадывались въ голову больного человѣка. Онъ подошелъ къ сыну, поцѣловалъ его и обронилъ слезу на раскраснѣвшуюся щечку мальчика.

Долго еще онъ просидѣлъ надъ ребенкомъ и наконецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ около сына.

Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей Трамбецкій проспалъ долго. Подъ утро ему послышались незнакомые голоса, произносившіе его фамилію, и онъ не могъ разобрать хорошенько, во снѣ ли это ему слышится или наяву. Кто-то толкнулъ его въ плечо, и онъ проснулся.

Открывши глаза, онъ увидалъ наклонившееся надъ нимъ блѣдное, серьезное лицо Петра Николаевича и Колю, испуганно взглядывавшаго на него своими большими глазами.

Чего это они такъ смотрятъ?

Онъ приподнялся и увидалъ въ комнатѣ постороннихъ лицъ: незнакомаго господина, городового и дворника.

— Одѣвайтесь! —проговорилъ Никольскій.

— Зачѣмъ эти господа здѣсь?—спросилъ Трамбецкій.

Ему ничего не отвѣчали. Все это показалось ему очень страннымъ. «Ужъ не за Колей ли?»—вдругъ промелькнула мысль у Трамбецкаго. Онъ быстро одѣлся и схватилъ мальчика на руки, словно бы желая не разставаться съ нимъ. Мальчикъ прижался къ его щекѣ. Трамбецкій чувствовалъ, какъ горячая щека согрѣвала его холодное лицо.

— Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ!— проговорилъ бѣлокурый господинъ средняго роста, приближаясь къ Трамбецкому.

Трамбецкій вопросительно глядѣлъ на судебнаго слѣдователя.

— Я долженъ допросить васъ по весьма важному дѣлу.

— Меня?

— Вы входили вчера въ квартиру отставного полковника Гуляева?

Трамбецкій похолодѣлъ.

— Входилъ...

— Въ квартирѣ обнаружена кража бумагъ на пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ...

— Но при чемъ же я-то тутъ?..

— Вы извините, но я долженъ произвести обыскъ...

— Сдѣлайте одолженіе! — проговорилъ Трамбецкій: — но предупреждаю васъ, г. слѣдователь, что квартира эта не моя...

Стали дѣлать обыскъ. Перешарили всю комнату. На лицѣ судебнаго слѣдователя появилось недоумѣвающее выраженіе, когда въ комнатѣ ничего не нашли. Стали обыскивать прихожую.

— Тамъ кромѣ пальто ничего нѣтъ!—весело сказалъ Трамбецкій.—Вотъ мое пальто!

Онъ указалъ его. Помощникъ частнаго пристава засунулъ руку въ карманъ пальто, и вдругъ лицо пристава приняло серьезное выраженіе. Онъ взглянулъ на судебнаго слѣдователя какимъ-то страннымъ взглядомъ и вытащилъ оттуда поспѣшно сложенные нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Всѣ глаза устремились на Трамбецкаго.

Онъ, казалось, ничего не понималъ и безсмысленно глядѣлъ на банковые билеты.

— Это ваше пальто?

— Мое!—автоматически отвѣчалъ Трамбецкій.

— А деньги?

— У меня не было денегъ...

— Не потрудитесь ли вы объяснить, какъ попали къ вамъ эти билеты?..

Трамбецкій стоялъ молча, опустивъ голову. Кругомъ его все закружилось... Что это значитъ?.. О, Господи, за что еще испытаніе?.. Онъ зашатался и, блѣдный, упалъ на руки Никольскаго.

Когда Трамбецкій пришелъ въ себя, онъ горячо схватилъ сына и, цѣлуя испуганные глазенки, нѣжно прошепталъ:

— Коля... родной мой... вѣдь ты не вѣришь... ты не вѣришь, чтобы твой отецъ былъ воръ?.. Слушай: клянусь тебѣ, мое дитя, что я не знаю, какъ попали ко мнѣ эти деньги... Какой подлецъ подложилъ ихъ въ пальто?..

Въ отвѣтъ мальчикъ прижался къ отцу и, вздрагивая, шепталъ:

— Папа... Милый папа... Кто смѣетъ подумать про тебя?..

Судебный слѣдователь пристально взглянулъ на Трамбецкаго и повторилъ:

— Не потрудитесь ли вы объяснить, какъ попали къ вамъ эти деньги?

Трамбецкій разсказалъ, какъ онъ вошелъ въ квартиру

полковника, что побудило его къ этому, и, разумѣется, не могъ объяснить, откуда у него деньги.

— А зачѣмъ у васъ въ карманѣ былъ револьверъ?..

— Револьверъ!..—печально улыбнулся онъ.—Я не объясню вамъ—зачѣмъ, могу только увѣрить васъ, что не для убійства полковника.

Прошла тяжелая минута общаго молчанія.

— Во всякомъ случаѣ я долженъ арестовать васъ, г. Трамбецкій.

— Дѣлайте, что знаете... Петръ Николаевичъ! — торжественно обратился Трамбецкій къ Никольскому.—Нечего и объяснять вамъ, что въ этомъ дѣлѣ я такъ же невиновенъ, какъ и вы. Тутъ кроется какая-то дьявольская тайна... Вѣрно, г. слѣдователь ее раскроетъ, а пока берегите бѣднаго моего Колю... Обѣщаете?..

Вмѣсто отвѣта Никольскій крѣпко пожалъ ему руку.

Составили протоколъ, и наступила тяжелая минута прощанія съ сыномъ. Коля неутѣшно рыдалъ и повисъ на шеѣ у Трамбецкаго. Трамбецкій сдерживалъ слезы. Онъ горячо обнималъ Колю и только шепталъ:

— Милый мой... милый... Не забывай несчастнаго отца!

— Не унывайте, Александръ Александровичъ!—проговорилъ молодой человѣкъ.—Недоразумѣніе разъяснится... Мало ли бываетъ нелѣпыхъ подозрѣній?.. Я всей душой приму участіе въ вашемъ дѣлѣ.

Потомъ, обратившись къ судебному слѣдователю, онъ спросилъ:

— А на поруки можно взять г. Трамбецкаго?..

— Мы посмотримъ... Во всякомъ случаѣ нуженъ залогъ.

— Великъ?..

— Да, не малъ.

— Онъ будетъ представленъ. Я достану его... Не унывайте, Александръ Александровичъ!—еще разъ утѣшилъ Никольскій, крѣпко пожимая руку бѣдному неудачнику.—А за Колю не бойтесь... Скоро мы навѣстимъ васъ.

Въ тотъ же день Трамбецкій сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія по подозрѣнію въ покражѣ у отставного полковника Гуляева пятидесяти тысячъ.

XV.

Газетные слухи.

Черезъ нѣсколько дней въ нѣкоторыхъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка:

«Необыкновенно дерзкое воровство обнаружено на-дняхъ въ нашей столицѣ. Среди бѣлаго дня изъ квартиры отставного полковника артиллеріи И. А. Гуляева похищено денегъ и бумагъ на сумму сто тысячъ рублей при слѣдующихъ таинственныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ не обнаруженныхъ судебной властью.

«По обыкновенію своему, почтенный полковникъ въ 10 часовъ утра вышелъ изъ дому, поручивъ присмотръ за квартирой давно находящемуся у него въ услуженіи лакею Ѳомѣ Васильеву, вѣрному и испытанному человѣку, которому полковникъ, вообще недовѣрчивый, довѣрялъ почти безусловно.

«Въ семь часовъ вечера того же дня полковникъ, возвратившись домой, былъ извѣщенъ дворникомъ, что квартира его съ параднаго хода отперта, что тамъ находится въ настоящее время дворникъ, что Ѳомы Васильева нѣтъ, и что узнали объ отпертой квартирѣ изъ словъ какого-то господина, пріѣзжавшаго къ полковнику въ одиннадцатомъ часу дня. Напуганный полковникъ, войдя въ квартиру, тотчасъ же бросился въ кабинетъ. Тамъ было все въ порядкѣ. Полковникъ отперъ желѣзный сундукъ, находившійся подъ кроватью, досталъ изъ сундука краснаго дерева шкатулку, оказавшуюся запертою, и, открывъ ее, поблѣднѣлъ. Изъ находившихся, по словамъ полковника, въ шкатулкѣ денегъ не доставало ста тысячъ рублей.

«Тотчасъ же объ этомъ происшествіи было дано знать полиціи и судебной власти. Въ тотъ же день полиція была на ногахъ въ розыскахъ Ѳомы Васильева, и утромъ на другой же день, благодаря энергіи г. судебнаго слѣдователя, найденъ господинъ, пріѣзжавшій къ полковнику въ день покражи. Господинъ этотъ, оказавшійся статскимъ совѣтникомъ Трамбецкимъ, былъ найденъ въ квартирѣ не имѣющаго опредѣленныхъ занятій нѣкоего Никольскаго. При обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ, въ карманѣ пальто г. Трамбецкаго найдено скомканными на три тысячи бумагъ изъ числа похищенныхъ у полковника Гуляева и кромѣ того небольшой револьверъ. О томъ, какъ попали къ нему бумаги, статскій совѣтникъ Трамбецкій объяснить не могъ. Не отрицая посѣщенія квартиры, онъ, несмотря на поличное, отрицалъ участіе въ воровствѣ и на вопросъ, съ какою цѣлью у него въ карманѣ былъ револьверъ, отказался отвѣчать. При дальнѣйшихъ допросахъ онъ продолжалъ отрицать свою виновность и объяснилъ, что пріѣзжалъ къ полковнику будто бы съ цѣлью узнать о мѣстопребываніи жены, недавно отъ него скрывшейся. Дѣйствительно на письменномъ столѣ въ квартирѣ Гуляева

найдено было письмо г-жи Трамбецкой, въ которомъ она извѣщала, что наконецъ избавилась отъ негодяя-мужа, и просила полковника навѣстить ее.

«Таинственность этого дѣла усиливается, если мы прибавимъ къ этому, что жена г. Трамбецкаго, замѣчательно красивая женщина, при допросѣ показала, что въ тотъ же день мужъ явился къ ней на дачу и отнялъ сына, десятилѣтняго мальчика, заставивъ бѣдную женщину подписать бумагу объ отказѣ ея отъ правъ матери, подъ страхомъ угрозы убить ее. По словамъ жены, г. Трамбецкій былъ въ этотъ день очень взволнованъ. Вообще отзывъ этой женщины не рекомендуетъ съ хорошей стороны г. Трамбецкаго.

«Затѣмъ, черезъ день послѣ происшествія, на Смоленскомъ кладбищѣ найденъ былъ трупъ повѣсившагося Ѳомы Васильева. При обыскѣ платья у него найдена записка слѣдующаго содержанія, написанная карандашомъ: «Ты останешься въ сторонѣ, а дочь твоя будетъ счастлива. Не бойся ничего». По сличеніи почерка на запискѣ съ почеркомъ Трамбецкаго найдено сходство. Ко всему этому надо добавить, что подозрѣваемый въ покражѣ не имѣетъ никакихъ средствъ и въ послѣднее время служилъ въ конторѣ у нотаріуса. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдствіе, поведенное съ энергіей, откроетъ нити этого загадочнаго происшествія, и на судѣ обнаружатся настоящіе мотивы этого преступленія».

Прошло еще два дня, и газеты сообщили слѣдующее дополненіе:

«Изъ вѣрныхъ источниковъ узнали мы, что г. Трамбецкій, содержащійся въ домѣ предварительнаго заключенія, продолжаетъ отрицать свою виновность. Деньги до сихъ поръ не отысканы. По словамъ полковника Гуляева, Трамбецкій никогда не заходилъ къ нему до этого времени. Затѣмъ изъ собранныхъ нами свѣдѣній обнаруживается, что г. Трамбецкій очень любитъ свою жену, что она нѣсколько разъ уже оставляла его, и что есть основаніе думать, что г. Трамбецкій совершилъ преступленіе ради жены, и судебный слѣдователь недавно высказалъ, что онъ надѣется въ скоромъ времени получить полное сознаніе Трамбецкаго. Вообще объ этомъ дѣлѣ ходятъ романическія подробности, но мы воздержимся отъ сообщенія ихъ до болѣе подробнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ этого загадочнаго дѣла».

Какъ бы для того, чтобъ окончательно разжечь любопытство публики, черезъ день была напечатана опять слѣдующая коротенькая замѣтка за подписью г. судебнаго слѣдователя:

«Въ виду появленія въ газетахъ замѣтокъ по дѣлу о по-

кражѣ изъ квартиры отставного полковника Гуляева, считаю долгомъ въ интересахъ истины сообщить, что въ этихъ замѣткахъ передаются совершенно невѣрныя свѣдѣнія и приписываются мнѣ слова, какихъ я никогда не говорилъ».

Вслѣдъ затѣмъ въ одной изъ газетъ появилась повѣсть съ слишкомъ прозрачными псевдонимами, разсказывающая объ этомъ дѣлѣ самыя невѣроятныя подробности. Въ повѣсти фигурировали старикъ Кривскій, Леонтьевъ, Валентина и Трамбецкій... Трамбецкій описывался какъ несчастный человѣкъ, совершившій воровство, чтобы заслужить любовь жены. Валентина представлялась подстрекательницей воровства, а Кривскій и Леонтьевъ изображались обожателями этой дамы.

Пасквиль имѣлъ успѣхъ. Каждый читалъ его. Всѣ были увѣрены, что Трамбецкій укралъ деньги, и имя Трамбецкаго ежедневно фигурировало на страницахъ газетъ.

Валентина обрадовалась, когда узнала, въ чемъ подозрѣваютъ мужа, и непремѣнно хотѣла взять къ себѣ сына. Хоть она и сомнѣвалась въ виновности мужа, но улики были налицо: у него были найдены деньги.

«Теперь, по крайней мѣрѣ, *онъ* уѣдетъ, далеко уѣдетъ,— думала Валентина.—И, конечно, сына ему не видать болѣе, какъ ушей своихъ».

Когда вызванный по телеграммѣ Евгеній Николаевичъ Никольскій пріѣхалъ къ ней и выслушалъ ея предположеніе относительно сына, то, къ удивленію молодой женщины, совѣтовалъ ей «не торопиться».

— Но бѣдный мальчикъ... Отецъ въ тюрьмѣ... Гдѣ онъ?

— Онъ въ надежныхъ рукахъ, повѣрьте, Валентина Николаевна, но я совѣтую вамъ не поднимать дѣла о сынѣ. Ужъ будто такъ безъ него вамъ скучно, а?

Валентина пробовала-было сдѣлать мину, но Никольскій разсмѣялся.

— Полноте... полноте. Не сердитесь напрасно...

— Но гдѣ же Коля?

— Я вамъ сказалъ, онъ въ хорошихъ рукахъ...

— Но я, кажется, могла бы знать...

— Извольте, скажу: онъ у моего брата.

— У вашего брата?

— Да, братъ мой—большой пріятель вашего мужа, но это не мѣшаетъ, разумѣется, мнѣ быть вашимъ другомъ и дать вамъ дружескій совѣтъ оставить пока дѣло о сынѣ и позаботиться о себѣ... Вы слышали, вѣроятно, вашъ Леонтьевъ выдаетъ замужъ дочь?

— Слышала. Онъ говорилъ объ этомъ.

— А слышали ли вы, что дѣла его скверны?

— И на это онъ жаловался.

— Это вамъ не нравится, а? Вѣдь пятьдесятъ тысячъ, которыя онъ вамъ далъ, сумма для васъ не Богъ знаетъ какая...

— Ну?

— И вы бы хотѣли, чтобы сумма эта увеличилась вчетверо или втрое!

— Но какъ же сдѣлать это?—поспѣшно сказала Валентина.

— Слушайтесь меня, вашего друга... Но только не смотрите на меня такъ!.. Пока я не скажу болѣе ничего. Только помните, что надо безусловно слушаться, милая женщина... Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ,—и вашему Леонтьеву грозитъ разореніе...

— Развѣ его дѣла такъ плохи?

— Очень... Да кстати вы не слишкомъ-то испытывайте его ревность. Перестаньте вы принимать Шурку Кривскаго...

Валентина покраснѣла.

— Не краснѣйте, но только будьте осторожнѣе и не пишите такихъ записочекъ...

Съ этими словами Никольскій, доставъ изъ кармана записку и показывая ее Валентинѣ, проговорилъ:

— Вѣдь если эту записку увидалъ бы Савва Лукичъ, то... Вы ее отдадите мнѣ, не правда ли?

— Зачѣмъ же!—усмѣхнулся Никольскій.—Она будетъ сохраняться у меня. Я, какъ другъ, предупреждаю васъ и еще разъ совѣтую,—бросьте ваши амуры съ Кривскимъ...

— Онъ уѣзжаетъ...

— Куда?

— За границу...

— Вотъ какъ! Ну, и отлично, а затѣмъ мирный поцѣлуй, и мнѣ пора ѣхать. Прощайте.

Онъ фамильярно обнялъ Валентину и уѣхалъ въ городъ, оставивъ бѣдную малютку въ недоумѣніи, откуда этотъ солидный молодой человѣкъ все знаетъ.

XVI.

Никольскій.

Евгеній Николаевичъ ѣхалъ въ городъ, довольный свиданіемъ съ Валентиной. Эта маленькая дурочка пригодится ему. Дураки созданы для того, чтобъ умнымъ людямъ пользоваться ими.

Вообще жизнь улыбалась этому солидному молодому человѣку,—улыбалась и манила своими прелестями въ будущемъ. Онъ шелъ по жизненному пути вѣрными, твердыми шагами, съ тѣхъ поръ, какъ окончательно рѣшился стать «человѣкомъ». И онъ сталъ имъ.

Развѣ прежде онъ былъ «человѣкомъ»? Онъ былъ мразью, какимъ-то отребіемъ, какъ будто созданнымъ на то, чтобы вѣчно работать для другихъ и видѣть, какъ эти другіе снисходительно киваютъ головой.

Давно ли онъ, сынъ священника, былъ маленькимъ, несчастнымъ чиновникомъ въ губернаторской канцеляріи, съѣдаемый жаждой жизни, завистью и презрѣніемъ къ своей бѣдности. О, сколько униженій вытерпѣлъ онъ, выбирая дорогу на службу по переулкамъ, чтобы не видѣли его истертаго костюма и блѣднаго, злобнаго лица. Съ ненавистью въ сердцѣ раздумывалъ Никольскій, какъ онъ, способный, неглупый, ловкій человѣкъ, принужденъ пресмыкаться, быть на побѣгушкахъ какого-нибудь идіота въ то время, какъ другіе, глупые, менѣе способные, благодаря связямъ, протекціи, родству или состоянію, успѣвали по службѣ, жили, какъ слѣдуетъ жить порядочному человѣку, дѣлали карьеру, составляли состоянія... словомъ, были людьми, а не наковальней, по которой ежечасно билъ молотъ...

Онъ не хотѣлъ быть наковальней. Къ чему же тогда сила ума и способностей? Надо только показать себя.

Онъ ли не пробовалъ всѣхъ средствъ! Онъ ли не хотѣлъ сперва добиться положенія, не кривя душой! Но скоро онъ убѣдился, что путь этотъ приведетъ къ чему угодно, но только не къ карьерѣ, и онъ рѣшился идти болѣе вѣрной дорогой къ намѣченной цѣли.

Онъ ли не работалъ, какъ волъ, онъ ли не просиживалъ ночей, составляя для губернатора записки и проекты по всевозможнымъ вопросамъ и мѣропріятіямъ!

Но на его бѣду его начальникъ былъ неблагодарный человѣкъ. Онъ срывалъ цвѣты почестей, ему писали ласковыя письма за дѣятельность, столь разнообразно проявляемую на пользу отечества, а настоящій вдохновитель его оставался все тѣмъ же безвѣстнымъ, презираемымъ чиновникомъ, рабочимъ воломъ, котораго можно было порадовать перспективой въ далекомъ будущемъ мѣста совѣтника правленія.

Никольскій злился, но молчалъ. Онъ ненавидѣлъ своего начальника, раболѣпствовалъ, презирая его всей душой, и искалъ случая нагадить ему.

На его счастіе случай представился. Кривскій пріѣхалъ

ревизовать губернію, и самъ губернаторъ рекомендовалъ ему Никольскаго, какъ хорошаго, усерднаго и работящаго чиновника. Чиновникъ понравился его превосходительству. Никольскій сразу понялъ, что его превосходительство работать не любитъ и пріѣхалъ спеціально, чтобы съѣсть губернатора, которому пророчили видную карьеру. Скромный чиновникъ незамѣтно помогъ его превосходительству и обратилъ на себя вниманіе скромностью, трезвымъ образомъ мыслей и способностью хорошо и быстро работать.

И вотъ теперь онъ, бывшая мелкая сошка, на виду. Онъ—секретарь его превосходительства, онъ—настоящій руководитель вѣдомства, любовникъ «влюбленной старухи», какъ называетъ про себя Евгеній Николаевичъ Кривскую; впереди видная карьера; живетъ онъ прекрасно, принятъ въ обществѣ, ему жметъ руку тотъ самый губернаторъ, который держалъ его въ черномъ тѣлѣ; его принимаютъ тѣ самые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ не пустили бы его въ прихожую... Размахи его честолюбія дѣлаются сильнѣй, и вопросъ о состояніи является уже вопросомъ времени.

Будетъ и оно. Умному, практическому человѣку нетрудно достичь, чего хочетъ, — разъ онъ на дорогѣ и разъ онъ не слишкомъ брезгливъ.

А онъ ли остановится на половинѣ дороги?

Онъ слишкомъ близко видѣлъ изнанку тѣхъ самыхъ людей, которымъ прежде завидовалъ, и слишкомъ презиралъ ихъ, чтобъ остановиться.

Ловкій, умный, вкрадчивый, умѣвшій силою ума заглушить голосъ совѣсти въ то время, когда она еще говорила громче, онъ ли не достигнетъ цѣли, которую намѣтилъ? Большинство всегда будетъ за него. «Люди вообще скоты,—не разъ говорилъ онъ:—и охотно преклоняются передъ положеніемъ и богатствомъ, а меньшинство... Да кто такіе это меньшинство, гдѣ оно и какое до него дѣло? Они или дураки, или лицемѣры... Они отворачиваются отъ насъ и въ то же время завидуютъ...»

«А братъ?»

При воспоминаніи о братѣ у Никольскаго всегда какъ-то сжималось сердце. При всемъ желаніи, испытываемомъ каждымъ человѣкомъ съ нечистой совѣстью, найти грязныя побужденія въ другомъ человѣкѣ, онъ не могъ этого сдѣлать.

Братъ его былъ честный человѣкъ, безусловно честный. Когда-то—давно то было—были они дружны, любили другъ друга, а теперь?..

«Мечтатель!» — прошепталъ какъ-то злобно Евгеній Николаевичъ, поднимаясь къ Кривскимъ.

Онъ прошелъ прямо къ Аннѣ Петровнѣ въ кабинетъ, поцѣловалъ ея руку, выслушалъ нѣжные упреки о томъ, что его давно не видать, и освѣдомился, скоро ли помолвка Бориса Сергѣевича.

Помолвка на-дняхъ, вслѣдъ за которой отъѣздъ за границу (и вы пріѣдете, надѣюсь?), но Анна Петровна смущена слухами о разстройствѣ дѣлъ Леонтьева и о его новой любовницѣ.

— Говорятъ, мужикъ въ нее влюбленъ, и она его обираетъ...

— Ну, мужикъ не такъ-то позволитъ себя обирать...

— Во всякомъ случаѣ надо, Евгеній Николаевичъ, намъ принять это къ свѣдѣнію. Эта дама, кажется, совсѣмъ невозможная женщина... Вы ее знаете?..

— Видѣлъ нѣсколько разъ.

— Знакомы съ ней?

— По дѣлу была у меня...

— По какому?

— Хлопотала о разводѣ съ мужемъ...

— Да... да... Вѣдь этотъ Трамбецкій, обокравшій бѣднаго полковника, ея благовѣрный... Кстати... какъ бы имя Леонтьева не фигурировало въ этомъ процессѣ...

— Не думаю.

— Все-таки я боюсь... И вообще недурно бы эту даму какъ-нибудь отдалить отъ Леонтьева... Интересы его теперь нѣсколько близки намъ...

Ея превосходительство улыбнулась.

— Еще успѣемъ, Анна Петровна... Все это въ нашей власти...

— Ну, я на васъ надѣюсь... Кстати, вы не слышали подробностей объ этой кражѣ?.. Въ газетахъ столько пишутъ, не правда ли? Говорятъ, онъ влюбленъ въ свою благовѣрную и хотѣлъ бросить къ ея ногамъ деньги, украденныя у полковника...

— Все это вздоръ... Я увѣренъ, что Трамбецкій не укралъ...

— А кто же?

— Отыскиваемъ!

— И найдете?...

Никольскій пожалъ плечами.

— Полиція на ногахъ.

— Онъ не сознаётся?

— Нѣтъ...

— Но какъ же найденныя деньги?

— Вотъ это-то и смущаетъ слѣдователя...

— Все это очень странно, но мы живемъ въ такое время!.. Впрочемъ, найдутъ или не найдутъ сто тысячъ, а Гуляеву печалиться нечего!—прибавила, улыбаясь, Анна Петровна.— У него все-таки останется довольно...

— Надѣюсь...

Евгеній Николаевичъ всталъ, чтобъ идти въ кабинетъ къ его превосходительству, а Анна Петровна поручила Евгенію Николаевичу непремѣнно разузнать о «невозможной» женщинѣ и, если нужно, то пригрозить ей...

— Какъ Леонтьевъ дастъ приданое... наличными? — спросилъ, оборачиваясь въ дверяхъ, Никольскій.

— То-то и есть что нѣтъ. Половину деньгами, а остальное векселями...

— А когда свадьба?

— Вѣроятно, въ іюлѣ... Безпокоитъ меня эта Трамбецкая... Что̀, хороша она?

— Нѣтъ...

— Такъ ли?

— Вы мнѣ не вѣрите? Право, нехороша. Маленькая, худенькая. Я удивляюсь, какъ это влюбился Леонтьевъ.

И Евгеній Николаевичъ, какъ бы въ доказательство, что говоритъ правду, поцѣловалъ выхоленную руку ея превосходительства, бросивъ на нее нѣжный взглядъ, и пошелъ къ его превосходительству. «Она хочетъ, чтобы маленькая женщина поѣхала путешествовать, но ей еще рано!» — думалъ Евгеній Николаевичъ, посмѣиваясь про себя.

XVII.

Баловень счастія, предметъ зависти неудавшихся милліонеровъ, разбогатѣвшій, точно сказочный герой, Савва Лукичъ, не знавшій доселѣ серьезныхъ неудачъ, въ послѣднее время съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что счастіе повернулось къ нему спиной.

Сталъ онъ чаще и чаще захаживать къ матери отвести душу и повторялъ боязливо:

— Матушка, опять потерялъ!

Суевѣрный страхъ закрадывался въ душу, когда Леонтьевъ переступалъ порогъ старухиной кельи, изъ угловъ которой, казалось, строго смотрѣли суровые лики стараго письма. Онъ смирялся здѣсь, тревожно ожидая слова утѣшенія на свои жалобы.

Старуха, по обыкновенію, устремляла на сына строгій, проницательный взглядъ. По безкровнымъ ея губамъ едва скользила снисходительная усмѣшка, и она въ отвѣтъ на слова Леонтьева строго замѣчала:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ. Можетъ, Богъ испытать тебя хочетъ?

Леонтьевъ возвращался къ себѣ въ кабинетъ и снова ободрялся.

«Не можетъ же быть, чтобы такъ-таки счастье отвернулось. Счастье счастьемъ, а ты, Савва, смастери какое-нибудь такое дѣльце, чтобы всѣ ахнули!»

Несчастная полоса становилась все больше и больше. То одна, то другая крупная потеря сваливалась какъ снѣгъ на голову.

Савва Лукичъ только встряхивалъ своими кудрями и вытиралъ вспотѣвшій лобъ.

«Ладно!.. Еще поглядимъ, какъ ты-то, подлецъ, станешь раньше времени радоваться!»—не разъ повторялъ Савва Лукичъ, до котораго доходили слухи объ усмѣшкахъ Сидорова на его счетъ

И онъ «мастерилъ дѣльце».

Мастерилъ онъ его, по обыкновенію, порывами. То одинъ, то другой планъ занималъ его безпокойную голову, и онъ создавалъ эти планы, шагая по кабинету, сидя въ углу кареты, въ ваннѣ, по дорогѣ къ своей Валентинѣ, между дѣломъ и бездѣльемъ. Но планы все были неподходящіе, и, главное, нельзя было утереть носъ Сидорову. А этому «подлецу», какъ нарочно, выгорало хорошее дѣло. Онъ долженъ былъ получить постройку желѣзной дороги. Леонтьевъ ее прозѣвалъ и могъ только закипать гнѣвомъ, представляя себѣ, какъ Сидоровъ теперь станетъ передъ нимъ хорохориться.

Всѣ съ прежнимъ уваженіемъ относились къ Саввѣ Лукичу, но самъ-то онъ чувствовалъ, что это уваженіе тотчасъ пропадетъ, какъ только сильно «крякнутъ», какъ выражался онъ, его дѣла. Пока они еще только начинали трещать. Точно передъ грозой проносились далекіе, глухіе раскаты грома...

Того и гляди гроза разразится надъ головой, и тогда... какъ тогда обрадуется Сидоровъ, его давнишній врагъ и соперникъ въ погонѣ за поживой.

Савва Лукичъ недаромъ радовался, что «дѣвка» согласилась идти замужъ за Бориса Сергѣевича. Родство съ Кривскимъ, во-первыхъ, удовлетворяло самолюбію мужика; во-вторыхъ, поднимало его кредитъ, а въ-третьихъ — съ умнымъ

парнемъ можно будетъ дѣла дѣлать. Онъ вездѣ говорилъ о скорой свадьбѣ съ «сынкомъ Сергѣя Александровича» и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Сидоровъ побагровѣлъ даже, поздравляя Савву Лукича.

«Такъ ли еще свернется его скула на сторону, какъ Савву Лукича произведутъ въ генералы!—думалъ не разъ Леонтьевъ и весело ухмылялся, представляя себѣ пакостную рожу Хрисанфа Петровича Сидорова.—То-то и ему захочется въ генералы!»

Однажды Савва Лукичъ весело проснулся утромъ, перекрестился и необыкновенно веселый вскочилъ съ постели.

Во снѣ или наяву, вчера ли вечеромъ, когда онъ, точно сумасшедшій влюбленный, утѣшалъ Валентину, раскачивая «малютку» на своихъ мускулистыхъ рукахъ, или на зарѣ, когда онъ по старой привычкѣ просыпался и выхлебывалъ цѣлый графинъ квасу прямо изъ горлышка,—онъ и самъ не зналъ, но только его голову озарила счастливая мысль.

Въ одной рубашкѣ, на босу ногу, ходилъ онъ по кабинету, и довольная улыбка озаряла его лицо. Временами онъ по старой памяти сморкался, прикладывая къ носу палецъ и вытирая его о сорочку, и подходилъ къ отворенному окну, подставляя широкую, крѣпко посаженную грудь, чернѣвшую мохомъ волосъ, свѣжей струѣ вѣтра, врывавшейся съ рѣки.

«Рожу-то, рожу онъ скорчитъ!»—проговорилъ Савва Лукичъ и вслѣдъ затѣмъ разсмѣялся такъ добродушно и такъ громко, что стая воробьевъ, чирикавшихъ на ближнемъ деревѣ, съ шумомъ вспорхнула прочь.

Савва Лукичъ наконецъ «смастерилъ» настоящее дѣльце.

Дѣльце со всѣхъ сторонъ выходило хорошее. Въ счастливую минуту зародилось оно въ головѣ и вылилось со всѣми подробностями, какъ вдохновенное созданіе художника.

«И какъ это раньше невдомекъ! — произнесъ онъ, весело потряхивая кудрями. — Точно Господь затменіе напустилъ! А кажется, чего проще!»

И при воспоминаніи объ этой простотѣ Леонтьевъ зажмурилъ отъ удовольствія глаза, словно матерой котъ передъ распростертой крысой, и произнесъ:

— Ну, Хрисашка, теперича держись только. Полетятъ клочья-то!

Грузно опустился онъ въ наполеонку у письменнаго стола и принялся выводить на листѣ бумаги крупныя каракули, имѣвшія нѣкоторое сходство съ цифрами.

Лакей заглянулъ въ кабинетъ, а Савва Лукичъ все выводилъ каракули.

Кончилъ, просмотрѣлъ цифры и сталъ ловко отщелкивать на счетахъ, посусливъ предварительно пальцы. То ли дѣло счеты! Тутъ Савва Лукичъ словно дома... Пріятно было глядѣть, какъ быстро мелькали подъ мощными пальцами костяжки,— только рябило въ глазахъ.

Покончивъ съ работой, Савва Лукичъ весело фыркалъ, подставивъ лицо и шею подъ струю свѣжей влаги, лившейся изъ крана, напился чаю и быстро сталъ одѣваться.

— Ты, милый человѣкъ, скажи Трофиму, чтобы поскорѣй обладилъ коляску да сѣрыхъ коней! — приказалъ онъ лакею.

Одѣвшись, онъ, по обыкновенію, зашелъ къ матери.

Старуха пристально взглянула на веселое лицо сына.

— Али опять грабить кого собрался?

— Дѣльце, матушка, смастерилъ... Самъ Господь надоумилъ...

— Охъ, ужъ хоть Господа-то ты оставь, Савва, въ покоѣ... Не Господь, а дьяволъ смущаетъ тебя...

— Я, матушка, теперича Хрисашкѣ покажу... Будетъ помнить.

— Обидѣлъ развѣ?

— Онъ у меня, толсторожій, вотъ гдѣ...

— Такъ его грабить собрался?..

— Нѣтъ,—весело разсмѣялся Савва Лукичъ:—зачѣмъ грабить, а только онъ теперь посмотритъ!..

Мать покачала головой, но такъ любовно взглянула на Савву, что Савва вышелъ отъ матери еще веселѣе, чѣмъ вошелъ.

Онъ было-свернулъ въ комнаты жены, но отдумалъ и повернулъ назадъ.

Не могъ онъ выносить болѣзненной, молчаливой, покорной жены.

Впереди все ему улыбалось, такъ что-жъ за радость лишній разъ прочесть безмолвный укоръ въ этомъ исхудаломъ лицѣ и въ робкомъ, покорномъ взглядѣ когда-то любимыхъ глазъ?

Черезъ пять минутъ пара великолѣпныхъ, въ сѣрыхъ яблокахъ, хрѣновскихъ рысаковъ понесла Савву Лукича съ дачи въ городъ. Покачиваясь на эластичныхъ подушкахъ коляски, Леонтьевъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ, занятый мыслями о торжествѣ надъ Хрисашкой.

— Куда прикажете?—спросилъ кучеръ, сдерживая на тугихъ вожжахъ лошадей, когда коляска, скатившись съ Троицкаго моста, загрохотала по мостовой.

— Въ департаментъ!

[illegible]

Погруженный въ мысли Савва Лукичъ и не замѣчалъ, какъ [illegible] [illegible] [illegible]

При входѣ Саввы Лукича въ отдѣленіе всѣ радостно подняли на него глаза, и лица всѣхъ осклабились тою пріятной улыбкой, которая словно бы говорила: «Вотъ Богъ и подалъ нашему брату!»

Всѣ низко поклонились, а Савва Лукичъ, пожимая всѣмъ руки, шутливо бросалъ по сторонамъ:

— Строчите, строчите, ребятушки. Дѣтямъ на молочишко настрочите. А пріятель-то мой, Егоръ Ѳомичъ, гдѣ?

— У директора... Сейчасъ придетъ!

— А можетъ, нескоро? Вы, ребята, не морочь, а то уйду...

Всѣ засмѣялись въ отвѣтъ на шутку.

Савва Лукичъ присѣлъ у стола, на которомъ лежала груда дѣлъ въ синихъ обертках. За столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ и привѣтливо спрашивалъ:

— Премію получать?

— Нѣтъ, милый человѣкъ, другое дѣло, а насчетъ преміи срокъ не вышелъ, а то бы нужно... Нынче мошну порастрясъ.

Лицо молодого человѣка приняло вдругъ серьезное выраженіе.

— Если вамъ нужно, Савва Лукичъ... — началъ онъ вполголоса.

— Обработаешь?

— Для васъ, Савва Лукичъ, сами знаете...

— Знаю... Ты у меня, братъ, вѣрный пріятель... Обработывай...

— Срокъ когда?

— Въ сентябрѣ съ васъ, со строчилъ, сотню тысячъ получить...

— Авансомъ угодно?

— Какъ хочешь. Аванецъ такъ аванецъ! Я и не думалъ о преміи, а ты-таки, спасибо, напомнилъ!

Молодой человѣкъ куда-то скрылся и черезъ пять минутъ вернулся обратно.

— Можно!—проговорилъ онъ тѣмъ же полуголосомъ.—Мы выдадимъ вамъ сегодня, а вы завтра, что ли, пришлете удостовѣреніе изъ завода, что столько-то рельсовъ отработано.

— Ладно... ладно... А вотъ и пріятель! — проговорилъ Савва Лукичъ, протягивая руку пожилому маленькому чиновнику съ самымъ обыкновеннымъ простымъ лицомъ и маленькими сѣрыми глазками, скромно опущенными долу.

Этого маленькаго скромнаго человѣчка всѣ дѣльцы знали хорошо и старались его задобрить. Въ своемъ департаментѣ онъ былъ настоящимъ воротилой и работникомъ, и если Егоръ

Ѳомичъ обѣщалъ, хотя бы самъ министръ отказалъ въ чемъ нибудь, то проситель былъ спокоенъ, потому что «Егоръ Ѳомичъ обѣщалъ». Должность у него была невидная, въ родѣ столоначальника, а сумѣлъ онъ сдѣлать свою должность такою, какую многіе охотно бы купили тысячъ за двѣсти, да Егоръ Ѳомичъ не продавалъ.

Пріятели поцѣловались.

— Давненько, Савва Лукичъ...

— А ты и дорогу ко мнѣ забылъ?.. Бога не боишься?

— Служба, Савва Лукичъ...

— То-то!.. пардону просишь! Я безъ тебя тутъ нежданно сотню тысчонокъ получу...

— Премію?..

— Самую... Твой помощникъ надоумилъ.

— Что же, съ Богомъ получайте. Петръ Петровичъ!—обратился онъ къ чиновнику:—поскорѣе ордерокъ...

— А я къ тебѣ, Егоръ Ѳомичъ, по душѣ пріѣхалъ покалякать... Слободенъ?..

— Нельзя ли завтра?

— Завтраками-то ты не корми, а, если хочешь, я тебя накормлю. Ѣдемъ, что ли, въ кабакъ. Всего часикъ.

— Развѣ что часикъ...

— Гайда... Вернемся кстати деньги у васъ получать...

Пріятели отправились къ Борелю, и тамъ, за бутылкой вина, Савва Лукичъ разсказалъ свое дѣльце. Дѣло было очень простое. Надо было выкрасть у «Хрисашки» изысканіе желѣзной дороги, вырвать изъ-подъ носа концессію, на которую онъ разсчитываетъ, и утереть ему носъ.

Егоръ Ѳомичъ слушалъ съ невозмутимымъ вниманіемъ, ни разу не перебивая Леонтьева, точно дѣло шло о самомъ обыкновенномъ изъ дѣлъ, которыя онъ передѣлалъ въ теченіе своей жизни. Когда Савва Лукичъ кончилъ, то Егоръ Ѳомичъ прежде хлебнулъ изъ стакана и замѣтилъ:

— Трудно это, Савва Лукичъ. Министръ обѣщалъ Сидорову.

— Я, братецъ, это дѣло на себя беру. Это уже мы съ тобой послѣ оборудуемъ, а оборудуй ты мнѣ изысканіе и добудь, почемъ онъ беретъ съ версты... Объ условіяхъ нечего говорить, честь честью...

— Однако... Вѣдь тутъ расходы большіе...

— Полсотни тысячъ?..

Егоръ Ѳомичъ только взглянулъ на Савву Лукича, но ничего не сказалъ.

— Грабь сотню.

— И двѣ сграблю, если вы получите дорогу, Савва Лукичъ. Вѣдь шестьсотъ верстъ!

Пріятели знали другъ друга и скоро сошлись. Егоръ Ѳомичъ обѣщалъ подыскать «человѣка» изъ служащихъ у Сидорова, который на денекъ добудетъ планы, привезти цѣну и задержать докладъ министру на мѣсяцъ.

— А въ мѣсяцъ и вы будете готовы?

Савва Лукичъ возвращался домой веселый и сіяющій. При встрѣчѣ съ Сидоровымъ на Невскомъ, онъ такъ небрежно кивнулъ Сидорову, что «Хрисашка» отъ злости позеленѣлъ. Между двумя тузами была старинная вражда. Много кусковъ считали они другъ на другѣ и при встрѣчахъ всегда щетинились, какъ два свирѣпыхъ пса, хотя и старались быть любезными, какъ два приличныхъ человѣка.

Черезъ недѣлю машина была пущена въ ходъ. Копія съ изысканія лежала въ столѣ у Саввы Лукича, и онъ сталъ «работать». Цѣлые дни посвящалъ онъ на то, чтобы «смастерить дѣльце», толковалъ съ Егоромъ Ѳомичомъ, ѣздилъ къ министрамъ съ докладными записками, шептался съ камердинерами, узнавалъ ходы и лазейки, обѣщалъ любовницамъ вліятельныхъ лицъ, считающихся неподкупными, промессы, устроилъ, что противъ Сидорова была напечатана статья въ газетѣ,—однимъ словомъ, Савва Лукичъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ.

Онъ готовился торжествовать и вырвать у «Хрисашки» шестьсотъ верстъ дороги, а чтобъ окончательно доконать его, рѣшилъ задать по случаю помолвки пиръ горой, со старикомъ Кривскимъ на почетномъ мѣстѣ.

«Пусть посмотрятъ, каковъ у мужика Савки сватушка!»

Усталый въ хлопотахъ дня, Савва Лукичъ по вечерамъ ѣздилъ на тройкѣ къ своей пташкѣ, но тамъ вмѣсто отдыха изнывалъ отъ ревности. Мужикъ все болѣе и болѣе врѣзывался въ «малютку», а она, какъ нарочно, все становилась холоднѣй и холоднѣй.

XVIII.

«Послѣдніе счеты».

Передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться офиціальнымъ претендентомъ на милліонъ приданаго, Борису Сергѣевичу предстояло закончить кое-какіе счеты холостой жизни.

Аккуратный до щепетильности въ дѣлахъ, онъ однако со дня на день откладывалъ одно дѣло. При воспоминаніи о

немъ безукоризненный джентльменъ, никогда не чувствовавшій смущенія передъ рѣшеніемъ вопросовъ государственной важности, приходилъ, надо сказать правду, въ большое смущеніе и каждый разъ со вздохомъ повторялъ—увы!—поздно, что связь съ порядочной женщиной при нѣкоторыхъ удобствахъ имѣетъ весьма значительныя неудобства.

«Удобства» забыты теперь неблагодарнымъ человѣкомъ, а «неудобства», напротивъ, возстаютъ передъ нимъ въ видѣ сценъ, упрековъ и слезъ—слезъ безъ конца.

Едва ли не въ первый разъ въ жизни Борисъ Сергѣевичъ въ душѣ пожалѣлъ о своей экономической предусмотрительности. Любовь безъ большихъ расходовъ—хорошая вещь, но каковъ-то теперь будетъ разсчетъ?

О, если бы только объясненіе было какъ можно короче... Отчего это женщины не любятъ короткихъ объясненій!? Имъ непремѣнно объясняйся во всѣхъ подробностяхъ!

Если бы слезъ было меньше, по крайней мѣрѣ при немъ, а упреки... совсѣмъ бы не нужно упрековъ. То-то было бы хорошо! По крайней мѣрѣ она показала бы себя совсѣмъ умной женщиной!

Длинныя любовныя объясненія недурны въ Михайловскомъ театрѣ съ Паска и Вормсомъ, но въ жизни...

Мечтая такимъ образомъ, Кривскій очень хорошо зналъ, что никогда не сбыться его мечтамъ. Не разъ онъ собирался храбро покончить все разомъ, но малодушно робѣлъ при одной мысли о сценѣ, въ которой онъ волей-неволей долженъ будетъ подавать реплики въ качествѣ любовника, оставляющаго любовницу.

Надо было Борису Сергѣевичу дипломатически объявить разрывъ женщинѣ, но какой женщинѣ?

Молодой, хорошенькой, страстно-любящей женщинѣ.

Дѣло было очень трудное, пожалуй, болѣе трудное, чѣмъ вести дипломатическіе переговоры въ качествѣ полномочнаго посла.

«И зачѣмъ она ужъ черезчуръ любитъ!»—съ досадой вспоминалъ Борисъ Сергѣевичъ.

Какое любитъ!? Любовь не исключаетъ благоразумія, а она, къ несчастію, обожаетъ, какъ можетъ только экзальтированная женщина обожать человѣка, имѣвшаго несчастіе позволить это обожаніе. За то, конечно, она теперь сочтетъ себя въ правѣ терзать свой кумиръ, если только онъ захочетъ отказаться отъ счастія быть обожаемымъ!

Такъ раздумывалъ Борисъ Сергѣевичъ и наконецъ дня за три до помолвки рѣшился поѣхать и кончить. Онъ поста-

рается объяснить ей обстоятельства дѣла. Онъ начнетъ издалека, дипломатически... Онъ призоветъ на помощь ея любовь... Онъ... Она умная женщина... Она пойметъ...

«Да развѣ женщина можетъ это понять!—съ раздраженіемъ воскликнулъ онъ, прерывая свои мечты.—Развѣ она дастъ мнѣ время развить свою идею?.. Какъ же! Она сейчасъ преподнесетъ порцію сценъ!..»

Молодой генералъ кисло поморщился, воображая себѣ, какова будетъ эта «порція».

«И чортъ меня заставлялъ связываться!»—съ сердцемъ повторилъ нѣсколько разъ Борисъ Сергѣевичъ, поднимаясь въ 8 часовъ вечера по знакомой лѣстницѣ въ третій этажъ. Вотъ и дощечка съ надписью: «Марья Евгеньевна Веребьева». Борисъ Сергѣевичъ почему-то нѣсколько разъ повторилъ имя и фамилію и дернулъ наконецъ звонокъ.

Горничная отворила двери, привѣтливо улыбаясь.

— Марья Евгеньевна дома?

— Какъ же-съ, дома. Пожалуйте.

Къ чему онъ спросилъ? Она въ это время, между шестью и восемью часами, всегда дома, поджидая Бориса Сергѣевича.

Небольшая, уютная, мило убранная квартира. Изъ гостиной дверь въ будуаръ.

Борисъ Сергѣевичъ съ секунду остановился въ раздумьѣ. Въ головѣ его пробѣжала мысль: «Если бы кого-нибудь застать. Можно было бы придраться, сдѣлать сцену ревности». Но онъ тотчасъ же съ горечью подумалъ, что «къ ней ни за что нельзя придраться... Ужасно добродѣтельная женщина».

Молодой генералъ рѣшительно вошелъ въ двери и очутился въ хорошенькой комнатѣ, убранной со вкусомъ и не безъ роскоши. Все въ этой комнатѣ было хорошо знакомо Борису Сергѣевичу. Онъ обвелъ глазами комнату и почему-то вспомнилъ, что цвѣты недавно были подарены имъ, а обивка мебели, очень изящнаго рисунка, была куплена по его выбору. «Она непремѣнно хотѣла. Что тебѣ нравится, то и мнѣ нравится!»

«Ахъ, ужъ эти влюбленныя женщины!»

Но гдѣ же она—она, единственный серьезный врагъ Бориса Сергѣевича въ эту минуту?

Отворились двери, и въ комнату быстро вошла Марья Евгеньевна, красивая, стройная молодая брюнетка смуглаго типа, съ большими, черными, выразительными глазами. По словамъ Марьи Евгеньевны, ей 25 лѣтъ. Глядя на нее, этому можно

повѣрить. Она была свѣжа, съ прелестнымъ румянцемъ на щекахъ.

При видѣ Кривскаго Марья Евгеньевна просіяла. Пришелъ кумиръ, и на лицѣ ея разлилось такое счастіе любящаго созданія, что генералъ почувствовалъ въ эту минуту и досаду и смущеніе.

Она подбѣжала къ нему, обняла его и, держа его за руку, спросила:

— Отчего такъ поздно?

Она произнесла эти слова слегка вибрирующимъ контральто и остановила безпокойный, любящій взглядъ на Борисѣ Сергѣевичѣ.

— Здоровъ?

— Здоровъ. Что мнѣ дѣлается?

— Отчего-жъ ты такъ поздно? Теперь восьмой часъ, а ты всегда приходишь въ седьмомъ?..

Она какъ-то нервно спрашивала. Сейчасъ было видно, что передъ вами женщина, поглощенная страстью и ревнивая. Страсть и ревность сказывались въ дрожавшемъ голосѣ, въ подозрительномъ взглядѣ, въ нервныхъ движеніяхъ хорошенькой головки и маленькихъ рукъ.

— Дѣла были. Дома былъ! — проговорилъ генералъ, все болѣе и болѣе смущаясь передъ предстоящимъ объясненіемъ.

Но Марья Евгеньевна съ проницательностью женщины поняла это смущеніе по-своему.

— Дома?.. Борисъ, и тебѣ не стыдно?

«Начинается!» — подумалъ Борисъ Сергѣевичъ и замѣтилъ:

— Честное слово, дома, Мари. Гдѣ мнѣ быть?

Тогда она порывисто обняла его и прошептала:

— Прости, прости... Я вѣрю... вѣрю!... Прощаешь?

— Охотно.

— Нѣтъ, ты прости какъ слѣдуетъ... Ты — святой человѣкъ, а я... я, глупая, гадкая, подозрительная женщина, позволяю себѣ оскорблять моего кумира... Прости же, чтобы я повѣрила, что ты простилъ... Ну?..

Борисъ Сергѣевичъ поцѣловалъ въ лобъ молодую женщину, но, Боже мой, если бы только она видѣла, какое комическое лицо было въ это время у генерала, то бѣдной Марьѣ Евгеньевнѣ было бы жутко. По счастію она не видала и подарила его однимъ изъ тѣхъ любящихъ взглядовъ, отъ котораго у его превосходительства вдругъ явилась храбрость сейчасъ же приступить къ объясненію.

— Ты вечеръ, надѣюсь, у меня?

— Видишь ли, Мари, я сегодня не могу... Мнѣ...

— Ты гдѣ?

— Въ комиссіи!..

— Ахъ, ужъ эти твои комиссіи! Гадкія онѣ!

Гадкія!? Напротивъ! Спасибо комиссіямъ. Онѣ не разъ выручали Бориса Сергѣевича. Онъ въ столькихъ комиссіяхъ членомъ, что внезапно слетѣвшій отвѣтъ нисколько не смутилъ Марью Евгеньевну.

— Бѣдный Борисъ... столько работы... столько занятій!

Однако пора начать. Борисъ Сергѣевичъ пересѣлъ на кресло, а Марья Евгеньевна уже безпокойно взглядываетъ на Кривскаго...

Пора!

Онъ кашлянулъ, и лицо его вдругъ сдѣлалось такое же серьезное, какое бываетъ у Бориса Сергѣевича, когда онъ дѣлаетъ замѣчаніе чиновникамъ, опаздывающимъ на службу. Взоръ его бродилъ по ковру, и онъ заговорилъ тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Мари, мнѣ съ тобой надо серьезно поговорить!

«Серьезно поговорить»?

Она взглянула на Кривскаго, но вмѣсто лица увидала ровную бѣлую дорожку пробора по головѣ.

Сердце у нея екнуло. Она вдругъ вся выпрямилась, поблѣднѣла и приготовилась слушать.

— Я слушаю, Борисъ.

Марья Евгеньевна произнесла эти слова тихо и спокойно, такъ что Борисъ Сергѣевичъ даже обрадовался. Начало обѣщало хорошій конецъ. Быть - можетъ, обойдется безъ сценъ.

Напрасно онъ не поднялъ головы.

Онъ увидалъ бы, какъ отлила вдругъ кровь изъ-подъ нѣжной кожи лица молодой женщины, какой тревогой блистали ея взгляды и какъ сильно прижала она побѣлѣвшую руку къ сердцу, словно желая умѣрить его біеніе.

— Обѣщай, Мари, только не перебивать меня.

Она собрала всѣ свои силы, чтобы не выдать волненія, и сказала:

— Обѣщаю.

— Ты умная женщина, Мари, и ты поймешь...

Борисъ Сергѣевичъ запнулся, а она уже поняла. Она все поняла и чувствовала, какъ замерло сердце и какъ вдругъ все помрачилось въ ея глазахъ. Онъ только началъ, а для нея уже было все кончено.

Маленькая запинка была необходимой данью смущеннаго оратора. Маленькое усиліе надъ собой,—и слова Бориса Сер-

гѣевича полились мягкимъ бархатнымъ голосомъ съ едва замѣтной дрожью.

Онъ говорилъ:

— Ты умная женщина, Мари, и ты, конечно, поймешь, что въ жизни людей бываютъ обстоятельства, когда человѣкъ невольно дѣлается рабомъ ихъ. Что̀ дѣлать? Приходится съ ними считаться и часто покорять требованія сердца голосу разсудка, сознавая въ то же время невозможность поступить иначе... И вотъ, Мари, я нахожусь въ такомъ именно положеніи... Я долженъ принести свою привязанность, горячую привязанность, въ жертву долга передъ обществомъ, среди котораго я живу. Если бы я былъ изъ числа тѣхъ людей, которымъ недоступны высшіе интересы, тогда къ чему жертвы, но моя дорога—не ихъ дорога. Я долженъ...

Борисъ Сергѣевичъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, изумленный и обрадованный, что Марья Евгеньевна хранила мертвое молчаніе. На одномъ изъ самыхъ, по его мнѣнію, удачныхъ мѣстъ онъ поднялъ голову, чтобы взглянуть, какое впечатлѣніе произвела его рѣчь, и окончаніе замерло на его устахъ.

Молодая женщина глядѣла на него пристальнымъ страдальческимъ взглядомъ. Казалось, она собралась выпить всю чашу до дна. Борисъ Сергѣевичъ ожидалъ сценъ, упрековъ, слезъ,— и вдругъ вмѣсто этого убійственное молчаніе.

Чего она молчитъ?—Лучше бы упрекала, плакала!

Но она не упрекала, не плакала. А, кажется, могла бы упрекнуть. Не онъ ли ухаживалъ за ней, за замужней женщиной? Не онъ ли былъ причиной, что Марья Евгеньевна оставила мужа, хотя Борисъ Сергѣевичъ былъ противъ такого «рѣшительнаго», по его мнѣнію, шага; не онъ ли обѣщалъ всегда помнить ея «жертву»?..

Пауза становилась тягостной.

— Что-жъ вы остановились? Вы еще не кончили?—проговорила наконецъ молодая женщина.

— Мари!

— Послушайте, Кривскій... оставьте это имя... Теперь не нужно... Кончайте поскорѣй,—серьезно замѣтила она.

— Я женюсь.

— Съ этого бы и начинали. На комъ?—чуть слышно проронила она.

— На Леонтьевой!

— А!

Въ этомъ «а!» была и радость и презрѣніе.

— Что̀ дѣлать... Деньги—сила!

Марья Евгеньевна болѣе ни слова не сказала. Она тихо поднялась съ мѣста и, шатаясь, вышла изъ комнаты.

Кривскій стоялъ смущенный. Такая развязка совсѣмъ сбила его съ толку. Онъ не зналъ, чему приписать эту сдержанность въ Марьѣ Евгеньевнѣ.

Неужели такъ и уѣхать теперь?

— Марья Евгеньевна... Одно слово! — проговорилъ онъ, подходя къ двери.

Она вышла на порогъ спокойная, точно ничего не случилось.

— Что̀ вамъ еще?

— Неужели мы такъ разстанемся?

— Что̀ же дальше?

— Простите ли вы меня, не будете ли вспоминать лихомъ?.. Позвольте иногда навѣщать васъ...

— Не хотите ли еще остаться моимъ любовникомъ?.. Что-жъ, про̀сите?.. Я, можетъ-быть, соглашусь... Просите...

Борисъ Сергѣевичъ не зналъ, что̀ отвѣтить. Она ли, эта женщина, еще нѣсколько минутъ назадъ обожавшая его, а теперь говорящая съ такимъ презрѣніемъ?

— Довольно, Кривскій... Винить васъ не буду. Виновата я.

Въ голосѣ ея звучали рыданія.

— Вы виноваты? Въ чемъ же?

— Еще бы... Вѣдь я... вѣдь я считала васъ, Кривскій, честнымъ человѣкомъ!

Съ этими словами она тихо повернулась и ушла къ себѣ.

Рыданія, давно сдерживаемыя, вырвались изъ груди брошенной женщины, когда она осталась одна съ своимъ горемъ.

Борисъ Сергѣевичъ ѣхалъ домой не въ духѣ. Конечно, женщина сказала ему, что онъ нечестный человѣкъ, но все же...

«По крайней мѣрѣ, теперь счеты покончены!»—проговорилъ онъ, вздыхая съ облегченнымъ сердцемъ.

XIX.

День помолвки.

— Ты, другъ Николай Васильичъ, ужъ размечтайся и денегъ не жалѣй, но только выдумай ты мнѣ обѣдъ что̀ ни на есть сюпремистый... Такую миню смастери, милый человѣкъ, чтобы только ахнуть... Ты вѣдь по этой части въ Питерѣ, почитай, первый генералъ... Ужъ удружи пріятелю!

Непомѣрно-жирный, маленькій, съ пухлымъ, бѣлымъ лицомъ розоватаго отлива, безбородый и безусый, молодой еще человѣкъ, похожій болѣе на откормленнаго для убоя боровка, чѣмъ на подобіе образа Божія, съ трудомъ приподнялся съ оттоманки. Маленькіе бойкіе глазки его метнули изъ своихъ щелокъ искоркой. На лицѣ появилось серьезное выраженіе, онъ какъ-то особенно причмокнулъ пухлыми губами и весело отвѣтилъ:

— Такому порученію радъ, очень радъ. Я васъ такимъ обѣдомъ накормлю, такимъ, что вы только оближетесь...

И «милый человѣкъ» такъ вкусно причмокнулъ свои наливные пухлые пальцы, что Савва Лукичъ засмѣялся.

— Гляди, ужъ и нутренность заходила... И въ какихъ такихъ заведеніяхъ эту науку ты проходилъ?..

— Это талантъ отъ Бога, достойнѣйшій милліонеръ. Всякому свой талантъ. Вы вотъ умѣете сочинять финансовыя комбинаціи, а я гастрономическія... Слава Богу, два состоянія проѣлъ, было время научиться!..—смѣясь, говорилъ Николай Васильевичъ Трояновъ, прихлебатель, обжора, членъ какого-то правленія, извѣстный мастеръ заказывать обѣды, потомокъ, какъ говорилъ онъ самъ, смѣясь, Аскольда.

— А третье проѣшь?..

— Дайте-ка третье... Я вамъ покажу!.. Однако вотъ что̀, Савва Лукичъ. Поваръ вашъ хоть и ничего себѣ, а для настоящаго обѣда не годится...

— Какъ не годится... Сто рублей повару плачу и не годится?..

— Ужъ вы предоставьте мнѣ carte blanche... Я приглашу Дюкана изъ Англійскаго клуба... Дюканъ—артистъ, и мы поймемъ другъ друга...

— Ну, ну... какъ знаешь...

— Сколько человѣкъ у васъ будетъ обѣдать?

— Да, надо думать, человѣкъ тридцать!

— Покажите-ка списокъ.

Савва Лукичъ подалъ списокъ.

— Гмъ... Гости будутъ у васъ такіе, что надо постараться... Свѣтлѣйшій только, вѣрно, не пріѣдетъ?

— Это почему не пріѣдетъ?.. Его свѣтлость обѣщалъ безпремѣнно...

— Онъ, кажется, на-дняхъ уѣзжаетъ... Ну, а старикъ Кривскій?

— Разумѣется, будетъ. Помолвка сына—и не быть. Это почему?

Николай Васильевичъ тонко улыбнулся, отдалъ списокъ на-

задъ, поднялся съ трудомъ съ оттоманки и заходилъ, переваливаясь и пыхтя, по кабинету.

Савва Лукичъ молчалъ, не осмѣливаясь нарушать гастрономическаго вдохновенія молодого человѣка.

Наконецъ Николай Васильевичъ присѣлъ къ письменному столу, взялъ листокъ бумаги и сталъ набрасывать меню. Онъ нѣсколько разъ перечеркивалъ свой набросокъ, задумчиво смотрѣлъ вокругъ и наконецъ торжественно произнесъ:

— Слушайте, что̀ я вамъ дамъ. Ну, разумѣется, первымъ дѣломъ закуска très riche, ботвинья съ осетромъ и лососемъ... подадимъ рыбу во всей красѣ и printanier съ разными пирожками,—пирожками, которые таютъ во рту, знаете ли, этакими маленькими съ начинкой, разобрать которую можетъ только самъ Господь Богъ... Вино хересъ и мадера... Затѣмъ я вамъ дамъ filet de boeuf съ бѣлыми грибами, да только какое филе! Оно у меня будетъ три дня мокнуть въ мадерѣ, а мадера, по 12 руб. бутылка, будетъ перемѣняться каждый день подъ моимъ наблюденіемъ. Вся говядина пропитается, и вы будете ѣсть не говядину, а восторгъ...

— Эка говоритъ, собака, вкусно какъ!—облизывался Савва Лукичъ, еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ смаковавшій тюрю съ лукомъ.

— Вино бордосское Поильякъ и Bram-Mouton... Конечно, отъ Рауля... Засимъ truites de Gatchina à la Belle vue... Форель теперь вкусна. Запивать будемъ хорошимъ рейнвейномъ... Ну, разумѣется, форель только такъ, а послѣ форели crême de gibier à la Toulouse съ соусомъ изъ трюфелей, а пить бургонское. Послѣ этого мы сдѣлаемъ sorbets à l'ananas; затѣмъ жаркое, кто что̀ любитъ: молодые бекасы, дупеля, куропатки, цыплята съ салатомъ, шампанское... и поздравленія помолвленныхъ послѣ того, какъ вы объявите о томъ въ краткомъ, но трогательномъ спичѣ...

— Когда объявлять-то?..

— За жаркимъ непремѣнно... Какъ только разольютъ шампанское, вы, Савва Лукичъ, вставайте и начинайте...

— А начинать какъ... ужъ ты скажи, милый человѣкъ... Ты за обѣдомъ у насъ рѣчистый...

— Просто объявите, что, молъ, родительское ваше сердце трепещетъ при мысли о необходимости отдать милліонъ въ руки Кривскаго, но такъ какъ вы, молъ, разсчитываете какъ нибудь избавиться отъ печальной необходимости...

— Полно врать-то... Какъ въ самомъ дѣлѣ объявлять... Вкратцѣ, что ли?..

— Объ этомъ рѣчь впереди... Эхъ, быть бы мнѣ, какъ

вижу, оберъ-церемоніймейстеромъ, а подите-жъ... Сличъ я вамъ, Савва Лукичъ, сочиню. Будетъ кратко и трогательно, а теперь послѣ тостовъ и рѣчей—рѣчь о значеніи васъ, какъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ экономіи природы, я беру на себя!—а теперь послѣ тостовъ и рѣчей мы дадимъ артишоки aux fines herbes, спаржу непомѣрной толщины, выпьемъ еще Heidsig или Шандона и угостимъ свѣжей земляникой, а затѣмъ подадимъ parfait à la reine Victoria съ бріошами à la marechal Mac Magon. Затѣмъ дюшессы, ананасы, мандарины, стильтонъ, рокфоръ, кофе и двадцатипятирублевый зеленый чай и наконецъ винтъ по рублю фишка, съ тѣмъ, что вы мнѣ держите 35 к. въ случаѣ проигрыша и ни одной полушки въ случаѣ выигрыша. Идетъ?

— Идетъ... Въ карты грабить будешь?

— Буду... Надо комиссію за обѣдъ взять... Каково меню-то... Хорошо?

— Вѣрно, хорошо, только малость не понялъ...

Николай Васильевичъ перевелъ непонятныя Леонтьеву названія и проговорилъ:

— Ну, теперь денегъ... Обѣдецъ этотъ вамъ тысчонки въ двѣ влѣзетъ... Кстати... серебра и всей сервировки довольно?..

— Хоть сто человѣкъ зови...

Леонтьевъ выдалъ деньги. Николай Васильевичъ распростился и поѣхалъ дѣлать нужныя распоряженія.

Савва Лукичъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Дѣло съ дорогой спорилось. Впереди мерещились золотыя горы... Дѣвка дѣлаетъ хорошую партію. Могъ ли онъ объ этомъ мечтать? Онъ, Савка, битый не разъ исправниками и становыми, могъ ли думать, что онъ породнится съ его превосходительствомъ Сергѣемъ Александровичемъ, по приказанію котораго Савку два раза отодрали на съѣзжей?..

— Сила, силушка—мошна-то! Охъ, какая силушка!—самодовольно проговорилъ Савва Лукичъ, отходя въ тотъ вечеръ ко сну.

Ясный, прекрасный лѣтній день 2-го іюня засталъ Савву Лукича въ наилучшемъ настроеніи. По обыкновенію сидѣлъ онъ утромъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ съ разстегнутой рубашкой и выводилъ каракули на бумагѣ, и пощелкивалъ счетами. Но не сидѣлось ему и не считалось. Онъ то и дѣло подходилъ къ окну—взглянуть, не пріѣхалъ ли кто объявить ему о генеральскомъ званіи. Онъ зналъ, что чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника будетъ радостнымъ подаркомъ въ этотъ день, приказъ подписанъ вчера и сегодня будетъ напечатанъ, а все какъ-то не вѣрилось.

Онъ, Савка, генералъ... его превосходительство!

Главное то, что теперь онъ, Савва Лукичъ, уже совсѣмъ баринъ, какъ есть по всѣмъ статьямъ...

Чувство гордости и тщеславія бывшаго мужика не могло не отразиться радостнымъ выраженіемъ на его красивомъ, энергичномъ лицѣ. Онъ невольно припоминалъ свое прошлое, сравнивая его съ настоящимъ, перекрестился тихимъ крестомъ и проговорилъ гордо и самоувѣренно:

— Въ пыли былъ, а теперь слава тебѣ, Господи!

Савва Лукичъ самодовольно оглянулся вокругъ. Дѣйствительно слава тебѣ, Господи. И изъ пыли-то вылѣзъ онъ самъ, благодаря уму, смекалкѣ и отвагѣ.

Одна за другой картины быстро мелькали передъ нимъ. Человѣку, добившемуся счастія, весело вспоминать, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ сталъ теперь.

А чѣмъ онъ былъ до тѣхъ поръ, пока «линія» не пошла?

Широкій просторъ деревенскихъ полей, запахъ навоза и спертый воздухъ покосившейся избы смѣнился бьющимъ въ носъ сивушнымъ запахомъ кабачнаго подземелья, гдѣ шустрый, черноглазый, бойкій Савка впервые учился житейскому обиходу, всматриваясь пристально въ продѣлки хозяина, скрадывая пятачки и невинно встряхивая кудрявой головенкой при допросахъ хозяина, почему водка отдаетъ черезчуръ водой. Случалось, били Савку, больно били, но онъ только посверкивалъ глазенками, скаля острые зубки, какъ молодой волченокъ, у котораго зубы не отросли еще настолько, чтобы вцѣпиться какъ слѣдуетъ... Били Савку и говорили, что Савка плутъ, что Савка—воръ-мальчишка, но такъ говорили, что Савка только весело ухмылялся отъ такихъ комплиментовъ и сталъ вмѣсто пятаковъ скрадывать гривны, присматриваясь въ чаду кабака въ людей и подмѣчая пакость человѣческую... Выросталъ Савка удалымъ красавцемъ, и, когда заходилъ въ свою деревню, дѣвки вскидывали на него глаза, а онъ такъ взглядывалъ, что поневолѣ глаза опустишь. Пронзительный, плутоватый, насмѣшливый взглядъ былъ у Савки.

Сбился—и самъ кабачишко открылъ. Люди помогли и своя рука-владыка помогла, а Савка былъ отваженъ... Дальше—дѣла шли лучше, и Саввушка уже три кабака снялъ, сталъ отъ своихъ деревенскихъ рожу воротить и одѣваться по-купечески... Тоже и въ долгъ за «проценту» сталъ давать,—видитъ, дѣло не мудрое, а прибыльное... Сталъ Саввушка у крестьянъ и мѣщанскаго люда Саввой Лукичомъ. «Савва Лукичъ, не обезсудь. Савва Лукичъ, помоги. Савва Лукичъ, нельзя ли...» Все можно. Неси закладъ. Вся округа понесла...

Въ тѣ поры, въ городишкѣ, гдѣ свилъ себѣ гнѣздо Саввушка, жила бѣдная дворянка, и была у этой бѣдной дворянки дочь—блѣдная, худенькая, тщедушная, изъ лица пріятная, съ голубыми глазами. Саввушка посматривалъ, заглядывался и сталъ мимо оконъ ходить. Ни малѣйшаго вниманія. Плюнулъ-было Саввушка и подумалъ: «Не намъ съ дворянкой связываться», а сердце клокочетъ. Эта худенькая бѣлобрысая дворянка понравилась красавцу Саввушкѣ, что-то въ ней было такое сиротливое и жалкое... Семейка бѣдная, а туда же, дворянство... Сталъ Саввушка чаще подъ окнами ходить, и однажды повстрѣчалъ дѣвушку одну и такъ взглянулъ на нее, что дѣвушка покраснѣла и, какъ испуганная перепелка, засѣменила прочь.

Сталъ Саввушка наводить справки. Офицеръ ходитъ, жениться собирается... «Голь, голь разводитъ!»—подумалъ Саввушка, а сердце все клокочетъ. Однако бросилъ ходить подъ окнами. Прошло полгода. Повстрѣчалъ онъ дѣвушку въ церкви, и, Боже ты мой, какая она стала печальная да жалостная... Дѣло видно съ офицеромъ врознь. Опять справки. Дѣло дрянь: офицеришка обманулъ и бросилъ, дѣвка младенца ждетъ, а мать воетъ-воетъ и поѣдомъ дѣвку ѣстъ. Призадумался Саввушка—и къ матери. Бѣдность непокрытая, а тоже форсъ какой. «Такъ и такъ».—«Ты съ ума спятилъ, мужикъ».—«Въ купцы выпишусь и перестану мужикомъ быть».—«Подумаю».

Черезъ три мѣсяца блѣднолицая дѣвушка вѣнчалась съ купцомъ 3-й гильдіи Саввушкой. Плакала она и спрашивала передъ свадьбой, не станетъ ли онъ бить ее. А Саввушка въ отвѣтъ такъ обнялъ ее, что блѣднолицая съ благодарностью поцѣловала у него руку. Но благодарность—не любовь, и Саввушка скоро увидалъ, что жена не любитъ его... Сталъ онъ сперва поколачивать ее, больше для срыва сердца, а потомъ пересталъ. Младенецъ умеръ, а какъ родилась дочь Дуня да сынъ, Савва Лукичъ увидалъ, что жена и совсѣмъ сохнетъ, и оставилъ ее въ покоѣ. Тутъ вдругъ подошла линія. Саввѣ тѣсно стало въ трехъ кабакахъ. Саввѣ захотѣлось простору. Приглядывался онъ долго. Надо было дѣйствовать.

День этотъ, когда «линія» вышла, Савва Лукичъ помнитъ, какъ будто сегодня это было... Въ городишко пріѣхалъ большой петербургскій баринъ заглянуть въ свое имѣніе. Имѣніе большое, а доходу никакого или очень мало. Саввушка призадумался, заглянулъ въ кубышку, одѣлся и пошелъ къ барину. «Тебѣ чего?»—спрашиваетъ камердинеръ. «Съ его сіятельствомъ насчетъ дѣла».—«Насчетъ какого?»—«Насчетъ

важнаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ Саввушка синенькую и проситъ доложить. Пустили. Поклонился и глазами вскинулъ. «Ты кто такой?»—«Купецъ».—«А по какому дѣлу»?—«По вашему, ваше сіятельство. Слышали мы, что имѣніе доходу мало даетъ?»—«Это правда. Мошенники обкрадываютъ».—«Это точно, ваше сіятельство; нонче мошенникъ какъ клопъ развелся, а что ваше имѣніе—дно, золотое дно. Намъ это извѣстно, и если бы ваша милость, то я бы аренду со всѣмъ моимъ удовольствіемъ».—«Какую же аренду дашь?»—«А на первый разъ десять тысячъ, а тамъ видно будетъ, какъ по совѣсти». Его сіятельство чуть не привскочилъ. Никто двухъ тысячъ не давалъ, а нашелся человѣкъ—десять даетъ да еще обѣщаетъ больше.

Поманилъ пальцемъ—подойди поближе. Саввушка подошелъ. «Разскажи, какъ ты съ имѣніемъ-то». Саввушка подробно насчетъ золотого дна: и тутъ доходъ, и тамъ доходъ, и отовсюду доходъ. «Ты, вижу, умный мужикъ?» Савва только встряхнулъ кудрями.

Дѣло было облажено скоро. Въ первый годъ выслалъ Саввушка 10.000, во второй 12.000, а на третій самъ въ Питеръ пріѣхалъ и 15.000 привезъ да божится, что и самъ нажилъ.

Очень понравился Савва его сіятельству,—видитъ, умный хозяинъ. А Савва не будь дуракъ насчетъ подряда... Обѣщали, да вмѣсто подряда цѣлую дорожку строить дали...

Съ тѣхъ поръ, какъ попалъ Саввушка на вольную воду, онъ ужъ поплылъ крупной рыбиной... Почетъ, уваженіе—все пришло, точно въ сказкѣ.

«А допричь всего было!»—вспомнилъ Савва Лукичъ.

Однако никто не ѣдетъ! Или отложено?

— Имѣю честь поздравить, ваше превосходительство, съ монаршей милостью!—проговорилъ, входя, курьеръ, подавая печатный листокъ.

У Саввы Лукича бросилась кровь въ голову.

«Наконецъ-то!»

Радужная курьеру, и онъ одинъ впился глазами въ листокъ и прочитываетъ: «Коммерціи совѣтникъ Леонтьевъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники».

Пріятно щекотитъ по всему тѣлу, и въ сердцѣ какъ-то щекотно. Кажется, всего только нѣсколько словъ напечатано, а радости...

«То-то Хрисашка сегодня!»—не могъ не вспомнить Савва Лукичъ.

А въ домѣ уже вся челядь узнала. Всѣ подходятъ, всякій норовитъ урвать бумажку. «Ваше превосходительство»—жужжитъ въ ушахъ Саввы Лукича. Подаютъ телеграмму. «Управленіе NN—ской дороги, поздравляя ваше превосходительство съ монаршей милостью, сообщило телеграммой по линіи о радостномъ для всѣхъ событіи».

Всѣ уже знаютъ.

Пріѣхали инженеры, прихлебатели и разный людъ. Савва Лукичъ, едва успѣвшій одѣться, дѣлаетъ видъ, что равнодушенъ къ чину. Онъ уже успѣлъ въ нѣсколько часовъ привыкнуть.

— Не чинъ важенъ, а вниманіе...

— Такъ... такъ...

Савва начинаетъ немного совѣть. Уже слишкомъ много народа въ кабинетѣ у него поздравляютъ и говорятъ: «Давно бы вамъ, Савва Лукичъ, быть генераломъ!»—«Это, Савва Лукичъ, всѣмъ намъ отличіе»... «Вы, Савва Лукичъ, вѣдь три тысячи верстъ построили и какъ построили».

Савва не знаетъ, что̀ отвѣчать. Его красивое, энергическое лицо глупѣетъ, а природный здравый смыслъ и находчивость вдругъ исчезаютъ подъ шумомъ всѣхъ этихъ привѣтствій...

— Ну-ка, генералъ, повернись! иронически замѣчаетъ милліонеръ старикъ Потаповъ.

Подали шампанское...

Пользуясь случаемъ, немало изъ гостей призаняли у Саввы Лукича.

Отказа не было.

Наконецъ кабинетъ опустѣлъ. Шмели разлетѣлись. Савва Лукичъ пошелъ сперва къ матери и объявилъ ей, но на нее никакого впечатлѣнія генеральскій чинъ не произвелъ. Жена—та обрадовалась, когда Савва Лукичъ, ласково цѣлуя ее въ губы, сказалъ:

— Поздравляю, ваше превосходительство!

Дуня молча обняла отца, а сынъ, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, спрашивалъ, какой будетъ у отца мундиръ.

Въ четвертомъ часу пріѣхалъ Николай Васильевичъ и, наскоро поздравивъ его превосходительство, отправился на кухню.

Генералъ нетерпѣливо ждалъ обѣда, на которомъ долженъ быть непремѣнно «Хрисашка». Изъ-за него у Леонтьева была даже стычка съ Борисомъ.

Когда Борисъ Сергѣевичъ просмотрѣлъ списокъ приглашенныхъ на обѣдъ,—а въ спискѣ были «отборные» гости,—то онъ сказалъ:

— Зачѣмъ вы Сидорова зовете?..

Зачѣмъ онъ Сидорова зоветъ?—Да развѣ безъ Сидорова обѣдъ будетъ обѣдомъ? Зачѣмъ тогда и свѣтлѣйшій, и старикъ Кривскій, и разные директоры канцелярій будутъ, какъ не для «Хрисашки»?.. Онъ лучше согласится исключить изъ списка его сіятельство, чѣмъ Хрисашку...

— А отчего-жъ? Хрисанфъ Петровичъ, слава Богу, не мелочь какая-нибудь...

— Все-таки...

— Нѣтъ, Борисъ Сергѣевичъ... Кого другого я вамъ уступлю, а пріятеля моего ни за что!..

Такъ Борисъ Сергѣевичъ и не настоялъ..

А будетъ ли его превосходительство Сергѣй Александровичъ?

Что-то говорило ему, что онъ не пріѣдетъ, а безъ старика торжество неполное... Положимъ, его свѣтлость одинъ чего стоитъ, но все же сватъ...

«И чего гордится-то сватушка... Нынче, слава Богу, другія времена... не-прежнія... На тебѣ чинъ, да въ карманахъ пусто!.. Сановникъ! И мы нонече въ генералы вышли!»

Онъ вспомнилъ, какъ холоденъ былъ съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ его превосходительство, и мысль эта омрачила торжественное настроеніе счастливаго мужика...

Онъ даже начиналъ сердиться при мысли, что его превосходительство вдругъ не пріѣдетъ на обѣдъ.

— Эка невидаль сынъ-то твой... Нонече не то что за генерала, а за прынцевъ можно нашихъ дочерей отдавать, только не оставь насъ Богъ своей милостью. Прынецъ теперь обнищалъ, а сила—мы, бывшіе посконные мужики и нынѣшніе генералы!—проговорилъ Савва Лукичъ, встряхивая кудластой головой.

XX.

Парадный обѣдъ.

Повидимому, его превосходительство Сергѣй Александровичъ, какъ истинный современный философъ, примирился съ фактомъ.

Со времени послѣдняго объясненія съ сыномъ, онъ болѣе не поднималъ вопроса о бракѣ своего первенца ни съ женой ни съ Борисомъ Сергѣевичемъ и, казалось, относился къ браку безъ неудовольствія.

По крайней мѣрѣ никто изъ домашнихъ не замѣтилъ въ его превосходительствѣ никакой перемѣны. Кривскій по-

прежнему былъ бодръ, свѣжъ и привѣтливъ. За обѣдомъ онъ такъ же, какъ и прежде, ласково шутилъ съ дочерьми, бесѣдовалъ съ Борисомъ о политикѣ, выслушивалъ свѣтскія сплетни, передаваемыя мастерски Анной Петровной, и весело улыбался удачнымъ анекдотамъ Евгенія Николаевича Никольскаго.

«Наконецъ-то старикъ одумался!»—весело говорили мать и сынъ, обманутые наружнымъ спокойствіемъ Кривскаго.

Но если-бъ они заглянули какъ-нибудь вечеромъ въ кабинетъ, когда его превосходительство оставался одинъ, предупреждая, чтобы его не безпокоили, то они увидали бы, что старикъ совсѣмъ не «одумался».

Въ глубокой задумчивости нерѣдко сидѣлъ онъ, склонивъ свою респектабельную голову надъ бумагами, но мысли его были далеко отъ разныхъ мѣропріятій, приготовленныхъ на благоусмотрѣніе его превосходительства.

Тяжелая рана, нанесенная ему такъ неожиданно, до сихъ поръ не заживала. Напротивъ, чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе она растравлялась. Бракъ Бориса съ дочерью мужика представлялся ему позорнымъ знаменіемъ времени и тяжелымъ несчастіемъ, обрушившимся на его сѣдую голову. А онъ недавно еще въ совѣтѣ такъ горячо защищалъ реабилитацію дворянства и въ одномъ благородномъ сословіи совѣтовалъ искать прочной опоры порядка.

А теперь?

Какъ посмотрятъ на него самого, когда сынъ его—и тотъ отрекается отъ традицій, готовый смѣшать благородную кровь Кривскихъ съ поскудной кровью Леонтьева?

Гдѣ же сила его идей? Куда-жъ наконецъ приведетъ бѣдную Россію это разложеніе единственнаго сословія, отъ котораго еще можно ждать спасенія?

И какъ мало для него утѣшенія даже въ томъ, что его свѣтлость недавно при докладѣ, освѣдомившись о бракѣ его сына, ласково изволилъ поздравить и, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ смущенія старика, сказалъ нѣсколько благосклонныхъ и ободряющихъ словъ.

Но что же дѣлать старику? Не поднимать же скандала? Да еще послушаетъ ли сынъ?

Тихимъ шагомъ расхаживалъ старикъ по кабинету, заложивъ руки за спину, и мрачныя мысли бродили въ его головѣ.

«Борисъ не понимаетъ, что дѣлаетъ!—шепталъ онъ уныло.—Онъ горько раскается за ложный шагъ!»

Особенно нѣжно какъ-то Кривскій прощался двѣ недѣли тому назадъ съ Шуркой, отпуская его за границу. Доктора

сказали, что Шуркѣ полезно попить воды, и старикъ тотчасъ же отпустилъ Шурку.

Передъ прощаніемъ его превосходительство какъ-то торжественно совѣтовалъ Шуркѣ не забывать, что онъ—Кривскій, и съ ласковой снисходительностью пожурилъ его за долги.

Шурка стоялъ передъ отцомъ смущенный, опустивъ глаза. Онъ тихо прошепталъ обѣщаніе не «огорчать отца», но слова его звучали какъ-то холодно.

Старикъ съ любовью обнялъ здороваго, свѣжаго, румянаго юношу и тихо проговорилъ:

— Ты, Шурка, надѣюсь, не женишься какъ Борисъ?

«Вотъ глупости старикъ говоритъ. Отчего не жениться?..»

Но онъ ни слова не сказалъ, а торопился скорѣй кончить сцену прощанія, не понимая, съ чего это отецъ, обыкновенно не отличающійся сердечными изліяніями, вдругъ размякъ...

Шуркѣ было какъ-то не по себѣ. Онъ избѣгалъ смотрѣть отцу въ глаза и радъ былъ, когда наконецъ вышелъ изъ кабинета.

А старикъ долго еще глядѣлъ вслѣдъ за нимъ взоромъ, полнымъ любви и надежды.

«Этотъ не огорчитъ меня!»

Приближался день помолвки, и Анна Петровна за нѣсколько дней, какъ бы невзначай, сказала его превосходительству:

— На-дняхъ у Леонтьева обѣдъ, на которомъ объявятъ Бориса какъ жениха Леонтьевой... Ты будешь?

Его превосходительство поблѣднѣлъ, но сдержалъ себя и тихо проговорилъ:

— Меня, пожалуйста, увольте.

— Ты хочешь оскорбить Бориса. За что?

«Оскорбить Бориса? Вы меня оскорбляете, а не я васъ!»— чуть-было не вырвалось изъ его груди, но его превосходительство недаромъ сжился съ своей англійской складкой и вмѣсто рѣзкаго отвѣта процѣдилъ сквозь зубы:

— Мнѣ бы, Анна Петровна, не хотѣлось присутствовать на этой помолвкѣ... Я предупреждалъ и просилъ Бориса, чтобы какъ-нибудь безъ меня...

Анна Петровна болѣе не настаивала, но она на другой день какъ будто нечаянно сказала его превосходительству, что на обѣдѣ будетъ его свѣтлость князь Вячеславъ Петровичъ, и перечислила списокъ остальныхъ гостей. Люди все были порядочные, за исключеніемъ двухъ-трехъ фамилій, при имени которыхъ его превосходительство какъ-то поморщился.

— А князь зачѣмъ?

— Онъ такъ любитъ Леонтьева... Онъ у него бываетъ запросто.

Его превосходительство пожалъ плечами. Въ самомъ дѣлѣ неловко было ему не ѣхать. Разъ онъ согласился на бракъ, надо было выпить чашу до дна. А Анна Петровна, какъ нарочно, сообщила старику, что Борисъ очень огорченъ.

— Вѣдь я просилъ его не сердиться на меня...

Кривскій сказалъ эти слова такимъ тономъ, что Анна Петровна уже торжествовала побѣду.

Еще нѣсколько убѣдительныхъ рѣчей,—и его превосходительство наконецъ обѣщалъ исполнить свой долгъ передъ Борисомъ.

— Передай ему, что, не желая огорчить его, я буду тамъ, чего бы это мнѣ ни стоило...

— Я, право, удивляюсь, отчего ты такъ не любишь бѣднаго Леонтьева?..

— Ну, ужъ объ этомъ предоставьте мнѣ самому знать!— сухо отвѣтилъ старикъ, прерывая разговоръ.

Къ пяти часамъ собрались почти всѣ гости, приглашенные къ обѣду. Недоставало только князя Вячеслава Петровича и его превосходительства. Савва Лукичъ сіялъ. Борисъ Сергѣевичъ сказалъ ему, что отецъ непремѣнно будетъ, а что князь пріѣдетъ—въ этомъ Савва Лукичъ не сомнѣвался. Анна Петровна съ дочерьми сидѣла въ саду, стараясь приласкать Евдокію, смущенную, блѣдную, нѣсколько пугавшуюся блестящихъ гостей. Анна Петровна нашла, что Евдокія со вкусомъ одѣта, и такъ добродушно восхищалась молодой дѣвушкой, что бѣдная Дуня не разъ то краснѣла, то блѣднѣла. Зато Леонтьева, больная, изсохшая женщина, казавшаяся старухой, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, глядѣла на Кривскую со слезами благодарности въ глазахъ и тихо разсказывала ей, какая Дуня кроткая и хорошая дѣвушка. Бѣдной матери хотѣлось какъ можно скорѣе задобрить Кривскую въ пользу Дуни. Она принимала за чистую монету ласковыя слова Кривской и торопилась найти своей Дунѣ въ будущей тещѣ покровительницу.

Анна Петровна раза два съ чувствомъ пожимала руку этой больной, умирающей женщинѣ, терпѣливо выслушивая наивно-трогательныя похвалы матери. А она все говорила, все говорила, счастливая, что ее слушаютъ, ободренная мягкимъ, ласковымъ взглядомъ и самымъ дружескимъ обращеніемъ Кривской. И какъ ей было не радоваться! Объ Аннѣ Петровнѣ ей говорили какъ о гордой, важной генеральшѣ, а между тѣмъ какъ проста и добродушна оказалась эта генеральша.

На Евдокію Кривская не произвела хорошаго впечатлѣнія, но она, по своему обыкновенію, не дѣлала поспѣшныхъ заключеній. Она вглядывалась въ нее своимъ глубокимъ, вдумчивымъ взглядомъ и только вспыхивала до ушей, когда Анна Петровна ужъ чрезчуръ восхищалась богатой невѣстой.

Евдокія, впрочемъ, дѣйствительно была сегодня очень мила въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣткомъ въ русыхъ волосахъ. Стройная, граціозная, совсѣмъ молодая, она была необыкновенно симпатична, именно симпатична съ своимъ кроткимъ, задумчивымъ взглядомъ, придававшимъ блѣдному, нѣжному ея личику какую-то прелестную восторженность. Напрасно старикъ Кривскій полагалъ найти въ будущей невѣсткѣ вульгарныя манеры и мѣщанское самодовольство богатой купеческой невѣсты. Именно въ ней не было самодовольства никакого, и манеры ея не могли шокировать своей вульгарностью. Онѣ были нѣсколько рѣзки, порывисты, но въ то же время въ нихъ было столько благородства и простоты.

Хорошенькія, изящныя, какъ куколки одѣтыя двѣ барышни Кривскія отнеслись къ Евдокіи Савишнѣ съ большимъ тактомъ. Онѣ не навязывались ей съ дружбой, не расточали мягкихъ словъ, а отнеслись просто и мягко. Евдокія ихъ нѣсколько удивила своей простотой, простодушіемъ, манерами и понравилась.

«Простенькая!»—подумали онѣ, посматривая на богатую невѣсту.

И Евдокіи чувствовалось несравненно легче съ молодыми сестрами Бориса, чѣмъ съ его матерью, и она поспѣшила предложить имъ пройтись по саду, чтобъ избавиться отъ изліяній Анны Петровны.

Когда князь Вячеславъ Петровичъ вошелъ въ гостиную, то говоръ на мгновеніе смолкъ. Всѣ присмирѣли и невольно обратили взоры на низенькаго старичка съ сѣдой бородой, пріостановившагося на порогѣ и выглядывавшаго изъ-подъ очковъ зоркимъ и живымъ взглядомъ. Старикъ былъ особа довольно крупная. При видѣ его въ гостяхъ у Саввы Лукича, «Хрисашка», толстый, краснорожій воротила, дѣйствительно побагровѣлъ отъ зависти и даже крякнулъ.

А Савва Лукичъ уже шагалъ навстрѣчу, склонивъ на ходу свою типичную кудреватую голову.

Вся его грандіозная фигура какъ-то съежилась въ низкомъ поклонѣ, когда онъ остановился, почтительно пожимая руку его свѣтлости.

— Ну, поздравляю молодого генерала и желаю ему всяческихъ успѣховъ... Очень радъ за васъ, Савва Лукичъ!

Князь очень ловко уклонился отъ изліянія Саввы Лукича, обратившись съ привѣтствіемъ къ одному изъ гостей и завязавши съ нимъ разговоръ.

Савва Лукичъ постоялъ около и подошелъ къ «Хрисашкѣ».

— Послѣ обѣда винтимъ?—весело сказалъ онъ Хрисашкѣ. А въ голосѣ звучала нота: «Видишь, кто пріѣхалъ?»

— Винтимъ!..—съ напускнымъ добродушіемъ отвѣтилъ Хрисашка, а въ глазахъ его, налитыхъ кровью, глядѣлся волкъ, готовый перервать горло.

— Такъ-то, другъ любезный... смотри только, не очень-то въ карты грабь...

И довольный, что сдѣлалъ пакость «Хрисашкѣ», отошелъ къ путейскому генералу. Съ генераломъ Савва заговорилъ тѣмъ почтительно-фамильярнымъ тономъ, которымъ онъ вообще говорилъ съ людьми, которыхъ можно было покупать по той или другой цѣнѣ.

Еще не прошло впечатлѣніе послѣ появленія князя Вячеслава Петровича, какъ въ дверяхъ показалась высокая стройная, изящная фигура его превосходительства Сергѣя Александровича.

Чуть-чуть блѣдный, усталый, но съ привѣтливой улыбкой на устахъ, онъ тихо проходилъ, радушно отвѣчая на низкіе поклоны и пожимая руки знакомымъ.

При видѣ этого гордаго старика у себя въ домѣ, Савва Лукичъ осовѣлъ и смѣшался. Онъ обхватилъ руку его превосходительства двумя руками и, казалось, не хотѣлъ съ ней разставаться, такъ что его превосходительство поспѣшилъ освободить руку. Прикосновеніе этихъ мужицкихъ толстыхъ рукъ произвело на него ощущеніе, далекое отъ удовольствія; но онъ съ неизмѣннымъ самообладаніемъ не выдалъ своего смущенія, а, напротивъ, съ большимъ уваженіемъ привѣтствовалъ Савву Лукича, освѣдомился о здоровьѣ супруги и Евдокіи Савишны и тихо прибавилъ:

— Простите, что утромъ не могъ поздравить васъ, были спѣшныя дѣла, но это не мѣшаетъ мнѣ, Савва Лукичъ, теперь отъ души порадоваться за стараго пріятеля.

Онъ сдѣлалъ все, что слѣдовало, и теперь могъ свободно болтать съ княземъ Вячеславомъ Петровичемъ. Онъ весело болталъ, но скверно было у старика на душѣ.

— Чай, пора и за столъ. Какъ по твоей луковкѣ, «Хрисаша»?—опять донимаетъ Хрисашку Савва Лукичъ.

— Безъ пяти пять! —хрипитъ отъ злости Хрисашка.

Его превосходительство вспоминаетъ, что еще долгъ не до-

веденъ имъ до конца. Онъ оставляетъ князя, пробирается къ Саввѣ, отводитъ его въ сторону и говоритъ:

— А барынямъ вашимъ и забыли меня представить...

Они идутъ въ садъ. Его превосходительство почтительно проситъ ошалѣвшую Леонтьеву любить его и жаловать и останавливается, пріятно пораженный, при видѣ скромной и симпатичной Дуни.

Такъ вотъ она, мужичка?

Такъ вотъ онъ, Кривскій?

Старикъ и молодая дѣвушка странно переглянулись, точно и тотъ и другая пріятно обманулись при встрѣчѣ. Дуня какъ-то особенно крѣпко пожала старику руку и въ отвѣтъ на привѣтствіе его превосходительства отвѣчала такой открытой улыбкой, что его превосходительство нѣсколько секундъ не выпускалъ руки молодой дѣвушки и промолвилъ:

— Надѣюсь, когда короче познакомимся, вы полюбите старика.

— Я въ этомъ увѣрена!—проговорила, вспыхнувъ, дѣвушка.

Старику Дуня, видимо, понравилась.

Лакей доложилъ, что поданъ обѣдъ. Его превосходительство предложилъ руку Евдокіи Савишнѣ и повелъ ее къ столу съ такимъ видомъ, точно онъ велъ подъ руку не дочь посконнаго мужика, а настоящую владѣтельную принцессу.

Съ болью въ сердцѣ, но замѣчательно художественно, его превосходительство игралъ свою роль.

Обѣдъ былъ превосходный, и Николай Васильевичъ Трояновъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и съ гордостью видѣлъ, что всѣ отдаютъ дань искусству Дюкана.

Савва сіялъ. На его красивомъ лицѣ блистала радость, счастливая, ребячья улыбка. Онъ не говорилъ почти ни слова, а только глядѣлъ на всѣхъ этихъ блестящихъ гостей и улыбался. Улыбался и подливалъ себѣ вина. Когда подали жаркое, лицо его раскраснѣлось, и глаза блистали огонькомъ. Въ головѣ немного стучало. Онъ испытывалъ торжество счастливца, достигшаго всего, о чемъ только можно мечтать. Тутъ у него князь и его превосходительство, не считая разныхъ правителей канцелярій, членовъ правленій, генераловъ. Тщеславіе и гордость его вполнѣ удовлетворены. Но этого ему еще мало. Онъ самъ генералъ, но ему хочется бросить тутъ, при этомъ блестящемъ собраніи, всѣмъ въ глаза, что онъ не генералъ, а мужикъ, простой мужикъ, котораго его превосходительство приказалъ однажды отодрать.

Мысль встать и сказать объ этомъ лѣзетъ къ нему въ голову и дразнитъ его. «Пусть всѣ знаютъ, что я мужикъ».

Его превосходительство съ безпокойствомъ посматриваетъ на Савву. Его добродушно-наглый взглядъ начинаетъ пугать Сергѣя Александровича. Онъ переглядывается съ Борисомъ. Борисъ совсѣмъ смущенъ.

— Милостивые государи!

Его превосходительство закрываетъ глаза, въ ожиданіи скандала... Всѣ стали вдругъ серьезны.

— Милостивые государи! — снова повторяетъ Савва, но вдругъ, при видѣ устремленныхъ на него глазъ, робѣетъ.

Бывшій мужикъ, робѣвшій, бывало, передъ исправникомъ, сказался теперь въ Саввѣ, и онъ, вмѣсто признанія о томъ, какъ его пороли, робко, едва связывая слова, объявляетъ, что Дуня—невѣста Бориса Сергѣевича.

Начинаются поздравленія и тосты.

Николай Васильевичъ Трояновъ тянетъ за фалды Савву, желающаго что-то сказать, и обѣдъ кончается благополучно.

Послѣ обѣда князь и его превосходительство незамѣтно исчезаютъ, а Савва Лукичъ уже винтитъ съ Хрисашкой и предлагаетъ «Хрисашкѣ» по сту рублей на туза.

— Намъ съ тобой это наплевать. Шампанскаго!—раздается пьяный его голосъ по комнатамъ богатой дачи.

Къ концу вечера началась оргія, и чуть было не разрѣшилась вражда Саввы Лукича съ Хрисашкой. Оба они пьяные стояли другъ передъ другомъ, какъ два волка, готовые перервать другъ другу горло. Если бы ихъ не развели по комнатамъ, они бы подрались.

Поздно всѣ разъѣхались. Савва Лукичъ уже спалъ богатырскимъ сномъ въ опустѣвшей дачѣ, а Дуня не спала. Она лежала на кровати, полная разнообразныхъ думъ о будущемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Отставной полковникъ.

Дождливое, мрачное, наводящее хандру, сентябрьское утро занялось надъ столицей.

Заглянувъ въ маленькую квартиру отставного полковника Ивана Алексѣевича Гуляева, оно застало старика у письменнаго стола за обычными занятіями.

Въ неизмѣнномъ сѣромъ байковомъ халатѣ, обмызганномъ и истасканномъ, въ высокихъ плисовыхъ сапогахъ и вязаномъ шерстяномъ колпакѣ, старикъ склонилъ голову надъ своимъ рыжимъ отъ времени гроссъ-бухомъ, куда вносилъ цифры и буквы, таинственныя для другихъ, но для него полныя значенія и жизни.

Толстое гусиное перо дрожало слегка въ старческой рукѣ, когда рядомъ съ громкими фамиліями стариннаго дворянства полковникъ выводилъ крупныя литеры Н. Н. (Не надеженъ) или П. В. (Подать ко взысканію).

Оно задрожало сильнѣй и со скрипомъ вывело около одной фамиліи зловѣщія буквы: П. Б. Эти буквы значили: Подложный бланкъ.

Полковникъ отложилъ перо, досталъ изъ папки вексель, поднесъ его къ глазамъ и, всматриваясь въ бланковую надпись, безнадежно вздохнулъ. Онъ зналъ, что тотъ, чей подложный бланкъ стоялъ на векселѣ, не дастъ ни гроша за своего племянника.

Вотъ отчего онъ такъ тяжко вздохнулъ. Сумма была не маленькая: десять тысячъ.

Медленно перелистывалъ полковникъ страницу за страницей свою «книгу судебъ» и, останавливая зоркій взглядъ изъ-подъ очковъ на таинственныхъ своихъ отмѣткахъ, мрачно покачивалъ головой.

Названіе, данное въ шутку какимъ-то веселымъ кредиторомъ, заключало въ себѣ серьезный, глубокій смыслъ. Дѣйствительно, оригинальная бухгалтерская книга полковника была настоящей книгой судебъ дворянства послѣ крестьянской реформы. Подъ таинственными знаками, проставленными безпристрастной рукой деньголюбца, скрывалась правдивая историческая лѣтопись разоренія, обнищанія, легкомыслія и мошенничества. Все чаще и чаще въ послѣднее время мелькали на страницахъ современнаго Нестора зловѣщія буквы П. Б., и полковнику труднѣе и труднѣе приходилось получать деньги.

Наступили и для него печальныя времена. Онъ начиналъ терять нюхъ. Не зналъ, кому вѣрить, кому нѣтъ. Самые надежные, повидимому, люди оказывались ненадежными. Солидные, почтенные джентльмены прибѣгали къ мошенническимъ уловкамъ, чтобы не платить денегъ...

Полковникъ усилилъ осторожность, наводилъ предварительныя справки съ большею тщательностью и все-таки, при наступленіи сроковъ, нерѣдко узнавалъ, что у кредитора нѣтъ никакого имущества; оно заблаговременно переводилось на чужое имя. Онъ стращалъ долговымъ, но угрозы его встрѣчались презрительнымъ взглядомъ, и однажды даже полковнику намекнули, что надо понимать, кого можно сажать, а кого нельзя...

Потери были чувствительныя. Полковникъ сталъ рѣже и рѣже давать деньги и рѣшилъ совсѣмъ прекратить дѣла.

Съ тѣхъ поръ, какъ у него украли сто тысячъ, полковникъ сталъ еще болѣе недовѣрчивъ. Боязливо встрѣчалъ онъ у себя на квартирѣ родныхъ и знакомыхъ и при наступленіи вечера испытывалъ муки страха... Длинными, нескончаемыми казались ему ночи съ прерывистымъ безпокойнымъ сномъ и тяжелыми кошмарами. Напрасно шепталъ онъ молитвы и припадалъ къ образамъ... Сердце его тревожно билось, и онъ осматривалъ запоры въ своей квартирѣ, словно въ осажденной непріятелемъ крѣпости.

Желѣзное здоровье его было подточено въ конецъ. Покража ста тысячъ подѣйствовала на него сильно. Полковникъ осунулся и постарѣлъ. Румянецъ пропалъ съ его щекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропало и хорошее расположеніе духа, бывавшее у него въ прежнее время.

Старикъ упалъ духомъ. Подозрѣвая близкихъ и кровныхъ въ намѣреніи его ограбить, мрачный, подозрительный и больной, старикъ начиналъ чувствовать, что заниматься дѣлами ему уже нельзя. Силы оставляли его, и онъ цѣлые дни про-

сиживалъ дома, самъ приготовлялъ на спирту кушанье и отыскалъ себѣ вмѣсто Ѳомы какую-то старушку, которой прежде помогалъ. Къ роднымъ онъ почти пересталъ ходить. Ему казалось, что всѣ ждутъ его смерти, и въ самыхъ обычныхъ вопросахъ о здоровьѣ его подозрительный слухъ прозрѣвалъ злорадство...

Одинокій, проводилъ онъ цѣлые дни дома, и съ каждымъ днемъ здоровье его становилось хуже и хуже.

Онъ боялся смерти, но боялся и докторовъ. Доктора такъ дорого берутъ за визиты, и наконецъ кто ихъ знаетъ... нынче такъ много ядовъ...

Но чувство самосохраненія сказалось въ немъ. Онъ вспомнилъ, что въ числѣ многочисленныхъ его племянниковъ есть одинъ докторъ, недавно кончившій курсъ, о которомъ говорили, какъ объ очень талантливомъ врачѣ съ блестящей будущностью. Но молодой человѣкъ никогда не бывалъ у своего дяди и относился къ нему при встрѣчахъ съ самой холодной вѣжливостью. Полковникъ уважалъ племянника, втайнѣ сердился на него за невниманіе и зорко слѣдилъ, не сдѣлаетъ ли онъ какой-нибудь пакости, чтобы имѣть право и его записать въ счетъ того разряда подлецовъ, какими полковникъ считалъ всѣхъ людей.

Онъ не разъ предлагалъ молодому врачу денегъ, но тотъ отказывался. Онъ пробовалъ другія средства, но всѣ оказывались тщетными, и полковникъ въ изумленномъ раздумьѣ нерѣдко повторялъ: «Неужели онъ честный человѣкъ?» и съ злобнымъ чувствомъ долженъ былъ согласиться, что «кажется, честный».

«Отъ этого онъ и презираетъ меня!—думалось старику.—Ростовщикомъ считаетъ! Такъ не будетъ же ему ничего послѣ моей смерти. Пусть остается нищимъ!»

И полковникъ вычеркнулъ племянника-доктора изъ духовнаго завѣщанія, о чемъ и разсказалъ роднымъ, чтобы тѣ довели до свѣдѣнія племянника.

Еще болѣе озлобился онъ, узнавъ, что докторъ принялъ это извѣстіе совсѣмъ равнодушно. Озлобился и въ то же время, при встрѣчахъ съ нимъ, оказывалъ ему особенное уваженіе и держалъ себя съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими родственниками.

Нравственное превосходство невольно дѣйствовало на мрачнаго старика.

Однажды отправился полковникъ на Выборгскую сторону къ племяннику посовѣтоваться о здоровьѣ. Лицо молодого врача приняло серьезное выраженіе. Онъ какъ-то строго-офиціально

сказалъ: «Потрудитесь раздѣться!» и сталъ тормошить старика съ азартомъ и добросовѣстностью юнаго врача. Полковникъ послушно сталъ раздѣваться. «Совсѣмъ, совсѣмъ!»—прибавилъ племянникъ. Дядя раздѣлся до-нага и конфузливо смотрѣлъ, какъ племянникъ отошелъ шага два назадъ, приказалъ вытянуть руки, окинулъ серьезнымъ взглядомъ пухлый торсъ старика, затѣмъ приблизился и сталъ тыкать пальцемъ въ рыхлое тѣло. Подъ давленіемъ пальца бѣлыя пятна медленно окрашивались розоватымъ цвѣтомъ. Несмотря на полноту, тѣло, очевидно, было больное.

— Теперь мы постучимъ!

И племянникъ сталъ постукивать молоточкомъ, не оставляя ни одного мѣстечка на груди и на спинѣ нетронутымъ. Наконецъ молоточекъ спрятанъ. Вдавивъ косматую свою голову въ заплывшую жиромъ грудь полковника, племянникъ слушалъ, слушалъ такъ долго, что у старика закружилась голова.

— Устали, дядя?

— Усталъ!

— Сейчасъ отдохнете, а пока считайте: разъ, два, разъ, два!

Полковникъ покорно считалъ: «разъ, два, разъ, два», а племянникъ, казалось, хотѣлъ съѣсть глазами дядину грудь. Старикъ все считалъ: «разъ, два, разъ, два!», а къ сердцу, къ самому сердцу подступала назойливая мысль: «Этотъ подлецъ—честнѣйшій парень!»

— Довольно?—проговорилъ онъ, когда племянникъ, отирая вспотѣвшій лобъ, отвелъ наконецъ глаза отъ тѣла полковника.

— Нѣтъ еще. Ложитесь-ка, дядя, на диванъ... Вотъ такъ!—повторялъ онъ веселымъ голосомъ, помогая полковнику.

Опять самое добросовѣстное изслѣдованіе, и когда, казалось, все было осмотрѣно какъ слѣдуетъ, племянникъ разрѣшилъ одѣваться.

— Однако измучилъ ты меня, братецъ!

Въ словахъ полковника звучала ласковая нота.

Племянникъ, некрасивый молодой человѣкъ, только усмѣхнулся въ отвѣтъ.

— А какъ дѣла?

— Погодите, дядя... Сперва поговоримъ...

И племянникъ сталъ разспрашивать о томъ, какъ живетъ дядя, что̀ ѣстъ, что̀ пьетъ и т. п.

Когда наконецъ все было разспрошено и племянникъ задумался, полковникъ спросилъ:

— Что-жъ ты мнѣ пропишешь?..

— Знаете ли, что̀ я вамъ скажу, дядя?..

— Ну?..

— Бросьте вы всѣ ваши дѣла и уѣзжайте куда-нибудь...

— Какая же у меня болѣзнь?..

— У васъ разстройство всего организма. Вамъ нуженъ покой, полный покой...

Старикъ печально свѣсилъ голову и проговорилъ:

— Я давно его ищу и...

— И что же?..

— Не нахожу его!—уныло прошепталъ старикъ, взглядывая на молодого племянника какимъ-то растеряннымъ, виноватымъ взглядомъ.

Оба молчали. Обоимъ было какъ-то неловко продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ.

— За границу бы прокатились...

— Развѣ я такъ плохъ?

— Нѣтъ, дядя, вы не плохи, но только при настоящихъ условіяхъ вашей жизни трудно васъ лѣчить...

«Настоящія условія жизни»—вотъ оно что! А какъ ихъ измѣнить? Куда поѣдетъ онъ, одинокій старикъ, на чужбину? Кто будетъ около него?.. Кому можетъ онъ довѣрить свои дѣла, а не конченныхъ дѣлъ такъ много... Сколько денегъ роздано на руки, и надо эти деньги вернуть!

При мысли о деньгахъ старикъ даже оживился.

— Нельзя мнѣ ѣхать, Володя... Дѣла...

— По крайней мѣрѣ, оставьте ихъ на время.

Что онъ говоритъ?.. Ахъ, эти доктора, доктора... Они, быть-можетъ, знаютъ, какъ лѣчить тѣло, но не понимаютъ человѣческаго сердца. Оставить на время дѣла—это значитъ потерять деньги, а развѣ онъ рѣшится сознательно потерять деньги...

— Невозможно... Годъ, другой... тогда я могу ѣхать куда тебѣ угодно.

Племянникъ только пожалъ плечами.

— Я вамъ пропишу лѣкарство...

— Спасибо, Володя. Только не скрывай ты отъ меня и скажи: плохъ я?

— Пока ничего, но только состояніе ваше серьезно...

— Поправиться возможно?.. Знаешь ли, безсонница меня одолѣваетъ...

— Вотъ принимайте это лѣкарство!—проговорилъ врачъ, подавая рецептъ.

— А затѣмъ еще одна просьба!—началъ полковникъ.— Будешь ты меня лѣчить... ѣздить ко мнѣ, а?..

— Я, дядя, избѣгаю практики...

— Прошу тебя...

Онъ проговорилъ просьбу умоляющимъ голосомъ.

— Извольте. Я буду ѣздить.

— Спасибо! Ну, теперь позволь, Володя, тебя поблагодарить, какъ паціентъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, отводя руку полковника, и сказалъ:

— Не надо... прошу васъ, не надо...

«Глупый парень!»—подумалъ полковникъ, пожимая руку племяннику.

— Ну, по крайней мѣрѣ, какъ ко мнѣ станешь ходить, будешь брать...

— На извозчика, дядя...

Полковникъ покачалъ головой и, выходя на улицу, задумчиво прошепталъ:

«Честный парень... Славный парень... Только долго ли онъ будетъ такимъ!»

Грустный, вернулся онъ домой. Положеніе серьезное, необходимъ покой...

— Господи, да гдѣ же его найти?—не разъ вздыхалъ полковникъ, просыпаясь по ночамъ въ испугѣ... Ему все чудилось, что ломятся къ нему въ дверь. Люди такіе подлецы и такъ вѣдь зарятся на чужое добро!

Уже нѣсколько разъ звонили, а полковникъ не слыхалъ, погруженный въ мысли, навѣянныя ему его бухгалтерской книгой. Наконецъ звонокъ раздался сильнѣй. Полковникъ вздрогнулъ, съ трудомъ поднялся съ кресла и поплелся на кухню.

— Степанида! Оглохла! Звонятъ... Да не забудь, старая... Сперва спроси, кто...

— Не забуду!—прохрипѣла старуха, торопливо направляясь къ дверямъ.

Она пріотворила двери, не снимая толстой желѣзной цѣпи, и спросила, какъ доложить.

— Подайте лучше карточку!

Степанида отнесла полковнику карточку.

— Пусти... проси въ кабинетъ! — проговорилъ полковникъ въ необыкновенномъ волненіи.

Въ кабинетъ быстро вошелъ толстенькій, кругленькій господинъ съ брюшкомъ и лысой головой. Это былъ господинъ Сивковъ, агентъ сыскной полиціи и повѣренный полковника.

— Ну, что?.. Удачно ли съѣздили, Антонъ Ивановичъ?— спрашивалъ полковникъ, со страхомъ посматривая въ лицо господина Сивкова.

— Никакихъ слѣдовъ. Я нигдѣ не могъ найти дочери Ѳомы... Она словно въ воду канула... Вчера только вернулся.

Старикъ мрачно опустилъ голову.

— Значитъ, надежды никакой?..

— Подождите еще, Иванъ Алексѣевичъ, отчаиваться...

— Три мѣсяца, сударь, жду...

— Такія дѣла, батенька, и дольше заставляютъ ждать... Посмотримъ, что̀ на̀ судѣ окажется.

— Такъ неужели вы думаете, что Трамбецкій укралъ мои деньги?..

— Ни мало не думаю... Тутъ Трамбецкій невинная жертва и больше ничего... Того и гляди умретъ въ домѣ предварительнаго заключенія до суда.

— А развѣ онъ плохъ?..

— Очень... Только-что сейчасъ видѣлся съ его адвокатомъ. Говоритъ: совсѣмъ плохъ... Только еще свиданія съ сыномъ поддерживаютъ бѣднягу да надежда, что какой-то его пріятель откроетъ это таинственное дѣло...

— Никольскій?..

— А вы какъ знаете?

— Этотъ господинъ былъ у меня вскорѣ послѣ покражи... Интересуется очень дѣломъ.

— Наврядъ ли только онъ успѣетъ. Ужъ если я ничего не могъ узнать, то что̀ можетъ сдѣлать этотъ господинъ Никольскій...

— Нечего сказать, порядки у насъ! У человѣка среди бѣлаго дня крадутъ сто тысячъ и не могутъ найти...

— Еще подождите, не печальтесь, Иванъ Алексѣевичъ.

Сивкову легко было говорить: «не печальтесь», а каково было полковнику слушать?

Въ самомъ дѣлѣ, исторія покражи ста тысячъ до сихъ поръ нисколько не выяснилась. Трамбецкій продолжалъ отрицать свою виновность, и слѣдователь не могъ отъ него добиться никакихъ указаній, которыя бы пролили свѣтъ на это загадочное дѣло.

Тѣмъ не менѣе Трамбецкаго держали подъ арестомъ и не соглашались даже выпустить изъ тюрьмы на поруки.

Улики противъ Трамбецкаго были настолько полновѣсны, что, несмотря на нравственное убѣжденіе слѣдователя въ невинности Трамбецкаго, прокурорскій надзоръ предалъ его суду, и газеты уже извѣстили о днѣ, назначенномъ для слушанія этого таинственнаго дѣла, съ различными, болѣе или менѣе пикантными подробностями.

Полковникъ обѣщалъ г. Сивкову двадцать пять тысячъ въ

случаѣ отысканія денегъ, и ловкій сыщикъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы получить обѣщанный кушъ, но всѣ его старанія до сихъ поръ были безплодны.

Изъ найденной въ карманѣ Ѳомы записки видно было, что у Ѳомы есть дочь.

Г. Сивковъ узналъ, что дѣйствительно у лакея полковника есть незаконная дочь, которую Ѳома очень любилъ, но разыскать ее онъ не могъ, какъ не могла и судебная власть.

Г. Сивковъ однако не терялъ надежды и утѣшалъ полковника, когда раздался рѣзкій звонокъ, и старуха подала полковнику клочокъ бумажки, на которой было написано: «Петръ Николаевичъ Никольскій проситъ свиданія по дѣлу Трамбецкаго».

— Проси! Быть-можетъ, Никольскій былъ счастливѣе!— проговорилъ полковникъ.

Толстенькій господинъ только презрительно усмѣхнулся въ отвѣтъ на замѣчаніе полковника.

Жаднымъ взглядомъ впился полковникъ въ молодого человѣка, когда онъ, послѣ безмолвнаго рукопожатія, опустился въ кресло у письменнаго стола, напротивъ полковника. Только напрасно старикъ надѣялся прочесть что-нибудь на утомленномъ лицѣ Петра Николаевича. Оно было холодно и безстрастно.

Молодой человѣкъ обвелъ взглядомъ кабинетъ и только-что замѣтилъ притаившуюся въ темномъ углу кабинета толстую маленькую фигуру г. Сивкова. Передъ входомъ молодого человѣка сыщикъ пересѣлъ подальше отъ свѣта. Никольскій взглянулъ въ уголъ нѣсколько разъ, и чуть замѣтная судорога скользнула по его лицу.

И господинъ Сивковъ въ свою очередь пристально разглядывалъ молодого человѣка изъ своего убѣжища. Лицо Никольскаго напомнило сыщику что-то знакомое, и, вглядываясь въ профиль молодого человѣка (Никольскій повернулъ голову), г. Сивковъ припоминалъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ съ нимъ встрѣчался.

А что встрѣчался — это несомнѣнно. Эти вьющіеся непокорные бѣлокурые волосы и шрамъ у виска онъ очень хорошо помнитъ!..

— Давно изволили вернуться въ Петербургъ?—заговорилъ наконецъ полковникъ, томимый любопытствомъ.

— Сейчасъ только!

— Откуда?

— Изъ разныхъ мѣстъ!

— Ну, и успѣшно съѣздили?

Никольскій молчалъ.

— Вы, господа, незнакомы? — спохватился полковникъ. — Мой повѣренный, г. Сивковъ! Господинъ Никольскій!

Оба гостя поднялись и поклонились, но руки другъ другу не подали.

— Мы, кажется, гдѣ-то встрѣчались!—проговорилъ г. Сивковъ, вставая съ мѣста и приближаясь къ столу. — Кажется, встрѣчались?

— Я не помню. Впрочемъ, можетъ-быть... Въ Петербургѣ такъ легко встрѣтиться!

— Ваше лицо, г. Никольскій, кажется мнѣ знакомымъ... А впрочемъ, быть-можетъ, меня обманываетъ сходство съ кѣмъ-нибудь. Это бываетъ!—поспѣшилъ прибавить г. Сивковъ, добродушно посматривая на молодого человѣка.

— Да, бываетъ! — промолвилъ равнодушнымъ тономъ Никольскій.

— Однако хорошъ я!—спохватился вдругъ Сивковъ. — Засидѣлся у васъ и забылъ, что мнѣ къ одиннадцати часамъ надо въ одно мѣсто. Эге, половина одиннадцатаго!—удивился онъ, взглянувъ на часы.—До пріятнаго свиданія, Иванъ Алексѣевичъ! Ужо вечеркомъ заверну, а пока не тревожьтесь понапрасну, право, не тревожьтесь. Богъ дастъ, вора-то настоящаго мы найдемъ. Онъ и не ждетъ, какъ мы его накроемъ...

Сивковъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ при этихъ словахъ. Онъ опять пристально взглянулъ на молодого человѣка и, опуская глаза подъ встрѣчнымъ взглядомъ Никольскаго, проговорилъ:

— Позвольте спросить, какъ здоровье г. Трамбецкаго?

— Ничего себѣ...

— А я такъ слышалъ, что плохо... Впрочемъ, вамъ лучше знать. Онъ, кажется, вашъ пріятель? Мое почтеніе!—прибавилъ онъ, уходя изъ кабинета.

«Странная встрѣча! — проговорилъ Сивковъ, очутившись на улицѣ. — Лицо это почему-то мнѣ очень памятно, но почему?»

Онъ припоминалъ, но не могъ припомнить и, какъ мастеръ своего дѣла, рѣшилъ теперь же прослѣдить за молодымъ человѣкомъ.

«Иногда неожиданно нападешь на что-нибудь чрезвычайно любопытное!»—усмѣхнулся Сивковъ, останавливаясь на углу Большого проспекта.

Когда за Сивковымъ затворились двери кабинета, Петръ Николаевичъ началъ:

— Поиски мои были неудачны, Иванъ Алексѣевичъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ неудачны... У меня кое-что есть.

— Что... что такое?..

— Я ничего не отвѣчу на вашъ вопросъ. Это кое-что слишкомъ неопредѣленное... А пока я пришелъ къ вамъ съ просьбой. Не можете ли показать мнѣ книгу вашихъ должниковъ?

— Зачѣмъ вамъ? Эту книгу нѣсколько разъ ужъ смотрѣли. И слѣдователь смотрѣлъ, и Сивковъ смотрѣлъ, да только все безъ толку.

— Быть-можетъ, полковникъ, я просмотрю съ толкомъ...

— Самонадѣянны вы, молодой человѣкъ!..

— Вѣдь вамъ все равно, полковникъ? Позвольте взглянуть! Кто знаетъ, пожалуй, я буду счастливѣе слѣдователя и вашего повѣреннаго г. Сивкова... Онъ присяжный повѣренный?

— Какое! Онъ просто агентъ сыскной полиціи...

— Вотъ какъ!

— Мнѣ рекомендовали его, какъ превосходнаго сыщика.

— И что же сдѣлалъ вашъ превосходный сыщикъ?—усмѣхнулся Петръ Николаевичъ.

— То-то и есть, что ничего. Ѣздилъ разыскивать дочь этого мерзавца Ѳомы и вернулся съ пустыми руками. Кажется, пропали мои денежки! Нечего сказать, порядки у насъ! Хороши порядки! Хороша сыскная часть! Просто Азія какая-то!

Полковникъ, разъ сѣвъ на своего конька, нескоро останавливался. Съ тѣхъ поръ, какъ украли у него сто тысячъ, онъ сталъ чаще нападать на порядки. Онъ и прежде не вполнѣ доволенъ былъ ими, но теперь негодованію его не было границъ.

— Никто ни за чѣмъ не смотритъ! Вездѣ продажные люди... Свое добро нельзя вернуть съ какого-нибудь мошенника, прикрытаго формой...

Не безъ улыбки слушалъ Никольскій ламентаціи старика и, когда тотъ кончилъ, снова повторилъ просьбу просмотрѣть книгу полковника.

— Пожалуй, смотрите! Только едва ли вы что-нибудь найдете въ ней, молодой человѣкъ... Нѣкоторые господа, записанные въ моей книгѣ, пожалуй, непрочь надуть или подложный бланкъ поставить...

— А украсть?—перебилъ Никольскій.—Какъ вы объ этомъ думаете?

— Слишкомъ дерзкая кража... Тутъ смѣлость нужна...

— А между ними развѣ смѣлыхъ нѣтъ? Смѣлые люди вездѣ попадаются, полковникъ!

Петръ Николаевичъ со вниманіемъ перелистывалъ гроссъбухъ полковника и особенно тщательно выписывалъ сроки векселей. Таинственные знаки были ему непонятны.

Злая, ядовитая усмѣшка искривила губы молодого человѣка, когда онъ выслушалъ характеристики старика.

«Вотъ ихъ подлинная исторія. И есть еще болваны, которые на нихъ надѣются! Чего можно ждать отъ этого вырождающагося класса... Чего?»

— Однако, полковникъ, вы точно Пименъ Пушкина... Спокойно зрите на правыхъ и виновныхъ... У васъ вотъ тутъ, — прибавилъ онъ, кивая косматой головой:—настоящая лѣтопись.

— Всего есть, молодой человѣкъ. Надѣюсь, что вы не употребите во зло моего довѣрія.

— Еще бы! Я, полковникъ, шантажемъ не занимаюсь! — усмѣхнулся Никольскій.—До свиданія!

— Ну, дай вамъ Богъ успѣха. Если вы будете счастливы и разыщете мои деньги, то я готовъ извѣстную часть...

— Не обѣщайте никакой части...

— Вы отказываетесь?

— А что̀?

— Нѣтъ, я такъ... Странно...

— Вы помните, полковникъ, шекспировскія слова: «Есть много, другъ Гораціо»; и такъ далѣе. Я ввязался въ это дѣло больше по глупости!—улыбнулся Никольскій.

— Какъ по глупости?

— Да такъ, просто по глупости. Жаль человѣка, хоть и пустого, а все человѣка. Вѣдь, пожалуй, его и dahin за то, что сыскная часть-то несовершенна. По ошибкѣ!.. Ужъ вы на судѣ-то, полковникъ, пожалѣйте бѣднягу...

— Хорошій ли у него адвокатъ?

— Адвокатъ хорошій, но вѣдь все въ руцѣ Божіей...

Никольскій простился со старикомъ, а полковникъ въ раздумьѣ проговорилъ:

— Странный, очень странный этотъ молодой человѣкъ!

II.

Въ театрѣ.

Вечеромъ 21-го сентября красивая голубая зала Маріинскаго театра представляла необычайное зрѣлище.

Давалась русская пьеса, а между тѣмъ блестящее, избранное общество, никогда не показывающееся въ русскомъ театрѣ, наполняло нижніе ярусы ложъ и первыхъ рядовъ креселъ.

Въ партерѣ мелькали звѣзды, генеральскіе эполеты, аристократическія благоуханныя лысины, аксельбанты и фраки. Извѣстные всему Петербургу дѣльцы, журналисты, адвокаты, чиновники были здѣсь. Бель-этажъ сіялъ свѣжестью и роскошью дамскихъ нарядовъ, блескомъ брильянтовъ, сверкающей бѣлизной голыхъ плечъ и наведеннымъ на щекахъ румянцемъ.

Обычная бенефисная публика русскихъ спектаклей исчезла среди блеска изящныхъ туалетовъ, расчесанныхъ затылковъ, вырѣзныхъ жилетовъ и сдержаннаго французскаго говора.

Въ бенефисъ премьера русской сцены шло первое представленіе трагедіи извѣстнаго писателя, принадлежавшаго къ аристократическому кругу.

Пьеса возбуждала ожиданія. Какъ говорили тогда, она явилась на сценѣ благодаря лишь аристократическому имени автора. Онъ самъ ставилъ пьесу. Обстановку обѣщали невиданную еще при исполненіи русскихъ пьесъ. Высокопоставленныя особы обѣщали быть въ театрѣ.

Ровно въ семь часовъ взвился занавѣсъ. Сдержанный шумъ театральной залы мало-по-малу смолкалъ. Всѣ глаза устремились на сцену.

Незамѣтно вошла Валентина въ крайній бенуаръ, тихо опустилась у барьера и стала глядѣть на сцену. Вслѣдъ за ней вошелъ Савва Лукичъ и сѣлъ сзади. Валентина повернула вполоборота головку, что-то шепнула, улыбаясь обворожительной своей улыбкой, и Савва Лукичъ покорно пересѣлъ впередъ. Изъ третьяго ряда креселъ Евгеній Николаевичъ навелъ на Валентину бинокль и быстро опустилъ его, усмѣхнувшись довольной улыбкой. При появленіи Валентины, дамы сосѣдней ложи переглянулись, пожали плечами и вздохнули. Мужчины изъ ближайшихъ креселъ на время отвели глаза отъ сцены, посматривая на хорошенькую женщину, разорявшую милліонера Савву и щеголявшую нарядами и безумной роскошью.

Изъ крайней ложи бель-этажа на Валентину направился биноклъ. Ея превосходительство Анна Петровна Кривская внимательно осматривала Валентинины брильянты и недовольно покачала головой, поворачиваясь къ сценѣ.

Сдержанный шумъ, точно шумъ замирающей волны, пронесся по залѣ, когда послѣ перваго акта спустился занавѣсъ. Въ проходѣ толпилась публика, медленно пробираясь къ вы-

ходу. На женскихъ лицахъ появились улыбки. Можно было разсматривать свободно другъ друга и не стѣсняться дѣлать замѣчанія.

«Хрисашка», тотъ самый Хрисашка, который не забылъ Леонтьевскаго обѣда, сидѣлъ въ бенуарѣ напротивъ Леонтьева въ обществѣ нѣсколькихъ инженеровъ и весело улыбался. Красное лицо его, еще болѣе раскраснѣвшееся отъ духоты и газа, сіяло необыкновеннымъ довольствомъ. Онъ указалъ инженерамъ на Валентину и проговорилъ:

— Околдовала Савву-то дамочка. Совѣсть потерялъ человѣкъ... Еще впередъ лѣзетъ!

— Разоряетъ его, говорятъ, эта барыня...

— Скоро совсѣмъ Саввѣ Лукичу конецъ! — прохрипѣлъ Хрисашка, выходя изъ ложи.

Партеръ снова сталъ наполняться. Впереди у барьера стояла толпа. На Валентину обратили вниманіе.

— Кто это?

— Развѣ не знаете?.. Трамбецкая...

— Прелестная женщина...

— Только кусается... Она, говорятъ, стоитъ Леонтьеву!

— Мужикъ не глупъ, оказывается!

— Да... Но только развѣ вы не слыхали, онъ наканунѣ банкротства?

— Не можетъ быть! Онъ на-дняхъ получаетъ концессію.

— Кажется, Сидоровъ ее получитъ...

— Нѣтъ!.. Она обѣщана Леонтьеву.

— Посмотрите, какимъ Отелло сидитъ мужикъ. Онъ, говорятъ, бьетъ прелестную малютку...

— Бьетъ?.. Что вы! Напротивъ, говорятъ, она его къ себѣ не пускаетъ и позволяетъ любить только платонически...

Валентина смотрѣла въ партеръ, счастливая, что на нее обращены бинокли изъ партера и ложъ. Дамы разглядываютъ ее и отворачиваются съ гримасками. Мужчины, напротивъ, пожираютъ изящное маленькое созданіе. Костюмъ на ней скромный: она вся въ черномъ, съ брильянтами въ ушахъ и брильянтовой діадемой на изящной головкѣ. Закрытое платье придаетъ еще болѣе пикантности ея пышному, гибкому стану, оставляя просторъ воображенію. Она лѣниво обмахивается вѣеромъ и жмуритъ глаза отъ удовольствія и блеска. Черный цвѣтъ удивительно идетъ къ ней, оттѣняя матовую бѣлизну и нѣжность кожи.

Она замѣтила въ партерѣ Евгенія Николаевича, навела на него бинокль и едва замѣтно кивнула.

— Ты кому это?—спрашиваетъ Савва.

Онъ смотритъ на Валентину глазами, налитыми кровью, и въ то же время робѣетъ передъ этимъ красивенькимъ звѣркомъ.

— Знакомому!—смѣется Валентина.

Савва только багровѣетъ, молча глотаетъ насмѣшку и разсѣянно смотритъ кругомъ. А вотъ и Хрисашка здѣсь. Отчего подлецъ этотъ такой веселый?

Онъ отвелъ глаза и взглянулъ наверхъ. Въ бель-этажѣ сидѣла ея превосходительство Анна Петровна съ дочерьми. Савва замѣтилъ Кривскихъ и сказалъ:

— Кривскіе здѣсь, Валентина.

— А ваша дочь?

— Кажется, нѣтъ,—вздохнулъ Савва.

Опять смолкъ говоръ. Начался второй актъ.

Но Савва ничего не видитъ. Ему не до пьесы. Ревность не даетъ ему покоя и пожираетъ его. Онъ «влопался» въ малютку, она дразнитъ его и вотъ уже двѣ недѣли какъ не принимаетъ Савву по вечерамъ... Приметъ ли сегодня? А онъ ли не тѣшитъ ее? Онъ ли не сыплетъ деньги къ ея ногамъ?

Онъ отводитъ глаза отъ малютки и разсѣянно глядитъ въ партеръ.

Но чего Хрисашка радуется?

«Ужо погоди... Еще недѣльку ждать, всего недѣльку,—и ты лопнешь съ зависти!..»

А вопросъ для Саввы былъ рѣшительный. Онъ хорошо понималъ, что безъ концессіи онъ погибъ. Дѣла его шли хуже и хуже; къ тому же Валентина стоила безумныхъ денегъ. Но Савва точно опьянѣлъ отъ близости къ этой кроткой малюткѣ, казалось, забылъ счетъ деньгамъ, не понималъ своего положенія и не замѣчалъ, что надъ нимъ собирается гроза. Если бы онъ обладалъ болѣе тонкимъ чутьемъ, то замѣтилъ бы, что прихлебатели не такъ уже гнули спину передъ нимъ и на биржѣ не такъ здоровались съ нимъ, какъ прежде. Едва уловимое злорадство сквозило въ отношеніяхъ къ склонявшейся звѣздѣ.

Въ антрактѣ въ ложу къ Аннѣ Петровнѣ вошелъ Никольскій.

Анна Петровна была очень авантажна. Подрумяненная, съ подведенными бровями, въ прелестномъ нарядѣ, она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ. Кокетливо улыбнулась она, пожимая значительно руку Никольскаго, и, усаживаясь съ нимъ на маленькомъ диванѣ аванложи, томно шепнула:

— Наконецъ-то!.. Я думала, что вы не заглянете къ намъ. Какъ вамъ нравится пьеса?..

— Недурна...

— Да... очень... Сегодня здѣсь можно быть... Порядочное общество. Послушайте, Никольскій, вашъ Леонтьевъ съ ума сошелъ... Вѣдь это ни на что не похоже показываться съ этою тварью... Когда же наконецъ мы образумимъ эту женщину! Она разоряетъ мужика, а онъ вѣдь до сихъ поръ отдалъ Борису только 300.000. На-дняхъ обѣщаетъ дать 500.000. Повидимому, дѣла его очень плохи... Правда ли это?

— Говорятъ.

— Пора кончить, Евгеній Николаевичъ!—шепнула Анна Петровна.

— Скоро все кончится!—значительно проговорилъ Никольскій, давая мѣсто какому-то генералу.

Онъ спустился внизъ, встрѣтилъ Савву, бесѣдующаго съ Хрисашкой, и прошелъ къ ложѣ Валентины. Онъ тихо постучалъ. Она подошла къ дверямъ.

— Ну, милая женщина, сегодня кончайте съ мужикомъ. Скоро отъ него останутся одни перышки...

Въ отвѣтъ Валентина кротко улыбнулась, махнувъ головкой.

— Завтра я буду у васъ. Addio, прелестная малютка! желаю вамъ успѣха... Впрочемъ, развѣ въ этомъ можно сомнѣваться, глядя на васъ?

Не въ духѣ пришелъ Савва въ ложу. Хрисашка что-то черезчуръ былъ любезенъ и лебезилъ передъ Леонтьевымъ. Онъ сѣлъ угрюмый. Мрачныя мысли лѣзли ему въ голову.

— Что съ вами?—нѣжно спросила Валентина.

— Такъ... голова болитъ...

— Вы сердитесь?..

Она такъ взглянула на Савву, что Савва только пробормоталъ:

— Да развѣ на тебя можно сердиться? Ты изъ меня вѣдь веревки вьешь! Ты на меня только не сердись...

— Я не сержусь и въ доказательство... поѣдемъ послѣ театра ко мнѣ... Мы будемъ ужинать вдвоемъ... хотите?—прибавила она беззвучнымъ шопотомъ, обжигая мужика страстнымъ взглядомъ.

Хочетъ ли онъ?

Онъ весь просіялъ, встряхнулъ своими кудрями и бросился бы къ ногамъ Валентины тутъ же въ аванложѣ, если бы она не поспѣшила сѣсть на свое мѣсто.

Началось третье дѣйствіе.

Ропотъ театральной залы мгновенно стихъ, когда медленно поднялся занавѣсъ. Сцена сразу приковала вниманіе зрителей.

Въ полутемной горницѣ, уставленной образами, чуть-чуть склонивъ задумчиво голову, сидѣлъ въ креслѣ съ высокой спинкой худой, дряхлый, изможденный грозный царь, слушая монотонное чтеніе синодика.

Лицемѣрнымъ смиреніемъ и спокойствіемъ дышала мрачная фигура Грознаго, и только судорожное движеніе костлявой руки по ручкѣ кресла обличало внутреннее волненіе. При нѣкоторыхъ именахъ своихъ жертвъ старикъ, вздрагивая, поднималъ голову. Изъ темныхъ впадинъ сверкалъ взглядъ хищнаго звѣря. Что-то идіотски-злобное было въ выраженіи мрачнаго лица аскета. Затѣмъ снова потухалъ взоръ, голова склонялась на грудь, и дряхлый, изможденный старикъ казался погруженнымъ въ раздумье.

Артистъ, игравшій Грознаго, былъ великолѣпенъ въ этой сценѣ. Характеръ царя былъ переданъ имъ художественно; видно было, что превосходный актеръ глубоко вдумался въ роль и если не провелъ ее всю съ артистической художественностью, то въ этомъ виноватъ былъ недостатокъ внѣшнихъ средствъ, а не таланта.

Въ то время, какъ зрители, притаивъ дыханіе, смотрѣли на сцену, двери ложи Анны Петровны тихо скрипнули. Вошелъ его превосходительство Сергѣй Александровичъ и тихо опустился на стулъ сзади жены.

Анна Петровна повернула голову. Хотя лицо его превосходительства, по обыкновенію, было серьезно и спокойно, но Анна Петровна замѣтила, какъ вздрагивала верхняя губа его превосходительства и судорожно двигались скулы. Анна Петровна, хорошо изучившая характеръ мужа, тотчасъ угадала, что Сергѣй Александровичъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Что̀ такъ поздно? — прошептала она, тревожно вглядываясь въ мужа.

— Раньше не могъ.

Анна Петровна хотѣла-было продолжать разговоръ, но его превосходительство, улыбаясь, показалъ головой на сцену, и Анна Петровна обратилась къ сценѣ.

«Что̀ могло случиться?»—думала она, разсѣянно глядя на сцену, гдѣ въ эту самую минуту грозный царь только-что пригвоздилъ посохомъ ногу посланца Курбскаго и, дрожа отъ гнѣва, прочитывалъ обличительное посланіе князя.

Что̀ могло такъ взволновать мужа? Кажется, онъ въ ми-

лости и еще три дня тому назадъ удостоился рѣдкой чести запросто обѣдать у его свѣтлости.

Сергѣй Александровичъ внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣйствія. Грустная улыбка скользила по его лицу. Онъ видѣлъ на сценѣ, какъ перемѣнчиво человѣческое счастье, и трепеталъ за свое. Конечно, онъ много послужилъ на своемъ вѣку, вблизи отъ его свѣтлости, но власть имѣетъ неотразимую прелесть. Быть сегодня у власти, а завтра остаться въ забытомъ почетѣ, — это было черезчуръ тяжело для его превосходительства. Онъ слишкомъ свыкся съ властью, слишкомъ избалованъ милостями его свѣтлости, привыкъ направлять свою ладью съ искусствомъ опытнаго кормчаго — и вдругъ...

Это было такъ неожиданно, такъ странно, что его превосходительство, глядя на сцену, снова припоминалъ до малѣйшихъ подробностей то роковое предостереженіе, которое сегодня получилъ отъ судьбы, никакъ не ожидая его...

Онъ хорошо зналъ, что̀ значило это предостереженіе. Недаромъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей характеръ его свѣтлости, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго онъ такъ освоился съ прелестью власти.

Онъ все-таки недоумѣвалъ, что̀ значила внезапная немилость. Вчера еще при докладѣ его осчастливили ласковымъ словомъ, а сегодня его неожиданно потребовали къ его свѣтлости, и только-что его превосходительство вошелъ и взглянулъ послѣ глубокаго поклона на князя, какъ сразу понялъ, что въ мягкомъ взглядѣ его свѣтлости уже нѣтъ тѣхъ согрѣвающихъ лучей, которые вызывали улыбку счастія на лицѣ его превосходительства.

Обращеніе было попрежнему мягкое, ласковое, его превосходительству подали руку, но что-то едва замѣтное только для такого опытнаго человѣка, какъ Кривскій, легло между его свѣтлостью и его совѣтникомъ. Это «что-то» виднѣлось въ глазахъ, сказывалось въ тонѣ, звучащемъ какой-то недовольной ноткой, въ нерѣшительности и какой-то особенной деликатности, съ которой его свѣтлость изволилъ усадить старика въ своемъ кабинетѣ, какъ бы ободряя и себя и его передъ предстоящимъ объясненіемъ.

Невольно его превосходительство вдругъ сдѣлался необыкновенно серьезенъ. Съ особенной почтительностью еще разъ глубоко склонилъ голову передъ тѣмъ какъ сѣсть и, замирая не столько отъ страха, сколько отъ возможности потерять благосклонность своего благодѣтеля, онъ только въ эту ми-

нуту понялъ, какъ привлекательна власть, какъ тяжело было бы лишиться возможности быть близкимъ къ его свѣтлости, и какъ можетъ судьба въ одинъ мигъ сдѣлать человѣка глубоко-несчастнымъ.

Еще его свѣтлость не объяснилъ, зачѣмъ пригласилъ его превосходительство, а Кривскій уже увидѣлъ, что его пригласили для непріятнаго объясненія, и когда услыхалъ мягкій голосъ, звучащій еще мягче въ обширномъ кабинетѣ, полномъ мягкой мебели и ковровъ, и замѣтилъ взглядъ, обращенный не на него, а на бумаги, то, наклонивъ почтительно голову, понялъ, что имъ серьезно недовольны.

«За что?»

— Я позвалъ васъ, Сергѣй Александровичъ, не въ урочный часъ, нѣсколько удивленный, что не отъ васъ, а отъ другого лица получилъ весьма непріятное извѣстіе о происшествіи въ нашемъ вѣдомствѣ. Посмотрите!—Съ этими словами его свѣтлость чуть-чуть отодвинулъ отъ себя бумагу.

Его превосходительство прочиталъ, и смертная блѣдность покрыла его лицо.

— Вы знали о немъ?..

— Зналъ, ваша свѣтлость...

— И не доложили?

— Я полагалъ завтра, при докладѣ...

Отвѣта нѣтъ. Глаза его свѣтлости опущены внизъ.

— Происшествіе очень важное, и мнѣ бы не мѣшало знать о немъ отъ васъ раньше, чѣмъ я узналъ отъ другихъ, чтобы донести его высочеству!

Важное ли происшествіе? Едва ли? Но его свѣтлость говоритъ, что важное, и его превосходительство вдругъ чувствуетъ, что онъ дѣйствительно совершилъ ужасное преступленіе. Не онъ ли умѣлъ приноравливаться къ настроенію непосредственнаго своего начальника?

Дѣйствительно онъ промахнулся,—промахнулся ужасно. Но неужели за это старика обидятъ?.. Нѣтъ. Тутъ, разумѣется, кроется интрига.

Его свѣтлость князь Леонидъ Андреевичъ Рязанскій поднялъ на Кривскаго глаза и тотчасъ же опустилъ ихъ, замѣтивъ, какъ взволнованъ былъ старикъ.

Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ его превосходительство просилъ милостиво простить его и не считать его «дѣйствительно важную» ошибку за преднамѣренное утаиваніе. Онъ такъ обласканъ, свыше заслугъ, милостями князя, что одна мысль о немилости повергнетъ его въ величайшее горе.

— Я, ваша свѣтлость, уже старъ... Здоровье мое раз-

строено, и если только вашей свѣтлости угодно будетъ предоставить другому...

Тутъ голосъ старика задрожалъ, и онъ отъ волненія не могъ продолжать начатой рѣчи.

Князь Леонидъ Андреевичъ поднялся съ кресла, протянулъ руку и тихо привлекъ старика къ себѣ, обнимая его другой рукой. Самъ разстроенный при видѣ разстроеннаго старика, съ влажными глазами, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я не имѣлъ и мысли обидѣть васъ, дорогой Сергѣй Александровичъ. Я слишкомъ довѣряю вамъ, имѣвъ случай оцѣнить въ васъ преданнаго и опытнаго чиновника...

Его превосходительство чутко слушалъ. Еще надежда, казалось, звучала въ милостивыхъ словахъ князя. Вотъ-вотъ сію минуту князь скажетъ, что никакъ не можетъ остаться безъ его совѣтовъ.

Его превосходительство пережилъ мучительныя секунды паузы, пока снова не раздался мягкій голосъ:

— Но если вы въ самомъ дѣлѣ, дорогой Сергѣй Александровичъ, хотите отдохнуть и поправить разстроенное въ трудахъ ваше здоровье, то какъ мнѣ ни тяжело, но я готовъ буду исполнить ваше желаніе, въ надеждѣ, что, укрѣпивъ свое здоровье, вы снова дадите мнѣ случай воспользоваться вашей опытностью и совѣтами, оставаясь всегда моимъ вѣрнымъ, испытаннымъ другомъ...

При этихъ словахъ князь Леонидъ Андреевичъ поцѣловалъ его превосходительство. Старикъ былъ убитъ. Безмолвно стоялъ онъ, склонивъ голову. Слезы блестѣли въ его глазахъ.

Онъ чувствовалъ, что все кончено. Власть деликатно вырываютъ изъ его рукъ.

— Вы подумайте, подумайте, Сергѣй Александровичъ. Пока все остается по-старому!—проговорилъ князь, снова обнимая старика.

Старикъ тихо вышелъ изъ кабинета.

Но о чемъ думать? Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Надо подавать просьбу объ увольненіи. Надо, надо, надо!

Его превосходительство смотрѣлъ на сцену и недоумѣвалъ, чья интрига пошатнула его положеніе. Кто заступитъ его мѣсто? Развѣ дѣйствительно все потеряно?.. Онъ нарочно пріѣхалъ въ театръ, чтобы повидаться съ Викторомъ Павловичемъ, разузнать, въ чемъ дѣло и чѣмъ недовольны имъ.

Занавѣсъ опустился. Раздались громкіе, единодушные аплодисменты.

Вызывали автора, вызывали талантливаго артиста. Снова

заволновался партеръ, и любопытные взоры обратились къ директорской ложѣ, откуда раскланивался съ публикой авторъ. При появленіи автора аплодисменты увеличились. Дамы аплодировали изъ ложъ. Прошло пять минутъ, пока не успокоилась публика.

Толпа партера, перебрасываясь замѣчаніями о пьесѣ, хлынула къ выходу. Въ залѣ было душно и жарко.

— Ты здоровъ?—спросила встревоженная Анна Петровна.

— Ничего, по обыкновенію, а что̀?

— Такъ, мнѣ показалось, что ты разстроенъ. Развѣ какія-нибудь непріятности?

— Да... нѣтъ... Впрочемъ, непріятности — неизбѣжные спутники нашего положенія... Надоѣло все это... Пора отдохнуть!

Кривскій говоритъ лѣниво, какимъ-то загадочнымъ тономъ, и Анна Петровна сообразила, что случилось нѣчто серьезное. Но что̀ именно? Она сейчасъ это узнаетъ. Въ ложу вошелъ Никольскій.

— А! И вы здѣсь, молодой человѣкъ!—проговорилъ, щуря глаза, Кривскій, лѣниво протягивая секретарю руку.—Что̀, Викторъ Павловичъ здѣсь?

— Здѣсь!—отвѣчалъ Никольскій, почтительно пожимая руку его превосходительства.

— Гдѣ онъ сидитъ?

— Въ бенуарѣ подъ вашей ложей.

— Не замѣтили нумера?

— Четырнадцатый.

— Спасибо, молодой человѣкъ. Понравилась пьеса?.. А вамъ какъ?—обратился онъ къ дочерямъ.—Пьеса очень хорошо написана, очень хорошо... Ну, я пойду къ Виктору Павловичу...

И затѣмъ его превосходительство, обратившись къ Евгенію Николаевичу, проговорилъ:

— Кстати, Евгеній Николаевичъ. Потрудитесь завтра быть у меня къ девяти часамъ и привезите съ собой записку, о которой я вчера говорилъ. Надѣюсь, она готова?

— Готова-съ.

— То-то!—вдругъ почему-то прибавилъ Кривскій сухимъ, повелительнымъ тономъ, какъ бы чувствуя потребность позволить себѣ эту роскошь именно теперь, наканунѣ паденія.

По коридору ходили группами. Два свитскихъ генерала, остановившись въ сторонѣ, оживленно разговаривали. Въ отрывистыхъ рѣчахъ слышалось имя Кривскаго. Въ фойе и въ партерѣ уже передавали извѣстія объ отставкѣ его пре-

восходительства. Въ антрактѣ кто-то сообщилъ о новости, и новость облетѣла весь театръ съ быстротою молніи.

«Отчего?»—«Что за причина?»—«Правда ли?»—«Не можетъ быть!»—«Никто ничего не зналъ!»—«Пора старику на покой, засидѣлся!»—«Онъ мягко стлалъ, но было жестко спать!»—«Кто на мѣсто Кривскаго?» Назвали нѣсколько фамилій. «Пора подтянуть вѣдомство!»—«А развѣ Кривскій?»—«Онъ слишкомъ мягокъ. Намъ надо Бисмарка!»—«Но гдѣ его найдешь?»—«Просто господа, князь недоволенъ Кривскимъ. Хитрый старикъ думалъ, что онъ несмѣняемъ».

Его превосходительство проходилъ, высоко поднявъ голову, по коридорамъ. До него доносились отрывки изъ разговоровъ о немъ. Онъ не обращалъ на нихъ вниманія и ласково кланялся въ отвѣтъ на почтительные поклоны.

При видѣ его превосходительства, попрежнему гордаго, спокойнаго, многіе не повѣрили слухамъ о его паденіи.

«Не можетъ быть. Онъ вовсе не похожъ на опальнаго человѣка. Скорѣй онъ имѣетъ видъ человѣка, получившаго повышеніе!»

— Все вздоръ!..—замѣтилъ какой-то молодой карьеристъ, подходя къ группѣ у барьера:—Кривскій и не думалъ выходить въ отставку. Кто-то сочинилъ, и всѣ повторяютъ.

Но желаніе узнать правду волновало чиновные кружки, и множество лицъ перебывало у Анны Петровны, разсчитывая что-нибудь узнать. Но ловкая женщина съ обычной любезностью принимала знакомыхъ, съ особеннымъ увлеченіемъ расхваливала пьесу и, казалось, была сегодня удивительно весела.

А между тѣмъ Никольскій уже сообщилъ ей о слухѣ, пробѣжавшемъ въ театрѣ. Волненіе Сергѣя Александровича и слова о томъ, что пора отдохнуть, какъ будто подтверждали его. Правда ли? Нельзя ли помочь?

Она послѣ театра поговоритъ съ мужемъ и завтра поѣдетъ хлопотать. Она знаетъ всѣ лазейки и умѣетъ проскользнуть въ нихъ, защищая интересы дома. О, она знаетъ, чья это интрига. Это интрига Сергѣя Петровича Вяткина. Онъ давно мѣтитъ на мѣсто мужа, и за него хлопочутъ многіе вліятельные люди. Но она знаетъ лучшую тропинку, по которой можно обойти интригу и сохранить за мужемъ мѣсто. Не разъ уже ловкая женщина отклоняла удары. Только зачѣмъ мужъ не сказалъ ей ничего. Кажется, отъ нея скрывать нечего.

Анна Петровна терзалась нетерпѣніемъ узнать наконецъ, въ чемъ дѣло, и оживилась, какъ обыкновенно оживлялась,

какъ только приходилось ей окунуться въ тину интригъ и свѣтскихъ сплетенъ. Она поручила Евгенію Николаевичу разузнать, что̀ говорятъ объ отставкѣ мужа въ театрѣ, и придти въ слѣдующемъ антрактѣ съ отчетомъ. А то мужъ опять ничего не скажетъ, откладывая новость до конца спектакля. Развѣ уѣхать раньше? Боже сохрани!

Его превосходительство въ это время сидѣлъ въ ложѣ у Виктора Павловича. Викторъ Павловичъ Заборовскій былъ стариннымъ его пріятелемъ и занималъ одинаковое съ нимъ положеніе. Онъ всегда держалъ его руку, и ихъ называли неразлучными. Кривскій жадно слушалъ пріятеля.

Викторъ Павловичъ собирался послѣ театра заѣхать къ Сергѣю Александровичу и очень радъ, что встрѣтилъ его въ спектаклѣ. «Не быть здѣсь сегодня нельзя!»—прибавилъ онъ, какъ бы въ объясненіе, что раньше не пріѣхалъ къ Кривскому. Онъ узналъ только часъ тому назадъ отъ графа Короткаго, что противъ Сергѣя Александровича устроена была интрига. Вели ее старикъ Вяткинъ и его компанія, при помощи Надежды Васильевны.

— Вчера нарочно пригласили кнѧзя Леонида Андреевича на домашній концертъ и тамъ убѣдили его, что будто бы вы, Сергѣй Александровичъ, скрываете отъ него всѣ важныя бумаги, получаемыя въ департаментѣ... И въ доказательство старикъ Вяткинъ доложилъ тутъ же князю о томъ пустомъ происшествіи... Вотъ какъ все это случилось!

— Но я сегодня былъ у князя...

— Какъ онъ васъ принялъ?

Его превосходительство разсказалъ.

— Тутъ дѣло не въ томъ глупомъ происшествіи, Сергѣй Александровичъ,—тутъ дѣло поважнѣе.

— Въ чемъ же?

— Хотятъ посадить на ваше мѣсто Стрѣлкова!..—проговорилъ Викторъ Павловичъ, усмѣхаясь.

— Стрѣлкова?.. Но вѣдь это идіотъ!..

— Тсс... Онъ родной дядя Надежды Васильевны. C'est tout dire.

— Хорошъ дѣятель! — презрительно усмѣхнулся Сергѣй Александровичъ.—Хорошъ Бисмаркъ, котораго ищутъ. Послѣ этого... я завтра же подамъ въ отставку... Знать, что васъ смѣняютъ какіе-то Стрѣлковы... выскочки!..

— Не спѣшите...—поспѣшно замѣтилъ Викторъ Павловичъ.—Время будетъ, а до тѣхъ поръ еще мы попытаемся...

И онъ разсказалъ свой планъ. Только надо, чтобы князь никакъ не подумалъ, что на него оказываютъ давленіе. Его

свѣтлость не выноситъ мысли, что кто-нибудь на него вліяетъ. Необходимо, чтобы мысль о невозможности Стрѣлкова явилась какъ бы отъ него.

— Мы поставимъ на ноги старуху Наталью Ивановну. Она поѣдетъ къ княгинѣ... Понимаете?..

Кривскій махнулъ головой.

— А я завтра же мимоходомъ разскажу князю анекдотъ о безкорыстіи Стрѣлкова!..

Его превосходительство слушалъ планъ молча. Вся эта исторія ему вдругъ показалась до-нельзя скверной и грязной. По губамъ его пробѣгала грустная, брезгливая усмѣшка. Онъ всталъ и, пожимая руку пріятеля, проговорилъ:

— Спасибо, мой дорогой Викторъ Павловичъ, за участіе, но знаете ли, что я вамъ скажу? Оставьте вашъ планъ въ сторонѣ.

— Отчего? Неужели вы хотите, чтобы Стрѣлковъ сѣлъ на ваше мѣсто, чтобы такого человѣка, какъ вы, замѣнилъ... проходимецъ?..

— Не стоитъ хлопотать!.. Днемъ раньше, днемъ позже... все равно...

— Какъ все равно?..

— Нынче, милый мой, очередь проходимцевъ... Они одни умѣютъ попадать въ самый тонъ... А мы... мы все-таки еще нѣсколько люди! — прибавилъ онъ какъ-то грустно. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, прошу васъ, оставьте это дѣло. Я выхожу въ отставку... Мнѣ все равно теперь не удержаться... Пройдетъ время — и, быть-можетъ, его свѣтлость вспомнитъ обо мнѣ... У меня какая ни на есть, а все-таки система... Меня бранятъ вездѣ и называютъ слишкомъ крутымъ, — увидятъ, каковъ будетъ Стрѣлковъ, человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что система его въ томъ и состоитъ, что у него нѣтъ никакой системы. Ну, до свиданія, мой другъ! — закончилъ его превосходительство.—Сейчасъ начинается.

Въ коридорѣ его превосходительство встрѣтился съ тѣмъ самымъ Стрѣлковымъ, котораго прочили на его мѣсто въ департаментъ. Стрѣлковъ, невзрачный на видъ толстякъ, сконфузился и пробормоталъ:

— Ваше превосходительство! Вотъ неожиданная встрѣча!..

Сергѣй Александровичъ чуть-чуть усмѣхнулся и съ изысканной вѣжливостью, пожимая руку Стрѣлкова, проговорилъ:

— И неожиданная и пріятная! Какъ изволите поживать, ваше превосходительство? Не правда ли, превосходная пьеса?

Когда его превосходительство занялъ мѣсто въ ложѣ, Анна Петровна хотѣла-было завести разговоръ, но его превосходительство строго замѣтилъ вполголоса:

— Послѣ, послѣ. Еще будетъ время!

Множество биноклей изъ партера и ложъ устремились на него. Но старикъ, казалось, не замѣчалъ общаго любопытства. Съ обычнымъ достоинствомъ и невозмутимостью, спокойно и внимательно смотрѣлъ онъ на сцену, повидимому, совсѣмъ поглощенный созерцаніемъ Грознаго царя.

Кончился послѣдній актъ. Пьеса, очевидно, понравилась, но избранная публика сегодняшняго спектакля проявила восторгъ свой довольно сдержанно. Автора нѣсколько разъ вызвали изъ артистовъ удостоился вызововъ только артистъ, исполнявшій роль Грознаго, но и то далеко не единодушно. Находили, что артистъ не совладалъ съ ролью. Обращали больше вниманія на недостатки внѣшней передачи и забывали глубоко-вѣрную психическую передачу характера.

Сумрачный, раздѣвался въ уборной артистъ. Нѣсколько журналистовъ вошли къ нему поздравить его. Онъ грустно принималъ поздравленія.

— Не того имъ нужно! — проговорилъ онъ, мотнувъ головой по направленію къ сценѣ.—Имъ нуженъ саженный ростъ, пріятный голосъ. Они развѣ понимаютъ игру нутромъ? Вотъ будетъ играть эту роль Никитинъ. Тогда посмотрите, какъ будутъ принимать. Никитинъ—это ихъ актеръ, а я...

Въ голосѣ художника звенѣла злобная нотка.

— А развѣ онъ артистъ? Онъ не артистъ, а фигляръ, вотъ кто такой Никитинъ. Онъ понимаетъ развѣ душу? Знаетъ ли онъ, какъ играть душой? Загримируется онъ, выйдетъ этакимъ Людовикомъ какимъ-нибудь на сцену, — и публика эта сейчасъ «браво». Очень ужъ Людовикъ хорошій, а того и не разберутъ, что царь Иванъ Васильевичъ не Людовикъ, а русскій человѣкъ, русскій злодѣй. Вотъ покажи ты мнѣ душу-то этого русскаго злодѣя. Покажи-ка. На-ко-сь!

Артистъ даже плюнулъ.

— Полно, полно. Вы играли превосходно.

— Для двадцати - тридцати человѣкъ... развѣ! Эхъ, господа, напрасно вы утѣшаете... Не понравился я... Чувствую.

И артистъ вдругъ поднялся съ дивана, какъ былъ полураздѣтый, сталъ въ классически-театральную позу, приложилъ одну руку къ сердцу и сталъ декламировать съ такой поразительной пародіей на своего соперника вмѣстѣ съ такой уничтожающей карикатурностью, что нельзя было удержаться отъ смѣха. Артистъ представилъ превосходный образчикъ русскаго мужика, импонирующаго внѣшностью, рѣчами нараспѣвъ и изысканными манерами французскаго маркиза.

— Вотъ имъ какого Людовика нужно!.. Откажусь я отъ этой роли.

— Что̀ вы!

— Ей-Богу, откажусь... Вижу я — не потрафилъ... Ѣдемъ, что ли, ужинать?..

— Ѣдемъ!..

— Ну, я сейчасъ готовъ...

И артистъ началъ торопиться стирать гримировку.

Молча возвращалась семья Кривскихъ изъ театра. Его превосходительство сидѣлъ въ каретѣ, закрывши глаза, и во всю дорогу не проронилъ слова. Поднявшись наверхъ, онъ съ особенною нѣжностью поцѣловалъ дочерей и, обращаясь къ Аннѣ Петровнѣ, замѣтилъ:

— Прошу тебя зайти въ кабинетъ на пару словъ.

А Савва, бережно усадивъ прелестную малютку въ карету, крикнулъ такимъ голосомъ: «пошелъ», что кучеръ вздрогнулъ и погналъ лошадей.

Мужикъ вздрагивалъ, пожирая глазами Валентину, пріютившуюся въ углу кареты. Онъ выставлялъ свою голову на свѣжій воздухъ, и ему все казалось, что карета медленно катится по мостовой.

— Пошелъ!—повторилъ онъ.

— Голубка моя... пріѣхали!—шепнулъ онъ дремавшей, усталой Валентинѣ. Онъ обхватилъ маленькое созданіе и вынесъ ее на своихъ мощныхъ рукахъ изъ кареты.

Валентина тихо смѣялась, лежа въ объятіяхъ обезумѣвшаго мужика, словно ребенокъ въ колыбели.

III.

Ударъ за ударомъ.

Савва бережно опустилъ съ рукъ Валентину у дверей ея квартиры въ нижнемъ этажѣ. Онъ нанялъ для прекрасной малютки цѣлый этажъ, поручивъ Лизере отдѣлать его съ безумной роскошью, не стѣсняясь расходами. Бронза, картины, фарфоръ и серебро покупались безъ торга, — только бы все было лучшее. Савва хотѣлъ поразить пташку и ничего не жалѣлъ на обстановку уютнаго гнѣздышка.

Черезъ нѣсколько слабо освѣщенныхъ комнатъ они вошли въ маленькую игрушку-гостиную. Валентина остановилась и, поворачивая голову, сказала:

— Сію минуту будемъ ужинать,—я только переодѣнусь!—и съ этими словами скользнула въ двери.

Словно звѣрь въ клѣткѣ кружилъ Савва по маленькой гостиной. У него стучало въ виски и пересохло въ горлѣ. Ужасно долго тянулась эта минута. Онъ подходилъ къ дверямъ будуара, откуда врывалась тонкая струйка душистаго аромата, щекотавшаго его нервы, и какъ ужаленный отходилъ назадъ. Красивый лакей, освѣтивъ комнаты, прибавилъ свѣта въ маленькой гостиной и удалился.

Минуты казались Саввѣ безконечными.

Но вотъ и Валентина!

Она явилась въ дверяхъ въ бѣломъ батистѣ, плотно облегавшемъ мягкія, изящныя формы, съ распущенными волосами, прищуривая глаза на свѣтъ лампы.

— Пойдемъ ужинать. Я проголодалась.

Савва обхватилъ рукой молодую женщину. Она тихо выскользнула и прошла впередъ.

Они сѣли за столъ. Савва ѣсть не могъ, а только пилъ, чувствуя жажду. Валентина, напротивъ, ѣла съ большимъ аппетитомъ и, казалось, не замѣчала жадныхъ взглядовъ влюбленнаго мужика. Она подливала ему вина, а онъ припадалъ въ это время къ ея рукѣ.

Савва молчалъ и все поглядывалъ, скоро ли Валентина кончитъ, а у прелестной малютки какъ нарочно аппетитъ былъ превосходный, и Савва поневолѣ осушалъ стаканъ за стаканомъ.

Но отчего вдругъ маленькая женщина стала грустна?.. Въ глазахъ у нея было столько тревоги.

— Голубка моя! что̀ съ тобой?

Она не отвѣчала.

— Что̀ съ тобой? Ты опять сердишься?

Савва подсѣлъ рядомъ и нѣжно обнялъ Валентину. Она теперь не пробовала освободиться изъ его объятій, и Савва чувствовалъ, какъ мурашки пробѣгали у него по спинѣ.

— Что̀ же съ тобой, лапушка моя, сказывай!

Она подняла на него взглядъ, полный слезъ, и заговорила тихимъ, нѣжнымъ голосомъ.

Ей совѣстно безпокоить его,—онъ такъ много для нея сдѣлалъ, но дѣлать нечего, она должна сказать. У нея долгъ, который она отъ него скрывала, — долгъ, сдѣланный еще прежде, при мужѣ, и теперь его требуютъ.

— Много?

— Ахъ, очень много!.. Сто тысячъ!..

— Есть о чемъ горевать... Утри слезки. Я дамъ деньги на-дняхъ.

— Но нужно завтра, непремѣнно завтра...

Савва поморщился. Завтра? У него приготовлены деньги для Бориса Сергѣевича, а больше денегъ нѣтъ.

— Да развѣ недѣльку подождать нельзя?

Невозможно. Она просила, но не соглашаются и требуютъ. Она предлагала переписать вексель. Она даже приготовила его, но ея подписи не вѣрятъ.

— Ну, такъ моей повѣрятъ...

Малютка не понимала и, печальная, смотрѣла на Савву.

— Очень просто. Я поставлю бланкъ... У тебя вексель?

— Да, у меня...

— Ну, и говорить нечего... Вытри же свои свѣтлые глазки, родная моя... Для тебя, сама знаешь, ни въ чемъ нѣтъ отказа!..

О, какъ она благодарна. Она теперь убѣдилась, что онъ ее любитъ.

— Благодарю... благодарю!—шептала она, обдавая его горячимъ дыханіемъ.

Она повеселѣла и выпила вина. Савва теперь цѣловалъ ее, а она смѣялась и подливала вина совсѣмъ охмелѣвшему Леонтьеву и глядѣла на него такъ ласково...

На другой день въ двѣнадцатомъ часу утра Евгеній Петровичъ вошелъ въ будуаръ Валентины.

— Ну, что?..

Вмѣсто отвѣта она подала ему вексель съ бланкомъ Леонтьева.

— Молодецъ-дама! — весело проговорилъ молодой человѣкъ. — Теперь вы можете спокойно разстаться съ этимъ мужикомъ. Давайте его сюда... Мы завтра же его учтемъ, а теперь, въ благодарность за добрый совѣтъ, я васъ обниму.

Черезъ недѣлю Савва Лукичъ испытывалъ большую тревогу. Въ этотъ день въ совѣтѣ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о концессіи. Онъ почти не сомнѣвался, что дѣло останется за нимъ, — пріятель его, Егоръ Ѳомичъ, воротила въ департаментѣ, увѣрялъ его въ успѣхѣ,—а все-таки сомнѣнія терзали Леонтьева. Отъ сегодняшняго дня зависѣла его участь. Безъ концессіи онъ погибъ. Долги значительно превышали его состояніе, и хотя въ глазахъ многихъ Савва все еще считался милліонеромъ, но самъ онъ очень хорошо зналъ, что если ликвидировать дѣла, то у него едва ли останется нѣсколько десятковъ тысячъ. А еще онъ долженъ дать надняхъ Борису Сергѣевичу обѣщанное приданое. Онъ приготовилъ-было триста тысячъ, но надо было заплатить нетерпящій отлагательства долгъ въ 150.000, и когда Борисъ Сергѣевичъ въ назначенный срокъ пріѣхалъ къ Леонтьеву, то

Леонтьевъ извинился и, отдавая 150.000, обѣщалъ остальныя 500.000 положить на имя дочери въ самомъ скоромъ времени.

Савва Лукичъ ходилъ по кабинету, временами заглядывая въ двери. Уже былъ пятый часъ, и совѣтъ вѣрно конченъ.

Что-жъ не ѣдетъ Егоръ Ѳомичъ порадовать его?.. О, Господи, какъ тянется время и какъ замираетъ сердце.

— Эй, кто тамъ!

Явился слуга.

— Вели запрячь Ваську и мигомъ слетай въ департаментъ!

Лакей ушелъ.

Прошло четверть часа, Савва Лукичъ неистово шагалъ по кабинету. Раздался звонокъ. Онъ бросился въ прихожую. Въ прихожей стоялъ департаментскій курьеръ.

Отчего же онъ не поздравляетъ?

Савва Лукичъ вырвалъ изъ рукъ протянутый конвертъ, вошелъ въ кабинетъ и, разорвавъ конвертъ, прочиталъ записку, въ которой были написаны слѣдующія строки:

«Наше дѣло погибло. Хрисашка получилъ дорогу!»

Леонтьевъ, казалось, не понималъ, что̀ читаетъ. У него помутилось въ глазахъ; голова кружилась. Прошла секунда. Онъ заметался какъ бѣшеный по кабинету.

— Они меня зарѣзали!—зарычалъ онъ, какъ звѣрь.

Когда лакей заглянулъ въ кабинетъ, то Савва Лукичъ сидѣлъ на креслѣ, опустивъ кудрявую свою голову на грудь. Припадокъ бѣшенства прошелъ, наступила минута тяжкаго раздумья. Онъ нищій, онъ, Савва Леонтьевъ, разоренъ! Отъ этого туза, передъ которымъ всѣ кланялись, остался одинъ прахъ.

«Нѣтъ, этому не бывать!»—вскочилъ онъ, какъ ужаленный, и вышелъ на улицу. Рысакъ дожидался его.

— Въ департаментъ!

Тамъ воротилы не было, только-что ушелъ.

— Въ Офицерскую! Да что̀ есть духу!

Рысакъ помчался. Савва разсѣянно глядѣлъ кругомъ и, казалось, ничего не видалъ. Мимо промчалась коляска, но онъ видѣлъ, кто въ ней, отлично видѣлъ «Хрисашку», пославшаго ему поклонъ.

«Подлецъ!»—прохрипѣлъ Леонтьевъ.

Онъ поднялся во второй этажъ.

— Дома?

— Дома-съ! Пожалуйте.

Егоръ Ѳомичъ встрѣтилъ Савву Лукича съ постной миной.

— Что̀ это значитъ?

Онъ ничего не понимаетъ. Еще вчера министръ говорилъ, что концессія будетъ отдана Леонтьеву, а сегодня совѣтъ вдругъ рѣшилъ иначе.

— Но вѣдь большинство за насъ. Зачѣмъ же деньги мы побросали?

Въ отвѣтъ Егоръ Ѳомичъ началъ длинный разсказъ объ интригѣ, которую велъ «Хрисашка». Онъ совѣтовалъ Саввѣ Лукичу съѣздить завтра къ министру.

Савва упалъ духомъ. Никто не зналъ силы удара, полученнаго такъ внезапно. «Какъ это случилось?.. Тутъ что-нибудь неладно. Ужъ не продалъ ли меня этотъ самый Егоръ Ѳомичъ Хрисашкѣ такъ же, какъ прежде продалъ самого Хрисашку».

— Ты говоришь, къ министру?—переспросилъ Савва.

— Ну, да, поѣзжайте... Еще, быть-можетъ...

— Послушай... Я не пожалѣю пятисотъ тысячъ, если бы...

— Полноте, Савва Лукичъ, — успокаивалъ его Егоръ Ѳомичъ. — Теперь наша пѣсня спѣта... На-дняхъ будетъ докладъ.

— Эхъ, вы, пріятели!—прорычалъ Савва, уходя вонъ.

Ему было душно на воздухѣ. Дождь хлесталъ въ лицо, но онъ этого не замѣчалъ.

— Куда прикажете?

Куда ѣхать? Ужъ поздно. Огни мелькаютъ на улицахъ. Куда ѣхать? На него напала тоска. Ему вдругъ захотѣлось услышать отъ кого-нибудь слово ласки и участія.

«Развѣ къ Дунѣ поѣхать?»

Но мысль о мужѣ, о Борисѣ Сергѣевичѣ, остановила его. «Онъ, вѣрно, уже знаетъ. Онъ, вѣрно, слышалъ, что я теперь не прежній Савва... И куда это все пошло прахомъ? Какъ, когда?» Онъ теперь не могъ сообразить. Милліонъ былъ еще нѣсколько времени тому назадъ, а теперь?.. Линія вышла.

Онъ вспомнилъ о Валентинѣ. Голубушка послѣдніе дни такъ была ласкова и внимательна; она говорила о своей любви.

— Пошелъ къ Трамбецкой!

Онъ все ей разскажетъ... Онъ признается ей въ своемъ разореніи. Она пойметъ его.

Рысакъ остановился у крыльца. Онъ выскочилъ изъ дрожекъ и вошелъ въ квартиру.

Валентина сидѣла одна въ маленькой гостиной. Саввѣ показалось, что кто-то скользнулъ въ дверь. «Вѣрно, Аннушка!» Онъ приблизился къ Валентинѣ и опустился рядомъ съ прелестной малюткой.

— Что съ вами?.. Вы совсѣмъ разстроены!

— Я разоренъ... Валентина. Подлецы меня разорили.

И онъ опустилъ голову.

Валентина молчала. Савва поднялъ голову и встрѣтилъ безучастный взглядъ прелестной малютки. Этотъ взглядъ сказалъ ему все. Леонтьевъ тихо поднялся и, горько усмѣхаясь, шепнулъ:

— Баба, баба! Зачѣмъ ты лукавила? Ты деньги мои любила?

Она надула губки. Онъ разстроенъ и не знаетъ, что говоритъ.

— Чай, и обманывала. Съ другими шаталась?..

— Савва Лукичъ! Послушайте, это наконецъ черезчуръ...

— Что-жъ смолкла? Говори!..

Валентина не отвѣчала. Савва пожиралъ глазами маленькое созданіе и проговорилъ:

— Я испытать только... Я все навралъ. Я богатъ... Я озолочу тебя... Скажи только, что я любъ тебѣ, что ты не обманывала меня?..

Что такое съ этимъ мужикомъ? Валентина не знала, какъ быть? Сегодня онъ такой странный. Она обдумывала, какъ бы отдѣлаться отъ него, а онъ ждалъ отвѣта.

— Я васъ никогда не обманывала!—наконецъ отвѣчала она, невольно бросая быстрый взглядъ на двери будуара.

Мужикъ поймалъ этотъ взглядъ, и ревность охватила все его существо. Онъ вспомнилъ о мелькнувшей фигурѣ, быстро отворилъ двери и остановился. Красивый молодой человѣкъ поспѣшно юркнулъ изъ спальни.

Савва медленно подошелъ къ Валентинѣ.

— Кто это былъ?—задыхаясь, спросилъ онъ.

— Знакомый...

— Зачѣмъ же онъ убѣжалъ?..

— Вольно вамъ ревновать...

— Послушай, Валентина... Не ври. Это полюбовникъ былъ?..

— А если бы и такъ... Какое вамъ дѣло... Я, кажется, свободна и прошу васъ больше не бывать у меня!

— Ахъ ты, тварь!—вдругъ зарычалъ Савва.

При видѣ звѣря съ налитыми кровью глазами и раздувающимися ноздрями, Валентина быстро выбѣжала изъ комнаты и стала звать людей.

Словно раненый звѣрь выбѣжалъ онъ изъ квартиры, оглашая ее ругательствами.

Онъ велѣлъ кучеру ѣхать домой. Какая подлая эта малень-

кая тварь и какъ она хороша!.. Нѣтъ денегъ, — и она сейчасъ же выгнала. То-то въ недѣлю она сто тысячъ выманила... Ахъ, Савва, Савва, какой ты дуракъ!

Тяжело было на душѣ у Саввы; злоба душила его. Неужели счастіе такъ-таки и отвернулось отъ него... «Нѣтъ... не дамся я такъ, еще мы посмотримъ...» Но чего смотрѣть? Сегодня уже всѣ узнали, что онъ не получилъ концессіи, и завтра всѣ станутъ требовать уплаты. Пріѣдетъ Кривскій... Что̀ онъ скажетъ ему?..

Когда онъ вошелъ въ комнату матери и разсказалъ, что онъ разоренъ, то старуха тихо перекрестилась и промолвила:

— Моли Бога, Савва, что Господь послалъ тебѣ милость.

— Матушка... да вѣдь я теперь нищій... Теперь какъ на меня смотрѣть-то будутъ... Какъ я взгляну вокругъ... Какая милость?

— Глупый, глупый, Савва! Развѣ богатство не тлѣнъ?.. Ну, что̀ въ немъ? На что оно тебѣ? Давало ли оно спокой тебѣ!.. Вѣдь ты, Савва, на угольяхъ сидишь. Думаешь, тебя уважали? Твою мошну, глупый, уважали...

Савва слушалъ, безпомощно склонивъ голову, и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Старуха усмѣхнулась и молча стала гладить могучую голову сына блѣдной исхудалой рукой. Эта нѣжная ласка подѣйствовала лучше словъ.

Онъ вышелъ отъ нея съ облегченнымъ сердцемъ, но когда пришелъ въ кабинетъ, то снова забушевало его сердце. Главное, какъ теперь Хрисашка-то будетъ смѣяться... И всѣ будутъ смѣяться: «Вотъ, молъ, милліонеръ! Хорошъ милліонеръ!»

— Не хочешь ли чаю?—тихо проговорила жена, входя въ кабинетъ.

Это что̀ значитъ? Она рѣдко входила къ нему, а теперь вотъ пришла и такъ ласково смотритъ на Савву.

— Спасибо... Выпью...

Савва посмотрѣлъ на жену. Она была словно восковая, тихая и худая, кроткая, несчастная!

— Здорова ли ты?—спросилъ Савва, и голосъ его звучалъ ласково.

— Ничего... худое дерево скрипитъ...—улыбнулась она:—а ты, кажется, разстроенъ?..

— Дѣла плохи...

— Только-то?.. Ну, это еще не великое горе. Плохи — поправятся!

Эти простыя слова оживляюще подѣйствовали на Савву.

— Вотъ только Дуня меня смущаетъ! — продолжала Леонтьева.

— А что?

— Счастлива ли она?.. Сегодня безъ тебя была такая хмурая, нерадостная. Я спрашивала, а она, голубушка, улыбается и говоритъ, что ничего... Но сердце мое чувствуетъ... Не на Дунѣ онъ женился, а на деньгахъ...

— Полно... полно... Онъ, кажись, хорошій человѣкъ...

— Такъ ли?..

Она вздохнула и тихо поплелась изъ кабинета.

Рано Савва легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. Невеселыя мысли лѣзли ему въ голову. Ему не вѣрилось, что онъ въ самомъ дѣлѣ нищій. Онъ забылся въ короткомъ снѣ и бредилъ, повторяя имена Хрисашки и Валентины.

Рано проснулся Савва. Онъ протеръ глаза, выпилъ по привычкѣ графинъ квасу, крякнулъ и присѣлъ на кровати.

Скверно! Голова тяжела отъ тревожнаго, прерывистаго сна. На душѣ скребетъ милліонъ кошекъ. Вчерашній ударъ сегодня кажется еще ужаснѣе!

Мрачно помахивалъ Савва косматой головой, словно стараясь отогнать тяжелыя думы. Напрасно! Недаромъ такъ тяжело дышитъ могучая косматая грудь; тревога и скорбь видны на лицѣ мужика.

На мгновеніе оживляется оно торжествующей улыбкой, радостью звѣря, настигшаго жертву. Но мгновеніе прошло, — и снова звѣрь, припертый охотникомъ, мрачно пощелкиваетъ зубами, злобно сверкая глазами. Какая-нибудь ловкая комбинація, на мгновеніе оживлявшая Савву надеждой, разлеталась прахомъ. Нѣтъ выхода. Онъ совсѣмъ затравленъ. Впереди,— онъ ясно видѣлъ,—близкое и неминуемое паденіе съ грохотомъ и трескомъ.

Нервная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, едва вспоминалъ Савва Хрисашку. А какъ нарочно довольная, толстая рожа, съ мясистымъ крупнымъ носомъ и плотоядными губами, стояла передъ нимъ.

«Почемъ, Савка, платить-то будешь за рубль? — слышится ему подлый Хрисашкинъ голосъ.—Смотри, на прожитокъ себѣ что-нибудь сокрой. Мы тебя несчастнымъ безъ послѣдствій объявимъ, друга милаго!»

Всѣ заговорятъ. Всѣ пальцами будутъ показывать на Савву, оставшагося въ дуракахъ. Вчерашній воротила, милліонщикъ, предметъ почтенія и искательствъ, слова котораго подхватывались на биржѣ, появленія котораго боялись на торгахъ... сегодня несчастный сиволапый мужикъ, ворона въ павлиньихъ перьяхъ!

И началось уже!

Вчера «пташка» выгнала. «Не съ твоими, молъ, капиталами теперь такую шельму содержать!» А что впереди-то будетъ? Сколько народа придетъ смотрѣть на Савву! Сколько будетъ смѣха, лицемѣрныхъ сожалѣній со стороны прихлебателей и всякой сволочи, которую держалъ при себѣ Савва, кормилъ, поилъ и еще одѣлялъ деньгами. Какъ будутъ отворачиваться отъ него тѣ самые «благопріятели», съ которыми Савва дѣла дѣлалъ, не забывая, конечно, всемогущей «смазки».

Савва, очевидно, зналъ, что все это будетъ такъ. Умный мужикъ, хорошо понимавшій людей, не обманывалъ себя теперь, во время тяжелаго раздумья.

«Подлецъ народъ!» — часто говаривалъ онъ и въ то же время добивался чести вести дѣла съ «подлецомъ народомъ», водить съ нимъ дружбу и оказывать трогательные знаки вниманія.

«Пропадешь безъ нихъ! По чести развѣ дѣла можно дѣлать?»—смѣялся Савва, разсказывая иной разъ по душѣ, какія дѣла удавались ему именно благодаря тому, что этотъ «народъ—подлецъ и за деньги продастъ отца родного».

Савва вскочилъ съ постели. Въ ушахъ его стоялъ громкій хохотъ. Это потѣшаются надъ нимъ, дуракомъ, у котораго по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

«Посмотрите-ка на сиволапаго генерала!.. Мужикъ пускалъ пыль въ глаза: домъ не домъ, дача не дача, однѣхъ мамзелей сколько перемѣнилъ, денегъ какую прорву, дуракъ, просадилъ, какіе обѣды задавалъ, а теперь?»

«И по-дѣломъ дураку. Очень ужъ на свое счастіе надѣялся, а Хрисашка его и усадилъ!»

А «Хрисашка»,—представляется Саввѣ,—тоже вышелъ въ генералы и, скотина, персидскую звѣзду купилъ. У Хрисашки не домъ, а дворецъ, хотя бы прынцу жить. Хрисашка, не будь дуракъ, денегъ не ахаетъ, а всего одну даму содержитъ. Постройка Хрисашкѣ очистила милліонъ чистоганомъ за всѣми издержками. У Хрисашки цѣлая свора прихлебателей, все Саввины друзья-пріятели. Сидитъ Хрисашка послѣ обѣда и во все проклятое свое горло хохочетъ:

«А вѣдь, господа, по правдѣ-то сказать, Савва большой плутъ былъ!»—«Большой мошенникъ!»—вторятъ ему, присаживаясь за винтъ по рублю фишка.

У Хрисашки теперь обѣды съ генералами. У него всѣ свои люди, а онъ?..

Онъ, Савва, осмѣянный, оплеванный, опозоренный, нищій... Никто не узнаётъ его... Всякій норовитъ мимо...

Злобно усмѣхнулся Савва, подзадоривая себя мрачными картинами: «Неужто такъ-таки и пропасть?»

«На-ко-сь!—прошепталъ Савва, задыхаясь отъ злости.—Еще мы поглядимъ, какъ-то ты, Хрисашка, урвешь концессію. Самъ пропаду вовсе и тебя потоплю!»—мечталъ Савва и въ эти минуты торжествовалъ, злобно сжимая свои могучіе кулаки.

Но придется ли глядѣть?

Если бы ему дали хоть вздохнуть, онъ бы поправился, но, главное дѣло, времени мало. Сроки платежей не за горами. Кредитъ по банкамъ рухнетъ, когда узнаютъ, что Савва прогулялъ дороженьку. Въ банкахъ догадывались ужъ, что Савва трещитъ, и какъ всѣ загалдятъ, что Леонтьевъ ненадеженъ, мигомъ начнетъ все рушиться. Начнется настоящая травля, и тогда полетятъ клочья уцѣлѣвшаго богатства.

«Бѣдныя дѣти!»—вспомнилъ вдругъ Савва.

Но, быть-можетъ, не все потеряно? Онъ поѣдетъ къ министру и объяснитъ все его высокопревосходительству. Человѣка, молъ, понапрасну обидѣли, обѣщали дѣло и не дали. Онъ, конечно, не за себя хлопочетъ—онъ человѣкъ маленькій!—а горько ему, что казна потеряетъ, если ему не дадутъ возможности поправиться, такъ какъ въ государственномъ банкѣ заложены въ милліонъ пустопорожнія земли, не приносящія пока дохода, но если ему дадутъ средства, то онъ соберетъ необходимый капиталъ и построитъ на этихъ земляхъ заводы, согласно обѣщанію. Такому тузу, какъ онъ, нельзя давать падать. Отъ этого интересы казны пострадаютъ. Но если министръ не обратитъ вниманія на слова Саввы, то онъ поѣдетъ къ другимъ лицамъ. Наконецъ онъ найдетъ еще тропку, вѣрную тропку...

«Хрисашка ужъ, вѣрно, проторилъ!»—шепчетъ ему внутренній голосъ, и Савва уныло опускаетъ голову на грудь.

Въ кабинетъ вошелъ сынъ и приблизился къ отцу.

Это былъ красивый юноша лѣтъ шестнадцати, очень схожій съ отцомъ, румяный, съ бойкими глазами и вьющимися, какъ у Саввы, черными какъ смоль волосами.

Андрюша былъ любимцемъ отца. Андрюшу баловали, ростили въ изобиліи и нѣгѣ. Мальчикъ не видалъ ни въ чемъ отказа, былъ избалованъ, капризенъ, зналъ, что онъ богатъ, мечталъ о служебной карьерѣ и блестящемъ обществѣ. Онъ скрывалъ отъ товарищей, что его отецъ бывшій мужикъ, и когда Савву произвели въ генералы, Андрюша былъ въ восторгѣ. Его воспитывали какъ барина. Андрюша прекрасно говорилъ на трехъ языкахъ, игралъ недурно на фортепіано, водилъ зна-

комство съ подростками блестящихъ фамилій, кутилъ по трактирамъ, зналъ отлично французскія шансонетки и могъ составить отличное меню. Онъ два года, по желанію отца, провелъ въ Англіи и теперь готовился поступить въ университетъ.

— Ты что это, папа, не въ духѣ?

Савва поднялъ голову и любовно взглянулъ на сына. Такой онъ стоялъ передъ нимъ свѣжій, красивый, изящный. Мужицкій сынъ заткнулъ бы за поясъ настоящаго, заправскаго барина. Савва какъ-то нѣжно прижалъ сына къ груди и проговорилъ:

— Дѣла, Андрюша, плохи. А ты, шатунъ, гдѣ вчера шатался?

— У графа Жоржа былъ...

— По ночамъ поздно шатаешься, Андрюша. Пора за ученье!

— Никольскій еще не пріѣхалъ, папа! Онъ мнѣ писалъ, что будетъ на-дняхъ.

— То-то! Смотри, хорошенько приналягъ... Самъ, братъ, понимаешь, что нонче надо, чтобы образованный человѣкъ былъ... Я простой мужикъ, зато ты у меня будешь по статьямъ... Такъ ли?

Савва опять обнялъ сына и долго смотрѣлъ ему въ лицо.

— Что-жъ ты не одѣваешься, папа?

— А вотъ сейчасъ!.. Пошли-ка ко мнѣ Тимоѳея, родной мой!

«Какъ же я сына-то оставлю безъ средствъ. Вѣдь онъ у меня привыкъ, родненькій, и ѣсть сладко и спать мягко!..»

Савва сталъ одѣваться, когда явился слуга и доложилъ, что какой-то писарь проситъ позволенія видѣть Савву Лукича.

— Какой-такой писарь?

— Не знаю-съ. Говоритъ: изъ департамента!

— Ну, зови писарька!

Въ кабинетъ вошелъ низенькій, худощавый, старый, коротко остриженный писарекъ съ маленькимъ, сморщеннымъ, чистенько выбритымъ лицомъ. Онъ остановился у порога, бросилъ быстрый, лукавый взглядъ бѣгающихъ глазокъ на Савву Лукича и, поклонившись, проговорилъ тоненькой фистулой съ таинственнымъ видомъ:

— Я къ вашему превосходительству съ маленькимъ дѣломъ!

— Подойди, подойди, писарекъ. Какое-такое твое дѣло?.. Я что-то твое лицо запамятовалъ... Въ департаментѣ служишь?

— Точно такъ-съ, но только я въ откомандировкѣ при Егорѣ Ѳомичѣ состою...

— Вотъ какъ! Садись, писарекъ... какъ звать-то тебя?..

— Ипатомъ Алексѣевымъ...

— Садись-ка, Ипатъ Алексѣичъ... Гостемъ будешь...

— Помилуйте... Я и постоять могу...

— Садись... не ломайся, милый человѣкъ... Въ чемъ дѣло-то?

Старичокъ-писарь сѣлъ и сказалъ:

— Слышалъ я, Савва Лукичъ, что будто Хрисанфъ Петровичъ отъ васъ дорогу отбили...

— Ну?..

— И вы, Савва Лукичъ, будто теперь, невзирая на обѣщаніе Егора Ѳомича, должны остаться безъ постройки!..

— Къ чему это ты гнешь, Ипатъ Алексѣичъ... Вижу по твоей рожѣ, что ты человѣкъ умный, а не смекаю, куда ты гнешь...

— А къ тому я, Савва Лукичъ, ваше превосходительство, гну, что не извольте вы объ этомъ дѣлѣ сокрушаться. Дѣло это хотя и какъ будто кончено, а вы не извольте сокрушаться.

Старый писарь говорилъ серьезнымъ, таинственнымъ шопотомъ, значительно взглядывая на Леонтьева.

Леонтьевъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Смѣешься, что ли, ты, Ипатъ Алексѣевичъ, али съ ума спятилъ?

— Помилуйте, Савва Лукичъ, посмѣлъ ли бы я докучать вамъ, если бы не въ своемъ умѣ былъ!—улыбнулся старый писарь.

— Какъ же ты говоришь: не безпокойтесь! Дорога-то теперича тю-тю!

— Я осмѣлюсь вновь доложить вамъ, Савва Лукичъ, что не извольте безпокоиться.

— Вотъ заладила сорока Якова. Видно, не знаешь,—а еще писарь,—что вчерась совѣтъ былъ и рѣшили отдать дорогу подлецу Хрисашкѣ?

— Очень хорошо, Савва Лукичъ, я объ этомъ освѣдомленъ. Я и бумагу для господина министра перебѣлялъ, докладъ съ изложеніемъ причинъ, и опять позволю себѣ доложить вамъ, что это ничего не значитъ.

— Какъ ничего не значитъ?

— Такъ-съ, Савва Лукичъ. Дѣло повернуть можно.

— Послѣ рѣшенія совѣта?

— Очень просто.

Старый писарь произнесъ эти слова такимъ увѣреннымъ тономъ, что, глядя на его сморщенное, старое, совершенно серьезное лицо, Савва Лукичъ привсталъ съ мѣста, подсѣлъ къ писарю рядомъ и прошепталъ:

— Ипатъ Алексѣичъ, какъ же это повернуть. Сказывай... Сдается мнѣ, что нельзя?

— И не такія дѣла поворачивали! — произнесъ писарь, даже нѣсколько обиженный скептицизмомъ Леонтьева.—Изволили слышать, какъ годъ тому назадъ Петръ Петровичъ Трифоновъ на десять милліоновъ заказъ получили?

— А какъ?

— Тоже сомнѣвались. Два года г. Трифонову не давали заказа. Два министра лично обѣщали Петру Петровичу. Между министерствами по этому случаю переписка поднялась: одно другое спрашиваетъ, какія препятствія къ заказу. Нѣсколько разъ министръ лично приказывалъ скорѣй составить контрактъ, г. Трифоновъ чуть ли не каждый день пріѣзжали къ намъ въ департаментъ, а все контрактъ не былъ составленъ, все справки собирали да разныя свѣдѣнія, такъ что наконецъ черезъ два года Петръ Петровичъ плюнули на это дѣло, и контрактъ былъ подписанъ съ другимъ заводчикомъ,—оставалось только ему авансомъ пятьсотъ тысячъ получить. Въ тѣ поры явился я къ г. Трифонову и направилъ ихъ.

— И что же?—весело перебилъ Савва.

— Направилъ куда слѣдуетъ, а на другой же день контрактъ былъ подписанъ съ г. Трифоновымъ.

— А тотъ-то... съ другимъ?..

— Отмѣненъ-съ! — съ достоинствомъ проговорилъ Ипатъ Алексѣевичъ.

Маленькій этотъ человѣкъ оказывался очень большимъ плутомъ, и дѣло пахло серьезно. Савва Лукичъ заперъ дверь кабинета и самъ заговорилъ, какъ и собесѣдникъ, вполголоса. Теперь ужъ на губахъ его не бродила насмѣшливая улыбка при взглядѣ на этого тщедушнаго, маленькаго стараго писарька.

— Ипатъ Алексѣевичъ! Я... Я, милый человѣкъ, денегъ не пожалѣю... Чай, слышалъ про меня, каковъ я человѣкъ?.. Сказывай же, не томи... Во-первыхъ, какъ это Хрисашка-подлецъ устроилъ?..

— Они въ соглашеніе съ Егоромъ Ѳомичомъ вошли.

— Да вѣдь и я, кажется...

— Егоръ Ѳомичъ польстились, нечего скрывать. Я въ увѣренности, Савва Лукичъ, что вы по благородству тайну эту изволите скрыть въ глубинѣ души?..

— Могила! Одно слово, могила!

— Ужъ я буду въ надеждѣ, Савва Лукичъ, но только я бы хотѣлъ напередъ, какъ слѣдуетъ, чтобы послѣ не было чего-либо сумнительнаго...

— Спрашивай. Грабь, писарекъ.

— За предварительное совѣщаніе, Савва Лукичъ, двѣ тысячи, а по окончаніи дѣла...

— Двадцати пяти не пожалѣю.

— Вполнѣ достаточно. Оно и кстати будетъ!—прибавилъ словоохотливый старикъ. Домикъ достраиваю,—такъ деньги-то нужны. Можетъ, изволили замѣтить, на Литейной домикъ строится?

— Это пятиэтажный, громадина?

— Онъ самый и есть!.. Такъ вотъ, изволите ли видѣть, Савва Лукичъ, Хрисанфъ Петровичъ передъ вами оказались тароватѣе, и хотя предварительно Егоръ Ѳомичъ и держали вашу линію,—въ этомъ смыслѣ я два раза докладъ перебѣлялъ,—но послѣ нашлись кое-какія упущенія...

— Скотина!—промолвилъ Савва.

— Но только теперь можно повернуть опять, такъ какъ Егоръ Ѳомичъ, можетъ, изволили слышать, имѣютъ очень большую и даже, можно сказать, пагубную приверженность къ одной дѣвицѣ, изъ ревельскихъ нѣмокъ. Фамилію ея запамятовалъ, а зовутъ ее Каролина Карловна. Дѣвица очень норовистая, а Егоръ Ѳомичъ ихъ боятся. Никого Егоръ Ѳомичъ не боятся, а Каролину Карловну боятся, и такъ боятся, что когда Каролина Карловна ихъ не принимаетъ, то Егоръ Ѳомичъ ходятъ какъ бы потерянные и на службѣ тогда очень взыскательны! И слѣдственно черезъ Каролину Карловну можно дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ.

— Гдѣ она живетъ? Сколько ей нужно дать?

— Вы не извольте спѣшить, Савва Лукичъ, потому сама Каролина Карловна очень глупая дама и, если можно такъ выразиться, не имѣетъ достаточнаго образованія, чтобы дѣйствовать по своему понятію. Но эта самая Каролина Карловна очень влюблена въ одного тоже ревельскаго нѣмца, господина Готлиба. Человѣкъ непутящій и пьяница, и бьетъ Каролину Карловну, а поди-жъ, Каролина Карловна очень любитъ господина Готлиба. Правда и то: нѣмецъ очень красивый, этакій здоровый, высокій, молодой, а званія простого. Содержалъ-было магазинъ, а теперь больше по бильярдамъ. Каролина Карловна содержитъ его. Такъ на него можно налечь, а тогда и Каролина Карловна войдетъ въ правильное понятіе и въ свою очередь на Егора Ѳомича подѣйствуетъ. И самъ Егоръ

Ѳомичъ къ вамъ пріѣдетъ. Съ нѣмцами дѣло обойдется недорого. Хрисанфъ Петровичъ не знали о Каролинѣ, потому что Егоръ Ѳомичъ въ большомъ секретѣ ее держатъ. Главное отъ супруги. Супруга очень бы, узнавши это, была недовольна, и, пожалуй, Егоръ Ѳомичъ вообще къ женскому полу боязнь чувствуютъ.

— Но какъ же докладъ!

— Не безпокойтесь. Недѣльку я, хоть и маленькій человѣкъ, берусь задержать,—попрошу помощника столоначальника, да кстати г. министръ уѣзжаютъ на двѣ недѣли для осмотра подвѣдомственныхъ учрежденій. Выходитъ: всѣхъ три недѣли, а этимъ временемъ вы, съ своей стороны, извольте-ка пригласить къ себѣ камердинера его превосходительства и...

Иванъ Алексѣевичъ даже фамильярно шепнулъ на ухо Саввѣ Лукичу, куда надо еще ѣхать.

Затѣмъ онъ всталъ и пожелалъ всяческихъ успѣховъ его превосходительству, пряча въ карманъ деньги, полученныя за «предварительное совѣщаніе».

— А насчетъ г. Готлиба я берусь, Савва Лукичъ, привести его къ вамъ. Когда прикажете?

— Завтра утромъ, а то сегодня вечеромъ.

— Ужъ лучше завтра утромъ. Сегодня надо еще разъискать его!

Старый писарь ушелъ, почтительно пожавъ протянутую Саввой Лукичомъ руку, и Леонтьевъ почувствовалъ, что надежда снова подняла упавшій-было духъ.

Странное дѣло! Савва Лукичъ ожилъ послѣ неожиданнаго визита писарька. Казалось бы, чему могъ научить такого опытнаго человѣка писарекъ, а глядишь—научилъ.

И Савва Лукичъ надѣялся и вѣрилъ теперь утѣшительнымъ словамъ писарька болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Скажи ему сію минуту какой-нибудь, ну, хоть директоръ департамента, что онъ «повернетъ дѣло», Савва не такъ былъ бы увѣренъ, что еще не все потеряно, какъ былъ увѣренъ теперь.

«О, Господи, какое это будетъ счастье! Нѣтъ, видно, Господь еще не отвратилъ милосердія Своего отъ раба Своего Саввы!»—проговорилъ Савва, кладя усердные земные поклоны передъ образомъ.

А въ городѣ ужъ всѣ говорили, что Леонтьевъ не получилъ концессіи, а получилъ Хрисанфъ Петровичъ Сидоровъ. Въ газетахъ были помѣщены замѣтки въ этомъ же смыслѣ, и Валентина, прочитавъ о Саввѣ, очень была рада, что раздѣлалась съ мужикомъ. Надоѣлъ онъ ей. Только-что кончится дѣло въ судѣ, гдѣ она должна быть свидѣтельницей, Вален-

тина уѣдетъ за границу и отдохнетъ въ Парижѣ. Кстати тамъ она встрѣтится съ Шуркой. И, вспоминая этого красиваго, изящнаго молодца, Валентина чувствовала, какъ сильнѣе билось ея сердце...

Засѣданіе назначено на-дняхъ. Ей уже прислана повѣстка. Она надѣнетъ черное платье и явится въ судъ въ сіяніи красоты, въ скромномъ видѣ несчастной жертвы, у которой такой ужасный мужъ... Она надѣялась, что мужа осудятъ, и тогда она возьметъ Колю. Бѣдный Коля! Если бы не совѣты Евгенія Николаевича Никольскаго, то она давно бы его взяла. Но онъ почему-то не совѣтовалъ. Почему? Онъ серьезно сердился, когда она объ этомъ спрашивала, и она умолкала, такъ какъ побаивалась этого солиднаго молодого человѣка.

Когда Анна Петровна прочла въ газетахъ о томъ, что Леонтьевъ не получилъ концессіи, она тотчасъ же написала записку Борису Сергѣевичу, въ которой совѣтовала «скорѣе получать съ мужика все, что можно, такъ какъ онъ наканунѣ банкротства».

Но записка не застала Бориса. Онъ уже уѣхалъ къ тестю, встревоженный, недовольный и злой подъ маской невозмутимости...

IV.

Въ Литовскомъ замкѣ.

Неудовлетворенный вышелъ Петръ Николаевичъ Никольскій изъ квартиры отставного полковника.

Свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ оригинальнаго гроссъ-буха Ивана Алексѣевича, не разсѣяли мрака, окружавшаго таинственное дѣло похищенія.

По обыкновенію, разъ взявшись за дѣло, Никольскій хотѣлъ довести его до конца, возмущенный мерзавцемъ-воромъ, желавшимъ погубить невиннаго человѣка. Жаль было молодому человѣку этого несчастнаго неудачника, и онъ, отправляясь на лѣто въ провинцію, обѣщалъ Трамбецкому сдѣлать все, что было возможно. Къ сожалѣнію, поиски были неудачны. Онъ не разыскалъ дочери Ѳомы, бывшаго лакея полковника, хотя и напалъ на ея слѣдъ, собравъ предварительно справки о ней въ Петербургѣ. Болѣе серьезныя дѣла помѣшали молодому человѣку ѣхать въ тотъ городъ, гдѣ, — сообщили ему,—жила въ то время молодая женщина; когда онъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ, ея уже не было; она уѣхала за день до его пріѣзда, но никто не зналъ—куда. Слѣдъ былъ потерянъ.

Обидно было Петру Николаевичу. Молодая женщина была единственнымъ лицомъ, которое могло бы пролить свѣтъ на таинственное дѣло и подтвердить подозрѣнія, случайно запавшія въ голову Никольскому. Подозрѣнія были съ точки зрѣнія молодого человѣка довольно серьезныя противъ одного лица (имени его Никольскій никому не сообщалъ), но, на основаніи этихъ подозрѣній, нельзя было ждать случая, чтобы напасть на звѣря тогда, когда онъ не могъ бы вывернуться. А звѣрь былъ красный, хорошій звѣрь. Если бы онъ фигурировалъ на судѣ, то скандалъ былъ бы большой.

Оставалось нѣсколько дней до суда. Остановить дѣло было невозможно. Трамбецкій рисковалъ совершенно невинно попасть въ мѣста не столь отдаленныя.

Раздумывая такимъ образомъ, Никольскій вышелъ изъ подъѣзда и повернулъ къ Большому проспекту.

Господинъ Сивковъ, повѣренный полковника и агентъ сыскной полиціи, признавшій въ Никольскомъ знакомое лицо и рѣшившійся прослѣдить молодого человѣка, терпѣливо дожидался на углу Большого проспекта. Какъ только Никольскій вышелъ изъ подъѣзда, сыщикъ быстро спрятался за уголъ. Но недаромъ и Никольскій былъ опытный человѣкъ. Онъ не забылъ любопытныхъ взглядовъ господина Сивкова и тотчасъ же замѣтилъ движеніе сыщика. У молодого человѣка были зоркіе глаза. Онъ усмѣхнулся про себя и, какъ ни въ чемъ не бывало, порядилъ извозчика и поѣхалъ на Петербургскую сторону, вполнѣ увѣренный, что за нимъ, на благородномъ разстояніи, слѣдуетъ маленькій, толстенькій и добродушный на видъ сыщикъ, очень хорошо извѣстный своею ловкостью и умѣньемъ.

Никольскій еще у полковника вспомнилъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ имѣлъ счастіе встрѣчаться съ этимъ любопытнымъ господиномъ, но увѣренъ былъ, что г-нъ Сивковъ, несмотря на свою ловкость, едва ли припомнитъ всѣ подробности. Во-первыхъ, это было такъ давно, во-вторыхъ, и обстоятельства были очень сложны, а въ-третьихъ, Никольскій познакомился тогда съ Сивковымъ въ сумеркахъ и былъ представленъ ему подъ другой фамиліей.

«Напрасно прокатился!»—подумалъ молодой человѣкъ, останавливая извозчика у скромнаго деревяннаго домика, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны.

Расплатившись съ извозчикомъ, Никольскій бросилъ взглядъ на улицу и отлично разсмотрѣлъ маленькую, толстенькую фигурку съ поднятымъ воротникомъ, слѣзающую съ извозчика у поворота въ переулокъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся и поднялся во второй этажъ, гдѣ жила его тетка, у которой во время своего отсутствія Никольскій помѣстилъ Колю Трамбецкаго. Тетка эта, пожилая, простая, добрая женщина, вдова чиновника, души не чаяла въ своемъ племянникѣ и готова была сдѣлать для него все, что бы онъ ни пожелалъ. Никольскій помогалъ бѣдной женщинѣ и часто баловалъ старуху наливкой, до которой она была охотница.

Едва Никольскій вошелъ въ прихожую, какъ навстрѣчу къ нему бросился Коля. Онъ горячо обнялъ молодого человѣка и пытливо взглянулъ на него, ловя на лицѣ Никольскаго какое-нибудь радостное извѣстіе. Во взглядѣ большихъ черныхъ глазъ ребенка было столько тревоги, что Никольскій поспѣшилъ успокоить мальчика.

— Ты что такъ смотришь, Коля? Ты не унывай...

— Ты нашелъ вора?—перебилъ мальчикъ.

— Нѣтъ еще, но подожди, найдемъ...

— А папа?..—прошепталъ мальчикъ, поникая головой.—Что будетъ съ папой?..

— Ничего не будетъ съ папой твоимъ—вступилась тетка Никольскаго.—Ну, чего ты повѣсилъ голову, родной мой, а?.. Ну... ну... не плачь же, Колюнъ мой!—ласково утѣшала старая женщина, проводя своей рабочей, шершавой рукой по лицу мальчика.—Развѣ возможно, чтобы невиннаго человѣка осудили?.. Глупенькій! Скоро папа возьметъ тебя, и вы будете вмѣстѣ жить... Только меня, старуху, не забывай... Я къ тебѣ вѣдь привыкла, къ сиротинкѣ...

Прасковья Ивановна утѣшала ребенка, а сама безпокойно взглядывала на племянника.

— Давно папу видѣлъ, Коля?

Онъ былъ съ тетей въ прошлое воскресенье у папы. Папу перевели въ Литовскій замокъ. Папа очень кашляетъ, у него лихорадка. Онъ все спрашивалъ, скоро ли пріѣдетъ Петръ Николаевичъ. Онъ очень ждетъ Петра Николаевича.

— Папа говорилъ, что ты привезешь ему счастье! Привезъ ты ему счастье?

— Эка что спрашиваешь, Коля!—вступилась Прасковья Ивановна.—Да развѣ мой Петя кому-нибудь можетъ привезти несчастье?.. Сердце-то у него, мальчикъ, у нашего Пети, золотое...

— Полно, полно, тетя!.. Лучше поѣсть дайте.

— Глупая!.. И не догадалась. Чай, голоденъ? Ну, пойдемте, милые мои... У меня мигомъ все будетъ готово.

За завтракомъ Прасковья Ивановна то и дѣло подкладывала своему племяннику на тарелку, а сама ѣла какъ-то урывками, носясь изъ кухни въ комнату.

Она, между прочимъ, шепнула Никольскому, что видѣлась съ адвокатомъ.

— Что-жъ говоритъ онъ?—тихо спросилъ Никольскій.

Коля пересталъ ѣсть и жадно слушалъ.

— Адвокатъ увѣренъ, что Александра Александровича оправдаютъ! — громко сказала добрая женщина, значительно взглядывая на племянника.

— Еще бы! Смѣли бы не оправдать папу!—крикнулъ мальчикъ, сверкая глазенками.

Грустно усмѣхнулся Никольскій, бросая ласковый, нѣжный взглядъ на нервнаго, блѣднаго мальчика.

— А если бы, Коля, отца не оправдали? Если бы его невиннаго осудили?

— Этого не можетъ быть.

— Милый мой, на свѣтѣ все бываетъ! — угрюмо проговорилъ молодой человѣкъ.

Мальчикъ поблѣднѣлъ. Глазенки его заблестѣли, и по всему лицу пробѣгала нервная дрожь.

— Если на свѣтѣ такъ бываетъ, если Богъ оставитъ папу... Нѣтъ, Петръ Николаевичъ, развѣ Богъ не видитъ, что папа не виноватъ? Онъ видитъ, все видитъ и, когда судьи будутъ судить его, Онъ шепнетъ всѣмъ имъ на ухо, что папа невиненъ... Вѣдь правда, тетя? Онъ шепнетъ имъ?

— Правда... Богъ не оставитъ отца!—проговорила растроганная Прасковья Ивановна.

Никольскій молчалъ и старался не глядѣть на блѣднаго мальчика.

Ребенокъ задумался. Въ его несоразмѣрно большой головѣ копошились какія-то мысли. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ твердымъ голоскомъ:

— А если бы Богъ оставилъ папу, и его невинно обвинятъ, я не оставлю папу. Я поѣду съ нимъ и буду молиться за него, а когда выросту, то отыщу вора и докажу, что папа честный, добрый, славный.

— Голубчикъ ты мой!—шептала Прасковья Ивановна, вытирая одною рукой набѣгавшія слезы, а другой подкладывая Колѣ на тарелку еще кусочекъ говядины. — Доброе ты дитя мое... Кушай, кушай... Господь не оставитъ тебя!

Послѣ завтрака Петръ Николаевичъ съ Колей поѣхали къ Трамбецкому въ Литовскій замокъ. Былъ пріемный день.

Они въѣхали въ Тюремный переулокъ. Изъ оконъ тюрьмы, сквозь желѣзныя почернѣвшія полосы, выглядывали блѣдныя, желтыя и зеленыя лица.

Коля отвернулся, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бѣдные!—прошепталъ онъ.

Они подъѣхали къ воротамъ. Тяжелая желѣзная калитка взвизгнула на своихъ петляхъ, и Никольскій съ ребенкомъ очутились въ темномъ пространствѣ между наружными и внутренними воротами. Въ этомъ темномъ пространствѣ стояла толпа городовыхъ, мужиковъ и бабъ. То и дѣло взвизгивали двери, и проходили полицейскіе, съ книжками подъ мышками. Полицейскіе, стоявшіе у воротъ, подозрительно оглядывали приходящихъ.

— Вамъ куда... на свиданіе?

— На свиданіе!—отвѣтилъ Никольскій.

Онъ только-что хотѣлъ пройти влѣво, сквозь сѣрую толпу, тѣснившуюся у маленькой лѣсенки въ ожиданіи разрѣшенія, какъ вдругъ крикнули: «Посторонись!» Никольскій съ мальчикомъ прислонились къ стѣнѣ и услышали глухой скрипъ отворявшихся воротъ. Темное пространство освѣтилось вдругъ ворвавшимся свѣтомъ.

Изъ внутренняго двора съ глухимъ шумомъ выѣхала маленькая, низенькая тюремная карета, закрытая со всѣхъ сторонъ. Сзади шли два солдата съ ружьями. Изъ крошечнаго отверстія, закрытаго частой рѣшеткой, выглянуло совсѣмъ молодое лицо въ сѣрой арестантской шинели и уродливой шапкѣ. Другихъ лицъ нельзя было разглядѣть въ темнотѣ кареты. Казалось, что въ этой каретѣ должно быть душно, и тотъ, кому пришлось сидѣть у отверстія, былъ счастливцемъ.

Никольскій взглянулъ на мелькнувшее лицо арестанта и нервно сжалъ руку мальчика.

— Папа?—крикнулъ мальчикъ.

— Нѣтъ... Нѣтъ...

Съ глухимъ грохотомъ проѣхала маленькая карета небольшое пространство. Снова заскрипѣли ворота, — и стало темно.

Никольскій поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ маленькую грязную комнатку, гдѣ сидѣли городовые.

— Вамъ кого?

— Трамбецкаго!

— Изъ дворянскаго отдѣленія?

— Изъ дворянскаго!

Онъ сунулъ двугривенный въ руку солдата. Солдатъ поблагодарилъ и поспѣшно вышелъ, проговоривъ: «Сейчасъ!»

Минутъ черезъ пять вышелъ полицейскій офицеръ.

— Свиданія?

— Свиданія!

— Съ кѣмъ?

— Съ Трамбецкимъ!

— Подождите.

Никольскій съ Колей присѣли на лавку. Въ этой комнатѣ дожидалась публика почище. На свиданіе пускали партіями человѣкъ въ десять. Въ комнатѣ шелъ тихій говоръ. У ждавшихъ свиданія лица были серьезныя. У большинства въ рукахъ были свертки. Эти свертки тщательно осматривали и уносили въ другую комнату.

— А у васъ что? — подошелъ чиновникъ къ Никольскому.

— Чай и сахаръ.

— Больше ничего?

— Еще булки и кусокъ говядины.

— Птицы нѣтъ?

— Нѣтъ...

Городовой взялъ свертокъ и понесъ въ контору.

Мальчикъ со страхомъ прижался къ Никольскому.

— О какой птицѣ онъ спрашивалъ?

— Птицу нельзя сюда носить.

— Отчего?..

— Чтобъ арестантъ не подавился!—улыбнулся Никольскій.

— А...

Хотя Коля не первый разъ былъ здѣсь, но всякій разъ онъ испуганными глазами смотрѣлъ вокругъ. Около него сидѣла молодая баба съ груднымъ ребенкомъ и тихо укачивала малютку. Мальчикъ видѣлъ, какъ мелькало маленькое красненькое пятно изъ-за полосатаго одѣяла... Баба искоса взглянула на Колю и, замѣтивъ его любопытный взглядъ, сказала:

— Тоже мальчикъ.

Коля сконфузился.

— А ты къ кому пришелъ?

— Къ отцу! — чуть слышно прошепталъ Коля. — Онъ по ошибкѣ здѣсь.

— И мужъ мой тоже безвинно!—вздохнула баба.—Изъ-за пачпорта!..

Немного подалѣе сидѣла молодая, хорошо одѣтая дама. Она нетерпѣливо поглядывала на двери конторы и нѣсколько разъ спрашивала городового: «Скоро ли?»

Наконецъ отворилась дверь изъ другой комнаты, и изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ свиданіе. На многихъ женскихъ лицахъ еще блестѣли слезы. Когда они вышли, полицейскій чиновникъ сталъ выкликать имена арестантовъ, съ которыми разрѣшено свиданіе. Выкликнули девять фамилій. Молодая женщина, сидѣвшая сбоку, привстала. Лицо ея,

красивое, симпатичное лицо, все вытянулось, и по немъ пробѣгали судороги.

— Къ Трамбецкому!—крикнулъ чиновникъ.

— А что-жъ къ Никифорову?—спросила дама.

Чиновникъ взглянулъ, улыбнулся, кланяясь дамѣ, точно хорошей знакомой, подошелъ къ ней съ изысканной вѣжливостью, ловко звякнулъ шпорами и произнесъ:

— Я поставленъ въ непріятную обязанность сообщить вамъ, сударыня, что сегодня вамъ нельзя имѣть свиданія...

— Это почему?.. Развѣ...

— Не безпокойтесь... Вашего мужа повезли сегодня къ допросу къ судебному слѣдователю. Мнѣ, право, очень жаль, что вы напрасно сегодня безпокоились...

— Прошу васъ, передайте ему все, что̀ я принесла.

— О, будьте покойны...

Она поднялась, а Коля не спускалъ глазъ съ молодой дамы. Она замѣтила этотъ взглядъ и ласково улыбнулась и потрепала мальчика по щекѣ. Онъ почему-то поцѣловалъ ея руку.

— Пожалуйте, господа!

Нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ Никольскій съ Колей, пошли, съ чиновникомъ во главѣ, изъ комнаты въ другую и наконецъ въ третью, побольше, раздѣленную рѣшеткой пополамъ. За рѣшеткой было темно. У рѣшетки уже дожидались арестанты. Прибывшіе на свиданіе торопливо бросились къ рѣшеткѣ. Городовые стояли около. Раздались сдержанныя восклицанія и тихій говоръ. Старались говорить всѣ какъ можно тише. Около Коли стояла старушка и жадно припала къ рѣшеткѣ, цѣлуя какого-то блѣднолицаго юношу, одѣтаго въ обыкновенное платье. Городовой отвернулся при этой сценѣ.

Трамбецкаго еще не было. Коля жадно всматривался въ глубь комнаты, откуда выходили арестанты. Вдругъ онъ вздрогнулъ и дернулъ Никольскаго за руку. Къ рѣшеткѣ поспѣшно подошелъ Трамбецкій, улыбаясь на ходу своему мальчику. Онъ нагнулся, протянулъ исхудалыя руки и прильнулъ къ губамъ сына.

Грустно взглянулъ Никольскій на стараго неудачника: онъ совсѣмъ посѣдѣлъ; лицо было землистое, большіе глаза совсѣмъ ввалились и лихорадочно блестѣли изъ темныхъ ямъ. Это была тѣнь живого человѣка, а не человѣкъ.

— А я тебѣ, папа, Петра Николаевича привелъ!

— Господи! Васъ я и не видалъ! Ну, что̀?—воскликнулъ глухимъ голосомъ Трамбецкій, крѣпко пожимая руку молодого человѣка.—Нашли какіе-нибудь слѣды?

Въ глазахъ измученнаго человѣка свѣтилась надежда.

Но Трамбецкій тотчасъ же опустилъ голову, прочитавъ отвѣтъ въ глазахъ Никольскаго.

— Не падайте духомъ, Александръ Александровичъ. Я не теряю еще надежды.

— Впрочемъ, все равно. Черезъ недѣлю я буду на скамьѣ подсудимыхъ!—проговорилъ Трамбецкій.

— Тебя оправдаютъ, папа!—крикнулъ Коля.

— О, голубчикъ мой. Если бы не ты, да развѣ не все ли мнѣ равно, что̀ со мной будетъ? Вѣдь ты, ты одинъ привязываешь меня къ жизни.

Онъ вдругъ закашлялся и отвернулся. Изъ горла хлынула кровь.

— Папа, папочка, что̀ съ тобой?

— Ничего, ничего, не пугайся, мой мальчикъ,—пройдетъ... Вотъ видишь ли?

Онъ обернулся и улыбнулся испуганному мальчику.

А въ глазахъ у самого стояли слезы.

— Васъ, разумѣется, оправдаютъ! — проговорилъ Никольскій.

— Оправдаютъ! А кто вернетъ мнѣ мѣсяцы тюрьмы? Ахъ, если бы я зналъ этого подлеца... Если бы только зналъ.

Онъ задыхался, торопясь говорить. При воспоминаніи объ этомъ подлецѣ въ немъ снова вспыхивала энергія.

Занятый своимъ горомъ, Трамбецкій и не спрашивалъ Никольскаго о подробностяхъ его поѣздки. Что̀ ему до подробностей? Онъ видѣлъ только, что пріятель его ничего не сдѣлалъ.

Но вдругъ онъ спохватился и сказалъ:

— Хорошъ я... Вы ѣздили, хлопотали, а я и не благодарю васъ, но вѣдь вы знаете, какъ цѣню я ваше расположеніе... Вѣдь знаете и безъ словъ, какъ я вамъ обязанъ... Безъ васъ что̀ сталось бы съ Колей?..

— Полно, полно... дорогой мой... Скоро все кончится, и мы васъ отправимъ съ Колей въ деревню... Ужъ я вамъ и мѣстечко пріискалъ на Югѣ... Вамъ хорошо тамъ будетъ...

Никольскій говорилъ, а самъ думалъ, что дни бѣдняги сочтены... Едва ли придется ему ѣхать въ деревню. А впрочемъ..

Трамбецкій оживился.

— Да, папа, мы вмѣстѣ уѣдемъ и ужъ никогда не разстанемся!

И умирающій вѣрилъ возможности этого счастья. Ему такъ хотѣлось вѣрить. Онъ сталъ мечтать вслухъ, какъ имъ будетъ хорошо вдвоемъ. Ему такъ хотѣлось скорѣе изъ Петербурга. Адвокатъ тоже увѣренъ въ его оправданіи.

— Скорѣе бы только насталъ этотъ день!

Онъ ни словомъ не вспомнилъ своей жены, и Никольскій думалъ, что онъ теперь послѣ всего ее возненавидѣлъ, но молодой человѣкъ, какъ видно, плохо зналъ человѣческое сердце. Когда Коля отвернулся, Трамбецкій тихо шепнулъ:

— О ней что-нибудь слышали?

— Нѣтъ...

— Узнайте, голубчикъ... Вѣдь я...

Онъ не докончилъ и какъ-то стыдливо опустилъ глаза.

— Впрочемъ... я буду имѣть счастіе видѣть ее въ судѣ!..

Никольскій, сколько могъ, ободрялъ бѣднягу... Наступило время прощанія. Отецъ снова нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ сына. Оба были разстроены. У отца и сына глаза были полны слезъ.

— Еще разъ спасибо вамъ, Петръ Николаевичъ. Добрый вы человѣкъ!.. — проговорилъ Трамбецкій дрожащимъ голосомъ. — Ну, ну... не сердитесь. Я знаю, вы изліяній не любите, ну, да простите стараго неудачника... Теперь недолго ждать... Осталось всего шесть дней, а тамъ въ деревню...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А если бы я нашелъ мерзавца, который...

— Не сокрушайтесь... онъ еще найдется...

— Вы кого-нибудь подозрѣваете?..

Никольскій махнулъ головой.

— Кого же?

— Зачѣмъ вамъ знать... Все равно пока ничего нельзя сдѣлать... И подозрѣнія мои слишкомъ шатки...

— Умоляю васъ... скажите... Даю вамъ слово, что раньше вашего позволенія я ни единой душѣ не скажу.

— Даете?..

— Даю.

Никольскій нагнулся и шепнулъ ему на ухо. Трамбецкій изумился.

— Не можетъ быть! — проговорилъ онъ. — Это... это... невозможно!..

— Отъ нихъ все возможно, Трамбецкій, — угрюмо проговорилъ Никольскій. — Если бы вы видѣли гроссъ-бухъ Гуляева, то поняли бы, что все возможно...

— Нѣтъ... нѣтъ... вы ошибаетесь!

— Увидимъ...

Еще поцѣлуй сыну, пожатіе руки, — и они разстались.

Сумрачный вышелъ изъ воротъ тюрьмы Петръ Николаевичъ. Видъ Трамбецкаго смущалъ молодого человѣка.

V.

Отставка его превосходительства.

Несмотря на совѣты жены и друзей «переждать» и не подавать прошенія объ отставкѣ, его превосходительство Сергѣй Александровичъ твердо рѣшился просить объ увольненіи вслѣдствіе разстроеннаго здоровья.

«Его свѣтлость изволилъ сдѣлать меня больнымъ!» — пробовалъ-было шутить старикъ, но шутка выходила какая-то болѣзненная, грустная шутка.

Его превосходительство рѣшилъ на другой же день послѣ деликатнаго намека подать прошеніе, но... не хватало силы. Онъ медлилъ, чего-то надѣялся, вглядываясь во время докладовъ въ лицо его свѣтлости. Старика щадили. Ему не повторили намека, но разъ не подали руки, другой не уважили его представленія.

Послѣ всего этого оставаться долѣе было невозможно, неприлично... Достоинство гордаго старика заставляло немедленно удалиться отъ дѣлъ...

Пятнадцать лѣтъ занималъ онъ видный постъ, пользуясь неизмѣнной благосклонностью его свѣтлости, пятнадцать лѣтъ неустанно работалъ онъ на благо Россіи; сколько перенесъ онъ заботъ, непріятностей, сколько пережилъ интригъ. Довольно! Пора и въ самомъ дѣлѣ отдохнуть! Вѣчныя тревоги надоѣли...

«Замѣнить меня какимъ-то Стрѣлковымъ!» Это слишкомъ тяжело. Конечно, на все воля князя. Его превосходительство слишкомъ обязанъ его свѣтлости и боготворитъ его... Онъ не смѣетъ порицать его выбора, и наконецъ его свѣтлость, вѣроятно, жертва интриги; но куда же приведутъ господа Стрѣлковы судьбу отечества? Вотъ что̀ обидно, вотъ что̀ сокрушаетъ старика.

По крайней мѣрѣ его превосходительство хотѣлъ увѣрить себя въ этомъ, ощущая горькое чувство оскорбленнаго самолюбія.

Да, пора на покой! Онъ становится старъ. Онъ начинаетъ терять способность попадать въ струю теченія. «У насъ теперь столько теченій!»—грустно усмѣхнулся старикъ. Выскочки въ наше время en vogue... Желая угодить, они не останавливаются ни передъ чѣмъ. Сегодня либералы, завтра неумѣренные ретрограды. Убѣжденій никакихъ! Порядочный, приличный консерватизмъ съ послѣдовательными реформами теперь не нуженъ.

«Бѣдная Россія!»—проговорилъ со вздохомъ старикъ, отожествляя судьбу Россіи съ собственной своей судьбой.

Планъ, предложенный Викторомъ Павловичемъ, подѣйствовать на свѣтлѣйшаго черезъ ея свѣтлость былъ нѣсколько разъ съ брезгливостью отвергнутъ его превосходительствомъ. Этого еще недоставало! Все равно дѣло потеряно.

Его превосходительство, зная хорошо свою супругу, строго предупредилъ Анну Петровну «не пускаться въ авантюры». Ея превосходительство, конечно, дала слово, но на другой же день пустилась на развѣдки и съ любовью занялась интригой.

Неутомимая, ловкая, даже нахальная, когда дѣло касалось интересовъ дома, она перебывала у всѣхъ своихъ друзей, имѣла свиданіе съ высокимъ духовнымъ лицомъ, вездѣ говорила, что Россія погибнетъ, если Стрѣлковъ сдѣлается вліятельнымъ лицомъ; однимъ говорила, что Стрѣлковъ неблагонамѣренный человѣкъ, другимъ, — что Стрѣлковъ слишкомъ крутъ; духовному лицу тонко намекнула, что Стрѣлковъ атеистъ, а при помощи близкихъ къ ея свѣтлости лицъ довела до свѣдѣнія, что Стрѣлковъ безнравственный человѣкъ, и откуда-то откопала самыя достовѣрныя извѣстія о числѣ жертвъ, погубленныхъ будто бы господиномъ Стрѣлковымъ. Не оставлены были безъ вниманія и намеки на корыстолюбіе восходящаго на административномъ горизонтѣ свѣтила. Благодаря неутомимой агитаторшѣ, была пущена въ ходъ грязная исторія объ источникахъ состоянія Стрѣлкова; при помощи Евгенія Николаевича въ одной изъ газетъ была напечатана горячая статья о заслугахъ Сергѣя Александровича и о томъ прискорбномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на «всю Россію» слухъ, «очевидно, вымышленный», объ отставкѣ его превосходительства. Въ статьѣ перечислялись доблести старика и длинный рядъ реформъ, проведенныхъ имъ въ департаментѣ.

Когда за обѣдомъ его превосходительство освѣдомлялся у жены, гдѣ это она пропадаетъ по цѣлымъ днямъ, то Анна Петровна ссылалась на занятія въ благотворительныхъ комитетахъ. У нея ихъ такъ много! Намъ, порядочнымъ женщинамъ, надо подавать примѣръ!

Его превосходительство болѣе не спрашивалъ, а Анна Петровна, поглядывая на старика, задумывала новую комбинацію какой-нибудь новой интриги.

Она хорошо знала его превосходительство, знала его привычку къ власти и почету. Она была увѣрена, что Сергѣй Александровичъ притворяется, разсказывая, что онъ усталъ и ищетъ покоя. Сдѣлай его свѣтлость малѣйшій намекъ, скажи ласковое слово, удержи старика, — и его превосходи-

тельство, теперь какъ будто сгорбившійся и удрученный недугами, снова выпрямится на страхъ своимъ недоброжелателямъ...

Однако, несмотря на опытность Анны Петровны въ интригѣ, несмотря на то, что супруга его свѣтлости приняла горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и имѣла разговоръ съ мужемъ о господинѣ Стрѣлковѣ (она освѣдомилась о близкомъ родствѣ его съ женщиной, которой она не любила), хлопоты не удались, и Анна Петровна изъ вѣрныхъ источниковъ узнала, что его свѣтлость недавно сказалъ объ ея мужѣ, что «бѣдный старикъ, кажется, совсѣмъ боленъ и едва ли можетъ заниматься дѣлами».

Тогда Анна Петровна сообразила, что надо воспользоваться положеніемъ обиженнаго старика и испросить ходатайства его свѣтлости объ оставленіи содержанія и о какой-нибудь существенной наградѣ въ благодарность за долговременную службу. Хорошо было бы получить приличный денежный подарокъ или нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Когда кто-то изъ ея друзей замѣтилъ, что «финансы разстроены» и что лучше хлопотать о землѣ, то Анна Петровна возразила на это, что какая-нибудь сотня тысячъ ничего не значитъ для казны, и наконецъ «они непрочь вмѣсто денегъ получить землю».

Неутомимая Анна Петровна прямо сказала его превосходительству, что если онъ уходитъ со службы, то надо, по крайней мѣрѣ, «подумать о дѣтяхъ».

— Теперь тебѣ легко просить, чтобы князь за тебя похлопоталъ. Многимъ даютъ землю...

Сергѣй Александровичъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами.

— Неловко!—произнесъ онъ.

Неловко! Чего смотрѣть? Нашелъ время стѣсняться! Его же обидѣли, его мѣняютъ на Стрѣлкова, а онъ говоритъ о неловкости. У нихъ двѣ дочери. У нихъ Шурка. Въ новомъ положеніи связи порвутся. Непремѣнно надо взять *съ нихъ*, что только можно. Она удивляется, какъ такой умный человѣкъ, какъ Сергѣй Александровичъ, до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ.

Его превосходительство слушалъ жену и хмурился. Его слухъ рѣзалъ этотъ рѣзкій тонъ попрошайства. Онъ непрочь былъ воспользоваться милостью князя, но нельзя было дѣйствовать наглостью... Этого онъ не могъ вынести. Кривскому даже показалось, что жена теперь говоритъ съ нимъ не такъ, какъ говорила вчера, когда еще онъ былъ въ силѣ. Что-то

вульгарное было въ ея тонѣ, какая-то фамильярность, которой онъ не допускалъ.

Онъ обѣщалъ подумать и нагнулся къ бумагамъ, давая этимъ понять, что разговоръ конченъ. Но Анна Петровна, раздраженная неудачей своихъ интригъ, не обратила вниманія на уклончивость старика и замѣтила:

— Мнѣ кажется, думать долго нечего... Если теперь ты не похлопочешь, то мы останемся нищими...

Его превосходительство медленно поднялъ глаза на жену и строго замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что ты уже слишкомъ неумѣренно заботишься... Мнѣ кажется, было бы несравненно лучше предоставить заботы о дѣтяхъ моему усмотрѣнію. Такъ мнѣ кажется! — подчеркнулъ его превосходительство послѣднія слова.

Анна Петровна ушла оскорбленная. Ему кажется! «Старый самолюбивый дуракъ!»—наградила она старика, возвратившись въ свой кабинетъ, и въ тотъ же день сама принялась хлопотать черезъ супругу его свѣтлости.

Прошеніе объ отставкѣ нѣсколько дней уже лежитъ въ письменномъ столѣ его превосходительства. Сегодня старикъ поѣдетъ съ докладомъ—послѣднимъ докладомъ—и почтительно вручитъ прошеніе вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ къ его свѣтлости.

Согнувшись надъ большимъ листомъ почтовой бумаги, старикъ доканчивалъ письмо. Онъ перечиталъ его, и слезы показались на глазахъ его превосходительства. Въ письмѣ онъ благодарилъ за милости, которыми пользовался въ теченіе долгихъ лѣтъ, и изъявлялъ чувства безпредѣльной преданности. Онъ надѣялся, что теченіе дѣлъ въ вѣдомствѣ пойдетъ при новыхъ силахъ быстрѣе и сообразнѣе съ видами его свѣтлости, и просилъ простить старика, если онъ когда-либо навлекъ неудовольствіе своего благодѣтеля. Если онъ и виноватъ, то виноватъ безъ вины.

Сергѣй Александровичъ вложилъ письмо въ конвертъ, досталъ изъ письменнаго стола прошеніе объ отставкѣ, вынулъ изъ другого ящика превосходно переписанную записку съ четкимъ на ней заголовкомъ: «Мнѣніе о современномъ положеніи Россіи въ политическомъ и гражданственномъ отношеніи» и бережно уложилъ всѣ эти бумаги въ портфель. Тонкіе пальцы его превосходительства слегка дрожали при этомъ. Онъ чувствовалъ волненіе; обыкновенно солидныя и увѣренныя движенія его были нервны и рѣзки. Онъ поднялся быстро изъ-за стола, — какъ противенъ ему показался теперь этотъ

столъ, за которымъ онъ пятнадцать лѣтъ подписалъ столько бумагъ!—и, встрѣтивъ печальный взглядъ дожидавшагося камердинера Василія Ивановича, приподнялъ голову и рѣзко сказалъ:

— Одѣваться!..

— Мундиръ прикажете?

— Да...

Василій Ивановичъ давно приготовилъ мундиръ, но спросилъ, надѣясь, не отдумалъ ли старикъ подавать въ отставку. Старый плутъ очень близко принималъ къ сердцу служебное положеніе его превосходительства, такъ какъ съ отставкой барина лишался и самъ значительныхъ доходовъ.

«Придется и мнѣ, кажется, выходить въ отставку!» — думалъ Василій Ивановичъ, подавая его превосходительству одѣваться.

У камердинера его превосходительства были деньжонки, и порядочныя. Василія Ивановича знали всѣ въ вѣдомствѣ. Съ нимъ были предупредительны и дарили его деньгами не только мелкіе чиновники, но даже и крупные, не говоря уже о просителяхъ.

Старый плутъ отлично зналъ, что положеніе камердинера выгоднѣе, пожалуй, чѣмъ положеніе директора департамента, и Василій Ивановичъ въ пятнадцать лѣтъ прикопилъ себѣ цѣлое состояньице.

«Пожалуй, и довольно!» — подумалъ онъ, провожая до кареты его превосходительство.

Угрюмый сидѣлъ въ углу кареты Кривскій. По временамъ нервная дрожь прохватывала его тѣло. Изрѣдка среди мрачныхъ мыслей проскальзывалъ лучъ надежды.

Быть-можетъ, его свѣтлость удержитъ его, будетъ просить? Тогда онъ, пожалуй, и согласится?

Напрасныя мечты. Твоя пѣсенка спѣта. Остается допѣть ее съ достоинствомъ, какъ слѣдуетъ настоящему джентльмену съ англійскою складкою. Можно распуститься наединѣ, но тамъ, при другихъ, надо подтянуться и доиграть пьесу съ честью. Недаромъ же его превосходительство былъ завзятый англоманъ.

Карета остановилась у подъѣзда большого роскошнаго дома на Сергіевской улицѣ. Какъ любилъ старикъ ѣздить сюда, и какъ часто онъ ѣздилъ увѣренный, спокойный, горделивый, а теперь...

Почтительно кланяясь, швейцаръ снялъ съ его превосходительства пальто. Старикъ оправился передъ зеркаломъ,

спустилъ вьющійся локонъ на свой лобъ и, высоко поднявши голову, спокойно поднялся по широкой свѣтлой лѣстницѣ въ пріемную.

Тамъ было много народа. Дежурный чиновникъ обходилъ лицъ, дожидавшихся аудіенціи его свѣтлости. Въ огромной залѣ всѣ говорили тихо, шопотомъ. Только въ сторонѣ у окна два молодыхъ генерала, нисколько не стѣсняясь, весело смѣялись, громко разсказывая о вчерашнемъ спектаклѣ во французскомъ театрѣ.

При входѣ его превосходительства всѣ обратили на него вниманіе. Многіе почтительно кланялись и подходили засвидѣтельствовать почтеніе. Молодые генералы взглянули на Кривскаго и продолжали разговаривать. Его превосходительство зналъ этихъ господъ и недавно еще видѣлъ, какъ низко сгибали они спины при встрѣчѣ съ его превосходительствомъ, а теперь...

«Вѣрно, моя отставка рѣшена!»—мелькнуло въ головѣ старика, когда онъ любезно пожималъ знакомымъ руки, привѣтливо освѣдомляясь о здоровьѣ.

Дежурный чиновникъ тотчасъ же приблизился къ Сергѣю Александровичу и, почтительно наклоняя голову, доложилъ, что у его свѣтлости Викторъ Павловичъ, а какъ только онъ выйдетъ, князь приметъ его превосходительство.

Его превосходительство отошелъ въ сторону и присѣлъ на кресло. Онъ сидѣлъ одинокій. Никто къ нему не подходилъ. Проходившіе почтительно кланялись и проходили мимо. Нѣсколько дней тому назадъ около него собралась бы тотчасъ группа. Всѣ жадно ловили бы его слова, и каждый считалъ бы для себя большою честью удостоиться пожатія руки его превосходительства.

«Моя отставка рѣшена!» — подумалъ еще разъ старикъ и еще выше поднялъ голову.

Два генерала отошли отъ окна и прошли мимо Кривскаго. Взглядъ Сергѣя Александровича скользнулъ мимо. Они повернули назадъ и, какъ будто только-что замѣтивъ его превосходительство, поклонились Кривскому. Кривскій едва кивнулъ головой, но зато какъ-то особенно любезно пожалъ руку толстому, лысому господину со звѣздой, котораго годъ тому назадъ распекалъ у себя въ кабинетѣ.

— А, ваше превосходительство, по какому здѣсь случаю?— весело спрашивалъ Кривскій.

— Пріѣхалъ благодарить за награду, ваше превосходительство!

— Поздравляю... Я и не зналъ... Очень радъ. Надолго сюда?

— На недѣлю.

Отворились двери. Всѣ вздрогнули. Тихій говоръ моментально смолкъ. Изъ дверей вышелъ озабоченный Викторъ Павловичъ, съ портфелемъ въ рукахъ. Онъ быстро прошелъ до середины пріемной и, встрѣтившись съ Сергѣемъ Александровичемъ, едва замѣтно пожалъ плечами и какъ-то печально взглянулъ на него, пожимая ему руку.

«Моя отставка рѣшена!» — промелькнуло опять въ головѣ старика, когда онъ вошелъ въ кабинетъ и пожималъ ласково протянутую ему руку его свѣтлости.

Ему указали на кресло, и онъ тотчасъ же началъ свой докладъ. Въ этотъ разъ докладъ Сергѣя Александровича какъ нарочно длился очень долго. Было много важныхъ вопросовъ. Его превосходительство сегодня докладывалъ съ особеннымъ мастерствомъ. Онъ съ такою точностью, и притомъ кратко, резюмировалъ сложнѣйшіе вопросы, что его свѣтлость, слушая блестящій докладъ старика, пріятно улыбался. На всѣ вопросы онъ давалъ обстоятельные отвѣты съ какою-то изящной аффектаціей исполнительнаго и преданнаго совѣтника. Въ немъ точно проснулся молодой ретивый чиновникъ. Куда дѣвалось его лѣнивое, скептическое равнодушіе, съ какимъ онъ, бывало, прежде дѣлалъ доклады.

Докладъ конченъ. Обоимъ вдругъ сдѣлалось неловко. Его превосходительство чувствуетъ, что князь чего-то ждетъ.

Онъ знаетъ чего. «Моей отставки!»

Его превосходительство подымается съ кресла и почтительно проситъ его свѣтлость, принявъ во вниманіе его разстроенное здоровье, уволить его отъ должности.

Князь дѣлаетъ удивленные глаза, но въ то же время его превосходительство ловитъ веселое выраженіе, мелькнувшее по лицу его свѣтлости.

— Такъ скоро?—говоритъ князь и въ то же время быстро протягиваетъ нѣжную руку за бумагой.

— Если вашей свѣтлости будетъ угодно, то я постараюсь, въ ожиданіи преемника...

— Э, нѣтъ, дорогой Сергѣй Александровичъ,—перебиваетъ князь.—Я не хочу злоупотреблять вашимъ здоровьемъ...

Наступаетъ послѣдній актъ. Князь благодаритъ старика за труды и прижимаетъ Сергѣя Александровича къ груди. Кривскій растроганъ, но на этотъ разъ сдерживаетъ волненіе. Онъ только проситъ милости принять письмо и записку, которая пригодится, быть-можетъ, его преемнику...

Его опять благодарятъ. Старикъ видитъ, что его свѣтлость доволенъ и старается позолотить пилюлю

— Ну, до свиданія, Сергѣй Александровичъ... Желаю вамъ скорѣй поправиться. Надѣюсь еще видѣть васъ у себя.

Князь ласково пожалъ холодную руку бывшаго совѣтника, со слезами на глазахъ проводилъ его превосходительство до дверей и еще разъ сказалъ:

— Прощайте, дорогой Сергѣй Александровичъ. Помните, что я никогда не забуду вашей службы.

Еще выше поднялъ голову Кривскій, когда вышелъ изъ кабинета свѣтлѣйшаго и увидалъ идущаго навстрѣчу своего преемника.

VI.

Приговоръ присяжныхъ.

Любители и въ особенности любительницы пикантныхъ процессовъ и сильныхъ ощущеній забрались 5-го октября 187* года въ окружный судъ съ ранняго утра, вооружившись терпѣніемъ, взамѣнъ связей и знакомствъ въ судебномъ мірѣ.

Бѣдные мученики и мученицы любопытства! Имъ приходилось провести нѣсколько убійственныхъ часовъ ожиданія, скучившись въ толпу у барьера, отдѣляющаго входы въ завѣтную залу. Толпа между тѣмъ росла и росла. Сзади напирали, вызывая ропотъ счастливцевъ, бывшихъ впереди. Дамы протискивались впередъ, какъ-то проскальзывая подъ руками, съ легкимъ визгомъ, улыбаясь направо и налѣво въ отвѣтъ на недовольные взгляды. Онѣ не обращали вниманія на давку, толчки и ворчанье. Имъ такъ хотѣлось попасть туда, въ залу. Впереди предстояло столько наслажденія, что можно рискнуть на испытаніе.

Въ толпѣ говоръ, пререканія и смѣхъ. Каждому хочется удержать съ бою пріобрѣтенную пядь каменнаго пола подъ ногами. Сквозь толпу то и дѣло проходятъ счастливцы изъ судебнаго міра, и этимъ временемъ дамы въ толпѣ пользуются, чтобы пробраться чуть-чуть впередъ. Мужчины слегка отталкиваютъ отважныхъ дамъ. Раздаются женскіе оклики: «Невѣжа!» и тихіе, вразумительные мужскіе голоса: «Сударыня, не толкайтесь!». Говорятъ, разумѣется, о процессѣ. Разсказываютъ свои соображенія и передаютъ слухи о подсудимомъ.

О судебномъ разбирательствѣ идутъ толки, точно о новой пьесѣ въ день бенефиса.

«Скоро ли начнется?»—раздается нетерпѣливый женскій голосъ въ толпѣ.

Начало ровно въ одиннадцать часовъ. Спектакль обѣщаетъ быть чертовски интереснымъ. Назначена къ представленію драма, съ тираномъ-мужемъ въ главной роли. Обставлена пьеса превосходно. Предсѣдатель скажетъ такое резюме, что можно съ ума сойти. Обвинять будетъ восходящее свѣтило прокурорскаго надзора, совсѣмъ молодой человѣкъ; онъ пять лѣтъ какъ кончилъ курсъ въ школѣ, но обнаружилъ замѣчательный ораторскій талантъ. Онъ очень хорошъ! Онъ такъ пылко обвиняетъ и, кажется, иногда въ благородномъ негодованіи даже плачетъ... Защищать будетъ знаменитый нашъ Жюль Фавръ. Свидѣтели очень интересны, особенно жена подсудимаго. Несчастная женщина! У кого она на содержаніи теперь? Кажется, Леонтьевъ оставилъ ее?.. Ее винить нельзя. Мужъ у нея не человѣкъ, а извергъ.

Оказывается, что всѣ болѣе или менѣе знаютъ этого человѣка. Всѣ слышали о немъ отъ людей, близко съ нимъ знакомыхъ. Трамбецкій — скрытный и дурной человѣкъ. На этомъ особенно настаиваютъ дамы. «Однако куда же дѣвались деньги?»—«Онъ ихъ припряталъ, конечно,—замѣчаетъ чиновникъ.—Послѣ окажется состояніе!»

Одиннадцатый часъ. Все чаще и чаще приходится толпѣ разступаться, чтобы пропустить счастливцевъ, передъ которыми открываются дверцы барьера.

— Пропустите, пожалуйста... Господа, прошу васъ, не толкайтесь!..

Судебные пристава въ ажитаціи. Толпа растетъ, а между тѣмъ почти уже всѣ мѣста внизу заняты. Остается только верхъ для мучениковъ, забравшихся съ утра.

Городовые и жандармы сдерживаютъ напоръ. Пора однако впускать. Того и гляди барьеръ не выдержитъ. Судебный приставъ проходитъ наверхъ и даетъ знакъ городовому отворить двери. Толпа хлынула наверхъ. Счастливцы быстро стали занимать мѣста. Мигомъ все переполнилось, и снова барьеръ запертъ. Въ толпѣ, оставшейся за барьеромъ, слышенъ ропотъ.

— Г. приставъ, ради Бога... Я васъ прошу!—умоляетъ миловидная брюнетка, схватывая пристава за руку.

На хорошенькомъ, раскраснѣвшемся личикѣ такое страданіе, что приставъ пожимаетъ плечами.

— Всѣ мѣста заняты.

— Вы только пропустите, я найду...

—Не возможно...

— Послушайте... я имѣю право... я родственница подсудимаго...

Приставъ улыбается.

— Я... я сестра его!—говоритъ дама, кокетливо поглядывая на пристава.

Всѣ смѣются. Однако дама тронула сердце пристава (тоже и онъ человѣкъ!) и съ счастливой улыбкой проскальзываетъ за барьеръ.

— Сестра по Христу!—замѣчаетъ кто-то.

— Господа, позвольте... Позвольте, господа... Пропустите даму!..

Сопровождаемая членомъ магистратуры, проходитъ ея превосходительство Анна Петровна съ Евгеніемъ Николаевичемъ Никольскимъ. Судебный приставъ отворяетъ ей двери. Мѣста всѣ заняты, но это ничего не значитъ. Приносятъ два кресла и ставятъ въ проходѣ у самаго барьера. Анна Петровна благодаритъ, усаживается и оглядываетъ публику.

Въ темномъ низкомъ помѣщеніи много дамъ. Кажется, никого знакомыхъ?

Кто-то ей кланяется. Она взглядываетъ и привѣтливо машетъ головой и пожимаетъ плечами, окидывая глазами, словно бы жалуясь, что нѣтъ мѣста.

— Бориса нѣтъ?

— Кажется, нѣтъ.

— Значитъ, Евдокія одна...

Никольскій оглядывается

— Кажется, одна.

— Ужасно тѣсно здѣсь... Кто этотъ господинъ съ бородой... Вонъ тамъ... у стола?

— Вы развѣ не знаете? Это русскій Гамбетта!—съ усмѣшкой проговорилъ Никольскій.

— Интересный господинъ! А вотъ этотъ, курчавый, бѣлокурый?

— Это тоже знаменитость изъ адвокатовъ.

Никольскій назвалъ фамилію.

Полутемная зала была набита биткомъ. Трибуны для чиновъ судебнаго вѣдомства и журналистовъ тоже были полны. Передъ трибунами сидѣли присяжные засѣдатели. Въ боковыхъ проходахъ толпились адвокаты, кандидаты на судебныя должности и мелькали пристава. Къ барьеру, отдѣляющему мѣста для публики, подходили мужчины и, разговаривая со знакомыми, разглядывали дамъ. Около ея превосходительства сидѣло нѣсколько дамъ, старуха и трое молодыхъ, громко называвшихъ по фамиліямъ всѣхъ свѣтилъ судебнаго міра. Онѣ чувствовали себя въ судѣ какъ дома, сыпали юридическими терминами и восхищались умомъ отечественныхъ Гам-

беттъ, Жюль Фавровъ, Беррье и т. п. Къ нимъ то и дѣло подходили члены магистратуры и адвокатуры.

— Вы не знаете, кто эти дамы?

— Судебное семейство!—отвѣчалъ Никольскій.—Вся семья чувствуетъ слабость къ юристамъ.

И онъ назвалъ фамилію.

— Обвинятъ?—спрашивала маленькая, худенькая, миловидная женщина у красиваго брюнета, подошедшаго къ барьеру.

Брюнетъ только пожалъ плечами.

— Поручинъ будетъ стараться!

— О, Поручинъ, Поручинъ. Если онъ захочетъ. Это такой талантъ, такой талантъ. Я такъ люблю слушать Поручина, когда онъ обвиняетъ.

— Ну, и нашъ Жюль Фавръ, надѣюсь, будетъ прелестно говорить! — вступилась барышня изъ судебнаго семейства.— Онъ такъ умѣетъ тронуть.

— Посмотримъ, посмотримъ!—внушительно замѣтилъ брюнетъ.—Сперва предложили мнѣ это дѣло, но я отказался, такъ какъ у меня процессъ гораздо серьезнѣе на рукахъ. Однако сегодня у насъ полно.

Изъ боковой двери торопливо вышелъ высокій молодой человѣкъ, совсѣмъ еще мальчикъ, красивый блондинъ, въ мундирѣ. Онъ положилъ какія-то бумаги на пюпитръ и, спустившись внизъ, сталъ разговаривать съ какимъ-то присяжнымъ повѣреннымъ, поглядывая на дамъ и видимо рисуясь. Онъ говорилъ громко, смѣялся, открывая рядъ прелестныхъ зубовъ, и изгибался словно выѣзженный конь на царскомъ смотру.

— Какъ хорошъ этотъ Поручинъ!—пронеслось между дамами

— И необыкновенно уменъ... Ему предстоитъ блестящая карьера!..

— И образованъ... На-дняхъ онъ былъ у насъ и объяснялъ, что̀ такое счастье. Господи! Какъ это было умно и мило!..—разсказывала одна изъ дѣвицъ судебнаго семейства.— И главное... такъ ясно и просто. Счастье, говорилъ онъ, это гармоническое сочетаніе желаемаго и возможнаго...

— Нѣтъ... и достижимаго!—перебиваетъ другая барышня судебнаго семейства:—и достижимаго!..

— Ну, это все равно, но это было такъ хорошо... Посмотри. Поручинъ смотритъ сюда...

Поручинъ кланяется и подходитъ.

— Какъ вы думаете, Поручинъ... побѣда?

— Я не думаю, mesdames, я увѣренъ, что подсудимый укралъ деньги, но, вы знаете, побѣда зависитъ отъ господъ присяжныхъ.

— Но все-таки...

— Развѣ съ нашими присяжными можно на что-нибудь разсчитывать?.. Вѣдь это идіоты!..—прошепталъ онъ и отошелъ, напутствуемый пожеланіями.

Нѣсколько старыхъ генераловъ и высокопоставленныхъ лицъ скромно прошли и заняли кресла сзади судейскихъ мѣстъ. Его превосходительство Сергѣй Александровичъ тихо прошелъ и сѣлъ на кресло.

— Посмотрите!—удивилась Анна Петровна, обращаясь къ Никольскому.—Старикъ нашъ скучаетъ и ищетъ развлеченія...

Шумный говоръ въ залѣ смолкъ. Вошелъ подсудимый, и всѣ глаза устремились на него.

Высокій, долговязый, мертвенноблѣдный, съ косматыми посѣдѣвшими волосами и большой бородой, Трамбецкій не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на публику. Онъ сѣлъ и взглянулъ лихорадочнымъ взглядомъ на массу головъ, повернувшихся къ нему, улыбнулся какой-то страдальческой, загадочной улыбкой, точно удивляясь, къ чему это столько народа собралось сюда, и медленно опустилъ глаза, склонивъ голову.

Вдругъ сверху раздался дѣтскій звонкій голосъ: «Папа!»

Судебные пристава внушительно подняли головы. Трамбецкій вздрогнулъ и бросилъ наверхъ взглядъ, полный безконечной любви.

Этотъ голосокъ точно ободрилъ его, и онъ то и дѣло посматривалъ наверхъ.

— Судъ идетъ!

Разговоры смолкли. Всѣ поднялись.

Торопливо прошли господа судьи и сѣли.

Публика откашлялась и приготовилась къ интересному зрѣлищу. Дамы не отводили биноклей отъ глазъ.

Послѣ обычныхъ формальностей началось чтеніе обвинительнаго акта.

Молодой прокуроръ лѣниво откинулся назадъ, а судьи совсѣмъ потонули въ своихъ высокихъ креслахъ. Предсѣдатель дѣлалъ какія-то замѣтки и не слушалъ обвинительнаго акта. Не слушалъ его и подсудимый. Онъ разглядывалъ умное лицо предсѣдателя и находилъ, что г. предсѣдатель держитъ себя съ большимъ достоинствомъ.

«Ахъ, какъ долго онъ тянетъ!—казалось ему, когда до ушей его долетали знакомыя слова обвинительнаго акта.—Скорѣй бы!»

Защитникъ Трамбецкаго, высокій, худой, некрасивый, коротко остриженный господинъ, съ замѣчательно-умнымъ ли-

цомъ, на которомъ блуждала саркастическая улыбка, тоже что-то писалъ на бумагѣ. Затѣмъ онъ повернулся къ подсудимому и о чемъ-то пошептался съ нимъ. Казалось, онъ въ чемъ-то убѣждалъ стараго неудачника, но въ отвѣтъ Трамбецкій энергически мотнулъ головой. Защитникъ пожалъ плечами и снова принялся за ремарки.

А Трамбецкій опять былъ далеко отъ суда, отъ этой торжественной обстановки. Онъ вспоминалъ свою молодость, вспоминалъ рядъ неудачъ и—подите-жъ!—вспоминалъ Валентину. Онъ увидитъ ее сегодня. Что-то будетъ говорить эта женщина сегодня? Временами онъ кашлялъ, кашлялъ глухо, отрывисто, и поднималъ глаза наверхъ, не видя, но чувствуя, что мальчикъ его тамъ и, быть-можетъ, одинъ во всей этой массѣ людей глядитъ на него съ любовью и вѣрою.

А другіе?..

«Что мнѣ до другихъ?»

А секретарь продолжалъ свое утомительное чтеніе...

Обвинительный актъ, — надо отдать честь юному прокурору,—очень ловко сгруппировалъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ похищеніе Трамбецкимъ денегъ у отставного полковника являлось какъ будто правдоподобнымъ. Ревность, неудачная жизнь, любовь къ сыну, пистолетъ, похищеніе ребенка у матери — всѣ эти обстоятельства были искусно пригнаны на свое мѣсто и вмѣстѣ съ подавляющей уликой — нахожденіемъ нѣкоторыхъ изъ числа похищенныхъ у полковника бумагъ въ карманѣ пальто — произвели на большинство присутствующихъ впечатлѣніе далеко не въ пользу подсудимаго.

Почти у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что Трамбецкій виноватъ.

— Его обвинятъ!—проговорила какая-то дама вполголоса.

— Неужели? — вздохнула Евдокія, все время внимательно слушавшая обвинительный актъ.

— Но развѣ онъ не укралъ?

Евдокія сконфузилась и какъ-то серьезно замѣтила:

— Мнѣ кажется, этотъ человѣкъ невиненъ.

Дама пожала плечами.

— Довольно взглянуть на его лицо! — говорила въ то же время Анна Петровна.—Не правда ли?

Никольскій, къ которому она обратилась съ вопросомъ, не отвѣчалъ. Онъ съ какимъ-то любопытствомъ смотрѣлъ на Трамбецкаго. Въ первую минуту онъ обрадовался, что видитъ его на скамьѣ подсудимыхъ, но прошло нѣсколько времени, и чувство злобной радости мало-по-малу пропадало. Съ уди-

вленіемъ замѣчалъ онъ, что человѣкъ, когда-то оскорбившій его, не возбуждалъ въ немъ больше злобнаго чувства.

Евгеній Николаевичъ увѣренъ былъ, что Трамбецкій невиненъ, и съ любопытствомъ ждалъ, что̀ станется съ этимъ человѣкомъ. Его, вѣроятно, обвинятъ.

«Видно, братецъ ничего не могъ сдѣлать!»

При воспоминаніи о «братцѣ» Евгеній Николаевичъ насупился. Онъ гналъ отъ себя эти воспоминанія, зная, что они приводятъ его всегда въ дурное расположеніе.

«Глупые, непрактичные люди! — произнесъ онъ, какъ бы отвѣчая на свои мысли.—Вотъ хоть бы этотъ... Трамбецкій... Тоже думалъ о какой-то правдѣ, а теперь погибаетъ, какъ ничтожная тварь!»

«А братцу?.. Братцу конецъ извѣстный!»—мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ засмѣялся, скверно засмѣялся, такъ что Анна Петровна взглянула на него.

— Что̀ съ вами?

— Со мной? Ровно ничего. Я смѣюсь, глядя на этого дурака...

— На какого дурака?

— На подсудимаго... Могъ быть человѣкомъ, а сдѣлался...

— Вы развѣ его знали?

— Зналъ. Это, впрочемъ, было давно...

— Непріятное у него лицо; такъ и видно, что этотъ господинъ готовъ на всякое преступленіе.

— Еще бы... Совсѣмъ непорядочный человѣкъ...

«Не то что̀ мы съ вами!»—мысленно добавилъ Никольскій, съ едва замѣтной насмѣшкой взглядывая на ея превосходительство.

Обвинительный актъ окончился.

— Подсудимый! Не угодно ли будетъ вамъ объяснить суду, при какихъ обстоятельствахъ къ вамъ попали бумаги, принадлежащія полковнику Гуляеву?

— Я уже нѣсколько разъ объяснялъ слѣдователю.

— Но, быть-можетъ, вамъ будетъ угодно объяснить это суду. Впрочемъ, считаю долгомъ предупредить васъ, подсудимый, — отъ васъ вполнѣ зависитъ отвѣчать или не отвѣчать на мой вопросъ.

— Отчего же... Я, пожалуй, могу повторить.

И Трамбецкій разсказалъ извѣстныя уже читателю обстоятельства, при чемъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о своей несчастной семейной жизни.

— Не можете ли вы объяснить, для какой цѣли вы пріобрѣли револьверъ?

— Я не желаю отвѣчать на этотъ вопросъ.

Эта манера держать себя еще болѣе усилила дурное впечатлѣніе, производимое подсудимымъ.

— Г. приставъ. Пригласите свидѣтельницу Валентину Трамбецкую.

Склонивъ хорошенькую головку, словно бы подъ бременемъ горя и стыда, медленно приблизилась «добрая малютка» къ судьямъ, подняла на нихъ кроткій страдальческій взоръ и тотчасъ въ смущеніи опустила глаза.

Бѣдняжка! Она казалась совсѣмъ безпомощной, подавленной и несчастной—эта маленькая, скромная, изящная женщина съ прелестными формами, вся въ черномъ.

Такъ вотъ она какая, эта женщина!

Въ публикѣ замѣтно было движеніе. Всѣ съ любопытствомъ разсматривали Валентину. Появленіе ея было для большинства неожиданнымъ и пріятнымъ эффектомъ, значительно возбудившимъ интересъ къ судебному представленію. Про Валентину такъ много говорили, особенно въ послѣднее время. Разсказывали, что она разорила Леонтьева. Зрители ждали, что войдетъ блестящая, шикарная, развязная барыня, сводящая съ ума мужчинъ, и вдругъ вмѣсто того скромное, безпомощное, замѣчательно-хорошенькое божіе созданіе.

Даже старый неудачникъ — и тотъ на мгновеніе изумился при видѣ «кроткой малютки» въ видѣ ангела страданія, но это было мгновеніе. Вслѣдъ за нимъ онъ грустно улыбнулся и отвелъ глаза.

«Бѣдняжка!»—пронеслось между дамами при первомъ взглядѣ на Трамбецкую.

«Изящная, прелестная женщина!» — передавали шопотомъ мужчины.

Въ мѣстахъ, гдѣ сидѣли почетные посѣтители, замѣтно было нѣкоторое оживленіе. Многіе зашевелились на своихъ мѣстахъ, засматривая черезъ кресла членовъ суда на Валентину. Даже его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій чуть-чуть вытянулъ шею, нѣсколько разъ взглядывая на хорошенькую свидѣтельницу, и какъ-то пріосанился.

— Очень... очень пикантная женщина, ваше превосходительство! — шепнулъ ему на ухо сидѣвшій рядомъ знакомый военный генералъ.

Его превосходительство вдругъ сдѣлался серьезенъ и сквозь зубы процѣдилъ: «Не нахожу!», нѣсколько шокированный фамильярнымъ замѣчаніемъ военнаго генерала.

Невольно Валентину сравнивали съ мужемъ. Какой контрастъ! Угрюмый, мрачный, съ лихорадочнымъ взглядомъ и какой-то загадочной улыбкой, онъ казался такимъ злымъ передъ этимъ симпатичнымъ созданіемъ. Достаточно разъ взглянуть на обоихъ, чтобъ искренно пожалѣть бѣдняжку. Общія симпатіи были на сторонѣ Валентины.

Ея превосходительство Анна Петровна отвела бинокль и, обратившись къ Никольскому, замѣтила:

— Право, эта Трамбецкая внушаетъ сожалѣніе. Я начинаю даже думать, что мужъ довелъ ее до крайности, и она, какъ женщина, не воспитанная въ строгихъ правилахъ, бросилась во всѣ тяжкія...

Евгеній Николаевичъ усмѣхнулся про себя и подумалъ:

«Пока «кроткая малютка» превосходно ведетъ роль, какъ будетъ дальше?»

Но и дальше Валентина вела роль отлично. На замѣчаніе предсѣдателя о томъ, что она можетъ отказаться отъ свидѣтельства, Валентина чуть слышно отвѣтила, что она готова исполнить свой долгъ, надѣясь, что ея показанія не повредятъ мужу.

Она разсказала все, что знала по этому дѣлу, вскользь коснулась безпокойнаго характера мужа и «ужаснаго недуга», которому онъ подверженъ, и подробно описала сцену, когда мужъ явился къ ней и отнялъ ребенка. О, это была ужасная сцена! Конечно, она не обвиняетъ мужа,—онъ отецъ; но вѣдь и она мать.

Во время разсказа Валентина должна была нѣсколько разъ останавливаться. Сдержанныя рыданія мѣшали ей говорить, и судебный приставъ два раза подавалъ ей воду. Валентинѣ предложили сѣсть.

Трамбецкій жадно слушалъ показаніе жены и тоскливо взглядывалъ наверхъ. Къ чему она говоритъ ложь? О, Господи, неужели она даже и теперь будетъ продолжать лгать? Вѣдь тамъ, наверху, сидитъ Коля...

А мальчикъ жадно слушалъ, подперевъ ручонками свою большую голову, и ненавистью сверкали глаза ребенка.

— Тетя... тетя... вѣдь это все неправда!.. — говоритъ онъ Прасковьѣ Ивановнѣ, сидѣвшей около него. — Мама обманывала папу!..

— Тише... тише, родной мой!—шептала добрая женщина.

— Такъ зачѣмъ же она лжетъ?.. Я никогда не пойду къ ней... никогда! Я не хочу знать маму... Богъ съ ней...

Валентина между тѣмъ кончила. Она какъ будто и ни единымъ словомъ не обвинила мужа, но общее впечатлѣніе изъ

ея разсказа выходило такое, какъ будто Трамбецкій былъ способенъ на все...

Начался допросъ сторонъ.

Молодой прокуроръ очень хорошо понялъ, что свидѣтельница возбудила довѣріе въ присяжныхъ, и что показанія жены будутъ прекраснымъ матеріаломъ для обвиненія мужа.

Онъ повелъ допросъ съ большой ловкостью.

Худощавый, изящный блондинъ допрашивалъ Валентину нѣжнымъ, ласкающимъ слухъ баритономъ, отчеканивая слова съ той аффектаціей, которая такъ идетъ къ молодымъ прокурорамъ.

— Свидѣтельница! Вы, если мнѣ не измѣняетъ память, упомянули въ вашемъ правдивомъ и безпристрастномъ разсказѣ, что вашъ супругъ страдалъ какимъ-то недугомъ?..

— Къ сожалѣнію, да! — чуть слышно проронила Валентина.

— Не можете ли вы объяснить, какимъ именно?

Валентина молчала.

— Быть-можетъ, онъ былъ подверженъ какимъ-нибудь болѣзненнымъ припадкамъ?

— О, нѣтъ...

— Быть-можетъ, онъ неумѣренно употреблялъ спиртные напитки?

— Это было...

— Онъ пилъ запоемъ?

— Мнѣ такъ тяжело отвѣчать, что я просила бы не спрашивать объ этомъ.

— Свидѣтельница! Въ день посѣщенія вашимъ мужемъ дачи, не замѣтили ли вы особеннаго возбужденія въ Трамбецкомъ?

— Онъ былъ очень взволнованъ...

— Грозилъ онъ вамъ пистолетомъ?

Валентина опять замолчала.

— Вы не желаете, свидѣтельница, отвѣчать на этотъ вопросъ?

— Нѣтъ...

— Такъ-съ... У него былъ въ рукахъ пистолетъ, когда онъ явился къ вамъ на дачу?..

— Былъ...

— Онъ махалъ имъ или нѣтъ?..

— Я не помню.

— Такъ-съ. Такъ-съ. Вы не помните, но вы однако видѣли пистолетъ въ его рукахъ?

— Видѣла.

— И не помните, махалъ ли онъ имъ?..

— Не помню.

— Хорошо-съ. Я не буду больше касаться этого вопроса, понимая, какъ вамъ тяжело вспоминать объ этомъ обстоятельствѣ. Скажите, пожалуйста, вашъ мужъ прежде служилъ?

— Служилъ.

— Не знаете ли, сколько мѣстъ онъ перемѣнилъ въ теченіе того времени, какъ вы съ нимъ познакомились?

— Не припомню. Я слышала отъ него, что онъ много мѣстъ перемѣнилъ.

— Отчего же онъ перемѣнялъ мѣста? Не уживался или просто любилъ мѣнять мѣста?

— Я, право, не знаю.

— Вы не знаете? Очень хорошо-съ. Если вы этого не знаете, то не знаете ли вы, имѣлъ ли вашъ мужъ какія-нибудь занятія въ послѣднее время?

— Онъ служилъ у нотаріуса въ конторѣ.

— Большое онъ получалъ жалованье?

— Кажется, небольшое...

— А до того времени было у него мѣсто?

— Не было.

— Не было, такъ что супругъ вашъ жилъ на вашъ счетъ?

— У насъ были общія средства.

— Такъ-съ. Что побудило васъ просить отдѣльный видъ на жительство?

— Мы расходились во взглядахъ...

— Вы и раньше разъѣзжались съ нимъ?

— Да...

— И снова согласились сойтись, предполагая, что супругъ вашъ болѣе не страдаетъ недугомъ?

Но такъ какъ Валентина опять ни слова не отвѣтила, то молодой человѣкъ спросилъ:

— Бывалъ вашъ мужъ у полковника Гуляева?

— Не помню...

— Не помните? хорошо-съ... Но онъ зналъ, что полковникъ богатъ?

— Вѣроятно, зналъ.

— Зналъ! А зналъ ли вашъ супругъ, что вы бывали у своего дяди полковника?

— Зналъ. Я не скрывала отъ мужа, гдѣ я бывала.

— Очень хорошо-съ. Не помните ли вы, что въ послѣднее время вашъ супругъ говорилъ о томъ, что онъ желалъ бы имѣть средства?

— Онъ это говорилъ.

— И часто?

— Не помню...

— Не помните... Очень хорошо... Не можете ли вы припомнить,—упрашивалъ ли вашъ мужъ, чтобы вы не оставляли его?

— Онъ часто объ этомъ говорилъ...

— Онъ очень былъ привязанъ къ вамъ или нѣтъ?

Съ Валентиной сдѣлалось дурно. Судебный приставъ долженъ былъ опять подать стаканъ воды.

«Несчастная женщина!»—пожалѣли дамы.

Во все время допроса Трамбецкій внимательно слушалъ показанія жены и нерѣдко вздрагивалъ. Скорбная улыбка бродила на его губахъ, когда онъ поднималъ голову наверхъ.

«Бѣдный мальчикъ!»

Защитникъ опять обратился къ Трамбецкому и съ жаромъ сталъ ему говорить, что надо разоблачить показанія жены.

— Не надо!—отвѣчалъ неудачникъ.

— Но вѣдь тогда ваше дѣло можетъ быть проиграно.

— Я не желаю выворачивать публично мои отношенія къ женѣ.

— Но вы позвольте только коснуться слегка.

— Я васъ прошу... Не надо, не надо,—брезгливо замахалъ головой Трамбецкій.

— Упрямый человѣкъ. А вашъ сынъ?

— Сынъ, что сынъ?

— Если вы такъ упорно отказываетесь, то повторяю: присяжные могутъ быть противъ васъ, и тогда васъ могутъ обвинить.

— За что? Впрочемъ, пусть. Мнѣ все равно!—угрюмо проговорилъ Трамбецкій.—Жить недолго. Впрочемъ, дѣлайте какъ знаете, но, ради Бога, не очень. Вѣдь и безъ того пытка. Этотъ молодой человѣкъ, кажется, уже довольно меня пыталъ. Пощадите хоть вы.

Защитникъ обрадовался разрѣшенію кліента. «Удивительный человѣкъ этотъ кліентъ. Дѣло такое интересное. Предстоитъ блестящій случай оборвать прокурора и уничтожить впечатлѣніе, произведенное показаніемъ свидѣтельницы, а онъ проситъ пощадить. Сейчасъ я имъ покажу...»

И защитникъ при одной мысли о предстоящемъ спектаклѣ почувствовалъ большое удовольствіе. Его подвижное, умное лицо какъ-то съежилось, одинъ глазъ прищурился, и злая, насмѣшливая улыбка перекосила его губы. Онъ начиналъ злиться. Слегка наклонивъ голову, онъ попросилъ судъ предложить нѣкоторые вопросы свидѣтельницѣ.

— Мнѣ такъ тяжело!—со вздохомъ шепчетъ Валентина.

— Я не буду васъ допрашивать такъ долго, какъ допрашивалъ васъ г. прокуроръ. Я позволю себѣ предложить вамъ всего два-три вопроса.

Валентина поворачиваетъ головку къ защитнику. Защитникъ выходитъ изъ-за скамьи и съ изысканною вѣжливостью начинаетъ свои «два-три вопроса».

— Свидѣтельница! Вы изволили упомянуть, что, вслѣдствіе несходства характеровъ, вы не могли ужиться съ мужемъ?

— Да.

— Это несходство обнаружилось вскорѣ послѣ свадьбы?

— Нѣтъ. Мы жили согласно нѣсколько лѣтъ.

— Вы не припомните, сколько лѣтъ?

— Лѣтъ восемь.

— Это значитъ, съ 1865 по 1873 годъ?

— Кажется.

— Было у вашего мужа состояніе, когда вы вышли замужъ?

— Да, небольшое.

— А у васъ?

— У меня не было ничего, кромѣ приданаго.

— Ничего, кромѣ приданаго? Вы, кажется, путешествовали съ мужемъ за границей?

— Путешествовала.

— Вы не припомните, сколько вы проживали въ годъ?

— Не припомню.

— Тысячъ пятнадцать въ годъ?

— Въ родѣ этого.

— Когда разорился вашъ мужъ?

— Я не помню.

— Въ 1874 году онъ поступилъ на службу въ В. мировымъ судьей?

— Да.

— Тогда вы жили скромно?

— Очень.

— Значитъ, состоянія не было?

— Нѣтъ.

— Такъ-съ, и, если не ошибаюсь, вы въ томъ же 1874 году оставили мужа въ первый разъ?

— Да.

— Тогда, слѣдовательно, уже обнаружилось несходство характеровъ?

Валентина ни слова не отвѣтила.

— А когда въ послѣдній разъ уѣхали вы отъ мужа?

— Лѣтомъ.

— Вы достали отдѣльный видъ на жительство?

— Мнѣ его выхлопотали.

— Вы ни слова не говорили объ этомъ мужу?

— Я не хотѣла его огорчать.

— Поэтому вы увезли и сына?

— Я мать!

— Превосходно. Гдѣ вы изволили жить лѣтомъ?

— Въ Финляндіи на дачѣ!

— Не припомните ли, чья была дача?

— Кажется, дача Леонтьева.

— Какого Леонтьева? Не извѣстнаго ли милліонера Леонтьева?

— Право, не знаю.

— Не знаете? Очень хорошо-съ. Скажите, пожалуйста, вашъ мужъ привязанъ къ своему сыну?

— Онъ—отецъ.

— А сынъ любитъ своего отца?

— Разумѣется...

— Когда Трамбецкій пріѣхалъ за сыномъ, онъ неохотно поѣхалъ съ нимъ или, напротивъ, охотно?

— Я была такъ взволнована, что не помню, что̀ было...

— Скажите, пожалуйста, ребенокъ теперь при васъ?

— Нѣтъ... Его отняли у меня...

— Но вѣдь вы могли бы его взять... Вамъ извѣстно было, гдѣ онъ находится?

— Да... извѣстно.

— Вы видѣлись съ нимъ?

— Нѣтъ...

— Долгое время не видались?

— Два мѣсяца...

— Такъ-съ... Я не желаю болѣе предлагать вопросовъ,— обрѣзалъ защитникъ.

И пора было кончить. Трамбецкій едва выносилъ эту пытку, а Коля едва сдерживалъ рыданія. Бѣдный мальчикъ такъ былъ разстроенъ, что подъ конецъ Прасковья Ивановна его увезла изъ суда, несмотря на его обѣщаніе быть спокойнымъ.

Вслѣдъ за Валентиной былъ допрошенъ цѣлый рядъ свидѣтелей: полковникъ, лавочникъ, еврей, продавшій револьверъ, помощникъ пристава, къ которому обращался Трамбецкій въ день пропажи денегъ... Изъ всѣхъ этихъ показаній, благопріятное для Трамбецкаго показаніе было только показаніе Никольскаго. Онъ горячо говорилъ о своемъ пріятелѣ и видимо произвелъ впечатлѣніе на присяжныхъ.

Допросъ свидѣтелей окончился только къ четыремъ часамъ, и предсѣдатель объявилъ перерывъ на полтора часа.

Публика хлынула въ коридоры суда. Многіе обѣдали въ судѣ, въ ожиданіи финала этого интереснаго спектакля—рѣчей прокурора и защитника. Послѣ допроса свидѣтелей дурное впечатлѣніе противъ подсудимаго нѣсколько изгладилось, но все-таки ожидали обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ же образомъ похищенныя бумаги оказались въ карманѣ Трамбецкаго?

. . . . . .

— Слово за прокуроромъ!

Зала притихла. Взоры публики и присяжныхъ обратились на прокурора. Только Трамбецкій сидѣлъ, опустивъ голову.

Изящный молодой человѣкъ медленно поднялся съ кресла, выпрямился во весь ростъ, выдержалъ на нѣсколько секундъ паузу, провелъ рукой по волосамъ и заговорилъ.

Между дамами пронесся шопотъ. Всѣ почти дамы нашли, что г. прокуроръ очень интересный блондинъ. Всѣ приготовились слушать съ большимъ вниманіемъ и съ тѣмъ любопытствомъ, какое возбуждаетъ любимый оперный пѣвецъ.

Онъ началъ свою рѣчь мягкимъ, тихимъ, бархатнымъ баритономъ. Постепенно его голосъ становился громче и тверже и подъ конецъ дрожалъ благороднымъ негодованіемъ. Онъ говорилъ недурно, съ огонькомъ и выразительной дикціей. Видимо, онъ увлекался самъ.

То тихими журчащими нотами, то негодующими, какъ бы изъ сердца вырывающимися звуками, говорилъ онъ въ защиту оскорбленнаго закона и требовалъ достойнаго наказанія нарушителю его. Началъ онъ рѣчь съ бойкаго наброска картины современнаго общества. Красивыми, подчасъ остроумными штрихами набросалъ онъ причины появленія на скамьѣ подсудимыхъ въ послѣднее время лицъ изъ образованнаго класса, пожалѣлъ, что идеи законности столь трудно распространяются въ наше время, столь чреватое многочисленными реформами, и, объяснивъ, что такое собственность и почему преступленіе противъ собственности служитъ мѣриломъ общественной нравственности, выпилъ стаканъ воды, взглянулъ на лежавшіе передъ нимъ на пюпитрѣ листки бумаги и перешелъ къ подсудимому.

Изящный молодой человѣкъ набросалъ характеристику подсудимаго, шагъ за шагомъ прослѣдивъ жизнь Трамбецкаго съ самыхъ малыхъ лѣтъ, при чемъ время отъ времени ссылался на показанія свидѣтелей. Онъ сдѣлалъ блестящій очеркъ безхарактернаго, безпокойнаго, лѣниваго человѣка, любившаго женщину, но не умѣвшаго возбудить взаимности, подозрительнаго, ревниваго, не останавливающагося въ минуты

вспышекъ даже передъ угрозами лишить любимую женщину жизни. Всѣ эти данныя неминуемо обусловливали паденіе. Въ мастерскомъ очеркѣ г. прокурора задатки злой воли подсудимаго видны были съ молодыхъ лѣтъ. Послѣдовательное психологическое развитіе этихъ задатковъ въ порочную волю представлялось совершенно логичнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ.

Увлекшись своей характеристикой, изящный молодой человѣкъ въ концѣ концовъ уже громилъ безнравственнаго человѣка, у котораго чувственная страсть къ женщинѣ преобладала надъ всѣми нравственными качествами, который, потерявъ любовь порядочной женщины, думаетъ вернуть не любовь,—такіе люди развѣ могутъ любить чистою любовью!—а обладаніе этою женщиной посредствомъ денегъ. Но честнымъ путемъ пріобрѣсти онъ не могъ,—стоитъ припомнить только, какъ часто онъ терялъ мѣста,—и вотъ онъ рѣшается на преступленіе.

— Какъ хорошо онъ говоритъ!—замѣчаютъ въ трибунахъ.

— Посмотрите, какое возбужденное у него лицо!

Бинокли наводятся на изящнаго молодого человѣка. Онъ какъ будто чувствуетъ это и въ самомъ дѣлѣ начинаетъ думать, что подсудимый—величайшій злодѣй въ мірѣ.

Трамбецкій вздрагивалъ, когда прокуроръ импровизировалъ свою блестящую характеристику. Онъ стыдился поднять глаза. Ему казалось, что всѣ, рѣшительно всѣ, въ самомъ дѣлѣ считаютъ его великимъ злодѣемъ. Онъ какъ-то ежился въ своемъ углу и то и дѣло отиралъ со лба крупныя капли пота. Пытка продолжалась слишкомъ долго.

Защитникъ слушалъ и злился. Рѣчь его соперника видимо произвела впечатлѣніе. Онъ дѣлалъ ремарки на клочкахъ бумаги и нервно подергивалъ свою жидкую бородку.

Прокуроръ между тѣмъ перешелъ къ исторіи самаго факта преступленія. Исторія была разсказана имъ такъ правдоподобно, такъ ясно вытекала изъ свидѣтельскихъ показаній, г. прокуроръ съ такой наглядной убѣдительностью разсказывалъ всѣ мельчайшія подробности совершенія кражи, что можно было подумать, будто г. прокуроръ все это видѣлъ своими глазами.

Онъ началъ съ того самаго дня, когда «бѣдная женщина рѣшилась оставить этого человѣка». Начертивъ картину отъѣзда и того момента, когда подсудимый узналъ объ отъѣздѣ, г. прокуроръ ясно показалъ (на основаніи показанія дворника), что уже съ этого момента у него зародилась мысль о преступленіи. Можно видѣть, что подсудимый готовъ былъ

на все. Онъ сперва ѣдетъ въ полицію, потомъ къ свидѣтелю Никольскому и, несмотря на обѣщаніе помощи со стороны свидѣтеля, ѣдетъ будто бы за свѣдѣніями къ полковнику Гуляеву. Дѣло было подстроено ловко, чтобы скрыть слѣды преступленія. Онъ спрашиваетъ адресъ въ мелочной лавкѣ, затѣмъ у дворника, и поднимается въ квартиру. Квартира отперта. Онъ не слышитъ въ ней человѣческаго голоса. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же уйти, онъ входитъ въ нее, запираетъ изнутри двери и тамъ совершаетъ кражу. Но для того, чтобы не пало на него подозрѣнія, онъ заявляетъ дворнику объ отпертой квартирѣ и ѣдетъ прямо на дачу, и тамъ грозитъ убить бѣдную женщину и увозитъ ребенка, убѣдившись, что похищенныя деньги не вернутъ ему любви когда-то любящей женщины.

Но на всякаго мудреца довольно простоты. Подъ вліяніемъ волненія и страха онъ забываетъ спрятать всѣ деньги, и въ карманѣ у него остается нѣсколько билетовъ... Онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ они попали къ нему. Не святымъ же духомъ въ пустой квартирѣ положены эти деньги къ нему въ карманъ... Преступленіе было совершено ловко, но все-таки слѣды его не укрылись отъ правосудія, и присяжнымъ предстоитъ рѣшить по совѣсти, можетъ ли избѣгнуть кары воръ столь рѣшительный, смѣлый,—воръ, изъ-за котораго лишилъ себя жизни другой человѣкъ, лакей Ѳома, очевидно, подговоренный подсудимымъ.

Молодой прокуроръ говорилъ около 2 часовъ, и когда онъ кончилъ, то всѣ взглянули на Трамбецкаго.

Этотъ рѣшительный «воръ» попрежнему не поднималъ глазъ. «Онъ виновенъ!»—подумали всѣ.

«Онъ невиненъ!»—прошептала Евдокія, почувствовавшая сразу какую-то симпатію къ Трамбецкому.

— Слово за защитникомъ!

Защитникъ Трамбецкаго стремительно поднялся съ мѣста, и его лицо тотчасъ же искривилось ядовитой усмѣшкой, и въ умныхъ его глазахъ заблисталъ злой огонекъ.

Онъ началъ съ того, что отдалъ должную дань таланту почтеннаго представителя обвиненія и умѣнію его строить на пескѣ стройное, повидимому, зданіе обвиненія, но обѣщалъ сейчасъ же показать, что это зданіе разлетится тотчасъ же отъ самаго легкаго прикосновенія. Затѣмъ онъ сказалъ въ крайне деликатной формѣ, что г. прокуроръ столь же глубокій психологъ (на этомъ мѣстѣ г. защитникъ сдѣлалъ паузу и иронически прищурился), сколь онъ, защитникъ, знатокъ санскритскаго языка («А я о немъ не имѣю никакого поня-

тія»,—улыбнулся защитникъ), сказалъ затѣмъ еще нѣсколько пріятныхъ словъ г. прокурору, стараясь выставить его смѣшнымъ, былъ по просьбѣ ужаленнаго молодого человѣка два раза остановленъ предсѣдателемъ и уже послѣ всего этого приступилъ къ разрушенію зданія обвиненія.

Казалось, что г. защитникъ именно былъ созданъ для полемической защиты. Онъ не столько защищалъ, сколько полемизировалъ. Онъ поражалъ слушателей блескомъ остроумія, силой сарказма и выставилъ обвиненіе въ самомъ смѣшномъ видѣ, нарисовавъ злую пародію на рѣчь прокурора и объяснивъ, что если идти по слѣдамъ психологіи г. прокурора, то слѣдовало бы заодно обвинять подсудимаго и въ покушеніи на убійство своей жены. Рѣчь защитника была умна, остроумна и подвергала безпощадной критикѣ всѣ положенія прокурора. Увлекаясь полемикой, онъ, казалось, забывалъ, что ему надо защищать подсудимаго, и заботился только о томъ, какъ бы доѣхать г. прокурора. И онъ доѣхалъ его совершенно. Мастерская его рѣчь произвела впечатлѣніе. Шагъ за шагомъ и онъ, въ свою очередь, прослѣдилъ за подсудимымъ въ день покражи и пришелъ къ заключенію, что воровство совершено кѣмъ-нибудь другимъ, и подсудимому подложены деньги въ карманъ, но кѣмъ—на этотъ вопросъ надо ждать отвѣта отъ слѣдственной части.

Защитникъ не дѣйствовалъ на нервы слушателей и присяжныхъ. Онъ не впадалъ въ мелодраму и очень коротко охарактеризовалъ Трамбецкаго, какъ честнаго и порядочнаго человѣка. Зато онъ не пощадилъ Валентину.

Послѣ рѣчи изящнаго молодого прокурора рѣчь защитника была очень пріятнымъ разнообразіемъ для публики. О Трамбецкомъ всѣ какъ будто забыли и только вспомнили, когда предсѣдатель обратился къ нему съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ что-нибудь сказать?

Трамбецкій поднялся и сказалъ:

— Мнѣ нечего говорить. Защитникъ все сказалъ.

— Быть-можетъ, вамъ будетъ угодно представить какія-нибудь доказательства вашей невиновности?

— Я невиненъ! Вотъ все, что я могу сказать, а затѣмъ дѣло присяжныхъ рѣшить по совѣсти.

Когда присяжные удалились для совѣщанія, только и было разговора, что о рѣчахъ да о томъ, обвинятъ или оправдаютъ. Большинство все-таки полагало, что обвинятъ. Дамы сравнивали двухъ судебныхъ свѣтилъ съ Фаустомъ и Мефистофелемъ. Прокуроръ былъ Фаустомъ, а защитникъ — Мефистофелемъ.

Когда опять Трамбецкій вошелъ въ залу суда, то онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Ему казалось, что онъ услышитъ роковое: «Да, виновенъ».

Торжественно одинъ за однимъ прошли присяжные засѣдатели изъ совѣщательной комнаты, и старшина вручилъ предсѣдателю отвѣты на вопросы.

Въ залѣ воцарилась могильная тишина. Публика, до этого равнодушная къ подсудимому, будто прониклась торжественностью минуты. Всѣ точно поняли, что̀ долженъ переживать въ эту минуту подсудимый, и взглядывали на изможденнаго, исхудалаго неудачника, дожидавшагося рѣшенія.

Евдокія совсѣмъ поблѣднѣла и съ трепетомъ ждала чтенія. Петръ Николаевичъ Никольскій сидѣлъ угрюмый, а Прасковья Ивановна утирала слезы, заранѣе оплакивая бѣднаго человѣка. Даже Евгеній Николаевичъ насупился и ждалъ приговора съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Онъ зналъ, что Трамбецкій невиненъ.

Но вотъ старшина засѣдателей сталъ читать первый вопросъ... Трамбецкій пристально смотрѣлъ ему въ лицо. По выраженію лица онъ хотѣлъ узнать рѣшеніе. Секунды казались ему вѣчностью.

— Нѣтъ, невиновенъ! — послышался отчетливый голосъ старшины.

Крикъ радости раздался наверху. Это вскрикнула Прасковья Ивановна. Съ Евдокіей сдѣлался обморокъ. Одинъ Трамбецкій только не выразилъ особенной радости. Онъ крѣпко пожалъ руку защитника, но говорить не могъ.

Черезъ полчаса Трамбецкій уже былъ у Никольскаго и, обнимая Колю, зарыдалъ. Прасковья Ивановна давно утирала слезы, да и самъ Никольскій поторопился выйти въ другую комнату.

— Теперь, Коля, ничто насъ не разлучитъ...

— Мы уѣдемъ отсюда, папа, да?

— Уѣдемъ, уѣдемъ, родной мой, и какъ можно скорѣй. Петръ Николаевичъ — нашъ другъ — обѣщалъ мнѣ... Мы будемъ жить въ деревнѣ... Тамъ такъ хорошо...

Трамбецкій вдругъ улыбнулся какой-то скорбной улыбкой и схватился за грудь.

— Папа, папочка... что̀ съ тобой!.. папа! — крикнулъ мальчикъ.

— Ничего... не бойся... Это пройдетъ... Мы уѣдемъ... тамъ...

Онъ больше продолжать не могъ. Кашель душилъ бѣднаго человѣка.

Никольскій уложилъ его на диванъ; начался пароксизмъ лихорадки.

— Александръ Александровичъ, что съ вами? Вамъ нехорошо?

— Неужели-жъ... мнѣ уже пора умирать?.. Теперь, когда впереди жизнь съ Колей... Нѣтъ... это было бы ужасно!..— отчаянно проговорилъ старый неудачникъ, безпомощно прижимая руки къ груди.

Никольскій его утѣшалъ, а самъ, глядя на Трамбецкаго, думалъ, что не жилецъ онъ на свѣтѣ.

Къ ночи Трамбецкому сдѣлалось хуже. Пріѣхалъ докторъ и такъ угрюмо покачалъ головой, что Никольскій тихо спросилъ:

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Совсѣмъ плохъ... Дни его сочтены! — проговорилъ докторъ.

Коля ничего этого не зналъ и осторожно заглядывалъ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ.

— Папа... Тебѣ лучше?..

— Лучше, лучше, милый мой!..—шепталъ отецъ, и горячія слезы лились изъ его глазъ.

— Ты, Коля, не безпокой папу. Ему заснуть надо! Да и тебѣ пора спать!—проговорилъ Никольскій.

— Я уйду! — покорно проговорилъ мальчикъ, цѣлуя свѣсившуюся исхудалую руку своего любимаго, дорогого отца.

VII.

Молодые.

«Писарекъ», оказалось, подалъ Саввѣ Лукичу недурной совѣтъ. Прошло двѣ недѣли со времени ихъ свиданія,—и уже Савва Лукичъ снова поднялъ голову и злобно радовался, что онъ утретъ носъ «Хрисашкѣ». Онъ имѣлъ свиданіе съ нѣмцемъ Готлибомъ, съ Каролиной Карловной, съ камердинеромъ его превосходительства, и черезъ двѣ недѣли состоялось рѣшеніе о новомъ разсмотрѣніи вопроса о концессіи, въ виду кое-какихъ дополнительныхъ свѣдѣній, собранныхъ по этому дѣлу.

Самъ Егоръ Ѳомичъ пріѣхалъ къ Леонтьеву съ повинною и объявилъ ему это пріятное извѣстіе.

— Я такъ радъ, такъ радъ, что дѣло это теперь, кажется, будетъ за вами.

— Спасибо, любезный человѣкъ. Будь спокоенъ,—каяться не будешь, только поскорѣй бы подписали это дѣло.

Опять повысились фонды Саввы Лукича. Снова въ каб

нетѣ его появились тѣ самые прихлебатели, которые было оставили Савву Лукича. И онъ такъ радъ былъ этому, что не гналъ въ шею этихъ людей, хотя и презиралъ ихъ. Опять кредитъ Саввы Лукича поднялся, когда узнали, что концессія будетъ получена имъ.

Савва Лукичъ хлопоталъ съ обычной энергіей, возвращался домой только къ обѣду и заставалъ у себя нѣсколькихъ человѣкъ посѣтителей. Опять ему глядѣли въ глаза и подхватывали его слова. Опять мужикъ швырялъ деньгами.

Борисъ Сергѣевичъ имѣлъ съ тестемъ объясненіе. Вскорѣ послѣ извѣстія о разоренія Саввы Лукича, Борисъ Сергѣевичъ пріѣхалъ къ Леонтьеву. Молодой генералъ былъ взволнованъ, рѣшившись приступить къ объясненію насчетъ приданаго.

— Здорово, Борисъ Сергѣевичъ, какъ живешь? Какъ поживаетъ Дуня?..

— Благодарю васъ, Савва Лукичъ...

— Да ты никакъ, Борисъ Сергѣичъ, какъ будто разстроенъ, ась? Али и тебя смутили толки насчетъ меня?...

— Вы сами поймете, Савва Лукичъ, очень хорошо, что, собственно говоря, я лично не могу смущаться никакими толками, но что...

— Да ты не виляй, генералъ... Брось свою канитель, а говори толкомъ. Приданое, что ли, хочешь получить?

— Вы знаете, что не я хочу получить...

— Развѣ Дуня тебя послала, что ли?

— Моя жена не посылала. Она слишкомъ молода, чтобы понять всю важность...

— Да, прошу тебя, не финти. Пока я буду вамъ платить проценты на остальной капиталъ, а ужо, — вотъ только дай передохнуть,—и капиталъ отдамъ. Нешто я Дуню обижу?.. Ты только ее не обидь... Ты не сердись, а я слышалъ, будто она, сердешная, что-то груститъ... Что съ ней?..

— Кажется, ничего...

— То-то ничего... Дуня вѣдь — золотое сердце. Обидѣть ее впрямь легко... Она такая тихая да послушливая...

Взбѣшенный ѣхалъ Борисъ Сергѣевичъ домой. Въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлалъ ли онъ опрометчиваго шага, что женился? Во-первыхъ, обѣщаннаго милліона онъ не получилъ, а во-вторыхъ—жена его, несмотря на его старанія, осталась попрежнему той же загадочной, странной, сдержанной натурой. Она положительно смущала его и ставила нерѣдко втупикъ. Несмотря на его совѣты, она избѣгала знакомствъ, избѣгала выѣздовъ и одѣвалась слишкомъ скромно. Въ ней, по мнѣнію

Бориса Сергѣевича, было что-то для него непонятное. Повидимому, она была привязана къ нему, но отчего же она иногда такъ пытливо на него смотритъ и вдругъ щеки ея вспыхиваютъ яркимъ румянцемъ?..

Первые мѣсяцы послѣ свадьбы прошли за границей. Евдокіи все было ново, и она путешествовала съ удовольствіемъ. Между супругами первое время были самыя дружескія отношенія. Борисъ Сергѣевичъ относился къ ней съ оттѣнкомъ покровительства, считалъ ее чѣмъ-то въ родѣ экзальтированной дурочки, находилъ, что она черезчуръ просто одѣвается, и снисходительно замѣчалъ ей объ этомъ.

Евдокія слушала, но все-таки вела себя попрежнему. Скоро Борису Сергѣевичу пришлось убѣдиться, что молодая женщина не только не дурочка, но, напротивъ, очень неглупая женщина и съ характеромъ.

Это открытіе даже изумило Бориса Сергѣевича. Онъ воображалъ, что ему будетъ легко передѣлать по-своему эту простую дѣвочку, и вдругъ эта простенькая дѣвочка сразу заявила серьезно требованія на уваженіе. Приходилось съ нею считаться — ему, Борису, изящному, умному и способному администратору. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Евдокія какъ будто стала грустить и, когда Борисъ Сергѣевичъ спрашивалъ, что̀ это значитъ, она избѣгала прямого отвѣта. Борисъ Сергѣевичъ не настаивалъ, и между мужемъ и женой точно пробѣжала кошка. Борисъ Сергѣевичъ былъ ласковъ, ровенъ и по временамъ нѣженъ съ женой; Евдокія, напротивъ, была неровна: то ласкова, то вдругъ какая-то странная и молчаливая.

Нѣтъ, не такая жена нужна была Борису Сергѣевичу!

Она присматривалась къ мужу и слушала его, но сама не высказывалась, какъ будто чего-то боялась... Это смущало Бориса Сергѣевича, и онъ чувствовалъ не то досаду, не то обиду, что на него жена не смотритъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, на который онъ разсчитывалъ. По крайней мѣрѣ, всѣ женщины такъ на него смотрѣли.

И вдругъ эта мужичка...

— У насъ никого нѣтъ?.. — спросилъ Борисъ Сергѣевичъ, когда лакей отворилъ двери.

— У барыни гости.

— Кто такой?

— Господинъ Никольскій.

— Евгеній Николаевичъ?

— Никакъ нѣтъ...

Кривскій ничего не сказалъ и прошелъ въ кабинетъ.

«Ужъ не нигилистъ ли этотъ у жены въ гостяхъ?»—подумалъ Кривскій и презрительно перекосилъ губы. Надо положительно посовѣтовать ей не вести такихъ знакомствъ. Онъ вспомнилъ, что его уже не разъ коробило присутствіе въ домѣ какихъ-то странныхъ барынь — знакомыхъ Евдокіи, но онъ ничего не говорилъ. Теперь вдругъ появился какой-то Никольскій...

«Надо это прекратить!—рѣшилъ Кривскій:—подобныя знакомства просто неприличны».

И безъ того раздраженный бесѣдой съ Леонтьевымъ, онъ еще болѣе раздражился и, когда ушелъ Никольскій, Борисъ Сергѣевичъ вошелъ въ маленькій женинъ кабинетъ, чтобы серьезно съ нею переговорить по этому поводу.

— Я не помѣшаю твоимъ занятіямъ?—проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, пріостанавливаясь на порогѣ.

Тонъ Кривскаго, всегда мягкій и любезный, сегодня былъ какъ-то изысканно-вѣжливъ. Едва слышная ироническая нотка звучала въ немъ.

Евдокія вспыхнула и, отодвигая книгу, сказала:

— Ты смѣешься, Борисъ? Какія у меня занятія?

— Я не смѣюсь, мой другъ. Ты такъ была погружена въ чтеніе, что я боялся потревожить тебя.

— Я даже и не читала. Я просто задумалась.

— Можно полюбопытствовать, что̀ это за книга, заставившая тебя такъ задуматься?—смѣясь, проговорилъ Борисъ Сергѣевичъ, присаживаясь рядомъ съ женой.

Евдокія передала книгу.

— Учебникъ исторіи! — усмѣхнулся Борисъ Сергѣевичъ, передавая обратно книгу.—Кто это тебѣ посовѣтовалъ?.. Впрочемъ, извини меня за вопросъ. Я беру его назадъ. Ты такъ любишь читать...

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь дурное?..

— Боже меня сохрани сказать, что читать дурно!

— Но тебѣ, какъ кажется, это не нравится...

— Напрасно, душа моя, ты такъ думаешь... Отчего мнѣ можетъ не нравиться?..

Борисъ помолчалъ и замѣтилъ:

— Сейчасъ я у твоего отца былъ!

— Всѣ здоровы?

— Здоровы. Ты слышала, отецъ твой наканунѣ банкротства?

— Слышала!

— Ты такъ спокойно говоришь, какъ будто тебѣ все равно?

— Мнѣ жаль отца...

Борисъ перекосилъ губы и тихо проговорилъ:

— Конечно, жаль, но тѣмъ не менѣе...

Евдокія глядѣла пристально въ глаза мужу. Борисъ остановился.

— Мнѣ кажется, Борисъ, что наше дѣло помочь отцу!— прошептала Евдокія.

«Она съ ума сошла? — подумалъ Борисъ. — Это какая-то блажная женщина».

— Помочь, а самимъ какъ?..

Евдокія молчала.

— Ты думаешь, что наше состояніе такъ велико?

Евдокія еще ниже опустила голову.

— Но развѣ намъ надо такъ много?

— Мой другъ, ты, какъ я посмотрю, совсѣмъ не понимаешь жизни... Впрочемъ, мы оставимъ этотъ вопросъ. Наши несчастныя крохи не спасутъ отца во всякомъ случаѣ. Я хотѣлъ съ тобой поговорить не о томъ. Скажи, пожалуйста, что̀ это за господинъ былъ у тебя?

— Никольскій.

— Кто онъ такой?

— Онъ даетъ уроки моему брату...

— Онъ былъ у тебя по дѣлу?

— Да.

— Можно узнать, по какому?

— Я обѣщала ему дать мѣсто Трамбецкому въ деревнѣ... но, кажется, поздно.

— И ты не сочла нужнымъ посовѣтоваться со мной?

— Развѣ тебѣ не все равно?..

Борисъ пожалъ плечами.

— Мнѣ кажется, что я въ качествѣ мужа имѣлъ бы право интересоваться... Впрочемъ, опять-таки это твое дѣло, но вотъ что̀ мнѣ бы хотѣлось знать, мой другъ, къ чему ты принимаешь у себя такихъ господъ, какъ этотъ учитель?..

— А что̀? Развѣ его нельзя принимать?—проговорила Евдокія, удивленно взглядывая на мужа.—Развѣ это тебѣ не нравится?

Она подчеркнула слово: «это».

— Да, это мнѣ не нравится!

— Почему?

— Потому... потому... однимъ словомъ, нельзя же изъ твоей гостиной сдѣлать притонъ... Къ тебѣ и безъ того Богъ знаетъ

кто ходитъ... Какія-то барыни, курсистки, какъ вы ихъ тамъ называете... Это, мой другъ, совсѣмъ неприлично...

Евдокія смотрѣла во всѣ глаза на мужа, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо ея все дѣлалось печальнѣе.

— Я не понимаю тебя, Борисъ... Я наконецъ не знаю, что̀ тебѣ нравится и что̀ не нравится!

Борисъ готовъ былъ разсердиться, но онъ сдержалъ себя и только нервно пощипывалъ бакенбарды.

— Я заговорилъ объ этомъ потому, что въ послѣднее время ты, Евдокія, какъ-то странно себя держишь...

— Странно?.. Но вѣдь ты прежде ничего не говорилъ... Ты позволилъ мнѣ быть знакомой, съ кѣмъ я хочу. Развѣ мои знакомые тебя стѣсняютъ? Они вѣдь бываютъ у меня, когда тебя нѣтъ!

— Тѣмъ хуже!

Евдокія вспыхнула и еще ниже опустила голову.

— Твое положеніе въ обществѣ обязываетъ тебя...

Борисъ остановился, почувствовавъ, что говоритъ глупость.

— Ты слишкомъ мало знаешь людей и жизнь, милая моя,— мягко заговорилъ Кривскій: — и потому-то слишкомъ довѣрчива и знакомишься безъ строгаго разбора, не посовѣтовавшись со мной, съ такими людьми, которыхъ совсѣмъ не знаешь... Въ вашемъ благотворительномъ кружкѣ встрѣтишься и сейчасъ же зовешь къ себѣ... Мнѣ, признаюсь, даже непонятно, что̀ можетъ быть пріятнаго въ знакомствѣ съ этими...

Борисъ опять сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не обронить рѣзкаго эпитета.

— Одна твоя пріятельница—какая-то учительница, другая—синій чулокъ съ невозможными манерами... Ты, конечно, воображаешь, что онѣ превосходныя женщины...

Евдокія тихо замѣтила:

— Ты развѣ знаешь, что онѣ нехорошія?

— Я не говорю: нехорошія, я только не понимаю, что̀ можетъ у тебя быть съ ними общаго?.. Надѣюсь, ты не намѣрена сдѣлаться нигилисткой... Это было бы... по меньшей мѣрѣ смѣшно!

Борисъ взглянулъ на жену искоса, дотронулся до ея руки и еще мягче замѣтилъ:

— Вообще, Дуня, ты какъ-то въ послѣднее время неоткровенна со мной. Ты странная какая-то. Никуда не хочешь показываться, одѣваешься, точно тебѣ не во что одѣться... Со мной избѣгаешь говорить... Скажи, какъ другу, который любитъ тебя, искренно любитъ...

Борису показалось, что маленькая холодная рука жены вздрогнула при этихъ словахъ въ его рукѣ.

— Я вѣдь не имѣю намѣренія стѣснять тебя,—веди знакомство съ кѣмъ хочешь! Но я хотѣлъ только предупредить тебя... Мало ли что̀ могутъ говорить!.. Отвѣть же на мой вопросъ: что̀ съ тобой? Чѣмъ ты недовольна?

Евдокія слушала слова мужа съ тяжелымъ чувствомъ. Что̀ скажетъ она ему? Развѣ она прежде, въ первые мѣсяцы, не говорила ему свои завѣтныя мечты? Развѣ она не спрашивала совѣта и поддержки; но что̀ же сказалъ онъ?

Борисъ Сергѣевичъ подсмѣивался съ изяществомъ свѣтскаго человѣка надъ ея мечтами. Съ снисходительной ласковостью учителя онъ доказывалъ ей, что мысли ея смѣшны, и что надо жить, какъ люди живутъ, а не носиться съ какими-то нелѣпостями. Онъ ей обѣщалъ устроить занятія, гдѣ, по его словамъ, ея доброе сердце найдетъ удовлетвореніе. Онъ познакомилъ жену съ дамами-благотворительницами. Евдокія сдѣлалась членомъ комитета, отдалась этому дѣлу со всею горячностью любящаго сердца и... скоро поняла, поняла скорѣе чувствомъ, чѣмъ умомъ, что это не то, не то, чего хотѣла ея душа, жаждавшая подвига, жертвы...

Она опять обратилась къ мужу, но онъ опять какъ-то странно отнесся къ ней, и Евдокія осталась одна — одна съ сомнѣніями, волновавшими ея горячую голову. Она начинала чувствовать, что Борисъ — не тотъ человѣкъ, который былъ нуженъ...

— Что-жъ ты молчишь, мой другъ? Скажи же, что̀ съ тобой?.. Чѣмъ ты недовольна?..

Евдокія подняла свои свѣтлые, полные думы глаза на мужа, взглянула на его чисто выбритое, красивое лицо, на его сѣрые, улыбающіеся глаза, на всю изящную фигуру, и слова отвѣта замерли на ея устахъ.

Она поняла, что нечего ему говорить.

«Не тотъ... не тотъ!»—грустно отозвалось въ ея сердцѣ.

«Однако эта комедія начинаетъ надоѣдать!—подумалъ Кривскій, напрасно ожидая отвѣта.—Чего ей, какого ей рожна?—добивался онъ отвѣта и никакого отвѣта не могъ отыскать.—Чего она блажитъ!»

— Послушай, Евдокія, ты серьезно подумай о томъ, что̀ я тебѣ говорилъ... Я не смѣю насиловать твоихъ взглядовъ, но намъ надо согласиться жить такъ, чтобы мы не доставляли другъ другу непріятностей... Не правда ли?

— Ты правъ!..—прошептала Евдокія.

— Ты сама согласна... И если ты любишь меня, то из-

бѣгай знакомства съ господами въ родѣ Никольскаго... Ты не откажешь мнѣ въ этомъ?.. Вѣдь ты настолько любишь меня?

О, Господи, какая это пытка! Онъ еще спрашиваетъ о любви тѣмъ самымъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ, которымъ только-что отказалъ въ помощи отцу. Фальшивой нотой звучали эти мягкія слова, и бѣдная Евдокія вмѣсто отвѣта еще ниже склонила свою голову.

— И на это ты не хочешь дать отвѣта? Ну, какъ хочешь!..— тихо проговорилъ Борисъ, поднимаясь съ кресла.

«Это чортъ знаетъ что̀ за женщина!»—злобно шепталъ Борисъ Сергѣевичъ, выходя отъ жены.

Онъ озлился, что онъ, Борисъ Сергѣевичъ, не могъ сладить съ этимъ кроткимъ и на видъ безпомощнымъ созданіемъ.

«Не тотъ, не тотъ!» — скорбно шепталъ какой-то назойливый голосъ въ груди молодой женщины.

Ей припомнились слова матери передъ свадьбой, и горько-горько задумалась Дуня передъ роковымъ вопросомъ, поставленнымъ жизнью на первыхъ же шагахъ ея самостоятельности.

Зачѣмъ она вышла замужъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Но развѣ она думала, что онъ—не тотъ желанный, который поможетъ ей, бѣдной, ощупью искавшей дороги, жаждавшей луча свѣта въ непроглядной тьмѣ, найти эту дорогу, увидать этотъ свѣтъ?

О, глупая, безталанная, она, напротивъ, думала, что Борисъ именно тотъ самый умный, добрый, великодушный, любящій, который нерѣдко смущалъ ея дѣвичій сонъ. Онъ успокоитъ тревогу неудовлетворенной души, онъ разрѣшитъ ея сомнѣнія, онъ поможетъ ей отыскать правду, которой такъ жаждало ея любящее сердце...

Но вмѣсто свѣта тотъ же мракъ кругомъ, та же ложь, и вдобавокъ какимъ холодомъ вѣетъ отъ этого ласковаго, нѣжнаго голоса. Какъ мало уваженія и любви въ его снисходительной ревности, сколько оскорбительнаго въ его ласкѣ для такой деликатной натуры!

«Не тотъ, не тотъ!»

Точно во снѣ она была тогда, когда рѣшилась, не спросивши сердца, отдать судьбу свою въ руки этого человѣка. И тѣ дни прошли какъ сонъ.

Быть-можетъ, и онъ былъ тогда не тотъ, или казался не такимъ! Онъ такъ мягко и такъ нѣжно говорилъ ей о будущей ихъ жизни, онъ съ такой внимательностью отнесся тогда къ ея мечтамъ, обѣщая впереди путь, по которому она пой-

детъ въ удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, онъ такъ ласково шепталъ ей слова любви, что она, еще колеблющаяся, протянула ему руку безъ колебанія и стала подъ вѣнецъ.

Они тотчасъ же уѣхали за границу. Это время прошло опять какъ сонъ. Два мѣсяца пролетѣли быстро. Тамъ, въ чужихъ странахъ, все было ново, все занимало молодую женщину.

Но и тогда уже бывали минуты, когда молодая женщина испуганно, удивленно смотрѣла на Бориса. Въ его рѣчахъ она какъ будто слышала отзвукъ отцовскихъ рѣчей. Не та грубая форма, но та же самая грубая сущность.

«Нѣтъ, это ей кажется!»—думалось ей тогда, и ей хотѣлось, чтобъ это казалось. Она пробовала сама говорить... Она, сдержанная, цѣломудренно таившая про себя, однажды заспорила съ мужемъ, высказала, что мучитъ ее, чего жаждетъ ея сердце, и... какимъ холодомъ повѣяло отъ его снисходительныхъ отвѣтовъ... какой насмѣшкой звучали его слова.

Опять то же, что и дома, но тамъ, по крайней мѣрѣ, любовь горячая, безпредѣльная любовь отца, а тутъ...

А онъ, казалось, и не понималъ, что дѣлается съ Евдокіей. Онъ первое время утѣшалъ ее, какъ бывало отецъ, думая успокоить ея взволнованное сердце небрежной лаской, вниманіемъ, подаркомъ, и не замѣчалъ, что день ото дня становился ей снова чужимъ, гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ былъ до свадьбы.

Неужели онъ женился не на ней, а на приданомъ?..

Сперва эта мысль пришла къ ней какъ-то нечаянно, но потомъ она закрадывалась въ ея душу все чаще и чаще, и наконецъ она почти сроднилась съ ней.

«Не тотъ, не тотъ!»—шептала она, съ болью вспоминая, что въ скоромъ времени она будетъ матерью... Будущее казалось ей въ какомъ-то ужасномъ туманѣ. Такъ жить, какъ она живетъ, неужели возможно? Нѣтъ, ни за что!

Но гдѣ же найдетъ она примиреніе? гдѣ тотъ крестъ, который она готова нести во имя правды и любви? гдѣ, гдѣ онъ?

И опять ни откуда нѣтъ отвѣта...

VIII.

У смертнаго одра.

Ночь.

Въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенной ночникомъ, лежитъ несчастный неудачникъ на кожаномъ диванѣ. Онъ

спитъ, но сонъ его безпокойный, тревожный сонъ. Больной то и дѣло просыпается, и тогда Петръ Николаевичъ подаетъ ему лѣкарство. Сегодня его очередь сидѣть около больного. Они чередуются съ теткой. Въ полумракѣ комнаты лицо Трамбецкаго кажется совсѣмъ мертвымъ. Длинное, осунувшееся, съ заостренными чертами, оно носитъ на себѣ печать смерти. Доктора объявили, что надежды никакой, развѣ какое-нибудь чудо. По словамъ ихъ, волненія доконали бѣднягу въ конецъ.

Никольскій то и дѣло наклоняется надъ изголовьемъ больного и прислушивается къ его дыханію. Дыханіе неровное и шумное. Какой-то хрипъ вылетаетъ изъ груди.

«Бѣдняга, все еще надѣется! Какъ просилъ вчера еще скорѣй ѣхать въ деревню... Видно, человѣкъ до послѣдняго момента надѣется!»—усмѣхнулся Никольскій, откидываясь въ кресло.

Онъ задумался, припоминая всю жизнь этого неудачника. «Нечего сказать, жизнь! Ни другимъ ни себѣ! Ни личнаго счастья ни сознанія, что жилъ не безслѣдно. Такъ, сутолока какая-то. Кипятился изъ-за выѣденнаго яйца, бѣдняга, и сгорѣлъ. А, кажется, много ли человѣку и нужно-то было? Очень немного. Онъ бы помирился съ дѣятельностью мирового судьи, творилъ бы судъ и расправу, да если бы вдобавокъ нѣжная женская головка склонялась на его плечо, да чтеніе вдвоемъ любимыхъ поэтовъ, бетховенскія сонаты,—жить бы ему поживать, добра не наживать,—не изъ такихъ этотъ отживающій рыцарь переходнаго времени,—въ полномъ блаженствѣ. А поди-жъ, и того не даетъ жизнь мало-мальски порядочному человѣку. Гоняла судьба этого неудачника съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ... Все искалъ онъ настоящей службы дѣлу, а не лицамъ!»—печально усмѣхнулся Никольскій, припоминая, какъ горячился, бывало, Трамбецкій, разсказывая, какъ и почему оставлялъ онъ то одно, то другое мѣсто.

— Дьявольскія времена!—проговорилъ громко Никольскій.

— Это вы вѣрно говорите... Я самъ только-что объ этомъ думалъ!—слабо проговорилъ больной.

— А вы не спали развѣ?

— Нѣтъ... Такъ, съ закрытыми глазами лежалъ...

— Вы лучше лѣкарство примите, чѣмъ о временахъ-то думать... Какъ себя чувствуете?..

— Гораздо лучше... Дышать легче. Завтра, пожалуй, и встать будетъ можно, а черезъ недѣлю уѣхать...

Трамбецкій принялъ лѣкарство и опять заговорилъ:

— Во время болѣзни какъ-то яснѣе все представляется.

Вотъ и думалъ я, что времена скверныя, а когда вы сказали: «дьявольскія», такъ я даже обрадовался... Право... Вы тоже объ этомъ думали?

— А вы не очень-то разговаривайте. Докторъ-то что̀ говорилъ?

— Что̀ докторъ? Мало ли что̀ говорилъ докторъ?.. Меня одинъ докторъ десять лѣтъ тому назадъ къ смерти приговорилъ, а я его надулъ... Быть-можетъ, и теперь ихъ обману̀...

— И обманывать нечего. Они надѣются, что вы поправитесь, а все поменьше говорите...

— Нѣтъ, ужъ вы не мѣшайте... Очень хочется мнѣ высказать... Какъ вспомнишь, изъ-за чего я, собственно говоря, всю жизнь кипятился и почему я вышелъ такой неудачникъ, такъ знаете ли, Никольскій, даже досада беретъ...

Трамбецкій вдругъ закашлялся продолжительнымъ кашлемъ.

— Видно, надо слушать докторовъ!—печально проговорилъ онъ.—Вы, пожалуй, тоже не понапрасну ли кипятитесь, Никольскій?

— Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ...

— Знаете ли, что̀ я вамъ скажу...—началъ-было Трамбецкій, но вдругъ застоналъ.

— Что̀ съ вами?

— Опять... опять... Нѣтъ, видно, докторовъ теперь не надуть... Дышать трудно...

Онъ заметался и сталъ бредить. Въ бреду онъ часто призывалъ Валентину и Колю. Наконецъ онъ заснулъ. Дыханіе его сдѣлалось ровнѣе. Никольскій заглянулъ, и робкая надежда закралась въ его сердце,—такъ спокоенъ былъ сонъ больного.

На утро Трамбецкій проснулся и совсѣмъ себя почувствовалъ хорошо. Онъ выпилъ стаканъ чаю, приласкалъ Колю и все собирался ѣхать скорѣй въ деревню. Когда пріѣхалъ докторъ, и Никольскій спросилъ, что̀ значитъ эта перемѣна, то докторъ только угрюмо покачалъ головой и сказалъ, чтобы напрасно не радовались.

И дѣйствительно, послѣ полудня Трамбецкому опять сдѣлалось хуже. Онъ сталъ говорить о смерти и все просилъ, чтобы Колю не отдавали женѣ.

— Будьте покойны! Мы объ этомъ давно порѣшили.

Трамбецкій протянулъ руку, и слезы тихо закапали изъ его глазъ.

— Я такъ только, для успокоенія... Я вѣрю вамъ и, благодаря вамъ, умру, пожалуй, спокойно...

Къ вечеру Трамбецкій заснулъ и, какъ только проснулся сказалъ Никольскому:

— Знаете ли, о чемъ я васъ еще попрошу? Вы и не ждете!

— Ну?

— Исполните мою просьбу... только, пожалуйста, исполните. Ужасно мнѣ хочется видѣть мою жену... Я васъ прошу, если можно... на пять минутъ... Быть-можетъ, въ послѣдній разъ...

— Я сейчасъ поѣду... Сію минуту...

— Мнѣ надо ей сказать... Смотрите же, привезите...

Никольскій тотчасъ же поѣхалъ къ Валентинѣ.

У Валентины были гости: два молодыхъ офицера, камеръ-юнкеръ и юный, совсѣмъ юный, румяный, круглый, добродушный господинъ, единственный наслѣдникъ извѣстнаго петербургскаго милліонера. Юноша молча пожиралъ влюбленными глазами очаровательную хозяйку, вздрагивая и краснѣя, когда Валентина дарила его ласковымъ взглядомъ.

У прелестной малютки собралась веселая компанія влюбленныхъ молодыхъ поклонниковъ, наперерывъ другъ передъ другомъ старавшихся заслужить благосклонность хорошенькой женщины. Послѣ процесса она получила всеобщую пикантную извѣстность. Сдѣлаться счастливымъ любовникомъ Валентины казалось особенною честью. Объ этомъ заговорятъ всѣ, завидуя счастливцу, плѣнившему сердце маленькой очаровательницы. Изъ-за такой чести стоило бросить къ ея ногамъ состояніе или, по крайней мѣрѣ, не жалѣть векселей.

Всѣ знали, что Валентина пока свободна, прогнавши къ чорту Леонтьева. Надо было воспользоваться случаемъ; такая женщина не можетъ долго оставаться свободной. Уже ходили слухи, что «Хрисашка» дѣлалъ ей выгодныя предложенія...

Камеръ-юнкеръ закладывалъ свои послѣднія земли,—это недаромъ. Однако Валентина никому не отдавала предпочтенія. Никто не могъ назвать имени ея любовника. Она принимала къ себѣ всѣхъ своихъ поклонниковъ, поровну между ними дѣлила свое вниманіе и, казалось, всѣмъ подавала очаровательную надежду, позволяя наединѣ пожимать маленькую ручку или срывать съ ея устъ холодный, мирный поцѣлуй. Всѣ находили такой случай, только одинъ круглый, румяный юноша не осмѣливался. Онъ цѣлые дни сидѣлъ у прелестной малютки, молча пожиралъ ее глазами и робѣлъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ при одномъ прикосновеніи къ маленькой ручкѣ. Валентина смѣялась, заставляла юнца привозить ей конфеты, держала его при себѣ на посылкахъ и на его застѣнчивыя признанія въ горячей любви, шутя, просила подождать отвѣта.

Только-что кончили пить чай. Вся компанія шумно и весело встала изъ-за стола и двинулась въ маленькую гостиную.

Валентина, по обыкновенію, улеглась на диванъ и велѣла юнцу помѣшать уголья въ каминѣ. Она была въ капотѣ, изящная, свѣжая и веселая. Отъ нея шло какое-то раздражающее благоуханіе. Распущенные волосы, перехваченные голубой лентой, моложавили это хорошенькое личико. Свернувшись на диванѣ, Валентина казалась совсѣмъ наивнымъ, прелестнымъ ребенкомъ, граціозной кошечкой, отъ которой вѣетъ мягкой теплотой. Она весело смѣялась, открывая бѣлые зубки, когда молодежь разсказывала смѣшныя вещи, и такъ рѣзво играла носкомъ крохотной туфельки подъ самымъ носомъ юнаго наслѣдника, не спускавшаго влажныхъ глазъ съ прозрачнаго чулка, сквозь который сквозила розовая ножка,—что юноша не выдержалъ и порывисто пересѣлъ на другое мѣсто.

Всѣ засмѣялись.

— Куда же вы?—невинно спросила Валентина.

Но юноша молчалъ.

— Оставьте его, Валентина Николаевна, а то онъ заплачетъ!—проговорилъ кто-то.

И въ самомъ дѣлѣ изъ большихъ голубыхъ глазъ кругленькаго, выхоленнаго юноши готовы были брызнуть слезы.

Валентина спрятала ножки и подозвала юношу къ себѣ.

— Вы что?—шепнула она на ухо. — Гадкій! Такъ-то вы любите меня и исполняете свое слово? Ну, садитесь на свое мѣсто, но, смотрите, сидѣть смирно.

Черезъ нѣсколько минутъ Валентина попросила одного изъ офицеровъ спѣть. Офицеръ вышелъ въ сосѣднюю комнату и запѣлъ пріятнымъ тенoромъ шансонетку. Звуки пѣсенки оживили всѣхъ. Всѣ вышли и стали подтягивать. Одинъ юноша сидѣлъ молча на низенькомъ стулѣ у ногъ Валентины, точно наказанный. Опять розовая ножка мелькнула въ его глазахъ.

Онъ воспользовался мгновеніемъ, когда на него не обращали вниманія, и припалъ къ ней сочными, свѣжими губами.

Валентина не мѣшала юношѣ и тихонько трепала его за ухо, приподнявшись съ дивана. Онъ сталъ цѣловать ея руку и шепнулъ:

— Я васъ такъ люблю. Когда же отвѣтъ?

— На-дняхъ. Надѣйтесь!—шепнула она, отводя руку.

Какое-то блаженство разлилось по добродушному юному лицу влюбленнаго. Оно сіяло восторгомъ.

— Я душу готовъ положить за васъ!—какъ-то восторженно произнесъ онъ.

— Вѣрю, вѣрю! Пойдемте въ залу, а то насъ увидятъ.

Валентина поднялась и хотѣла-было идти, какъ въ комнату вошла Паша и знакомъ позвала Валентину.

— Ну, ступайте, ступайте. Я сейчасъ приду.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ!—расхохоталась малютка въ отвѣтъ на этотъ странный и ревнивый вопросъ.

— Что̀ такое случилось, Паша? Евгеній Николаевичъ пріѣхалъ?

— Братъ его!

— Братъ? Какой братъ?—испуганно спросила Валентина.

— Развѣ забыли? Петръ Николаевичъ, бариновъ знакомый, лохматый такой...

Валентина вспомнила и еще болѣе смутилась.

— Что̀ ему нужно? Я съ нимъ незнакома! Зачѣмъ его впустили?

— Тимоѳей отказывалъ ему, но онъ проситъ васъ видѣть. Говоритъ, по очень важному дѣлу.

— Какія дѣла? У меня съ нимъ никакихъ дѣлъ нѣтъ! Это, вѣрно, Трамбецкій его подослалъ? Отказать ему! Пусть Тимоѳей скажетъ, что я не желаю его принять!

— Очень проситъ онъ, Валентина Николаевна... Вошелъ такой разстроенный... Одну минуту, говоритъ...

— Пусть объяснитъ, по крайней мѣрѣ, что̀ ему нужно.

— Лично, говоритъ, объясню.

— Я, ей Богу, не знаю, Паша... Этотъ господинъ мнѣ такъ не нравится... Я боюсь принять его.

— Чего вамъ бояться, Валентина Николаевна? Примите-ка лучше.

— Принять?

— Конечно, примите. Бѣды никакой не будетъ, а не хотите, чтобъ онъ гостей видѣлъ, я проведу его прямо сюда... Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь нужное...

— Ну, хорошо... Приведи его сюда!

Петра Николаевича провели коридоромъ. Никольскій слышалъ веселые голоса, пѣніе, взрывы смѣха и еще болѣе пожалѣлъ умирающаго неудачника. Онъ вошелъ къ Валентинѣ, поклонился и проговорилъ:

— Извините, что такъ поздно. Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой отъ умирающаго... Вашему мужу жить нѣсколько часовъ.

Валентина вздрогнула.

— Онъ проситъ васъ немедленно пріѣхать къ нему. Онъ хочетъ проститься... Вы вѣдь не откажете въ такой бездѣлицѣ?!. Нѣтъ? Онъ такъ надѣется...

— Боже мой... Вы такъ поразили меня... Но къ чему ѣхать?.. И бѣдному мужу и мнѣ будетъ тяжело свиданіе,— проговорила малютка, отирая навернувшіяся слезы.

— Послушайте, Валентина Николаевна. Съ вашей стороны будетъ жестоко отказать умирающему... Прошу васъ, поѣдемте...

Никольскій не просилъ, а умолялъ. Валентина колебалась.

— Вѣдь вы поѣдете?

— Извольте, я пріѣду.

— Надо сейчасъ ѣхать, сію минуту.

— По крайней мѣрѣ, я велю заложить экипажъ.

— Насъ ждетъ извозчикъ. Велите экипажу пріѣхать за вами.

— Вы такъ просите...—попробовала улыбнуться своей милой улыбкой Валентина:—что я сію минуту къ вашимъ услугамъ.

Черезъ десять минутъ Никольскій съ Валентиной ѣхали на Петербургскую сторону. Паша объявила гостямъ, что барыня уѣхала къ умирающему мужу. Всѣ восхищались добротой этого ангела.

— Ну, что̀?—шопотомъ спросилъ Никольскій, вводя Валентину въ комнаты.

— Плохъ... Онъ дожидается васъ!—замѣтила Прасковья Ивановна, обращаясь къ Валентинѣ.

Прелестную малютку оставили въ залѣ, а Никольскій пошелъ къ Трамбецкому.

— Не пріѣхала?—прошепталъ больной.

— Сейчасъ... сію минуту она будетъ у васъ...

Счастливая улыбка скользнула по мертвенному лицу.

— Спасибо, голубчикъ... Она сейчасъ же согласилась?.. Она... она пожалѣла меня?..

Онъ заволновался.

— Успокойтесь, Александръ Александровичъ...

— Нѣтъ, скажите правду: она пожалѣла меня?..

— Пожалѣла...

— Вы... вы... не обманываете?..

— Къ чему обманывать?..

— Такъ я счастливъ... я очень счастливъ тогда... Я все-таки вижу, что эта женщина хотя жалѣетъ меня... Что̀ же она не идетъ?.. Скоро ли?..

Никольскій ушелъ, и черезъ минуту Валентина появилась свѣтлымъ призракомъ передъ одромъ умирающаго неудачника.

При появленіи Валентины Трамбецкій слабо вскрикнулъ, пробовалъ привстать, но въ безсиліи опустился на подушки.

Словно ангелъ смиренія и кротости приблизилась прелест-

ная малютка къ умирающему и протянула руку съ кроткой, ласковой улыбкой. Трамбецкій порывисто схватилъ слабыми, дрожащими пальцами маленькую, розовую, блиставшую кольцами ручку и прильнулъ къ ней засохшими, помертвѣвшими губами.

Валентина взглянула въ лицо умирающаго. Чувство страха, жалости и какого-то непобѣдимаго отвращенія къ разлагающемуся тѣлу охватило ея существо. Ей сдѣлалось жаль мужа, и въ то же время ей такъ хотѣлось поскорѣе вонъ изъ этой маленькой комнаты, пропитанной запахомъ лѣкарствъ, гдѣ смерть явилась передъ ней въ такомъ некрасивомъ, ненарядномъ видѣ. Нервы были разстроены. Что-то щекотало въ горлѣ... На мгновеніе мелькнула мысль, что со смертью мужа она совсѣмъ свободна, и эгоистическое чувство пріятно защекотало нервы, несмотря на слезы, сжимавшія горло... Ей все-таки жаль его. Онъ все-таки мужъ! Она въ самомъ дѣлѣ начинала чувствовать жалость и дала волю нервамъ...

— Благодарю тебя, что ты пріѣхала!..—шепталъ Трамбецкій.—Я думалъ...

Валентина присѣла на постель и тихо плакала. Трамбецкій, глядя на эти слезы, умилялся.

— Ты—добрая... Ты пожалѣла меня... Ты вѣдь любила меня?..

Нервы Валентины совсѣмъ разстроились отъ этихъ прерывающихся, нѣжныхъ словъ.

Какъ всегда бываетъ съ чувствительными людьми, обстановка усилила впечатлѣніе чувствительности. Эта сцена представлялась ей какой-то трогательной мелодрамой, въ которой она играетъ главную роль. Умирающій мужъ и она, несчастная, пожалуй, виновата тутъ передъ лицомъ смерти. Да, она виновата... Она, быть-можетъ, много виновата. Теперь ей даже пріятно быть виноватой, но умирающій проститъ ее...

И Валентина непритворно рыдала.

— Ты что же это?.. Ты, Валентина... О, Господи, какое счастіе... Я вижу, ты добрая...

Валентина вдругъ поднесла руку мужа къ своимъ губамъ, потомъ опустилась на колѣни у кровати и шептала въ слезахъ:

— Прости, прости меня...

Его ли просить о прощеніи! Онъ давно простилъ. Онъ съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза и тихо гладилъ ея голову...

Прошло нѣсколько секундъ, и Валентина почувствовала, что у нея заболѣли колѣна. «Если бы былъ мягкій, пушистый коверъ!» — вспомнила она. Но ковра не было, и колѣ-

намъ становилось больнѣй. Она поднялась и снова сѣла на постель.

И Трамбецкій усталъ отъ волненія. Онъ держалъ въ своей рукѣ руку жены и закрылъ глаза... Черезъ минуту онъ задремалъ... Еще другая, третья минута,—и Валентина почувствовала неловкость и страхъ. Рука начинала холодѣть. Она быстро выдернула свою руку и надѣла перчатку. Ей такъ хотѣлось скорѣе на воздухъ, скорѣе домой. Онъ простилъ,—больше нечего дѣлать!

Тихо скрипнула дверь, и вошелъ Никольскій. Онъ заглянулъ въ лицо больного, бросилъ быстрый взглядъ на Валентину и сказалъ:

— Вашъ мужъ заснулъ...

— Ему лучше?

— Кажется!—сказалъ Никольскій, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе прелестной малютки.

Она поднялась съ дивана.

— Вашъ экипажъ пріѣхалъ!—проговорилъ Никольскій:—и если вы устали...

— Но вы обѣщаете дать мнѣ знать, если будетъ хуже...

— Непремѣнно...

— Такъ я поѣду... Мнѣ такъ тяжело! — проговорила она, вытирая опухшіе отъ слезъ глаза и радуясь въ то же время возможности уѣхать.

Когда Никольскій провожалъ ее, она покорно спросила о Колѣ.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ въ деревнѣ! — храбро солгалъ Никольскій, усаживая ее въ карету.

Когда онъ вернулся въ комнату больного, тамъ была страшная тишина. Онъ взглянулъ на Трамбецкаго. Лицо его было спокойно, а глаза безжизненны. Неудачникъ былъ мертвъ. Никольскій поцѣловалъ холодный лобъ, закрылъ глаза, тихо вышелъ изъ комнаты и пошелъ спать.

IX.

Въ отставкѣ.

Хотя его превосходительство Сергѣй Александровичъ и бодрился, хотя онъ и увѣрялъ всѣхъ, что радъ наконецъ отдохнуть, тѣмъ не менѣе отставка сильно подѣйствовала на старика. Въ два мѣсяца онъ сильно постарѣлъ, осунулся и нерѣдко хандрилъ въ своемъ кабинетѣ, одинокій и всѣми

забытый. Нерѣдко вспоминалъ онъ, какъ быстро проходили дни, когда онъ еще стоялъ на стражѣ государственныхъ интересовъ. Съ утра начиналась дѣятельность, пріемы, доклады, посѣщенія, затѣмъ поѣздки къ его свѣтлости, вечеромъ комиссіи и совѣты, а теперь?.. Теперь дни кажутся безконечными, и старикъ придумывалъ, какъ бы наполнить время, и радъ былъ, если кто-нибудь по старой памяти навѣщалъ его и бранилъ его преемника.

Его превосходительство, разумѣется, оппонировалъ, но оппонировалъ слабо и улыбался, когда ему разсказывали о какомъ-нибудь промахѣ или недосмотрѣ новаго стража государственныхъ интересовъ.

— Бѣдная Россія,—повторялъ онъ:—бѣдная Россія!

Онъ любопытно разспрашивалъ, доволенъ ли его свѣтлость преемникомъ, и когда до него доходили слухи о недовольствѣ его свѣтлости, его превосходительство оживалъ. Старику все казалось, что вотъ-вотъ за нимъ пришлютъ и призовутъ его къ дѣятельности.

Но прошло два мѣсяца, наступалъ третій, за нимъ не посылали и какъ будто совсѣмъ забыли о старикѣ. И его превосходительство точилъ недугъ честолюбія; онъ страдалъ втайнѣ,—страдалъ съ изяществомъ джентльмена, не показывая вида, что страдаетъ.

И все мрачнѣй казалось ему все окружающее. Печальнѣе рисовалось его превосходительству будущее, и онъ писалъ записки за записками, проектъ за проектомъ. Но, къ сожалѣнію, на записки его уже не обращали вниманія. Однажды онъ даже услышалъ, что его свѣтлость, передавая одну изъ записокъ его преемнику, изволилъ замѣтить:

— Пожалуйста, только не обижайте старика... Разсмотрите и отнеситесь помягче къ этимъ старческимъ упражненіямъ...

Съ тѣхъ поръ его превосходительство писалъ для своего удовольствія, затаивъ про себя глубокую обиду. Онъ попрежнему благоговѣлъ передъ его свѣтлостью и увѣрялъ, что его сбиваютъ съ толку окружающіе. Если бы не это, то его свѣтлость давно бы прогналъ этихъ лукавыхъ слугъ.

Печально проходили однообразные дни. Его превосходительство попрежнему вставалъ въ 8 часовъ утра, одѣвался съ обычной тщательностью; но новый камердинеръ не могъ ему угодить такъ, какъ Василій Ивановичъ. Василій Ивановичъ тоже его оставилъ, и старикъ долго не могъ привыкнуть къ этой потерѣ. Дѣлать было однако нечего. Попрежнему его превосходительство въ девятомъ часу оканчивалъ

туалетъ, выходилъ въ свой кабинетъ и уныло присаживался къ столу. Напрасно иногда казалось ему, что сейчасъ пріотворится дверь и дежурный чиновникъ войдетъ съ докладомъ. Никто не входилъ... Тихо и пусто было въ кабинетѣ, изъ залы не доносился сдержанный шопотъ просителей.

Къ полудню уже не являлся Евгеній Николаевичъ съ докладомъ и черновыми проектовъ. Евгеній Николаевичъ перешелъ на службу къ новому начальнику, хотя и испросилъ на это согласіе его превосходительства. Старикъ какъ-то кисло улыбнулся и посовѣтовалъ молодому человѣку принять предложеніе. При этомъ случаѣ Евгеній Николаевичъ, конечно, выразилъ, какъ много онъ обязанъ его превосходительству. На глазахъ солиднаго молодого человѣка показались слезы, онъ, видно, былъ взволнованъ, и когда его превосходительство привлекъ его къ себѣ, то вышла даже чувствительная сцена. Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, — Евгеній Николаевичъ все рѣже и рѣже заглядывалъ въ кабинетъ его превосходительства, и Сергѣй Александровичъ узналъ, что его секретарь не только ладитъ съ преемникомъ и пользуется его особеннымъ расположеніемъ, но уже успѣлъ получить повышеніе и съ обычнымъ умѣніемъ составляетъ для своего начальника записки совсѣмъ не въ томъ духѣ, въ которомъ составлялъ для его превосходительства. Хуже того: одна изъ записокъ его превосходительства, составленная самимъ же Евгеніемъ Николаевичемъ (дѣло шло о реабилитаціи дворянства), подверглась рѣзкой критикѣ со стороны преемника его превосходительства, и авторомъ ея, какъ узналъ Кривскій, былъ тотъ же Евгеній Николаевичъ.

Старикъ какъ-то грустно усмѣхнулся, узнавши объ этомъ, и когда черезъ нѣсколько дней увидалъ у жены Евгенія Николаевича, то ничего не сказалъ и, по обыкновенію, былъ любезенъ съ бывшимъ секретаремъ. Только вечеромъ онъ замѣтилъ Аннѣ Петровнѣ:

— Что̀, Никольскій у васъ въ комитетѣ попрежнему?

— Какъ же, а что̀?

— Такъ... Онъ сталъ рѣже у тебя бывать,—вѣрно, дѣлъ въ комитетѣ меньше!

— Да, теперь у него помощникъ.

Анна Петровна почему-то смутилась при этомъ разговорѣ.

Его превосходительство замѣтилъ это, но не показалъ вида и ушелъ въ кабинетъ.

И ея превосходительство тоже какъ будто осунулась и постарѣла за это время.

Кривскій сталъ замѣчать, что у жены его нерѣдко крас-

ные глаза, точно она плакала, чего прежде не бывало. Не веселѣй было старику и при встрѣчахъ съ Борисомъ. До него доходили слухи о семейныхъ несогласіяхъ Бориса съ женой, и старикъ съ тоской повторялъ про себя, что онъ предвидѣлъ это. Онъ жалѣлъ невѣстку и чувствовалъ къ ней слабость. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ встрѣтился съ ней въ первый разъ на помолвкѣ сына, она все болѣе и болѣе ему нравилась, и, когда она бывала у стариковъ, его превосходительство всегда послѣ обѣда уводилъ ее въ кабинетъ и игралъ съ ней двѣ партіи въ шахматы. Объ ея отношеніяхъ къ сыну старикъ никогда не говорилъ ни слова, и Дуня сама не начинала.

Однажды утромъ, когда старикъ, по обыкновенію, сидѣлъ за своимъ столомъ, отхлебывая чай, подали телеграмму. Его превосходительство прочиталъ ее и обрадовался. Телеграмма была отъ Шурки. Онъ извѣщалъ, что совсѣмъ поправился и черезъ день выѣзжаетъ въ Петербургъ. Его превосходительство понесъ телеграмму къ женѣ, но ея превосходительства не было дома. Горничная доложила, что барыня пошла гулять. Онъ ничего не сказалъ, но изумился, что ея превосходительство такъ рано встаетъ гулять. Этого прежде никогда не бывало.

— Барышни спятъ еще?

— Почиваютъ.

— Когда проснутся, подайте имъ эту телеграмму. Александръ Сергѣевичъ будетъ черезъ три дня!—весело сказалъ старикъ, передавая телеграмму старой горничной.

X.

Анна Петровна приказала разбудить себя въ это утро гораздо ранѣе обыкновеннаго. Какъ нарочно, она плохо спала ночь. Тревожно ворочаясь на постели, она нѣсколько разъ плакала и только заснула, когда часы пробили четыре удара.

Ровно въ семь часовъ въ спальню вошла Параша, пожилая, благообразная, степенная горничная съ неглупымъ лицомъ и той особенной складкой, которая свидѣтельствовала, что Параша знаетъ себѣ цѣну и пользуется полнымъ довѣріемъ барыни. Недаромъ Параша жила у ея превосходительства пятнадцать лѣтъ, знала всѣ тайны Анны Петровны и, отличаясь испытанной скромностью, пользовалась полнымъ ея довѣріемъ.

Параша подошла къ постели и проговорила:

— Анна Петровна! Пора вставать! Семь часовъ!

Кривская тотчасъ же проснулась.

— Семь часовъ?—переспросила она.—Ахъ, Параша, я совсѣмъ не спала эту ночь!

— Напрасно вы такъ безпокоитесь, барыня.

— Напрасно!? — горько усмѣхнулась ея превосходительство. — Ты, Параша, знаешь?.. Съ его стороны это такая мерзость, такая подлость... Развѣ можно было ожидать чего-нибудь подобнаго?

— Не стòитъ онъ вашей любви, право, не стòитъ...

Параша благоразумно остановилась, не желая оскорбить барыню.

— Какъ онъ всегда увѣрялъ, какъ онъ былъ нѣженъ!.. Ты помнишь, когда мы ѣздили въ прошломъ году въ Крымъ?..

Параша все помнила, все видѣла и давно дивилась ослѣпленію Анны Петровны, которая вѣрила увѣреніямъ любовника и на склонѣ лѣтъ вдругъ стала дурить.

— Ты помнишь?—повторила Анна Петровна.

— Какъ не помнить!..

— И все это былъ обманъ!.. Какая подлость!..

Она злобно усмѣхнулась и прибавила:

— Давай-ка одѣваться... Пора. Ванну приготовила?

— Все готово!

Поспѣшно поднялась Анна Петровна съ постели и отправилась тотчасъ же, по обыкновенію, брать холодную ванну. Черезъ четверть часа она торопливо прошла въ маленькую, изящно отдѣланную уборную, рядомъ съ спальней.

Вздрагивая подъ мягкимъ пушистымъ пеньюаромъ, Анна Петровна поворачивалась передъ яркимъ огнемъ пылающаго камина, а Параша въ то же время растирала ловкими руками иззябшее, рыхлое, жирное тѣло когда-то стройной, блестящей красавицы.

— Какое платье одѣнете?

— Черное съ кружевами. Хорошо будетъ?

— Оно къ вамъ идетъ!

— Такъ приготовь его, Параша!

Параша помогла барынѣ одѣться, накинула капотъ и удалилась.

Ея превосходительство заперла уборную на ключъ и присѣла къ туалету, собираясь приступить къ обычному утреннему таинству гримировки. Въ это время никто никогда не смѣлъ войти въ уборную. Даже Параша не допускалась.

Сегодня надо было заняться своимъ лицомъ съ особенной тщательностью.

Анна Петровна пристально разглядывала себя въ зеркало,

и грустная усмѣшка скользнула тѣнью по ея лицу. Гдѣ когда-то яркая, блестящая красота? Гдѣ правильныя, изящныя черты? Гдѣ блескъ черныхъ глазъ и нѣжная свѣжесть кожи? Вмѣсто того зеркало отразило рыхлое лицо съ желтоватымъ отливомъ кожи, дрожащій мягкій подбородокъ, расплывшіяся черты, темные круги подъ глазами съ лучистыми морщинками у угловъ и замѣтныя борозды, проведенныя жизнью. Кривская, правда, еще сохранилась, въ глазахъ еще зажигался огонекъ поздней страсти, станъ ея еще намекалъ на изящество формъ, въ чертахъ сквозилъ намекъ на бывшую красоту, но только намекъ, отдаленный намекъ...

Она отвела глаза отъ зеркала. Она не любила своего лица по утрамъ, тщательно скрывая отъ другихъ отцвѣтъ своей красоты. Невольно горькій вздохъ вырвался изъ груди отставной красавицы. Теперь, когда было уже поздно, она пожалѣла минувшую пору красоты и молодости и въ первый разъ со злобой вспомнила, что прежде она такъ свято исполняла свой долгъ. О, какъ бы хотѣлось ей вернуть прошлое, чтобы пожить снова полной жизнью. А развѣ она жила? Развѣ этотъ ровный, вѣжливый, но черезчуръ скромный въ ласкахъ супругъ далъ ей когда-нибудь мгновеніе настоящаго счастья? Онъ исполнялъ долгъ мужа, а она—жены,—вотъ и все. Теперь она думала, что этого было мало.

Никогда и никого до послѣдняго времени она не любила. Никогда не давала она воли бушевавшему чувству. Она давила въ себѣ желанія во имя долга, щеголяя добродѣтелью, боясь свѣтской молвы, и гордилась неприступностью и вѣрностью мужу, истратившему въ молодости свои силы и отдавшему ей, молодой красавицѣ, одни жалкіе ихъ остатки.

«Какъ все это было глупо!»

Когда наконецъ поздняя любовь охватила все ея существо огнемъ пожирающей страсти, она спѣшила вознаградить себя съ силой послѣдней вспышки и ненасытностью долго неудовлетвореннаго чувства. Послѣднія пять лѣтъ она испытала счастіе любовницы и вдругъ теперь увидѣла себя покинутой. Это было такъ неожиданно. Умная, ловкая и практичная женщина была застигнута врасплохъ и не могла примириться съ мыслью, что пѣсенка ея спѣта, что страсть ея дѣлается смѣшной и развратной...

Но зачѣмъ такъ безжалостно, такъ грубо оскорбили ея чувство?

Она, гордая женщина, супруга сановника, репутація которой стояла внѣ подозрѣній, она, устоявшая въ дни молодости отъ искушеній, отдала весь запасъ накопившейся страсти

человѣку, который былъ ничтожествомъ; она, пожалѣвшая скромное робкое чувство молодого человѣка, не смѣвшаго и подумать о взаимности, — она отдалась ему вся и полюбила его. Чего только она ни дѣлала ради сохраненія этой любви? Она была другомъ, сообщникомъ, матерью и любовницей. Она, изящная, горделивая, неприступная, старалась перещеголять кокотокъ, оставаясь наединѣ съ своимъ возлюбленнымъ. Она прибѣгала ко всѣмъ ухищреніямъ развратившагося воображенія, стремясь вознаградить любовника за недостатокъ молодости избыткомъ поздней страсти. Она выдумывала, какъ подогрѣть любовь и вызвать желанія. Не было предѣла разврату, предъ которымъ бы остановилась Анна Петровна, эта добродѣтельная мать, вѣрная жена и образцовая хозяйка въ глазахъ свѣта. Одна Параша знала настоящую цѣну этихъ добродѣтелей.

И за все, за все это она же оскорблена!..

Невольно мелькнули предъ ней недавніе счастливые дни. Давно ли еще онъ увѣрялъ въ своей любви. Она ли не вѣрила—ей такъ хотѣлось вѣрить!—и вдругъ онъ же, ничтожество, поднятое на ноги благодаря ей, бросаетъ ее, какъ старый изношенный башмакъ, бросаетъ грубо, съ цинизмомъ зазнавшагося выскочки и неблагодарностью безсердечной натуры. Онъ даже не постарался деликатно разстаться съ женщиной, слово которой два мѣсяца тому назадъ было у него закономъ. Онъ даже не хотѣлъ прикрыть своей подлой натуры и, когда мужъ потерялъ вліяніе, когда оставаться любовникомъ не было разсчета, онъ сперва пересталъ бывать, потомъ оскорблялъ невниманіемъ и наконецъ написалъ письмо, надъ которымъ вчера ея превосходительство пролила столько слезъ поруганнаго чувства и оскорбленнаго самолюбія.

Этого она не ожидала.

Ея превосходительство старалась отогнать прочь печальныя мысли, и въ сердце ея нѣтъ-нѣтъ да и закрадывались проблески надежды, что еще, можетъ-быть, не все потеряно.

Пора было однако приступать къ таинству.

Анна Петровна отперла одинъ изъ ящиковъ туалета. Въ этомъ ящикѣ хранилась лабораторія, при помощи которой ея превосходительство возвращала своему лицу молодость, свѣжесть кожи, блескъ глазъ, нѣжный румянецъ, алый цвѣтъ губъ и даже издали нѣкоторую пикантность.

Въ ящикѣ было множество разнообразной формы и величины флаконовъ, бутылочекъ, банокъ, коробокъ, кистей, кисточекъ, мазковъ, губокъ, тряпочекъ и лайковыхъ, пропитанныхъ какимъ-то составомъ, подушечекъ. Какъ опытный ма-

стеръ, приступила она къ дѣлу. Ей такъ хотѣлось сегодня казаться молодой и красивой.

Сперва она вытерла лицо какой-то пахучей густой жидкостью, покрывшей кожу точно лакомъ; пока жидкость обсыхала, ея превосходительство сдѣлала нѣсколько штриховъ острой кисточкой въ рѣсницахъ, потомъ подчернила брови и смазала какимъ-то составомъ подъ глазами. Затѣмъ нѣсколько ударовъ мягкаго пуха съ пудрой, отдыхъ на нѣсколько минутъ, послѣ чего ея превосходительство принялась за румяна.

Вся эта процедура длилась, по крайней мѣрѣ, съ часъ, и когда ея превосходительство, окончивъ гримировку, взглянула въ зеркало, то зеркало показало ей такое свѣжее и красивое лицо, что ея превосходительство даже улыбнулась, открывъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ, частью вставныхъ, частью настоящихъ. Недаромъ гордилась Анна Петровна своими изящными руками. Она и имъ посвятила добрую четверть часа, дѣйствуя очень быстро разными пилочками, особенными ножницами и тоненькой роговой лопаточкой съ остріемъ на концѣ. Приведя въ порядокъ руки, она навела какимъ-то составомъ розовый блескъ на миндалевидныхъ ногтяхъ, надѣла кольца и, задвинувъ ящикъ съ косметическимъ арсеналомъ, отперла дверь уборной и придавила пуговку электрическаго звонка.

Параша тотчасъ же явилась и особенно тщательно причесала и одѣла барыню.

Къ девяти часамъ Анна Петровна была готова, и Параша, оглядывая ее съ ногъ до головы, нашла, что ея превосходительство сегодня очень авантажна и хороша.

Ея превосходительство наскоро выпила чашку кофе, надѣла шляпку и, сопровождаемая Парашей, вышла изъ спальни.

— Если Сергѣй Александровичъ спроситъ, скажи, что я пошла гулять.

— Въ Лѣтній садъ?—подсказала Параша.

— Въ Лѣтній садъ!.. Сергѣй Александровичъ всталъ?

— Встали.

— Занимается?

— Пишутъ у себя въ кабинетѣ.

— Черезъ два часа я буду дома.

— Счастливаго успѣха, милая барыня!—тихо промолвила Параша, кланяясь барынѣ.

Швейцаръ, еще неодѣтый и нѣсколько изумленный раннимъ выходомъ генеральши, бросился отпирать двери подъѣзда и, пропуская впередъ Анну Петровну, пожелалъ ей добраго утра.

Выйдя изъ подъѣзда, Анна Петровна пошла по Сергіевской улицѣ тихой, спокойной походкой, словно она совершала обычную прогулку. Но когда Кривская завернула за уголъ на Литейную, она быстро опустила на лицо густой вуаль, подъ которымъ невозможно было ее узнать, торопливо дошла до перваго извозчика и, не торгуясь, наняла его въ Галерную улицу.

— Только, пожалуйста, поѣзжай скорѣй. Я тороплюсь!— прибавила она, усаживаясь съ брезгливымъ чувствомъ на извозчичьи дрожки.

Въ щегольскомъ утреннемъ костюмѣ отъ Брюно, свѣжій, румяный, выхоленный, причесанный волосокъ къ волоску, Евгеній Николаевичъ поджидалъ бывшую свою любовницу, нѣсколько озабоченный предстоявшимъ объясненіемъ.

Вчера поздно вечеромъ Параша передала ему настоящую просьбу барыни принять ее. Она будетъ между девятью и десятью часами и надѣется, что въ это время у Евгенія Николаевича не будетъ ни души. «Онъ приметъ?»—«Разумѣется. Онъ будетъ ждать»

Отклонить посѣщеніе было невозможно. Онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо зналъ Анну Петровну.

Удивительно навязчивы эти влюбленныя старухи! Съ чего она лѣзетъ еще съ объясненіемъ? Развѣ ей мало было намековъ, недосказанныхъ словъ, невниманія къ ея просьбамъ о свиданіяхъ? Наконецъ онъ написалъ деликатное письмо, въ которомъ, кажется, онъ объяснилъ все... Чего же еще она требуетъ?

Смѣшныя эти женщины! Когда даже умная баба подъ старость влюбляется, то она рѣшительно дурѣетъ. Неужто она въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, будто можно безъ конца слушать ея сентиментальныя нѣжности и упиваться ея подозрительными прелестями?

И безъ того онъ очень долго былъ черезчуръ счастливымъ любовникомъ, цѣлыхъ пять лѣтъ. Пять лѣтъ лицемѣрія, пять лѣтъ обязательной службы въ качествѣ любовника пылкой женщины за сорокъ лѣтъ—это даже слишкомъ и для такого рѣшительнаго человѣка, какъ Евгеній Николаевичъ.

Это, конечно, не совсѣмъ хорошо, но у него, по крайней мѣрѣ, есть оправданіе, у него была цѣль. Ему нужно было пробивать дорогу въ жизни, устроить карьеру, добиться независимаго положенія. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, случайно обративъ на себя вниманіе его превосходительства Сергѣя

Александровича, мелкимъ, ничтожнымъ чиновникомъ безъ связей, безъ знакомствъ, слишкомъ хорошо знавшій людей. У него не было ничего, кромѣ ума, труда и терпѣнія, но съ однимъ этимъ багажомъ,—онъ испыталъ на себѣ,—далеко не уѣдешь.

Онъ слишкомъ рано выучился презирать тѣхъ самыхъ людей, которымъ завидовалъ и передъ которыми пресмыкался, въ то же время презирая ихъ. Онъ слишкомъ упорно шелъ къ цѣли, хотѣлъ быть человѣкомъ, жить, какъ другіе живутъ, чтобы не быть слишкомъ разборчивымъ въ средствахъ. На пути попалась женщина,—нечего было разбирать слишкомъ внимательно, сколько ей лѣтъ. Довольно и того, что она, не разъ съ снисходительнымъ величіемъ поучавшая его добродѣтели, помогла ему скоро стать на ноги и сдѣлалась его любовницей. Это льстило его самолюбію, пожалуй, но пора было покончить...

Съ торжествующей скверной улыбкой, скользившей по тонкимъ губамъ, вспомнилъ Евгеній Николаевичъ, какъ обращались съ нимъ сперва у Кривскихъ. Едва скрываемое презрѣніе подъ покровомъ холодной вѣжливости. На него всѣ смотрѣли первое время какъ на несчастнаго проходимца, которому странно было подать руку. Анна Петровна едва кивала головой на его поклоны при встрѣчахъ съ нимъ, робко проходившимъ съ бумагами въ кабинетъ его превосходительства. Борисъ Сергѣевичъ такъ презрительно щурилъ глаза, проходя мимо, что Никольскій, бывало, вздрагивалъ...

Но молодой человѣкъ рѣшилъ, что все будетъ иначе, и скоро сумѣлъ поставить себя въ домѣ Кривскихъ на другую ногу. Онъ сдѣлался необходимымъ для его превосходительства, разгадавъ старика и его idée fixe о реабилитаціи дворянства. Онъ писалъ ему проекты и сочинялъ статьи. Онъ, этотъ молодой человѣкъ, подавалъ ему счастливыя мысли, которыя его превосходительству казались собственными мыслями. Подъ конецъ старикъ даже привязался къ способному молодому человѣку, украсившему благородную голову потомка стариннаго рода Кривскихъ самыми настоящими рогами. Украшеніе пришло не сразу. Солидный молодой человѣкъ дѣйствовалъ слишкомъ осторожно съ неприступной супругой его превосходительства. Онъ сперва ѣздилъ по ея порученіямъ, потомъ сопутствовалъ при поѣздкахъ въ деревню и велъ игру съ разсчетомъ опытнаго негодяя, робко взглядывая на перезрѣлую красавицу и представляясь втайнѣ влюбленнымъ. Отвѣтомъ было сперва снисходительно-презрительное вниманіе, потомъ ласковость, а дальше онъ и для Анны Петровны сталъ

незамѣнимымъ человѣкомъ; еще шагъ,—и эта самая женщина стала его любовницей, а Евгеній Николаевичъ все болѣе и болѣе расправлялъ свои крылья...

Теперь они окрѣпли. Теперь онъ и безъ Кривскихъ пойдетъ впередъ, теперь и онъ можетъ говорить о нравственности, долгѣ и честности съ такимъ же апломбомъ, какъ говорятъ они.

Такъ чего же хочетъ наконецъ отъ него эта старая баба? Развѣ она первая и послѣдняя въ такомъ положеніи?

Мало, что ли, этихъ развращенныхъ перезрѣлыхъ бабъ, обманывающихъ мужей, мѣняющихъ любовниковъ, устраивающихъ parties carées, завидующихъ кокоткамъ, въ томъ самомъ дамскомъ обществѣ, которое лицемѣрно опускаетъ глаза при чуть-чуть скабрезной сценѣ и мечетъ громы и молніи противъ безнравственности и испорченности женщинъ не ихъ общества и посѣщаетъ модныя церкви для свиданія съ любовниками.

Онѣ считаютъ себя въ правѣ дѣлать всякую мерзость, если только мерзость эта скрыта подъ изящной формой, — такъ чѣмъ же онъ-то хуже этого лицемѣрнаго, развратнаго общества? Напротивъ, онъ лучше. Онъ дѣлаетъ гадости сознательно, во имя положенія. Онъ, проходимецъ, безъ этого всю жизнь остался бы проходимцемъ, а они—они, обезпеченные, чиновные, богатые люди, они, столпы и матроны отечества—они просто развращены до мозга костей. Такъ ему ли еще считать себя виноватымъ въ томъ, что онъ хотѣлъ пользоваться жизнью, что, встрѣтивъ на дорогѣ сорокалѣтнюю добродѣтель, онъ понялъ, что эта женщина добродѣтельна только изъ страха потерять репутацію, изъ боязни молвы, а что въ сущности она непрочь втайнѣ пошалить, какъ и другія...

Она еще смѣетъ упрекать его?..

Такія мысли бродили въ головѣ Никольскаго, когда онъ, въ ожиданіи свиданія, шагалъ по своему кабинету, припоминая послѣднюю сцену съ Анной Петровной. Онъ терпѣть не могъ сценъ, а между тѣмъ она считала себя оскорбленной голубкой, а онъ являлся зміемъ-искусителемъ.

Положительно, влюбленныя старыя бабы дурѣютъ!

Мягкое звяканье звонка прервало теченіе мыслей Евгенія Николаевича.

— Она!—проговорилъ Никольскій и пошелъ самъ отворять двери.

XI.

Свиданіе.

Кривская вошла въ прихожую.

Евгеній Николаевичъ низко поклонился. Ея превосходительство еле кивнула головой, однако руки не подала.

Она приподняла вуаль и спросила:

— Надѣюсь, мы здѣсь одни?

— Совершенно одни. Я приказалъ никого не принимать.

Кривская молча прошла въ кабинетъ, сбросила на руки Евгенія Николаевича тальму и опустилась на диванъ.

Наступила минута тяжелаго молчанія.

Никольскій исподлобья взглянулъ на бывшую свою любовницу. Она сидѣла, опустивъ голову, и, казалось, была подавлена.

«Фокусы!»—подумалъ Евгеній Николаевичъ, опуская глаза.

И Кривская, въ свою очередь, бросила быстрый взглядъ на своего любовника. Первый моментъ встрѣчи не обѣщалъ ничего утѣшительнаго.

«Однако-жъ отчего она не начинаетъ?»

Только-что мелькнула эта мысль, какъ Анна Петровна подняла голову и тихимъ голосомъ проговорила:

— Во-первыхъ, я должна поблагодарить васъ, Евгеній Николаевичъ, за то, что удостоили принять меня...

— Помилуйте, Анна Петровна... Развѣ я...

Кривская нетерпѣливо перебила его:

— Когда я нѣсколько разъ просила васъ пріѣхать, вы не пріѣзжали Вѣроятно, занятія мѣшали вамъ исполнить мою просьбу. Не правда ли?

Въ голосѣ Кривской звучала иронія.

— Я очень былъ занятъ. Право, очень былъ занятъ!..

— А прежде, несмотря на занятія, одно мое слово—и вы... Оставимъ, впрочемъ, ваши занятія въ сторонѣ... Вы, кажется, не догадываетесь, почему я пріѣхала?

— Я очень радъ...—началъ-было Никольскій.

Анна Петровна тихо усмѣхнулась.

— Это и видно! Я пріѣхала спросить, что̀ значитъ письмо, которое я имѣла честь получить отъ васъ вчера? Что̀ оно значитъ?..

Никольскій хотѣлъ-было отвѣчать, но Анна Петровна серьезно замѣтила:

— Я прошу васъ отвѣтить на мой вопросъ, какъ... какъ честный человѣкъ...

— Анна Петровна! — тихо и ласково промолвилъ Евгеній Николаевичъ:—вы, кажется, сердитесь?

— Я... на васъ?

Она какъ-то презрительно прищурила глаза, взглядывая на молодого человѣка.

— Вы ошибаетесь. Я не сержусь.

— Мнѣ кажется, вы придали не то значеніе моему письму.

— Какое же прикажете придать ему значеніе?.. Говорите, не стѣсняйтесь. Я все выслушаю. Если я могла прочесть, то отчего-жъ мнѣ не выслушать! — усмѣхнулась она. — Говорите!

Что̀ ей сказать? Кажется, въ письмѣ было ясно сказано, что между ними все кончено. Какого еще рожна надо этой бабѣ?

Она снова взглянула на Никольскаго.

Евгеній Николаевичъ сидѣлъ противъ нея въ креслѣ и казался смущеннымъ. Опять надежда мелькнула свѣтлымъ облачкомъ. Она чего-то ждала...

Незамѣтно сдернула она съ руки перчатку и поправила сбившіеся волосы.

Никольскій медлилъ отвѣтомъ, и ей почему-то казалось, что онъ, быть-можетъ, созна̀етъ свою вину, бросится къ ея ногамъ, умоляя о прощеніи. Она проститъ. Ей такъ хочется простить его. Она не станетъ требовать отъ него многаго, не будетъ стѣснять своей любовью, но пусть только онъ вернется къ ней, пусть только изрѣдка позволитъ навѣщать его...

Умная женщина, она все еще не видѣла, что между ней и Никольскимъ все кончено. Влюбленная перезрѣлая красавица не могла понять, что ей можно только покупать любовь, а не внушать ее.

Она вздрогнула, когда Никольскій сталъ говорить. Вздрогнула и вся какъ-то вытянулась.

— Вашъ вопросъ ставитъ меня въ затрудненіе. Что̀ я могу сказать вамъ?

— Вы не находите, что̀ сказать?.. В...вы? — прошептала Кривская.—Значитъ, вы признаёте себя виноватымъ?

— Не совсѣмъ такъ. Мнѣ не хотѣлось только входить въ щекотливыя объясненія, и вотъ почему я счелъ лучшимъ написать вамъ письмо, въ которомъ старался разъяснить наши отношенія... И безъ того о нихъ говорятъ...

— И вы изъ-за сохраненія моей репутаціи рѣшились оскорбить порядочную женщину? О, какъ это похвально!

— Клянусь Богомъ, я и не думалъ оскорбить васъ. Я очень помню наши отношенія, я слишкомъ уважаю васъ и цѣню ваше вниманіе, но согласитесь, Анна Петровна, — вы

слишкомъ умны, чтобы не понять этого, — есть наконецъ положенія, которыя дѣлаются невозможными. Наша связь могла бы компрометировать и васъ и меня!

Солидный молодой человѣкъ говорилъ тихо, спокойно, основательно. Онъ теперь въ такомъ положеніи, что ему надо дорожить общественнымъ мнѣніемъ. Наконецъ не вѣкъ же ему быть холостымъ.

Анна Петровна слушала и не вѣрила своимъ ушамъ.

Тотъ ли этотъ самый скромный, смиренный секретарь его превосходительства, который, бывало, считалъ за счастье, когда Анна Петровна броситъ ему ласковое слово, и вдругъ теперь онъ говоритъ съ ней такимъ тономъ... Онъ еще учитъ ее. Онъ осмѣливается такъ холодно, такъ основательно излагать, что онъ боится общественнаго мнѣнія. Онъ? Проходимецъ? Выскочка? Сынъ какого-то деревенскаго священника?

Ея превосходительство была возбуждена до глубины сердца. Оскорбленная женщина потеряла хладнокровіе и свѣтскую выдержку.

— И вы, — проговорила она: — вы, господинъ Никольскій, осмѣливаетесь такъ говорить!? Это... это черезчуръ храбро со стороны человѣка, для котораго порядочная женщина столько сдѣлала, для котораго пожертвовала честью и долгомъ. Вѣдь изъ одного только чувства благодарности, — если въ васъ не осталось другого чувства, — вы должны были бы разорвать наши отношенія порядочно, прилично, не оскорбляя меня... А вы меня же обвиняете въ вашемъ письмѣ... Меня, которая, къ стыду своему, васъ такъ любила... И теперь вы же говорите о репутаціи... Послушайте... Это слишкомъ прозрачно...

— Упреки? — процѣдилъ Евгеній Николаевичъ. — Къ чему упрекать другъ друга, Анна Петровна? Не лучше ли намъ остаться друзьями, сохраняя взаимное уваженіе?

Онъ хотѣлъ взять руку Кривской, но она брезгливо отдернула ее.

Его слова, произнесенныя тѣмъ же холоднымъ, спокойнымъ тономъ, были послѣдней каплей.

— Да развѣ я не имѣю права упрекать васъ?—злобно воскликнула Кривская.—Развѣ не имѣю права?..

Она остановилась, ожидая отвѣта.

Никольскій молчалъ, покорно приготовившись къ длинному монологу.

«Только бы безъ истерики!»—пронеслось въ его головѣ.

— Какъ посмотрю, вы все забыли, господинъ Никольскій,— и я вамъ напомню. Не вы ли явились къ намъ скромнымъ

молодымъ человѣкомъ, робкимъ, несчастнымъ, безъ положенія, безъ средствъ? Не вы ли съ упорствомъ, дѣлающимъ вамъ честь, вздыхали, когда я, пожалѣвши васъ, пустила васъ въ свою гостиную... Не вы ли тогда такъ нѣжно молили о привязанности, не вы ли говорили страстные монологи любви мнѣ, старухѣ, какъ вы назвали меня въ вашемъ письмѣ?.. И когда я прогнала васъ... вы помните?—вы написали мнѣ отчаянное письмо...

Она перевела духъ и продолжала:

— Я пожалѣла васъ и... и пригрѣла змѣю на сердцѣ. Я считала васъ въ самомъ дѣлѣ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, но, Боже мой, могла ли я думать, что этотъ молодой человѣкъ, поднятый изъ пыли и облагодѣтельствованный нами, играетъ фальшивую игру! Послушайте. Вѣдь надо быть большимъ негодяемъ, чтобы пять лѣтъ играть комедію и кончить какъ разъ въ то время, когда мужъ вышелъ въ отставку... Я отдаю вамъ честь, вы играли вашу роль отлично, вы обманули и мужа и меня; такъ развѣ послѣ этого я не имѣю хотя права сказать вамъ, кто вы такой?

Евгеній Николаевичъ начиналъ злиться. Тонкія губы его перекосились совсѣмъ, а верхняя губа нервно вздрагивала. Онъ молча, пощипывая бакенбарды, выслушалъ обвиненіе Кривской и, когда она кончила, поднялъ на нее глаза и, усмѣхнувшись, тихо спросилъ:

— Это была сцена изъ мелодрамы? Вы въ роли благодѣтельной феи, я въ роли злодѣя? Я этого не ожидалъ отъ васъ, Анна Петровна. Для такой умной женщины, какъ вы, это слишкомъ банально...

Онъ смѣетъ такъ говорить!?

Этотъ презрительный тонъ въ устахъ человѣка, который еще вчера пресмыкался. Нѣтъ, это слишкомъ!..

Кривская задыхалась отъ злости и оскорбленнаго чувства.

— Послушайте! Я всегда знала, что выскочки, какъ и лакеи, отличаются наглостью, но, признаюсь, такая подлость возмутительна даже и въ поповскомъ сынѣ!.. — проговорила Кривская глухимъ голосомъ, поднимаясь съ дивана.

«Такъ вотъ она какъ. Вотъ какимъ языкомъ заговорила эта изящная женщина. Она осмѣливается бросать мнѣ въ глаза обвиненіе въ подлости. Я, сынъ попа, не могу не быть подлецомъ, а они, всѣ дѣти родовитыхъ потомковъ, честные люди?»

«И она невинный агнецъ?»

Никольскій въ эту минуту припомнилъ всѣ оскорбленія, которыя ему пришлось вынести въ своей жизни. Онъ ни-

когда не забывалъ ихъ, но никогда не говорилъ о нихъ, а теперь... теперь онъ не можетъ оставить безъ отвѣта жестокихъ словъ оскорбленной женщины. Онъ самъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ на брошенный вызовъ... Она этого хочетъ, такъ пусть же выслушаетъ!..

Евгеній Николаевичъ былъ совсѣмъ блѣденъ, когда началъ тихимъ, совсѣмъ тихимъ голосомъ:

— Если позволите, въ свою очередь, и я скажу нѣсколько словъ. Вы слишкомъ много говорили, — выслушайте же и вы меня.

Кривская сѣла.

— Я долженъ признаться вамъ откровенно,—ужъ если дѣло пошло на откровенность,—улыбнулся Никольскій:—что вы во многомъ правы, обвиняя меня. Да, не смотрите такъ изумленно, вы правы. Я пять лѣтъ игралъ комедію... Вы были нужны мнѣ, какъ средство.

— Господи... И онъ такъ объ этомъ говоритъ!

— Вѣдь въ обществѣ, гдѣ вы и вамъ подобные играютъ первенствующую роль, развѣ безъ подлости, безъ мерзостей можно чего-нибудь добиться человѣку, не имѣющему такихъ связей, какъ вы, — человѣку, умѣющему называть вещи по имени и обладающему чуть-чуть независимымъ характеромъ? Вы, вы всѣ не допустите такого человѣка, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Вы его затрете, а не то—не то поступите еще хуже. Ваше общество сильно пока. Оно, когда нужно, сумѣетъ во имя личныхъ интересовъ погубить не только человѣка, но и погубить самое дѣло. Вы вѣдь знаете, о чемъ я говорю? Вашъ сынъ, напримѣръ, развѣ онъ когда-нибудь работалъ, а вы ему, разумѣется, устроите карьеру, какъ устроили счастливую женитьбу. Это по-вашему называется, конечно, умѣньемъ жить, не правда ли? Женить человѣка на милліонѣ приданаго, разбить жизнь дѣвушки — это не подлость: какъ можно употреблять такія выраженія, они рѣжутъ ухо. Пользоваться всѣми средствами, чтобы дать мѣсто роднымъ и близкимъ, хотя бы они были идіотами, — это опять-таки не мерзость, а... а доброе дѣло? Говорить о чести, говорить о безкорыстіи и въ то же время... но продолжать ли? Мы съ вами знаемъ, съ кѣмъ дѣлятся всѣ эти Саввы, всѣ эти Хрисанфы Ивановичи! Мы съ вами хорошо знаемъ, что ваше общество, въ которомъ и я теперь нахожусь, не остановится ни передъ чѣмъ, если можно прилично украсть безъ надежды попасть на скамью подсудимыхъ. Оно, ваше общество, развращено до мозга костей и въ то же время лице-

мѣрно говоритъ о долгѣ и нравственности. Такъ что же вы-то корите меня въ подлости? Ну да, я былъ вашимъ любовникомъ, признавался вамъ въ любви, никогда не пылая къ вамъ страстью, а вы на склонѣ лѣтъ повѣрили и... разыгрывали сперва идиллію въ пастушескомъ родѣ, а потомъ...

Кривская слушала съ изумленіемъ это циничное признаніе и при послѣднихъ словахъ закрыла лицо руками, желая скрыть слезы.

А онъ продолжалъ:

— Положимъ, я поступилъ подло, я спорить противъ этого не буду, но вы-то? Къ чему вы рискнули своей добродѣтелью? Не потому ли, что знали, что наша связь будетъ втайнѣ? И вы забыли, какъ посмотрю, что я былъ не только вашимъ любовникомъ, но и хорошимъ помощникомъ въ дѣлахъ? Вы вѣдь поправляли состояніе, скрываясь за спиной его превосходительства. Такъ чѣмъ же вы,—вы, цвѣтъ общества,—чѣмъ же вы лучше насъ, выскочекъ? И если мы являемся въ вашу среду, то ваши дѣти подымаются на нашихъ же спинахъ. Мы хоть умѣемъ подличать и работать, и если подличаемъ, то потому, что иныхъ средствъ нѣтъ. Вы понимаете, что нѣтъ. Выборъ одинъ: или пропадай, или смѣло пускайся въ волны житейскаго моря, и если ты не глупъ, то успѣхъ обезпеченъ. Ваша среда слишкомъ развращена, слишкомъ безцвѣтна, чтобы смѣлому человѣку не добиться себѣ положенія при вашей же помощи. Такъ что же вы возмущаетесь? Къ чему вы еще говорите о нравственности? Лучше оставить ее въ покоѣ и наслаждаться жизнью, какова она есть. Такова мораль этой филиппики!

Никольскій умолкъ.

Ея превосходительство порывисто поднялась съ дивана. Никольскій хотѣлъ-было подать ей тальму, но она съ презрѣніемъ смѣрила его съ ногъ до головы и сказала:

— Не надо!

Евгеній Николаевичъ усмѣхнулся, отошелъ въ сторону и подумалъ:

«Удивительно онѣ любятъ сценическія представленія, и на это у нихъ большая сноровка».

Анна Петровна накинула тальму и гордой поступью, поднявъ голову, пошла къ дверямъ.

Но вдругъ она остановилась и, не оборачивая головы, проговорила:

— Прошу возвратить мои письма!

Никольскій пожалъ плечами.

— Извините, они пока мнѣ нужны!

— Это еще что такое?

— Это, Анна Петровна, единственная моя гарантія.

— Противъ кого?

— Противъ васъ. Я, по крайней мѣрѣ, буду увѣренъ, что вы не станете вредить мнѣ. А вы навредить можете!

— Есть ли слова для этого поступка?—прошептала Кривская.

— Какъ же! Слово это: умѣнье жить!

— Подлецъ!—едва слышно проговорила Анна Петровна, съ достоинствомъ выходя за двери.—И я ему вѣрила!

Она была совсѣмъ разстроена, когда вернулась домой. Параша встрѣтила барыню и тотчасъ увидала, что барыня получила отставку.

— Васъ Сергѣй Александровичъ спрашивалъ. Получена телеграмма отъ Александра Сергѣевича! Они будутъ черезъ три дня!

Это извѣстіе нѣсколько обрадовало Анну Петровну. Слава Богу, Шурка пріѣдетъ! Она такъ любила Шурку! Что можетъ быть выше чувства матери?

— Какъ съѣздили, барыня? — спрашивала Параша, когда Анна Петровна прошла въ спальню. — Онъ, вѣрно, просилъ прощенія?

— Не произноси больше его имени никогда. Слышишь!— строго замѣтила Анна Петровна.

«Вѣрно, онъ напѣлъ!» — пронеслось въ головѣ Параши, и она тихо вышла вонъ.

Ея превосходительство прошла къ дочерямъ, поцѣловала ихъ и сошла внизъ въ кабинетъ мужа.

Она тихо отворила двери и не нашла Сергѣя Александровича на обычномъ мѣстѣ за письменнымъ столомъ. Она оглядѣла кабинетъ и увидала Сергѣя Александровича сидящимъ въ креслѣ въ дальнемъ углу. Анна Петровна подошла къ нему и была поражена перемѣной въ его лицѣ. Оно совсѣмъ осунулось, постарѣло и имѣло страдальческій видъ. Кривскій сидѣлъ съ закрытыми глазами, но, казалось, не спалъ, по крайней мѣрѣ вѣки его вздрагивали.

— Здравствуй, мой другъ. Ты нездоровъ? — проговорила Кривская, подходя къ мужу.

— А, это ты!—открылъ глаза Кривскій и снова закрылъ ихъ.

— Не послать ли за докторомъ?

— Не надо, я здоровъ. Ты знаешь, Шурка на-дняхъ пріѣдетъ. Слышала? А ты гуляла?

— Да, въ Лѣтнемъ саду!

— Хорошо прогулялась?

Чуткое ухо Анны Петровны услышало едва замѣтную дрожь въ голосѣ его превосходительства.

— Да, а что?

— Ничего. Такъ спросилъ.

— Послушай, мой другъ, ты въ самомъ дѣлѣ, кажется, боленъ? У тебя такое скверное лицо сегодня.

Анна Петровна хотѣла-было дотронуться до головы мужа, но онъ брезгливо отстранился.

— Пожалуйста, не безпокойся. У меня голова не болитъ. Мнѣ ничего не надо.

Онъ поднялся съ кресла, бросилъ взглядъ на жену, подошелъ къ столу, открылъ ящикъ и, вынимая оттуда какое-то письмо, тихо проговорилъ, подавая его женѣ:

— Кстати возьми это. Я нашелъ случайно у тебя въ кабинетѣ.

Онъ не смотрѣлъ на жену и, казалось, съ трудомъ произносилъ слова. Анна Петровна развернула письмо и замерла.

— Ты очень неосторожно оставляешь письма. Я нашелъ его на полу и спряталъ. Дѣти могли его прочитать. Надо быть аккуратнѣй.

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, но голосъ старика замѣтно дрожалъ. Его превосходительство держался за кресло, чтобы не упасть.

— А теперь оставьте меня, прошу васъ!—прошепталъ онъ.

Шатаясь, вышла Анна Петровна изъ кабинета, сжимая въ рукахъ письмо, написанное ею нѣсколько дней тому назадъ къ Никольскому, но не отправленное и забытое на столѣ.

Едва заперлись двери, какъ старикъ упалъ въ кресло и закрылъ лицо руками. Ударъ былъ для него черезчуръ сильный.

XII.

Охота за звѣремъ.

Немало хлопотъ, тревогъ и волненій выпало на долю Саввы Лукича за послѣднее время.

Въ погонѣ за краснымъ звѣремъ рыскалъ онъ изъ одного мѣста въ другое, ни на минуту не упуская слѣда, удвоивая энергію, когда, казалось, терялъ его.

Не меньше досталось волненій и Хрисашкѣ.

Словно песъ, изъ-подъ носа у котораго неожиданно вырвали добычу, которую онъ ужъ готовъ былъ растерзать, оскаливъ зубы, съ налитыми кровью глазами, потрясая головой и злобно ворча, ринулся снова и онъ.

Это была интересная травля двухъ матерыхъ, жадныхъ и опытныхъ псовъ, и оба отдались ей со страстью и жадностью.

Савва все это время находился въ какомъ-то угарѣ. Нервы его были напряжены, сердце билось тревожнѣй, жилось полнѣе.

Надо было держать ухо востро. Чуть дашь маху,—и облюбованный звѣрь, того и гляди, будетъ растерзанъ Хрисашкой.

Это была любопытная охота.

И Савва и Хрисашка пустили въ ходъ умѣнье, алчность и энергію. И у того и у другого были шансы. И у того и у другого было по нѣскольку вліятельныхъ лицъ и вліятельныхъ дамъ и дамочекъ, которыя держали сторону каждаго изъ охотниковъ, какъ держатъ пари за двухъ рысистыхъ кровныхъ скакуновъ.

Кто добѣжитъ первый и получитъ призъ въ видѣ концессіи на дорогу въ пятьсотъ слишкомъ верстъ?

По цѣлымъ днямъ пропадалъ Савва изъ дому, не зная, гдѣ доведется обѣдать, гдѣ провести вечеръ, гдѣ застигнетъ ночь.

Съ ранняго утра онъ выѣзжалъ изъ дому, доставалъ подъ громадные проценты деньги, чтобы сѣять, въ виду обильной жатвы. Деньги шли точно сквозь сито, но Савва не жалѣлъ денегъ и швырялъ ими направо и налѣво съ небрежностью азартнаго игрока и тонкимъ разсчетомъ опытнаго дѣльца.

Онъ ставилъ все на карту. Или полное разореніе, или Савва—милліонеръ.

Ежедневно замыленный рысакъ останавливался у подъѣзда департамента. Савва поднимался наверхъ къ Егору Ѳомичу, и между ними начиналось шептанье:

— Какъ дѣла?

— Дѣла отличныя. Не безпокойтесь, Савва Лукичъ!

— Какъ не безпокоиться, милый человѣкъ. Сказывалъ мнѣ сейчасъ одинъ человѣкъ, что за подлеца Хрисашку хлопочетъ его свѣтлость.

— Такъ-то такъ, но только...

— Денегъ, что ли, надо?.. такъ ты, любезный человѣкъ, скажи. Берите деньги, но только смотри, братецъ...

И Савва снова незамѣтно передавалъ пакеты.

— Не безпокойтесь, говорю вамъ, Савва Лукичъ,—скромно обыкновенно говорилъ Егоръ Ѳомичъ: — ваше дѣло вѣрное. Мы третій разъ Хрисашку путаемъ. Три запроса было изъ министерства, и три раза мы пускали загвоздки... Будьте спокойны.

— Охъ, вы, ребятехи... Смотри, не продайте вы Савву!

Егоръ Ѳомичъ обыкновенно хмурился.

— Ну, ну... Ѳомичъ!.. Вѣдь я шучу!.. Нешто съ тобой и

пошутить нельзя?.. Ты мнѣ другъ... вѣрный другъ, и когда мы дѣло кончимъ... Помни слово: Савва слово держитъ.

Пошептавшись съ Егоромъ Ѳомичемъ, Савва не забывалъ и прочую мелюзгу; онъ начиналъ шептаться съ столоначальниками, помощниками и писарьками; всѣмъ перепадало. Всѣ весело встрѣчали и провожали Савву. Между Саввой и департаментскимъ людомъ установились какія-то особенныя дружески-фамильярныя отношенія. Каждый, казалось, принималъ къ сердцу дѣло Леонтьева, радовался пріятнымъ извѣстіямъ и печалился о дурныхъ. Савва приходилъ въ департаментъ, точно къ себѣ домой. Для него бросались другія дѣла, точно всѣ состояли на службѣ у одного Саввы. Для департаментскихъ страдальцевъ наступилъ какой-то непрерывный праздникъ. Только лѣнивый не протягивалъ руку. Всякій находилъ случай чѣмъ-нибудь да помочь: одинъ передавалъ ранѣе бумагу изъ одного стола въ столъ сосѣда, другой приносилъ справку, третій снималъ планъ, четвертый просто бралъ потому, что странно было не взять съ человѣка, который получаетъ концессію,—словомъ, всѣ считали своей обязанностью при встрѣчѣ съ Саввой намекнуть о своемъ горячемъ участіи.

— Жрите!—весело говорилъ на это Савва и щедрою рукой раздавалъ милости.

Но эти подачки были каплей въ морѣ сравнительно съ настоящими расходами, и Савва только крякалъ, занимая гдѣ можно подъ громадные проценты деньги для того, чтобъ смазка была настоящая.

Потолкавшись въ коридорахъ, повидавшись съ начальствомъ, показавшись на глаза его превосходительству, съ камердинеромъ котораго Савва давно свелъ дружбу, Савва весело уходилъ изъ департамента, успокоенный, что подлецу Хрисашкѣ запущена такая загвоздка, которая станетъ сопернику поперекъ горла, и, случалось, сталкивался лицомъ къ лицу, въ томъ же департаментѣ, съ ненавистнымъ Хрисашкой, который тоже о чемъ-то дружелюбно шептался съ департаментскими чиновниками.

При такихъ случаяхъ оба они вздрагивали, оба глядѣли другъ на друга съ скрытымъ подозрѣніемъ. Каждый готовъ былъ перервать другъ другу горло.

Но это не мѣшало, конечно, двумъ врагамъ подавать другъ другу свои широкія лапы и обмѣниваться привѣтствіями.

— Савва Лукичъ! Давненько не видались. И вы сюда захаживаете?

— Какъ Богъ носитъ васъ, Хрисанфъ Петровичъ? Слава тебѣ, Господи! Тоже въ департаментѣ путаешься, ась?

— Я, Савва Лукичъ, насчетъ рельца...

— Безданно чтобы безпошлинно, Хрисанфъ Петровичъ?

— Обѣщаютъ; а вы, Савва Лукичъ?

— У меня плевое дѣло, Хрисанфъ Петровичъ! Путаюсь здѣсь за деньгами...

Они снова пожимали широкія лапы и расходились, словно два ученыхъ звѣря, понимающихъ, что нельзя вцѣпиться другъ другу въ горло при публикѣ.

Каждый про себя говорилъ:

— Скотина, вретъ-то какъ!

Съ подозрѣніемъ въ сердцѣ расходились они, стараясь угадать, чьи шансы стоятъ въ данную минуту лучше.

Савва спускался съ лѣстницы, обезкураженный этой встрѣчей.

— Злодѣи!—говорилъ онъ, вспоминая чиновниковъ.—Чай, и Хрисашку грабятъ!

Изъ департамента снова рысакъ носилъ Савву по городу. Надо было ѣхать то къ вліятельному сановнику, то къ вліятельной дамѣ, завернуть къ «Каролинѣ», — такъ прозвалъ Савва любовницу Егора Ѳомича,—чтобы чухонка зудила стараго грѣховодника, побывать у дамочки его превосходительства; явиться къ старой ханжѣ, предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, пожертвовать пять тысченокъ и запустить словечко; мигнуть камердинеру; поговорить съ директоромъ канцеляріи, заѣхать къ князю Z., побесѣдовать съ нимъ о покупкѣ его имѣнія. Князь Z. человѣкъ очень нужный, но ни паевъ ни промессъ не беретъ, ни Боже мой, а имѣніе у него купить—это другое дѣло.

Хорошо Савва зналъ людей и недаромъ же утверждалъ, что рѣдкаго человѣка, по нынѣшнимъ временамъ, нельзя купить со всей его аммуниціей.

— Всѣмъ деньги нужны,—весело смѣялся онъ и вездѣ хлопоталъ, со всѣми говорилъ, какъ съ кѣмъ требовалось.

У вліятельнаго господина Савва оставилъ только памятную записочку, красиво перебѣленную и составленную благопріятелемъ. Въ записочкѣ, очень краткой записочкѣ, перечислялись выгоды дороги и выгоды предложенной цѣны.

Бесѣды долгой тутъ Савва не велъ. Онъ только почтительнѣйше просилъ его высокопревосходительство обратить милостивое вниманіе на патріотическую дорогу и заявилъ, что высокій патріотизмъ его высокопревосходительства позволяетъ ему, недостойному мужику, надѣяться, что дорога не попадетъ въ жидовскія руки.

— Развѣ жидовскія? Я слышалъ, Сидоровъ конкурентъ вашъ.

Савва какъ-то конфузливо опускалъ глаза и такъ дели-

катно молчитъ, что его высокопревосходительство вынужденъ спросить:

— Развѣ Сидоровъ подставное лицо?

— Какъ будто, ваше высокопревосходительство, такое дѣло. Фирма-то русская, а дѣло жидовское...

— А...

Саввѣ довольно этого «а!», произнесеннаго ветхимъ высокопревосходительнымъ сановникомъ, не любящимъ евреевъ, тѣмъ болѣе Саввѣ довольно, что Савва и къ неподкупному ненавистнику евреевъ нашелъ лазейку, хотя и нашелъ не безъ труда.

Долго не зналъ онъ, какъ подойти къ его высокопревосходительству. Собиралъ справки насчетъ добродѣтели его высокопревосходительства, но оказалось, что, вслѣдствіе глубокой старости, добродѣтель его неприступна, ни къ какой дамѣ его высокопревосходительство не питаетъ особенной склонности, а самъ отличается рѣдкою честностью.

— Нѣтъ ли по крайности у него жены или дѣтей?—допрашивалъ Савва знающихъ людей.

— Ни жены ни дѣтей, старикъ холостой.

— Быть-можетъ, сродственники?

— И сродственниковъ нѣтъ...

Задумался Савва. Старикъ былъ очень нуженъ ловкому мужику, а никакъ нельзя къ нему подойти. Вдобавокъ, слышалъ Савва, что старикъ очень упрямый и блюдетъ государственную экономію.

— Не можетъ быть, чтобы у старика такъ-таки никого и не было... Вѣрно, кто-нибудь да есть!—рѣшилъ Савва и вытребовалъ другого языка.

Оказалось, что Саввины предположенія оправдались. У старика былъ незаконный сынъ.

— Каковъ-таковъ сынъ?

— Кутящій!

— Старикъ любитъ сынка-то?

— Очень даже любитъ!

Савва просвѣтлѣлъ, познакомился съ сыномъ, и дѣло сладилось. Вотъ почему Савва, какъ только его высокопревосходительство произнесъ «а!», поспѣшилъ откланяться, удостоившись на прощаніе получить два тонкіе, худые и сморщенные пальца неподкупнаго старика.

Для визита къ вліятельной дамѣ Савва выискивалъ какой-нибудь предлогъ и выбиралъ время, когда дама бывала одна. Съ одной легче бесѣдовать по душѣ, и Савва бесѣдовалъ, зная хорошо, что вліятельная дама—дама, очень любящая деньги.

Оттуда ѣхалъ онъ къ «Каролинѣ» и съ молодой, приглуповатой чухонкой обращался уже безъ всякой церемоніи, поручивъ писарьку обработывать Готлиба.

Однимъ словомъ, Саввѣ приходилось добираться до звѣря сквозь тѣсный рядъ самыхъ разнообразныхъ личностей, прямо или косвенно имѣющихъ вліяніе.

Всѣ, самыя интимныя, отношенія всѣхъ пятнадцати членовъ совѣта, которые должны были черезъ недѣлю рѣшать участь Саввы, были превосходно извѣстны Леонтьеву, и онъ эксплоатировалъ ихъ съ опытностью хорошаго сердцевѣда.

А деньги таяли, точно снѣгъ... Уже нѣсколько сотъ тысячъ прошло между рукъ, не считая промессъ...

Приходилось еще торговать имѣніе у одного неподкупнаго человѣка, князя Z.

Савва пронюхалъ, что князю Z. очень нужны деньги и онъ ищетъ случая продать имѣніе. Савва переговорилъ съ главноуправляющимъ обѣ имѣніи и попросилъ личнаго свиданія съ княземъ.

Въ роскошный барскій домъ извѣстнаго петербургскаго аристократа, князя Z., поднимался теперь Савва, послѣ того какъ уже успѣлъ загонять лошадь.

О посѣщеніи Саввы князь былъ предупрежденъ, и Савву приняли.

— Пожалуйте въ кабинетъ! — сказалъ ему камердинеръ, провожая до дверей.

Въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ красивый плотный брюнетъ лѣтъ сорока или за сорокъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, не обличавшимъ однако характера.

При входѣ Саввы князь привсталъ изъ-за стола и, протягивая руку, проговорилъ:

— Очень радъ познакомиться. Прошу садиться.

Савва быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ князя и замѣтилъ, что князь былъ взволнованъ, хотя и старался скрыть это подъ маской холодной вѣжливости.

Онъ зналъ, что у князя разыгрывалась семейная драма.

Въ городѣ говорили, что князь былъ очень несчастливъ въ семейной жизни и собирался расходиться съ молодой женой, состояніе которой онъ растратилъ.

«Видно, имѣніе-то до зарѣзу нужно продать. Какъ разъ въ центру попалъ!»—подумалъ Савва.

Савва низко поклонился.

— Простите, ваше сіятельство, что осмѣлился лично безпокоить васъ... Очень хотѣлось переговорить насчетъ имѣнія...

— Я слышалъ отъ управляющаго. Хотите купить?..

— Мнѣ очень было бы къ рукѣ, ваше сіятельство. Въ Курской губерніи землица хорошая...

— Да, имѣніе недурное, но подите—не покупаютъ!—улыбнулся князь.

— Нынче, ваше сіятельство, какъ-то земли неохотно покупаютъ и, по моему мнѣнію, глупо дѣлаютъ...

— Глупо?.. Хозяйничать трудно...

— Это какъ кому...

— Разумѣется...

— Имѣніе мнѣ очень нравится... Я эти мѣста знаю... Какая будетъ ему цѣна?

— Развѣ вамъ управляющій не говорилъ?

— Признаться, я не спрашивалъ. Думалъ съ вами объ этомъ переговорить...

Савва какъ-то пристально взглянулъ на князя, и князь вдругъ почему-то покраснѣлъ.

— Видите ли, Савва Лукичъ, я дешево это имѣніе не продамъ, а вы, быть-можетъ...

— Помилуйте, ваше сіятельство, — перебилъ Савва Лукичъ:—да вѣдь я не ребенокъ, слава Богу, понимаю толкъ въ имѣніяхъ. У меня два имѣнія есть и, ничего себѣ, кормятъ!—улыбнулся Савва.—Дорого я не дамъ, а сотню тысячъ за ваше имѣніе, смекаю я, обиды не будетъ ни вашему сіятельству ни мнѣ... Какъ вы изволите думать?..

Когда Савва самымъ добродушнымъ тономъ выговорилъ цифру, то на лицѣ князя пробѣжала довольная улыбка, но вслѣдъ затѣмъ князь снова покраснѣлъ и, не глядя на Савву, проговорилъ:

— Какъ видно, вы очень хотите купить это имѣніе?

— Давно, ваше сіятельство, я зарился на него. Вѣдь оно золотое дно!..

— Но, надо правду сказать, оно запущено...

— И это знаю... Не угодно ли вашему сіятельству взглянуть, ужъ у меня и плантъ построекъ новыхъ готовъ... Приказалъ набросать, какъ только прослышалъ, что вы продаете...

И Савва досталъ планъ и положилъ его передъ княземъ.

— Вотъ какъ... Ужъ вы и планъ?..

— Какъ же-съ... Давненько я до этого угодья добираюсь... Сыну припасаю.

А все-таки князь былъ нѣсколько сконфуженъ. Онъ радъ былъ бы продать имѣніе за пятьдесятъ тысячъ, и никто не давалъ ему этихъ денегъ, а тутъ вдругъ является покупатель, предлагающій двойную цѣну. Князь нѣсколько секундъ помолчалъ.

— Вы, кажется, ваше сіятельство, находите цѣну малою, но больше оно не стòитъ... Извольте-ка разсчитать...

И Савва съ жаромъ началъ вычислять доходы,—оказалось, по его разсчетамъ, пятнадцать тысячъ чистаго дохода,—и убѣдительно доказывать, что имѣніе больше ста тысячъ не стòитъ, и князь дороже не продастъ.

Князь съ удовольствіемъ слушалъ Савву. Искренній тонъ Леонтьева, казалось, произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, и смущеніе его мало-по-малу проходило.

«Въ самомъ дѣлѣ, быть-можетъ, имѣніе стòитъ этихъ денегъ. Мы не умѣемъ хозяйничать, а эти люди—другое дѣло!»

— Такъ какъ же, ваше сіятельство? Воля ваша, а больше дать никакъ невозможно!—съ горячностью проговорилъ мужикъ.—Хоть и хочется мнѣ его, а, видно, придется отказаться...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Цѣна подходящая... Я не прочь, но только долженъ предупредить васъ, что мнѣ бы хотѣлось продать на наличныя...

— А то какъ же, ваше сіятельство?—весело заговорилъ Савва.—Я и самъ не люблю оттяжекъ... Если даете слово, то можно въ недѣлю и кончить... Отдадите за сто тысячъ?

— Отдаю...

— Такъ ужъ какъ позволите насчетъ формальностей. Если угодно будетъ завтра получить задатокъ... Сколько прикажете? Двадцать пять тысячъ довольно?

— Совершенно...

— А черезъ недѣлю остальныя деньги. Тѣмъ временемъ и купчую кончимъ. Запрещеній на имѣніи нѣтъ?

— Никакихъ...

— Ужъ вы извините, ваше сіятельство, что я недѣлю-то оттягиваю... Я бы и раньше хотѣлъ, да деньгами пока не свободенъ... Имущества много, а денегъ нѣтъ... Вотъ разсчитываю, что на-дняхъ кончится наконецъ вопросъ о дорогѣ...

Князь опять какъ-то смутился.

— Кажется, въ субботу комитетъ?—тихо проговорилъ онъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство!..

И вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:

— А ужъ я вашему сіятельству по совѣсти теперь скажу, благо слово изволили дать: съ имѣніемъ-то вы изволили маленько продешевить... Я бы, если бы вы поприжали меня, и сто двадцать пять тысячъ далъ!—весело и добродушно говорилъ Савва, поднимаясь съ кресла. — Прикажете вамъ привезти деньги или управляющему?

— Управляющему!..

— Имѣю честь кланяться, ваше сіятельство... Очень вамъ благодаренъ... Сыну теперь есть черноземная землица... Что̀ тамъ ни говори, ваше сіятельство, а землица—святое дѣло!..

Савва низко поклонился и ушелъ, а князь все еще не могъ оправиться отъ нѣкотораго смущенія.

«Видно, еще не въ привычку имѣнія продавать. Голосокъ-то подашь за меня, ваше сіятельство!—ухмыльнулся Савва и приказалъ кучеру ѣхать домой.—Будетъ на сегодня-то маяться!»

На Невскомъ Савва встрѣтилъ Валентину и съ сердцемъ плюнулъ.

— Шельма!—проговорилъ онъ.—И смотритъ-то, какъ безстыжая!.. Оплела тебя, дурака, и по-дѣломъ, а все-жъ... задорная бабенка... Ловкачъ!..

XIII.

Торжество Саввы.

Чѣмъ ближе подходило время, когда должна была рѣшиться участь Саввы, тѣмъ возбужденнѣе и тревожнѣе становился Леонтьевъ.

Очень ужъ были натянуты струны. Савва отлично понималъ, что, сорвись дѣло, Савва рухнетъ и, пожалуй, ему не подняться никогда. Разореніе стояло у него за спиной, въ то самое время, когда милліоны были такъ близки.

Въ какую сторону повернетъ счастіе: къ нему или къ Хрисашкѣ?

Казалось бы, должно повернуть въ его сторону. Девять членовъ совѣта на его сторонѣ, повидимому, министръ очень благосклонно относится къ Саввѣ, тѣмъ не менѣе Савва слишкомъ хорошо зналъ, какъ дѣлаются дѣла, чтобы на этомъ успокоиться.

Кто знаетъ, куда вдругъ повернетъ счастіе въ послѣдній моментъ. Мало ли что̀ можетъ случиться?

Безпокоенъ и прерывистъ былъ его сонъ по ночамъ. Онъ не находилъ сна и думалъ-думалъ, не нужно ли еще что-нибудь сдѣлать, не пропустилъ ли онъ кого-нибудь...

Нерѣдко онъ вскакивалъ съ постели и босикомъ, въ одной рубахѣ кружилъ по комнатѣ, точно звѣрь въ клѣткѣ. У него пересыхало въ горлѣ, и напрасно онъ выпивалъ нѣсколько графиновъ кваса. Онъ присаживался къ столу и брался за счеты. Тогда среди тишины ночи слышался только сухой стукъ костяжекъ.

Савва прикидывалъ счетъ предварительныхъ расходовъ,

крякалъ, почесывалъ свою косматую голову и шепталъ: «Грабители!»

Охота за краснымъ звѣремъ стоила баснословныхъ суммъ. Чтобы добраться до него, надо было не жалѣть денегъ, и онъ не жалѣлъ.

А много ли у него останется, если онъ схватитъ наконецъ звѣря за горло?

Снова защелкали костяжки, и на возбужденномъ лицѣ мужика мелькала улыбка.

Еще останется, есть изъ-за чего хлопотать. Если утвердятъ цѣну, то нѣсколько милліоновъ у Саввы въ карманѣ.

Снова ложился Савва въ постель и засыпалъ подъ утро безпокойнымъ сномъ. Хрисашка, злодѣй Хрисашка снился ему во снѣ въ образѣ волка, мчавшагося ему наперерѣзъ...

«Ату, ату его!»—вскрикивалъ Савва и просыпался съ налитыми кровью глазами и свинцовой головой.

Пора вставать и снова рыскать...

И Савва вставалъ, заходилъ къ старухѣ-матери, выслушивалъ ея старческія предостереженія, нѣжно ласкаясь къ матери. Потомъ навѣщалъ больную жену,—она уже нѣсколько недѣль не вставала съ постели,—бросалъ ей нѣсколько словъ утѣшенія, обнималъ сына и приказывалъ закладывать лошадь.

Съ Борисомъ онъ давно говорилъ, что надо уломать старика. Старикъ Кривскій тоже будетъ въ совѣтѣ, и Савва до сихъ поръ не знаетъ, подастъ ли его превосходительство голосъ за него или за Хрисашку.

— Слѣдовало бы твоему родителю, Борисъ Сергѣевичъ, породственному не обидѣть человѣка... Ты переговори-ко-сь съ батюшкой. Самъ видишь, что иначе дѣла совсѣмъ въ разстройку пойдутъ.

Борисъ самъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло, и обѣщалъ переговорить съ отцомъ. Надо же было получить отъ Саввы приданое.

Борисъ поѣхалъ къ отцу и былъ изумленъ при видѣ старика. Такъ онъ измѣнился. По обыкновенію, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ. «Неизлѣчимая страсть къ проектамъ!»—подумалъ Борисъ, подходя къ отцу.

— А, Борисъ, здравствуй!..—проговорилъ старикъ, слабо улыбаясь и протягивая сыну руку.—Жена здорова?

— Здорова... Вы-то, кажется, прихварываете?

— Я?.. Нѣтъ, я ничего... Лѣта берутъ свое, Борисъ!—улыбнулся старикъ.—Что у васъ новенькаго?

Съ тѣхъ поръ какъ его превосходительство былъ въ отставкѣ, онъ сталъ говорить: «у васъ». Онъ уже не считалъ себя въ числѣ администраторовъ.

— Ничего особеннаго... Говорятъ, Донского смѣняютъ...

— За что?

Борисъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Этотъ вопросъ всѣ задаютъ и никто не можетъ дать отвѣта...

— Бѣдная, бѣдная Россія!—прошепталъ свою обычную фразу его превосходительство.

Борисъ скрылъ улыбку.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Борисъ, куда мы наконецъ идемъ?.. Кого назначаютъ на мѣсто Донского?

Борисъ назвалъ фамилію.

Старикъ только сморщился.

— А ты скоро губернаторствовать?

— Вѣроятно, къ Новому году...

— Куда?

— На югъ!

— Жену, конечно, оставишь здѣсь?..

— Разумѣется. Она пріѣдетъ ко мнѣ послѣ родовъ. А я къ вамъ съ просьбой.

— Ко мнѣ?—усмѣхнулся старикъ.—Ты вѣдь знаешь, что я теперь никакихъ просьбъ исполнять не могу. Если хочешь, чтобы ее не исполнили, заставь меня просить кого-нибудь.

— Это дѣло зависитъ лично отъ васъ...

Борисъ обстоятельно и подробно сталъ объяснять отцу, въ чемъ дѣло и въ чемъ его превосходительство можетъ быть полезенъ.

Сергѣй Александровичъ слушалъ сына, потупивъ глаза и тихо постукивая по столу длинными тонкими пальцами.

Если бы Борисъ обратилъ въ эту минуту вниманіе на старика, то увидалъ бы, какое страдальческое выраженіе явилось на его лицѣ, какъ судорожно двигались его пальцы и какъ его сѣдая красивая голова склонялась все ниже и ниже...

Смертельная тоска охватила душу Сергѣя Александровича. Этого еще недоставало. Два дня тому назадъ онъ былъ потрясенъ жестокимъ неожиданнымъ ударомъ, узнавши о поведеніи жены, и вотъ теперь опять новый ударъ, правда, не столь жестокій, но все-таки ударъ.

Его первенецъ, когда-то надежда отца, осмѣливается просить старика сдѣлать подлость. Онъ очень хорошо знаетъ Савву, читалъ его записку и находилъ, что отдавать дорогу на предложенныхъ имъ условіяхъ Саввѣ нельзя безъ явнаго вреда государству. Онъ рѣшилъ подать въ совѣтѣ голосъ противъ и давно говорилъ объ этомъ Борису.

А онъ все-таки проситъ, и проситъ такимъ тономъ, будто

говоритъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, будто государственные интересы ничего не значатъ...

И кто же такъ говоритъ? Его сынъ, замѣтный административный дѣятель и, быть-можетъ, будущій стражъ государственныхъ интересовъ... «Куда мы идемъ... Куда мы идемъ?»—проносились печальныя мысли въ головѣ его превосходительства. Онъ началъ съ того, что женился на деньгахъ, и кончаетъ тѣмъ, что проситъ отца сдѣлать подлость...

Но всего ужаснѣе то, что Борисъ какъ будто даже и не понималъ значенія своей просьбы...

Совсѣмъ нахмурился старикъ, и прошла ужъ цѣлая минута, какъ Борисъ кончилъ, а его превосходительство не поднималъ головы и не проронилъ слова.

Борисъ насмѣшливо посматривалъ на отца.

«Опять, вѣрно, старикъ начнетъ по этому поводу о реабилитаціи дворянства. Совсѣмъ фатеръ выживаетъ изъ ума!»

Когда Кривскій поднялъ голову и взглянулъ пристальнымъ, строгимъ взглядомъ на сына, то лицо старика было сурово. Борисъ понялъ, что старикъ недоволенъ.

— Ты, Борисъ, читалъ записку твоего тестя?—ядовито подчеркнулъ Сергѣй Александровичъ на словахъ: «твоего тестя».

— Читалъ.

— И находишь, что можно подать голосъ за его предложеніе?

— Отчего-жъ?.. По-моему, предложеніе Леонтьева не лучше и не хуже тысячи подобныхъ же предложеній, которыя, какъ вамъ извѣстно, проходили...

— Или ты, Борисъ, не читалъ записки внимательно, или ты... ты недостаточно ее понялъ!..—съ дрожью въ голосѣ проговорилъ старикъ.—Подать голосъ за Леонтьева—это значитъ продать Россію, а я... я, сынъ мой, пока въ этомъ неповиненъ и на старости лѣтъ продать бѣдную Россію не намѣренъ... Его условія—дневной грабежъ!..

— Сидорова условія не лучше...

— Знаю, что не лучше... И я буду настаивать, чтобы оба предложенія были отвергнуты.

— Тогда никогда не найдутъ строителя!..—улыбнулся Борисъ.—Всѣ предложатъ подобныя же условія, такъ какъ вы очень хорошо знаете, что̀ значитъ у насъ хлопотать о дѣлѣ... Къ сожалѣнію, люди не безсребренники, и требовать какихъ-то идеальныхъ условій—значитъ никогда не имѣть дорогъ...

Борисъ умолкъ. Кривскій медленно покачалъ головой.

— Я вижу, Борисъ, и, признаюсь, съ сожалѣніемъ, что мы совсѣмъ расходимся во взглядахъ... Я, конечно, отсталый

человѣкъ... Я,—усмѣхнулся его превосходительство:—исключительно смотрю на вещи и, какъ ты изволишь выражаться, не понимаю духа времени... Но оставь, прошу тебя, умереть мнѣ съ моими отсталыми взглядами... Каковы бы они ни были, но я останусь при нихъ... Вы какъ-то слишкомъ ужъ, любезный другъ, быстро шагаете... за вами намъ не угоняться...

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— И мы въ свое время вступали въ компромиссы — не спорю, но во всякомъ случаѣ не дѣлали того, на что нынче смотрятъ такъ легко... Я подамъ голосъ противъ! — рѣзко добавилъ старикъ.

Борисъ кусалъ отъ злости губы.

— Простите, что я обратился съ просьбой... Я думалъ...

— Богъ тебя проститъ! — какъ-то уныло проговорилъ старикъ.

Борисъ вышелъ изъ кабинета раздраженный, недовольный.

«Онъ совсѣмъ свихнулся по бѣдной Россіи!»—ѣдко усмѣхнулся онъ, входя къ матери.

И Анна Петровна удивила Бориса. Она лежала разстроенная, съ красными отъ слезъ глазами, на кушеткѣ.

— Да что̀ такое у васъ дѣлается въ домѣ? Отецъ какой-то сердитый, а вы совсѣмъ разстроены. Что̀ такое случилось?—спрашивалъ Борисъ, цѣлуя у матери руку.—Ужъ не порадовалъ ли Шурка новымъ спискомъ долговъ?

— Нѣтъ... Такъ, нездоровится... Нервы...

— И у отца, кажется, нервы... Старикъ совсѣмъ опустился... Вообразите, я просилъ его сдѣлать мнѣ маленькую услугу,—и онъ наотрѣзъ отказалъ... что̀, какъ хотите, со стороны родителя не особенно нѣжно.

Онъ разсказалъ матери о своей бесѣдѣ съ отцомъ.

— Леонтьевъ разсчитываетъ получить дѣло?

— Хлопочетъ. Кажется, всѣ шансы на его сторонѣ, но все-таки со стороны отца отказать сыну въ такой бездѣлицѣ... Точно въ самомъ дѣлѣ не все равно, кому дадутъ дорогу. А старикъ только и говоритъ: «бѣдная Россія, бѣдная Россія!» и вздыхаетъ. Это наконецъ дѣлается смѣшнымъ. Хотя бы вы повліяли на него. Намъ нужно одно: чтобы онъ молчалъ. Не уговорите ли вы старика?

— Я? Нѣтъ, Борисъ, я не могу.

— Отчего?

— Совершенно безполезно.

— И, полноте, вѣдь вы умѣете вліять на старика.

Анна Петровна вздохнула.

— Умѣла!—шепнула она.

— А теперь? Или между вами пробѣжала кошка?

— Не спрашивай, Борисъ, къ сожалѣнію, я помочь не могу.

«Что̀ бы это значило? Что̀ такое случилось?»

Но мать, видимо, не хотѣла продолжать разговора, и Борисъ уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Въ тотъ же вечеръ Евдокія была у Кривскихъ. Мужъ зналъ, что старикъ почему-то чувствуетъ слабость къ его женѣ, и посовѣтовалъ ей навѣстить старика.

Его превосходительство очень обрадовался, когда въ кабинетъ, откуда онъ не выходилъ три дня, объясняя свое затворничество нездоровьемъ, тихо вошла Евдокія и ласково спросила о его здоровьѣ.

Старикъ не зналъ куда усадить невѣстку и такъ нѣжно на нее взглядывалъ, что Дуня была тронута.

«За что̀ только старикъ меня любитъ?»

А старикъ давно разгадалъ честную, прямую натуру невѣстки и догадывался, что она несчастлива съ сыномъ. Теперь ихъ какъ будто еще болѣе сблизило обоюдное несчастіе.

— Здорова ли?—нѣжно спрашивалъ старикъ.

Въ послѣднее время онъ сталъ говорить невѣсткѣ «ты».

— Я здорова, Сергѣй Александровичъ, слава Богу, а съ вами что̀? Мужъ говорилъ, что вы совсѣмъ нездоровы.

— Да, расклеиваюсь, моя милая. Расклеиваюсь... Пора и на покой... Шестой десятокъ на исходѣ.

Дуня взглядывала на старика и своей чуткой душой поняла, что старика точитъ не болѣзнь, а какое-нибудь горе. Она, конечно, не смѣла разспрашивать, но почувствовала искреннее участіе къ старику, и это участіе невольно сказалось въ ней. Она не умѣла скрывать движеній своей души.

Старикъ былъ растроганъ.

Послѣ всѣхъ испытаній послѣдняго времени онъ встрѣтилъ сочувствіе, и въ комъ же? Въ маленькой скромной посторонней женщинѣ, дочери того самаго Саввы, котораго его превосходительство такъ презиралъ.

Дома онъ былъ совсѣмъ одинокъ. Шурка еще не пріѣхалъ, а дочери какъ-то дичились отца по старой привычкѣ рѣдко бывать съ нимъ вдвоемъ.

— Въ шахматы сыграемъ сегодня?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Да, можетъ, тебѣ не хочется? Такъ только хочешь занять старика?

— Я люблю играть въ шахматы!—вспыхнула Евдокія.

— Ишь ты какая горячая!—усмѣхнулся ласково его превосходительство.

Они стали играть, но обоимъ было не до игры, и оба дѣлали большія ошибки.

Старикъ пристально взглянулъ на Евдокію и тихо замѣтилъ:

— Да ты сегодня совсѣмъ плохо играешь. Ты сама разстроена. Что̀ съ тобою, скажи мнѣ... Не ладишь съ Борисомъ?

Евдокія молчала. Старикъ прочелъ отвѣтъ въ ея молчаніи.

— Бѣдная!—совсѣмъ тихо проговорилъ Кривскій и поднесъ ея блѣдную руку къ своимъ губамъ.

Евдокія поцѣловала, въ свою очередь, руку старика.

Никто изъ нихъ не проронилъ больше ни слова, но какая-то связь окрѣпла между ними, и они продолжали играть партію, стараясь не выдавать другъ другу своего волненія.

— А не хочетъ, такъ наплевать!—рѣзко промолвилъ Савва, когда получилъ записку отъ Бориса, что отецъ не только отказался подать голосъ за Савву, но даже и обѣщалъ говорить противъ.—Думаетъ, въ самомъ дѣлѣ безъ него не обойдемся. Шалишь, ваше превосходительство! Нынче-то ты изъ птицъ разжалованъ. Тебя и слушать-то не будутъ!

Савва былъ въ этотъ день въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ только-что вернулся отъ вліятельнаго лица, и его превосходительство изволилъ выразить увѣренность, что дорога будетъ за Саввой, при чемъ надѣялся, что Савва оправдаетъ довѣріе.

Но когда наконецъ наступилъ давно ожидаемый день засѣданія совѣта, Савва все-таки испытывалъ необычайное волненіе.

Онъ не зналъ, что̀ дѣлать. Ѣхать было некуда. Онъ то и дѣло посматривалъ на часы и чувствовалъ, какъ бьется его сердце и жилы наливаются на широкой шеѣ.

Ему становилось душно въ комнатѣ. Хотѣлось на воздухъ, на свѣжій, морозный воздухъ.

Надо было какъ-нибудь убить время до вечера. Время сегодня, казалось, тянулось необыкновенно медленно.

Савва подошелъ къ окну. Бѣлымъ, мягкимъ снѣгомъ были покрыты улицы. Утро было солнечное, блестящее, морозное.

— Эй! — гаркнулъ Савва. — Запречь «Молодчика», да поскорѣе!

«Молодчикъ» былъ кровный, гоночный рысакъ, на которомъ Савва почти никогда не ѣздилъ.

Черезъ четверть часа Савва вышелъ на подъѣздъ въ черномъ тысячномъ медвѣдѣ и большой боярской шапкѣ. Просто любо было смотрѣть на этого черноброваго красавца.

А другой красавецъ нетерпѣливо билъ копытами и встряхивалъ красивой породистой головой. Это былъ превосходный караковый жеребецъ, особенно любимый Леонтьевымъ. Толстый молодецъ-кучеръ держалъ коня на тугихъ вожжахъ.

— Застоялся, видно, «Молодчикъ»?—промолвилъ Савва и съ любовью потрепалъ красиво-изогнутую шею благороднаго животнаго.

Конь фыркалъ, обдавая Савву теплымъ дыханіемъ.

— Застоялся, Савва Лукичъ! Промять его не мѣшаетъ!

— Промнемъ коня!..—отвѣчалъ Савва, отходя отъ коня.

Онъ сѣлъ въ маленькія санки, и конь рванулъ.

— Куда прикажете?

— На острова пошелъ! Да промни, промни, Степанъ, коня-то!—крикнулъ Савва.

Первопутокъ былъ отличный. Въ городѣ кучеръ не давалъ ходу «Молодчику», но когда выѣхали на острова, то рысакъ понесся вихремъ. Савва откинулъ шубу и не чувствовалъ холода. Чѣмъ-то давно прошедшимъ пахнуло на него, когда онъ быстро мчался по гладкому снѣгу. Прежній ямщикъ проснулся въ немъ, и онъ какъ-то залихватски крикнулъ, выгнувшись изъ саней:

— Нажигай... нажигай, Степанъ!

Конь былъ весь въ мылѣ, когда послѣ двухчасовой ѣзды онъ остановился у загороднаго ресторана. Конь тяжело дышалъ и вздрагивалъ.

— Промяли, Степанъ?

— Промяли, Савва Лукичъ!..

Савва пошелъ въ комнаты и велѣлъ подать себѣ завтракать.

Онъ выпилъ цѣлый графинъ водки, съѣлъ двѣ селедки, но до блюда не дотронулся... Ѣсть ему не хотѣлось...

Савва взглянулъ на часы... «Эко какъ тянется время. Еще всего четвертый часъ!»

Въ сосѣдней комнатѣ раздался веселый смѣхъ вошедшей компаніи. Савва увидалъ въ окно пустую тройку. Изъ-за тонкой стѣны слышны были мужскіе и женскіе голоса.

Кто-то заглянулъ къ нему въ комнату и извинился. Савва узналъ знакомаго офицера.

— Милый человѣкъ! — окликнулъ онъ. — Али пріятеля не призналъ?

Офицеръ весело привѣтствовалъ Савву.

— Съ кѣмъ вы здѣсь путаетесь, а?

— Съ веселыми барыньками...

— Пустишь въ вашу компанію, что ли?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Савва Лукичъ...

Савву представили дамамъ. Мужчины почти всѣ знали Леонтьева, и Савва тотчасъ же приказалъ нести дюжину шампанскаго и пилъ за троихъ.

Былъ шестой часъ, когда Савва возвращался въ городъ, оставивъ компанію за пиромъ...

Хмель быстро выскочилъ у него изъ головы, когда, остановившись противъ дома, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, онъ увидалъ ярко освѣщенныя окна. У подъѣзда стояли кареты и сани.

«Вѣрно, не рѣшили еще!»—вздрогнулъ Савва и сталъ креститься, обратившись къ Петропавловской крѣпости...

Въ окнахъ мелькнули тѣни... Скоро изъ подъѣзда стали выходить члены, и швейцаръ выкрикивалъ кучеровъ.

Савва бросился къ подъѣзду и, шатаясь отъ волненія, подошелъ къ одному знакомому господину.

— И вы здѣсь?.. Ну, поздравляю, дорога за вами!

Тяжело вздохнулъ Савва и не сказалъ ни слова.

Счастіе подѣйствовало на него очень сильно.

Когда онъ садился въ сани, приказывая кучеру ѣхать домой, мимо него шмыгнула толстая фигура Хрисашки. При свѣтѣ фонаря Савва увидалъ злую рожу соперника и отвернулся...

— Ну, матушка, Богъ не оставилъ раба Своего, — прошепталъ Савва, припадая къ рукѣ старухи.

Старуха глядѣла на сына и недоумѣвала.

— Я снова человѣкъ, маменька!

Черезъ двѣ недѣли Савва съ подписаннымъ уставомъ ѣхалъ за границу, въ сопровожденіи цѣлой свиты инженеровъ и мелкихъ дѣльцовъ.

XIV.

Евдокія.

На рукахъ у Никольскаго остался маленькій Коля.

Петръ Николаевичъ далъ себѣ слово свято выполнить обѣщаніе, данное покойному неудачнику. Онъ позаботится объ участи мальчика и ни за что не отдастъ его Валентинѣ.

«Быть-можетъ, и человѣка вырастимъ!»—говорилъ про себя Никольскій, съ любовью поглядывая на пріемыша.

Какое-то особенно нѣжное, теплое чувство сказалось въ отношеніяхъ молодого человѣка къ сиротѣ. Онъ, бывало, подсмѣивавшійся надъ черезчуръ сильной любовью къ дѣтямъ, самъ сдѣлался нѣжнымъ, заботливымъ отцомъ. Онъ старался всячески развлекать горевавшаго ребенка, не отходилъ отъ него ни на шагъ, сажалъ къ себѣ на колѣни и разсказывалъ

сказки, а по ночамъ на цыпочкахъ входилъ въ комнату, гдѣ спалъ Коля, и заглядывалъ въ его лицо, прислушиваясь къ дыханію ребенка.

Добрая Прасковья Ивановна ревновала даже Колю къ своему племяннику и ссорилась съ Петромъ Николаевичемъ, находя, что всѣ эти заботы—дѣло не мужское, а бабье. Она сама отдавала все время своему Колюнчику и не знала, чѣмъ бы потѣшить сиротинку. Однимъ словомъ, и тетка и племянникъ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили приласкать и приголубить Колю и хотя сколько-нибудь утѣшить ребенка въ его тяжелой потерѣ.

— Ты хочешь всегда съ нами жить, Коля?—спрашивалъ Петръ Николаевичъ, покачивая въ своихъ объятіяхъ мальчика.

— Еще бы. Разумѣется, хочу!—ласково шепталъ ребенокъ, прижимаясь крѣпче къ груди Никольскаго.—Послѣ папы я тебя да тетю больше всѣхъ на свѣтѣ люблю...

Никольскій крѣпче сжималъ мальчика въ своихъ рукахъ, и дѣтскій ласковый лепетъ какимъ-то тепломъ охватывалъ его сердце.

— Тетя наша, братъ, славная тетя... Такой другой и не сыскать...

— Ну, ужъ и не сыскать!—подскакивала откуда-то Прасковья Ивановна, ревниво поглядывая на племянника.—Что ты все на рукахъ да на рукахъ ребенка-то носишь... Дай-ка мнѣ...

— Она въ обиду тебя не дастъ! — продолжалъ Никольскій:—ты съ тетей въ деревню поѣдешь... Хочешь ѣхать въ деревню?

— Хочу.

— А черезъ мѣсяцъ и я къ вамъ пріѣду... Вмѣстѣ отлично заживемъ.

— Ты пріѣдешь?

— Еще бы. Не бойся, мальчикъ, не обману—пріѣду!

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Трамбецкаго Петръ Николаевичъ отправилъ тетку съ Колей изъ Петербурга въ одну изъ южныхъ губерній, въ имѣніе Евдокіи, и только тогда извѣстилъ Валентину о смерти и похоронахъ мужа, при чемъ написалъ доброй малюткѣ, что если она желаетъ его видѣть, то онъ къ ея услугамъ.

Валентина однако не высказала этого желанія.

Посовѣтовавшись, по обыкновенію, съ Евгеніемъ Николаевичемъ, она отказалась отъ мысли требовать сына къ себѣ, да и, по правдѣ говоря, не особенно на этомъ настаивала, когда Евгеній Николаевичъ почему-то горячо отсовѣтовалъ ей

поднимать дѣло. Повидимому, онъ зналъ, гдѣ находится ребенокъ, и утѣшалъ мать тѣмъ, что сынъ ея въ хорошихъ рукахъ.

При той жизни, которую вела Валентина, мальчикъ могъ только стѣснить прелестную малютку, да и наконецъ долгая разлука съ нимъ значительно ослабила ея материнскія чувства. Она почти никогда не бывала дома, а если и бывала, то окруженная веселымъ обществомъ мужчинъ. Гдѣ тутъ думать о ребенкѣ... Безъ него какъ-то свободнѣй и веселѣй, ничто не могло стѣснять ее въ наслажденіи жизнью.

И Валентина наслаждалась со страстью и легкомысліемъ тщеславной женщины. Она жила съ безумной роскошью, сорила деньгами, ощипывая въ послѣднее время перья у юнаго наслѣдника петербургскаго милліонера. Этотъ юнецъ былъ влюбленъ по уши въ очаровательную женщину и подписывалъ векселя на огромныя суммы, доставая деньги подъ баснословные проценты. Валентина подзадоривала молодого наслѣдника, кокетничала съ нимъ, и когда наконецъ отдалась ему, то упитанный телецъ уже подписывалъ вторую сотню тысячъ векселей.

Странныя отношенія существовали между Никольскимъ и Валентиной. Онъ былъ ея менторомъ и любовникомъ, но любовникомъ нисколько не ревнивымъ. Онъ позволялъ кроткой малюткѣ увлеченія и требовалъ только два дня въ недѣлю для себя. Онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое знакомство съ Валентиной, никогда не показывался у нея при гостяхъ и давалъ дружескіе совѣты обворожительной женщинѣ, кому изъ поклонниковъ отдать предпочтеніе.

Валентина чувствовала къ Никольскому какой-то страхъ. Она его боялась и уважала. Онъ всегда давалъ ей хорошіе совѣты. Въ свою очередь, онъ третировалъ Валентину и держалъ ее въ полномъ повиновеніи. Онъ ей доставалъ деньги, когда у нея ихъ не было, и онъ же учитывалъ векселя юнаго наслѣдника черезъ одного еврея, достававшаго деньги. Объ этомъ, конечно, никто не зналъ, и Никольскій, при помощи Валентины, исполнялъ вторую часть своей житейской программы— составить себѣ состояніе. Никто и не подозрѣвалъ въ молодомъ чиновникѣ, пробивающемъ себѣ карьеру, ростовщика. Одинъ только Петръ Николаевичъ зналъ тайны своего когда-то нѣжно-любимаго брата.

Евдокія приняла искреннее и горячее участіе въ судьбѣ Коли. Благодаря молодой женщинѣ, Никольскій могъ такъ скоро отправить своего пріемыша въ деревню.

Однажды, вскорѣ послѣ похоронъ, Никольскій, только-что окончивъ урокъ съ сыномъ Леонтьева, вышелъ изъ подъѣзда

и тихо побрелъ по улицѣ, раздумывая, куда бы отправить своего питомца, какъ его окликнулъ тихій голосъ:

— Петръ Николаевичъ!

Никольскій обернулся и увидалъ Евдокію, торопливо догонявшую его. Онъ только-что видѣлся съ ней и нѣсколько изумился, когда молодая женщина сказала:

— Извините, Петръ Николаевичъ, что задержу васъ на минутку... Вы не торопитесь?

— Нѣтъ. А вы куда?

— Я домой...

— Такъ, если угодно, пройдемте вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ... Видите ли, Петръ Николаевичъ, давеча я не успѣла спросить васъ о сынѣ Трамбецкаго... Онъ не выходитъ у меня изъ головы.

Евдокія остановилась и прибавила:

— Вы извините меня, что я спрашиваю объ этомъ. Вы были такъ добры, что обратились тогда ко мнѣ насчетъ покойнаго, и я такъ была рада...

Никольскій вспомнилъ, съ какою готовностью, нѣсколько времени тому назадъ, Евдокія предложила, по его рекомендаціи, Трамбецкому мѣсто управляющаго въ ея имѣніи, и поспѣшилъ отвѣтить:

— Въ самомъ дѣлѣ, мальчуганъ-то хорошій, Евдокія Саввишна... Онъ остается у меня!

— У васъ? А мать?

— Я не отдамъ его матери!—рѣшительно сказалъ Никольскій.—Покойный просилъ не отдавать, и я постараюсь исполнить его просьбу.

Евдокія взглянула на Никольскаго. Ей очень понравился его рѣшительный и энергичный тонъ.

— Развѣ это можно?

— Можно!—усмѣхнулся Никольскій.—Вы, вѣрно, слышали, какова матушка?

— Но она все-таки можетъ требовать сына?

— Ну, мы съ нею сговоримся. Она, кажется, не особенно горюетъ о сынѣ, а, впрочемъ, Богъ ее знаетъ, что она думаетъ дѣлать... Я только-что размышлялъ, куда бы спровадить подальше на первое время моего пріемыша...

— Если будетъ удобно, то... вы знаете, Петръ Николаевичъ, я съ удовольствіемъ готова предложить поселиться въ моемъ имѣніи.

— Въ самомъ дѣлѣ? можно?—весело переспросилъ Никольскій.—Мальчикъ съ моей теткой поѣдетъ. Это не стѣснитъ васъ?

— Что̀ вы? Стѣснитъ? Развѣ это... это можетъ стѣснить? Я такъ рада, когда могу чѣмъ-нибудь быть полезной... Только это такъ рѣдко случается!—съ грустью прибавила она, краснѣя.

— Крѣпкое спасибо вамъ, Евдокія Саввишна, за мальчика... Только вотъ въ чемъ дѣло, я и забылъ объ одномъ обстоятельствѣ. Вы-то согласны, а вашъ мужъ?

Евдокія вспыхнула.

— Конечно, и онъ будетъ согласенъ!—проговорила она.

— Ну, и слава Богу... Значитъ, можно съ Богомъ въ дорогу!

— Конечно...

— Такъ еще разъ позвольте поблагодарить васъ!—промолвилъ Никольскій, протягивая руку.

— Вы благодарите, точно и въ самомъ дѣлѣ я что-нибудь особенное сдѣлала...

— Эхъ, Евдокія Саввишна, по нынѣшнимъ временамъ...

Онъ не окончилъ фразы и сталъ раскланиваться.

— Такъ что̀ по нынѣшнимъ временамъ?—остановила его Евдокія.

— Вообще... Ну, да это васъ, кажется, не касается!..—отвѣтилъ Никольскій, еще разъ крѣпко пожимая руку молодой женщинѣ.

Хотя Никольскій уже года два какъ зналъ Евдокію, встрѣчаясь съ ней въ домѣ ея отца, но рѣдко говорилъ съ молодой дѣвушкой и вообще не обращалъ на нее особеннаго вниманія. И Евдокія, въ свою очередь, не заговаривала съ нимъ, смущенная послѣ одной попытки, кончившейся очень неудачно; такъ однажды сухо и лаконично отвѣтилъ молодой человѣкъ на какой-то вопросъ, предложенный молодой дѣвушкой. Никольскій, видѣвшій Евдокію мелькомъ, совсѣмъ не знавшій ее, считалъ дочь Леонтьева за обыкновенную приглуповатую купеческую дочку, которая выйдетъ замужъ, станетъ рожать дѣтей и заботиться о томъ, чтобы все шло въ домъ и ничего изъ дому, и только въ послѣднее время обратилъ на нее вниманіе и сталъ замѣчать, что Евдокія—далеко не та приглуповатая барышня, какой онъ ее себѣ вообразилъ. Изъ разговоровъ съ сыномъ Леонтьева онъ узналъ кое-что, заставившее его попристальнѣй всматриваться въ эту загадочную натуру, и былъ пораженъ, когда узналъ, что Евдокія выходитъ замужъ за Бориса Сергѣевича Кривскаго.

«Вѣрно, очаровалъ своимъ изяществомъ!»—подумалъ онъ и вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга.

Евдокія изъ разговоровъ съ братомъ тоже заинтересовалась

Никольскимъ, но все-таки какъ-то не рѣшалась заговорить съ нимъ. Такъ они и не встрѣчались до той поры, когда Евдокія вышла замужъ и вернулась осенью въ Петербургъ.

Когда, по возвращеніи въ Петербургъ, Никольскій опять встрѣтился съ Евдокіей, то былъ пораженъ ея задумчивымъ и грустнымъ видомъ. Онъ разсчитывалъ встрѣтить довольную, веселую, счастливую молодую генеральшу, а вмѣсто этого встрѣтилъ слабенькое, застѣнчивое созданіе, съ печатью горя и какой-то внутренней работы на миловидномъ личикѣ. Въ большихъ восторженныхъ глазахъ онъ теперь прочиталъ гораздо яснѣе, чѣмъ читалъ прежде. Эти глаза говорили ему, что напрасно онъ такъ поспѣшно судилъ прежде объ этомъ странномъ созданіи, совсѣмъ непохожемъ, какъ оказывалось, на тѣхъ дочерей милліонеровъ, какихъ ему не разъ приходилось встрѣчать у Леонтьева.

Евдокія какъ будто смутилась при встрѣчѣ съ Никольскимъ.

Онъ поздравилъ ее съ замужествомъ, и она смутилась еще болѣе. Никольскій хотѣлъ-было поправиться и самъ сконфузился при видѣ этого смущеннаго и страдальческаго выраженія.

Такъ они не сказали ни слова въ тотъ разъ, и, когда Евдокія вышла изъ комнаты, Петръ Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ и пожалѣлъ ее.

«Вѣрно, благовоспитанный супругъ не далъ ей счастія!»— подумалъ Никольскій и скоро узналъ, что Борисъ Сергѣевичъ женился на приданомъ. Ему объ этомъ намекнула вскорѣ сама Леонтьева, любившая почему-то Петра Николаевича и приглашавшая его нерѣдко послѣ уроковъ выпить съ ней чашку чаю.

— Такъ чего же вы отдавали дочь замужъ-то?

— Мы, Петръ Николаевичъ, не неволили. Сама хотѣла.

— Сама?

— Сама, сама, голубушка... Она вѣдь у насъ,—вы-то и не знаете ее,—какая-то какъ будто порченая!—разсказывала больная женщина, довольная, что можетъ передъ кѣмъ-нибудь излить свое горе.

— Какъ порченая?

— А такъ, Богъ ужъ ее знаетъ... Очень ужъ близко къ сердцу все принимаетъ Дуня моя родная... Такъ и закипятится вся... Съ малолѣтства такая росла. И чѣмъ старше, чѣмъ загадчивѣй становилась голубушка... Бывало, и къ отцу пристаетъ, зачѣмъ онъ дѣлами все занимается. Дѣла, видите ли, глупенькой не нравятся. Правды какой-то она все искала... Люди, говоритъ, не такъ должны жить...

— Правды?—съ любопытствомъ спрашивалъ Никольскій.

— Да! Подите-жъ! — усмѣхнулась сквозь слезы мать. — Правды! а какой-такой правды?—и сама не могла объяснить. Такъ, мечтанія какія-то лѣзли въ голову... Отецъ, глядя на нее, жалѣлъ дочь и сокрушался... Думалъ: выйдетъ замужъ, и пройдутъ ея мечтанія,—да только какое? Не на радость-то она замужъ вышла...

— Она по любви вышла за Кривскаго?

— То-то не любила, кажется, а тоже свободы какой-то искала. «Я, говоритъ, замужемъ начну по-своему жить, только бы мужъ добрый и честный человѣкъ былъ, не мѣшалъ бы мнѣ». А она его считала очень хорошимъ человѣкомъ, ну, и съ вѣсомъ... По ея мыслямъ выходило такъ, будто они вдвоемъ-то съ мужемъ и Богъ вѣсть чего ни надѣлаютъ, а вышло совсѣмъ не то... Ужъ я говорила ей, что не на ней онъ-то женится, а на приданомъ, такъ она,—что̀ бы вы думали?—вскипѣла вся и говоритъ: «Развѣ, говоритъ, люди всѣ, маменька, негодяи и подлецы?»... Что̀ съ ней было дѣлать, а вотъ теперь и мается... Любви нѣтъ, ладу нѣтъ.

Дивился Петръ Николаевичъ, слушая жалобы матери, и самъ не замѣчалъ, съ какимъ любопытствомъ и злобой слушалъ разсказы о молодой женщинѣ.

Встрѣчаясь съ Евдокіей, онъ какъ-то особенно почтительно сталъ ей кланяться. Евдокія нерѣдко заходила къ матери именно въ то время, когда Никольскій послѣ урока шелъ наверхъ пить чай.

Но болѣе дружеское сближеніе ихъ началось съ того дня, когда судили Трамбецкаго.

Во время перерыва засѣданія Евдокія подошла къ Никольскому. Она была видимо возбуждена.

— Какъ вы хорошо говорили... Я съ самаго начала думала, что Трамбецкій не виноватъ, а какъ выслушала васъ, то вполнѣ убѣдилась, что онъ правъ... Вѣдь его оправдаютъ?

— Ему ужъ все равно. Вы развѣ не видите, что передъ вами живой мертвецъ. Это бѣдный неудачникъ... вся жизнь его была рядомъ неудачъ.

И Никольскій разсказалъ въ короткихъ словахъ о Трамбецкомъ.

Евдокія слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и, когда Никольскій кончилъ, конфузясь, сказала:

— Послушайте, Петръ Николаевичъ, не могу ли я что-нибудь сдѣлать для Трамбецкаго?..

Она ждала нетерпѣливо отвѣта, и когда Петръ Николаевичъ сказалъ, что можетъ, то радость засвѣтилась въ ея кроткихъ

глазахъ. Тутъ же было рѣшено, что Трамбецкій поѣдетъ въ имѣніе Евдокіи управляющимъ.

— Благодарю васъ, Петръ Николаевичъ!..—вся краснѣя отъ внутренняго волненія, проговорила молодая женщина.— Вамъ я обязана, что хоть одному больному человѣку могу дать пристанище. Если бы вы знали, какъ хотѣлось бы мнѣ быть полезной... Но только я не знаю, какъ приносить пользу... что̀ дѣлать... Научите хоть вы меня...

Никольскій съ особенной любовью взглянулъ на это кроткое созданіе и, ласково улыбаясь, проговорилъ:

— Сердце само васъ научитъ.

— Что̀ сердце?.. Мало ли что̀ хочетъ сердце, но съ однимъ сердцемъ ничего не сдѣлаешь...

На этомъ и оборвался разговоръ, но съ этихъ поръ между молодыми людьми мало-по-малу началось сближеніе. Никольскій встрѣчался съ Евдокіей у Леонтьева и, когда Евдокія не бывала день-другой, ему какъ будто чего-то недоставало. Онъ съ изумленіемъ сталъ замѣчать, что эта молодая женщина начинаетъ его интересовать гораздо болѣе, чѣмъ простая знакомая. Сперва онъ увѣрялъ себя, что видится съ ней просто ради изученія этой оригинальной натуры, и если не встрѣчалъ Евдокію у Леонтьевыхъ, то шелъ вечеромъ къ одной общей ихъ знакомой и просиживалъ цѣлый вечеръ съ Кривской. И она радовалась, когда онъ приходилъ, весело встрѣчала его, разсказывала ему свои завѣтныя мечты и просила его совѣтовъ и помощи.

О чемъ только они ни говорили! Они обо всемъ говорили, исключая любви. Этотъ вопросъ они оба какъ-то осторожно обходили постоянно. Никольскій даже посмѣивался надъ любовью, если заходилъ объ этомъ разговоръ. По его мнѣнію, любовь была излишней роскошью для такихъ людей, какъ онъ. Петръ Николаевичъ какъ будто нарочно высказывалъ иногда передъ Евдокіей оригинальную теорію любви, при чемъ предъявлялъ такія требованія къ женщинѣ, которую бы онъ могъ полюбить, что Евдокія, слушая его, была вполнѣ увѣрена, что Никольскій, кромѣ участія, не чувствуетъ къ ней ничего, а Никольскій, въ свою очередь, былъ увѣренъ, что молодая женщина такъ ласкова съ нимъ только потому, что доброе ея сердце ищетъ исхода изъ той тьмы, которая ее окружала.

«Я для нея просто новая книга, которую она жадно читаетъ!»—размышлялъ нерѣдко Никольскій, провожая Евдокію домой отъ Леонтьевыхъ или отъ кого-нибудь изъ ихъ общихъ знакомыхъ.

И они чаще и чаще видѣлись другъ съ другомъ, обманывая себя самымъ добросовѣстнымъ образомъ и не замѣчая, какъ дружба начинала смѣняться любовью... Начинавшееся чувство сказывалось въ мелочахъ: въ заботливости, съ которой Никольскій взглядывалъ въ лицо Евдокіи и спрашивалъ о ея здоровьѣ, въ предупредительности, съ которой онъ совѣтовалъ ей беречь себя, когда она распахивалась на улицѣ, въ напускномъ равнодушіи, съ какимъ онъ говорилъ ей при встрѣчахъ о нечаянности этихъ частыхъ встрѣчъ, словно бы боясь, чтобы она не подумала, что онъ ищетъ этихъ встрѣчъ...

И она вѣрила, вѣрила этимъ словамъ и чаще и чаще сравнивала Никольскаго съ мужемъ, и... и съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовала, что съ нимъ она не можетъ жить... Ей хотѣлось примиренія съ возмущенной совѣстью, а развѣ его превосходительство, Борисъ Сергѣевичъ, могъ примирить ее?.. Ей хотѣлось подвига, креста, а развѣ онъ возложитъ на нее тотъ крестъ, который ей хотѣлось?!

«Вотъ человѣкъ, который поможетъ ей!»—думала она не разъ о Никольскомъ и гнала прочь невольно закрадывавшееся въ сердце искушеніе.

Никольскій тоже испытывалъ борьбу и, послѣ долгихъ размышленій, рѣшилъ бросить эти «глупости» и ѣхать въ деревню.

И безъ того застрялъ онъ здѣсь на цѣлый мѣсяцъ. Довольно!

XV.

Рѣшеніе.

Черезъ нѣсколько дней Никольскій объявилъ Леонтьеву, что долженъ прекратить занятія съ его сыномъ.

Извѣстіе это непріятно поразило Савву Лукича.

Онъ питалъ довѣріе къ Никольскому и—что̀ было удивительно!—этотъ прошедшій огонь и воду дѣлецъ уважалъ молодого человѣка и относился къ нему съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

— А за сына не безпокойтесь, Савва Лукичъ,—прибавилъ Петръ Николаевичъ.—Вмѣсто себя я порекомендую вамъ отличнаго учителя.

— Какъ не безпокоиться, Петръ Николаевичъ!—воскликнулъ Савва.—Вамъ хорошо говорить, а безпокойство все-таки останется...

— Да вамъ не все ли равно?—спросилъ Никольскій, нѣсколько удивленный словами Леонтьева.

— Эхъ, любезный человѣкъ, мы хоша и сиволапые, а по-

нять человѣка наскрозь можемъ. Глазъ-то у меня зорокъ на человѣка. Я башковатость-то вашу да усердность довольно хорошо вижу. Слава Богу, нѣсколько годовъ знакомы. Только съ вами и сталъ сынишка какъ слѣдоваетъ заниматься ученіемъ. Огорошили вы меня, Петръ Николаевичъ, право, огорошили!

Леонтьевъ пристально взглянулъ на Никольскаго и, нѣсколько конфузясь, проговорилъ:

— Или, можетъ, вы, Петръ Николаевичъ, чѣмъ-нибудь не уважены? Не потрафили на васъ? Такъ вы, родной, только заикнитесь. По-нашему, по-мужичьему, оно, пожалуй, и невдомекъ, а вы не жалѣйте казны нашей. На ученіе я завсегда съ удовольствіемъ, потому ученіе по нонѣшнимъ временамъ первое дѣло... Требовайте, Петръ Николаевичъ!—прибавилъ Савва, поднимая глаза на Никольскаго.—Мы вину загладимъ.

— Не въ томъ рѣчь!—улыбнулся Никольскій.—Причина тутъ другая—уѣзжать мнѣ надо.

— Опять въ отлетъ? Давно ли отлетывали? Мѣсто, что ли, вышло?

— Нѣтъ.

— По дѣламъ, значитъ?

— По дѣламъ!

— Такъ, такъ!—подсказалъ Леонтьевъ.—Выходитъ, такія дѣла, что и отложить нельзя?

— Нельзя, Савва Лукичъ.

Савва замолчалъ и въ раздумьѣ посматривалъ на Петра Николаевича. Потомъ, словно бы отвѣчая на мысли, занимавшія его, онъ произнесъ, покачивая головой:

— Погляжу я на васъ, Петръ Николаевичъ, и будто все не могу васъ въ толкъ взять... вотъ тебѣ Богъ святъ, не могу!

— Будто ужъ и трудно?—засмѣялся Никольскій.

— Не обезсудишь за рѣчь мою, Петръ Николаевичъ?—продолжалъ Савва.

— Не стѣсняйтесь, Савва Лукичъ. Разсказывайте, чего это вы въ толкъ не можете взять?

— Людей, братецъ ты мой, на своемъ вѣку я встрѣчалъ довольно. По дѣламъ промежду всякаго калибера трешься, а только нонече завелся какой-то калиберъ, что и невдомекъ. Чудной вы народъ!

Никольскій посматривалъ съ любопытствомъ на «сиволапаго генерала», и образъ Евдокіи пронесся передъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это подъ бокомъ у Саввы могла развиться такая

противоположная натура, какъ Евдокія? Этотъ хищникъ, настоящій хищникъ, какъ слѣдуетъ быть хищнику, умный, энергичный, безстрашный пройдоха, а дочь, наоборотъ, пострадать хочетъ... Какимъ образомъ могла явиться такая разница? Сынокъ тоже скорѣе въ отца, только пожиже и умомъ и натурой, а дочь-то какъ сохранилась среди этой обстановки?

А Савва между тѣмъ продолжалъ:

— Люди вы хорошіе, люди вы мозговатые, а катаетесь вы, ровно перекати-поле, безъ устали... Глядючи на васъ, смекаешь, словно вы бродяги какіе-то по Божьему свѣту... Право, бродяги. Другіе при занятіяхъ, при должности, какъ слѣдуетъ по благородному званію, а вы точно бездомники какіе-то! Поглядишь на васъ: ни одежи, ни виду настоящаго, ни сытости, а вѣдь захоти только?.. Да, напримѣръ, будемъ такъ говорить, Петръ Николаевичъ... Я вамъ какое хочешь мѣсто у себя бы предоставилъ! У меня теперь мѣстовъ этихъ много открывается... Народу какъ саранчи налетитъ, а по совѣсти сказать—народъ все какой-то невѣрный—воръ-народъ къ намъ льнетъ, такъ и норовитъ смошенничать... А вѣрныхъ-то быдто мало... Ну, согласись вы, Петръ Николаевичъ, при моемъ дѣлѣ, да я сейчасъ же вамъ пять ли, десять ли тысячъ отвалилъ бы жалованья, потому намъ вѣрнаго-то человѣка выгоднѣе держать, чѣмъ невѣрнаго... Пошелъ бы?

— Нѣтъ, Савва Лукичъ, не пошелъ бы.

— Я такъ и зналъ... Потому и говорю, что оно мнѣ невдомекъ!.. Чудеса нонче какія-то на свѣтѣ пошли... Мы, мужики, въ генералы лѣземъ, а генеральскіе сынки вдругъ въ мужики полѣзли...

— Какъ такъ?—опять засмѣялся Никольскій.

— Да такъ... У меня вотъ на чугункѣ случай былъ. Ѣхалъ я съ экстреннымъ поѣздомъ,—ну, какъ водится, при компаніи... Инженеровъ этихъ и всякаго народа вокругъ... Ну, Саввѣ-то Лукичу всѣ кланяются... деньгамъ почетъ отдаютъ... Только на станціи, гуляючи, смотрю, на паровозѣ машинистъ стоитъ, молодой такой парень, только видъ у него совсѣмъ какъ будто особенный, хоть и рожа его вся грязная и руки грязныя. Поглядѣлъ на него, и онъ на меня такъ поглядываетъ смѣло, и зубы бѣлые, ровно волченокъ, скалитъ. Отошелъ я и спрашиваю своихъ-то: откуда машинистъ? Такъ какъ бы вы думали: генеральскій сынъ оказался, въ ниверситетѣ обучался, сродственники богатые, а онъ въ машинистахъ ѣздитъ. Согрѣшилъ сперва: подумалъ, не проворовался ли парень, нарочно справлялся. Говорятъ: парень примѣрный и башковатый и по своему дѣлу усердный... Диковина! А то еще у

насъ же на чугункѣ дорожнымъ мастеромъ полковницкій сынъ былъ.. Да мало ли этого калиберу нонче развелось... Люди ищутъ, какъ бы имъ лучше, а вы словно норовите, какъ бы вамъ похуже, чтобы и не доѣсть, и не допить, и не доспать... Это вотъ мнѣ и невдомекъ, Петръ Николаевичъ... Какого калибера вы будете люди, и что у васъ на разумѣ?..

Но такъ какъ Петръ Николаевичъ не показывалъ намѣренія подавать реплики, то Савва продолжалъ:

— И вѣдь гоняютъ же вашего брата, ровно зайцевъ, а вы все свое... Али крестъ на себя такой приняли?.. Чудно, какъ погляжу!.. Въ департаментѣ есть воротила, про Егоръ-Ѳомича, можетъ, слышалъ? У него мошна-то тугая, а сынъ, единственный сынъ, гдѣ-то мотается. Отецъ и то и другое, а сынъ рожу воротитъ...

Савва задумался.

— Вотъ тоже и дочь у меня, Дуня, ровно бы блажная какая-то. Душа кроткая, а что-то въ ней нехорошее. Чѣмъ бы ей, кажется, не жизнь, а поди-жъ? И какъ иной разъ подумаешь объ ней, такъ сердце за нее и заноетъ. Что за причина, Петръ Николаевичъ, по вашему разуму? Пошто она блажитъ?

Никольскій взглянулъ на красиваго, энергичнаго мужика съ косматой головой.

Эту голову, очевидно, посѣщали мысли, съ которыми она не могла справиться. Раздумье виднѣлось въ морщинахъ, прорѣзывающихъ высокій большой лобъ Леонтьева, въ сжатыхъ крупныхъ губахъ, въ мягкомъ взглядѣ, полномъ любви, когда Савва говорилъ о дочери... Онъ дотронулся широкой рукой до руки Никольскаго и какъ-то печально проговорилъ:

— Васъ, Петръ Николаевичъ, Дуня уважаетъ. Я съ ней говорилъ, такъ она, голубушка, только жалостно какъ-то глядитъ, а отвѣта не подаетъ,—отцу поперечить не хочетъ,—а вы, вѣрно, смекаете, что у нея на разумѣ?.. Вѣдь долго ли бѣдненькой до грѣха, коли она—генеральша-то моя—тоже по вашему калиберу пойдетъ. А нюхъ-то мой сказываетъ, что у нея что-то засѣло въ головѣ.

Никогда Савва не говорилъ съ Никольскимъ такъ задушевно, какъ сегодня. Никогда Никольскій не видѣлъ въ этомъ мужикѣ такого нѣжнаго проявленія чувства къ дочери и страха за ея будущность.

Но что могъ отвѣчать онъ?

Ясно, что Савва не понималъ, да и не могъ понять того сложнаго процесса, который происходилъ въ его дочери. То, что пугало отца, къ тому стремилась дочь. Ничто не въ со-

стояніи было наполнить пропасти, раздѣлявшей эти двѣ натуры. Въ дочери какъ будто олицетворился протестъ противъ всей жизни отца; и обоимъ имъ совершенно естественно приходилось жалѣть другъ друга изъ противоположныхъ побужденій.

— Что-жъ, Петръ Николаевичъ. Видно, и вы не можете успокоить родительское сердце. Кровь-то родная!

— Человѣкъ на человѣка не походитъ, Савва Лукичъ. Что по-вашему счастіе, то, быть-можетъ, Евдокіи Саввишнѣ горе. Пусть себѣ живетъ, какъ ей совѣсть велитъ! Авось будетъ счастлива. Такія натуры согнуть нельзя... Ихъ сломать можно, а согнуть никогда...

— Правда, правда ваша. Дуню не согнешь... Авось Богъ надъ ней смилуется... Пойдутъ дѣти, и Господь пошлетъ миръ ея сердцу!—попробовалъ успокоить себя Савва.

«Напрасно утѣшаетъ себя!»—подумалъ Петръ Николаевичъ и сталъ прощаться съ Саввой.

Леонтьевъ по обычаю три раза поцѣловался съ Никольскимъ и, крѣпко пожимая руку, проговорилъ:

— Ну, дай вамъ Богъ хорошаго, Петръ Николаевичъ... Богъ доведетъ вернуться, коли не побрезгуете нами, милости просимъ! Всегда я, любезный человѣкъ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ... А умаетесь бродяжничать-то,— улыбнулся Савва:—только словечко черканите. Для васъ всегда мѣсто будетъ.

— Спасибо вамъ, Савва Лукичъ!—проговорилъ Никольскій,

«Чудной народъ, чудной!—нѣсколько разъ повторилъ Савва, когда Никольскій ушелъ.—Только безъ пути они маются, сердечные... Безъ плутовства нельзя прожить на свѣтѣ! Ни въ жисть».

Евдокія сидѣла за книгой, когда вошелъ Петръ Николаевичъ, и вспыхнула, увидавъ Никольскаго.

Онъ присѣлъ на кресло и заговорилъ:

— А я пришелъ проститься съ вами, Евдокія Саввишна.

— Какъ проститься? Вы развѣ уѣзжаете?—проговорила она испуганно.

— Уѣзжаю къ своимъ.

— Такъ скоро?—проронила молодая женщина.

— И то зажился здѣсь.

— А скоро вернетесь?

— Не знаю, скоро ли... Надо думать, не скоро... Здѣсь-то нечего дѣлать.

Разговоръ какъ-то не клеился. Евдокія сидѣла молча, опу-

стивъ голову. Никольскій чувствовалъ себя неловко. Обоимъ хотѣлось такъ много сказать другъ другу, и между тѣмъ ничего не говорилось.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ Никольскій поднялся съ мѣста.

— Ужъ вы уходите... совсѣмъ уходите?—прошептала Евдокія. — А я хотѣла у васъ обо многомъ спросить... Обо многомъ.

— Спрашивайте.

— Да вы торопитесь. Лучше я вамъ напишу... Впрочемъ, подождите... Вы знаете, что на-дняхъ я буду богачка... Отецъ отдаетъ мнѣ огромное состояніе. Вы помните, что мы съ вами говорили объ этомъ?

— Какъ же, помню.

— Я этими деньгами не воспользуюсь... ни одной копейкой не воспользуюсь!—прибавила Евдокія.—Но только мнѣ бы хотѣлось знать ваше мнѣніе, какъ употребить ихъ... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ были употреблены какъ можно лучше.

— Вы твердо на это рѣшились? Провѣрили себя?

— И вы еще спрашиваете, Петръ Николаевичъ?—съ укоромъ замѣтила Евдокія.

— Добрая вы душа, Евдокія Саввишна! — какъ-то ласково проговорилъ Никольскій.—И большой вы подвигъ дѣлаете, сами того не сознавая, въ этомъ-то и есть величіе подвига... Отказаться отъ состоянія, объ этомъ легко говорить, но сдѣлать это...

— Какой тутъ подвигъ?—улыбнулась Евдокія.—Вы ужъ и о подвигѣ, а помните, что вы же сами говорили?..

— Каюсь, вы поймали меня... Знаете ли... ну... пу... не буду, вижу, вамъ это не нравится... О вашемъ рѣшеніи надо подумать, да хорошо подумать. Я подумаю и напишу вамъ свое мнѣніе, а также укажу, съ кѣмъ здѣсь посовѣтоваться, какъ оформить дѣло. Отдавать тоже надо умѣючи...

— То-то и я думаю... Такъ вы будете писать мнѣ?..

— Съ удовольствіемъ...

— Когда я кончу съ этимъ дѣломъ, тогда и о своей судьбѣ подумаю...

Никольскій почему-то вдругъ сталъ серьезенъ.

— Такъ жить, какъ они живутъ, я не буду, я не могу!— тихо проговорила она, какъ-то восторженно глядя куда-то вдаль.—Я прежде думала, что можно иначе, но вижу, что ошибалась... Отдаваться вполовину я не умѣю..

Она говорила, и голосъ ея дрожалъ какой-то восторженной нотой.

— Развѣ это жизнь? О, Господи, если-бъ вы знали, какъ тяжело бываетъ чувствовать себя виноватой...

Оно помолчала и прибавила, натягивая на свой пополнѣвшій станъ большой платокъ:

— Вотъ только поправлюсь—и тогда въ деревню. Не нравится мнѣ здѣсь жить... А тамъ я надѣюсь на васъ, Петръ Николаевичъ... Вы поможете мнѣ найти дорогу... Вѣдь поможете?

Никольскій нахмурился.

— Сердце само подскажетъ вамъ, Евдокія Саввишна, что̀ дѣлать. Дороги бываютъ разныя, и указывать ихъ къ чему же?.. Жизнь сама укажетъ, а совѣтовать я не стану...

— Отчего не станете?

— Оттого, во-первыхъ, что это будетъ насиліемъ. Вы еще молоды и подъ вліяніемъ возбужденія можете сдѣлать шагъ, за который потомъ раскаетесь... А, быть-можетъ, я самъ ошибаюсь?.. Быть-можетъ, дорога, которая мнѣ кажется легкой, покажется вамъ трудной; потомъ вы, разочарованная, неудовлетворенная, горько упрекнете и себя и того, кто вамъ далъ совѣтъ... Или, наоборотъ, я укажу вамъ тропинку, которая покажется вамъ слишкомъ узкою! Нѣтъ! я ничего вамъ не буду совѣтовать, Евдокія Саввишна... Я видѣлъ много горькихъ примѣровъ. Я видѣлъ много загубленныхъ жизней... Съ молоду душа отзывчива, она рвется на первое горячее слово; а потомъ... одна горечь, озлобленіе и какая-то пустота... Ни тутъ ни тамъ нѣтъ зацѣпки... А тащить ярмо поневолѣ, нести, такъ сказать, обрядъ службы, не участвуя всѣмъ сердцемъ, а, напротивъ, питая къ ней недовѣріе... избави Богъ отъ этого... Ничего не предпринимайте слишкомъ поспѣшно... Обдумайте прежде... Рвать со всѣмъ прошлымъ, со связями, съ знакомствомъ, привычками, легко въ молодые годы, а послѣ что̀? А разъ корабли сожжены... поздно ихъ вновь строить!

Евдокія слушала Никольскаго съ какимъ-то восторженнымъ вниманіемъ. Онъ говорилъ горячо, искренно, подкупающе...

— А во-вторыхъ почему?—тихо спросила Евдокія, когда Никольскій замолчалъ.

— А во-вторыхъ?—переспросилъ Никольскій и сконфузился.—Во-вторыхъ,—какъ-то рѣзко проговорилъ онъ, вставая съ кресла:—совѣты мои могутъ быть пристрастны...

— Какъ пристрастны?

— Очень просто... Во мнѣ могутъ говорить эгоистическія побужденія... Люди не ангелы, Евдокія Саввишна!—обрѣзалъ онъ и такъ крѣпко пожалъ руку молодой женщинѣ, что она чуть-было не вскрикнула отъ боли.—Ну-съ, прощайте, Евдокія

Саввишна... Желаю вамъ всего хорошаго и, главное, душевнаго мира... Ваша натура васъ вывезетъ—это вѣрно...

— Прощайте, Петръ Николаевичъ... За все благодарю васъ.

— Не за что... Я для васъ былъ только товарищемъ, въ которомъ вы нашли откликъ, вотъ и все...

— Ахъ нѣтъ... больше!—прошептала она, вся краснѣя.

Но Никольскій, по счастію, не слышалъ этихъ словъ. Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, спустился съ лѣстницы и даже не замѣтилъ презрительнаго взгляда, которымъ смѣрилъ его Борисъ Сергѣевичъ, встрѣтившійся съ молодымъ человѣкомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда.

Въ тотъ же вечеръ Никольскій отправился въ деревню.

Прошло два мѣсяца со времени отъѣзда Никольскаго. Борисъ Сергѣевичъ очень былъ радъ, что «этотъ господинъ», какъ обыкновенно онъ называлъ Никольскаго, пересталъ посѣщать его жену, и въ сердце его нѣтъ-нѣтъ да и закрадывалась надежда, что жена его со временемъ избавится отъ своихъ дикихъ выходокъ и какихъ-то дурацкихъ мечтаній, о которыхъ Борисъ Сергѣевичъ не могъ говорить иначе какъ съ презрительной насмѣшкой. Онъ возлагалъ надежды на рожденіе ребенка и особенно ухаживалъ послѣднее время за женой, прося ее беречь свое здоровье, въ заботахъ о сохраненіи состоянія, положеннаго въ банкъ на имя Евдокіи.

Тѣмъ не менѣе отношенія ихъ съ каждымъ днемъ становились суше и натянутѣй. Они видѣлись другъ съ другомъ только за обѣдомъ и за завтракомъ. Разговоры какъ-то не клеились. Борисъ Сергѣевичъ былъ любезенъ и изысканно вѣжливъ, Евдокія была спокойна и ровна; но, глядя на нихъ, видно было, что между ними не было никакого связывающаго чувства. Случайность какъ-то свела ихъ подъ одну кровлю, и каждый изъ нихъ таилъ про себя вражду другъ противъ друга.

О, какъ сердился Борисъ Сергѣевичъ, оставаясь наединѣ, при воспоминаніи объ этой маленькой тщедушной «дочери мужика», которая выказала съ первыхъ же шаговъ самостоятельность, для него неожиданную. Не онъ ли думалъ, что такъ легко будетъ подчинить эту «придурковатую» женщину своему вліянію и распоряжаться ея деньгами, какъ онъ захочетъ. Не онъ ли разсчитывалъ быть въ ея глазахъ божкомъ, передъ которымъ она могла бы только благоговѣть и слушать каждое его слово съ почтеніемъ. И вмѣсто всего этого она заявляетъ какія-то требованія? Она холодно выслушиваетъ, когда онъ удостоиваетъ ее разсужденіями, когда

поучаетъ ее, высказывая передъ ней свои трезвые взгляды, полные приличія, солидности и здраваго смысла. Прежде она горячо спорила, и онъ всегда разбивалъ ее въ спорахъ, а теперь она даже и не споритъ, а выслушиваетъ за обѣдомъ его обточенныя тирады, съ покорнымъ видомъ деликатной собесѣдницы. Самолюбіе его было оскорблено. Надежды разрушены. Мрачныя предчувствія лѣзли въ голову. Милліонъ, за которымъ, казалось, стоило только протянуть руку, вовсе не былъ такъ близокъ, напротивъ, онъ какъ будто все болѣе и болѣе отдалялся отъ него...

Когда Савва положилъ въ банкъ семьсотъ тысячъ и привезъ Евдокіи билетъ на ея имя, Евдокія даже и не сказала ни слова мужу, и онъ узналъ объ этомъ отъ своего тестя...

Борисъ Сергѣевичъ однако самъ заговорилъ о деньгахъ съ женой. Однажды, войдя къ ней въ кабинетъ, онъ завелъ о чемъ-то рѣчь и, между прочимъ, какъ будто нечаянно замѣтилъ:

—Кстати, мой другъ, я пришелъ тебѣ предложить очень выгодное помѣщеніе денегъ... На-дняхъ продается огромное имѣніе въ Тамбовской губерніи... Не хочешь ли купить?.. Покупка была бы очень выгодная...

— Нѣтъ... Я не разсчитываю покупать имѣнія...

— Что-жъ ты думаешь дѣлать?.. Неужели держать въ банкѣ на трехъ процентахъ, когда деньги могутъ давать вѣрныхъ шесть и даже болѣе?..

— Пока я думаю держать ихъ въ банкѣ!

Онъ ни слова болѣе не сказалъ и ушелъ къ себѣ, изумленный ея рѣшительнымъ тономъ. Очевидно, она не допуститъ никакого вмѣшательства въ это дѣло...

Къ чему же онъ женился?

Онъ ее не любилъ... Какъ женщина, она не удовлетворяла Бориса Сергѣевича. Въ ней не было ничего пикантнаго, ничего кокетливаго, ничего соблазняющаго. Такъ, простенькое, смазливое, пожалуй, личико, стройная, но худенькая фигурка, и ничего въ ней бьющаго въ носъ. Держать она себя не умѣетъ, и Борисъ не разъ краснѣлъ за нее предъ порядочными людьми, пріѣзжавшими къ нимъ съ визитами.

Въ другихъ отношеніяхъ она казалась ему смѣшной, экзальтированной, странной...

Но онъ бы все простилъ, если бы она была покорной его рабой и отдала въ распоряженіе его деньги... Онъ бы поставилъ домъ на широкую ногу, онъ бы сумѣлъ извлечь изъ этихъ денегъ большіе доходы, а теперь онъ не смѣетъ даже и говорить съ ней о деньгахъ. Это чортъ знаетъ что̀ такое!

Такой благовоспитанный, деликатный джентльменъ, какъ Борисъ Сергѣевичъ, конечно, скрывалъ свое полное презрѣніе къ женѣ подъ маской приличія и любезности, но Евдокія очень хорошо понимала, какъ смотритъ на нее мужъ и почему онъ на ней женился... Разрывъ между этими людьми существовалъ уже со второго мѣсяца послѣ свадьбы, и дальнѣйшая участь этого брака являлась вопросомъ времени—не болѣе. Евдокія все-жъ-таки считала Кривскаго настолько порядочнымъ человѣкомъ, что онъ не станетъ пользоваться правами мужа, въ случаѣ если она заявитъ желаніе разъѣхаться. Давно уже между ними не существовало никакихъ близкихъ отношеній. Это сдѣлалось какъ-то незамѣтно, само собой, и Борисъ Сергѣевичъ съ деликатною покорностью несъ бремя неудовлетвореннаго супруга, имѣя на сторонѣ любовницу.

Но нарушенія супружескихъ обязанностей со стороны жены Борисъ Сергѣевичъ, разумѣется, не потерпѣлъ бы. Онъ нерѣдко вздрагивалъ и блѣднѣлъ при мысли, что жена его превосходительства Бориса Сергѣевича Кривскаго можетъ сдѣлаться любовницею какого-нибудь проходимца, въ родѣ Никольскаго.

А между тѣмъ ничего мудренаго въ этомъ не было... Его жена, несмотря на его предостереженія, посѣщаетъ чортъ знаетъ какое общество. Мало ли съ кѣмъ тамъ она можетъ встрѣтиться?.. Мало ли теперь разныхъ негодяевъ, которые, подъ видомъ блага человѣчества, захотятъ воспользоваться состояніемъ жены и увлекутъ эту блаженную женщину до забвенія сю долга?

На его обязанности сберечь ся состояніе для будущаго ребенка, наконецъ сберечь свою репутацію. Онъ не захочетъ быть посмѣшищемъ людей. Онъ, будущій столпъ государства, не потерпитъ, чтобы жена его сбѣжала съ какимъ-нибудь нигилистомъ, какъ описываютъ въ романахъ...

Онъ тогда рѣшится на все... Шутить съ собой онъ не позволитъ!..

Такъ нерѣдко размышлялъ Борисъ Сергѣевичъ и слѣдилъ пристально за женой. Казалось, что никакихъ серьезныхъ опасеній не было, и ему напрасно лѣзли въ голову разные страхи. Въ послѣднее время Евдокія почти не выходила изъ дому; только гуляла по утрамъ, а остальное время просиживала одна.

И Борисъ Сергѣевичъ замѣтилъ, что Евдокія какъ будто даже стала веселѣй и оживленнѣй послѣднее время, послѣ отъѣзда Никольскаго. Это утѣшало Кривскаго, и снова надежды на подчиненіе жены мелькали свѣтлыми полосами въ его сердцѣ... Развѣ онъ безсиленъ противъ этой женщины?..

А Евдокія дѣйствительно въ это время жила какъ-то полнѣй и веселѣй. Она вела дѣятельную переписку съ Никольскимъ, и оба писали другъ другу длинныя письма. Какъ и прежде въ разговорахъ, такъ и теперь въ письмахъ не было ни слова о любви, хотя чувство и сквозило между строчками. Въ этихъ письмахъ они передавали другъ другу свои впечатлѣнія и мысли. Евдокія разсказывала о своихъ планахъ, Никольскій указывалъ ей предположенія объ употребленіи ея состоянія, хотя въ каждомъ письмѣ совѣтовалъ ей хорошо взвѣсить всѣ обстоятельства.

Кривскій и не догадывался объ этой перепискѣ.

Но однажды онъ вошелъ въ ея кабинетъ и замѣтилъ, съ какою радостью Евдокія читаетъ какое-то письмо. Ему даже показалось, что при входѣ его Евдокія сконфузилась. Онъ не спросилъ жену и ушелъ, не сказавъ о письмѣ ни слова, но подозрѣніе закралось въ его голову, и онъ рѣшилъ, что узнаетъ, отъ кого жена получила письмо.

Мысль о Никольскомъ кольнула его въ самое сердце. На слѣдующій день, когда жена, по обыкновенію, ушла гулять, Борисъ Сергѣевичъ зашелъ къ ней въ кабинетъ и сталъ шарить въ ея столѣ... Онъ увидѣлъ большую связку писемъ, развернулъ и сталъ читать...

Невыразимая злоба искривила его черты, когда онъ прочитывалъ эти письма... Почтовые листки дрожали въ его рукахъ.

XVI.

Пріятныя новости.

Борисъ Сергѣевичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, пожирая, одно за другимъ, письма Никольскаго.

Ахъ, если бы передъ Кривскимъ была любовная переписка!

Какъ ни обидно, но Борису Сергѣевичу несравненно легче было бы узнать о любви жены къ проходимцу, даже о невѣрности ея, чѣмъ то, что узналъ онъ въ этихъ проклятыхъ письмахъ.

Къ сожалѣнію, въ нихъ не было ни клятвъ, ни увѣреній, ни намековъ о разбитой жизни, но было гораздо худшее.

Въ нихъ были подробные и обстоятельные отвѣты на вопросы Евдокіи объ употребленіи ея состоянія. Въ этихъ письмахъ дѣлались разсчеты, указывались пути, какъ оформить дѣло, и т. п.

«Вотъ какъ, вотъ оно что!»—злобно шепталъ Борисъ Сергѣевичъ, укладывая письма обратно.

Лицо его было искажено злобой, когда онъ вернулся въ абинетъ. Въ бѣшенствѣ заходилъ онъ по комнатѣ.

«Проходимецъ открываетъ пути ко спасенію!—шептали его онкія побѣлѣвшія губы.—Отдать все меньшей братіи... О, одлецъ!»

Борисъ Сергѣевичъ ядовито усмѣхнулся, и съ устъ его рывались отрывистыя фразы:

«Благородный подвигъ... По всѣмъ правиламъ этихъ ско-овъ! Возвратить неправедно нажитое... Мерзавецъ! Цѣлое одробное исчисленіе надѣловъ, которые можно выкупить!.. Негодяй! У него за душой ничего, такъ ему легко расписы-ать пути ко спасенію!.. Проходимецъ!»

Кривскій просто задыхался отъ бѣшенства.

Надо остановить дуру. Она не понимаетъ, что дѣлаетъ. то все вліяніе этого негодяя, мѣсто котораго не среди лю-ей, а гдѣ-нибудь... Это все гнусныя бредни. Борисъ Сергѣе-ичъ не допуститъ. Онъ не позволитъ ограбить себя, буду-даго своего ребенка.

«Это наконецъ грабежъ, насиліе, преступленіе!»—воскли-кулъ онъ.

Въ глазахъ Бориса Сергѣевича Никольскій мгновенно вы-осъ въ гнуснаго, вреднаго злодѣя. Что дѣлаетъ онъ тамъ, ъ деревнѣ у его жены?.. Вообще это подозрительная лич-ость... Онъ, можетъ-быть, подъ видомъ спасенья хочетъ обо-расть жену... Обязанность порядочнаго человѣка преслѣдо-ать такихъ негодяевъ!

Солидный, хладнокровный и обыкновенно разсудительный Борисъ Сергѣевичъ совсѣмъ потерялъ самообладаніе. Онъ влекался все болѣе и болѣе при воспоминаніи о 700 тыся-ахъ, ускользающихъ изъ-подъ носа. Въ эти минуты онъ са-ымъ искреннимъ образомъ считалъ Никольскаго врагомъ об-щественнаго спокойствія, злодѣемъ и негодяемъ, осмѣлившимся одавать совѣты женѣ, мошенникомъ, запускающимъ руку въ ужой карманъ, въ карманъ Бориса Сергѣевича.

О, какъ пожалѣлъ Кривскій, что онъ не можетъ немедленно же расправиться съ этимъ «мерзавцемъ», какъ онъ того за-служиваетъ! Онъ сдѣлалъ бы это безъ всякой жалости. Онъ гноилъ бы его въ какомъ-нибудь тюремномъ замкѣ... Какая аглость!!.

А жена, эта блаженная дура? Эта идіотка, ищущая спа-енія!..

Онъ не позволитъ ей спастись такимъ образомъ. Она—его жена. Онъ скажетъ отцу... Онъ приметъ мѣры. Дѣло идетъ объ интересахъ семьи. Наконецъ жена еще ребенокъ... Мало

ли какихъ глупостей она можетъ надѣлать подъ вліяніемъ какого-нибудь проходимца-апостола?.. Дуракъ Леонтьевъ далъ ей въ руки деньги! Но законъ долженъ придти на помощь, тѣмъ болѣе, она теперь беременна, а во время беременности,— вспомнилъ Борисъ Сергѣевичъ,—женщины подвержены умопомѣшательству.

Кривскій сталъ разрабатывать эту идею, но скоро оставилъ ее... Идея была неподходящей...

Какъ же спасти состояніе?

Когда Борисъ Сергѣевичъ нѣсколько успокоился, онъ съ грустью сознался, что безсиленъ помѣшать Евдокіи, не дѣлая большого скандала. Состояніе принадлежитъ ей. Она вольна распоряжаться. Ничего противозаконнаго нѣтъ въ намѣреніяхъ ея употребить деньги, какъ она хочетъ.

На кой же чортъ онъ женился? Что̀ онъ отъ этого выигралъ?

Подъ бокомъ эта ненавистная дура, испортившая всю его жизнь, и нѣтъ исхода!..

Единственный исходъ—смерть жены.

Мысль эта явилась внезапно и понравилась Борису Сергѣевичу до того, что онъ размечтался на эту тему. Онъ пробовалъ гнать эти мечты (все же неловко желать смерти человѣка!), но невольно снова возвращался къ нимъ. Это былъ бы такой превосходный исходъ... Для такой натуры, какъ Евдокія, жизнь, пожалуй, будетъ и въ тягость. Борисъ Сергѣевичъ даже философски пожалѣлъ Евдокію. Она такая слабая, болѣзненная... Она не можетъ быть счастлива. А между тѣмъ смерть ея развязала бы ему руки...

«Послѣ родовъ часто умираютъ. Особенно послѣ первыхъ родовъ... Первые роды трудны!»—дразнилъ Бориса Сергѣевича какой-то голосъ.

Вошедшій лакей прервалъ сладкія мечты Бориса Сергѣевича.

— Господинъ Сивковъ проситъ позволенія васъ видѣть!— проговорилъ лакей, подавая визитную карточку.

Кривскій взглянулъ на карточку, пожалъ въ недоумѣніи плечами и сказалъ:

— Я не знаю Сивкова. Что̀ ему надо? Проситель?

— Нѣтъ-съ, по виду не проситель. Говоритъ, нужно видѣть по дѣлу.

— Ну, зови его...

Черезъ минуту маленькая толстая фигурка, чистенько одѣтая во все черное, переступила порогъ кабинета.

— Сивковъ, повѣренный отставного полковника Гуляева,— отрекомендовался сыщикъ, низко кланяясь.

Борисъ Сергѣевичъ небрежно кивнулъ головой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу.

— Извините, что осмѣлился безпокоить васъ!—продолжалъ г. Сивковъ.—У меня есть къ вамъ маленькое дѣльце!

Борисъ Сергѣевичъ брезгливо оглядѣлъ съ ногъ до головы толстую фигурку г. Сивкова и сдѣлалъ движеніе изумленія, услыхавъ, что этотъ господинъ, выражающійся такимъ вульгарнымъ тономъ, можетъ имѣть къ нему дѣло.

— У васъ?—иронически переспросилъ Кривскій.

— Точно такъ-съ!—едва улыбнулся Сивковъ.—У меня. Оно, впрочемъ, касается не столько васъ...

— Вы, вѣрно, одинъ изъ кредиторовъ брата?—перебилъ Борисъ Сергѣевичъ.—Въ такомъ случаѣ совершенно напрасно изволили пожаловать ко мнѣ. Я не плачу его долговъ.

— Прошу удѣлить мнѣ десять минутъ, Борисъ Сергѣевичъ; дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы изволите предполагать!—проговорилъ г. Сивковъ серьезнымъ и настойчивымъ тономъ.

Кривскій молча указалъ на кресло около стола и, опускаясь самъ, сухо замѣтилъ:

— Я слушаю.

Г. Сивковъ откашлялся и началъ:

— Вѣроятно, вы изволили слышать о пропажѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года, изъ квартиры отставного полковника Гуляева ста тысячъ?

— Развѣ это воровство или, какъ вы говорите, пропажа относится къ вашему дѣлу?

— Немножко-съ!—отвѣчалъ, опуская глаза, г. Сивковъ.—Если вы изволили слышать объ этомъ дѣлѣ, то, вѣроятно, припомните, что къ дѣлу былъ привлеченъ статскій совѣтникъ Трамбецкій, нынѣ умершій. Судъ его оправдалъ, такъ какъ никакихъ вѣскихъ уликъ не было, хотя въ карманахъ пальто покойнаго Трамбецкаго и было найдено нѣсколько билетовъ изъ числа принадлежащихъ господину Гуляеву. Такимъ образомъ, хотя дѣло и разсматривалось на судѣ, но настоящій виновникъ этого... этой пропажи,—поправился Сивковъ:—открытъ не былъ... Для меня, по крайней мѣрѣ, не было сомнѣнія, что покойный Трамбецкій просто попался, что̀ называется, какъ куръ во щи... Тѣмъ не менѣе полковнику, какъ потерпѣвшему, какъ вы можете себѣ представить, было крайне непріятно, что настоящій виновникъ не найденъ и такимъ образомъ деньги безвозвратно потеряны.

— Я бы покорнѣйше просилъ васъ, милостивый государь, поскорѣй къ дѣлу. Я не могу понять, къ чему вы трудитесь разсказывать мнѣ подробности покражи у вашего полковника!

— Полковникъ поручилъ это дѣло мнѣ,—продолжалъ г. Сивковъ, какъ будто не замѣчая перерыва Бориса Сергѣевича.— Дѣйствительно, дѣло было крайне интересное и до-нельзя таинственное, заставлявшее предполагать необыкновеннаго... участника.

Г. Сивковъ на этомъ мѣстѣ остановился и, доставая изъ кармана носовой платокъ, мелькомъ взглянулъ на Бориса Сергѣевича. Кривскій, видимо, начиналъ интересоваться.

— Послѣ долгихъ и упорныхъ поисковъ, какъ, вѣроятно, вамъ не безызвѣстно, никакихъ слѣдовъ найдено полиціей не было. Но мнѣ, послѣ многихъ трудовъ и большихъ затратъ,—я предпринималъ по этому случаю два путешествія въ провинцію!—мнѣ наконецъ удалось напасть на слѣды и уяснить это таинственное дѣло...

— И что-жъ далѣе?—машинально произнесъ Кривскій.

— И я счелъ долгомъ своимъ предварительно обратиться къ вамъ, Борисъ Сергѣевичъ!..

— Но я-то тутъ при чемъ?—воскликнулъ Кривскій, чувствуя, какъ тревожно бьется его сердце.

— Вы не при чемъ, но братецъ вашъ Александръ Сергѣевичъ!—произнесъ чуть слышно сыщикъ, не глядя на Кривскаго.

Слова эти, произнесенныя таинственнымъ шопотомъ, заставили Бориса Сергѣевича вздрогнуть. Онъ проговорилъ съ какою-то вдругъ охватившею его серьезностью:

— Братъ? Какое отношеніе можетъ имѣть мой братъ къ этому... этому дѣлу?

Онъ ужъ избѣгалъ употреблять слово «воровство».

— Тутъ какая-нибудь ошибка, милостивый государь... Братъ мой не можетъ имѣть отношенія къ пропажѣ ста тысячъ, и я удивляюсь, какъ вы позволили себѣ, милостивый государь, обращаться ко мнѣ съ вашими соображеніями!—воскликнулъ Кривскій, словно бы желая ободрить себя звуками собственнаго голоса.

— Къ сожалѣнію, ошибки нѣтъ. Развѣ позволилъ бы я себѣ, Борисъ Сергѣевичъ, обращаться къ вамъ, не имѣя осязательныхъ доказательствъ? Я хоть и учился юридическимъ наукамъ больше на практикѣ, а все-таки кое-чему научился... Но только — осмѣлюсь замѣтить — напрасно изволите безпокоиться, Борисъ Сергѣевичъ. Дѣло это поправимое. Можно его отлично уладить. Именно съ тою цѣлью я и счелъ долгомъ сперва обратиться къ вамъ, чтобы не безпокоить напрасно его высокопревосходительство Сергѣя Александровича... Я очень хорошо понимаю: родительскія чувства, преклонный

ихъ возрастъ... А вѣдь съ другой стороны, быть-можетъ, одна шалость. Мало ли чего не бываетъ въ молодости, какихъ увлеченій... Можетъ-быть, дамочка или спѣшный карточный должокъ.

— Но гдѣ-жъ доказательства? Говорите яснѣй, г. Сивковъ!

— Улики есть, и весьма вѣскія улики, что въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе Александръ Сергѣевичъ...

— То-есть онъ... совершилъ?—произнесъ, глядя въ сторону, Борисъ Сергѣевичъ

— Они-съ... Они-съ задумали и совершили эту... эту, можно сказать, шалость. Письмо ихнее есть у насъ въ рукахъ, писанное къ Ѳомѣ, бывшему камердинеру полковника... Оно хотя и не подписано, но сходство очень большое съ почеркомъ Александра Сергѣевича... Кромѣ того еще платокъ вашего братца, забытый ими въ трактирѣ, гдѣ они имѣли наканунѣ того дня свиданіе съ Ѳомой... Платокъ этотъ оказался у дочери этого самаго лакея, какъ извѣстно, кончившаго жизнь самоубійствомъ... Наконецъ есть еще...

— Довольно... Чего же вы хотите?

— Я преподалъ, по моему мнѣнію, благоразумный совѣтъ моему довѣрителю не начинать дѣла, а покончить его миролюбиво, возвративъ всѣ компрометирующіе документики въ полную вашу собственность. Поэтому-то я и обратился къ вамъ, какъ къ старшему братцу и человѣку состоятельному... Намъ нѣтъ никакой нужды губить молодого человѣка, стоящаго на такой прекрасной дорогѣ, и потому, если бы полковникъ получилъ обратно пропавшую у него сумму, а равно и возмѣщеніе всѣхъ расходовъ, то дѣло это завтра могло бы окончиться, тѣмъ болѣе, что мы и просимъ немного: всего полтораста тысячъ...

— Полтораста тысячъ!—воскликнулъ Борисъ Сергѣевичъ.

— Включая, разумѣется, въ эту сумму и деньги, принадлежавшія полковнику, то-есть пропавшія сто тысячъ... Согласитесь, что это не дорого?

Борисъ Сергѣевичъ послѣ нѣкотораго размышленія проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, а не располагаю такими средствами, чтобы заплатить полтораста тысячъ!

«Пусть отецъ платитъ за своего любимца!» — рѣшилъ Борисъ Сергѣевичъ. А онъ не можетъ отдать послѣднихъ своихъ крохъ, оставшихся у него отъ приданаго, полученнаго на руки. Съ чѣмъ онъ тогда самъ останется.

— Очень жаль! — проговорилъ Сивковъ. — Слѣдовательно надо обратиться къ его высокопревосходительству?..

— Мнѣ кажется, это самый вѣрный путь.

— Быть-можетъ, не угодно ли вамъ будетъ самимъ приготовить вашего батюшку къ этому, для него непріятному, извѣстію?

— Все равно... ударъ будетъ тяжелъ... Обратитесь лучше сами... Я надѣюсь, что вы постараетесь смягчить его... Нѣтъ сомнѣнія, что это прискорбное дѣло уладится.

Сивковъ всталъ съ мѣста, поклонился и направился къ дверямъ.

— Но если у вашего батюшки не найдется свободной суммы въ настоящее время? — проговорилъ онъ, останавливаясь у дверей. — Позволите снова обратиться къ вамъ или разрѣшите дѣйствовать на законномъ основаніи? Мы медлить не можемъ.

— У меня нѣтъ денегъ! — проговорилъ съ усиліемъ Борисъ.

Сивковъ еще разъ поклонился и вышелъ.

Долго еще просидѣлъ Борисъ Сергѣевичъ, раздумывая, какой негодяй Шурка, рѣшившійся на такое нечестное дѣло. Кто могъ бы ожидать этого отъ Шурки?.. Впрочемъ, къ сожалѣнію, у Шурки никогда не было никакихъ принциповъ, но все-таки подобная подлость... Надо посовѣтовать отцу отправить его въ Ташкентъ... Подобный братъ безчеститъ фамилію.

По зрѣломъ размышленіи Борисъ Сергѣевичъ вполнѣ одобрилъ свое поведеніе. Отдавать послѣднее свое состояніе за негодяя-брата, конечно, глупо, тѣмъ болѣе, что отецъ можетъ достать требуемыя деньги и спасетъ честь своего любимца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и честь имени Кривскихъ! Конечно, онъ заплатилъ бы за брата, если бы состояніе жены было въ его распоряженіи, но развѣ онъ распоряжается въ этомъ домѣ?..

Кривскій вышелъ изъ кабинета мрачный и недовольный. Скоро лакей доложилъ, что подано кушать.

— Барынѣ докладывали? — спросилъ Борисъ Сергѣевичъ, входя въ столовую.

— Ихъ нѣтъ дома.

— И не возвращалась?

— Нѣтъ, возвратились, но уѣхали и приказали сказать, что не будутъ кушать дома.

«Хороша семейная жизнь!»—подумалъ Борисъ Сергѣевичъ, садясь за столъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя обиженнымъ и даже несчастнымъ.

Совершенно случайно Евдокія слышала почти весь разговоръ, происходившій между мужемъ и Сивковымъ.

Вернувшись домой съ прогулки, она собиралась пройти въ кабинетъ сказать мужу, что сегодня не будетъ обѣдать дома, а поѣдетъ обѣдать къ отцу, но, подойдя къ дверямъ, неплотно затвореннымъ, она поражена была долетѣвшимъ до нея именемъ Трамбецкаго.

Евдокія хотѣла-было отойти, но восклицаніе мужа о братѣ приковало ее къ дверямъ.

«Подлецъ!»—вырвалось у нея, когда она отошла отъ дверей послѣ того, какъ услышала объ отказѣ мужа заплатить деньги. Мужъ сдѣлался ей отвратителенъ. Такого безсердечія она не ожидала.

Евдокія тотчасъ же рѣшила заплатить эти деньги. Ей было жаль старика Кривскаго. Надо устроить, чтобы старикъ ничего не узналъ.

«Это извѣстіе убьетъ его!»—проговорила она.

Она прошла къ себѣ въ кабинетъ и написала записку, въ которой просила г. Сивкова не ѣхать къ Кривскому, а переговорить съ нею. Она заплатитъ деньги.

Набросавъ торопливо нѣсколько строкъ, она вернулась въ залу, чтобы передать ее Сивкову, какъ только онъ выйдетъ изъ кабинета, но Сивкова уже не было. Онъ ушелъ.

Евдокія была встревожена. Что̀ дѣлать? Вѣроятно, этотъ господинъ поѣхалъ къ старику? Она немедленно же собралась къ Кривскимъ, надѣясь предупредить Сивкова, если онъ поѣхалъ туда... Она торопила извозчика, но какъ нарочно извозчикъ ѣхалъ тихо.

— Есть кто-нибудь у Сергѣя Александровича?—быстро спросила Евдокія, входя въ швейцарскую.

— Только-что одинъ господинъ прошелъ къ его высокопревосходительству.

— Кто такой?.. Вы не знаете?

— Господинъ Сивковъ!

— Опоздала!—тихо промолвила Евдокія печально и поднялась по лѣстницѣ.

Навстрѣчу спускался, позвякивая саблей, Шурка, красивый, блестящій и сіяющій. Отъ него вѣяло свѣжестью и тонкимъ ароматомъ духовъ.

Евдокія готова была убѣжать при видѣ того самаго Шурки, о которомъ только-что слышала.

«Не можетъ же быть, чтобы послѣ того... и такой веселый... довольный..?»—подумала она.

Она даже усомнилась, и радость за старика мелькнула въ ея сердцѣ.

А Шурка, какъ ни въ чемъ не бывало, привѣтствовалъ ее, ловко кланяясь и цѣлуя ея руку.

Евдокія вся вспыхнула и поспѣшила отдернуть руку.

— Что съ вами, Евдокія Саввишна? Вы сегодня какая-то странная...

Онъ взглянулъ на нее свѣтлымъ, чуть-чуть наглымъ взглядомъ.

Евдокія посмотрѣла на эти выпуклые, безвыразительные глаза и вдругъ поняла, что это могло случиться...

— Нѣтъ... ничего... Ничего!..—проронила она совсѣмъ тихо и бросилась почти бѣгомъ по лѣстницѣ.

Послѣ она вспомнила, что будто и Шурка сконфузился.

Евдокія подошла въ волненіи къ кабинету, но войти не рѣшилась.

«Бѣдный, бѣдный старикъ!»—вздохнула она и прошла наверхъ къ барышнямъ, попросивъ камердинера Сергѣя Александровича тотчасъ же дать знать ей, когда Сергѣй Александровичъ останется одинъ.

— Что съ вами?.. На васъ лица нѣтъ!.. Что случилось?—допрашивали молодую женщину наверху.

Она объяснила свое волненіе болѣзнью и, слушая болтовню двухъ сестеръ, тревожно думала о томъ, что происходитъ въ настоящую минуту въ кабинетѣ.

— А Анна Петровна дома?—спросила машинально Евдокія.

— Maman нѣтъ дома... Она уѣхала съ визитами...

— А что же вы?..

— Скучно... мы вечеромъ сегодня въ театрѣ. Шурка взялъ ложу во французскій театръ... Онъ привезетъ Денисова.

При имени Шурки Евдокія опять вспыхнула, и передъ ней почему-то пронеслось воспоминаніе изъ дѣтства, какъ въ кабакѣ поймали мужика-вора и били его, а онъ покорно какъ-то взглядывалъ...

Невольно Евдокія сравнила...

«Что-то тамъ внизу со старикомъ?..»—опять подумала Евдокія.

А тамъ происходила слѣдующая сцена.

XVII.

Тяжкій ударъ.

Его превосходительство только-что закончилъ одну главу своего обширнаго административнаго изслѣдованія, когда въ кабинетъ осторожно вошелъ камердинеръ и доложилъ о Сивковѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Александровичъ находился въ

отставкѣ, онъ бывалъ очень доволенъ, когда къ нему, по старой памяти, являлись бывшіе его подчиненные или какіе-нибудь просители, давая такимъ образомъ старику возможность разыграть по всѣмъ правиламъ сцену пріема.

Услыхавъ отъ камердинера, что «коллежскій асессоръ Сивковъ проситъ позволенія видѣть его превосходительство», Сергѣй Александровичъ приказалъ «просить господина Сивкова» и по старой привычкѣ придвинулъ къ себѣ бумаги, взялъ въ руки длинный карандашъ, какъ-то пріосанился и опустилъ глаза.

Когда отворились двери кабинета и на порогѣ появился Сивковъ, отвѣшивая почтительные поклоны, его превосходительство медленно поднялъ глаза, оглядѣлъ, прищуриваясь, посѣтителя и сдѣлалъ кислую гримасу, замѣтивъ, что господинъ Сивковъ не во фракѣ и не въ бѣломъ галстукѣ, а въ сюртукѣ.

«Что этому господину нужно?»—подумалъ его превосходительство, затрудняясь сразу опредѣлить профессію явившагося субъекта.

А субъектъ этотъ почувствовалъ большое смущеніе при видѣ строгаго, величественнаго старика, удостоившаго его едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. И этотъ старикъ и вся обстановка роскошнаго большого кабинета до того смутили господина Сивкова, что онъ не трогался отъ дверей, пока наконецъ его превосходительство не удостоилъ сдѣлать обычнаго жеста, какимъ, бывало, подзывалъ маленькихъ чиновниковъ, и не ободрилъ подобіемъ улыбки сконфузившагося посѣтителя.

— Чѣмъ могу служить вамъ, милостивый государь?—произнесъ его превосходительство холодно-вѣжливымъ тономъ, останавливая взглядомъ господина Сивкова въ почтительномъ разстояніи отъ стола.

Сергѣй Александровичъ рѣшилъ, что передъ нимъ какой-нибудь проситель.

— Я осмѣлился утрудить милостивое вниманіе вашего превосходительства по частному дѣлу... По весьма конфиденціальному дѣлу!—въ смущеніи пролепеталъ Сивковъ.

Сергѣй Александровичъ удивленно приподнялъ брови.

— По конфиденціальному? Гдѣ вы изволите служить?—спросилъ онъ.

— Я служилъ, ваше превосходительство, при сыскномъ отдѣленіи петербургской полиціи, а въ настоящее время нахожусь въ отставкѣ и занимаюсь ходатайствомъ по дѣламъ.

Кривскій еще болѣе изумился послѣ этой рекомендаціи и

снова оглядѣлъ маленькую толстую фигурку, почтительно склонившуюся передъ его превосходительствомъ.

— Въ чемъ же ваше конфиденціальное дѣло, господинъ Сивковъ?—какъ-то брезгливо замѣтилъ Кривскій.

Но господинъ Сивковъ еще болѣе смутился, или притворился смущеннымъ, и, казалось, не рѣшался приступить къ объясненію.

— Я готовъ выслушать васъ, господинъ Сивковъ!

— Прошу великодушно простить меня, ваше превосходительство, что осмѣлился явиться... Но, въ качествѣ повѣреннаго, дѣйствуя по уполномочію отставного полковника Ивана Алексѣевича Гуляева, я не могъ отказаться...

При имени отставного полковника его превосходительство нахмурился.

«Вѣрно, опять Шурка надѣлалъ долговъ!»—подумалъ онъ и проговорилъ:

— Въ чемъ же дѣло? Потрудитесь объяснить. Если не ошибаюсь, вамъ поручено обратиться ко мнѣ по поводу какого-либо долгового обязательства? Велика ли сумма?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство... Къ сожалѣнію, я вынужденъ довести до вашего свѣдѣнія болѣе щекотливое обстоятельство, касающееся Александра Сергѣевича...

Старикъ вопросительно взглянулъ на Сивкова. Тотъ молчалъ и переминался съ ноги на ногу. Сергѣй Александровичъ начиналъ безпокоиться.

— Такъ говорите же!—рѣзко крикнулъ Кривскій.

— Вы позволите все говорить?—прошепталъ Сивковъ.

— Если пришли, такъ говорите!—упавшимъ голосомъ замѣтилъ старикъ и опустилъ глаза, приготовившись слушать.

Съ осторожными оговорками и съ надлежащими смягченіями началъ разсказывать Сивковъ обстоятельства, сопровождавшія пропажу денегъ у его довѣрителя.

Нѣсколько недоумѣвая, по какому поводу разсказываются эти подробности, Кривскій слушалъ внимательно, не прерывая Сивкова ни единымъ словомъ.

Только когда Сивковъ останавливался, старикъ, не поднимая глазъ, произносилъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ

— Дальше!

И Сивковъ разсказывалъ дальше.

Повидимому, старикъ хладнокровно относился къ разсказу. Ничто не показывало его внутренняго волненія. Онъ попрежнему сидѣлъ, наклонивъ голову, неподвижный, строгій, храня молчаніе.

Но чѣмъ дальше выяснялось дѣло,—хотя Сивковъ и ста-

рался по возможности смягчить разсказъ, — тѣмъ блѣднѣе и мертвеннѣе дѣлалось лицо Кривскаго. Губы его нервно вздрагивали. Онъ чувствовалъ, какъ струя холода пробѣгала по его спинѣ. Ужасъ и страхъ охватили старика. Онъ долженъ былъ употребить чрезвычайное усиліе воли, чтобы не упасть на спинку кресла.

Ему казалось, что онъ слушалъ какую-то невѣроятную сказку.

Но когда Сивковъ, обманутый наружнымъ спокойствіемъ его превосходительства, позволилъ себѣ прямо обвинять сына, старикъ точно ужаленный поднялся съ кресла и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Ты лжешь, мерзавецъ!.. Признайся!.. вѣдь ты лжешь?

— Ваше превосходительство! — униженно лепеталъ Сивковъ.—Развѣ я осмѣлился бы...

— Доказательства!

Дѣйствовавшій по уполномочію тотчасъ же вынулъ изъ бумажника маленькій почтовый листокъ бумаги и осторожно положилъ его на столъ.

Кривскій нервно протянулъ руку, взглянулъ на строки, написанныя карандашомъ, и опустился въ кресло, подавивъ въ себѣ крикъ скорби и отчаянія.

Почеркъ былъ очень хорошо знакомъ отцу.

Еще ниже склонилась сѣдая голова старика. Но Сергѣй Александровичъ тотчасъ же ее поднялъ и снова слушалъ, что̀ говорилъ Сивковъ.

А тотъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, между прочимъ, разсказывалъ:

— Я, ваше превосходительство, единственно чтобы не поднимать дѣла, осмѣлился явиться... Я только-что отъ Бориса Сергѣевича, считая долгомъ предварительно побывать у нихъ съ предложеніемъ покончить келейно дѣло и возвратить документы, но Борисъ Сергѣевичъ изволили объяснить, что они не располагаютъ средствами, и направили меня къ вашему превосходительству!

Еще новый ударъ, но что̀ значилъ онъ теперь передъ только-что нанесеннымъ жестокимъ ударомъ?

Его превосходительство какъ будто даже и не обратилъ никакого вниманія на слова Сивкова и машинально спросилъ:

— Онъ направилъ ко мнѣ?

— Точно такъ-съ!

Старикъ какъ-то съежился, словно озябъ.

Наконецъ онъ спросилъ:

— Сколько хотите вы получить за ваши... ваши документы?

— Включая пропавшую сумму, сто пятьдесятъ тысячъ, ваше превосходительство!

— Сейчасъ у меня нѣтъ этихъ денегъ, но завтра къ вечеру онѣ будутъ. Завтра приходите и приносите все... Чтобы никакого слѣда... Понимаете?

— Ни одна душа... ваше превосходительство!..

— Иначе вы, г. Сивковъ, будете со мною считаться. То же передайте и г. Гуляеву, чтобы не болталъ. Я сумѣю наказать васъ такъ, какъ вы и не думаете... Слышите? — грозно прибавилъ старикъ.

Сивковъ совсѣмъ перетрусилъ передъ этой угрозой его превосходительства.

— Эту записку,—продолжалъ Кривскій, указывая головой на листокъ, лежавшій на столѣ:—прошу оставить у меня. Не бойтесь!—брезгливо прибавилъ Кривскій, замѣтивъ испугъ на лицѣ Сивкова.—Записка будетъ до вечера цѣла...

Сивковъ почтительно раскланялся, обѣщавъ быть завтра ровно въ восемь часовъ, согласно волѣ его превосходительства.

Бывшій сыщикъ весело улыбался, выйдя на улицу. Онъ не сомнѣвался, что его превосходительство исполнитъ свое обѣщаніе, и поторопился къ отставному полковнику сообщить о счастливомъ окончаніи дѣла и порадовать его хорошимъ гешефтомъ. Полковникъ изъ этой суммы долженъ былъ получить половину, а остальная половина шла Сивкову.

Когда двери кабинета затворились, Кривскій въ безсиліи откинулся на спинку и закрылъ глаза. Вся фигура старика въ эту минуту дышала глубокимъ, безпомощнымъ страданіемъ. Въ креслѣ, казалось, лежалъ мертвецъ.

Онъ открылъ глаза и медленно прошепталъ:

— Кривскій, сынъ мой—воръ!.. Господи! за что Ты наказываешь?

Случайно взглядъ его остановился на портретѣ Шурки. Презрѣніе и жалость мелькнули въ потухшемъ взорѣ его превосходительства.

— Подлецъ!—медленно проговорилъ онъ, отвернулся и не выдержалъ—заплакалъ.

Невыносимымъ бременемъ показалась ему жизнь. Къ чему жить? Чего еще ждать?

— Позоръ, позоръ!—беззвучно шептали старческія губы, въ то время какъ сердце старика замирало въ тоскѣ и отчаяніи.

Онъ просидѣлъ такъ нѣсколько минутъ.

Однако приходилось все-таки спасти хоть честь имени отъ позора суда... Надо достать деньги. Старикъ рѣшилъ все продать, что у него оставалось, а пока достать денегъ. Но гдѣ достать?

Въ это время кто-то тихо постучалъ въ дверь, и нѣжный голосъ Евдокіи проговорилъ:

— Позволите войти?

— Войдите!

Евдокія робко вошла въ кабинетъ.

Смущенная подошла она къ Сергѣю Александровичу и молча, съ особенною ласковою нѣжностью, поцѣловала его руку.

Кривскій взглянулъ въ ея глаза и почувствовалъ, что она все знаетъ.

Краска жгучаго стыда покрыла щеки самолюбиваго старика. Ему, родовитому потомку, сдѣлалось стыдно передъ этой скромной мужицкой дочерью, точно онъ чувствовалъ, что позоръ сына падалъ и на него.

Отрывисто и сухо спросилъ онъ, отворачиваясь:

— Здорова?

— Здорова!—тихо проговорила Евдокія, въ свою очередь избѣгая глядѣть на Сергѣя Александровича.

— Спасибо, что навѣстила... Присядь...

— Я на минуту. Я вѣдь къ вамъ по дѣлу!—улыбнулась она и снова сконфузилась.

Старикъ поднялъ глаза. Растерянный видъ невѣстки изумилъ Кривскаго.

— Я по порученію отъ Бориса Сергѣевича, — продолжала Евдокія:—онъ просилъ передать вамъ конвертъ! — торопливо окончила она.

Съ этими словами Евдокія положила на столъ конвертъ и стала-было прощаться, но Кривскій удержалъ ее.

— Подожди...

Сергѣй Александровичъ разорвалъ конвертъ. Тамъ лежалъ чекъ на полтораста тысячъ.

Благодарный, умиленный взглядъ старика съ любовью и тоской остановился на молодой женщинѣ. Онъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ и тихо проговорилъ:

— Зачѣмъ ты говоришь неправду? Это прислалъ не Борисъ, а даешь ты! Я все знаю. Спасибо! Ахъ, если бы у меня были дѣти, похожія на тебя,—проговорилъ старикъ, съ трудомъ выговаривая слова.

Евдокія стала прощаться.

Старикъ пожалъ ей руку и снова сказалъ:

— Благодарю, милая... Ты мнѣ сдѣлала большую услугу... Ты...

— Полноте, полноте, что̀ вы...

— Я возвращу тебѣ эти деньги...

— Не безпокойтесь!..—проговорила Евдокія и поспѣшила уйти.

Опять Евдокія, дочь мужика, къ которой съ такимъ презрѣніемъ относился прежде его превосходительство, первая пришла на помощь къ старику. Сынъ, родной сынъ, выказалъ себя такимъ безсердечнымъ, а она?

И какая нѣжная деликатность у этой мужицкой дочери!

«Неужели-жъ въ самомъ дѣлѣ наши дѣти... вырождаются?.. Неужели отъ нихъ уже нечего ждать!?»

Такія мысли бродили въ головѣ старика, когда онъ на время отвлекался отъ гнетущей мысли. Цѣлый день просидѣлъ онъ одинъ и ночь провелъ тревожно.

На слѣдующій день, когда камердинеръ подавалъ старику одѣваться, онъ изумленъ былъ видомъ его превосходительства. Кривскій совсѣмъ казался дряхлымъ старикомъ.

Сергѣй Александровичъ съ обычной тщательностью занялся своимъ туалетомъ. Когда, черезъ полчаса, онъ вышелъ изъ уборной, внося за собой душистую струйку въ кабинетъ, то былъ попрежнему изященъ въ своемъ длинномъ рединготѣ и попрежнему походилъ на безукоризненнаго джентльмена. Но только онъ значительно осунулся. Землистое лицо его было сурово, даже мрачно. Въ потухшемъ взорѣ уже не было прежняго блеска. Видно было, что старикъ окончательно подкошенъ, хотя онъ видимо старался подтянуться.

Онъ присѣлъ къ столу, взялъ-было газеты, но тотчасъ же оставилъ ихъ и отрывисто проговорилъ камердинеру:

— Попроси ко мнѣ Александра Сергѣевича.

Черезъ четверть часа въ кабинетъ вошелъ Шурка и словно внесъ съ собою въ мрачную комнату свѣтъ и радость. Такъ онъ былъ свѣжъ, веселъ, беззаботенъ и красивъ. Легкой, съ перевальцемъ, походкой подошелъ онъ къ отцу и хотѣлъ-было, по обыкновенію, поцѣловать его руку, но Кривскій брезгливо отдернулъ ее и проговорилъ:

— Не надо!

Шурка отступилъ назадъ.

Старикъ поднялъ на сына глаза и взглянулъ на него пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Шурка мгновенно прочелъ въ этомъ взглядѣ свой приговоръ. Онъ опустилъ глаза и вдругъ почувствовалъ, какъ дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Прошла секунда молчанія.

Старикъ все еще надѣялся, что *это* неправда, что *это* ошибка, но при взглядѣ на сына всякая надежда пропала.

«Онъ воръ!»—рѣшилъ старикъ.

— Запри всѣ двери!—отрывисто проговорилъ Кривскій.

Шурка послушно исполнилъ приказаніе.

— На ключъ!—прибавилъ старикъ.

Когда Шурка, смущенный, вернулся, старикъ медленно досталъ изъ стола записку, положилъ ее на край стола и, указывая на нее длиннымъ пальцемъ, проговорилъ тихо:

— Это твоя записка?

— Моя! — еле слышно отвѣтилъ Шурка и вдругъ, всхлипывая, бросился въ ноги, стараясь рукой обхватить колѣни отца.

Кривскій брезгливо отдернулъ ногу и съ презрѣніемъ сказалъ:

— Встань... Не унижайся...

Шурка поднялся.

— Я удивляюсь, что ты еще живъ!—чуть слышно проговорилъ старикъ:—но еще не поздно... Еще ты можешь смыть позоръ... Мертвые срама не имутъ... Не правда ли?

Въ послѣдней фразѣ звучала любовь.

При этихъ словахъ Шурка затрепеталъ, какъ пойманный щенокъ.

— Не можешь?.. Ты воръ и, кромѣ того, трусъ?..

— Простите... простите!..—лепеталъ Шурка.

Въ глазахъ его стоялъ тупой страхъ животнаго.

— И это Кривскій?.. Это слуга государства?.. О, Господи!

Сергѣй Александровичъ поникъ головой и наконецъ сказалъ:

— Я спасу честь имени... тебя судить не будутъ, но чтобы я тебя не видѣлъ больше никогда... Слышишь?..

— Я уѣду...

— Приготовь списокъ долговъ и отдай матери. Я заплачу все, ты будешь получать содержаніе отъ нея. Но чтобы мы больше не встрѣчались. Иди!

«Неужели такъ и отпустить? Отпустить совсѣмъ? А, можетъ-быть, онъ не такъ виноватъ»,—шептало сердце.

— Постой, еще одно слово: зачѣмъ ты сдѣлалъ это?

— Я проигралъ на честное слово.

— И ради того ты рѣшился украсть. Изъ-за тебя чуть не обвинили невиннаго, изъ-за тебя зарѣзался человѣкъ. И совѣсть не мучила тебя?

— Я не могъ не заплатить. Я далъ честное слово!—какъ-то тупо повторялъ Шурка.

«Господи! Да понимаетъ ли онъ, что говоритъ!»—пронеслось въ головѣ у отца, и онъ пристально посмотрѣлъ на сына.

Кажется, въ первый разъ онъ обратилъ вниманіе на эти глаза. Въ самомъ дѣлѣ, выпуклые, наглые, они поражали своимъ тупымъ взглядомъ. Въ нихъ не было никакого блеска мысли. Они, эти глаза, были какіе-то безсмысленные, животные.

Старикъ съ какимъ-то страхомъ отвернулся.

— Иди!—глухо повторилъ онъ.

Черезъ недѣлю Шурка былъ переведенъ въ Ташкентъ, а черезъ двѣ недѣли его превосходительство уѣхалъ за границу на неопредѣленное время, по случаю разстроеннаго здоровья. Его провожали: Евдокія и двѣ дочери. Больше никого не было. Старикъ просилъ жену и Бориса не безпокоиться.

XVIII.

Разрывъ.

Послѣ того какъ Борисъ Сергѣевичъ узналъ о перепискѣ, а Евдокія услыхала разговоръ мужа съ Сивковымъ, отношенія между мужемъ и женой сдѣлались еще холоднѣе и натянутѣе.

Борисъ ненавидѣлъ жену. Евдокія презирала мужа.

Они почти не встрѣчались, а встрѣчаясь за обѣдомъ, избѣгали разговоровъ. Впрочемъ, Борисъ Сергѣевичъ умѣлъ скрывать ненависть подъ маской изящной, холодной вѣжливости.

Хорошо обсудивъ положеніе, онъ рѣшилъ выжидать и не говорить ни съ женой ни съ Леонтьевымъ о той новости, которая такъ поразила его. Онъ тщательно слѣдилъ за перепиской, аккуратно прочитывая письма Никольскаго.

«Пускай, до чего-нибудь допишется!»—думалъ онъ, злобно посмѣиваясь.

Тѣмъ временемъ онъ поручилъ собрать справки о молодомъ человѣкѣ и написалъ своему пріятелю, губернатору той губерніи, гдѣ жилъ молодой человѣкъ, письмо, въ которомъ просилъ по-пріятельски обратить вниманіе на этого господина.

Принимая подобныя мѣры, Борисъ Сергѣевичъ разсчитывалъ, что онѣ, быть-можетъ, скорѣй спасутъ состояніе, чѣмъ объясненіе съ женой. Удаливъ Никольскаго, онъ образумитъ жену. Сама она не могла бы выдумать, по его мнѣнію, такой... такой «подлости»!

Леонтьевъ очень хорошо видѣлъ, что между супругами происходитъ что-то неладное. Онъ скорбѣлъ за свою Дуню, часто навѣщалъ ее и пробовалъ-было начинать объ этомъ разговоръ, но Евдокія какъ-то избѣгала разговоровъ. Но въ по-

слѣднее время Савва все чаще и чаще посѣщалъ Евдокію и какъ-то особенно нѣжно обращался съ ней. Сердце отца чувствовало, что любимица его очень несчастлива.

Приближалось время родовъ. Евдокія не выходила изъ дому, и Савва каждый день заѣзжалъ къ дочери.

Однажды онъ засталъ Евдокію въ слезахъ. По обыкновенію, она сидѣла одна у себя въ комнатѣ.

— Что съ тобой, Дуня?.. Что съ тобой, родная? — испуганно проговорилъ Савва, прижимая свою любимицу къ груди.—Ты никогда не скажешь... Все молчишь, точно сиротка безотвѣтная... Скажи?..

— Нѣтъ... ничего, папенька!..

— Какъ ничего?.. Всегда-то ты одна-одинешенька... Мужа, видно, дома нѣтъ?..

— Кажется...

— Дуня... Дунюшка... Прости меня... Вѣдь это я во всемъ виноватъ!.. Я тебѣ совѣтовалъ...

— Я сама виновата.

— Смекалъ, лучше будетъ...

— Я сама думала...

— Не любитъ онъ тебя?..

— И я его не люблю, папенька... Я совсѣмъ его не люблю... Онъ женился не на мнѣ, а на нашихъ деньгахъ...

Савва съ тоской глядѣлъ на Евдокію.

— Кто его зналъ? Если бы знать...

— Да развѣ я виню васъ, папенька!—какъ-то задумчиво проговорила Евдокія.—Тутъ никто не виноватъ кромѣ меня... Слишкомъ уже я мечтала тогда...

— Вотъ, дастъ Богъ, благополучно внука или внучку родишь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда, можетъ, дѣло обладится...

Евдокія отрицательно покачала головой.

— Что-жъ дѣлать-то ты будешь?

— Я съ нимъ не буду жить...

— Къ намъ жить пойдешь?.. Я всей душой, Дунюшка... Ужъ какъ за ребеночкомъ ходить буду!..—радостно воскликнулъ Савва.

— Нѣтъ, папенька, я и къ вамъ не пойду...—грустно улыбаясь, проговорила Евдокія.

— Не пойдешь? Куда-жъ пойдешь?

— Я сама по себѣ жить буду, папенька.

Савва замолчалъ и пріунылъ. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Какъ же одной-то тебѣ... А если ребенка мужъ не отдастъ?

— Вотъ это-то и печалитъ меня...

— Ты однако не горюй, Дуня,—проговорилъ Савва.—Если онъ не станетъ отдавать, скажи мнѣ... Я куплю у него ребенка... Онъ до денегъ падокъ... Продастъ!

Евдокія печально усмѣхнулась, обнимая отца. А Савва съ какою-то недоумѣвающей грустью смотрѣлъ на свою дочь, не понимая, отчего ей хочется жить «самой по себѣ»!..

И вспомнилъ онъ, какая всегда странная была эта Дуня, какая она съ молодыхъ лѣтъ была богомольщица и вырастала совсѣмъ непохожая на своего брата.

«Вся въ бабушку!—подумалъ Савва.—Спастись хочетъ!»—И стало ему удивительно жаль Дуню...

На то ли разсчитывалъ онъ?

А Евдокія, глядя на отца съ тѣми же самыми чувствами, съ какими отецъ глядѣлъ на нее, тоже раздумывала объ отцѣ и не могла понять, къ чему это онъ такъ дорожитъ богатствомъ и живетъ такою жизнью.

Они любили другъ друга и не понимали одинъ другого.

«Чудная!»—повторилъ про себя Савва.

«Бѣдный!»—пожалѣла про себя Евдокія.

— Послушайте, папенька,—наконецъ заговорила Евдокія:—я васъ буду просить...

— О чемъ, Дуня?..

— Если я умру... то деньги, которыя вы мнѣ дали, я отъ вашего имени отдамъ на доброе дѣло...

И Евдокія разсказала отцу о своемъ планѣ.

— Вы не разсердитесь за это... Вѣдь нѣтъ?..

Савва замѣтилъ, какъ загорался взглядъ Евдокіи, когда она говорила о своемъ планѣ.

— Зачѣмъ говорить, Дуня, о смерти. Что̀ ты? Не говори о смерти... Рано еще...

— На всякій случай... я только хотѣла бы знать: вы не разсердитесь, что я ваши деньги употреблю такъ, какъ сказала вамъ...

— Ахъ, ты, милое мое дитятко!—вдругъ произнесъ Савва подъ вліяніемъ сильнаго чувства.—Какъ же мнѣ сердиться?.. Деньги твои, дѣлай съ ними, что̀ хочешь... Ты и тутъ обо мнѣ вспомнила... Отъ моего имени...—повторялъ Савва.—Развѣ я не вижу, что ты безсребренница. Развѣ я не смекаю, что̀ ты за кроткая душа... Все-то ты раздашь другимъ, а сама...

— И сама тогда буду счастлива!—восторженно досказала Евдокія. — Такъ вы не разсердитесь?.. Я ужъ и завѣщаніе такое сдѣлала,—краснѣя, прибавила Евдокія.

— Мужъ знаетъ?

— Нѣтъ.

— Имѣлъ онъ съ тобой разговоръ о деньгахъ?

— Еще бы. Прежде онъ только о нихъ и говорилъ. Предлагалъ помѣстить ихъ лучше. Имѣніе купить совѣтовалъ.

— А ты?

— Я отказывала.

— То-то онъ и не любитъ тебя... Онъ добирался до денегъ... Ахъ, Дуня, какой нынче народъ!—проговорилъ Савва.

Евдокія взглянула на отца.

«А самъ отецъ?»—мелькнуло въ ея головѣ.

Леонтьевъ уѣхалъ отъ Евдокіи разстроенный. Когда на другой день онъ пріѣхалъ къ ней и встрѣтился съ Борисомъ Сергѣевичемъ, то имѣлъ съ нимъ объясненіе.

Онъ пояснилъ Кривскому, что жена постоянно одна.

Борисъ выслушалъ внимательно и сказалъ:

— Жена вамъ жаловалась?

— Нѣтъ... развѣ она станетъ жаловаться?.. Я такъ, самъ отъ себя...

— Такъ вы напрасно, Савва Лукичъ, готовы обвинять меня... Ваша дочь давно тяготится моимъ обществомъ!—усмѣхнулся Кривскій.—Она давно сторонится отъ меня и... ищетъ совѣтовъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало...

— Что это значитъ?.. Объяснитесь... Я не понимаю...

— Для нея совѣты господина Никольскаго несравненно вѣрнѣе совѣтовъ мужа. Она съ нимъ ведетъ переписку... У нихъ даже намѣреніе есть, очень благородное... раздать состояніе мужикамъ... Ваша дочь не говорила вамъ объ этомъ?.. Не посвятила васъ въ свои тайны?..

Кривскій ясно намекалъ, что жена его любитъ Никольскаго, но что онъ, Борисъ Сергѣевичъ, какъ порядочный человѣкъ, не хочетъ поднимать скандала, пока дѣло въ одной перепискѣ, о которой онъ случайно узналъ.

— Но если, Савва Лукичъ, ваша дочь не образумится, то я, конечно, не имѣя права требовать любви, во всякомъ случаѣ могу требовать уваженія и не позволю позорить свое имя...

Савва слушалъ и недоумѣвалъ.

— Я прошу васъ,—продолжалъ Кривскій: — не говорить пока ничего вашей дочери... Теперь она въ такомъ состояніи, что этотъ разговоръ можетъ ее разстроить, но послѣ я бы васъ очень просилъ серьезно поговорить съ ней. Я молчалъ, но вы начали, и я продолжалъ только.

— Позорить твое имя, сказалъ ты?—усмѣхнулся Савва, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.—Дуня ничьего имени опо-

зорить не можетъ... Ты бралъ ее, видѣлъ, какую бралъ... А что она тебѣ не отдаетъ денегъ...

Борисъ поблѣднѣлъ.

— О деньгахъ я не говорю... Мнѣ нѣтъ дѣла до денегъ вашей дочери.

— Эхъ, Борисъ Сергѣевичъ, напрасно ты съ нами родниться захотѣлъ... съ мужиками!.. право, напрасно... По вашему калиберу вамъ не надо было брать мужички... А вѣдь и у мужички душа-то божеская... губить-то ее не слѣдъ... Вѣдь жизнь-то Дунина видна... А если переписка, ты говоришь, такъ ты бы съ женой поговорилъ. Она тебѣ бы объяснила... Я знаю Петра Николаевича. Онъ человѣкъ честный.

— Очень даже!

— А Дуню напрасно ты хаешь. Она обманно ничего не сдѣлаетъ. У этой мужички душа открытая. Умный ты человѣкъ, Борисъ Сергѣевичъ, а человѣка кроткаго, видно, узнать не могъ...

Савва пошелъ къ дочери и завелъ съ ней разговоръ о Никольскомъ.

Евдокія вспыхнула и проговорила:

— Отчего вы о немъ заговорили?

— Такъ, вспомнилъ...

— Нѣтъ, не такъ, папенька... Вѣрно, мужъ говорилъ. Онъ давно мнѣ о Никольскомъ говоритъ... Совѣтовалъ не принимать его...

— Онъ, Дуня, жаловался насчетъ писемъ...

— Значитъ, Борисъ Сергѣевичъ и письма чужія читаетъ?.. Что-жъ, и это не удивительно... Вотъ эти письма... Читайте, если хотите.

Евдокія достала письма и подала ихъ отцу.

— Что ты, что ты?.. Чего мнѣ читать-то... Развѣ я не вѣрю тебѣ...

Савва такъ и не взялъ писемъ и только замѣтилъ:

— А ты бы ихъ запирала, глупенькая!

— И то... надо было запирать!—грустно проронила она.

Черезъ нѣсколько дней въ квартирѣ Бориса Сергѣевича собрались лучшіе доктора. Положеніе Евдокіи внушало серьезное опасеніе. Больная второй день страдала въ страшныхъ мученіяхъ, и рѣшено было прибѣгнуть къ серьезной операціи. Грустный сидѣлъ Савва въ кабинетѣ Евдокіи, рядомъ съ ея спальной. Оттуда раздавались отчаянные стоны, и тогда Савва вскакивалъ, подбѣгалъ къ дверямъ, снова отбѣгалъ и шепталъ слова молитвы. Мысль о потерѣ Дуни наполняла сердце

отца отчаяніемъ и скорбью. «О, Господи, не попусти этого!»— шептали его губы, и онъ далъ обѣтъ въ случаѣ ея выздоровленія построить церковь въ родномъ своемъ городѣ. Доктора только-что прошли въ спальню послѣ совѣщанія, бывшаго въ кабинетѣ у Бориса Сергѣевича...

— Она... будетъ жива?—спросилъ Савва, подбѣгая къ доктору, который былъ сзади.

Докторъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Мы сдѣлаемъ все, что̀ возможно...

Савва въ отчаяніи бросился на диванъ.

Въ спальнѣ суетилась Анна Петровна Кривская и выбѣгала оттуда въ кабинетъ къ сыну. Борисъ въ волненіи ходилъ по кабинету.

— Ну, что̀? — спрашивалъ онъ, останавливая взглядъ на матери.

— Сейчасъ будетъ операція... Ты не волнуйся, Борисъ.

— Я не волнуюсь... Очень она опасна?

— Доктора не говорятъ... Кажется...

«Оставила ли она завѣщаніе?»—мелькнула мысль у Бориса.

О томъ же подумала и мать и спросила сына:

— Ты, конечно, знаешь, бѣдная Евдокія распорядилась на случай...

— Ничего я не знаю!—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Борисъ.— Нашли время спрашивать!

Ея превосходительство снова хотѣла пройти въ спальню, но ее туда не пустили.

Кромѣ докторовъ и акушерки, при Евдокіи была старуха-бабушка, мать Саввы. Она второй день не отходила отъ внучки и ласково улыбалась своей любимицѣ, когда та поднимала на нее свой страдальческій взоръ... Она тихо шептала молитвы и какъ-то сурово глядѣла на докторовъ.

Доктора о чемъ-то шептались и наконецъ приступили къ дѣлу. Больную хлороформировали, и черезъ двѣ минуты въ спальнѣ воцарилась мертвая тишина.

У Саввы замерло сердце...

Вдругъ раздался мучительный крикъ. Онъ подскочилъ къ дверямъ и снова отскочилъ, не рѣшаясь войти.

Черезъ нѣсколько минутъ вышли доктора.

Савва не рѣшался спросить.

— Ваша дочь спасена!—проговорилъ одинъ изъ врачей:— но за то внукъ вашъ погибъ... Богъ дастъ, будетъ другой!— прибавилъ въ утѣшеніе докторъ.

Савва задрожалъ отъ радости.

Когда доктора вошли въ кабинетъ и сообщили радостное

извѣстіе Борису, то Борисъ пробовалъ-было обрадоваться, но, вмѣсто радостной улыбки, улыбка вышла какая-то кислая...

Евдокія медленно поправлялась, и старуха-бабушка, по ея просьбѣ, поселилась на это время у нея. Отецъ каждый день навѣщалъ дочь. Борисъ Сергѣевичъ совсѣмъ не показывался у жены.

Когда молодая женщина совсѣмъ поправилась, ей подали письмо. Письмо было отъ Прасковьи Ивановны и получено было недѣли двѣ тому назадъ. Въ этомъ письмѣ Прасковья Ивановна сообщала, что совершенно неожиданно Петръ Николаевичъ долженъ былъ уѣхать, и что она съ Колей въ скоромъ времени поѣдетъ къ нему. Отъ имени Петра Николаевича она сообщила Евдокіи самыя лучшія пожеланія.

Черезъ нѣсколько дней Евдокія написала письмо мужу, уѣхавшему въ провинцію на новое свое мѣсто, въ которомъ сообщала ему о своемъ намѣреніи оставить его навсегда. Борисъ Сергѣевичъ отвѣчалъ письменно, что онъ желалъ бы формальнаго развода. Когда Савва Лукичъ узналъ объ этомъ, то сказалъ дочери, чтобы она не безпокоилась—онъ устроитъ это дѣло.

Черезъ мѣсяцъ Евдокія уѣзжала изъ Петербурга въ деревню, покончивши давно задуманное дѣло.

Савва было-отговаривалъ ее, умолялъ поселиться у нихъ, но она не соглашалась на просьбы отца и матери. Одна бабушка-старуха не отговаривала внучку и, узнавши, что она отдала все свое состояніе, какъ-то особенно нѣжно цѣловала Евдокію, прощаясь съ ней, и все повторяла, что внучка сдѣлала угодное Богу.

А Савва, обнимая свою любимицу, говорилъ сквозь слезы:

— По крайней мѣрѣ, отца не забудь...

— Господи! Да развѣ я васъ не люблю?.. Развѣ вы не видите, какъ мнѣ тяжело разставаться, но я должна идти своей дорогой... Что будетъ, то будетъ!.. — какъ-то восторженно проговорила она.

Печальны были проводы Евдокіи. Особенно горевала больная мать и, прижимая къ себѣ Евдокію, все повторяла, что не увидитъ больше своей Дуни...

Дуня и сама не могла удержаться отъ слезъ и обѣщала скоро навѣстить своихъ.

Разнородныя чувства волновали молодую женщину, когда наконецъ поѣздъ увозилъ ее изъ Петербурга.

XIX.

Эпилогъ.

Прошелъ годъ.

Прелестное весеннее утро занялось надъ роскошнымъ уголкомъ южной Швейцаріи, живописно ютившимся у лазурныхъ водъ Лемана, подъ защитой нависшихъ надъ нимъ островерхихъ пушистыхъ альпійскихъ отроговъ.

Среди торжественной тишины и безмолвія распускавшагося утра, въ одномъ изъ балконовъ отеля тихо скрипнули двери, и на балконъ вышелъ въ сѣромъ полухалатѣ его превосходительство Сергѣй Александровичъ Кривскій.

Полной грудью вдыхалъ высокій старикъ чудный горный воздухъ, полный острой свѣжести и аромата, невольно любуясь съ высоты балкона открывшейся передъ нимъ картиной, ласкающей взоръ.

Длинными переливами всѣхъ цвѣтовъ радуги сверкали передъ нимъ горы. Подъ лучами подымавшагося солнца ослѣпительнымъ блескомъ сіяли бѣлоснѣжныя макушки высокихъ альпійскихъ «зубовъ», и между ними Dent de Midi сіялъ какъ-то особенно торжественно и ярко, прикрытый наполовину медленно ползущимъ вверхъ бѣло-молочнымъ облакомъ. Внизу, на склонѣ, лѣпился Монтре, а далѣе, еще ниже, среди яркой молодой листвы высокихъ тополей, акацій, платановъ и лавровъ, прорѣзываемой темной зеленью кипарисовъ, по голубому фону озера тянулась бѣлая лента домовъ, гостиницъ, пансіоновъ и виллъ, заканчиваясь темнымъ пятномъ мрачнаго Шильона, купавшагося въ водѣ. Гладь озера казалась сверху восхитительной голубой дымкой, нѣжно лизавшей высокія отвѣсныя подножія горъ противоположнаго берега, который въ прозрачной атмосферѣ казался совсѣмъ близкимъ.

Было какъ-то торжественно-тихо и безмолвно.

Его превосходительство задумчиво любовался утромъ и долго не могъ оторваться. Со всѣхъ сторонъ открывались новые виды, и глазъ невольно приковывался къ мягкимъ сочетаніямъ всевозможныхъ цвѣтовъ, являвшихся подъ золотистыми лучами ослѣпительнаго солнца, сверкающаго на высокомъ лазурномъ небосклонѣ.

Старикъ наконецъ ушелъ съ балкона и, по обыкновенію, присѣлъ къ столу оканчивать новую меморію, которую его превосходительство писалъ для спасенія Россіи.

На чужбинѣ, вдали отъ родины, его превосходительству еще яснѣе представилось, что Россія идетъ къ неминуемой гибели, и онъ все еще про себя таилъ надежду получить отъ

его свѣтлости короткую телеграмму: «Пріѣзжайте немедленно!» Время было горячее. Подымался призракъ восточной войны... Нужны опытные, дальновидные люди, способные подать совѣтъ, а онъ, онъ, какъ Прометей, прикованъ къ Альпамъ, всѣми забытый, переживавшій тяжелое личное горе, угрюмый, желчный, съ замираніемъ сердца читавшій новыя назначенія, появлявшіяся въ «Journal de S.-Pétersbourg».

Здѣсь, подъ чуднымъ небомъ, старикъ еще болѣе почувствовалъ свое сиротство. Онъ сердился и скорбѣлъ, что его не призываютъ. Одинъ намекъ, и онъ снова готовъ служить отечеству. Но намековъ не было, и старикъ, несмотря на то, что къ запискамъ его относились съ невниманіемъ, все-таки нѣсколько недѣль тому назадъ послалъ въ Петербургъ длинную записку для представленія его свѣтлости. Записку эту онъ послалъ при письмѣ къ своему пріятелю князю Z., въ которомъ просилъ князя разузнать, «какъ дуетъ въ Петербургѣ вѣтеръ». Въ этомъ письмѣ его превосходительство, между прочимъ, писалъ, что «время, которое мы переживаемъ, чревато послѣдствіями, и государственнымъ людямъ надо быть настороже, дабы не быть поставлену въ крайность. Нужно дѣйствовать очень осторожно и во всякомъ случаѣ не распускать вожжи подъ вліяніемъ патріотическаго одушевленія, такъ какъ въ противномъ случаѣ обстоятельства могутъ привести къ послѣдствіямъ, весьма для близорукихъ людей неожиданнымъ».

Подъ вліяніемъ событій передъ сербско-турецкой войной, старикъ думалъ, что Россія пойдетъ по пути слишкомъ быстрыхъ перемѣнъ, и счелъ долгомъ предупредить, объясняя не безъ дальновидности, что «освобожденіе народовъ весьма обоюдоострая затѣя, требующая искусныхъ кормчихъ для урегулированія возбужденныхъ надеждъ».

Князь Z. успокаивалъ старика и писалъ, чтобы его превосходительство не предавался опасеніямъ. Хотя «освобожденіе» и рѣшено, но оно вовсе не будетъ имѣть тѣхъ вліяющихъ послѣдствій, на которыя указываетъ его превосходительство. Все останется по-старому. Что же касается до записки, то она, при посредствѣ «извѣстной особы», была передана его свѣтлости, но, къ сожалѣнію, еще не прочитана. Впрочемъ, его свѣтлость изволилъ вспомнить о Сергѣѣ Александровичѣ и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ справлялся нѣсколько разъ о его здоровьѣ...

Горькая усмѣшка пробѣжала по его лицу, когда онъ прочитывалъ отвѣтъ.

«Бѣдная Россія!»—опять вздохнулъ онъ и въ тотъ же день

послѣ обѣда, въ обществѣ такихъ же двухъ отставныхъ стариковъ, какъ и онъ, прусскаго графа фонъ-Вельца и англійскаго лорда Брута, его превосходительство особенно горячо бесѣдовалъ по вопросамъ внутренней политики.

Названныя лица: прямой какъ палка, высокій, неуклюжій графъ Вельцъ, бывшій министръ, вздрагивавшій при имени Бисмарка, и добродушный краснощекій старикъ-лордъ, недовольный Биконсфильдомъ, составляли единственное общество, въ которомъ часа два въ день его превосходительство коротал свое время. Ни съ кѣмъ больше онъ не знакомился, а русскій языкъ какого-нибудь соотечественника заставлялъ его пугливо сторониться.

Цѣлый годъ уже прожилъ старикъ въ одиночествѣ, изрѣдка получая письма отъ дочерей. Ни съ женой ни съ Борисомъ онъ не переписывался и, узнавъ о разводѣ его, порадовался за Евдокію. О Шуркѣ старался не думать и гналъ отъ себя мысли о немъ, невольно закрадывавшіяся въ голову.

Послѣднія событія наложили на его превосходительство свою печать. Онъ одряхлѣлъ, совсѣмъ посѣдѣлъ и почти никогда не улыбался. Всегда безукоризненно одѣтый, съ спустившимся на лобъ локономъ, нѣсколько надменный и брезгливый, его превосходительство входилъ за общій столъ и садился между графомъ и лордомъ, обмѣнивался съ ними отрывистыми фразами за обѣдомъ о погодѣ, и только послѣ обѣда, когда три старика могли оставаться одни, они иногда вступали въ разговоръ, при чемъ прусскій графъ говорилъ о погибели Пруссіи, лордъ — о мерзостяхъ Биконсфильда, а его превосходительство съ сожалѣніемъ говорилъ, что въ Россіи нѣтъ опытныхъ и дальновидныхъ администраторовъ.

У всѣхъ у троихъ была сильно увеличена печень, и, усѣвшись въ отдаленіи отъ всѣхъ, они нерѣдко изливали другъ передъ другомъ жалобы за чашкою кофе на террасѣ...

Затѣмъ раскланивались, и каждый изъ нихъ шелъ въ одиночку на прогулку въ горы, продолжая скорбѣть о своемъ отечествѣ.

На другой день повторялось то же самое.

А дни, какъ нарочно, тянулись долго въ однообразіи прогулокъ, завтраковъ, обѣдовъ и критики внутренней и внѣшней политики.

Его превосходительство, хоть и убивалъ остающееся время сочиненіемъ записокъ и чтеніемъ газетъ, но все-таки тосковалъ...

Въ крайнемъ случаѣ онъ не отказался бы отъ дипломатической должности, размышлялъ не разъ старикъ.

Но съ сѣвера никакихъ утѣшительныхъ вѣстей не приходило. Напротивъ, газеты приносили все непріятныя извѣстія. Его замѣститель, «выскочка» и «проходимецъ», какъ называлъ Сергѣй Александровичъ господина Стрѣлкова, отличался и преуспѣвалъ, обнаруживая самую недюжинную энергію въ порученномъ ему управленіи. Его приказы по департаменту были категоричны и коротки. Реформы, предпринятыя имъ, тотчасъ же по вступленіи въ должность послѣ Кривскаго, имѣли цѣлью, какъ объясняли пояснительные циркуляры, «поднять духъ учрежденія». Замѣчательныя слова, сказанныя имъ при ревизіи чиновникамъ возбуждали восторгъ. Онъ сказалъ коротко, но ясно: «Господа, помните, что я не обладаю слабыми нервами, а потому совѣтую быть на высотѣ положенія. Теперь время, когда истинные слуги отечества должны быть съ желѣзными нервами. Такъ знайте, что у меня желѣзные нервы!»

Эти «желѣзные нервы», напомнивъ почему-то Бисмарка, произвели сильное впечатлѣніе, какъ писали его превосходительству, и репутація Стрѣлкова сильно поднялась послѣ этой рѣчи. Про него говорили, какъ про человѣка дѣлового и энергичнаго...

Кривскій только морщился, прочитывая эти извѣстія, и повторялъ:

— Бѣдная Россія!

Послѣ завтрака его превосходительство, по обыкновенію, обмѣнялся съ графомъ и лордомъ мнѣніями по поводу превосходной погоды и пошелъ гулять... Вернувшись съ прогулки—онъ нарочно тянулъ ее какъ можно долѣе—онъ нашелъ у себя на столѣ газеты и тотчасъ же сталъ пробѣгать правительственныя извѣстія.

— Вотъ какъ!—ядовито усмѣхнулся онъ.—И этотъ господинъ назначенъ администрировать!

При воспоминаніи объ этомъ «господинѣ» (старикъ прочелъ о назначеніи Евгенія Николаевича Никольскаго) облако тяжелаго воспоминанія легло на лицо Кривскаго. Заглохнувшая-было обида острой болью кольнула его въ сердце... Изъ груди его вырвался вздохъ при мысли о женѣ...

Онъ сталъ читать далѣе. Сегодня, какъ нарочно, газеты напоминали ему людей, которыхъ бы онъ хотѣлъ забыть.

Стрѣлковъ получилъ новую почетную награду, его личный врагъ князь Вяткинъ, старикъ, по мнѣнію Сергѣя Александровича, годный только для пуганія дѣтей, призванъ къ дѣламъ.

— Что они дѣлаютъ! Что они дѣлаютъ!

Но вотъ Сергѣй Александровичъ переворачиваетъ страницу и читаетъ реляцію о какомъ-то дѣлѣ на далекой окраинѣ. Ему попадается на глаза имя Кривскаго, и въ глазахъ старика мелькаетъ удовольствіе. Онъ читаетъ о личной храбрости сына, о томъ, какъ храбро Шурка врѣзался въ скопище и способствовалъ окончательному пораженію. Шурка являлся героемъ дня. Блестящія награды вознаградили подвигъ.

Старикъ какъ-то весь размякъ и еще разъ сталъ читать длинную реляцію.

— Молодецъ, молодецъ!—повторилъ онъ, и когда кончилъ, то вытеръ невольно навернувшіяся слезы.

Наступилъ августъ мѣсяцъ. Прелестный уголокъ оживился. Множество больныхъ и здоровыхъ стекалось къ этимъ благодатнымъ мѣстамъ. На улицахъ замелькали новыя лица. Нерѣдко раздавалась русская рѣчь.

Однажды его превосходительство, свершая послѣобѣденную прогулку, далеко забрелъ въ горы и, спустившись къ Шильону, тихо шелъ по дорогѣ къ Монтре. Навстрѣчу ему тихо подвигались два всадника.

Взрывы веселаго хохота и обрывки русскихъ фразъ заставили Кривскаго поднять голову.

Его поразилъ этотъ смѣхъ. Что-то знакомое, близкое послышалось въ звукахъ громкаго голоса.

Онъ пристально взглянулъ на всадниковъ, прищуриваясь подъ свѣтомъ заходящаго солнца, опять взглянулъ—и вдругъ сердце его забилось сильнѣй, ноги задрожали.

Въ блестящемъ, румяномъ, смѣющемся молодомъ человѣкѣ онъ узналъ Шурку, а въ амазонкѣ, ѣхавшей рядомъ, прелестную малютку Валентину.

Они ѣхали шагомъ, тихо подвигаясь навстрѣчу, красивые, веселые и сіяющіе.

Старикъ остановился, отвернувшись къ озеру.

Всадники проѣзжали мимо.

— Ну, Шурка, довольно говорить глупости!—громко смѣясь, проговорила Валентина.—Догоняй!

Всадники поскакали.

Старикъ взглянулъ имъ вслѣдъ и, ниже опустивъ голову, тихо побрелъ по дорогѣ.

— Что за прелестная парочка!—воскликнулъ по-русски одинъ изъ двоихъ господъ, обгонявшихъ старика.

— Вы развѣ не знаете ихъ?—смѣясь отвѣтилъ другой.

— Кто такіе?

— Русскіе: Шурка Кривскій и извѣстная кокотка Трамбецкая.

— Кривскій, недавно отличившійся?

— Да. Извѣстный Шурка Кривскій. Тотъ самый, который, какъ говорятъ, укралъ деньги у Гуляева. Помните дѣло Трамбецкаго?

— Не можетъ быть!

— Говорятъ. Разумѣется, дѣло замяли, благодаря отцу, и Шурка уѣхалъ внезапно въ Ташкентъ. Недавно опять вернулся героемъ и сдѣлался «артюромъ» у Трамбецкой. Она влюбилась въ него какъ кошка, бросила своего старика и съ Шуркой уѣхала за границу. Я ихъ встрѣтилъ мѣсяцъ тому назадъ въ Парижѣ. Они вели безумную жизнь...

— Хорошъ гусь. А гдѣ отецъ?

— Гдѣ-то злобствуетъ за границей.

Старикъ пошелъ еще тише. Съ трудомъ поднялся онъ въ гостиницу и въ тотъ же вечеръ приказалъ подать себѣ счетъ.

Рано утромъ на другой день онъ уѣхалъ изъ Монтре въ сѣверную Швейцарію и поселился въ одномъ изъ мало посѣщаемыхъ туристами мѣстечекъ.

Зимой онъ переѣхалъ въ Палермо и тамъ, одинокій, угрюмый и недовольный, все еще имѣлъ надежду, что его призовутъ спасать Россію, но его не призывали, такъ какъ и безъ его превосходительства было кому спасать отечество.

Зимнія томительныя сумерки спустились надъ маленькимъ захолустнымъ городкомъ пустыннаго дальняго Сѣвера...

Въ это время старая наша знакомая Прасковья Ивановна торопливо шла по безлюдной улицѣ съ почты, неся въ рукахъ пачку газетъ. Она дошла до края города, гдѣ пріютился маленькій домикъ, отворила двери и весело крикнула:

— Газеты принесла!

Изъ сосѣдней комнаты выскочили Никольскій и Коля. Они помогли старушкѣ раздѣться, и черезъ нѣсколько минутъ вся компанія сидѣла за столомъ.

Петръ Николаевичъ читалъ вслухъ. Прасковья Ивановна и Коля внимательно слушали. Но вдругъ Никольскій остановился. Прасковья Ивановна взглянула на племянника. Лицо его начинало подергиваться мелкими судорогами, углы рта опустились книзу, брови приподнялись, и страданіе исказило его черты...

— Петя... Что̀ такое... Что̀ съ тобой?...—испуганно произнесла она.

Но онъ не отвѣчалъ и молча кивнулъ на газету.

Прасковья Ивановна взяла нумеръ и медленно прочитала слѣдующее извѣстіе:

«Въ Н.... госпиталѣ скончалась отъ госпитальнаго тифа сестра милосердія Евдокія Саввишна Леонтьева. Это была одна изъ тѣхъ самоотверженныхъ женщинъ, которыхъ нельзя вспомнить безъ благоговѣнія».

Прасковья Ивановна не могла окончить. Слезы душили ее.

— Бѣдняжка... Она таки-сдержала свое слово!..—проговорила старушка.

Никольскій вышелъ изъ дому и долго бродилъ по улицамъ. Поздно вернулся онъ, присѣлъ къ столу и сталъ перечитывать письма покойной.

— Зачѣмъ я отсовѣтовалъ ей ѣхать сюда... Зачѣмъ?—повторялъ онъ въ какомъ-то безумномъ отчаяніи.—А она такъ хотѣла!.. Зачѣмъ я скрывалъ отъ нея свою горячую любовь?.. Къ чему?..—шепталъ онъ, ломая руки.

Никольскій опустилъ голову и тихо заплакалъ, покрывая поцѣлуями письма женщины, такъ рано погибшей.

Когда вѣсть о смерти Евдокіи дошла до Саввы, то горю его не было границъ. Онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Сербію и перевезъ прахъ своей любимицы въ Россію... Долго еще не могъ забыть онъ своей «Дуни» и въ память ея выстроилъ церковь въ томъ городѣ, гдѣ родилась Евдокія. На украшеніе церкви онъ потратилъ сумасшедшія деньги. Онъ не жалѣлъ ихъ, тѣмъ болѣе, что въ виду у него было новое предпріятіе, при помощи котораго онъ собирался, по его выраженію, «огрѣть казну».

Старуха-бабушка, извѣстившись о смерти внучки, сказала Саввѣ своимъ пророческимъ голосомъ:

— Это она за твои грѣхи крестъ приняла, голубушка! Теперь есть у тебя, недостойнаго, предстательница передъ Господомъ... Опомнись же, Савва... Подумай о Богѣ! Брось всѣ дѣла, перестань людей грабить!—сурово предостерегала старушка.

Въ первыя минуты отчаянія и горя Савва обѣщалъ-было матери «бросить все».

Но развѣ дѣятельная его натура могла успокоиться?

Савва снова работалъ надъ какой-нибудь новой, особенно остроумной комбинаціей, снова бесѣдовалъ по душѣ съ Егоромъ Ѳомичемъ, съ писарьками и съ генералами, снова выискивалъ разныхъ «дамочекъ» или утиралъ носъ «Хрисашкѣ», вырывая у него изъ-подъ носа новый кусъ съ алчностью ненасытнаго волка, пользуясь общимъ почетомъ и уваженіемъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

I.

Онъ торопливо вышелъ изъ вагона третьяго класса, этотъ заспанный, смуглолицый, мѣшковатый молодой человѣкъ съ небольшой шелковистой бородкой, въ неказистомъ сѣромъ макферланѣ, и, щуря свои большіе, лучистые черные глаза, на секунду пріостановился, любопытно озираясь вокругъ, и затѣмъ рѣшительно двинулся въ толпу пассажировъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ съ утреннимъ московскимъ поѣздомъ въ августѣ 188* года.

И костюмъ, и манеры, и нѣсколько растерянный видъ — обличали провинціала. Онъ былъ средняго роста, плечистъ, плотенъ, очень недуренъ собой, и въ своей потертой «сомбреро», изъ-подъ которой выбивались славные черные кудри, сильно смахивалъ на итальянца, хотя ни одного итальянца въ числѣ своихъ предковъ не считалъ и былъ коренного русскаго происхожденія.

Звали его Павломъ Стрепетовымъ.

Молодой человѣкъ медленно подвигался въ многолюдной толпѣ, и на его широкомъ румяномъ лицѣ, дышавшемъ здоровою свѣжестью ранней молодости, отражалось чувство радости и смущенія. Ему было и весело и жутко, что онъ наконецъ въ Петербургѣ, куда стремился, полный надеждъ, устроить свою судьбу. И пока глаза его машинально останавливались на спинахъ и затылкахъ тѣснившихся передъ нимъ людей, въ головѣ нашего молодого человѣка проносились все тѣ же мысли, которыя не оставляли его во все время длиннаго путешествія изъ Самары, откуда, ровно десять дней тому назадъ, старушка-мать и подростки-сестры провожали своего любимца Павлика со слезами и съ надеждами, что Павликъ скоро порадуетъ ихъ вѣстями о полученіи мѣста.

«...Разумѣется, онъ скоро получитъ мѣсто. Гдѣ же и хлопотать, какъ не въ Петербургѣ? Требованія вѣдь у него

скромныя, мечты незаносчивыя. У него, слава Богу, дипломъ, въ прошломъ никакихъ «исторій» — и вдобавокъ рекомендательныя письма!..»

И Стрепетовъ нащупалъ боковой карманъ, цѣлы ли эти сокровища.

«...Письма чего-нибудь да стоятъ! Сейчасъ видно, что не съ вѣтра человѣкъ. И наконецъ эта двоюродная тетушка, Валентина Марковна!.. Въ случаѣ крайности, можно и къ ней обратиться,—пусть похлопочетъ...»

Вѣроятно, подъ вліяніемъ такихъ утѣшительныхъ мыслей, молодой человѣкъ даже ускорилъ шаги и отважно проталкивался впередъ, словно закипая нетерпѣніемъ поскорѣе предъявить Петербургу рекомендательныя письма вмѣстѣ со своей особой, преисполненной добрыми намѣреніями приложить куда-нибудь молодыя силы и завоевать себѣ кусокъ хлѣба.

Стрепетовъ былъ почти уже у дверей, гдѣ особенно тѣснилась публика, какъ вдругъ остановился съ видомъ человѣка, не то пораженнаго внезапной мыслью, не то обронившаго бумажникъ съ деньгами. Не особенно обращая вниманіе на толчки, онъ повернулъ голову и искалъ глазами кого-то въ толпѣ, напиравшей сзади.

— Нашли мѣсто для наблюденій, нечего сказать! Да проходите же куда-нибудь, милостивый государь! — проговорилъ надъ самымъ его ухомъ какой-то пожилой господинъ тѣмъ придирчивымъ, раздражительнымъ тономъ, какимъ умѣютъ говорить петербуржцы и особенно чиновники.

«Милостивый государь» стремительно бросился въ сторону и чуть-было не сшибъ съ ногъ маленькую, толстенькую старушку съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ одной рукѣ и кудрявой собачонкой въ красной попонѣ—на другой. Получивъ, несмотря на самыя добросовѣстныя извиненія, брюзгливое старушечье: «невѣжа!», Стрепетовъ выбрался наконецъ изъ толпы и, раскраснѣвшійся и сконфуженный, стараясь однако сохранить видъ полнѣйшаго равнодушія, вытянулъ впередъ голову, вглядываясь въ проходящихъ пассажировъ.

Вдругъ радостная улыбка разлилась широкой волной по его лицу, засвѣтилась чѣмъ-то дѣтскимъ въ глазахъ и добродушно растянула ротъ, открывая рядъ сверкающихъ бѣлизною зубовъ. И въ то же мгновеніе молодой человѣкъ громко, слишкомъ даже громко для чиннаго Петербурга, крикнулъ, махая въ толпу шляпой:

— Римма Михайловна! Римма Михайловна!

Проходившій мимо высокій, худой, франтоватый молодой

человѣкъ, въ полосатомъ длиннополомъ пальто-халатѣ съ многочисленными пелеринками, даже вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго окрика. Онъ смѣрилъ Стрепетова быстрымъ насмѣшливымъ взглядомъ черезъ монокль, усмѣхнулся и довольно громко проговорилъ, обращаясь къ своему спутнику:

— Голосиста святая провинція. Вѣрно, новый пѣвчій. Теноръ di forza!

«Провинція», не думавшая поступать въ «пѣвчіе», хотя и вспыхнула, но не обратила вниманія на насмѣшку, торопясь навстрѣчу къ стройной, небольшого роста молодой женщинѣ, которая плывущей, граціозной походкой, нѣсколько удивленная и сконфуженная, шла къ молодому человѣку.

«Волнуясь и спѣша», Стрепетовъ сталъ извиняться, что осмѣлился такъ безцеремонно окликнуть Римму Михайловну. Но онъ не видалъ другого исхода, чтобы не оказаться въ ея мнѣніи невѣжей. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ ѣхали десять дней, она такъ дружески обходилась съ нимъ, познакомившись на пароходѣ, такъ обязательно отвѣчала на его безконечные разспросы о Петербургѣ, а онъ даже не поблагодарилъ ее, не простился. Что̀ она могла о немъ подумать? Дѣло въ томъ, что онъ проспалъ Петербургъ, выскочилъ изъ вагона какъ полоумный и...

— Да вы не извиняйтесь. Право, я ничего не подумала!— остановила Стрепетова Римма Михайловна, глядя съ невольной улыбкой на этого наивнаго степняка, вздумавшаго изливать чувства признательности на платформѣ.

Но, къ качествѣ «святой провинціи», Стрепетовъ не принялъ въ соображеніе, что его дорожная спутница торопится, и не сразу остановился въ своихъ изліяніяхъ. Ему впервые довелось познакомиться съ петербургской слушательницей медицинскихъ курсовъ, оканчивающей ученье. Восхищенный ея простотой и скромностью, тронутый заботливостью, съ какою эта дѣвушка, сама утомленная, возилась на пароходѣ съ захворавшимъ ребенкомъ палубной пассажирки, Стрепетовъ проникся къ дѣвушкѣ почтительной восторженностью, стараясь оказывать ей всякія услуги, и потому считалъ теперь своимъ «святымъ долгомъ» еще разъ засвидѣтельствовать, что онъ не невѣжа, какъ должна была бы подумать Римма Михайловна, и затѣмъ уже воскликнулъ, нѣсколько умѣряя, въ виду публики, свой звучный теноръ di forza:

— Отъ всего сердца желаю вамъ сдѣлаться знаменитымъ докторомъ, быть счастливой, здоровой, веселой... Ну, однимъ словомъ, всего, всего хорошаго! — съ искреннимъ чувствомъ прибавилъ Стрепетовъ, не зная, чего еще пожелать, но, оче-

видно, готовый пожелать Риммѣ Михайловнѣ хоть корону, если бы она захотѣла ее.

Римма Михайловна даже нѣсколько сконфузилась отъ такой горячности пожеланій своего дорожнаго спутника.

— Спасибо, спасибо вамъ! — торопливо отвѣчала она тихимъ, необыкновенно мягкимъ голосомъ, съ контральтовыми нотами.—Желаю и вамъ успѣховъ въ Питерѣ! Здоровья вамъ, кажется, желать нечего? У васъ его довольно! — привѣтно улыбнулась она, протягивая маленькую руку въ темной шведской перчаткѣ.—Однако пойдемте!

Они пошли вмѣстѣ къ выходу. Дорогой Стрепетовъ спросилъ:

— А васъ такъ и не встрѣтили? Вы, кажется, ждали кого-то, Римма Михайловна?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Римма Михайловна встрепенулась, слегка покраснѣла, и губа ея, подернутая темнымъ пушкомъ, судорожно вздрогнула.

— Вѣрно, моя телеграмма опоздала! — проронила она нѣсколько словъ, наклоняя свою маленькую, красиво посаженную голову.

— Да вѣдь вы ее вчера послали!—продолжалъ Стрепетовъ, не замѣтившій волненія Риммы Михайловны.

— Такъ что-жъ? Все равно могла опоздать!—нетерпѣливо проговорила дѣвушка, прибавляя шагу.

Молодой человѣкъ догадался замолчать.

Они вошли въ большія сѣни у выхода съ дебаркадера и смѣшались съ толпой.

Тамъ, въ ожиданіи багажа, шла обычная шумливая суета

Поминутно раздавались безпокойные окрики, торопливыя, отрывистыя восклицанія, то гнѣвныя, то испуганныя, всѣхъ этихъ волнующихся пассажировъ, въ особенности дамъ, безтолково метавшихся и спѣшившихъ словно на пожаръ.

Ловко лавируя въ толпѣ и прося поберечься, то-и-дѣло сновали коренастые носильщики съ большими чемоданами и сундуками на могучихъ плечахъ, а выстроившіеся въ рядъ отельные швейцары, галантно приподнимая свои фуражки, выкрикивали въ упоръ проходящимъ названія гостиницъ, выхваливая ихъ удобства.

Пассажировъ съ этимъ поѣздомъ пріѣхало множество. Особенно было много отцовъ и маменекъ съ подростками и молодыхъ людей и барышень, наѣзжающихъ въ столицу ко времени пріемныхъ экзаменовъ. Вся эта, нахлынувшая изъ разныхъ угловъ Россіи, молодая, шумливая публика, съ румяными, свѣжими щеками, рѣзко выдѣлявшимися среди исто-

щенныхъ, блѣдно-зеленыхъ петербургскихъ лицъ, пріѣхавшая въ Петербургъ, полная надеждъ пробраться въ тѣсныя двери разныхъ храмовъ науки, глядѣла бодро и весело, не предвидя еще ни грядущихъ бѣдъ и разочарованій изъ-за какой-нибудь одной «тройки», ни скорой потери свѣжаго цвѣта лица, здоровья и часто самой надежды добиться высшаго образованія и куска хлѣба...

На этомъ небольшомъ пространствѣ случайнаго сборища жизнь проявлялась въ своихъ обычныхъ поразительныхъ контрастахъ, не обращая на себя ничьего особеннаго вниманія. Тутъ—сцена радостнаго свиданія счастливыхъ молодыхъ супруговъ, веселье, улыбки и смѣхъ, а рядомъ — печальныя лица, глубокій трауръ, молчаливая скорбь и тихо льющіяся слезы при встрѣчѣ. Неизбѣжная на вокзалѣ почтенная старушка, только-что потерявшая саквояжъ, гдѣ лежали деньги, и которая съ обезумѣвшимъ отъ ужаса лицомъ безпомощно мечется во всѣ стороны, удивляясь всеобщему равнодушію, конечно, была тутъ, дополняя обычную картину, такъ же, какъ и вотъ этотъ непомѣрно-толстый и неуклюжій купчина съ обличьемъ захолустнаго «медвѣдя», неожиданно попавшаго въ толпу, который, смущенно озираясь вокругъ тупымъ взоромъ, еще разъ прощается съ подкрашенной, пестрой, вертлявой дамой подержаннаго вида, своей случайной знакомой между Петербургомъ и Москвой, развлекавшей богатаго сибирскаго «медвѣдя» въ уединеніи отдѣльнаго купе.

Эта разнообразная толпа волнуется, шумитъ и суетится. У многихъ на лицахъ озабоченность, нетерпѣніе и то выраженіе безпричиннаго тупого испуга, которое обыкновенно бываетъ на физіономіяхъ русскихъ людей во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и на всякихъ сборищахъ.

Римма Михайловна послала носильщика за своимъ багажомъ, а сама отошла къ окну. Грустная стояла она среди этого шума, бросая по временамъ въ толпу безпокойные взгляды, словно поджидая кого-то.

Вся ея небольшая, стройная фигурка дышала изяществомъ и застѣнчивой простотой мало думающихъ о себѣ женщинъ. Ея худощавое, нѣсколько утомленное лицо съ густыми черными бровями, красивымъ носомъ и тонко очерченными линіями губъ и подбородка не бросалось сразу въ глаза, но чѣмъ болѣе вы въ него вглядывались, тѣмъ милѣе и привлекательнѣе становилась его красота. Что-то строго-цѣломудренное, самоотверженное и кроткое, напоминающее лица монахинь, какими писали ихъ старые мастера, было въ мягкихъ,

красивыхъ чертахъ дѣвушки и особенно въ выраженіи ея большихъ бархатныхъ черныхъ глазъ, полуприкрытыхъ длинными густыми рѣсницами. Трудно было опредѣлить на видъ, сколько ей лѣтъ: могло быть и двадцать пять, могло быть и значительно больше.

И въ костюмѣ ея было что-то монастырское, строгое, но въ то же время полное вкуса и изящной простоты. Темное, наглухо застегнутое пальто плотно обхватывало ея гибкій, нѣжный станъ; черная кашемировая юбка оставляла открытыми маленькія ноги въ ботинкахъ на двойной подошвѣ; бѣлоснѣжный фуляръ окутывалъ ея шею, а круглая шляпа изъ черной соломы, съ черной лентой вокругъ, покрывала роскошные черные волосы, судя по тяжелымъ густымъ косамъ, собраннымъ сзади.

— Что же вы не нанимаете комнаты?—сказала Римма Михайловна, замѣтивъ снова подлѣ себя Стрепетова, робко посматривавшаго на стоявшихъ невдалекѣ многочисленныхъ представителей меблированныхъ комнатъ, которые, словно собаки, бросались на пассажировъ, выхваляя свои удобные, превосходные и дешевые номера.

— Да не знаю, кому изъ этихъ разбойниковъ вручить свою судьбу!

— Все равно. Пока остановитесь гдѣ-нибудь, а потомъ пріищите комнату отъ жильцовъ, какъ я вамъ говорила. А вашъ багажъ?

— Я еще не взялъ.

— Такъ берите. Въ той залѣ выдаютъ. Вотъ и мой чемоданъ! — обрадовалась Римма Михайловна, замѣтивъ носильщика. — Еще разъ прощайте, Павелъ Сергѣевичъ!

— Неужто такъ и конецъ нашему знакомству, Римма Михайловна?—неожиданно воскликнулъ молодой человѣкъ.

И, не выждавъ отвѣта, прибавилъ:

— Простите мою назойливость, позвольте какъ-нибудь навѣстить васъ. Можно? У меня вѣдь здѣсь ни души знакомыхъ! — прибавилъ онъ какъ бы въ оправданіе своей просьбы.

Римма Михайловна мгновеніе колебалась. Но, взглянувъ на сконфуженное лицо Стрепетова, который, казалось, самъ испугался своей храбрости, торопливо проговорила:

— Заходите, заходите, пожалуйста. Но только я васъ должна предупредить, что зимой у меня экзамены, и я буду очень занята! — серьезно и внушительно прибавила дѣвушка.

— О, я вамъ не помѣшаю! — воскликнулъ молодой человѣкъ, видимо обрадованный.—Я какъ-нибудь забѣгу къ вамъ

на четверть часа, всего на четверть часа, если позволите. А коли не во-время, вы только заикнитесь: «Стрепетовъ, исчезните!»—и я исчезну.

Римма Михайловна невольно улыбнулась, слушая эти слова и глядя на это жизнерадостное, красивое лицо, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью непотраченныхъ силъ и какой-то наивной восторженностью довѣрчивой души, полной надеждъ и жаждущей счастья. Она сказала Стрепетову свой адресъ, прибавивъ, что по воскресеньямъ вечеромъ бываетъ свободна.

И Стрепетовъ порывисто благодарилъ, точно ему сдѣлали величайшую услугу.

II.

— А я-то васъ вездѣ ищу, Римма Михайловна! —совсѣмъ неожиданно раздались около нихъ звуки мягкаго, нѣжнаго баритона, и высокій, плотный, представительный господинъ лѣтъ за тридцать, гладкій, чистый и свѣжій, какъ и безукоризненный его лѣтній костюмъ, дружески протягивалъ дѣвушкѣ руку.

Онъ мелькомъ взглянулъ на отошедшаго молодого человѣка и продолжалъ:

— Чуть-было, благодаря извозчику, не опоздалъ. Отвратительно везъ. Да какъ же вы поправились, Римма Михайловна! Совсѣмъ расцвѣли, право! Кумысъ оживилъ васъ! — говорилъ онъ тѣмъ же мягкимъ, ласковымъ тономъ, вглядываясь съ улыбкой въ лицо дѣвушки и тихо выпуская ея вздрагивавшую руку. — Давайте-ка ваши доспѣхи! — И онъ принялъ изъ рукъ Риммы Михайловны саквояжъ и зонтикъ.—Чемоданъ одинъ? А какой, братецъ, у тебя нумеръ?— обратился онъ къ носильщику. — Девятнадцатый? Отлично! Ну, какъ вы проводили время въ степи? Зубрили и тамъ?— продолжалъ онъ, ласково улыбаясь. — А Вѣнецкая не могла пріѣхать. Я показывалъ ей вчера вашу телеграмму. Сегодня у нихъ въ больницѣ операція, и она, разумѣется, не могла лишить себя такого удовольствія.

Первую минуту Римма Михайловна, казалось, не слыхала, что ей говорятъ, о чемъ спрашиваютъ. Смущенная, глядѣла она на этого господина долгимъ, неотрывающимся взглядомъ, и яркая краска тихо заливала ея щеки, а большіе глаза загорались блескомъ счастія.

Смущеніе длилось нѣсколько секундъ. Она вдругъ какъ-то вся ушла въ себя, отвела глаза и поспѣшила отвѣчать на вопросы.

Она чувствуетъ себя отлично, кумысъ ее поправилъ; работала мало, больше читала,—говорила Римма Михайловна, повидимому, спокойно, но гдѣ-то далеко въ груди дрожала нотка, обличавшая душевное волненіе.

Стрепетовъ, стоявшій въ сторонѣ, былъ невольнымъ свидѣтелемъ перваго момента этой встрѣчи, и его поразила перемѣна, происшедшая съ Риммой Михайловной. Такою онъ ее не видалъ. Она точно преобразилась: помолодѣла, похорошѣла, оживилась. И только теперь, въ первый разъ, нашъ молодой человѣкъ замѣтилъ, что его дорожная спутница очень недурна собой и вовсе не старая дѣва, какъ она себя называла и какою сперва казалась Стрепетову.

«Она положительно красива!» —мысленно повторялъ молодой человѣкъ, любуясь Риммой Михайловной.

Ему даже стало обидно, что этотъ благоухающій, представительный блондинъ, съ свѣтло-русой выхоленной бородой и голубыми глазами, повидимому, не такъ былъ обрадованъ встрѣчей, какъ обрадована была Римма Михайловна. Ему казалось, что во взглядѣ блондина, мягкомъ и ласковомъ, совсѣмъ не было того трепета радостнаго счастья, который охватилъ все существо дѣвушки въ первый моментъ свиданія.

«И на извозчика жаловался. И нумеръ не забылъ спросить у носильщика. Какой аккуратный!» — почему-то вспомнилъ Стрепетовъ и сдѣлалъ мысленную оцѣнку, далеко не благопріятную для блондина, стараясь надѣлить его всѣми отрицательными качествами.

«Такъ вотъ кому посылала она телеграмму и кого такъ ждала! А онъ чуть не опоздалъ!» — подумалъ молодой человѣкъ, обиженный за дѣвушку и положительно не взлюбившій красиваго блондина.

Онъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ. Но ихъ уже не было.

«Чудная дѣвушка!»—восторженно прошепталъ молодой человѣкъ, чувствуя себя теперь еще болѣе одинокимъ среди шумной толпы, и записалъ ея адресъ въ свою записную книжку.

III.

— Вамъ требуется комната, господинъ?

Съ этими словами, произнесенными почти шопотомъ, къ Стрепетову обратился низенькій, бѣлобрысый старичокъ въ лѣтней коломянковой парѣ, прикладывая два пальца къ козырьку фуражки, на околышѣ которой красовалась мѣдная бляха съ надписью: «Меблированныя комнаты».

Съ таинственнымъ видомъ, словно собираясь сообщить необыкновенно важный секретъ, этотъ старичокъ, напоминавшій гладко выбритымъ птичьимъ лицомъ и всей своей повадкой прежняго двороваго, выдрессированнаго столицей, продолжалъ тѣмъ же конфиденціальнымъ тономъ:

— Могу отрекомендовать вамъ, господинъ, у себя преотличный номерокъ... Самъ хозяинъ... Прихожу самолично встрѣчать путешественниковъ... Ипатъ Никитичъ Лукачевъ!—отрекомендовался онъ, снова прикладываясь подъ козырекъ и оглядывая маленькими юркими глазками и самого Стрепетова и ручной его багажъ, съ видомъ опытнаго цѣнителя и людей и ихъ имущества.

И, не дожидаясь согласія, онъ уже протягивалъ руку за чемоданомъ.

— А гдѣ ваши номера?

— Мои номера?—переспросилъ онъ тономъ удивленія, что не знаютъ его номеровъ.—Рукой подать, на Лиговкѣ, близъ Невскаго... Не изволите знать-съ? Въ первый разъ посѣщаете нашу столицу?

— Въ первый.

Этотъ отвѣтъ произвелъ, повидимому, на господина Лукачева весьма пріятное впечатлѣніе, и онъ съ большимъ оживленіемъ продолжалъ:

— Такъ доложу вамъ, господинъ, мои номера, чтобъ не соврать, этакъ шагахъ во ста отъ вокзала, сейчасъ за мостомъ. Извозчикъ—и въ карманѣ-съ! А мѣсто хорошее, бойкое мѣсто... Невскій—плюнуть! Конки—куда угодно-съ!.. Пожалуйте чемоданчикъ?

— У васъ, быть-можетъ, дорогіе номера, а мнѣ бы недорогую комнатку!—все еще не рѣшался Стрепетовъ, напуганный разсказами о дороговизнѣ въ столицѣ.

— Зачѣмъ дорогую!.. Дорогихъ номеровъ, признаться, господинъ, я и не держу, по причинѣ, что мое гарни, прямо сказать, семейное, болѣе для скромнаго и образованнаго путешественника, а не то чтобы для какихъ-нибудь капиталистовъ... Семьдесять пять копеекъ въ сутки, съ самоваромъ, а ежели помѣсячно, такъ очень даже сходно сойдемся... Препріятный есть у меня для васъ номерокъ, господинъ!

И, взявъ изъ рукъ Стрепетова чемоданъ, Ипатъ Никитичъ предложилъ идти.

— А багажъ?.. У меня еще сундукъ есть!

— Есть?—пріятно удивился старикъ.—А я, извините, полагалъ... Многіе путешественники, случается, прибываютъ и безъ онаго, налегкѣ-съ.. Багажъ послѣ слѣдуетъ... Но если

одновременно, то оно даже и лучше-съ. Пожалуйте квитокъ... Я однимъ моментомъ... Тутъ у меня носильщикъ есть знакомый, такъ онъ намъ за полтину какой угодно сундукъ сволокетъ!—таинственно говорилъ Ипатъ Никитичъ. — А извозчикъ меньше рубля не возьметъ. Здѣсь народъ! Рады оболванить пріѣзжаго человѣка!—негодующимъ тономъ прибавилъ старикъ, соображая, что четвертакъ останется въ карманѣ.— У насъ въ Петербургѣ, господинъ, надо очень съ разсудкомъ!

Черезъ нѣсколько минутъ Ипатъ Никитичъ вернулся въ сопровожденіи носильщика, и они втроемъ вышли съ вокзала.

Петербургъ встрѣтилъ новаго своего гостя привѣтливо: яркимъ солнечнымъ августовскимъ утромъ. Оно весело сверкало на куполѣ Знаменья, искрилось въ окнахъ, обливало блескомъ площадь, оживленную разъѣздомъ экипажей, движеніемъ конокъ и толпой мужиковъ и бабъ, прибывшихъ съ поѣздомъ, и словно отвѣчало бодрому и радостному настроенію, охватившему молодого человѣка при видѣ столицы.

Между тѣмъ любопытный Ипатъ Никитичъ разспрашивалъ Стрепетова: надолго ли онъ пріѣхалъ, для ученія или такъ, по своимъ дѣламъ, и когда узналъ, что молодой человѣкъ пріѣхалъ искать мѣста, то замѣтилъ:

— Мои номера, господинъ, насчетъ мѣстовъ счастливые... Недавно еще одинъ майоръ изъ Смоленска очень одобрялъ: жилъ, говоритъ, въ гостиницѣ, и все не выходило мѣста, а отъ васъ, говоритъ, сразу вышло... Третьяго-дня только въ Ташкентъ уѣхалъ... А сами, господинъ, издалека?

— Изъ Самары.

— Сродственники здѣсь?—допрашивалъ Ипатъ Никитичъ.

— Тетка есть...

— Это хорошо, ежели тетенька, — все родная кровь, не одни будете. А то другой пріѣдетъ, и какъ перстъ... Смотришь, отъ скуки и ухаетъ деньги по трактирамъ да по театрамъ...

Они перешли мостъ черезъ Лиговку и, своротивъ налѣво по набережной, скоро пришли къ небольшому, покосившемуся двухэтажному деревянному дому, казавшемуся совсѣмъ маленькимъ и мизернымъ между двумя, сдавившими его, красивыми домами-великанами.

— Сюда-съ!

Когда, поднявшись на площадку второго этажа, Стрепетовъ, вслѣдъ за Ипатомъ Никитичемъ, вошелъ въ измызганныя двери и очутился въ узкомъ, полутемномъ коридорѣ,

его сразу обдало тѣмъ тяжелымъ, прокислымъ запахомъ, который составляетъ специфическую особенность дешевыхъ меблированныхъ комнатъ.

— Однако вонь!—замѣтилъ молодой человѣкъ, останавливаясь въ нерѣшительности.

— Не извольте безпокоиться, господинъ... Это съ улицы будто оказываетъ, а то у насъ воздухъ вольный! — успокаивалъ старикъ и поспѣшилъ ввести пойманнаго жильца въ одну изъ комнатъ, въ концѣ коридора.

— Не правда ли, веселенькій номерокъ, господинъ? — не безъ торжественности воскликнулъ Ипатъ Никитичъ, смахивая по пути толстый слой пыли съ кривоногаго стола и отворяя окно.

«Веселенькій номерокъ» оказался крошечной грязной комнатой въ одно окно, выходящее на дворъ, съ разнокалиберной, жалкой мебелью, попавшей сюда, очевидно, изъ апраксинскихъ трущобъ.

На Стрепетова, никогда не жившаго въ меблированныхъ комнатахъ и привыкшаго къ семейному уюту, эта мрачная, затхлая конура произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Замѣтивъ это, господинъ Лукачевъ предложилъ другую комнату— «настоящій салонъ», за которую никакъ нельзя взять меньше рубля въ сутки, но Стрепетовъ отклонилъ предложеніе.

Между тѣмъ Ипатъ Никитичъ видимо желалъ прилучить жильца, стараясь очаровать его своей предупредительностью. Онъ помогъ носильщику внести «сундучокъ», подалъ совѣтъ, куда «приличнѣе» его поставить, заглянулъ, есть ли въ рукомойникѣ вода, похлопалъ рукой по сбитому въ блинъ тюфяку, проговоривъ: «чистый волосъ!», предложилъ распорядиться насчетъ чаю или кофе и кстати порекомендовалъ свои обѣды.

— За тридцать копеекъ у меня обѣдъ изъ трехъ блюдъ, и по совѣсти могу сказать, что провизія у меня честная, не то что въ здѣшнихъ трактирахъ, гдѣ сдерутъ съ васъ деньги и подадутъ вамъ, съ позволенія сказать, дохлую кошку подъ соусомъ томатъ. А у меня нѣтъ заведенія, чтобы обманывать человѣка. Я, сударь, люблю на честь... Котлета — такъ котлета! И прямо осмѣлюсь доложить вамъ: много вы денегъ сохраните въ вашемъ портуфелѣ, если наймете комнату помѣсячно и со столомъ. Я бы дешево вамъ уступилъ...

— Убѣдительно, собака, убѣдительно поетъ! — раздался вдругъ изъ-за сосѣдней двери чей-то сиплый, пьяный голосъ, сопровождаемый заразительно-веселымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Ипатъ Никитичъ безпокойно повелъ плечами и, возвысивъ голосъ, предложилъ Стрепетову сейчасъ же подать самоварчикъ, какъ тотъ же голосъ изъ сосѣдней комнаты продолжалъ:

— Ахъ, Ипатъ, Ипатъ, практическій философъ Ипатъ! Заткни свой фонтанъ краснорѣчія и не ври какъ сивый меринъ!.. Несчастный путникъ, попавшій въ сію обитель, полную клопами,—кто бы ты ни былъ,—не вѣрь его котлетамъ, если не хочешь имѣть катарра желудка!.. Аминь!

И снова раздался оглушительный хохотъ, затѣмъ зашлепали туфли, и черезъ минуту все смолкло.

Въ отвѣтъ на вопросительный, улыбающійся взглядъ Стрепетова, смущенный Ипатъ Никитичъ проговорилъ таинственнымъ шопотомъ, укоризненно кивая головой:

— Запоемъ страдаютъ-съ!.. Не извольте смущаться... Онъ въ другомъ номерѣ стоитъ... Спьяна въ сосѣдній забрался; я двери-то на ключъ запру. А подите, образованный господинъ, изъ хорошей фамиліи, а до какой точки, можно сказать, дошелъ... Но только онъ смирный, очень смирный господинъ... а то бы я не держалъ, потому у меня, такъ сказать, гарни семейное. Господинъ Галанинъ почти-что ничего и не кушаетъ—какая ѣда при такой низкой слабости? Ему бы сухарикъ пожевать, только и всего, а онъ — катарръ! А отказать — опять же жалко. Годъ у насъ живетъ... И господинъ-то хорошій; только какъ начнется у него эта болѣзнь, непремѣнно колѣнца отпускаетъ насчетъ будто котлетъ... Шутливаго нрава человѣкъ. А не будь у него этой самой слабости, пошла бы совсѣмъ другая, такъ сказать, абонировка жизни... Какое бы мѣсто могъ получить! Образованіе — первый сортъ, товарищи-то его все при большихъ мѣстахъ, многіе въ генеральскихъ званіяхъ... Нѣкоторые, которые не гнушаются, навѣщаютъ изрѣдка, а одинъ платитъ за него... Такъ ужъ вы не извольте, сударь, безпокоиться... Поживите у насъ да попробуйте наши обѣды, тогда и узнаете: катарръ или нѣтъ.

Стрепетовъ обѣщалъ подумать.

— То-то подумайте, а ужъ я вамъ, господинъ, и комнатку побольше дамъ, и мебель получше поставлю, и если насчетъ чего прочаго, завсегда могу служить! — подчеркнулъ Ипатъ Никитичъ, подмигивая глазкомъ. — Я Петербургъ довольно отлично знаю, гдѣ и какъ молодому человѣку получить удовольствіе, чтобы благородно и недорого... А затѣмъ позвольте обезпокоить касательно вашего документа... Нынче на этотъ счетъ весьма, можно сказать, требовательно...

Получивъ паспортъ и пожелавъ Стрепетову пріятнаго но-

веселья, Ипатъ Никитичъ ушелъ, не совсѣмъ увѣренный: побѣдилъ ли онъ жильца своимъ краснорѣчіемъ.

«И надо было этому пьяницѣ по номерамъ шататься!»

IV.

Заперевъ двери пустого сосѣдняго номера на ключъ, Ипатъ Никитичъ тихо направился въ кухню. Вошелъ онъ туда словно крадучись, боязливо взглядывая на стоявшую у плиты, передъ закипавшимъ кофейникомъ, супругу, высокую, дебелую, нестарую еще женщину, въ грязноватомъ ситцевомъ капотѣ, плотно облегавшемъ формы внушительныхъ размѣровъ. Ея рыхлое, изжелта-бѣлое лицо съ веснушками сохраняло еще слѣды былой красоты. Она была, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятнадцать моложе мужа и казалась совсѣмъ великаншей передъ маленькимъ, тщедушнымъ Ипатомъ Никитичемъ.

— Кого привелъ?—отрывисто спросила она.

— Молодого господина. Изъ Самары пріѣхалъ мѣста искать. И съ багажомъ! Надо полагать, жилецъ будетъ аккуратный и долговременный,—прибавилъ Ипатъ Никитичъ задабривающимъ голоскомъ.

— Долговременный!? — передразнила жена, обращаясь къ мужу.

Въ ея большихъ голубыхъ, съ рѣзкимъ блескомъ, глазахъ засвѣтилось глубочайшее презрѣніе къ Ипату Никитичу.

— Долговременный!? — снова повторила она. — Простоитъ сутки да и плюнетъ въ твою подлую харю.

— Никакъ не плюнетъ, Анна Ивановна! — осторожно возразилъ Ипатъ Никитичъ, пробираясь къ окну:—онъ первый разъ въ Петербургѣ и вообще...

— Что вообще? — опять передразнила супруга, перебивая рѣчь.—Ну, чего ты мажешь своимъ языкомъ?

— Простоватый, должно-быть, господинъ. Въ родѣ будто нижона.

— Ты-то у насъ соколъ! Ахъ, какой соколъ, посмотрите, пожалуйста! — воскликнула Анна Ивановна, бросая на мужа уничтожающій взглядъ. — Туда же, какъ люди, вздумалъ завести гарни, а стула цѣлаго нигдѣ нѣтъ, вездѣ одна мерзость. Какой дуракъ станетъ жить въ такихъ трущобахъ!—продолжала она съ постепенно закипавшей злостью, подготовляясь, повидимому, къ дальнѣйшимъ, болѣе серьезнымъ, счетамъ.

Ипатъ Никитичъ съ виноватымъ видомъ стоялъ у окна, готовый выслушать потоки брани, лишь бы только Анна Ивановна не дошла въ своемъ гнѣвѣ до желанія задать Ипату Никитичу встрепку.

Онъ привыкъ къ подобнымъ сценамъ. Онѣ повторялись почти каждый день, послѣ возвращенія съ вокзала, особенно если Ипатъ Никитичъ возвращался безъ путешественника, не успѣвши заманить кого-нибудь своимъ краснорѣчіемъ, сила котораго въ значительной мѣрѣ подогрѣвалась страхомъ передъ супругой.

Обыкновенно Ипатъ Никитичъ не только выслушивалъ упреки и брань, но и переносилъ болѣе вразумительныя внушенія своей энергичной супруги со стоицизмомъ философа, въ почтительномъ молчаніи, пріученный къ манерѣ обращенія Анны Ивановны чуть ли не съ первыхъ же дней медоваго мѣсяца. Женатъ былъ Ипатъ Никитичъ всего лѣтъ пять, и хотя онъ женился въ пожилыхъ лѣтахъ, но — надо правду сказать — крайне легкомысленно, увлеченный роскошными формами бывшей ключницы одного ветхаго адмирала и не принявъ въ соображеніе другихъ ея качествъ.

Самая ядовитая и отборная брань сыпалась на голову Ипата Никитича, а гнѣвъ Анны Ивановны все еще не истощался, и Ипатъ Никитичъ уже готовился къ разрѣшающему аккорду, въ видѣ финальной встрепки, какъ на порогѣ кухни появилась молодая дѣвушка, хорошенькая блондинка съ сѣрыми бойкими глазками и вздернутымъ носикомъ, придававшимъ ея свѣжему личику задорное выраженіе.

— Маменька! Вы опять на всю квартиру скандалите! — проговорила съ упрекомъ дѣвушка.

При звукахъ этого свѣжаго, звонкаго голоска Анна Ивановна нѣсколько смутилась и тотчасъ же понизила тонъ, а Ипатъ Никитичъ благодарнымъ взглядомъ смотрѣлъ на свою спасительницу.

— Идите, Ипатъ Никитичъ, въ комнату. Я вамъ сейчасъ принесу кофе. Вѣдь вы съ утра ничего не пили! — продолжала дѣвушка.

Ипатъ Никитичъ, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Подъ охраной падчерицы онъ торопливо вышелъ изъ кухни въ комнату, занимаемую супругой и ея дочкой, и, пріотворивъ двери, слышалъ, какъ дѣвушка упрекала мать за ея обращеніе съ Ипатомъ Никитичемъ.

— А еще чужая! — повторялъ растроганный старикъ, удивляясь въ то же время, что на свѣтѣ есть люди, которые не боятся Анны Ивановны и могутъ ей противорѣчить.

V.

Стрепетовъ рѣшилъ не терять золотого времени и въ тотъ же день развезти письма. Онъ вынулъ изъ бумажника и бе-

режно разложилъ на столѣ эти письма, отъ которыхъ зависѣла его судьба, и списалъ въ записную книжку адресы. Цѣлыхъ пять писемъ и въ нихъ пять отличныхъ рекомендацій! И все къ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ! Его превосходительству Николаю Петровичу Чиркову... Его превосходительству Вадиму Кировичу Неустроеву... Его высокоблагородію Анатолію Викторовичу Киріакову... Его высокоблагородію Эрнесту Богдановичу фонъ-Гринбекъ...

Только вотъ этотъ маленькій конвертъ, безъ всякихъ титуловъ, съ надписью: «Ивану Николаевичу Поручневу», — адресованъ совсѣмъ невліятельному лицу — литератору. Но вѣдь и знакомство съ литераторомъ тоже чего-нибудь да стоитъ!..

Эти рекомендательныя письма достала отъ разныхъ знакомыхъ мать Стрепетова, снаряжая своего любимца въ Петербургъ. Съ письмами все же лучше! Только Чиркову, бывшему товарищу и пріятелю покойнаго ея мужа, она написала сама.

Да и не въ однихъ только этихъ письмахъ сказывалась заботливость нѣжной матери!

Когда молодой человѣкъ, наскоро напившись чаю, сталъ разбирать сундукъ, чтобы достать новую фрачную пару, сшитую лучшимъ самарскимъ портнымъ, эта заботливость и любовь говорили о себѣ каждой аккуратно сложенной вещью, каждымъ маленькимъ сюрпризомъ, приготовленнымъ сыну.

И вышитыя полотенца, и бѣлье съ крупными мѣтками, и туфли, и маленькій бюваръ съ почтовой бумагой и конвертами—однимъ словомъ, почти каждый предметъ, каждая бездѣлка напоминали Стрепетову работу нѣжной любящей руки и трогательную, чисто женскую предусмотрительность.

Отъ всѣхъ этихъ вещей, пріобрѣтавшихъ теперь, въ разлукѣ, особенное значеніе и прелесть, на него пахнуло славнымъ запахомъ родного гнѣзда, свитаго женской рукой. Невольно припомнился и тотъ памятный недавній вечеръ, наканунѣ отъѣзда, когда мать, окончивъ поздно уборку сундука, грустная и притихшая, со сбившимся на-бокъ чепцомъ, обнажившимъ ея рано посѣдѣвшіе волосы, присѣла къ растворенному окну и долгимъ нѣжнымъ взглядомъ глядѣла на сына. Изъ маленькаго садика тянуло душистымъ ароматомъ, и звѣзды загорались въ небѣ. Оба они сидѣли молча, не находя словъ, стараясь скрыть другъ отъ друга тягость разлуки. Наконецъ она не выдержала. Съ порывистой страстностью прижала она кудрявую голову сына къ своей груди, молча покрывая ее поцѣлуями и слезами.

Она старалась улыбаться, глотая слезы, когда, оторвавшись отъ сына, проговорила:

— Тебѣ полезно, Павликъ, пожить одному, а то вѣдь ты все былъ около меня. Ни разу мы съ тобой не разлучались. Поживи-ка, родной, безъ своей мамуни.

— Опять вмѣстѣ будемъ, мама. Дай только получить мѣсто!

Въ отвѣтъ она улыбнулась своей тихой, кроткой улыбкой, освѣтившей ея блѣдное лицо чарующимъ выраженіемъ доброты, и сказала:

— Прежде самъ устройся, мой милый, а тамъ что̀ Богъ дастъ. Я, впрочемъ, увѣрена, что ты скоро получишь мѣсто. Письма помогутъ. Больше всего я надѣюсь на Чиркова. Онъ любилъ твоего отца и прежде былъ порядочнымъ человѣкомъ. Если служба не засушила его, онъ вѣрно приметъ участіе. И у Валентины Марковны побывай. Признаться, не нравится она мнѣ: слишкомъ занимается собой и своимъ богатствомъ— ну, да разбирать нечего. И наконецъ не кланяться же ты пойдешь. Впрочемъ, увидишь, какъ приметъ двоюродная тетка, и, разумѣется, второй разъ не пойдешь, если пріемъ будетъ сухой!—гордо прибавила Стрепетова.

— Надѣюсь!—улыбнулся сынъ.

Она пожала руку сына. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, заговорила дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Совѣтовъ мнѣ нечего тебѣ давать. Ты славный и честный человѣкъ и никогда не сдѣлаешь ничего дурного. Я знаю тебя. Но объ одномъ я тебя попрошу... Ты не сердись только, голубчикъ...

Павликъ крѣпко поцѣловалъ руку матери и ласково усмѣхнулся.

И эта усмѣшка и этотъ нѣжный поцѣлуй, казалось, говорили: «Развѣ на тебя можно сердиться?»

И затѣмъ спросилъ:

— О чемъ ты безпокоишься, мама?

— Будь остороженъ, родной мой, въ Петербургѣ. Остерегайся знакомствъ. Ты вѣдь знаешь, какія нынче времена?.. Изъ-за случайной встрѣчи, изъ-за какой-нибудь книги можно безцѣльно погибнуть. Береги себя... побереги меня. Дай мнѣ слово!

Молодой человѣкъ успокоилъ ее. Кажется, онъ не подавалъ повода для такихъ опасеній. Они объ этомъ не разъ говорили. Она вѣдь знаетъ, что онъ не ищетъ бурь: онъ любитъ миръ и тишину. И наконецъ развѣ онъ не помнитъ, что на немъ лежатъ обязанности? Развѣ не его дѣло теперь работать, чтобы мать, отдавшая всю свою жизнь ему и сестрамъ, могла на-

конецъ отдохнуть отъ заботъ? Довольно ей бѣгать по урокамъ. И безъ того она надорвала здоровье.

Такъ говорилъ взволнованный сынъ. И счастливая, гордая сыномъ мать утирала навертывавшіяся слезы.

Стрепетовъ любилъ мать до обожанія. Она съ ранняго дѣтства была его пѣстуномъ, воспитательницей, другомъ, отъ котораго не было секретовъ. Онъ выросъ около материнской юбки, привыкшій къ ласкѣ, привыкшій любить эту «юбку». Только юношей понялъ онъ, что̀ сдѣлала эта женщина ради дѣтей, и къ восторженной любви его присоединялось благоговѣйное уваженіе. Онъ считалъ себя ея неоплатнымъ должникомъ и ждалъ только окончанія курса, чтобы снять съ нея непосильное бремя дальнѣйшихъ заботъ.

А вынести ей пришлось немало, когда, послѣ смерти мужа, она осталась безъ всякихъ средствъ, съ тремя маленькими дѣтьми. Въ эту тяжкую пору Стрепетова обнаружила такую энергію, которую, казалось, трудно было ожидать отъ бывшей институтки, привыкшей къ спокойной, обезпеченной жизни, подъ крыломъ мужа, занятой дѣтьми да музыкой, которую она страстно любила.

Она не потерялась, не упала духомъ подъ неожиданнымъ ударомъ, а храбро приняла битву жизни и не раздала дѣтей по казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, какъ предлагали родные. Въ отвѣтъ на родственные соболѣзнованія и совѣты, подъ мягкими словами которыхъ слышалась боязнь за карманъ, Стрепетова отвѣчала, что не разстанется съ дѣтьми и постарается сама поднять ихъ, не разсчитывая ни на чью помощь.

Этотъ отвѣтъ удивилъ и обрадовалъ богатыхъ родныхъ ея мужа. «Сама? На что-жъ надѣется эта женщина, такъ рѣзко отклонившая предложеніе похлопотать о дѣтяхъ?» Рѣшили, что у нея мало родственныхъ чувствъ, и что, вѣрно, остались послѣ покойнаго деньги—недаромъ онъ долгое время занималъ видное мѣсто въ провинціи, на которомъ нажиться было легко, — и забыли о ней и объ ея дѣтяхъ.

Стрепетова круто измѣнила жизнь. Она продала всю прежнюю обстановку, лошадей, экипажи, всѣ свои цѣнныя вещи и дорогія платья, перебралась въ двѣ маленькія комнаты въ одну изъ дальнихъ улицъ и, къ изумленію провинціальнаго бомонда, объявила въ мѣстной газетѣ, что даетъ уроки музыки, англійскаго и французскаго языковъ. Уроки скоро нашлись и съ каждымъ годомъ прибавлялись. Работала она, не покладая рукъ, училась сама, повторяя зады, чтобы репети-

ровать съ Павликомъ, только-что поступившимъ въ гимназію, и заниматься съ дѣвочками. Ради этихъ любимыхъ существъ, молодая еще женщина совсѣмъ отказалась отъ личной жизни и безъ колебанія отвѣтила отказомъ на предложеніе, сдѣланное два года спустя однимъ богатымъ помѣщикомъ, который ей нравился. Чтобы не отнимать отъ дѣтей всей силы привязанности, она предпочла жизнь отшельницы, жизнь, полную заботъ и лишеній, обезпеченной и спокойной жизни новаго замужества, и несла бремя труда съ горделивымъ чувствомъ самоотверженной матери. Вся жизнь проходила въ назойливыхъ мелочахъ. Рано утромъ приходилось торговаться на базарѣ, выгадывая копейки, днемъ бѣгать по урокамъ и поздніе вечера, когда дѣти спали въ своихъ чистыхъ, уютныхъ постелькахъ, просиживать за починкой бѣлья или штопаньемъ чулокъ... А тревоги во время болѣзни кого-нибудь изъ дѣтей?.. Безсонныя ночи, проведенныя у изголовья, и страхъ въ теченіе дня, когда приходилось оставлять ихъ на попеченіе няни, а самой, скрывая душевную муку, слушать ученическія гаммы?

Но всѣ эти заботы, всѣ эти мелочи жизни не пригнули ее къ будничной пошлости, душа не потеряла отзывчивости, умъ—способности отвлекаться отъ житейской прозы. Поэтическая струнка страстной музыкантши жила въ ней, и она находила время чтеніемъ освѣжать свой умъ.

Когда Павликъ окончилъ курсъ гимназіи, они всѣ переѣхали въ Казань. Недаромъ же мать такъ ревниво берегла деньги, вырученныя отъ продажи вещей послѣ смерти мужа, лелѣя мысль объ образованіи дѣтей. Этихъ денегъ хватитъ на прожитокъ, пока Павликъ и дѣвочки будутъ учиться въ Казани, да и сама она не будетъ сидѣть сложа руки,—найдетъ и въ Казани уроки.

По окончаніи Павликомъ курса, Стрепетовы опять вернулись въ Самару, къ которой привыкла мать. Но силы ея были въ конецъ подорваны, хроническій недугъ подтачивалъ ее незамѣтно. Ей не было и пятидесяти лѣтъ, а она казалась совсѣмъ старухой.

Но что за бѣда?! Зато сынъ получилъ высшее образованіе и теперь на своихъ ногахъ, дочери кончаютъ курсъ гимназіи, всѣ они здоровые, свѣжіе, добрые, хорошіе. Любуясь съ гордостью выведенными птенцами, она забывала о своемъ недугѣ и втайнѣ ликовала, что ея первенецъ благополучно миновалъ подводные камни и мели русской студенческой жизни и могъ кончить курсъ. Не напрасно же она поѣхала вмѣстѣ съ сыномъ въ Казань! Она и тамъ пѣстовала сына, ревниво, какъ

зоркая насѣдка, оберегая его отъ опасностей юношескихъ увлеченій, отъ подозрительныхъ знакомствъ...

Теперь, слава Богу, меньше опасеній... Острота порывовъ юности прошла!

Пароходъ тихо отошелъ отъ пристани, а мать, вся въ слезахъ, долго еще махала платкомъ уѣзжавшему сыну.

Пароходъ уже скрылся, а она все еще жадно всматривалась въ разстилающійся дымокъ, и сердце ея тоскливо сжималось.

«Что-то пошлетъ судьба дорогому Павлику на первыхъ порахъ его самостоятельной жизни?»

VI.

Умиленный нахлынувшимъ воспоминаніемъ, молодой человѣкъ торопливо оканчивалъ свой туалетъ, полный бодрой вѣры, что достанетъ себѣ во что бы ни стало мѣсто и скоро будетъ имѣть возможность успокоить закатъ дней своей милой, любимой матери. Ей невозможно бѣгать по урокамъ!.. Ей надо лѣчиться, отдохнуть! Онъ возьметъ всякую работу, лишь бы она давала заработокъ, котораго нельзя стыдиться!

Сіявшій отвагой молодости, свѣжій и красивый въ своей новой фрачной парѣ, съ пятью рекомендательными письмами и пятьюдесятью рублями въ карманѣ, Стрепетовъ ужъ былъ готовъ идти на завоеваніе мѣста, какъ въ двери тихо постучали.

— Войдите!

На порогѣ показалась хорошенькая бѣлокурая головка хозяйской дочери.

— Извините!—проговорила она, входя въ комнату, слегка смущенная при видѣ красиваго молодого человѣка.—Я дочь здѣшней хозяйки... Мнѣ надо сказать вамъ два слова!—прибавила дѣвушка, понижая голосъ и оправляя прядку свѣтлорусыхъ волосъ, спускавшихся на лобъ мелкими колечками.

— Что прикажете?—спрашивалъ Стрепетовъ, недоумѣвая этому таинственному вступленію.

— Вы вѣдь пріѣзжій?

— Да.

— Я, видите ли, нарочно зашла къ вамъ, чтобы сказать, что здѣсь нужно быть осторожнымъ!—продолжала она все тѣмъ же таинственнымъ шопотомъ, оглядываясь на двери.—Понимаете?—значительно подчеркнула она.—Такъ примите это во вниманіе и будьте настороже... Бережечаго и Богъ бережетъ. И когда будете уходить со двора, хорошенько запирайте всѣ свои вещи, чтобы не смущать любопытныхъ.

Стрепетовъ удивленно выслушалъ этотъ торопливый, таинственный шопотъ, горячо поблагодарилъ дѣвушку и промолвилъ:

— По счастью, у меня рѣшительно ничего нѣтъ такого, что̀ бы нужно прятать.

— И слава Богу! Я, значитъ, напрасно испугалась за васъ!—отвѣчала, краснѣя, дѣвушка.—Пожалуйста, только никому ни слова!—прибавила она и, ласково кивнувъ головой, повернулась, чтобы уходить.

— Извините, еще одну минуту!—остановилъ ее Стрепетовъ.—Скажите, кто же здѣсь такіе любопытные, какъ вы говорите?.. Прислуга, что ли?

— Мало ли кто! Всякіе жильцы здѣсь живутъ!—уклончиво отвѣтила дѣвушка, видимо избѣгая входить въ дальнѣйшія подробности.

— Но отчего вы меня сочли нужнымъ предупредить объ этомъ?

Дѣвушка пожала плечами, точно удивляясь этому вопросу.

«И въ самомъ дѣлѣ пижонъ!»—вспомнила она оцѣнку Ипата Никитича.

— Я только-что узнала,—Ипатъ Никитичъ, вотчимъ мой, сказалъ,—что вы первый разъ въ Петербургѣ. Ну, я и подумала, что вы, можетъ-быть, не знаете, что въ меблированныхъ комнатахъ надо остерегаться. Да вотъ еще что̀: не заводите знакомства съ однимъ здѣшнимъ жильцомъ.

— Не съ Галанинымъ ли?

— Ахъ, что̀ вы! Онъ хорошій. Нѣтъ, вы остерегайтесь господина Ефратова... Его всѣ здѣсь поручикомъ зовутъ. Такой противный, полный мужчина, воображаетъ, что красавецъ!—съ чувствомъ отвращенія прибавила она.—А затѣмъ до свиданія!.. Надѣюсь, разговоръ останется между нами, а то мнѣ достанется!—улыбаясь, проговорила дѣвушка.

Стрепетовъ далъ слово, что никому не скажетъ, и спросилъ, какъ звать дѣвушку.

— Имя мое нехорошее,—усмѣхнулась она:—Ѳеона!

— А по отчеству?

— Арсеньевна... Только всѣ меня больше Ѳеничкой зовутъ.

— Еще разъ большое, душевное вамъ спасибо, милая Ѳеона Арсеньевна, за ваше доброе намѣреніе!—съ горячностью промолвилъ Стрепетовъ и крѣпко пожималъ ея маленькую руку, ласково глядя въ бойкіе, смѣющіеся сѣрые глазки дѣвушки.

— Не за что, не за что!—весело отвѣчала Ѳеничка.—Только смотрите,—шепнула она:—не съѣзжайте отъ насъ сегодня. Хоть нѣсколько дней да проживите: а то мнѣ будетъ

передъ Ипатомъ Никитичемъ стыдно... Онъ, бѣдный, старался-старался заманить жильца, а я его спугиваю... Дѣла-то у насъ неважныя!—усмѣхнулась Ѳеничка.—Еще разъ прощайте... И то заболталась!

Съ этими словами Ѳеничка подбѣжала къ дверямъ, съ секунду прислушалась, быстро распахнула двери и, остановившись по ту сторону порога, громко спросила съ плутовской улыбкой шаловливаго ребенка, удачно совершившаго шалость:

— Обѣдать будете сегодня дома?

— Не буду!—такъ же громко отвѣтилъ Стрепетовъ, невольно улыбаясь хитрому маневру Ѳенички.

Она затворила двери, и Стрепетовъ тотчасъ же послѣдовалъ ея совѣту: заперъ сундукъ на ключъ и вышелъ изъ своей мрачной каморки, нѣсколько смущенный первыми петербургскими сюрпризами и тронутый поведеніемъ этой странной дѣвушки, выказавшей такую заботливость о совершенно незнакомомъ человѣкѣ.

«И лицо у нея какое умненькое, бойкое!»—подумалъ онъ.

Когда онъ проходилъ по коридору, изъ одного номера выглянуло полное, румяное лицо съ черными бакенбардами и большими глазами.

— Марѳа!.. Самоваръ!—раздался громкій, съ сипотою, голосъ.

«Видно, это и есть поручикъ!»—рѣшилъ Стрепетовъ, успѣвшій мелькомъ взглянуть на высунувшуюся физіономію. «Дѣйствительно, противный мужчина!»—невольно подтвердилъ онъ Ѳеничкину аттестацію, спускаясь по лѣстницѣ.

Онъ вышелъ на улицу и сталъ рядить извозчика на Васильевскій островъ. Извозчикъ обѣщалъ за полтинникъ «мигомъ доставить» барина на своей «американской шведкѣ». Худая «американская шведка», съ угрюмымъ видомъ отчаянной клячи, насторожив уши, слушала клятвы извозчика и, словно бы понимая, какой предстоитъ ей дальній конецъ, безнадежно махнула хвостомъ, замѣтивъ, что сѣдокъ сѣлъ на дрожки.

VII.

Былъ на исходѣ двѣнадцатый часъ, когда, послѣ убійственно-медленной ѣзды, извозчикъ, пустившій за нѣсколько саженъ до мѣста назначенія свою клячу вскачь, «подкатилъ» нашего молодого человѣка къ большому многоэтажному дому въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова.

— Здѣсь живетъ Чирковъ?

Пожилой, подстриженный, рыжеусый швейцаръ, сидѣвшій

на табуреткѣ около настежь раскрытыхъ дверей подъѣзда, бросилъ изъ-подъ очковъ не особенно благосклонный взглядъ на молодого человѣка, оторвавшаго его отъ газеты, и послѣ того, какъ Стрепетовъ повторилъ вопросъ, не спѣша отвѣтилъ, внушительно поправляя молодого человѣка:

— Генералъ Николай Петровичъ Чирковъ квартируютъ здѣсь.

И, не мѣняя своей лѣнивой позы, послѣ бѣглаго осмотра неказистой сѣрой «крылатки» Стрепетова, бравый унтеръ прибавилъ:

— Вамъ, можетъ-быть, какого-нибудь другого господина Чиркова нужно? Не генерала?

— Мнѣ именно генерала нужно!—усмѣхнулся Стрепетовъ.

— Ступайте наверхъ. Въ третьемъ этажѣ, седьмой нумеръ.

— Онъ дома?

— Генералъ не выходили еще, а принимаютъ или нѣтъ, не знаю!—снова подпустилъ шпильку швейцаръ, принимаясь за прерванное чтеніе.

Стрепетовъ вбѣжалъ наверхъ. Остановившись у дверей, на которыхъ блестѣла вычищенная мѣдная дощечка съ фамиліей, выгравированной крупной славянской вязью, онъ перевелъ духъ, оправился и не безъ нѣкотораго волненія тихо надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Прошло, по крайней мѣрѣ, минуты двѣ-три—никто не отворялъ. Среди тишины, царившей на прохладной лѣстницѣ, изъ-за дверей квартиры доносились слабые звуки рояля. Стрепетовъ выждалъ еще минуту-другую и надавилъ пуговку сильнѣе. Послышались неторопливые, мягкіе шаги, щелкнулъ крюкъ запора, и щеголеватая горничная, молодая, румяная и свѣжая, въ маленькомъ чепцѣ и ослѣпительно-бѣломъ фартукѣ, отвѣтивъ, что «Николай Петровичъ дома и принимаетъ», впустила молодого человѣка.

— Сюда, за мной пожалуйте!—съ привѣтливой фамильярностью сказала она, послѣ того какъ Стрепетовъ, нѣсколько смущенный ея представительнымъ видомъ, не допустилъ снять съ себя накидку и самъ ее повѣсилъ.

Она провела его въ гостиную, полную разноцвѣтной мягкой мебели, растеній и цвѣтовъ, и, останавливаясь у портьеры, указала своей бѣлой, слишкомъ выхоленной для горничной, рукой на раскрытыя двери дальней комнаты, проговоривъ тѣмъ же фамильярнымъ тономъ:

— Николай Петровичъ въ кабинетѣ, играетъ на фортепьянахъ. Идите прямо въ кабинетъ!.. Идите, идите, не бойтесь! Докладывать не нужно!—прибавила она съ улыбкой поощренія, замѣтивъ нерѣшительность молодого человѣка.

И съ этими словами ушла.

Стрепетовъ вошелъ въ столовую, отдѣлявшую кабинетъ отъ гостиной, не зная, идти ли далѣе, или нѣтъ. Одинъ приборъ сиротливо стоялъ на накрытомъ, хорошо сервированномъ столѣ съ разставленной холодной закуской и нѣсколькими бутылками. И здѣсь, какъ и въ гостиной, все сіяло чистотой, порядкомъ, все говорило о комфортѣ, но сразу же чувствовалось жилище холостяка. Не было того вида домовитости, который неразлученъ съ присутствіемъ женщины и дѣтей.

Нашъ молодой человѣкъ не рѣшился идти въ кабинетъ, изъ глубины котораго лились мощные суровые звуки largo десятой Бетховенской сонаты, хорошо знакомой Стрепетову по игрѣ матери, и, немало изумленный, что засталъ важнаго петербургскаго чиновника за музыкальными занятіями, онъ остановился у раскрытыхъ дверей, съ рекомендательнымъ письмомъ наготовѣ. Слушая отчетливое, мастерское исполненіе, онъ посматривалъ на широкую, слегка наклоненную спину небольшого плотнаго господина въ темно-синей кургузой жакеткѣ, на коротко остриженную, крѣпко посаженную, круглую голову съ черными, чуть подернутыми серебристымъ отливомъ волосами, на красноватый, мясистый затылокъ, подпиравшійся тугимъ стоячимъ воротничкомъ безукоризненной бѣлизны, стараясь вообразить себѣ: какое должно быть лицо у этого музыканта-бюрократа, такъ хорошо играющаго Бетховена.

«Навѣрное выразительное и интеллигентное. И навѣрное онъ мнѣ скоро устроитъ мѣсто, когда я откровенно объясню ему всѣ обстоятельства!»—рѣшилъ молодой человѣкъ и, набравшись храбрости, переступилъ порогъ кабинета.

Игра продолжалась. Чирковъ, увлеченный музыкой, не оборачивался, и Стрепетовъ, въ ожиданіи конца сонаты, любопытнымъ взоромъ оглядывалъ кабинетъ, совсѣмъ непохожій на тѣ святилища бюрократовъ, которыя представлялъ себѣ молодой человѣкъ по различнымъ описаніямъ и по тому образцу, который онъ видѣлъ, бывши однажды въ кабинетѣ губернатора.

Темные, внушительные шкапы, занимавшіе бо́льшую часть комнаты, были полны книгъ; бюсты Вольтера, Руссо, Гумбольдта, Шекспира и Гёте, нѣсколько картинъ, большой шкапъ, наполненный древностями—горшечками, вазами, мѣдными и бронзовыми орудіями, старинное оружіе и коллекція полотенецъ древняго узора, развѣшанная на стѣнѣ, большой письменный столъ посрединѣ, оттоманка, нѣсколько креселъ,

обитыхъ темнымъ сафьяномъ, и рояль въ дальнемъ углу— таково было убранство этой большой комнаты, свѣтлой, необыкновенно аккуратно прибранной и походившей скорѣе на кабинетъ какого-нибудь ученаго дилетанта или доктора, чѣмъ на мѣсто административныхъ трудовъ крупнаго чиновника.

— Что же вы? Такъ вѣдь долго прождете!—шепнула надъ самымъ ухомъ Стрепетова появившаяся сзади щеголеватая горничная.

И съ этими словами она прошла, шелестя платьемъ и повиливая турнюромъ, къ роялю и, доложивъ о молодомъ человѣкѣ, исчезла въ боковой дверкѣ между библіотечными шкапами.

Игра оборвалась. Чирковъ поднялся съ мѣста и лѣнивой, неспѣшной походкой, словно бы нехотя, направился къ письменному столу, слегка морщась и всматриваясь прищуреннымъ взглядомъ въ незнакомаго молодого человѣка.

Онъ остановился передъ столомъ, вѣжливо наклонивъ голову въ отвѣтъ на поклонъ Стрепетова, и, сразу угадывая просителя, принялъ сосредоточенно-серьезный, офиціальный видъ и, какъ бы приготовляясь выслушать впередъ извѣстныя и не особенно интересныя слова, чуть-чуть склонилъ набокъ круглую темную голову, подавшись немного впередъ своимъ плотнымъ корпусомъ.

Лицо Чиркова далеко не оправдало ожиданій Стрепетова; круглое, гладко выбритое, безъ бороды и усовъ, хотя и моложавое, но значительно поношенное, съ рыхлой полнотой и желтизной щекъ, съ мѣшками подъ небольшими карими глазами, оно съ перваго взгляда казалось самымъ заурядным лицомъ.

«Какъ есть чиновникъ!»—промелькнуло въ головѣ Стрепетова, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ.

Нѣсколько застланный, вопросительно-скучающій, серьезный взглядъ, которымъ Чирковъ словно приглашалъ молодого человѣка поскорѣй изложить свою просьбу и затѣмъ оставить его въ покоѣ, смутилъ Стрепетова.

— Кандидатъ университета... Пріѣхалъ изъ Самары... Имѣю къ вамъ письмо отъ матери!—спѣшилъ какъ можно скорѣй проговорить Стрепетовъ, испытывая непріятное волненіе просителя.

И, отбарабанивъ эти слова, онъ порывистымъ, рѣзкимъ движеніемъ, точно желая поскорѣе избавиться отъ стѣсняющей его обузы, протянулъ, подойдя къ столу, руку съ письмомъ.

— Ваша фамилія?—тихо и медленно, любезно-холоднымъ тономъ спросилъ Чирковъ, чуть-чуть улыбаясь глазами и повертывая принятый конвертъ въ короткихъ, толстыхъ, бѣлыхъ пальцахъ.

— Стрепетовъ! — громко отвѣтилъ молодой человѣкъ и снова вспыхнулъ, вспомнивъ, что раньше забылъ назвать себя, и сталъ смотрѣть на эти медленно переворачивающіе конвертъ пальцы съ какимъ-то непріязненнымъ чувствомъ.

— Стрепетовъ?—протянулъ Чирковъ, всматриваясь въ просителя припоминающимъ что-то взглядомъ.—Вы не сынъ ли покойнаго Сергѣя Александровича?

— Да-съ.

— Очень радъ! Очень радъ съ вами познакомиться! — вдругъ заговорилъ Чирковъ оживившимся, привѣтливымъ, совсѣмъ не офиціальнымъ тономъ, протягивая черезъ столъ свою бѣлую, пухлую руку, и въ ту же минуту съ его желтаго, безбородаго лица исчезло офиціально-скучающее выраженіе, пропала серьезная застланность взгляда, и маленькіе каріе глаза его засвѣтились умнымъ, ласковымъ блескомъ.

Точно самъ обрадовавшись, что можно оставить роль авгура и быть обыкновеннымъ человѣкомъ, Чирковъ продолжалъ:

— Мы вѣдь съ Сергѣемъ Александровичемъ были большими друзьями... Какъ же! Вмѣстѣ въ школѣ шли... и потомъ вмѣстѣ служили... Садитесь... Курите, пожалуйста... папиросы возлѣ васъ!—любезно предложилъ Чирковъ, опускаясь въ кресло.—А вы на отца похожи... Тѣ же глаза!—мягко улыбнулся онъ, глядя на румяное, свѣжее лицо молодого человѣка.—Давно кончили курсъ?

— Въ нынѣшнемъ году.

— По какому факультету?

— По математическому.

Затѣмъ господинъ Чирковъ освѣдомился о здоровьѣ матери. Тонъ показался Стрепетову ласковымъ, и онъ отвѣчалъ, что здоровье матери совсѣмъ плохо.

— Что съ вашей матушкой?—участливо спросилъ Чирковъ.

Молодой человѣкъ заволновался.

— Непосильные труды и заботы о насъ совсѣмъ разстроили ея здоровье... Вѣдь наша мать сама, безъ чужой помощи, выростила двухъ сестеръ и меня; а чего это ей стоило?.. Она по цѣлымъ днямъ бѣгала по урокамъ, отказывала себѣ во всемъ ради насъ... ну и поплатилась за свое самоотверженіе!—горячо и съ сердцемъ, словно обвиняя кого-то за это, закончилъ Стрепетовъ.

— Какъ же, какъ же... слышалъ... Энергичная женщина

ваша матушка!—промолвилъ въ отвѣтъ Чирковъ, сочувственно взглядывая на молодого человѣка.

— Это святая женщина!—возразилъ молодой человѣкъ, которому показалось, что въ словахъ Чиркова не было достаточно благоговѣйнаго чувства къ такой женщинѣ, какъ его мать.

Чирковъ едва замѣтно улыбнулся и, не спѣша, аккуратно взрѣзавъ конвертъ красивымъ ножомъ изъ слоновой кости, сталъ читать письмо.

По мѣрѣ того, какъ Чирковъ читалъ это письмо, въ которомъ мать, вспоминая прежнюю дружбу Чиркова съ покойнымъ мужемъ, въ теплыхъ выраженіяхъ просила его помочь сыну устроиться и вообще не оставить его совѣтами, лицо его превосходительства становилось серьезнѣе и озабоченнѣе.

Глядя теперь на это гладко выбритое, холодное, серьезное и, казалось, безстрастное лицо, Стрепетовъ почувствовалъ горькое чувство обиды. «Затѣмъ онъ пустился въ интимности съ этимъ петербургскимъ «чиновникомъ», распространяясь о матери? Какое ему дѣло до его матери? Простая любезность со стороны Чиркова, и онъ раскисъ!» И та чуть замѣтная улыбка его превосходительства, которою онъ отвѣтилъ на рѣзкое восклицаніе Стрепетова, показалась теперь молодому человѣку снисходительно-обидной улыбкой сытаго и довольнаго человѣка, слушающаго дѣтскія жалобы.

Досада на свое «ребячество» и невольное непріязненное чувство къ этому «музыканту-генералу» охватило молодого человѣка, и онъ такъ же легковѣрно, какъ прежде надѣялся, ожидалъ теперь, что ему непремѣнно откажутъ въ просьбѣ и мѣста не дадутъ.

Окончивъ чтеніе письма, Чирковъ аккуратно сложилъ его, положилъ подъ прессъ-папье, нѣсколько секундъ пристально и молча смотрѣлъ на молодого человѣка и, закуривъ папиросу, проговорилъ:

— Я очень хотѣлъ бы вамъ помочь, но, къ сожалѣнію, сейчасъ не могу предложить мѣста, для васъ подходящаго... Вѣрьте, что это не обычная отговорка, а правда!—прибавилъ Чирковъ значительно.—Вамъ придется подождать и, быть-можетъ, подождать нѣсколько мѣсяцевъ... Но вѣдь это васъ не устраиваетъ?.. Вамъ нужны занятія сейчасъ же?

Молодой человѣкъ отвѣчалъ утвердительно.

— То-то и есть!—въ раздумьѣ промолвилъ его превосходительство.

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Пожалуй, причислить васъ и дать триста рублей въ годъ я бы могъ и теперь же, но вамъ невыгодно работать за

такое жалованье... Придется, повторяю, ждать... У насъ все полно и множество кандидатовъ, — о которыхъ хлопочутъ люди болѣе вліятельные, чѣмъ вашъ покорный слуга,—ждутъ, и очень долго ждутъ иногда вакансій.

Это объясненіе, несмотря на его основательность и любезность, мало однако утѣшило молодого человѣка.

«Ну, и пусть себѣ ждутъ, а я ждать не могу!»—невольно пронеслось у него въ головѣ, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться, извиниться за причиненное безпокойство и ѣхать дальше искать вакансій.

— Куда же вы?—любезно остановилъ его Чирковъ.—Если не особенно спѣшите, позавтракаемъ вмѣстѣ и кстати потолкуемъ, какъ вамъ быть.

Тронутый такимъ вниманіемъ и чувствовавшій вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшій аппетитъ, Стрепетовъ охотно выразилъ согласіе почтительнымъ наклоненіемъ своей кудрявой головы и въ ту же минуту легкомысленно и дерзко подумалъ:

«Быть-можетъ, и мѣстечко выгоритъ! Какая-нибудь вакансія да найдется!»

— Давно вы въ Петербургѣ?—спросилъ Чирковъ, все время зорко наблюдавшій за молодымъ человѣкомъ.

— Сегодня только-что пріѣхалъ.

— Сегодня?.. Ретиво же вы принялись за хлопоты,—съ улыбкой замѣтилъ Чирковъ.—Остановились гдѣ?

Стрепетовъ сказалъ. Оказалось, что его превосходительство знаетъ «эту трущобу». Тамъ живетъ его одинъ несчастный товарищъ.

— Совсѣмъ пропалъ, а могъ быть человѣкомъ!—прибавилъ Чирковъ.

Съ минуту помолчавъ и морща лобъ, словно о чемъ-то соображая, его превосходительство снова спросилъ:

— Вы, конечно, хотите здѣсь устроиться?

— Хотѣлось бы здѣсь, но если здѣсь нельзя, я и отъ службы въ провинціи не прочь.

— Не прочь?—переспросилъ Чирковъ.

Въ тонѣ вопроса звучало удивленіе. Темныя густыя брови Чиркова сдвинулись, лицо его сдѣлалось серьезнѣе.

— Все равно гдѣ ни работать!

— Вы такъ думаете?—протянулъ его превосходительство и, пристально взглянувъ на Стрепетова, сказалъ послѣ небольшой паузы:—мѣсто въ провинціи я могъ бы устроить...

Стрепетовъ просіялъ. Его превосходительство, напротивъ, еще болѣе нахмурился и принялъ прежній видъ административнаго авгура.

— Но долженъ васъ предупредить,—продолжалъ онъ, отчеканивая каждое слово,—что эти мѣста въ провинціи не совсѣмъ...

Чирковъ на секунду остановился, словно бы пріискивая подходящее выраженіе.

— Не совсѣмъ... удобныя! — промолвилъ онъ, чуть-чуть морщась и опуская глаза, какъ бы этимъ дополняя значеніе не совсѣмъ опредѣленнаго эпитета.

Стрепетовъ, очевидно, не понявшій вполнѣ смысла замѣчанія Чиркова, насторожилъ уши, ожидая объясненія.

— Но если, впрочемъ, вы полагаете, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто, и если считаете себя способнымъ исполнять то, что̀ вамъ покажется, быть-можетъ, не совсѣмъ удобнымъ, то получить такое мѣсто, при нѣкоторыхъ условіяхъ, возможно. Хотите такого мѣста? — прибавилъ, понижая голосъ, Чирковъ съ какой-то странной улыбкой во взглядѣ слегка прищуренныхъ глазъ, сохраняя въ то же время безстрастную серьезность физіономіи.

— О неудобныхъ мѣстахъ я вовсе не думалъ! — рѣзко воскликнулъ молодой человѣкъ, краснѣя, какъ маковъ цвѣтъ, отъ охватившаго его волненія.

«Ну, теперь никакого мѣста онъ не дастъ, и чортъ съ нимъ!»—промелькнуло въ головѣ Стрепетова, когда въ слѣдующую же секунду онъ сообразилъ, что отвѣтилъ не совсѣмъ дипломатически.

Но, къ немалому изумленію неопытнаго провинціала, это рѣзкое восклицаніе не только не разсердило его превосходительства, но, напротивъ, повидимому, именно оно и согнало съ его лица офиціальную серьезность и разгладило его нахмуренныя брови.

— Ну, вотъ видите ли,—заговорилъ Чирковъ съ веселымъ смѣхомъ, ласково глядя на взволнованнаго молодого человѣка:—такія неудобныя мѣста вамъ не нравятся... Еще бы!.. Мы, оказывается, не поняли другъ друга, и вышло маленькое qui pro quo...

Онъ пустилъ дымкомъ разъ-другой и замѣтилъ:

— И знаете ли что̀, мой милый Павелъ Сергѣевичъ! Если бы вы и согласились принять подобное мѣсто, я бы вамъ его не далъ, ради памяти вашего отца, котораго я привыкъ уважать!—проговорилъ онъ серьезно и ласково.—На мѣстахъ, о которыхъ я говорилъ, есть особый сортъ людей, выработанный существующимъ на нихъ спросомъ. И они, разумѣется, необходимы, но мало ли что̀ въ природѣ необходимо!.. *Тамъ* нужны воловьи нервы, поменьше развитія и... и осо-

баго рода мужество!—подчеркнулъ Чирковъ. — А у васъ какъ кажется, и нервы чувствительные и, вѣроятно, мужество не то... Да и что вамъ за охота искать мѣста у насъ, да и вообще искать службы?—совершенно неожиданно прибавилъ его превосходительство.

И безъ того удивленный интимной откровенностью бесѣды Чиркова, нашъ молодой человѣкъ совсѣмъ былъ изумленъ послѣднимъ вопросомъ и въ первую минуту рѣшительно не нашелся, что отвѣтить.

«Ужъ не смѣется ли онъ надо мной?» — простодушно подумалъ Стрепетовъ.

Но его превосходительство, казалось, нисколько не смѣялся.

— Или вы честолюбивы и, начиная жизнь, мечтаете о блестящей карьерѣ? Надѣетесь со временемъ, пожалуй, сдѣлаться министромъ?—продолжалъ между тѣмъ, съ шутливой ироніей въ голосѣ, этотъ скептикъ-генералъ, посматривая на ошалѣвшаго искателя мѣста насмѣшливо-снисходительнымъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на неразумныхъ дѣтей.—Такъ я вамъ на это скажу, милѣйшій Павелъ Сергѣевичъ, что намъ съ вами министрами не быть, да это и вовсе не такъ привлекательно, какъ кажется... Замѣтьте, что поговорка о фельдмаршалѣ и солдатѣ значительно устарѣла, и что карьера, которую вы хотите избрать, не изъ пріятныхъ и обѣщающихъ... Да и выдвинуться изъ толпы, при всемъ желаніи, далеко не такъ просто. Кромѣ людей слѣпого случая, принимать который въ разсчетъ нельзя, блестящія карьеры дѣлаютъ или люди съ большими связями, или, въ видѣ исключенія, люди, выдающіеся по способностямъ, умѣющіе въ то же время не выдаваться независимостью мнѣній. И ужъ во всякомъ случаѣ всегда надо быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ... Думаете вы, что можете удовлетворить такимъ условіямъ?

— Я не мечталъ никогда о блестящей карьерѣ. Я просто хотѣлъ служить, чтобы имѣть кусокъ хлѣба и приносить долю пользы, исполняя честно свои обязанности! — сконфуженно проговорилъ Стрепетовъ.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ намѣреніямъ, но дѣло, видите ли, въ томъ, что и приносить пользу не такъ легко, какъ вамъ кажется, и въ концѣ концовъ нерѣдко случается, что приносить вредъ несравненно легче!—усмѣхнулся Чирковъ. — Впрочемъ, и обязанности ваши по службѣ гораздо проще: исполнять то, что прикажутъ, не разсуждая, приноситъ ли это пользу или вредъ, умно или глупо, то-есть составлять бумаги, которыя поручитъ вамъ столоначальникъ или начальникъ отдѣленія, и, разумѣется, не выражать своего

неудовольствія, если порученіе вамъ не нравится... Такого чиновника мы называемъ исполнительнымъ чиновникомъ и такого мы любимъ. Онъ удобенъ для насъ, такъ какъ съ нимъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній!.. Короче говоря, поступая на службу, вамъ, молодой человѣкъ, надо припрятать куда-нибудь подальше свои убѣжденія и заранѣе приготовиться къ обезличенію...

Чирковъ на минуту остановился и продолжалъ:

— И затѣмъ, если вы сумѣете поладить со своимъ начальствомъ и будете изводить бумагу съ достаточной литературностью, то со временемъ, когда служба сдѣлаетъ васъ настоящимъ чиновникомъ, неспособнымъ ни на что, кромѣ составленія докладовъ и записокъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, мѣсто вице-директора будетъ вѣнцомъ вашей карьеры. Вотъ вамъ болѣе или менѣе вѣроятный служебный гороскопъ. Блестящаго въ немъ мало!—прибавилъ Чирковъ.

Добродушное лицо Стрепетова, внимательно слушавшаго эти несомнѣнно искреннія признанія человѣка, занимающаго видный служебный постъ, выражало собой нескрываемое изумленіе, и съ толстыхъ, полураскрытыхъ губъ молодого человѣка чуть-было не сорвался вопросъ, давно уже носившійся въ головѣ:

«Но какъ же вы сами служите?»

Онъ однако не задалъ такого щекотливаго вопроса, вѣроятно, принявъ къ свѣдѣнію только-что преподанные совѣты служебной морали, и только стыдливо потупилъ глаза и сталъ, безъ всякой надобности, разглаживать обшлагомъ фрака только-что купленный цилиндръ.

Но Чирковъ обязательно пришелъ къ нему на помощь.

— Васъ, конечно, удивляетъ, что я говорю такія неутѣшительныя вещи?.. Другому, разумѣется, я не сказалъ бы этого, но дружба къ вашему отцу и просьбы вашей матушки вынуждаютъ меня предупредить о томъ, что̀ васъ ожидаетъ... По крайней мѣрѣ, вы не отговоритесь невѣдѣніемъ,—улыбнулся Чирковъ:—если впослѣдствіи вамъ придется дѣлать то, что̀ вы сами будете считать безполезнымъ или безсмысленнымъ, какъ приходится дѣлать многимъ только потому, что хорошо платятъ и что ужъ поздно̀ мѣнять привычки...

— Но развѣ возможно дойти до такого цинизма? Развѣ можно дѣлать то, что̀ считаешь безполезнымъ или безсмысленнымъ?—взволнованно воскликнулъ Стрепетовъ, охваченный негодованіемъ молодости, не понимавшей еще компромиссовъ, и совсѣмъ забывшій объ осторожности.—Вѣдь это... это...

Онъ не осмѣлился однако докончить фразы, спохватился, переконфузился и умолкъ.

Давно, очень давно не приходилось Чиркову слышать такихъ юношески-свѣжихъ, наивныхъ рѣчей, и, вѣроятно, что-то безвозвратно-минувшее, молодое и свѣжее вспомнилось ему самому, потому что съ лица Чиркова исчезла его характерная ироническая усмѣшка, и онъ смотрѣлъ на взволнованное, сконфуженное лицо молодого человѣка съ мягкой, сочувственной улыбкой, какъ будто приглашая его продолжать.

— Что-жъ вы не договариваете, Павелъ Сергѣевичъ?.. Разъ начали, говорите до конца!.. — подзадоривалъ Чирковъ.—Вѣдь я пока не вашъ начальникъ!—пошутилъ Чирковъ.

Стрепетовъ, совсѣмъ озадаченный этимъ тономъ, еще болѣе смутился.

— Такъ по-вашему это — выразимся помягче — неблаговидно?

— Еще бы!

— И дойти до такого «цинизма» невозможно?

Чирковъ точно нарочно подчеркнулъ слово: «цинизма».

— Мнѣ кажется...

— Вамъ кажется?.. — переспросилъ Чирковъ: — а между тѣмъ все это бываетъ, и съ людьми не совсѣмъ уже дурными, а только слабыми и... боящимися потерять положеніе... И они, вѣроятно, начинали жизнь съ такими же свѣтлыми надеждами, какъ вы, а затѣмъ... мало-по-малу кончали тѣмъ, что привыкали, утѣшая себя мыслью, что на ихъ мѣстахъ могли быть люди еще хуже. Не забудьте притомъ, что люди извѣстныхъ привычекъ скоро утѣшаются болѣе или менѣе подходящими объясненіями, и особенно въ такіе годы, когда уже поздно и трудно мѣнять жизнь. А вы, молодой человѣкъ, еще на распутьѣ. У васъ нѣтъ еще привычекъ, нѣтъ потребности къ извѣстной обстановкѣ, къ комфорту, къ обезпеченному покою, словомъ—вы еще молоды. Потому-то я и совѣтую, прежде чѣмъ избрать карьеру, хорошенько подумать. Развѣ у васъ нѣтъ никакого другого призванія?

— Къ сожалѣнію, никакого! — промолвилъ молодой человѣкъ, все еще находившійся въ подавленномъ состояніи подъ впечатлѣніемъ рѣчей Чиркова.

— Въ такомъ случаѣ ищите себѣ частной службы. По крайней мѣрѣ, будете хоть лучше вознаграждены... Попробуйте... Службу оставьте, какъ послѣдній рессурсъ, а если нужно будетъ все-таки служить, служите въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ вамъ не придется имѣть дѣло непосредственно

съ людьми, съ ихъ судьбою... Напримѣръ, въ банкѣ, что ли... Я охотно похлопочу за васъ, но предупреждаю: не ручаюсь за скорый успѣхъ. Я недостаточно вліятеленъ для этого, и вообще у меня мало связей въ служебномъ мірѣ. Да и вездѣ кандидатовъ больше, чѣмъ мѣстъ. Всѣ идутъ въ чиновники.

Стрепетовъ не успѣлъ еще поблагодарить за обѣщаніе, какъ явившаяся въ кабинетъ горничная доложила, что завтракъ готовъ.

— Пойдемте-ка, Павелъ Сергѣевичъ, — весь оживляясь, проговорилъ Чирковъ и быстро поднялся съ кресла.—Да вы не унывайте пока. Еще время есть, что-нибудь и придумаемъ для васъ!—ласково успокаивалъ Чирковъ обезкураженнаго молодого человѣка.—Проходите! проходите! — любезно подтолкнулъ Чирковъ, пропуская Стрепетова впередъ въ дверяхъ столовой.—Милости просимъ. Водку пьете?

— Нѣтъ.

— Такъ закусите... Пожалуйста, безъ церемоній!

Чирковъ выпилъ рюмку аллаша и принялся закусывать съ жаднымъ аппетитомъ. Закуска была превосходная и разнообразная, свидѣтельствовавшая о привычкѣ хозяина хорошо и тонко ѣсть. Онъ проглотилъ вторую рюмку и, самъ пробуя всѣ сорты закусокъ, предлагалъ гостю то тò, то другое.

— Рекомендую икру... превосходная!—говорилъ онъ, накладывая себѣ полную тарелочку крупной свѣжей икры и посыпая ее зеленымъ лукомъ.—У насъ въ Петербургѣ, въ Милютиныхъ лавкахъ, она, пожалуй, лучше, чѣмъ у васъ на Волгѣ!—продолжалъ Чирковъ, кушая икру съ видимымъ наслажденіемъ.—Ну, теперь подавайте, Аксюша!—приказалъ онъ щеголеватой Аксюшѣ, дожидавшейся у двери.

— Прошу садиться!—весело сказалъ онъ, указывая гостю рукой на стулъ.

И, опустившись самъ на дубовый, съ рѣзной спинкою, стулъ, Чирковъ не спѣша расправилъ салфетку, заткнулъ ее за воротникъ рубашки, осторожно придвинулъ къ себѣ горячую тарелку и принялъ нѣсколько сосредоточенный, серьезный видъ, словно бы приготовляясь не просто завтракать, а свершать культъ чревоугодія.

Аксюша не заставила себя ждать и торопливо внесла блюдо подъ металлическимъ колпакомъ.

Плотоядный огонекъ заблисталъ въ маленькихъ карихъ глазахъ Чиркова при видѣ разварной, красиво гарнированной форели, отъ которой шелъ тонкій паръ, и онъ даже сдѣлалъ невольное движеніе губами, потягивая носомъ вкус-

ный запахъ трюфельнаго соуса. Торопливо предложивъ Стрепетову взять первому, Чирковъ наложилъ себѣ на тарелку рыбы и, обливъ ее соей, сталъ ѣсть, чуть-чуть причмокивая, необыкновенно вкусно и аккуратно, изрѣдка обращаясь къ Стрепетову съ отрывистыми, короткими вопросами.

— Что-жъ вы не пьете вина? Пейте бѣлое вино!—почти приказалъ онъ, замѣтивъ, что Стрепетовъ берется за бутылку съ краснымъ виномъ.

Молодой человѣкъ видимо затруднялся, не зная, въ какую рюмку наливать, и Чирковъ самъ налилъ ему въ зеленую рюмку, вновь наполнивъ потомъ и свою.

— Вино доброе!—какъ бы про себя промолвилъ онъ, смакуя небольшими глотками золотистую влагу съ наслажденіемъ гурмана.

Послѣ рыбы Аксюша подала сочный, дымящійся ростбифъ. Чирковъ ѣлъ кровавый ростбифъ и острыя пикули съ прежнимъ аппетитомъ, запивая чуть-чуть тепловатымъ бургонскимъ віолетомъ изъ маленькаго стаканчика, который то и дѣло наполнялъ, не доливая, по обычаю любителей, до краевъ. Бутылка скоро убывала.

«Чревоугодникъ!»—мысленно окрестилъ Чиркова молодой человѣкъ, бросая взгляды на оживившееся, чуть-чуть зарумянившееся лицо хозяина, на его подернутые маслянистымъ блескомъ, сузившіеся глаза. Что-то животное, грубо-чувственное было теперь въ этомъ кругломъ, обрюзгшемъ, полномъ лицѣ.

Неужели ради чрева и онъ сознательно готовъ дѣлать «безполезное и безсмысленное»?—спрашивалъ Стрепетовъ, стараясь уяснить себѣ этого страннаго человѣка, возбуждавшаго въ немъ самыя разнородныя чувства.

И эта свѣжая, пригожая, щегольски одѣтая Аксюша, державшая себя слишкомъ непринужденно для обыкновенной горничной, и этотъ, намекавшій на что-то интимное, тонъ ласковой фамильярности, съ какимъ говорилъ съ ней Чирковъ,—все показалось теперь нѣсколько страннымъ и подозрительнымъ нашему молодому провинціалу.

— Теперь кусочекъ рокфора!—предложилъ Чирковъ.

Но Стрепетовъ, никогда не ѣдавшій этого сыра и испугавшійся его вида, отказался.

— Напрасно... напрасно!—проговорилъ Чирковъ не безъ сожалѣнія къ «варвару», не понимающему еще пикантной прелести рокфора.—Это превосходный сыръ!—прибавилъ Чирковъ, отрѣзывая ломоть.

Онъ затѣмъ снялъ съ себя салфетку, чуть-чуть отодвинулся

отъ стола, вздохнувъ съ довольнымъ видомъ насладившагося человѣка, и закурилъ сигару. Аксюша между тѣмъ, убравъ со стола, принесла двѣ маленькія чашки кофе и графинчикъ съ коньякомъ.

— Это хорошо для пищеваренія!—замѣтилъ Чирковъ, наливая себѣ крохотную рюмку fine champagne въ чашку.— Совѣтую...

Но Стрепетовъ и отъ этого уклонился.

—Ну, теперь разсказывайте, кто у васъ есть въ Петербургѣ?.. Кажется, родные вашего покойнаго отца здѣсь?

— Только одна двоюродная тетка... Варницкая...

— Варницкая? Вдова извѣстнаго богача Варницкаго?

— Она самая.

— Такъ она можетъ быть вамъ очень полезна, ваша двоюродная тетушка. У нея большія знакомства и связи. Притомъ ваша тетушка очень хорошенькая женщина.

— Я никогда ее не видалъ.

— Такъ поскорѣй познакомьтесь съ ней. Она, повторяю, можетъ быть очень полезна. Женщины, да еще хорошенькія, могутъ сдѣлать, коли захотятъ, болѣе чѣмъ кто-либо!—промолвилъ Чирковъ. — Особенно такая, какъ Валентина Марковна. Она вамъ родня по матушкѣ?

— Кажется...

— А вы даже точно и не справились?—улыбнулся Чирковъ. И, помолчавъ съ минуту, спросилъ:

— Ну, а знакомые среди молодежи здѣсь есть?

— Ни души...

— И ни къ кому васъ не рекомендовали?

— Нѣтъ.

— И не ищите подобныхъ знакомствъ, а главное, не посѣщайте никакихъ кружковъ, а то, того и гляди, впутаетесь въ какую-нибудь исторію и... конецъ извѣстный. Шутить не будутъ!—съ усмѣшкой прибавилъ Чирковъ.

Стрепетовъ невольно вспомнилъ, что въ первый же день пріѣзда его уже во второй разъ предупреждаютъ объ осторожности, хотя онъ, казалось, и не подавалъ къ тому ни малѣйшаго повода.

— Надѣюсь, вы вѣдь не изъ безпокойныхъ элементовъ?— полушутя-полусерьезно допрашивалъ Чирковъ.

Стрепетовъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— То-то... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь здравомыслящему человѣку витать въ нелѣпыхъ мечтаніяхъ. И гдѣ же? У насъ, въ Россіи, въ соломенномъ царствѣ, гдѣ семьдесятъ милліоновъ до сихъ поръ живутъ въ родѣ дикарей,

а остальные классы индифферентны ко всему, что не касается ихъ лично... Снова повторяю вамъ: берегитесь знакомствъ. При вашей экспансивности, вы и не замѣтите, какъ поддадитесь вліянію разныхъ сумасбродныхъ рѣчей. Мечтайте про себя, если вамъ это нравится, о чемъ угодно, но только будьте мудры, какъ змій, и чисты, какъ голубь... Это испытанная мораль!..—весело засмѣялся Чирковъ. —Такъ, кромѣ тетушки, у васъ здѣсь никого?

— Рѣшительно никого!

— И вы пріѣхали сюда искать мѣста, надѣясь на тетушку и на рекомендательное письмо ко мнѣ?

— У меня есть еще рекомендательныя письма! — быстро возразилъ Стрепетовъ, задѣтый этимъ допросомъ.

— Ну, не очень-то на нихъ надѣйтесь... Письма эти достигаютъ своей цѣли только тогда, когда рекомендующій нуженъ тому лицу, которому пишетъ. Въ противномъ случаѣ письма рвутъ и говорятъ рекомендованнымъ обычныя фразы соболѣзнованія... Къ кому у васъ письма?

Стрепетовъ сказалъ.

— И къ Неустроеву? — усмѣхнулся какъ-то странно Чирковъ.—Отъ кого, если не секретъ?

Молодой человѣкъ сообщилъ, что отъ дальняго его родственника.

— Что-жъ, развезите свои письма. Во всякомъ случаѣ познакомиться съ разными лицами небезполезно для житейскаго опыта. Но, если успѣха не будетъ, навѣдайтесь ко мнѣ. У меня въ ожиданіи лучшаго найдется для васъ работа,— небольшая, правда, но все же лучше, чѣмъ ничего. Я, видите ли, давно собираюсь привести въ порядокъ свою библіотеку и составить каталогъ моимъ коллекціямъ.

«Ужъ не нарочно ли для меня онъ сочиняетъ работу?» — почему-то пришло на умъ Стрепетову.

— Вы четко пишете?

— Кажется...

— Такъ кстати мнѣ нужно было бы и переписать одну мою работу.

Молодой человѣкъ любопытно взглянулъ на Чиркова. «Неужели этотъ музыкантъ-генералъ и литературой занимается?»

— Я кое-что пишу по археологіи въ часы досуга!—скромно промолвилъ онъ. — Однако второй часъ. Пора и отбывать повинность! — прибавилъ, усмѣхнувшись, Чирковъ и лѣниво поднялся съ мѣста.

Стрепетовъ сталъ-было откланиваться, но Чирковъ остановилъ его.

— Подождите минутку... Я васъ подвезу... Вы отсюда куда? Развозить свои письма?—съ ласковой шуткой спросилъ Чирковъ.

— Да.

— Къ Неустроеву поздно. Онъ, я знаю, принимаетъ отъ 10-ти до 12-ти. Лучше всего вамъ ѣхать къ Гринбеку. Онъ сидитъ у себя въ банкѣ и всегда принимаетъ! — замѣтилъ Чирковъ, уходя въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ онъ вышелъ въ вицмундирѣ, со звѣздой, съ небольшимъ портфелемъ въ рукахъ.

— Ѣдемте, молодой человѣкъ!

Они спустились по лѣстницѣ. Маленькая, хорошенькая каретка, запряженная парою шведскихъ крѣпкихъ лошадокъ, стояла у подъѣзда. Рыжеусый швейцаръ былъ тутъ же, вытянувшись въ струнку и готовый подсадить генерала.

— У Земледѣльческаго банка остановишься!—сказалъ Чирковъ кучеру и, пригласивъ молодого человѣка садиться, сѣлъ въ карету.

Черезъ четверть часа карета остановилась у подъѣзда банка, и Стрепетовъ вышелъ изъ кареты.

— Дай Богъ вамъ успѣха, милый Павелъ Сергѣевичъ!—ласково промолвилъ Чирковъ, пожимая руку молодого человѣка.—Не забудьте же моего предложенія, если, къ сожалѣнію, не найдете ничего лучшаго. Въ шесть часовъ, кромѣ субботъ, я всегда дома. Приходите прямо къ обѣду. Привѣтъ вашей матушкѣ отъ меня!..

Карета покатилась, и молодой человѣкъ вошелъ въ широкія двери внушительнаго подъѣзда Земледѣльческаго банка.

VIII.

И высокій сѣдой швейцаръ Земледѣльческаго банка, молчаливо, съ серьезнымъ достоинствомъ снявшій съ Стрепетова пальто, и пріемная зала, большая, нѣсколько мрачная отъ тяжелыхъ зеленыхъ гардинъ на большихъ окнахъ, съ громаднымъ круглымъ столомъ посрединѣ, готическими высокими креслами и небольшими диванчиками по стѣнамъ, и наконецъ молодой человѣкъ, встрѣтившій Стрепетова въ пріемной,—словомъ, все здѣсь произвело на нашего провинціала впечатлѣніе чего-то строгаго, внушительнаго и солиднаго.

И Стрепетовъ нѣсколько оробѣлъ, очутившись въ этомъ святилищѣ земледѣльческаго кредита, и не сразу заговорилъ, когда молодой человѣкъ для справокъ и для пріема посѣтителей, элегантный и представительный, въ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, предупредительно пошелъ къ нему навстрѣчу

съ вопросительно-любезнымъ выраженіемъ на своей самодовольной, прилизанной физіономіи.

— Что вамъ угодно?—спросилъ наконецъ онъ серьезнымъ и въ то же время такимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ, словно боялся нарушить строгую тишину, царившую въ этой большой залѣ. — Желаете подать заявленіе о залогѣ имѣнія?— продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и большею сухостью въ тонѣ послѣ бѣглаго осмотра Стрепетова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—торопливо отвѣтилъ Стрепетовъ, невольно стараясь говорить такъ же тихо, какъ и этотъ элегантный молодой человѣкъ, и улыбаясь при мысли, что ему предлагаютъ закладывать имѣніе. — Мнѣ нужно увидать г. Гринбека... Можно?..

Съ лица молодого человѣка для справокъ быстро слетѣла вопросительно-пріятная улыбка. Словно досадуя на себя, что онъ не сразу угадалъ просителя, банковскій молодой человѣкъ принялъ сосредоточенно-строгій видъ и, внезапно почувствовавъ необходимость освидѣтельствовать свои изящно отточенные ногти, опустилъ на нихъ глаза и замѣтилъ, нѣсколько растягивая слова:

— Вамъ придется подождать. Господинъ управляющій въ настоящее время занятъ. Потрудитесь дать вашу карточку.

— Карточку?..—переспросилъ Стрепетовъ.

Молодой человѣкъ для справокъ поднялъ на Стрепетова удивленный взглядъ и отчеканилъ еще внушительнѣе:

— Такъ точно-съ. Вашу визитную карточку!

— Я... я, видите ли, забылъ взять съ собой карточки!— отвѣчалъ Стрепетовъ, невольно краснѣя отъ сорвавшейся съ языка лжи и досадуя, что забылъ обзавестись такимъ необходимымъ въ столицѣ предметомъ.—Можно, я думаю, доложить такъ... безъ карточки! — не безъ ироніи продолжалъ онъ, чувствуя желаніе какъ-нибудь уязвить молодого человѣка:— кандидатъ университета Стрепетовъ.

Молодой человѣкъ для справокъ недаромъ старался подражать манерамъ тѣхъ элегантныхъ заемщиковъ, о которыхъ ему приходилось докладывать уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Стрепетова онъ только деликатно пожалъ плечами, точно удивляясь, что есть на свѣтѣ люди безъ визитныхъ карточекъ, записалъ на клочкѣ бумаги фамилію Стрепетова и проговорилъ все тѣмъ же тихимъ голосомъ:

— Не угодно ли будетъ вамъ присѣсть. Я доложу, когда господинъ управляющій будетъ свободенъ.

— А онъ скоро будетъ свободенъ?

— Этого я предвидѣть не могу! — съ снисходительной усмѣшкой процѣдилъ молодой человѣкъ для справокъ.

И, повидимому, необыкновенно довольный своимъ умѣньемъ говорить съ посѣтителями, онъ отошелъ отъ Стрепетова, граціозно переваливаясь со стороны на сторону (такъ переваливался одинъ владѣлецъ заложенныхъ 20.000 десятинъ), и снова усѣлся въ свое кресло, рядомъ съ большими дверями, закрытыми портьерой, за которыми былъ самый алтарь этого громаднаго храма—комната засѣданій правленія и въ то же время кабинетъ управляющаго банкомъ, Эрнеста Богдановича Гринбека.

Оглядѣвъ еще разъ свои руки и смахнувъ мизинцемъ пушинку съ своего безукоризненнаго редингота, за который пришлось отдать Тедески чуть ли не все мѣсячное жалованье, молодой человѣкъ для справокъ сталъ читать «Journal de St.-Pétersbourg», отрываясь отъ газеты каждый разъ, какъ только кто-нибудь изъ посѣтителей входилъ въ пріемную.

Присѣвъ на боковой диванчикъ, Стрепетовъ съ покорнымъ терпѣніемъ ждалъ, когда наконецъ управляющій перестанетъ быть очень занятъ. Все, повидимому, говорило, что эта вожделѣнная минута наступитъ нескоро. Въ залѣ попрежнему царила строгая тишина. Только по временамъ доносились откуда-то тихіе звонки электрическихъ аппаратовъ, и вслѣдъ затѣмъ черезъ пріемную проходили въ кабинетъ разные служащіе съ кипами бумагъ, съ бухгалтерскими книгами и съ тѣмъ же отпечаткомъ серьезности и солидности на лицахъ и на костюмахъ, который, казалось, былъ здѣсь на всѣхъ и на всемъ и какъ бы подтверждалъ репутацію этого учрежденія, образцоваго, какъ гласила молва, по порядкамъ, веденію дѣла и дисциплинѣ.

Въ кабинетъ управляющаго входили разныя лица, изъ него выходили разныя лица, а Стрепетовъ все сидѣлъ и ждалъ. И чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ удрученнѣе становилось его расположеніе духа.

Куда дѣвалась та бодрая, молодая вѣра, съ какой онъ еще сегодня утромъ пріѣхалъ въ Петербургъ? Онъ ужъ теперь не такъ надѣялся на свои рекомендательныя письма и не торопился доставать изъ бокового кармана письмо къ Эрнесту Богдановичу Гринбеку. Откровенныя признанія Чиркова произвели на простодушнаго провинціала сильное и безотрадное впечатлѣніе.

Совсѣмъ не знавшій еще изнанки жизни и людей, слишкомъ оберегаемый заботливой матерью отъ раннихъ разочарованій, Стрепетовъ, привыкшій вѣрить словамъ, невольно

преувеличивалъ значеніе словъ страннаго бюрократа, и, раздумывая теперь объ этомъ свиданіи, припоминая все то, что̀ слышалъ сегодня, онъ не разъ спрашивалъ себя:—«Неужели все, что̀ говорилъ Чирковъ, правда?»

Не было, казалось, причины не вѣрить ему. Многое, о чемъ приходилось читать, о чемъ доводилось слышать и чему не хотѣлось вѣрить, находило теперь какъ бы подтвержденіе въ этихъ, возмущающихъ молодое сердце, признаніяхъ Чиркова.

И тяжелыя сомнѣнія, невеселые вопросы невольно напрашивались сами собой въ его голову, требуя отвѣта, а перспектива, о которой Чирковъ говорилъ съ такою ядовитой горечью, казалась ему теперь, послѣ размышленій, еще страшнѣе и отвратительнѣе.

«Избави Богъ отъ нея!» — открещивался Стрепетовъ при одной мысли, что и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ такъ же лицемѣрно жить, какъ и этотъ чиновный скептикъ и, вѣроятно, множество людей.

А время между тѣмъ шло, пока молодой человѣкъ предавался невеселымъ размышленіямъ въ большой пріемной Земледѣльческаго банка. Онъ взглянулъ на часы. Прошелъ уже цѣлый часъ, какъ онъ ждетъ, а о немъ точно забыли.

«Однако когда-жъ этотъ франтъ доложитъ своему управляющему?»—спохватился Стрепетовъ, посматривая не особенно дружелюбно на молодого человѣка для справокъ.

И онъ рѣшительно поднялся съ дивана.

Банковскій чиновникъ отлично видѣлъ приближеніе Стрепетова, но не тронулся съ мѣста и, казалось, еще внимательнѣе сталъ читать газету.

— Извините, пожалуйста, что я отвлекаю васъ отъ чтенія,—началъ Стрепетовъ, стараясь по возможности говорить спокойнѣе, несмотря на охватившее его волненіе, когда это серьезное, самодовольно-глупое лицо уставилось на него изъ-за газетнаго листа. — Что̀, г. управляющій все еще очень занятъ?

— Господинъ управляющій теперь принимаетъ доклады начальниковъ отдѣленій,—съ важностью произнесъ тотъ.

— Но въ настоящую минуту у него, кажется, никого нѣтъ?—слегка возвысилъ голосъ Стрепетовъ.

— Но къ чему же вы изволите такъ волноваться?—проговорилъ молодой человѣкъ для справокъ еще тише, бросая испуганный взглядъ на двери.—Я доложу о васъ, какъ только будетъ возможно.

— А когда будетъ возможно?—рѣзко спросилъ Стрепетовъ.

Шокированный этимъ непривычнымъ здѣсь рѣзкимъ тономъ

безпокойнаго просителя, элегантный молодой человѣкъ для справокъ, видимо, струсилъ, боясь, какъ бы не произошло какого-нибудь крупнаго разговора, который нарушитъ благоговѣйную тишину этого строгаго святилища. Онъ тотчасъ же вскочилъ съ кресла и, бросая глупо-испуганные взгляды на двери, сразу измѣнилъ манеру, заговоривъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ.

Онъ сейчасъ же убѣдится, занятъ ли господинъ управляющій. Если онъ не очень занятъ, то онъ доложитъ, коль скоро господину Стрепетову ужъ такъ необходимо видѣть г. управляющаго, что онъ не можетъ подождать лишнихъ четверти часа.

— Позвольте узнать, по какому дѣлу вамъ угодно видѣть управляющаго?—заключилъ свои объясненія струсившій молодой человѣкъ для справокъ.

— Я пришелъ просить мѣста!—храбро проговорилъ Стрепетовъ.

— Мѣста? Здѣсь?

И молодой человѣкъ посмотрѣлъ во всѣ глаза на Стрепетова, точно на человѣка, только-что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома.

— Ну да, здѣсь!—ужъ далеко не съ прежней храбростью промолвилъ Стрепетовъ.

— Напрасно только будете безпокоить Эрнеста Богдановича. Онъ вѣдь такъ занятъ, такъ занятъ!—говорилъ молодой человѣкъ для справокъ, выражая въ то же время на лицѣ своемъ глубочайшее сочувствіе къ положенію Эрнеста Богдановича.—Сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ настоящее время нѣтъ ни одной вакансіи. Ни одной!—прибавилъ онъ, выговаривая: «ни одной!» съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.—И кромѣ того, долженъ васъ предупредить, господинъ Стрепетовъ, въ наше учрежденіе очень трудно попасть. Многіе добиваются этой чести и...

— И не могутъ добиться этой чести?—насмѣшливо перебилъ Стрепетовъ.

— Да-съ... не могутъ. Надо имѣть весьма солидныя рекомендаціи. Если вы ужъ такъ настаиваете, я доложу, но, повторяю, напрасно вы будете безпокоить г. управляющаго. Не лучше ли передать ему вашу докладную записку?.. Онъ вѣдь такъ занятъ, такъ занятъ!.. Или у васъ, быть-можетъ, есть рекомендаціи отъ какихъ-нибудь вліятельныхъ лицъ?.. О, въ такомъ случаѣ...

— Потрудитесь, пожалуйста, доложить! — рѣзко прервалъ Стрепетовъ эти совѣты.

Молодой человѣкъ безнадежно пожалъ плечами и направился къ дверямъ. Предварительно онъ обдернулъ сюртукъ, поправилъ волосы, тихонько кашлянулъ раза два и только послѣ всѣхъ этихъ манипуляцій осмѣлился пріотворить завѣтныя двери, сперва осторожно просунуть свою рыжеватую голову и затѣмъ ужъ войти.

«Экая лакейская душа!» — мысленно напутствовалъ его Стрепетовъ.

— Пожалуйте!—прошепталъ, возвращаясь черезъ минуту, молодой человѣкъ для справокъ и, въ свою очередь, проводилъ Стрепетова злорадной усмѣшкой, полной увѣренности, что дѣло безпокойнаго просителя безнадежно.

Плотный бѣлокурый господинъ, лѣтъ за сорокъ, съ большой окладистой бородой, сидѣвшій за письменнымъ столомъ близъ дверей, въ большой комнатѣ, среди которой стоялъ громадный столъ, съ разставленными вокругъ высокими креслами, поднялъ большіе голубые глаза на вошедшаго Стрепетова, отвѣчая на его поклонъ сдержаннымъ наклоненіемъ головы. Его широкое, бѣлое, съ болѣзненной желтизной, лицо глядѣло строго, серьезно и холодно, но въ выраженіи глазъ было что-то ласковое, смягчавшее суровую серьезность физіономіи.

— Кандидатъ университета,—началъ-было Стрепетовъ обычную свою формулу представленія.

Но управляющій остановилъ его словами:

— Извините, пожалуйста, но я долженъ васъ предварить, что безъ рекомендацій мы никого не принимаемъ.

— Какъ же, какъ же! У меня есть къ вамъ письмо.

И Стрепетовъ торопливо вынулъ изъ цилиндра конвертъ и не безъ надежды вручилъ его господину Гринбеку.

Тотъ развернулъ письмо, взглянулъ на подпись и только тогда указалъ Стрепетову на кресло подлѣ стола—честь, которой удостоивались немногіе просители.

Окончивъ чтеніе письма, онъ сказалъ:

— Рекомендаціи о васъ, г. Стрепетовъ, превосходныя, и мнѣ будетъ весьма пріятно имѣть васъ въ числѣ служащихъ нашего учрежденія. Мы принимаемъ съ большимъ выборомъ!— строго прибавилъ Эрнестъ Богдановичъ, оглядывая молодого человѣка.

Стрепетовъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія, что все устроилось такъ просто и скоро, и счелъ долгомъ весело поклониться въ отвѣтъ на такой комплиментъ.

— Но имѣете ли вы отчетливое представленіе о значеніи

нашего учрежденія, о характерѣ нашихъ занятій и о нашемъ, такъ сказать, іерархическомъ устройствѣ? — продолжалъ господинъ Гринбекъ съ такою серьезностью въ лицѣ и тонѣ голоса, будто рѣчь шла о столь недоступномъ по своей важности предметѣ, понять который можетъ не всякій смертный.

И Стрепетовъ, смущенный этимъ серьезнымъ тономъ, вообразилъ, будто въ самомъ дѣлѣ трудности этого представленія слишкомъ велики для такого непосвященнаго, какъ онъ, и, словно чувствуя себя виноватымъ, что ранѣе не позаботился объ ихъ преодолѣніи, онъ, не безъ смущенія, откровенно сознался, что «отчетливаго представленія не имѣетъ».

— Въ такомъ случаѣ я васъ предварительно познакомлю съ этимъ, чтобы вы впередъ знали, на что можете разсчитывать, и чтобы въ случаѣ поступленія къ намъ потомъ не искали другого мѣста. Признаюсь, я не люблю служащихъ, которые часто мѣняютъ мѣста. Это не рекомендуетъ ихъ и вредно отзывается на веденіи дѣла.

Вслѣдъ затѣмъ господинъ Гринбекъ объяснилъ Стрепетову важность и значеніе Земледѣльческаго банка, разсказалъ въ краткихъ чертахъ о характерѣ занятій и, порекомендовавъ ознакомиться съ подробностями изъ устава, который тутъ же и вручилъ Стрепетову, перешелъ къ іерархическому устройству.

Вѣроятно, для большей наглядности, господинъ Гринбекъ предварительно взялъ карандашъ и листъ бѣлой бумаги и нарисовалъ нѣчто похожее на стволъ дерева. Сдѣлавъ это, онъ продолжалъ, указывая большимъ длиннымъ карандашомъ на рисунокъ, попрежнему серьезно и внушительно:

— Дерево это представляетъ собой, такъ сказать, наглядное изображеніе нашего учрежденія. Вотъ этотъ корень — правленіе и оцѣночная комиссія. Стволъ—главный ихъ исполнительный органъ—управляющій банкомъ. Вы, конечно, и не претендуете пока на это мѣсто?—прибавилъ онъ, останавливаясь на минуту.

И безъ того удивленный началомъ этого иллюстрированнаго объясненія, Стрепетовъ при послѣднихъ словахъ вспыхнулъ. «Не смѣется ли надъ нимъ этотъ человѣкъ, предлагая подобный вопросъ?» Но достаточно было взглянуть на спокойное, строгое лицо управляющаго, чтобы всякая мысль о возможности насмѣшки исчезла, что не помѣшало однако Стрепетову нѣсколько смутиться отъ столь неожиданнаго предположенія и деликатно промолчать.

Принявъ, очевидно, смущеніе молодого человѣка за выраженіе нежеланія претендовать на столь отвѣтственное мѣсто, управляющій послѣ паузы продолжалъ:

— И, слѣдовательно, не будемъ больше говорить объ этомъ мѣстѣ и пойдемъ далѣе. Вотъ эти вѣтви (и господинъ Гринбекъ при этомъ послѣдовательно проводилъ карандашомъ отъ ствола боковыя вѣтви) представляютъ бухгалтера, кассира, контролера и начальниковъ четырехъ отдѣленій. Эти мѣста всѣ заняты, и нѣтъ основаній предполагать, чтобы они въ скоромъ времени освободились. Засимъ у каждаго изъ названныхъ лицъ есть помощники (карандашъ опять наглядно изобразилъ ихъ въ видѣ боковыхъ сучковъ), комплектъ которыхъ тоже полонъ, и тоже нѣтъ причинъ думать, чтобы скоро открылась вакансія. Затѣмъ ужъ идутъ остальные младшіе наши служащіе: конторщики и переписчики. Ихъ у насъ много, человѣкъ до ста...

И управляющій уже съ меньшей, чѣмъ прежде, тщательностью провелъ значительное число боковыхъ черточекъ отъ всѣхъ сучковъ, и такимъ образомъ на листѣ бумагѣ получилось довольно большое и раскидистое бюрократическое дерево Земледѣльческаго банка, которое управляющій оглядывалъ съ тѣмъ спокойнымъ чувствомъ гордости и удовольствія, съ какимъ патріархальные отцы смотрятъ на свое многочисленное потомство.

И Стрепетову, тоже въ значительной степени заинтересованному этимъ деревомъ, въ одномъ изъ маленькихъ листочковъ котораго онъ ужъ какъ будто видѣлъ и себя, показалось, что большіе голубые глаза г. Гринбека свѣтились ярче, и все его строгое и холодное лицо словно просвѣтлѣло.

Полюбовавшись деревомъ, управляющій снова заговорилъ:

— Обыкновенно поступающіе къ намъ начинаютъ съ начала и со временемъ подвигаются впередъ, если открывается вакансія. Жалованье на первое время мы обыкновенно даемъ конторщику сорокъ рублей. Постепенно оно можетъ быть увеличено для старшаго конторщика до семидесяти пяти и даже до ста рублей. Кромѣ того ежегодно бываютъ награды. Работаютъ у насъ съ десяти до четырехъ часовъ, но въ исключительныхъ случаяхъ служащіе не должны отказываться и отъ вечернихъ занятій. Конторщикъ можетъ ежегодно пользоваться двухнедѣльнымъ отпускомъ и, въ случаѣ болѣзни, не свыше мѣсяца, сохраняя за собою жалованье. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть, что хотя наше учрежденіе и частное, но у насъ существуетъ строгая дисциплина въ отношеніяхъ. Я, какъ бывшій военный, очень стою за нее!.. Каждый начальникъ отдѣленія вполнѣ у себя хозяинъ, и если онъ недоволенъ своимъ служащимъ, то я немедленно же увольняю такого, не входя ни въ какія объясненія. Вамъ, быть-можетъ,

какъ бывшему студенту, эти требованія дисциплины покажутся нѣсколько строгими,—такъ я счелъ долгомъ васъ заранѣе предупредить.

Слушая всѣ эти объясненія, Стрепетовъ не сомнѣвался, что мѣсто у него въ карманѣ. Иначе къ чему бы управляющій терялъ напрасно столь дорогое для него время на рисованіе и на комментаріи? Правда, Стрепетова нѣсколько смущала дисциплина, которой стращалъ Гринбекъ, и кромѣ того онъ уже начиналъ испытывать томленіе отъ этого медленнаго, однообразнаго и нѣсколько торжественнаго голоса; но вѣдь не солдатская же дисциплина въ этомъ солидномъ учрежденіи, и въ числѣ будущихъ обязанностей Стрепетова не будетъ обязанности ежедневно выслушивать управляющаго! И потому нашъ молодой человѣкъ, предвидя близость радостнаго конца, улыбался, словно именинникъ, и въ головѣ его уже мелькнули дерзкія мысли о томъ, что кромѣ банка онъ можетъ имѣть еще другія занятія, и можно, пожалуй, тогда выписать мать и сестеръ. То-то будетъ славно!

Послѣ небольшой паузы управляющій замѣтилъ:

— Я изложилъ вамъ условія, которыя нами требуются, и вамъ остается принять или не принять ихъ.

Но прежде, чѣмъ Стрепетовъ хотѣлъ-было отвѣчать, управляющій сказалъ:

— Еще одинъ вопросъ: вы знаете бухгалтерію?

— Немного знакомъ.

— Тѣмъ лучше. Вы, значитъ, можете разсчитывать на окладъ въ пятьдесятъ рублей съ перваго же мѣсяца.

— Я охотно поступлю на этихъ условіяхъ и надѣюсь оправдать рекомендацію!—застѣнчиво прибавилъ Стрепетовъ, полный радостнаго чувства.

— Въ такомъ случаѣ,—началъ господинъ Гринбекъ, произнося слова еще медленнѣе и значительнѣе, какъ будто приготовляя слушателя къ чему-то необыкновенно-важному:—въ такомъ случаѣ вы можете, господинъ Стрепетовъ, разсчитывать на мѣсто въ нашемъ учрежденіи, и я отнынѣ считаю васъ кандидатомъ!—заключилъ онъ съ такой торжественной серьезностью, словно бы произносилъ обѣтъ посвященія новичка не въ конторщики, а въ рыцари Земледѣльческаго банка.

— Кандидатомъ!?—невольно вырвалось у молодого человѣка. И лицо его мгновенно вытянулось, и голосъ упалъ.

— Ну, разумѣется, кандидатомъ! — проговорилъ Эрнестъ Богдановичъ. И, замѣтивъ быструю перемѣну въ настроеніи молодого человѣка, обязательно пояснилъ:—Пока у насъ ва-

кансій нѣтъ. Ни одной, конечно! — прибавилъ управляющій банкомъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о вещахъ, не допускающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія. — Но одна изъ первыхъ же вакансій на мѣсто конторщика будетъ за вами. Хотя у насъ и записано уже человѣкъ пятьдесятъ кандидатовъ, но въ виду вашихъ превосходныхъ рекомендацій и въ виду...— Тутъ управляющій нѣсколько замялся, подыскивая вторую причину, вмѣсто настоящей — благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него Стрепетовымъ:—и въ виду вашего образовательнаго ценза, — наконецъ счастливо нашелся онъ,— вы будете имѣть преимущественное право. Потрудитесь сказать въ пріемной, чтобы васъ записали въ книгу кандидатовъ, и, въ случаѣ перемѣны адреса, сообщите сюда.

— И... и скоро можно надѣяться?

— Этого я вамъ не могу сказать. Быть-можетъ. черезъ мѣсяцъ, два, три, а быть-можетъ, и черезъ большій промежутокъ времени. Во всякомъ случаѣ навѣдайтесь къ намъ черезъ мѣсяцъ! — промолвилъ управляющій и придвинулъ къ себѣ бумаги, какъ бы давая этимъ знать, что объясненіе кончено.

Читатель, бывавшій въ положеніи нашего молодого человѣка, легко можетъ себѣ представить, съ какимъ видомъ изумленія, разочарованія и досады вышелъ Стрепетовъ изъ кабинета и торопливо прошелъ чрезъ пріемную, позабывъ даже записаться въ книгу кандидатовъ,

«И къ чему онъ такъ распространялся?! Точно не могъ сразу сказать, что вакансій нѣтъ, а то рисовалъ, тянулъ-тянулъ душу и... «я считаю васъ кандидатомъ!»—передразнилъ онъ г. управляющаго и, должно сознаться, не отказалъ себѣ въ удовольствіи мысленно послать его туда, куда обыкновенно посылаютъ люди другихъ людей въ первую минуту досады.

Если бы Стрепетовъ зналъ, что г. Гринбекъ рисуетъ деревья, поясняя рисунокъ объяснительнымъ текстомъ, только просителямъ, которые почему-либо удостоиваются его особеннаго вниманія и заслуживаютъ чести быть записанными въ кандидаты, то онъ, навѣрное, удержался бы отъ нѣкоторыхъ эпитетовъ, которыми про себя надѣлялъ г. управляющаго, очутившись на широкой лѣстницѣ, главнымъ образомъ за то, что пришлось такъ жестоко обмануться.

«Однако что-жъ это я?.. Все-таки записаться не мѣшаетъ на всякій случай!»—спохватился вдругъ Стрепетовъ, останавливаясь у конца лѣстницы.

И, торопливо вернувшись назадъ, онъ уже съ меньшимъ смущеніемъ подошелъ къ молодому человѣку для справокъ и,

стараясь скрыть передъ нимъ свое разочарованіе, развязно проговорилъ:

— А я, было, и забылъ передать вамъ приказаніе управляющаго. Потрудитесь, пожалуйста, записать меня въ книгу кандидатовъ.

— То-то, я, признаться, удивился, что вы такъ скоро ушли... Сію минуту я запишу васъ! — съ особенной учтивостью промолвилъ молодой человѣкъ для справокъ, очевидно, уже успѣвшій принять къ свѣдѣнію долгій визитъ Стрепетова у управляющаго.

Записавъ въ толстую книгу адресъ, онъ прибавилъ съ любезной фамильярностью:

— Вѣроятно, будемъ сослуживцами. Позвольте познакомиться.

Онъ какъ-то поспѣшно назвалъ свою фамилію, протянулъ руку и спросилъ:

— Вѣрно, Эрнестъ Богдановичъ вамъ рисовалъ дерево?

— Рисовалъ.

— Ну, такъ поздравляю. Вы, значитъ, очень понравились управляющему. Какое мѣсто онъ обѣщалъ вамъ?

— Мѣсто конторщика.

— На сорокъ рублей?

— Нѣтъ, на пятьдесятъ.

— Вотъ какъ! Сразу на пятьдесятъ! Значитъ, вы поступите въ бухгалтерію. Это большой для васъ шансъ.

— Почему?

— Въ бухгалтеріи вы можете мѣсяца черезъ три получить семьдесятъ пять рублей, и вообще тамъ служба виднѣе. Теперь вамъ остается только ждать, когда очистится вакансія.

— А долго придется ждать, какъ вы думаете?

— Все зависитъ отъ случая. La fatalité, какъ говоритъ Прекрасная Елена... Я, напримѣръ, полгода ждалъ.

— Полгода!—удивился Стрепетовъ, не знавшій еще, какъ долго въ Петербургѣ ждутъ мѣстъ.

— Это еще что—полгода! Есть товарищи, которые по году ждали, чтобы получить у насъ мѣсто. Вѣдь наше учрежденіе недаромъ пользуется репутаціей. Служба здѣсь вполнѣ приличная, самъ Эрнестъ Богдановичъ — превосходный начальникъ, и наконецъ примите во вниманіе, кто такіе кліенты нашего банка. Здѣсь вы можете увидѣть людей лучшихъ фамилій, настоящихъ аристократовъ, высокопоставленныхъ лицъ, богачей, лэндъ-лордовъ—такъ сказать, сливки общества. Случается, что и связи возможно пріобрѣсти черезъ нихъ. Одинъ нашъ служащій прямо изъ агентовъ попалъ въ главноупра-

вляющіе къ князю Отрепьеву на пятнадцать тысячъ жалованья. Къ такому аристократу и на пятнадцать тысячъ!—съ умиленіемъ въ голосѣ прибавилъ молодой человѣкъ для справокъ.—Члены нашего правленія все люди съ положеніемъ и со связями, а предсѣдатель общаго собранія—вы знаете, кто?

— Не знаю.

— Графъ Говоруха-Пинскій!—таинственно-восторженнымъ шопотомъ продолжалъ этотъ обожатель разныхъ «сливокъ», самъ носящій неблагозвучную фамилію Цыганова и происходившій изъ весьма скромной купеческой семьи.—Вотъ вы его увидите когда-нибудь. Ахъ... какъ онъ говоритъ, какъ говоритъ!..

Повидимому, господинъ Цыгановъ не прочь былъ теперь пуститься и въ дальнѣйшія изліянія въ томъ же духѣ, но въ это время въ пріемную вошелъ, съ бумагами въ рукахъ, красивый брюнетъ, въ безукоризненномъ синемъ сьютѣ, веселый, сіяющій, румяный, ни манерами ни своимъ нѣсколько легкомысленнымъ видомъ нисколько не похожій на тѣ солидныя лица, которыя раньше видѣлъ здѣсь Стрепетовъ. Проходя мимо, брюнетъ на секунду пріостановился, распространяя вокругъ тонкій душистый ароматъ, и небрежно кинулъ нѣсколько словъ господину Цыганову, указывая головой на дверь и скользнувъ взглядомъ по Стрепетову:

— У Эрнеста Богдановича есть кто-нибудь?

— Никого нѣтъ, Александръ Ивановичъ! — поспѣшилъ съ особенной почтительностью отвѣтить молодой человѣкъ для справокъ.

— Кто это?—спросилъ Стрепетовъ, когда брюнетъ скрылся за дверью.

— Нашъ кассиръ.

И Цыгановъ назвалъ фамилію, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ облетѣла всю Россію, доказавъ, что солидные порядки въ храмѣ Земледѣльческаго банка не такъ безукоризненны, какъ казалось господамъ заемщикамъ и самому управляющему, съ такой заботливостью оберегавшему репутацію любимаго учрежденія и такъ вѣрившему въ отличныя рекомендаціи и въ дисциплину.

— Камеръ-юнкеръ! — продолжалъ молодой человѣкъ для справокъ съ такимъ восхищеніемъ, точно онъ самъ былъ удостоенъ этого званія.—Вѣроятно, и камергеромъ будетъ.

Но Стрепетову ужъ надоѣло слушать этотъ восторженный шопотъ разболтавшагося молодого человѣка, и онъ поспѣшилъ раскланяться и уйти.

Очутившись на улицѣ, не зная, куда ему теперь напра-

вится, онъ машинально пошелъ, куда глаза глядятъ, и скоро попалъ на Невскій, въ толпу гуляющей публики, останавливаясь по временамъ и глазѣя то на магазины, то на быстро мчавшіеся экипажи, въ которыхъ сидѣли красивыя, подмалеванныя женщины.

Но мысли о работѣ, о совѣтахъ Чиркова, объ іерархическомъ деревѣ господина Гринбека назойливо лѣзли въ голову, перебивая одна другую, и мѣшали ему наблюдать жизнь большой улицы съ безпечностью фланера. Прежнія розовыя мечты таяли, и теперь, затерянный въ этой равнодушной многолюдной толпѣ, онъ чувствовалъ себя болѣе сиротливымъ, чѣмъ утромъ, когда бодрый, веселый, полный надеждъ, ѣхалъ по этой же улицѣ на Васильевскій островъ. Эта толпа, этотъ уличный шумъ, казалось, говорили ему, что достать себѣ кусокъ хлѣба не такъ-то просто и легко, какъ ему казалось, хотя бы въ карманѣ и были отличныя рекомендаціи.

Такъ размышлялъ Стрепетовъ, подвигаясь впередъ вмѣстѣ съ гуляющими, и не замѣтилъ, какъ дошелъ до конца Невскаго и увидалъ предъ собой Николаевскій вокзалъ.

День близился къ концу. Развозить рекомендательныя письма было поздно, да и не хотѣлось. «Еще будетъ время завтра, послѣзавтра»,—подумалъ Стрепетовъ и рѣшилъ идти домой, сѣсть за письмо, чтобы подѣлиться впечатлѣніями этого перваго петербургскаго дня съ той, ради которой онъ такъ безпокоился о работѣ. Еще бы! Онъ зналъ, что отъ него одного зависитъ ея покой, въ которомъ она такъ нуждается. Устроитъ ли онъ его — вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго возбуждало теперь по временамъ сомнѣніе.

Оріентировавшись въ виду вокзала, Стрепетовъ безъ особыхъ затрудненій отыскалъ маленькій сѣрый домъ, гдѣ помѣщались меблированныя комнаты господина Лукачева, и, поднявшись наверхъ, ощупью прошелъ по темному коридору и съ трудомъ нашелъ двери своей комнаты. Ни одинъ человѣческій голосъ не слышенъ былъ въ квартирѣ — она словно вымерла.

Его комнатка, узкая какъ клѣтка, затхлая и мрачная,— мертвая тишина кругомъ, нарушаемая доносившимся гуломъ громаднаго города,—еще острѣе заставили молодого человѣка почувствовать всю тяжесть одиночества. Его охватило тоскливое сознаніе затерянности, которое испытываютъ въ первые дни почти всѣ провинціалы, такіе же одинокіе, какъ и онъ,— и ему сдѣлалось невыносимо-грустно.

Снявъ съ себя парадный костюмъ и облачившись въ домашнее платье, Стрепетовъ досталъ письменныя принадлеж-

ности и присѣлъ на диванчикъ. Но вмѣсто того, чтобы писать, онъ незамѣтно снова сталъ перебирать впечатлѣнія сегодняшняго дня, пока, усталый, наконецъ не задремалъ съ твердымъ рѣшеніемъ завоевать себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ непривѣтливомъ городѣ.

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ стоялъ мракъ, и кругомъ попрежнему царила мертвая тишина. Онъ зажегъ свѣчи, взглянулъ на часы: было только семь часовъ.

«Вѣрно, никого нѣтъ дома!»—рѣшилъ онъ и принялся писать письмо.

IX.

Стрепетовъ дописывалъ уже второй листъ своего безконечнаго письма, какъ раздался тихій стукъ въ двери, и, вслѣдъ за позволеніемъ, въ комнату вошелъ, шлепая туфлями, небольшого роста худощавый господинъ, съ лысиной, сіявшей во всю большую, круглую голову, одѣтый по-домашнему: въ пальто, изъ-подъ котораго виднѣлся разстегнутый воротъ ночной сорочки.

— Позвольте познакомиться и, если не помѣшаю, посидѣть у васъ. Скука смертельная. Никого изъ здѣшнихъ нѣтъ дома. Одинъ только философъ Ипатъ сторожитъ квартиру, то-есть дрыхнетъ сномъ праведника, не обижаемаго хоть во снѣ своей воинственной супругой.

Такъ заговорилъ вошедшій, заливаясь тѣмъ заразительно-веселымъ смѣхомъ, по которому Стрепетовъ тотчасъ же догадался, что передъ нимъ Галанинъ, предупреждавшій его еще утромъ изъ сосѣдней комнаты не довѣрять краснорѣчію Ипата Никитича о котлетахъ.

— Ѳедоръ Петровичъ Галанинъ, россійскій праздношатающійся интеллигентъ!—прибавилъ вошедшій, приближаясь къ Стрепетову и протягивая ему свою широкую, мягкую руку.—А вы тотъ самый неопытный юноша, котораго выудилъ сегодня нашъ почтеннѣйшій Ипатъ Никитичъ?—продолжалъ Галанинъ и снова раскатился такъ заразительно, что и Стрепетовъ невольно разсмѣялся и весело проговорилъ:

— Я самый и есть. Очень радъ познакомиться. Павелъ Сергѣевичъ Стрепетовъ. Садитесь, пожалуйста.

— Ну, хоть, по крайней мѣрѣ, Ипатъ вамъ стулья цѣлые далъ!—замѣтилъ Галанинъ, присаживаясь къ столу:—а у меня такъ ни одного цѣлаго нѣтъ... Да вы, Павелъ Сергѣевичъ, можетъ, очень заняты, такъ вы безъ церемоній скажите, я уйду.

— Нѣтъ, нѣтъ. Еще успѣю дописать письмо; и то рука устала.

— То-то, лучше отдохните. Я, признаться, ужъ порывался зайти къ вамъ, да видѣлъ—вы писали. Но только такая смертельная тоска взяла меня, что я не утерпѣлъ. А вы къ намъ въ Питеръ за мѣстомъ пріѣхали?—неожиданно спросилъ онъ, оглядывая Стрепетова.

Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ такъ просто и добродушно, улыбаясь и лицомъ и глазами, что Стрепетову нисколько не показалось страннымъ такое любопытство, и онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И я вотъ тоже ожидаю мѣста... Много ужъ ихъ перемѣнилъ. Надо опять попробовать! Ужъ цѣлый годъ въ праздности состою... надоѣло!—проговорилъ онъ, и Стрепетову показалось, что голосъ Галанина дрогнулъ при послѣднихъ словахъ.

Стрепетовъ между тѣмъ успѣлъ разглядѣть своего гостя. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ некрасивымъ, но очень выразительнымъ лицомъ, опушеннымъ черной бородой, съ парой небольшихъ, живыхъ черныхъ глазъ, глядѣвшихъ тепло и привѣтливо изъ-подъ большого, выпуклаго, шишковатаго лба. Ярко-багровый съ сизымъ отливомъ цвѣтъ небольшого мясистаго носа, землистыя, обрюзглыя щеки съ глубокими бороздами и чуть замѣтное трясеніе рукъ—ясно говорили о пагубномъ недугѣ, а полураскрытыя толстыя губы, расплывчатыя линіи рта и подбородка какъ будто свидѣтельствовали о совершенномъ отсутствіи воли. Но въ этомъ преждевременно состарѣвшемся, испитомъ лицѣ было еще столько жизни, въ глазахъ, въ голосѣ, въ смѣхѣ, столько добродушія и юмора, что все это невольно располагало къ себѣ какой-то чарующей привлекательностью.

И Стрепетовъ, какъ и всѣ знавшіе Галанина, сразу почувствовалъ къ нему живѣйшую симпатію, и послѣ первыхъ же его словъ ему казалось, что онъ знакомъ съ Галанинымъ уже давно.

— Мнѣ ужъ Ипатъ сообщилъ всѣ свои свѣдѣнія о васъ и даже вашъ паспортъ показывалъ!—продолжалъ Галанинъ, снова заливаясь смѣхомъ.

— Паспортъ! Зачѣмъ?

— А чтобы я удостовѣрилъ, что онъ не поддѣльный. Ипатъ, надо вамъ сказать, отчаянный трусъ и послѣ своей супруги болѣе всего боится полиціи... какъ бы она его не приняла за злоумышленника. Ха-ха-ха!.. Нынче вѣдь у насъ на этотъ счетъ довольно правильно, примите это, на всякій случай, къ свѣдѣнію, Павелъ Сергѣевичъ.

— Ужъ меня предупреждали.

— Навѣрное, Ѳеничка?.. О, добрая душа эта Ѳеничка!

Она всякаго пріѣзжаго предупреждаетъ. Славная дѣвочка! Жаль только, легкомысленна, того и гляди свихнется,—грустно промолвилъ Галанинъ.—Любитъ, знаете ли, блескъ и все такое... Петербургскій выкормокъ меблированныхъ комнатъ! Удивительно еще, что не загрязнила своего золотого сердца по этимъ грязнымъ коридорамъ и съ такой маменькой. Вы еще не видали мучительницы Ипата, его благовѣрной?

— Нѣтъ еще.

— Тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, дама, я вамъ скажу... Она да ея другъ сердца, поручикъ Ефратовъ—тутъ ихъ пара. Вы смотрите, Павелъ Сергѣевичъ, если онъ захочетъ познакомиться съ вами, гоните вонъ этого мерзавца. Хоть онъ и не носитъ гороховаго пальто, а душа—самая «гороховая». Ха-ха-ха! Волонтеръ по этой части, но по глупости не можетъ зарекомендовать себя надлежащимъ образомъ и, не имѣя опредѣленныхъ занятій, состоитъ въ «артюрахъ» у здѣшней хозяйки... Ужъ я не разъ говорилъ Ипату, чтобы онъ очистилъ квартиру отъ этого негодяя, но бѣдный Ипатъ только мрачно вздыхаетъ... Вообще, надо вамъ сказать, вы попали въ порядочную-таки трущобу, и жильцы здѣсь все больше народъ, въ нѣкоторомъ родѣ, «античный». Я, въ качествѣ дойена, со всѣми знакомъ и могу вамъ ихъ представить, если хотите. Не совѣтую только здѣсь обѣдать. Хоть Ипатъ и умолялъ меня сегодня утромъ «не разстраивать васъ по причинѣ котлетъ» и клялся, что будетъ вамъ давать особенно честную провизію, но я ему не давалъ слова и потому предупреждаю, что на его добрыя намѣренія полагаться нельзя. Впрочемъ, и винить его очень тоже нельзя, ибо, какъ говоритъ философъ Ипатъ, его постоянно гнететъ «денежная меланхолія»... Скверная это штука, надо съ нимъ согласиться. А все-таки вамъ бы лучше, Павелъ Сергѣевичъ, перебраться отсюда въ болѣе приличное мѣсто. За тѣ деньги, которыя вы здѣсь платите, можно найти отличную комнату и не въ такой трущобѣ!—заключилъ Галанинъ.

— Но почему же вы сами живете въ этой трущобѣ?—невольно спросилъ Стрепетовъ.

— Я?—переспросилъ Галанинъ такимъ тономъ, будто ему было странно слышать подобный вопросъ.—Я—другое дѣло!—замѣтилъ онъ съ грустной, безнадежной ноткой въ головѣ.—Мнѣ все равно, гдѣ ни жить... И не по такимъ трущобамъ приходилось скитаться. Что ужъ разбирать!

Онъ посмотрѣлъ на Стрепетова кроткимъ, застѣнчивымъ, словно виноватымъ взглядомъ, примолкъ на минуту и сталъ закуривать папироску.

— Да и привыкъ я, знаете ли, и къ этой трущобѣ, и къ этому бѣднягѣ-философу, Ипату... Вы какъ-нибудь поговорите съ нимъ—увидите, какой это самородный философъ! А главное—Ѳеничку жаль!—прибавилъ Галанинъ, и—показалось Стрепетову—сипловатый его голосъ дрогнулъ и по испитому лицу разлилась краска.—Того и гляди, здѣсь ее погубятъ. Маменька сама съ удовольствіемъ бы пустила ее куда угодно. Ну, а я все-таки оберегаю ее. Нѣтъ-нѣтъ да и совѣтъ дамъ, книжку какую заставлю почитать. Жаль вѣдь дѣвушку! Ну, а вы какъ! Удачно ѣздили сегодня во фрачной парѣ?—круто перемѣнилъ онъ тему разговора.—Много получили обѣщаній, или только одни утѣшенія, что всѣ вакансіи заняты? Въ какихъ пріемныхъ побывали? Какихъ особъ повидали? Я кое-кого изъ нихъ довольно близко знавалъ когда-то. Тоже, я вамъ скажу, есть между ними сюжеты!—говорилъ Галанинъ, заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ.—На-дняхъ еще, умора...

И онъ закатился какъ ребенокъ, такъ что Стрепетовъ, глядя на него, невольно и самъ засмѣялся.

— Умора, ей-Богу... Ха-ха-ха! Надо было видѣть испугъ на этой длинной, худощавой физіономіи одного важнаго администратора, сіявшей до того самымъ торжественнымъ великолѣпіемъ, когда вашъ покорнѣйшій слуга въ костюмѣ, требующемъ, какъ выражается Ипатъ, «новой абонировки», назвалъ его на Невскомъ старымъ товарищескимъ именемъ. Надо было видѣть, какъ онъ улепетывалъ отъ меня, хоть я не думалъ гнаться за нимъ... Ха-ха-ха!.. Такъ разскажите, не видали ли вы кого-либо изъ «великихъ сихъ», и я вамъ отвѣчу, чего можно ждать отъ нихъ... Но прежде, знаете ли, не худо бы скомандовать самоварчикъ, какъ вы думаете, Павелъ Сергѣевичъ? Вы извините, что я такъ... безъ церемоніи.

— Конечно, конечно. Я только объ этомъ думалъ!.. Я очень хочу чаю, да и ѣсть хочется!—отвѣчалъ Стрепетовъ, краснѣя, что раньше не догадался угостить гостя.

И Стрепетовъ поднялся, чтобы распорядиться.

— Сидите, сидите!—остановилъ его Галанинъ.—Вы еще не знаете топографіи здѣшнихъ мѣстъ и не найдете того угла, гдѣ дремлетъ Марѳа... Я разбужу ее и попрошу дать самоваръ. А вотъ насчетъ ѣды, такъ ужъ не знаю какъ... Здѣсь, пожалуй, ничего теперь нѣтъ. Развѣ послать Марѳу. Чего вы хотите?

— А вы?

— Такъ это вы меня угощать вздумали?—разсмѣялся Галанинъ:—я, право, ѣсть не хочу, но ужъ если вы хотите

угостить; то я, съ вашего позволенія, прикажу купить водки, немного, всего сорокоушку... одну сорокоушечку только!—проговорилъ онъ съ особеннымъ оживленіемъ и нѣжностью.—Вы не безпокойтесь,—это мнѣ не повредитъ... напротивъ. И больше я не стану, parole d'un gentilhomme!—прибавилъ Галанинъ, считая почему-то нужнымъ на французскомъ діалектѣ успокоить Стрепетова, хотя молодой человѣкъ и не выражалъ никакого сомнѣнія.

— Такъ чего вы хотите?

— А то знаете ли что, Ѳедоръ Петровичъ, пойдемте куда-нибудь въ трактиръ.

— Въ трактиръ? Да вы сюда съ капиталами, что ли, пріѣхали?

— Пятьдесятъ рублей есть въ карманѣ!—весело отвѣчалъ Стрепетовъ.

— И на милліонъ надеждъ въ придачу!—съ хохотомъ прибавилъ Галанинъ.—Что-жъ, коли непремѣнно хотите, я васъ сведу. Ѣсть я не буду,—деликатно предупреждалъ Галанинъ:—а выпить рюмку-другую и поговорить съ добрымъ человѣкомъ—это я съ удовольствіемъ... Это даже очень люблю.

— И отлично.

— Такъ черезъ пять минутъ я къ вашимъ услугамъ. Приведу себя въ болѣе приличный видъ, и пойдемъ къ Палкину, что ли. Тамъ органъ хорошій. А впрочемъ, не лучше ли въ какой-нибудь кабакъ поскромнѣе? У Палкина вѣдь дорого. Меньше полутора, а то и двухъ рублей визитъ не обойдется!..—заботливо намекнулъ Галанинъ.

Но Стрепетовъ настаивалъ идти къ Палкину. «Куда ни шло! можно разъ бросить два рубля!»—рѣшилъ онъ.

Черезъ четверть часа наши новые знакомцы уже сидѣли въ большой, почти пустой въ это время залѣ за столикомъ, на которомъ, въ ожиданіи заказной котлеты, стоялъ графинчикъ водки и селедка. И пока Стрепетовъ, необыкновенно довольный, что есть съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, съ подробностями разсказывалъ, подъ звуки органа, о своихъ утреннихъ похожденіяхъ, Галанинъ внимательно слушалъ, заливаясь неудержимымъ хохотомъ, когда рѣчь зашла объ іерархическомъ деревѣ, и какъ-то незамѣтно тянулъ одну рюмку за другой, едва притрогиваясь къ закускѣ.

— А вѣдь я хорошо знаю Чиркова!—воскликнулъ Галанинъ, когда Стрепетовъ окончилъ свой разсказъ.

«Такъ это про него говорилъ Чирковъ!»—вспомнилъ Стрепетовъ.

— И даже отлично знаю. Чирковъ — товарищъ мой по школѣ (я вѣдь кончилъ курсъ и даже съ медалью!—вставилъ Галанинъ съ комической торжественностью), пріятелями были. Онъ и теперь два раза въ годъ навѣщаетъ меня и... и аккуратно читаетъ мнѣ нравоученія, чтобы вернуть меня на путь добродѣтели!—съ нервнымъ смѣхомъ прибавилъ Галанинъ, сразу значительно оживившійся послѣ выпитыхъ рюмокъ.

Глаза его блестѣли, и щеки рдѣлись прилившимъ румянцемъ. Что-то нервное и неспокойное было теперь во взглядѣ его черныхъ глазъ и во всей его худой фигурѣ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Стрепетовъ, взглядывая на Галанина и невольно сравнивая этого скверно одѣтаго, испитого обитателя трущобныхъ комнатъ съ элегантнымъ важнымъ чиновникомъ.—Что это за человѣкъ? Признаюсь, онъ на меня произвелъ странное впечатлѣніе.

— Такихъ, видно, не видали?.. Это, дѣйствительно, въ своемъ родѣ любопытный типъ. Современный Пилатъ de la haute école. Онъ тяготится службой—и служитъ. Не злой человѣкъ—онъ причиняетъ однако зло, что не мѣшаетъ ему жалѣть тѣхъ, кого онъ упекаетъ. Человѣкъ умный, а пишетъ самыя нелѣпыя записки, и первый же презрительно отзывается о нихъ въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ. Онъ уживается со всякимъ начальствомъ и со всякими вѣяніями, утѣшая себя, что другой на его мѣстѣ можетъ быть еще хуже. Короче—это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ себялюбцевъ, которые изъ-за крупнаго содержанія продаютъ свою независимость и готовы служить кому и чему угодно. Въ немъ точно два человѣка: одинъ неофиціальный—пріятный, умный собесѣдникъ, хорошій музыкантъ, любитель книгъ, немножко ученый; другой—офиціальный, безукоризненный исполнитель того, что въ данную минуту требуется, и оба эти человѣка какъ-то уживаются въ немъ, хотя одинъ и презираетъ немножко другого. Прибавьте къ этому эпикурейство стараго холостяка, привыкшаго хорошо поѣсть и выпить, но въ то же время осторожнаго, разсчетливаго, который не дѣлаетъ долговъ и не имѣетъ дорого стоящихъ любовницъ. Онъ всегда какъ-то умѣетъ устраиваться со своими горничными, а потомъ и съ воспитательнымъ домомъ, въ случаѣ послѣдствій. И, замѣтьте, не честолюбецъ—нѣтъ!.. Дайте ему средства—онъ сейчасъ же выйдетъ въ отставку и погрузится въ свои археологическія изслѣдованія. И теперь онъ только и ждетъ, какъ бы получить въ награду за всѣ свои, какъ онъ говоритъ, прегрѣшенія какую-нибудь синекуру тысячъ въ семь, чтобы совсѣмъ умыть руки. Но съ вами онъ все-таки честно поступилъ.

Узнаю его. Вы сходите къ нему... займитесь перепиской археологіи!—снова захохоталъ Галанинъ.

Стрепетовъ слушалъ и, какъ всякій молодой человѣкъ, не испорченный жизнью, не умѣющій еще понимать маккіавелистическихъ увертокъ, порывисто воскликнулъ:

— Но вѣдь это ужасно!.. По-моему, убѣжденный обскурантъ лучше лицемѣра. По крайней мѣрѣ, первый никого не вводитъ въ заблужденіе.

— И я такихъ не люблю... А, впрочемъ, не мнѣ бранить другихъ. Самъ-то я хорошъ... Очень хорошъ!—проговорилъ Галанинъ, съ безпокойной застѣнчивостью посматривая на графинъ.

И, быстрымъ движеніемъ наливъ въ рюмку послѣднее, что̀ оставалось въ графинчикѣ, онъ выпилъ и промолвилъ:

— А все-таки, по совѣсти сказать, мнѣ жаль Чиркова. Я знаю, что по временамъ онъ смущается своимъ фальшивымъ положеніемъ и сильно хандритъ. И ко мнѣ онъ всегда былъ добръ. Два раза хлопоталъ за меня, и оба раза...

И, не окончивъ рѣчи, Галанинъ засмѣялся.

— Оба раза я, какъ говорятъ, не оправдалъ его рекомендацій. Ха-ха-ха! Теперь ужъ Николай Петровичъ не станетъ за меня хлопотать. Ни-ни! Довольно. И, разумѣется, онъ правъ. Кому охота хлопотать за такого человѣка, какъ Ѳедоръ Петровичъ Галанинъ,—позвольте васъ спросить, молодой человѣкъ, удостоившійся отъ Ипата прозванія «пижона»? Хотите прослушать, сколько разъ я, безпутный, не оправдывалъ рекомендацій?.. Такъ кушайте вашу котлету и слушайте, но только я, съ вашего позволенія, велю подать еще водки. Parole d'un gentilhomme, я только еще одну-другую рюмку!.. Мнѣ это укрѣпляетъ нервы!—понизивъ голосъ, проговорилъ Галанинъ съ такимъ умоляющимъ видомъ, что Стрепетову сдѣлалось больно при видѣ такой унизительной слабости этого человѣка.

И, приказавъ подать водки, Галанинъ сталъ разсказывать различные эпизоды изъ своей бродяжной жизни, успѣвая какъ-то незамѣтно, несмотря на слово gentilhomme'а, опоражнивать второй графинчикъ.

Разсказъ его, полный какого-то безшабашнаго, чисто-славянскаго юмора, былъ повтореніемъ одной изъ обыкновенныхъ и частыхъ на Руси исторій гибели доброй, честной личности, подававшей смолоду большія надежды,—гибели не вслѣдствіе какихъ-нибудь трагическихъ причинъ, а просто изъ-за распущенности, слабой воли и благодаря отсутствію

какого-нибудь захватывающаго интереса, безъ котораго сѣренькая русская жизнь для человѣка, не охваченнаго только одними низменными инстинктами, дѣлается какими-то сплошными буднями. Это постепенное, но быстрое паденіе многихъ болѣе или менѣе способныхъ русскихъ людей, зарывающихъ свои таланты отчасти потому, что некуда ихъ приложить, отчасти потому, что не умѣютъ ихъ приложить. Безхарактерные, способные на порывъ, но неспособные на стойкую борьбу съ жизнью, они падаютъ духомъ отъ первыхъ же неудачъ, встрѣчая вмѣсто поддержки холодное равнодушіе, а то—и злорадное глумленіе ближнихъ.

Кто, кромѣ отчаяннаго пессимиста, могъ бы предсказать живому, способному, талантливому юношѣ, бывшему гордостью курса, когда онъ, по выходѣ изъ училища, уѣзжалъ судебнымъ слѣдователемъ въ провинцію, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сопьется и кончитъ карьеру праздношатающимся россійскимъ интеллигентомъ, живущимъ изо дня въ день на счетъ кого-нибудь изъ сердобольныхъ товарищей?..

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Галанинъ, сперва ретиво принявшійся за дѣло, любимый самими подсудимыми, которыхъ онъ какъ-то умѣлъ расположить къ себѣ искренностью и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, уже имѣлъ непріятности по службѣ съ ближайшимъ начальствомъ изъ-за разныхъ взглядовъ на примѣненіе закона. Его заставили поступать противъ совѣсти, и онъ, какъ бы въ отместку кому-то, охладѣлъ къ службѣ и сталъ относиться небрежно къ своимъ серьезнымъ обязанностямъ; провинціальная глушь съ ея сплетнями и бездѣльемъ постепенно стала засасывать его, и онъ не замѣтилъ, какъ сталъ пить, сперва отъ нечего дѣлать, потомъ отъ скуки и затѣмъ ужъ вслѣдствіе распущенности. Новая «исторія», новыя несправедливости, возмутившія слѣдователя, переводъ въ другую, еще болѣе глухую губернію съ аттестаціей «безпокойнаго человѣка», жизнь въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, безъ людей, безъ книгъ, и... пьянство, настоящее фельдфебельское пьянство сдѣлалось потребностью, хотя въ другой губерніи ему и не было причины жаловаться на нарушеніе закона и справедливости со стороны своихъ коллегъ. Когда наконецъ товарищи узнали о его положеніи и вызвали его въ Петербургъ, то ужъ Галанинъ былъ человѣкъ почти безнадежный. Привычка обратилась въ недугъ, и онъ, проклинавшій свою слабость, дававшій слово и себѣ и другимъ «бросить это», крѣпился годъ, другой и снова срывался. Службъ за это время онъ перемѣнилъ множество. Благодаря товарищескимъ связямъ,

онъ, теряя одно мѣсто, получалъ другое, но наконецъ за него ужъ не стали хлопотать, и вотъ, послѣ разныхъ скитаній по провинціальнымъ городамъ, послѣ житья на хлѣбахъ у товарищей, Галанинъ снова въ Петербургѣ—адвокатомъ. Опять свѣтлая полоса. Онъ снова «бросаетъ все» и даже вводитъ въ заблужденіе хорошо знавшихъ его—не пьетъ, работаетъ, говоритъ одну изъ замѣчательныхъ рѣчей, защищая какого-то бѣдняка; ужъ у него являются дѣла, онъ можетъ существовать, не прибѣгая къ безцеремонному перехватыванью у товарищей, какъ вновь начинается «старая исторія»,—онъ пьетъ съ кліентами, пропускаетъ сроки, и его исключаютъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Еще опытъ со стороны Чиркова, пристроившаго его смотрителемъ желѣзнодорожнаго училища, окончившійся скандаломъ. Пьяный пріѣхалъ онъ на новую должность, пропилъ недѣлю въ городкѣ, въ компаніи съ учителями, и пьяный же былъ увезенъ въ Петербургъ и застрялъ въ меблированныхъ комнатахъ Ипата Никитича.

Все это Галанинъ разсказалъ съ такою искренностью захмелѣвшаго человѣка, что Стрепетову еще болѣе стало жаль его, и онъ задушевно спросилъ:

— Неужели же вы, голубчикъ, не можете побороть себя? Попробуйте!..

— О, теперь ужъ довольно этого скотства. Довольно!—воскликнулъ онъ, сверкая своими маленькими живыми глазками.—Довольно!—рѣшительно проговорилъ онъ, протягивая руку къ графину, и, замѣтивъ упрекающій взглядъ Стрепетова, прибавилъ:—parole d'un gentilhomme. Послѣднюю и... конецъ.

Онъ выпилъ ее и задорно продолжалъ:

— Вы думаете, мнѣ жаль, что я не сдѣлалъ карьеры, какъ другіе? Вы думаете—жаль?—Ни капельки. Понимаете—вотъ что̀ для меня карьера!

И онъ плюнулъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на полъ.

— Мнѣ не жаль ни карьеры ни окладовъ... Есть чего жалѣть!—усмѣхнулся Галанинъ.—Я хоть и называюсь пропащимъ человѣкомъ, homme perdu, но этотъ homme perdu, по крайней мѣрѣ, ближнихъ своихъ не обижалъ: никого не упрекалъ, никого не излавливалъ на погибель ради карьеры, не прелюбодѣйствовалъ словомъ, за деньги, какъ многіе непропащіе люди... Я одного себя сгубилъ, а не другихъ—вотъ что̀...

Онъ примолкъ и какъ-то особенно ласково смотрѣлъ на Стрепетова, улыбаясь кроткой, задушевной улыбкой.

— И, знаете ли, чего мнѣ жаль, милый, добрый юноша, который глядитъ на меня такъ сочувственно, безъ строгаго укора, и не таитъ въ своемъ сердцѣ презрѣнія къ пропавшему человѣку?

— Чего?

— Мнѣ жаль потери образа Божія, потери того идеала, который былъ когда-то въ душѣ Ѳедора Галанина. Глядя на васъ, я вспомнилъ другого юношу... себя вспомнилъ... и... на меня повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, хорошимъ. Вотъ почему я не боюсь обнажать душу свою передъ вами. Вы вѣдь не осудите, какъ тѣ молодые серьезные старики, которыхъ теперь такъ много... я это сейчасъ же увидалъ, какъ только вошелъ къ вамъ. Такъ понимаете ли, голубчикъ, чего мнѣ жаль? Мнѣ жаль прежняго юношу, свои чистыя мечты и надежды жаль!

И сипловатый его голосъ, протяжный, какъ у выпившихъ людей, звучалъ теперь мягкими, грустными нотами, и на возбужденномъ, раскраснѣвшемся лицѣ ужъ не было обычной улыбки. Тѣнь скорби омрачила черты всегда веселаго Галанина.

— А умереть—въ роскошномъ ли кабинетѣ, или на больничной койкѣ—не все ли равно? На кладбищѣ вѣдь настоящее égalité. Не такъ ли? Тамъ и мой товарищъ, генералъ, не убѣжитъ отъ меня, какъ на Невскомъ, если бы даже и увидалъ меня въ больничномъ халатѣ. Дудки, ваше превосходительство! Здѣсь liberté, égalité, fraternité!—прибавилъ онъ и снова раскатился заразительнымъ смѣхомъ, внезапно развеселившись при мысли о такой встрѣчѣ на кладбищѣ.—Нѣтъ, довольно всѣхъ этихъ глупостей! Ѳедоръ Галанинъ имѣетъ еще характеръ. Баста! — И Галанинъ рѣшительно отодвинулъ отъ себя соблазнительный графинчикъ, въ которомъ, впрочемъ, почти ничего не осталось.—Онъ покажетъ, что онъ еще не совсѣмъ пропащій человѣкъ и можетъ бросить постыдную слабость.

И онъ продолжалъ говорить съ такою рѣшимостью о томъ, какъ онъ «броситъ все» и снова станетъ человѣкомъ, такъ искренно, казалось, хотѣлъ этого и такъ серьезно объяснялъ, что завтра же пойдетъ къ одному товарищу и возьметъ у него на пробу для перваго раза хоть переписку (и о васъ замолвлю ему—онъ можетъ достать вамъ уроки!—прибавилъ онъ), что Стрепетовъ, не знавшій этихъ обманчивыхъ, мимолетныхъ вспышекъ слабой воли, готовъ былъ повѣрить и радостно воскликнулъ:

— Вотъ видите, какъ отлично! Ей-Богу, отлично! И вы бы

могли у Чиркова заниматься вмѣсто меня, если бы не нашли переписки!—предложилъ Стрепетовъ.

— Это вы мнѣ свою единственную пока работу!?—пролепеталъ Галанинъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—О, юноша!

И съ отуманеннымъ слезой взоромъ онъ поднялся со стула, подошелъ, слегка покачиваясь, къ Стрепетову и совершенно неожиданно напечатлѣлъ на его губахъ поцѣлуй, и затѣмъ объявилъ, что такой жертвы Ѳедоръ Галанинъ не приметъ.

— Я найду себѣ работу... найду!—заговорилъ онъ, возвращаясь на мѣсто.—И Ѳеничка увидитъ, что я человѣкомъ стану. Еще сегодня она сказала: «На кого вы похожи, Ѳедоръ Петровичъ? Какъ вамъ не стыдно?» И знаете ли, отъ этихъ ея сердечныхъ словъ мнѣ, можетъ-быть, стыднѣе и больнѣе, чѣмъ отъ всѣхъ соболѣзнованій господъ товарищей. Вы еще не знаете, какое прелестное созданіе эта Ѳеничка! Вѣдь вотъ, безъ образованія, а умна и все понимаетъ. Душа-дѣвушка и какъ хороша! Только боюсь я за нее. Ахъ, если бы только я могъ спасти ее!

Галанинъ вдругъ спохватился и оборвалъ рѣчь, чуть-было не открывши своей сердечной тайны. Но Стрепетовъ и безъ того догадался о ней по тому умиленію, съ какимъ говорилъ Галанинъ объ этой дѣвушкѣ, и еще разъ пожалѣлъ этого неудачника.

Было далеко за полночь, когда Галанинъ и Стрепетовъ вышли изъ трактира и пошли домой. Дорогой Галанинъ мечталъ вслухъ о будущемъ мѣстѣ и, между прочимъ, обѣщалъ обойти всѣхъ своихъ знакомыхъ, чтобы достать и Стрепетову работу.

Они ужъ дошли до угла Лиговки, какъ мимо нихъ проѣхали извозчичьи дрожки. Галанинъ вдругъ остановился, нервно дернулъ за руку Стрепетова и проговорилъ упавшимъ голосомъ, указывая рукой на сидѣвшихъ въ дрожкахъ мужчину и женщину:

— Видѣли?.. Это Ѳеничка проѣхала. А вѣдь говорила, что пойдетъ къ подругѣ, а вмѣсто того опять съ этимъ мерзавцемъ на островахъ была. Зачѣмъ же лгать? Лгать зачѣмъ?

Онъ нѣсколько минутъ шелъ молча, но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до дому, вдругъ остановился и сказалъ:

— Не откажите въ просьбѣ, Павелъ Сергѣевичъ. Дайте рубль. Очень нужно.

Стрепетовъ, нѣсколько изумленный, вынулъ деньги и подалъ ему.

— Merci!—проговорилъ Галанинъ и, крѣпко пожавъ ему

руку, прибавилъ:—мнѣ надо въ одно мѣсто. До свиданья. Не безпокойтесь... я скоро вернусь и пить не буду! Parole d'un gentilhomme.

И Галанинъ круто повернулъ и быстро зашагалъ по тротуару.

У Стрепетова однако мелькнуло подозрѣніе, что Галанинъ идетъ снова пить. Онъ хотѣлъ уговорить его, остановить, но было поздно: Галанинъ сѣлъ на извозчика и уѣхалъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на возгласы молодого человѣка.

Когда Стрепетовъ позвонилъ у дверей меблированныхъ комнатъ, ему отворила двери Ѳеничка. Онъ невольно пріостановился—такая она была нарядная въ своемъ шерстяномъ платьѣ, съ серебрянымъ porte bonheur на рукѣ, вся сіяющая, возбужденная. Отъ нея сильно пахло духами. Раскраснѣвшееся лицо ея улыбалось, и глаза блестѣли тѣмъ вызывающимъ блескомъ, который бываетъ у многихъ женщинъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина.

— А гдѣ же Ѳедоръ Петровичъ? Вы сейчасъ вмѣстѣ шли, я видѣла!—проговорила она, пропуская Стрепетова.

Тотъ объяснилъ.

— Ну вотъ, опять запьетъ! Не надо было давать ему денегъ!—досадливо промолвила дѣвушка, проходя впередъ со свѣчой въ рукѣ.—А я только-что вернулась... Въ Аркадіи была... Прелесть, какъ было весело!.. Давали «Корневильскіе колокола». Ахъ, какъ очаровательно пѣли!—весело говорила Ѳеничка, когда Стрепетовъ отворялъ двери своей комнаты.—Когда-нибудь поѣдемте въ Аркадію вмѣстѣ... Хотите?—неожиданно прибавила она, понижая голосъ и вскидывая на молодого человѣка свои улыбающіеся, блестящіе глаза.

Стрепетовъ совсѣмъ смутился отъ этого неожиданнаго предложенія и отъ этого вызывающе-улыбающагося взгляда, и, не зная, что отвѣчать, молча зажигалъ свѣчу.

— Такъ вы не хотите?—смѣясь повторила она, останавливаясь у порога.—Ну, такъ спокойной ночи и пріятныхъ сновъ!

И съ этими словами она капризно кивнула головой и скрылась.

«Бѣдняга Галанинъ!»—невольно подумалъ Стрепетовъ, когда черезъ нѣсколько минутъ онъ потягивался на своемъ жесткомъ тюфякѣ, готовый заснуть.

X.

«Пишу тебѣ, моя голубушка мама, уже на новой квартирѣ (Вас. Островъ, 10 линія, 72), на которую я набрелъ совершенно случайно, возвращаясь отъ Чиркова послѣ окончатель-

ныхъ переговоровъ насчетъ работы. Дѣло съ нимъ уладилось скоро. Съ завтрашняго дня я буду ежедневно, кромѣ праздниковъ, ходить къ нему для занятія, съ девяти часовъ до двѣнадцати, и за три часа работы Чирковъ мнѣ предложилъ тридцать рублей въ мѣсяцъ. Вѣдь недурно, не правда ли? Кромѣ того, у меня въ виду есть уроки. Все это, разумѣется, занятія временныя, въ ожиданіи мѣста. Ты вѣдь знаешь изъ моихъ писемъ, какъ трудно здѣсь скоро получить мѣсто даже и съ отличными рекомендаціями, и потому не смущайся, моя дорогая, что я еще не устроился болѣе солидно; и то слава Богу, что скоро нашелъ работу; другіе искатели занятій (а ихъ здѣсь множество) по годамъ ждутъ. Повторяю тебѣ: не тревожься, не воображай, что я бѣдствую, и не думай посылать мнѣ деньги. Онѣ мнѣ не нужны. На мѣсяцъ я вполнѣ обезпеченъ, а затѣмъ получу отъ Чиркова и, надѣюсь, за уроки. Быть-можетъ, къ тому времени и вакансія откроется въ Земледѣльческомъ банкѣ, или же Чирковъ что-нибудь да устроитъ... Однимъ словомъ, дѣла мои пока недурны, и если твой сынъ и не оправдалъ вполнѣ надеждъ своихъ сестренокъ и не можетъ, какъ Цезарь, сказать: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ», тѣмъ не менѣе онъ не падаетъ духомъ и надѣется скоро порадовать всѣхъ васъ, милыхъ, болѣе пріятными вѣстями.

«Перебрался я изъ «трущобъ» Ипата Никитича недѣлю тому назадъ. Раньше не хотѣлось оставлять бѣднаго Галанина одного, вернувшагося домой послѣ памятнаго вечера нашего знакомства лишь на слѣдующій день и въ ужасномъ видѣ: почти безъ платья, въ страшномъ нервномъ возбужденіи, съ странно бѣгающими глазами. Онъ въ тотъ же день слегъ въ постель и въ теченіе недѣли былъ на волосъ отъ смерти. Докторъ только удивлялся его крѣпкому организму, пропитанному алкоголемъ. Теперь Галанинъ поправляется послѣ бурной горячки и при прощаніи со мной далъ слово окончательно бросить пить. Выдержитъ ли только этотъ симпатичный и безконечно несчастный человѣкъ!

«Отъ новой своей квартиры я въ восторгѣ. Комната у меня отличная: правда, маленькая, но зато свѣтлая, опрятная, уютная... словомъ, послѣ «номеровъ» Ипата Никитича—рай да и только. А главное удобство то, что въ квартирѣ тишина: я единственный жилецъ у хозяевъ—старика, гобоиста Маріинскаго театра, и его старушки-жены, смирныхъ, аккуратныхъ, одинокихъ нѣмцевъ, въ маленькой квартирѣ которыхъ такой порядокъ, такая безукоризненная чистота, что и ты, богиня порядка, осталась бы довольна. Плачу я въ этомъ

тихомъ нѣмецкомъ «закуткѣ» за комнату со столомъ и прислугой, по петербургскимъ цѣнамъ, очень недорого: двадцать пять рублей...

«Зная, какъ ты интересуешься всѣми мелочами, касающимися твоихъ дѣтей, прибавлю, что кормятъ меня мои нѣмцы недурно. Маленькая, толстенькая, суетливая Августа Карловна любезно освѣдомляется о моихъ вкусахъ и ежедневно, въ половинѣ перваго часа, присылаетъ мнѣ стаканъ отличнаго кофе со сливками и булкой на завтракъ. Судя по заботливости и предупредительности моихъ нѣмцевъ, надо думать, что они люди добрые, и что твой сынъ имъ понравился. Ужъ Августа Карловна вчера заявила мнѣ, что ей и Рудольфу Андреевичу пріятно имѣть у себя жильца, къ которому не ходитъ много гостей, который не дѣлаетъ, какъ прежній жилецъ, изъ своей комнаты «свинства» и вдобавокъ говоритъ по-нѣмецки. Вотъ, мама, три главныя достоинства, благодаря которымъ я удостоился ихъ благосклонности... Самъ Рудольфъ Андреевичъ, худощавый, прямой, пресерьезный нѣмецъ, похожій слегка на тотъ самый гобой, на которомъ ежедневно упражняется по утрамъ, простеръ благоволеніе свое до того, что обѣщалъ взять съ собой въ оперу и посадить, gratis, конечно, въ оркестръ... Это—любезность, которую, по словамъ Августы Карловны, мужъ ея оказываетъ только очень хорошимъ жильцамъ... Чувствуешь ли ты все это, моя голубушка? Я, значитъ, за свое добронравіе, увижу оперу не съ тропическихъ высотъ райка, а вблизи; для этого мнѣ только слѣдуетъ, какъ объяснилъ гобоистъ, одѣть черный сюртукъ, повязать бѣлый галстукъ и вести себя въ театрѣ добронравно... Знаешь ли, для чего бѣлый галстукъ? Для того, чтобы твоего сына приняли за музыканта.

«Однако что-жъ я? Расписываю тебѣ своихъ нѣмцевъ, а не разсказалъ о моихъ дальнѣйшихъ похожденіяхъ съ остальными рекомендательными письмами, о которыхъ ты, родная, такъ хлопотала. Ты, пожалуй, можешь подумать, что я еще не всѣ ихъ развезъ и—чего добраго—упустилъ какую-нибудь свободную вакансію на такой кусокъ хлѣба, который не сталъ бы «поперекъ горла», какъ—помнишь?—ты выразилась, говоря о нашемъ молодомъ товарищѣ прокурора... Всѣ письма, родная моя, развезъ и теперь остался безъ писемъ, если не считать письма къ литератору Поручневу, котораго я до сихъ поръ не могъ застать дома, хотя и былъ у него три раза... А тетушка Валентина Марковна, которая, по словамъ Чиркова, очень интересная женщина, еще не вернулась изъ Баденъ-Бадена... Ее ждутъ не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ или

два. Значитъ, вскорѣ я буду имѣть удовольствіе познакомиться съ ней и, конечно, подробно опишу тебѣ свои впечатлѣнія...

«Признаюсь, послѣ разговора съ Чирковымъ, я не особенно вѣрилъ въ рекомендательныя письма и колебался: идти или нѣтъ къ Неустроеву и Киріакову. Печальная перспектива, нарисованная скептикомъ-генераломъ, не выходила у меня изъ головы. Но я все-таки, мама, надѣлъ фракъ и пошелъ сперва къ Неустроеву, а потомъ къ Киріакову.

«Неустроевъ—этотъ низенькій, маленькій, совсѣмъ худой, старый господинъ въ вицмундирѣ, со звѣздой, съ безжизненнымъ, болѣзненнымъ и утомленнымъ лицомъ и съ сѣрыми, глубоко-сидящими глазами, которые безстрастно и куда-то вдаль глядѣли изъ-подъ бѣлесоватыхъ бровей—показался мнѣ очень жесткимъ человѣкомъ въ своей большой пріемной, гдѣ насъ было съ десятокъ просителей. Всѣмъ онъ отказывалъ, и когда подошелъ ко мнѣ, протягивая крошечную, костлявую руку за прошеніемъ, котораго у меня не было, я совсѣмъ, признаться, оробѣлъ.

«Дежурный чиновникъ выручилъ меня, объяснивъ, что я такой-то и имѣю рекомендательное письмо къ его превосходительству.

«Тогда Неустроевъ опустилъ руку и уставилъ на меня глаза. Они теперь, казалось, оживились и зорко и строго смотрѣли изъ своихъ впадинъ на твоего сына.

«Прошла долгая для меня минута, пока онъ проговорилъ:

«— Хоть васъ и рекомендуетъ мой родственникъ, но эта рекомендація для меня недостаточна. Вы изъ Самары?

«Я отвѣтилъ, что изъ Самары.

«— Отчего вы тамъ не ищете мѣста?—рѣзко замѣтилъ Неустроевъ. — Въ провинціи тоже нужны люди... А то всѣ сюда лѣзутъ. Въ Петербургѣ и безъ того слишкомъ много праздной молодежи!—нравоучительно прибавилъ онъ и, скользнувъ неодобрительнымъ, какъ мнѣ казалось, взглядомъ по моимъ курчавымъ, неприглаженнымъ волосамъ, отошелъ къ слѣдующему просителю.

«Съ этимъ назиданіемъ я вышелъ на улицу и пошелъ къ Киріакову, но этотъ—молодой человѣкъ, принявшій меня съ большей любезностью—рѣшительно ничего не могъ для меня сдѣлать. Онъ самъ только-что бросилъ прокуратуру и перешелъ въ присяжные повѣренные, объясняя, что на службѣ платятъ мало денегъ, а служба подчасъ затруднительная.

«И объяснялъ онъ это все, мама, съ такимъ веселымъ цинизмомъ, разсказывая, какъ онъ будетъ защищать того же

самаго молодого человѣка, котораго еще недавно «имѣлъ намѣреніе отправить въ мѣста весьма отдаленныя», что я только диву давался...

«Прерываю пока свое длиннѣйшее посланіе. Августа Карловна, щеголяющая, по случаю воскресенья, въ своемъ парадномъ шерстяномъ платьѣ и въ чепцѣ съ бантомъ, зоветъ обѣдать съ ними вмѣстѣ...

«Обѣдъ конченъ (сегодня, по случаю праздника, кромѣ обычныхъ двухъ блюдъ, были еще шмандъ-кухенъ, и Рудольфъ Андреевичъ, выпившій вмѣсто одной бутылки пива двѣ, еще горячѣе хвалилъ Бисмарка и критиковалъ новую русскую музыку),—обѣдъ конченъ, и я снова берусь за перо, чтобы побесѣдовать съ тобой, моя голубушка! Если бы ты знала, какъ часто я жалѣю, что не могу поговорить съ тобой такъ, какъ мы, бывало, говаривали по вечерамъ... Многимъ хотѣлось бы подѣлиться.

«Ты спрашиваешь: понравился ли мнѣ Петербургъ? Пока нѣтъ—онъ чужой мнѣ, и люди здѣсь кажутся равнодушными, апатичными, боязливыми и подозрительными. Такое впечатлѣніе вынесъ я съ улицы, изъ театра, изъ библіотеки, куда ежедневно хожу читать. Я до сихъ поръ чувствую себя какимъ-то затеряннымъ въ этомъ громадномъ, блестящемъ городѣ. Но зато, мама, здѣсь хорошо и удобно учиться и работать, и я серьезно разсчитываю воспользоваться пребываніемъ здѣсь, чтобы пополнить свое образованіе. Вѣдь, въ сущности, несмотря на университетъ, я такъ мало знаю, такъ поверхностно знакомъ съ общественными науками. А многое знать такъ хочется; хочется уяснить себѣ тѣ «проклятые вопросы», которые назойливо лѣзутъ въ голову... Иногда читаешь книгу и думаешь: «вотъ гдѣ правда, вотъ гдѣ истина!» Возьмешь другую,—и вновь сомнѣнія... Да, мама, надо еще много работать и учиться, чтобы имѣть свое мнѣніе, а не одни только инстинкты... Почти все время я провожу теперь въ Публичной библіотекѣ, и знаешь ли, о чемъ я часто мечтаю? О возможности работать въ свободное время, какъ ты говоришь, «для души», но, разумѣется, подъ условіемъ, чтобы ты и сестренки были со мной. То-то было бы хорошо! И я надѣюсь, что мечта эта сбудется... Навѣрное сбудется... Откроется же когда-нибудь вакансія въ Земледѣльческомъ банкѣ... Устроитъ же что-нибудь Чирковъ или тетушка Валентина Марковна... Вѣдь я могу же работать!

«Знакомыхъ у меня новыхъ нѣтъ (я помню свое обѣщаніе, мама, и не ищу знакомствъ, которыя могли бы напугать тебя). Сегодня вечеромъ думаю пойти къ Риммѣ Михайловнѣ Нер-

линой, къ той студенткѣ, о которой я писалъ тебѣ. Необыкновенно хорошее впечатлѣніе произвела на меня эта серьезная, добрая, деликатная дѣвушка... Не бойся, не бойся, голубушка, не влюблюсь... Да она и не посмотритъ на меня... Къ тому же она, кажется, ужъ отдала свое сердце... И наконецъ у меня, мама, не любовь на умѣ, а мѣсто, мѣсто и мѣсто, чтобы скорѣе я могъ избавить тебя отъ этихъ уроковъ.

«Ради всего святого, не изнуряй себя уроками... не думай хоть теперь обо мнѣ... довольно ужъ ты изъ-за меня натерпѣлась... Клянусь — мнѣ ничего не нужно... Ну, пока довольно. Горячо обнимаю тебя и цѣлую твои золотыя ручки. Здорова ли ты? Здоровы ли Катя и Соня? Обними ихъ за меня и скажи, что на-дняхъ напишу имъ отдѣльно, какъ только побываю, за музыканта, въ оперѣ. Прости. Пиши чаще, моя голубушка, моя любимая!»

Окончивъ свое длиннѣйшее письмо, Стрепетовъ заходилъ по своей крошечной комнаткѣ, которой достоинства онъ значительно преувеличилъ въ своемъ описаніи, ради спокойствія матери, какъ съ тою же цѣлью онъ подчеркнулъ объ урокѣ, еще проблематическомъ.

Онъ ходилъ по своей клѣткѣ, и въ головѣ его проносились планы той трудовой умственной жизни, которую онъ только-что описывалъ матери. Но, незамѣтно для него самого, мысли эти смѣнились другими, и напрасно онъ гналъ ихъ. Молодость и жажда еще невѣдомой жизни давали о себѣ знать. Ему хотѣлось людей, впечатлѣній, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь сомнѣніями, вопросами, хотѣлось счастья и радости...

И онъ внезапно поймалъ себя на мечтахъ, въ которыхъ не съ матерью дѣлился онъ впечатлѣніями, а съ другимъ существомъ, сквозь неопредѣленныя туманныя черты котораго вырисовывался женскій молодой образъ идеальной красоты, охватившій все существо жгучимъ чувствомъ любви, трепета и томленія.

XI.

Въ это воскресенье, въ маленькой, незатѣйливо убранной гостиной женщины-врача, Вѣры Александровны Вѣнецкой, къ восьми часамъ вечера, собрался, по обыкновенію, маленькій кружокъ близкихъ знакомыхъ Вѣры Александровны и ея сожительницы, студентки Риммы Михайловны Нерпиной.

Общій разговоръ на время стихъ. Мужчины и женщины, сидѣвшіе за круглымъ столомъ, пили чай, лѣниво перебра-

сываясь отрывочными фразами. Сквозь запертыя двери сосѣдней комнаты доносился громкій, полный низкихъ нотъ, женскій голосъ.

— Однако Коврова долго-таки муштруетъ бѣдную Римму!— промолвила наконецъ сидѣвшая у самовара хозяйка, худощавая дѣвушка не первой молодости, въ черномъ кашемировомъ платьѣ, съ живыми, быстрыми сѣрыми глазами, оживлявшими ея умное, подвижное, миловидное лицо, окаймленное гладко зачесанными назадъ пепельными волосами.

— Подождите, коллега, всѣмъ достанется!—замѣтилъ, значительно улыбаясь, молодой врачъ въ новенькомъ военномъ сюртукѣ, протягивая руку съ пустымъ стаканомъ.—Сегодня Надежда Васильевна въ ударѣ распекать!

Въ эту самую минуту двери распахнулись, и въ комнату быстро вошла Коврова, высокая, крупная брюнетка цыганскаго типа, съ взбитыми и вьющимися у лба колечками черными пышными волосами. Она была далеко не первой молодости и того возраста, который деликатно опредѣляется словами: «около тридцати», но ея нервное выразительное лицо, полное ума и жизни, съ блестящими глазами, сохраняло еще слѣды былой миловидности и, оживленное теперь, казалось моложавымъ.

Несмотря на расплывчатость начинавшаго полнѣть стана, она порывисто подошла къ столу, порывисто опустилась на стулъ и, словно бы продолжая прерванный разговоръ, воскликнула, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Сами и виноваты. Сами, сами, сами!

— Кто? Въ чемъ?—спросила съ улыбкой Вѣнецкая, перегибаясь чуть-чуть впередъ своимъ гибкимъ, изящнымъ станомъ.

— И ты, Вѣра, и Римма, и всѣ вы!—продолжала Коврова тѣмъ же возбужденнымъ тономъ, перебирая своими длинными, тонкими, слегка дрожавшими пальцами бѣлую скатерть. — Молодость-то свою, лучшіе годы, убили надъ книжками, ради науки, отъ людей бѣгали, по принципу, душили въ себѣ жажду жизни, и вотъ теперь...

Она остановилась на секунду и, вскидывая свои черные, горѣвшіе неспокойнымъ блескомъ глаза на Вѣнецкую и на сидѣвшую около Вѣнецкой некрасивую дѣвушку тоже лѣтъ «около тридцати», неожиданно спросила:

— Ну, скажите по совѣсти, вполнѣ вы счастливы со своими докторскими значками?

— Вотъ она, всегда такъ! Пріѣдетъ изъ своей провинціи и начнетъ браниться! — проговорила Вѣра Александровна, какъ будто жалуясь, но по ея улыбавшемуся лицу, по заго-

рѣвшимся глазамъ видно было, что этотъ щекотливый вопросъ, несмотря на рѣзкую его постановку, не былъ непріятенъ докторшѣ.

— Какъ же не бранить васъ! Погляжу я, вы все живете попрежнему, чуждаясь жизни. Будто въ самомъ дѣлѣ только и свѣта въ окошкѣ, что въ вашихъ больницахъ да въ медицинскихъ книжкахъ?.. Эхъ, милые мои доктора, смотрите, годы пройдутъ, поздно будетъ!—прибавила Коврова, и въ ея голосѣ дрогнула грустная нотка.—Я вотъ сейчасъ допрашивала Римму, но вы вѣдь ее знаете, нашу монашенку Римму? Она помалчиваетъ и улыбается. Ей—дѣятельность въ земствѣ и ничего болѣе. Долгъ, самоотверженіе и крестъ!.. Превосходно, но жить, для себя жить, развѣ не хочется?—воскликнула Коврова, и въ этомъ восклицаніи, точно невольно, вырвался крикъ собственнаго сердца.—Отвѣчай же, Вѣра, на вопросъ... Только, смотри, не лукавь.

Сухощавый, пожилой господинъ, съ кудрявой, начинавшей сильно сѣдѣть, бородой, молча и равнодушно курившій сигару на концѣ стола и, повидимому, неособенно интересовавшійся разговоромъ, бросилъ исподлобья взглядъ на Вѣру Александровну. Его спокойное, умное и некрасивое лицо съ маленькими, зоркими и насмѣшливыми глазами оживилось, и по губамъ скользнула усмѣшка. Это былъ одинъ изъ извѣстныхъ въ ученомъ медицинскомъ мірѣ врачей—профессоръ Черникъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ Ковровой Вѣнецкая улыбнулась той загадочной улыбкой, которой прикрываются женщины, когда почему-либо не хотятъ говорить правды, и, уклоняясь отъ прямого отвѣта, протянула:

— Счастіе вѣдь вещь условная, моя милая!

— Не финти, пожалуйста, Вѣра, и не отдѣлывайся фразой! Отвѣчай прямо.

— Да чего ты отъ меня хочешь? Какого отвѣта? Не всѣмъ выпадаетъ на долю личное счастье... На нѣтъ и суда нѣтъ... Слава Богу и то, что есть дѣятельность.

— И ты вполнѣ удовлетворена одной дѣятельностью!?

— Покамѣсть—да. Что будетъ дальше, не знаю!—отвѣчала дѣвушка, принимаясь наливать чай.

— И ничего тебѣ болѣе не нужно?—не унималась Коврова.

— Вотъ слѣдователь! Развѣ есть вполнѣ довольные люди на свѣтѣ?—лукаво усмѣхнулась дѣвушка, все-таки уклоняясь отъ отвѣта.—Андрей Ивановичъ!—обратилась она къ сидѣвшему на концѣ стола Чернику:—хотите чаю?

Онъ утвердительно кивнулъ головой, не проронивъ ни слова, и передалъ стаканъ.

— Что до меня,—твердо и спокойно заговорила, сидѣвшая рядомъ съ Вѣнецкой, здоровая, плотная, крѣпко сложенная, немолодая и некрасивая дѣвушка съ крупными и рѣзкими чертами серьезнаго, энергическаго и довольнаго лица:—то я вполнѣ счастлива своей судьбой и ни о какомъ личномъ счастьѣ не думаю. Да и что думать о глупостяхъ!.. Насмотрѣлась я на него, на это семейное счастье, живши въ гувернанткахъ,—Богъ съ нимъ!.. По крайней мѣрѣ у меня есть цѣль въ жизни, полезная дѣятельность, независимость и... и кусокъ хлѣба!—прибавила она, и ея лицо, ея голосъ, вся плотная, крѣпкая и спокойная фигура дышали тѣмъ выраженіемъ удовлетворенности и довольства, которое бываетъ у людей, достигшихъ независимаго положенія послѣ суровой и тяжелой жизненной борьбы.

— Вы себя обманываете, если говорите искренно!—воскликнула Коврова.—Все это, разумѣется, прекрасно: и цѣль, и дѣятельность, и независимость... Я понимаю, я сочувствую... Но куда-жъ вы дѣнете, мои милыя, свое *я*? Что вы отвѣтите на запросы личной жизни, личнаго счастья?.. Такое самоотреченіе бываетъ, не спорю, у натуръ исключительныхъ, преданныхъ какой-нибудь идеѣ, забывающихъ себя во имя ея. Но такіе люди—исключеніе. Да и они страдаютъ отъ одиночества. Вѣдь это, во всякомъ случаѣ, ненормальная жизнь!.. Нѣтъ, нѣтъ, вы все не то говорите, не то, или просто не хотите сознаться, что одна только дѣятельность не можетъ, не должна удовлетворить здороваго, живого человѣка!—окончила Коврова съ закипавшимъ раздраженіемъ въ голосѣ, встряхивая головой.

— Вы, Коврова, преувеличиваете!—серьезно замѣтила некрасивая дѣвушка.

— А я вамъ говорю: не шутите съ жизнью—она отмститъ вамъ. Хотѣла бы я заглянуть въ ваши сердца, милостивыя государыни, когда вы слушаете хоть на сценѣ Фауста, поющаго вѣчно-юную пѣснь Маргаритѣ... Что съ вами тогда дѣлается?

— И ничего бы тамъ не увидали, право!—добродушно проговорила некрасивая дѣвушка.

— А я знаю, что дѣлается съ моимъ почтеннымъ коллегой, Вѣрой Александровной!—насмѣшливо проговорилъ докторъ Черникъ.

— Что?

— Она думаетъ въ это время, какая форма горловой чахотки можетъ развиться у Фауста.

Вѣра Александровна смѣясь, пожала плечами, а Коврова съ досадой промолвила ему:

— Ничего вы не знаете, хоть и ученый докторъ. Вы сами въ это время вѣрно думаете объ ужинѣ.

— Грѣшенъ, думаю, и потому въ антрактахъ закусываю.

— Нѣтъ, полноте обманывать и другихъ и себя!—горячилась Коврова, обращаясь къ Вѣнецкой. — Повторяю, сами виноваты, сами!

— Но послушай однако! — вступилась Вѣнецкая: — при чемъ тутъ наука и докторскіе значки, о которыхъ ты говорила? Вотъ чего я не понимаю! Не все ли равно — быть старой дѣвой со значкомъ или безъ значка? Въ послѣднемъ случаѣ еще тяжелѣе.

— Развѣ я говорила, что наука виновата? Виноваты вы, виновато доктринерство ваше... Вы сами отказались отъ личнаго счастья ради дѣятельности, точно одно другому мѣшаетъ!.. Точно мало васъ, докторовъ, замужемъ?.. Вы боялись, что личное счастье васъ свяжетъ. Не прикидывайся, пожалуйста, Вѣра, что не понимаешь! Отлично понимаешь, о чемъ я говорю.

Вѣра Александровна усмѣхнулась, припомнивъ свой давнишній романъ, прекращенный ею на первой же главѣ, и замѣтила:

— Если боялись, значитъ, сильнаго чувства не было!

— Вздоръ! Чувства не было!? Душили вы его. Любить, что ли, вы не хотите? Да въ васъ во всѣхъ, монашенкахъ, такая потребность любви, что изъ-за нея вы не просто работаете, а... какъ бы вѣрнѣе сказать?.. вы вѣчно совершаете подвиги, надламывая свои силы, пока не надломите. Вотъ этотъ-то родникъ любви вы и кладете весь въ свою дѣятельность, заглушая ею потребности сердца... Что̀ вы тамъ ни говорите, какъ меня ни увѣряйте, а все-таки безъ личнаго счастья никакого счастья нѣтъ. И вы это испытываете. Нечего усмѣхаться, Вѣра!.. Я правду говорю.

Интереснѣе всего было то, что заботившаяся такъ о другихъ Надежда Васильевна сама была далеко не избалованная личнымъ счастьемъ пожилая дѣвушка. Одиноко жила она въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба уроками и журнальными статьями, всегда отзывчивая на все доброе, увлекающаяся и вѣчно устраивающая кого-нибудь. Сама она какъ-то просмотрѣла молодость, отдавши всю себя заботамъ сперва о больной матери, а послѣ смерти ея—заботамъ о другихъ, и съ горечью порѣшила, что теперь ей, пожалуй, и поздно думать о своемъ

счастьѣ. Тѣмъ съ бо́льшимъ участіемъ относилась она къ своимъ друзьямъ. Разъ или два въ годъ пріѣзжала она въ Петербургъ, чтобъ повидаться съ ними, наговориться досыта о разныхъ вопросахъ, растормошить ихъ и непремѣнно отыскать какую-нибудь «интересную» женщину. Отыскиванье «интересныхъ» женщинъ было слабостью Надежды Васильевны. Въ каждый ея пріѣздъ она всегда ухитрялась найти что-нибудь «свѣжее» и «оригинальное» и серьезно сердилась, если друзья ея, съ которыми она тотчасъ же знакомила свою «интересную» женщину, не находили въ ней ничего особенно интереснаго.

— Вопросъ исчерпанъ, надѣюсь?—засмѣялась хозяйка.

— Мы еще поговоримъ, поговоримъ объ этомъ. А гдѣ же Римма?.. Римма! Римма! Да брось ты наконецъ свою анатомію и иди къ намъ!—крикнула Коврова.

— Иду, иду!—откликнулся мягкій голосъ Риммы Михайловны.

— Всѣмъ на орѣхи досталось! — сказалъ, усмѣхнувшись, молодой военный врачъ, сохранявшій все время на своемъ молодомъ румяномъ лицѣ то выраженіе солидной серьезности, которымъ любятъ щеголять начинающіе молодые врачи.

— Подождите, и вамъ достанется!—проговорила, смѣясь, Коврова и обратила взоры на двери, въ которыхъ показалась маленькая фигурка Риммы Михайловны, ея любимицы.

Чуть-чуть покачиваясь своимъ гибкимъ станомъ, приблизилась къ столу Римма Михайловна, одѣтая въ черное платье, перетянутое кожанымъ пояскомъ. Никакихъ украшеній не было въ ея костюмѣ, только изъ-подъ воротника и изъ-подъ узкихъ рукавовъ платья бѣлѣли узкія полоски кружева. Пышныя косы, заплетенныя въ два ряда, спускались по плечамъ, и эта прическа шла къ ней, придавая ея серьезному лицу какую-то особенную, чисто-дѣтскую миловидность.

— А ты все кипятишься? — спокойно и точно удивляясь, что можно такъ долго обсуждать эти вопросы, проговорила Римма Михайловна, садясь около Ковровой.—Налей-ка мнѣ, Вѣра, чаю.

Надежда Васильевна, слѣдившая за каждымъ, полнымъ граціи и изящества, движеніемъ своей любимицы, вмѣсто отвѣта глядѣла теперь на нее съ выраженіемъ влюбленности и эстетическаго удовольствія.

— Ты что̀ это такъ смотришь? — застѣнчиво улыбнулась Римма Михайловна, и щеки ея густо покрылись румянцемъ.

— Ничего, ничего. Дай, я поправлю твои косы.

Нѣсколько преувеличенная общимъ вниманіемъ горячность,

съ какой говорила Коврова, остывала теперь въ присутствіи этого тихаго, повидимому, спокойствія Риммы Михайловны, и Коврова уже спокойнѣе спросила ее:

— Итакъ, Римма, мы поставили крестъ?

— Непремѣнно она насъ всѣхъ хочетъ замужъ выдать! — промолвила, улыбаясь, Римма Михайловна.—Поздно спохватилась!

— Не люблю я, Римма, когда ты корчишь изъ себя старуху.

— Старуха не старуха, а двадцать восемь лѣтъ.

— Ну, и что-жъ?

— Ну, и ничего. Я говорю только, что пора примириться съ моимъ положеніемъ старой дѣвы.

Коврова пристально взглянула на нее. Она знала давнишній романъ Риммы Михайловны, давно мучилась за свою любимицу, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ героя этого романа безъ развязки, и, подозрѣвая, что ея Римма все еще помнитъ старое, съ сердцемъ проговорила:

— И останешься старой дѣвой... И останешься... И всѣ вы останетесь старыми дѣвами, если будете продолжать вести жизнь монашекъ. Гдѣ у васъ знакомые? У васъ и мужчинъ-то знакомыхъ нѣтъ!

Всѣ расхохотались.

— Благодарите, господа, Надежду Васильевну!—воскликнула Вѣнецкая, обращаясь къ мужчинамъ.

— Да развѣ это мужчины? Это — коллеги, а не мужчины. Развѣ въ нихъ можно влюбиться?

— Обижаете вы насъ, Надежда Васильевна! — отозвался, смѣясь, Черникъ.

— Нынче и молодые люди какіе-то... черезчуръ благоразумные. Вы вотъ спросите-ка Петра Аркадьевича, былъ ли онъ влюбленъ хоть разъ?

Молодой врачъ въ новенькомъ сюртукѣ подумалъ и отвѣчалъ:

— Настоящимъ образомъ, кажется, нѣтъ.

— Ну, вотъ видите. А случись влюбиться—онъ струситъ и убѣжитъ, какъ Подколесинъ.

— Это вы вѣрно сказали. Убѣгу.

Общій взрывъ смѣха раздался въ комнатѣ. Но молодой докторъ не смутился.

— Отчего-жъ вы убѣжите? — допрашивала неугомонная Коврова.

— Очень просто. Оттого, что мнѣ жениться нельзя. Разсудите сами, коллеги: получаю я жалованья пятьдесятъ рублей, практики почти никакой. Какъ же мнѣ влюбляться?

— И вы это серьезно?—вскипятилась Коврова.

— Совершенно серьезно.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что̀ такое! Такъ можно, пожалуй, разсуждать въ сорокъ лѣтъ, а не въ двадцать семь.

— Говорите, какъ хотите, а оно такъ! Чтобы жениться, надо имѣть, по крайней мѣрѣ, три тысячи въ годъ, — иначе невозможно жить. Все это я давно обсудилъ и потому пока не влюбляюсь.

Хотя Петровъ (такъ звали молодого врача) и говорилъ самымъ серьезнымъ тономъ, и хотя высказанныя имъ соображенія и соотвѣтствовали отчасти складу его характера, взглядовъ и привычекъ, но видно было, что онъ нарочно подчеркивалъ свой трезвый образъ мыслей, какъ будто довольный произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

— И что-жъ тутъ удивительнаго, милостивая государыня?— продолжалъ онъ.—Я говорю только откровенно то, что̀ многіе скрываютъ. Я не храбрый человѣкъ, а чтобы жениться въ моемъ положеніи—надо имѣть много храбрости и легкомыслія. Прошлымъ лѣтомъ, когда я былъ за границей, одинъ французъ-докторъ основательно мнѣ объяснилъ, какъ и когда онъ женится, сколько minimum приданаго должно быть за женой и сколько у нихъ будетъ дѣтей.

— Довольно, довольно! — воскликнула Коврова. — Все это извѣстно, и все это гадости. Да и вы сами рисуетесь вашей трезвостью. Впрочемъ, теперь многіе такъ разсуждаютъ. А вы почему во̀-время не женились, Андрей Ивановичъ?—вдругъ обратилась она къ доктору Чернику.—Тоже по бюджетнымъ соображеніямъ, что ли? Теперь-то ужъ, пожалуй, и поздно?— прибавила она, смѣясь.

— Отчего поздно?—съ комичнымъ негодованіемъ замѣтилъ Черникъ.—Лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Въ женитьбѣ, напротивъ, лучше никогда, чѣмъ поздно.

— Правильно, правильно, Надежда Васильевна! — смѣясь, проронилъ Черникъ.—Куда намъ, старикамъ, объ этомъ думать. Почему до сихъ поръ не женился? Могу сказать только, что не по бюджетнымъ соображеніямъ.

— А почему же?—спросила Вѣнецкая.

— Васъ это интересуетъ, коллега?—спросилъ Черникъ, и маленькіе его глаза засвѣтились лукавой усмѣшкой. — Какъ и вы, я также не желалъ стѣснять своей свободы и не искалъ во̀-время барышни, желающей выйти за меня замужъ. Вѣрно, на очень «интересныхъ субъектовъ» не наталкивался, ибо «легкія воспаленія» въ молодости бывали, а серьезной, хронической болѣзни не было.

— Теперь ужъ и не будетъ!—замѣтила Коврова.

— Кто знаетъ, Надежда Васильевна: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!—полушутя отвѣчалъ Черникъ.

— И подѣломъ! Влюбитесь да и кайтесь отъ безнадежной любви!

— Что дѣлать?! Придется, видно, когда-нибудь каяться!—пошутилъ Черникъ.

Вѣнецкая пристально взглянула на профессора и, поймавъ его взглядъ, отвела глаза и притихла, а Черникъ, повидимому, спокойно курилъ сигару, пощипывая свою сѣдоватую бороду.

На минуту воцарилось общее молчаніе. Въ это время раздался звонокъ.

— Вѣрно, Орловскій, — замѣтила Вѣнецкая, безпокойно взглядывая на Римму Михайловну.

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что не будетъ. Я вчера встрѣтила его на улицѣ!—равнодушно замѣтила Римма.

— И отлично, что не будетъ. Я терпѣть не могу этого Нарцисса!—шепнула Коврова на ухо Риммѣ Михайловнѣ.

Та только чуть-чуть пожала плечами.

Всѣ смотрѣли на двери, ожидая, кто войдетъ, и черезъ минуту увидали Стрепетова, который, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пріостановился, смущенный при видѣ незнакомаго общества, и, откидывая послѣ поклона свои черныя кудри, спросилъ:

— Здѣсь живетъ...

Но, увидавъ вдругъ поднявшуюся изъ-за стола Римму Михайловну, онъ, не окончивъ вопроса, торопливо подошелъ къ ней, порывисто пожимая ей руку, и его красивое, дышавшее свѣжестью лицо освѣтилось радостной, свѣтлой улыбкой.

Нѣсколько смущенная проявленіемъ такой восторженной радости, Римма Михайловна поспѣшила перезнакомить Стрепетова со всѣми и указала ему мѣсто подлѣ себя. Всѣ женщины, уже слышавшія отъ Риммы Михайловны объ ея дорожномъ спутникѣ, встрѣтили гостя радушно, съ той товарищеской простотой, которая тотчасъ же избавила Стрепетова отъ застѣнчиваго смущенія, охватившаго его въ первую минуту, и ему скоро почувствовалось необыкновенно хорошо и уютно за круглымъ столомъ, въ этой маленькой комнатѣ, гдѣ всѣ показались ему такими добрыми и хорошими, а Римма Михайловна — необыкновенно молодой и милой, со своими распущенными по плечамъ косами.

Мужчины впрочемъ, отнеслись къ новому гостю сдержаннѣе. Петровъ напустилъ на себя еще болѣе солидной серьезности и затѣялъ медицинскій разговоръ съ Вѣрой Александровной, а докторъ Черникъ насупился и молча курилъ, изрѣдка бросая пытливые взгляды то на Вѣру Александровну, то на этого новаго гостя, о которомъ онъ ничего не слыхалъ.

На женщинъ Стрепетовъ произвелъ, повидимому, сразу хорошее впечатлѣніе. Чѣмъ-то непосредственнымъ, совсѣмъ непохожимъ на петербургскій шаблонъ, вѣяло отъ этого здороваго, румянаго, черноглазаго молодого человѣка, къ которому такъ шли и эта застѣнчивость, и эта наивная радость одинокаго провинціала при встрѣчѣ съ дорожной спутницей, и нескрываемое чувство преувеличеннаго уваженія, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ этимъ женщинамъ-докторамъ. Вдобавокъ всѣ, кажется, нашли, что Стрепетовъ очень недуренъ (Римма Михайловна, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ «наивнымъ» юношей, почему-то не догадалась сообщить объ его наружности), и это обстоятельство, надо думать, въ значительной мѣрѣ усиливало благопріятное впечатлѣніе, произведенное Стрепетовымъ на дѣвицъ «около тридцати лѣтъ».

Съ обычной своей экспансивностью, Коврова уже возвела новаго гостя въ «интересные» и рѣшила заняться имъ основательно для того, чтобы узнать, какъ она выражалась, «что это за типъ». И, пока онъ разговаривалъ съ Риммой Михайловной, порывисто разспрашивая объ ея занятіяхъ,—ея пылкая фантазія уже создавала будущій романъ. Онъ, конечно, влюбится, если ужъ не влюбленъ, этотъ красивый юноша, въ ея любимицу Римму, и этотъ монашескій скитъ, гдѣ у всѣхъ на умѣ только медицина да больные, навѣрное оживится съ новымъ знакомствомъ. И слава Богу! А то Петровъ и Черникъ—единственные знакомые мужчины. Развѣ съ ними можетъ быть какой-нибудь интересный романъ? Развязка только не давалась Надеждѣ Васильевнѣ. Неужели Римма попрежнему будетъ неуязвима? Неужели она не похоронила еще старой привязанности, испортившей ея жизнь?

«И зачѣмъ этотъ «кудряшъ» такъ молодъ!»—чуть-было не сорвалось у нея съ языка послѣ напрасныхъ поисковъ благополучной развязки въ видѣ свадьбы, и она взглянула на Стрепетова почти-что съ досадой за то, что онъ такъ безобразно молодъ.

Онъ между тѣмъ умолкъ, нѣсколько обиженный, что Римма Михайловна не поинтересовалась, въ свою очередь, узнать о

томъ, какъ онъ устроился, что̀ онъ дѣлаетъ, и молчала, точно не находя темы для разговора. Онъ и на пароходѣ, когда они ѣхали вмѣстѣ, успѣлъ замѣтить, что Римма Михайловна сдержанна, отвѣчаетъ лишь на вопросы, о себѣ не говоритъ и ни о чемъ не разспрашиваетъ; но могла же она теперь кинуть хоть одно слово! «А, впрочемъ, какое ей до меня дѣло?»—подумалъ онъ съ горькимъ чувствомъ и вдругъ застѣнчиво притихъ, какъ притихаютъ привыкшія къ ласкѣ дѣти, когда ихъ не приласкали.

Вѣра Александровна, замѣтившая это, прервала медицинскую бесѣду и съ чисто-женскимъ тактомъ обратилась къ Стрепетову съ тѣми ничего незначащими вопросами, которые ободряютъ застѣнчиваго гостя, избавляя его отъ неловкаго молчанія. Даже некрасивая, серьезная дѣвушка, обыкновенно молчаливая въ обществѣ, и та о чемъ-то спросила Стрепетова и, сама не зная почему, весело улыбалась.

— А вѣдь мы думали, что вы раньше придете! — продолжала Вѣнецкая, передавая ему стаканъ чая.

— Я собирался и въ прошлое воскресенье шелъ даже сюда!

— И что̀ же?

— И... не дошелъ! — отвѣчалъ со смѣхомъ Стрепетовъ, краснѣя въ то же время при воспоминаніи, какъ онъ малодушно вернулся, бывши у самыхъ дверей.

— Отчего не дошли?

— Да побоялся помѣшать занятіямъ Риммы Михайловны и... вернулся. Сегодня, какъ видите, не испугался! — прибавилъ Стрепетовъ съ улыбкой.

— И хорошо сдѣлали! — любезно промолвила Вѣра Александровна.

— Узнаю Римму!—воскликнула Коврова.—Она всѣхъ пугаетъ своими экзаменами. А вы не обращайте вниманія на ея слова и приходите, когда вздумается. И то заучилась до чортиковъ.

— Я его вовсе не пугала! — вставила Римма Михайловна.

— Нѣтъ, нѣтъ, но я все-таки боялся...

— Вѣрно, ужъ вы успѣли завести знакомства — не то что̀ наши монашенки, которыя живутъ здѣсь цѣлые годы и не видятъ людей?—допрашивала Коврова.

— Никакихъ! Впрочемъ, виноватъ...

И Стрепетовъ разсказалъ о знакомствѣ въ меблированныхъ комнатахъ съ однимъ «прекраснѣйшимъ» человѣкомъ да съ хозяевами: Ипатомъ Никитичемъ, его падчерицей и съ «нѣмцами».

— Вотъ и всѣ мои знакомства, если не считать Чиркова да тѣхъ лицъ, которымъ я развозилъ свои рекомендательныя письма. Помните, какія я возлагалъ на нихъ надежды, Римма Михайловна?

— И помогли они вамъ?—освѣдомилась дѣвушка.

— То-то не очень!

— Петербургъ, значитъ, пока не оправдалъ вашихъ надеждъ?

— Онъ показалъ мнѣ, Римма Михайловна, что я былъ большой дуракъ, когда, ѣхавши сюда, воображалъ, будто стоитъ показать свои рекомендательныя письма, и... сдѣлайте одолженіе, получите мѣсто. Онъ скоро подрѣзываетъ крылья, вашъ Петербургъ!—прибавилъ юноша.

— Не люблю я его... Бездушный, скверный, злой городъ!—воскликнула Коврова. — Вы разскажите намъ про ваши петербургскія впечатлѣнія. Это, должно-быть, интересно.

— Едва ли.

— Разскажите, разскажите!—раздались женскіе голоса.

Стрепетовъ сталъ разсказывать про свои первые шаги, набрасывая портреты лицъ, сцены, разговоры, то съ наивнымъ юморомъ простодушнаго провинціала, то съ горячимъ чувствомъ того юнаго, неподдѣльнаго изумленія или негодованія, какого ужъ давно не приходилось слышать этимъ затворницамъ - докторамъ ни въ своихъ больницахъ, ни на журфиксахъ у своихъ коллегъ. Что-то хорошее, свѣжее, какъ опьяняющій запахъ весны, что-то недавно забытое въ сухихъ медицинскихъ книгахъ, профессорскихъ лекціяхъ, спеціальныхъ разговорахъ и въ работѣ, невольно сообщалось слушательницамъ отъ этихъ рѣчей юноши, и когда онъ вдругъ оборвалъ разсказъ, сконфуженный, что долго говорилъ и занялъ собою общее вниманіе этихъ серьезныхъ, ученыхъ женщинъ, онѣ просили его еще разсказать о своихъ похожденіяхъ.

— Развѣ не надоѣло слушать мою болтовню?—застѣнчиво проговорилъ онъ и взглянулъ на Римму Михайловну, словно бы спрашивая совѣта:—продолжать ли ему или нѣтъ.

— Говорите!—проронила она, невольно улыбаясь.

И Стрепетовъ снова заговорилъ обо всемъ, что поразило его въ Петербургѣ. Переполненный впечатлѣніями, возбужденный сочувствіемъ, онъ пустился въ откровенности: разсказывалъ о своихъ разочарованіяхъ на первыхъ порахъ, о своихъ надеждахъ, о томъ, какъ онъ устроитъ жизнь; разсказалъ, какъ боялась за него мать, предостерегая отъ знакомствъ, какъ и здѣсь всѣ говорили ему объ осторожности.

какъ подчасъ тоскливо ему одному безъ друзей въ этомъ непривѣтливомъ городѣ, гдѣ такъ подозрительно смотрятъ на молодыхъ людей, точно молодость ужъ сама по себѣ есть преступленіе, и гдѣ ему иногда вдругъ кажется, будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ въ томъ, что ему двадцать два года и онъ хочетъ честно завоевать себѣ кусокъ хлѣба. А этотъ циничный Киріаковъ! А этотъ Неустроевъ! А мораль Чиркова!

Въ его торопливыхъ изліяніяхъ было столько подкупающей искренности, самъ говорившій, несмотря на первыя неудачи, былъ проникнутъ такимъ жизнерадостнымъ чувствомъ, такой вѣрой въ жизнь и людей, что эта простодушная откровенность, эта готовность открыть душу передъ людьми, которыхъ Стрепетовъ видѣлъ въ первый разъ, не только не показались странными, но, напротивъ, всѣхъ очаровали, какъ что-то новое, давно не слыханное въ трезвомъ Петербургѣ.

Даже профессоръ Черникъ, завзятый пессимистъ, сомнѣвавшійся и въ медицинѣ, въ которой завоевалъ себѣ крупное имя, слушалъ юношу внимательно. Мягкая, ласковая улыбка давно уже играла на его тонкихъ губахъ, и онъ по временамъ сочувственно взглядывалъ на возбужденное, полное жажды жизни, лицо Стрепетова, и въ то же время въ душѣ его подымалось больное чувство зависти человѣка, чувствовавшаго, что потерялъ въ житейской сутолокѣ ту искреннюю, чистую вѣру въ идеалъ добра, которою, казалось, былъ весь проникнутъ этотъ юноша, совсѣмъ не похожій на большинство трезвенныхъ молодыхъ людей послѣдняго времени.

«И въ какой только Аркадіи онъ сохранилъ такую свѣжесть и наивность?»—недоумѣвалъ докторъ.

Стрепетовъ скоро почувствовалъ, что понравился всѣмъ. Одна Римма Михайловна, казалось ему, не обращала на него вниманія и была сдержанна и холодна. И это возбуждало въ немъ чувство горечи.

Стрепетовъ не разъ въ теченіе вечера пробовалъ заговаривать съ нею, но разговоръ обрывался на первыхъ же словахъ. Къ удивленію своему, онъ испытывалъ теперь какое-то робкое волненіе, мѣшавшее ему заговорить съ нею съ той свободой, съ какою болталъ раньше во время путешествія. И онъ украдкой взглядывалъ на Римму Михайловну, взглядывалъ и поспѣшно отводилъ глаза, встрѣчая случайно ровный, спокойный взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ,—словно боялся, какъ бы она не разсердилась за то, что онъ, недостойный, осмѣливается любоваться этою «мадонной», какъ мысленно онъ уже называлъ Римму Михайловну.

«И какъ это онъ, слѣпой болванъ, могъ прежде, на пароходѣ, не замѣтить этой возвышенной, одухотворенной красоты?!.. Почему только теперь она явилась во всей своей прелести, точно внезапно осѣнивъ его просвѣтленіемъ?» — спрашивалъ себя не разъ молодой человѣкъ.

Все теперь въ этой серьезной студенткѣ казалось Стрепетову чѣмъ-то идеальнымъ, проникновеннымъ, внушавшимъ желаніе преклониться передъ ней, какъ передъ высшимъ существомъ, не отъ міра сего. Прежнее чувство уваженія подъ новымъ впечатлѣніемъ сразу приняло форму обожанія.

По обыкновенію всѣхъ цѣломудренныхъ натуръ, жаждущихъ, но не испытавшихъ любви и не испорченныхъ дешевыми ласками, онъ теперь идеализировалъ до смѣшного объектъ своего поклоненія, и, разумѣется, никакая нескромная мысль не профанировала его благоговѣйнаго чувства, когда, стыдливо тая его въ глубинѣ души, онъ осторожно взглядывалъ на красивый профиль своей сосѣдки. Подъ этимъ цѣломудреннымъ бѣлымъ лбомъ, казалось Стрепетову, должны были роиться благородныя, возвышенныя мысли. Самая молчаливая ея сдержанность плѣняла какою-то загадочностью. Въ этихъ бархатистыхъ глазахъ, кроткихъ и вдумчивыхъ, онъ видѣлъ глубину и умъ, самоотверженіе и тихую, затаенную скорбь. Сжатыя пышныя, алыя губы, подернутыя пушкомъ, говорили ему объ энергіи этого на видъ слабаго существа. Вся ея гибкая маленькая фигура, каждое ея движеніе казались ему полными чарующей граціи и цѣломудренной скромности, говорившей, что сама эта дѣвушка не сознаётъ, какъ она мила. И это еще болѣе увеличивало обаяніе ея красоты на восторженнаго юношу.

И пышныя косы, подъ тяжестью которыхъ точно склонялась книзу голова дѣвушки, и родимое пятнышко на щекѣ, рдѣвшей приливавшимъ сквозь нѣжную кожу румянцемъ, и маленькія кисти красивыхъ, сложенныхъ на груди, рукъ съ просвѣчивающими голубыми жилками, и самый костюмъ — все, казалось ему, имѣло печать особой прелести, все между собою гармонировало, сливаясь въ общемъ впечатлѣніи благородной, изящной красоты, чистоты и непорочности.

Мысль о возможности какихъ-либо несовершенствъ у этой дѣвушки, разумѣется, ни разу не приходила въ голову Стрепетова. Обрадованный, что Коврова затѣяла споръ съ Черникомъ, и что общее вниманіе было обращено на спорившихъ, онъ, прислушиваясь къ спору, свободно любовался Риммой Михайловной, вѣрнѣе—внутренно молился на нее.

И если бы въ эту минуту восторженнаго созерцанія Стре-

петову сказали, что въ благоговѣйномъ чувствѣ, внезапно охватившемъ его, значительную роль играетъ и безсознательный чувственный инстинктъ, капризно воплотившій въ этой дѣвушкѣ неопредѣленные сны и грезы пробуждавшейся страсти, онъ замеръ бы отъ стыда, считая себя первѣйшимъ негодяемъ въ подлунной. Если бы ему предсказали, что онъ загорится когда-нибудь желаніемъ цѣловать руки, глаза, прильнуть къ губамъ этой самой «мадонны», онъ въ ужасѣ отвергнулъ бы это предсказаніе, какъ невозможное святотатство.

Такъ дѣвственно занималась заря первой любви въ цѣломудренномъ сердцѣ юноши. Въ своемъ безкорыстномъ поклоненіи созданному божеству онъ еще не сознавалъ начала любви. Онъ только вдругъ припомнилъ, что до сихъ поръ ни одна женщина, кромѣ матери, не внушала ему такого святого обожанія. Теперь вдругъ нашлась и другая женщина.

Внезапный вопросъ Ковровой засталъ Стрепетова врасплохъ. Онъ отвѣчалъ разсѣянно, точно пробужденный отъ грезъ.

— Вы, кажется, и не слушали нашего спора, Павелъ Сергѣевичъ? О чемъ размечтались?—смѣясь, допрашивала Надежда Васильевна.

Стрепетовъ смутился, словно пойманный на преступленіи, и торопился увѣрить, что отлично слушалъ. Онъ вспомнилъ, что споръ шелъ объ одномъ писателѣ, и безусловно присоединился къ восторженнымъ отзывамъ Надежды Васильевны. Онъ самъ былъ горячимъ поклонникомъ его таланта.

— А вотъ есть люди, которые отрицаютъ въ немъ талантъ.

— Не талантъ, Надежда Васильевна, а только степень его, — перебилъ Черникъ.—Вашему любимцу такъ же далеко до Толстого, какъ звѣздѣ, хотя и крупной, до солнца.

— Сравненія ничего не доказываютъ. Лучше перестанемъ. Васъ не переспоришь.

— Ну, и васъ тоже!—смѣясь, отвѣчалъ Черникъ.

— Я разскажу вамъ, Павелъ Сергѣевичъ, когда-нибудь объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, если вы такъ имъ интересуетесь! — обратилась Коврова къ Стрепетову. — Это и человѣкъ необыкновенный. Все въ немъ оригинально, какъ и самый талантъ его.

— Вы знакомы съ нимъ?—воскликнулъ Стрепетовъ съ тѣмъ чувствомъ благоговѣйнаго почтенія, которое бываетъ у юныхъ поклонниковъ литературы.

— Знакома. Жаль, его нѣтъ теперь въ Петербургѣ, а то я бы и васъ познакомила.

— О, какое бы это было для меня счастіе! — восторженно проговорилъ Стрепетовъ.

— Писателей лучше читать, чѣмъ знакомиться съ ними! — вставилъ Черникъ.

— Пожалуйста, не смущайте его своимъ петербургскимъ скептицизмомъ!—закипятилась Надежда Васильевна.

— Зато ты, въ свою очередь, ужъ слишкомъ увлекаешься!— промолвила Вѣнецкая. — Не совѣтую вамъ, Павелъ Сергѣевичъ, знакомиться съ ея любимцами по ея разсказамъ. Она даже недостатки ихъ возводитъ въ перлъ созданія.

— А я скажу: не вѣрьте имъ, Павелъ Сергѣевичъ! Ужъ не такая я увлекающаяся, какъ онѣ меня ставятъ. Жаль, васъ раньше не было — вы бы услышали, какъ я бранила своихъ любимицъ, вотъ этихъ докторовъ! — смѣясь, говорила Коврова, указывая на Римму Михайловну и другихъ дѣвушекъ.—Тогда вы убѣдились бы, что я безпристрастна.

— За что же?

— А за то, что вотъ эти госпожи-доктора боятся жизни, точно прячутся отъ нея за своими книгами. Впрочемъ, сами увидите, за что ихъ нужно бранить, когда узнаете покороче этихъ схимницъ. Вы вотъ, навѣрное, жизни не боитесь?

— Я?—повторилъ онъ.—Кажется, не боюсь!

— И не считаете себя застрахованнымъ отъ увлеченій, какъ многіе?

— Это въ мой огородъ!—усмѣхнулся молодой врачъ.

— И въ нашъ!—промолвила Вѣнецкая.

— Да развѣ безъ увлеченій возможна жизнь? — переспросилъ горячо Стрепетовъ.

— Браво, браво, Павелъ Сергѣевичъ! Мы, значитъ, съ вами сходимся. Я только-что это проповѣдывала, но голосъ мой— гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Помогите хоть вы мнѣ!

— Увлекаться, милостивыя государыни, положимъ, не грѣхъ, особенно въ молодые годы,—началъ докторъ Черникъ, взглядывая на часы.

— Во всякіе, докторъ, во всякіе!—перебила Коврова.

— Извольте: во всякіе, если вамъ угодно.

— Но, разумѣется, всѣмъ, кромѣ любви. Поздняя страсть— что завядшіе цвѣты!—снова вставила Коврова.

— И съ этимъ готовъ согласиться, Надежда Васильевна! Лучше никогда, чѣмъ поздно? Вы, кажется, такъ совѣтовали?

— Такъ, докторъ, такъ.

— Отлично. Послѣдую вашему совѣту и увлекаться не рѣшусь. Но я не о томъ. Я хотѣлъ сказать, что если увлекаться

не грѣхъ, то засиживаться такъ поздно—положительное преступленіе. Ужъ первый часъ. А Вѣрѣ Александровнѣ надо къ восьми часамъ въ больницу.

— Успѣю выспаться.

— Это онъ самъ хочетъ спать!—воскликнула Коврова.

— Пора, пора. Мнѣ тоже надо завтра къ девяти часамъ на дежурство!—замѣтилъ, въ свою очередь, Петровъ и поднялся съ мѣста.

— Эхъ, вы! Часа не доспать боитесь!—упрекнула его Надежда Васильевна.

— Нельзя, Надежда Васильевна, голова будетъ болѣть цѣлый день. Вѣрно, и Римма Михайловна спать хочетъ. И то она, къ удивленію, сегодня пропустила свой часъ.

— Обо мнѣ не безпокойтесь! — замѣтила, краснѣя, Римма Михайловна.—Если захочу спать—уйду.

— То-то я удивляюсь, коллега, что вы до сихъ поръ не хотите!

Гости стали собираться. Стрепетовъ съ сожалѣніемъ поднялся съ мѣста. Онъ съ удовольствіемъ посидѣлъ бы еще, но оставаться не осмѣлился. Не безъ волненія прощался онъ съ Риммой Михайловной, ожидая: пригласитъ ли она его заходить или нѣтъ? Но она пожала ему руку, не сказавъ ни слова, и тѣнь омрачила его лицо. Зато Вѣнецкая любезно просила «не забывать ихъ».

— А ты что же, Римма, не приглашаешь Павла Сергѣевича? И безъ того ты его напугала своими занятіями! — замѣтила Надежда Васильевна.

Римма Михайловна пожала плечами.

— Захочетъ, и безъ лишнихъ приглашеній придетъ. Я разъ сказала Павлу Сергѣевичу, что по воскресеньямъ бываю свободна.

— Заходите и кромѣ воскресеній, если вамъ дома станетъ очень скучно и вы не побоитесь проскучать съ нами! — радушно пригласила Вѣнецкая и прибавила, что она по вечерамъ почти всегда дома.

— Да скорѣе приходите и ко мнѣ! — сказала Коврова. — Я вамъ разскажу про нашего общаго любимца, и вообще мы поговоримъ. Я здѣсь, у схимницъ, остановилась. Не бойтесь Риммы! — засмѣялась она, поймавъ нерѣшительный взглядъ Стрепетова.—У нея отдѣльная комната. Можетъ долбить своего Гиртля и къ намъ не показываться.

Стрепетовъ горячо благодарилъ обѣихъ за приглашеніе бывать. Онъ, разумѣется, воспользуется имъ. Онъ такъ счастливъ, что познакомился. Теперь онъ не одинокъ въ Пе-

тербургѣ. И этимъ онъ обязанъ счастливой встрѣчѣ на пароходѣ! — прибавилъ Стрепетовъ, взглядывая на Римму Михайловну, и приблизился къ ней, чтобы еще разъ проститься и, быть-можетъ, услыхать отъ нея самой то, что онъ сейчасъ услыхалъ отъ Вѣнецкой и Ковровой.

Вмѣсто приглашенія Римма Михайловна освѣдомилась, по какимъ предметамъ онъ даетъ уроки.

— Я... математикъ!—отвѣчалъ онъ, удивленный неожиданнымъ вопросомъ.

— Быть-можетъ, услышу объ урокѣ, такъ дамъ вамъ знать!—пояснила Римма Михайловна.

«Такъ вотъ зачѣмъ она спрашивала!»

И Стрепетовъ такъ порывисто, такъ крѣпко пожималъ руку дѣвушки, что она поморщилась отъ боли.

Онъ возвращался домой пѣшкомъ, полный впечатлѣній, возвышенно настроенный. Мысли о Риммѣ Михайловнѣ охватили его всего, и онъ радостно и свободно отдавался имъ, какъ пловецъ теплымъ волнамъ, припоминая разныя выраженія ея лица, ея голосъ съ низкими красивыми нотами, слова, интонацію ихъ, руки, косы, родимое пятно на щекѣ. Образъ ея неотступно носился передъ нимъ, и сердце его то билось безотчетной радостью, то наполнялось безотчетной грустью отъ сознанія своихъ несовершенствъ по сравненію съ совершенствомъ идола.

Поднимая Римму Михайловну на высоту, онъ, разумѣется, принижалъ себя, приписывая дѣвушкѣ столько ума, знанія, развитія, нравственныхъ качествъ, сколько могла лишь вмѣстить самая пылкая фантазія влюбленнаго юноши, награждающаго каждую избранницу своего сердца прежде всего ореоломъ духовной красоты, сообразно своему идеалу. Сдержанность Риммы Михайловны и ея видимое (какъ ему казалось) нежеланіе его общества онъ объяснялъ своей умственной незрѣлостью. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить съ нимъ ей, такой серьезной, погруженной въ занятія, дѣвушкѣ? Какой можетъ представить онъ для нея интересъ?

И Стрепетова сильнѣе охватывало желаніе читать, учиться, больше знать, чтобы заслужить честь ея вниманія и дружескаго отношенія. Тогда, быть-можетъ, она подѣлится съ нимъ когда-нибудь своими мыслями, взглядами, введетъ его въ тайники своего духовнаго міра и затѣмъ... затѣмъ—ровно ничего болѣе. И этого совершенно достаточно, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ.

Онъ шелъ по улицамъ не спѣша, словно на прогулкѣ, и—странное дѣло!—теперь и этотъ «непривѣтный» Петербургъ

казался ему не такимъ скверным, напротивъ, даже не лишеннымъ красоты, когда Стрепетовъ, остановившись на Николаевскомъ мосту, любовался съ минуту видомъ освѣщенной луною серебристой Невы, тихо катившей свои воды среди сверкающихъ на далекое пространство огней, оттѣнявшихъ громадные силуэты зданій и дворцовъ набережной. И себя онъ не считалъ одинокимъ, затеряннымъ въ этомъ городѣ.

Онъ ощущалъ потребность, обычную въ началѣ любви, излить кому-нибудь свои впечатлѣнія, говорить о предметѣ своего обожанія или слушать о немъ, въ томъ, конечно, случаѣ, если бы Риммѣ Михайловнѣ слагали тѣ же хвалебные гимны, что̀ слагались сами собой у него. Нарисуй кто-нибудь ея портретъ въ дѣйствительномъ видѣ, скажи ему, что Римма Михайловна—хорошая дѣвушка, но далеко не идеалъ всѣхъ совершенствъ, Стрепетовъ, разумѣется, не сталъ бы слушать, или, слушая, не повѣрилъ. И онъ жалѣлъ, что не съ кѣмъ поговорить о ней теперь, сейчасъ же. Развѣ идти къ Галанину? Поздно, да и онъ, пожалуй, опять нездоровъ.

Стрепетовъ успокоился, вспомнивъ о Ковровой. Вотъ кто можетъ разсказать объ «его» мадоннѣ!.. Она разъяснитъ ему, отчего Римма Михайловна чуждается жизни?.. Нѣтъ ли тутъ тайны, имѣющей отношеніе къ «блондину», встрѣченному на вокзалѣ?

При воспоминаніи о «блондинѣ» Стрепетовъ чувствовалъ приливъ негодованія; воображеніе его надѣляло теперь «блондина» въ геометрической прогрессіи всевозможными скверными качествами, дѣлающими человѣка (котораго онъ видѣлъ разъ въ жизни) однимъ изъ «противнѣйшихъ эгоистовъ» на свѣтѣ.

Когда Стрепетовъ, во второмъ часу утра, пришелъ домой, не чувствуя усталости послѣ долгой прогулки, его первою мыслью было сейчасъ же написать матери объ этой замѣчательной дѣвушкѣ; прежнее описаніе совершенно блѣднѣло предъ тѣмъ образомъ, который наполнялъ теперь душу молодого человѣка. Но какое-то стыдливое чувство остановило его отъ этого намѣренія. «Мать, пожалуй, иначе объяснитъ его чувство и не оцѣнитъ какъ слѣдуетъ Римму Михайловну!»—подумалъ Стрепетовъ, едва ли не впервые закрывая тайники своей души отъ матери.

Онъ увидалъ на письменномъ столѣ два письма. Одно обрадовало его—оно было отъ Галанина, который извѣщалъ, что урокъ для него готовъ. Другое, напротивъ, онъ тотчасъ же разорвалъ на мелкіе кусочки. Эти торопливыя строчки, писанныя карандашомъ, скверным почеркомъ и съ грубыми

ошибками, строчки, заставившія его покраснѣть отъ смущенія и досады, были отъ Ѳенички. Она сообщала, что такъ соскучилась, не видя Стрепетова, что рѣшилась безъ зова побывать сама у него и надѣялась упросить его ѣхать вмѣстѣ на острова. Записочка оканчивалась извиненіемъ за «непрошенный визитъ» и просьбой навѣстить Галанина. «Безъ васъ Ѳедоръ Петровичъ соскучился, а я еще болѣе».

Стрепетовъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ теперь объ особомъ вниманіи, которое ему оказывала Ѳеничка во время пребыванія его въ номерахъ Лукачева. Ея вызывающіе взгляды, шуточки и заигрыванія, частыя забѣганія въ его комнату подъ разными предлогами, наконецъ грустная мина, когда Стрепетовъ прощался, уѣзжая изъ номеровъ, долгое пожатіе руки, сопровождавшееся выразительнымъ приглашеніемъ навѣщать чаще Ѳедора Петровича,—все это невольно теперь пронеслось въ головѣ. Онъ и тогда умышленно не замѣчалъ этого вызывающаго кокетства легкомысленной дѣвушки. Зная о трогательной привязанности къ ней Галанина, онъ добросовѣстно избѣгалъ всякаго повода возбудить его ревнивыя подозрѣнія и только разъ чуть-было не поддался искушенію. Онъ припомнилъ, какъ, за нѣсколько дней до отъѣзда изъ номеровъ, Ѳеничка, вернувшаяся, по обыкновенію, откуда-то поздно домой, незамѣтно подошла къ нему, погруженному въ книгу, какъ она обдала его быстрымъ, полнымъ страсти, взглядомъ и слишкомъ близко наклонилась надъ нимъ, чтобы взять со стола спички, за которыми пришла, касаясь его плеча волнующейся грудью. Онъ вспомнилъ,—и это воспоминаніе вызвало теперь на его лицо краску стыда и раскаянія,—что его внезапно охватило жгучее желаніе поцѣловать смущавшую его дѣвушку, и что только стыдливая робость и воспоминаніе о Галанинѣ заставили его въ ту минуту побороть желаніе и благоразумно отодвинуться. И Ѳеничка унесла спички, сухо простившись съ нимъ; на другой день при встрѣчѣ презрительно назвала его «пижономъ» и до самаго его отъѣзда почти не говорила съ нимъ.

Неожиданный визитъ Ѳенички, ея приглашеніе ѣхать въ Аркадію, показались теперь Стрепетову оскорбительными, профанирующими его настроеніе, и онъ съ жестокостью, отличающей влюбленнаго идеалиста, осудилъ дѣвушку, непрошенно ворвавшуюся въ его душу, полную чистыхъ впечатлѣній свѣтлаго образа, и рѣшилъ при первомъ же свиданіи дать ей это почувствовать.

Больше онъ и не вспомнилъ о ней и, бросившись на постель, скоро заснулъ съ самыми чистыми грезами о своей «мадоннѣ».

XII.

На другой день, ровно въ девять часовъ, Стрепетовъ, плохо выспавшійся, торопливо проглотившій дома стаканъ чаю, явился къ Чиркову въ кабинетъ, сіяющій, счастливый и голодный, переживающій еще вчерашнія свои впечатлѣнія.

Николай Петровичъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ. По обыкновенію, онъ всталъ въ семь часовъ, продѣлалъ врачебную гимнастику съ приходившимъ къ нему на домъ гимнастеромъ, взялъ ванну, посвятилъ добрую четверть часа своему туалету и теперь, тщательно выбритый, свѣжій и благоухающій, въ щегольски сшитомъ кургузомъ пиджачкѣ и съ туфлями на ногахъ, просматривалъ кипу газетъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ. Онъ курилъ сигару и прихлебывалъ чай, повертывая въ своихъ бѣлыхъ, короткихъ, съ круглыми ногтями, пальцахъ большой, длинный карандашъ.

Какъ разъ передъ приходомъ Стрепетова, его превосходительство, до тѣхъ поръ равнодушно пробѣгавшій газеты, вдругъ заинтересовался какой-то статьей, и молодой человѣкъ, войдя въ кабинетъ, замѣтилъ, что Чирковъ какъ будто не въ духѣ. Брови его были нахмурены, губы поджаты, въ лицѣ стояло недовольное выраженіе. Что-то, видимо, раздражало его превосходительство.

Онъ молча протянулъ руку Стрепетову, взглянувъ на него съ недоумѣніемъ раздраженнаго человѣка, вдругъ увидавшаго передъ собой безконечно счастливое и потому немного глупое лицо. Остановившійся взглядъ чиновнаго скептика, казалось, спрашивалъ: «ты съ чего сіяешь?» и, не интересуясь отвѣтомъ, снова перешелъ на газету.

— Прошу повременить минуту!—проговорилъ онъ, указывая на кресло.

Стрепетовъ присѣлъ, а Чирковъ дочитывалъ статью, отчеркивая ее по временамъ краснымъ карандашомъ. Стрепетовъ взглянулъ на газету—это была извѣстная московская газета, по мѣрѣ чтенія которой улыбка Чиркова становилась брезгливѣе и злѣе, и въ глазахъ его вспыхивалъ огонекъ.

Знакомый съ газетой лишь по ея репутаціи, молодой человѣкъ недоумѣвалъ—что могло въ ней такъ раздражить такого философа, какъ его превосходительство. «Или его самого продернули?!»—пришло ему въ голову при видѣ досады, съ какою Чирковъ то и дѣло крестилъ карандашомъ.

— Этакіе наглецы!—чуть слышно шепнулъ Чирковъ, откладывая въ сторону нумеръ, и, поднявъ глаза на Стрепетова,

проговорилъ рѣзкимъ, все еще неспокойнымъ голосомъ, полнымъ волненія:—Работа для васъ готова. Пойдемте!

Онъ всталъ и, чуть-чуть переваливаясь и вздрагивая бедрами, прошелъ черезъ столовую и гостиную въ небольшую угловую комнату, нѣчто въ родѣ диванной, убранной въ турецкомъ вкусѣ. Пестрый коверъ во всю комнату, низенькія оттоманки съ подушками, пара мягкихъ табуретокъ, нѣсколько японскихъ столиковъ, картины игриваго содержанія по стѣнамъ—таково было убранство этого маленькаго уютнаго уголка, въ которомъ Чирковъ любилъ подремать послѣ обѣда съ книгою въ рукахъ. У окна стоялъ разложенный ломберный столъ, и на немъ были приготовлены письменныя принадлежности.

— Удобно вамъ будетъ здѣсь работать?—спросилъ Чирковъ.

— Вполнѣ!—отвѣчалъ Стрепетовъ, довольный, что ему не придется, какъ онъ думалъ, торчать постоянно на глазахъ у патрона.

— Мы не будемъ другъ другу мѣшать!—продолжалъ Чирковъ уже болѣе спокойнымъ и мягкимъ тономъ.—Каталогомъ и библіотекой займетесь послѣ, а пока вотъ не угодно ли будетъ, молодой человѣкъ, заняться археологіей... Разберете мои іероглифы?—прибавилъ Чирковъ, подавая Стрепетову объемистую рукопись.

Рукопись была написана хотя и мелкимъ, словно бисеръ, но четкимъ почеркомъ. Стрепетовъ взглянулъ и, отдавая ее назадъ, сказалъ, что разберетъ отлично.

— Если что затруднитъ васъ, пожалуйста, спрашивайте. Главное, чтобы не было пропусковъ и невѣрныхъ выраженій, а за каллиграфіей не гонитесь... Мѣста для рисунковъ можно оставлять,—продолжалъ онъ, перелистывая съ видимымъ удовольствіемъ толстую тетрадь почтовой бумаги большого формата, испещренную рисунками.

— Я сниму копію съ рисунковъ, если хотите.

— Вы развѣ рисуете?

— Немножко.

— Въ такомъ случаѣ снимайте. Сдѣлаете большое одолженіе. Мои рисунки плоховаты.

— Надѣюсь, мои выйдутъ удачнѣе!—проговорилъ весело Стрепетовъ.—А то еще бы лучше заново ихъ снять съ оригиналовъ, если они у васъ есть.

Чирковъ просіялъ. Эта мысль ему понравилась.

— Оригиналы у меня почти всѣ есть, но только...

Онъ остановился на секунду въ нерѣшительности.

— Но только надо очень осторожно обращаться съ такими предметами. Между ними есть вещи замѣчательной археоло-

гической цѣнности!—заключилъ онъ, выдавая боязнь за свои сокровища, свойственную всѣмъ археологамъ.

Стрепетовъ обѣщалъ быть осторожнымъ. Онъ будетъ брать по одному предмету и надѣется ничего не испортить.

— Вы ручаетесь?—спрашивалъ Чирковъ.

— Ручаюсь,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Смотрите же, будьте осторожны! Впрочемъ, болѣе хрупкія вещи я самъ буду приносить вамъ сюда. Мы, археологи, имѣемъ свои слабости!—прибавилъ онъ съ улыбкой, какъ бы извиняясь за свое недовѣріе.

Въ концѣ концовъ было рѣшено дѣлать рисунки потомъ и помѣстить ихъ не въ текстѣ, а въ особой тетради.

Чирковъ удалился. Стрепетовъ присѣлъ къ столу и красивымъ, крупнымъ почеркомъ старательно вывелъ заголовокъ: «Раскопки пяти кургановъ въ Псковской губерніи».

Несмотря на твердое намѣреніе сосредоточить вниманіе исключительно на племенахъ, населявшихъ когда-то Псковскую область (о чемъ шла рѣчь во вступленіи къ статьѣ), образъ «мадонны» то и дѣло внезапно появлялся среди бывшихъ аборигеновъ, такъ что нашъ молодой человѣкъ долженъ былъ употреблять усиліе, чтобы направить мысли на людей доисторическихъ, весьма мало, по правдѣ сказать, его интересовавшихъ въ такую минуту. Онъ чуть-было даже разъ не написалъ вмѣсто «Лудь»—«Римма Михайловна» и, спохватившись, рѣшилъ быть внимательнѣе къ работѣ. Тѣмъ не менѣе первую же страницу пришлось переписать вновь. При сличеніи съ оригиналомъ, Стрепетовъ замѣтилъ пропускъ цѣлыхъ трехъ строкъ.

— Не угодно ли чаю?

Стрепетовъ весело поднялъ голову. Передъ нимъ, съ подносомъ въ рукахъ, стояла щеголеватая, привѣтливо улыбающаяся Аксюша.

Онъ съ удовольствіемъ взглянулъ на подносъ, на которомъ и сливки и маленькія сдобныя булочки глядѣли такъ аппетитно, и охотно принялъ предложеніе.

— Вы у насъ будете заниматься?—фамильярно спрашивала Аксюша, пока Стрепетовъ бралъ стаканъ.

Это «у насъ» заставило Стрепетова улыбнуться и утвердительно кивнуть головой.

— Сколько времени?

— Не знаю. А вамъ что?

— Такъ-съ...—проронила Аксюша и, замѣтивъ быстроту, съ какой Стрепетовъ принялся за чай, прибавила:—Будете пить еще?

— Нѣтъ, довольно.

— Выпили бы. Я для васъ заварила свѣжаго чаю.

— Благодарю, больше не хочу!

— Аксюша!—раздался черезъ комнаты рѣзкій голосъ его превосходительства.

Аксюша нетерпѣливо передернула плечами, усмѣхнувшись про себя, и торопливо вышла, захвативъ въ руки подносъ.

«Рѣшительно генералъ сегодня не въ духѣ!»—подумалъ Стрепетовъ, допивая стаканъ и вновь принимаясь за работу.

Послѣ часа безпрерывнаго писанія, рука Стрепетова съ непривычки порядочно-таки устала; но онъ усердно продолжалъ переписку, прерывая работу на короткіе промежутки, чтобы размять члены, выкурить папироску и рѣшить все еще не рѣшенный имъ вопросъ: идти ли сегодня къ Ковровой? Этотъ вопросъ явился, какъ только Стрепетовъ проснулся. «Она вѣдь звала скорѣе придти!»—увѣрялъ себя молодой человѣкъ, прикрывая этимъ предлогомъ неодолимое желаніе увидать Римму Михайловну.

Въ квартирѣ стояла тишина. Стрепетовъ взглянулъ въ двери и черезъ анфиладу комнатъ увидалъ Чиркова за письменнымъ столомъ; повидимому, генералъ писалъ. Стрепетовъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось еще полтора часа, и онъ ретиво принялся за окончаніе вступленія. Черезъ нѣсколько времени изъ кабинета раздались звуки рояля. Стрепетовъ старался не слушать, но чудные, мягкіе звуки какой-то незнакомой ему Бетховенской сонаты незамѣтно приковывали его вниманіе. Онъ слушалъ, продолжая работать, но какъ-то незамѣтно перо остановилось само собой. Неопредѣленныя ощущенія, то сладкія, то грустныя, желаніе счастья и любви переполняли душу, и онъ весь отдался теперь музыкѣ, закрывъ глаза, погруженный въ чудныя грезы, среди которыхъ образъ «мадонны» сливался съ главнымъ мотивомъ, и трудно было отдѣлить одинъ отъ другого. Онъ слушалъ, и тихо льющіеся дивные звуки открывали, казалось, ему самому тайну его любви.

Наступившая пауза заставила его очнуться. Игра возобновилась, но юноша уже писалъ, стараясь не слушать, стараясь не думать объ открытомъ имъ секретѣ. «Пусть этотъ секретъ навѣки останется секретомъ!»—рѣшилъ онъ. И когда наконецъ звуки смолкли, уже было двѣнадцать часовъ. «Пора кончать». И Стрепетовъ понесъ въ кабинетъ свою работу, чтобы узнать, доволенъ ли останется Чирковъ его почеркомъ.

— Отлично, отлично. Это лучше, чѣмъ надо!—проговорилъ Чирковъ, просмотрѣвъ первую страничку.—И ни одной ошибки

въ археологическихъ терминахъ. Очень благодаренъ вамъ, Павелъ Сергѣевичъ!—прибавилъ Чирковъ, повидимому, значительно успокоившійся.

Стрепетовъ сталъ откланиваться.

— Куда-жъ вы! Сейчасъ будемъ завтракать!—остановилъ его Чирковъ.

Но Стрепетовъ отказался. Онъ еще раньше рѣшилъ не оставаться, чтобы не терять времени.

— Какъ хотите, но только имѣйте въ виду, что въ половинѣ перваго подаютъ завтракъ, и я разъ навсегда приглашаю васъ быть моимъ гостемъ. А что, музыка моя не мѣшала вамъ заниматься? Если мѣшаетъ, можно запирать двери.

— О, нѣтъ, нисколько не мѣшала. Напротивъ...

— Вѣрно, вы любите музыку?

— Люблю!—возбужденно отвѣтилъ Стрепетовъ.

Чирковъ пристально взглянулъ на молодого человѣка и, улыбаясь, спросилъ:

— Да что̀ вы сегодня такой сіяющій, Павелъ Сергѣевичъ?.. Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь хорошихъ извѣстій о мѣстѣ?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Стрепетова. Онъ покраснѣлъ, какъ могутъ только краснѣть влюбленные, которыхъ мнительность въ каждомъ вопросѣ подозрѣваетъ, что открыта ихъ тайна любви. Онъ пробормоталъ, что никакихъ утѣшительныхъ извѣстій о мѣстѣ еще нѣтъ.

— Но я зато урокъ получилъ!—съ живостью подхватилъ онъ, стараясь овладѣть своимъ смущеніемъ.

— Урокъ? Ну, это еще не большая находка. А у Варницкой были?

Стрепетовъ отвѣчалъ, что она еще не пріѣхала изъ-за границы.

— Непремѣнно побывайте у нея, непремѣнно! — заботливо началъ Чирковъ. — Я вотъ не далѣе, какъ въ субботу, говорилъ снова о васъ въ клубѣ съ однимъ вліятельнымъ въ банкѣ человѣкомъ, но пока одни неопредѣленныя обѣщанія. Даже досадно. При всемъ желаніи вамъ помочь, я до сихъ поръ ничего не могу сдѣлать, а то, что̀ бы могъ, вамъ совсѣмъ не подходитъ.

Стрепетова тронула такая заботливость, и онъ счелъ долгомъ поблагодарить Чиркова.

— Благодарить-то не за что! — промолвилъ Чирковъ. Онъ поднялся съ кресла и, приблизившись къ Стрепетову, продолжалъ: — Добрыми намѣреніями и адъ вымощенъ, а что̀ толку? Тѣмъ не менѣе я хочу, чтобы вы вѣрили, милый Павелъ Сергѣевичъ, что я не забылъ о васъ и употреблю всѣ

усилія васъ устроить... Вѣдь вашъ покойный отецъ когда-то былъ моимъ единственнымъ, лучшимъ другомъ! — внезапно прибавилъ онъ съ задушевной ноткой въ голосѣ, пожимая руку Стрепетова повыше локтя.

Онъ отпустилъ его руку и заговорилъ своимъ обычнымъ, слегка ироническимъ тономъ:

— И все-таки, несмотря на мои хлопоты, вамъ, вѣроятно, придется ждать, а сколько времени ждать—кто знаетъ?.. Мои фонды, какъ я уже говорилъ вамъ, невысоко стоятъ въ чужихъ вѣдомствахъ!.. Вотъ и нашъ московскій оракулъ распекаетъ за недостатокъ рѣшительности,—прибавилъ Чирковъ, указывая взглядомъ на газету и брезгливо морщась.—Того и гляди, и я попаду въ нигилисты!—усмѣхнулся его превосходительство.

Онъ примолкъ и черезъ минуту сказалъ:

— А ваша тетушка, если захочетъ, можетъ устроить васъ... Она это умѣетъ. У нея самое разнообразное знакомство... Потому-то я и совѣтую: непремѣнно побывайте у нея и... à la guerre comme à la guerre... постарайтесь понравиться своей двоюродной тетушкѣ... Что̀ вы такъ нахмурились?—улыбнулся Чирковъ, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ Стрепетова.—Понравиться нужно, и это нетрудно; главное, не распространяйтесь съ нею о своихъ убѣжденіяхъ, оставьте ихъ про себя... Какое кому дѣло до того, что вы такъ думаете о судьбахъ міра... Не забывайте, что прежде всего вамъ нуженъ кусокъ хлѣба, хотя бы для того, чтобы имѣть возможность думать объ этихъ судьбахъ, если это вамъ будетъ угодно!—прибавилъ Чирковъ съ тонкой улыбкой.

— Она развѣ такая нетерпимая, моя тетушка?—спросилъ Стрепетовъ, недоумѣвая.

— Валентина Марковна!? — И Чирковъ разсмѣялся.—Вы, значитъ, о ней ничего не знаете?

— Рѣшительно ничего. Знаю только, что она не нравится матери.

— Ну, это, конечно, дѣло вкуса. Во всякомъ случаѣ, ваша родственница—женщина интересная, по-женски, если хотите, умна и—запишите себѣ на память—покровительствуетъ только самымъ благонамѣреннымъ молодымъ людямъ! — подчеркнулъ генералъ съ саркастической усмѣшкой. — Я кое-что слышалъ о ней на-дняхъ. Она, видите ли, въ послѣднее время играетъ въ обскурантизмъ и въ добраго русскаго мужичка, и потому, вѣроятно, называетъ себя правовѣрной консерва̀торкой—ваша тетушка Валентина Марковна. Состояніе у нея огромное. Она честолюбива, хороша собой и тщеславна—отчего-жъ ей и не

забавляться игрушкой?.. Это даетъ извѣстный престижъ... О ней говорятъ... Ну, бредитъ, разумѣется, разными «рыдами» и «гриднями», проповѣдуетъ свое собственное евангеліе отъ Валентины и вездѣ говоритъ, что Россія погибнетъ, если не будетъ грозной власти. Въ устахъ женщины это не лишено пикантности, а? — усмѣхнулся онъ. — Однимъ словомъ, ваша тетушка вполнѣ на высотѣ извѣстныхъ взглядовъ!—проговорилъ его превосходительство послѣднюю фразу тѣмъ обычнымъ своимъ двусмысленнымъ тономъ, который вводилъ въ заблужденіе людей, мало знавшихъ Чиркова, оставляя ихъ въ сомнѣніи: хвалитъ ли онъ или порицаетъ?—Такъ ужъ вы, Павелъ Сергѣевичъ, не противорѣчьте ей, если она удостоитъ васъ конференціей во вкусѣ вотъ этой газеты, а то всю обѣдню испортите!.. Кстати, она, говорятъ, и въ перепискѣ съ самимъ издателемъ... и сама грѣшитъ статьями. Такъ пусть себѣ говоритъ, что̀ ей вздумается — мало ли нынче болтаютъ вздора!—заключилъ Чирковъ съ самымъ презрительнымъ выраженіемъ.

— Портретъ непривлекательный! — вымолвилъ ошеломленный провинціалъ, смутно понявшій значеніе нѣкоторыхъ словъ въ тирадѣ Чиркова, но схватившій общій ея смыслъ и видимо имъ возмущенный.

— Непривлекательный?—подхватилъ Чирковъ.—Смотрите, какъ бы, познакомившись съ оригиналомъ, вы не влюбились въ свою двоюродную тетушку!.. Она вѣдь очень хорошенькая ретроградка, несмотря на свои тридцать съ большимъ хвостикомъ, и, говорятъ, умѣетъ вербовать юныхъ прозелитовъ. Серьезно влюбляться, впрочемъ, не рекомендую, а... поухаживать за хорошенькой женщиной въ ваши годы не мѣшаетъ!—прибавилъ игриво Чирковъ, прищуривая глаза, что̀ придало его лицу выраженіе лукаваго цинизма.—Bonne fortune!.. Это... Такъ вы рѣшительно отказываетесь завтракать? — оборвалъ Чирковъ. — Ну, до свиданія, милый Павелъ Сергѣевичъ!—простился Чирковъ съ ласковымъ дружелюбіемъ, словно не замѣчая непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго послѣдними его словами на молодого человѣка.

— Что-жъ не остались завтракать?—спросила Аксюша въ передней, провожая Стрепетова.

— Некогда мнѣ у васъ завтракать!—сухо отрѣзалъ Стрепетовъ, торопливо выходя вонъ.

— Отвратительный циникъ!—проговорилъ онъ вслухъ, когда, очутившись на улицѣ, вполнѣ прочувствовалъ значеніе совѣтовъ Чиркова и его легкіе взгляды на отношенія къ женщинамъ.

Только-что бывшій разговоръ казался Стрепетову комомъ грязи, брошеннымъ во что-то свѣтлое и чистое, хоронившееся въ его душѣ. Непонимавшій еще, какъ всѣ неиспорченные и очень молодые люди, всей сложности и противорѣчій человѣческаго характера, привыкшій къ категорическимъ заключеніямъ, Стрепетовъ не могъ разобраться въ разнородныхъ ощущеніяхъ, охватившихъ его при мысляхъ о Чирковѣ. Онъ рѣшительно недоумѣвалъ, какъ могъ быть столь циниченъ человѣкъ, съ такимъ искреннимъ чувствомъ игравшій сонаты? Какъ согласить все то, что онъ говоритъ, съ его служебнымъ положеніемъ? И онъ чувствовалъ, что, несмотря на протестъ возмущеннаго сердца, умъ этого скептика положительно импонировалъ; гнѣвъ и отвращеніе, закипавшіе въ немъ, обезоруживались при воспоминаніи о своеобразномъ, но несомнѣнно искреннемъ участіи, которое проявилъ къ нему этотъ самый «циникъ» съ перваго же дня знакомства.

И эта самая Валентина Марковна одновременно возбудила къ себѣ чувство непріязни и сильно задѣла любопытство, благодаря характеристикѣ Чиркова. Онъ припомнилъ теперь разные намеки матери, избѣгавшей почему-то входить въ подробности о замужествѣ этой родственницы, — замужествѣ, которое мать не одобряла; припомнилъ разсказы о богачѣ Варницкомъ и рѣшилъ сходить разъ къ теткѣ, чтобы только имѣть понятіе объ этомъ новомъ для него типѣ — петербургской барыни, проповѣдующей какое-то свое евангеліе. Но, конечно, онъ ни за что не послѣдуетъ «гнуснымъ» совѣтамъ «циника». Онъ не намѣренъ нравиться подобной особѣ и, разумѣется, не станетъ искать ея покровительства. Чортъ съ нимъ!—Онъ пробьетъ себѣ дорогу и безъ Валентины Марковны!

Словно для успокоенія возмущеннаго чувства, мысли Стрепетова вновь обратились къ Риммѣ Михайловнѣ, и, при сравненіи, образъ ея еще ярче засіялъ въ его сердцѣ. Онъ скоро забылъ и цинизмъ Чиркова и тетку, и думалъ, что міръ божій все-таки хорошъ, а люди добры и искренни.

Стрепетовъ шелъ на Лиговку, къ Галанину, справиться объ урокѣ и поблагодарить добраго человѣка за хлопоты; но, дойдя до Литейной, рѣшительно повернулъ въ эту улицу, точно влекомый посторонней силой, и, вмѣсто Лиговки, очутился на Кирочной, почти у Таврическаго сада, невдалекѣ отъ большого четырехэтажнаго дома, во дворѣ котораго была квартира Вѣнецкой и Нерпиной.

«Быть-можетъ, онъ ее встрѣтитъ? Она, сколько помнится, говорила, что гуляетъ каждый день, послѣ двѣнадцати!»—

думалъ онъ, разгуливая взадъ и впередъ по Кирочной, и пристально вглядывался чуть ли не въ каждую женщину, въ надеждѣ увидать Римму.

«Она!»

Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ издали замѣтилъ приближающуюся маленькую женскую фигурку. Онъ смутился вдругъ и струсилъ, какъ школьникъ, придумывая и не находя приличнаго объясненія своего присутствія. Ужъ онъ было хотѣлъ повернуть назадъ и дать тягу, какъ его озарила счастливая мысль: онъ остановился у воротъ ближайшаго дома и пристально сталъ разглядывать нумеръ его. Теперь бояться нечего. Онъ объяснитъ «нечаянную» встрѣчу невинной ложью: онъ ищетъ домъ, гдѣ живетъ господинъ, обѣщавшій урокъ.

Когда, по его разсчету, Римма Михайловна должна была приблизиться, Стрепетовъ отошелъ отъ дома и, замирающій отъ волненія, не рѣшаясь поднять глазъ, пошелъ навстрѣчу. Наконецъ онъ поднялъ глаза и увидалъ передъ собой пожилую, некрасивую даму, такъ же похожую на Римму Михайловну, какъ вѣдьма на ангела.

И нашъ молодой человѣкъ не могъ удержаться отъ восклицанія и вслѣдъ затѣмъ подарилъ даму взглядомъ, полнымъ такого выраженія досады и разочарованія, что дама сердито отвернулась и, вѣроятно, приняла Стрепетова либо за помѣшаннаго, либо за невозможнаго нахала.

Въ теченіе этой долгой прогулки, сперва по Кирочной, а потомъ по пустыннымъ аллеямъ Таврическаго сада, было еще нѣсколько такихъ неудачныхъ встрѣчъ и такихъ же разочарованій, такъ что Стрепетовъ, потерявшій всякую надежду, пошелъ наконецъ на Лиговку, все-таки всматриваясь по пути въ идущія навстрѣчу женскія фигуры зоркимъ, безпокойнымъ взглядомъ влюбленнаго, находящагося въ той «стадіи», когда всѣ эти «нечаянныя» встрѣчи съ объясненіями ихъ, сшитыми бѣлыми нитками, кажутся еще необыкновеннымъ счастьемъ.

Не осмѣливаясь даже и мечтать о частомъ посѣщеніи квартиры на Кирочной, онъ рѣшилъ узнать какъ-нибудь, въ какіе часы и гдѣ именно гуляетъ Римма, и, если часы будутъ свободны, онъ станетъ приходить взглянуть на нее издали, разумѣется, незамѣтно, чтобы не оскорбить своего идола.

XIII.

— Кто тутъ?.. Вамъ требуется комната, господинъ? Пожалуйте, пожалуйте... У меня есть преотличный, доложу вамъ, померокъ!—раздался изъ глубины коридора знакомый конфи-

денціальный басокъ приближающагося и шлепающаго туфлями Ипата Никитича, когда Стрепетовъ, въ началѣ третьяго часа, усталый, отворилъ двери меблированныхъ комнатъ господина Лукачева и очутился среди тьмы и невозможной вони.

— Здравствуйте, Ипатъ Никитичъ! Что̀, Ѳедоръ Петровичъ дома?

— А я васъ, было, и не узналъ, Павелъ Сергѣевичъ! Богатымъ вамъ быть! — воскликнулъ Ипатъ Никитичъ, разглядѣвъ Стрепетова. — Полагалъ, не жильца ли Богъ послалъ... Честь имѣю свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе!.. Совсѣмъ жильца нынче какъ-то не водится... Куда они только дѣваются? Пожалуйте! — говорилъ старикъ, отворяя комнату Галанина.

— Галанина нѣтъ дома?—спросилъ Стрепетовъ, останавливаясь на порогѣ пустой комнаты.

— То-то нѣтъ-съ, но они сейчасъ вернутся... Пожалуйте... отдохните... Ѳедоръ Петровичъ просили васъ безпремѣнно обождать, имѣя вамъ сообщить кое-что пріятное касательно занятій!—продолжалъ Ипатъ Никитичъ тѣмъ же таинственнымъ тономъ и съ тѣмъ же видомъ человѣка, сообщающаго важный секретъ, съ какимъ онъ обыкновенно рекомендовалъ на вокзалѣ свои номера.—Вотъ на этотъ стульчикъ садитесь... Онъ будетъ посолиднѣе...

И, по привычкѣ смахнувъ на ходу густой слой пыли со стола, Ипатъ Никитичъ, какъ бы въ оправданіе безпорядка и грязи, царившихъ въ маленькомъ, непривѣтномъ «номеркѣ» бездомнаго холостяка, замѣтилъ:

— Комната еще не убрана, по причинѣ, что Ѳедоръ Петровичъ недавно только встали... Не извольте принять чего-нибудь такого въ мысли!—поспѣшилъ прибавить Ипатъ Никитичъ, замѣтивъ вопросительно-безпокойный взглядъ Стрепетова.—Нынче мы... по этой части, можно сказать, совсѣмъ другую методу приняли... Шабашъ!—проговорилъ Ипатъ Никитичъ съ радостно-торжественнымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ.—Одну рюмку передъ обѣдомъ для аппетита — вотъ и все наше потребленіе... Эта метода у нихъ заведена съ послѣдней ихней болѣзни... Помните, какъ Ѳедоръ Петровичъ тогда мучился?.. Я такъ полагаю: теперь у насъ пойдетъ полная поправка!.. только бы Господь помогъ... Вѣдь человѣкъ-то какой Ѳедоръ Петровичъ! Другого такого во всемъ Петербургѣ не сыщешь... Ей-Богу, не сыщешь! — съ чувствомъ прибавилъ старикъ.

Онъ помолчалъ, еще разъ стеръ обшлагомъ пыль со стола и, послѣ деликатнаго опроса, не стѣсняетъ ли своимъ при-

сутствіемъ, присѣлъ на кончикъ стула и продолжалъ таинственно-радостнымъ тономъ:

— Вчера Ѳедоръ Петровичъ почти всю ночь просидѣлъ за работой... Экстра, изволите видѣть, такая для нихъ вышла отъ одного адвоката: чтобы къ двумъ часамъ сегодняшняго числа, и за то двадцать пять рублей... Ѳедоръ Петровичъ и взялся, да въ ночь цѣлый ворохъ бумаги и отмахалъ... А ужъ насчетъ того, какъ умѣетъ написать Ѳедоръ Петровичъ, сами можете лучше моего понять. У нихъ въ головѣ понятія, можетъ-быть, не меньше, чѣмъ у министра... Такъ, значитъ, сдѣлайте ваше одолженіе — на-пи-шемъ! — протянулъ Ипатъ Никитичъ съ такимъ горделивымъ и задорнымъ видомъ, словно бы честь обладанія такими талантами принадлежитъ ему самому, и ихъ кто-нибудь оспариваетъ. — Теперь, доложу вамъ, Ѳедору Петровичу выйдетъ совсѣмъ другая абонировка жизни! — прибавилъ онъ значительно послѣ нѣкотораго молчанія.

— Почему вы такъ думаете?

— Этотъ самый адвокатъ, изволите видѣть, обнадежилъ Ѳедоръ-Петровичу у себя мѣсто... Сто рублей въ мѣсяцъ — пиши только разныя кассаціи, съ позволенія сказать... Товарищъ тоже ихній... Деньги-то, говорятъ, лопатами загребаетъ... Вонъ онъ, значитъ, обнадежилъ и самъ сомнѣвался, какъ бы опять, понимаете ли, насчетъ «игры воображенія» у Ѳедора Петровича не было, а теперь, какъ онъ увидитъ работу Ѳедоръ-Петровича, и какъ это онъ ее къ часу принесъ, такъ если онъ человѣкъ съ настоящимъ понятіемъ, я полагаю, сію минуту предложитъ мѣсто... Ѳедоръ Петровичъ даже очень на это обнадежены... «Тогда, говоритъ, философъ Ипатъ, только омеблировку почище мнѣ сдѣлай, а я, говоритъ, тебя не покину. Попрежнему, говоритъ, буду жить въ твоей трущобѣ!» И заливается, хохочетъ... Я за ними вистую, а самъ однако довольно чувствую, что онъ это по деликатному характеру своему не хочетъ насъ бросить... Господинъ душевный... Да-съ...

Ипатъ Никитичъ обвелъ комнату задумчивымъ взглядомъ и снова заговорилъ:

— Оно, точно, трущобисто. Давно бы слѣдовало всему обзаведенью сдѣлать, въ нѣкоторомъ родѣ, капитальный ремонтъ, да вѣдь изъ пальца—я такъ смѣю полагать — его не высосешь? Слѣдственно и изворачивайся по мѣрѣ силъ и будь благодаренъ Богу, если хоть на сутки заманишь какого-нибудь путешественника. Вы вотъ, дай вамъ Богъ всякаго благополучія, больше недѣли у насъ простояли, а то другіе

постоятъ сутки и... только ихъ видали... И за сутки моли Бога-то!.. Другой путешественникъ зайдетъ, понюхаетъ, поглядитъ, да еще обругаетъ, уходя... Только и совсѣмъ это время стало плохо... Не клюетъ жилецъ, да и только!.. Ужъ, кажется, безъ всякаго, можно сказать, стыда на вокзалѣ номерки нахваливаешь... Изволите сами знать? — улыбнулся Ипатъ Никитичъ:—и все-таки возвращаешься домой одинъ... Сегодня вотъ тоже... даже вспомнить досадно... А еще образованный господинъ!—неодобрительно промолвилъ Ипатъ Никитичъ и покачалъ головой.

— А что̀ случилось, Ипатъ Никитичъ?

— Намѣтилъ я, изволите видѣть, одного молодого пассажира... съ виду подходящій: пальтишко неважное, самъ озирается, какъ есть пріѣзжій изъ провинціи пижонъ, въ родѣ будто студента... Я къ нему, руку подъ козырекъ—и давай, какъ слѣдуетъ, деликатно рекомендовать свое семейное гарни... Слушалъ онъ это съ большимъ вниманіемъ, спрашивалъ насчетъ обѣдовъ и всякихъ удобствъ... одно слово, быдто и въ серьезъ клюнулъ... Я, значитъ, прибавляю, съ позволенія сказать, жару—откуда только слова берутся, — а какъ кончилъ свою прокламацію и хотѣлъ-было, для вѣрности, принять его чемоданишко, какъ господинъ въ отвѣтъ: «Отлично, говоритъ, вы врете... превосходно... Вамъ бы, говоритъ, въ адвокаты... Но только мнѣ, къ сожалѣнію, вашего семейнаго гарни не требуется, у меня, говоритъ, квартира давно есть»... И смѣется. И наши «номерные» тоже смѣются... Обидно... Господину забава, а изъ-за него я, быть-можетъ, другого жильца потерялъ... Ну, и я его оконфузилъ...

— Что-жъ вы ему сказали, Ипатъ Никитичъ?

— А сказалъ я ему этакъ, деликатнымъ манеромъ: «Каждому, говорю, бѣдному человѣку хочется наврать себѣ на кусокъ хлѣба. Безъ надобности и собака не брешетъ. А вамъ, говорю, довольно стыдно, молодой господинъ, издѣваться!» Вотъ что̀ я ему сказалъ... Небось, понялъ... Недаромъ поскорѣе улизнулъ...

Старикъ помолчалъ, нюхнулъ табаку, отеръ свой остренькій носикъ клѣтчатымъ платкомъ и, вздохнувъ, философски замѣтилъ: —

— Тоже и мнѣ нелестно каждый день по четыре раза выходить къ поѣзду и звонить языкомъ... А если звонишь и за полтинникъ въ сутки обѣщаешь, съ позволенія сказать, царскіе чертоги, то можно, я полагаю, при образованіи, понимать, что я на хлѣбъ себѣ вызваниваю. А то: «отлично, говоритъ, врете!» Оно точно... вру и, могу сказать, многіе

изъ нашихъ завидуютъ, какъ я чувствительно выражаюсь насчетъ номеровъ; но коли нѣтъ капиталу, поневолѣ игру фантазіи пускаешь въ ходъ... Если бы меня одинъ, съ позволенія сказать, подлецъ не обманулъ, то всей обстановки номеровъ совсѣмъ бы другой былъ эффектъ!.. — неожиданно прибавилъ Ипатъ Никитичъ съ сердцемъ. — Безъ малаго цѣлая тысяча, господинъ, гуляетъ, по причинѣ собственнаго довѣрія... Да я вамъ, кажется, имѣлъ честь разсказывать?

— Нѣтъ, не разсказывали... Разскажите.

И словоохотливый старикъ началъ издалека, касаясь біографическихъ подробностей, какъ онъ, послѣ воли, служилъ все больше по хорошимъ гостиницамъ, скопилъ до двухъ тысячъ капиталу («по нашему званію это, сударь, большой капиталъ!») и какъ, рѣшившись пять лѣтъ тому назадъ вступить въ супружество съ Анной Ивановной, чтобы «на склонѣ лѣтъ жить, съ позволенія сказать, не по-свински, а по влеченію сердца» («Анна Ивановна тогда еще виднѣе была!» — вставилъ снова Ипатъ Никитичъ, вздохнувъ), разсчитывалъ доставить и супругѣ и Ѳеничкѣ спокойную, благородную жизнь, и съ этой цѣлью снялъ эти самые номера, заплативъ за всю обстановку пятьсотъ рублей и оставивъ, для обороту, тысячу про запасъ, чтобы со временемъ обновить заведеніе. Сперва хоть и не шибко, а дѣло шло, жилецъ водился... жили, слава Богу... Но тутъ-то и случилась эта самая «подлость».

— Слышали, можетъ, про господина Безумова?.. Изъ тамбовскихъ они,—спросилъ вдругъ Ипатъ Никитичъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Такъ вотъ этотъ самый господинъ Безумовъ и есть мой разоритель, сынъ, значитъ, прежняго моего барина... Мы безумовскіе были. Пріѣхалъ это онъ, три года тому назадъ, въ Петербургъ, встрѣтилъ, на мою бѣду, меня какъ-то на улицѣ... призналъ... (мальчишкой онъ при мнѣ-то еще былъ, когда я состоялъ въ камердинерахъ у стараго барина) и этакъ въ скорости сюда... вотъ въ эти самые номера объявился. Ну, господинъ какъ есть форменный, форсистый, изъ себя красивый, однимъ словомъ... Меня въ тѣ поры дома не было, такъ онъ давай зубы заговаривать Аннѣ Ивановнѣ, чтобы ему тысячу рублей на самое короткое время. На слѣдующій день опять ужъ ко мнѣ... «Не хочу, говоритъ, процентъ большой платить ростовщикамъ... Надѣюсь, говоритъ, повѣрите!..» Ну, думаю, человѣкъ богатый, не захочетъ маленькаго человѣка обмануть... однако все-таки безъ супруги не рѣшился... А Анна Ивановна, по своему женскому великодушію: «дай да дай... такой, говоритъ, видный мужчина!..» Ну и дали... да

съ тѣхъ поръ и получаемъ... Документа-то нѣту... Ужъ я писалъ-писалъ къ нему въ Тамбовскую—ни отвѣта ни привѣта... Кто бы могъ полагать такую подлость у благороднаго господина съ состояніемъ? Ну, я и остался одинъ виноватъ... То-то оно и есть. Во всякомъ дѣлѣ виноватый требуется! — сентенціонно прибавилъ Ипатъ Никитичъ, деликатно умалчивая однако, что это философское заключеніе выведено имъ изъ горькаго опыта, послѣ гонки, которую задала ему супруга, сваливъ всю вину за дачу денегъ на него.

Изъ коридора донесся визгъ отворяемыхъ дверей.

— Вѣрно, Ѳедоръ Петровичъ!—проговорилъ Ипатъ Никитичъ, высовывая свою бѣлобрысую остриженную голову въ коридоръ.

Но онъ тотчасъ же откинулся назадъ и, закрывая двери, проговорилъ боязливымъ, таинственнымъ шопотомъ:

— Наши дамы вернулись... Анна Ивановна съ Ѳеничкой!..

Вслѣдъ затѣмъ послышались шаги и шуршанье юбокъ.

— Счастливо оставаться, Павелъ Сергѣевичъ... Надо выходить къ поѣзду... Какъ на вашемъ хронометрѣ?

Стрепетовъ сказалъ.

— И то пора!—безпокойно промолвилъ онъ, скрываясь въ дверяхъ.

Не прошло и минуты, какъ изъ коридора раздался рѣзкій голосъ Анны Ивановны:

— А ты что̀ же, лѣнтяй, не думаешь сегодня идти къ поѣзду?

— Иду, иду! Не тревожьтесь, Анна Ивановна! — долетѣлъ до слуха Стрепетова робкій отвѣтъ Ипата Никитича.

И все смолкло.

Стрепетовъ рѣшилъ дождаться Галанина и, въ ожиданіи его, взялъ со стола книгу и сталъ читать; по временамъ онъ прерывалъ чтеніе и, прислушиваясь, безпокойно посматривалъ на двери.

«Зайдетъ или не зайдетъ Ѳеничка?»

Несмотря на рѣшительное намѣреніе дать понять дѣвушкѣ, что не питаетъ къ ней никакихъ чувствъ (это онъ считалъ непремѣнной обязанностью и передъ Ѳеничкой и передъ самимъ собой), Стрепетовъ испытывалъ большое смущеніе въ ожиданіи неминуемаго, какъ онъ думалъ, объясненія, если придетъ Ѳеничка, и малодушно, признаться, желалъ, чтобы она не приходила. Прошло минутъ десять. Стрепетовъ было успокоился, какъ дверь беззвучно отворилась, и Ѳеничка, веселая, радостная и сіяющая, какъ птичка, впорхнула въ комнату.

Преувеличенная церемонность поклона, серьезность лица молодого человѣка сразу смутили Ѳеничку. Веселость и развязность вмигъ исчезли. Она бросила робкій, испытующій взглядъ своихъ сѣрыхъ глазокъ и, опуская ихъ, проговорила тихимъ, приниженнымъ голоскомъ:

— Вы сердитесь, что я вчера заходила къ вамъ, Павелъ Сергѣевичъ?

При видѣ этого покорнаго смущенія Стрепетовъ смутился самъ. Ему стало жаль дѣвушку, и онъ совсѣмъ позабылъ про свое намѣреніе «дать ей понять» и собирался-было успокоить ее, какъ она, и безъ объясненій понявшая все, прошептала:

— Больше этого не будетъ... Вы только не сердитесь! — прибавила вдругъ она со слезами въ голосѣ, вся смущенная, притихшая, точно птичка съ подшибленными крылышками.

Стрепетовъ испытывалъ смѣшанное чувство жалости, стыда и досады, и готовъ былъ провалиться сквозь землю, точно въ чемъ-то самъ виноватый.

Прошла не одна тяжелая секунда, пока онъ заговорилъ наконецъ, стараясь взять добродушно-невинный тонъ непонимающаго въ чемъ дѣло человѣка. Чувствуя въ то же время неестественность этого тона, онъ продолжалъ однако объяснять, что нисколько не сердится, но что у него нѣтъ времени ѣздить по островамъ... Онъ занятъ...

— Да вы не объясняйте! — остановила его Ѳеничка: — я сама вижу! — подчеркнула она, и въ тонѣ голоса звучала раздраженная нотка.

Съ этими словами она пошла-было къ дверямъ, но вдругъ повернулась и, подойдя къ Стрепетову, прошептала:

— Ѳедору Петровичу ни слова, что я у васъ была... Это его огорчитъ...

— Огорчитъ? Зачѣмъ же вы его огорчаете, Ѳеничка?

И, вдругъ проникшись благороднымъ желаніемъ порадѣть за Галанина, онъ съ горячимъ воодушевленіемъ заговорилъ о томъ, какой хорошій человѣкъ Ѳедоръ Петровичъ и какъ глубоко и искренно онъ привязанъ къ Ѳеничкѣ. Эта привязанность могла бы спасти его отъ недуга, если бы ее берегли... Такую преданность нескоро найдешь... Она, вѣрно, не замѣчаетъ всей его силы...

Ѳеничка слушала и грустно улыбалась. Но, вѣрно, слова молодого человѣка показались ей ужъ черезчуръ наивно-жестокими, потому что она неожиданно тряхнула головой, нетерпѣливо вздернула плечами и, насмѣшливо поблагодаривъ за совѣтъ, вышла изъ комнаты, не дождавшись окончанія

краснорѣчивой тирады и даже не простившись съ молодымъ человѣкомъ.

Такого неожиданнаго финала объясненія Стрепетовъ не ждалъ и находился въ глупомъ положеніи неудавшагося дипломата, когда наконецъ явился Галанинъ и, веселый, сіяющій, принялся обнимать Стрепетова съ радостнымъ хохотомъ.

— У насъ урокъ, юноша. Тридцать рублей въ мѣсяцъ. Ежедневно, кромѣ праздниковъ, два часа въ день обучать математикѣ сына новаго моего патрона, присяжнаго повѣреннаго Зеленецкаго. Насчетъ часовъ сговоритесь съ его благовѣрной. Люди—ничего себѣ.

Стрепетовъ сталъ-было благодарить, но Галанинъ не далъ ему продолжать и весело продолжалъ:

— Поздравьте и меня, Павелъ Сергѣевичъ. Съ завтрашняго дня и я при мѣстѣ. Сто рублей въ мѣсяцъ... Пиши только, какъ выражается Ипатъ, «кассаціи». Сейчасъ одну снесъ, получилъ за нее двадцать пять рублей и кромѣ того взялъ пятьдесятъ рублей авансомъ на первое обзаведеніе. Глядите.

И, снявъ пальто, Галанинъ сталъ передъ Стрепетовымъ въ новой черной парѣ.

— Теперь вѣдь я приличенъ, а?.. У Корпуса обмундировался. При мѣстѣ нельзя безъ этого. Мой патронъ, вдобавокъ, любитъ солидность въ костюмѣ. Если къ нему да еще бѣлый галстукъ, то клеркъ хоть куда. Завтра надѣну бѣлый галстукъ и пойду во всемъ своемъ великолѣпіи писать кассаціи!—говорилъ Галанинъ, заливаясь своимъ раскатистымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

— Ужъ Ипатъ Никитичъ сообщалъ мнѣ свои предположенія.

— Сообщалъ? И, конечно, распространялся о моихъ талантахъ? — продолжалъ Галанинъ, присаживаясь къ Стрепетову.—Философъ Ипатъ высокаго о нихъ мнѣнія и непрочь бы завтра назначить меня министромъ юстиціи.

— И если бы вы знали, какъ онъ радовался за васъ!

— Еще бы. Вѣдь онъ добрякъ, этотъ несчастный Ипатъ. Мы съ нимъ пріятели. Вотъ только ссоримся иногда изъ-за «меблировки». Теперь, впрочемъ, и этихъ ссоръ не будетъ. Онъ обѣщалъ купить мнѣ цѣлый столъ и полдюжины крѣпкихъ стульевъ и устроить «настоящій салонъ». А что̀, хотите отравляться котлетами вмѣстѣ?—спросилъ Галанинъ.—А то не пойдемъ ли къ Палкину; я нынче богатъ! — улыбнулся Галанинъ.

Стрепетовъ отказался. Онъ долженъ быть къ четыремъ часамъ дома.

— А вы рѣшительно остаетесь здѣсь жить?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь. Привыкъ я и къ Ипату, да и къ...

Галанинъ вдругъ слегка покраснѣлъ и замолчалъ.

— Ну, и есть одно обстоятельство! — неожиданно заговорилъ онъ, видимо, готовый пуститься въ откровенности.

— Какое?

— Какое?.. Ну, да вамъ я скажу, мой юный другъ. Я хочу рѣшиться на одну глупость.

Стрепетовъ съ участіемъ взглянулъ на Галанина.

— На какую?

— Намѣренъ жениться.

— Жениться?—невольно вырвалось у Стрепетова.

— Да... на Ѳеничкѣ. Если только она повѣритъ, что я стану человѣкомъ, и пойдетъ за меня!—тихо и смущенно промолвилъ Галанинъ.—Вы думаете, не пойдетъ?—безпокойно прибавилъ онъ.

И онъ съ такой нѣжной любовью сталъ хвалить золотое сердце и богато-одаренную натуру Ѳенички, такъ горячо вѣрилъ въ возможность счастія, что у Стрепетова не достало духа разубѣждать его. Слушая эту характеристику, Стрепетовъ подумалъ, что влюбленные дѣйствительно слѣпы, и, когда Галанинъ окончилъ свои изліянія, молодой человѣкъ вскорѣ ушелъ, вполнѣ увѣренный, что Ѳеничка откажетъ, и что тогда бѣдный неудачникъ снова запьетъ.

XIV.

Цѣлыхъ три дня Стрепетовъ стойко боролся съ неодолимымъ желаніемъ видѣть Римму Михайловну. Въ теченіе этихъ дней всѣ мысли его были полны ею, и напрасно по вечерамъ онъ присаживался за книгу, стараясь освободиться отъ думъ о Риммѣ. Послѣ одной-двухъ страницъ, прочитанныхъ со вниманіемъ, среди строкъ, какъ-то нечаянно, выглядывало милое лицо, съ черными бархатными глазами, и мечты о дѣвушкѣ властно овладѣвали молодымъ человѣкомъ — мечты, начинавшіяся обыкновенно идилліей о дружбѣ, объ обмѣнѣ мыслей, мечты, полныя желаній принести какую-нибудь жертву во имя этой дружбы и совершенно неожиданно кончавшіяся такими дерзкими, захватывающими духъ картинами счастья, что юноша внезапно краснѣлъ отъ стыда, негодованія и восторга, самъ удивляясь безумной дерзости подкрадывающихся мечтаній и считая себя въ эти минуты «великимъ негодяемъ», недостойнымъ знакомства съ такой дѣвушкой.

Что̀ если бы она могла узнать, какія подлыя мысли приходятъ къ нему въ голову?

И, задавая такой вопросъ, Стрепетовъ приходилъ въ большой ужасъ и рѣшилъ въ наказаніе наложить на себя епитимію: цѣлую недѣлю не искать встрѣчи съ Риммой Михайловной.

Но на четвертый день онъ не выдержалъ. Вечеромъ, несмотря на отвратительную погоду, онъ пошелъ на Кирочную и съ замираніемъ сердца, испытывая въ то же время ощущеніе какой-то безумной отваги, позвонилъ у дверей завѣтной квартиры. «Будь, молъ, что̀ будетъ, а я не могу!»

Его встрѣтила Коврова и обрадовалась удобному случаю изучить «новый типъ», произвести экзаменъ по части его общественныхъ и литературныхъ вкусовъ.

— Очень рада васъ видѣть!.. Отчего раньше не приходили? Что̀ дѣлали? Что̀ видѣли? Что̀ читали? Разсказывайте.

Она закидывала его вопросами, усадивъ у стола, и приказала давать самоваръ.

— Вѣры нѣтъ дома: она дежуритъ въ больницѣ, а Римма у себя... долбитъ, по обыкновенію,—сказала съ улыбкой Надежда Васильевна.

Когда подали чай, Римма Михайловна вышла на минутку, молча поздоровалась съ Стрепетовымъ и ушла, унося съ собой стаканъ.

Но это кратковременное появленіе осчастливило влюбленнаго юношу. Онъ видѣлъ ее, слышалъ ея голосъ, онъ чувствовалъ присутствіе ея въ сосѣдней комнатѣ и во время горячихъ монологовъ Ковровой о литературѣ искоса взглядывалъ на припертыя двери, лаская себя надеждой, что Римма Михайловна покажется еще разъ хотя бы на минутку, на одну минутку.

И когда онъ уже потерялъ надежду видѣть еще разъ, а она въ концѣ вечера совершенно неожиданно вошла и присѣла къ столу, нашъ молодой человѣкъ долженъ былъ употребить усиліе, чтобы не обнаружить радостнаго волненія, охватившаго его при видѣ Риммы Михайловны.

А Римма Михайловна, нѣсколько утомленная, съ поблѣднѣвшими щеками и соннымъ взглядомъ, казалось, не замѣтила ничего и молча сидѣла, лѣниво слушая оживленную бесѣду по поводу послѣдняго разсказа любимаго писателя. Оба восхищались, оба припоминали тѣ или другія мѣста.

Такъ просидѣла она съ четверть часа и поднялась съ мѣста.

— Неужели снова заниматься?—спросила Коврова.

— Нѣтъ, спать. Устала.

И она пожала руку Стрепетову и поцѣловала Коврову.

— И заболѣть недолго, Римма! — упрекнула Надежда Васильевна, придерживая ея руку. — Цѣлые дни вотъ такъ она сидитъ за книгами... можете себѣ представить, Павелъ Сергѣевичъ!.. А здоровье у насъ не очень-то крѣпкое... Того и гляди, опять захвораемъ...

— Какъ же вамъ не стыдно, Римма Михайловна, не беречь себя!—воскликнулъ Стрепетовъ.

Въ этомъ восклицаніи, въ этомъ устремленномъ на Римму трепещущемъ взглядѣ было столько тревоги и волненія, что Римма Михайловна невольно смутилась и поспѣшила сказать, указывая на Коврову:

— Вы ей не вѣрьте. Она мнительна и особенно за другихъ... Я здоровѣе, чѣмъ кажусь...

— Хорошо здоровье... Опять стала кашлять... Того и гляди, серьезно заболѣешь... Можно бы, кажется, и не работать съ утра до ночи...

— Еще бы!—горячо подхватилъ Стрепетовъ.

Онъ взглянулъ на Римму Михайловну, и у него вдругъ сжалось сердце при мысли, что она можетъ серьезно заболѣть и умереть. Въ самомъ дѣлѣ, она сегодня казалась такой болѣзненной, утомленной, хрупкой!.. Глаза ввалились, все лицо осунулось, синія жилки просвѣчивали на вискахъ.

Она улыбнулась въ отвѣтъ своей серьезной, вдумчивой улыбкой и проронила:

— Послѣ экзамена отдохну.

— А если теперь вдругъ заболѣете?—снова спросилъ Стрепетовъ.

Римма Михайловна только пожала плечами.

— Вотъ она всегда такъ отвѣчаетъ на добрые совѣты... Будетъ терпѣть, пока не свалится съ ногъ... А еще сама будущій докторъ! Ей-Богу, Римма, завтра же позову Черника, чтобы онъ тебѣ приказалъ меньше заниматься.

— Ну, ну, не ворчи... Завтра, пожалуй, отдохну, если буду утомлена, а пока прощайте, господа!

Стрепетовъ тоже сталъ собираться.

— А вы куда такъ рано?—остановила его Коврова.

— Какъ бы мы не помѣшали Риммѣ Михайловнѣ нашимъ разговоромъ.

— У меня ничего не слышно... Можете спорить, сколько вамъ будетъ угодно!—замѣтила Римма Михайловна въ дверяхъ.

Нѣсколько времени Коврова молчала и наконецъ проговорила, въ раздумьѣ покачивая головой:

— Удивительная эта Римма!

Стрепетовъ насторожилъ уши, готовый слушать безъ конца.

— Вы думаете, она завтра будетъ отдыхать? Ни за что!

— Но развѣ вы не можете уговорить Римму Михайловну?

— Уговорить Римму? — усмѣхнулась Коврова. — О, вы не знаете ея! Она всѣхъ выслушаетъ и поступитъ по-своему. Въ этой маленькой, слабенькой на видъ женщинѣ необыкновенно много характера. Она будетъ молча страдать, но не отступитъ отъ намѣченной цѣли. Знаете ли, какъ она держала экзаменъ при поступленіи на курсы?

— Какъ?

— Ела живая, въ лихорадочномъ состояніи, такъ что экзаменаторы, глядя на нее, думали, что она съ экзаменовъ отправится прямо въ могилу... Но она все-таки держала, выдержала отлично и, по настоянію докторовъ, тотчасъ же уѣхала за границу... У нея былъ сильнѣйшій плевритъ, грозившій чахоткой. И, какъ видите, она добилась-таки цѣли... черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ докторомъ... и работаетъ она такъ не ради куска хлѣба въ будущемъ, — родители ея имѣютъ средства и обожаютъ ее, — а ради болѣе возвышенной цѣли — быть полезной ближнимъ. Да, эта маленькая Римма — прелестное существо... Она представляетъ собой рѣдкій примѣръ кротости и самоотверженія, необыкновенной скромности и упорства... Только слишкомъ ужъ она скромна и слишкомъ сдержанна... Это вредитъ ей... Не всѣ понимаютъ глубину и богатство этой изящной натуры... Такія женщины цѣнятся немногими.

— Слѣпые развѣ могутъ не замѣтить Риммы Михайловны! — восторженно проговорилъ Стрепетовъ.

Коврова сочувственной улыбкой одобрила Стрепетова и продолжала:

— Не слѣпые, а полузрячіе люди, не умѣющіе заглянуть въ чужое сердце и легко относящіеся къ жизни, — однимъ словомъ, большинство вашего же брата, мужчинъ, которое прежде всего ищетъ въ женщинѣ блеска, кокетства, тщеславія — всего, что раздражаетъ низменные инстинкты... Ну, а Римма не умѣетъ блистать, и многіе проходятъ мимо, не догадываясь, мимо какого сокровища они, глупые, проходятъ...

И со свойственнымъ ей увлеченіемъ Коврова продолжала набрасывать характеристику своей любимицы, не жалѣя, по обыкновенію, яркихъ красокъ, когда дѣло касалось ея друзей или враговъ.

Нечего и говорить, что Стрепетовъ внималъ съ восторгомъ этимъ разсказамъ и воспоминаніямъ лица, давно и близко

знающаго Римму Михайловну. Тѣмъ не менѣе даже и эти описанія увлекающейся Надежды Васильевны, свидѣтельствовавшія и о необыкновенной красотѣ Риммы въ 16 лѣтъ, и о многихъ случаяхъ ея доброты, самоотверженія и энергіи, казались Стрепетову еще не вполнѣ соотвѣтствующими тому идеальному представленію, какое онъ себѣ составилъ, точно такъ, какъ отрывки изъ ея біографіи—недостаточно яркими. У такого «святого созданія» и біографія должна быть особенная, чудесная. А между тѣмъ въ ней ничего «чудеснаго» не было, по крайней мѣрѣ, въ передачѣ Ковровой.

Онъ узналъ, что раннюю молодость Римма Михайловна провела на югѣ, гдѣ отецъ ея до сихъ поръ занимаетъ видное мѣсто въ одномъ частномъ учрежденіи. И отецъ и мать никогда не стѣсняли дѣтей въ ихъ стремленіяхъ. Вообще вся эта семья образцовая по той нѣжной любви, которая существуетъ между всѣми ея членами. Мать—безподобная, отзывчивая на все хорошее женщина съ артистической жилкой, отецъ—добрый, умный человѣкъ, не мѣшающій другимъ жить. Благодаря имъ и «вѣяніямъ» семидесятыхъ годовъ, двѣ дочери ихъ не сдѣлались обыкновенными барышнями.—Римма вотъ кончаетъ курсъ, а младшая сестра Нюта, или, какъ мы ее зовемъ, «Нюта-дикарка», учительница въ деревнѣ на югѣ и тамъ до сихъ поръ дѣлаетъ свое маленькое дѣло... Римма очень много хворала въ дѣтствѣ и ранней молодости и вслѣдствіе этого сдѣлалась любимицей въ семьѣ, но баловство ее не испортило и не сдѣлало эгоисткой... Когда здоровье ея поправилось, она стала усердно заниматься, чтобы осуществить свою мечту—сдѣлаться докторомъ.

На вопросъ Стрепетова, что заставило Римму Михайловну выбрать именно эту профессію, требующую крѣпкаго здоровья, Надежда Васильевна ограничилась замѣчаніемъ, что дѣятельность врача, въ томъ идеальномъ значеніи, въ какомъ понимаетъ его Римма, больше всего по душѣ такой любящей, ищущей подвига натурѣ, умолчавъ однако про фактъ, хорошо ей извѣстный, что въ выборѣ этой профессіи не послѣднюю роль игралъ и тотъ самый «блондинъ», котораго видѣлъ Стрепетовъ въ день пріѣзда на вокзалѣ.

Затѣмъ, въ Петербургѣ, по словамъ Надежды Васильевны, Римма вела жизнь самую уединенную. Она работала до изнуренія, избѣгая знакомствъ; нѣсколько прежнихъ ея знакомыхъ составляли ея кружокъ. Такого аскетизма Коврова не одобряла. Можно и учиться и людей видѣть. Нельзя зарываться въ книжкахъ и сторониться отъ жизни.

— Пройдетъ молодость, и что тогда! Съ одной дѣятельностью

невесело жить! — грустно прибавила Надежда Васильевна, оканчивая свой разсказъ.

— Но развѣ Римма Михайловна не собирается выйти замужъ, когда кончитъ экзамены?—неожиданно спросилъ Стрепетовъ, вспомнивъ о «блондинѣ», котораго онъ почему-то считалъ ея суженымъ.

— То-есть какъ—собирается? — переспросила съ удивленіемъ Коврова.

— Я думалъ... Видите ли, я случайно былъ свидѣтелемъ встрѣчи на вокзалѣ въ день пріѣзда Риммы Михайловны, и мнѣ показалось, что этотъ красивый, изящный блондинъ, который ее встрѣтилъ...— Стрепетовъ вдругъ остановился, смущенный, что позволилъ себѣ нескромность.

— Женихъ Риммы? такъ вѣдь?—докончила за него со смѣхомъ Надежда Васильевна.

— Именно...

— Но почему вы составили такое заключеніе?— спросила, смѣясь, Коврова.

— Почему?—переспросилъ Стрепетовъ, оттягивая отвѣтъ и чувствуя, что снова краснѣетъ.—Какъ вамъ сказать, почему иногда составляешь заключенія!.. Такъ показалось...

— Ну, такъ вы ошиблись, Павелъ Сергѣевичъ!

— Ошибся?—воскликнулъ Стрепетовъ.

Въ голосѣ его, помимо желанія, прозвучала такая радостная нотка, что Коврова не могла не улыбнуться и, шутя, прибавила:

— И вы, кажется, довольны, что ошиблись?

Не ожидавшій такого вопроса молодой человѣкъ окончательно смутился и, въ отвагѣ отчаянія, храбро солгалъ:

— Съ чего мнѣ быть довольнымъ или недовольнымъ... Мнѣ не понравился этотъ господинъ—вотъ и вее...

«Ахъ, милый, милый юноша! Ты и скрывать своихъ чувствъ еще не умѣешь!» — подумала Коврова съ доброй, ласковой улыбкой, глядя на зардѣвшееся лицо Стрепетова, и сказала:

— Вы видѣли не жениха, а стариннаго знакомаго Риммы, друга ея дѣтства, доктора Орловскаго.

И, помолчавъ, снова спросила:

— Такъ онъ вамъ не понравился?

— Нѣтъ...

— Можно полюбопытствовать, почему?

— Мнѣ показалось, что онъ... Я, впрочемъ, не ручаюсь за свое первое впечатлѣніе...

— Да вы не оговаривайтесь... Говорите, что̀ вамъ показалось?

— Что онъ... какъ бы сказать... ну, что онъ слишкомъ доволенъ собой, этотъ докторъ.

— Браво, браво, Павелъ Сергѣевичъ! У васъ есть наблюдательность... Орловскій дѣйствительно влюбленъ въ себя, и мнѣ онъ тоже не нравится...

«А Риммѣ Михайловнѣ?»—чуть-было не слетѣлъ съ губъ вопросъ, но Стрепетовъ во-время опомнился и промолчалъ.

Коврова, повидимому, прочла этотъ вопросъ на лицѣ влюбленнаго юноши и прибавила:

— Едва ли и Риммѣ онъ теперь очень нравится...

Желая скрыть радостное волненіе, невольно овладѣвшее имъ при этихъ словахъ, онъ взглянулъ на часы и торопливо сталъ собираться.

— Такъ завтра идемъ вмѣстѣ на выставку?—спрашивала, прощаясь, Коврова.

— Идемъ...

Стрепетовъ ушелъ въ восхищеніи отъ Ковровой. Въ этотъ вечеръ она ему еще болѣе понравилась.

Проводивъ молодого человѣка, Надежда Васильевна на цыпочкахъ вошла въ комнату Риммы Михайловны и стала осторожно раздѣваться, стараясь не шумѣть, чтобы не разбудить Римму, когда та проговорила:

— Что-жъ ты свѣчи не зажигаешь?

— Такъ ты не спишь, Римма?

Коврова зажгла свѣчку и, приблизившись къ Риммѣ Михайловнѣ, пристально взглянула на нее и спросила:

— Отчего ты не спишь?

— Вѣрно, очень устала.

— А не больна?

— Да нѣтъ же...

Коврова присѣла на кровать и, смѣясь, замѣтила:

— А знаешь, Римма, вѣдь этотъ милый юноша въ тебя влюбленъ...

— Ты въ родѣ мамы... По ея мнѣнію, въ меня всѣ бывали влюблены...

— Нѣтъ, безъ шутокъ... Право, влюбленъ...

— Утѣшься, милая... Онъ не настолько слѣпъ, чтобы влюбиться въ старую дѣву! — смѣясь, проговорила Римма Михайловна.

— Слѣпъ не онъ, а ты, если этого не замѣчаешь...

— Я съ нимъ цѣлую недѣлю провела въ дорогѣ и ничего не замѣтила, кромѣ обыкновеннаго расположенія.

— Ты вѣдь всегда не видишь того, что у тебя подъ носомъ...

— А ты видишь то, чего нѣтъ...

— Онъ славный, этотъ Стрепетовъ... Такой непосредственный, неиспорченный...

— «Интересная натура»?—поддразнила Римма Михайловна.

— Конечно, интереснѣе всѣхъ здѣшнихъ вашихъ знакомыхъ. Нравится онъ тебѣ?

— Вотъ пристала!.. Ты точно собираешься сватать меня...

— А если бы...

— Нечего сказать, хороша была бы пара...

— Чѣмъ же не хороша?.. Ему двадцать два года, тебѣ двадцать семь... всего пять лѣтъ разницы.

— Двадцать восемь...

— Ну, двадцать восемь... Экая важность... Да ты отвѣть: нравится тебѣ Стрепетовъ?

Римма Михайловна посмотрѣла на Коврову и разсмѣялась:

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, смѣшная... Допрашиваешь, будто сваха...

— А ты отвѣчай.

Римма Михайловна подумала и сказала:

— Кажется, онъ порядочный человѣкъ... Кипятится только очень...

— Это-то и хорошо...

— Вѣчно кипятиться? Нѣтъ, я такихъ не люблю...

— Я знаю, какихъ ты любишь!..—раздражительно проговорила Надежда Васильевна.

— Никакихъ не люблю!..—проговорила Римма.

Коврова пристально взглянула на свою любимицу.

— Ой, такъ ли, Риммочка?

— Такъ, моя милая.

И обѣ примолкли.

— А вѣдь онъ красивъ... Не правда ли, Римма?—снова заговорила Коврова.

— Недуренъ!

— И, знаешь ли, Римма, человѣкъ неглупый и съ сердцемъ.

— Ты успѣла уже изучить его?

— Успѣла.

— А я еще не приглядѣлась къ нему. Мнѣ долго надо приглядываться.

— Что-жъ, приглядись, а потомъ...

Надежда Васильевна многозначительно улыбнулась.

— А потомъ и сама не замѣтишь, какъ влюбишься!—неожиданно прибавила Коврова.

— Я!? Въ этого юношу?—воскликнула Римма Михайловна, и щеки ея вдругъ вспыхнули яркимъ румянцемъ.—Нѣтъ, ты положительно съ ума сошла!

— Ну, ну, не сердись, Риммочка! — нѣжно проговорила Коврова.—Прощай и засыпай скорѣе.

Съ этими словами она поцѣловала свою любимицу и улеглась на диванѣ.

XV.

Риммѣ Михайловнѣ не спалось.

Этотъ разговоръ незамѣтно вызвалъ въ дѣвушкѣ грустныя думы объ ея неудавшейся личной жизни, о печальной повѣсти ея разбитаго сердца, жаждавшаго и не знавшаго ни счастія взаимной любви, ни радости материнства.

Невеселыя воспоминанія, открывавшія еще не вполнѣ зажившую сердечную рану! Чувство обиды и ѣдкой горечи, оскорбленной женской гордости и разочарованія вновь охватили щемящей тоской ея душу, и мрачныя мысли о сиротливомъ одиночествѣ старой дѣвы невольно приходили въ голову, когда она опять раздумывала объ этомъ странномъ, безконечно долгомъ, несчастномъ своемъ романѣ, испортившемъ ей жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ странный романъ. Лучшая пора ея жизни, вся молодость такъ и прошла въ напрасномъ ожиданіи его развязки, въ ожиданіи рѣшенія вопроса: любитъ ли избранникъ ея сердца свою героиню надлежащимъ образомъ, или ему только кажется, что любитъ?

И пока «герой» рѣшалъ этотъ вопросъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ добросовѣстнымъ упорствомъ холоднаго эгоиста, боящагося связывать себя рѣшительнымъ словомъ, не говоря ни «да» ни «нѣтъ», но въ то же время продолжая поддерживать съ влюбленной дѣвушкой самыя близкія, дружескія отношенія, Римма Михайловна любила его, любила со всею силою сдержанно-цѣломудренной, страстной натуры, съ гордымъ терпѣніемъ ожидая развязки.

Этотъ невозможный романъ, начавшійся давно, съ тѣхъ поръ, какъ только-что расцвѣтшая дѣвушка влюбилась въ своего учителя, господина Орловскаго, «идеальнаго блондина въ шиллеровскомъ родѣ», красиваго, румянаго херувимчика студента-медика, оканчивавшаго курсъ и нашептывавшаго нѣжныя рѣчи о чувствѣ и серьезныя — о наукѣ, — этотъ романъ тянулся съ томительнымъ однообразіемъ много-много лѣтъ. Всѣ считали молодыхъ людей женихомъ и невѣстой, хотя Орловскій никогда и не заикался о бракѣ. Сама Римма Михайловна, съ упорствомъ охватившей ее страсти, долго лелѣяла надежду, что вотъ-вотъ наконецъ этотъ «идеальный блондинъ» рѣшитъ свой вопросъ, пока наконецъ, послѣ мно-

гихъ колебаній и сомнѣній, не пришла недавно къ горькому сознанію, что развязки не будетъ, что въ сердцѣ этого человѣка, благосклонно позволявшаго себя любить и поощрявшаго своимъ видимымъ дружелюбіемъ эту любовь, нѣтъ любви и никогда ея не было, и что онъ любитъ безпредѣльно лишь самого себя.

И хоть бы, по крайней мѣрѣ, было чѣмъ вспомнить этотъ томительно-длинный романъ, отнявшій у нея молодость, а то вѣдь рѣшительно нечѣмъ! Ни сорваннымъ украдкою поцѣлуемъ, ни проблескомъ страсти, ни вспышкой ревности, ни рѣшительнымъ признаніемъ!

Все было необыкновенно чинно и разсудительно въ этихъ отношеніяхъ молодого человѣка, разсудительно до отвращенія, какъ въ благонравныхъ англійскихъ романахъ, въ которыхъ влюбленные съ идіотскимъ терпѣніемъ «ждутъ» по десяткамъ лѣтъ, пока не наживутъ достаточныхъ средствъ для приличной жизни. «Герой» пользовался правами не то друга, не то жениха, съ безукоризненной выдержкой холоднаго Нарцисса, принимавшаго, какъ заслуженную дань, беззавѣтную любовь вѣрившей въ него дѣвушки, съ безупречной осторожностью честнаго эгоиста, боящагося зайти далеко и тѣмъ нарушить свой внутренній покой сознаніемъ виновности, и желавшаго окончательно убѣдиться въ силѣ своего чувства и кстати устроить себѣ приличное положеніе, прежде чѣмъ связать себя узами брака.

И онъ довольствовался тѣмъ, что, въ качествѣ друга, съ безжалостной откровенностью анализировалъ свои чувства при дѣвушкѣ, трепетавшей отъ любви, и ораторствовалъ о правдивости въ чувствѣ, о строгомъ его анализѣ, во избѣжаніе несчастій, просиживая долгіе часы въ этихъ возвышенныхъ бесѣдахъ и нерѣдко доводя до истерикъ бѣдную влюбленную дѣвушку, жаждавшую не однихъ разсужденій, а чувства. Самодовольный, гордящійся своимъ безукоризненно-честнымъ отношеніемъ къ дѣвушкѣ, онъ «умно» резонировалъ, пока Римма Михайловна «глупо» любила, безъ разсужденій, слушая съ благоговѣйнымъ вниманіемъ его рѣчи, пораженная его благородствомъ и добросовѣстностью. А онъ любилъ, чтобы его слушали, и любилъ поклоненіе—этотъ красивый молодой человѣкъ, осторожный и благоразумный не по лѣтамъ, не поддававшійся и во времена студенчества «увлеченіямъ» и сторонившійся отъ всякихъ крайнихъ кружковъ и компрометирующихъ исторій. Онъ проповѣдывалъ тогда науку и любилъ одну науку, считая недостойнымъ серьезнаго человѣка увлекаться «мечтательными» теоріями, и развивалъ свою вос-

торженную поклонницу исключительно въ научномъ направленіи.

Прошло три года. Молодые люди на время разстались. Орловскій поступилъ на службу на югъ Россіи, разсчитывая со временемъ перейти въ Петербургъ, а молодая дѣвушка, горѣвшая желаніемъ приносить пользу и сдѣлаться достойной своего учителя, отправилась въ Петербургъ учиться. Подготовленная занятіями съ Орловскимъ, она блистательно выдержала экзаменъ, но вслѣдъ затѣмъ, совсѣмъ больная, была послана за границу и только черезъ полтора года могла вернуться въ Петербургъ, чтобы продолжать занятія. Молодые люди не видались болѣе двухъ лѣтъ. За время этой разлуки привязанность дѣвушки не поколебалась, сердце ея безраздѣльно принадлежало Орловскому. Онъ не прерывалъ отношеній, поддерживая ихъ перепиской. Въ этихъ письмахъ, получавшихся аккуратно каждую недѣлю, полныхъ дружескаго участія и благоразумныхъ совѣтовъ насчетъ занятій и здоровья, Орловскій попрежнему ни разу не обмолвился неосторожнымъ словомъ любви, но необыкновенно мягкій и ласковый тонъ и интимность ихъ какъ будто намекали на что-то, питая иллюзіи влюбленной дѣвушки. И она терпѣливо ждала, попрежнему любящая, что «герой» ея наконецъ скажетъ рѣшительное слово.

Но этого «слова» она не услышала и тогда, когда Орловскій пріѣхалъ въ Петербургъ и основался здѣсь. Онъ былъ попрежнему ласковъ и предупредителенъ, попрежнему называлъ себя «лучшимъ другомъ» и часто навѣщалъ Римму. Онъ все еще продолжалъ «раздумывать» о силѣ своего чувства, хотя и пересталъ уже вслухъ анализировать его. Такъ прошелъ годъ, другой. Орловскій сталъ бывать рѣже. Отношенія стали натянутѣе, холоднѣе, и этотъ странный романъ оканчивался безъ какихъ бы то ни было объясненій. Орловскій, чувствовавшій себя совершенно правымъ передъ дѣвушкой, которой онъ не давалъ никакихъ обязательствъ, объясненій не начиналъ. Римма Михайловна, разумѣется, не вызывала ихъ.

Римма Михайловна, затаившая свое нераздѣленное чувство и потерявшая надежду на взаимность, долго еще смотрѣла ослѣпленными глазами на «героя» своего романа. Еще недавно, при встрѣчѣ съ Орловскимъ на вокзалѣ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ Петербурга, сердце Риммы Михайловны тревожно забилось. Охваченная радостнымъ волненіемъ, она вся просвѣтлѣла, и шальная надежда снова пронеслась въ ея душѣ при видѣ этого ласковаго взгляда, при звукахъ этого мягкаго, нѣжнаго голоса.

Но это былъ послѣдній проблескъ надежды, послѣдняя вспышка потухающей страсти. Она наконецъ прозрѣла и окончательно поставила крестъ и надъ своей любовью и надъ своимъ героемъ. Она теперь видѣла то, чего прежде не замѣчала, что «идеальный блондинъ въ шиллеровскомъ родѣ» начиналъ заплывать жиркомъ, что мечтавшій о наукѣ студентъ сдѣлался посредственнымъ врачомъ-практикомъ и, добившись солиднаго положенія и «обстановочки», забылъ о наукѣ. Она поняла наконецъ, сколько безсердечнаго эгоизма было въ отношеніяхъ къ ней со стороны Орловскаго, и удивлялась своей слѣпотѣ.

А вся молодость ушла. Впереди—доля старой дѣвы, для которой жизнь сердца кончена. Съ этой мыслью Римма Михайловна покорно примирилась и даже въ мечтахъ не предполагала возможности личнаго счастья, новой привязанности.

«И кому можетъ понравиться она, старая, поблекшая дѣва!?»

И грустная, недовѣрчивая улыбка появляется на ея лицѣ, когда, покончивъ съ воспоминаніями о своей разбитой жизни, она задумывается надъ словами Ковровой: «Въ нее влюблены»!?

Это предположеніе, показавшееся сперва невѣроятнымъ, однако пріятно волнуетъ дѣвушку, и она незамѣтно для самой себя отдается этимъ думамъ.

Женскій инстинктъ подсказываетъ ей, что Коврова, пожалуй, права. Она припоминаетъ волненіе Стрепетова при встрѣчахъ, его благоговѣйно-восторженные взгляды, припоминаетъ всѣ эти мелочныя подробности, которыя, казалось, подтверждаютъ слова пріятельницы, и ее занимаетъ вопросъ: «такъ ли это, или только кажется?»

Удивленная, она ловитъ себя на этомъ вопросѣ, и ей смѣшно и досадно, что подобная мысль можетъ занимать ее.

«Не все ли ей равно — нравится она или нѣтъ этому юношѣ!? Развѣ она сама можетъ увлечься имъ!.. Вѣдь подобная нелѣпость могла придти лишь въ голову такой фантазеркѣ, какъ Коврова!»

Такъ говоритъ она себѣ и все-таки продолжаетъ думать о подобной «нелѣпости». И образъ этого румянаго, красиваго юноши съ черными кудрями, помимо ея желанія, занимаетъ ея мысли, стоитъ передъ нею во мракѣ комнаты. Она гонитъ прочь этотъ образъ, стараясь направить мысли на другіе предметы, и все-таки думаетъ о немъ и чувствуетъ, какъ усиленно бьется ея сердце, полное любви.

«Глупости... глупости!»—беззвучно шепчутъ уста дѣвушки, и она закрываетъ глаза, стараясь заснуть.

Но сонъ не идетъ. Напрасно она переворачивается съ

боку на бокъ. Въ ея утомленномъ мозгу все тѣ же неопредѣленно-сладкія мечтанія. Передъ ней все тотъ же кудрявый. красивый юноша, точно прекрасный демонъ надъ изголовьемъ Тамары, и дѣвушка, смущенная, отдается во власть грезъ и чувствуетъ, какъ изъ глазъ ея тихо льется слеза за слезой, смачивая щеки.

«Нервы!» — рѣшаетъ она, тихо поднимается съ постели, зажигаетъ свѣчу и отыскиваетъ склянку съ бромомъ. Она принимаетъ двѣ ложки, тихо ложится въ постель и наконецъ засыпаетъ, побѣдивъ смущающаго демона по всѣмъ правиламъ медицины.

XVI.

На слѣдующее утро Римма Михайловна вспомнила о вчерашнихъ грезахъ съ чувствомъ горячаго стыда и съ той брезгливостью цѣломудрія, которая присуща глубоко-страстнымъ, сдержаннымъ женскимъ натурамъ.

Какъ допустила она овладѣть собой хотя бы на короткое время подобнымъ унизительнымъ мечтаніямъ? Гдѣ были разумъ и воля? Ужели «вѣнецъ творенія», въ самомъ дѣлѣ, такое животное, что даже не всегда можетъ справляться со своими инстинктами?

Эта мысль всегда глубоко возмущала ея существо. Ея нравственное чувство отказывалось признать долю правды въ подобномъ мнѣніи, особенно оскорбительномъ для женскаго цѣломудрія, хотя, съ другой стороны, она, какъ будущій врачъ, и понимала, что даже въ самомъ идеальномъ «вѣнцѣ творенія» надо считаться съ «животнымъ».

Но считаться—не значитъ признавать его побѣдителемъ! Нѣтъ, нѣтъ! Вчерашняя глупость—одна распущенность и болѣе ничего, и вина всецѣло лежитъ на ней. Зачѣмъ она позволила себѣ думать о Стрепетовѣ? Ничего подобнаго съ ней болѣе не случится, и этотъ «мальчишка» не заставитъ ее переживать подобныя минуты стыда и презрѣнія къ себѣ самой.

Такъ размышляла Римма Михайловна, торопливо, по обыкновенію, заканчивая свой туалетъ. Только роскошныя ея косы брали много времени. Она давно было-думала ихъ подрѣзать, но... не рѣшалась. Ужъ слишкомъ хороши были волосы, и врожденное женское кокетство не допускало ее наложить на нихъ руки. Она сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ, маленькая, худая, въ бѣлоснѣжной кофтѣ, съ лѣсомъ распущенныхъ волосъ, падавшихъ на колѣни, и заплетала косы быстрымъ движеніемъ своихъ маленькихъ рукъ.

Лицо ея было сурово, блѣдно, истомлено и казалось сегодня старообразнымъ. Ея большіе черные глаза глядѣли сосредоточенно и строго. Она напоминала своимъ видомъ кающуюся инокиню, чистота помысловъ которой неожиданно была смущена дьявольскимъ навожденіемъ. Въ эти минуты она питала къ невольному виновнику ея вчерашней, непростительной, по ея приговору, слабости—досадливое, почти непріязненное чувство.

«Если онъ станетъ часто ходить, надо его отвадить!»—рѣшила про себя дѣвушка, но вслѣдъ затѣмъ явился вопросъ: «Какъ это сдѣлать? И за что, собственно говоря, прогонять этого юношу, одинокаго, скромнаго, деликатнаго? За его восторженно-благоговѣйное отношеніе къ ней, не имѣющее и тѣни какой-нибудь притязательности?»

И Римма Михайловна тотчасъ же смягчилась, почувствовавъ невольное сожалѣніе къ Стрепетову. Оскорблять бѣднаго юношу, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ... Туалетъ оконченъ. Римма Михайловна смотрится въ зеркало, и тихая, грустная улыбка отражается въ немъ. Ея лицо кажется дѣвушкѣ такимъ некрасивымъ, отцвѣтшимъ, старымъ.

«И что̀ нашелъ онъ хорошаго въ такой старухѣ, если, въ самомъ дѣлѣ, я ему нравлюсь?»—подумала она.

И тутъ же прошептала, отводя лицо̀:

— Глупый юноша!

Однако на мгновеніе ее охватило какое-то неопредѣленно-пріятное чувство. Она еще болѣе пожалѣла «бѣднаго юношу» и вышла въ гостиную.

Тамъ сидѣла за самоваромъ, поджидая свою любимицу, Надежда Васильевна. Подруги молча поцѣловались. Коврова, по обыкновенію, оглядѣла свою Римму пристальнымъ любовнымъ взоромъ и, подавая ей чашку, спросила:

— Надѣюсь, ты будешь отдыхать сегодня, Римма? Лицо у насъ не особенно хорошее.

— Я здорова!—коротко отрѣзала Римма.

— Знаемъ мы твое здоровье. Поглядись въ зеркало—сама увидишь, на кого ты похожа. Пойдемъ-ка лучше, Римма, смотрѣть картину Рѣпина.

Римма категорически отказалась. Ей надо заниматься: скоро первый экзаменъ. Картину она пойдетъ смотрѣть въ воскресенье.

— Отдохни хоть утромъ. Пойдемъ. Съ нами и Стрепетовъ пойдетъ. Я его звала.

— А мнѣ-то что̀?

— Неужели, Римма, онъ тебя нисколько не интересуетъ?

Такъ-таки ни капельки? А онъ-то, бѣдняга, тебя просто боготворитъ!

— Полно тебѣ носиться съ этимъ вздоромъ!—строго проговорила дѣвушка. И при этомъ блѣдныя ея щеки вспыхнули, и губа чуть-чуть вздрогнула.—Я, слава Богу, еще не такая дура, чтобы мнѣ могъ понравиться первый встрѣчный мальчишка!

— Да ты чего сердишься, Риммочка? И наконецъ что̀ за нелѣпый ригоризмъ? Точно, въ самомъ дѣлѣ, это ужъ такъ невозможно?

— Разумѣется, невозможно.

— Почему?

— Потому что это было бы глупо и смѣшно! — съ необычною живостью отвѣчала Римма.

— Точно сердце спрашиваетъ: что̀ умно, что̀ глупо Влюбилась—и все тутъ.

— Такъ поступаютъ въ семнадцать лѣтъ, а не въ двадцать восемь.

— Боже ты мой! Какое, посмотришь, у васъ у всѣхъ здѣсь благоразуміе!—воскликнула Коврова, начиная, по обыкновенію, волноваться. — Вы и влюбляться хотите по программѣ?.. Подходятъ года или не подходятъ? Такъ, что ли? Дудки, милая! Въ двадцать восемь лѣтъ еще скорѣе дѣлаютъ глупости въ любви. Или вы, докторши, отъ этого застрахованы? — съ насмѣшливой улыбкой прибавила Коврова.

— Надѣюсь, что я, по крайней мѣрѣ, не влюблюсь въ мальчишку.

— Это по принципу, что ли?

— Просто потому, что меня не можетъ увлечь слишкомъ молодой человѣкъ.

— А если?

— А если бы на меня и нашла подобная блажь,—хоть мнѣ это и трудно себѣ представить,—я постаралась бы отъ нея избавиться, чтобы не губить чужой жизни и не портить своей. Бракъ, въ которомъ жена значительно старше мужа, неестественъ и счастливымъ быть не можетъ.

— Будто нѣтъ примѣровъ!

— Исключенія—не доказательства. Да и о чемъ мы споримъ? Я равнодушна къ твоему Стрепетову.

— Ой! любовь заразительна, Римма, особенно — упорная. Женщина и сама не замѣчаетъ, какъ поддается обаянію чужой страсти.

— Будь покойна, я не боюсь заразы.

— Ну, и глупо, очень глупо, что не боишься! — волнова-

лась Коврова при видѣ спокойствія Риммы. — Каменная ты, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Привязанности не хочешь?.. Да будь я мужчиной, я расшевелила бы тебя. Я бы добилась взаимности, несмотря на твою суровость. Я бы...

— Ты бы, навѣрное, не влюбилась въ такую перезрѣлую дѣву, какъ я!—съ улыбкой перебила Римма.

— Не кокетничай, пожалуйста, своей воображаемой старостью! Сама, небось, хотѣла бы выйти замужъ.

— Хотѣла бы!—просто отвѣчала дѣвушка. — Только вотъ суженаго нѣтъ!

— И не найдешь. Зачѣмъ людей бѣгаешь? Зачѣмъ держишь себя такъ? Ты даже и слегка пококетничать не умѣешь! Вѣра—та хоть потѣшается надъ мужчинами, когда въ духѣ. Да и разборчивыя какія! Одинъ — слишкомъ молодъ, другой—слишкомъ старъ, третій...

— То-то ни перваго, ни второго, ни третьяго нѣтъ! — перебила, улыбаясь, Римма.—Всѣ эти кандидаты въ мужья—созданья твоей пылкой фантазіи, моя милая!

— А каковъ будетъ, по-вашему, бракъ, если мужъ старше жены лѣтъ на семнадцать? Велика разница или нѣтъ? — неожиданно раздался веселый голосъ Вѣнецкой, и докторша, миловидная, возбужденная и свѣжая, въ своемъ черномъ «визитномъ» платьѣ, съ значкомъ на груди, появилась на порогѣ, оправляя свои пепельные волосы.

— Давно ты съ дежурства? Мы и не слыхали, какъ ты вернулась.

— Еще бы слыхать—вы такъ горячо спорили! Ужъ я успѣла переодѣться, чтобы ѣхать на практику, и успѣла послушать часть вашего разговора.

Она перецѣловалась съ пріятельницами, присѣла къ столу и продолжала, кивнувъ головой на Римму:

— Такъ она неумолима? А я бы не задумалась женить на себѣ Стрепетова, несмотря на разницу лѣтъ, если бы онъ догадался влюбиться въ меня! Безъ шутокъ, женила бы! Онъ такой красивый, непосредственный, симпатичный—этотъ кудрявый, наивный юноша. И, кажется, мягкаго, тихаго характера. Въ моихъ рукахъ онъ былъ бы покорнымъ, образцовымъ мужемъ. Только въ меня, къ сожалѣнію, такіе простодушные, мягкотѣлые юноши не влюбляются! — прибавила, смѣясь, Вѣнецкая.—Я не такая... идеальная, какъ Римма, и имѣю несчастіе болѣе нравиться пожилымъ людямъ.

— И тѣшиться иногда надъ ними?—вставила Коврова.

— Это подчасъ развлекаетъ. Отчего-жъ и не потѣшиться,

если какой-нибудь пятидесятилѣтній господинъ, въ родѣ нашего старшаго доктора, вздумаетъ разводить сентименты съ масляными глазами. Такихъ дураковъ и наблюдать интересно и учить не мѣшаетъ. Однако отвѣчайте на мой вопросъ, госпожи судьи! Какого ты мнѣнія, Римма, о будущемъ счастьѣ супруговъ, если между ними лѣтъ семнадцать разницы?

— Надо знать, какіе люди.

— Да ты къ чему спрашиваешь? Ужъ не влюбилась ли въ какого-нибудь человѣка «второй молодости»? Это нынче, говорятъ, у насъ въ модѣ?—спросила Коврова.

— Я влю-бить-ся?—протянула Вѣнецкая. И при этихъ словахъ она надменно вздернула вверхъ голову и презрительно сощурила глаза. Этотъ жестъ шелъ къ докторшѣ, придавая ея нервному, подвижному лицу вызывающій, задорный видъ.—Отъ этого меня Богъ избавилъ! Я не изъ кисло-сладкихъ натуръ и влюбленной атмосферы не выношу.

— Ишь вѣдь самолюбіе въ тебѣ какое! Сейчасъ голову кверху! А въ Москвѣ, помнишь? Втюрилась какъ сумасшедшая.

— То было раннею весною моей жизни. Съ тѣхъ поръ я, надѣюсь, поумнѣла и не имѣю ни малѣйшаго желанія повторять глупости шестнадцатилѣтняго возраста. «Втюриваться», какъ ты выражаешься, чтобы въ концѣ концовъ остаться въ дуракахъ,—благодарю покорно! У меня, слава Богу, не такой темпераментъ.

— Да не лги на себя, Вѣра!..—вспылила Коврова.—Скажите, пожалуйста, чѣмъ хвалится! Влюбиться не можетъ!? Ты, значитъ, не женщина, а какой-то уродъ!

— То-то не могу, милая; иначе, вѣроятно, давно бы влюбилась. Можетъ-быть, впрочемъ, еще не встрѣтила *того*, кто заставилъ бы меня поглупѣть отъ любви, а можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ я уродъ.

— Просто въ тебѣ какой-то бѣсъ сидитъ! Тебѣ хочется необыкновеннаго человѣка, который припалъ бы къ твоимъ ногамъ?.. Самолюбіе вѣдь у насъ сатанинское!..

— Да ты не бранись и не перебивай, если хочешь знать, какое интересное объясненіе у меня было вчера. И, вдобавокъ, объясненіе въ твоемъ вкусѣ... романическое! — прибавила съ самодовольной улыбкой докторша, лукаво щуря глаза.

— Ну, ну, разсказывай.

Но, прежде чѣмъ начать, Вѣра Александровна сдѣлала нѣсколько глотковъ чая и оглядѣла почему-то свои красивыя руки съ тонкими, длинными пальцами и безукоризненными ногтями, словно желая показать, что то, что она станетъ раз-

сказывать, не особенно волнуетъ ее, хотя возбужденное лицо и особенный блескъ ея глазъ говорили противное.

— Такъ слушайте,—начала она слегка вибрирующимъ голосомъ:—сижу я вчера на дежурствѣ послѣ обѣда и читаю «Disciple», Поля Буржэ,—какъ: «стукъ-стукъ!» и входитъ... кто бы вы думали? Ни за что не отгадаете!.. Входитъ... Черникъ! Не правда ли, Римма, было чему удивиться? Медицинское свѣтило, вѣчно занятый Андрей Ивановичъ, у котораго всѣ часы распредѣлены, и вдругъ днемъ... собственной особой у меня въ дежурной комнатѣ!

— Мнѣ давно казалось, что ты ему нравишься, Вѣра! — промолвила Римма Михайловна.—Иначе чѣмъ объяснить, что въ послѣднее время Черникъ, нигдѣ не бывающій, такъ аккуратно посѣщалъ твои журфиксы?

— И мнѣ по временамъ казалось, что я ему нравлюсь, но вѣдь этого Черника не разберешь: когда онъ говоритъ серьезно, когда шутитъ... Онъ самъ какъ-то однажды объяснялъ свои посѣщенія тѣмъ, что я—«любопытный для него субъектъ». И прибавилъ съ своей лукавой улыбкой: «пока».

— Да вѣдь, когда нравишься, это чувствуется, Вѣра!— вставила Коврова.

— О, онъ лукавый хохолъ и слишкомъ уменъ, чтобы изображать изъ себя влюбленнаго. Я, кажется, ужъ не совсѣмъ... слѣпая,—продолжала съ усмѣшкой докторша:—и видѣла, какъ ухаживаютъ господа мужчины; но Черникъ постоянно сбивалъ меня съ толку своей манерой держать себя старикомъ, своимъ исключительно товарищескимъ отношеніемъ, въ которомъ не было и тѣни ухаживанія. До вчерашняго дня я была почти увѣрена, что этотъ насмѣшливый скептикъ неспособенъ серьезно кѣмъ-нибудь увлечься, и что онъ любитъ лишь свою науку, свой кабинетъ, свои книги - да, время отъ времени, кутежи. Я думала: ѣздитъ онъ сюда разъ въ недѣлю, «пока» я ему кажусь «любопытнымъ субъектомъ» — недаромъ онъ пишетъ изслѣдованіе о «нервно-патологическихъ явленіяхъ у интеллигентныхъ женщинъ»,—а какъ только любопытство его удовлетворится, онъ и носа не покажетъ. И это меня, признаюсь, иногда злило. Я разъ даже его спросила объ этомъ.

— Что-жъ онъ?—воскликнула Коврова, вся поглощенная разсказомъ.

— Что!? Точно ты его не знаешь?.. Улыбнулся, по обыкновенію, глазами, затеребилъ пальцами бороду и отвѣтилъ съ подкупающей искренностью: «Вы правы, коллега. И, надѣюсь, вы за это не разсердились бы на меня. Вы, кажется, тоже ищете «интересныхъ субъектовъ»?.. Это — ужъ такой у

насъ съ вами темпераментъ—ничего не подѣлаешь!.. Да и къ чему бы я сталъ себя стѣснять и посѣщать людей, нисколько для меня не интересныхъ? Для этого у меня нѣтъ ни охоты, ни лицемѣрія, ни времени... Я слишкомъ занятъ и лучше проведу вечеръ за книгой, чѣмъ въ обществѣ не занимающихъ меня людей»... Я, впрочемъ, давно слышала объ этой странной манерѣ Черника обрывать знакомства и иногда терялась въ догадкахъ, что этотъ вѣчно занятый человѣкъ продолжаетъ еще посѣщать наши журфиксы для того, чтобы большею частью молчать или ограничиваться шуточками. Приходило даже подчасъ въ голову: не для Риммы ли ѣздитъ Черникъ?

— Съ больной головы да на здоровую! — усмѣхнулась Римма.

— Не финти, Вѣра!.. Любишь ты хвостомъ слѣды заметать. Навѣрное догадывалась, что этотъ «искатель любопытныхъ субъектовъ» ѣздитъ сюда ради твоихъ прекрасныхъ и лукавыхъ глазъ?.. Вѣдь ты, слава Богу, кокетка перваго сорта!—замѣтила Коврова.

— Ну вотъ—не вѣрите! Честное слово, что совсѣмъ не была въ этомъ увѣрена... Да меня этотъ вопросъ и не особенно интересовалъ!—съ напускной небрежностью прибавила докторша.—Иногда приходило на мысль, что я ему немножко нравлюсь, иногда—что ни капельки... Очень ужъ умѣлъ Черникъ скрывать свои чувства... И когда вчера онъ появился въ дежурной комнатѣ, я даже смутилась и слегка покраснѣла... такъ это было неожиданно... А онъ, какъ всегда привѣтливый и веселый, поздоровался и спрашиваетъ: «Поразилъ я васъ, кажется, коллега, своимъ посѣщеніемъ?» — «Не ждала»,—говорю. Улыбается и пресерьезно объясняетъ, что былъ тутъ по близости на консультаціи у одного нервно-больного (очень, говоритъ, интересная форма!), вспомнилъ, что я сегодня дежурная, и рѣшилъ завезти новую интересную брошюру Шарко. «Прочтите, говоритъ, коллега, стóитъ... У этого геніальнаго француза есть чему поучиться, а пока позвольте у васъ посидѣть минутъ пять и выкурить папиросочку, если не стѣсню?..» Я отвѣтила, что очень рада. Тутъ онъ поинтересовался узнать, чтó я читаю, похвалилъ романъ и удивилъ меня своимъ знаніемъ литературы... Оказалось, что онъ много читаетъ не по одной своей спеціальности — а это рѣдкость между господами врачами. Затѣмъ повелъ рѣчь о брошюрѣ, вспомнилъ о Шарко, у котораго учился, разсказалъ объ интересномъ больномъ, взглянулъ на часы и говоритъ: «Вмѣсто пяти минутъ я ужъ сижу полчаса. Не на-

доѣлъ еще?»—и совершенно неожиданно прибавилъ: «А вы, коллега, въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что и больной былъ по близости, и что я заѣхалъ, чтобы брошюру завезти?» Сказалъ онъ эти слова, смотритъ на меня и посмѣивается. Этотъ неожиданный вопросъ меня нѣсколько смутилъ въ первую минуту. Но я тотчасъ же отвѣтила ему съ самымъ невиннымъ и удивленнымъ видомъ: «Отчего-жъ не повѣрить? И какая цѣль вамъ лгать?»—хотя въ то же мгновеніе почувствовала, что Черникъ дѣйствительно солгалъ, и что брошюра Шарко была лишь предлогомъ... «Но зачѣмъ онъ объ этомъ самъ говоритъ? Обыкновенно мужчины это скрываютъ, и неглупыя женщины дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ!» — пронеслось у меня въ головѣ. Но зато любопытство мое было возбуждено въ высшей степени и—ужъ покаюсь вамъ, мои добродѣтельныя подруги—женское мое самолюбіе тоже. Я догадывалась, что сейчасъ будетъ объясненіе, и меня очень интересовало: *какъ* будетъ объясняться Черникъ... И я была вознаграждена такимъ объясненіемъ, какого никакъ не ожидала. Это было нѣчто совсѣмъ курьезное!

И Вѣра Александровна залилась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, при чемъ глаза ея сощурились и все ея лицо приняло дѣтски-довольное выраженіе.

— Да ты не тяни душу... Разсказывай!—торопила Коврова.

— Нѣтъ... ей-Богу... только Черникъ, кажется, способенъ дѣлать признаніе въ любви въ такомъ родѣ... Удивительно лукавый этотъ хохолъ! Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, онъ усмѣхнулся, какъ бы подчеркивая, что не вѣритъ его искренности, и насмѣшливо промолвилъ: «А я полагалъ, что вы, коллега, проницательнѣе и догадались, что я безсовѣстно лгалъ!» И, съ обычной своей откровенной шутливостью, признался, что солгалъ лишь потому, что у него не хватило мужества сознаться, что онъ, занятой, солидный, нашъ «уважаемый» Андрей Иванычъ Черникъ, пріѣхалъ сюда, «къ чорту на кулички», когда его ждутъ паціенты, лишь для того, чтобы увидать меня, «коллегу», и разсказать объ одномъ своемъ недугѣ, въ существованіи котораго «онъ имѣлъ несчастіе» убѣдиться. «Очень непріятная и глупая болѣзнь, коллега!»—съ комическимъ видомъ замѣтилъ Черникъ и попросилъ разрѣшенія сдѣлать по этому поводу маленькое сообщеніе. «Исторія столь рѣдкой въ мои почтенные годы болѣзни вѣдь ровно ни къ чему васъ не обяжетъ (вы, говоритъ, какъ умная дѣвушка, избѣжите тѣхъ пустыхъ словъ, какими обыкновенно утѣшаютъ врачи безнадежно-больныхъ), но, во всякомъ случаѣ, доставитъ вамъ, быть-можетъ, маленькое развлеченіе. А

при нынѣшней всеобщей скукѣ никакими развлеченіями пренебрегать не слѣдуетъ!—смѣясь, прибавилъ Черникъ.—Такъ ужъ позвольте отнять у васъ еще минутъ десять? Можно?»—«Хоть двадцать! Время у меня свободное, а исторія вашего недуга, разумѣется, интересна для меня, какъ для неопытнаго еще врача!»—отвѣчала я въ томъ же шутливомъ тонѣ и прибавила: «А потомъ, значитъ, составимъ консиліумъ?»—«Едва ли вы захотите принять въ немъ участіе!»—замѣтилъ, посмѣиваясь, Черникъ, и—показалось мнѣ—невеселая улыбка на мгновеніе омрачила его насмѣшливое, умное лицо. Я промолчала... (Тутъ докторша почему-то отступила отъ истины или запамятовала, что она не промолчала, а отвѣчала, понизивъ голосъ и не безъ кокетства прищуривъ глаза: «Почему же? Быть-можетъ, и приму, если болѣзнь ваша не воображаемая, какъ я предполагаю, судя по вашему виду!»). Тогда Черникъ, точно врачъ, ставящій діагнозъ надъ посторонним больнымъ, съ комической педантичностью сталъ перечислять признаки: «Угнетенное состояніе духа... разъ... Сосредоточеніе мысли постоянно на одномъ и томъ же женскомъ лицѣ... два... Непреодолимое желаніе видѣть это лицо, представляющееся, вопреки очевидности, самымъ красивымъ лицомъ въ мірѣ... три... Ускореніе пульса и нѣкоторое оглупѣніе при нечаянныхъ встрѣчахъ... четыре... Потеря прежней усидчивости въ занятіяхъ... пять! Разсѣянность, мечтательное настроеніе, галлюцинаціи и безсонница... шесть!» Онъ перечислялъ всѣ эти «симптомы» самымъ, повидимому, серьезнымъ тономъ, но лицо его въ это самое время было такое улыбающееся, и его маленькіе, бѣгающіе, лукавые глаза такъ смѣялись,—именно смѣялись,—что и я невольно улыбалась, слушая его, и въ то же время думала: «шутитъ онъ, или говоритъ серьезно?..» Какъ-то не вѣрилось, глядя на него, въ серьезность его «болѣзни»... Но голосъ его, мягкій и вкрадчивый, звучалъ такъ задушевно и искренно, что невольно заставлялъ вѣрить... Да и къ чему ему было бы разыгрывать комедію?.. «И давно съ вами эта непріятная болѣзнь?»—смѣясь, спросила я.—«Годъ ровно... Съ 28-го сентября прошлаго года замѣчены были первые легкіе признаки, на которые я тогда не обратилъ никакого вниманія... Такъ вѣдь многія болѣзни начинаются. Теперь же дѣло дошло до того, коллега, что я, сорокапятилѣтній болванъ, сталъ... какъ вамъ это понравится!.. сталъ писать даже стихи!»—прибавилъ Черникъ съ самымъ искреннимъ смѣхомъ, точно этотъ «сорокапятилѣтній болванъ» былъ не самъ онъ, а постороннее лицо, надъ которымъ Черникъ издѣвался.—«Вы... стихи!»—невольно вос-

кликнула я,—до того это показалось мнѣ невѣроятнымъ.— «То-то я... стихи!—повторилъ онъ, весело смѣясь.—Двадцать пять лѣтъ не повторялъ я грѣховъ ранней молодости, когда пописывалъ стишки во время «легкихъ воспаленій», а теперь вотъ... подите!» И Черникъ прекомично развелъ руками.— «Любопытно, — говорю я, — было бы прочесть». — «Любопытно?—спрашиваетъ.—Такъ сдѣлайте одолженіе, хоть сейчасъ. У меня, кажется, есть съ собой послѣдній плодъ безсонницы!» И Черникъ досталъ изъ кармана листокъ почтовой бумаги и воскликнулъ: «Не чудеса ли? Профессоръ Черникъ, сорока пяти лѣтъ отъ роду, съ сѣдой бородой и солиднѣйшей репутаціей, въ роли трубадура, со стихами въ рукахъ?.. Вѣдь интересно, коллега? Ну, такъ слушайте и... смѣйтесь, сколько вашей душѣ угодно. Не обидите, ибо я и самъ надъ собой смѣюсь!»—прибавилъ съ своей подкупающей искренностью Черникъ. И онъ прочелъ очень недурное, по-моему, стихотвореніе, послѣ чего самъ предложилъ взять его какъ «образчикъ остраго помѣшательства».

Тутъ авторъ долженъ замѣтить, что—обыкновенно правдивая—молодая докторша, при передачѣ эпизода съ стихотвореніемъ, снова погрѣшила противъ истины, опустивъ слѣдующую маленькую подробность: когда почтенный профессоръ прочелъ свои стихи, Вѣра Александровна, значительно возбужденная, съ зарумянившимися щеками и горделиво блестѣвшими глазами, выразила Чернику большое удовольствіе, доставленное ей стихами, и сама попросила дать ей «это милое стихотвореніе» на память, «хотя оно и предназначено другой»,—прибавила докторша съ самымъ восхитительнымъ видомъ наивной недогадливости. И Черникъ, весело усмѣхнувшись послѣднимъ словамъ, съ видимымъ удовольствіемъ исполнилъ просьбу своего коллеги.

— Покажи, Вѣра, стихи Черника! Это интересно... Вотъ никакъ бы не подумала, что Андрей Иванычъ можетъ писать стихи!—воскликнула Коврова.

— Я покажу, но только вы, милыя, не проговоритесь какъ-чибудь объ этомъ Чернику... А впрочемъ, ему все равно, судя по тому, что онъ самъ же потомъ рекомендовалъ «посовѣтоваться» съ вами обѣими по поводу его «декларацій» и при этомъ замѣтилъ, что ему рѣшительно все равно, если о его «болѣзни» узнаютъ не только мои друзья, но даже и вся академія.—«Да и къ тому же я человѣкъ милосердный. Къ чему лишать васъ понятнаго удовольствія подѣлиться такимъ «интереснымъ» извѣстіемъ съ друзьями «по секрету»? Вы вѣдь женщина!»—прибавилъ онъ съ иронической усмѣшкой.

— Однако не лестнаго онъ мнѣнія о женщинахъ!—проронила Римма.

— Ну, давай, давай, Вѣра! Я прочту!—торопила Коврова.

И, взявъ отъ Вѣнецкой тонкій листокъ, который та достала изъ портмоне, Коврова прочла:

Придетъ урочный ранній часъ,
И я, въ тревогѣ пробужденный,
Ужъ не смыкаю больше глазъ.
Нѣтъ сна. Полнъ думами о васъ,
Съ нимъ споритъ мозгъ мой возбужденный,
И исчезаетъ, побѣжденный,
Сонъ каждый разъ!

Я рюмку брома пью до дна,
Я чиселъ рядъ твержу до скуки,—
Увы! Какъ грозная волна,
Смыкаетъ все мечта одна.
И, впечатлительный до муки,
Рѣчей я вашихъ слышу звуки,
Не зная сна!

— Каково!—воскликнула Коврова.—Вѣдь, право, недурно для доктора невро-патолога! Видно, совсѣмъ «втюрился» въ тебя, лукавая Вѣра!.. Это ты вдохновила ученаго профессора! Ай да молодецъ профессоръ! Хвалю его... Несмотря на весь свой противный скептицизмъ, онъ, по крайней мѣрѣ, не потерялъ способности увлекаться и даже въ сорокъ пять лѣтъ писать стихи... Нравятся они тебѣ, Римма?..

— Да, кажется, достаточно прочувствованы...

— Вотъ вѣдь и въ сорокъ пять лѣтъ можно увлекаться... Ну, продолжай же, Вѣра... Ишь какой она глядитъ скромной овечкой, а сама, я думаю, въ душѣ торжествуетъ свою побѣду... То-то ты сегодня такая оживленная! Ну, ну, не притворяйся, пожалуйста, равнодушной—мы не мужчины, и насъ не надуешь. Женщинѣ всегда пріятно, когда ее любятъ, если бы даже она сама не любила... И всѣмъ этимъ его насмѣшкамъ, шуточкамъ и улыбкамъ не очень-то вѣрь... И его исканію «любопытныхъ субъектовъ» тоже! Это просто оригинальное кокетство самолюбиваго и неглупаго мужчины, боязнь показаться смѣшнымъ въ глазахъ женщины, что «втюрился» въ сорокъ пять лѣтъ. Онъ поэтому первый и смѣется надъ собой... Оно, во всякомъ случаѣ, удобно въ случаѣ неудачи. «Я, молъ, изучалъ!» Лукавые эти господа мужчины! Изучалъ! Вотъ онъ изучалъ тебя, какъ «любопытнаго субъекта», да во время изученія и влюбился какъ мальчишка, этотъ самый сѣдобородый скептикъ и любитель одной своей науки да своего холостого кабинета... ха-ха-ха! Теперь, небось, и кабинетъ опротивѣлъ и наука не въ науку... Я всегда про-

повѣдывала вамъ, друзья: любовь не шутитъ ни съ малымъ ни со старымъ... Пришла... и самъ вашъ Черникъ, до сей поры «мудрствовавшій лукаво», вдругъ заговорилъ стихами!—съ торжествующимъ видомъ произнесла Коврова, порывисто и съ увлеченіемъ выбрасывая фразу за фразой.—Небось, теперь: «И, впечатлительный до муки, рѣчей я вашихъ слышу звуки, не зная сна!» И бромъ не помогаетъ! То-то и есть!—продолжала Надежда Васильевна съ чувствомъ нѣкотораго злорадства къ профессору.—А раньше что думалъ? Изу-чалъ!.. Боялся, видите ли, стѣснить свою свободу и удовлетворялся, какъ многіе, мимолетными связями!?. Ну, разсказывай же, Вѣра, что онъ тебѣ еще говорилъ? Какъ вилялъ хвостомъ лукавый хохолъ? Какъ предложилъ тебѣ руку и сердце? И тебя, конечно, можно поздравить? Говори же, говори!

— Да ты не даешь ей говорить!—вставила Римма Михайловна.

— Ну, молчу, молчу. Мы слушаемъ васъ, будущая Frau Professorin!

— А ты ужъ и свадьбу предвидишь? А, быть-можетъ, этого финала и не будетъ. Я еще не рѣшила!—лукаво замѣтила докторша.

И Вѣра Александровна продолжала разсказъ о томъ, что было вслѣдъ за чтеніемъ стиховъ, какъ Черникъ сообщилъ ей, что, послѣ долгихъ размышленій, рѣшился наконецъ объяснить этой «дѣвушкѣ, нарушившей покой его жизни», подробности своей «хронической болѣзни» и предложить ей рискнуть выйти замужъ за такого неказистаго старика, «какъ вашъ покорнѣйшій слуга».—«Правда, шансовъ на ея согласіе мало—этакъ пять на сто,—прибавилъ онъ, смѣясь:—а все-таки надо попытаться, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ разъ навсегда, не питать напрасныхъ иллюзій и не хлопотать о новой квартирѣ въ академіи. Какъ вы полагаете, коллега? Слѣдуетъ попытаться?»—«Отчего-жъ, говорю, не попробовать. Вѣдь вы, надѣюсь, въ случаѣ отказа, въ отчаяніе не придете и не застрѣлитесь?—прибавила я съ улыбкой.—Съ васъ, я думаю, какъ съ гуся вода? Помните, вы говорили, что изъ-за любви только дураки съ ума сходятъ, а занятые люди скоро утѣшаются? Отыщете, значитъ, для наблюденій какой-нибудь другой «любопытный субъектъ»—и черезъ недѣлю, много двѣ, совсѣмъ излѣчитесь отъ «непріятной болѣзни».

— Ишь вѣдь какая ты, Вѣра! Не можешь не пококетничать и не дразнить человѣка!—вставила Коврова.

— Что дѣлать! Не могла удержаться, чтобы не подразнить.

И наконецъ меня злило, что Черникъ все точно шутя говоритъ.

— А тебѣ хотѣлось признанія въ пылкомъ родѣ? А кто хвалился, что не выноситъ «любовной атмосферы»?—замѣтила Коврова.—Ну, ну, разсказывай дальше, лукавая докторша, до чего вы дошутились?

— Въ отвѣтъ на мои слова Черникъ разсмѣялся. «Вы правы, говоритъ, коллега; разумѣется, не застрѣлюсь, не утоплюсь и даже въ отчаяніе не приду, но тѣмъ не менѣе мнѣ будетъ чего-то недоставать. До сихъ поръ я не испытывалъ подобнаго хроническаго пораженія и стиховъ не писалъ. Случалось, говоритъ, бывали «легкія воспаленія», но быстро проходили, и я не думалъ нарушать одиночества своего кабинета. А вотъ теперь... это одиночество мнѣ противно. И мнѣ кажется, что никакой другой субъектъ, какъ бы ни былъ любопытенъ, не замѣнитъ моего интереснаго субъекта».—«А развѣ ужъ онъ такъ интересенъ?»—«Очень», говоритъ.—«И молодъ?»—«Вашихъ лѣтъ, коллега!»—«Ну, значитъ, старая дѣва. Мнѣ вѣдь двадцать семь съ половиною».—«А мнѣ зато сорокъ пять. И то семнадцать лѣтъ разницы. Не много ли, какъ вы полагаете?»—«Тутъ все зависитъ отъ характера дамы вашего сердца. Вы, конечно, изучили его. Каковъ онъ?»—«Характеръ, говоритъ, у нея не изъ особенно покойныхъ: нервный, капризный, властолюбивый, деспотическій. Самолюбіе большое. Кокетка порядочная, хотя, разумѣется, и отрицаетъ это».—«И вамъ могла понравиться такая несовершенная дѣвушка?»—воскликнула я, смѣясь, хотя нѣсколько раздраженная безцеремонностью его характеристики.—«Вотъ подите же, коллега. *Такая* несовершенная, а понравилась. Вѣроятно, потому и понравилась, что такая, а не другая. Такъ какъ я и самъ далекъ отъ совершенства, то и не особенный охотникъ до совершенствъ. Поклоняться имъ можно, но съ ними удивительно скучно, до тошноты скучно! Повѣсь въ рамку да и молись! Благодарю покорно!»—«Но развѣ вамъ дастъ счастье жена, портретъ которой вы нарисовали? Предположимъ, что она даже повѣритъ серьезности вашей «болѣзни» и рискнетъ, какъ вы говорите, выйти за васъ замужъ—хорошаго будетъ мало. Вѣдь такая жена нарушитъ вашъ покой. Она замучитъ васъ, особенно если вы ревнивы и подозрительны. Характеръ вашъ, кажется, тоже не изъ покорныхъ, да къ тому же вы и изучать «любопытные субъекты» любите. Что-жъ выйдетъ? Черезъ мѣсяца три-четыре такіе супруги разбѣгутся въ разныя стороны. Стоитъ ли, говорю, изъ-за этого огородъ городить!»—«Это вы, коллега, напрасно. Я буду

супругъ перваго сорта: терпѣливый, довѣрчивый и не ревнивый. Опытъ, говоритъ, житейскій пріобрѣтенъ недаромъ. Я, говоритъ, понимаю, какъ вести себя пожилому супругу, чтобы не сдѣлаться похожимъ на гуммозный пластырь и не быть смѣшнымъ. Пусть жена кокетничаетъ, если это ей нравится; я, говоритъ, ни трагическихъ ни комическихъ сценъ не сдѣлаю... честное слово, коллега. А если случится грѣхъ, немножко поволнуюсь—то про себя, при закрытыхъ, такъ сказать, дверяхъ. Замѣтьте еще одно преимущество, и важное для семейной жизни: я съ утра не бываю дома и слѣдовательно не буду женѣ мозолить глазъ, и такимъ образомъ поводовъ для семейныхъ сценъ будетъ гораздо меньше. А если, говоритъ, надоѣмъ ей и сдѣлаюсь вовсе «неинтереснымъ», или если она влюбится въ кого-нибудь—случаются такія болѣзни!—вставилъ Черникъ:—то я, говоритъ, ей и разводъ устрою, «честно и благородно» принявъ всѣ вины на себя. Ей-ей, не лгу. И, вдобавокъ, не застрѣлюсь, не отравлюсь и не утоплюсь, и лекцій даже не прекращу, ибо эти случаи весьма обыкновенны...» Затѣмъ Черникъ полушутя сказалъ, что супруга его будетъ глава, а онъ—ея покорный слуга, какъ и подобаетъ пожилому супругу. Нѣтъ опасности и со стороны изученія «любопытныхъ субъектовъ».—«Во-первыхъ, некогда, да и не захочется, если «любопытнѣйшій на свѣтѣ субъектъ» будетъ возлѣ. Наконецъ и годы, коллега, не такіе, чтобы искать «авантюръ», какъ вы намекаете». Онъ помолчалъ и прибавилъ «для полноты характеристики», что онъ человѣкъ не злой и на своемъ вѣку не сдѣлалъ никакой серьезной пакости, за которую могла бы покраснѣть его жена.—«Въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія!»—воскликнула я. Черникъ примолкъ и теребилъ бороду, покуривая папироску, какъ ни въ чемъ не бывало. Молчала и я, взглядывая украдкой на него. Онъ мнѣ казался теперь интереснѣе, чѣмъ прежде, и я ощущала самолюбивое удовольствіе быть любимой этимъ человѣкомъ, хотя сама и не питала къ нему влюбленныхъ чувствъ. Сердце мое билось спокойно, но Черникъ мнѣ нравился. «Выходить или не выходить замужъ?»—спрашивала я себя, и рѣшенія не было. Такъ прошла минута-другая неловкаго молчанія. «Такъ какъ же, коллега, благословляете дѣлать предложеніе?»—спросилъ Черникъ и прибавилъ: «Надѣюсь, вы догадались, о комъ я говорилъ и для кого ѣздилъ на ваши журфиксы?»—«Для кого?»—спросила я, и сама покраснѣла. Онъ усмѣхнулся, покачалъ головой и промолвилъ съ шутливымъ упрекомъ: «Экая какая вы недогадливая! Вамъ нужны точки на «і». Извольте, говоритъ, поставлю. Для васъ, коллега, единственно для васъ,

милостивая государыня; я вамъ предлагаю рискнуть быть моей женой. Что̀ вы на это скажете? Разумѣется, *нѣтъ!*»—порывисто прибавилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза.—«А можетъ-быть, и *да!*»—сорвалось у меня какъ-то нечаянно. Черникъ былъ изумленъ. Повидимому, онъ не ждалъ такого отвѣта и спросилъ: не шучу ли я? Я добросовѣстно сказала, что хоть я и расположена къ нему, но не влюблена въ него, поблагодарила за честь и попросила его дать мнѣ время подумать.

— Что-жъ онъ?—нетерпѣливо спросила Коврова.

— Онъ усмѣхнулся и самымъ серьезнымъ образомъ замѣтилъ, что «влюбиться въ него, конечно, было бы совсѣмъ нелѣпо», и прибавилъ: «Подумайте, подумайте, коллега, посовѣтуйтесь съ друзьями. Право, я буду не страшный мужъ, хоть одна барышня какъ-то и увѣряла, что лучше повѣситься на осинѣ, чѣмъ выйти за меня замужъ. Но такъ какъ я предложенія и не думалъ ей дѣлать, то она и не повѣсилась. Вѣрьте, коллега, что сценами васъ не удивлю... Быть-можетъ, надумаетесь,—отлично заживемъ. Поѣдемъ лѣтомъ за границу, вы Шарко послушаете... свѣтъ повидаете. Не захотите со мной путешествовать—одна отправитесь—ваша княжая воля!» Онъ взялся за шляпу и, крѣпко пожимая руку, благодарилъ, что не сразу отказала. И насмѣшливое лицо его весело улыбалось, и самъ онъ точно помолодѣлъ. «Теперь пора и къ паціентамъ. И то опоздалъ съ исторіей своей болѣзни!»—промолвилъ Черникъ и ушелъ, оставивъ меня въ какомъ-то туманѣ.

Вѣра Александровна обвела взглядомъ пріятельницъ и спросила:

— Ну, что̀ вы на это скажете?

— Онъ умный—этотъ Черникъ. Хитро сдѣлалъ тебѣ предложеніе!—сказала Коврова.

— Я бы не задумалась ни минуты, если бы онъ мнѣ нравился. Черникъ порядочный человѣкъ! — промолвила Римма Михайловна.

— А я задумываюсь. Вѣдь я не влюблена!

— Да и не въ кого тебѣ влюбиться, матушка! — воскликнула Коврова.—Очень ужъ у тебя мозгъ работаетъ и большая ты затѣйница. Черникъ по тебѣ мужъ—два сапога пара! И навѣрное ты будешь съ нимъ счастлива. Онъ заставитъ себя полюбить. Вѣдь онъ тебѣ нравится, не правда ли?

— Нравится, но это не любовь.

— Придетъ и она, моя милая. Ты его уважаешь, онъ тебя любитъ—о чемъ же мудрить? Будешь заниматься своей наукой, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, какъ теперь. Сдѣлаешься матерью, явится новый смыслъ жизни. Или хочешь

въ старыхъ дѣвахъ остаться? Ахъ, Вѣра, не сладка эта одинокая жизнь! Бери, что жизнь даетъ. Время-то уходитъ.

— А если Черникъ мнѣ надоѣстъ?

— Если... если?.. Мало ли что можетъ быть впереди! Ну, надоѣстъ, тогда и думай объ этомъ!—съ досадой проговорила Коврова.

Всѣ примолкли. Докторша задумалась. Неопредѣленная улыбка бродила по ея лицу.

— А вѣдь, кажется, быть по-вашему! — проговорила она наконецъ.—Во всякомъ случаѣ Черникъ уменъ, интересенъ, и въ немъ нѣтъ ничего «мѣщанскаго». Супружескихъ сценъ съ нимъ не будетъ. А я постараюсь быть для него интересною!—лукаво прибавила Вѣра Александровна.

— Значитъ, ты даешь ему положительный отвѣтъ?

— Да, но попрошу повременить свадьбой.

— Это зачѣмъ?

— Надо прежде его испытать: не очень ли онъ ревнивъ. Я вѣдь ужасно боюсь ревнивыхъ. Имѣла горькій опытъ!— заключила докторша, вставая, чтобы ѣхать на практику.

— А вѣдь Вѣрѣ счастье!—проговорила Коврова.—И по вѣрь, Римма, она будетъ примѣрной женой. Черникъ незамѣтно приберетъ ее къ рукамъ, хоть она и будетъ думать, что онъ у нея подъ башмакомъ.

— Напрасно только она хочетъ испытывать Черника.

— А что?

— Вѣра умѣетъ дразнить людей.

— Ты думаешь, онъ испугается?

— Нѣтъ... Если любитъ, не испугается, но жаль человѣка. Вѣра иногда безжалостна. Она будетъ нарочно кокетничать хоть съ Петровымъ, чтобы испытать, какъ она говоритъ, Черника.

— Онъ пойметъ ея фокусы, будь покойна.

— Все-таки этого дѣлать не слѣдуетъ. Съ чувствомъ надо обращаться бережно, а Вѣра не всегда помнитъ, что людямъ можетъ быть больно отъ ея опытовъ, и что послѣ ей же самой придется раскаиваться! Я, впрочемъ, рада за нее. По крайней мѣрѣ будетъ у пристани!—прибавила послѣ минуты молчанія Римма Михайловна и направилась къ себѣ въ комнату.

Коврова грустно глядѣла ей вслѣдъ и прошептала:

— А этой вотъ не свить гнѣзда. И нѣтъ ей счастья. Совсѣмъ другая натура.

XVII.

Четвертый мѣсяцъ приходилъ къ концу съ тѣхъ поръ, какъ Стрепетовъ явился въ Петербургъ съ кандидатскимъ дипломомъ и пятью рекомендательными письмами въ карманѣ, полный бодрости и надежды, что скоро достанетъ мѣсто, но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго, никакихъ постоянныхъ занятій! Случайная, приходившая къ концу, работа у Чиркова да урокъ у адвоката, устроенный Галанинымъ—вотъ и все! А главное, впереди рѣшительно ничего въ виду, кромѣ «кандидатуры» въ Земледѣльческомъ банкѣ и искренняго, хотя и безплоднаго желанія Чиркова помочь Стрепетову устроиться сколько-нибудь сносно. Оказывалось, что его превосходительство говорилъ правду, что его вліяніе въ другихъ вѣдомствахъ очень слабо, а въ послѣднее время служебный кредитъ скептика-генерала, повидимому, падалъ и въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ столько лѣтъ служилъ, умѣя примѣняться ко всякимъ «вѣяніямъ». По крайней мѣрѣ, объ этомъ ходили въ городѣ слухи, и извѣстнаго сорта газеты стали сильнѣе нападать на нѣкоторыхъ «либеральствующихъ на казенный счетъ чиновниковъ», при чемъ дѣлались прозрачные намеки на какую-то «преступную слабость» Чиркова. Въ послѣдній мѣсяцъ Стрепетовъ все чаще и чаще заставалъ по утрамъ его превосходительство не въ духѣ. Онъ, видимо, былъ чѣмъ-то озабоченъ и раздраженъ, этотъ чиновный скептикъ. Однажды, разсматривая археологическіе рисунки молодого человѣка, Чирковъ съ усмѣшкой сказалъ, что, «вѣроятно, скоро ему самому придется спеціально заниматься одной археологіей... времени будетъ довольно!» И, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ Стрепетова, продолжалъ:

— Новыя пѣсни, новые люди! Вѣроятно, по нынѣшнимъ временамъ, найдутъ, что даже и я «pas trop prononcé» и... на подножный кормъ безъ курульнаго кресла и семи тысячъ.

И, словно забывъ о присутствіи Стрепетова, его превосходительство нѣсколько разъ, какъ бы въ раздумьѣ, повторилъ: «Pas trop prononcé! Pas trop prononcé!»

И на безбородомъ желтомъ лицѣ Чиркова стояла презрительная, грустная и въ то же время пугливая улыбка чиновника-эпикурейца, предчувствующаго возможность остаться безъ хорошаго вознагражденія за всю свою мудрую философію, то-есть безъ «курульнаго кресла» и семи тысячъ.

— Ддда... Не весьма обезпечена и наша карьера, молодой человѣкъ!— неожиданно проговорилъ его превосходительство послѣ минутной паузы.—Мотайте это себѣ на усъ, милѣйшій

мой Павелъ Сергѣевичъ, и не особенно рвитесь въ омутъ!— прибавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

«Кандидатура» въ Земледѣльческомъ банкѣ, на которую Стрепетовъ сперва возлагалъ большія надежды, оставалась въ туманной перспективѣ. Молодой провинціалъ научился понимать, что̀ значитъ быть «кандидатомъ». Три раза навѣдывался онъ въ банкъ справляться насчетъ вакансіи, и «вакансіи» все не было. Первый разъ молодому человѣку посчастливилось встрѣтить въ пріемной самого господина Гринбека. Управляющій, рисовавшій молодому человѣку іерархическое дерево и столь подробно изъяснявшій правила учрежденія, въ первую минуту совсѣмъ не узналъ Стрепетова, и только когда нѣсколько смутившійся молодой человѣкъ напомнилъ, что онъ, по его приказанію, записанъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ, управляющій банкомъ замѣтилъ, что «вакансіи еще нѣтъ—надо подождать».

— Васъ, кажется, рекомендовалъ баронъ Эмилій Антоновичъ Краусъ? — припоминалъ г. Гринбекъ, всматриваясь въ Стрепетова и, очевидно, смѣшивая его съ кѣмъ-то другимъ.

— У меня было письмо отъ самарскаго предводителя дворянства Полуектова.

— Да, да... Я смѣшалъ... Помню, помню... Отличная рекомендація... Ваша фамилія?

— Стрепетовъ, кандидатъ университета.

— Такъ, такъ.

И, окончательно припомнивъ просителя, управляющій спросилъ:

— Адресъ вашъ, господинъ Стрепетовъ, конечно, у насъ записанъ?

— Записанъ.

— Ну, и отлично... Недѣли черезъ двѣ понавѣдайтесь!— прибавилъ управляющій и, любезно пожавъ Стрепетову руку, ушелъ въ свой кабинетъ.

— Развѣ предвидится вакансія? — спросилъ обрадованный Стрепетовъ молодого человѣка для справокъ.

— Кажется! — съ нѣкоторою таинственностью и совсѣмъ понижая голосъ, отвѣчалъ безукоризненно одѣтый господинъ Цыгановъ, замѣтившій, что управляющій подалъ Стрепетову руку, и потому считавшій необходимымъ быть сообщительнымъ и щеголять изысканной любезностью. — Есть, видите ли-съ, предположеніе уволить одного служащаго съ перваго числа... Онъ повздорилъ съ начальникомъ отдѣленія... Нигилистъ какой-то!—замѣтилъ съ брезливой улыбкой этотъ восторженный поклонникъ звучныхъ фамилій и изысканныхъ

манеръ.—Но только я вамъ это по секрету!—конфиденціально прибавилъ Цыгановъ.—Вопросъ объ увольненіи, кажется, еще не вполнѣ созрѣлъ, но надо полагать, что Эрнестъ Богдановичъ имѣетъ васъ въ виду на случай, если это мѣсто освободится.

Стрепетовъ ушелъ обнадеженный, но когда, черезъ двѣ недѣли, онъ пришелъ справиться, чиновникъ для справокъ любезно огорошилъ его извѣстіемъ, что вакансія замѣщена. Мѣсто занялъ одинъ молодой человѣкъ, не записанный кандидатомъ.

— Но какъ же это? Къ чему тогда кандидаты? — воскликнулъ Стрепетовъ.

— Особенный случай. Самъ предсѣдатель правленія, его сіятельство, графъ Алексѣй Алексѣевичъ Дурасовъ просилъ опредѣлить этого молодого человѣка! — объяснилъ господинъ Цыгановъ, произнося титулъ, имя, отчество и фамилію господина предсѣдателя правленія съ особеннымъ чувствомъ и съ какимъ-то сладостнымъ замираніемъ въ голосѣ, при чемъ прилизанное, бѣлобрысое лицо его сіяло почтительнымъ умиленіемъ. — Ну, разумѣется, его и приняли. Развѣ можно было не принять, если самъ графъ рекомендовалъ, посудите сами! Этотъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи и такой, знаете ли, comme il faut. Былъ, говорятъ, очень богатъ, служилъ въ гвардіи, но прокутился, вышелъ въ отставку и принужденъ былъ поступить къ намъ на пятьдесятъ рублей. Каково это? Впрочемъ, вѣроятно, ему скоро дадутъ хорошее мѣсто въ провинціи. Онъ, кажется, родственникъ графу.

Стрепетовъ ушелъ, понуривъ голову. Черезъ мѣсяцъ онъ однако все-таки зашелъ въ банкъ справиться. Оказалось, что новой вакансіи скоро не предвидѣлось, никого увольнять не собирались. «Напрасно онъ безпокоится. Его тотчасъ же извѣстятъ, если будетъ вакансія. Пусть только онъ соблаговолитъ извѣстить въ случаѣ перемѣны адреса!»—любезно прибавилъ господинъ Цыгановъ.

За эти четыре мѣсяца Стрепетовъ, возвращаясь съ занятій у Чиркова, часто-таки надѣвалъ фракъ и посѣтилъ немало разныхъ пріемныхъ казенныхъ и частныхъ учрежденій въ поискахъ за работой, предлагая свои услуги съ застѣнчивымъ простодушіемъ еще не совсѣмъ извѣрившагося просителя. Хотя и безъ рекомендательныхъ писемъ, но онъ храбро произносилъ обычную фразу:

— Кандидатъ университета Стрепетовъ. Желалъ бы имѣть занятія.

Но подъ конецъ эта стереотипная фраза начинала его злить;

онъ впередъ уже зналъ, что услышитъ въ отвѣтъ такую же стереотипную фразу, произнесенную болѣе или менѣе раздраженнымъ тономъ:

— Мѣста нѣтъ!

Гдѣ только ни перебывалъ Стрепетовъ, поставившій себѣ задачу добросовѣстно испытать всѣ мытарства искателя мѣста! Былъ онъ въ двухъ министерствахъ, въ государственномъ банкѣ, въ контролѣ, въ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ правленіяхъ, въ страховыхъ обществахъ, въ частныхъ банкахъ, въ конторахъ нотаріусовъ, и отовсюду уходилъ съ одной и той же фразой, стоявшей въ его ушахъ:

— Мѣста нѣтъ!

Всѣ учрежденія оказывались переполненными. Вездѣ исписывали ворохи бумаги, щелкали на счетахъ, курили, болтали и суетились. Вездѣ, кромѣ штатныхъ, были еще и сверхштатные чиновники и неисчислимое количество записанныхъ и незаписанныхъ въ книги своихъ кандидатовъ, съ болѣе или менѣе блестящими рекомендаціями, ожидающихъ мѣста съ голоднымъ нетерпѣніемъ интеллигентныхъ людей, не приготовленныхъ ни къ какому труду, кромѣ чиновничьяго. Всѣ хотѣли и могли только *служить*, то-есть составлять бумаги или слагать цифры и получать жалованье, чтобы не умереть съ голоду, несмотря на дипломы, полученные послѣ долгихъ лѣтъ ученія.

И Стрепетовъ по временамъ падалъ духомъ и приходилъ въ отчаяніе.

«Вотъ и онъ, кажется, кончилъ университетскій курсъ, знаетъ два языка, молодъ и честенъ, готовъ приложить куда-нибудь свои знанія и силы, но никому они не нужны, и онъ не только не можетъ помочь семьѣ, но лишь благодаря счастливой случайности нашелъ самъ кое-какія временныя занятія». И молодой человѣкъ, раздумывая о своемъ положеніи, не разъ горько жалѣлъ, что не получилъ болѣе прикладного образованія. «По крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба былъ бы обезпеченъ,—думалось ему.—А теперь? На что, въ самомъ дѣлѣ, онъ годенъ, кромѣ службы?»

А мать въ это время надрываетъ свои слабыя силы, бѣгая, на старости лѣтъ, по этимъ проклятымъ урокамъ, и, конечно, не обмолвится о своей тяжелой жизни ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ. Напротивъ! Въ своихъ безконечно нѣжныхъ, добрыхъ и ободряющихъ письмахъ она неизмѣнно проситъ, убѣждаетъ, требуетъ не думать пока о ней, а терпѣливо, не отчаиваясь отъ первыхъ неудачъ, ждать мѣста, такого, разумѣется, мѣста, на которомъ бы Павликъ не на-

силовалъ совѣсти, испытывая мученія душевнаго разлада, и не рисковалъ бы когда-нибудь сдѣлаться такимъ же «несчастнымъ скептикомъ и іезуитомъ», какъ Чирковъ. «Я не приняла бы такой ужасной жертвы, если бы ты, ради заботъ обо мнѣ, рѣшился на что-нибудь подобное. Ужаснѣе душевнаго разлада ничего нѣтъ. Отецъ не зналъ его и до конца дней своихъ остался вѣрующимъ въ добро человѣкомъ. Будь же и ты такимъ, мой мальчикъ!» Мѣсто, разумѣется, будетъ, утѣшала любящая мать. Развѣ возможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такому «трудолюбивому, честному молодому человѣку» не нашлось работы? Недаромъ же всѣ жалуются, что людей нѣтъ. Гдѣ же и искать «людей», какъ не среди свѣжихъ молодыхъ силъ. «Развѣ на всякомъ дѣлѣ не нужны честные и образованные люди?» писала, между прочимъ, старая идеалистка шестидесятыхъ годовъ, убѣжденная, что безъ такихъ людей обойтись нельзя.

«Нужны ли?»—вырывался безотрадный вопросъ въ минуты унынія.

И Стрепетовъ, успѣвшій за эти четыре мѣсяца петербургской жизни потерять не одну иллюзію довѣрчивой молодости, уже не съ прежними розовыми надеждами взиралъ на будущее. Жизнь не такъ легка, какъ казалось. Неприготовленный къ борьбѣ съ жизнью, оберегаемый матерью отъ раннихъ заботъ, безъ терпѣнія и выдержки, онъ принималъ слишкомъ близко къ сердцу остроту первыхъ разочарованій. То, что онъ увидалъ на первыхъ порахъ практической жизни, невольно усиливало горечь сомнѣнія и заставляло серьезно задумываться этого наивнаго степняка, выброшеннаго въ водоворотъ жизни безъ суровой умственной и нравственной закалки. Разладъ между тѣмъ, чему учили его, о чемъ читалъ онъ въ твореніяхъ великихъ людей, и тѣмъ, чему учила его жизнь, производилъ на него ошеломляющее впечатлѣніе. Книги говорили ему о долгѣ, любви къ ближнимъ, самоотверженіи, чести, какъ о лучшихъ качествахъ человѣка, а жизнь какъ будто говорила, что этого-то именно и не надо. И онъ невольно вспоминалъ свои первыя встрѣчи, вспоминалъ совѣты житейской морали чиновнаго скептика и всѣ тѣ печальные факты дѣйствительности, которые пришлось теперь видѣть и о которыхъ такъ часто приходилось слышать, какъ о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ и часто даже никого не возмущающихъ. Все это дѣйствовало на впечатлительный темпераментъ Стрепетова; ядъ скептицизма, хотя едва замѣтно, но начиналъ свою работу, и напрасно умъ старался разрѣшить тѣ проклятые вопросы этики, всегда волнующіе молодость,

которые ставила сама жизнь, полная неразрѣшимыхъ противорѣчій.

Свѣтлая идиллія наивной юношеской вѣры была осквернена.

XVIII.

Только-что вернувшійся въ скверный декабрьскій вечеръ съ дальняго урока, прозябшій и усталый, сидѣлъ Стрепетовъ передъ столомъ въ своей крошечной комнаткѣ, теплой, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, прочитывая во второй разъ полученное сейчасъ письмо, полное нѣжныхъ упрековъ глубоко тронутой матери за присылку сорока рублей, которые Стрепетовъ успѣлъ скопить за все это время и, посылая, писалъ, что деньги эти «совершенно лишнія».

«Не возвращаю назадъ денегъ, чтобы не обидѣть тебя, моего ненагляднаго, добраго голубчика, но если вздумаешь опять послать, пока не устроишься прочно, разсержусь и возвращу... Не отнимай же отъ своихъ крохъ, родной мой, коли любишь свою мамуню... Мы не терпимъ нужды... Уроковъ, слава Богу, довольно, и я чувствую себя отлично».

Но Стрепетовъ, хорошо знавшій самоотверженную натуру матери, не очень-то довѣрялъ этимъ успокоительнымъ строкамъ, точно такъ, какъ и чуткое сердце матери угадывало въ письмахъ сына,—письмахъ, полныхъ бодрой увѣренности въ будущее,—скрываемую нотку унынія. И мать и сынъ деликатно скрывали другъ отъ друга все то, что̀ могло огорчить каждаго, предпочитая втайнѣ мучиться одинъ за другого.

«Уроковъ довольно!»—подумалъ Стрепетовъ.—Но это еще хуже, если мать не успокоиваетъ его. Каково съ ея слабымъ здоровьемъ бѣгать по урокамъ въ эти холодные дни!.. И онъ не можетъ ничѣмъ помочь!

— Когда-жъ это все кончится? — воскликнулъ нашъ молодой человѣкъ, полный злости и отчаянія.

Онъ задумался надъ своимъ положеніемъ. Положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, не изъ блестящихъ, особенно въ виду заботы о матери. На-дняхъ, какъ разъ къ пятнадцатому числу, онъ окончитъ работу у Чиркова. Археологическія описанія переписаны, рисунки сняты, оставалось закончить каталогъ библіотеки. Больше дѣлать рѣшительно нечего. Хотя Чирковъ нѣсколько разъ и удивлялся, что Стрепетовъ торопится съ работой «словно на пожаръ», и на-дняхъ еще выразилъ почему-то желаніе имѣть нѣсколько хорошо переписанныхъ экземпляровъ каталога, но, очевидно, Чирковъ хочетъ протянуть работу, чтобы только чѣмъ-нибудь его занять и платить

ему деньги. Онъ на это не согласится. Не станетъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, эксплоатировать деликатность этого несимпатичнаго генерала. И безъ того онъ временами подозрѣвалъ, что вся эта археологическая переписка была выдумана спеціально для него. Такое участіе со стороны Чиркова и трогало и въ то же время оскорбляло самолюбіе. Рѣшительно онъ откажется отъ переписки каталоговъ. Будетъ съ Чиркова и одного экземпляра!

Съ пятнадцатаго числа, значитъ, останется лишь одинъ урокъ у адвоката, то-есть тридцать рублей въ мѣсяцъ. Изъ этого ничего не отложишь! Едва проживешь самъ, и то сокративъ кое-какія статьи мѣсячнаго бюджета, доходящаго теперь до сорока рублей.

И, составивъ точную роспись ежемѣсячныхъ расходовъ, нашъ молодой человѣкъ тотчасъ же занялся сокращеніемъ своего бюджета съ такимъ же озабоченнымъ и серьезнымъ видомъ, съ какимъ бы сталъ это дѣлать самъ господинъ министръ финансовъ, желающій достичь равновѣсія между приходомъ и расходомъ. Статьи: «покупка книгъ... 3 р.» и «театръ и симфоническіе концерты... 3 р.» были храбро вычеркнуты, въ ожиданіи лучшихъ временъ; другія статьи сокращены. Такъ, въ рубрикѣ: «чай и сахаръ»—цифра 3 передѣлана на 2, а въ рубрикѣ «мелочные расходы» — расходъ въ два рубля сокращенъ до одного. Оставалось сдѣлать сокращеній еще до двухъ рублей: выборъ предстоялъ между «табакомъ» и «библіотекой»—другихъ статей рѣшительно нельзя было тронуть,—и Стрепетовъ рѣшилъ сократить первую статью, оставивъ въ неприкосновенности расходъ въ $1^1/_2$ рубля на духовную пищу. Такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ желаемое равновѣсіе было достигнуто, при чемъ ежедневный обѣдъ у нѣмцевъ, обѣдъ изъ двухъ блюдъ, былъ сохраненъ, равно какъ и довольно значительный расходъ на хлѣбъ, какъ на пищевое дополненіе, весьма нелишнее для молодого желудка, для котораго одинъ лишь обѣдъ не представлялъ достаточной гарантіи противъ ощущеній голода по утрамъ и вечерамъ.

Покончивъ съ бюджетомъ («непремѣнно пошлю его домой, чтобы мама убѣдилась, что я не питаюсь одной колбасой; пусть не отказывается отъ денегъ»), молодой человѣкъ, видимо довольный легкостью, съ какою онъ справился съ сокращеніемъ бюджета, поднялся съ мѣста и заходилъ по своей маленькой комнаткѣ.

Голова была полна одной и той же мыслью:

«Занятія необходимы. Гдѣ бы ихъ найти, въ ожиданіи мѣста? Куда еще отправиться на поиски?»

Онъ вспомнилъ, что давно не справлялся: вернулась ли изъ-за границы «эта баба», какъ неделикатно племянникъ мысленно окрестилъ свою двоюродную тетушку. Вѣрно, она наконецъ пріѣхала!

Онъ рѣшилъ, что надо исполнить совѣтъ матери и сходить къ Варницкой. По крайней мѣрѣ совѣсть будетъ спокойна, и онъ увидитъ эту «знаменитость», о которой столько говорилъ Чирковъ. Но, разумѣется, онъ не послѣдуетъ «гнуснымъ» совѣтамъ Чиркова (и, вспомнивъ эти циническіе совѣты, цѣломудренный молодой человѣкъ даже покраснѣлъ отъ негодованія и плюнулъ) и не станетъ ее ни о чемъ просить... Развѣ сама предложитъ похлопотать за него... И то... Впрочемъ, на это нечего разсчитывать... Вѣдь не станетъ же онъ лицемѣрить, какъ предлагалъ Чирковъ.

— И чортъ съ ней! — не безъ энергіи воскликнулъ Стрепетовъ, проникаясь почему-то къ незнакомой тетушкѣ непріязнью еще большей, чѣмъ прежде, послѣ характеристики Чиркова, и чувствуя въ то же время, несмотря на непріязнь, сильное желаніе увидать эту «хорошенькую ретроградку».

Послѣ четверти часа порывистаго шаганія, напоминавшаго короткіе круги звѣря въ клѣткѣ, и отчаяннаго взбиванія своихъ кудрей, озабоченное лицо Стрепетова вдругъ просвѣтлѣло, какъ у человѣка, голову котораго осѣнили счастливыя идеи.

Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, онъ раньше не догадался? Завтра же онъ во что бы то ни стало отыщетъ Поручнева и попроситъ его достать переводовъ. Онъ знаетъ хорошо два языка и пишетъ, кажется, довольно литературно. Конечно, Поручневъ, узнавши объ его положеніи, не откажется ему помочь, если проба окажется удовлетворительной! Вотъ и заработокъ!

Такъ размышлялъ Стрепетовъ, присаживаясь къ столу, чтобы немедленно осуществить и другую, такую же «счастливую», по его мнѣнію, идею.

И онъ красиво написалъ на четвертушкѣ бумаги крупнѣйшимъ почеркомъ:

КАНДИДАТЪ УНИВЕРСИТЕТА

—и затѣмъ продолжалъ мелкимъ:

Ищетъ уроковъ (знаетъ англ. и фр. языки) и вообще какихъ-нибудь занятій. Вас. Ос., 10 л., 72, кв. 35. П. С.

— Завтра же снесу въ газету; кто-нибудь и клюнетъ! — воскликнулъ Стрепетовъ, любуясь своимъ произведеніемъ и довольный «счастливыми» идеями.

По счастію, безнадежное настроеніе при самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ не бываетъ хроническимъ даже у самыхъ мрачныхъ людей, а въ двадцать два года и менѣе «счастливыя» идеи вселяютъ надежды. Неудивительно, что и Стрепетовъ воспрянулъ духомъ. Радужныя мечтанія окрылили его. Снова бодрый и полный надеждъ, думалъ онъ теперь объ урокахъ, о переводахъ, о мѣстѣ. Работы будетъ много, но онъ ея не испугается. Зато заработокъ будетъ отличный,—мать наконецъ отдохнетъ. И онъ фантазировалъ на эту тему. «Есть же у другихъ занятія,—отчего же и ему ихъ не найти?»—нашептывала ему теперь надежда, свѣжая и юная, какъ и онъ самъ.

Но о чемъ бы въ послѣднее время ни думалъ молодой человѣкъ, мысли его какъ-то невольно переходили въ мечты о Риммѣ Михайловнѣ. Эти мечты, которымъ такъ любятъ отдаваться влюбленные, овладѣли всѣмъ его существомъ, волнуя его, какъ волшебныя сказки ребенка. Безнадежность любви только усиливала прелесть и разнообразіе грезъ и томительную жгучесть неизвѣданныхъ желаній. Кто могъ запретить ему въ мечтахъ дѣлиться съ Риммой Михайловной впечатлѣніями, свершать вдвоемъ, рука объ руку, прогулки, читать вмѣстѣ и наконецъ излить передъ ней свое переполненное сердце? Форма этого изліянія представлялась влюбленному фантазеру въ различныхъ варіантахъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ въ концѣ концовъ *припадетъ* къ ногамъ своей «мадонны» и признается, какъ свято онъ ее боготворитъ, и будетъ молить о прощеніи за то, что онъ, недостойный, осмѣлился полюбить подобное неземное созданіе. И она, тронутая его чистой любовью, протянетъ ему, въ знакъ прощенія, свою маленькую, покрытую родинками ручку, которую онъ покроетъ поцѣлуями и слезами, весь трепещущій отъ такого блаженства, и снова поклянется въ вѣчной любви, моля лишь о позволеніи быть ея другомъ и видѣть ее чаще...

На этомъ однако же грезы не останавливались, и молодой человѣкъ нерѣдко ловилъ себя на святотатственныхъ мечтахъ, въ которыхъ онъ покрывалъ поцѣлуями не однѣ только руки своей «мадонны». Но кто могъ запретить ему всѣ эти безконечныя, полныя чарующей сладости, грезы, подъ поэтическимъ ореоломъ которыхъ онъ самъ, конечно, не подозрѣвалъ требованій давно пробудившейся страсти молодой натуры—страсти, не нашедшей исхода.

И когда эти, волнующія кровь, мечты разсѣивались передъ дѣйствительностью, какъ чудные сны въ моментъ пробужденія, молодой человѣкъ испытывалъ своеобразную прелесть

гордой тоски безнадежно влюбленнаго, не смѣющаго мечтать— не то что о счастіи взаимности, но даже о дружескомъ расположеніи любимаго существа. И тогда онъ не грезилъ, но думалъ о Риммѣ Михайловнѣ. Онъ вспоминалъ послѣднія встрѣчи, ея слова, интонацію голоса, выраженіе лица, взглядъ, улыбку, жестъ, тщетно стараясь уловить въ нихъ хоть малѣйшіе признаки расположенія, и, какъ всякій впервые влюбленный,—находилъ, разумѣется, лишь полное равнодушіе и даже непріязнь и пренебреженіе.

И эта сдержанность съ нимъ, увеличившаяся, казалось ему, въ послѣднее время, сдержанность, полная серьезной холодности, не допускавшей никакой короткости, и эти рѣдкія, ничего не значащія фразы, и эти короткіе, почти сухіе отвѣты на вопросы объ ея здоровьѣ, которые онъ предлагалъ, стараясь скрыть невольную дрожь голоса при видѣ истомленнаго, блѣднаго лица своей «мадонны», и эти минутные выходы изъ своей комнаты въ гостиную, когда Стрепетовъ забѣгалъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, не въ день журфиксовъ, ободренный приглашеніемъ Вѣры Александровны заходить къ нимъ, когда вздумается, — всѣ эти признаки подтверждали, казалось, справедливость его заключеній о томъ, что Римма Михайловна никогда не снизойдетъ даже до обыкновеннаго расположенія къ нему. Она, правда, всегда встрѣчала его любезно, спрашивала иногда, какъ идутъ его дѣла въ Петербургѣ, и не разъ освѣдомлялась о здоровьѣ матери и сестеръ,—но развѣ все это что-нибудь доказываетъ, кромѣ простого участія такого безконечно-добраго созданія, какъ Римма Михайловна, къ одинокому бѣднягѣ? «Одно сожалѣніе, вотъ и все!»—уныло повторялъ Стрепетовъ. Ему бы слѣдовало перестать ходить туда, но, Господи!—развѣ онъ въ силахъ рѣшиться на такой подвигъ?

И наконецъ, вѣдь онъ ходитъ по приглашенію Вѣнецкой!— успокаивалъ себя молодой человѣкъ. Съ ней онъ гораздо чаще бесѣдуетъ, чѣмъ съ суровой дѣвушкой, и вообще чувствуетъ себя съ докторшей куда свободнѣе. Съ ней онъ не стѣсняется болтать, шутить, спорить, тогда какъ съ Риммой Михайловной онъ, къ удивленію, не находитъ словъ и иногда молчитъ, какъ какой-нибудь глупецъ!.. Но зато и Вѣнецкая съ нимъ такая ласковая, милая, привѣтливая, хоть иногда и подсмѣивается, называя его «юношей изъ Аркадіи». Послѣднее воскресенье она была, эта насмѣшливая докторша, особенно любезна: почти цѣлый вечеръ она проболтала съ нимъ, не обращая вниманія на другихъ обычныхъ гостей: Черника и Петрова, шутила, острила, допрашивала, не влю-

бился ли онъ въ кого-нибудь въ Петербургѣ, предлагала, смѣясь, быть его «повѣренной по сердечнымъ дѣламъ» и совсѣмъ сконфузила его, прибавивъ не безъ лукавства, что иногда въ повѣренныхъ влюбляются. А при прощаніи просила непремѣнно зайти къ ней на недѣлѣ и прочитать ей «Моцартъ и Сальери», и такъ ласково прищурила свои глаза, пожимая руку!

Онъ, конечно, пойдетъ, но не для докторши — она хоть и нравится ему, эта симпатичная докторша, но развѣ можно ее даже сравнивать съ Риммой Михайловной!—а чтобы хоть на минутку увидѣть Римму. Быть-можетъ, она вдругъ выйдетъ послушать чтеніе!

— Пойду завтра же вечеромъ! Завтра... завтра!

А то вѣдь эти, почти ежедневныя, тайныя встрѣчи — совсѣмъ не то! Онъ видитъ лишь украдкой, подстерегая, какъ воръ, Римму Михайловну въ обычный часъ ея ежедневной прогулки.

Теперь ужъ онъ зналъ, точно зналъ, въ какое время она гуляетъ, и послѣ окончанія занятій у Чиркова, никогда не оставаясь у него завтракать, спѣшилъ съ Васильевскаго острова въ Кирочную, ухитряясь проходить это разстояніе чуть не въ двадцать минутъ, и сторожилъ на противоположной сторонѣ улицы Римму Михайловну. Онъ весь замиралъ отъ восторга при появленіи маленькой знакомой фигурки въ черномъ и тотчасъ же исчезалъ, чтобы Римма Михайловна его не замѣтила. Подойти къ ней и объяснить какъ-нибудь случайность встрѣчи у него, конечно, не хватало смѣлости, хоть онъ не разъ и покушался на это.

Разумѣется, онъ былъ увѣренъ, что «мадонна» ни разу его не замѣтила, а между тѣмъ «мадонна» видѣла эти внезапныя появленія молодого человѣка и... и сперва пожимала плечами, испытывая смѣшанное чувство досады и пріятнаго недоумѣнія, а потомъ такъ привыкла, выходя изъ воротъ дома, знать, что Стрепетовъ сторожитъ ее, что невольно удивлялась, когда, незамѣтно бросая взглядъ на противоположную сторону, не видала торопливо удалявшейся статной фигуры молодого человѣка. Конечно, она ни разу не обмолвилась, что знаетъ эти ребяческія продѣлки, увѣренная, что «сумасшедшая блажь» скоро кончится.

«Пора однако заниматься!»

И, вооружившись карандашомъ и тетрадкой для выписокъ и замѣтокъ, Стрепетовъ съ рѣшительнымъ видомъ раскрылъ «Соціологію» Спенсера, которую онъ уже давно что-то шту-

дировалъ. Но чтеніе не подвигалось; мысль отказывалась сосредоточиваться на холодно-спокойныхъ параграфахъ о формахъ брака у первобытныхъ людей и, то и дѣло свершая экскурсіи въ Кирочную, переходила въ чудныя грезы о Риммѣ. «Навѣрное, въ древнія времена ее бы причислили къ богинямъ!»—рѣшилъ категорически Стрепетовъ, снова принимаясь за чтеніе. Однако послѣ четырехъ-пяти прочитанныхъ, но едва ли хорошо понятыхъ страницъ книга была отодвинута. Мысль о «богинѣ» возбудила въ молодомъ человѣкѣ приливъ того вдохновенія, нисходящаго, какъ извѣстно, на влюбленныхъ, внезапно чувствующихъ себя поэтами, которое такъ часто смущаетъ несчастныхъ господъ редакторовъ, обязанныхъ прочитывать цѣлые ворохи лирическихъ изліяній подобныхъ случайныхъ поэтовъ, обыкновенно сопровождающихъ плоды своего вдохновенія, переполненные чувствомъ, но часто грѣшащіе размѣромъ, почтительно-робкими письмами съ неизмѣнными просьбами о скорѣйшемъ напечатаніи, «по возможности въ ближайшемъ нумерѣ».

Нашъ поэтъ, разумѣется, немедленно воспользовался и теперь поэтической мыслью. Выведя на листѣ бумаги крупными буквами: «Богиня», онъ весь отдался ей. Стихъ лился за стихомъ горячо и стремительно; лишь по временамъ бывали паузы, когда какая-нибудь риѳма упрямо не ложилась подъ перо.

Уже въ пятидесяти стихахъ «богиня» была разрисована такой необыкновенной чарующей красавицей, какою даже богиня можетъ быть лишь въ черезчуръ пылкой фантазіи двадцатидвухлѣтняго влюбленнаго поэта, — вдобавокъ, одѣтая, какъ небожительница, въ какія-то прозрачныя «эѳирныя» ткани, совсѣмъ неизвѣстныя на землѣ,—какъ въ двери раздался стукъ именно въ тотъ моментъ, когда возбужденный поэтъ, покончивъ съ описаніемъ наружной красоты богини, приступилъ-было къ восхваленію ея нравственныхъ совершенствъ.

«И что нужно этой нѣмкѣ!»—съ неудовольствіемъ подумалъ поэтъ, вполнѣ увѣренный, что стучится хозяйка.

— Войдите!—проговорилъ онъ.

Но, къ изумленію молодого человѣка, вмѣсто добродушнаго лица Амаліи Карловны, съ сѣдыми букольками, онъ увидалъ совершенно неожиданнаго гостя—доктора Черника.

— Простите, надѣюсь, мой непрошенный визитъ, дорогой Павелъ Сергѣевичъ?—привѣтливо заговорилъ Черникъ, пожимая руку Стрепетова. — А вы, какъ схимникъ, за работой сидите въ своей уютной келійкѣ? — прибавилъ онъ, кидая

быстрый взглядъ на столъ, на которомъ лежалъ исписанный листъ стиховъ съ крупнымъ, бросающимся въ глаза, заголовкомъ: «Богиня» и на лежавшее тутъ же, рядомъ съ раскрытой «Соціологіей», объявленіе, въ которомъ слово «Кандидатъ» издали поражало своей величиной и каллиграфическимъ изяществомъ.

— Да... такъ... писалъ замѣтки во время чтенія! — смущенно, точно пойманный на мѣстѣ преступленія, проговорилъ молодой человѣкъ, торопливо переворачивая свою «Богиню» и еще болѣе смущаясь. — Вотъ сюда, на кресло, Андрей Ивановичъ. Вамъ будетъ удобнѣе,—радушно предлагалъ хозяинъ.

«Эге! И ты, братъ, въ остромъ стихотворномъ періодѣ! Приливъ крови къ большому мозгу!»—усмѣхнулся про себя Черникъ и, какъ будто не замѣчая смущенія Стрепетова, проговорилъ, присаживаясь на дальній стулъ:

— Мнѣ и на стулѣ удобно. Отлично, право. Пожалуйста, не безпокойтесь, Павелъ Сергѣевичъ. Это вы хорошо дѣлаете, что замѣточки составляете при чтеніи. Я тоже такъ читаю. Да-съ. Чтеніе какъ-то лучше усвоивается. А я вѣдь къ вамъ въ качествѣ вѣстника прибылъ!—весело прибавилъ докторъ, ласково посматривая своими маленькими глазками на Стрепетова.

— Отъ кого? — воскликнулъ изумленно молодой человѣкъ.

— Отъ Риммы Михайловны.

При этомъ имени Стрепетовъ вспыхнулъ.

— Отъ Риммы Михайловны?—переспросилъ онъ, стараясь подавить свое волненіе. — Вотъ удивили, Андрей Ивановичъ! Какое же это порученіе?—проговорилъ молодой человѣкъ съ напускнымъ равнодушіемъ и нарочно растягивая слова.

«И задерживающіе центры плохо работаютъ. Совсѣмъ влопался этотъ аркадскій пастушокъ. Экій счастливецъ! Такъ и пышетъ весь жизнью и молодостью!»—подумалъ докторъ, не безъ зависти взглядывая на свѣжія, румяныя щеки «аркадскаго пастушка», и сказалъ:

— Римма Михайловна поручила передать, что вамъ предлагаютъ урокъ. Она только-что узнала объ этомъ и хотѣла немедленно написать вамъ, а я былъ въ это время у нихъ и взялся лично извѣстить васъ. Мнѣ надо было сюда, на островъ, къ больному; думаю: все же сообщу пріятную вѣсть и кстати навѣщу васъ. Вотъ вамъ и адресъ. Наша аккуратнѣйшая Римма Михайловна все тутъ прописала.

Съ этими словами Черникъ передалъ Стрепетову листокъ бумаги съ адресомъ.

Молодой человѣкъ сталъ-было благодарить Черника, но тотъ добродушно остановилъ его:

— Меня-то за что? Вы барышню благодарите. Это вѣдь она хлопотала, и какъ еще хлопотала! Всѣхъ знакомыхъ своихъ на ноги поставила наша молчальница Римма Михайловна. И меня въ томъ числѣ, но, къ сожалѣнію, никому изъ моихъ паціентовъ учителя не требуется.

— Я ужъ и не знаю, какъ благодарить Римму Михайловну!—порывисто воскликнулъ взволнованный молодой человѣкъ.—Она такъ безконечно добра... такъ добра!

Профессоръ слушалъ Стрепетова, и добрая, веселая улыбка играла въ его маленькихъ насмѣшливыхъ глазахъ. Этотъ «аркадскій пастушокъ» положительно ему нравился, несмотря на то, что Вѣра Александровна звала его читать «Моцартъ и Сальери»!

«Какъ еще трогаетъ его всякое одолженіе! Экая Аркадія!»

— Вы только, милый человѣкъ, послушайтесь моего совѣта: не очень-то благодарите Римму Михайловну! — замѣтилъ, усмѣхнувшись, Черникъ.

— Почему?

— Наша барышня этого не одобритъ, и вы ее совсѣмъ сконфузите. Развѣ вы не замѣтили, батюшка, что скромность—одна изъ многочисленныхъ ея добродѣтелей?.. Да вотъ еще что: не выдайте меня, Павелъ Сергѣевичъ, не проговоритесь, что слышали объ ея хлопотахъ, а то и мнѣ достанется!—шутя прибавилъ Черникъ.

— Это положительно какая-то святая дѣвушка!—съ горячностью разразился Стрепетовъ, чувствуя неодолимую потребность изліянія.

— Экій вы скорый какой, Павелъ Сергѣевичъ! Точно папа римскій производите въ святые! — разсмѣялся докторъ. — Впрочемъ, спорить не стану, хотя и не признаю святыхъ въ сей грѣшной юдоли. А что она человѣкъ хорошій — это не подлежитъ спору. Къ тому же и собой недурна, не правда ли, милый человѣкъ?—неожиданно прибавилъ Черникъ, взглядывая на Стрепетова съ самымъ невиннымъ видомъ.

На этотъ разъ Стрепетовъ покраснѣлъ не столько отъ смущенія, сколько отъ обиды за несправедливую, по его мнѣнію, оцѣнку красоты своей «мадонны».

— Недурна?—повторилъ онъ вызывающимъ тономъ.—А по моему мнѣнію, Римма Михайловна красавица! Она представляетъ собою типъ высшей красоты. Въ лицѣ ея есть что-то особенное, одухотворенное. Ея глаза...

И вдругъ, спохватившись, какъ бы Черникъ не догадался

объ его тайнѣ, молодой человѣкъ пустился на хитрости, прибавивъ уже безъ прежняго задора:

— А впрочемъ, о красотѣ вѣдь не спорятъ. У каждаго свои понятія на этотъ счетъ. Къ тому же я высказалъ свое мнѣніе совершенно объективно. Мнѣ собственно никакого нѣтъ дѣла до красоты Риммы Михайловны.

— Ну, разумѣется, объективно,—самымъ серьезнымъ тономъ замѣтилъ Черникъ съ едва замѣтной лукавой усмѣшкой.—А Вѣра Александровна какъ по-вашему, съ объективной точки зрѣнія, хороша собой или нѣтъ?

— Вѣра Александровна недурна, но мнѣ она не нравится. Въ ея лицѣ нѣтъ... нѣтъ...

— Чего нѣтъ?

— Той красивой строгости, того вдумчиваго выраженія, которое есть у Риммы Михайловны. И черты лица не такія изящныя, и глаза... не тѣ, ну, однимъ словомъ, какъ бы выразиться, это совсѣмъ другая красота... Болѣе... земная!

— А мнѣ она, напротивъ, болѣе нравится, съ объективной, конечно, точки зрѣнія. Видите ли, какой я вандалъ, Павелъ Сергѣевичъ!—расхохотался докторъ.

Онъ закурилъ сигару и спросилъ:

— Ну, а ваши дѣлишки какъ идутъ? Мѣсто все еще въ туманѣ? Петербургъ, чай, не оправдалъ вашихъ розовыхъ надеждъ?

О, ужъ онъ теперь не такой «пижонъ», какимъ пріѣхалъ. Онъ видитъ, какъ трудно добиться мѣста и занятій. И людей научился понимать. Но онъ все-таки не теряетъ надежды устроиться и жить себѣ потихоньку, не рискуя сдѣлаться такимъ, какъ, напримѣръ, Чирковъ или подобные ему. А ихъ здѣсь много.

— И похуже немало!—вставилъ докторъ.

— Теперь вотъ ужъ у меня съ новымъ урокомъ два будетъ, — весело продолжалъ молодой человѣкъ: — а завтра я еще схожу къ одному литератору, попрошу переводной работы да объявленіе снесу въ газету.

— Вотъ этого «кандидата»?—улыбнулся Черникъ, махнувъ головой на объявленіе.

— Да, а что̀?

— Ничего, ничего, несите. Я и самъ, во времена голоднаго студенчества, печатался: «за столъ и квартиру». Иногда и выгорало. Только знаете ли что̀?—не слишкомъ вѣрьте ни въ переводы ни въ объявленія. Я, милый человѣкъ, все это прошелъ... А тогда, замѣтьте, не было столько голодныхъ интеллигентныхъ ртовъ, да и времена были другія... менѣе

суровыя, чѣмъ теперь, и то, я вамъ скажу, трудно было пробиваться. Да вы къ чему это хотите набирать столько работы? Копить деньги, что ли, собираетесь?—пошутилъ докторъ.

— Да я развѣ для себя?—воскликнулъ обиженно Стрепетовъ.—Мнѣ самому и тридцати рублей довольно. Вѣдь я не одинъ!

И молодой человѣкъ разсказалъ профессору, какая у него славная мать, и какъ ей трудно бѣгать по урокамъ... Надо наконецъ ей хоть на старости лѣтъ успокоиться.

— Кто же долженъ позаботиться о ней и о сестрахъ, какъ не я!—прибавилъ онъ въ заключеніе.—Да я бы забралъ работы хоть на четырнадцать часовъ въ сутки! Только бы дали работу!

Черникъ слушалъ эти наивно-восторженныя хвалы матери, эти сыновнія заботы, ради которыхъ молодой человѣкъ готовъ отказаться отъ радостей жизни, столь привлекательныхъ въ его годы, оглядѣлъ его скромную келійку и почувствовалъ еще бо̀льшую симпатію къ этому «аркадскому пастушку», не потерявшему еще свѣжести сердца и способности жить для другихъ.

— Ну, однако пора домой и мнѣ за работу, да и вамъ продолжать чтеніе и... замѣточки,—проговорилъ съ улыбкой Черникъ. — Очень радъ, что побывалъ въ вашей уютной келійкѣ, дорогой Павелъ Сергѣевичъ: отъ васъ, знаете ли, свѣжестью вѣетъ... право... Нынче и юноши уже тронуты, а нашъ братъ, старики, и совсѣмъ порченые. Загляните когда-нибудь и ко мнѣ... послѣ десяти часовъ вечера почти всегда дома. Побесѣдуемъ.

Онъ крѣпко пожалъ ему руку и у самыхъ дверей сказалъ, нѣсколько смущенный:

— Да вотъ еще что̀. Не обидьтесь: я по-пріятельски... я самъ, батюшка, содержалъ свою старуху-мать... Не нужно ли вамъ сейчасъ капиталовъ?.. У меня есть,—я вѣдь паціентовъ граблю; разбогатѣете—отдадите.

Стрепетовъ наотрѣзъ отказался. Ему не нужно.

— Ну, какъ знаете; но помните, что я всегда къ вашимъ услугамъ!

Стрепетовъ горячо благодарилъ.

«Видно, маменькинъ сынокъ, а все-таки недурной парень!»—промолвилъ Черникъ, спускаясь по лѣстницѣ.

«Только навѣрное онъ скоро испакостится въ этомъ омутѣ, въ погонѣ за рублемъ!»—скептически подумалъ докторъ уже въ саняхъ и совершенно неожиданно сказалъ про себя:

— И дура же будетъ «богиня», если не женитъ этого здороваго молодца на себѣ!

XIX.

Когда на слѣдующее утро Стрепетовъ пришелъ на занятія къ Чиркову, его превосходительства уже не было дома.

Николай Петровичъ только-что уѣхалъ.—Курьеръ пріѣзжалъ, начальникъ потребовалъ!—сообщила съ видомъ озабоченности на лицѣ щеголеватая и свѣжая, по обыкновенію, Аксюша, впуская Стрепетова.

— Такъ я уйду.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите. Николай Петровичъ безпремѣнно просили, чтобы вы занимались въ кабинетѣ безъ нихъ.

Молодой человѣкъ прошелъ въ кабинетъ доканчивать составленіе каталога; оставалось переписать книги на верхнихъ полкахъ.

Стоя на маленькой лѣсенкѣ, онъ тщательно списывалъ названія книгъ. Книги большею частью были иностранныя: по этнографіи, антропологіи, археологіи и исторіи искусствъ, съ замѣчательными рисунками, въ дорогихъ, роскошныхъ переплетахъ. Видно было, что хозяинъ не жалѣлъ денегъ на свою библіотеку,

— Павелъ Сергѣевичъ! — окликнула снизу вошедшая Аксюша.

— Что?—отозвался Стрепетовъ, не отрываясь отъ работы.

— А вѣдь похоже на то, что Николая Петровича неспроста потребовали.

— Почему вы думаете?—спросилъ Стрепетовъ, заинтересованный этимъ вступленіемъ.

— Да по всему замѣтно. Въ послѣднее время онъ все не въ расположеніи и сегодня уѣхалъ довольно-таки разстроенный, не допивши «кофію». Курьеръ, что за бариномъ пріѣзжалъ, «предвусмысленно» намекнулъ, будто слышно, что Николай Петровичъ съ своего мѣста уходитъ. «Начальникъ, говоритъ, недоволенъ, что вашъ генералъ очень даже слабы и снисходительны, а по нынѣшнимъ временамъ этого, говоритъ, никакъ допустить невозможно!..» Баринъ ничего объ этомъ вамъ не говорилъ? Будьте добреньки, скажите! — прибавила Аксюша, видимо мучимая любопытствомъ.

— Ничего положительнаго.

Аксюша постояла съ минуту и ушла.

Черезъ нѣсколько времени Аксюша пришла сметать пыль и снова заговорила:

— Придется тогда и мнѣ отсюда уходить.

— Зачѣмъ же вамъ уходить?

— Баринъ навѣрно уѣдетъ.

— Куда?

— А за границу. Всѣ генералы, которые поважнѣе, ежели оставляютъ по непріятностямъ мѣста, всегда, говорятъ, ѣдутъ за границу. Ужъ такая мода-съ!—не безъ апломба прибавила горничная.

— Что-жъ, вы тогда другое мѣсто найдете.

— Покорно благодарю-съ. Я больше на мѣсто не пойду!—съ достоинствомъ возразила Аксюша. — Довольно въ людяхъ нутаться. Я либо бѣлошвейную заведу, либо меблированную квартиру сниму и буду пускать жильцовъ. По крайности сама себѣ госпожа!

Стрепетовъ молча продолжалъ работу. Аксюша принялась сметать пыль пуховкой. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— А, признаться, я и рада буду уйти и развязаться съ Николаемъ Петровичемъ!—снова начала она.—Надоѣло! Другія изъ нашей сестры завидуютъ, говорятъ: экономка, — катаешься, какъ сыръ въ маслѣ, работы немного, руки бѣлыя, чего лучше?—а того не знаютъ, что я точно заключенная въ темницѣ. Сиди дома, какъ кикимора какая.

— Да развѣ вы не ходите со двора?

— Пойдешь у него! Чтобы ни гостей ни со двора! Онъ вѣдь у насъ какъ паша турецкій!—засмѣялась Аксюша.—Въ баню и то подъ конвоемъ будто... Съ кухаркой иди...

— Зачѣмъ же вы здѣсь живете?

— Зачѣмъ живу? А изъ интереса живу. Онъ хоть и не очень-то щедръ, а все-таки жалованье платитъ довольно даже хорошее, ну, и подарки даритъ, и пища отличная, и къ черной работѣ не допускаетъ. Убери комнаты да подай на столъ—вотъ и все...

И не безъ ядовитости прибавила:

— У Николая Петровича ужъ такое положенье: чтобы горничная была обязательно молодая и бельфамистая, всегда хорошо одѣта, и чтобы себя соблюдала въ полной чистотѣ! Онъ на этотъ счетъ строгъ! Такъ и при наймѣ выговариваетъ. Боже сохрани, если неопрятна, или руки не совсѣмъ чистыя, или ежели замѣтитъ гостей—сейчасъ прогонитъ!

— Прогонитъ!—удивился Стрепетовъ.

— Очень просто! Безъ всякаго разговора!.. Точно нашей сестры мало... Я вотъ еще третій годъ живу, а то до меня у него горничная тоже въ родѣ будто экономки всего годъ прожила, а была какая видная дѣвушка! Да развѣ онъ доро-

житъ нашей сестрой? Ждите! Другой мужчина хоть привыкаетъ по крайности къ человѣку, а этому только бы подешевле, а что Марья или Дарья—ему все равно, точно псу, прости Господи! Лишь бы смазливая да чистая была. Небось, не того бы ему стоила настоящая!—неожиданно прибавила, съ закипавшею злостью, Аксюша.

Не безъ изумленія и брезгливости слушалъ Стрепетовъ эти неожиданныя признанія и невольно припомнилъ разсказы Галанина объ «экономическихъ» авантюрахъ господина Чиркова, оканчивающихся нерѣдко воспитательнымъ домомъ.

Между тѣмъ Аксюша, въ порывѣ откровенности, повидимому, рада была воспользоваться отсутствіемъ своего «паши турецкаго», чтобы излить передъ постороннимъ человѣкомъ свою давно сдерживаемую злобу фаворитки, считающей себя недостаточно вознагражденной за службу. Ей вѣдь не съ кѣмъ поговорить по душѣ! Съ кухаркой она, какъ водится, на ножахъ. Та не можетъ простить ей привилегированнаго ея положенія, а съ мужикомъ-кучеромъ развѣ она станетъ разговаривать!..

Раздавшійся глухой электрическій звонокъ помѣшалъ ея дальнѣйшимъ игриво-откровеннымъ жалобамъ.

— Баринъ!—съ досадой воскликнула Аксюша.

И торопливо вышла, оправляя на ходу свой безукоризненно-бѣлый чепчикъ, придававшій пикантность ея свѣжему, хорошенькому лицу, и повиливая турнюромъ ловко сидящаго на ней шерстяного платья, прикрытаго спереди яркимъ, подхваченнымъ съ краевъ, передникомъ.

Черезъ минуту-другую въ сосѣдней комнатѣ послышались неспѣшные, мягкіе шаги, и въ кабинетъ вошелъ его превосходительство, внося съ собой тонкую ароматическую струйку духовъ.

Чирковъ глядѣлъ совсѣмъ молодцомъ въ своемъ новомъ мундирномъ фракѣ съ двумя звѣздами на груди и большимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, подпиравшейся бѣлоснѣжными стоячими воротничками рубашки. Лицо его, тщательно выбритое, свѣжее и выхоленное, хотя и не носило слѣдовъ тревоги, но казалось нѣсколько возбужденнымъ; въ выраженіи его не было обычнаго безстрастнаго, увѣреннаго спокойствія; маленькіе каріе глаза блестѣли рѣзче, и саркастическая усмѣшка кривила тонкія безусыя губы его превосходительства.

Чуть-чуть переваливаясь своимъ плотнымъ корпусомъ съ небольшимъ брюшкомъ, онъ прошелъ до середины кабинета, пріостановился и, поднявъ кверху коротко остриженную, круглую черноволосую голову, окликнулъ Стрепетова и, при-

вѣтствуя его любезно-фамильярнымъ жестомъ руки, проговорилъ:

— По обыкновенію, неутомимы, Павелъ Сергѣевичъ?

И, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— И я вотъ, какъ видите, съ утра нарядился и ѣздилъ къ начальству. Пойду снимать свой хомутъ. Больше его ужъ не придется носить. Finita la comedia!—прибавилъ Чирковъ шутливымъ тономъ, проходя въ спальню.

Но голосъ его—показалось Стрепетову—чуть-чуть дрогнулъ.

Несмотря на неоднократныя пессимистическія предупрежденія самого же Чиркова о превратности служебнаго положенія, наивный провинціалъ былъ нѣсколько изумленъ. Изъ словъ Чиркова онъ заключилъ, что тотъ оставилъ службу, и его главнымъ образомъ изумила легкость, съ какою, казалось, была вдругъ прекращена блестящая карьера этого важнаго чиновника.

«Въ пятьдесятъ лѣтъ тайный совѣтникъ, видное мѣсто, двѣ звѣзды, долгая служба и... вдругъ...»

Стрепетовъ не могъ уяснить себѣ этого вполнѣ, хоть и вспомнилъ слова Чиркова, что его считаютъ «pas trop prononcé», и пребывалъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи, не разрѣшивши и другого логическаго вопроса: что̀ же тогда значитъ быть «trop prononcé»?

Черезъ четверть часа его превосходительство вернулся въ кабинетъ, одѣтый въ свой кургузый вестонъ, и присѣлъ къ письменному столу.

Стрепетовъ по временамъ отрывался отъ работы, взглядывая на уволеннаго генерала съ любопытствомъ наблюдателя, впервые увидавшаго крайне интересное явленіе, и разсчитывая на лицѣ Чиркова прочесть—насколько его превосходительство огорченъ и взволнованъ. Но, къ удивленію своему, молодой человѣкъ не замѣтилъ ничего особеннаго. Повидимому, его превосходительство, подготовленный раньше, пережилъ первыя острыя минуты и теперь съ обычнымъ спокойствіемъ просматривалъ кипу газетъ, а потомъ принялся за бумаги. За ними онъ просидѣлъ болѣе часу и въ это утро не садился, противъ обыкновенія, за фортепіано, чтобы сыграть двѣ-три сонаты Бетховена.

Стрепетовъ рѣшилъ, что Чирковъ, вѣрно, не уволенъ въ отставку, а получилъ «курульное» кресло и семь тысячъ. Отъ этого онъ такъ и спокоенъ.

На большихъ часахъ въ столовой пробило двѣнадцать. Нашъ молодой человѣкъ спустился съ лѣстницы и подошелъ къ Чиркову откланяться.

— Подождите-ка, Павелъ Сергѣевичъ!—любезно остановилъ его Чирковъ.—Или торопитесь?

— Нѣтъ, у меня сегодня время есть!—промолвилъ Стрепетовъ.

— Очень радъ. А то вы всегда убѣгаете и такъ торопитесь, точно боитесь опоздать на свиданіе!—пошутилъ Чирковъ.

— Я хожу на урокъ!—солгалъ Стрепетовъ и покраснѣлъ.

— А мнѣ помнится, вы говорили, что у васъ урокъ по вечерамъ. Это, вѣрно, другой урокъ?

— Другой.

— Сегодня, значитъ, урока нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И отлично. Присаживайтесь-ка да побесѣдуемъ, милый Павелъ Сергѣевичъ! Папиросы возлѣ васъ. Скоро вѣдь ужъ не придется мнѣ съ вами бесѣдовать!—прибавилъ Чирковъ, взглядывая на молодого человѣка съ какою-то особенной ласковостью.—Я уѣзжаю.

— За границу?—спросилъ Стрепетовъ, невольно вспомнивъ слова Аксюши.

— А то куда же? Милое отечество и безъ того надоѣло; радъ буду отдохнуть и отъ него и отъ службы.

«Ишь какъ онъ отзывается о миломъ отечествѣ!»—подумалъ Стрепетовъ.

А его превосходительство между тѣмъ продолжалъ:

— Сперва поѣду въ Италію, проведу въ Неаполѣ или въ Сорренто зиму, отдохну отъ трудовъ своихъ, не всегда праведныхъ,—вставилъ съ усмѣшкой Чирковъ: — а затѣмъ къ веснѣ въ Парижъ... устрою тамъ себѣ скромный pied-à-terre и... и погружусь въ свои археологическія работы. На четыре тысячи пенсіи, которыя мнѣ обѣщаютъ дать, не въ примѣръ прочимъ, за мое долголѣтнее умѣнье исполнять всякія глупости, облекая ихъ въ литературную форму, прожить въ Парижѣ можно. Конечно, съ двѣнадцати тысячъ перейти на четыре не очень-то пріятно,—вѣрнѣе: совсѣмъ непріятно,—но зато, по крайней мѣрѣ, я теперь не буду исполнять чужихъ фантазій, а только... свои собственныя! И то утѣшительно!—прибавилъ съ иронической улыбкой Чирковъ и сталъ закуривать сигару.

— Вы, значитъ, совсѣмъ оставляете службу, Николай Петровичъ?

— Правильнѣе: она меня оставляетъ. На-дняхъ прочитаете въ газетахъ о моемъ увольненіи по болѣзни.

— Вы больны?

— О, святая наивность!—воскликнулъ Чирковъ и разсмѣ-

ялся.—Напротивъ, я чувствую себя какъ нельзя лучше, милѣйшій мой Павелъ Сергѣевичъ, но начальство съ такой настойчивостью спросило меня сегодня: не разстроилъ ли я свое здоровье усиленными трудами?—что я, само собой разумѣется, долженъ былъ согласиться, и за то получу, не въ примѣръ прочимъ, четыре тысячи пенсіи. Вотъ что̀ называется на нашемъ «арго» быть уволеннымъ по болѣзни. А если бы я вздумалъ обидѣться и не согласился бы съ діагнозомъ такого опытнаго врача, какъ начальство, то вмѣсто четырехъ получилъ бы, на общихъ основаніяхъ, тысячи полторы и былъ бы все-таки уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ. Насъ вѣдь не увольняютъ безъ какихъ-нибудь «обстоятельствъ»! Апарансы должны же быть соблюдены.

Его превосходительство примолкъ и курилъ душистую сигару. Злая, презрительная улыбка стояла теперь въ его маленькихъ карихъ глазахъ и чуть-чуть подергивала углы рта.

Вѣроятно, Чирковъ вспомнилъ въ эту минуту свой непріятный утренній визитъ къ этому высокому, худому старику, сдержанному и молчаливому, извѣстному по своей репутаціи человѣка твердой воли и непреклоннаго характера. Съ первой же минуты, какъ только Чирковъ, почтительно склонивъ голову, вошелъ въ этотъ внушительный громадный кабинетъ, увидалъ это красивое, необыкновенно серьезное лицо и услыхалъ нѣсколько нетерпѣливый вопросъ о движеніи одного неважнаго дѣла—онъ понялъ, что его позвали не изъ-за этой пустой справки. Онъ поспѣшилъ дать требуемую справку съ той нѣсколько аффектированной дѣловитостью и съ той ясностью, которыя недаромъ стяжали Чиркову репутацію необыкновенно способнаго и исполнительнаго чиновника, и въ то же время думалъ: сдѣлаютъ ли его сенаторомъ или не сдѣлаютъ? Онъ зналъ, что старикъ, недавно занявшій свой постъ, любитъ «своихъ людей». и чувствовалъ, что ему не довѣряютъ. Но столь быстрой развязки онъ не ожидалъ.

«Сенаторъ—или отставка?»—проносилось у него въ головѣ, когда старикъ, выслушавъ молча докладъ, чуть-чуть наклонилъ сѣдую голову, какъ бы выражая этимъ свое удовлетвореніе справкой, и, любезно указавъ своей сухой, длинной и костлявой рукой на китайскій ящикъ съ папиросами, нѣсколько мгновеній молчалъ, повертывая въ рукахъ длинный карандашъ, и, казалось, пребывалъ въ нѣкоторой нерѣшимости человѣка, которому предстоитъ не особенно пріятное и щекотливое объясненіе.

— Я хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить вашему превосходительству...—началъ старикъ сухимъ тономъ, попрежнему

глядя въ лежавшія передъ нимъ бумаги и медленно переворачивая карандашъ.

«Отставка!»—рѣшилъ въ ту же минуту Чирковъ, и лицо его приняло еще болѣе безстрастное, офиціальное выраженіе, хотя въ глазахъ его на мгновеніе и сверкнулъ огонекъ, и душа его была полна презрительно-злобнаго чувства противъ этого властнаго старика.

А онъ между тѣмъ продолжалъ все тѣмъ же тихимъ, медлительнымъ и сухимъ голосомъ о своемъ намѣреніи значительно расширить функціи департамента, которымъ завѣдывалъ Чирковъ. И, намѣтивъ общія черты, старикъ, совершенно неожиданно для Чиркова, выразилъ предположеніе, что такое увеличеніе дѣлъ, вѣроятно, затруднитъ его, тѣмъ болѣе, что здоровье его превосходительства, какъ кажется, и безъ того разстроено многолѣтними усиленными трудами.

— Не правда ли? Вѣдь вамъ хотѣлось бы отдохнуть и на досугѣ предаться своимъ почтеннымъ научнымъ занятіямъ?— прибавилъ онъ вопросительнымъ, но не допускающимъ отрицанія тономъ, поднимая взглядъ на свѣжее, румяное лицо «больного».

Чирковъ поспѣшилъ сдѣлать «bonne mine au mauvais jeu». Онъ поблагодарилъ за участіе. «Дѣйствительно, здоровье его плохо, и онъ давно собирался отдохнуть, но... но его удерживалъ матеріальный вопросъ... Съ тою пенсіей, какую обыкновенно назначаютъ...»

Значительно повеселѣвшій старикъ, точно съ его плечъ свалилась большая обуза, поспѣшилъ успокоить на этотъ счетъ «почтеннаго Николая Петровича». Его несомнѣнныя заслуги будутъ приняты во вниманіе, и пенсія будетъ назначена не въ примѣръ прочимъ... Онъ можетъ разсчитывать на четыре тысячи...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, въ которомъ, между прочимъ, старикъ любезно освѣдомился о мнѣніи Николая Петровича по поводу одного дѣла, онъ поднялся съ кресла, пожалъ Чиркову руку, и визитъ былъ оконченъ. Чирковъ ушелъ, повидимому, не особенно разстроенный этой неожиданной отставкой, и только въ каретѣ далъ полную волю негодованію и злости и разразился ругательствами.

— Животное! животное! — повторялъ, обыкновенно сдержанный, его превосходительство, прибавляя и другія, еще болѣе энергичныя привѣтствія.

— Помните, мой юный пріятель, какъ въ первое наше свиданіе я васъ предостерегалъ?—заговорилъ его превосходительство послѣ молчанія.

— Помню.

— Помните, какой я вамъ предсказывалъ гороскопъ?

— Помню...

— Ну вотъ... Теперь на моемъ собственномъ примѣрѣ вы можете убѣдиться въ непрочности нашей карьеры и въ преобладающей роли фатума въ жизни нашего брата чиновника. Какъ вы полагаете, почему я вотъ лишился своихъ двѣнадцати тысячъ и оставляю службу по болѣзни, хотя и совершенно здоровъ?

Стрепетовъ именно этого и не понималъ, а потому и отвѣтилъ:

— Не знаю.

— Во-первыхъ, потому что... «земля кругла». Это одинъ изъ очень вѣскихъ аргументовъ на службѣ! — усмѣхнулся Чирковъ.—А во-вторыхъ, потому, что иногда отъ васъ требуютъ не одного только исполненія обязанностей, а, такъ сказать, вывернутой души... Мало, видите ли, добросовѣстно исполнять всякія...— Чирковъ запнулся на секунду, словно пріискивая подходящее существительное: — всякія фантастическія измышленія, но необходимо еще показывать, что вы ихъ считаете образцомъ мудрости и что вы имъ сочувствуете...

Его превосходительство брезгливо пожалъ плечами и примолкъ.

— Замѣтьте еще, мой юный пріятель,—снова началъ Чирковъ:—что подобныя отставки «по болѣзни» не минуютъ даже и людей, которые... которые слишкомъ философски, скажемъ, смотрятъ на жизнь и приспособляются къ ней, неособенно считаясь съ совѣстью, въ пріятной надеждѣ на компенсацію... Какъ видите, даже и такая философская добродѣтель не всегда хорошо вознаграждается! Я, напримѣръ, разсчитывалъ на курульное кресло съ семью тысячами, а вмѣсто того выхожу въ отставку pour les beaux yeux упрямаго старика, для котораго даже и я... я, всегда добросовѣстно исполнявшій все, что̀ прикажутъ, оказался и недостаточно prononcé и недостаточно убѣжденнымъ... Вотъ вамъ и награда за теорію приспособленія! — прибавилъ Чирковъ, и горькая усмѣшка появилась снова на его лицѣ. — Не плѣняйтесь же карьерой, мой милый Павелъ Сергѣевичъ. Все это покупается дорогою цѣной... вѣрьте мнѣ!—продолжалъ Чирковъ съ искренней теплотой, ласково взглядывая на молодого человѣка. — Сохраните подольше свою свѣжесть и не сдѣлайтесь фарисеемъ... Вѣдь мы, русскіе люди, всѣ болѣе или менѣе фарисеи и часто служимъ, не только не вѣря тому дѣлу, которому служимъ,

но даже и презирая его... Покойный Сергѣй Александровичъ, отецъ вашъ, былъ не таковъ... Онъ не гнался за карьерой, не шелъ на компромиссы и служилъ, оберегая, по возможности, свою независимость... Онъ не растерялъ въ жизни идеаловъ и не сталъ бы сочинять проектовъ, которымъ не вѣрилъ... Да... Не сталъ бы! Я хорошо его зналъ... Мы съ нимъ когда-то были друзьями, вмѣстѣ читали Штрауса и Фейербаха, увлекались министерствомъ Луи Блана, ненавидѣли Наполеона III и вмѣстѣ работали, горячо работали, у одного изъ видныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ... Это было хорошее время безвозвратной юности... И я тогда мечталъ и о людскомъ благѣ, и о службѣ родинѣ, и о самоусовершенствованіи, какъ вотъ вы теперь... Сколько, бывало, спорили съ Сергѣемъ Александровичемъ, рѣшая разные философскіе вопросы по Канту... Ради моей любви къ вашему отцу, я и говорю съ вами такъ откровенно, какъ говорилъ бы съ сыномъ.

Стрепетовъ былъ удивленъ задушевнымъ тономъ этой неожиданной исповѣди. Ему даже стало жаль этого «фарисея» и «циника». Онъ не понималъ, что въ этихъ искреннихъ признаніяхъ, въ этомъ сознаніи своего двойственнаго положенія значительную роль играло настроеніе, вызванное неожиданной отставкой. Молодой человѣкъ, какъ видно, еще не зналъ, что отставленные администраторы, какъ и кающіяся подъ старость многогрѣшныя «магдалины», склонны подчасъ къ меланхолическимъ изліяніямъ.

За завтракомъ его превосходительство хотя и ѣлъ съ обычнымъ аппетитомъ, но желчное расположеніе духа не оставляло его. Мнѣнія Николая Петровича о дѣлахъ и людяхъ были безотрадны и саркастичны. Личная нотка эпикурейца, лишеннаго привычныхъ благъ, слышалась въ его сужденіяхъ, придавая имъ болѣе мрачный колоритъ. Оставивъ службу, его превосходительство словно считалъ себя въ правѣ говорить безъ всякихъ умолчаній, къ которымъ обязывало его прежнее офиціальное положеніе.

И вчерашній авгуръ теперь разрушалъ тотъ самый храмъ, гдѣ только-что священнодѣйствовалъ.

— Вы думаете, — говорилъ онъ: — что большинство изъ насъ, въ самомъ дѣлѣ, такіе отчаянные ретрограды, какими ихъ считаютъ? Это, мой милый, заблужденіе... Искреннихъ и убѣжденныхъ обскурантовъ въ родѣ моего старика или въ родѣ господина Неустроева, котораго вы имѣли удовольствіе видѣть, мало... Эти хоть искренно убѣждены, что покойный Аракчеевъ — въ своемъ родѣ идеалъ государственнаго мужа,

а большинство нашихъ такъ-называемыхъ реакціонеровъ лишь эксплоатируютъ настроеніе изъ личныхъ видовъ и, конечно, усердствуютъ даже болѣе, чѣмъ требуетъ приличіе... Гораздо болѣе... Лишняя ложка масла каши не портитъ, не правда ли?

Его превосходительство усмѣхнулся и продолжалъ:

— Перемѣнись вѣтеръ, и девять десятыхъ сейчасъ же запоютъ въ другомъ тонѣ... Нѣтъ повадливѣе нашего брата, особенно если ему хорошо платятъ... У англичанина—долгъ, у француза — интересы партіи, а у насъ, у благополучныхъ россіянъ — «двадцатое» число и славянское добродушіе... Изъ-за двадцатаго числа мы что̀ угодно натворимъ и съ одинаковою готовностью пойдемъ и направо и налѣво, какъ прикажутъ... Нужно—напишемъ проектъ объ упраздненіи суда и просвѣщенія. Нужно—сочинимъ такой либеральный проектъ, что сами потомъ испугаемся!.. Большинство таково... Насъ часто бранятъ, ну, разумѣется, бранятъ, такъ сказать, при закрытыхъ дверяхъ, — вставилъ съ саркастической улыбкой его превосходительство: — но вѣдь не съ неба же мы упали въ наши канцеляріи. Мы изъ того же самаго общества, которое насъ бранитъ, а каково оно само!?.. Стадо! — презрительно протянулъ его превосходительство. — Стадо, безъ выработанныхъ общественныхъ идеаловъ, какъ и подобаетъ стаду! Слѣдовательно нечего жаловаться, что и мы не герои и любимъ хорошо пожить... Пилатами у насъ хоть прудъ пруди... Ну, а Перикловъ и Катоновъ совсѣмъ нѣтъ... Да и откуда имъ взяться? Кто ихъ воспитывалъ!?.. Кому они нужны!? Да-съ, мой милый Павелъ Сергѣевичъ, наше любезное отечество, къ сожалѣнію, довольно безтолковая страна!— зло прибавилъ Чирковъ и прихлебнулъ изъ маленькой чашки кофе.

— Прикажете закладывать карету? — освѣдомилась появившаяся Аксюша.

— Не надо!

Его превосходительство всталъ изъ-за стола. Стрепетовъ, подавленный всѣмъ слышаннымъ, сталъ прощаться

— А я такъ-таки и не могъ ничего для васъ устроить, Павелъ Сергѣевичъ! — съ чувствомъ проговорилъ Чирковъ. — Не вините меня,—я, право, не виноватъ. Я просилъ за васъ и, какъ видите, безрезультатно... Теперь и подавно моя рекомендація ничего не сто̀итъ.

— Не безпокойтесь. Николай Петровичъ. Пока у меня есть уроки.

— А какъ дѣла въ Земледѣльческомъ банкѣ?

— Вакансіи нѣтъ.

— У Варницкой были?

— Нѣтъ еще.

— Она вернулась, я слышалъ, изъ-за границы. Непремѣнно сходите.

— Сегодня собирался.

— Хлопочите черезъ нее. Она легко можетъ устроить васъ въ банкѣ, если вы произведете на нее благопріятное впечатлѣніе. У нея особенныя связи въ финансахъ!—подчеркнулъ Чирковъ, усмѣхаясь.

И, послѣ минутнаго размышленія, прибавилъ:

— Надѣюсь, вы не откажетесь продолжать и мою работу?

— Черезъ три дня я ее окончу, Николай Петровичъ.

— У меня есть новая работа, и большая... На цѣлый годъ хватитъ...

«Для меня опять выдумываетъ!»—невольно подумалъ Стрепетовъ и спросилъ:

— Какая работа?

— Надо, видите ли, привести въ порядокъ всѣ мои старыя рукописи. Давно уже я собирался это сдѣлать... Ихъ вѣдь у меня немало... Все по археологіи... Передъ отъѣздомъ я оставилъ бы ихъ на ваше попеченіе, съ покорнѣйшей просьбой удѣлять часа два-три, что ли, въ день на переписку ихъ... Работа, конечно, копотливая и неособенно пріятная, но, надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ этой услугѣ?.. Гонораръ, по сорока рублей въ мѣсяцъ, я оставляю вамъ за годъ, чтобы не пересылать маленькими суммами. Вы крайне обяжете, Павелъ Сергѣевичъ, если поможете мнѣ... Крайне обяжете!—прибавилъ Чирковъ.

Щеки молодого человѣка зардѣлись румянцемъ, и онъ отвѣчалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я очень, очень благодаренъ вамъ, Николай Петровичъ, но... позвольте отказаться отъ работы, которую вы такъ деликатно сочиняете для меня!

Чирковъ видимо смутился.

— Съ чего это вы взяли?—воскликнулъ онъ.—Мнѣ, право, нужна эта работа.

— Ваши рукописи такъ хороши, что переписывать ихъ...

— И не думайте отказываться!—перебилъ Чирковъ.—Никакой работы я не выдумываю... Экій вы подозрительный какой!.. Я покажу вамъ рукописи... Сами увидите, каковы!

— Но вѣдь онѣ всѣ напечатаны?

— Напечатаны!.. Ну, такъ что-жъ изъ этого, что напечатаны?—проговорилъ его превосходительство и снова нѣсколько

смутился.—Мнѣ необходимо сдѣлать исправленія и дополненія... Понимаете ли, Ѳома невѣрный? Я собираюсь издать книгу... Это вѣдь въ модѣ... По примѣру Гладстона и покойнаго Биконсфильда, нынче и мы, отставные генералы, пишемъ не только прожекты о преуспѣяніи любезнаго отечества при помощи рѣшительныхъ мѣръ, но и романы, и ученыя изслѣдованія!—прибавилъ съ усмѣшкой Чирковъ.

Но Стрепетовъ снова отказался.

— Ну, на-дняхъ еще переговоримъ объ этомъ... Я не теряю надежды убѣдить васъ, маловѣрнаго, а пока до свиданія, мой милый Павелъ Сергѣевичъ!.. Экій вы какой несговорчивый!.. Ну, гдѣ вамъ быть хорошимъ чиновникомъ!—съ ласковой шуткой проговорилъ Чирковъ, крѣпко пожимая руку молодого человѣка. — Желаю вамъ успѣха у Варницкой... Смотрите, у нея не хорохорьтесь!

— Я и просить ее ни о чемъ самъ не начну! — не безъ задора промолвилъ Стрепетовъ.

— И напрасно. Кого вы хотите удивить своимъ донкихотствомъ? Ой, послушайтесь, Павелъ Сергѣевичъ, мудраго совѣта: воспользуйтесь этой родственницей и постарайтесь выдержать у нея экзаменъ...

— Она развѣ будетъ экзаменовать?

— Она любитъ исповѣдывать юношей... Особенно такихъ молодыхъ и свѣжихъ, какъ вы. Здѣсь вѣдь такихъ мало!— улыбнулся Чирковъ.—Итакъ, bonne chance. До завтра!

Его превосходительство, между тѣмъ, присѣлъ къ столу и написалъ черновую прошенія объ отставкѣ. Онъ запечаталъ ее въ пакетъ съ маленькой записочкой къ вице-директору, въ которой извѣщалъ, что сегодня не будетъ въ департаментѣ, и вмѣстѣ съ бумагами отправилъ съ прибывшимъ департаментскимъ курьеромъ.

Затѣмъ Чирковъ занялся соображеніями о скорѣйшей продажѣ лошадей, экипажей и всей обстановки. Онъ продастъ все, кромѣ библіотеки и коллекцій — все это онъ велитъ переслать въ Парижъ, какъ только оснуется тамъ. Тысячъ семьвосемь, вѣроятно, очистится отъ продажи.

Чувство сожалѣнія стараго холостяка-сибарита невольно охватило Чиркова при мысли о томъ, что придется разстаться и съ этой уютной, привычной обстановкой, и съ этимъ своеобразнымъ комфортомъ чиновника, ученаго дилетанта и музыканта, — словомъ, со всѣмъ режимомъ жизни, къ которому онъ такъ привыкъ за послѣднія десять лѣтъ.

«Но какова была эта самая жизнь?»—напрашивался вопросъ.

Чирковъ всталъ и заходилъ по кабинету, погруженный въ рѣшеніе этого вопроса.

«Счастливъ ли онъ былъ, по крайней мѣрѣ?»

Горькая улыбка омрачила лицо Чиркова.

Мысли его невольно обратились къ воспоминаніямъ. Вся прошлая жизнь проносилась передъ нимъ, и только немногіе годы молодости являлись свѣтлымъ пятномъ на фонѣ картины, рисующейся теперь въ его памяти.

«Какое счастье!?»

Онъ даже ни разу не испытывалъ захватывающей привязанности къ женщинѣ и боялся жениться, оберегая свое спокойствіе и независимость; онъ былъ слишкомъ скептикъ, чтобы вѣрить въ долгое супружеское счастье, и слишкомъ разсчетливый эгоистъ, чтобы жениться на дѣвушкѣ безъ большого состоянія. Вмѣсто привязанности—одни лишь чувственныя удовлетворенія, и то не всегда разборчивыя. И вотъ онъ въ пятьдесятъ лѣтъ бобыль-бобылемъ. Ни одного друга, никого близкихъ, хотя и множество знакомыхъ. Одни лишь научныя занятія, книги да музыка скрашивали его нравственное одиночество, когда онъ возвращался со службы, несимпатичной для него, слишкомъ умнаго для того, чтобы не понимать, какую играетъ онъ роль, и слишкомъ большого эпикурейца и жуира для того, чтобы добровольно отказаться отъ хорошаго жалованья, позволяющаго ему вести извѣстный train жизни. Не ради ли этого комфорта, всѣхъ этихъ тонкихъ обѣдовъ и завтраковъ, хорошихъ винъ и сигаръ, лошадей и хорошенькихъ горничныхъ-любовницъ, картинъ и книгъ, жизнь его была полна двойственности? Дома — дилетантъ и скептическій философъ. На службѣ — слѣпой исполнитель, готовый смѣяться надъ тѣмъ, что̀ творитъ, и въ то же время способный, ради страха лишиться матеріальныхъ благъ, на всякіе компромиссы...

И если бы онъ былъ еще честолюбивъ! А то—нисколько. Онъ понималъ эфемерность честолюбія на родной почвѣ и даже въ мечтахъ не грезилъ о первыхъ роляхъ, зная безсиліе и шаткость и первыхъ ролей. Къ тому же и темпераментъ его и привычки сибарита-дилетанта не поощряли честолюбивыхъ помысловъ, и онъ несравненно болѣе увлекался новой книгой Шлимана, Ленормана, Масперо или Бругша, Бетховенскимъ квартетомъ и Шумановскимъ концертомъ, чѣмъ служебными дѣлами, хотя и велъ ихъ безукоризненно. Недаромъ въ этомъ исполнительномъ, аккуратномъ чиновникѣ сидѣлъ ученый и музыкантъ.

Но какимъ образомъ онъ, мечтавшій когда-то объ ученой

карьерѣ, сдѣлался чиновникомъ, умѣвшимъ съ какимъ-то скептически-насмѣшливымъ цинизмомъ уживаться со всякими теченіями и вѣяніями?

Чирковъ, кажется, первый разъ въ жизни поставилъ себѣ столь категорическій вопросъ—и нѣсколько смутился, не потому смутился, чтобы испытывалъ угрызенія совѣсти — о, нѣтъ!—а потому, что не могъ въ точности опредѣлить явленія, т. е. припомнить: когда именно и какъ онъ изъ яраго молодого либерала обратился въ безупречнаго исполнителя мѣръ, которыя нерѣдко считалъ болѣе чѣмъ неудобными.

«Когда и какъ это случилось?»

Чирковъ припоминалъ и могъ лишь припомнить, что это сдѣлалось какъ-то незамѣтно, само собой, не безъ нѣкоторой, правда, брезгливости, но и безъ серьезной нравственной борьбы.

Онъ всегда жилъ болѣе головой, не поддаваясь чувствамъ. Разсужденія приводили его къ теоріи личнаго благополучія, а такъ какъ это благополучіе возможно было при неособенно большой разборчивости, то Чирковъ не разбиралъ и «приспособлялся», поощряя наклонности тонкаго эпикурейца, который личныя наслажденія ставитъ выше всего.

Да, онъ рѣшительно не можетъ припомнить, когда все это произошло? Онъ помнитъ только, что онъ брался за дѣла, которымъ не сочувствовалъ, и произносилъ обвинительныя рѣчи, которымъ не вѣрилъ. «Не я, такъ другой сдѣлаетъ то же!» Онъ помнитъ, что, когда онъ перешелъ на другое мѣсто, бывшее ему совсѣмъ не по душѣ, онъ говорилъ съ цинизмомъ: «Зато двѣнадцать тысячъ въ годъ, а послѣ — спокойное курульное кресло».

Или эта способность «приспособляться»—свойство его характера и культивированныхъ барскихъ привычекъ—была въ немъ давно, и онъ, въ молодые годы, не скрывалъ своихъ мнѣній только потому, что тогда было «такое время»?

И, словно въ отвѣтъ на эти вопросы, Чирковъ какъ-то безпомощно и брезгливо пожалъ плечами.

Его превосходительство становился мрачнѣе. Брови его насупились; на лбу появились складки; выраженіе лица было сосредоточенное и злое. Сознаніе, что его вышвырнули какъ ненужную тряпку, и что, благодаря такой, по его мнѣнію, несправедливости, придется измѣнить образъ жизни, злило, раздражало и угнетало Чиркова, настраивая его на грустныя мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, невесело. Впереди опять одиночество. Ни близкаго существа подлѣ, ни вѣры ни во что, ни идеа-

ловъ... Вотъ итоги пятидесятилѣтней жизни. Одинъ безотрадный и безпринципный скептицизмъ русскаго умнаго человѣка, сознающаго грѣхи прошлаго и готоваго въ то же время сейчасъ же ихъ повторить, если дадутъ хорошее жалованье, и даже презрительное равнодушіе къ «милому отечеству»...

Да, онъ оставитъ эту «примитивную страну» безъ всякаго сожалѣнія. Кого и что̀ ему жалѣть?

«Никого и рѣшительно ничего!»

Съ сестрой и братомъ, единственными родными, онъ давно въ холодныхъ отношеніяхъ. Друзей у него нѣтъ. Не партнеровъ же клубныхъ ему жалѣть и не своихъ сослуживцевъ-подчиненныхъ—всю эту чиновничью братію, раболѣпствующую и представляющуюся усердною, дѣлающую съ показнымъ восторгомъ свою «черную» работу, — эту братію, большей частью искательную и интригующую, которую онъ слегка презиралъ и въ то же время хорошо награждалъ, за что и былъ «любимымъ начальникомъ». Они, конечно, дадутъ прощальный обѣдъ своему «любимому начальнику». «Вѣчный вице-директоръ», отупѣвшій отъ продолжительной службы, скажетъ трогательную рѣчь...—подумалъ Чирковъ и брезгливо поморщился.

Да, никого не жаль!.. Рѣшительно никого въ этомъ самомъ Петербургѣ, въ которомъ Чирковъ живетъ уже двадцать лѣтъ!.. Развѣ, пожалуй, одного этого пропойцу, бѣднаго Галанина... Кстати, надо его провѣдать... что̀ съ нимъ?—промелькнуло въ головѣ Чиркова вмѣстѣ съ нахлынувшимъ къ сердцу добрымъ чувствомъ къ старому, когда-то близкому товарищу.

Чирковъ усѣлся въ кресло, и снова воспоминанія и думы охватили его.

Ему сдѣлалось жутко отъ этой душевной пустоты и одиночества, которыя представлялись ему теперь во всей своей безотрадности. И, несмотря на его умъ, на всю его скептическую философію, что-то внутри говорило ему, что вся его жизнь была безцѣльна и нелѣпа, и всѣ его компромиссы глубоко безнравственны и безплодны.

И лицо его все становилось мрачнѣе и мрачнѣе.

XX.

Въ исходѣ второго часа Валентина Марковна Варницкая—эта, по словамъ Чиркова, «хорошенькая ретроградка, проповѣдующая свое евангеліе»,—еще была не одѣта. До половины третьяго она обыкновенно занималась въ изящномъ, артистически убранномъ кабинетѣ своего небольшого особнячка на Сергіевской улицѣ.

Съ одиннадцати часовъ утра, послѣ молитвы, ванны и шоколада, она или читала, или писала, принимала своего управляющаго по дѣламъ, принимала обращающихся съ просьбами и самыхъ близкихъ друзей, передъ которыми не стѣснялась показываться въ своемъ бѣлоснѣжномъ, роскошномъ «saut de lit» изъ пиренейскихъ барановъ, съ голубыми «кордельерами» у шеи и таліи, въ крошечныхъ китайскихъ туфелькахъ и съ распущенными бѣлокурыми, отливавшими золотомъ, волосами, перехваченными сзади лентой. Утренній костюмъ, свободный и красивый, и распущенные волосы значительно скрадывали «проблематическіе» годы «хорошенькой ретроградки»; точную цифру ея лѣтъ никто достовѣрно не зналъ. Мужчины предполагали, что Варницкой «около тридцати», тогда какъ дамы увѣряли, что ей всѣ сорокъ, и что она будто бы всегда садится въ тѣни, чтобы нельзя было хорошо разглядѣть поблекшей свѣжести ея еще необыкновенно сохранившагося лица.

Въ половинѣ третьяго Валентина Марковна обыкновенно удалялась въ будуаръ. Француженка-горничная причесывала и одѣвала ее, послѣ чего Варницкая, посѣтивъ внизу дѣтей, ѣхала кататься, заѣзжая иногда въ «свой дѣтскій пріютъ», въ которомъ была попечительницей. Отъ четырехъ до семи Валентина Марковна принимала и раза два въ недѣлю сама ѣздила съ визитами. Людей болѣе или менѣе выдающихся и интересныхъ Валентина Марковна обыкновенно предупреждала, что время отъ четырехъ до пяти она бережетъ для «умныхъ и серьезныхъ» людей, а отъ пяти до семи у нея бываютъ «всѣ».

— Что̀ вы хотите? Надо нести и свѣтскій крестъ! — прибавляла она при этомъ.

Въ этотъ свѣтлый, солнечный, морозный день Валентина Марковна съ утра сидѣла за письменнымъ столомъ. Изящныя письменныя принадлежности, чернильница — шедевръ французской бронзы, дорогія художественныя бездѣлки, миніатюры двухъ дѣтскихъ головокъ, фотографіи Бисмарка, Сальсбюри и одного изъ русскихъ сановниковъ, съ собственноручными надписями, нѣсколько книгъ и брошюръ и прелестное распятіе изъ мексиканскаго оникса—таково было убранство письменнаго стола изъ чернаго дерева. Надъ нимъ висѣлъ поясной портретъ масляными красками покойнаго мужа Валентины Марковны—стараго, лысаго, довольно некрасиваго господина съ симпатичнымъ лицомъ и необыкновенно добродушной улыбкой. По бокамъ стола были трельяжи, а на полу, подъ нимъ, лежалъ пушистый бѣлый мѣхъ ангорской козы, въ которомъ тонули маленькія ножки Валентины Марковны.

Лежавшіе на столѣ почтовые листки, исписанные съ одной стороны косымъ англійскимъ почеркомъ, твердымъ и красивымъ, постепенно увеличивались новыми. Маленькая, выхоленная, атласная рука, съ брильянтомъ на мизинцѣ, быстро и нервно исписывала ихъ. Валентина Марковна оканчивала «боевую» статью для одной газеты, въ которой была почетной сотрудницей и куда время отъ времени посылала свои бойкія патріотическія и полемическія «causeries», охотно печатавшіяся редакторомъ, приправлявшимъ ихъ иногда аттической солью и своимъ русскимъ перцемъ. Валентина Марковна, лично знакомая съ редакторомъ, благоговѣла предъ нимъ и изрѣдка переписывалась. Она дорожила его вниманіемъ, очень польщенная его похвальными отзывами о рядѣ ея брошюръ, изданныхъ, годъ тому назадъ, на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, подъ псевдонимомъ: «Русская».

Въ этихъ брошюрахъ, литературно написанныхъ, не безъ искренняго огонька убѣжденной патріотки, — брошюрахъ, имѣвшихъ, между прочимъ, цѣлью открыть наконецъ Европѣ глаза на «подлинную Россію»,—Валентина Марковна трактовала и о будущихъ великихъ судьбахъ Россіи, и объ ея внѣшней политикѣ, о народѣ, объ обществѣ, о религіи. Валентина Марковна, еще дома у старика-отца адмирала и потомъ въ институтѣ привыкшая считать Европу очагомъ всякаго зла и невѣрія, энергично нападала на европейскіе порядки, предрекая гибель Европѣ отъ «разнузданныхъ страстей», и предостерегала русскую публику отъ «нашего напускного либерализма». Она проповѣдывала необходимость, для общаго блага, вернуться къ патріархальнымъ порядкамъ доброй старины, неизмѣнно держаться «вѣковѣчныхъ русскихъ устоевъ, отвѣчающихъ національной самобытности», и взывала къ позабытой религіи. «Беззавѣтно вѣрить и любить ближняго» — таковъ былъ главный тезисъ свѣтской вдовушки, находившей однако религію Л. Толстого слишкомъ демократичною и слишкомъ разсуждающею.

Брошюры имѣли успѣхъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ. На Валентину Марковну обратили вниманіе. О ней заговорили въ свѣтѣ, какъ о замѣчательной женщинѣ. Прежде ее знали только какъ привлекательную и умную, немного эксцентрическую, свѣтскую даму, а теперь она сразу пріобрѣла репутацію талантливой политической писательницы и «ésprit fort», и ее называли «русской Сталь». Знакомство Варницкой съ нѣсколькими государственными людьми Запада и даже съ самимъ Бисмаркомъ, который, какъ ходили слухи, раза два

съ ней бесѣдовалъ о политическихъ дѣлахъ, разумѣется, лишь усиливало репутацію Валентины Марковны, давая особенный престижъ этой хорошенькой дилетанткѣ-писательницѣ изъ «порядочнаго общества». Во время поѣздокъ ея за границу репортеры добивались свиданій и печатали свои разговоры съ «вліятельной панслависткой и патріоткой», при чемъ, конечно, распространялись и объ ея «очаровательной славянской красотѣ».

Валентина Марковна сдѣлалась въ модѣ въ послѣднее время и на родинѣ. У нея бывали нѣкоторые сановники, бывали тузы-финансисты, писатели и журналисты, знаменитые художники и свѣтская молодежь, и со всѣми она умѣла найти тему для разговора, не разыгрывая роли «bas bleu». Благодаря ея знакомствамъ и связямъ, къ ней обращались за покровительствомъ разные искатели мѣстъ, изобрѣтатели, дѣльцы и, разумѣется, все «истинно-русскіе люди», вполнѣ проникшіеся ея ученіемъ «беззавѣтно вѣрить и любить ближняго». Не было, разумѣется, недостатка и въ поклонникахъ, готовыхъ предложить ей руку и сердце. Еще бы! Она представляла завидную партію, эта очаровательная женщина «проблематическихъ лѣтъ», вдова одного изъ «Рюриковичей», страшно богатаго золотопромышленника, тайнаго совѣтника Варницкаго, оставившаго пятимилліонное состояніе, изъ котораго на долю жены было завѣщано полтора милліона. Кусокъ былъ лакомый, и немало охотниковъ «изъ сливокъ» Петербурга, Вѣны и Парижа домогались ея любви и чести помочь вдовѣ благоразумно распоряжаться капиталами. Но Валентина Марковна, необыкновенно практичная, умѣвшая, несмотря на свое религіозное рвеніе, во-время купить и продать ту или другую бумагу, отлично распоряжавшаяся своими дѣлами,— не нуждалась въ покровителѣ и, равнодушная къ признаніямъ и обожателямъ, отклоняла предложенія, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія выйти замужъ и, повидимому, рѣшившись остаться независимой, свободной женщиной, преданной дѣтямъ и своей дѣятельности.

Это возбуждало толки и нареканія. Почему она не выходитъ замужъ, отказываясь отъ блестящихъ партій? Всѣ считали долгомъ объяснять себѣ причины такого упрямства. Одни говорили, что Варницкая — холодная и безчувственная натура, слишкомъ гордая и разборчивая, чтобы найти себѣ достойнаго мужа. Другіе находили, что послѣ неособенно счастливаго супружества со старикомъ,—правда, добрымъ и милымъ, обожавшимъ жену, но все же старикомъ, — она не хочетъ повторять опыта. Она слишкомъ напугана, чтобы

опять выйти за пожилого человѣка, и слишкомъ боится быть смѣшной, чтобы выйти замужъ за молодого. При этомъ обыкновенно высчитывали годы Валентины Марковны, и снова оказывалось, что по мужскому счисленію ей «около тридцати», а по женскому—«всѣ сорокъ». Третьи наконецъ увѣряли (и, конечно, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ), что Варницкая собирается выйти замужъ за одного мелкаго владѣтельнаго нѣмецкаго принца, безумно въ нее влюбленнаго.

Но прошло уже три года со смерти мужа, а хорошенькая вдова не выходила за нѣмецкаго принца и попрежнему оставалась недоступной донной Анной, которую не могъ смутить ни одинъ изъ титулованныхъ и сановитыхъ Донъ-Жуановъ,—что не мѣшало однако въ свѣтѣ злословить Валентину Марковну. Особенно дамы не могли простить ей ни ея ума, ни ея красоты, ни ея роли политической дамы. Ее называли тонкой кокеткой, играющей людьми, и за-глаза подсмѣивались надъ ея знакомствомъ съ разными «пророками» и «святошами» и надъ ея стараніями пропагандировать «свою религію», вербуя прозелитовъ среди молодыхъ людей и поучая ихъ «беззавѣтно вѣрить и любить ближняго». Находили, что она «играетъ въ религіозное увлеченіе», желая оригинальничать и создать себѣ исключительное положеніе.

Но, несмотря на искреннее желаніе многихъ знакомыхъ омрачить доброе имя Варницкой, никто однако не могъ назвать имени ея любовника изъ числа многочисленныхъ ея поклонниковъ и прозелитовъ. Казалось, она была недоступна сердечнымъ увлеченіямъ, и съ этой стороны ея репутація на свѣтской биржѣ стояла довольно «твердо». Но ее все таки подозрѣвали. «Вѣроятно, она грѣшитъ, какъ и всѣ смертные, но умѣетъ хорошо прятать концы, эта умная и красивая женщина!» Трудно, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобы она была безупречной монахиней!

Такой развращенный скептикъ, какъ Чирковъ, считавшій себя знатокомъ женщинъ и едва ли вѣровавшій въ ихъ добродѣтель, разумѣется, не могъ даже себѣ представить, чтобы хорошенькая женщина (если только она не «патологическое явленіе») не отдавала дани амуру, и недаромъ цинично намекалъ Стрепетову на пристрастіе Валентины Марковны къ молодымъ и свѣжимъ юношамъ.

Подобное мнѣніе, не основанное на вѣскихъ данныхъ, раздѣляли многіе, но никто не смѣлъ его высказывать громко. Валентина Марковна держала себя въ обществѣ гордо и недоступно. Повидимому, она больше думала о «благѣ Россіи» и о «позабытой религіи», чѣмъ объ «амурахъ».

Валентина Марковна дописывала послѣднiй листокъ, когда изъ-за портьеры появился лакей во фракѣ, презентабельный и солидный, съ роскошными бакенбардами, которымъ позавидовалъ бы любой начальникъ отдѣленiя, и подалъ на серебряномъ подносѣ визитную карточку Стрепетова.

— Попросите подождать въ гостиной! — проговорила Варницкая, взглянувъ на карточку и недовольно пожавъ плечами.

Лакей вышелъ съ почтительнымъ поклономъ и, вернувшись на площадку лѣстницы, уставленную тропическими растенiями, на которой дожидался Стрепетовъ, отворилъ дверь гостиной и съ самымъ серьезнымъ видомъ попросилъ молодого человѣка «пожаловать», прибавивъ, что генеральша занята и проситъ подождать.

Стрепетовъ вошелъ. Въ первую минуту ему показалось, что онъ попалъ въ какой-то складъ мебели и всякихъ рѣдкостей— до того эта громадная комната была заставлена. Ему еще никогда не приходилось видѣть такой гостиной. И чѣмъ болѣе онъ ее разглядывалъ, тѣмъ болѣе удивлялся артистической роскоши ея убранства. Толстый мягкiй коверъ лежалъ во всю комнату; тяжелыя штофныя драпри, не пропускавшiя свѣта, ниспадали красивыми складками; картины масляными красками старинныхъ мастеровъ висѣли по стѣнамъ; бюсты, вазы и статуэтки стояли въ углахъ и у стѣнъ на роскошныхъ подставкахъ. Самые разнообразные, непохожiе одни на другiе, диваны, диванчики, козетки, кресла и стулья всевозможныхъ формъ и въ разныхъ старинныхъ стиляхъ наполняли эту комнату со множествомъ уютныхъ уголковъ, украшенныхъ пальмами и другими экзотическими растенiями. Разныя ширмочки, китайскiя и японскiя, образовывали проходы. Оригинальные столы и столики, шкапчики, этажерки, горки съ рѣдкостями, вазы съ цвѣтами были разбросаны повсюду. Каждая вещь здѣсь была художественнымъ произведенiемъ или рѣдкостью. Небольшая марина Айвазовскаго, маленькiй пейзажъ Куинджи, жанровыя картинки знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, минiатюры Риццони, акварели Зичи—попадались вездѣ: на маленькихъ мольбертахъ, на каминѣ, на ширмочкахъ, на столахъ. Тамъ и сямъ стояли въ изящныхъ рамкахъ фотографiи разныхъ знаменитостей, съ ихъ автографами на различныхъ языкахъ. Большой рояль въ углу казался маленькимъ въ этой обширной комнатѣ.

У Стрепетова разбѣжались глаза при видѣ всей этой роскоши и художественныхъ вещей. Онъ разглядывалъ то картину, то красивую громадную вазу, то необыкновенно изящ-

ный гобеленъ на стѣнѣ, посматривая время отъ времени на портьеру въ сосѣднюю комнату. Прошло минутъ пять. Стрепетовъ разглядывалъ портретъ какой-то замѣчательно красивой блондинки въ черномъ бархатномъ платьѣ, какъ вблизи раздался тихій и сухой женскій голосъ:

— Прошу васъ сюда...

Стрепетовъ обернулся и въ первую секунду обомлѣлъ отъ изумленія. Въ двухъ шагахъ отъ него, въ рамкѣ, образуемой раздвинутыми портьерами, стоялъ оригиналъ портрета, которымъ молодой человѣкъ только-что любовался, — та самая ослѣпительная блондинка, средняго роста, съ золотистыми волосами, поразительной бѣлизны, свѣжая и цвѣтущая, съ маленькой, слегка вздернутой головкой, открывающей красивую, точно изваянную изъ мрамора шею. Что-то надменное, властное было въ ея красивомъ строгомъ лицѣ, въ позѣ, въ этихъ большихъ голубыхъ глазахъ. Она казалась совсѣмъ молодой, съ распущенными волосами, въ своемъ бѣлоснѣжномъ капотѣ, облегавшемъ ея гибкій станъ и изящныя формы.

Никакъ не ожидавшій увидѣть такую красавицу въ своей двоюродной тетушкѣ, которую Стрепетовъ почему-то воображалъ совсѣмъ другою, молодой человѣкъ смущенно склонилъ голову и торопливо приблизился къ Валентинѣ Марковнѣ, досадуя самъ на свое смущеніе, котораго не могъ побороть.

— Рада познакомиться съ родственникомъ! — холодно проговорила Варницкая, не протягивая руки и оглядывая быстрымъ оцѣнивающимъ взглядомъ смущеннаго родственника.

Повидимому, первое впечатлѣніе, произведенное Стрепетовымъ на эту свѣтскую женщину, считавшую всякій «mauvais genre» преступленіемъ, было благопріятно. Ея родственникъ нисколько не походилъ на того грубаго, грязнаго «ужаснаго нигилиста», котораго она почему-то ожидала встрѣтить. И наивное изумленіе Стрепетова въ первый моментъ встрѣчи, и самолюбивая застѣнчивость молодого человѣка, видимо не бывавшаго въ свѣтѣ, но вполнѣ приличнаго и воспитаннаго, и наконецъ молодое красивое лицо, свѣжее, румяное и немножко наивное, съ черными кудрями — все это даже понравилось Валентинѣ Марковнѣ, какъ рѣдкость, не виданная ею среди обычныхъ посѣтителей ея салона.

И съ лица ея исчезло ледяное выраженіе. Красивые глаза ея засвѣтились мягче, и она уже болѣе любезнымъ тономъ повторила, что «рада познакомиться съ племянникомъ», и прибавила:

— Пойдемте-ка ко мнѣ въ кабинетъ, молодой человѣкъ... Вы мнѣ разскажете, какъ поживаетъ ваша maman и ваши сестры. Я совсѣмъ не знаю, что̀ съ ними.

Стрепетовъ прошелъ вслѣдъ за нею въ сосѣднюю небольшую комнату. И тутъ, какъ и въ гостиной, все говорило о роскоши и изяществѣ. Огонекъ весело горѣлъ въ каминѣ, отражаясь въ красивомъ экранѣ. Было уютно и тепло. Тонкій душистый ароматъ стоялъ въ комнатѣ.

— Ваша maman попрежнему въ Самарѣ?—заговорила Валентина Марковна, опускаясь на низенькій диванчикъ и указывая Стрепетову на кресло подлѣ.

— Въ Самарѣ.

— Я видѣла послѣдній разъ вашу maman давно, очень давно, когда мы съ покойнымъ мужемъ ѣздили на кумысъ... Вы тогда были маленькимъ мальчикомъ и, конечно, меня не помните?..

— Не помню.

— Какъ здоровье вашей maman?.. Она всегда была слабаго здоровья. Что дѣлаютъ ваши сестры? Гдѣ онѣ учатся? — задавала вопросы Валентина Марковна любезно-холоднымъ, покровительственнымъ тономъ, видимо желая ободрить смущеннаго молодого человѣка.

Стрепетовъ между тѣмъ успѣлъ немного оправиться отъ смущенія. «Съ чего это онъ, въ самомъ дѣлѣ, оробѣлъ передъ этой барыней?»—пронеслась у него мысль, и онъ досадовалъ и на свою глупую робость и на то, что пришелъ сюда. Разумѣется, нога его больше не будетъ у этой «аристократки», встрѣтившей его такъ сухо и горделиво, совсѣмъ не по-родственному. Ея покровительственно-ободряющій тонъ раздражалъ его, а всѣ эти вопросы о матери и сестрахъ звучали такимъ холоднымъ равнодушіемъ! И Стрепетовъ рѣшилъ, въ свою очередь, быть холоднымъ и сдержаннымъ, чтобы эта гордая барыня не смѣла и подумать, что онъ пришелъ къ ней въ качествѣ бѣднаго родственника искать покровительства и просить о чемъ-нибудь.

Онъ довольно сдержанно и коротко отвѣтилъ, что мать не совсѣмъ здорова, а сестры учатся.

— Гдѣ?

— Въ гимназіи.

— Въ гимназіи?—переспросила Валентина Марковна.

По ея лицу пробѣжала презрительная улыбка.

— Да, въ гимназіи!—прибавилъ молодой человѣкъ.

— Какъ жаль, что ваша maman не послушала совѣта покойнаго мужа и не отдала вашихъ сестеръ въ институтъ... Мужъ легко бы это устроилъ и предлагалъ свои услуги... Гимназіи наши,—прибавила Варницкая: — невозможны... Дѣвушки оттуда выходятъ съ самыми нелѣпыми идеями.

— Моя мать, напротивъ, находитъ, что въ гимназіяхъ выучиваются, по крайней мѣрѣ, чему-нибудь! —отвѣчалъ Стрепетовъ, видимо стараясь сдерживать волненіе. .

— А послѣ гимназіи высшіе курсы? — съ тою же полупрезрительной улыбкой допрашивала Валентина Марковна, взглядывая на молодого человѣка съ любопытствомъ.

— Вѣроятно, высшіе курсы!

Валентина Марковна пожала плечами и, вздохнувъ, замѣтила:

— Они-тс и губятъ бѣдную русскую женщину!.. Да. Еще долго мы не избавимся отъ этой заразы! — прибавила она какъ бы въ раздумьѣ и спросила:—А вы, молодой человѣкъ, что здѣсь дѣлаете? Въ университетъ пріѣхали или въ медицинскую академію?

— Я ужъ окончилъ курсъ.

— Окончили? — удивилась Варницкая. — Сколько же вамъ лѣтъ? Вы смотрите совсѣмъ юношей...

— Мнѣ двадцать два года!—проговорилъ Стрепетовъ, краснѣя подъ пристальнымъ взглядомъ этихъ холодныхъ загадочныхъ голубыхъ глазъ красивой родственницы.

— Гдѣ вы учились?

— Въ казанскомъ университетѣ.

— И служите здѣсь?

— Нѣтъ!—лаконически отвѣтилъ Стрепетовъ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Я даю уроки.

— Въ учебныхъ заведеніяхъ?

— Нѣтъ, частные уроки... Кромѣ того, мнѣ обѣщано мѣсто въ Земледѣльческомъ банкѣ. Я скоро получу его! — рѣзко и увѣренно прибавилъ молодой человѣкъ и снова вспыхнулъ, и отъ того, что солгалъ, и отъ досады на эту барыню, которая, казалось Стрепетову, третируетъ его какъ мальчишку, допрашивая съ какой-то презрительной безцеремонностью.

Тонъ его отвѣта былъ нѣсколько сухъ и рѣзокъ. Стрепетовъ это почувствовалъ и не безъ нѣкотораго юношескаго самодовольства взглянулъ на тетушку, ожидая встрѣтить на ея лицѣ признаки неудовольствія. Но, къ пущей его досадѣ, хорошенькая тетушка, повидимому, не обратила ни малѣйшаго вниманія на тонъ племянника. Она съ насмѣшливымъ любопытствомъ посматривала на молодого человѣка. Этотъ краснѣющій, самолюбивый, наивный и свѣжій юноша казался ей положительно забавнымъ. Такихъ она не встрѣчала среди свѣтской молодежи и среди прозелитовъ своего евангелія.

Послѣ паузы Валентина Марковна неожиданно спросила:

— И вы, надѣюсь, не портите своихъ учениковъ?

Стрепетовъ въ недоумѣніи взглянулъ на тетушку.

— То-есть какъ это—порчу?—простодушно промолвилъ онъ.

— Не внушаете имъ вредныхъ идей?..

— Какихъ, напримѣръ? — не безъ задора спросилъ молодой человѣкъ.

— Тѣхъ, которыми, къ стыду Россіи, заражена бо́льшая часть нашей такъ-называемой интеллигенціи, воображающей, что она... соль земли? — прибавила съ презрительно-высокомѣрной усмѣшкой Валентина Марковна. — Нелѣпые восторги Западомъ, идеи матеріализма, безбожія...

— Я просто преподаю математику и никакихъ идей не внушаю!—замѣтилъ Стрепетовъ, усмѣхнувшись.

— И сами, конечно, подобныхъ идей не раздѣляете? Вы слишкомъ для этого порядочный молодой человѣкъ, я въ этомъ увѣрена!—проговорила Валентина Марковна тономъ, не допускающимъ возраженія.—Вы не соціалистъ, не радикалъ?

«Экзаменуетъ!» — подумалъ Стрепетовъ и вспомнилъ въ ту же минуту предсказанія Чиркова.

Этотъ допросъ, безстрастный, сухой и безцеремонный, словно допросъ слѣдователя, возмущалъ Стрепетова. О, съ какимъ удовольствіемъ, несмотря на свою мягкость, онъ «оборвалъ бы» изящную тетушку, если бы только не эта проклятая, неодолимая робость и не самолюбивая боязнь показаться смѣшнымъ и грубымъ передъ великолѣпной свѣтской барыней, гордой и надменной, несимпатичной и вмѣстѣ интересной, невольно импонирующей своей ослѣпительной красотой и авторитетной самоувѣренностью тона, рѣчи, манеръ.

Чѣмъ-то властнымъ, недоступнымъ и въ то же время чарующимъ вѣяло отъ этой «мраморной красавицы» съ римскимъ профилемъ, серьезнымъ и строгимъ, съ ея голубыми глазами, холодными и загадочными, точно глядящими куда-то вдаль и внезапно загорающимися вызывающимъ блескомъ, неожиданнымъ, рѣзкимъ и быстро потухающимъ.

Это сознаніе своей робости и какого-то подавляющаго впечатлѣнія еще болѣе смутило Стрепетова. Онъ медлилъ отвѣтомъ, стараясь придумать что-нибудь «тонко-язвительное» по адресу Валентины Марковны, и ничего придумать не могъ. Ему казалось, что она смотритъ на него съ одобряющей снисходительностью къ «порядочному» молодому человѣку, имѣвшему счастіе не возбудить брезгливости ея тонкихъ чувствъ, и онъ не могъ отдѣлаться отъ смущенія.

«Однако не молчать же, какъ пень, когда спрашиваютъ!»

Стрепетовъ поднялъ на тетушку свои загорѣвшіеся черные

глаза и, видимо волнуясь, отвѣчалъ на ея вопросъ, чуть-чуть возвышая свой звучный теноръ:

— Я пока не претендую ни на какую кличку.

— Пока?

— И не имѣю серьезнаго на то права.

— Отчего?

— Я такъ мало знаю, что еще не могу разобраться со своими взглядами... Могу только одно сказать, — если вамъ такъ интересно знать, — что я, вѣроятно, раздѣляю многія идеи, которыя вамъ кажутся несимпатичными... Однако простите великодушно меня, я и такъ злоупотребилъ вашимъ временемъ!

И съ этими словами Стрепетовъ рѣшительно поднялся съ мѣста.

— Такъ вотъ вы какой! —протянула, усмѣхнувшись, Валентина Марковна, оглядывая молодого человѣка съ нескрываемымъ любопытствомъ.

Стрепетовъ невольно краснѣлъ подъ этимъ взглядомъ и опустилъ глаза.

— А вѣдь вы все-таки забавный юноша и мнѣ понравились! — проговорила неожиданно Валентина Марковна, съ снисходительно-милостивой улыбкой, словно королева, осчастлививная своего вѣрноподданнаго.

Но, повидимому, Стрепетовъ не ощутилъ большого счастія быть «забавнымъ» въ глазахъ этой дамы. Онъ даже не поклонился въ знакъ благодарности за такой комплиментъ и молчалъ, испытывая желаніе поскорѣе дать тягу.

— А мнѣ трудно понравиться, молодой человѣкъ... Я слишкомъ требовательна! —продолжала Варницкая, выговаривая слова медленнымъ, властнымъ тономъ. — А между тѣмъ я даже непрочь съ вами поближе познакомиться.

Молодой человѣкъ догадался поклониться.

— Быть-можетъ, съ Божьей помощью, мнѣ и удастся обратить васъ на истинный путь. Вы еще юны, и, повидимому, заблужденія ваши не... упорны. Я возьму васъ подъ свое покровительство и...

— Я крайне вамъ благодаренъ, Валентина Марковна, но я не ищу покровительства. Я пришелъ, исполняя желаніе матери, просившей меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе!.. —проговорилъ, волнуясь, молодой человѣкъ.

— Ой, ой, какъ мы самолюбивы! Ужъ и обидѣлись и позволили себѣ даже нелюбезность къ женщинѣ!.. Это совсѣмъ напрасно. Повѣрьте мнѣ, Павелъ Сергѣичъ, что я вовсе не имѣла намѣренія оскорбить васъ! — промолвила Валентина Марковна.

И при этомъ мягкая улыбка внезапно освѣтила ея лицо и блеснула въ глазахъ.

— Если вы такъ боитесь моего покровительства, не будемъ объ этомъ и говорить, горячій молодой человѣкъ... Такъ, безъ просьбы вашей maman, вы не удостоили бы посѣтить такую реакціонерку, — да? Вы, конечно, знаете, что такъ называютъ меня русскіе журналы... либеральные наши журналы, которыми вы, разумѣется, восхищаетесь.

— Я этого не зналъ.

— Развѣ вы не читали, какъ бранили брошюру «Русской»?

— Читалъ.

— «Русская»—мой псевдонимъ.

— Вашъ? Въ первый разъ слышу.

— А я все-таки попрошу васъ передать maman вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ и благодарность за то, что maman послала васъ ко мнѣ. Быть-можетъ, вы и сами когда-нибудь заглянете?

Стрепетовъ, изумленный внезапной любезностью, пробормоталъ нѣсколько благодарныхъ словъ.

Валентина Марковна поднялась съ дивана и подошла къ письменному столу. Черезъ минуту она приблизилась къ Стрепетову и, подавая ему тоненькую книжечку, сказала:

— А пока вотъ возьмите эту брошюру, прочитайте и сообщите потомъ свои впечатлѣнія. Можете не стѣсняться. Я не такая нетерпимая, какъ вы думаете!—прибавила Варницкая съ улыбкою.

Молодой человѣкъ взглянулъ на книжечку, носившую названіе: «Позабытая религія», и вспомнилъ ядовитыя слова Чиркова объ «евангеліи отъ Валентины».

— Непремѣнно прочитайте... Обѣщаете мнѣ?

Стрепетовъ отвѣтилъ, что прочтетъ.

— У насъ религія, къ несчастію, совсѣмъ позабыта, а безъ нея не можетъ быть счастія на землѣ. Люди, не прибѣгающіе къ ея утѣшеніямъ, гоняются за призраками. Въ нихъ ищутъ спасенія, ищутъ разгадки вопросовъ, и ничего не находятъ, кромѣ разочарованія и отчаянія!—говорила Валентина Марковна внушительнымъ, нѣсколько пророческимъ тономъ, и ея лицо снова приняло строгое выраженіе, а глаза словно смотрѣли вдаль, сверкая холоднымъ блескомъ. Въ этомъ взглядѣ было что-то мистическое.

— Вы религіозны, молодой человѣкъ?

— Я? — переспросилъ Стрепетовъ, снова смущаясь отъ неожиданнаго вопроса.

И, послѣ паузы, отвѣтилъ:

— Долженъ признаться, что не очень.

— И, конечно, не молитесь?

«Чего она пристаетъ ко мнѣ?» — подумалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.

— Но вѣдь это ужасно! И всѣ молодые люди такъ... совсѣмъ позабыли религію... А плоды? Невѣріе, пессимизмъ, отчаяніе, самоубійства. Нѣтъ, нѣтъ, спасите ваше сердце, пока оно еще молодо. Вѣрьте безъ разсужденій, безъ анализа. Вѣрьте по-дѣтски, и вамъ будетъ легко.

Она примолкла. Стрепетовъ воспользовался этой минутой и сталъ прощаться.

— Вамъ нужно, Павелъ Сергѣичъ, сдѣлаться хорошимъ христіаниномъ, и, мнѣ кажется, вы способны воспріять истину. Заходите побесѣдовать какъ-нибудь, — безъ церемоній, прямо къ обѣду, къ семи часамъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

И съ этими словами Валентина Марковна милостиво протянула свою маленькую, прелестную, благоухающую ручку, которую молодой человѣкъ слегка пожалъ, не догадавшись поцѣловать по-родственному.

— Вы гдѣ живете?

Стрепетовъ сказалъ.

— Такъ потрудитесь записать вашъ адресъ внизу, у швейцара. Я пошлю вамъ и другія брошюры. Прочтите. Вамъ будетъ полезно. До свиданія. До скораго. Слышите ли?

И она привѣтливо кивнула головой. и опять въ глазахъ сверкнула вызывающая улыбка, чарующая неотразимо

Когда Стрепетовъ спускался съ лѣстницы, навстрѣчу ему поднимался монахъ въ потертой рясѣ, старый, худой, изможденный, съ блѣднымъ, кроткимъ лицомъ, съ небрежно причесанными волосами, предшествуемый лакеемъ съ роскошными бакенбардами.

Монахъ взглянулъ на молодого человѣка съ ласковой, доброй улыбкой. Стрепетовъ поклонился. Старикъ послалъ ему благословеніе и скрылся въ дверяхъ гостиной.

Выйдя на улицу, нашъ молодой человѣкъ вздохнулъ, словно освобожденный отъ какой-то тяжести. Не понравилась ему эта «инквизиторша», какъ мысленно окрестилъ онъ свою тетушку, съ ея допросами, надменностью, холодомъ, съ ея мнѣніями. Онъ, разумѣется, больше не придетъ сюда. Что ему здѣсь дѣлать? Опять смущаться и робѣть передъ ея великолѣпіемъ? И зачѣмъ она звала его? Думаетъ обращать на путь истины?

Онъ снова припомнилъ циничные намеки Чиркова и возмутился за Валентину Марковну. Чирковъ, конечно, клеветалъ. Она можетъ быть несимпатична—эта женщина, но кто можетъ усомниться въ ея добродѣтели? Достаточно ее разъ увидать, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— И какая ослѣпительная красавица!— прошепталъ онъ.

XXI.

Контора и редакція газеты «Родина» помѣщались въ одномъ домѣ. Стрепетовъ сдалъ внизу свое объявленіе и, узнавши, что Поручневъ только-что былъ въ конторѣ и, вѣрно, теперь въ редакціи, поднялся во второй этажъ и вошелъ въ незапертыя двери.

— Здѣсь господинъ Поручневъ?—обратился онъ въ прихожей къ служителю, который въ эту самую минуту подавалъ какому-то господину пальто.

— Я самый къ вашимъ услугамъ! Что̀ вамъ угодно?—проговорилъ господинъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, недовѣрчиво всматриваясь въ незнакомаго молодого человѣка.

Стрепетовъ поклонился и отдалъ письмо.

Пока Поручневъ пробѣгалъ письмо стараго пріятеля, рекомендовавшаго, между прочимъ «симпатичнаго юношу», Стрепетовъ съ особеннымъ любопытствомъ озиралъ небезызвѣстнаго литератора, прежнія статьи котораго производили нѣкоторое впечатлѣніе и увлекали и Стрепетова. Въ Петербургѣ онъ услыхалъ, будто Поручневъ сдѣлался сотрудникомъ «Родины», и что онъ—авторъ недавно появившихся въ газетѣ хлесткихъ фельетоновъ, подписанныхъ «N. N.». Разумѣется, молодой человѣкъ не повѣрилъ этому слуху. Развѣ возможно, чтобы Поручневъ могъ теперь съ такимъ цинизмомъ и озлобленіемъ глумиться надъ тѣмъ, чему поклонялся, и сотрудничать въ газетѣ, о которой — давно ли? — онъ печатно отзывался съ презрѣніемъ?!

Оказывается—слухи были справедливы. Онъ здѣсь.

«Но, конечно, не онъ N. N.?» Не онъ — авторъ этихъ статей, полныхъ злобныхъ выходокъ и клеветъ противъ прежнихъ единомышленниковъ!»—думалъ Стрепетовъ, оглядывая господина въ пальто.

Это былъ худощавый, средняго роста человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ, въ очкахъ, сквозь которыя глядѣли быстрые, безпокойные темные глаза. Лицо Поручнева, красивое и выразительное, не отличалось свѣжестью и здоровымъ цвѣтомъ. Видно было, что онъ пожилъ на своемъ вѣку. Длинные волосы, зачесанные назадъ, и большая курчавая темная борода

придавали его наружности «литературную» складку. Одѣтъ онъ былъ не безъ щеголеватости.

— Очень радъ познакомиться!—привѣтливо молвилъ литераторъ, пробѣжавъ письмо и пожимая Стрепетову руку.—Вы, кажется, два раза были у меня и не заставали дома?

— Да. Вскорѣ, какъ я пріѣхалъ сюда.

— Напрасно не поднялись прямо ко мнѣ, а повѣрили швейцару. Впередъ не вѣрьте ему. Онъ у насъ чертовски глупъ и вѣчно путаетъ... Выйдемте-ка вмѣстѣ. На улицѣ поговоримъ. Давно вы въ Петербургѣ?

— Съ августа.

— Искать работы пріѣхали? Трудная эта задача. Но почему вы меня въ редакціи искали? — неожиданно спросилъ Поручневъ, когда они спускались по лѣстницѣ.

— Мнѣ въ конторѣ сказали, что вы здѣсь. Я въ контору носилъ объявленіе.

— Но если вы справлялись въ конторѣ, значитъ, отъ кого-нибудь слышали, что я работаю въ «Родинѣ»?

— Слышалъ.

— Такъ, такъ-съ. И, вѣрно, съ подобающими комментаріями?—презрительно усмѣхнулся Поручневъ.

И, не ожидая отвѣта, продолжалъ, когда они вышли на улицу:

— Иванъ Филипычъ рекомендуетъ васъ и проситъ оказать содѣйствіе. Чѣмъ могу быть полезенъ? Не согрѣшили ли какой рукописью, а? — шутливо прибавилъ литераторъ, искоса поглядывая на карманъ пальто Стрепетова, не торчитъ ли свертокъ.—Что-жъ? приносите, приносите. Прочтемъ и пристроимъ, если возможно.

— Я не пишу. Я хотѣлъ просить,—если только, конечно, это не стѣснитъ васъ, — насчетъ переводовъ.

— Хотите переводной работы?

Литераторъ усмѣхнулся и безнадежно свистнулъ.

— Я знаю два языка.

— Да хоть бы пять знали. Легче въ царство небесное попасть, чѣмъ достать переводы.

— Это такъ трудно?

— То-то и есть. Переводчиковъ и особенно переводчицъ,— и прехорошенькихъ,—вставилъ онъ съ циничной усмѣшкой:— что мухъ лѣтомъ. Отъ нихъ отбою нѣтъ. А всѣ мѣста заняты. Откуда имъ родить работу?.. Кто заручился, всякій зубами за хлѣбъ держится,—вы понимаете? И хлѣбъ-то какой! Въ двухъ-трехъ журналахъ и газетахъ еще сносно платятъ, а то не хотите ли, батюшка, по копеечкѣ за строчку

или рублика по четыре за печатный листъ, что платятъ разные господа лабазники или малограмотные конторщики, сдѣлавшіеся нынче издателями. И на такой гонораръ бросаются. Есть барыньки, что и за полкопейки готовы переводить со всѣхъ языковъ, лишь бы дали работу, этакъ въ видѣ романа частей въ пять. И кто это подалъ вамъ подобную несчастную идею?

— Самъ додумался до нея!—попробовалъ пошутить Стрепетовъ.

— Плохо же вы знаете Петербургъ. Есть готовое что-нибудь?

— Ничего еще.

— И слава Богу. По крайней мѣрѣ, не потратили даромъ времени.

Стрепетовъ извинился, что побезпокоилъ, и сталъ-было прощаться, но литераторъ удержалъ его.

— Куда вы? Спѣшите развѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ пройдемтесь по Невскому. Поболтаемъ.

Они свернули съ Литейнаго на Невскій. День стоялъ солнечный. Морозъ былъ не сильный. Гуляющихъ и катающихся было множество.

— Ну-съ, разскажите, какъ поживаетъ Иванъ Филиппычъ? Здоровъ? Благополучно учительствуетъ въ Самарѣ? Худосочная, но зато либеральная жена и дѣти, воспитанныя по послѣднему слову науки и потому, надо полагать, безтолковыя, а?.. Все, какъ было?—спрашивалъ, посмѣиваясь, Поручневъ, бросая взгляды на проходящихъ.

— Здоровъ... Учительствуетъ!—отвѣчалъ Стрепетовъ нѣсколько удивленный этимъ тономъ.

— И до сихъ поръ не безъ паѳоса декламируетъ: «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья!» и поетъ послѣ ужина, что ему до сихъ поръ не даютъ... правового порядка, а?—прибавилъ литераторъ.—Попрежнему замерзъ, бѣдняга, на вздохахъ о шестидесятыхъ «годахъ», когда... и прочее?.. Раздаетъ умныя книжечки? Все еще надѣется, что въ самомъ непродолжительномъ времени у каждаго будетъ по курицѣ въ супѣ, а?—насмѣшливо кидалъ Поручневъ фразу за фразой, всматриваясь по временамъ въ встрѣчающіяся женскія лица.

— Вотъ эта... смотрите!—замѣтилъ онъ, подталкивая локтемъ Стрепетова.—Не правда ли, хороша, а?.. Любительница. И Катерина, и Марія Стюартъ, и Офелія, что хотите. Ну, разумѣется, таланту ни на ломаный грошъ, что не мѣшаетъ ей имѣть успѣхъ.

— Какъ такъ?

— Не на сценѣ, конечно... Охотниковъ нынче много. Embarras de richesse!.. Еще бы!.. Дѣвочка прелестная. Одно сложеніе—цѣлый капиталъ!—засмѣялся Поручневъ, подмигивая глазомъ.—Но барышня практичная и умная... въ духѣ времени!..

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Такъ ноетъ Иванъ Филиппычъ, а?.. Вѣдь вотъ-съ, добрѣйшій онъ малый, этотъ Иванъ Филиппычъ, но прямолинеенъ и, по правдѣ говоря, довольно-таки ограниченъ. Какъ декламировалъ прежде: «Впередъ, друзья!»—хоть и не зналъ, куда идти «друзьямъ» впередъ—основывать ли коммуны въ Америкѣ, или дома читать Маркса,—такъ продолжаетъ и до сихъ поръ. Не видитъ, что либеральныя хламиды поизносились. Его до сихъ поръ умиляетъ туманная размазня нашихъ «лучшихъ» журналовъ, которые, какъ онъ пишетъ, «еще сохранили честныя традиціи среди современнаго мракобѣсія». Ну, кто такъ можетъ выражаться, кромѣ Ивана Филиппыча, этого престарѣлаго гимназиста?

Литераторъ проговорилъ всю эту тираду съ насмѣшливымъ раздраженіемъ и иронически подчеркнулъ: «лучшіе журналы».

Этотъ развязный тонъ, это глумленіе надъ добрѣйшимъ, симпатичнымъ Иваномъ Филиппычемъ, учителемъ словесности, котораго обожали ученики за его дѣйствительно рѣдкую доброту и за его идеализмъ въ вѣрованіяхъ и въ отношеніяхъ къ людямъ,—возмущали Стрепетова. Его такъ и подмывало напомнить, что давно ли онъ самъ сбросилъ «либеральныя хламиды» и писалъ тоже въ «лучшихъ журналахъ»,—но не хватило смѣлости...

А Поручневъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вотъ смотрите... Видите, навстрѣчу идетъ великолѣпный брюнетъ въ собольей шапкѣ?

— Вижу.

— Это Иловлевъ,—проговорилъ литераторъ.

— Знаменитый адвокатъ?

— Да.

Стрепетовъ съ любопытствомъ взглянулъ на знаменитаго адвоката, а литераторъ насмѣшливо сказалъ:

— Тоже плачетъ о правовомъ порядкѣ... пра-вовомъ, понимаете ли, господинъ юный провинціалъ? Тоже изъ радикаловъ, что, само собою разумѣется, нисколько не мѣшаетъ господину Иловлеву защищать—за «радикальный» гонораръ—всякихъ проворовавшихся мерзавцевъ. Одно другому не мѣшаетъ... Помогаетъ даже... Съ одной стороны, статейки въ

лучшихъ журналахъ о паденіи цивическихъ добродѣтелей, а съ другой: «Воззрите на убѣленнаго сѣдинами старца, сцапавшаго, по легкомыслію, милліонъ!» Довольно трогательно звонитъ языкомъ. Нажилъ большое состояніе, изучаетъ съ барынями спеціально Шелли и изображаетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ цивическаго страдальца... Хорошъ гусь?.. Ха-ха-ха!.. А тоже знаменитость... Радикалъ... Нашъ извѣстный, талантливый адвокатъ!—со злобой прибавилъ Поручневъ, точно извѣстность адвоката стояла ему поперекъ горла.

Повидимому, литераторъ зналъ въ лицо такъ-называемый «весь Петербургъ». Поминутно онъ обращалъ вниманіе своего спутника то на то, то на другое лицо, при чемъ дѣлалъ краткія и почти всегда злостныя характеристики. «Вотъ эта намазанная барыня на рысакахъ, — такая-то извѣстная актриса... Вотъ этотъ на видъ скромный толстякъ... милліонеръ такой-то, купившій жену у живого мужа за двѣсти тысячъ... Эта вотъ уродливая старая дѣва пишетъ глупые романы, въ которыхъ непремѣнно героиня, некрасивая, но симпатичная дѣвушка, терпитъ злоключенія, зане не находитъ мужа».

— А этихъ двухъ великихъ мужей не знаете?—проговорилъ литераторъ, указывая на двухъ господъ, очень скромно одѣтыхъ, входившихъ къ Доминику.

Стрепетовъ взглянулъ по указанному направленію, но оба господина уже скрылись въ дверяхъ.

— Жаль, не видали двухъ нашихъ знаменитыхъ писателей, господъ Ирецкаго и Казимирова, которые еще недавно смущали многихъ своей quasi-ученой ерундой и радикальными кукишами... Они, впрочемъ, и до сихъ поръ мнятъ себя геніями и находятъ остолоповъ-гимназистовъ и психопатическихъ дуръ, которые вѣрятъ въ ихъ талантъ, въ великое значеніе ихъ радикальнаго печатнаго сумбура и въ ихъ скорбные намеки, что нельзя, молъ, вполнѣ высказаться, а то бы мы поразили свѣтъ своими геніальными идеями... Нельзя, видите ли!.. Ну-съ, такъ теперь, вмѣсто «Воплей объ идеалахъ пятидесятаго столѣтія», эти господа за кружками пива склоняютъ другъ передъ другомъ: «Я геній, ты геній!»—«Я великъ, ты великъ!..» Ха-ха-ха! Только это имъ и осталось... Репутація этихъ самолюбивыхъ пузырей нынѣ повыцвѣла... Полиняла-съ... Довольно морочить публику... Шабашъ! Читатели умнѣе стали.

Лицо Поручнева дышало непонятною для Стрепетова злобой, и въ голосѣ звучала завистливая, озлобленная нотка, когда Поручневъ продолжалъ порочить этихъ двухъ писателей,

стараясь во что бы ни стало представить ихъ въ скверномъ видѣ. Въ его словахъ чувствовалась завистливая злоба мелкой душонки и безсильная ярость ренегата, не останавливающаяся передъ клеветой, чтобы забросать грязью когда-то бывшихъ товарищей.

«Онъ—авторъ этихъ фельетоновъ! Та же злоба... тѣ же выраженія!»—рѣшилъ Стрепетовъ.

Онъ былъ возмущенъ и глубоко разочарованъ въ Поручневѣ. Съ понятіемъ о писателѣ у молодого человѣка соединялось идеальное представленіе о чемъ-то высокомъ, честномъ и безкорыстномъ, а эти злобныя выходки, эти сплетни рисовали литератора въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ.

— Вы, какъ видно, очень раздражены противъ Ирецкаго и Казимирова?—проговорилъ, едва сдерживая негодованіе, молодой человѣкъ.

— Раздраженъ?.. Нисколько. Я просто показываю ихъ au nature!!

— То-есть обливаете грязью?

— Они стоятъ еще большей! злобно произнесъ Поручневъ.

— Я не посвященъ, конечно, въ сплетни, но слышалъ отъ людей, имѣющихъ честь быть знакомыми съ этими лицами, совсѣмъ не то, что говорите вы... Самъ же я знаю ихъ по статьямъ и увѣренъ, что они не могутъ быть такими, какими вы ихъ нарисовали.

— Ого! Какъ вы ихъ горячо защищаете! Вы, значитъ, изъ ихъ поклонниковъ?—насмѣшливо спросилъ Поручневъ.

— Еще бы. Я очень уважаю и люблю этихъ писателей.

— Ну, и поздравляю васъ, молодой человѣкъ!

Съ минуту они шли молча.

Наконецъ Поручневъ спросилъ съ ироническимъ видомъ:

— За что же вы такъ уважаете этихъ господъ?

— За талантъ, за горячую вѣру въ идеалъ правды и добра, за знанія, за умъ. Читая ихъ, научаешься больше и шире понимать, становишься лучше, чище, добрѣе... вотъ за что любятъ и уважаютъ писателей!—горячо проговорилъ Стрепетовъ.

— Такъ-съ... Такъ-съ... Громко!.. Еще бы!.. Либеральный туманъ очень нравится молодымъ людямъ... Ха-ха-ха! —засмѣялся онъ.

Но смѣхъ этотъ—показалось Стрепетову—былъ какой-то ненатуральный.

— Эти люди,—прибавилъ Стрепетовъ:—не мѣняли своихъ убѣжденій, какъ перчатки. А если бы и перемѣнили ихъ, то, я думаю, не поносили бы того, чему только-что поклонялись. Они—не переметныя сумы.

Эти слова точно ужалили Поручнева. Онъ мгновенно позеленѣлъ. Выраженіе злобы и страданія исказило черты его лица. Взглядъ, брошенный литераторомъ на молодого человѣка, былъ полонъ ненависти.

Онъ промолчалъ и принялъ величественный видъ.

Черезъ минуту они разстались сухо и холодно. Поручневъ высокомѣрно кивнулъ головой, не протянувъ руки, и повернулъ въ Конюшенную. Стрепетовъ направился къ Адмиралтейской площади, чтобы сѣсть въ конку и ѣхать домой обѣдать.

Встрѣча и разговоръ съ литераторомъ порядочно-таки взволновали молодого человѣка, и онъ всю дорогу до дому думалъ о Поручневѣ, припоминая и его глумленіе надъ своимъ пріятелемъ—этимъ добрымъ и славнымъ Иваномъ Филиппычемъ, и цинизмъ, съ какимъ Поручневъ оплевывалъ убѣжденія, проповѣдываемыя такъ недавно и такъ горячо имъ же самимъ, и ярость, съ какою онъ старался унизить двухъ извѣстныхъ писателей и забросать ихъ грязью.

Размышляя о литераторѣ, Стрепетовъ въ первыя минуты чувствовалъ лишь негодованіе и презрѣніе къ «тому ренегату», какъ поспѣшилъ онъ его окрестить. Но затѣмъ эти чувства нѣсколько смягчились жалостью—жалостью, испытываемою нравственными и мягкими людьми ко всякому человѣческому паденію. При этомъ Стрепетовъ вспомнилъ, какъ измѣнился Поручневъ въ лицѣ при послѣднихъ словахъ. Онъ принялъ ихъ, очевидно, за личный намекъ, хотя Стрепетовъ и произнесъ эти слова безъ умысла лично оскорбить Поручнева и сказалъ ихъ, имѣя въ виду вообще людей, отступившихъ отъ своихъ убѣжденій. Припомнилъ онъ также и нѣсколько странный допросъ Поручнева о томъ, какъ Стрепетовъ разыскалъ его и почему справлялся въ конторѣ «Родины». Значитъ, онъ скрываетъ свое участіе въ газетѣ, а если скрываетъ, то, слѣдовательно, стыдится?

Отправляясь отъ этой мысли, молодой человѣкъ создавалъ въ своемъ воображеніи картину мучительнаго нравственнаго состоянія этого литератора. Ему казалось, что онъ долженъ испытывать угрызенія совѣсти и «страшно мучиться», не зная покоя, чувствуя на себѣ «неизгладимое клеймо» отступника, избѣгая встрѣчъ съ прежними друзьями и возбуждая недовѣріе новыхъ. Въ концѣ концовъ Стрепетовъ, къ качествѣ фантазирующаго идеалиста, чуть ли не представлялъ себѣ этого литератора въ образѣ Іуды. Рано или поздно, онъ не выдержитъ душевнаго разлада и окончитъ трагически. Подъ бременемъ позора вѣдь жить нельзя,—наивно полагалъ молодой

человѣкъ, продолжая разрисовывать въ своемъ умѣ не настоящаго Поручнева, а какого-то фантастическаго «служителя слова, предавшаго свой талантъ».

Въ искренность превращенія Поручнева Стрепетовъ почему-то не вѣрилъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сразу измѣниться и говорить діаметрально противоположное тому, что̀ говорилъ такъ недавно! И наконецъ не *такъ*—казалось молодому человѣку—должны говорить искренніе люди, перемѣнившіе взгляды. Они могутъ сожалѣть о прежнихъ своихъ заблужденіяхъ, но не оплевывать ихъ. Кумиръ поверженный все же Богъ... Въ противномъ случаѣ, кто же повѣритъ искренности новой проповѣди людей, которые сегодня называютъ ложью то, что̀ вчера считали истиной?

Такъ размышлялъ Стрепетовъ и спрашивалъ себя: какія обстоятельства могли привести человѣка къ подобному нравственному паденію? Что̀ такъ озлобило Поручнева? Что̀ заставило его печатать возмутительныя по своему цинизму статьи, которыя должны были возбудить (не могъ же Поручневъ этого не знать?) чувство негодованія бывшихъ единомышленниковъ и прежнихъ поклонниковъ и читателей?

Нашъ молодой человѣкъ, знавшій Поручнева лишь по его статьямъ, такъ и не могъ рѣшить вопросовъ, невольно возникающихъ въ молодомъ умѣ и требующихъ отвѣта для успокоенія возмущенной совѣсти. Кто не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ (особенно въ дни молодости), сокрушаясь о писателѣ, когда слово его, производившее впечатлѣніе, начинало вдругъ звучать инымъ тономъ?

XXII.

Если бы Стрепетовъ зналъ ближе господина Поручнева, онъ, разумѣется, не задалъ бы себѣ подобныхъ вопросовъ, не создалъ бы изъ него образа Іуды и не окрестилъ бы ренегатомъ. Такая кличка не подходила къ нашему литератору по той простой причинѣ, что у него ни прежде, когда онъ писалъ статьи въ радикальномъ тонѣ, ни теперь—въ періодъ оплевыванія бывшихъ «заблужденій»—не было никакого міросозерцанія и продуманныхъ, опредѣленныхъ убѣжденій.

Онъ былъ своенравное дитя непомѣрнаго самолюбія съ мелкими побужденіями невыдержаннаго темперамента, одна изъ тѣхъ болѣзненно самолюбивыхъ натуръ, притязанія которыхъ неизмѣримо выше отпущенныхъ имъ способностей.

Человѣкъ несомнѣнно талантливый, но безъ образованія, безъ взглядовъ, выработанныхъ жизнью и размышленіемъ, онъ былъ, что̀ французы называютъ, «fruit sec», но при этомъ

съ громаднымъ самомнѣніемъ, жадно мечтавшій объ успѣхѣ, который, казалось ему, достигается безъ упорнаго труда, питавшій глухую ненависть къ чужой извѣстности, мелкій, завистливый и подозрительный, какъ человѣкъ, несомнѣнно страдавшій маніей величія. Во всѣхъ онъ подозрѣвалъ недоброжелателей и завистниковъ, тая про себя горделивое сознаніе непризнаннаго генія, котораго замалчиваютъ.

Еще молодымъ провинціальнымъ чиновникомъ, благодаря своимъ стишкамъ, онъ пріобрѣлъ репутацію «замѣчательнаго пера» и имѣлъ съ десятокъ поклонниковъ. Вскорѣ онъ сдѣлался сотрудникомъ провинціальной газеты, и его первые дебюты произвели рѣшительный фуроръ. Его фельетоны, бойкіе, хлесткіе, обличавшіе литературный талантъ, читались. Всѣ находили, что молодой литераторъ «продергиваетъ» мастерски—на зубокъ къ нему не попадайся. И Поручневъ, въ самомъ дѣлѣ, «продергивалъ» превосходно, не особенно разбирая, кого, за что, справедливо или нѣтъ, трактуя обо всемъ съ апломбомъ невѣжества, почерпнувшаго на-лету кое-какіе обрывки идей изъ послѣдней книжки журнала, третируя всевозможные вопросы съ ухарской развязностью черезчуръ смѣлаго человѣка. О немъ заговорили. Его боялись въ провинціальномъ городкѣ. Фельетонистъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ и у дамъ. Все это льстило его тщеславію. Успѣхъ вскружилъ голову. Въ мечтахъ ему уже грезилась широкая литературная слава, поклоненіе, успѣхи. Онъ вышелъ въ отставку, рѣшившись сдѣлаться литераторомъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ съ пачкой своихъ фельетоновъ, съ самоувѣренной надеждой завоевать себѣ громкое имя, и первые дни ходилъ по улицамъ съ гордымъ видомъ человѣка, который скоро удивитъ міръ.

Онъ принесъ статью къ одному изъ постоянныхъ сотрудниковъ одного журнала, тому самому Ирецкому, о которомъ Поручневъ говорилъ Стрепетову, во время прогулки, съ такимъ озлобленіемъ.

Страшно взволнованный, старавшійся казаться равнодушнымъ, пришелъ Поручневъ за отвѣтомъ и просіялъ, когда Ирецкій сказалъ молодому литератору, что статья написана съ большимъ литературнымъ талантомъ. Она будетъ напечатана, но необходимы передѣлки. Есть промахи... Авторъ недостаточно изучилъ вопросъ, о которомъ пишетъ.

Съ обычной своей экспансивностью Ирецкій заинтересовался Поручневымъ, замѣтивъ въ его статьѣ талантъ. Правда, въ ней авторъ обнаруживалъ недостаточность знаній, въ ней не было ничего своего: это былъ лишь бойкій и остроумный

пересказъ чужихъ мыслей, даже плохо усвоенныхъ, но, вѣроятно, молодой литераторъ со временемъ выработается.

Прецкій далъ указанія насчетъ передѣлокъ статьи, указалъ книги, которыми надо пользоваться, и, когда Поручневъ принесъ передѣланную статью, она была напечатана. Статью замѣтили.

Прецкій первое время положительно нянчился съ Поручневымъ. Онъ ввелъ его въ литературные кружки, давалъ ему темы для статей, указывалъ, что̀ читать, товарищески совѣтовалъ Поручневу серьезно заниматься,—однимъ словомъ, принялъ въ немъ живѣйшее участіе, разсчитывая, что Поручневъ, при своемъ дарованіи, напишетъ что-нибудь значительное.

Надежды эти не оправдались. Поручневъ оставался такимъ же «fruit sec», какимъ и явился къ литератору. Онъ ничего не читалъ, довольствуясь однѣми журнальными статьями и надѣясь на свой талантъ и свое чутье. Но одинъ талантъ не вывезъ. Нѣсколько большихъ статей, написанныхъ съ прежней талантливостью, были ниже всякой критики, и ихъ не приняли. Въ нихъ не было содержанія.

Скромное амплуа литературнаго работника не удовлетворяло Поручнева. Ему хотѣлось славы, настоящей славы, а къ этому и хорошихъ гонораровъ, чтобы можно было жить пошире и не ходить въ потертомъ пальто, и обѣдать въ хорошихъ ресторанахъ, вмѣсто подлой кухмистерской. И Поручневу казалось, что ему не даютъ развернуться, что его нарочно держатъ въ черномъ тѣлѣ. Манія величія росла вмѣстѣ съ неудачами. Во всѣхъ замѣтныхъ писателяхъ онъ видѣлъ враговъ и пресерьезно думалъ, что многіе изъ нихъ, подъ видомъ коварнаго участія, не принимаютъ его большихъ статей изъ зависти, изъ боязни, что успѣхъ статей Поручнева умалитъ ихъ литературное значеніе! Эта мысль сдѣлалась его idée fixe. Глухая злоба точила его. Чужой успѣхъ вселялъ зависть и желаніе его развѣнчать. Онъ пересталъ ходить къ Ирецкому, сталъ избѣгать литераторовъ и въ одиночествѣ своей комнаты нерѣдко мечталъ, горделивый и сіяющій, о томъ, какъ прославится его имя изъ края въ край, и какъ посрамятся его «враги» и «завистники», принужденные наконецъ признать въ немъ великаго публициста.

Какъ и бываетъ съ подобными самолюбивыми маніаками, ненависть къ воображаемымъ врагамъ переходила невольно и къ ихъ взглядамъ. Онъ не пойдетъ по этимъ шаблоннымъ путямъ, о, нѣтъ! Онъ скажетъ что-нибудь «свое», не похожее на то, что̀ говорятъ они, эти «присяжные авгуры радикализма», и разоблачитъ ихъ.

Но «радикальный» мундиръ, который такъ или иначе, но носилъ Поручневъ, все-таки обязывалъ, да и время было еще не такое, чтобы подобныя разоблаченія могли имѣть какой-либо успѣхъ, и Поручневъ, слишкомъ трусливый, чтобы открыто перейти въ другой лагерь, ограничивался лишь мечтами о посрамленіи враговъ да жалобами, изливаемыми имъ передъ двумя-тремя такими же литературными неудачниками (и, конечно, непризнанными геніями), какъ и онъ самъ.

Тогда Поручневъ, послѣ нѣсколькихъ бутылокъ пива, начиналъ говорить о своихъ врагахъ и, главнымъ образомъ, объ Ирецкомъ, и тутъ мелкая душонка самолюбиваго литератора обнаруживалась во всей наготѣ своей. Онъ лгалъ и клеветалъ на своего доброжелателя самымъ наглымъ образомъ. Съ какимъ-то особеннымъ мастерскимъ краснорѣчіемъ сочинялъ онъ грязныя сплетни про Ирецкаго. Онъ, въ сущности, заматорѣлый «буржуа», хотя и представляется защитникомъ угнетенныхъ. Небось, онъ получаетъ самъ чортъ знаетъ сколько, а сотрудникъ—хоть дохни съ голоду! Воображаетъ себя геніемъ и тѣснитъ молодые таланты. Затѣмъ разговоръ переходилъ на другія, болѣе или менѣе извѣстныя, литературныя имена, и цѣлое море грязи, сплетенъ, обвиненій неудержимымъ потокомъ лилось изъ устъ Поручнева. Онъ доходилъ до вдохновеннаго изступленія.

И собесѣдники, едва ли вѣрившіе тому, что̀ разсказывалъ Поручневъ, тѣмъ не менѣе слушали злобныя сплетни съ злорадствомъ. Сами «непризнанные геніи» поддакивали и курили ѳиміамъ Поручневу — благо онъ самъ еще не литературный «генералъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, онъ такой талантъ... Еще недавно его фельетонъ...»

Обыкновенно Поручневъ махалъ рукой и величественно улыбался, словно говоря, что это давнымъ-давно всѣмъ извѣстно, и доставалъ изъ кармана жилетки довольно грязный, вчетверо сложенный, листокъ почтовой бумаги и протягивалъ одному изъ собесѣдниковъ со словами:

— Прочтите-ка вслухъ. Надѣюсь, Достоевскій кое-что понимаетъ, а?..

Это письмо Достоевскаго съ похвальнымъ отзывомъ о первой статьѣ Поручнева, которую онъ въ оттискѣ послалъ знаменитому писателю при письмѣ, было, конечно, отлично знакомо гостямъ Поручнева, какъ и всѣмъ, рѣшительно всѣмъ его знакомымъ.

— Мы знаемъ. Мы читали, что̀ пишетъ Ѳедоръ Михайловичъ!—пробовали-было возразить сразу всѣ три гостя, моло-

дые беллетристы, «ищущіе новыхъ путей» и нѣсколько трусившіе Поручнева, чтобы онъ ихъ не «раздѣлалъ подъ орѣхъ», подъ веселую минуту вдохновенія.

— Вы вотъ это мѣсто прочтите... вотъ на второй страницѣ!—рѣшительно предлагалъ Поручневъ, указывая пальцемъ на строки.

Кто-нибудь прочитывалъ «это мѣсто». Въ немъ Достоевскій говорилъ о «многообѣщающемъ талантѣ».

— Ну, вотъ видите. Самъ Ѳедоръ Михайловичъ. Кажется, авторитетъ?

Всѣ согласились, что авторитетъ.

— А какіе-нибудь Ирецкіе и Казимировы бракуютъ мои статьи. Что это значитъ? Зависть, одна гнусная зависть. Помните «Моцарта и Сальери»?.. Они думаютъ, что кто выживаетъ статьи, обложившись разными источниками, тотъ и правъ... Пляши по ихъ дудкѣ. Оригинальныя мысли не одобряются въ этой лавочкѣ. Лицемѣры!

И Поручневъ высоко поднималъ голову съ выраженіемъ спокойнаго величія во всей фигурѣ.

Когда настала иная пора для журналистики, многіе журналы прекратили существованіе, и нѣкоторые писатели замолкли. Поручневъ пристроился къ той самой провинціальной газетѣ, въ которой началъ свое литературное поприще, и сталъ теперь писать, не стѣсняемый ничьимъ контролемъ, имѣя полную свободу развернуться. Нѣсколько двусмысленныя его «Письма изъ столицы» и затѣмъ первыя, еще нерѣшительныя, но уже довольно скверныя выходки противъ писателей либеральнаго лагеря возмутили нѣкоторыхъ прежнихъ товарищей по журналу, и одинъ изъ нихъ напечаталъ замѣтку, въ которой, между прочимъ, говорилъ о «ренегатахъ». Самъ же Ирецкій отнесся къ выходкѣ Поручнева скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ негодованіемъ, и не одобрялъ замѣтки, направленной противъ Поручнева.

— Какой онъ ренегатъ! Онъ скорѣе Поприщинъ, этотъ несчастный талантливый «fruit sec»! У него за душой нѣтъ ничего и не было. Въ хорошихъ рукахъ онъ былъ полезный работникъ, а теперь... развернулся. И одинъ ли онъ?.. Я только не ждалъ, что онъ при этомъ такая мелкая душонка!..

Такъ отозвался Ирецкій и не считалъ даже нужнымъ отвѣчать на выходку Поручнева.

Замѣтка о «ренегатахъ», а еще болѣе этотъ отзывъ Ирецкаго, переданный кѣмъ-то Поручневу, привели послѣдняго въ ярость. На него даже не обращаютъ вниманія и относятся съ снисходительнымъ презрѣніемъ? Такъ онъ покажетъ *имъ*. Онъ *ихъ* разнесетъ!

И въ слѣдующемъ же «Письмѣ изъ столицы» Поручневъ написалъ одну изъ циничныхъ и яростныхъ статеекъ по адресу либераловъ вообще и Ирецкаго въ особенности.

«Родина» перепечатала и одобрила автора, а вскорѣ Поручневъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ похвалившей его газеты.

Времена перемѣнились. Его статьи имѣли теперь успѣхъ скандала, и Поручневъ могъ обѣдать въ хорошихъ ресторанахъ. Онъ не раскаивался, не испытывалъ угрызеній совѣсти, какъ предполагалъ Стрепетовъ, но молчаливое презрѣніе прежнихъ товарищей озлобляло его. И онъ иногда разражался такими выходками, что даже редакція газеты принуждена была удерживать своего не въ мѣру усерднаго сотрудника отъ слишкомъ ярыхъ нападокъ на все то, что онъ недавно защищалъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ теперь предавалъ оплеванію.

XXIII.

Въ тотъ же вечеръ, въ седьмомъ часу, Стрепетовъ отправился на Англійскій проспектъ, къ капитану перваго ранга Опольеву, чтобы условиться насчетъ урока, рекомендованнаго Риммой Михайловной.

Бѣлобрысый матросъ-вѣстовой, отворившій двери, ввелъ Стрепетова въ гостиную, куда немедленно вышелъ самъ Опольевъ, суровый на видъ, пожилой морякъ, низенькій и сутуловатый, съ большой, замѣтно посѣдѣвшей бородою.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить-съ?

— Стрепетовъ!

Морякъ сильно потрясъ руку молодого человѣка, затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ взялъ Стрепетова за талью и повелъ въ кабинетъ.

— Вотъ, шерочка, рекомендую: Павелъ Сергѣичъ Стрепетовъ! Рекомендовала Римма Михайловна!

Онъ выпалилъ эти слова быстро, громкимъ, отрывистымъ голосомъ, точно произносилъ командныя слова на палубѣ корабля.

И, освободивъ руку Стрепетова, прибавилъ:

— Моя жена, Антонина Сергѣевна!

— Ахъ, какъ ты громко, Никсъ! Даже испугалъ. Очень пріятно познакомиться, мосьё Стрепетовъ. Я столько о васъ слышала отъ голубушки Риммы Михайловны. Прошу садиться.

Полная и высокая, довольно миловидная брюнетка въ черномъ платьѣ, лѣниво приподнявшаяся съ широкой оттоманки,

чтобы протянуть Стрепетову руку, въ противоположность мужу, говорила медленно и тихо, пѣвуче протягивая слова.

Морякъ подкатилъ Стрепетову кресло и самъ опустился на оттоманку рядомъ съ женой.

— Вамъ, мосьё Стрепетовъ, вѣроятно, Римма Михайловна сообщила, что намъ нуженъ учитель, чтобы репетировать съ двумя нашими мальчиками?—спросила Опольева.

— Да, сообщила.

— Алгебра-съ и геометрія-съ хромаютъ! Трудно имъ дается математика!—сказалъ морякъ.

— Ахъ, Никсъ!.. Вовсе не трудно дается!—возразила мягко супруга. — Имъ все легко дается. Они оба очень способные мальчики. Но бѣдняжки цѣлый мѣсяцъ проболѣли. Въ Петербургѣ—такой ужасный климатъ. Натурально, мальчикамъ теперь трудно. И въ гимназіи такія строгости.

— Вдобавокъ и лодыри порядочные!—выпалилъ морякъ.

— Ахъ, Никсъ! Какъ ты выражаешься!.. Павелъ Сергѣичъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ подумать...

— Павелъ Сергѣичъ и самъ увидитъ. Ужъ нечего грѣха таить, шерочка. Лодыри!

Супруга взглянула на мужа съ молчаливымъ упрекомъ.

А морякъ между тѣмъ неожиданно крикнулъ:

— Эй! Малабарскіе пираты!

— Никсъ, Никсъ!—укорила госпожа Опольева и взглянула на Стрепетова, словно бы извиняясь за мужа.

Черезъ минуту въ кабинетъ съ шумомъ вбѣжали «пираты»: два бойкіе, веселые мальчугана въ курткахъ.

Повидимому, ихъ нисколько не смущалъ суровый видъ пожилого моряка, и они приблизились къ нему съ такимъ открытымъ, веселымъ выраженіемъ на своихъ жизнерадостныхъ, симпатичныхъ личикахъ и съ такой любовью глядѣли на отца, что сразу можно было замѣтить, что между дѣтьми и отцомъ существовали самыя лучшія отношенія.

— Вотъ-съ, рекомендую вамъ, Павелъ Сергѣевичъ, двухъ пиратовъ!—проговорилъ морякъ все тѣмъ же рѣзкимъ, громкимъ и, повидимому, сердитымъ тономъ, въ которомъ однако звучала какая-то необыкновенно задушевная нотка.—Пираты, настоящіе малабарскіе пираты-съ!—прибавилъ онъ, оглядывая любовнымъ взоромъ своихъ мальчугановъ и шутливо теребя младшаго за ухо.

Мальчики, весело улыбаясь, подошли къ Стрепетову и крѣпко, по-отцовски, пожали протянутую имъ руку.

— Въ какомъ видѣ вы явились, дѣти!—ужаснулась мать.—Куртки рваныя! Руки грязныя!

Мальчики видимо сконфузились.

— На то, шерочка, они и пираты! Что съ нихъ возьмешь!—вступился отецъ.—Ну, разскажите-ка лучше Павлу Сергѣичу, что у васъ теперь проходятъ. Онъ будетъ заниматься съ вами по математикѣ.

Оба мальчика толково объяснили, что проходятъ у нихъ въ классахъ.

— Ну, теперь гайда! готовить уроки!

— Да руки, руки умойте!

Мальчики выбѣжали изъ кабинета шумно и весело, какъ и вошли.

Прошла минута молчанія. Наконецъ морякъ сказалъ:

— Заниматься съ ними надо часа два-три. Съ шести до девяти вечера, три раза въ недѣлю. Можете-съ?

— Могу.

— А условія сами назначьте-съ!—прибавилъ морякъ.

Стрепетовъ, видимо сконфуженный, затруднялся назначить цѣну.

«Спросить рублей двадцать!»—проносилось у него въ головѣ, но языкъ не поворачивался выговорить цифры.

— Мнѣ кажется, мосьё Стрепетовъ,—поспѣшила вмѣшаться Опольева:—что гонораръ въ размѣрѣ пятнадцати рублей въ мѣсяцъ не будетъ малъ? Отвѣтьте откровенно!—прибавила она тихимъ, пѣвучимъ голосомъ, ласково взглядывая своими большими, мягкими глазами на молодого человѣка.

Стрепетовъ ужъ хотѣлъ-было отвѣтить, что гонораръ совершенно достаточенъ, какъ морякъ громко воскликнулъ:

— Да ты, шерочка, съ ума, что ли, сошла?

Супруга взглянула на мужа наивно-удивленными глазами. Стрепетовъ испытывалъ неловкое положеніе.

— Пятнадцать рублей!? Разсчитай, шерочка. Тридцать шесть часовъ занятій. Меньше полтинника въ часъ!.. Срамъ-съ! Безобразіе-съ!

Стрепетову показалось, что во взглядѣ, которымъ наградила, вслѣдъ за этими словами, госпожа Опольева своего мужа, не было особенной пріятности.

— Чего ты кипятишься, Никсъ,—я, право, не понимаю! Я вѣдь гонораровъ не знаю.

— И не предлагай, шерочка, коли не знаешь.

— Ахъ, Боже мой, какой ты смѣшной!.. Я слышала, что Кузнецовы платили своему репетитору пятнадцать рублей, ну, и позволила себѣ предложить то же мосьё Стрепетову. Я этихъ дѣлъ вѣдь совсѣмъ не понимаю!—прибавила она съ видомъ наивнаго ребенка.

— Кузнецовы!?—вспылилъ морякъ. — Они могутъ и пять рублей предложить, твои Кузнецовы! Мы, шерочка, слава Богу, не Кузнецовы!.. Вы извините-съ, Павелъ Сергѣичъ.

— Помилуйте!—сконфуженно бормоталъ Стрепетовъ.

— Дамы, знаете ли, умѣютъ оцѣнить кружева-съ, фишю-съ какія-нибудь, пуфы-съ, но оцѣнка труда имъ незнакома. Я позволю предложить вамъ тридцать рублей. И то предлагаю низкую плату. Знаю. Но больше не по карману-съ. Какъ угодно.

Жена бросила на мужа быстрый взглядъ, который ясно говорилъ: «дуракъ!» Но морякъ не замѣтилъ взгляда и смотрѣлъ на Стрепетова, ожидая отвѣта.

Стрепетовъ поспѣшилъ отвѣтить, что тридцати рублей за глаза довольно.

— Значитъ, и дѣлу конецъ. А теперь, шерочка, не пора ли чайку. Павелъ Сергѣичъ, надѣюсь, не откажется?—проговорилъ, значительно смягчившись, морякъ.

Но Стрепетовъ извинился, что не можетъ. Онъ спѣшитъ. И онъ сталъ откланиваться.

— Спѣшите,—не смѣю удерживать. Такъ до завтра?—спросилъ Опольевъ, провожая Стрепетова.

— До завтра.

— Да вотъ еще что-съ... ужъ вы извините... я люблю напрямки... Вы моихъ молодцовъ съ толку не сбивайте. Одна математика и больше ничего-съ.

— А что же больше?..

— Да мало ли что?.. Соціализмъ и все такое... Глядишь—и растутъ бунтари. Такъ ужъ вы, пожалуйста...

Стрепетовъ поспѣшилъ успокоить моряка на этотъ счетъ.

— Эй, Степанъ! Опять заснулъ, бестія! Пальто барину!—гаркнулъ морякъ.

И, крѣпко пожимая руку Стрепетову, сказалъ:

— Увидите Римму Михайловну—низкій поклонъ. На рѣдкость дѣвушка. Да-съ. Нынче такихъ мало. Все больше: «ля-ля-ля», по театрамъ да за женихами-съ!.. А мои пираты хоть и лодыри, а добрые ребята. Надѣюсь, съ ними поладите, Павелъ Сергѣичъ!—прибавилъ морякъ.

Стрепетовъ шелъ на Кирочную въ счастливомъ настроеніи благодарнаго и влюбленнаго человѣка. «Что это за добрѣйшее созданіе! Она хлопотала о немъ—и хоть бы когда обмолвилась словомъ. Благодаря этому уроку онъ можетъ теперь посылать домой тридцать рублей каждый мѣсяцъ. Быть-можетъ, и изъ объявленій что-нибудь да выйдетъ!»

«А этотъ суровый на видъ, точно лающійся морякъ, должно-

быть, добрѣйшій человѣкъ! Какъ онъ напалъ на жену за пятнадцать рублей!.. Жена удивительно мягко и тихо говоритъ. Она не особенно понравилась. А «пираты»—напротивъ. Вѣрно, въ самомъ дѣлѣ, хорошіе ребята, и онъ съ ними поладитъ».

Такія мысли пробѣгали въ головѣ Стрепетова, пока онъ торопливо шелъ по улицамъ. Къ вечеру заморозило сильнѣе, задулъ сѣверный вѣтеръ. Дешевенькое зимнее пальто съ маленькимъ мерлушечьимъ воротникомъ, болѣе для виду, чѣмъ для тепла, грѣло неважно. И щеки, и уши, и носъ пощипывало порядочно. Но молодой человѣкъ, предвкушавшій близость свиданія съ «мадонной», только-что получившій хорошій урокъ и согрѣвавшійся надеждами на будущее, конечно, не обращалъ большого вниманія ни на морозъ ни на рѣжущій лицо ледяной вѣтеръ, особенно сильный на перекресткахъ, и, радостный, несся на всѣхъ парусахъ.

— Павелъ Сергѣевичъ! Куда такъ стремительно?

Веселый, заразительный хохотъ раздался надъ ухомъ Стрепетова, вслѣдъ за окрикомъ, и Галанинъ, въ приличномъ мѣховомъ пальто, румяный отъ мороза, веселый и смѣющійся, остановилъ Стрепетова на углу Невскаго и Литейной около ярко освѣщенныхъ витринъ фруктоваго магазина.

— И не стыдно? Совсѣмъ забыли пріятеля? Мѣсяцъ не были... Ну, какъ дѣла?

Стрепетову, въ самомъ дѣлѣ, было стыдно. Цѣлый мѣсяцъ не видалъ Галанина. Онъ отвѣтилъ, что дѣла «ничего себѣ», сейчасъ еще урокъ получилъ, и, въ свою очередь, освѣдомился, какъ поживаетъ Галанинъ.

— Отлично... Превосходно! Теперь я на самой лучшей «линіи», какъ говоритъ мой философъ Ипатъ. Новая «абонировка» жизни, какъ онъ выражается... ха-ха-ха!.. Больше ужъ не поддаюсь «игрѣ воображенія»! И можете поздравить, милый человѣкъ!—прибавилъ Галанинъ задушевно, съ выраженіемъ радости въ лицѣ.

— Съ чѣмъ?

— Съ чѣмъ?—упрекнулъ Галанинъ.—Точно не догадываетесь? Ѳеничка наконецъ согласилась.

— Согласилась?—невольно вырвался вопросъ, обнаружившій удивленіе.

— Да, голубчикъ, согласилась выйти замужъ за меня, за стараго неудачника, послѣ того, какъ я выдержалъ искусъ. «Не пейте, говоритъ, и я посмотрю». Я и не пью. Къ жизни возвратила эта золотая душа. Человѣкомъ снова сдѣлала меня Ѳеничка. Чѣмъ только я ей отплачу?.. Но пока это дѣло въ секретѣ. Мать не знаетъ,—а то бы не дала ей покоя. Вѣдь

она иную карьеру готовитъ ей. Содержанкой хочетъ сдѣлать, подлая тварь!.. Но теперь—шалишь! Да что же мы стоимъ? Идемъ къ намъ, въ мои милыя трущобы. Вотъ я сыру и пастилы абрикосовской купилъ... Ѳеничка любитъ. Отлично за чаемъ посидимъ. Мегеры дома нѣтъ. Уѣхала, гадина, со своимъ мерзавцемъ Евфратовымъ въ циркъ. Ѳеничка будетъ рада... Идемъ, голубчикъ!

Стрепетовъ горячо поздравилъ Галанина, но идти съ нимъ отказался. Онъ сегодня не можетъ.

— Къ Риммѣ Михайловнѣ, что ли, идете?—съ ласковой усмѣшкой спросилъ Галанинъ.

— Да... къ ней, благодарить за урокъ. Это она устроила... А ваша свадьба скоро?

— Какъ получу мѣсто, понимаете ли, прочное мѣсто, чтобы не висѣть съ Ѳеничкой въ воздухѣ. Тогда позову васъ въ шафера. Ужъ за меня хлопочутъ... Нашлись увѣровавшіе въ мое обновленіе... Ха-ха-ха! Мировымъ судьей въ Польшѣ, въ какомъ-нибудь маленькомъ городишкѣ... Отлично бы зажили съ Ѳеничкой. Она хочетъ куда-нибудь въ глушь... подалѣе отъ петербургскаго разврата... этихъ театровъ... троекъ и всякой пакости... А пока надо, Павелъ Сергѣевичъ, деньжонокъ прикопить, чтобы по-хорошему жить... своимъ домкомъ... Просто не вѣрится такому счастію!—прибавилъ Галанинъ съ радостнымъ возбужденіемъ.—Я и пишу цѣлые дни свои «кассаціи», по терминологіи Ипата, ха-ха-ха!.. И ужъ получаю отъ нашего общаго патрона по сто пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Когда же къ намъ? И Ипатъ ужъ спрашиваетъ: не вышло ли пижонистому Павлу Сергѣевичу новой «абонировки»? Ха-ха-ха! Заходите же, милый... Поболтаемъ... О Чирковѣ разскажете... Уволили-таки нашего Пилата!.. Надо зайти къ нему... Онъ вѣдь не разъ помогалъ мнѣ...

Стрепетовъ обѣщалъ зайти на-дняхъ, и пріятели разстались, оба спѣшившіе, оба влюбленные, оба иззябшіе...

Стрепетовъ недоумѣвалъ согласію Ѳенички и, признаться, не особенно радовался за своего пріятеля. Будущая супружеская жизнь ихъ представлялась ему новымъ и тяжелымъ испытаніемъ для этого милаго и симпатичнаго человѣка. Ѳеничка вѣдь не любитъ его!

XXIV.

Вотъ наконецъ и Кирочная. Вотъ и этотъ высокій домъ, противъ оголеннаго Таврическаго сада, — домъ, казавшійся Стрепетову самымъ «милымъ» въ Петербургѣ.

Онъ торопливо прошелъ черезъ дворъ и, не переводя духа,

вбѣжалъ въ пятый этажъ. На этотъ разъ онъ позвонилъ не столь робко, какъ онъ это дѣлалъ, когда являлся у дверей не въ журфиксы и не надумавши хорошаго предлога. Сегодня у него были самые уважительные предлоги: во-первыхъ, его звала Вѣнецкая почитать вслухъ, а во-вторыхъ, обязанъ же онъ поблагодарить Римму Михайловну. Этого требуетъ долгъ простой вѣжливости.

Но когда Ариша, пожилая женщина, исполнявшая обязанности кухарки и горничной со времени поступленія Вѣнецкой и Нерпиной на курсы и очень привязанная къ своимъ барышнямъ, отворила двери и встрѣтила, по обыкновенію, Стрепетова съ привѣтливой улыбкой, молодой человѣкъ, обмѣнявшись съ Аришей привѣтствіемъ, все-таки не рѣшился спросить: дома ли Римма Михайловна, а дипломатически освѣдомился лишь объ одной Вѣрѣ Александровнѣ.

— Вѣры Александровны дома нѣтъ. Она только-что уѣхала въ театръ съ Андреемъ Иванычемъ!

Это извѣстіе смутило Стрепетова, и онъ въ нерѣшительности стоялъ у дверей.

— Да вы входите, входите, Павелъ Сергѣичъ. Другая наша барышня дома.

— Но Римма Михайловна, вѣрно, занята? Я, впрочемъ, на минуту!—возбужденно проговорилъ Стрепетовъ, входя въ прихожую.

— Зачѣмъ на минуту? Посидите съ барышней, чаю у насъ покушайте. Барышня не учится. Сегодня у насъ «экзаментъ» былъ, она и отдыхаетъ... Скорѣе бы эти «экзаменты» кончились. Истомили они, проклятые, бѣдную барышню. Съ ранняго утра до поздней ночи за книжками. И вынослива же она!.. Я бы, кажется, давно плюнула... Идите, Павелъ Сергѣичъ, прямо въ барышнину комнату. Она тамъ у огонька сидитъ, грѣется. Идите... Ничего!..—говорила Ариша, увидавъ, что Стрепетовъ нерѣшительно топтался въ гостиной.

— Ужъ вы лучше доложите, Ариша... А то какъ же я такъ войду?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Такъ и ступайте... Чего бояться?..

— Нѣтъ, все-таки...

— Ну, ладно... ладно... Скажу!—смѣясь, проговорила Ариша.

Черезъ минуту вышла Римма Михайловна.

При видѣ ея у Стрепетова сильнѣе забилось сердце. Радостный и смущенный, стараясь скрыть свое волненіе, онъ поздоровался и тотчасъ же сталъ извиняться, что позволилъ себѣ помѣшать Риммѣ Михайловнѣ. «Онъ всего лишь на пять минутъ, чтобы... собственно говоря...»

— Вы не помѣшали. Я отдыхаю сегодня послѣ экзамена!— перебила его Римма Михайловна, привѣтливо взглядывая на молодого человѣка.—Пойдемте ко мнѣ. У меня теплѣе: каминъ топится.

Она повернулась, и Стрепетовъ пошелъ за нею. Онъ въ первый разъ удостоился приглашенія въ ея комнату. И онъ вступилъ въ нее съ тѣмъ чувствомъ трепетнаго благоговѣнія, съ какимъ вѣрующіе вступаютъ въ храмъ. Онъ невольно пріостановился на порогѣ, окидывая восторженнымъ взглядомъ комнату, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ лампы и огонькомъ камина. Вотъ письменный столъ, за которымъ *она* занимается, шкапъ съ книгами, опять книги на этажеркѣ, маленькій диванчикъ противъ двери, два кресла, влѣво ширма, скрывающая кровать, бѣлыя занавѣси на окнахъ, зелень растеній. И все такъ чисто, свѣжо, все въ такомъ безукоризненномъ порядкѣ въ этомъ «святилищѣ», полномъ какой-то особенной прелести, говорящей о жизни труда и мысли, въ этомъ «храмѣ», такомъ же скромномъ, строгомъ и застѣнчиво-цѣломудренномъ, какъ и сама «богиня».

— Что-жъ вы стоите? Садитесь.

Этотъ голосъ, ровный и мягкій, заставилъ Стрепетова очнуться. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ торчитъ какъ пень?

Но прежде чѣмъ сѣсть, вѣдь ему надо скорѣе объяснить, почему онъ пришелъ, чтобы *она* не могла заподозрѣть его въ дерзкой навязчивости. И онъ торопливо, путаясь въ словахъ, снова пустился объяснять, что онъ, «собственно говоря...»

— Видите ли... Вѣра Александровна звала читать сегодня... Я и пришелъ.

— Вѣра просила очень извиниться.

— Да я... что-жъ!.. Это ничего!.. — пробормоталъ Стрепетовъ.

— Пріѣхалъ Андрей Иванычъ и соблазнилъ Вѣру ѣхать въ театръ.

— И отлично. Но, кромѣ того, то-есть, собственно говоря, если бы Вѣра Александровна и не звала, я все-таки забѣжалъ бы на минутку, чтобы горячо поблагодарить васъ за урокъ, то-есть не за урокъ—что урокъ!—а за ваше участіе. Оно меня тронуло, понимаете?.. участіе ваше... Я не умѣю выразить, какъ безконечно я благодаренъ вамъ, Римма Михайловна!.. Вѣрьте, я не забуду этого никогда, никогда!

Онъ говорилъ взволнованно, порывисто и стремительно, точно боясь, что ему не дадутъ окончить, и голосъ его дрожалъ.

Благодаря его любви, обыкновенная услуга, оказанная ему Риммой, вырастала въ его влюбленныхъ глазахъ чуть ли не въ подвигъ безпримѣрной доброты, и преувеличенное чувство благодарности невольно сливалось въ его горячихъ изліяніяхъ съ чувствомъ любви и восхищенія.

И когда онъ проговорилъ свою тираду и, протянувъ руку, пожималъ маленькую руку дѣвушки, его лицо было взволновано.

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ! Вы лучше разскажите, какъ вы поладили съ Опольевыми? — спросила дѣвушка, освобождая руку и отводя глаза.

Ея большіе бархатные глаза оживились, и улыбка, мягкая, ласковая и слегка грустная, стояла въ нихъ. Это искреннее, напоминающее что-то дѣтское, проявленіе благодарности не Богъ знаетъ за какую услугу тронуло и удивило Римму Михайловну. Отъ словъ этого юноши вѣяло такимъ тепломъ, такой подкупающей лаской искренности! И самъ онъ такой жизнерадостный, симпатичный, красивый со своими кудрями и славными открытыми глазами!

«Да, Аркадія!»—мысленно повторила дѣвушка прозвище, данное Стрепетову Черникомъ, и въ ту же минуту вспомнила о стихотворной «Богинѣ», о которой сегодня разсказывалъ, посмѣиваясь, Черникъ, передавая подробности своего визита къ «милому аркадскому пастушку».

Полчаса тому назадъ еще Римма Михайловна строго нахмурила брови, когда профессоръ въ шутливой формѣ намекалъ о восторженномъ поклоненіи юноши какой-то «богинѣ» и разсказалъ, какъ Стрепетовъ ее канонизировалъ заживо въ святыя, а теперь?.. Теперь суровая «богиня» не хмурила бровей. Она взглянула на «аркадскаго пастушка» съ мягкой, задумчивой улыбкой и инстинктивно поправила прядку волосъ.

— Пустяки!?—воскликнулъ Стрепетовъ, присаживаясь на стулѣ, около Риммы Михайловны, передъ каминомъ. — Для васъ, положимъ, пустяки, но многіе ли способны на такіе пустяки?—прибавилъ Стрепетовъ.

— Не кипятитесь, Павелъ Сергѣевичъ! — улыбнулась дѣвушка.—На такіе пустяки способны многіе.

— Извините! Многіе станутъ хлопотать о родныхъ, о близкихъ... Но вѣдь вы хлопотали, вы отнимали у себя дорогое время... для кого?.. Для человѣка, совершенно вамъ посторонняго... для случайнаго знакомаго... Вотъ въ чемъ суть, понимаете? Для совершенно посторонняго человѣка!.. Это не пустяки!

— Повторяю, вы преувеличиваете мою услугу... Перестанемъ объ этомъ говорить... Да и никакихъ хлопотъ не было!

Она проговорила эти слова сдержаннымъ, даже холоднымъ тономъ, не глядя на Стрепетова, и тотчасъ же поднялась съ кресла и стала усердно мѣшать щипцами дрова. Румянецъ заливалъ ея подернутыя пушкомъ щеки.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь она, правдивая даже въ мелочахъ, на этотъ разъ лгала. Она слишкомъ даже усердно хлопотала объ урокахъ для Стрепетова и, главное, только теперь, послѣ его горячихъ словъ, сознала, что въ ея хлопотахъ была не одна простая забота, а что-то другое, и что такъ горячо хлопотать она не стала бы для каждаго посторонняго человѣка. И это сознаніе заставило невольно покраснѣть дѣвушку.

Но, разумѣется, Стрепетовъ не долженъ этого знать.

«Пусть онъ остается въ пріятномъ заблужденіи насчетъ моихъ добродѣтелей!»—подумала дѣвушка.

А у Стрепетова ужъ упало сердце, когда онъ услыхалъ холодный тонъ послѣднихъ словъ. Ему казалось, что Римма Михайловна разсердилась на него, и что вотъ сейчасъ это дивное очарованіе, эта бесѣда вдвоемъ въ ея комнатѣ окончится, и онъ долженъ уйти. Что онъ такое сказалъ? О, дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ онъ такъ благодарилъ ее? Зачѣмъ оскорбилъ ея скромность? Вѣдь предупреждалъ же его Черникъ, чтобы онъ не очень разсыпался въ благодарностяхъ!

И, за минуту еще радостный и счастливый, нашъ молодой человѣкъ вдругъ пріунылъ и какъ-то весь притихъ, какъ притихаютъ обиженныя дѣти.

Притихла и Римма Михайловна, когда, снова усѣвшись въ кресло, пристально и задумчиво смотрѣла на огонекъ, вспыхнувшій въ каминѣ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

Стрепетовъ не спускалъ очарованныхъ глазъ съ Риммы Михайловны. Она казалась ему необыкновенно привлекательной. Такой другой нѣтъ на свѣтѣ. И, пользуясь тѣмъ, что Римма Михайловна не глядѣла на него, молодой человѣкъ жадно любовался ея профилемъ, родимымъ пятномъ на щекѣ, бѣлизной шеи, кистью опущенной руки. Самъ дивясь своей дерзости, замирая отъ трепета, онъ смотрѣлъ, какъ колышется грудь его «мадонны». Въ эти мгновенія онъ испытывалъ тоскливое волненіе и какую-то жгучую прелесть неопредѣленной грусти безнадежно влюбленнаго. Онъ желалъ ей мысленно счастья и хотѣлъ бы прикоснуться устами къ ея рукѣ. Эта безумная мысль опьяняла его. О, какъ хорошо

подлѣ этой дѣвушки! Онъ долго-долго сидѣлъ бы такъ съ нею вдвоемъ, въ этой комнатѣ, передъ мерцающимъ огонькомъ. Ему хотѣлось бы броситься къ ногамъ Риммы Михайловны, чтобы вымолить прощеніе. Она, навѣрное, разсердилась и оттого молчитъ и такъ строго смотритъ передъ собой. Хоть бы она взглянула!

И Стрепетовъ поднялъ взглядъ съ колыхавшейся груди дѣвушки на ея лицо.

Глаза ихъ встрѣтились. Онъ испуганно отвелъ свой взоръ, краснѣя, какъ пойманный на преступленіи, ужасаясь при мысли, что Римма Михайловна могла замѣтить его святотатственное созерцаніе и... сейчасъ прогонитъ его, какъ послѣдняго негодяя... И онъ замеръ въ страхѣ отъ своей дерзости.

— Что-жъ вы примолкли, Павелъ Сергѣевичъ? Разскажите-ка лучше, какъ вы поладили съ Опольевыми?—проговорила Римма Михайловна.

И Стрепетовъ опять просіялъ. Ея голосъ снова звучалъ привѣтливо, и глаза глядѣли ласково.

Онъ подробно разсказалъ о своемъ посѣщеніи, упомянулъ, какъ Опольевъ напалъ на жену, и, когда окончилъ разсказъ, Римма Михайловна замѣтила:

— Этотъ морякъ, въ сущности, добрѣйшій человѣкъ.

— Мнѣ тоже онъ показался такимъ. А жена его?..

— Я ее такъ мало знаю, что не считаю себя въ правѣ говорить о ней. Мнѣ она не нравится.

— Вообразите... И мнѣ она не понравилась! — радостно воскликнулъ Стрепетовъ, видимо довольный, что ихъ мнѣнія сошлись.

— А «пиратовъ» видѣли?—съ улыбкой спросила дѣвушка.

— Прелесть! — восторженно отвѣчалъ Стрепетовъ и радостно улыбался не столько оттого, что «пираты»—прелесть, сколько отъ счастья видѣть мягкую улыбку дѣвушки и отъ мысли, что она, значитъ, не сердится.

Вошла Арина и сказала, что самоваръ на столѣ.

— Пойдемте чай пить, Павелъ Сергѣевичъ!

И эти обыкновенныя слова, сказанныя привѣтливымъ тономъ, показались Стрепетову какой-то чарующей музыкой.

Они перешли въ сосѣднюю комнату. Тамъ, на небольшомъ кругломъ столѣ, накрытомъ скатертью, блестѣлъ самоваръ. Ветчина, яйца, сыръ, масло и хлѣбъ смотрѣли такъ аппетитно! Римма Михайловна сѣла у самовара, а Стрепетовъ—сбоку, но такъ, чтобы самоваръ не заслонялъ лица дѣвушки, и такимъ образомъ молодой человѣкъ могъ любоваться мяг-

кими, граціозными движеніями, съ какими она сперва выполоскала чайникъ, потомъ заварила чай и затѣмъ прикрыла чайникъ салфеткой.

— Что-жъ вы ничего не ѣдите, Павелъ Сергѣевичъ?

Но Стрепетовъ былъ такъ переполненъ счастьемъ, что ему было не до ѣды. Онъ отказался.

Римма Михайловна налила ему чаю. Когда она передавала ему стаканъ, пальцы молодого человѣка нечаянно коснулись пальцевъ дѣвушки. Это прикосновеніе заставило его быстро отдернуть стаканъ.

— Обожглись? — спросила Римма Михайловна, думая, что пролился чай.

— Нѣтъ... да... чуть-чуть! — пробормоталъ онъ, чувствуя въ то же время, что кровь заливаетъ щеки.

— А я сегодня голодна... Вѣрно, послѣ экзамена! —пошутила Римма Михайловна.

И, пересѣвъ отъ самовара, она стала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— Экзаменъ, конечно, прошелъ хорошо?—спрашивалъ Стрепетовъ.

— Почему «конечно»? Профессоръ всегда можетъ оборвать, если захочетъ...

— Но не оборвалъ?

— Нѣтъ...

Между тѣмъ молодой человѣкъ, при видѣ хорошаго расположенія Риммы Михайловны, и самъ мало-по-малу разошелся и сталъ разсказывать о своихъ похожденіяхъ въ этотъ день: о Чирковѣ, о Валентинѣ Марковнѣ, о встрѣчѣ съ литераторомъ.

Дѣвушка слушала съ большимъ интересомъ и съ видимымъ сочувствіемъ къ молодому человѣку, не пожелавшему воспользоваться покровительствомъ своей богатой и вліятельной родственницы.

— Мнѣ разъ показывали Варницкую въ театрѣ... Ее знаетъ Черникъ... Она очень красивая женщина!—замѣтила Римма Михайловна.

— Да, красивая, но красота ея мнѣ не нравится...

— Почему?

— Это красота какая-то надменная и вообще не въ моемъ вкусѣ.

— А какой у васъ вкусъ?

— О, совсѣмъ другой! — промолвилъ возбужденно Стрепетовъ.

Римма Михайловна покраснѣла.

— Оно, впрочемъ, и понятно, что красота Варницкой вамъ не нравится!—сказала, послѣ паузы, дѣвушка.

— Отчего?

— У васъ вкусъ долженъ быть неиспорченный, и отцвѣтшая красота васъ не можетъ привлекать... Вамъ не должны нравиться женщины старше васъ... Это неестественно... это нелѣпо! — продолжала Римма Михайловна наставительнымъ тономъ.—Молодости должна нравиться молодость!—строго заключила дѣвушка.

«Неужели она догадывается и намекаетъ на меня? О такихъ щекотливыхъ предметахъ она никогда не говорила!»—пронеслось у Стрепетова въ головѣ.

И ему сдѣлалось жутко, именно жутко, точно онъ очутился надъ пропастью, и въ то же время что-то неодолимо тянуло его поднять брошенную перчатку. Будь что будетъ, а онъ выскажетъ свое мнѣніе.

И юноша проговорилъ съ какой-то безумной отвагой:

— Но развѣ можно приказать сердцу: люби то, не люби это? Почему же нельзя любить благоговѣйно, свято, втайнѣ, какъ любятъ Бога, женщину, хотя бы она была и старше? Какое дѣло до лѣтъ, если такая женщина—идеалъ всего хорошаго, чистаго и святого!.. Это можетъ быть дерзостью, безуміемъ, святотатствомъ, но... развѣ это невозможно?..

И, точно самъ испугавшись своего страстнаго, горячаго тона и своей дерзости, онъ смущенно прибавилъ:

— Я, разумѣется, говорю теоретически... Вы понимаете, Римма Михайловна?

Эти искреннія горячія слова, вырвавшіяся прямо изъ переполненнаго сердца,—слова, краснорѣчиво говорившія о восторженномъ, благоговѣйномъ чувствѣ, чистомъ и свѣжемъ, какъ дыханіе весны, — взволновали дѣвушку и удивили ее своей порывистостью. Она жадно внимала этимъ давно не слышаннымъ, но столь желаннымъ словамъ любви, — повидимому, спокойная и серьезная, ничѣмъ не обнаруживая волненія, съ опущенными рѣсницами, прикрывавшими ея глаза, загоравшіеся жаждою жизни, и что-то радостно-жгучее и счастливое проникало къ сердцу и разливалось по жиламъ. Но въ то же время разсудокъ шепталъ, что «все это глупо, нелѣпо, невозможно»...

«Надо образумить безумнаго юношу!»—рѣшила она, когда голосъ его смолкъ.

И Римма Михайловна, чуть-чуть закраснѣвшаяся, подняла на смущеннаго Стрепетова почти-что строгій взглядъ и съ живостью возразила съ едва замѣтною дрожью въ голосѣ:

— Я не сомнѣваюсь, что вы говорили теоретически... Но и ваша теорія... извините... слишкомъ ребяческая... Вы очень юны и не знаете еще людей... Во-первыхъ, такого идеальнаго совершенства, о которомъ вы такъ восторженно говорили, въ дѣйствительности не бываетъ.

Стрепетовъ сдѣлалъ протестующій жестъ. Робкій и умиленный его взглядъ, казалось, говорилъ: «А вы-то сами?»

А дѣвушка, замѣтивъ этотъ взглядъ, продолжала еще болѣе строгимъ и наставительнымъ тономъ, словно она говорила съ ребенкомъ:

— И всѣ эти ваши совершенныя женщины, всѣ эти идеалы всего «святого, чистаго и возвышеннаго»—фантазія юнаго воображенія... Онѣ кажутся такими лишь издали, а вблизи онѣ самыя обыкновенныя существа... И вмѣсто блестящаго миража, созданнаго фантазіей, разочарованіе...

Стрепетовъ опять сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе протеста.

А Римма Михайловна между тѣмъ говорила:

— Эти увлеченія юношей почти старухами, къ сожалѣнію, случаются, но это безуміе, блажь, которая скоро проходитъ... которая должна пройти... Умный человѣкъ отъ нихъ скоро избавляется...

— А если избавиться невозможно?.. Если...

— Вздоръ! — рѣзко перебила Римма Михайловна. — Для этого у человѣка долженъ быть характеръ, должна быть сила воли... И наконецъ такія увлеченія ни къ чему не приводятъ... Они безплодны... Неужели вы думаете, что серьезная женщина, въ лѣтахъ, можетъ отвѣчать на страсть какого-нибудь сумасшедшаго мальчишки? — строго прибавила дѣвушка.

И въ ту же минуту она смутилась и покраснѣла, чувствуя, что говоритъ неправду.

— Но развѣ нельзя привязаться къ человѣку, не смѣя даже и мечтать о сочувствіи? — вырвался у Стрепетова вопросъ, робкій и жалобный.

Римма Михайловна пожала плечами.

— Это самообманъ!.. Нелѣпыя фантазіи! По счастью, всѣ эти такъ-называемыя «безнадежныя» привязанности у юношей—до первой встрѣчи, до новаго хорошенькаго, молодого личика...

Стрепетовъ обиженно молчалъ.

— А впрочемъ, къ чему продолжать нашъ теоретическій споръ?.. Вы, Павелъ Сергѣевичъ, конечно, никогда не увлечетесь какой-нибудь старой дѣвой или перезрѣлой красави-

цей... Вы слишкомъ умны для подобной нелѣпости, и наконецъ вамъ, я думаю, и некогда было бы заниматься подобными глупостями... У васъ есть дѣла и заботы посерьезнѣе...

И, не выжидая отвѣта, словно боясь его, Римма Михайловна спросила:

— Давно имѣли извѣстія изъ дома?

— Третьяго-дня.

— Всѣ здоровы?

— Мама пишетъ, что здорова, но она, какъ и вы, называетъ себя здоровой, когда больна. Ея здоровье плохо!—печально прибавилъ Стрепетовъ.

— А какъ ваши хлопоты о мѣстѣ?

— Пока все неудачны.

Немного погодя Римма спросила:

— Къ Варницкой еще собираетесь?

— Зачѣмъ я пойду къ ней?

— Но она васъ такъ просила! Ей хочется обратить васъ на путь истины! — замѣтила съ улыбкой Римма Михайловна.

— Богъ съ ней! Она мнѣ совсѣмъ не нравится, эта барыня, и я къ ней не пойду!

Наступило молчаніе. Стрепетовъ сидѣлъ смущенный и подавленный. Только-что бывшій «теоретическій разговоръ» привелъ молодого человѣка въ грустное настроеніе. Она знаетъ о его любви и, удивленная такой дерзостью, конечно, имѣла въ виду его, когда говорила о «безумномъ мальчишкѣ». Дуракъ! Зачѣмъ онъ противорѣчилъ? Молчи онъ,—никогда бы она не догадалась! Только она напрасно думаетъ, что его привязанность скоро пройдетъ. Никогда!

Вспоминая эти обидныя слова дѣвушки, Стрепетовъ чувствовалъ себя безконечно несчастнымъ. Она должна, разумѣется, презирать его, «безумнаго мальчишку». А онъ, нахалъ, все еще сидитъ здѣсь, оскорбляя своимъ присутствіемъ это чистое, святое созданіе.

И молодой человѣкъ рѣшительно поднялся съ мѣста и сталъ искать свою шапку.

Риммѣ Михайловнѣ вдругъ сдѣлалось жаль, что Стрепетовъ уходитъ,—точно вмѣстѣ съ нимъ уходило что-то хорошее, согрѣвающее ея сердце. Притомъ онъ уходитъ съ такимъ робкимъ и печальнымъ лицомъ, словно обиженный ребенокъ. Не слишкомъ ли сурово она обошлась съ нимъ?

И по какой-то странной логикѣ, секретомъ которой владѣютъ только женщины, Римма Михайловна, несмотря на очевидность, теперь увѣряла себя, что «юноша» вовсе не

такъ сильно увлеченъ ею, какъ ей казалось. У него просто дружеское расположеніе одинокаго провинціала, скучающаго безъ семьи, за которое она отплатила такъ жестоко! Ей хотѣлось какъ-нибудь пригрѣть, успокоить напрасно обиженнаго молодого человѣка, а то онъ, пожалуй, обидится и перестанетъ ходить. Если даже онъ и въ самомъ дѣлѣ чуть-чуть увлеченъ, то, разумѣется, послѣ ея словъ блажь его пройдетъ. Слѣдовательно... можно попросить его остаться!—заключила она, сама радуясь такому естественному, казалось ей, заключенію.

И, когда Стрепетовъ подошелъ къ Риммѣ Михайловнѣ съ шапкой въ рукѣ, дѣвушка проговорила съ ласковымъ выраженіемъ:

— Развѣ вы спѣшите, Павелъ Сергѣевичъ?.. Еще такъ рано.

Въ отвѣтъ на эти слова, Стрепетовъ взглянулъ такими радостно-изумленными глазами, что хозяйка смутилась.

— Я не спѣшу,—отвѣчалъ онъ съ видомъ растерявшагося человѣка:—я никуда не спѣшу, но, видите ли...

Казалось, что-то мѣшало ему говорить.

— Видите ли, я думалъ, что и безъ того безсовѣстно-долго сидѣлъ и... надоѣлъ вамъ! — проговорилъ онъ наконецъ въ волненіи.

— Нисколько. Напротивъ, я рада поболтать. Сегодня я не занимаюсь.

— О, въ такомъ случаѣ, если позволите, я съ удовольствіемъ...

— Такъ кладите свою шапку и пойдемте ко мнѣ. Здѣсь что-то холодно.

Они перешли въ сосѣднюю комнату.

Римма Михайловна достала себѣ какое-то вязанье, прибавила огня въ лампѣ и, опустившись на маленькій диванъ, весело проговорила:

— Садитесь-ка, Павелъ Сергѣевичъ, да разскажите что-нибудь.

— Ужъ я и не знаю, о чемъ разсказывать? Я, кажется, разсказалъ вамъ обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ сегодня.

Онъ сѣлъ въ кресло рядомъ съ Риммой Михайловной и прибавилъ:

— И вообще у меня мало интереснаго.

— Ка̀къ мало? Да хоть бы сегодняшній день! Исповѣдь Чиркова, визитъ къ красивой тетушкѣ, встрѣча съ литераторомъ... Сколько новыхъ впечатлѣній!

— Но не особенно пріятныхъ! Да и сегодня день исклю-

чительный. Обыкновенно дни мои однообразны: занятія у Чиркова, уроки, Публичная библіотека, а остальное время дома.

— Вы домосѣдъ?

— У васъ только и бываю да изрѣдка у Галанина. Помните, я о немъ вамъ разсказывалъ?.. Вотъ и всѣ мои знакомые. Да и не тянетъ меня больше никуда!

— Потянетъ, Павелъ Сергѣевичъ, если познакомитесь съ порядочными людьми. Въ ваши годы нельзя быть отшельникомъ.

— Обстоятельства иногда заставляютъ, Римма Михайловна.

— Я думаю, вы, привыкшій къ семьѣ, иногда скучаете въ одиночествѣ. Я, по крайней мѣрѣ, прежде скучала.

— Иногда хандрится... Тогда я беру книгу.

— Вы много читаете?

— Къ сожалѣнію, не такъ много и не такъ систематично, какъ бы слѣдовало.

— Развѣ времени мало?

— О, нѣтъ, времени довольно. У меня, кромѣ воскресенья, когда я бываю у васъ, всѣ вечера свободные.

— Такъ что же вамъ мѣшаетъ?

— Что мѣшаетъ? — переспросилъ молодой человѣкъ и въ ту же минуту подумалъ: «Ты мѣшаешь; ты завладѣла моими мыслями!»

И вслухъ продолжалъ:

— Трудно это объяснить... Вѣроятно, неспокойное настроеніе и заботы мѣшаютъ. Иногда начнешь читать, и вдругъ мысли унесутъ далеко... далеко...

— Но вы, Павелъ Сергѣевичъ, надѣюсь, не падаете духомъ отъ первыхъ своихъ житейскихъ неудачъ? — мягко освѣдомилась дѣвушка и прибавила: — Сразу ничто не дается. Необходимо выжидать. Вотъ и у насъ... женщины-врачи иногда подолгу ждутъ.

— Я знаю это и не падаю духомъ, Римма Михайловна!

— То-то!..

— И не теряю надежды избавить мать отъ ея проклятыхъ уроковъ!—горячо сказалъ Стрепетовъ.

— Еще бы терять надежду!—ободрила дѣвушка, поднимая взоръ на молодого человѣка.

Эта ласка сочувствія совсѣмъ умилила Стрепетова. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ и только встрѣтилъ взглядъ Риммы Михайловны такимъ восторженно-благодарнымъ взглядомъ, что она поспѣшила опустить глаза на работу.

Наступило молчаніе.

Римма Михайловна усердно работала, опустивъ голову надъ работой. Молодой человѣкъ находился въ томъ настроеніи, которое на грубомъ языкѣ зовется «телячьимъ восторгомъ». Никогда еще, обыкновенно сдержанная и молчаливая, Римма Михайловна не говорила съ нимъ съ такимъ дружескимъ, сердечнымъ участіемъ; никогда еще не была она такъ ласкова! А онъ, глупый, подумалъ-было, что она сердится! За что сердиться? Если она даже и подозрѣваетъ о его чувствѣ, то развѣ въ этомъ чистомъ чувствѣ есть что-нибудь оскорбительное?

И, по странной логикѣ влюбленныхъ, Стрепетову теперь даже хотѣлось, чтобы Римма Михайловна знала, какъ сильна, глубока и безкорыстна его любовь.

Весь переполненный счастіемъ, онъ любовался пышными темными косами, спускавшимися по плечамъ, и взглядывалъ загоравшимися глазами на маленькую бѣлую руку, мелькавшую надъ работой. Близость дѣвушки кружила голову. Онъ чувствовалъ, что его сердце бьется сильнѣе, и что огонь загорается во всемъ его существѣ. Нервы трепетали.

Римма Михайловна не поднимала головы, повидимому, увлеченная работой. Она чувствовала на себѣ этотъ восторженно-влюбленный взоръ молодого человѣка и, смущенная, за что-то досадуя на себя, вся притихла, словно чего-то пугаясь. Молчаніе Стрепетова теперь стѣсняло дѣвушку. Ей хотѣлось, чтобы онъ говорилъ.

И, стараясь придать голосу спокойный тонъ, она спросила, не поднимая глазъ:

— Что̀ же вы теперь читаете, Павелъ Сергѣевичъ?

Стрепетовъ встрепенулся, точно пробужденный отъ грезъ.

— Что̀ я читаю?.. «Соціологію» Спенсера! — поспѣшилъ отвѣтить онъ.

— Въ переводѣ?

— Нѣтъ, въ подлинникѣ. Мама научила меня двумъ иностраннымъ языкамъ!—прибавилъ онъ.

— А я, къ сожалѣнію, почти ничего теперь не читаю, кромѣ медицинскихъ книжекъ.

— Некогда?

— Да, совсѣмъ нѣтъ времени. Такъ, урывками иногда что-нибудь въ журналахъ прочтешь. Вотъ окончу экзамены, тогда наверстаю потерянное время и буду читать. Совсѣмъ поглупѣла за это время!—прибавила дѣвушка.

— Что̀ вы, Римма Михайловна!

— Право. Голова набита одной медицинской сушью.

— Точно вы ни о чемъ другомъ не думаете?

— Почти ни о чемъ. По крайней мѣрѣ въ послѣднее время.

— А скоро окончатся ваши экзамены?

— Черезъ мѣсяцъ.

— И вы все будете заниматься съ утра до вечера?

— Да.

— Но вѣдь такъ вы погубите свое здоровье, Римма Михайловна!—съ горячностью воскликнулъ Стрепетовъ.

Дѣвушка подняла голову и улыбнулась.

— Откуда вы взяли, что здоровье мое скверно?..

— Надежда Васильевна говорила.

— Коврова преувеличиваетъ. Я чувствую себя хорошо и я очень выносливa. Разъ взявшись за дѣло, нужно его довести до конца. Не для забавы же я училась почти пять лѣтъ!

— Но неблагоразумно надрывать себя!

— Немного утомлюсь—вотъ и все. Зато отдохну послѣ экзаменовъ!

— Вы уѣдете отсюда?

— Сейчасъ же уѣду въ Одессу, къ своимъ.

Молодому человѣку сдѣлалось грустно при одной мысли, что Римма Михайловна уѣдетъ, и онъ ее, пожалуй, никогда не увидитъ.

И онъ печально спросилъ:

— И вы будете жить тамъ?

— Едва ли. Поживу въ Одессѣ полгода, отдохну, поправлюсь и потомъ поѣду куда-нибудь по близости въ деревню.

— Въ деревню? Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Практиковать!

— Но развѣ нельзя вамъ практиковать въ Одессѣ, не разлучаясь съ семьей?

— Въ городахъ вездѣ врачей много,—въ деревняхъ ихъ нѣтъ. А народъ нуждается во врачахъ...

Она сказала это просто, скромно, безъ всякой аффектаціи, словно о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ.

Въ первую секунду Стрепетовъ смотрѣлъ во всѣ глаза на Римму Михайловну. Чувство удивленія и благоговѣнія, казалось, подавляло его.

— Что вы такъ смотрите, Павелъ Сергѣевичъ? Развѣ это такъ удивительно?—спросила съ улыбкой дѣвушка.

— Еще бы! Такой подвигъ! Такое самоотверженіе!

— Вы, Павелъ Сергѣевичъ, еще во всемъ подвиги ви-

дите!—усмѣхнулась она.—Какой тамъ подвигъ? Надо же кому-нибудь лѣчить крестьянъ. А я, вдобавокъ, люблю деревню.

— Но развѣ васъ не пугаетъ одиночество, отсутствіе друзей, совсѣмъ иныя условія жизни, чѣмъ тѣ, къ которымъ вы привыкли?

— Увижу. Попробую. Думаю, что не соскучусь, тѣмъ болѣе, что дѣла, вѣроятно, будетъ довольно. А вѣдь дѣло—лучшій цѣлитель скуки. И наконецъ не буду же я отрѣзана отъ міра. Я нарочно и поселюсь поближе къ Одессѣ, чтобы видѣться со своими.

— И вы думаете всю жизнь провести въ деревнѣ?..

— Предполагаю, по крайней мѣрѣ.

— Простите нескромный вопросъ, Римма Михайловна. Вы, значитъ, хотите совсѣмъ отречься отъ личной жизни, отъ личнаго счастья?

— Отъ какого личнаго счастья?

— Полюбить... выйти замужъ?

— Что вы, Павелъ Сергѣевичъ! Мнѣ поздно думать о замужествѣ. И кто возьметъ такую старуху?.. Жизнь моя, въ этомъ отношеніи, спѣта!—проговорила серьезно дѣвушка.

— Вы... старуха?.. Вы?—въ волненіи воскликнулъ Стрепетовъ.—О, Господи, неужели же вы не знаете, какая вы... какая вы... красавица!—неожиданно проговорилъ онъ въ восторженномъ порывѣ, самъ не ожидая, что скажетъ такое слово.

Это невольно вырвавшееся слово подхватило, опьянило его своей смѣлостью. Остановиться теперь ужъ онъ не могъ, испытывая неодолимую потребность излиться передъ дѣвушкой, объяснить, какая она славная, хорошая...

И, весь охваченный восторгомъ, со слезами на глазахъ, юноша продолжалъ прерывающимся отъ умиленія голосомъ:

— Да развѣ только слѣпецъ не остановится въ благоговѣніи передъ вами; только слѣпой не полюбитъ васъ на всю жизнь, какъ можно только любить высшее проявленіе нравственной красоты. Боже мой! Вы вѣдь такъ скромны, что даже и не подозрѣваете, какая вы чудная! Да всякій съ восторгомъ жизнь отдастъ за счастіе быть вами любимымъ... А вы говорите: «кто васъ возьметъ?!»

Дѣвушка съ первыхъ же словъ оставила работу и слушала страстно-восторженное изліяніе, взволнованная, пораженная, растерянная, съ широко раскрытыми глазами—до того неожиданъ былъ этотъ взрывъ обыкновенно застѣнчиваго юноши—и не знала, какъ ей быть, что ей сказать, какъ оста-

новить эти безумныя слова, невольно проникающія въ ея сиротливое сердце.

А Стрепетовъ продолжалъ, словно въ экстазѣ, свой страстный диѳирамбъ, глядя на Римму Михайловну съ восторгомъ вѣрующаго, молящагося своей богинѣ.

И, переполненный чувствомъ, не окончивъ фразы, онъ вдругъ припалъ къ рукѣ дѣвушки и, держа ея руку въ своей, безумно покрывалъ ее поцѣлуями и слезами. Онъ плакалъ, умиленный и растроганный, отъ полноты своей любви. Онъ плакалъ, замирая отъ восторга, и все страстнѣе цѣловалъ теплую, нѣжную руку, готовый цѣловать ее безконечно.

Это стремительное проявленіе свѣжаго, страстнаго чувства невольно заразило строгую, сдержанную дѣвушку. Сердце ея замерло въ сладкой истомѣ. Ей было и жутко и сладко отъ этихъ жгучихъ поцѣлуевъ, и она на мгновеніе отдалась имъ, закрывъ глаза. Возможность счастія и любви для нея, жаждавшей, но не знавшей любви, манила страстную натуру дѣвушки. Неужели отказаться отъ счастія, пока оно зоветъ еще ее? Ужели оттолкнуть этого кудряваго юношу, который такъ сладко согрѣваетъ сердце своей горячей любовью?..

Такъ грезила она и не отрывала руки отъ жаркихъ поцѣлуевъ. И только минуту спустя проговорила:

— Успокойтесь... Успокойтесь... Что съ вами?..

Эти слова отрезвили Стрепетова. Онъ оставилъ руку дѣвушки и, самъ, казалось, ужаснувшись своей дерзости, не смѣя взглянуть на Римму Михайловну, полный стыда и страха, съ минуту сидѣлъ молча, закрывъ лицо руками, и быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

Нѣсколько времени Римма Михайловна сидѣла неподвижная, задумчивая и серьезная. Образъ влюбленнаго юноши не оставлялъ ее. Она раздумывала о его порывистой страсти, о возможности для нея любви и счастія и вспоминала совѣты Ковровой. Но теперь, когда Римма была одна и не слушала страстныхъ изліяній юноши, не видѣла его восторженнаго взгляда, она мало-по-малу пришла къ заключенію, что выйти за него замужъ было бы невозможнымъ эгоизмомъ. Ея пѣсня спѣта. Она не приметъ такой жертвы и не погубитъ чужой жизни.

И, придя къ такому рѣшенію, она считала своимъ долгомъ «излѣчить» молодого человѣка. Печальная, съ блестѣвшими отъ слезъ глазами, она сѣла за столъ и стала писать Стрепетову письмо.

Стрепетовъ вернулся домой въ отчаяніи. Онъ былъ увѣренъ, что послѣ его безумной дерзости Римма Михайловна

должна его презирать и считать величайшимъ нахаломъ. И онъ перепортилъ немало листовъ почтовой бумаги, пока наконецъ не написалъ покаяннаго письма, въ которомъ умолялъ простить его отчаянную дерзость. Онъ, разумѣется, не осмѣлится показаться ей на глаза, если она не проститъ и не забудетъ его тяжкаго преступленія. Но онъ всегда будетъ хранить благоговѣйную память о ней.

Онъ бросился на постель и долго не могъ заснуть. Мысль, что онъ оскорбилъ дѣвушку своимъ признаніемъ, что онъ осмѣлился цѣловать ея руку, не давала ему покоя.

На слѣдующее утро онъ проснулся поздно и, когда опять вспомнилъ о вчерашнемъ—ему сдѣлалось жутко. Онъ считалъ себя чуть ли не преступникомъ.

Только-что онъ одѣлся, какъ ему подали письмо. Письмо было отъ Риммы Михайловны. Въ мягкихъ, но серьезныхъ выраженіяхъ она просила Стрепетова не приходить къ ней и не искать съ нею встрѣчъ. «А когда ваша блажь пройдетъ, тогда приходите, и мы будемъ попрежнему пріятелями»,— прибавляла она.

— Теперь все кончено... все кончено!—произнесъ онъ, прочитавъ письмо, и, прильнувъ губами къ нему, въ отчаяніи заплакалъ. какъ безутѣшный ребенокъ.

XXV.

Прошелъ мѣсяцъ, а нашъ молодой человѣкъ все еще находился въ остромъ періодѣ переживанія любовной тоски. Его неудачи въ поискахъ мѣста только усиливали это грустное настроеніе.

Письма его къ матери носили такой меланхолическій оттѣнокъ, что мать встревожилась и спрашивала: «что съ Павликомъ?» И онъ, полный потребности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, въ трогательно-наивномъ письмѣ разсказалъ матери исторію своей первой любви, не скрывая ничего и обвиняя себя въ оскорбленіи этой «святой дѣвушки», которую, разумѣется, ставилъ на недосягаемую высоту.

Съ осторожной деликатностью, встревоженная мать успокаивала своего любимца.

Въ письмѣ къ сыну мать не старалась, по обычаю большинства матерей, умалить тѣ достоинства, которыми восхищался сынъ. Она сама, по его словамъ, хвалила Римму Михайловну и не удивлялась, что сынъ полюбилъ такую дѣвушку. Напрасно только онъ считаетъ себя очень виноватымъ передъ ней. И его сорвавшееся признаніе и его поцѣлуи руки были такимъ чистымъ выраженіемъ чувства и такъ про-

стительны въ его годы, что не могли оскорбить такую порядочную дѣвушку. А написала она письмо не потому, что была оскорблена, а чтобы не дать усилиться чувствамъ.

«Если бы даже, Павликъ, она тебя и полюбила и согласилась выйти за тебя замужъ,—писала мать:—вы оба были бы несчастны въ скоромъ времени. Въ расцвѣтъ твоей жизни она будетъ старуха. Ты разлюбилъ бы ее (невольно, не желая этого), и какъ бы ты, какъ порядочный человѣкъ, ни старался скрыть то, что̀ скрыть никакъ нельзя отъ любящаго созданья, она страдала бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ честнѣе бы ты поступалъ. А развѣ ты хотѣлъ бы быть виновникомъ несчастія чужой жизни ради того только, что ты теперь любишь? Нѣтъ ли въ такомъ чувствѣ эгоизма? Подумай объ этомъ, голубчикъ». Оканчивала мать свое письмо такъ:—«Я не сомнѣваюсь, мой милый, что ты не поддашься малодушному отчаянію. Жизнь, другъ мой, налагаетъ на человѣка обязанность борьбы и стремленія къ тому, что̀ называется добромъ и правдой. Ужъ ради этого человѣкъ, способный жить не одними только личными интересами, сумѣетъ и долженъ стараться побороть свое личное горе. Не такъ ли?»

Письмо это задѣло самыя чувствительныя струны молодого человѣка и заставило вспомнить жизнь матери. Оно умилило и подбодрило его. Онъ устыдился своего малодушія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за своего личнаго чувства онъ чуть-было не забылъ обязанностей, лежащихъ на немъ, и распространялся о своемъ горѣ матери, которая до сихъ поръ выбивается изъ силъ, не зная покоя!

И молодому человѣку сдѣлалось стыдно. Онъ старался побѣдить свою любовь, старался не думать о Риммѣ Михайловнѣ и съ какимъ-то лихорадочнымъ усердіемъ возобновилъ брошенныя занятія, сталъ читать, стараясь наверстать время, потерянное любовными мечтаніями.

Римма Михайловна все еще царила у него въ сердцѣ, но печаль мало-по-малу теряла свою мучительность. Заботы о будущемъ, заботы о матери и сестрахъ снова охватили его. И наконецъ молодость, полная надеждъ, брала свое.

Стрепетовъ только-что вернулся съ вокзала желѣзной дороги, куда ходилъ проводить уѣзжавшаго за границу Чиркова. Наканунѣ Стрепетовъ у него обѣдалъ, и Чирковъ просилъ молодого человѣка пріѣхать проводить.

— По крайней мѣрѣ я уѣду изъ Петербурга подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ!—ласково промолвилъ Чирковъ.

Стрепетовъ засталъ на вокзалѣ Чиркова одного. Никто не

провожалъ его превосходительство. Одѣтый въ изящный дорожный костюмъ, онъ сидѣлъ за однимъ изъ столовъ, хмурый и серьезный, лѣниво прихлёбывая изъ стакана вино. Красивый дорожный ручной чемоданъ, палка и зонтикъ въ кожаномъ чехлѣ, плэдъ, перетянутый ремешкомъ, лежали подлѣ.

— А, вотъ и вы, Павелъ Сергѣевичъ!—радостно проговорилъ Чирковъ, и на лицѣ его мелькнула улыбка, когда онъ привѣтливо пожималъ руку молодого человѣка.—Большое спасибо, что пріѣхали. Какъ видите, я совсѣмъ одинъ. Господа сослуживцы хотѣли-было провожать меня, но... я нарочно не сказалъ имъ, когда ѣду. Довольно съ меня было и прощальнаго обѣда съ рѣчами!—прибавилъ онъ со своей саркастической усмѣшкой.—Хотите стаканъ вина?

Чирковъ налилъ Стрепетову стаканъ и, чокнувшись, сказалъ:

— За ваше здоровье, Павелъ Сергѣевичъ. Дай Богъ, чтобы вы остались подолѣе такимъ, каковъ вы теперь! — прибавилъ онъ задушевно.—Нынче, милый мой, и молодые люди слишкомъ «ранніе»... и трезвостью перещеголяютъ даже нашего брата. Да... Мы, по крайней мѣрѣ, оскотинивались постепенно, а теперь прямо со школьной скамьи выходятъ совершенно готовые оскотинившіеся молодые люди. Вы вотъ рѣдкій экземпляръ. Я васъ наблюдалъ и только удивлялся...

И Чирковъ протянулъ руку и крѣпко пожалъ руку Стрепетова.

Подошелъ носильщикъ и доложилъ, что пора садиться.

— Ужъ такъ какъ вы не хотѣли, Павелъ Сергѣевичъ, взять на себя работу, какую я вамъ предлагалъ, то обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, голубчикъ, обратиться ко мнѣ, если... если вамъ придется плохо. Въ память покойнаго отца, прошу васъ объ этомъ!—почти съ нѣжностью прошепталъ Чирковъ.—Я искренно привязался къ вамъ... Такъ обратитесь?

Стрепетовъ отвѣтилъ, что надѣется не безпокоить его, но онъ очень тронутъ, и благодарилъ Чиркова.

— Вы вѣдь не изъ юркихъ и слишкомъ стыдливы по нынѣшнимъ безстыднымъ временамъ, Павелъ Сергѣевичъ.

— Такъ что же?—спросилъ, смѣясь, молодой человѣкъ.

— А то, что я боюсь, что вы еще не скоро устроитесь. Вы вотъ и тетушкой не сумѣли воспользоваться и со мной въ первый же визитъ такъ говорили, что, будь я правовѣрный чинуша, я долженъ былъ бы съ перваго же раза васъ принять, какъ васъ принялъ Неустроевъ... Въ васъ свѣжесть эта чувствуется...

Пробилъ второй звонокъ. Чирковъ обнялъ Стрепетова и съ чувствомъ произнесъ:

— Прощайте! Будьте же подолѣе такимъ свѣжимъ. Знайте, что невесело подъ конецъ жизни сожалѣть о растерянной душѣ!—неожиданно прибавилъ Чирковъ съ горечью въ голосѣ и еще разъ крѣпко потрясъ руку молодого человѣка.

Онъ вошелъ въ вагонъ, отворилъ окно и выглянулъ изъ него уже въ маленькой дорожной шапочкѣ на головѣ.

Поѣздъ тронулся. Чирковъ еще разъ крикнулъ: «Прощайте!»—и въ послѣдній разъ махнулъ привѣтливо рукой.

Объ этихъ проводахъ и объ этомъ странномъ человѣкѣ раздумывалъ Стрепетовъ, когда къ нему вошла горничная и, подавая записку, промолвила:

— Какой-то лакей принесъ. Ждетъ отвѣта.

Отъ конверта пахло духами. Удивленный подобной запиской, молодой человѣкъ взрѣзалъ маленькій конвертъ изъ толстой бумаги, вынулъ изящный листокъ такой же твердой бумаги и прочиталъ слѣдующія строки, писанныя бойкимъ, твердымъ англійскимъ почеркомъ:

«Что же вы, любезный племянникъ, не держите своего слова? Обѣщали быть у меня и до сихъ поръ не были. Это не по-родственному. Приходите сегодня же вечеромъ. Къ десяти часамъ я вернусь, и мы будемъ вмѣстѣ пить чай. Побесѣдуемъ и поспоримъ. Можете приходить, если и не читали еще моихъ брошюръ. На первый разъ я прощу такую нелюбезность къ автору. Прошу отвѣтить».

Стрепетовъ прочелъ записку разъ, другой—и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

«Неужели эта родственница еще не забыла его и хочетъ его видѣть? Что ей нужно?»

Тѣмъ не менѣе торопливо и не безъ нѣкотораго чувства польщеннаго самолюбія онъ написалъ въ отвѣтъ, что—будетъ.

XXVI.

На этотъ разъ лакей съ роскошными бакенбардами, встрѣтившій Стрепетова на площадкѣ передъ гостиной, не пошелъ докладывать о гостѣ, а, почтительно отворивъ двери, попросилъ пожаловать въ кабинетъ генеральши.

— Генеральша ожидаетъ васъ!—прибавилъ онъ и какъ-то особенно внимательно, казалось, взглянулъ на молодого человѣка.

Черезъ большую, полутемную гостиную, освѣщенную однимъ бра, Стрепетовъ вошелъ въ тотъ самый кабинетъ, въ которомъ принимала тетушка въ его первое посѣщеніе.

Въ кабинетѣ царилъ мягкій розоватый полусвѣтъ, разли-

ваемый свѣтомъ лампы подъ большимъ краснымъ абажуромъ. Атмосфера комнаты была пропитана нѣжнымъ благоуханіемъ. Переступивъ порогъ, Стрепетовъ остановился, отыскивая глазами хозяйку.

— Сюда, Павелъ Сергѣевичъ!—окликнулъ его знакомый голосъ.

И только тогда, увидавъ въ глубинѣ комнаты на угольномъ диванѣ тетку, почти закрытую абажуромъ, онъ торопливо приблизился къ ней.

— Гдѣ это вы пропадали? Отчего не исполнили обѣщанія и не удостоивали меня посѣщеніемъ? Или я васъ очень напугала тогда, молодой человѣкъ?—заговорила она съ насмѣшливой ноткой въ голосѣ, протягивая свою ослѣпительной бѣлизны руку, обнаженную почти до локтя, изъ-подъ широкаго рукава капота.—Ну, садитесь и разсказывайте всю правду. Не бойтесь, я не кусаюсь!—прибавила она шутливо.

Стрепетовъ хотѣлъ-было взять стулъ, но Варницкая любезно предложила сѣсть на диванъ, и Стрепетовъ скромно присѣлъ въ уголокъ.

— Итакъ, молодой человѣкъ, почему вы не приходили? Конечно, времени не было? Были очень заняты?—иронически подсказывала она.—Или не читали моихъ брошюръ и боялись экзамена? Или наконецъ просто не хотѣлось во второй разъ придти къ своей родственницѣ? — прибавила она тономъ избалованной женщины, очевидно, говорящей эту фразу въ ожиданіи противорѣчія.

— Я всѣ ваши брошюры прочелъ, Валентина Марковна.

— И все-таки не приходили?

— Какъ видите.

— Почему? Не хотѣли продолжать знакомства съ тетушкой?.. Что-жъ вы молчите?.. Не хотѣли?

— Да! — тихо вымолвилъ Стрепетовъ и покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ.

Валентина Марковна надменно вздернула свою головку и посмотрѣла на Стрепетова удивленными глазами.

Такой, очевидно, искренній отвѣтъ ей приходилось, кажется, слышать первый разъ въ жизни, и она рѣшительно изумилась. Еще бы не изумиться! Знакомства съ ней всѣ добиваются, какъ чести, а этотъ юноша, не стѣсняясь, говоритъ, что не хотѣлъ продолжать знакомства.

— И если бы я не позвала васъ, вы бы не пришли?—допрашивала она, оглядывая молодого человѣка съ насмѣшливымъ удивленіемъ.

— Не пришелъ бы

— Oh la la! C'est trop, par exemple... Гдѣ васъ учили приличіямъ, молодой человѣкъ?

— Вы требовали правды, такъ при чемъ же тутъ приличія?

— Да вы, ей Богу, смѣшной медвѣжонокъ... Такого я еще никогда не видала. Васъ надо хорошенько за ухо...

Тонъ Валентины Марковны не походилъ на тонъ перваго визита. Она, казалось, была теперь совсѣмъ не той надменной, строгой красавицей, читающей поученія, какою онъ ее видѣлъ въ первый разъ. И ему это не понравилось. Прежняя тетушка, со своими холодными голубыми глазами, казалась ему привлекательнѣе.

— Почему же вы не хотѣли придти?.. Изволите считать меня за ретроградку? Вамъ не понравились мои брошюры?

— Да, съ мнѣніями, изложенными въ вашихъ брошюрахъ, я не согласенъ!—промолвилъ съ добросовѣстной серьезностью Стрепетовъ.

— Ну, конечно... Я впередъ это знала. О, васъ положительно надо переубѣдить и сдѣлать порядочнымъ человѣкомъ, пока еще не поздно! И я постараюсь объ этомъ.

— Почему вамъ такъ хочется переубѣдить меня?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Почему?.. Потому что...

Она на мгновеніе остановилась, взглядывая на Стрепетова своими улыбающимися голубыми глазами ласково и привѣтливо, и прибавила:

— Потому что вы мнѣ, напротивъ, нравитесь, мой нелюбезный племянникъ. И я хочу поближе съ вами познакомиться и заставить васъ перемѣнить гнѣвъ на милость! — шутливо замѣтила она.

Стрепетовъ сконфузился и не понималъ: смѣется ли надъ нимъ эта ослѣпительная красавица, или говоритъ серьезно. Онъ до того растерялся отъ неожиданнаго комплимента, что даже не догадался поблагодарить за него.

А Валентина Марковна, какъ нарочно, смотрѣла на этого зардѣвшагося юношу и, казалось, не безъ удовольствія наблюдала его смущеніе.

Черезъ минуту она сказала со смѣхомъ:

— Хорошъ племянникъ! Даже и не поблагодаритъ тетку за ея признаніе!

И, вся улыбающаяся, она протянула свою маленькую бѣлую руку, сіявшую кольцами.

Стрепетовъ внезапно сорвался изъ своего угла и поднесъ благоухающую нѣжную руку къ губамъ неловко и застѣнчиво.

И эта неловкость, казалось, понравилась хорошенькой тетушкѣ.

— Ну, а теперь поспоримъ!—промолвила она.—Да вы куда же забиваетесь въ уголъ?.. Садитесь ближе.

Молодой человѣкъ сѣлъ ближе. Она поднялась съ дивана, подошла къ письменному столу и, взявъ нѣсколько брошюръ, бросила ихъ на столъ передъ диваномъ.

Опускаясь на диванъ рядомъ съ Стрепетовымъ, она приподняла абажуръ такъ, что свѣтъ захватилъ ея лицо, и спросила Стрепетова серьезнымъ тономъ:

— Такъ какая же изъ брошюръ вамъ особенно не нравится, молодой человѣкъ?

Стрепетовъ сталъ перебирать брошюры, нѣсколько смущенный близостью этой красивой, благоухающей женщины, нога которой касалась его ноги.

— Вотъ эта!—прошепталъ онъ и почтительно-осторожно отодвинулся.

— Эта?.. Почему же она вамъ такъ не нравится? Говорите... Говорите, не стѣсняясь... Я на васъ не разсержусь!—прибавила она, словно желая ободрить.

Но Стрепетовъ и не думалъ о томъ, разсердится ли его блестящая тетушка или нѣтъ, и заговорилъ съ энтузіазмомъ вѣрующаго, съ порывистостью молодости, искренно убѣжденной въ пользѣ знанія, свѣта и широкой терпимости. Онъ сталъ горячо защищать своего любимаго героя русской исторіи, Петра Великаго, реформы котораго подвергались жестокимъ нападкамъ въ брошюрѣ хорошенькой ретроградки и самъ преобразователь назывался безъ церемоніи «безумнымъ эпилептикомъ», насильственно измѣнившимъ естественный путь Россіи. Какъ идеалъ, ему противопоставлялся тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ и вообще вся до-петровская Русь съ ея патріархальнымъ бытомъ.

Слова Стрепетова дышали горячей искренностью. Онъ незамѣтно увлекся и, забывая, что передъ нимъ свѣтская барыня, возвысилъ голосъ и громилъ автора брошюры, не жалѣя эпитетовъ, не жалѣя сарказмовъ, порицанія и негодованія.

Облокотившись на столъ, Валентина Марковна слушала съ снисходительнымъ вниманіемъ, какъ слушаютъ взрослые бойкихъ дѣтей, и, казалось, ее не столько интересовало то, что говоритъ молодой человѣкъ, сколько то, какъ онъ говоритъ. Такого искренняго одушевленія ей еще не приходилось слышать у себя въ кабинетѣ, и всѣ эти молодые и немолодые люди, которые у нея бывали, если, случалось, и спорили, то съ той условной свѣтской любезностью и съ тѣмъ индифферентизмомъ, которые отзывались холодомъ и банальностью.

И Варницкая глядѣла на Стрепетова съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ видавшей виды женщины, но напавшей на что-то новое, свѣжее и искреннее.

Увлекшійся молодой человѣкъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ и продолжалъ свою горячую филиппику.

— Однако вы горяченькій... У! какой!—проговорила Валентина Марковна, когда молодой человѣкъ кончилъ. — Я и не ожидала, что вы такъ страстно говорите...

— Вы извините меня, если я, быть-можетъ, слишкомъ рѣзко говорилъ, но вѣдь вы...

— Не извиняйтесь... не извиняйтесь... Я вѣдь вамъ сказала, что я не разсержусь! — остановила она его, любезно дотрогиваясь до его руки.—Я, конечно, ни въ чемъ съ вами несогласна — ни на іоту, но тѣмъ не менѣе я... я любовалась вами, милый племянникъ... Вы такой... такой еще юный!.. И я была бы очень рада почаще съ вами бесѣдовать, если и вы непрочь,—прибавила она, взглядывая на него съ чарующей улыбкой.—Ну, а теперь давайте чай пить и разскажите мнѣ побольше о себѣ... Что̀ вы здѣсь дѣлаете?.. Съ кѣмъ видитесь?.. Кто вамъ болѣе другихъ нравится?

Она говорила теперь съ нимъ ласково и просто — тономъ доброй родственницы, принимающей участіе въ племянникѣ, и Стрепетовъ, по своей наивности, въ самомъ дѣлѣ принялъ ея слова за выраженіе родственныхъ чувствъ и значительно размякъ, тронутый этимъ добрымъ отношеніемъ. Онъ уже забылъ, какъ она его принимала въ первый разъ, и находилъ теперь, что она гораздо добрѣе и проще, чѣмъ казалась. Правда, взгляды ея несимпатичны, но она все-таки выслушиваетъ противорѣчія и не сердится. А это показываетъ терпимость. Она гораздо лучше, чѣмъ онъ думалъ о ней!

Между тѣмъ лакей подалъ чай, и за чаемъ Валентина Марковна заставила Стрепетова разсказывать о себѣ. О своихъ дѣлахъ однако онъ, изъ самолюбивой гордости, не заикнулся ни словомъ, но зато пропѣлъ горячій диѳирамбъ Риммѣ Михайловнѣ.

— Да вы, мой милый, влюблены въ нее, въ эту вашу Римму Михайловну!—воскликнула Варницкая.

Стрепетовъ весь вспыхнулъ.

Съ какимъ-то особеннымъ интересомъ Валентина Марковна продолжала разспрашивать Стрепетова о его любви. И онъ довѣрчиво разсказывалъ, чувствуя потребность говорить о своей «мадоннѣ».

— И часто вы у нея бываете?

— Совсѣмъ не бываю! — грустно промолвилъ Стрепетовъ.

— Отчего?.. Что случилось?

Онъ разсказалъ о своемъ «преступленіи»; Варницкая весело захохотала.

— О, какой же вы еще... глупый... Вы такой вздоръ считаете преступленіемъ... Да вы совсѣмъ Іосифъ Прекрасный... Вы сама невинность... Вы... вы, вѣрно, мой милый, совсѣмъ женщинъ не знаете?..

— Совсѣмъ не знаю!—застѣнчиво прошепталъ Стрепетовъ.

Это признаніе, казалось, поразило и обрадовало Валентину Марковну. И она вдругъ вся притихла, сдѣлалась серьезна и посмотрѣла на молодого человѣка долгимъ, пристальнымъ взглядомъ.

И, взявши руку сконфуженнаго родственника, она совершенно неожиданно проговорила необыкновенно тихимъ, полнымъ какой-то мистической восторженности, тономъ:

— Ахъ, какъ вы меня обрадовали! Какъ неожиданно обрадовали, мой милый юноша! Цѣломудріе—такая рѣдкость среди нынѣшнихъ молодыхъ людей! Какъ видно, Богъ еще не оставилъ васъ, хоть вы и забыли Бога. И вы должны—слышите ли?—должны сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, должны обновиться и вѣрить, и любить безъ сомнѣній. Въ васъ душа еще не испорчена. И я займусь вами... Я буду вашей духовной матерью, вашей наставницей на пути къ истинѣ.

Она говорила съ какой-то странной экзальтаціей. Ея голубые красивые глаза сверкали блескомъ, и какая-то загадочная улыбка бродила на строгомъ лицѣ и играла на алыхъ, чувственныхъ, полуоткрытыхъ губахъ.

— Хотите?—шепнула она.

Нашъ молодой человѣкъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Ему становилось жутко, — точно онъ вдругъ очутился на краю пропасти.

Онъ рѣшительно не зналъ, что отвѣтить, и безпомощно молчалъ.

— Давайте, прочтемъ вмѣстѣ вотъ эту брошюру...

И съ этими словами она подвинулась совсѣмъ близко и начала читать свою брошюру о «позабытой религіи».

Стрепетовъ слушалъ и ровно ничего не понималъ. Кровь стучала въ виски, и въ глазахъ мутилось. Онъ взглядывалъ на ослѣпительную шею, на изящныя руки этой красивой женщины, и не торопился почтительно отодвигаться. Напротивъ, звѣрь просыпался въ немъ.

А проповѣдница читала, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда наконецъ она кончила, Стрепетовъ торопливо всталъ

— Куда вы?

— Пора Мнѣ надо идти!—пробормоталъ онъ, взволнованный и сконфуженный.

— Ну, что, вы просвѣтились теперь?

Онъ отвѣтилъ неопредѣленно. Ясно было, что онъ далеко еще не убѣжденъ прочитаннымъ, и Валентина Марковна, прощаясь, взяла съ него слово придти завтра же вечеромъ.

— Мы опять почитаемъ вмѣстѣ! — прибавила она съ тою же загадочной улыбкой.

И Стрепетовъ согласился.

Эти бесѣды и чтенія, продолжавшіяся нѣсколько вечеровъ, окончились весьма прозаически. Однажды Валентина Марковна, удивленная глупостью своего духовнаго сына, въ знакъ расположенія, дала ему «дружескій поцѣлуй духовной матери». Поцѣлуй этотъ былъ, вѣроятно, не очень холодный, такъ какъ въ отвѣтъ на него застѣнчивый и скромный молодой человѣкъ, не помня себя, въ какомъ-то изступленіи покрылъ руки, лицо своей двоюродной тетушки безумными, страстными поцѣлуями.

И она не противилась имъ... Напротивъ...

Стрепетовъ сдѣлался ея любовникомъ, горячимъ и страстнымъ, какъ юноша, впервые познавшій женщину. Онъ не уважалъ ее, и все-таки его неудержимо влекло къ ней, къ ея утонченнымъ ласкамъ, къ ея выхоленному, благоухающему тѣлу. И она относилась къ нему (онъ это чувствовалъ) съ тою же чувственной страстью. Свиданія ихъ были часты, но недолги. О духовныхъ бесѣдахъ не было и рѣчи, да и вообще они мало о чемъ говорили,—словно имъ и не о чемъ было говорить. И послѣ горячихъ, страстныхъ ласкъ они оба, казалось, чувствовали потребность скорѣе разстаться.

Эти два мѣсяца были какимъ-то одуряющимъ, безумнымъ чувственнымъ эксцессомъ. По временамъ Стрепетову было стыдно за самого себя... Развѣ это любовь?

Нѣсколько разъ Валентина Марковна предлагала ему сдѣлаться гувернеромъ ея дѣтей (это представляло и извѣстныя удобства для ихъ отношеній), но онъ съ негодованіемъ отвергъ ея предложеніе. Точно такъ же онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы она хлопотала за него о мѣстѣ.

«До такого позора я не дойду!» — думалъ Стрепетовъ, а Валентина Марковна съ недоумѣніемъ пожимала плечами.

Между тѣмъ дѣла молодого человѣка шли хуже и хуже. Урокъ у адвоката былъ потерянъ—ученикъ серьезно заболѣлъ и уѣхалъ за границу. Оставался одинъ урокъ у Опольева. Онъ бросался снова въ разныя мѣста, но вездѣ получался одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Мѣста нѣтъ!

А онъ между тѣмъ вошелъ въ долги. Мать, по обыкновенію, въ письмахъ подбодряла сына, но отчаяніе нерѣдко охватывало его.

Однажды, въ началѣ марта, онъ только-что вернулся домой съ неудачныхъ поисковъ за работой, какъ ему подали письмо отъ сестеръ.

Онъ прочиталъ его и обомлѣлъ.

Сестры сообщали ему, что уже три мѣсяца, какъ мать скрываетъ отъ него ихъ ужасное положеніе. Она больна и не можетъ болѣе давать уроковъ. Двѣ недѣли тому назадъ мать слегла въ постель... Средствъ нѣтъ... Всѣ вещи заложены... Сестры рѣшились, тихонько отъ матери, сообщить обо всемъ Павлику и просить помочь, если только онъ можетъ.

Ужасъ охватилъ Стрепетова при чтеніи этихъ строкъ. Ужасъ, злоба и отчаяніе.

Что̀ ему дѣлать? Какъ помочь? Къ кому обратиться?

О, развѣ онъ не обращался ко всѣмъ, къ кому только было возможно? Развѣ онъ не обивалъ пороговъ? Развѣ онъ не ждалъ по часамъ въ пріемныхъ?

Оставалось одно средство: обратиться къ Валентинѣ Марковнѣ.

Но при одной этой мысли—Стрепетова бросало въ холодъ. Гордость, самолюбіе, чувство порядочности возставали противъ этого. И какъ она посмотритъ на него, съ негодованіемъ прекращавшаго всякіе намеки о покровительствѣ,—какъ посмотритъ она, эта женщина, считавшая почти всѣхъ людей продажными и искренно удивлявшаяся «глупости» Стрепетова, не пользовавшагося ни ея деньгами ни ея связями?

И къ ней идти теперь,—къ ней, которую онъ считалъ лицемѣрной, развратной женщиной, игравшей въ религію!

Но... мать... сестры?..

И наконецъ какъ же быть?.. Онъ пробовалъ всѣ пути, онъ добивался честно достать себѣ кусокъ хлѣба,—и что̀ же вышло? Видно, правъ Чирковъ, и ему надо пройти черезъ это униженіе—идти просить... и у кого?! Но только вонъ, вонъ изъ этого Петербурга! Вонъ отсюда!.. Кстати сестра пишетъ, что въ самарскомъ отдѣленіи банка есть вакансія контролера, и что управляющій отдѣленіемъ охотно бы взялъ его, если бы въ Петербургѣ за него кто-нибудь похлопоталъ.

И Стрепетовъ пошелъ къ Варницкой.

Валентина Марковна, по обыкновенію, занималась въ своемъ кабинетѣ, когда лакей доложилъ ей о приходѣ Стрепетова.

Она его встрѣтила удивленно. Въ такой часъ зачѣмъ онъ пришелъ?

И онъ замѣтилъ это удивленіе въ ея холодныхъ голубыхъ глазахъ и смутился.

— Я къ вамъ по дѣлу, ma tante!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сблизился съ нею, онъ ее называлъ «ma tante».

— По дѣлу, Поль? Это удивительно. Садитесь и разсказывайте, какое у васъ дѣло.

Онъ разсказалъ, что мать больна.

— Вамъ нужны деньги? Такъ берите, сколько надо...

— Нѣтъ... Какія деньги!—раздраженно воскликнулъ Стрепетовъ, вспыхивая до корня волосъ.—Я пришелъ просить васъ устроить мнѣ мѣсто.

— Давно бы такъ... Наконецъ надумались... Это такъ легко устроить.

— Но не здѣсь, не въ Петербургѣ...

— Не здѣсь?—удивилась Валентина Марковна.

— А въ провинціи... въ Самарѣ... Мнѣ бы хотѣлось быть около матери... Она очень больна.

Варницкая записала на бумажкѣ, о чемъ просилъ Стрепетовъ, и обѣщала сегодня же съѣздить. Она надѣется, что дѣло это устроится.

— Мы, значитъ, разстаемся?

— Да... приходится...

— Мнѣ жаль, что вы, Поль, уѣдете. Смотрите же, приходите проститься... Завтра я свободна... Завтра вечеромъ, а потомъ въ субботу я васъ приласкаю.

Она говорила это съ какимъ-то холоднымъ цинизмомъ, отъ котораго Стрепетова покоробило.

— Такъ придете?

— Приду!

— И я уѣзжаю скоро за границу!—промолвила она.

И, помолчавъ, прибавила:

— Но какой вы все-таки однако смѣшной Донъ-Кихотъ! Я бы могла вамъ устроить отличное мѣсто здѣсь... вы бы со временемъ сдѣлали карьеру... стали бы совсѣмъ порядочнымъ человѣкомъ, а вы хотите забиваться въ трущобу... А все ваши нелѣпые взгляды... ваша смѣшная щепетильность...

Каждое ея слово было ударомъ бича.

Онъ выслушалъ ее, пожалъ плечами и ушелъ.

А Валентина Марковна, глядя ему вслѣдъ, подумала:

— Совсѣмъ рѣдкій дуракъ, этотъ милый юноша!

Предстоящая разлука не особенно опечаливала ее. Пора

было прекратить эту связь. За ней начиналъ сильно ухаживать одинъ иностранный дипломатъ, и она непрочь была выйти за него замужъ.

XXVII.

Оставалось во что бы то ни стало найти денегъ, чтобы немедленно отправить матери. Стрепетовъ бросился въ «трущобы» Ипата Никитича, надѣясь достать у Галанина, но, войдя въ прихожую и увидѣвъ старика, мрачнаго, опустившагося, небритаго, сразу понялъ, что здѣсь произошло нѣчто особенное.

— Здравствуйте, Ипатъ Никитичъ! Что Ѳедоръ Петровичъ дома?

— Дома... Какъ же, дома-съ. Ужъ теперь этотъ голубчикъ никуда не пойдетъ!—проговорилъ какъ-то странно старикъ, заморгавши слезившимися глазами.—Послѣдняя абонировка вышла!—прибавилъ онъ и залился слезами.

— Что̀ такое?

— А вотъ пожалуйте—полюбуйтесь!

Стрепетовъ вошелъ въ комнату Галанина и остановился, изумленный, на порогѣ. Посреди комнаты, на столѣ, бывшій его пріятель лежалъ мертвый. Дьячокъ покосился на вошедшаго и громче зачиталъ псалтирь.

Стрепетовъ со слезами поцѣловалъ покойника и вышелъ въ коридоръ.

— Когда?—спросилъ онъ старика.

— Вчера вечеромъ. Какъ узналъ онъ, голубчикъ, всю эту низость... такъ и прикончилъ съ собой...

— Какую низость?

— Да съ Ѳеничкой... Вѣдь обѣщала за него замужъ... Онъ такъ любилъ Ѳеничку... А мать-то ея, моя супруга, возьми да и отдай ее одному, съ позволенія сказать, мерзавцу-съ. Ну, и сама попользовалась тоже деньгами и съ господиномъ Евфратовымъ изволила уѣхать. Теперь вотъ я и остался, въ нѣкоторомъ родѣ, одинъ съ пустыми номерами... да съ моимъ голубчикомъ...

Старикъ заплакалъ и сквозь слезы сказалъ:

— И вотъ вѣдь какой... Деньги, что̀ прикопилъ къ свадьбѣ, въ конвертахъ оставилъ. Въ одномъ надпись: «На похороны», а на другомъ: «Философу Ипату». И передъ смертью, голубчикъ, философа не забылъ!—окончилъ старикъ.

Стрепетовъ ушелъ разстроенный, обѣщая быть завтра на похоронахъ, и направился къ профессору Чернику въ академію.

Онъ попалъ счастливо, передъ самымъ обѣдомъ, и засталъ профессора дома. Черникъ радостно встрѣтилъ его.

— Вотъ нежданный гость! Да что съ вами? Вы совсѣмъ разстроены, аркадійскій пастушокъ.

— Я къ вамъ съ просьбой, Андрей Ивановичъ.

И Стрепетовъ, волнуясь и краснѣя, разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Спасибо, родной, что ко мнѣ пришли... Сколько вамъ?

— Сто рублей.

— Берите больше. Отдадите, когда сможете.

— Нѣтъ, довольно.

Но Черникъ убѣдилъ-таки его взять двѣсти.

Стрепетовъ горячо благодарилъ и хотѣлъ уходить.

— Куда вы? Обѣдайте съ нами.

— Я хочу деньги отправить.

— Теперь поздно.

— Ну, хоть телеграмму.

— Пишите здѣсь. Я сторожа отправлю, а ужъ васъ, рѣдкаго гостя, не выпущу. И жена будетъ рада.

— Жена?

— Э, да вы развѣ не знаете? Уже мѣсяцъ, какъ Вѣра Александровна—моя жена. Помните, еще вы говорили, что красота у нея слишкомъ земная,—улыбнулся профессоръ, весело щуря свои маленькіе, насмѣшливые и умные глаза.

Черезъ минуту была послана телеграмма въ Самару, что завтра по телеграфу переводится полтораста рублей.

— Ну, а теперь пойдемъ, милый человѣкъ, обѣдать. Ровно пять часовъ, а жена моя аккуратна, какъ хронометръ.

Вѣра Александровна уже ждала въ столовой. Она похорошѣла, посвѣжѣла и пополнѣла. Глаза ея теперь глядѣли ровно и спокойно. Сразу было видно, что она счастлива.

Она встрѣтила Стрепетова привѣтливо и поцеляла, что онъ къ нимъ не заходилъ.

— Теперь будетъ!—замѣтилъ Черникъ.

— Едва ли. Вѣроятно, я скоро уѣду.

— Куда?

— Думаю, что въ Самару.

— Мѣсто получили?

— Нѣтъ еще, но обѣщаютъ хлопотать.

— А кто хлопочетъ?

— Варницкая!—отвѣчалъ Стрепетовъ, краснѣя.

— Варницкая! О, въ такомъ случаѣ у васъ мѣсто въ карманѣ. Эта баба, я вамъ скажу, съ большими связями. Да вы какъ съ ней познакомились?

— Она моя двоюродная тетка,—пробормоталъ Стрепетовъ.

— Ну, отъ души поздравляю. Надѣюсь, передъ отъѣздомъ зайдете?

— Непремѣнно.

За обѣдомъ Вѣра Александровна была очень мила и угощала Стрепетова. Въ то же время она зорко смотрѣла, съ аппетитомъ ли ѣстъ мужъ, и, когда Черникъ не доѣлъ жаркого, она безпокойно спросила:

— Развѣ дурно приготовлено?

— Превосходно, но мнѣ не хочется.

— Такъ ли?

— Да ей Богу же такъ!—смѣялся Черникъ и, обращаясь къ Стрепетову, прибавилъ:—Все боится, что я буду голоденъ! Ужасно заботливая жена!

— Вовсе тутъ не заботливость!—проговорила, вся вспыхивая, Вѣра Александровна.—Просто досадно, что кушанье не нравится.

— Ну, виноватъ, виноватъ, Вѣра. Ты, по обыкновенію, права!—добродушно замѣтилъ Черникъ.

Когда Стрепетовъ прощался, Вѣра Александровна проговорила:

— Вы зайдете проститься къ Риммѣ?

Стрепетовъ весь вспыхнулъ.

— Зайдите, зайдите!—продолжала она, какъ будто не замѣчая его смущенія.—Римма всегда вспоминаетъ о васъ хорошо и очень расположена къ вамъ.

Черезъ пять дней Стрепетовъ уже получилъ мѣсто. И все это сдѣлалось какъ-то чрезвычайно просто и скоро, благодаря Валентинѣ Марковнѣ. Стрепетова позвали къ начальству, объявили, что онъ назначенъ на мѣсто, и выразили увѣренность, что онъ, конечно, оправдаетъ надежды и т. п. Ему даже сказали нѣсколько комплиментовъ и подали руку.

Черезъ недѣлю онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, не простившись съ Риммой Михайловной, считая себя недостойнымъ показаться на глаза этой дѣвушкѣ.

Грустный, далеко не похожій на прежняго наивнаго юнца, возвращался онъ домой. Первые его шаги въ жизни были далеко не тѣ, какіе онъ ожидалъ, и горькій скептицизмъ уже закрался въ его сердце и омрачилъ его вѣру въ себя и въ тѣ идеалы, которымъ онъ вѣрилъ. Но, какъ ни тяжело было это сознаніе, въ душѣ его жила бодрая надежда, что все же онъ не извѣрится до конца... Впереди еще цѣлая жизнь...

Когда черезъ четыре дня онъ пріѣхалъ на мѣсто и входилъ въ знакомый маленькій домикъ въ переулкѣ, его охватило невообразимо-радостное чувство.

Стрепетовъ со слезами бросился на шею къ матери, боль-

ной, сильно постарѣвшей, и долго-долго не отрывался отъ ея груди, какъ будто на этой дорогой груди онъ хотѣлъ выплакать то униженіе и тотъ позоръ, которые онъ испыталъ.

А мать, улыбаясь сквозь слезы своей славной улыбкой, говорила, лаская его руку:

— Вотъ видишь, Павликъ, а ты отчаивался. Вотъ и получилъ мѣсто. Небось, честные и порядочные молодые люди вездѣ нужны...

Павликъ постарался только улыбнуться въ отвѣтъ матери...

ЧЕРНОМОРСКАЯ СИРЕНА.

Повѣсть.

I.

Пробило два звонка.

Отъѣзжавшіе торопливо прощались съ провожавшими и входили въ вагоны. Тамъ, въ открытыя окна, они обмѣнивались отрывочными фразами. Теплый майскій вечеръ видимо дѣйствовалъ на петербуржцевъ: на ихъ лицахъ не было обычнаго выраженія скуки. По временамъ около вагоновъ перваго и второго классовъ раздавался сдержанный, «приличный» смѣхъ и слышались веселыя восклицанія.

Въ эту минуту изъ дверей вокзала на залитую электрическимъ свѣтомъ платформу выбѣжали два запоздавшіе пассажира: дама и мужчина.

— Вагонъ прямого сообщенія до Севастополя? Первый классъ?—торопливо спрашивалъ мягкимъ теноромъ красивый господинъ лѣтъ за тридцать, съ засѣдѣвшими кудрями, выбивавшимися изъ-подъ круглой пуховой шляпы съ короткими полями.

— Пожалуйте впередъ.

Его спутница, небольшого роста, щегольски одѣтая брюнетка, казавшаяся подъ вуалью очень хорошенькой и молодой, почти бѣжала къ вагону, видимо раздраженная, и на ходу кидала своему спутнику:

— Я вамъ говорила... Я вамъ говорила...

— Но вѣдь мы не опоздали! — мягко отвѣчалъ красивый господинъ.

— Могли опоздать!—раздраженно замѣтила она, подбѣгая къ вагону.

— Могли, но, какъ видите, не опоздали!—повторилъ онъ, улыбаясь и лицомъ и глазами, и помогъ своей дамѣ войти въ вагонъ.

Кто-то изъ стоявшихъ у вагона мужчинъ замѣтилъ молодому генералу:

— Это Овѣринъ.

— Кто такой Овѣринъ?—спросилъ генералъ.

— Извѣстный писатель.

— А дама съ нимъ?

— Меньковская, жена присяжнаго повѣреннаго.

— Недурна бабенка...

— И даже очень...

Кондукторъ посадилъ пассажирку въ дамское отдѣленіе, а спутникъ ея вошелъ въ купе перваго класса, рядомъ. Онъ облегченно вздохнулъ, увидавъ въ купе только одного пассажира, пожилого, маленькаго господина съ выбритымъ лицомъ, въ шелковой дорожной шапочкѣ на головѣ, и сѣлъ на противоположномъ диванѣ.

При появленіи пассажира, пожилой маленькій господинъ тотчасъ же принялъ строгій видъ, словно бы предупреждающій, чтобы съ нимъ не вздумали разговаривать. Онъ искоса окинулъ бѣглымъ взглядомъ своихъ маленькихъ острыхъ глазъ и пассажира, и его чемоданчикъ, и иностраннаго вида чехолъ, въ которомъ были и зонтикъ, и палка, и аккуратно свернутый плэдъ, и, плотнѣе усѣвшись въ уголъ, закрылъ глаза и притворился спящимъ, мысленно порѣшивъ, что его спутникъ не то адвокатъ, не то художникъ, не то писатель.

«Нынче всѣ въ первый классъ лѣзутъ!»—подумалъ выбритый господинъ.

Въ свою очередь и Овѣринъ посмотрѣлъ на своего спутника тѣмъ недоброжелательнымъ взоромъ, какимъ обыкновенно люди, какъ и собаки, встрѣчаютъ незнакомыхъ при первой встрѣчѣ. Онъ почти не сомнѣвался, что передъ нимъ «чинуша» и никакъ не меньше вице-директора департамента, а то, пожалуй, и самъ директоръ. Вѣрно, ѣдетъ въ Крымъ провести весну. Пересидѣлъ, видно. Ишь, желтый какой!

И вдругъ, словно вспомнивъ что-то, Овѣринъ вскочилъ и, выйдя изъ купе, постучался въ дамское отдѣленіе.

Его спутница показалась въ дверяхъ въ капотѣ, мягкая ткань котораго обрисовывала красивыя формы пышнаго бюста, и въ красной шелковой матросской шапочкѣ. Эта красная шапочка необыкновенно шла къ ней и моложавила ея лицо, умное, хорошенькое и раздраженное, съ небольшимъ, слегка вздернутымъ носомъ, тонкими губами и большими темными, «глубокими» глазами, опушенными длинными рѣсницами. Темно-каштановые волосы, гладко причесанные назадъ, вились на лбу кудерками. При слабомъ освѣщеніи коридора ей казалось не болѣе двадцати пяти, хотя въ дѣйствительности было за тридцать.

— Что вамъ?—спросила она недовольнымъ тономъ.

При видѣ своей спутницы, такой соблазнительно-хорошенькой, Овѣринъ приласкалъ ее ласковымъ взглядомъ и тихо и нѣжно спросилъ ее:

— А вы все еще сердитесь, Варвара Алексѣевна?

— Еще бы не сердиться! — отвѣчала она, поправляя прядки волосъ маленькою выхоленною рукой съ кольцами на безымянномъ пальцѣ и на мизинцѣ.

— За что же?

— За все!—гнѣвно отвѣчала она.

Овѣринъ пожалъ плечами, словно бы не понимая, за что можно на него сердиться, и спросилъ:

— Хорошо ли вы устроились?

— Благодарю васъ... Скверно.

— Развѣ тѣсно?

— Еще бы.

— Я, право, не виноватъ. Въ этихъ поѣздахъ нѣтъ спальныхъ отдѣленій.

— Вы вѣдь всегда во всемъ правы, конечно.

— Какъ и вы, Варвара Алексѣевна. Ну, не стану раздражать васъ своимъ присутствіемъ. Спокойной ночи.

Варвара Алексѣевна видимо ждала, что Овѣринъ, какъ бывало обыкновенно, станетъ просить прощенія. Но онъ не просилъ и собирался уйти. Тогда молодая женщина значительно и строго шепнула:

— Въ Москвѣ мы съ вами серьезно поговоримъ.

— О чемъ?

— Узнаете.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Я поняла теперь васъ, по-ня-ла... На словахъ вы... вѣрнѣйшій и преданный рабъ, а на дѣлѣ такой же эгоистъ, какъ и всѣ мужчины... Я перестала вѣрить вамъ... Вы сегодня опять налгали мнѣ!—говорила она шопотомъ.

Ея красивые глаза словно позеленѣли и сдѣлались злыми. Тонкія алыя губы вздрагивали. Прелестная маленькая ручка нервно щипала бахромку рюша у воротника капота, не закрывавшаго красивой шеи. Она была хороша въ гнѣвѣ.

Овѣринъ вспыхнулъ.

— А я, извините, васъ не понимаю!

— Удивительно! — усмѣхнулась Варвара Алексѣевна. — Извѣстный психологъ... Съ одного взгляда читаетъ въ сердцахъ—и не можетъ понять самой обыкновенной женщины.

— Каюсь, не понимаю. И я вамъ не лгалъ.

— Не лгали?—чуть слышно прошептала Варвара Алексѣевна и посмотрѣла въ упоръ на Овѣрина.

Глаза Овѣрина вдругъ сдѣлались застланными.

— Посмотрите лучше въ зеркало на свои глаза.

Съ этими словами она ушла въ свое отдѣленіе. Въ ея глазахъ блестѣли слезы.

Овѣринъ стоялъ нѣсколько мгновеній нѣсколько удивленный. «Въ чемъ онъ попался опять?» Наконецъ онъ пожалъ плечами съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, готоваго ко всему, и пошелъ въ свое купе.

Поѣздъ двинулся.

Овѣринъ, почти не спавшій прошлую ночь, проведенную имъ на островахъ, надѣлъ туфли, дорожную шапку и, вынувъ подушку, расположился спать, но сонъ не шелъ. Вмѣсто сна въ голову Овѣрина лѣзли думы о «Вавочкѣ», объ ихъ отношеніяхъ, о своемъ положеніи.

Положеніе не изъ особенно пріятныхъ, и избавиться отъ него, хотя бы на время, не такъ-то легко, какъ ему казалось нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ пришелъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ и съ обычнымъ своимъ чарующимъ добродушіемъ объявилъ ей, что усталъ отъ работы и ѣдетъ на мѣсяцъ-другой отдохнуть въ Крымъ.

— Тамъ такъ хорошъ май!—прибавилъ онъ. — И тамъ я окончу свою большую статью.

Варвара Алексѣевна отлично знала Овѣрина и понимала, что отпустить его отъ себя на два мѣсяца значитъ навѣрняка потерять его. И здѣсь надо было зорко слѣдить за нимъ, питать его непомѣрное самолюбіе и говорить исключительно о немъ и объ его произведеніяхъ, которыя онъ читалъ ей, требуя ея мнѣнія. И она умѣла и хвалить, и бранить его статьи, дѣйствительно талантливыя, хотя часто небрежно написанныя, съ тою тонкою лестью умной женщины, которая такъ нравится мужчинамъ. Вдобавокъ, и замѣчанія Варвары Алексѣевны всегда бывали мѣтки и обличали наблюдательнаго, тонко чувствующаго человѣка.

Она испытующе взглянула на Овѣрина и спросила:

— Ты раньше о поѣздкѣ не думалъ, Дима? Эта мысль внезапно пришла тебѣ въ голову?

Овѣринъ, съ тѣхъ поръ какъ прошелъ острый періодъ влюбленности, такъ же хорошо изучилъ Варвару Алексѣевну, какъ и она его, если еще не лучше, и умѣлъ угадывать малѣйшіе оттѣнки ея голоса, значеніе каждаго взгляда, каждаго жеста. И онъ сразу понялъ, что подъ равнодушнымъ тономъ этого вопроса кроется ревнивое подозрѣніе о поѣздкѣ съ какой-нибудь другою женщиной. Недаромъ жизнь Овѣрина была полна такихъ приключеній, о которыхъ самъ же

онъ, на свое несчастье, съ подкупающею искренностью разсказывалъ Варварѣ Алексѣевнѣ послѣ первой же встрѣчи.

Такъ какъ ничего подобнаго не предполагалось, то симпатичные, ласковые сѣрые глаза Овѣрина были ясны, какъ у годовалаго ребенка, а голосъ его дышалъ самой искренностью, когда онъ отвѣтилъ:

— Третьяго-дня, Вавочка, пришелъ докторъ Валькевичъ и посовѣтовалъ мнѣ отдохнуть... Нервы, говоритъ, плохи... Надо ихъ поправить... Совѣтовалъ этакъ мѣсяцъ-другой полное уединеніе!—прибавилъ онъ, лаская Вавочку глазами, и въ то же время думалъ не безъ тревоги: отпуститъ ли она его, или нѣтъ?

При всей своей добротѣ и чарующей искренности Овѣринъ былъ лукавъ.

— Эта мысль превосходная... Тебѣ, Дима, надо отдохнуть, а то ты вертишься здѣсь въ постоянной сутолокѣ. И не можешь сосредоточиться, чтобы работать... А тамъ ты напишешь прелестную статью... Тема ея безподобная... Надобно только хорошо ее обработать....

По обыкновенію, Овѣринъ возбудился и, увлеченный, сталъ говорить о новыхъ подробностяхъ, которыя пришли ему въ послѣднее время въ голову. Говорилъ онъ хорошо: образно, мѣтко, рисуя, такъ сказать, тонкими штрихами планъ статьи. И Варвара Алексѣевна вся впилась въ его загорѣвшіеся глаза и слушала его, какъ бога. И когда «богъ» окончилъ, она вскочила съ кресла, поцѣловала его крѣпко-крѣпко и восторженно воскликнула:

— Какой же ты талантъ, Дима!.. Огромный талантъ! И знаешь ли что̀?

— Что̀, Вавочка?—спросилъ онъ, весь вспыхивая отъ этой, казалось, невольно вырвавшейся похвалы.

— Я поѣду съ тобой... Не бойся, я мѣшать не буду... И мы не станемъ ссориться, какъ ссорились въ послѣднее время. Я буду переписывать твою статью...

«Однако ловко!»—подумалъ Овѣринъ и даже улыбнулся при мысли, что Вавочка обошла его такъ «ловко», и нашелъ, что отлично вмѣстѣ ѣхать и вмѣстѣ работать.

Отговаривать, конечно, было невозможно, да и мягкая натура Овѣрина неспособна была обидѣть женщину непосредственнымъ рѣзкимъ объясненіемъ. Онъ предпочиталъ и умѣлъ прерывать связи какъ-то нѣжно, мило, благородно и даже поэтично, увѣряя въ неизмѣнной дружбѣ.

Вдобавокъ Овѣринъ никѣмъ въ то время сильно не увлекался, и хорошенькая Вавочка нравилась ему. И ему каза-

лось, что тѣ обостренныя отношенія, которыя отравляли имъ обоимъ жизнь въ послѣднее время, и служили для Овѣрина главнымъ поводомъ отдохнуть одному, исчезнуть въ путешествіи, и особенно на новомъ мѣстѣ, подъ чуднымъ небомъ Крыма, гдѣ-нибудь на берегу моря, въ укромномъ домикѣ, гдѣ онъ будетъ писать... Тамъ, навѣрное, сценъ не будетъ.

А между тѣмъ первый день путешествія, и уже началось...

«Въ чемъ я солгалъ ей... Не узнала ли она, что я ухаживалъ два дня за одною барыней. Но вѣдь это пустяки!»

II.

Вотъ уже годъ, какъ сошлись Овѣринъ и Варвара Алексѣевна.

Съ первой же встрѣчи ее очаровалъ этотъ талантливый писатель, съ шапкой засѣдѣвшихъ кудрей, живой, увлекающійся, добродушный и необыкновенно мягкій, съ прелестными кроткими сѣрыми глазами и быстро воспламеняющимся темпераментомъ, напоминающимъ южанина, горячій спорщикъ и фантазеръ, исповѣдующій самыя крайнія убѣжденія послѣ того, какъ въ молодости исповѣдывалъ совершенно противоположныя, наивно-самолюбивый и безшабашный, готовый въ минуты порыва на всякое сумасбродство и въ то же время, когда надо, очень практичный и осторожный, славный товарищъ и добрый человѣкъ, имѣвшій мужество высказывать иногда нелѣпости и не обижаться, если надъ нимъ за это смѣялись.

Такого интереснаго и симпатичнаго человѣка она не встрѣчала, и въ первую же встрѣчу на одномъ изъ журфиксовъ Варвара Алексѣевна проболтала цѣлый вечеръ съ Овѣринымъ, наговорила ему много комплиментовъ по поводу его произведеній и просила бывать у нея.

Овѣринъ влюбился, какъ онъ выражался, съ разбѣга. Эта хорошенькая пикантная женщина, умная и живая, которая такъ тонко цѣнила его талантъ и понимала его самого, казалось, воплощала въ себѣ его идеалъ, и онъ думалъ, что полюбилъ ее навсегда и только съ ней найдетъ настоящее счастье. По обыкновенію увлекающихся сангвиниковъ, онъ въ первое время былъ ослѣпленъ и одѣлялъ Варвару Алексѣену всѣми совершенствами, какія только могло придумать его пылкое воображеніе. Онъ сталъ за ней ухаживать съ почтительной нѣжностью по уши влюбленнаго рыцаря, готоваго, въ крайнемъ случаѣ, умереть за свою даму. Но смерти не предвидѣлось. Напротивъ, впереди предстояло жить и наслаждаться.

Очарованная Овѣринымъ съ первой же встрѣчи, Варвара

Алексѣевна сама влюбилась, какъ институтка. Мужъ ей показался какимъ-то прозаичнымъ, циничнымъ толстякомъ, оставляющимъ жену, ради картъ, по цѣлымъ вечерамъ одну. И никогда никакихъ разговоровъ. Только разныя сплетни, насмѣшки и остроты, не всегда удачныя. И развѣ это любовь? Она для него одинъ изъ элементовъ домашняго комфорта—вотъ и все. Какая гадость!

И молодая женщина безъ протеста, безъ борьбы отдавалась той поздней могучей страсти, которая нерѣдко охватываетъ женщинъ за тридцать лѣтъ и дѣлаетъ ихъ молодыми и необыкновенно красивыми. Она вдругъ похорошѣла, стала нервна, находила все болѣе и болѣе недостатковъ въ мужѣ и стала запираться на ночь въ своей спальнѣ.

Послѣ мѣсяца разговоровъ о любви, чтенія начатыхъ произведеній Овѣрина и невиннаго флирта, ограничивавшагося цѣлованіемъ красивыхъ рукъ Варвары Алексѣевны, они были близки, и оба, казалось, трепетали отъ счастья.

Порывистая, страстная, гнушавшаяся обмана и безсердечная, какими бываютъ влюбленныя жены въ отношеніи къ нелюбимымъ мужьямъ, Варвара Алексѣевна въ одно прекрасное утро категорически и властно, точно ожидая протеста, объявила мужу, что она любитъ Овѣрина, отдалась ему и оставаться на квартирѣ у мужа не можетъ. Она будетъ жить отдѣльно.

Никакого однако протеста не послѣдовало.

Павелъ Ивановичъ Меньковскій, талантливый петербургскій адвокатъ, толстый, порядочно обрюзгшій пожилой человѣкъ, когда-то очень красивый, добрый малый, сибаритъ и немного циникъ, привыкъ къ своей Вавочкѣ и по-своему любилъ ее. Онъ цѣнилъ въ ней красивую женщину и умную жену, которая не особенно донимала его сценами ревности и сквозь пальцы смотрѣла на его увлеченія на сторонѣ и на его отсутствіе по вечерамъ. Она была удобная жена—не особенно притязательная къ проявленіямъ горячей любви и не накладная для кармана. У нея было свое небольшое состояніе, и на свои костюмы она не брала отъ мужа денегъ.

Несмотря на неожиданность заявленія жены, Павелъ Ивановичъ не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія, давно уже догадываясь, что Вавочка увлечена Овѣринымъ, и вообще отнесся къ этому признанію съ истинно-джентльменскою сдержанностью.

Тщательно скрывая чувство обиды, онъ мягко отвѣтилъ, что согласенъ на все, что желаетъ Вава.

И съ шутливымъ цинизмомъ прибавилъ:

— Когда мужу подъ пятьдесятъ, онъ надоѣдаетъ. Это въ порядкѣ вещей. Овѣрину тридцать пять... Онъ красивъ и имѣетъ репутацію обольстителя.

— Не говори гадостей... У насъ съ Овѣринымъ родственныя души.

— Ну, конечно, родственныя... Но только помни одно, Вавочка: когда ваши души перестанутъ быть родственными и Овѣринъ броситъ тебя, твое мѣсто здѣсь никѣмъ не будетъ занято. Возвращайся.

Молодая женщина не ожидала такого великодушія. Она взглянула на это ожирѣвшее, потасканное лицо и подъ шутливою маской почувствовала скрываемую скорбь.

И ей сдѣлалось стыдно, что она такъ безжалостно оборвала съ человѣкомъ, съ которымъ прожила болѣе десяти лѣтъ.

— Ты прости, что я тебя оставляю... Но я не могу... Не могу... Я люблю такъ, какъ никогда не любила!—говорила она.

— За что прощать? Чувство свободно... Я тебя вполнѣ понимаю!—промолвилъ Павелъ Ивановичъ и, поднявшись съ кресла, почтительно поцѣловалъ женину руку.

«Къ чему бѣсноваться? Къ чему выходить изъ себя?—философски размышлялъ Павелъ Ивановичъ, избѣгавшій всякихъ безпокойствъ и тревогъ.—Вѣдь все равно влюбленную бабу не остановишь. Она пойдетъ на рожонъ. У Вавы критическій возрастъ, а я... плохой мужъ!»—мысленно проговорилъ Меньковскій и уѣхалъ въ судъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія Варвара Алексѣевна переѣхала въ небольшую квартиру и сдѣлала изъ нея уютное гнѣздышко. Павлу Ивановичу разрѣшено было разъ въ недѣлю пріѣзжать къ ней обѣдать,—ужъ очень онъ на этомъ настаивалъ, и у Варвары Алексѣевны не хватило духа отказать ему въ этомъ.

Мужъ и жена разстались пріятелями

И Овѣринъ разошелся съ одной вдовушкой, которая успѣла ему надоѣсть послѣ мѣсячнаго короткаго знакомства такъ же скоро, какъ надоѣдали ему и прежнія привязанности. Передъ блестящей Вавочкой простоватая вдовушка показалась вульгарной, и Овѣринъ, прежде чѣмъ объявить ей о немедленномъ выдуманномъ отъѣздѣ изъ Петербурга, просидѣлъ у нея вечеръ и говорилъ ласковыя слова. Ему жаль было огорчить эту маленькую, пухлую, простоватую акушерку, которая гордилась любовью писателя, благоговѣла передъ нимъ и давала къ чаю такое прелестное варенье, что Овѣринъ съѣдалъ его по два блюдечка,—и онъ въ этотъ вечеръ особенно нѣжно

старался успокоить ее, обѣщая никогда не забывать этихъ «чудныхъ глазъ», при чемъ обѣщалъ писать ей и легкомысленно просилъ, чтобъ и она писала, адресуя письма въ редакцію. Оттуда перешлютъ!

Счастливый и польщенный, что ради него Варвара Алексѣевна оставила мужа, Овѣринъ молился на свою «мадонну». Какихъ только совершенствъ ни находилъ онъ въ ней! Какихъ только клятвъ ни расточалъ онъ! Какихъ только стиховъ онъ ни подносилъ ей!

Первые шесть мѣсяцевъ были какимъ-то безумнымъ сплошнымъ праздникомъ для нихъ. Они почти не разлучались. Овѣринъ забросилъ работу, забылъ всѣхъ знакомыхъ и съ утра пріѣзжалъ къ Вавочкѣ съ букетомъ цвѣтовъ. Онъ имѣлъ состояніе и безумно тратилъ деньги, чтобы доставить удовольствіе любимой женщинѣ. Завтраки, обѣды и ужины въ лучшихъ ресторанахъ, театры, концерты, коляски, тройки, цвѣты.

И все это ихъ тѣшило.

Прошли эти мѣсяцы, и Овѣринъ сталъ охладѣвать. Безумная чувственная страсть притупилась, а вмѣстѣ съ нею проходила и любовь. Оставались только привычка, чувство благодарности за ея любовь и непріятное сознаніе нравственнаго обязательства. Какъ водится, вмѣстѣ съ охлажденіемъ, къ Овѣрину вернулась способность наблюденія: онъ сталъ замѣчать въ Вавочкѣ тѣ недостатки, которыхъ, ослѣпленный, прежде не замѣчалъ. Красота «мадонны» теперь казалась несовершенной: и вѣерки на вискахъ, и морщинки на лбу, и сгетка подведенные глаза, и подкрашенныя брови теперь обратили на себя вниманіе Овѣрина. И всѣ прежнія совершенства оказывались преувеличенными. Вавочка теперь представлялась Овѣрину властолюбивой, хитрой и черезчуръ ревнивой женщиной, пытавшейся забрать любимаго человѣка въ руки.

Она требовала, чтобъ Овѣринъ всецѣло принадлежалъ ей и нигдѣ не бывалъ безъ нея, и нерѣдко говорила о жертвѣ, какую она для него принесла, и эта «жертва» смущала Овѣрина. Неблагодарный, онъ частенько теперь думалъ, что было бы лучше, если бы Вавочка не приносила жертвы и не бросала мужа. Тогда куда легче было бы увильнуть, а теперь?..

Это, впрочемъ, не мѣшало Овѣрину позволять себѣ маленькія увлеченія и коротенькіе романы, хранимые въ тайнѣ отъ Вавочки, но Вавочка имѣла способности сыщика и ловила, случалось, Овѣрина на первой главѣ, обрывая своимъ вмѣшательствомъ продолженіе дальнѣйшихъ главъ.

— Дима! Опять?

Но Дима, разумѣется, не будь дуракъ, съ необычайною смѣлостью отрицалъ факты и, стараясь выпутаться изъ сѣтей, давалъ самыя невѣроятныя объясненія насчетъ писемъ и телеграммъ, попадавшихъ какими-то судьбами въ руки Варвары Алексѣевны.

Но глаза его выдавали. Они какъ-то растерянно, по-дѣтски смотрѣли на Вавочку, точно просили оставить въ сторонѣ щекотливый вопросъ, и самъ онъ имѣлъ видъ влопавшагося школьника, втирающаго очки учителю.

И ему «попадало».

Послѣ: «Дима... Опять?»—слѣдовала хорошая порція негодованія и упрековъ и нерѣдко истерическихъ припадковъ.

Надо отдать справедливость Овѣрину. Онъ былъ чувствителенъ къ женскимъ слезамъ и умѣлъ какъ-то скоро и ловко успокаивать истерики. Онъ клялся, что любитъ только одну Вавочку, и такъ горячо и страстно цѣловалъ Вавочку, что та скоро приходила въ себя и, съ радостными слезами, вся закраснѣвшаяся и счастливая, прощала Диму и будто вѣрила его невинности, хотя въ душѣ и была убѣждена, что онъ лгалъ, отрицая свою вину.

Въ послѣднее время сцены сдѣлались чаще и отравляли жизнь. Овѣрину приходилось несосвѣтимо врать, увѣряя Вавочку, что онъ ни въ чемъ передъ нею не виноватъ. Онъ сталъ рѣже ходить, объясняя, что занятъ работою, но о разрывѣ не смѣлъ и думать.

Имѣлъ ли онъ право бросить женщину, которая многое принесла въ жертву ради любви къ нему? И наконецъ, несмотря на недостатки Вавочки, онъ все-таки привязанъ къ ней.

Тихое покачиванье вагона успокоило нервы Овѣрина.

«Въ чемъ однако я попался... Интересно узнать!»

Овѣринъ мысленно произнесъ эти слова и, стараясь вспомнить, въ чемъ онъ попался, что Вавочка вдругъ разсердилась, заснулъ, такъ и не вспомнивъ своей вины.

Не вспомнилъ онъ ея и проснувшись въ Химкахъ, и когда поѣздъ пришелъ въ Москву. По недовольному лицу Вавочки и по ея сухой встрѣчѣ онъ чувствовалъ, что вина за нимъ немаловажная, и, проведя свою спутницу въ вокзалъ, занялъ угловой отдаленный столъ, велѣлъ подать кофе и сѣлъ напротивъ Вавочки, имѣя въ лицѣ выраженіе несправедливо обиженнаго человѣка и едва уловимую улыбку въ глазахъ.

«Начинайте, но только поскорѣй!»—просили, казалось, эти ласковые, мягкіе и въ то же время лукавые глаза, наблюдавшіе незамѣтно Варвару Алексѣевну, плохо выспавшуюся,

съ дурнымъ цвѣтомъ лица и потому, вѣроятно, еще болѣе раздраженную.

Варвара Алексѣевна не заставила долго ждать.

Она оглядѣлась,—вблизи никого не было,—и проговорила:

— Вамъ не стыдно? И вы, конечно, отлично спали ночь?

Варвара Алексѣевна усиленно подчеркивала: «вы».

— Но объясните, ради Бога, въ чемъ дѣло?

— Вы не догадываетесь?

— Честное слово, не догадываюсь.

— Какой же вы... безсовѣстный! Вчера, когда мы ѣхали на вокзалъ, говорили вы, что не видѣлись съ этой пѣвичкой Востроглазовой?

«Вотъ оно что!»—подумалъ Овѣринъ и отвѣтилъ:

— Говорилъ и, конечно, не видался. Разъ какъ-то, дня два тому назадъ, я, правда, встрѣтилъ ее на улицѣ.

Тогда Варвара Алексѣевна вынула изъ своего маленькаго дорожнаго мѣшечка измятый исписанный листокъ почтовой бумаги и, передавая Овѣрину, промолвила:

— А это что?

Овѣринъ пробѣгалъ письмо къ нему, принесенное на квартиру Варвары Алексѣевны передъ самымъ отъѣздомъ на вокзалъ. Варвара Алексѣевна, по почерку догадавшаяся, что письмо отъ женщины, спрятала и прочла, какъ только вошла въ вагонъ. Письмо было уличающее, полное благодарныхъ и довольно подробныхъ воспоминаній о проведенномъ времени послѣ театра.

«Ловко влопался!»—подумалъ Овѣринъ и мысленно обругалъ пѣвичку и за обстоятельное воспроизведеніе горячихъ поцѣлуевъ и за глупость посылать письма на квартиру Вавочки.

И, улыбаясь своею чарующею улыбкой, виновато проговорилъ, небрежно разрывая письмо:

— Ну, что-жъ? Ну, положимъ, ужиналъ. Ну, положимъ, даже поцѣловалъ разъ-другой. Такъ вѣдь это пустяки, о которыхъ и не стоитъ говорить такой умницѣ, какъ вы. Вы знаете, что истинно люблю я только одну васъ.

Овѣринъ пожалѣлъ, что нельзя было немедленно же прибѣгнуть къ доказательствамъ и расцѣловать Вавочку, и потому предусмотрительно прибавилъ:

— Я постараюсь достать отдѣльное купе, и мы поговоримъ. Я разскажу вамъ, какое у меня знакомство съ этой пѣвичкой, и вы убѣдитесь, что я не виноватъ, какъ вамъ кажется. Право, совсѣмъ не виноватъ. Нѣсколько поцѣлуевъ послѣ шампанскаго. Самый невинный флиртъ.

— Воображаю!—брезгливо промолвила Варвара Алексѣевна.

— Клянусь вамъ! Да мы и не одни были!

— Не одни?—подозрительно кинула Вавочка.

— Съ нами ужиналъ Бѣлобрысовъ!—внезапно совралъ Овѣринъ и прибавилъ:—можете спросить у него!

Надо полагать, что Варварѣ Алексѣевнѣ очень хотѣлось вѣрить Овѣрину. Вмѣсто того, чтобы, послѣ такихъ двусмысленныхъ объясненій, поговорить съ нимъ «серьезно», какъ собиралась, она вдругъ смягчилась и тихо, съ грустнымъ видомъ, промолвила:

— Ахъ, Дима, Дима! Какъ ты меня терзаешь послѣднее время. Пожалѣй свою Вавочку!

Овѣринъ мгновенно просвѣтлѣлъ, что горизонтъ очистился. Онъ не любилъ, чтобы на него дулись.

И онъ такъ искренно обѣщалъ больше не терзать Вавочки, такъ ласково-вызывающе смотрѣлъ на нее, что Вавочка простила Димѣ и, протянувъ ему обѣ руки, выразила удовольствіе, что отъ Москвы они поѣдутъ вдвоемъ.

— А то одной такъ скучно. И дамы все какія-то неинтересныя, Дима.

Весело болтая о томъ, какъ должно быть хорошо теперь въ Крыму, какъ уединенно поселятся они въ Алупкѣ, Мисхорѣ или Ялтѣ, какъ отлично будетъ заниматься Дима, — они выпили кофе. Кондукторъ объявилъ, что передаточный поѣздъ скоро идетъ на станцію «Курскъ», но они теперь рѣшили пріѣхать на станцію на извозчикѣ, предварительно позавтракавъ въ Эрмитажѣ. Овѣринъ пошелъ справляться объ отдѣльномъ купе до Севастополя, а Варвара Алексѣевна пошла въ дамскую комнату тщательнѣе заняться своимъ туалетомъ. Минутъ черезъ пятнадцать она вернулась свѣжая и цвѣтущая подъ вуалеткой и крѣпко пожала Димѣ руку, узнавши, что онъ купилъ отдѣльное купе. Черезъ нѣсколько минутъ они уже ѣхали на отличномъ лихачѣ въ городъ.

III.

Чуднымъ раннимъ утромъ поѣздъ подходилъ къ Симферополю.

Овѣринъ только-что проснулся, разбуженный лучомъ солнца, проникшимъ изъ-за опущенной шторы. Онъ потянулся, не зная, спать или бодрствовать, взглянулъ на крѣпко спавшую Вавочку съ предусмотрительно накинутымъ поверхъ лица платкомъ (лица во время сна не всегда привлекательны), заглянулъ сквозь штору на ослѣпительный пейзажъ и вышелъ на платформу.

Овѣринъ жадно вдыхалъ чудный, полный острой свѣжести,

воздухъ ранняго майскаго крымскаго утра и любовался дивнымъ пейзажемъ. Налѣво мелькали деревни, поля съ яркою зеленью, сады съ цвѣтущими черешнями, сливами, яблоками и грушами, и отъ этихъ бѣлорозовыхъ деревьевъ неслось благоуханіе. А далѣе виднѣлись цѣпи горъ съ ихъ верхушками, подернутыми золотистой дымкой. Надъ другими вершинами носился туманъ.

И надъ всѣмъ этимъ медленно поднималось ослѣпительное солнце по бирюзовому безоблачному небу, заливая блескомъ сады, поля и деревни.

— Какая прелесть! — невольно воскликнулъ Овѣринъ, любуясь южной природой и чувствуя какую-то бодрящую жизнерадостную силу въ своей груди.

Онъ вспомнилъ про Петербургъ, про эти острова, сырые и холодные, и какъ хорошо казалось ему здѣсь. Какая прелесть эти серебристые тополи, эта тонкая, нѣжная листва акацій, готовыхъ цвѣсти. Что̀ за воздухъ! Что̀ за виды!

Раздался свистокъ. Поѣздъ приближался къ станціи.

Овѣринъ вернулся въ вагонъ и заглянулъ осторожно въ купе. Его спутница крѣпко спала. Онъ не хотѣлъ ее будить и одинъ вышелъ на станцію, чтобъ выпить стаканъ чаю.

Все здѣсь говорило объ югѣ. И эти татары съ южнаго берега въ своихъ шитыхъ курткахъ, съ барашковыми шапками на головахъ, въ широкихъ шароварахъ и чевякахъ,—важные, степенные, съ правильными чертами красивыхъ, казалось, безстрастныхъ лицъ, и скрипъ подъѣзжающей маджары, и этотъ прелестный садикъ начальника станціи, гдѣ олеандры, розы, фіалки, резеда и другіе цвѣты ласкали взглядъ и несли благоуханіе, и эти названія дальнѣйшихъ станцій: Булганакъ, Альма, Шакулъ, Бахчисарай...

Въ буфетѣ пусто. Немногіе заспанные пассажиры и нѣсколько мѣстныхъ жителей-южанъ со смуглыми лицами, горбатыми носами и глазами, похожими на черносливы, не то греки, не то караимы, не то евреи.

Овѣринъ наскоро выпилъ стаканъ сквернаго чаю и вышелъ на платформу. Впереди, по направленію къ Севастополю, синѣли горы, невысокія, мягкихъ, нѣжныхъ очертаній. Налѣво виднѣлись бѣлые дома Симферополя, утопающіе въ зелени садовъ, съ золотыми маковками церквей, съ куполами мечетей и верхушками минаретовъ. Издали онъ казался красивымъ городкомъ.

Звонокъ, и Овѣринъ опять остался на платформѣ. Не хотѣлось возвращаться въ вагонъ.

Поѣздъ двинулся, и чѣмъ далѣе, тѣмъ живописнѣе были

мѣста. Вотъ и Бахчисарай — это татарское гнѣздо, живописный маленькій городокъ, не видный со станціи, въ ущельѣ среди скалъ, съ домиками, которые лѣпятся одинъ около другого, со множествомъ мечетей. На станціи одни татары... и нѣсколько татарокъ въ покрывалахъ, сквозь которыя виднѣются только черные узкіе глаза... Слышатся гортанные звуки татарскаго языка, и изрѣдка прорывается русская рѣчь станціонныхъ служащихъ.

Овѣринъ вспомнилъ, конечно, про Бахчисарайскій фонтанъ, про дворецъ крымскихъ хановъ, и рѣшилъ непремѣнно сдѣлать экскурсію въ Бахчисарай и непремѣнно верхомъ, забывая въ эту минуту, что Вавочка будетъ съ нимъ и, разумѣется, будетъ его сопровождать всюду.

Нѣсколько тоннелей, и поѣздъ спустился въ Инкерманскую долину и повернулъ къ Севастополю. Южная бухта, на берегу которой шелъ поѣздъ, сверкала направо. Налѣво — высились скалы инкерманскаго камня. Мелькнулъ пещерный монастырь въ скалѣ.

Севастополь былъ близко. Пора было будить Варвару Алексѣевну.

Овѣринъ вошелъ въ купе и нашелъ Вавочку ужъ умытой и причесанной. Веселая и радостная глядѣла она въ открытое окно.

— Не правда ли, хорошо, Вава?—спросилъ Овѣринъ, цѣлуя ея руку.

— Прелесть! — отвѣчала Варвара Алексѣевна, крѣпко пожимая руку Овѣрина и взглядывая на его красивое, жизнерадостное лицо восторженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарнымъ взглядомъ женщины, обожающей своего любовника.

— Ты хорошо спалъ, Дима?

— Отлично. А ты, Вава?

— Превосходно... Крѣпко - крѣпко! — прошептала она и вдругъ, вся краснѣя, поднесла большую широкую руку Овѣрина къ губамъ и прошептала:—Милый, какъ я тебя люблю.

Овѣринъ прильнулъ къ губамъ Вавочки.

— А я развѣ тебя не люблю? Люблю, люблю! — нѣжно повторялъ онъ и въ эту минуту искренно былъ увѣренъ, что любитъ эту хорошенькую Вавочку, и что здѣсь, въ Крыму, любовь его возродится съ новою силой.

— Садись напротивъ. Давай смотрѣть въ окно.

Они смотрѣли въ окно, и ихъ головы почти касались. Имъ было обоимъ весело. Они обмѣнивались радостными восклицаніями, смѣялись, и Овѣринъ держалъ въ своей рукѣ крошечную руку Вавочки и тихо сжималъ ее.

Давно ужъ не было имъ такъ хорошо вмѣстѣ.

— Гляди, Вавочка, вонъ и чинуша высунулся изъ окна.

Вавочка повернула голову. Маленькій, бритый и желтый господинъ такъ и впился въ молодую женщину, и глаза его загорѣлись.

— Нахалъ!—шепнула Вавочка, садясь на диванъ.

— За что ты его такъ?

— Смотритъ во всѣ глаза. Такой противный.

— Крымъ, весна... И ты такая красавица, Вавочка!— смѣясь, замѣтилъ Овѣринъ.—Ну, вотъ и пріѣхали!

Поѣздъ остановился.

Черезъ пять минутъ Овѣринъ и Варвара Алексѣевна ѣхали въ фаэтонѣ въ городъ. Слѣдомъ за ними ѣхалъ другой фаэтонъ съ вещами.

Поднимались въ гору. Внизу отливала изумрудомъ Корабельная бухта. Послѣ подъема сразу открылся Севастополь, чистенькій, бѣлый, сверкавшій на солнцѣ. Когда фаэтонъ въѣхалъ на главную большую Екатерининскую улицу, наши путешественники увидали красивые дома и нѣсколько развалинъ, оставшихся послѣ войны. Налѣво, на горѣ, красовалось красивое зданіе въ греческомъ стилѣ возстановленнаго Петропавловскаго собора, бывшаго въ развалинахъ послѣ войны, съ портикомъ и колоннадой, напоминающими Партенонъ. Направо бѣлѣли колонны Графской пристани, и сквозь нихъ виднѣлась Сѣверная бухта и нѣсколько кораблей. Поворотъ влѣво, и большая гостиница на самомъ берегу моря передъ бульваромъ.

Нашимъ путешественникамъ отвели два просторные номера рядомъ.

Когда Овѣринъ отворилъ окно, онъ замеръ отъ восторга.

Передъ нимъ виднѣлось море, чудное, голубое море, тихое и, казалось, замершее въ штилѣ. На горизонтѣ чернѣли дымки пароходовъ. На небѣ ни облачка. И полная тишина.

Овѣринъ долго стоялъ у окна, любуясь моремъ и вдыхая его чудный, наполненный озономъ, воздухъ. И ему казалось, что именно на берегу моря онъ долженъ написать что-нибудь значительное. Онъ чувствовалъ нервную приподнятость и бодрость, и вся эта петербургская жизнь съ ея сутолокой, ресторанами и островами вдругъ показалась ему такой пошлой и ничтожной. И какъ могла она ему нравиться?.. И какъ онъ могъ свыкнуться съ ней? «Нѣтъ, надо серьезно измѣнить жизнь!»—подумалъ онъ.

Къ одиннадцати часамъ Овѣринъ и Вавочка, оба взявшіе ванну, оба свѣжіе и красивые, спускались въ ресторанъ завтракать.

— Что у васъ есть?.. Устрицы есть? — весело спрашивалъ Овѣринъ.

— Есть!—отвѣчалъ слуга.

— Такъ давайте устрицъ, потомъ султанку, потомъ... чего вамъ угодно, Варвара Алексѣевна? — спрашивалъ Овѣринъ, передавая своей спутницѣ карточку.

— Не прикажете ли молодого барашка? Всѣ пріѣзжіе одобряютъ-съ,—говорилъ лакей.

— Отлично. Давайте. Говорятъ, крымскіе барашки хороши. Хотите, Варвара Алексѣевна?

— Я такъ голодна, что все буду ѣсть.

— А вино—бѣлое. Дайте только бутылку самаго лучшаго. Да устрицъ поскорѣй, пожалуйста.

— Сколько прикажете?

— Полсотни, что ли. И маленькую рюмку водки... да чего-нибудь закусить.

Лакей ушелъ. Овѣринъ сталъ озирать бывшую въ ресторанѣ публику.

Невдалекѣ отъ нихъ сидѣла компанія молодыхъ моряковъ. Оттуда слышались громкіе, веселые голоса. Говорили о корабляхъ, о плаваніи, бранили какого-то капитана, восхищались какой-то Черноморской Сиреной.

Овѣринъ насторожилъ уши.

Черноволосый юный мичманъ громко воскликнулъ:

— Какъ она хороша вчера была на бульварѣ, господа... Адмирала и того съ ума свела. Подумайте, старикъ, адмиралъ, а хотѣлъ съ Графской пристани броситься за цвѣткомъ, который она бросила въ море. Насилу удержали.

— А ты бросился, конечно?

— Еще бы... И досталъ цвѣтокъ.

— А дальше?

— Поѣхалъ на «Боецъ», переодѣлся и вернулся на бульваръ.

— А она?

— Улыбнулась.

— И только?

— Да развѣ вы не знаете Сирены?..

— Когда она пріѣхала?

— Вчера...

Овѣринъ тихо шепнулъ Вавочкѣ:

— Слышала? Здѣсь и Сирена водится... Всѣхъ съ ума сводитъ.

Вавочка, смѣясь, отвѣтила:

— Надѣюсь, ты устоишь?

— Да мы, можетъ-быть, и не встрѣтимся съ ней.

— А любопытно, Дима?—поддразнила Вавочка.

— Нисколько,—протянулъ Овѣринъ, рѣшившій непремѣнно увидать эту Сирену.

Въ отдаленіи сидѣла семья: высокая, краснощекая полная женщина лѣтъ подъ сорокъ, въ роскошномъ туалетѣ и съ крупными кабюшонами въ ушахъ, дѣвушка лѣтъ семнадцати, мальчикъ-подростокъ и англичанка немолодыхъ лѣтъ.

— Кто это такіе?—полюбопытствовалъ Овѣринъ у лакея, когда тотъ принесъ устрицы.

— Госпожа Брехунова съ семействомъ... Извѣстная милліонщица изъ Москвы... Купчиха-съ... Каждую весну въ Ялту ѣздятъ и осенью тоже.

— А вонъ тамъ... двѣ сидятъ. Вѣрно, англичанки?

— Точно такъ... англичанки. Недѣлю живутъ... И прелюбопытныя, я вамъ доложу, сударь.

— А что?

— До всего имъ касательство есть... Все осматриваютъ... Должно, корреспондентки... Нынче такого народа много наѣзжаетъ.

— А устрицы прелесть!—говорилъ Овѣринъ, проглатывая сразу штукъ по пяти маленькихъ черноморскихъ устрицъ.

— Всѣ хвалятъ-съ!—отвѣчалъ рыжеватый, довольно представительный лакей, видимо желавшій показать себя передъ петербургскими пріѣзжими и сразу угадавшій въ Овѣринѣ тароватаго и привыкшаго къ «первому сорту» барина.

Въ эту минуту въ залу ресторана вошелъ, щуря глаза, маленькій, худощавый выбритый господинъ, сосѣдъ Овѣрина въ купе.

Онъ былъ въ безукоризненномъ темно-сѣромъ, отлично сидящемъ на немъ «complet» и въ ослѣпительномъ бѣльѣ, серьезный и словно бы накрахмаленный, съ тщательно выбритыми желтоватыми щеками, съ высоко приподнятою, коротко остриженною головой, черноволосой, подернутой сѣдиной, и небольшими усами. Сегодня онъ казался Овѣрину моложавѣе. Ему можно было дать лѣтъ сорокъ—сорокъ пять.

Онъ присѣлъ къ столу съ аффектированною скромностью людей крупнаго положенія и поманилъ пальцемъ слугу.

— Это, сударь, съ вами сегодня пріѣхали... Очень, говорятъ, важные генералы изъ Петербурга... Имъ номеръ по телеграфу заказанъ. Давеча у нихъ ужъ и градоначальникъ былъ.

— А какъ его фамилія?

— Господинъ Завистовскій... Можетъ, изволили слышать?

— Какъ же... Онъ товарищъ министра.

— Важная особа?

— Не изъ мелкихъ!—засмѣялся Овѣринъ.—Ну, теперь несите султанку... Гляди, Вавочка. Ты рѣшительно очаровала г. товарища министра. Онъ опять не спускаетъ съ тебя глазъ.

— Это меня нисколько не интересуетъ.

— А все-таки пріятно?

— Нисколько... Я на тебя не похожа, Дима... Для меня никого не существуетъ, кромѣ тебя.

— А для меня ты... какъ любимая...

— А другія?—перебила, смѣясь, Вавочка.

— Другія, какъ пріятное зрѣлище для глазъ... Вотъ и все!—весело говорилъ Овѣринъ.

Оба они ѣли съ аппетитомъ. И все имъ нравилось: и жареная султанка, эта маленькая, вкусная рыбка Чернаго моря, напоминающая форель, и мягкій, сочный барашекъ, почти не имѣвшій специфическаго бараньяго запаха, и вино, и черный кофе съ гущей, которымъ они закончили завтракъ.

— Ну, теперь что̀ будемъ дѣлать?—воскликнулъ Овѣринъ.—Если не устала, ѣдемъ осматривать городъ.

— Куда хочешь.

Лакей подалъ счетъ и, когда Овѣринъ далъ ему два рубля на чай, онъ былъ рѣшительно очарованъ Овѣринымъ. Такіе щедрые господа попадаются не часто.

— Обѣдать у насъ будете?—спросилъ онъ послѣ низкихъ поклоновъ.

— У васъ... А что̀?

Быть-можетъ, меню пожелаете измѣнить... Можно на жаркое дупельковъ... Сегодня принесли дупельки...

— Валяйте дупельковъ... А что̀ у васъ на пирожное?

— Кремъ-съ.

— Велите сдѣлать фисташковое мороженое... Такъ вѣдь?—обратился Овѣринъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ.

Та кивнула головой и поблагодарила взглядомъ за вниманіе. Она любила именно это мороженое.

Овѣринъ приказалъ швейцару привести лучшаго извозчика, и они поѣхали осматривать городъ. Старикъ-извозчикъ, севастопольскій старожилъ, помнившій Севастополь еще до войны, добросовѣстно показывалъ и домъ, гдѣ жилъ Павелъ Степанычъ Нахимовъ, и Севастопольскій музей, называлъ всѣ церкви, объяснилъ, что развалины по Екатерининской улицѣ были прежде домомъ командира порта, показалъ мѣсто четвертаго бастіона, гдѣ въ старину былъ густой бульваръ, и, объѣхавъ весь городъ, предложилъ прокатиться въ Георгіевскій монастырь.

Наши путешественники согласились и, послѣ довольно скучной, однообразной дороги по степи, были вознаграждены чуднымъ видомъ на море съ паперти Георгіевскаго монастыря и прелестью густой растительности и цвѣтовъ на скалистомъ обрывѣ, падающемъ въ море почти отвѣсно. Прослушавъ отъ одного монаха легенду возникновенія монастыря и напившись студеной воды съ вареньемъ, Овѣринъ съ Вавочкой отправились назадъ, по дорогѣ осмотрѣли французское кладбище и вернулись домой.

Отдохнувъ послѣ обѣда, они въ девятомъ часу вечера вышли на бульваръ.

Ночь была волшебная, мягкая, ласковая. Легкій вѣтерокъ дулъ съ моря. Луна заливала своимъ томнымъ серебристымъ свѣтомъ аллею бульвара и гуляющихъ. Весь городъ высыпалъ на берегъ моря. Дамы и кавалеры, преимущественно моряки и артиллеристы, въ своихъ бѣлыхъ фуражкахъ, ходили по бульвару небольшими кучками. Всѣ, точно боясь нарушить прелесть ночи, говорили тихо, и разговоръ казался какимъ-то таинственнымъ, полнымъ полупризнаній и намековъ. Порой встрѣчались пары, ищущія уединенныхъ мѣстъ. На скамейкахъ сидѣли больше старики и старухи.

Овѣринъ шелъ подъ руку съ Вавочкой. Она почти прижалась къ нему, счастливая, казалось, еще болѣе влюбленная подъ обаяніемъ этой дивной ночи и близости этого прелестнаго моря, въ которое смотрѣлась луна, заливая его серебристымъ блескомъ.

Обоимъ имъ казалось, что они видятъ какую-то волшебную сказочную декорацію. Они то и дѣло останавливались, смотрѣли въ морскую даль, прислушивались къ тихому, ласковому рокоту набѣгающихъ волнъ, нѣжно облизывающихъ берегъ, и жадно вдыхали свѣжій воздухъ.

И снова шли, очарованные, переполненные грезами о счастьѣ.

Варвара Алексѣевна думала, какъ она снова счастлива, какъ Дима милъ и нѣженъ, какъ хорошо они проживутъ въ уединеніи въ Крыму, Не надо только ни съ кѣмъ знакомиться, а то Дима не окончитъ задуманной работы.

Думалъ и Овѣринъ о томъ, какъ хорошо здѣсь, и, главное, чувствовалъ это всѣмъ своимъ существомъ. И ему хотѣлось увидать Черноморскую Сирену. Разговоръ о ней такъ заинтересовалъ его. Видѣлъ всякихъ онъ женщинъ на своемъ вѣку, но коварныхъ Сиренъ не видалъ. А это такъ интересно. И онъ пристально всматривался въ женскія лица.

Вдругъ что-то ослѣпительно-красивое бросилось ему въ глаза.

Навстрѣчу, сопровождаемая нѣсколькими кавалерами, шла, залитая блескомъ луннаго свѣта, легкою, плывущею походкой, высокая, стройная молодая женщина, вся въ бѣломъ, и тихо-тихо смѣялась. Овѣринъ успѣлъ замѣтить необыкновенную бѣлизну красиваго лица, черные глаза, взглянувшіе на него, и рыжіе волосы. Онъ тотчасъ же догадался, что это и есть Сирена, и, восхищенный ея красотой, вдругъ неодолимо захотѣлъ съ ней познакомиться.

И въ ту же минуту, какъ онъ подумалъ объ этомъ, его окликнулъ мягкій, слегка крикливый голосъ:

— Дмитрій Сергѣичъ! Вы ли это?

Съ этими словами одинъ изъ кавалеровъ «бѣлой» дамы подходилъ, снимая шляпу передъ Варварой Алексѣевной, къ Овѣрину.

— Я самый!—весело отвѣчалъ Овѣринъ, пріостанавливаясь и крѣпко пожимая руку высокому, бѣлокурому молодому человѣку.—А вы какъ здѣсь очутились, Александръ Петровичъ? Еще недавно были въ Ярославлѣ и—въ Севастополѣ?.. Варвара Алексѣевна, позвольте вамъ представить моего хорошаго пріятеля, Александра Петровича Родзянскаго... Варвара Алексѣевна Меньковская.

«Новая любовь!»—подумалъ Родзянскій, пожимая руку Варварѣ Алексѣевнѣ, и проговорилъ:

— А очутился я здѣсь, вѣроятно, такъ же, какъ и вы, Дмитрій Сергѣичъ... Хотѣлось отдохнуть, и махнулъ въ Одессу, оттуда сюда и на-дняхъ поѣду въ Ялту.

— Правильно... Ѣдемъ вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ, если...

— Если что̀?

— Если сойдемся на днѣ отъѣзда... Однако до свиданія... Завтра утромъ зайду къ вамъ... Вы у Киста, конечно?

— У Киста. Да вы куда спѣшите сейчасъ?

— Я тутъ съ одной дамой.

— Съ Черноморской Сиреной?

— И вы ужъ успѣли узнать ея прозвище?

— Успѣлъ... Такъ завтра приходите пораньше!

Родзянскій раскланялся и ушелъ.

Овѣринъ былъ очень радъ. Пріятель завтра же познакомитъ его съ Сиреной.

— Ну, что̀, Дима, понравилась тебѣ эта Сирена?—спрашивала Варвара Алексѣевна.

— Я не разглядѣлъ... Кажется, ничего особеннаго,—небрежно протянулъ онъ, зная, что Вавочка не любила, когда онъ особенно хвалилъ красоту дамъ.

— И мнѣ показалось... Однако не пора ли и домой, Дима... Мнѣ спать хочется!

— Что же, пойдемъ, если хочешь.

— Но, быть-можетъ, ты не хочешь, Дима? Такъ оставайся.

— И я спать хочу!—проговорилъ Овѣринъ.

И въ то же время подумалъ:

«Вавочка уводитъ отъ Сирены, а завтра я съ ней познакомлюсь во что бы то ни стало!»

И они вернулись въ гостиницу.

IV.

Часу въ девятомъ утра Родзянскій стучался въ номеръ Овѣрина.

Овѣринъ, уже одѣтый совсѣмъ и надушенный, отворилъ двери.

— Здѣсь измѣнили петербургскимъ привычкамъ, Дмитрій Сергѣичъ? Раненько встали?—громко и весело заговорилъ Родзянскій, довольно видный блондинъ съ рыжими волосами, бородой и усами, съ умнымъ, нервнымъ лицомъ и небольшими острыми, насмѣшливыми глазами.

— Тише говорите, Александръ Петровичъ... Тише!—прошепталъ Овѣринъ, крѣпко пожимая руку пріятеля.

— А что?—совсѣмъ понижая голосъ, спросилъ Родзянскій.

Вмѣсто отвѣта Овѣринъ, улыбаясь, показалъ рукою на двери сосѣдняго номера.

Родзянскій давно и хорошо зналъ Овѣрина со всѣми его недостатками и любилъ его, какъ талантливаго писателя и милаго человѣка.

Онъ усмѣхнулся болѣе глазами, чѣмъ лицомъ, и шепнулъ:

— Вчерашняя ваша спутница на бульварѣ?

— Да.

— А вдовушка?

— Эка вспомнили... Вотъ уже годъ, какъ я сошелся съ другой.

— Годъ?—удивленно шепнулъ Родзянскій.—На этотъ разъ одобряю вашъ вкусъ,—прибавилъ онъ.

— Очень радъ. Идемъ лучше внизъ. Будемъ чай пить и поговоримъ.

— Осѣдлали коника!—подсмѣялся Родзянскій.

Овѣринъ меланхолически свистнулъ и произнесъ:

— Ничего не подѣлаешь... Супруга бросила.

Они спустились въ ресторанъ, усѣлись у открытаго окна и спросили чаю.

— Теперь васъ позвольте допросить. Кто эта барыня, съ которой вы были вчера?

— Что, небось, ослѣпила?

— Именно ослѣпила. Кто она... Какъ ея фамилія?

— Христофори...

— Она дѣвица, замужняя, вдова?

— Замужемъ, а быть-можетъ, и вдова... Я точно ничего не знаю.

— Да вы давно съ ней знакомы?

— Два дня, вѣрнѣе три, впрочемъ...

— Какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ... Я былъ въ Одессѣ и хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ погостить къ роднымъ, какъ вдругъ увидалъ эту самую барыню на улицѣ въ коляскѣ, съ багажомъ. Она такъ, я вамъ скажу, меня поразила, что я велѣлъ извозчику ѣхать за коляской. Убѣдившись, что барыня ѣдетъ на пристань, я немедленно вернулся въ гостиницу, уложился и черезъ двадцать минутъ былъ на крымскомъ пароходѣ и увидалъ ее на мостикѣ окруженною мужчинами. Капитанъ парохода лебезилъ передъ ней. Ну, на пароходѣ я и познакомился... Замѣчательно оригинальная женщина, умница и какъ хороша, какъ хороша! Оказывается, что она каждую весну и каждую осень проводитъ въ Крыму... Здѣсь ее прозвали Черноморскою Сиреной. И недаромъ... Настоящая Сирена.

— Познакомьте меня съ ней, Александръ Петровичъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Приходите вечеромъ на Графскую пристань.

— Нельзя ли раньше... днемъ. Она гдѣ остановилась?

— Тутъ, близко, въ гостиницѣ Ветцеля.

— Въ которомъ часу она завтракаетъ?

— Въ двѣнадцать.

— Въ ресторанѣ?

— Да.

— И вы будете тамъ въ этотъ часъ?

— Буду.

— Ну, такъ я приду въ этотъ часъ... Только не проговоритесь при Варварѣ Алексѣевнѣ, а я какъ-нибудь улизну отъ завтрака дома... Или будемъ завтракать позднѣе.

— Приходите. Сирена утромъ еще лучше, чѣмъ вечеромъ.

— Она долго остается въ Севастополѣ?

— Завтра ѣдетъ на пароходѣ въ Ялту.

— И вы, Александръ Петровичъ?

— И я.

— И мы съ Варварой Алексѣевной. Это будетъ отлично.

— А что скажетъ ваша спутница?

— Тамъ, батюшка, видно будетъ. Къ чему упреждать событія.

— Но только я напередъ скажу вамъ, Дмитрій Сергѣичъ, что ничего не выйдетъ.

— Я и не гонюсь за чѣмъ-нибудь... Просто меня заинтересовала Сирена.

— И вы въ нее влюбитесь?

— И этого не знаю... А, можетъ-быть, вы не хотите меня знакомить?—подсмѣялся Овѣринъ.

— И не думалъ не хотѣть! — отвѣтилъ, весь вспыхивая, Родзянскій.—Напротивъ, съ удовольствіемъ познакомлю... По крайней мѣрѣ увижу, какъ вы останетесь съ носомъ. Она не петербургская барынька, льнущая къ литераторамъ.

— Она откуда?

— Не знаю. Объ этомъ не говоритъ... И вообще о себѣ не говоритъ. Кажется, живетъ гдѣ-то на югѣ. Капитанъ парохода говорилъ, что она замужемъ, и что мужъ у нея богатый румынъ или грекъ, Богъ его знаетъ... Но, видно, не ревнивый. Пускаетъ ее одну въ Крымъ... А здѣсь она кружитъ всѣмъ головы и надъ всѣми забавляется.

— И у нея нѣтъ любовника?

— Говорятъ, нѣтъ. За ней даже одинъ нѣмецкій принцъ ухаживалъ и остался въ дуракахъ.

— Быть-можетъ, съ татарами ѣздитъ въ горы?

— Что вы? Ничего подобнаго. Если ѣздитъ, то всегда въ большой компаніи.

— Странная женщина.

— И очень. Недаромъ же ее зовутъ Сиреной.

— Манитъ и топитъ въ морѣ?.. Это очень, знаете ли, любопытно.

— Не сломайте себѣ шеи, Дмитрій Сергѣичъ.

— Богъ дастъ, не сломаю, Александръ Петровичъ.

Въ эту минуту въ ресторанѣ показалась Вавочка, и Овѣринъ, дѣлая видъ, что ее не замѣтилъ, заговорилъ довольно громко, словно бы продолжая разговоръ:

— Такъ въ двѣнадцать, значитъ, мы въ редакцію *Севастопольскаго Листка*, Александръ Петровичъ?..

— Зачѣмъ это вамъ, господа, въ редакцію?—проговорила, появляясь у стола, Варвара Алексѣевна. — Неужели и здѣсь существуютъ редакціи?

Мужчины встали и поклонились.

Родзянскій склонилъ низко голову съ тою нѣсколько аффектированною почтительностью, съ какою часто кланяются дамамъ, чувствующимъ неловкость своего фальшивого положенія, и, смѣло взглянувъ въ лицо Варвары Алексѣевны, нашелъ, что она хороша собой и «дама съ характеромъ»

«То-то Овѣринъ цѣлый годъ при ней!» — подумалъ онъ, пожимая протянутую ему маленькую и мягкую руку въ кольцахъ.

— Такъ вы въ редакцію? А я думала, что въ двѣнадцать часовъ мы позавтракаемъ вмѣстѣ. Я разсчитывала и на васъ, Александръ Петровичъ! — проговорила Варвара Алексѣевна, присаживаясь къ столу.—Дмитрій Сергѣичъ! будьте любезны, прикажите подать мнѣ кофе.

Родзянскій низко поклонился и сказалъ, что онъ далъ слово быть въ двѣнадцать часовъ въ редакціи мѣстной газеты.

— Тамъ, — заговорилъ Овѣринъ: — оказался сотрудникомъ нашъ общій старый знакомый. Хочется его повидать. А онъ бываетъ въ редакціи только съ двѣнадцати до часу.

— Да... съ двѣнадцати до часу!—подтвердилъ Родзянскій, убѣдившись, что Овѣринъ вретъ попрежнему съ необыкновенною смѣлостью.

— А не позавтракаемъ ли мы въ часъ, Варвара Алексѣевна? Если вы согласитесь на это, то мы къ часу вернемся... Не правда ли, Александръ Петровичъ?

Варвара Алексѣевна аппетитно отхлебывала маленькими глотками кофе, заѣдая его небольшими ломтиками бѣлаго хлѣба съ масломъ, и нѣсколько разъ неожиданно взглядывала то на Овѣрина, то на его пріятеля.

И хотя оба они сидѣли съ самымъ невиннымъ видомъ, тѣмъ не менѣе и эта «редакція» и этотъ неожиданный «старый знакомый», о которомъ раньше Дима ни слова не говорилъ, — а онъ выбалтывалъ рѣшительно все, кромѣ встрѣчъ съ женщинами, — показались ей почему-то подозрительными. Инстинктъ сыщика подсказывалъ ей, что тутъ пахнетъ какимъ-то заговоромъ. И этотъ рыжій пріятель Димы, съ его изысканною любезностью и маленькими острыми глазами, въ которыхъ играла усмѣшка, не внушалъ ей особеннаго довѣрія.

«Вѣрно, такой же юбочникъ, какъ и Дима!» — подумала Варвара Алексѣевна, и вслѣдъ затѣмъ въ головѣ ея блеснула мысль объ этой красавицѣ—Сиренѣ, около которой былъ вчера пріятель Димы.

И ей вдругъ захотѣлось скорѣй уѣхать изъ Севастополя. По крайней мѣрѣ Дима не успѣетъ познакомиться съ Сиреной и увлечься ею, если она, въ самомъ дѣлѣ, такая опасная, какъ говорятъ.

Ей было обидно. Самолюбіе ея жестоко страдало при мысли, что она должна вѣчно бояться за человѣка, котораго она безгранично любила. Она тайнѣ презирала легкомысліе своего любовника и тѣмъ не менѣе ужасалась при мысли о разрывѣ

и надѣялась прибрать его къ рукамъ и сдѣлаться его женой. Мужъ, конечно, дастъ разводъ. А она знала Овѣрина, знала, какъ онъ безгранично добръ и безхарактеренъ.

— Въ часъ такъ въ часъ! — весело проговорила Варвара Алексѣевна и, желая очаровать Родзянскаго, какъ пріятеля Димы, взглянула на него ласково, кротко и въ то же время кокетливо.

Родзянскій слегка выпятилъ грудь и закрутилъ свой рыжій усъ.

— Надѣюсь, Александръ Петровичъ,—заговорила она своимъ мягкимъ, груднымъ голосомъ:—вы не лишите меня удовольствія видѣть и послушать васъ за завтракомъ. Я такъ много слышала о вашемъ умѣ, о вашихъ интересныхъ похожденіяхъ отъ Дмитрія Сергѣевича, что вы поймете мое желаніе поближе познакомиться съ такимъ интереснымъ человѣкомъ! — прибавила Варвара Алексѣевна съ очаровательной улыбкой, которая дала возможность показать рядъ мелкихъ, ровныхъ и ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.

— Я постараюсь быть, Варвара Алексѣевна, хотя боюсь, что не оправдаю вашихъ ожиданій, — скромно промолвилъ Родзянскій, весь вспыхивая до корней волосъ отъ комплимента молодой женщины.

Овѣринъ въ это время подумалъ: «Куда это гнетъ Вавочка?» — и насторожился.

— Скромность, конечно, добродѣтель...

— Я не очень скроменъ, Варвара Алексѣевна, но дѣло въ томъ, что Дмитрій Сергѣичъ слишкомъ торопливъ въ своихъ опредѣленіяхъ.

— Слишкомъ увлекающійся человѣкъ, хотите вы сказать?

— Пожалуй, что и такъ.

— Валяйте, валяйте, не стѣсняйтесь, Александръ Петровичъ, я привыкъ къ критическому отношенію къ моей особѣ. Знаете ли, Варвара Алексѣевна, никто не ругаетъ меня такъ, какъ мои милые пріятели и особенно Александръ Петровичъ.

— За что, главнымъ образомъ? — полюбопытствовала Варвара Алексѣевна.

— Да рѣшительно за все! — проговорилъ, заливаясь хохотомъ, Овѣринъ.

— Однако?

— За статьи, за легкомысліе, за расточительность, за фантазерство, за скоропалительность дѣйствій, за то, что я позволяю себѣ роскошь говорить, не стѣсняясь, то, что пріятели считаютъ ерундой, однимъ словомъ, я въ ихъ глазахъ въ родѣ

помѣшаннаго, и всѣ изощряютъ надо мною свое остроуміе, болѣе или менѣе удачное!—весело заключилъ Овѣринъ.

— И тѣмъ не менѣе всѣ любятъ его! — вставилъ Родзянскій.

— Да, есть такіе счастливые характеры. Дмитрію Сергѣевичу готовы простить то, что̀ другимъ не прощаютъ!—промолвила Варвара Алексѣевна.

— Потому что въ дѣйствительности серьезныхъ винъ нѣтъ, Варвара Алексѣевна.

— Будто?—проронила молодая женщина и бросила на него восторженный взглядъ. — А что̀ мы, господа, будемъ послѣ завтрака дѣлать? Кажется, въ Севастополѣ нечего осматривать да и негдѣ гулять. Онъ хорошъ въ небольшой порціи, этотъ Севастополь... И знаете что̀, Дмитрій Сергѣевичъ... Вы какъ хотите, а я съ первымъ же пароходомъ уѣзжаю на южный берегъ... Когда отходитъ пароходъ?

— Завтра въ часъ!—отвѣтилъ Родзянскій.

— И отлично. Сегодня послѣ завтрака поѣдемъ въ Балаклаву и Херсонесъ, а завтра я ѣду. А вы какъ, Дмитрій Сергѣичъ? Остаетесь, или ѣдете?

«Такъ вотъ въ чемъ музыка. Увозитъ меня отъ Сирены и не знаетъ, что завтра на пароходѣ будетъ встрѣча. Вотъ такъ ловко промахнулась Вавочка!» — подумалъ Овѣринъ и отвѣтилъ:

— Да что̀ здѣсь въ Севастополѣ дѣлать? Я съ удовольствіемъ уѣду.

— И отлично. По крайней мѣрѣ, мнѣ не будетъ скучно... А вы остаетесь здѣсь, Александръ Петровичъ? — спрашивала Варвара Алексѣевна.

— Не знаю еще.

— Во всякомъ случаѣ, не забудьте меня... Въ Ялтѣ въ гостиницѣ «Россія» будетъ извѣстно, гдѣ я поселюсь окончательно. Надѣюсь васъ видѣть, Александръ Петровичъ?

— Непремѣнно.

Посидѣли еще, поболтали, и Родзянскій простился, напомнивъ Овѣрину, чтобы въ двѣнадцать часовъ приходилъ въ редакцію.

— Отчего ты ранѣе ничего не говорилъ объ этомъ твоемъ старомъ знакомомъ, Дима? — спросила Вавочка, когда ушелъ Родзянскій.

— Очень просто. Я только-что отъ Родзянскаго узналъ, что нашъ общій пріятель здѣсь. Однако извини, Вава, надо письмо писать... Пойду къ себѣ.

— И я буду письмо писать.

Они вышли вмѣстѣ, и Овѣринъ зашелъ въ номеръ Вавочки, сказалъ, что она авантажна, и, горячо поцѣловавъ ее, пошелъ къ себѣ, но, вмѣсто писанія письма, занялся расчесываніемъ своей подстриженной бородки и кудрявыхъ волосъ. Вспрыснувъ себя духами, онъ надѣлъ новенькое зеленовато-сѣрое пальто, новенькую модную шляпу, взялъ перчатки и тросточку и, довольный, какъ школьникъ, надувшій учителя, вышелъ изъ номера за четверть часа до двѣнадцати.

Старикъ-извозчикъ, ѣздившій съ нимъ вчера и получившій такую плату, что даже ошалѣлъ, подалъ фаэтонъ и, снимая шляпу, проговорилъ:

— Куда прикажете, ваше превосходительство?

— Пошелъ направо.

Отъѣхавши нѣсколько шаговъ, онъ приказалъ ѣхать въ гостиницу Ветцеля.

Черезъ двѣ-три минуты онъ былъ у подъѣзда гостиницы.

— Дожидайся меня!

— Слушаю, ваше превосходительство!

Онъ вошелъ въ небольшую залу ресторана. Пожилой отставной морякъ, сидѣвшій за газетой и бутылкой пива, поднялъ на вошедшаго равнодушный взглядъ и опустилъ его. Лысенькій, добродушный, румяненькій капитанъ второго ранга, сидѣвшій съ двумя лейтенантами за столомъ, на которомъ стояло нѣсколько пустыхъ бутылокъ, тоже посмотрѣлъ на Овѣрина веселыми, ласковыми и нѣсколько засоловѣлыми глазами и, казалось, припоминалъ: знакомъ или незнакомъ ему Овѣринъ?

И пока Овѣринъ, усѣвшись въ углу, противъ дверей, чтобы можно было видѣть входящихъ, заказывалъ себѣ полсотни устрицъ, лысенькій и толстый морякъ не спускалъ съ него глазъ и наконецъ рѣшительно поднялся и, широко улыбаясь обрюзгшимъ лицомъ съ сочными, полными губами, нѣсколько косолапой походкой, какъ часто бываетъ у моряковъ, приблизился къ Овѣрину и, протягивая широкую мясистую руку, проговорилъ:

— Дмитрій Сергѣичъ Овѣринъ... Не узнаёте? Хе, хе, хе... А еще вмѣстѣ въ Петербургѣ, въ Аркадіи, кутили, а потомъ на тоню ѣздили... Забыли?.. Хе, хе, хе!

— Вспомнилъ, вспомнилъ! Очень радъ... очень... Извините, забылъ имя и отчество.

— Петръ Петровичъ... Но только меня больше Петенькой всѣ зовутъ. Хе, хе, хе! Петенькой! И тогда Петенькой звали... Припоминаете?

Теперь Овѣринъ окончательно припомнилъ и Аркадію, и

тоню, и этого моряка, милаго, веселаго и пьяненькаго, съ которымъ онъ познакомился случайно и познакомилъ его съ своею компаніей.

Они облобызались.

Пожилой, толстенькій морякъ сталъ извиняться, что не можетъ остаться съ пріѣзжимъ,—надо на крейсеръ,—но все-таки есть время, чтобы выпить за здоровье извѣстнаго писателя... хе, хе, хе!..

— Человѣкъ! Бутылку Клико!

Онъ познакомилъ Овѣрина съ двумя лейтенантами, и Дмитрій Сергѣевичъ могъ убѣдиться, что и лейтенанты знаютъ его, какъ писателя. Они горячо жали ему руки, сказали, что они поклонники его таланта, и всѣ пили его здоровье. Овѣринъ въ свою очередь потребовалъ бутылку и пилъ за здоровье моряковъ.

Прощаясь, пожилой морякъ звалъ Овѣрина побывать на крейсерѣ.

— Очень будемъ всѣ рады.

Овѣринъ обѣщалъ непремѣнно пріѣхать.

Когда компанія моряковъ ушла, онъ принялся за свои устрицы и то и дѣло поглядывалъ на часы. Былъ первый часъ въ началѣ. Сирена не показывалась.

«Наконецъ-то!»—подумалъ онъ, когда отворились двери. Онъ поднялъ глаза и положительно замеръ отъ восторга.

V.

Дѣйствительно, она была хороша, эта ослѣпительная блондинка лѣтъ двадцати пяти, высокая, стройная и гибкая, съ собранными въ коронку на маленькой головкѣ рыжими, отливавшими золотомъ, волосами, въ которыхъ была воткнута алая роза, и черными глазами, свѣтившимися какой-то чарующей и въ то же время насмѣшливой улыбкой.

Свѣжая, какъ вешнее утро, въ изящно сшитомъ лѣтнемъ платьѣ, она шла граціозной, легкою походкой въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ былъ, къ удивленію Овѣрина, и господинъ товарищъ министра. Подбѣжавшій лакей указалъ имъ накрытый столикъ невдалекѣ отъ Овѣрина. Родзянскаго не было.

Молодая женщина скользнула по Овѣрину взглядомъ и сѣла такъ, что Овѣринъ могъ ее видѣть.

И Овѣринъ, восхищенный и нѣсколько подавленный, разглядывалъ ее.

Что-то властное, увѣренное въ себѣ и въ то же время загадочное было въ выраженіи этого прелестнаго лица ослѣ-

нительной бѣлизны, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ прямымъ, тонкаго очертанія носомъ, красивымъ лбомъ и алыми, совсѣмъ тонкими губами, уголки которыхъ временами подергивались. Эта загадочность особенно свѣтилась въ глазахъ... въ этихъ улыбающихся, какъ будто вызывающихъ и въ то же время строгихъ и холодныхъ глазахъ. Глядя на нихъ, Овѣринъ понялъ, почему эту женщину прозвали Сиреной.

Онъ замѣтилъ грацію ея манеръ и каждаго жеста и обратилъ свое особенное вниманіе на руки. Руки именно были такія, какія ему нравились: маленькія, узкія, съ длинными, тонкими породистыми пальцами, нѣжныя и бѣлыя, съ розовыми маленькими ногтями. Обручальнаго кольца не было, и только одинъ брильянтъ сверкалъ на крошечномъ мизинцѣ. Замѣтилъ Овѣринъ и словно выточенную шею, и родинку на щекѣ, и крошечныя уши, и... отвелъ свой взглядъ, какъ только замѣтилъ, что на него взглянули эти черные улыбающіеся глаза.

«Господи! Какое прелестное созданіе!»—мысленно шепнулъ Овѣринъ.

«Но гдѣ же Родзянскій? Ужели онъ не придетъ?»—подумалъ онъ, нетерпѣливо теребя бородку.

Но Александръ Петровичъ уже входилъ, веселый и сіяющій, въ новомъ вестонѣ и въ свѣтломъ галстукѣ. Поздоровавшись съ молодой женщиной и съ остальной компаніей, онъ подошелъ опять къ Сиренѣ и что-то шепнулъ ей. Она весело кивнула головой; Родзянскій направился къ Овѣрину.

— Ну, пойдемте... Я васъ представлю. Она очень хочетъ познакомиться съ писателемъ... да еще такимъ красивымъ.

— Это она говоритъ, или вы?—спросилъ, вспыхивая, Овѣринъ.—Какъ ее зовутъ?

— Маріанна Николаевна.

Несмотря на большую привычку къ дамамъ, Овѣринъ былъ нѣсколько смущенъ, что очень шло къ нему, когда, послѣ представленія его, Маріанна Николаевна, крѣпко пожимая ему руку и взглядывая ему прямо въ глаза своими смѣющимися глазами, которые словно ласкали,—проговорила необычайно привѣтливо и даже ласково:

— Очень рада, что случай насъ свелъ. Я читала васъ и одною вашею статьей даже увлеклась... Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ авторомъ... Вы завтракаете здѣсь?

— Да.

— Такъ присаживайтесь къ намъ и непремѣнно около меня... Господа, позвольте васъ познакомить... Дмитрій Сергѣичъ Овѣринъ... Имя это, конечно, всѣмъ вамъ извѣстно.

Овѣринъ, сконфуженно улыбаясь, жалъ руку красивому брюнету, военному инженеру и юнцу-мичману.

Бывшій его спутникъ, маленькій, выбритый товарищъ министра, любезно замѣтилъ:

— Мы ужъ нѣсколько знакомы. Ѣхали съ вами вмѣстѣ.

И сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ по поводу его талантливыхъ статей, которыхъ онъ, разумѣется, никогда не читалъ.

— Вы сюда отдыхать, конечно?—спрашивала Маріанна Николаевна, сосредоточивая на Овѣринѣ исключительное свое вниманіе и словно бы забывая всѣхъ остальныхъ.

— Не совсѣмъ... Думаю работать.

— Вы что теперь пишете?.. Не секретъ?

— О любви въ литературныхъ произведеніяхъ.

— Интересный сюжетъ,—протянула она.

— Очень,.. если его обработать какъ слѣдуетъ.

— Да еще по собственнымъ наблюденіямъ!—насмѣшливо улыбнулась Маріанна Николаевна.—Вѣрно, у васъ большой ихъ запасъ,—прибавила она.

— Почему вы такъ думаете?

— Видно... Да и къ тому же писатель... имя... Ну, и, безъ комплиментовъ, у васъ оригинальное лицо. Молодой и сѣдой!.. Это красиво. Женщинамъ все это нравится... А вы что же не ѣдите устрицъ?—спрашивала Маріанна Николаевна, отдѣляя устрицу отъ раковины своею маленькою рукою.

— Только-что ѣлъ.

— А еще?.. Ихъ можно ѣсть сколько угодно...

Овѣринъ взялъ устрицъ, хотя ему ихъ и не хотѣлось, и чувствовалъ, что нѣсколько робѣетъ передъ этою женщиной, говорившей съ извѣстнымъ писателемъ не то что съ робостью, а даже съ насмѣшкой. Отъ нея шло тонкое благоуханіе духовъ «Crab-Apple», и, когда она поворачивалась къ нему, ея ослѣпительно-красивое лицо было такъ близко, что Овѣринъ невольно отводилъ глаза.

Налили шампанское.

— Пью за вашъ талантъ!—просто и сердечно произнесла Маріанна Николаевна.

— Благодарю васъ! — горячо отвѣчалъ Овѣринъ. — А я пью за...

Онъ запнулся.

— За что же?.. Здоровья у меня много, красоты довольно, богатство есть.

— За большее количество счастливыхъ минутъ въ жизни.

— Счастье—понятіе относительное. Что однимъ кажется

счастьемъ, то другимъ—пошлыми пустяками!—промолвила Маріанна Николаевна. -Все зависитъ отъ того, чѣмъ довольствуется человѣкъ...

— А вы малымъ не довольствуетесь?

— Мой девизъ: все или ничего! — властно проговорила молодая женщина. — Во всякомъ случаѣ, спасибо за пожеланіе!

Она чокнулась съ Овѣринымъ и отхлебнула изъ бокала.

Пили за здоровье Маріанны Николаевны остальные собесѣдники. Морякъ-юнецъ произнесъ восторженную рѣчь, которую Сирена выслушала, казалось Овѣрину, совсѣмъ равнодушно. Говорилъ и инженеръ.

— А вы, Василій Аркадьевичъ?—обратилась она къ Завистовскому:—такъ ничего и не скажете мнѣ?

Маленькій бритый «его превосходительство», не спускавшій глазъ съ Сирены, поднялъ бокалъ и проговорилъ:

— Вы и безъ рѣчей знаете, Маріанна Николаевна, искренность моихъ пожеланій... Они неизмѣнны съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье познакомиться съ вами три года тому назадъ.

— Терпѣливый же вы однако человѣкъ... Пью за ваше долготерпѣніе!—воскликнула, смѣясь, Маріанна Николаевна.

— Терпѣніе—мать всѣхъ добродѣтелей!—шутливо проговорилъ его превосходительство, нѣсколько смущенный.

Маріанна Николаевна усмѣхнулась и, обращаясь къ Овѣрину, спросила:

— Вы надолго въ Крымъ?

— Какъ поживется.

— Надѣюсь, эта случайная наша встрѣча не послѣдняя?

— Хотѣлъ бы.

— И я хочу.

Овѣринъ наклонилъ голову въ знакъ благодарности.

— Мнѣ кажется, что вы интересный человѣкъ... Кажется,—повторила она, подчеркивая это слово.—А я люблю сколько-нибудь интересныхъ людей. Ихъ такъ вообще мало. Всѣ по одному шаблону и говорятъ они одно и то же.

Понижая голосъ и слегка нагибаясь къ Овѣрину, она прибавила:

— Среди этихъ... одинъ Родзянскій интересенъ... Но и онъ...

Она на минуту остановилась и докончила громко:

— Кажется, изъ влюбчивыхъ.

— А вы такихъ боитесь?

— Я никакихъ не боюсь!—презрительно щуря глаза, промолвила Маріанна Николаевна.

— Такъ что же?

— Надоѣдаютъ... А вы, Дмитрій Сергѣевичъ, влюбчивы?— неожиданно спросила она.—Я слышала, что писатели влюбчивы... Вѣрно, для изученія?..

— Грѣшенъ!—виновато отвѣчалъ Овѣринъ.

— Ну, вотъ! Значитъ, и съ вами будетъ скучно. А я думала, вы хоть будете исключеніемъ... Тогда я беру свое слово назадъ.

— Какое слово?

— О продолженіи нашего знакомства.

— Вы такъ увѣрены, что я въ васъ влюблюсь?

— Если въ васъ мало разсудка, почти увѣрена.

— Но я постараюсь не влюбиться! — смѣясь, проговорилъ Овѣринъ.

— Даете слово?

— Даю!

— Тогда милости просимъ ко мнѣ въ Ялту... Поближе познакомимся и, быть-можетъ, сдѣлаемся пріятелями... Вы не будете мнѣ говорить то, что говорятъ всѣ, и я не буду тѣшиться надъ вами... Какъ бы я этого хотѣла!—горячо и искренно прибавила она.

Завтракъ затянулся до двухъ часовъ. Послѣ шампанскаго явилось еще болѣе приподнятое настроеніе. Овѣринъ разсказывалъ о прошлогодней поѣздкѣ на Кавказъ и всѣхъ увлекъ своимъ талантливымъ разсказомъ. Онъ такъ художественно и красиво описывалъ природу, давалъ нѣсколькими штрихами такія мастерскія и мѣткія характеристики людей, что всѣ слушали съ восторгомъ, не замѣчая преувеличеній увлекающейся натуры Овѣрина. И лицо его въ эти минуты было такое выразительное, въ немъ было что-то такое наивно-дѣтское, что Маріанна Николаевна, взглядывая на него, видимо была заинтересована.

Овѣринъ совсѣмъ забылъ, что обѣщалъ Вавочкѣ быть къ часу, и, чувствуя, что на него обращено общее вниманіе и что Маріанна Николаевна слушаетъ его съ интересомъ, продолжалъ говорить. Словно бы опьяненный присутствіемъ Сирены и инстинктивнымъ желаніемъ ей понравиться, увлеченный самъ своими рѣчами, онъ вдохновенно сыпалъ остротами, мѣткими сравненіями, блестящими метафорами.

Онъ кончилъ, и когда заговорили инженеръ и морякъ, сразу почувствовалось то, что бываетъ, когда послѣ хорошаго артиста начинаетъ играть бездарность. Маріанна Николаевна почти не слушала никого. Разговоръ скоро оборвался.

— Дмитрій Сергѣичъ! А вѣдь половина третьяго? — проговорилъ, улыбаясь, Родзянскій.

— Половина третьяго?—машинально повторилъ Овѣринъ.

— Насъ вѣдь ждутъ... Мы обѣщали быть въ часъ.

Овѣринъ вспомнилъ о Вавочкѣ и покраснѣлъ.

— Кто васъ ждетъ, Дмитрій Сергѣичъ?—спросила Маріанна Николаевна.

— Одна знакомая... Мы вмѣстѣ ѣхали изъ Петербурга... Родственница.

— Такъ идите, господа... А я думала, мы поѣдемъ за городъ.

— Что-жъ, я съ удовольствіемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Не слѣдуетъ заставлять себя ждать... Идите... идите, Дмитрій Сергѣичъ.

И Овѣринъ сконфуженно всталъ и началъ прощаться,

— Когда же увидимся?—спросила Маріанна Николаевна, пожимая Овѣрину руку крѣпко, по-англійски.—Вечеромъ на бульварѣ?

— Непремѣнно.

Онъ заплатилъ свою часть инженеру и вмѣстѣ съ пріятелемъ вышелъ изъ ресторана.

— Ну что, готовы?—спросилъ Родзянскій.

— Готовъ!—отвѣчалъ Овѣринъ и прибавилъ:—Какая прелесть эта Сирена!

— То-то, я вамъ говорилъ... Но только не думайте, что побѣдите ее.

— Я ничего не думаю... И какое мнѣ до этого дѣло. На нее молиться можно!

Родзянскій насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— А теперь надо придумать, почему мы опоздали!

— Очень просто... заболтались съ старымъ пріятелемъ... А съ Сиреной встрѣтились на улицѣ, и вы меня ей представили... Всего пять минутъ говорили... Такъ, что ли? А то Варвара Алексѣевна будетъ въ недоумѣніи завтра на пароходѣ, когда увидитъ, что мы знакомы... Надо теперь ухо востро... Событія усложняются!—весело говорилъ Овѣринъ.

И, когда пріятели вошли въ гостиницу, Овѣринъ шепнулъ:

— Голубчикъ... Не уходите скоро... Посидите вмѣстѣ у насъ и отвлеките Варвару Алексѣевну чѣмъ-нибудь. Ухаживайте за нею. Будьте добрымъ товарищемъ.

VI.

«Юпитеръ», большой, роскошно отдѣланный пароходъ, одинъ изъ тѣхъ щегольскихъ, казовыхъ пароходовъ Русскаго Обще-

ства пароходства и торговли, которые дѣлаютъ крымскіе и кавказскіе рейсы, въ исходѣ одиннадцатаго часа утра, согласно расписанію, пришелъ изъ Одессы въ Севастополь и сталъ, ошвартовавшись, у пристани, рядомъ съ Графской.

Пассажировъ, особенно классныхъ, было порядочно. Ѣхали цѣлыя семьи, было нѣсколько мужчинъ, но преобладали одиночки-дамы, среднихъ и пожилыхъ лѣтъ, молодящіяся, туго затянутыя въ корсеты, подмазанныя и съ подведенными, безпокойными глазами

Начиналась весенняя тяга въ Крымъ и на Кавказъ изъ разныхъ угловъ Россіи — преимущественно изъ Москвы—и больныхъ, и здоровыхъ, и ищущихъ отдыха на лонѣ южной природы, и любительницъ верховой ѣзды и катанія на лодкахъ съ татарами-проводниками, и пожилыхъ, но пылкихъ сердцемъ, искательницъ глухихъ уголковъ въ Крыму, гдѣ такъ удобно, вдали отъ супруговъ, наслаждаться идилліей вдвоемъ съ миѳическими юнцами-племянниками, исполняющими добросовѣстно обязанности поклонниковъ за столъ, квартиру и небольшія карманныя деньги.

На «Юпитерѣ» только-что позавтракали, и многіе пассажиры спѣшили воспользоваться двухчасовой стоянкой парохода, чтобы съѣздить осмотрѣть Севастополь, манившій съ палубы своей красотой.

На небольшомъ, узкомъ и тѣсномъ пространствѣ владѣній Русскаго Общества—маленькой пристани и узкаго, огороженнаго нѣсколькими постройками, крутого подъема, ведущаго на улицу — толпились пассажиры, встрѣчавшіе родственники и знакомые, и просто глазѣющая публика, и босоногіе, одѣтые въ рвань, черномазые цыгане-носильщики, которые таскали ручной багажъ пассажировъ, остающихся въ Севастополѣ, и большіе сундуки и корзины изъ багажнаго пакгауза. Тутъ же, увеличивая тѣсноту, стояли извозчичьи коляски и ломовыя дроги.

Вмѣстѣ съ лязгомъ паровой лебедки, выгружающей изъ трюма багажъ, на этомъ тѣсномъ дворикѣ агентства шелъ говоръ, раздавались мужскіе окрики, испуганныя восклицанія дамъ, боявшихся, что носильщики унесутъ багажъ, и, разумѣется, порой въ воздухѣ стояла энергическая ругань, приправленная варіантами мѣстнаго жаргона.

И надъ всей этой обычной сутолокою русской толпы—чудное бирюзовое небо съ нависшимъ раскаленнымъ шаромъ ослѣпительнаго и жгучаго южнаго солнца.

— Экое свинство! Даже порядочной пристани не могли устроить!

Это восклицаніе, полное желчной раздражительности, вырвалось у какого-то долговязаго, какъ цапля, и худого, какъ спичка, высокаго господина, лѣтъ за тридцать, по всѣмъ признакамъ петербуржца и чиновника, котораго чуть не угодило оглоблей ломовыхъ дрогъ по головѣ.

Одѣтъ онъ былъ по послѣдней модѣ и весьма элегантно. Еще на пароходѣ этотъ долговязый господинъ обращалъ на себя общее вниманіе и корректностью, и либеральными разговорами о томъ, какъ хорошо путешествовать по Европѣ, и какъ трудно правительству, при всемъ желаніи, упорядочить нравы въ провинціи, и своимъ безукоризненнымъ костюмомъ.

На немъ былъ кургузый, открытый вестончикъ стального цвѣта, подъ которымъ жилета не было, а только туго накрахмаленная, гофрированная, батистовая цвѣтная сорочка, спускавшаяся книзу широкою складкой, по-матросски. Свѣтлый галстукъ, перехваченный кольцомъ, съ длинными концами, охватывалъ маленькій стоячій воротникъ. На тонкихъ бедрахъ былъ черный шелковый широкій поясъ, изъ-за котораго виднѣлась цѣпочка часовъ. На маленькихъ ногахъ—желтые башмаки. На коротко остриженной головѣ—панама. Въ рукѣ, облитой лайковой перчаткой, тоненькій зонтикъ-aiguille.

И вдругъ—оглобля у самой шеи, благоухающей духами!

— Куда лѣзешь, каналья! Стой, мерррзавецъ... Ахъ, ты...

Однако изящный джентльменъ во-время удержался и не докончилъ площадного ругательства.

Впереди, повиливая бедрами, шла довольно миловидная брюнетка-пассажирка.

Возчикъ-хохолъ хладнокровно осадилъ дроги и наставительно замѣтилъ:

— Тоже лѣзетъ подъ оглоблю... Мазепа и есть!

А петербургскій чиновникъ снова повторилъ, нарочно громко, чтобы слышала брюнетка:

— Экое свинство! Экая Азія!

Но этотъ протестующій возгласъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на миловидную брюнетку ни на другихъ торопившихся пассажировъ. Всѣ они, какъ русскіе люди, да еще провинціалы, очевидно, привыкли къ «свинству» несравненно большему, чѣмъ плохо-устроенная пристань, и ничѣмъ не выразили участія человѣку, попавшему подъ оглоблю.

Только бывшій около сѣденькій, маленькій и сухонькій старичокъ, необыкновенно живой и юркій, одѣтый въ бѣлую коломянковую пару, въ бѣлой флотской фуражкѣ на головѣ, обратилъ свое востроносое, морщинистое лицо на европейца-

чиновника, съ которымъ познакомился на пароходѣ и, между прочимъ, узналъ, что молодой франтоватый чиновникъ служитъ въ министерствѣ земледѣлія и ѣдетъ въ Крымъ и на Кавказъ съ казеннымъ порученіемъ что-то упорядочить и кого-то осчастливить,—и промолвилъ съ едва уловимой насмѣшливой ироніей въ своемъ мягкомъ тенорѣ:

— А вы, ваше превосходительство, пропечатали бы въ «Новомъ Времени» за эту самую «Азію».

— Непремѣнно пошлю письмо въ редакцію. Вотъ только въ Ялту придемъ. Въ самомъ дѣлѣ—безобразіе. Богатое Общество, правительство даетъ субсидію, а они порядочной пристани не хотятъ устроить. Тѣснота. Чуть оглоблей не ушибли. И что̀ дѣлаетъ правленіе, хотѣлъ бы я знать?

— Пошлите, пошлите корреспонденцію, ваше превосходительство. *Они* хоть посердятся!—подзадоривалъ юркій старичокъ.

— Кто *они*, капитанъ?

— Да господа правленіе въ Петербургѣ.

— Надѣюсь, и вниманіе обратятъ. Я подпишу письмо. Не какой-нибудь корреспондентъ пишетъ, а человѣкъ съ извѣстнымъ положеніемъ.

— Ну-съ, на особенное вниманіе не разсчитывайте, ваше превосходительство, не разсчитывайте! И про болѣе серьезныя вещи писали... а не то что про пристань. Мы вотъ, туземцы, такъ сказать, не въ претензіи на пристань. Мы и къ безобразіямъ привыкли. А вамъ, видно, въ диковину они? Изволите все сидѣть въ департаментѣ? Рѣдко путешествуете по Россіи?—съ почтительной насмѣшливостью говорилъ старичокъ, оглядывая своими маленькими зоркими глазами петербургскаго франта, возмущавшагося пустяками.

— Почему вы полагаете, капитанъ, что не обратятъ вниманія? Должны обратить, коль скоро сообщаютъ вѣрные факты.

— А, впрочемъ, попробуйте. Ха-ха-ха! Однако до свиданія, ваше превосходительство. Вотъ и извозчикъ. Осмотрите Севастополь. Славный городокъ. А какой онъ былъ до войны, если-бъ вы знали!—горячо и восторженно прибавилъ старикъ.

— Не угодно ли вмѣстѣ прокатиться?

Но старикъ отказался. Онъ зайдетъ только къ однимъ знакомымъ и сейчасъ же вернется на пароходъ и ляжетъ спать.

— Ночь-то я, признаться, не спалъ!—прибавилъ онъ.

— Не спали? Почему?

— Тарханкутскій маякъ сторожилъ!—засмѣялся старикъ.— Все покойный «Владиміръ» съ погибшими пассажирами не выходилъ изъ головы. Я хоть и бывшій морякъ, и мнѣ седь-

мой десятокъ, но все-таки не имѣю желанія попасть къ рыбамъ. До Ялты отосплюсь. Днемъ, дастъ Богъ, ни съ кѣмъ не столкнемся.

Пристань опустѣла, но не надолго.

То и дѣло подъѣзжали щегольскіе севастопольскіе извозчики со своими четырехмѣстными колясками-корзинами изъ камыша, окрашеннаго въ бѣлую краску, съ бѣлыми парусинными зонтиками, защищающими головы отъ палящаго солнца,—подвозившіе съ прибывшаго поѣзда пассажировъ, которые направлялись на южный берегъ.

День стоялъ чудесный. Море было гладко какъ зеркало, и пятичасовое морское путешествіе не пугало русскихъ туристовъ, вообще боящихся моря.

На пристани снова оживленіе, тѣснота и брань.

Коляски останавливались на полуспускѣ, у какого-то пакгауза, и носильщики-цыгане бросались на добычу съ видомъ разбойниковъ. Пассажирамъ приходилось подниматься по крутой лѣстницѣ въ агентство, чтобы взять билеты. Оттуда надо было спуститься и идти въ багажное отдѣленіе сдавать багажъ. Все это не представляло большихъ удобствъ при палящей жарѣ.

Овѣринъ избѣжалъ всѣхъ этихъ мытарствъ, поручивъ взять билеты и сдать багажъ швейцару гостиницы.

Въ первомъ часу онъ, вмѣстѣ съ Варварой Алексѣевной, сопровождаемый двумя носильщиками съ ручнымъ багажомъ, вошелъ по сходнѣ на сіявшую чистотой палубу «Юпитера». Одинъ изъ пароходныхъ лакеевъ, одѣтый въ синій полуфракъ съ металлическими пуговицами, принялъ вещи отъ цыганъ и повелъ новыхъ пассажировъ внизъ показать имъ ихъ каюты: Варварѣ Алексѣевнѣ—въ дамскомъ отдѣленіи, прямо подъ верхней палубой, а Овѣрину—пониже, въ слѣдующей палубѣ.

И каюты съ четырьмя койками въ каждой, просторныя и помѣстительныя, и большая каютъ-компанія (столовая) съ рядомъ столовъ, около которыхъ были ввинчены вращающіяся кресла, и рубка для куренія съ мягкими диванами—все отличалось удобствомъ, комфортомъ и даже роскошью. Вездѣ было чисто. Все сіяло и блестѣло. Внизу пахло тѣмъ особеннымъ пріятнымъ запахомъ, какой бываетъ на судахъ.

Варвара Алексѣевна и Овѣринъ вышли наверхъ по широкому, устланному клеенкой трапу. Большое пространство палубы на ютѣ, предоставленное пассажирамъ перваго класса, было прикрыто сверху тентомъ. На скамейкахъ по бортамъ и около рубки сидѣли пассажиры. На закрытомъ люкѣ каютъ-компаніи были разложены книги, и маленькій смуглый мальчикъ-еврей продавалъ газеты.

Овѣринъ обошелъ ютъ по обѣ стороны раздѣляющей его рубки, оглядывая пассажировъ. Ни Сирены ни одного изъ вчерашнихъ ея спутниковъ не было.

«Ужъ не раздумала ли она ѣхать?—пронеслось въ его головѣ.—Вчера на бульварѣ ея не было!»

Онъ подошелъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ и, присаживаясь около нея, проговорилъ:

— А вѣдь хорошо на пароходѣ, Вавочка? Не правда ли? Какъ красивъ отсюда Севастополь... И что̀ за прелесть бухта! Взгляни сюда на эскадру... Это все броненосцы... А вотъ паровой катеръ присталъ... Адмиралъ какой-то выходитъ на Графской пристани... Смотри: видно, распекаетъ молодого мичмана... Ишь, онъ вытянулся весь, приложивъ руку къ козырьку.

Варвара Алексѣевна была въ духѣ. Вчерашній долгій визитъ къ миѳическому пріятелю не вызвалъ въ ней никакихъ подозрѣній. Она повѣрила, что Овѣринъ и Родзянскій никакъ не могли отказаться отъ завтрака, предложеннаго пріятелемъ, и изъ редакціи пошли къ нему и тамъ заболтались. Вдобавокъ, и Овѣринъ такъ мило извинился, что опоздалъ, и Родзянскій такъ тонко и остроумно говорилъ ей комплименты. Ей пришлось только слегка пожурить Овѣрина за то, что онъ заставилъ ее завтракать одну, и тѣмъ дѣло кончилось.

— Промело!—весело, какъ школьникъ, шепнулъ на ухо Родзянскому Овѣринъ, когда тотъ уходилъ, исполнивъ долгъ товарища и просидѣвъ съ ними часа два.

О знакомствѣ съ «Сиреной» Овѣринъ упомянулъ слегка. Встрѣтились на улицѣ, и Александръ Петровичъ представилъ.

— Недурна, но... ничего особеннаго! — небрежно прибавилъ Овѣринъ, зная по горькому опыту, какъ неблагоразумно было бы хвалить какую-нибудь женщину въ присутствіи Вавочки.

— И ты долго съ ней говорилъ, Дима?

Овѣринъ усмѣхнулся.

— Гдѣ на улицѣ говорить... Минуту одну, не болѣе...

— Куда она ѣдетъ?

— Въ Ялту, кажется.

— И долго останется въ Севастополѣ?

— Почемъ я знаю, Вава!

Вечеромъ на бульварѣ «Сирены» не было, и Овѣринъ ходилъ подъ руку съ Вавочкой, какъ въ воду опущенный. Впечатлительный, быстро переходящій отъ настроенія къ настроенію, онъ огорчился, словно ребенокъ, которому не дали обѣщанную игрушку.

— Что съ тобой, Дима?.. Ты боленъ?—допрашивала безпокойно Вавочка.

— Здоровъ.

— Но отчего ты не въ духѣ?.. Былъ веселъ и вдругъ...

— Усталъ.

Они рано ушли съ бульвара. Вавочка, хорошо знавшая, чѣмъ привести Овѣрина въ хорошее настроеніе, попросила его прочесть ей начало послѣдней его повѣсти. Овѣринъ охотно согласился. Онъ принесъ къ Варварѣ Алексѣевнѣ безпорядочный ворохъ листковъ, исписанныхъ невозможнымъ почеркомъ, и сталъ читать. Читалъ онъ недурно, съ какою-то задушевной простотой, и часто добавлялъ импровизаціями то, что было набросано небрежно и неполно.

Вавочка пришла въ восторгъ и повторяла:

— Дима, Дима, какой ты талантъ!

Овѣринъ хотя и говорилъ, что Вавочка увлекается, тѣмъ не менѣе былъ очень доволенъ и, взвинченный похвалами, продолжалъ разсказывать конецъ.

Въ эту минуту онъ забылъ о «Сиренѣ» и ушелъ отъ Вавочки веселый, снова вѣровавшій въ свою литературную звѣзду.

VII.

Варвара Алексѣевна всѣмъ восхищалась: и пароходомъ, и видомъ Севастополя, и бухтой, и броненосцами, и чуднымъ днемъ, и—главное—своимъ счастьемъ и Димой. Оглядывая все кругомъ, она успѣла оглядѣть и публику и не нашла ни одной хорошенькой дамы. Все немолодыя и все неэлегантныя... Одѣты пестро, по-купечески, безъ того тонкаго шика, который свидѣтельствуетъ объ изяществѣ вкуса.

Нѣсколько возбужденный, Овѣринъ любовался севастопольскою бухтой, наблюдалъ адмирала, распекающаго мичмана, и то и дѣло бросалъ жадные взоры на пристань, вглядываясь въ подъѣзжавшія коляски.

«Неужели она осталась въ Севастополѣ и не поѣдетъ сегодня? Это было бы ужасно! Ужъ не шутки ли это Родзянскаго?»—думалъ Овѣринъ, и лицо его омрачилось. Быстрый на рѣшенія, ужъ онъ подумывалъ о томъ: не остаться ли ему въ Севастополѣ. Сойти подъ какимъ-нибудь предлогомъ на берегъ и телеграфировать Вавочкѣ, что нечаянно опоздалъ.

— Дима! Посмотри... И эта милліонерша Брехунова здѣсь... Какое богатое безвкусіе и какіе чудные брильянты въ ушахъ! Съ ними молодой человѣкъ. Вѣрно, только-что пріѣхалъ съ поѣзда. По виду учитель и интимный другъ этой госпожи!—прибавила Варвара Алексѣевна шопотомъ.

Она видѣла, какъ радостно сверкнули глаза тучной, краснощекой и очень некрасивой купчихи при появленіи скромно одѣтаго молодого человѣка, здороваго, цвѣтущаго и румянаго, съ черными глазами и ослѣпительно-бѣлыми зубами, который съ особенной почтительностью здоровался съ барыней и дочкой, съ ласковою фамильярностью пожималъ руку толстяку-подростку и церемонно раскланялся съ англичанкой. Варвара Алексѣевна замѣтила презрительное выраженіе, мелькнувшее на умномъ лицѣ дочери, и что-то лукавое въ глазахъ мальчика-подростка, и слышала, какъ госпожа Брехунова быстро и взволнованно проговорила, отойдя съ молодымъ человѣкомъ отъ своихъ и кидая на него восторженно-жадный взглядъ своихъ большихъ, нѣсколько выкаченныхъ глазъ:

— Отчего опоздали, Владиміръ Павловичъ? Изъ-за васъ мы три дня здѣсь прожили.

— Не могъ, Аглая Петровна... У мамаши задержали...

— У мамаши! Ты не врешь?

— Честное слово.

— Ну, вѣрю, вѣрю. А я по тебѣ стосковалась, соколикъ мой! Вѣдь цѣлый мѣсяцъ не видались. Теперь ты до осени мой, мой... Слышишь?

До тонкаго слуха Варвары Алексѣевны долетѣли и эти слова, сказанныя шопотомъ, и она съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядывала молодого человѣка.

— Дѣйствительно, красивое молодое животное,—проговорила она, обращаясь къ Овѣрину, когда госпожа Брехунова отошла съ учителемъ.

— Да,—разсѣянно протянулъ Овѣринъ, не обращая особеннаго вниманія на слова Вавочки и снова поворачиваясь къ пристани.

Раздался первый свистокъ, затѣмъ второй.

Овѣринъ былъ въ тревогѣ. Если Сирена не пріѣдетъ въ слѣдующую минуту, онъ сбѣжитъ на берегъ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ подумалъ объ этомъ, на дворъ агентства въѣхала коляска, за ней другая и третья.

Овѣринъ увидалъ въ первой Маріанну Николаевну и уже не смотрѣлъ, кто въ другихъ. Сердце его радостно забилось. Онъ просвѣтлѣлъ, и все его существо точно мгновенно нашло удовлетвореніе, и жизнь получила смыслъ. Одно присутствіе Сирены дѣлало его счастливымъ.

Ничего подобнаго, казалось ему, прежде съ нимъ не было.

«Какъ же я втюрился!»—подумалъ онъ и засмѣялся, какъ ребенокъ.

И, присаживаясь около Вавочки, веселый, возбужденный и жизнерадостный, онъ воскликнулъ:

— Какой прелестный день, Вавочка!

— А въ морѣ качать не будетъ?

— Не думаю... Море, смотри, словно замерло.

И, будто заинтересованный госпожой Брехуновой и молодымъ человѣкомъ, о которыхъ только-что говорила Варвара Алексѣевна, онъ спросилъ:

— Почему ты, Вавочка, непремѣнно рѣшила, что онъ любовникъ этой московской дубины?

Вавочка разсказала о томъ, что̀ замѣтила и что̀ слышала.

— Какая однако скотина! — съ отвращеніемъ промолвилъ Овѣринъ.

— Ну, и она... хороша.

— Онъ—гаже... Такой молодой и—Альфонсъ. Неужели это животное—студентъ?

Вдругъ разговоръ среди публики смолкъ. Всѣ головы повернулись въ одну сторону.

— На что это такъ смотритъ публика?—проговорила Варвара Алексѣевна.

И, повернувъ голову, она впилась глазами въ ту самую женщину, на которую были обращены глаза всѣхъ пассажировъ.

Сопровождаемая капитаномъ парохода, чистенькимъ, пухленькимъ, пожилымъ толстякомъ съ замаслившимися глазками, въ чесунчовомъ пиджакѣ и форменной фуражкѣ, шла Сирена, улыбающаяся, веселая и свѣжая, какъ будто не замѣчая, что всѣ глаза устремлены на нее и что̀ всѣ любуются ея ослѣпительною красотой и простымъ, но необыкновенно элегантнымъ костюмомъ.

Вслѣдъ за ней шелъ Завистовскій, инженеръ и мичманъ, съ которыми Овѣринъ познакомился вчера, и поодаль Родзянскій.

Войдя въ рубку, Сирена увидала сѣденькаго, маленькаго старичка, отставного моряка, который потягивалъ бѣлое вино, слушая съ ироническою усмѣшкой долговязаго франта-чиновника. Подойдя къ нему, она радостно проговорила:

— Здравствуйте, дорогой Иванъ Васильевичъ! Очень рада снова встрѣтиться.

И, крѣпко пожимая ему руку, промолвила:

— Опять въ свою любимую Алупку ѣдете?

— А то куда же?.. Она все же меньше загажена московскими купчихами, чѣмъ Ялта. А вы давно ли пожаловали сюда?.. Опять на прежнюю дачу?

— Третьяго-дня... На прежнюю дачу.

— Непремѣнно побываю у васъ... Побесѣдуемъ, какъ въ прошломъ году... И хорошѣете же вы, Маріанна Николаевна, дай Богъ не сглазить... Что̀, многихъ оболванили въ Севастополѣ за эти три дня?—смѣялся старикъ.

— А вотъ я вамъ потомъ разскажу... Дайте только спуститься въ каюту... За обѣдомъ около меня садитесь.

— За обѣдомъ и поговоримъ, а я, простите, милая барыня, сейчасъ закачусь спать.

Молодая женщина спустилась внизъ.

— Кто эта красавица, капитанъ?—спрашивалъ чиновникъ, ошалѣвшій отъ восторга.

— Что̀, небось, ошарашила ваше превосходительство?

— Замѣчательно хороша.

— То-то хороша... Это Черноморская Сирена.

— Прозвище такое?

— Да. Назвали ее такъ потому, что она оболваниваетъ вашего брата, молодыхъ людей... Да и старыхъ тоже. А фамилія ея Христофори.

— Представьте меня ей.

— Извольте... Только предупреждаю: женщина она не легковѣсная!—строго проговорилъ старикъ.

Вдругъ его собесѣдникъ вскочилъ съ дивана, словно бы почувствовалъ подъ собой иглу, и почтительно поклонился.

Вошедшій Завистовскій любезно протянулъ руку и спросилъ:

— И вы отдыхать?

— Нѣтъ, ваше превосходительство... Командированъ министромъ.

— А-а-а!—значительно и словно бы одобряя, протянулъ Завистовскій.

И, любезно улыбнувшись и сдѣлавъ привѣтливый жестъ рукою, его превосходительство скрылся внизъ.

— Должно-быть, петербургская шишка? — освѣдомился отставной морякъ.

— И не маленькая—Завистовскій!—солидно и внушительно произнесъ чиновникъ.

— Я его разъ видѣлъ въ прошломъ году здѣсь. Кажется, тоже страдаетъ по нашей Сиренѣ... Что̀, онъ холостой?

— Холостой.

— Юбочникъ, должно-быть?—усмѣхнулся старикъ.

— Есть грѣшокъ... Такъ вы, капитанъ, представите меня Сиренѣ?

— Непремѣнно хотите?

— Хотѣлъ бы.

Старикъ не безъ улыбки взглянулъ на тщедушную, неказистую фигурку петербургскаго чиновника и промолвилъ:

— Если она согласится, передъ обѣдомъ представлю... Только если она васъ оболванитъ, ваше превосходительство, не пеняйте... А теперь я спать пошелъ.

Когда Сирена прошла, всѣ пассажиры, бывшіе на палубѣ, интересовались узнать, кто эта красавица. Откуда она и куда ѣдетъ? Особенно интересовались дамы, и одна изъ нихъ тотчасъ же послала мужа собрать справки о ней у капитана.

— А вѣдь ты неправъ, Дима! — проговорила Варвара Алексѣевна.

Она вдругъ сдѣлалась серьезной и съ пытливою тревогой взглянула на Овѣрина.

— Въ чемъ неправъ, Вавочка?

— Ты говорилъ, что въ ней ничего особеннаго... Она красавица—эта Сирена.

— Ты находишь?—небрежно кинулъ Овѣринъ.

— А развѣ ты этого не находишь?

— Недурна, даже очень недурна, если хочешь, но...

— Но что?

— Холодная натура, должно-быть... Да вотъ разспроси о ней лучше Родзянскаі

— Онъ тоже въ ея свитѣ?

— А не знаю... Кажется, она нравится ему... Александръ Петровичъ!—позвалъ Родзянскаго Овѣринъ.

И когда тотъ подошелъ и, поздоровавшись съ Варварой Алексѣевной и Овѣринымъ, присѣлъ около нихъ, Варвара Алексѣевна не безъ ироніи замѣтила:

— Вотъ сюрпризъ васъ видѣть, Александръ Петровичъ! Вчера вы, кажется, и не знали, что ѣдете сегодня?

Родзянскій не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ замѣтилъ, какъ подмигнулъ ему Овѣринъ, и вспомнилъ, что вчера на вопросъ Варвары Алексѣевны объ отъѣздѣ изъ Севастополя отозвался неопредѣленно.

— Не зналъ, Варвара Алексѣевна. Только сегодня утромъ рѣшилъ ѣхать. Такой чудный день, и такъ пріятно прокатиться на пароходѣ!—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Вы до Ялты?

— До Ялты.

— И ваша знакомая, эта очаровательная Сирена, въ Ялту?

— Да.

— Надолго?

— Кажется, на мѣсяцъ. А вы, Варвара Алексѣевна, тоже въ Ялтѣ поселитесь?

— Не думаю... Тамъ все-таки городъ... Шумно... Я бы хотѣла отдохнуть гдѣ-нибудь въ болѣе тихомъ мѣстечкѣ... Говорятъ, Алупка хороша... Вы, кажется, хвалили Алупку, Дмитрій Сергѣичъ?

— Въ Петербургѣ мнѣ о ней говорили, Варвара Алексѣевна. Впрочемъ, и Ялта недурна!—промолвилъ Овѣринъ.

— Я ничего не знаю. Я первый разъ въ Крыму. А вы?

— И я въ первый разъ... Вотъ Дмитрій Сергѣевичъ раньше бывалъ здѣсь, кажется?

— Недолго... Всего двѣ недѣли и только въ Ялтѣ, проѣздомъ на Кавказъ.

— А вашъ другъ, Александръ Петровичъ, сейчасъ меня поразилъ!—заговорила Варвара Алексѣевна.

— Онъ имѣетъ эту способность,—усмѣхнулся Родзянскій.

— Вообразите, онъ не находитъ ничего особеннаго въ Сиренѣ. А по-моему, она красавица. Не правда ли?

— Еще бы.

— И умна?

— И умна, и мила, и остроумна!—горячо продолжалъ Родзянскій.

— Короче... совершенство?

— Не хотите ли убѣдиться въ этомъ... Познакомьтесь съ ней! Хотите? Я васъ познакомлю.

— Не стоитъ на короткое время. Она будетъ въ Ялтѣ, а я буду въ Алупкѣ,—подчеркнула она.—А впрочемъ, познакомьте. Я люблю красивыхъ и интересныхъ женщинъ!—вдругъ перерѣшила Варвара Алексѣевна, сообразивъ, что можетъ помѣшать Димѣ наединѣ разговаривать съ Сиреной на пароходѣ. А эти разговоры вдвоемъ... знаетъ она ихъ!

«Навѣрное, эта барыня—и надо ей было ѣхать сегодня!—будетъ кокетничать съ Димой. Дима интересенъ и нравится женщинамъ. И, навѣрное, онъ вретъ, говоря, что не находитъ въ ней ничего особеннаго... Того и гляди, увлечется!»—подумала Варвара Алексѣевна, вглядываясь въ Овѣрина съ тщательно-скрываемой тревогой и съ тѣмъ мучительнымъ предчувствіемъ опасности, которое часто охватываетъ ревнивыхъ женщинъ.

Но Овѣринъ отлично разыгрывалъ роль, желая не возбудить подозрѣнія Вавочки на первыхъ порахъ и нѣсколько труся ея рѣшительнаго характера. Онъ весело и безпечно напѣвалъ вполголоса фальшивымъ теноркомъ какой-то романсъ, и, казалось, его нисколько не занимали разговоры о Сиренѣ.

Разспросивши у Родзянскаго все, что можно было у него

разспросить о Сиренѣ, Варвара Алексѣевна окончательно рѣшила поселиться въ Алупкѣ.

Подальше отъ этой Сирены—лучше. И надо было съ нею встрѣтиться!

VIII.

Раздался третій свистокъ. Пароходъ сталъ отваливать.

Медленно, задерживая на швартовѣ корму, пароходъ поворачивался, и когда носъ его повернулся, былъ отданъ швартовъ, и «Юпитеръ» тихимъ ходомъ направился къ выходу изъ бухты.

Описавъ циркуляцію и очутившись на свободномъ пространствѣ, пароходъ полнымъ ходомъ, слегка постукивая машиной, шелъ мимо эскадры, мимо батарей, оставляя слѣва Севастополь и направляясь въ море.

Всѣ пассажиры были наверху, любуясь скрывающимся красавцемъ-городомъ, который издали казался еще красивѣе, сверкая своими бѣлыми домами и макушками церквей, расположенными по склону горы.

Выйдя изъ бухты, «Юпитеръ» повернулъ влѣво и пошелъ вдоль высокихъ золотистыхъ береговъ южнаго берега, гдѣ то и дѣло показывались красивыя зданія церквей, дачъ и масса зелени. Вотъ Херсонесскій маякъ, мысъ Фіолентъ и Георгіевскій монастырь, дальше генуэзская башня Балаклавской крѣпости, мысъ Айя, Форосъ и Байдарскія ворота.

Бинокли пассажировъ, особенно ѣдущихъ въ Крымъ въ первый разъ, были направлены на берегъ, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго шелъ полнымъ ходомъ «Юпитеръ».

То и дѣло раздавались восторженныя восклицанія.

Но Овѣринъ предоставилъ любоваться видами Вавочкѣ, а самъ нетерпѣливо посматривалъ на рубку, ожидая Маріанну Николаевну.

Когда она вышла наверхъ, то снова обратила на себя общее вниманіе. Дамы съ жаднымъ любопытствомъ оглядывали ея костюмъ, изящный и оригинальный, непохожій на костюмы моднаго шаблона и видимо сочиненный ею самой.

На ней была бѣлая, изъ тонкой шерсти, открытая жакетка, на отворотѣ которой алѣла крошечная бутоньерка изъ нѣсколькихъ розъ. Голубой батистовый лифъ съ накрахмаленнымъ передомъ въ мелкихъ складкахъ имѣлъ видъ мужской сорочки и закрывалъ шею низенькимъ стоячимъ воротничкомъ, перехваченнымъ узенькою голубою полоской батистоваго регата съ небольшими концами. Свѣтло-сѣрая юбка была не длинна и не закрывала маленькихъ красивыхъ ногъ

въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, обутыхъ въ желтые башмаки. На головѣ былъ, надѣтый чуть-чуть набекрень, голубой шелковый беретъ, изъ-подъ котораго выбивались золотистыя прядки. Все на ней сидѣло необыкновенно ловко, все казалось простымъ и шло къ ней. Никакихъ украшеній: ни серегъ въ маленькихъ розовыхъ ушахъ, ни брошки, ни браслетъ. Только кольцо на мизинцѣ выдавалось сквозь тонкую кожу шведской свѣтлой перчатки.

Маріанна Николаевна вышла изъ рубки со стороны противоположной той, гдѣ сидѣли Вавочка и Овѣринъ, и онъ не могъ поклониться Сиренѣ. Бѣжать же тотчасъ къ ней онъ не хотѣлъ. Вавочка и безъ того кукситься. Не надо раздражать ее прежде времени.

И Овѣринъ, нѣсколько обиженный, что Сирена даже не поинтересовалась узнать: здѣсь ли онъ, принялся глядѣть на берегъ въ бинокль.

Глядѣла и Вавочка и думала невеселыя думы о будущемъ.

Оба молчали.

Свита тотчасъ же окружила Сирену, когда она сѣла на скамейку за рубкой, противъ люка, на которомъ были разложены книги и газеты. Маленькій, быстроглазый, симпатичный еврейчикъ съ ласковою вкрадчивою улыбкой рекомендовалъ подходившимъ пассажирамъ купить книги и газеты. Тутъ же сидѣлъ, разложивъ свой небольшой ящикъ-лавочку, довольно пригожій неаполитанецъ, предлагавшій на ломаномъ французскомъ и русскомъ языкахъ разные брелоки, прессъ-папье, кораллы, издѣлія изъ черепахи, камни изъ лавы и вѣера, обращаясь преимущественно къ дамамъ и съ тонкою психологіей умѣвшій возбуждать въ нихъ желаніе купить что-нибудь.

— А вѣдь нашего мичмана посадятъ на гауптвахту, Маріанна Николаевна!—смѣясь, говорилъ рыхлый инженеръ.

— За что?

— Да какъ же. Онъ удралъ со своего корабля безъ отпуска.

— Молодость безразсудна!—шутя промолвилъ Завистовскій.

— Это правда? Вамъ достанется?—спросила мичмана Сирена.

Пригожій мичманъ съ черными блестящими глазами, ласковыми, какъ у щенка, весь, казалось, трепетавшій радостью жизни, зардѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, и съ безшабашною отвагой душевно приподнятаго юнца, которому не только гауптвахта, но даже и тюрьма казалась въ эту минуту такимъ пустякомъ въ сравненіи со счастьемъ быть около молодой красавицы, отвѣтилъ, взглядывая на Сирену, съ благоговѣйнымъ восторгомъ безумно влюбленнаго:

— Ну такъ что же? Пусть достанется! По крайней мѣрѣ...

Смущенный, онъ не смѣлъ докончить.

— По крайней мѣрѣ что̀? Имѣйте смѣлость досказать!— спросила Маріанна Николаевна.

— Я до Ялты буду съ вами на пароходѣ.

— Изъ-за этого вы рискуете быть арестованнымъ? — разсмѣялась молодая женщина.—О, какой вы сумасшедшій, милый юноша! Нынче юноши благоразумнѣе... Извольте завтра же вернуться въ Севастополь.

— Вы приказываете?

— Приказываю.

— Въ такомъ случаѣ я вернусь.

— Даете слово?

— Даю!—покорно и грустно отвѣтилъ мичманъ.

— И въ Ялту безъ отпуска не показывайтесь... Я разсержусь!—строго прибавила Маріанна Николаевна.

И, обращаясь къ Родзянскому, спросила:

— Овѣринъ здѣсь?

— Конечно, здѣсь!—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, Родзянскій и подчеркнулъ слово «конечно».

— Гдѣ онъ?

— Сидитъ на другой сторонѣ съ дамой своего сердца.. родственницей!

— Она интересна?

— Очень... И умная женщина... Одно только въ ней ужасно..

— Что̀ такое?

— Ревнива какъ чортъ, если только черти ревнивы...

— Видно, очень любитъ Овѣрина?

— Черезчуръ даже. Изъ-за него она и супруга бросила. Можетъ, встрѣчали въ газетахъ фамилію присяжнаго повѣреннаго Меньковскаго?.. Это его жена...

— Бѣдная! Я думаю, Овѣринъ не сто̀итъ такой привязанности.

— Почему вы такъ думаете?

— Онъ, повидимому, увлекающійся человѣкъ и достаточно легкомысленъ.

— Отъ Варвары Алексѣевны не очень-то скоро отдѣлаешься. Она не отпуститъ... И то Овѣринъ цѣлый годъ при ней.

— Годъ? Вы находите, что это такъ долго?

— Для Овѣрина очень долго.

— Онъ такой непостоянный? Изучаетъ женскіе типы, что ли?

— Надо думать, что такъ. Вѣрно, и васъ захочетъ изучать, Маріанна Николаевна.

— Ничего не имѣю противъ... Пусть изучаетъ! Я тоже люблю наблюдать васъ, мужчинъ...

— А женщинъ?

— Этихъ я хорошо знаю.

— Кстати, не хотите ли познакомиться съ Меньковской?.. И ей хочется познакомиться съ вами...

— Хочется? Она вамъ говорила?—удивленно спросила Сирена, хорошо знавшая, что женщины ее вообще не любятъ.

— Только-что...

— Я очень рада. Я люблю умныхъ женщинъ, и кромѣ того мнѣ интересно посмотрѣть: какой вкусъ у Овѣрина. Литераторы, какъ я слышала, не особенно разборчивы... Только льсти имъ, и они восхищены. Оттого-то они, вѣроятно, такъ часто мѣняютъ свои привязанности, какъ и вашъ пріятель...

— А онъ, повидимому, заинтересовалъ васъ, Маріанна Николаевна?— не безъ досады спрашивалъ Родзянскій.—Вы такъ о немъ разспрашиваете!

— Очень... Талантливый человѣкъ и интересенъ... Хорошо говоритъ... А главное—далъ слово за мной не ухаживать.

Родзянскій усмѣхнулся.

— И, вы думаете, онъ сдержитъ слово?

— Надѣюсь, сдержитъ, если пойметъ, что ухаживанье за мной безполезно.

— Да развѣ сдержать слово возможно?

— Ахъ, Александръ Петровичъ! Я васъ считаю умнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ...

— Я не оправдываю вашего мнѣнія?

— Вы говорите пошлости. Это, право, вамъ не къ лицу. Предоставьте говорить банальности другимъ!—тихо шепнула Маріанна Николаевна.

И, поднимаясь съ мѣста, прибавила:

— Пойдемте лучше знакомиться съ Меньковской и старайтесь, Александръ Петровичъ, не говорить того, что̀ говорятъ мнѣ другіе. Честное слово, это надоѣло!

— Буду стараться, Маріанна Николаевна. А вамъ, кажется, нравятся новыя знакомства?

— По себѣ знаете... Я люблю новыхъ людей и быстро знакомлюсь съ ними. Впрочемъ, такъ же быстро и охладѣваю къ нимъ, если они неинтересны... Будь у меня талантъ, я была бы беллетристкой... Наблюдательность у меня есть.

— А вы пробовали писать?

— Мало ли чего я ни пробовала!—какъ-то загадочно и съ оттѣнкомъ грусти проговорила молодая женщина.—Но, видно, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ!—прибавила она, смѣясь.

Они перешли на другую сторону юта. Тамъ сидѣло большинство пассажировъ, любуясь видами южнаго берега.

То и дѣло раздавались восклицанія удивленія и восторга.

— А вѣдь она очень интересна, эта пикантная брюнетка рядомъ съ Овѣринымъ. Это Меньковская, конечно?

— Да.

— Выразительное и энергичное лицо! — тихо промолвила Маріанна Николаевна, пріостанавливаясь и оглядывая быстрымъ и любопытнымъ взглядомъ женщины, умѣющей наблюдать, Варвару Алексѣевну съ головы до ногъ.

Та задумчиво смотрѣла на море и не видала Сирены.

Маріанна Николаевна сразу замѣтила и слегка подведенные глаза и вѣерки у висковъ и, несмотря на моложавый видъ Вавочки, мысленно дала ей болѣе тридцати лѣтъ. Оцѣнила она и ея красивый, пышный станъ, и маленькую выхоленную руку въ кольцахъ, и красивую шею, виднѣвшуюся изъ-за вырѣза воротника, и изысканный, свѣжій и кокетливый туалетъ женщины, желающей нравиться.

— Вкусъ у вашего пріятеля недурной!—шепнула Маріанна Николаевна.

— Одобряете?

— Вполнѣ... Идемте.

Въ эту минуту Овѣринъ увидалъ ихъ.

Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія и бросился имъ навстрѣчу.

Отъ Маріанны Николаевны не укрылась эта радостная, чисто-юношеская порывистость писателя.

«Какой же онъ экспансивный и юный несмотря на свою сѣдину!»—рѣшила она про себя, словно бы дополняя уже сдѣланную раньше характеристику, и невольно ласково улыбалась, какъ доброму старому знакомому, глядя на нѣсколько смущенно-улыбающееся лицо Овѣрина и на эти сѣрые глаза, ласковые и мягкіе, свѣтившіеся радостью.

Въ отвѣтъ на почтительно-низкій поклонъ, она крѣпко, по-англійски, пожала его руку и съ чарующею простотой, полной прелести, которую люди, не знающіе ея, могли принять за кокетство, проговорила:

— Очень рада васъ видѣть, Дмитрій Сергѣичъ, и еще болѣе рада буду васъ послушать. Вчера вы такъ интересно разсказывали.

— А какъ я радъ, если бы вы знали, Маріанна Николаевна!—отвѣчалъ, весь вспыхивая, Овѣринъ.

— И тѣмъ не менѣе не соблаговолили подойти ко мнѣ, хотя знали, что я здѣсь. Вѣдь знали?

— Зналъ, но...

— Безъ «но»,—перебила, смѣясь, молодая женщина.—Вы, конечно, ждали, что я первая должна подойти къ вамъ...

— Что вы? Клянусь Богомъ, и не думалъ! — горячо воскликнулъ Овѣринъ.—Просто не хотѣлъ быть навязчивымъ... А вчера я, признаться, ждалъ васъ на бульварѣ.

— Ждали? Скажите, пожалуйста, какая честь... Извѣстный писатель и ждалъ ничѣмъ не извѣстную женщину! И долго ждали?—лукаво прибавила Сирена.

— До двѣнадцатаго часа. Вы вѣдь хотѣли быть и однако не пришли!—съ шутливымъ упрекомъ промолвилъ Овѣринъ.

— Мы ѣздили въ Балаклаву и поздно вернулись... Всему виной Александръ Петровичъ... Онъ затѣялъ ужинать... А ужъ вы готовы обидѣться, что я обѣщала быть и не была?—насмѣшливо кинула Маріанна Николаевна, чуть-чуть щуря глаза и приподнимая уголъ верхней губы, что придавало ея лицу надменное выраженіе.

— Помилуйте, смѣлъ ли я...

— Самолюбивы, какъ всѣ писатели, которыхъ балуютъ поклонники и особенно поклонницы?—продолжала Сирена, смѣясь.

— Я еще не дожилъ до такой чести. Меня не балуютъ...

— Васъ-то?.. Навѣрное, балуютъ... Только предупреждаю заранѣе: я не принадлежу къ разряду дамъ, восхищающихся литераторами... и, признаюсь, люблю больше читать ихъ, чѣмъ тѣшить ихъ непомѣрное, психопатическое самолюбіе.

— За что такая немилость къ намъ?

— Я имѣю удовольствіе знать нѣсколькихъ писателей... Встрѣчалась...

— Здѣсь, въ Крыму?

— И здѣсь и въ Петербургѣ.

— И что же, разочаровались въ нихъ?

— Изъ пяти—два непремѣнно страдаютъ маніей величія и даже не умѣютъ скрыть этого... И удивительно обидчивы, если не хвалятъ ихъ произведеній и не слушаютъ, когда они сами о нихъ говорятъ. Прекурьезные экземпляры!.. Даже умъ не спасаетъ ихъ отъ смѣшного положенія... Одинъ почтенный беллетристъ въ прошломъ году дарилъ меня своимъ особеннымъ вниманіемъ... Изучалъ, видите ли, меня и, разумѣется, сдѣлалъ очень скоро декларацію. И, вообразите, не хотѣлъ вѣрить, что я совершенно къ нему равнодушна!.. Не замѣчалъ даже, что я смѣюсь надъ нимъ!.. И надоѣлъ мнѣ, пока я не нашла способа отъ него избавиться.

— Какого?

— Я однажды объявила ему, что не читала его произведеній, и, когда онъ немедленно поднесъ мнѣ нѣсколько своихъ романовъ и затѣмъ потребовалъ мнѣнія о нихъ, сказала, что съ трудомъ осилила одинъ его романъ. Съ той минуты лю-

бовь его прошла, онъ разсердился и, слава Богу, уѣхалъ, разсказывая всѣмъ, что я невозможная дура... А я раньше читала всѣ его вещи, и онѣ мнѣ нравятся... Но надо же было какъ-нибудь избавиться отъ ухаживанья пятидесятилѣтняго влюбленнаго въ себя Нарцисса!—разсказывала Маріанна Николаевна.—Просто жаль было смотрѣть на него. Такъ онъ былъ смѣшонъ.

И Овѣринъ и Родзянскій смѣялись. Они оба знали этого беллетриста, который на старости лѣтъ все мечталъ о романахъ и писалъ ихъ въ изрядномъ количествѣ.

— Я не сомнѣваюсь, что вы не изъ такихъ, Дмитрій Сергѣичъ, и если считаете себя геніемъ, то не показываете, по крайней мѣрѣ, этого публикѣ? Не правда ли?

— Однако и язычокъ у васъ, Маріанна Николаевна! За что вы приписываете человѣку, котораго не знаете, пороки, которыхъ у него нѣтъ?.. Могу васъ увѣрить, что я не страдаю маніей величія даже и наединѣ самъ съ собой.

— Но все-таки любите, когда васъ похваливаютъ?

— Кто этого не любитъ? Но зато не сержусь, если меня и бранятъ. Спросите у Александра Петровича... Пріятели не церемонятся со мною, а онъ въ особенности.

— Не потому ли вы не сердитесь, что о васъ все-таки говорятъ, хоть и бранятъ. А если-бъ молчали?

— Хорошенько его, Маріанна Николаевна!—подстрекалъ, смѣясь, Родзянскій.

Но молодая женщина была обезоружена добродушіемъ Овѣрина. Онъ нисколько не сердился и въ отвѣтъ на ея слова улыбался съ видомъ человѣка, охотно принимавшаго и заслуженныя и незаслуженныя обвиненія.

Еще бы! Что̀ бы ни говорили, но вѣдь о немъ говорили!

Они продолжали разговоръ, быстрый и шутливый, перескакивая съ предмета на предметъ, щеголяя остроуміемъ и находчивостью, слегка задѣвая другъ друга,—тотъ бойкій, оживленный разговоръ, при помощи котораго неглупые мужчина и женщина словно бы зондируютъ другъ друга и быстрѣе понимаютъ одинъ другого.

Говорили о литературѣ, о писателяхъ, о Крымѣ, о Петербургѣ. Нашлись общіе знакомые.

Маріанна Николаевна подмѣтила въ Овѣринѣ еще черту, и очень рѣдкую въ людяхъ. Овѣринъ никого не злословилъ. И это ее пріятно удивило.

Тѣмъ временемъ Варвара Алексѣевна не спускала глазъ съ Сирены.

И она, въ свою очередь, жадно и внимательно оглядывала

Маріанну Николаевну, разбирая каждую черту ея лица, каждую линію ея стана, каждую деталь ея костюма. Но она наблюдала далеко не такъ объективно, какъ наблюдала ее Сирена, а, напротивъ, съ тѣмъ инстинктивнымъ недружелюбіемъ и даже съ завистью и злостью, съ какими женщины, и особенно ревнивыя, смотрятъ на красивыхъ и обворожительныхъ женщинъ, въ которыхъ предчувствуютъ или подозрѣваютъ соперницъ.

А эта дѣйствительно ослѣпительная красавица и съ головы до ногъ изящная женщина, чуждая всякой вульгарности,— Варвара Алексѣевна не могла не признать этого, — представляла собою большую и серьезную опасность для ея счастья.

Недаромъ же ее зовутъ Сиреной. Въ ней есть что-то заманивающее и самоувѣренное, что̀ сводитъ съ ума мужчинъ. Навѣрное, она отчаянная кокетка и постарается увлечь Диму, и, разумѣется, сама имъ увлечется!—думала она, воображавшая, какъ многія влюбленныя женщины, что ея избранникъ долженъ быть неотразимъ и для другихъ, и что всѣ женщины обязательно должны влюбляться въ Диму.

И въ головѣ Вавочки проносились мучительныя мысли.

Она уже смотрѣла на Сирену, какъ на врага, и представляла себѣ, какъ *эта особа* (Вавочка презрительно называла всѣхъ женщинъ, въ которыхъ прозрѣвала соперницъ, «особами»), не довольствуясь своими поклонниками (вѣроятно, и любовникъ есть), отниметъ у нея Диму. Милый, любимый Дима попадется въ разставленныя ему сѣти.

Вѣдь онъ такой мягкій и такой безхарактерный—этотъ Дима!

Замѣчательно, что Варвара Алексѣевна, несмотря на умъ и на достаточно тонкое пониманіе Овѣрина, являвшаго нерѣдкія доказательства своего легкомыслія относительно вѣрности, по какой-то особенной логикѣ, обычной у многихъ женщинъ, за всѣ невѣрности Димы обвиняла главнымъ образомъ не его, а тѣхъ «особъ», которыя подло его завлекали. Не будь такихъ «особъ», и Дима не уклонялся бы съ пути добродѣтели и любилъ бы одну свою Вавочку.

«Вонъ ужъ она, эта «особа», начала свою игру!»—думала Варвара Алексѣевна и, полная мучительной ревности, злыми глазами смотрѣла на Маріанну Николаевну, оживленно болтающую съ Овѣринымъ.

И Дима какой вдругъ сталъ оживленный!.. Какъ онъ веселъ и какими восторженными глазами смотритъ на эту женщину!

Но эта Сирена ошибается, воображая, что Дима будетъ ея покорнымъ рабомъ. И Дима напрасно думаетъ, что можно

такъ легко играть съ любовью женщины, преданной ему на всю жизнь.

Она еще поборется и безъ борьбы никому не уступитъ Димы.

И надо было этому увертливому и лукавому Родзянскому знакомить Диму съ Сиреной.

«Подлецъ этакій!»—мысленно назвала она Родзянскаго.

Въ эту самую минуту Варвара Алексѣевна увидала, что Сирена съ Овѣринымъ и Родзянскимъ приближаются къ ней.

«Идетъ знакомиться!»—подумала она.

И мгновенно приняла видъ свѣтской, милой женщины. Ея хорошенькое личико сіяло улыбкой, и въ глазахъ появилось необыкновенно ласковое выраженіе, точно она готовилась встрѣтить самаго милаго друга, а не заклятаго врага, какимъ уже считала Сирену.

IX.

Родзянскій познакомилъ дамъ.

Варвара Алексѣевна, къ радостному изумленію Овѣрина, встрѣтила Сирену очень привѣтливо, выразивъ, что непремѣнно желала познакомиться съ ней. Она отодвинулась, чтобы дать Маріаннѣ Николаевнѣ мѣсто между собой и какою-то дамой и не пустить Диму сѣсть около Сирены, и была необыкновенно мила, любезна и оживлена.

Словно бы задавшись цѣлью очаровать новую знакомую, она старалась показать себя съ самой лучшей стороны, и дѣйствительно понравилась Сиренѣ и своею простотой, и сердечностью, и умомъ, и серьезными взглядами на жизнь, и тою общественною жилкой, которая сказывалась въ ея сужденіяхъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ обѣ дамы вели интимный разговоръ, совсѣмъ не похожій на дамскую болтовню. Варвара Алексѣевна, поборница женскихъ правъ, разсказывала о положеніи женщинъ, возмущенная ихъ безправіемъ, и, между прочимъ, передавала о тѣхъ робкихъ попыткахъ, которыя дѣлаются русскими женщинами въ Петербургѣ и Москвѣ, о женскомъ клубѣ, о медицинскомъ институтѣ.

И Маріанна Николаевна, тоже, повидимому, сочувствующая стремленіямъ женщинъ къ независимости, слушала Варвару Алексѣевну съ удовольствіемъ, сама говорила съ увлеченіемъ и искренностью и не думала, казалось, уходить отъ Вавочки, заинтересованная ею, и не обращала никакого вниманія на Овѣрина и Родзянскаго. Они сперва стояли около дамъ и пробовали перевести разговоръ на другую тему, но это имъ не удалось, и они стали ходить по палубѣ.

— Однако ловко!—разсмѣялся, повторяя любимое свое словечко, Овѣринъ.

— Что̀ ловко?—спросилъ Родзянскій.

— Да Варвара Алексѣевна, говорю, ловко отбила отъ насъ Маріанну Николаевну.

— И, кажется, очаровала Сирену... Теперь до самаго обѣда онѣ не разойдутся.

— И нужно было вамъ ихъ знакомить! Къ чему?

— Обѣ дамы этого желали!—уклончиво замѣтилъ, улыбаясь, Родзянскій.—А вы развѣ недовольны, если онѣ подружатся? Что-то на это похоже... Я, признаться, не ожидалъ такого результата. Обыкновенно двѣ хорошенькія женщины—что̀ два медвѣдя въ берлогѣ...

— Ну, очарована ли Варвара Алексѣевна Сиреной—это еще вопросъ!—засмѣялся Овѣринъ.

— Усложняется положеніе, Дмитрій Сергѣичъ?

— То-то усложняется... А впрочемъ, мнѣ все равно... Наплевать!—какъ-то рѣшительно проговорилъ Овѣринъ.

— Будете изъ Алупки въ Ялту ѣздить?

— Обязательно.

— И каждый день?

— Если Маріанна Николаевна позволитъ, то каждый день.

— И вмѣстѣ съ Варварой Алексѣевной?

— Да ну васъ!.. И безъ того напутали этимъ знакомствомъ и еще дразните! Глядите, и свита вся удрученная бродитъ!—разсмѣялся Овѣринъ.

Дѣйствительно, и Завистовскій, и инженеръ, и мичманъ меланхолически разгуливали по палубѣ, бросая унылые взгляды на разговаривающихъ дамъ.

А онѣ и не думали прекращать бесѣды. Напротивъ, она, казалось, приняла интимный характеръ и велась вполголоса.

Овѣринъ замѣтилъ, что Вавочка весела, спокойна и словно бы торжествуетъ.

«Ужели Вавочкѣ понравилась Сирена? Ужели она не ревнуетъ къ ней?»—думалъ Овѣринъ.

Дѣйствительно, Сирена понравилась Вавочкѣ. Хотя она была настороже, но ужъ не смотрѣла на Сирену, какъ на врага, послѣ того, какъ та осторожно успокоила подозрѣнія Вавочки насчетъ своего коварства и желанія увлекать мужчинъ.

Еще пріятнѣе ей было узнать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ іюнѣ къ ней пріѣдетъ мужъ.

И отзывъ ея объ Овѣринѣ на вопросъ Вавочки, понравился ли онъ ей, не внушалъ ей обычныхъ подозрѣній.

Сирена просто отвѣтила, что Овѣринъ ей очень понравился,

какъ умный и талантливый человѣкъ, котораго интересно послушать, но только и всего.

— Говорятъ, онъ очень нравится женщинамъ?—замѣтила Варвара Алексѣевна, желая узнать мнѣніе Сирены о красотѣ Димы и не догадываясь, что Маріанна Николаевна знаетъ объ ихъ близости.

— И я слышала... Овѣринъ имѣетъ на это всѣ шансы... Но онъ не моего романа! Да и вообще я не особенно люблю романы и ухаживателей... Довольно я ихъ видѣла, чтобы знать имъ цѣну!—добавила она полушутя, полусерьезно.

— Да, мужчины не умѣютъ такъ привязываться, какъ привязываемся мы, женщины!—значительно проговорила Вавочка, вздохнула и задумалась.

Маріанна Николаевна сочувственно взглянула на Вавочку и снова подумала:

«Бѣдняжка. Какъ она любитъ Овѣрина!»

И поспѣшила отвѣтить:

— Не стòитъ, по-моему, очень привязываться къ нимъ.

— Пожалуй, вы правы. Именно не стòитъ. Но дѣло въ томъ, что не всегда можно разсуждать, стòитъ или не стòитъ. Женщина полюбила—и конецъ!.. Вы, видно, не испытали сильнаго чувства, Маріанна Николаевна, и избави васъ Богъ отъ этого.

Сирена на это промолчала.

— А для женщинъ, имѣющихъ несчастье любить очень сильно, потеря любимаго человѣка—великое несчастье!—не безъ драматической нотки въ голосѣ произнесла Вавочка.

Нѣсколько мгновеній Варвара Алексѣевна молчала.

Вдругъ, словно бы охваченная внезапнымъ рѣшеніемъ, она сказала съ чарующей улыбкой:

— Знаете ли чтò, Маріанна Николаевна? Не сердитесь, если я позволю себѣ съ вами немного пооткровенничать. Женщина скорѣе пойметъ женщину... Хоть я васъ мало знаю, но въ васъ есть что-то такое, чтò располагаетъ къ откровенности... И наконецъ вѣдь мы въ дорогѣ! — прибавила она, смѣясь.

Вавочка, казалось, такъ искренно и просто сказала это, что Сирена, хоть и хвалилась знаніемъ женщинъ, далека была отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и порывисто отвѣтила:

— Будьте увѣрены, что я не злоупотреблю вашимъ довѣріемъ. Спасибо за него!

Ее не удивилъ этотъ внезапный, какъ ей казалось, порывъ интимности.

Путешествуя много и часто въ обществѣ женщинъ, она знала,

какъ иногда даже совсѣмъ незнакомыя дамы повѣряютъ другъ другу подчасъ щекотливыя тайны при случайныхъ встрѣчахъ въ вагонахъ и на пароходахъ. Ей самой пришлось не разъ выслушивать разныя признанія, хотя сама она никогда о себѣ не распространялась.

Понижая голосъ почти до шопота, Вавочка проговорила:

— Не разсчитывайте, впрочемъ, на что-нибудь интересное... Моя исторія одна изъ самыхъ обыкновенныхъ... Я замужемъ и разошлась съ мужемъ, и притомъ совсѣмъ миролюбиво, безъ обоюдныхъ упрековъ... Мой мужъ слишкомъ джентльменъ и эгоистъ, чтобы безпокоить себя сценами и тѣмъ болѣе въ драматическомъ жанрѣ... Онъ современный супругъ! — прибавила она не безъ ироніи.

Вслѣдъ затѣмъ Вавочка въ полушутливомъ, полусерьезномъ тонѣ разсказала, какъ она, какъ и многія, опрометчиво вышла замужъ (немножко любила, а главное — хотѣлось положенія замужней женщины!) и какъ потомъ поняла, что сдѣлала ошибку. Она не бранила мужа. Напротивъ, даже находила, что онъ, по-своему, порядочный человѣкъ и лучше многихъ другихъ, но отношенія его къ ней были, видите ли, слишкомъ халатныя. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ и большинство мужей, какъ на извѣстную принадлежность домашняго комфорта, какъ на недурненькую женщину и притомъ жену, которая снисходительно смотрѣла на его увлеченія картами, на кутежи и на мимолетныя связи Богъ знаетъ съ кѣмъ. Никакого духовнаго общенія между ними не было. Онъ — веселый эпикуреецъ, немного циникъ и безъ всякихъ идеаловъ, а она была идеалисткой... Съ годами эта нравственная рознь сказалась сильнѣе... Жизнь становилась невозможной.

Передавая свою исторію и притомъ въ сокращенномъ изложеніи, чтобы не утомить слушательницы, Вавочка предусмотрительно умолчала о томъ, что въ теченіе долгаго супружества жизнь ей далеко не казалась такой «невозможной» и отсутствіе идеаловъ въ мужѣ вовсе не безпокоило ея. Онъ былъ терпимымъ мужемъ и не возбуждалъ къ себѣ непріязненныхъ чувствъ до той поры, пока не постарѣлъ, и пока она не влюбилась въ Овѣрина.

Отступила она нѣсколько отъ истины и тогда, когда объяснила, какъ долго она боролась съ чувствомъ къ одному человѣку, который ее полюбилъ и котораго она любитъ.

— Я не дѣлаю изъ этого тайны... Это — Овѣринъ! — горделиво прибавила она.

И, почти надѣявшаяся, что теперь, благодаря ея признаніямъ, Сирена пожалѣетъ ее и не захочетъ разбить ея жизни,

отнявши Диму, Вавочка ласково и нѣжно поглядѣла въ лицо Маріанны Николаевны и, крѣпко и значительно пожимая ея руку, шепнула словно бы удовлетворенная:

— Теперь вы все знаете обо мнѣ!

Ей не стыдно было этихъ унизительныхъ признаній молодой женщинѣ, съ которой она только-что познакомилась. Она слишкомъ дорожила Димой, чтобы не сдѣлать такого ловкаго, по ея мнѣнію, маневра. И не на то бы она пошла, чтобъ удержать при себѣ Диму. Когда любятъ такъ, какъ она любитъ, все допустимо. По крайней мѣрѣ, отнынѣ она будетъ менѣе тревожиться. Эта красавица Сирена добра и великодушна. Надо сдѣлаться ея другомъ. И если Дима увлечется ею, она не отвѣтитъ на его увлеченіе. А Дима не любитъ безотвѣтной любви и скоро охладѣетъ. Наконецъ можно и серьезно поссорить ихъ.

Такъ думала Вавочка, подъ вліяніемъ страсти, готовая даже очернить, въ случаѣ надобности, любимаго человѣка, разыгравъ роль Яго.

И, радостная, она сказала Сиренѣ:

— Мнѣ хотѣлось бы поближе сойтись съ вами и видѣться съ вами почаще, Маріанна Николаевна. Вы позволите?

— Я буду очень рада... Вообще меня женщины недолюбливаютъ, а вы составляете пріятное исключеніе... Вы гдѣ думаете поселиться? Въ Ялтѣ?

— О, нѣтъ. Тамъ слишкомъ шумно... Я хочу жить въ Алупкѣ... Вѣдь это близко отъ Ялты?

— Пятнадцать верстъ, но дорога отличная...

— Вотъ видите... Это не помѣшаетъ мнѣ пріѣзжать къ вамъ... Надѣюсь, что и васъ не испугаетъ разстояніе?

— Нисколько. Я часто ѣзжу верхомъ и дѣлаю и не такія экскурсіи... Будемъ вмѣстѣ совершать поѣздки...

Въ эту минуту къ Маріаннѣ Николаевнѣ подошелъ старенькій морякъ и, позѣвывая, проговорилъ:

— Вотъ я и выспался. Скоро и обѣдъ. Не раздумали, милая барыня, въ обществѣ стараго хрыча сидѣть за обѣдомъ?

И старикъ, добродушно разсмѣявшись, прибавилъ:

— Говорите откровенно... Я не обижусь.

— Самымъ откровеннымъ образомъ говорю, что рада вмѣстѣ обѣдать... И вы, Иванъ Васильевичъ, займите нѣсколько мѣстъ... Хотите въ нашей компаніи, Варвара Алексѣевна?

— Съ большимъ удовольствіемъ...

— Увидите одного любопытнаго петербургскаго сановника.

— Я его знаю... Завистовскій?.. Мы съ нимъ ѣхали въ одномъ поѣздѣ...

— Онъ самый... Одного инженера, милаго юнаго мичмана и Родзянскаго... Вѣрно, и Дмитрій Сергѣичъ сядетъ съ нами?

— Конечно.

— Такъ займите, дорогой Иванъ Васильевичъ, шесть мѣстъ... И я сижу около васъ...

— Слушаю-съ... А по другую сторону кого прикажете посадить?

— Угодно, Варвара Алексѣевна, рядомъ со мной?.. А около васъ посадимъ Родзянскаго... хотите?..

— Кого угодно... Хоть тайнаго совѣтника...

— Боюсь, онъ сдѣлаетъ вамъ признаніе въ любви!—замѣтила, смѣясь, Сирена.—Онъ очень влюбчивъ.

— Юбочникъ... этотъ петербургскій генералъ! Я только удивляюсь, Маріанна Николаевна, какъ вы его не турнете хорошенько!—говорилъ отставной морякъ.

— Онъ интересенъ и далеко не глупъ, когда не играетъ роли вздыхателя... И къ тому же забавенъ, когда начинаетъ свою роль... Впрочемъ, онъ мнѣ не смѣетъ больше говорить о чувствахъ...

— Отучили?

— Отучила... Варвара Алексѣевна! Позвольте вамъ представить моего стараго и добраго друга, Ивана Васильевича Чижа!.. Прелестнѣйшій человѣкъ. Онъ тоже ѣдетъ въ Алупку и не откажетъ, конечно, дать вамъ указанія, какъ тамъ устроиться... Варвара Алексѣевна Меньковская!—назвала она Вавочку и прибавила:—надѣюсь, вашъ зоркій глазъ видитъ, что Варвара Алексѣевна не купчиха, и потому можете при ней ругать ихъ сколько угодно... Иванъ Васильевичъ ненавидитъ купчихъ и особенно московскихъ!—пояснила она.

Старикъ галантно снялъ фуражку, обнаживъ сѣдую голову, и, крѣпко пожимая протянутую ему руку, проговорилъ:

— Въ Алупку, а не въ Ялту? Вполнѣ одобряю васъ, Варвара Алексѣевна. Вполнѣ-съ. И съ особеннымъ удовольствіемъ радъ служить вамъ, чѣмъ могу, — съ особенной любезностью, присущей старымъ морякамъ въ разговорахъ съ дамами, говорилъ старикъ съ странною фамиліей. — Отлично сдѣлали, что выбрали Алупку... Прелестное мѣсто... одинъ паркъ чего стоитъ... и все-таки не такъ засижено, какъ Ялта или Гурзуфъ, и болѣе напоминаетъ старый Крымъ, когда цивилизаціи этой самой не было... А главное — тамъ не такъ мозолятъ глаза эти подлые проводники-татары и меньше этихъ безстыжихъ пожилыхъ купчихъ, ищущихъ,—извините-съ,—на старости лѣтъ амуровъ съ этими самыми татарами... Просто противно смотрѣть, что творится въ Крыму... А, впрочемъ, сами

изволите видѣть... Вы когда въ Алупку?.. Немедленно съ парохода, или остановитесь въ Ялтѣ?

— Думаю прежде остановиться въ Ялтѣ.

— И я до завтра пробуду въ Ялтѣ... Когда прикажете, я къ вашимъ услугамъ!—говорилъ старикъ, снова кланяясь.

Онъ хотѣлъ-было уходить внизъ, но, спохватившись, прибавилъ, обращаясь къ Маріаннѣ Николаевнѣ:

— Чуть-было и не забылъ... Тутъ одинъ петербургскій чинуша какъ увидѣлъ васъ, такъ и обалдѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ... Упрашиваетъ очень, чтобъ я его представилъ вамъ... Хотите?.. Пусть лишняя жертва будетъ.

— Интересный человѣкъ?

— По-моему, чердакъ у него не особенно въ большомъ порядкѣ, но это не мѣшаетъ ему на все фыркать и думать, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ жаръ-птица и будущая административная шишка. Для меня онъ забавенъ своей болтовней. Не знаю, какъ для васъ... Да вотъ взгляните... Вонъ цапля стоитъ въ желтыхъ ботинкахъ и въ поясѣ... у штурвала... Такой чистенькій, прилизанный, франтоватый... Ѣдетъ что-то ревизовать.

Маріанна Николаевна взглянула по указанному направленію и невольно разсмѣялась при видѣ этого тощаго, франтоватаго господина съ моноклемъ въ глазу, съ солиднымъ и необыкновенно самодовольнымъ выраженіемъ на выбритомъ, истомленномъ, желтомъ лицѣ.

— И вы хотите мнѣ представлять этого шута гороховаго?

— Обѣщалъ даже ему... Впрочемъ, предупредилъ, что вы его оболваните.

— Такого и оболванить, какъ вы выражаетесь, не стóитъ... И не думайте представлять.

— Слушаю-съ... Скажу ему, что вы не любите новыхъ знакомствъ.

— Говорите, чтó хотите, но только избавьте отъ знакомства съ нимъ.

Прозвонили въ колоколъ, и публика пошла внизъ и стала усаживаться за столы, хорошо сервированные, съ безукоризненными скатертями и салфетками, съ вазами, полными конфетъ и фруктовъ, на серединѣ столовъ.

Маріанна Николаевна представила свою свиту Вавочкѣ, познакомила со всѣми стараго моряка, и всѣ усѣлись за одинъ столъ, рядомъ другъ съ другомъ. Завистовскій поспѣшилъ занять мѣсто около Вавочки и тотчасъ же выразилъ удовольствіе, что имѣлъ удовольствіе познакомиться съ дорожною спутницей, и, вѣроятно, желая быть ей пріятнымъ, началъ

расхваливать ей мужа, съ которымъ онъ имѣетъ честь быть знакомымъ по клубу и часто съ нимъ игралъ въ карты. Скоро, впрочемъ, онъ сообразилъ, что разговоръ о мужѣ не можетъ доставить особеннаго удовольствія женѣ, которая ѣдетъ въ Крымъ въ отдѣльномъ купе съ красивымъ господиномъ, да еще съ извѣстнымъ писателемъ, и поспѣшилъ перемѣнить предметъ бесѣды, стараясь занять свою даму.

Овѣринъ сѣлъ рядомъ съ Родзянскимъ на концѣ и былъ мраченъ, какъ туча, возбуждая безпокойство Вавочки. Ему далеко не нравилось это знакомство, повидимому, прочное, которое завязалось у Вавочки съ Сиреной. Онъ хорошо зналъ намѣренія Вавочки, но, разумѣется, не догадывался о томъ, что Вавочка посвятила Маріанну Николаевну въ тайну ихъ отношеній. И Сирена, казалось ему, послѣ разговора съ Вавочкой, какъ будто не обращаетъ на него никакого вниманія. А только еще говорила, что рада его видѣть и рада его слушать.

«А что̀ за интересная женщина и, Боже мой, какъ обворожительна!»—мысленно повторялъ Овѣринъ, бросая, по временамъ, украдкой на нее взгляды. Взгляды ихъ на одно мгновеніе встрѣтились, и Овѣрину показалось, что въ глазахъ Сирены мелькнула насмѣшка.

Это его окончательно смутило, и онъ притихъ совсѣмъ, словно обиженный ребенокъ.

И какой онъ дуракъ былъ, что не поѣхалъ одинъ въ Крымъ. Нужно же было взять Вавочку съ собой. Вотъ теперь она будетъ сторожить его. И всему виной эта его дурацкая мягкость характера. Не можетъ быть онъ рѣзокъ съ женщиной... Не можетъ онъ отказывать, когда онѣ его просятъ о чемъ-нибудь, да еще если плачутъ.

— Что̀, веселенькая вышла поѣздка, Дмитрій Сергѣичъ?—спрашивалъ Родзянскій.

— Очень веселенькая... спасибо вамъ,—огрызнулся Овѣринъ.

Онъ подозвалъ лакея и велѣлъ подать шампанскаго.

— Дмитрій Сергѣичъ!—обратился къ нему старый морякъ.—Раскатайте, пожалуйста, Крымъ, у васъ перо хорошее... Я всегда читаю съ удовольствіемъ ваши произведенія.

— За что же «раскатывать»?—улыбнулся Овѣринъ.

— Есть за что... Я вамъ сообщу много любопытнаго по части нравовъ... Да вы и сами увидите... Глазъ-то у васъ зоркій, должно-быть.

— А вы собираетесь писать о Крымѣ?—спросила Маріанна Николаевна.

— Пока не собираюсь, а, можетъ-быть, соберусь.

— И насъ грѣшныхъ опишете?—усмѣхнулась Сирена.

— Я недостаточно хорошо васъ знаю, Маріанна Николаевна.

— А стòитъ описать нашу Черноморскую Сирену, — подхватилъ старый морякъ.—Недаромъ о Маріаннѣ Николаевнѣ и здѣсь цѣлыя легенды ходятъ.

— Даже легенды? — насмѣшливо переспросилъ Овѣринъ, чувствуя, что злится.

— Именно легенды... Помните, Маріанна Николаевна, какъ въ прошломъ году сочинили, будто вы выходите замужъ за германскаго принца, и будто изъ-за васъ застрѣлился директоръ департамента?—смѣялся морякъ.

— И то и другое не особенно лестно, Иванъ Васильевичъ! Да и нечего меня описывать. Вѣроятно, у Дмитрія Сергѣевича есть болѣе интересный и поучительный матеріалъ.

— Я болѣе согласенъ съ Иваномъ Васильевичемъ и съ удовольствіемъ описалъ бы васъ, Маріанна Николаевна. Боюсь только, что это не такъ-то легко.

— Отчего?

— Боюсь быть пристрастнымъ въ ту или другую сторону.

— И я думаю, въ другую?—подчеркнула Сирена.

— Можетъ-быть, если вамъ этого хочется.

Обѣдавшіе уже всѣ встали изъ-за стола, а компанія оставалась еще сидѣть. За бутылкой, потребованной Овѣринымъ, явилась другая, третья.

Овѣринъ, обыкновенно ничего не пившій, сегодня пилъ болѣе обыкновеннаго.

Вавочка это замѣтила и, шутя, проговорила:

— А вамъ развѣ не вредно пить, Дмитрій Сергѣевичъ?

— Нисколько, Варвара Алексѣевна!

И словно бы нарочно налилъ себѣ еще бокалъ.

Сирена пристально взглянула на Овѣрина и, въ свою очередь, участливо замѣтила:

— А вы слушайте, что̀ добрые люди вамъ говорятъ, и не пейте, если вамъ въ самомъ дѣлѣ вредно, Дмитрій Сергѣевичъ!

Онъ вопросительно взглянулъ на Сирену, но та быстро отвела глаза и, казалось, совсѣмъ забыла о немъ.

— Пароходъ пристаетъ къ пристани!—доложилъ буфетчикъ засидѣвшейся компаніи.

— Уже?—вырвалось грустное восклицаніе у мичмана.

Всѣ разсмѣялись.

Вавочка стала прощаться. Дамы поцѣловались. Маріанна Николаевна звала Варвару Алексѣевну завтра же навѣстить ее на дачѣ и вечеромъ вмѣстѣ ѣхать кататься.

Овѣринъ это слышалъ и только диву давался такой быстрой дружбѣ.

Онъ нарочно подошелъ проститься къ Маріаннѣ Николаевнѣ въ то время, когда Вавочка ушла изъ каютъ-компаніи.

— Вы за обѣдомъ были совсѣмъ не интересны, Дмитрій Сергѣевичъ! — говорила Сирена, пожимая ему руку.—Не въ духѣ, вѣрно? Что за причина?

— Чего мнѣ быть не въ духѣ? Вамъ такъ показалось. Нѣтъ, я вру. Дѣйствительно, я былъ не въ духѣ.

— Отчего?

— Отчего? Сказать правду?

— Конечно, правду.

— Оттого, что вы за что-то разсердились на меня.

— Я... Христосъ съ вами! За что?

— Да вы совсѣмъ не говорили со мной...

— И вы не говорили. Однако вы капризникъ и вдобавокъ балованный, какъ погляжу. Съ вами няньчиться нужно... А я няньчиться съ людьми не умѣю. Ну, до свиданія. Милости просимъ ко мнѣ, если только не будете капризничать, балованный писатель... Послѣ двѣнадцати я всегда дома. Заѣзжайте, всегда буду рада поболтать съ вами, если только вы не забудете нашего условія!—прибавила она.

— Будьте покойны. Не забуду. А если и забуду, то...

— То перестанете бывать у меня? Искренно буду жалѣть...

— Не то,—вы и не узнаете, нарушилъ ли я условіе.

— На это согласна... Завтра ѣдемъ кататься... Приходите послѣ обѣда. И Варвара Алексѣевна будетъ...

— Будетъ?—протянулъ Овѣринъ не особенно весело.

— Дала слово. Напомните, пожалуйста, Варварѣ Алексѣевнѣ, чтобъ не забыла, что я непремѣнно ее жду!—прибавила Маріанна Николаевна, и опять—показалось Овѣрину—въ ея глазахъ мелькнуло что-то лукавое.

— Непремѣнно напомню!—промолвилъ Овѣринъ.

— Дмитрій Сергѣевичъ! Помогите мнѣ, пожалуйста. Прикажите выносить вещи! — окликнула Овѣрина Вавочка изъ дверей каютъ-компаніи.

— Идите... Васъ зовутъ... До свиданія, Варвара Алексѣевна. Завтра жду васъ. Не забудьте!—крикнула ей Сирена.

Овѣринъ приказалъ лакею вынести вещи и вышелъ съ Вавочкой наверхъ.

Хорошенькая Ялта сверкнула подъ лучами солнца у берега моря.

— Куда же мы ѣдемъ, Вавочка?.. Останавливаемся въ Ялтѣ?

— На день, на два. А потомъ въ Алупку. Согласенъ, Дима?

— Вполнѣ согласенъ, Вавочка. «Алупка такъ Алупка!» — сказалъ молодой турокъ, когда его сажали на колъ,—смѣясь, проговорилъ Овѣринъ.

«Ты ведешь «линію», и я буду вести свою, голубушка! Кто кого лучше обставитъ, какъ выражаются москвичи!» — подумалъ Овѣринъ, рѣшившійся дѣлать видъ, будто не замѣчаетъ никакихъ «козней» Вавочки.

— Но, быть-можетъ, ты не хочешь въ Алупку, Дима?

— Отчего не хотѣть... Тамъ, какъ ты говоришь, не такъ шумно... А скучно станетъ въ Алупкѣ, можно и въ Ялту ѣздить... Не правда ли?

И Овѣринъ, отставивъ два пальца руки, запѣлъ фальшивымъ теноркомъ какой-то романсъ.

— Вещи готовы! — доложилъ подошедшій швейцаръ изъ гостиницы «Россія».

— Ѣдемъ, Вавочка!

Они пошли съ парохода, сѣли въ роскошную корзинку-коляску, дожидавшуюся у пристани, и поѣхали по набережной.

— Красивая Ялта!—промолвила Вавочка.

— Недурна. Жаль только, что у самой пристани бойня... Ароматно!..

— Ты сегодня не въ духѣ. И за обѣдомъ былъ. И пилъ много. Что̀ съ тобой?

— Рѣшительно ничего, Вавочка.

— И ты на меня не сердишься?

— Я? За что мнѣ сердиться?

— Мнѣ иногда кажется, что ты, Дима, скучаешь со мной?

«Вотъ оно куда пошло!»—подумалъ Овѣринъ и, мягкій по натурѣ, счелъ долгомъ увѣрить Вавочку, что она ошибается.

— А я въ восторгѣ отъ Сирены! — проговорила вдругъ Вавочка.

«Наконецъ-то разрѣшилось!» — подумалъ Овѣринъ и промолвилъ:

— Какъ же, видѣлъ, какъ ты съ ней дружески бесѣдовала! Что̀ тебя привело въ восторгъ?

— Все... Умная и вполнѣ порядочная женщина. Немного скептикъ, правда, но это къ ней идетъ.

— Откровенничала съ тобой!

— Не очень... Но вообще мы съ ней сошлись.

— Что-жъ, и отлично... По крайней мѣрѣ, будетъ женское общество. А мужъ у нея молодой? — небрежно спросилъ Овѣринъ.

— Вѣроятно, молодой.

— Отчего же вѣроятно?

— Она не пошла бы замужъ за старика... Не такая она женщина!

— А ужъ ты ее узнала, эту женщину? — иронически протянулъ Овѣринъ.

— Узнала—не узнала, но поняла... Она совсѣмъ не та, чѣмъ кажется по наружности... И совсѣмъ не кокетка, какъ я раньше думала... Въ ней разсудокъ на первомъ планѣ, и она не изъ тѣхъ барынь, которыя легко увлекаются.

— Съ чѣмъ ее и поздравляю.

— Ты, кажется, что-то имѣешь противъ нея... А между тѣмъ такъ оживленно съ ней утромъ разговаривалъ... Не нравится она тебѣ развѣ?

— Нравится... Съ ней интересно поболтать, но приходить отъ нея въ восторгъ, какъ ты, не имѣю ни малѣйшей охоты... Ты завтра у нея будешь?

— Непремѣнно... Она звала кататься.

— И меня звала...

— Что-жъ, поѣдемъ?

— Отчего не поѣхать... Поѣдемъ, Вавочка.

Коляска остановилась у роскошной гостиницы, и Овѣринъ приказалъ показать ему лучшіе номера.

Вечеромъ они поѣхали кататься. Маленькій городокъ оживился. На набережной были гуляющіе. Проводники-татары, наглые, самодовольные, въ своихъ расшитыхъ курткахъ, гарцовали на лошадяхъ. Дамы разглядывали ихъ.

Объѣхавши городъ, они остановились у набережной противъ кондитерской, у веранды на берегу моря, и велѣли себѣ подать чаю. За отдѣльными столиками сидѣли мужчины и дамы. Вечеръ былъ превосходный, и съ бирюзоваго тихаго моря тянуло прохладой.

Овѣринъ думалъ о Сиренѣ, вспоминая ея лицо, ея слова, ея жесты, и молча отхлебывалъ чай.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ подсѣлъ старый морякъ и сталъ разсказывать объ Алупкѣ. Рѣшено было, что послѣзавтра они отправятся вмѣстѣ съ Овѣринымъ и, послѣ осмотра помѣщеній, наймутъ подходящую квартиру или комнаты въ пансіонѣ, и тогда уже Овѣринъ повезетъ Вавочку.

Вскорѣ подошелъ и Родзянскій, и Овѣринъ былъ очень радъ, что не пришлось остаться наединѣ съ Вавочкой.

Онъ начиналъ тяготиться ея обществомъ.

Спасибо словоохотливому и живому старику-моряку Ивану Васильевичу. Онъ бо́льшую часть вечера доставлялъ всѣмъ удовольствіе своими разсказами и воспоминаніями.

Онъ съ любовью вспоминалъ про прежній Севастополь, въ

которомъ пробылъ всю осаду, вспоминалъ про черноморскій флотъ и, конечно, покорилъ современныхъ моряковъ, назвавъ ихъ «цензовыми алтынниками», заботящимися лишь о карьерѣ да о выгодныхъ мѣстахъ, вспоминалъ про Крымъ, когда еще татаръ не выгоняли и Крымъ былъ полонъ садовъ, и съ ненавистью говорилъ про тѣ времена, когда въ Крымъ стали наѣзжать изъ Россіи разные прожигатели и прожигательницы, которые совсѣмъ изгадили Крымъ и развратили татаръ.

— Прежде татары южнаго берега были совсѣмъ другіе. Честные, трудолюбивые, непьющіе... отличные садоводы, а теперь... полюбуйтесь!.. Вотъ эти подлецы гарцуютъ! — указалъ онъ пальцемъ на разъѣзжающихъ проводниковъ.—Теперь каждый молодой татаринъ и вино, шельма, дуетъ, и мечтаетъ о лѣтѣ, когда пріѣдутъ барыни и, слѣдовательно, нажива... Развратъ-съ дошелъ до послѣдней степени... Просто тошно глядѣть... Многіе проводники десятки тысячъ зарабатываютъ... Все бабы пожилыя ихъ награждаютъ... И сами татары съ презрѣніемъ смотрятъ на русскихъ пріѣзжихъ дамъ... Удивляются, отчего онѣ такъ до татаръ падки. Въ прошломъ году здѣсь одна кутящая барыня жила... Такъ просто позоръ одинъ... При ней дочка и сынъ-студентъ, а она по ночамъ съ татариномъ на лодкѣ, или верхомъ скачетъ... Генеральша вдобавокъ... А что̀ дѣлаютъ купчихи... Во всю, можно сказать, гуляютъ... При всякой какой-нибудь Меметъ, или Османъ, или Мамутъ... Вмѣстѣ на фотографіяхъ снимаются. Спросите-ка какого-нибудь каналью Меметку: чѣмъ онъ занимается? Знаете, что̀ онъ отвѣтитъ?

— А что̀?—спросилъ, улыбаясь, Овѣринъ.

— Зимой дрова урублю, а лѣтомъ русскимъ барынамъ ухаживай! Карошъ барынъ — татаръ любитъ... Многіе изловчились даже по-французски. «Же ву земъ» — такъ и чешетъ. Идетъ барыня одна, — такъ прямо-таки и предлагаютъ безъ церемоніи: «поѣдемъ, душинка, въ горы». И какъ смотритъ при этомъ!.. А кто виноватъ?.. Сами же барыни... Нечего сказать, хорошіе примѣры показываютъ.

Старикъ, отхлебнувъ чая, продолжалъ:

— Я вотъ двадцать лѣтъ какъ каждый годъ живу въ Крыму съ мая по октябрь... Люблю Крымъ, — ну, и, знаете ли, для здоровья Крымъ полезенъ... Такъ вся-то эта мерзость у меня на глазахъ прошла... Помню, какъ повалила публика на южный берегъ и какая пошла цивилизація!.. А если, господа, вы хотите видѣть настоящихъ татаръ, поѣзжайте въ Бахчисарай, или въ глухія татарскія деревни, гдѣ нѣтъ еще русскихъ туристовъ... По здѣшнему жулью не судите о татарахъ.

Иванъ Васильевичъ о себѣ не говорилъ. И только на вопросъ Овѣрина: давно ли Иванъ Васильевичъ въ отставкѣ, онъ отвѣтилъ, что вышелъ въ отставку вскорѣ послѣ войны съ чиномъ капитана перваго ранга и съ усиленною пенсіей на правахъ раненаго.

— Ногу немножко хватило... Долго ее залѣчивалъ... Въ Вѣнѣ вылѣчили... А вернувшись въ Россію, поселился я въ Бериславлѣ. Можетъ, слышали про такой городокъ? Жить тамъ дешево. Сижу въ своей мурьѣ одинъ да книжки почитываю... Зима, смотришь, и прошла. А въ маѣ—сюда.

— Вы, значитъ, не женаты, и семьи нѣтъ у васъ, Иванъ Васильевичъ?—спросила Вавочка.

— Семьи нѣтъ, а супруга есть, но только въ безвѣстномъ отсутствіи, Варвара Алексѣевна.

Старикъ попробовалъ усмѣхнуться, но усмѣшка вышла невеселая.

Наступила минута неловкаго молчанія. Всѣмъ почему-то стало жаль одинокаго старика.

— Глупость сдѣлалъ,—наконецъ заговорилъ Иванъ Васильевичъ: — на старости лѣтъ женился на молодой... Ну, и, разумѣется, что̀ изъ этого могло выйти, кромѣ того, что̀ вышло?.. Ишь ночь-то какая!.. Теплынь и благодать.

Иванъ Васильевичъ хотѣлъ-было уходить, но Овѣринъ упросилъ его ѣхать ужинать въ гостиницу.

Всѣ вернулись вмѣстѣ, и Овѣринъ заказалъ изысканный ужинъ.

Разошлись во второмъ часу.

Сославшись на головную боль и усталость, Овѣринъ тотчасъ же ушелъ въ свой номеръ и, поспѣшно раздѣвшись, бросился въ постель.

Но сонъ не шелъ. Въ головѣ его носился образъ Сирены.

Онъ мечталъ о ней, объ этой умной, изящной женщинѣ, и наконецъ заснулъ, полный радости, что завтра ее увидитъ.

X.

Чудная, теплая, благоухающая ночь—ночь, полная какой-то ласкающей нѣги и чарующей прелести—быстро опустилась надъ Алупкой вслѣдъ за короткими сумерками.

Будто нехотя, лѣниво и медленно, по затемнѣвшему, точно бархатистому небу поднимался полный, почти круглый и выпуклый дискъ луны среди ярко горѣвшихъ звѣздъ и томно мигающихъ звѣздочекъ, и все озарилось волшебнымъ серебристымъ свѣтомъ: и виднѣющіяся башни дивнаго Воронцовскаго

дворца, и зеленая гуща его громаднаго парка, и бѣлая лента шоссе, и рядъ дачъ и домовъ съ ихъ балконами и садиками.

Зубцы Ай-Петри, казалось, повисшей надъ Алупкой, бѣлѣли подъ луннымъ свѣтомъ.

Тихое и неподвижное море словно замерло въ сладкомъ снѣ, серебрясь подъ луною.

Кругомъ тишина.

Только по временамъ съ дороги доносится тихій смѣхъ и говоръ гуляющихъ. Всѣ говорятъ тихо, словно бы боясь потревожить тишину волшебной ночи.

Былъ десятый часъ.

Овѣринъ только-что поужиналъ за общимъ столомъ въ палаткѣ на дворѣ, въ обществѣ пансіонеровъ небольшого, но превосходнаго пансіона и нѣсколькихъ лицъ, приходившихъ обѣдать и ужинать, въ числѣ которыхъ были двѣ пожилыя тетеньки съ миѳическими племянниками.

Лѣниво отхлебывая чай, онъ сидѣлъ одинъ на своемъ балконѣ, выходящемъ изъ его большой, хорошо меблированной комнаты.

Такая же комната Вавочки была рядомъ.

Ея не было дома,—она съ утра уѣхала въ Ялту.

Овѣринъ взволнованно взглядывалъ то на море, то на огонекъ маяка на Ай-Тодорѣ, то на серебристую зелень деревьевъ, вдыхая раздражающій ароматъ глициній, акацій и розъ въ саду, подъ балкономъ. Онъ весь подъ обаяніемъ этой дивной ночи, полный грезъ и томленія, желаній и грусти. Нервы его натянуты.

О, какъ ему хочется въ эту минуту увидѣть Сирену, поговорить съ ней, раскрыть ей всю душу и сказать, какъ онъ чисто ее любитъ, не надѣясь ни на что, а просто любитъ, потому, что ее нельзя не любить... Какими ничтожными кажутся ему прежнія увлеченія и тѣ женщины, которымъ онъ прежде клялся въ любви... Неблагодарный, онъ теперь думалъ, что только Сирена могла бы дать ему счастье безъ конца.

Ему не сидится. Въ этакую ночь и быть одному, когда сердце такъ и бьется, и онъ чувствуетъ въ себѣ безуміе юности, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ.

Онъ сію минуту поскакалъ бы въ Ялту на прелестномъ караковомъ иноходцѣ «Красавчикѣ». Татаринъ Абдурахманъ даетъ Овѣрину этого дорогого своего коника, увѣрившись, что Овѣринъ лихой наѣздникъ и не загоняетъ и не испортитъ «Красавчика». И «Красавчикъ» нанятъ Овѣринымъ на цѣлый мѣсяцъ. Нанята и коляска для поѣздокъ Вавочки. Овѣринъ умѣлъ швырять деньги.

Но у Маріанны Николаевны, навѣрное, сидитъ теперь Вавочка. Какіе ужъ тутъ интимные разговоры при ней? Какія изліянія?

Да, положеніе усложняется. Необходима развязка.

Вотъ уже три недѣли, какъ они поселились въ Алупкѣ, и Овѣринъ за все это время ни разу не брался за перо, несмотря на совѣты Вавочки поскорѣе окончить начатую вещь и несмотря на письма редактора. Редактору онъ отвѣчалъ, что хочетъ отдохнуть, а Вавочкѣ, чтобъ отдѣлаться, обѣщалъ скоро засѣсть за работу. Увы! теперь восторженныя восклицанія Вавочки: «Ахъ, Дима, какой ты талантъ, какой ты огромный талантъ!»—уже потеряли прежнюю силу воздѣйствія и хоть щекотали нервы Овѣрина, но не располагали его къ чтенію начатыхъ рукописей и набросковъ и не вели къ благодарнымъ поцѣлуямъ. Теперь Димѣ хотѣлось бы—да еще какъ хотѣлось!—услыхать нѣчто подобное отъ другой женщины.

Не до писанья было ему и не до чтенія своихъ произведеній Вавочкѣ.

Въ эти три недѣли онъ чуть ли не ежедневно ѣздилъ въ Ялту и бывалъ у Маріанны Николаевны. Являлся онъ къ ней и подъ разными предлогами («катался и заѣхалъ», или «въ банкъ нужно было, переводъ получить»), и безъ предлоговъ, и нерѣдко какъ будто нечаянно встрѣчался съ нею во время ея прогулокъ и сопровождалъ ее на своемъ «Красавчикѣ». А то устраивалъ разныя parties de plaisir и экскурсіи, стараясь усадить Вавочку не въ ту коляску, въ которой сидѣла Сирена.

Молодая женщина принимала Овѣрина радушно и привѣтливо и держалась съ нимъ по-пріятельски, стараясь стать въ добрыя товарищескія отношенія, исключающія какія бы то ни было притязанія. Она охотно слушала живой, талантливый разговоръ Овѣрина, его скоропалительныя, огорашивающія сужденія, иногда быстро мѣняющіяся подъ впечатлѣніемъ какой-нибудь бесѣды или прочитанной статьи. Ее подкупало его простосердечіе, доброта и искренность, и она великодушно прощала ему многіе недостатки, которые бросались въ глаза. Нерѣдко она спорила съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, не принимая на вѣру, какъ дѣлаютъ многія женщины, всего, что говоритъ писатель, да еще болѣе или менѣе извѣстный.

Къ крайнему удивленію Овѣрина оказалось, что эта красавица, повидимому, живущая исключительно личными интересами, и начитана и образована едва ли не больше самого Овѣрина и хорошо усвоила то, что читала. Она могла вести «умный» разговоръ, откровенно сознавалась въ томъ, чего не

знаетъ, и нерѣдко, смѣясь, высказывала, что «имѣетъ доблесть не бояться говорить собственныя глупости».

Въ этихъ бесѣдахъ и спорахъ они скоро сошлись, и Маріанна Николаевна видимо старалась сохранить отношенія именно на этой почвѣ и всегда очень ловко и умно отклоняла всякіе разговоры о чувствѣ и похвалы своей особѣ, когда Овѣринъ, случалось, заводилъ бесѣду на эту тему.

— Оставимъ эти разговоры юнымъ мичманамъ и старымъ тайнымъ совѣтникамъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Не правда ли?— замѣчала она, если Овѣринъ не хотѣлъ понять ся тонкихъ намековъ.

И онъ, сконфуженный, умолкалъ, втайнѣ обиженный и недовольный, что съ нимъ ведутъ только умные разговоры.

И, разумѣется, влюблялся еще болѣе.

Нечего и говорить, что Овѣринъ съ первыхъ же дней знакомства познакомилъ Маріанну Николаевну со своею автобіографіей и притомъ добросовѣстно и мужественно не утаилъ ничего такого, что̀ могло бы показаться не особенно привлекательнымъ и слишкомъ легкомысленнымъ.

Онъ съ подкупающею простотой сознался, какой онъ въ юныхъ годахъ былъ «идіотъ» по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, похожимъ на юнкерскіе, и какъ онъ прожигалъ жизнь, проводя ее въ кутежахъ и въ ухаживаніи за опереточными актрисами, какъ онъ окончилъ съ грѣхомъ пополамъ университетъ, поступилъ на службу и мечталъ о блестящей карьерѣ, и водилъ знакомство съ хлыщами, и какъ онъ наконецъ прозрѣлъ, что все это чепуха, что самъ онъ «болванъ», и сразу порвалъ съ прошлымъ, сталъ читать и думать, отправился пѣшкомъ путешествовать по Россіи и сдѣлался вдругъ другимъ человѣкомъ. Его потянуло къ литературѣ, и онъ началъ писать...

Не скрылъ онъ и своихъ многочисленныхъ романовъ, хотя они и свидѣтельствовали о быстротѣ его увлеченій и легкомысліи. Въ своихъ автобіографическихъ разсказахъ Овѣринъ открылся весь и не драпировался въ мантію героя, какъ часто дѣлаютъ влюбленные мужчины, желая импонировать на женщинъ. Не рисовался онъ и напускною скромностью людей, считающихъ себя необыкновенно хорошими, и съ откровенною наивностью и простодушіемъ ребенка иногда восхищался самъ собой и ждалъ ободренія, и самъ же, ловя себя на этомъ, добродушно хохоталъ.

Разумѣется, онъ поднесъ Маріаннѣ Николаевнѣ всѣ написанныя имъ книги въ изящныхъ переплетахъ и съ восторженными надписями и нерѣдко просилъ позволенія прочитать

ей вслухъ что-нибудь изъ своего. И радовался какъ дитя, если Маріанна Николаевна хвалила. Нечего и говорить, что многія рукописи были имъ прочитаны Сиренѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему хотѣлось знать ея мнѣніе. Она улыбалась и слушала. Слушала и планы задуманнаго имъ, и часто критиковала и даже вышучивала то, чѣмъ Вавочка восхищалась и за что считала своего Диму «большимъ талантомъ». И Овѣринъ понималъ, что Маріанна Николаевна права, благодарилъ ее, рвалъ рукописи, или обѣщалъ ихъ передѣлать. Ахъ, если-бъ онъ могъ раньше пользоваться ея совѣтами!.. Сколько бы незрѣлаго, торопливаго не было напечатано!

Насколько Овѣринъ былъ нараспашку передъ Сиреной, настолько она была сдержана во всемъ, что̀ касалось ея личной жизни, ея помысловъ и идеаловъ. Счастлива ли она? Чего ждетъ и чего хочетъ? Объ этомъ она никогда не говорила и, казалось, не любила говорить.

Изъ нѣкоторыхъ разговоровъ Овѣринъ узналъ, что Маріанна Николаевна изъ небогатой, хорошей семьи, что она обожаетъ отца, который служитъ въ Одессѣ и о которомъ она говоритъ съ гордостью, какъ о замѣчательно хорошемъ и честномъ человѣкѣ, рыцарѣ долга, и мать—добрѣйшее, милое созданіе, что̀ училась въ гимназіи и послѣ поѣхала на курсы въ Петербургъ, бывала и въ литературныхъ кружкахъ, вышла замужъ и замужемъ шесть лѣтъ.

— Такъ сколько же вамъ лѣтъ?—однажды спросилъ Овѣринъ.—Вы глядите совсѣмъ молодой и походите на барышню.

— Мнѣ двадцать восемь лѣтъ. Я моложава!—отвѣчала она.

О мужѣ она не говорила ни слова. Молодъ ли онъ или старъ, что̀ дѣлаетъ, гдѣ служитъ? Объ этомъ она умалчивала, и Овѣринъ не сомнѣвался въ томъ, что она не особенно счастлива въ личной своей жизни.

Любитъ ли она кого-нибудь, любила ли? Или до сихъ поръ сердце ея дремлетъ, ее не захватило страстью, и отъ этого она такая холодная и насмѣшливая, такъ скептически относится къ мужчинамъ и, казалось, живетъ только умомъ, не умѣя увлекаться.

Овѣринъ нерѣдко упрекалъ ее въ скрытности.

— Это правда... Я скрытна во всемъ, что̀ касается моей душевной жизни. Не привыкла я изливаться... Видно, такая натура.

— Въ васъ гордыня сидитъ.

— Можетъ-быть, и гордыня, кто знаетъ. А быть-можетъ, и застѣнчивость обнажать свою душу!—уклончиво отвѣтила она, щуря насмѣшливо свои глаза.

— Васъ трудно разгадать. Вы ничего о себѣ не говорите!

— То-есть не говорю такъ много, какъ вы?

— Я все высказываю, даже то, чего нѣтъ, а что̀ можетъ быть,—разсмѣялся Овѣринъ:—а вы ничего не говорите.

— Къ чему вамъ? Изучать меня?—протянула Сирена.

— Ну, хоть бы для того, чтобъ изучать.

— Такъ на что же вы писатель, да еще считаете себя психологомъ?.. Угадывайте творческимъ чутьемъ, если моя особа васъ интересуетъ.

— Еще бы!.. Точно вы этого не видите!—воскликнулъ, перебивая, Овѣринъ.

— Вижу... Какъ писателя, конечно, увидавшаго хорошенькую женщину, да еще прозванную почему-то Сиреной, неглупую и кое-что читавшую, къ вашему изумленію, и не преклоняющуюся вдобавокъ передъ вашимъ великолѣпіемъ... Сюжетъ, во всякомъ случаѣ, можетъ выйти занимательный... Не правда ли?

— Всегда сарказмъ... всегда насмѣшки!.. Ужели вы не можете, Маріанна Николаевна, говорить со мною иначе?.. Или я не стою этого?—проговорилъ Овѣринъ порывисто, съ грустнымъ упрекомъ въ голосѣ, и все лицо его омрачилось.

Что-то мягкое и грустное на мгновеніе засвѣтилось въ лицѣ Сирены и тотчасъ же исчезло въ обычномъ, нѣсколько рѣзкомъ блескѣ ея красивыхъ глазъ.

— Не сердитесь... Не обижайтесь, Дмитрій Сергѣичъ!—промолвила она, и въ голосѣ ея звучала ласковая нотка.

Овѣринъ восторженно глядѣлъ на нее и промолвилъ:

— На васъ сердиться?!.. На васъ молиться можно!

— Не сотвори себѣ кумира... Помните заповѣдь?.. И еще есть заповѣдь: воздерживайся говорить глупости!—засмѣялась Маріанна Николаевна.

— Воздержусь... простите... И, какъ видите, не забываю условія...

— И хорошо дѣлаете... Иначе мнѣ съ вами было бы скучно!—прибавила серьезно Маріанна Николаевна.

— Не подчеркивайте этого, я и такъ понимаю!—грустно проговорилъ Овѣринъ.

— Я только напоминаю вамъ. Вы вѣдь, какъ человѣкъ минуты, забывчивы...

Послѣ такихъ напоминаній Овѣринъ притихалъ.

Однажды онъ, послѣ какого-то спора, воскликнулъ:

— Знаете ли что̀, Маріанна Николаевна!.. Вы не разсердитесь, если я вамъ скажу непріятную вещь?

— Говорите... Мнѣ такъ надоѣло слушать однѣ пріятныя

вещи... Говорите... Мнѣ интересно знать, что обо мнѣ думаетъ талантливый писатель.

— Вы—сухой, разсудочный человѣкъ.

— А дальше что?

— И вы, навѣрное, никогда никого беззавѣтно не любили?

— А отца и мать?—засмѣялась молодая женщина.

— Я не о такой любви говорю... Не хитрите. Я говорю о любви къ мужчинѣ.

— Васъ очень это интересуетъ?

— Очень.

— Пожалуй, я вамъ скажу... И то, замѣтьте, дѣлаю вамъ эту уступку, разсчитывая, что облегчу вамъ изученіе моей персоны и что больше вы не будете касаться такихъ вопросовъ... Не будете?

— Не буду.

— Вы не ошиблись... Я не изъ очень любящихъ натуръ.

— Ну, вотъ... Я, значитъ, правъ?—торжествующе воскликнулъ Овѣринъ.

— Еще бы вамъ ошибаться!—съ тонкою ироніей замѣтила Сирена.

— И не любили потому, что не нашли своего героя.

— Быть-можетъ...

— А требованія у васъ отъ героя самыя строгія?

— Ну, еще бы... Ужъ если полюбить, то настоящаго героя... А то стоитъ ли?.. А пока я еще не нашла такого героя... И знаете ли что? — ужъ пущусь съ вами въ откровенности... Иной разъ, когда я еще была моложе, подчасъ я готова была увлечься... Меня трогали высокія слова и горячія признанія.

— Ихъ было много?

— Бывали-таки... Я слушала, и въ то же время какой-то бѣсъ нашептывалъ насмѣшливыя мысли, и чары спадали. Признанья казались мнѣ приподнятыми, любовь — капризомъ самолюбиваго мужчины, и сами влюбленные теряли въ моихъ глазахъ прежнее обаянье... Я подмѣчала въ нихъ смѣшное, въ ихъ словахъ мнѣ слышалось торжество будущаго деспота-мужа или оскорбительная страсть животнаго... И мое увлеченіе пропадало... О, господа! вы не понимаете, какъ часто вы своими признаніями оскорбляете насъ и почему иногда доставляетъ удовольствіе забавляться надъ вами!—прибавила порывисто Маріанна Николаевна.

— Странная вы женщина!—протянулъ Овѣринъ.

— Не легкомысленная и хорошо знаю, что часто кроется подъ очень красивыми фразами мужчинъ... Отъ этого и стран-

ная. А женщина, которая нерѣдко ищетъ въ васъ, господа, руководителей и учителей, вмѣсто того находитъ самыхъ обыкновенныхъ ухаживателей, не странная?

— Вы, вѣрно, нападали на нехорошихъ людей?

— Я всякихъ видѣла — и хорошихъ и дурныхъ, но одно скажу: рѣдко видала мужчинъ, которые безъ тайной оскорбительной мысли относятся къ красивой женщинѣ... Вѣрно, человѣкъ-звѣрь въ большинствѣ изъ васъ...

— Въ васъ какой-то бѣсъ анализа сидитъ...

— И пусть сидитъ.

— И вы никогда не узнаете настоящаго, полнаго счастья... Такія натуры глубоко несчастны...

— Я, кажется, не говорила вамъ, что я несчастна! — вызывающе и рѣзко кинула Маріанна Николаевна.

И, замѣтивъ, что Овѣринъ совсѣмъ смутился отъ этого рѣзкаго тона и виновато, съ выраженіемъ мольбы, смотрѣлъ своими сѣрыми кроткими глазами, она, словно бы пробуя свои чары, дарила его улыбкой, какой-то загадочной и точно ласкающей, и Овѣринъ снова радостно свѣтлѣлъ, какъ прощенный школьникъ, и какія-то смутныя надежды на то, что Сирена можетъ его полюбить, незамѣтно закрадывались въ его голову...

И онъ уходилъ отъ нея, разсчитывая видѣть ее на другой же день...

Быть-можетъ, этотъ день принесетъ что-нибудь новое? Быть-можетъ, его любовь растопитъ холодное сердце загадочной женщины? Во всякомъ случаѣ, она къ нему расположена. И она этого не скрываетъ.

Прощаясь съ Маріанной Николаевной, Овѣринъ заранѣе просилъ позволенія заѣхать къ ней на слѣдующій день.

Обыкновенно Маріанна Николаевна разрѣшала, любезно прибавляя, что всегда рада поговорить съ нимъ и послушать его.

И Овѣринъ уходилъ почти счастливый, крѣпко пожимая ей руку.

Прежде, въ началѣ знакомства, онъ какъ-то при прощаньи крѣпко поцѣловалъ ея руку. Сирена быстро отдернула ее и строго замѣтила, что она этого не любитъ, и сконфуженный Овѣринъ больше никогда не осмѣливался и только украдкой позволялъ себѣ любоваться этой маленькой изящной рукой съ длинными тонкими пальцами и въ мечтахъ осыпать ее горячими поцѣлуями.

Въ послѣдніе дни Маріанна Николаевна отклоняла его посѣщенія подъ разными предлогами и разъ ему прямо высказала:

— Вы стали какой-то нервный и молчаливый. Я не люблю васъ видѣть въ «сентиментальной задумчивости». Это скучно и къ вамъ совсѣмъ не идетъ.

XI.

Никакихъ объясненій между Вавочкой и Овѣринымъ не было. Повидимому, отношенія ихъ были самыя дружескія. Овѣринъ, ведя свою «политику», былъ внимателенъ къ Вавочкѣ еще болѣе, чѣмъ прежде, и, словно бы благодарный за то, что и она, въ свою очередь, не начинаетъ никакихъ объясненій, не дѣлаетъ ни упрековъ ни сценъ ревности и, будто бы ничего не подозрѣвая, продолжаетъ относиться съ прежнею, хотя и съ болѣе сдержанною любовью,—усугублялъ свою внимательность.

Это поведеніе Вавочки, бывало, ставившей Овѣрину каждое лыко въ строку и готовой сдѣлать драматическую сцену съ истерикой и слезами изъ-за каждаго пустяка, рѣшительно ставило втупикъ Овѣрина и заставляло предполагать какія-нибудь каверзы съ ея стороны. Но никакихъ «каверзъ», повидимому, не было, и Овѣринъ корилъ себя за несправедливыя обвиненія, приписывая Вавочкѣ тонкую деликатность женщины, понявшей, что любимый человѣкъ разлюбилъ ее, и не желающей стоять у него на пути.

Въ самомъ дѣлѣ, Вавочка, страстная, впечатлительная, рѣшительная Вавочка стала неузнаваема.

Сдержанная, съ тѣмъ нѣсколько грустнымъ видомъ женщины, которая съ молчаливымъ и гордымъ достоинствомъ переноситъ горе, не афишируя его, — она, казалось, примирилась съ положеніемъ оставленной любовницы и, ничего не требуя отъ Димы, довольствовалась исключительно его дружбой и уваженіемъ, готовая удовлетвориться и этимъ, только бы не лишиться его расположенія и быть около него въ качествѣ заботливой пѣстуньи.

Вавочка играла свою роль съ тою выдержкой отчаянія и страсти, на которую способны немолодыя уже женщины, переживающія осень любви и не останавливающіяся ни передъ чѣмъ, чтобы удержать любимаго человѣка и вызвать въ немъ хотя бы любовь изъ сожалѣнія. Она не только не искала ласкъ Димы, какъ бывало раньше, но какъ будто избѣгала ихъ сама и вела себя съ деликатной осторожностью, словно бы не предъявляя никакихъ правъ на интимную близость. Она не показывалась передъ Димой въ капотѣ, никогда не звала его къ себѣ по вечерамъ, какъ бывало, поболтать и отодвигалась отъ него, если онъ садился къ ней близко, и

интимныя ихъ отношенія ограничивались въ послѣднее время лишь почтительными поцѣлуями Димы холеной и пухлой Вавочкиной руки, сіяющей кольцами.

Но зато Вавочка удвоила свои заботы о комфортѣ и о тѣхъ мелочахъ домашняго обихода, о которыхъ не заботятся никогда сами мужчины. Она сама варила кофе по его вкусу, просила хозяйку пансіона заказывать блюда, какія любилъ Дима, убирала во время его отсутствія письменный столъ, приводила въ порядокъ его бумаги и переписывала его неразборчивыя рукописи, однимъ словомъ, ходила за нимъ, какъ самая добросовѣстная и любящая нянька.

И Овѣринъ умилялся.

«Какая однако деликатная натура эта Вавочка!»

И, чувствуя себя передъ ней виноватымъ, такъ сказать, подавленный ея великодушіемъ, онъ съ восторженностью простофили, обойденнаго хитрою женщиной, нерѣдко умиленно восклицалъ, благоговѣйно цѣлуя Вавочкину руку:

— Вавочка, какая ты святая женщина! И какая я свинья передъ тобой!

Вавочка скромно отвѣчала, глядя на Диму съ материнскою нѣжностью:

— Что ты, Дима? Какая я святая? Я просто искренно преданная тебѣ женщина, и ты рѣшительно ни въ чемъ передо мною невиноватъ... Чувство вѣдь свободно, — чуть слышно прибавляла она.

И голосъ ея какъ будто измѣнился за послѣднее время. Исчезли рѣзкія, капризныя нотки. Появилась мягкость, ласкающая и въ то же время покорная.

Она не просила больше Диму разсказывать планы будущихъ его произведеній, не совѣтовала ему садиться за работу.

Напротивъ, она рекомендовала ему теперь отдыхать и набираться новыхъ впечатлѣній, встрѣчаться съ людьми, развлекаться и не сидѣть въ своей мурьѣ.

— Тебѣ, какъ писателю, необходимо наблюдать людей... Ты вѣдь, Дима, большой талантъ... Это признаютъ даже твои литературные враги.

Вавочка никогда теперь не спрашивала до мельчайшихъ подробностей, какъ прежде, гдѣ Дима былъ, кого видѣлъ, о чемъ говорилъ. Она отлично знала, что тянетъ его въ Ялту, куда онъ ѣздитъ почти каждый день, тотчасъ послѣ ранняго обѣда, и часто возвращается далеко за-полночь, не подозрѣвая, что Вавочка, притаившись на своемъ балконѣ, взволнованная, полная мукъ, сторожитъ его возвращеніе и на другое утро за кофе, которое они пили вмѣстѣ, пытливо вгля-

дывается въ его лицо, стараясь по выраженію его узнать, какъ идутъ его дѣла съ Сиреной. Надѣется ли онъ на ея взаимность, или нѣтъ?

И когда Овѣринъ разсказывалъ, что былъ у Маріанны Николаевны, она нерѣдко замѣчала:

— Славная эта женщина Маріанна Николаевна... Интересная женщина... И ты хорошо дѣлаешь, что навѣщаешь ее.

Овѣринъ смотрѣлъ на Вавочку во всѣ глаза.

Та ли это Вавочка?

Но Вавочка, словно бы не замѣчая нѣсколько глупаго, ошалѣлаго вида Димы, продолжала:

— Умница какая!.. И со всѣми-то она умѣетъ говорить. Я просто отвожу душу, когда у нея бываю.

— И къ тебѣ она, кажется, расположена?

— Кажется... Мы съ нею сошлись. Она къ тебѣ, Дима, очень расположена.

— Развѣ говорила?

— Не разъ говорила... Считаетъ тебя такимъ талантливымъ, умнымъ.

— И ты за это не возненавидѣла ее, Вавочка? — смѣясь, говорилъ Дима.

— Возненавидѣть? За что?

— А если я ею увлекусь, этой Сиреной?

«Ты ужъ влюбленъ въ нее, какъ безумный!»—хотѣлось ей бросить ему въ отвѣтъ, но она сдержалась и покорно проговорила:

— Ну такъ что-жъ? Развѣ этому можно помѣшать?.. Если бы ты даже и увлекся ею, развѣ я не осталась бы твоимъ преданнымъ другомъ?

— О, Вавочка, конечно!

— Навсегда?

— Навсегда!

— Спасибо, милый!

И, скрывая въ сердцѣ мучительное чувство обиды оскорбленной, отвергнутой женщины, Вавочка благодарно пожимала руку Димы, а Дима такъ же благодарно цѣловалъ Вавочкину руку и восклицалъ:

— Ты совсѣмъ другая стала, Вавочка!

— Перегорѣла, перестрадала... Поняла, что была неправа, ревнуя тебя.

— О, Вавочка, прости!.. Я не стою твоей любви... Я... я...

И Овѣринъ затруднялся, какой выбрать подходящій эпитетъ, чтобы добросовѣстно опредѣлить величину своего свинства.

Этимъ онъ какъ будто расквитывался, чтобы начинать снова.

— Въ чемъ тебя прощать, Дима? Ты впечатлительный, увлекающійся человѣкъ... Сирена такая интересная... А мы, женщины,—по крайней мѣрѣ я принадлежу къ такимъ,—умѣемъ любить самоотверженно и только радоваться счастью любимаго человѣка.

— О, Вавочка! — снова восклицалъ Овѣринъ въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ и безконечно радостный, что событія идутъ своимъ правильнымъ порядкомъ и что не предвидится, противъ ожиданія, никакихъ осложненій.

Вавочка такая самоотверженная, такая чудная женщина!

Увѣренный, что Вавочка въ самомъ дѣлѣ рада безкорыстно любоваться на его счастье и, пожалуй, готова даже помочь ему въ этомъ, Овѣринъ, хоть и считался психологомъ, въ одинъ прекрасный день возымѣлъ неодолимое желаніе выболтать Вавочкѣ все, что у него было на душѣ, и подѣлиться съ Вавочкой своими горями.

И съ откровенною жестокостью добродушнаго легкомыслія онъ проговорилъ:

— Я совсѣмъ втюрился, Вавочка... Не сердись, великодушная женщина... Сирена меня съ ума свела...

Надо было много воли и самообладанія, чтобы не закричать отъ боли и не бросить въ глаза этому очаровательному эгоисту:

— Пощади! Не говори хотя объ этомъ!

Но Вавочка выдержала испытаніе.

Она только слегка поблѣднѣла и измѣнилась въ лицѣ когда съ затаенной тревогой въ сердцѣ спросила:

— А она? Сирена?

О, Господи! Какою пыткою показалась ей та долгая секунда, пока онъ отвѣтилъ:

— Ноль вниманія.

— Неужели?—почти вырвался у нея крикъ, звучащій радостью.

— Даю честное слово!

— И даже не кокетничаетъ?

— То-то, кажется, нѣтъ.

— Но все-таки... Припомни... разскажи, Дима, какъ другу! — съ захватывающимъ любопытствомъ допрашивала Вавочка.

Овѣринъ добросовѣстно разсказалъ, какъ иной разъ въ немъ живетъ надежда, что Сирена обратитъ на него хоть малѣйшее вниманіе, и какъ надежда эта смѣняется отчаяніемъ.

Онъ просто не знаетъ покоя. Эта странная, загадочная женщина совсѣмъ околдовала его.

— Бѣдный Дима!

И въ то же время мысленно благословляла Сирену и желала ей всевозможныхъ благъ.

— Ты какъ думаешь, Вавочка? Она можетъ увлечься? Мнѣ кажется, что она слишкомъ живетъ умомъ... Холодная натура.

— И мнѣ кажется, Дима!

О, злодѣй! Онъ еще съ четверть часа говорилъ о своихъ чувствахъ, точно его слушала не любящая Вавочка, а какой-то истуканъ.

И Вавочка поспѣшила оставить Диму и уйти въ свою комнату.

Тамъ она въ послѣднее время плакала и злилась, испытывая муки оскорбленнаго самолюбія и нервности.

Но зато ея планъ удался. Недаромъ она сошлась съ Сиреной и разсказываетъ ей, какъ Дима любитъ ее и какъ нѣженъ съ ней. Пусть Дима клянется Сиренѣ въ любви. Она не повѣритъ ему и, во всякомъ случаѣ, подозрительно отнесется къ человѣку, который въ одно и то же время любитъ двухъ.

«Теперь недолго ждать. Еще недѣля, Сирена уѣдетъ, и Дима снова будетъ мой!»

И злыя слезы Вавочки смѣнились слезами радости и торжества.

XII.

Среди тишины волшебной крымской ночи донесся протяжный и меланхолическій мужской голосъ, однообразно повторяющій нѣсколько нотъ.

То былъ призывъ правовѣрныхъ вспомнить Аллаха.

Алупкинская мечеть была на значительномъ разстояніи отъ дачи, въ которой жилъ Овѣринъ, и голосъ муэдзина, выкрикивавшаго съ минарета, доносился слабыми и необыкновенно мягкими и пріятными звуками.

Черезъ пять минутъ голосъ смолкъ. Снова тишина.

Вдругъ съ сосѣдняго балкона Овѣрина окликнулъ молодой учитель, пописывающій юмористическіе стишки и часто читавшій ихъ Овѣрину.

— Дмитрій Сергѣичъ! Я только-что вернулся съ берега и написалъ стишину. Позволите прочесть?

— Сдѣлайте одолженіе.

И учитель прочелъ:

Волшебнымъ море свѣтом.
Сребрится подъ луной
И съ ласковымъ привѣтомъ
Чуть плещется волной.

Кругомъ такъ тихо-тихо...
И въ этотъ-то моментъ
Пришла одна купчиха,
Съ ней юный декадентъ.

Лѣтъ сорокъ бабѣ тучной,
Лицо, что стертый грошъ,
Юнецъ же злополучный
Былъ дьявольски хорошъ.

Купчиха шепчетъ нѣжно
Про пылкую любовь,
Онъ слушаетъ небрежно
И только хмуритъ бровь.

Но вотъ она сказала:
«Сережа, будь милѣй!
Я въ мѣсяцъ сто давала,
Впредь двѣсти дамъ рублей!»

Весь радостью волнуемъ,
Въ любви сталъ клясться онъ,
И звучнымъ поцѣлуемъ
Былъ берегъ оскверненъ.

И со стыда и горя
За тучки мѣсяцъ палъ,
И гнѣвно вѣтеръ съ моря
Тотчасъ забушевалъ.

— Вы это съ натуры?—спросилъ, смѣясь, Овѣринъ.

— Сію минуту собственными глазами видѣлъ...

— Ловко!

— Сейчасъ новую стишину пойду писать. До свиданія, Дмитрій Сергѣичъ!—проговорилъ учитель, уходя съ балкона.

— До свиданія.

Вблизи послышался сдержанный смѣхъ, и по дорогѣ, ведущей въ паркъ, изъ сосѣдней дачи вышли двѣ фигуры и скоро скрылись. Овѣринъ узналъ въ нихъ сѣдую высокую барыню, всегда одѣтую въ черномъ, одиноко и строго гулявшую въ паркѣ, а въ спутникѣ ея красиваго, молодого и наглаго Али, имѣвшаго шляпку и катавшаго въ ней барынь. Этотъ Али еще начиналъ свою карьеру, но уже отлично умѣлъ носить на рукѣ дамскія мантильи и, подсаживая барынь въ шляпку, скалить ослѣпительно-бѣлые зубы, взглядывая въ упоръ своими большими, черными, волоокими глазами.

Луна поднялась высоко и залила все серебромъ. Овѣрину казалось, что онъ видитъ какую-то волшебную декорацію.

И сидѣть одному на балконѣ въ такую ночь?

Онъ взглянулъ на часы. Скоро десять часовъ. Вавочка, вѣрно, уѣхала изъ Ялты. Еще не поздно навѣстить Сирену. Она ложится не ранѣе двухъ часовъ.

И Овѣринъ бросился въ комнату и подавилъ пуговку электрическаго звонка.

Вошла «гренадеръ-Маша», какъ Овѣринъ называлъ высокую, здоровенную горничную съ рѣзкимъ, грубоватымъ голосомъ, аккуратную и неутомимую, всегда за какою-нибудь работой и всегда ссорящуюся съ кѣмъ-нибудь изъ прислуги.

Она быстро приходила на звонокъ второго номера. И она и вся прислуга пансіона необыкновенно почитали и любили тароватаго барина, дававшаго на чаи бѣшеныя деньги и болтавшаго со всѣми съ привѣтливостью и никогда не дѣлавшаго никому рѣзкихъ замѣчаній.

Это былъ рѣдкостный постоялецъ, и слава о немъ быстро распространилась по Алупкѣ между татарами.

И потому съ него брали и за первую землянику, и за первыя черешни, и за татарскія полотенца, которыя почему-то покупалъ Овѣринъ, гораздо дороже, чѣмъ съ другихъ.

— Скажите Леонтію, чтобы сбѣгалъ къ Абдурахману и велѣлъ немедленно привести «Красавчика». Да поскорѣй!

Черезъ десять минутъ «Красавчикъ» стоялъ у рѣшетки дачи.

Овѣринъ вынулъ изъ кармана штановъ пачку скомканныхъ бумажекъ, нашелъ рублевую и, сунувъ ее конюху, симпатичному молодому татарину Аби, державшему въ поводу лошадь, ловко и умѣло вскочилъ въ сѣдло, и «Красавчикъ», фыркая и поводя ушами, понесся быстрой иноходью, звонко постукивая копытами своихъ изящныхъ и тонкихъ, словно бы на ходу переплетающихся ногъ по шоссе, сверкавшему бѣлизной подъ луннымъ свѣтомъ.

Не доѣзжая Оріанды, Овѣринъ встрѣтилъ коляску и еще издали узналъ кучера-татарина.

Онъ припустилъ «Красавчика» и промчался мимо, замѣтивъ въ коляскѣ Вавочку и Родзянскаго.

«Къ Сиренѣ поѣхалъ!»—досадно подумалъ Александръ Петровичъ, начинавшій уже серьезно завидовать пріятелю, предполагая, что Овѣринъ имѣетъ шансы на успѣхъ у Сирены, тогда какъ самъ онъ уже давно благоразумно оставилъ всякую надежду и, сдѣлавшись добрымъ пріятелемъ Маріанны Николаевны, состоялъ при ней совершенно безкорыстно и безнадежно по особымъ порученіямъ. Онъ сопровождалъ ее на прогулкахъ, ѣздилъ вмѣстѣ верхомъ, исполнялъ ея комиссіи, любилъ поболтать съ ней и поспорить, поддразнить ее Овѣри-

нымъ, увѣряя, что она слегка имъ увлечена, и тонко, зло и остроумно подсмѣивался надъ нимъ, разсказывая о немъ Маріаннѣ Николаевнѣ анекдоты, свидѣтельствующіе о влюбчивости и легкомысліи пріятеля, и испытывая завистливое чувство, когда Маріанна Николаевна заступалась за Овѣрина.

Въ послѣднее время Родзянскій сталъ слегка пріударивать за Вавочкой, пріѣзжалъ къ ней въ Алупку, провожалъ ее изъ Ялты домой, и Вавочка кокетничала съ нимъ, имѣя въ виду черезъ него узнать о Сиренѣ и объ ея отношеніяхъ къ Димѣ.

Но Родзянскій не поддавался въ ловушку. Онъ говорилъ ей комплименты, толковалъ съ ней о Димѣ, подхваливая его въ унисонъ съ ней, и, подъ видомъ сочувствія, часто цѣловалъ ея руки, но товарища не выдавалъ, довольно ловко отвертывался отъ Вавочкиныхъ разспросовъ и, не довѣряя ея внезапному превращенію, назвалъ Овѣрина простофилей, когда тотъ однажды изливался передъ нимъ въ восторгахъ насчетъ того, какою самоотверженною женщиной оказалась Вавочка.

— Видно, Дмитрій Сергѣичъ кататься поѣхалъ. Насъ-то и не узналъ, должно-быть! — промолвила Вавочка, отлично зная, куда поѣхалъ Дима, и испытывая мучительную тревогу.

Хотя всѣ доказательства были налицо, что Маріанна Николаевна нисколько не увлечена Димой, и хотя Вавочка только-что, будто въ порывѣ неудержимаго счастья, повѣдала Маріаннѣ Николаевнѣ про миоическую прогулку съ Димой прошлою ночью при лунѣ на лодкѣ,—тѣмъ не менѣе кто знаетъ?..

Эта волшебная лунная ночь имѣетъ въ себѣ что-то захватывающее и манящее. Она по себѣ это знаетъ, знаетъ, какъ дѣлается томительно-жутко на душѣ, какъ хочется любить и слушать торжествующую пѣснь любви! Въ этакія ночи даже и благоразумныя и холодныя женщины, какъ Сирена, могутъ потерять голову и отдаться обаянію горячихъ признаній...

А Дима такъ обворожителенъ, когда говоритъ о любви!

Нѣчто подобное пронеслось и въ головѣ Родзянскаго.

— Какая ночь! — протянула Вавочка, подавивъ вздохъ, жадно вдыхая ароматъ глициній и акацій въ саду, мимо котораго быстро катилась коляска.

И въ воображеніи ея съ мучительной ясностью представилась сцена «Фауста», перенесенная изъ Маріинскаго театра на террасу, полную цвѣтовъ, дачи Сирены.

— Да, ночь!—отрывисто и будто недовольно, что дѣйствительно такая раздражающая ночь, повторилъ и Родзянскій.

И, тоже подавивъ вздохъ, взглянулъ искоса на хорошенькій и задумчиво-грустный профиль Вавочки, скользнулъ взглядомъ по ея пышному бюсту и втайнѣ подосадовалъ въ эту минуту, что Вавочка такая «дура».

Еще бы не дура! Влюблена, какъ кошка, въ этого безпутнаго Овѣрина, который скачетъ теперь къ Сиренѣ.

Дѣйствительно, послѣднія версты до Ялты Овѣринъ скакалъ, испытывая лихорадочное нетерпѣніе быть скорѣе у Сирены и сказать ей... Что̀ сказать?.. Развѣ онъ это зналъ? Онъ только чувствовалъ, что онъ долженъ что-то сказать, долженъ припасть къ ея ногамъ и объяснить, что безъ нея онъ жить не можетъ. Рѣшительно не можетъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ—Овѣринъ.

Она не каменная же, въ самомъ дѣлѣ? Она пойметъ, что любовь его не мимолетное увлеченіе, не шутка, а что-то роковое, неодолимое... И, быть-можетъ, она не отнесется къ нему съ насмѣшкой... Быть-можетъ...

А эта ночь со своимъ нѣжнымъ дыханіемъ словно нашептывала ему о какомъ-то недосягаемомъ счастьѣ взаимнаго чувства.

И онъ не сдерживалъ «Красавчика» и несся маршъ-маршемъ, воображая, что каждое утерянное мгновеніе—утерянное счастье.

Онъ пронесся мимо Ливадіи, и наконецъ передъ нимъ забѣлѣли дома Ялты, освѣщенные огоньками. Гулко раздался стукъ копытъ «Красавчика» по мосту. Лошадь понеслась въ гору, и Овѣринъ почти со всего разбѣга остановилъ взмыленнаго коня у воротъ небольшой освѣщенной дачи, потонувшей въ зелени платановъ, лавровъ, глициній и акацій.

Онъ отдалъ выскочившему дворнику лошадь и торопливыми шагами пошелъ по благоухающему саду, звякая по гравію подошвами.

— Маріанна Николаевна дома?—нервно, вздрагивающимъ голосомъ спрашивалъ онъ молодую горничную Ѳеничку, отворившую ему двери подъѣзда, и, по обыкновенію, суя ей въ руку трехрублевую бумажку.

— Благодарствуйте... Дома... Пожалуйте! — весело, съ фамильярной привѣтливостью говорила Ѳеничка, зажимая въ рукѣ деньги.—Да вы идите лучше черезъ садъ, Дмитрій Сергѣевичъ. Барыня на террасѣ.

— Есть кто?

— Никого, Дмитрій Сергѣичъ, никого!—ласково и значи-

тельно вымолвила она, видимо сочувствуя Овѣрину и понимая его чувства. — Варвара Алексѣевна и господинъ Родзянскій пили у насъ чай и недавно уѣхали.

Овѣринъ направился по саду, мимо цвѣтника.

Оничка участливо проводила его взглядомъ, словно бы желая ему успѣха.

XIII.

Вся въ бѣломъ, точно русалка, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ, Маріанна Николаевна сидѣла на залитой луннымъ свѣтомъ террасѣ, уставленной тропическими растеніями, и, грустная и задумчивая, глядѣла на море, полная той безотчетной тоски, которая часто нападаетъ на людей, неудовлетворенныхъ жизнью и чувствующихъ душевный разладъ.

Она задумалась о прошломъ, о своей жизни, о томъ, на что она надѣялась, какъ мечтала жить, и какъ далеки теперь эти мечты отъ дѣйствительности.

И ей было жутко. Ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, спросить у добраго, хорошаго человѣка, какъ жить, чтобы не было подчасъ стыдно, чтобы не было этого душевнаго разлада и она могла бы чѣмъ-нибудь удовлетвориться, имѣть цѣль въ жизни, работу, которая имѣла бы смыслъ. Эти благотворительныя подачки, которыя она щедро раздаетъ, это участіе въ нѣсколькихъ комитетахъ въ городѣ, гдѣ она живетъ съ мужемъ, давно разочаровали ее. Дѣтей у нея нѣтъ. Одна семейная жизнь, при полномъ семейномъ мирѣ и уваженіи къ мужу, не наполняетъ ея жизни, и она невольно ищетъ развлеченій.

Она обращалась прежде за совѣтами ко многимъ мужчинамъ, но... всѣ эти совѣты оканчивались любовными признаніями. И какъ они оскорбляли ее въ ту пору... И какъ они надоѣли ей потомъ... И какъ они ей противны теперь!.. Каждый мужчина смотритъ на ея красоту, какъ на общественное достояніе, и словно считаетъ обязанностью попробовать овладѣть ею, хотя всѣ и знаютъ, что она замужняя женщина... Но вѣдь никто не вѣритъ, чтобы красивая замужняя женщина могла быть честна и не захотѣла бы промѣнять свое положеніе на болѣе блестящее.

Вотъ и сегодня утромъ...

И презрительная, почти гадливая усмѣшка приподнимаетъ уголки ея тонкихъ губъ и щуритъ глаза при воспоминаніи о предложеніи Завистовскаго развестись съ мужемъ, выйти за него замужъ и быть одной изъ блестящихъ дамъ Петербурга и, кто знаетъ, быть-можетъ, женой министра.

Она, скрывая чувство отвращенія, дала ему договорить все до конца въ восторженно-канцелярскомъ тонѣ и о томъ, какъ онъ будетъ лелѣять ее, и что она будетъ представлена ко Двору, и что у нея можетъ быть салонъ, въ которомъ она будетъ играть роль.

И какъ же онъ удивился, какъ онъ непритворно и искренно удивился, когда, въ отвѣтъ на его слова, она расхохоталась и сказала, что за всѣ сокровища міра и за королевскую корону въ придачу она не рѣшилась бы сдѣлаться супругой такого высохшаго и противнаго превосходительства и удивляется, какъ въ его голову могла придти такая невозможная мысль... Развѣ подавала она ему поводъ дѣлать такія оскорбительныя предложенія?.. Развѣ...

— Идите вонъ и никогда ко мнѣ не показывайтесь!—крикнула она ему, не сдерживая болѣе своего негодованія.

«А вѣдь не глупый человѣкъ!—мысленно проговорила Маріанна Николаевна, припоминая подробности утренняго визита.—И воображаю, что̀ будетъ обо мнѣ теперь распускать!»

Шаги, раздавшіеся вблизи, вывели молодую женщину изъ задумчивости.

— А, это вы, Дмитрій Сергѣевичъ! — мягко и задушевно проговорила Маріанна Николаевна, искренно обрадовавшись неожиданному гостю, съ которымъ можно поговорить.

Она была въ такомъ настроеніи, когда даже скрытному человѣку хочется подѣлиться своими сомнѣніями съ порядочнымъ человѣкомъ. А Овѣринъ былъ какъ разъ подходящимъ.

— Отчего такъ поздно?.. Вы, вѣрно, пріѣхали за Варварой Алексѣевной?.. Она съ полчаса какъ уѣхала отъ меня... Александръ Петровичъ ее провожаетъ... Ну, присаживайтесь подлѣ!—говорила она, по-пріятельски пожимая ему руку.—Очень рада васъ видѣть... Надѣюсь, что вы не мрачный сегодня, не будете молчаливо рѣшать судьбы міра и трагически взглядывать на меня?..

Но, вмѣсто того, чтобы сѣсть, Овѣринъ, порывисто пожавъ руку Маріаннѣ Николаевнѣ, быстрыми шагами заходилъ по террасѣ и ничего не говорилъ.

— Да что̀ съ вами сегодня? Вы какой-то взволнованный... Ужъ не случилось ли чего-нибудь? — участливо спрашивала Маріанна Николаевна.

Овѣринъ быстро подошелъ къ ней и, не поднимая на нее глазъ, порывисто проговорилъ:

— Что̀ случилось?.. А то, что̀ давно уже случилось, но что̀ я не смѣлъ говорить вамъ, но что̀ вы отлично должны были понимать...

— Что̀ такое? Выражайтесь яснѣе, Дмитрій Сергѣевичъ!

— А то, что я люблю васъ... То, что я не могу жить безъ васъ... То, что я все это время не сплю ночей изъ-за васъ... Вотъ что̀!—воскликнулъ Овѣринъ.

Изъ груди Маріанны Николаевны вырвался грустный, почти скорбный упрекъ:

— И вы, Дмитрій Сергѣевичъ?..

Но онъ не понялъ его и страстнымъ взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

— И я, и я, какъ много другихъ... Я не виноватъ... Простите, что нарушаю условіе, но, Господи!.. Если-бъ вы знали, какъ я васъ люблю... Такъ я никого никогда не любилъ и не буду любить.

И, не замѣчая грустнаго разочарованія на лицѣ Сирены, Овѣринъ продолжалъ горячую импровизацію о любви, пѣлъ восторженный диѳирамбъ своей богинѣ и закончилъ словами:

— Я ничего не прошу... ничего не желаю... Позвольте только видѣть васъ, быть тамъ, гдѣ вы... И, быть-можетъ, вы тронетесь... Вы поймете, что вся жизнь моя въ вашихъ рукахъ...

— Дмитрій Сергѣевичъ... Какъ вамъ не стыдно,—пробовала она остановить его.—Всего три недѣли, какъ мы знакомы, и вы...

— Развѣ нужны годы, чтобы полюбить...

— О, Дмитрій Сергѣевичъ!.. И вы, какъ всѣ... Вы даже не понимаете, что оскорбляете меня, говоря о вашей любви. Уѣзжайте скорѣй... Мнѣ стыдно за васъ.

— Я васъ... оскорбить?.. Васъ, на которую молюсь и изъ-за которой готовъ жизнь отдать... Испытайте, если хотите.

— Послушайте... Стыдитесь... Вы, писатель, учитель, который проповѣдуетъ въ своихъ произведеніяхъ о долгѣ, о силѣ характера, о служеніи ближнему, и самъ говоритъ, что готовъ пожертвовать жизнью изъ-за того, что на него нашла блажь... Я думала о васъ лучше, Дмитрій Сергѣевичъ... А теперь вижу, что вы самый обыкновенный ухаживатель, обѣщающій каждой смазливой женщинѣ отдать за нее жизнь... Какъ она у васъ дешева!—прибавила она и засмѣялась злымъ смѣхомъ.

Овѣринъ опѣшилъ. Онъ не ждалъ ничего подобнаго.

— И какое вы имѣете право лѣзть съ вашей любовью?.. Или вы мое доброе расположеніе приняли за вызовъ и имѣете дерзость называть свою блажь любовью, расточая въ то же время клятвы въ любви другой женщинѣ.

— Это ложь!—энергично протестовалъ Овѣринъ.—Варвара Алексѣевна знаетъ, что я васъ люблю, и знаетъ, что я ей чужой.

— Съ чѣмъ ее и васъ поздравляю... Прощайте, Дмитрій

Сергѣевичъ... И потрудитесь объяснить Варварѣ Алексѣевнѣ, что съ вами я вовсе не была Сиреной. Она такъ боялась этого... Не завлекала я васъ и не думала отнимать отъ нея такое сокровище. А если-бъ хотѣла, то вы давно бы ползали у моихъ ногъ!—презрительно прибавила она и, поднявшись съ кресла, ушла съ террасы.

Овѣринъ, какъ ошпаренный, уѣхалъ съ дачи.

Несмотря на несомнѣнное вѣроломство Вавочки, Овѣринъ, вернувшись въ Алупку и замѣтивъ въ комнаткѣ Вавочки огонекъ, зашелъ къ ней, чтобы повѣдать ей свое горе, и... и совершенно неожиданно въ ея нѣжномъ горячемъ сочувствіи обрѣлъ нѣкоторое утѣшеніе, благодарно обнимая хорошенькую Вавочку.

На другой день онъ началъ писать Сиренѣ оправдательное письмо, благоразумно на этотъ разъ утаивъ его отъ Вавочки.

Письмо однако отослано не было.

Пріѣхавшій въ Алупку дня черезъ два Родзянскій сообщилъ, что къ Сиренѣ пріѣхалъ мужъ,—и вообразите, молодой, красивый и очень симпатичный,—и они сегодня уѣхали за границу.

Вскорѣ и Вавочка съ Димой покинули Крымъ.

Оглавленіе

VI ТОМА.

Наши нравы. Романъ 3
Первые шаги. Повѣсть 345
Черноморская Сирена. Повѣсть 567

Y0-AIQ-158